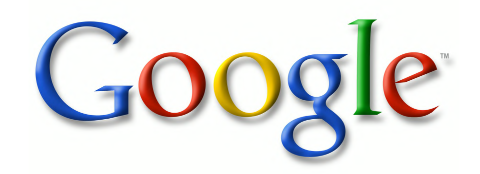
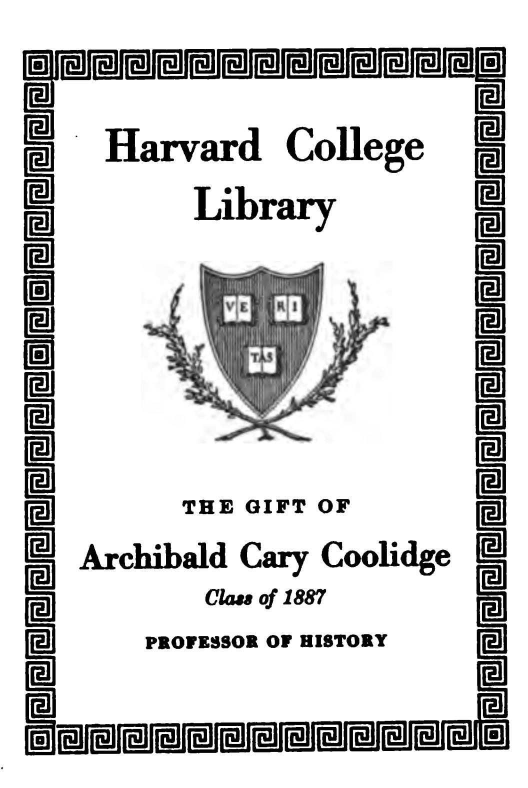
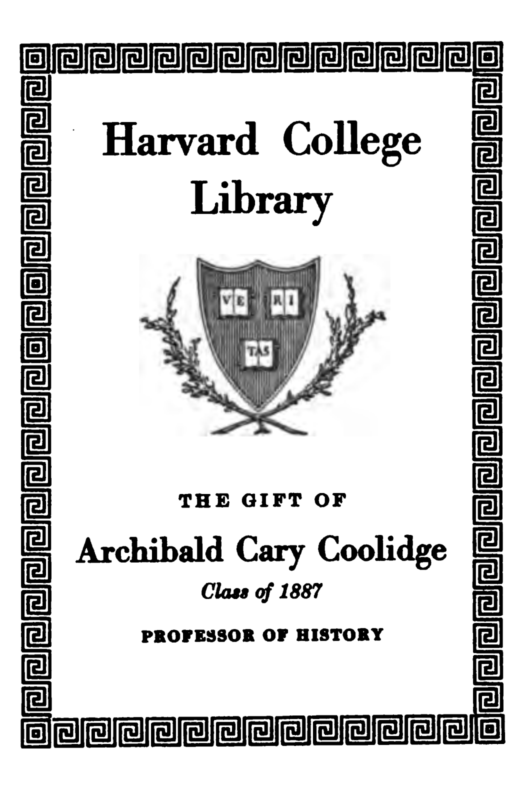



Harvard College
Library
VE RI TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XIX


Harvard College
Library
VE
RI
TAS
THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
PROFESSOR OF HISTORY

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ШЕСТОЙ

ТОМЪ XIX

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XIX

1885

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2

1885

СОДЕРЖАНІЕ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

МАРИНА МНИШЕКЪ ВЪ УТРО МОСКОВСКАГО ВОЗМУЩЕНІЯ 17 МАЯ 1606 ГОДА.

Картина художника А. П. Рябушкина.

Дозволено цензурою. Спб, 16 ноября 1884 г. Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(По поводу картины художника Рябушкина).

АРТИНА, приложенная къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» и изображающая событіе изъ русской исторіи, написана молодымъ, начинающимъ русскимъ художникомъ А. П. Рябушкинымъ. Художникъ взялъ сюжетъ изъ эпохи Смутнаго времени. Лица, изучавшія эту эпоху, конечно, запечатлѣли у себя въ памяти сцену, происходившую въ день катастрофы, погубившей перваго названнаго Димитрія. Въ то самое время, когда бояре расправлялись съ нимъ, выскочившимъ изъ окна и поднятымъ стрѣльцами, толпа чернаго народа ворвалась въ аппартаменты царицы. Взявшійся защищать жизнь и честь женскаго персонала, пажъ Осмольскій былъ убитъ; русскіе выстрѣлы попали въ придворную даму царицы, Хмелевскую, пуля пронзила ее, и она чрезъ нѣсколько дней умерла отъ полученной тогда раны. Затѣмъ, москвичи приблизились къ женщинамъ, сбившимся въ кучку, и начали отпускать непристойныя и безстыдныя выходки, пока, наконецъ, не явились бояре, люди степенные, и разогнали толпу безобразниковъ, конечно, пьяныхъ. Вотъ эту-то сцену желалъ изобразить художникъ. Онъ взялъ тотъ моментъ, когда бояре уже прогнали черную толпу и оставались еще въ покояхъ царицы. На порогѣ, при входѣ въ дверь, лежитъ убитый Осмольскій. Далѣе, ближе къ срединѣ картины, какая-то полька ухаживаетъ за раненою Хмелевскою. Но гдѣ же Марина? На фонѣ картины стоитъ какая-то женщина въ горделивой позѣ римской матроны, съ вытянутою впередъ рукою, съ достоинствомъ, какъ

видно, готовая встрѣтить враговъ. Ужъ не это ли Марина? Съ перваго взгляда можно бы ее именно принять за Марину, но эта персона слишкомъ пожилая для Марины, которая была тогда въ первомъ расцвѣтѣ молодости. За фалдами огромнаго платья этой пожилой женщины прячется съ выраженіемъ испуга маленькаго роста женщина. Вотъ эта-то мизерная бабенка и есть Марина. Вѣдь въ хроникѣ Буссова и у Петрея разсказывается, что въ эти страшныя минуты Марина запряталась подъ широкою юбкою своей полнотѣлой гофмейстерины. Этимъ-то извѣстіемъ и воспользовался художникъ. Достовѣрно ли это извѣстіе? Пишущій настоящія строки, составляя монографію о Смутномъ времени, не призналъ его несомнѣнно вѣрнымъ, хотя и не отрицалъ совершенно. И теперь онъ остается съ тѣмъ же взглядомъ. Авторъ хроники Буссова не былъ свидѣтелемъ этого событія, Петрей еще менѣе. Слухъ о немъ дошелъ до хроникера отъ русскихъ, можетъ быть, тѣхъ, что̀ были тогда во дворцѣ. Уже по своему характеру оно внушаетъ подозрѣніе, что оно, ради смѣха надъ побѣжденными и струсившими, измышлено; о немъ нигдѣ нѣтъ намека въ другихъ источникахъ, но, такъ какъ эти источники бо̀льшею частью польскіе, то тутъ возникаетъ другое подозрѣніе, что поляки не занесли въ свои описанія происходившихъ въ Москвѣ событій этой черты, именно потому, что она набрасываетъ тѣнь презрительной насмѣшки не только на Марину, но и вообще на польскую женщину. Вообще, надобно сказать, что это событіе могло быть, но могло и не быть. Во всякомъ случаѣ, художникъ изобразилъ Марину не такою героинею, какою мы привыкли себѣ ее воображать, слѣдуя польскимъ историкамъ. Эти историки не отваживаются оправдывать той трагикомедіи, въ которой Марина Мнишекъ играла такую первостепенную и первопозорную роль, но, всетаки, изображаютъ ее личностью крѣпкою духомъ, съ непоколебимою волей, съ терпѣніемъ, съ высокомѣріемъ и упорствомъ. И мы за ними всѣ видимъ въ ней такія качества. Она въ глазахъ нашихъ, если не героиня добродѣтели и правды, то героиня порока и обмана. Несомнѣнно, что и пороки, и злодѣянія могутъ доводиться до героизма. Мы не можемъ сочувственно относиться къ Стенькѣ Разину, но не можемъ безъ изумленія представить его въ тѣ минуты, когда его потянули къ расправѣ, и онъ, вынося несноснѣйшія истязанія, не высказывалъ, чего отъ него добивались, и даже не кричалъ отъ страданія, а еще подсмѣивался надъ слабостью своего брата, Фролки. Не даромъ въ народной пѣснѣ о разбойникѣ, поставленномъ къ допросу передъ самимъ царемъ, государь говоритъ ему:

Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!

Значитъ, самъ народъ въ своемъ поэтическомъ міросозерцаніи признаетъ за воромъ-разбойникомъ черты сочувственныя, черты по-

ложительнаго свойства, — это твердость духа, не склоняющагося ни предъ какими ударами и готоваго съ терпѣніемъ выносить наказаніе. Такой героизмъ, болѣе или менѣе, мы, слѣдуя польскимъ историкамъ, готовы усматривать и въ Маринѣ.

Но откинемъ обаяніе и поглядимъ поближе на эту историческую личность. Окинемъ безпристрастными глазами всю жизнь ея, на сколько она можетъ быть намъ извѣстна, разберемъ по суставамъ все ея духовно-нравственное бытіе и посмотримъ, явится ли въ ней такая героическая личность, какою мы себѣ ее вообразили. Съ дѣтства ей не могли внушить никакихъ задатковъ твердости духа и вообще ничего положительнаго, такъ какъ отецъ ея не пользовался уваженіемъ въ польскомъ обществѣ, хотя послѣднее въ тѣ времена не представляло собою образца хорошаго человѣческаго общества; напротивъ, при вступленіи на престолъ новаго короля, Мнишекъ былъ публично ошельмованъ воспоминаніемъ о его своекорыстныхъ и безчестныхъ продѣлкахъ при погребеніи короля Сигизмунда-Августа, пользуясь умственнымъ разстройствомъ котораго, Мнишекъ предъ смертію безсовѣстно обиралъ его, какъ хотѣлъ. При короляхъ Генрихѣ и Стефанѣ Баторіи, Мнишекъ не игралъ никакой роли: всеобщее презрѣніе тяготѣло надъ его особою. Наконецъ, при Сигизмундѣ III, который, какъ извѣстно, подпалъ подъ вліяніе іезуитовъ, Мнишекъ обратилъ благосклонность короля своимъ притворнымъ благочестіемъ и получилъ въ управленіе королевскія экономіи. Остались современныя свидѣтельства о томъ, что онъ велъ это управленіе такъ, что и самъ при этомъ богатѣлъ, но жилъ очень роскошно и могъ подвергнуться взысканіямъ. Тутъ подоспѣла къ нему въ подмогу загадочная московская исторія. Безъ нея Мнишекъ, хотя и получилъ уже санъ сендомирскаго воеводы, но остался бы рядовымъ воеводою въ польской исторіи. Явленіе московскаго претендента вывело его въ люди и дало позорную славу въ исторіи обоихъ народовъ, польскаго и русскаго. Едва ли будетъ умѣстно ставить вопросъ: вѣрилъ ли искренно Мнишекъ въ подлинность русскаго названнаго Димитрія? Само собой, слишкомъ ясно, что онъ въ нее никогда не вѣрилъ: это доказывается тѣмъ, что впослѣдствіи тотъ же Юрій Мнишекъ, какъ и тотъ же Адамъ Вишневецкій, у котораго впервые появился названный Димитрій, послѣ убійства послѣдняго, пристали къ другому обманщику, принявшему на себя имя царя Димитрія, извѣстному въ исторіи подъ названіемъ вора Тушинскаго, потомъ Калужскаго. Конечно, Юрій Мнишекъ, взглянувши впервые на лицо, выдававшее себя за царствовавшаго въ Москвѣ, узналъ, что это не прежній, однако призналъ его прежнимъ Димитріемъ. Если этотъ господинъ не устыдился увѣрять, что это одно и то же лицо съ царствовавшимъ въ Москвѣ, и такъ безстыдно лгать передъ своими соотечественниками, то нѣтъ сомнѣнія, что и съ первымъ названнымъ Ди-

митріемъ онъ розыгрывалъ такую же роль, если даже самый умыселъ назваться русскимъ царевичемъ не образовался съ участіемъ Мнишка. Нѣтъ прямыхъ доказательствъ, какъ смотрѣла дочь его Марина на этого названнаго Димитрія, ставшаго скоро ея женихомъ; но ничто не подаетъ намъ повода думать, чтобъ Марина была исключеніемъ изъ общаго образца польскихъ дѣвицъ того времени, а ихъ воспитывали такъ, что до замужества онѣ смотрѣли на все глазами своихъ родителей, родныхъ и духовныхъ, имѣвшихъ громаднѣйшее участіе въ воспитаніи. Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства, что въ дѣлѣ сближенія съ названнымъ Димитріемъ Марина, кромѣ воли родительской, руководилась еще убѣжденіями римско-католическихъ духовныхъ. Если эти духовные въ душѣ не были увѣрены, что претендентъ есть въ самомъ дѣлѣ то, за что себя выдавалъ, то мы не станемъ слишкомъ строго судить ихъ за это. Они были члены своей церкви, и ихъ нравственная обязанность была пользоваться всякимъ случаемъ въ жизни, когда представлялись выгоды церкви и умноженіе ея господства.

По отношенію къ названному Димитрію имъ не нужно было прибѣгать ни къ какому лукавству, а могли они только признавать то, что другіе уже признавали. Москвитяне, приходившіе въ Польшу видѣть явившагося тамъ сына ихъ царя, увѣряли, что претендентъ есть настоящій Димитрій царевичъ, а когда онъ вступилъ въ Московское государство, толпы народа спѣшили поклониться ему, какъ законному государю. Какъ же должны были относиться къ такому явленію римско-католическіе духовные? Они видѣли, что сама судьба ведетъ ихъ церковь къ тому, чего многіе вѣка она желала,—къ подчиненію своей духовной власти русскаго православнаго міра; не ихъ дѣло было подвергать критикѣ подлинность московскаго царя, когда сами подданные послѣдняго признаютъ эту подлинность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они видѣли, что бракъ русскаго царя съ дѣвицею римско-католической вѣры будетъ самымъ удобнымъ средствомъ расположить его къ мысли ввести западное духовенство и богослуженіе западной церкви въ своемъ государствѣ, а потому-то они такъ заискивали въ этой дѣвицѣ и такое уваженіе къ ней оказывали, что самъ верховный первосвященникъ писалъ къ ней любезныя письма, убѣждая оказывать вліяніе на своего будущаго супруга. Такимъ образомъ, повинуясь волѣ родителей, настроенная тщеславными родственницами, плѣнявшимися мыслію, что близкая къ нимъ по крови особа станетъ царицею, наконецъ, напутствуемая наставленіями духовныхъ, увѣрявшихъ ее, что самъ Богъ избралъ ее орудіемъ своей славы и спасенія множества душъ человѣческихъ, Марина отдалась названному Димитрію. Чувствовала ли она любовь къ нему — на то нѣтъ указаній, но скорѣе надобно полагать, что тутъ происходило то, что всегда почти происходитъ при заключеніи высокихъ супружескихъ союзовъ: представленія о

наружномъ блескѣ и почетѣ отодвигаютъ на дальній планъ мысли о сердечной привязанности. Насталъ день отъѣзда Марины въ Москву, 3-го мая 1606 года. Это былъ крайній предѣлъ наружнаго почета, до какого можетъ достигнуть женское честолюбіе. Но недолго пришлось Маринѣ насладиться своимъ величіемъ. Свершилась страшная катастрофа 8-го мая. Марину съ отцомъ увозятъ въ Ярославль, и живетъ она тамъ полтора года, также подъ нравственною вла-

Марина Мнишекъ.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ стариннаго портрета.

стью родителя, какъ и въ Самборѣ. Ихъ, наконецъ, освобождаютъ, отправляютъ въ отечество, но на дорогѣ хватаютъ свои, везутъ въ Тушинскій станъ, къ новому обманщику и принуждаютъ признать въ немъ того, кто былъ ея мужемъ и сидѣлъ на московскомъ престолѣ. Заговорила было въ ней женская стыдливость, но ненадолго — силы воли у ней не хватило, да и совѣсть уступила надеждамъ честолюбія. Она легко покорилась убѣжденіямъ родителя, розыграла передъ людьми роль нѣжной супруги, пришедшей въ восторгъ при видѣ живаго супруга, котораго считала погибшимъ.

Взявши съ новаго названнаго Димитрія много лестныхъ обѣщаній, Мнишекъ уѣхалъ въ Польшу, а дочь оставилъ съ мужемъ. Есть нѣсколько писемъ ея изъ Тушина къ отцу, и въ этихъ письмахъ она является никакъ не героиней, а заурядной бабенкой. Вотъ она проситъ прислать ей чернаго бархату на платье, чтобы явиться приличнѣе въ наступающій постъ, вотъ она вспоминаетъ, какъ съ отцомъ ѣла вкусныхъ лососей, а теперь уже такихъ нѣтъ и стараго вина тоже нѣтъ! Не черты ли это заурядной женщины! Ни тѣни геройства она не показываетъ. Какъ видно, въ Тушинѣ она даже не въ силахъ была воспользоваться выгодами своего положенія, дававшаго ей право на первенство и господство надъ всѣми; она во всемъ повиновалась своему супругу, между тѣмъ какъ никакія личныя качества не могли располагать къ нему; она жаловалась родителю, что съ нею поступаютъ уже не такъ, какъ было обѣщано; она не имѣла своей воли, чтобъ послать къ отцу людей, не спрашиваясь мужа: посыланъ былъ къ нему въ Польшу какой-то Коморскій, но она не надѣется, чтобъ онъ поѣхалъ скоро, потому что его царской милости не угоденъ его отъѣздъ, а другихъ пословъ послать у ней нѣтъ денегъ, чтобъ дать имъ на пищу. Такой тонъ показываетъ, что она была въ подчиненіи у обманщика, который назывался ея мужемъ; она проситъ отца написать къ нему, къ его царской милости, чтобъ онъ держалъ ее въ почтеніи и въ милости (Собр. госуд. акт. и догов., II, стр. 351—360). Во все продолженіе тушинской стоянки не показалось никакого признака самостоятельности, твердости и власти надъ тушинскою толпою этой женщины и, безъ сомнѣнія, о нихъ не дошло до насъ никакого намека, оттого, что ихъ не было. Марина не подавала никому ни въ чемъ иниціативы, а была послушнымъ орудіемъ другихъ, да и орудіемъ слишкомъ второстепеннаго значенія. Ея названный супругъ былъ властнѣе ея, хотя, какъ мы уже замѣтили, должно было дѣлаться наоборотъ. Только уже тогда, какъ Тушинскій станъ разложился, является Марина какъ будто съ нѣкоторымъ признакомъ собственной личности. Это—когда она бѣжала изъ стана и, заплутавшись на пути, попала въ Дмитровъ, гдѣ былъ уже Сапѣга съ своею ватагою. Сапѣга хотѣлъ, чтобъ она ѣхала въ Польшу къ отцу, но Марина отвѣчала: «Я царица и лучше здѣсь погибну, чѣмъ со срамомъ ворочусь къ прежнему положенію». Когда Сапѣга хотѣлъ усильно не пустить ее—она отвѣчала, что съ нею 350 казаковъ, и она противъ него начнетъ битву. Наконецъ, она-таки ушла къ мужу, въ Калугу, надѣвши мужской бархатный кафтанъ и сапоги со шпорами, вооружась саблею и пистолетомъ. Вотъ эта черта представляется поляками особенно, какъ признакъ геройскаго характера. Такъ оно можетъ показаться только при слишкомъ поверхностномъ воззрѣніи на данный фактъ. Маринѣ нетрудно было похарахориться передъ своимъ человѣкомъ, какимъ былъ Сапѣга,

убѣдившій ее вмѣстѣ съ Мнишкомъ признать втораго названнаго Димитрія за одно лицо съ первымъ. Она заранѣе была увѣрена, что Сапѣга не выдастъ ее непріятелю, а только своими выходками героизма она пріобрѣтетъ между своими людьми славу героини, что и сталось. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не показала Марина даже тѣни подобнаго геройства тогда, когда опасность грозила ей отъ русскихъ, и когда для нея дѣло было нешуточнымъ. Ни во время ея житья въ Калугѣ, ни послѣ убійства Тушинскаго вора, когда она пристала къ Заруцкому, не видно нигдѣ ея личности. Къ ней даже тогдашніе акты относятся, какъ къ лицу второстепеннаго значенія, давая первенство сначала вору, называвшемуся Димитріемъ въ Калугѣ, а потомъ Заруцкому. И пропала она также безлично, какъ жила. Взятая на Яикѣ съ Заруцкимъ, она привезена была въ Москву. Заруцкаго посадили на колъ, маленькаго сына Марины повѣсили, ее даже не сочли на столько важною, чтобъ казнить всенародно: она умерла въ тюрьмѣ съ тоски по своей волѣ. Здѣсь тоже ни тѣни геройства; она не вынесла своего несчастія, какъ не выносятъ обыкновенно слабыя, хрупкія натуры.

Поэтому, скажемъ мы, нельзя поставить въ осужденіе художнику, изобразившему Марину подъ фалдами юбки ея гофмейстерины, въ ужасныя для нея минуты. Правда, это извѣстіе, находясь только у писателей, не бывшихъ близко къ самому событію, возбуждаетъ сомнѣніе въ своей достовѣрности, потому что не встрѣчается въ другихъ описаніяхъ дня, погубившаго перваго названнаго Димитрія съ его польскими гостями, но оно какъ нельзя болѣе подходитъ къ характеру Марины, когда снять съ нея риторическій нимбъ героизма, наложенный польскими историками. Если на самомъ дѣлѣ такого событія не было, то, всетаки, оно было возможно: se non é vero é ben trovato.

Николай Костомаровъ.

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ).

ГЛАВА I.

1.

ВЪ ОДИНЪ изъ вечеровъ іюня мѣсяца 1857 года, въ кабинетѣ губернаторскаго дома, въ городѣ Кутаисѣ, сидѣли у ломбернаго стола четыре партнера, играющихъ въ преферансъ, — тогдашній губернаторъ, генералъ-маіоръ Николай Петровичъ Колюбакинъ, чиновникъ по особымъ при немъ порученіямъ князь Рафаилъ Давидовичъ Эристовъ, кутаисскій обыватель Степанъ Егоровичъ Акоповъ и авторъ предлагаемыхъ воспоминаній. Игра шла невинная, чуть не по четверти копѣйки, была отдыхомъ отъ дневныхъ хлопотъ и занятій губернатора, и весь интересъ ея состоялъ въ искусствѣ розыгрыша. На Акопова, какъ на самаго ядовитаго игрока, направлялись дружныя усилія остальныхъ, а тотъ, всетаки, время отъ времени, предательски ихъ подсиживалъ и ремизилъ, что и вызывало общій смѣхъ и говоръ. Глядя на этихъ безпечно смѣющихся людей, никому не могло прійдти въ голову, что у этого самаго стола, не сходя съ мѣста, они примутъ болѣе или менѣе близкое участіе въ событіи, имѣющемъ крупное значеніе для этого края,—событіи, которое повлекло за собою цѣлую соціальную перестановку и дало совершенно новое теченіе жизни значительной части населенія. Вслѣдствіе этого, мы прежде всего познакомимъ читателей съ названными партнерами.

Съ Колюбакинымъ и Эристовымъ намъ придется не одинъ разъ встрѣчаться въ нашихъ воспоминаніяхъ и говорить о нихъ, а потому, не забѣгая впередъ, остановимся покуда на типичной личности Акопова, мѣстнаго уроженца, человѣка коммерческаго, по національности армяно-католика, и, чтобы по возможности болѣе выяснить этотъ типъ читателямъ, не знакомымъ съ Закавказьемъ, удѣлимъ нѣсколько словъ родинѣ Акопова, Кутаису.

Кутаисъ, до 1820 года столица Имеретіи и резиденція имеретинскаго царя, а теперь губернскій городъ, лежитъ въ чрезвычайно живописномъ уголкѣ Закавказья, у самаго устья горнаго ущелья, изъ котораго рѣка Ріонъ выходитъ на долину. Со временъ незапамятныхъ въ этомъ городѣ, или, правильнѣе, городкѣ, сгруппировались три различныя національности: имеретины, составляющіе одну изъ отраслей грузинскаго племени — населеніе коренное; армяно-католики и евреи—населеніе пришлое сюда съ своихъ родинъ въ моменты бывшихъ въ нихъ историческихъ погромовъ. Каждая изъ этихъ національностей заселила особый кварталъ и, не смотря на торговое совмѣстничество армянъ съ евреями, эти пришлецы съумѣли сладиться и ужиться между собою, эксплоатируя сообща имеретинъ.

Сомехи (армянинъ), пранги[1]) (армяно-католикъ) и урія (еврей), по понятіямъ имеретина, синонимы торгаша; онъ глядитъ на нихъ свысока и считаетъ ихъ профессію ниже своей, сельско-хозяйственной. Эти понятія такъ глубоко въ немъ укоренились, что даже и теперь, когда имеретинскій дворянинъ, утративъ свои политическія права надъ крестьяниномъ, не живетъ уже на всемъ готовомъ, и ему приходится своимъ личнымъ хозяйственнымъ трудомъ извлекать доходы изъ своей земли,—при неудачѣ и оскудѣніи пойдетъ скорѣе на всевозможныя рискованныя предпріятія, не выключая и насильственнаго завладѣнія чужимъ добромъ, и, всетаки, не сдѣлается торговцемъ. А крестьянинъ имеретинскій до того влюбленъ въ свою землю, что всякій избытокъ, пріобрѣтенный имъ не только земледѣльческимъ трудомъ, но и случайнымъ отхожимъ промысломъ, кладетъ исключительно на покупку новыхъ земельныхъ участковъ. Власть земли играетъ великую роль въ быту всякаго населенія, живущаго земледѣльческою культурою и ведущаго борьбу съ властью капитала. Представителями послѣдняго въ Грузіи являются сомехи, пранги и урія. Борьба эта, земли и капитала, въ прежнія времена, до русскаго владычества, уравновѣшивалась обоюдною необходимостью производителей въ торговцахъ, и наоборотъ; существовалъ предѣлъ для обѣихъ сторонъ, черезъ который нажива

[1]) Пранги — испорченное слово франки. Имъ зовутъ армянъ, принявшихъ католичество отъ франковъ, составляющихъ на Востокѣ генерическое названіе всѣхъ вообще западныхъ народовъ.

и той, и другой не переходила, ни одна изъ нихъ не давила другую. Торговецъ съ почтительностью относился къ туземному князю и дворянину, величалъ ихъ не иначе какъ «батоно» (господинъ), а тѣ съ своей стороны отвѣчали покровительствомъ. Но все это измѣнилось съ русскимъ владычествомъ. Торговый человѣкъ, и въ особенности сомехи, сразу выступилъ впередъ; съ перваго шага нашего въ Закавказьѣ, намъ понадобились его услуги и тогда же пошли въ ходъ подряды и поставки казнѣ, быстро обогатившіе армянское населеніе, которому открылся неисчерпаемый сундукъ русской казны. Власть капитала взяла верхъ надъ властью земли, и жизнь туземнаго населенія имеретинъ, какъ и вообще всѣхъ грузинъ, пошла по иному теченію.

У армянъ три вѣроисповѣданія: григоріанское, имѣющее своего католикоса хайканскаго (т. е. армянскаго) народа, объединяющаго многочисленныя и богатыя колоніи Европы и Азіи, живущаго въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, Эриванской губерніи; католическое, занесенное сюда нѣсколько столѣтій тому назадъ патерами-миссіонерами, и, наконецъ, реформатское, новѣйшей формаціи, получившее наибольшее распространеніе въ Бакинской губерніи. Каждая изъ этихъ вѣроисповѣдническихъ группъ тифлисскихъ армянъ, принявшись за русскій казенный пирогъ, притянула къ нему и своихъ единоплеменниковъ, единовѣрцевъ закавказскихъ. Всѣ они преисполнены были вначалѣ одного общаго стремленія: какъ можно болѣе руссифицироваться, вслѣдствіе чего языкъ русскій, изломанный на свой ладъ, сталъ быстро ими усвоиваться; они спѣшили фамиліи свои передѣлывать въ русскія; такимъ образомъ создалась масса новыхъ фамилій съ окончаніями на «овъ»: Мирзоевъ, Тумановъ, Согоровъ, Акоповъ и т. д., которыя, при послѣдующихъ вѣяніяхъ, снова замѣнились окончаніями на «янъ» и «янцъ». Имена же армянскія не только измѣнились тогда окончаніями, но даже и полною замѣною ихъ именами русскими—такъ Саркисъ сдѣлался Сергѣемъ, Микиртумъ—Никитою и т. п.

Подобный импульсъ сообщился изъ Тифлиса и армяно-католическому кварталу въ Кутаисѣ, а среди него Акоповъ, съ которымъ мы знакомимъ читателей, былъ однимъ изъ первыхъ піонеровъ, выступившихъ отсюда на обширную арену русскаго коммерческаго движенія и казенныхъ подрядовъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, служа приказчикомъ у крупнаго тифлисскаго подрядчика Зубалова, онъ успѣлъ побывать въ Москвѣ, въ Нижнемъ и даже въ Лейпцигѣ, на существовавшей тогда тамъ ярмаркѣ. Не упустилъ онъ числиться и на государственной службѣ, въ качествѣ «состоящаго», добрался до чина губернскаго секретаря, научился безъ книгъ и учителей говорить порусски и усвоилъ себѣ какой-то особенный жаргонъ, который безъ смѣху невозможно было слышать. Онъ и самъ зналъ надлежащую ему цѣну и пер-

вый, смѣясь надъ нимъ, при случаѣ умѣлъ имъ очень остроумно буфонить, зная, что всякое коверканіе останется ему невмѣняемымъ. По поводу его языка существовала масса анекдотовъ; говорили, между прочимъ, что когда онъ состоялъ переводчикомъ при областномъ правленіи въ 1837 году, и когда государь Николай Павловичъ, посѣтившій Кутаисъ, вошелъ на городской площади въ толпу горожанъ и, желая съ ними заговорить, сдѣлалъ вопросъ: «Кто изъ вась говоритъ порусски?»—Акоповъ выступилъ впередъ и отвѣтилъ: «Я, ваше благородіе». Государь улыбнулся и сказалъ: «Вижу, братъ, что черезъ тебя немного разговоришься».

Женитьба на дочери богача Зубалова и хорошее за нею приданое упрочили значительно положеніе его, и онъ въ сороковыхъ годахъ сдѣлался крупнымъ уже торговцемъ и подрядчикомъ Кутаиса. Человѣкъ смышленый, дѣятельный, исправный, онъ не могъ остаться не замѣченнымъ Воронцовымъ, и тотъ воспользовался имъ для нѣсколькихъ большихъ построекъ въ Кутаисѣ. Понадобилось построить госпиталь, и онъ поручилъ Акопову представить смѣту; тотъ подалъ смѣту, умѣренную и разумную, но проставилъ въ ней одну статью, которой не понялъ Воронцовъ. Значилось пять тысячъ рублей на ласкательство; послали за Акоповымъ, чтобы объяснить ее, и оказалось, что эти пять тысячъ нужны на неизбѣжныя ласки, или, лучше сказать, взятки чиновникамъ. Воронцовъ очень смѣялся такой наивной откровенности и утвердилъ смѣту безъ измѣненія. Госпиталь былъ прекрасно и недорого построенъ. Потомъ Акоповъ строилъ губернскую гимназію, каменныя лавки и т. д. Со всѣми губернаторами онъ умѣлъ улаживаться и постоянно являлся, какъ человѣкъ зажиточный, во главѣ городскихъ депутацій, потѣшалъ своими рѣчами и ихъ каррикатурностью добивался всегда главнаго, а именно, что смыслъ ихъ всегда понимали, потому что слушали. Однажды, губернаторъ Бѣлявскій, разгнѣванный за что-то на армяно-католиковъ, потребовалъ ихъ къ себѣ. Явились они съ Акоповымъ во главѣ. Бѣлявскій кричалъ, что онъ не потерпитъ никакихъ особыхъ партій, и слово «партія» повторялъ нѣсколько разъ. Когда онъ окончилъ, сталъ говорить Акоповъ. «Какой партіи, ваше пр—ство, никакой такой партій мы не знаемъ, ваше пр—ство; по четверти копѣйки, больше мы партіи не играемъ».

Бѣлявскій, не понявъ отвѣта Акопова, поручилъ переспросить его погрузински, что тотъ хочетъ сказать. Оказалось, что Акоповъ будто бы думалъ, что подъ словомъ «партія» губернаторъ разумѣлъ партію въ преферансъ и сердится на армяно-католиковъ, зачѣмъ они играютъ въ преферансъ. Губернаторъ, глядя на комически серьезную физіономію Акопова, не могъ не разсмѣяться, смягчился, перемѣнилъ тонъ, выслушалъ армяно-католиковъ, понялъ, что противъ нихъ вооружаетъ его взяточникъ-полиціймейстеръ, и отпустилъ съ миромъ. Буфонская реплика сослужила службу.

Человѣкъ зажиточный, онъ и обставился, какъ слѣдуетъ. Домъ у него былъ лучшій въ городѣ, съ большою верандою среди сада. Жена его, воспитанная въ Тифлисѣ, прекрасно говорила порусски и была очень любезная хозяйка. Весь городъ бывалъ у нихъ на вечерахъ, отличавшихся всегда одушевленіемъ и чрезвычайно вкуснымъ ужиномъ туземной кухни, обильно орошаемымъ виномъ, кахетинскимъ и европейскимъ. Хозяинъ былъ неистощимъ своею любезностью и оригинальнымъ остроуміемъ русской рѣчи собственнаго издѣлія.

Словомъ, въ католическомъ кварталѣ онъ былъ первый человѣкъ и пользовался даже благосклонностью безграничнаго деспота этого квартала, священника Дона Антоніо, тоже уроженца кутаисскаго, по фамиліи Глахашвили, вполнѣ усвоившаго себѣ послѣ продолжительнаго проживанія въ Римѣ, гдѣ онъ готовился къ своей миссіи, складъ патера-іезуита. Католическій кварталъ трепеталъ передъ Дономъ Антоніо, вслѣдствіе безусловнаго порабощенія имъ женской половины населенія, запуганной имъ всѣми возможными муками ада, ожидающими грѣшниковъ, а черезъ женщинъ онъ господствовалъ и надъ мужчинами. Строгій аскетъ, въ костюмѣ, напоминавшемъ Дона Базиліо въ «Севильскомъ цирюльникѣ», Антоніо былъ неумолимъ въ своихъ эпитиміяхъ и доводилъ ихъ до размѣровъ средневѣковыхъ. Нерѣдко можно было видѣть отлучаемыхъ имъ отъ причастія, одѣтыхъ въ какія-то навощенныя хламиды, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, ползающими на колѣняхъ въ церкви; онъ держалъ ихъ немало времени въ такомъ видѣ, пока не прощалъ. И такой суровый пастырь до того смягченъ былъ Акоповымъ, что позволялъ ему играть, даже при себѣ, въ преферансъ по маленькой.

Колюбакина Акоповъ зналъ еще въ Тифлисѣ съ небольшихъ чиновъ; потомъ тотъ былъ вице-губернаторомъ въ Кутаисѣ, и, когда его назначили губернаторомъ, они сошлись, какъ старинные, хорошіе знакомые. Зная, на сколько Акоповъ въ дѣйствительности былъ человѣкъ хорошій, Колюбакинъ, сдѣлавъ его постояннымъ членомъ своей гостиной, давалъ полный просторъ его неподдѣльному юмору, а по вечерамъ устроивался и любимый преферансъ, за которымъ мы и застали обычныхъ партнеровъ въ началѣ главы.

При одномъ изъ веселыхъ взрывовъ хохота, когда Акоповъ съигралъ простые черви и оставилъ вистующихъ безъ трехъ, вдругъ послышался на дворѣ губернаторскаго дома почтовый колокольчикъ, и телега грузно подкатила къ крыльцу. Судя по тому, что колокольчикъ не былъ подвязанъ, надо было заключить, что пріѣхавшій очень спѣшилъ. Первая мысль была, не курьеръ ли изъ Тифлиса отъ намѣстника?—но прошла минута, и къ удивленію всѣхъ въ кабинетъ вошелъ съ растрепанною, длинною шевелюрою, въ туземной бѣлой чохѣ, покрытый пылью и забрызганный грязью

человѣкъ, въ которомъ не сразу узнали мы мингрельскаго князя Николая Александровича Микадзе. Онъ подалъ письмо Николаю Петровичу, присовокупивъ: «отъ Катерины Александровны».

Намъ нечего было объяснять, что Екатериною Александровною была правительница Мингреліи, свѣтлѣйшая княгиня Дадіани.

Письмо было коротенькое; Колюбакинъ быстро пробѣжалъ его и, бросивъ на столъ, сказалъ намъ: «читайте», а самъ, поднявшись со стула, видимо встревоженный, подошелъ къ Микадзе и сталъ его разспрашивать.

Содержаніе письма, приблизительно, было слѣдующее:

«Мингрелія въ полномъ возмущеніи, я рѣшительно не въ состояніи съ нимъ совладать. Крестьяне дошли до крайней степени дерзости; вооруженныя ихъ толпы вышли изъ всякаго повиновенія. Ради Бога, поспѣшите ко мнѣ сами, Николай Петровичъ, и приведите съ собою, по крайней мѣрѣ, 500 казаковъ, тогда только буду имѣть возможность подавить возстаніе. Не теряйте ни минуты времени. Я нахожусь въ Квашихорахъ, окруженная со всѣхъ сторонъ бунтующими крестьянами. Меня охраняютъ преданные мнѣ князья.

Екатерина».

Микадзе отъ усталости едва могъ говорить. Онъ скакалъ верстъ тридцать верхомъ (тогда не было еще въ Мингреліи почтовыхъ станцій, разрушенныхъ во время похода Омера-паши) и, пересѣвъ въ телегу въ предѣлахъ Кутаисской губерніи, гналъ лошадей напропалую.

Разсказать связно, послѣдовательно онъ не былъ въ состояніи, говорилъ урывками... Можно было понять только, что возстаніе началось уже шесть мѣсяцевъ тому назадъ. Правительница, бывшая въ то время въ Петербургѣ, по случаю коронаціи государя Александра Николаевича, вернувшись оттуда въ маѣ, старалась всячески возстановить спокойствіе въ странѣ, но усилія ея были тщетны, и теперь бунтъ дошелъ до ужасающихъ размѣровъ. Помѣщики прячутся отъ крестьянскихъ бандъ, расправляющихся съ ними безпощадно; княгинѣ самой грозитъ опасность, и она находится въ домѣ родственницы своей Меники Дадіани, въ Квашихорахъ, а при ней и Григорій и Константинъ, братья покойнаго мужа ея, владѣтеля Давида.

Долго разспрашивать Микадзе, голоднаго и истомленнаго, было бы жестоко, и потому Колюбакинъ приказалъ подать ему ужинъ въ столовую, куда и направилъ его, а самъ подсѣлъ къ ломберному столу и обратился къ намъ съ вопросомъ:

— Ну, господа, какъ вы думаете, что мнѣ дѣлать? Спрашиваю вашего мнѣнія и начинаю съ тебя, Акоповъ?

— Мое мнѣніе, началъ тотъ,—что тебѣ, Николяй Петровичъ, нечего мѣшаться въ это дѣло.

— Какъ нечего мѣшаться? а это письмо?

— Что такой письмо, какой письмо? ты кутаисскій губернаторъ, какой тебѣ письмо?

— Да вѣдь ты понимаешь, что ей нужна вооруженная сила противъ бунта?

— А гдѣ такой бунтъ?—Мингрелія. А тебѣ какое дѣло? Пусть пишетъ къ Гагаринъ.

Князь Гагаринъ былъ въ это время кутаисскимъ генералъ-губернаторомъ и временно находился въ Сухумѣ, т. е. въ четверо далѣе отъ Мингреліи, чѣмъ Кутаисъ.

— Ты бы это посовѣтовалъ ей, если бы былъ съ нею въ Квашихорахъ, и хорошо бы сдѣлалъ, но разъ, не посовѣтовавшись съ тобою, она прислала ко мнѣ, какъ же я могу не вмѣшаться въ дѣло?

— Она тебѣ пишетъ, Николяй Петровичъ, а ты ей тоже пиши, Николяй Петровичъ, пусть пишетъ Гагаринъ.

— Ты, любезный, городишь чепуху. Ну, представь, что у твоего сосѣда загорится домъ, и онъ попроситъ твоей помощи. Развѣ ты можешь ему отказать въ ней?

— Николяй Петровичъ, не мѣшайся, не твое дѣло, ты кутаисскій губернаторъ. Какой домъ, какой загорѣлся, я свой домъ знаю и смотрю, чтобы онъ не зогорѣлся... а мнѣ что сосѣдъ, его домъ горитъ, а я свой берегу...

— Да пойми же, наконецъ, что вѣдь это женщина, она растерялась, положеніе ея отчаянное.

— Пиши Гагаринъ, посылай къ нему ея письмо. — Женщина растерялась... такъ и пиши. А самъ не ѣзди, тебѣ будетъ болшой непріятность... Зачѣмъ не въ свой дѣло мѣшаться... Ты кутаисскій...

Но Колюбакинъ не далъ ему договорить.

— Довольно, довольно—вижу, что ты крѣпко стоишь на своемъ. Тебя не собьешь, спасибо тебѣ... А вы, господа, что скажете?— обратился онъ къ князю Эристову и ко мнѣ.

Наше мнѣніе было, не откладывая, немедленно помочь правительницѣ и ѣхать самому Николаю Петровичу, сообщивъ объ этомъ, конечно, съ нарочными Гагарину и намѣстнику.

Таково было намѣреніе и самого Колюбакина. Мы вторили ему сердцемъ, не отрицая того, что въ словахъ Акопова былъ практическій смыслъ, и, какъ впослѣдствіи оказалось, не лишенный прозорливости.

И такъ рѣшено было ѣхать.

Тотчасъ было послано за вице-губернаторомъ Ив. М. Юрченко и за полковымъ командиромъ казачьяго полка Болдыревымъ. Че-

резъ часъ всѣ приготовленія къ отъѣзду покончились и, взявъ съ собою кн. Эристова и Микадзе, котораго насилу могли разбудить (послѣ ужина онъ упалъ отъ утомленія на диванъ и заснулъ мертвецки), Колюбакинъ помчался въ сопровожденіи нѣсколькихъ сотенъ казаковъ въ Мингрелію.

При разставаніи со мною, на подъѣздѣ губернаторскаго дома, Акоповъ вытащилъ изъ кармана табакерку, аппетитно зарядилъ свой носъ табакомъ и сказалъ мнѣ:—«А вотъ ты увидишь, что онъ напрасно мѣшается... не его дѣло. Онъ кутаисскій губернаторъ»! Затѣмъ мы простились.

Но прежде, чѣмъ слѣдовать за Колюбакинымъ, познакомимъ читателей съ обстоятельствами, предшествовавшими мингрельскому бунту, и тогда имъ будутъ понятны дальнѣйшія правительственныя дѣйствія, вызванныя этимъ событіемъ.

2.

Вторая дочь князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, Екатерина Александровна, вышедшая замужъ въ началѣ сороковыхъ годовъ за владѣтеля Мингреліи Давида Дадіани, воспитана была при условіяхъ, общихъ тогда всѣмъ богатымъ и знатнымъ домамъ русскаго дворянства. Музыка, пѣніе, рисованіе, французскій языкъ и танцы составляли энциклопедію знаній и талантовъ тогдашней свѣтской барышни, а наружность давала образованію бо̀льшую или меньшую рельефность. Старшая сестра Екатерины Александровны была уже нѣсколько лѣтъ вдовою нашего знаменитаго Грибоѣдова, когда, замѣнивъ больную старушку мать, стала вывозить въ свѣтъ свою вторую сестру. Обѣ онѣ были замѣчательными красавицами и кружили головы всей тогдашней тифлисской молодежи, состоявшей попреимуществу изъ юношей, стремившихся изъ Петербурга на Кавказъ пожинать лавры и носившихъ громкія аристократическія фамиліи. Самъ Грибоѣдовъ называлъ жену свою «мадонной», по неземной благости и кротости, отражавшихся въ чудныхъ глазахъ Нины Александровны; и рядомъ съ нею прелестный контрастъ былъ въ сестрѣ ея, олицетворявшей собою пылкость, веселость, остроуміе, при которыхъ въ глазахъ ея блестѣлъ огонекъ, обѣщавшій въ будущемъ цѣльный характеръ. И вотъ, когда среди поклонниковъ, окружавшихъ Екатерину Александровну, выступилъ такой женихъ, какъ Давидъ Дадіани, всѣ другіе посторонились передъ нимъ. Родители ни на минуту не задумались отдать ему руку своей дочери, и онъ вскорѣ увезъ ее навсегда въ Мингрелію.

Но какъ ни блестяща была эта партія, переѣздъ изъ родной семьи и изъ Тифлиса въ Мингрелію для Екатерины Александровны былъ еще болѣе рѣзокъ, чѣмъ переѣздъ для какой нибудь тогдашней красавицы, блиставшей въ большомъ свѣтѣ Петербурга, изъ

2*

шумной столицы въ «Саратовъ, глушь, деревню». Молодой владѣтельницѣ пришлось погрузиться въ новый міръ, живущій своими собственными мѣстными интересами, не имѣющими ничего общаго съ ея прошлымъ, или создавать себѣ свой міръ искусственный. Дадіанъ, человѣкъ дѣловой, правитель еще при жизни отца, съ большою настойчивостью преслѣдовалъ практическія цѣли по устройству и округленію своихъ имѣній. Занятый съ утра до вечера дѣлами, привыкшій вершить ихъ самолично, онъ не любилъ посвящать въ нихъ кого либо, а тѣмъ болѣе казалось ему страннымъ останавливать на нихъ вниманіе своей молодой жены, и на долю ея онъ предоставилъ уходъ за Зугдидскимъ садомъ, на который не жалѣлъ денегъ. Она охотно взялась за это занятіе. Выписанъ былъ изъ-за границы ученый садовникъ. Отводки самыхъ рѣдкихъ деревьевъ и сѣмена для цвѣтовъ получались изъ Милана. Природа и климатъ Мингреліи помогли усиліямъ владѣтельницы, и лѣтъ за десять создался у нея такой роскошный садъ, какого ни прежде, ни послѣ того не было въ Закавказьѣ. Но само собою разумѣется, что одно садоводство не могло исчерпывать собою всѣ интересы княгини и стояло на второмъ планѣ послѣ заботъ и хлопотъ о малюткахъ-дѣтяхъ, на бѣду постоянно болѣвшихъ. Троихъ изъ нихъ она схоронила. Эти горькія утраты при крайней монотонности образа жизни сильно давали себя ей чувствовать, и единственное утѣшеніе находила она въ рѣдкихъ посѣщеніяхъ Тифлиса и родныхъ, или въ посѣщеніи ими самими Мингреліи. Неизмѣннымъ ея другомъ, часто гостившимъ у нея, была сестра ея Нина Александровна. Но въ самой семьѣ мужа, за исключеніемъ старика его отца, Левана, очень добродушнаго и ласкавшаго свою невѣстку, Екатерина Александровна была чужая. Въ 1846 году Леванъ скончался, и тогда пріѣхали, по вызову Давида, изъ Петербурга братья его, Григорій и Константинъ. Первый изъ нихъ, полковникъ гвардіи, былъ женатъ на фрейлинѣ императрицы Александры Ѳедоровны, княжнѣ Терезіи Маміевнѣ Гурьели, воспитанницѣ Смольнаго института. Между невѣстками ничего общаго ни въ характерахъ, ни въ понятіяхъ о вещахъ не оказалось, и онѣ не сошлись, а женское самолюбіе и разныя мелочныя дрязги положили между ними то чувство, въ которомъ и надо искать причину въ началѣ сухихъ, а впослѣдствіи и враждебныхъ отношеній между Григоріемъ и Екатериною Александровною. Давидъ, напротивъ того, былъ расположенъ къ Григорію и Терезіи и, посвящая брата въ свои дѣла, готовилъ себѣ въ немъ помощника. Константинъ, учившійся въ пажескомъ корпусѣ, малый еще молодой, веселый, любитель охоты, туземныхъ пировъ и танцевъ, внесъ съ собою оживленіе въ Зугдиди, напоминая княгинѣ тотъ міръ, въ которомъ протекла ея юность. Давидъ не скупился на ея туалеты, они высылались ей изъ Одессы, окружалъ ее роскошною обстановкою,

организовалъ по желанію ея дворъ, составленный преимущественно изъ знатной мингрельской молодежи; но, не смотря на все это, самъ онъ все болѣе и болѣе удалялся отъ всякихъ развлеченій, и тогдашняя хроника говорила, что онъ почему то замѣтно охладѣлъ къ своей женѣ. Человѣкъ, по наружности невозмутимо спокойный и умѣющій владѣть собою, онъ былъ одинокъ въ сложномъ дѣлѣ управленія Мингреліею. Ему ясно было, что автономное ея поло-

Княгиня Е. А. Дадіанъ, правительница Мингреліи.

Съ фотографіи, принадлежащей ея сыну.

женіе должно не въ отдаленномъ будущемъ, силою вещей, неминуемо упраздниться, и, въ предвидѣніи этой развязки, всѣ заботы и дѣятельность его были исключительно направлены къ тому, чтобы поставить свои имущественные интересы въ такое положеніе, которое обезпечивало бы семью его какъ можно болѣе въ будущемъ. Полный и безконтрольный хозяинъ въ своемъ владѣніи, онъ былъ и законодатель, и судья, и исполнительная власть. Вооруженный

такими аттрибутами, для округленія своихъ интересовъ онъ не стѣснялся имущественными интересами своихъ подданныхъ и всему этому умѣлъ всегда придавать характеръ легальности. Такой способъ дѣятельности владѣтеля не могъ не вызвать ропота, неудовольствія и даже ненависти высшаго класса населенія и въ особенности князей изъ рода Дадіановыхъ, отдаленныхъ его родственниковъ, крупныхъ вассаловъ, владѣющихъ обширными имѣніями, съ которыми предмѣстники его, владѣтели, шли всегда на извѣстныя уступки. Зная, что своими дѣйствіями онъ вызываетъ противъ себя сильную интригу, и находясь въ безпрерывномъ ожиданіи противъ себя подпольной мести, онъ дѣлался все болѣе и болѣе недовѣрчивымъ, угрюмымъ и самозаключеннымъ. Натура его не вынесла такого постоянно напряженнаго состоянія нервной системы, онъ сталъ болѣть, лечился очень небрежно и, можно сказать, еще въ расцвѣтѣ лѣтъ, на 41 году, скончался въ августѣ 1853 года, въ такую минуту, когда надъ нашимъ отечествомъ висѣла уже грозная туча. Война сдѣлалась по тогдашнимъ обстоятельствамъ неизбѣжною, а первоначальный ея театръ долженъ былъ быть въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Мингреліей.

Княгиня осталась вдовою съ четырьмя малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ старшему, владѣтелю Николаю, было 7 лѣтъ. Государь назначилъ ее правительницею Мингреліи на время его малолѣтства, пожаловалъ ей орденъ св. Екатерины 1-й степени, и учредилъ при ней совѣтъ управленія изъ братьевъ покойнаго Давида и мингрельскаго епископа.

Не успѣла она предать тѣло мужа землѣ, какъ въ сосѣднемъ укрѣпленіи св. Николая, въ Гуріи, турки сдѣлали дессантъ, и начались первыя дѣйствія на вѣки памятной для нашего отечества Крымской войны.

Съ этого момента по мартъ 1856 года, т. е. въ теченіе двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ, Екатеринѣ Александровнѣ, вовсе не готовившейся къ дѣятельности, случайно выпавшей на ея долю, пришлось, во имя имущественныхъ интересовъ своихъ дѣтей, править страною, въ которой единственною основою гражданственности было покуда какое-то отжившее обычное право, попираемое на всякомъ шагу произволомъ и своеволіемъ высшаго класса, ведущаго образъ жизни полукочующій; да еще въ добавокъ, этой же странѣ пришлось испытать на себѣ всѣ ужасы войны и сдѣлаться въ теченіе послѣдняго полугодія театромъ окупаціи тридцатитысячнаго, непріятельскаго турецкаго корпуса.

При подобныхъ усложненіяхъ и самый свѣтлый и спокойный умъ администратора, искушеннаго долголѣтнимъ опытомъ, нелегко вышелъ бы изъ затрудненій; врядъ-ли бы и опытная рука мужа княгини могла бы со всѣмъ управиться, а потому было бы не только несправедливо, но и странно дѣйствія женщины, случайно

сдѣлавшейся правительницей въ такую тяжелую пору, подвергать строгой критикѣ.

Надо имѣть еще и то въ виду, что совѣтъ, назначенный ей для помощи въ дѣлахъ управленія, не только не помогалъ ей, но былъ для нея постояннымъ источникомъ непріятностей. Члены этого совѣта, братья владѣтеля, Григорій и Константинъ, безпрестанно ссорились между собою, и вся дѣятельность ихъ состояла въ вздорныхъ интригахъ другъ противъ друга, а со стороны Григорія и противъ княгини. Послѣ смерти брата, онъ разсчитывалъ быть правителемъ и, разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ, не могъ въ душѣ своей сочувствовать женщинѣ, занявшей его мѣсто. Епископъ же мингрельскій Ѳеофанъ оставался въ совѣтѣ совершенно безгласною личностью.

Эпизодъ похода Омера-паши въ Мингрелію описанъ былъ мною въ очеркѣ, помѣщенномъ въ «Военномъ Сборникѣ» за 1873 годъ; мнѣ, какъ очевидцу, не разлучавшемуся съ семьею княгини во все время окупаціи Мингреліи турками, пришлось быть свидѣтелемъ всего тутъ происходившаго и пережитаго княгиней. Она поссорилась съ кн. Мухранскимъ, требовавшимъ выѣзда ея изъ края послѣ того, какъ онъ отступилъ съ гурійскимъ отрядомъ въ Кутаисскую губернію; она не выѣхала изъ Мингреліи, перевезла семью въ горную ея часть, Лечгумъ, и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока Карсъ не былъ взятъ и пока она не узнала, что въ Кутаисскую губернію и Мингрелію ѣдетъ князь В. О. Бебутовъ.

Отъ этой эпохи сохранилось у меня нѣсколько ея писемъ ко мнѣ; приведу здѣсь одно, живо рисующее тогдашнее положеніе Мингреліи.

Накалакеви, 4-го декабря 1855 года.

«......вотъ уже третій день, какъ я здѣсь, въ Накалакеви, по причинѣ наводненія никакъ не могла тронуться съ мѣста. Сегодня ѣду въ Квашихоры и буду ждать тамъ кн. Бебутова; какъ говорятъ, онъ уже въ Кутаисѣ, а послѣ поѣду посмотрѣть Зугдиди и пришлю за вами, чтобы вы пока переѣхали въ Горди.

«Омеръ-паша идетъ очень покойно [1]). Нашихъ войскъ не могли переправить. Какъ вы уже знаете, кн. Мухранскій все сжегъ прежде времени. Ни мостовъ, ни каюковъ уже въ Мингреліи нѣтъ. Онъ теперь самъ пошелъ и взялъ съ собою около 500 штуцеровъ, имеретинскую и мингрельскую милиціи, также донскихъ и линейныхъ казаковъ. Онъ называетъ свое дѣйствіе партизанскою войною, но, увѣряю васъ, они также ничего не сдѣлаютъ противъ врага, какъ вы изъ Цагери. Только ужасно раззоряютъ и опусто-

[1]) Онъ сталъ въ это время отступать со своимъ корпусомъ отъ рѣки Цхенисъ-Цхали обратно въ Редутъ-Кале.

шаютъ Мингрелію. Ихъ будетъ около 3,000 человѣкъ, и, вообразите, безъ провіанта и безъ фуража, на счетъ мингрельцевъ. У меня раздиралось сердце, какъ жители съ воплемъ и рыданіями падали къ ногамъ моей лошади. Ужасно, что здѣсь дѣлается. Мухранскій совершенно потерялся. Какое счастіе, что ѣдетъ кн. Бебутовъ».

Послѣ свиданія съ кн. Бебутовымъ и назначенія начальникомъ гурійскаго отряда, вмѣсто Мухранскаго, генерала Вагнера, княгиня сама, во главѣ мингрельской милиціи, участвовала въ нѣсколькихъ партизанскихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Въ буркѣ и башлыкѣ, окруженная своимъ личнымъ конвоемъ (шинакмами), верхомъ на лошади, она была подъ выстрѣлами непріятельскими и познакомилась съ жужжаніемъ пуль. Этимъ хотѣла она доказать только, что мингрельская милиція не отстанетъ отъ другихъ милицій въ преслѣдованіи непріятеля, и снять съ нея неправильныя нарѣканія прежняго начальника отряда.

Вообще ролью своею во время окупаціи Омера-паши княгиня заслужила полное право на значеніе русскаго историческаго лица. На приглашенія турецкаго генералиссимуса и состоящихъ при немъ англійскаго и французскаго уполномоченныхъ (agents diplomatiques) пріѣхать въ Зугдиди и вступить въ управленіе Мингреліею, имѣющею быть признанною европейскими державами вполнѣ независимою, она отвѣчала безусловнымъ молчаніемъ, лучше всего выразившимъ ея пренебреженіе къ такого рода искушенію. Екатерина Александровна иначе и не могла поступить, принадлежа по рожденію своему къ дому Чавчавадзевыхъ, въ которомъ предательство немыслимо, и въ самыя тягостныя минуты, пережитыя ею въ эту пору, слыша со всѣхъ сторонъ отъ людей, ее окружавшихъ, ропотъ противъ себя за то, что она не ѣдетъ въ Зугдиди, она ни на минуту не поколебалась. Все это, какъ живой свидѣтель, не разлучавшійся съ нею и ея семьей въ теченіе всей окупаціи, я видѣлъ своими глазами, а между тѣмъ мнѣ же самому приходилось впослѣдствіи слышать отъ многихъ лицъ басни о томъ, что княгиня будто бы была въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Омеромъ-пашой. Источникъ этой низкой клеветы нужно искать въ самыхъ плохихъ свѣдѣніяхъ, доставлявшихся лазутчиками въ штабъ гурійскаго отряда, бросившаго Мингрелію и расположившагося на границѣ ея, въ м. Хони. Но, когда княгиня появилась послѣ взятія Карса во главѣ своихъ милицій, всѣ эти бредни смолкли и разсѣялись. А будь на ея мѣстѣ другая личность (какихъ мы немало видали среди владѣтелей мусульманскихъ провинцій), походъ Омера-паши имѣлъ бы совсѣмъ иныя послѣдствія. Съ переѣздомъ правительницы въ Зугдиди, администрація страною возстановилась бы и турецкій главнокомандующій, не находя враждебности въ мѣстномъ населеніи, могъ бы продержаться въ Мингреліи до Парижскаго трактата, а тогда вопросъ о ней могъ бы быть поставленъ въ кон-

ференціяхъ совсѣмъ на иную почву. Если мы должны были уступить часть территоріи нашей въ Бессарабіи, то ничего не было бы проще, какъ потребовать отъ насъ признанія полной автономіи Мингреліи подъ коллективнымъ покровительствомъ европейскихъ державъ. Создайся такое политическое тѣло среди нашего Закавказья, всѣ наши дальнѣйшія дѣйствія тамъ были бы парализованы компетентнымъ вмѣшательствомъ въ дѣла цѣлой массы европейскихъ консуловъ. Мингрелія обратилась бы въ депо контрабанды, оружія, пороха и т. п. Этого обстоятельства нельзя забывать, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прямой заслуги княгини Екатерины Александровны.

Въ мартѣ 1856 года, былъ заключенъ Парижскій миръ, и первымъ затѣмъ актомъ новаго царствованія была коронація государя, на которую получила приглашеніе княгиня. Съ сестрою своею Н. А. Грибоѣдовой и дѣтьми поѣхала она, въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ Петербургъ.

Управленіе Мингреліею передъ отъѣздомъ пришлось ей ввѣрить князю Григорію, съ которымъ отношенія ея были крайне натянуты. Во время окупаціи Омера-паши Григорій находился при Гурійскомъ отрядѣ и тутъ болѣе чѣмъ когда либо интриговалъ противъ княгини. Когда же, послѣ отъѣзда Мухранскаго, они встрѣтились, между ними розыгралась одна изъ тѣхъ мелодраматическихъ сценъ, которыя повторялись уже неоднократно: Григорій клялся передъ иконою, что его обносятъ передъ княгинею, плакалъ и увѣрялъ въ своей преданности; княгиня осыпала его ѣдкими упреками, тоже плакала, и все это свелось, какъ и всегда, на наружное примиреніе, въ которое менѣе всего вѣрили обѣ стороны, и потому за всякой мелодрамой въ этомъ родѣ, шло начало новаго выслѣживанія другъ за другомъ, и накоплялся новый матеріалъ для новаго столкновенія.

При такихъ отношеніяхъ, вопросъ о сдачѣ управленія Мингреліею Григорію становился весьма щекотливымъ. Сдать его на полныхъ правахъ владѣтельскихъ, безъ всякихъ особыхъ инструкцій, и подчинить ему безусловно брата Константина, исправлявшаго должность (бакаултохуцеса) министра внутреннихъ дѣлъ, не позволяло княгинѣ недовѣріе къ Григорію, а не сдать въ такой формѣ значило задѣть его самолюбіе и подлить въ огонь масла. У княгини былъ также свой Тайлеранъ—секретарь ея, кн. Ираклій Осиповичъ Лордкипанидзе, и ему предоставлено было составить меморандумъ, въ которомъ исчерпывался бы актъ временной передачи управленія. Онъ приложилъ къ нему весь свой дипломатическій талантъ и, усердствуя, конечно, въ интересахъ княгини, написалъ его въ такомъ смыслѣ, что Григорій, какъ будто бы получая самыя широкія полномочія, на самомъ дѣлѣ становился автоматомъ. На каждый случай ему вмѣнялся въ обязанность особый пунктъ инструкціи, такъ что собственная его иниціатива утопала въ массѣ этихъ

пунктовъ, Константинъ же сохранялъ, наоборотъ, широкую независимость дѣйствій; а рядомъ съ братьями, главноуправляющій удѣльными имуществами владѣтеля (сахлтхуцесъ), кн. Чиковани, не подчиняясь въ сущности ни тому, ни другому изъ братьевъ, дѣлался чуть ли не главнымъ лицомъ въ отсутствіе правительницы, по миссіи, на него возложенной, состоявшей въ томъ, чтобы, какъ можно энергичнѣе, приняться за возстановленіе въ хозяйствѣ владѣтельскомъ всего разстроеннаго войною, собрать накопившіяся недоимки, и такъ какъ въ Зугдидахъ нельзя было покуда водвориться, — дворецъ княгини былъ сожженъ и зугдидскій садъ вырубленъ Искендеромъ-пашой,—то ремонтировать и подготовить къ ея возвращенію изъ Петербурга дворецъ въ Салхино. Лордкипанидзе, докладывая свой меморандумъ, по всей вѣроятности, переживалъ тѣ же ощущенія, какъ и Тайлеранъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Григорій, слушая это подьяческое произведеніе, притворно пришелъ отъ него въ восторгъ, и правительница, подписавъ хартію и вручивъ Григорію, плакавшему навзрыдъ, уѣхала въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ и въ Москвѣ, которые она посѣщала въ первый разъ въ жизни, ожидалъ ее дѣйствительно апоѳеозъ. Въ Бозѣ почившіе императоръ и императрица, начинавшіе тогда свое великое царствованіе и сіявшіе своимъ незабвеннымъ для всего русскаго народа благодушіемъ, осыпали ее и всю ея семью ласками и милостями. Сама она со свитою производила эффектъ чрезвычайный. Сохранившая блескъ своей красоты въ 37 лѣтъ, въ роскошномъ и оригинальномъ костюмѣ (въ которомъ она изображена на прилагаемомъ портретѣ), съ сыновьями и дочерью, дѣтьми поразительной красоты, окруженная почетнѣйшими мингрельскими князьями, тоже выдающимися своею красотой,—она была чрезвычайно представительна, а рядомъ съ нею всѣ видѣли прелестную ея сестру, Грибоѣдову, дорогую для всего нашего русскаго общества, по имени, ею носимому. Тутъ повторилось въ бо́льшихъ размѣрахъ обаяніе, производимое ими когда-то въ юности на тифлисское общество. Всѣ были въ восторгѣ отъ мингрельской царицы, ея сестры, дѣтей и свиты.

На церемоніи священнаго коронованія, гдѣ княгиня занимала одно изъ выдающихся мѣстъ, какъ владѣтельная особа, статсъ-дама и кавалерственная дама ордена св. Екатерины 1-й степени, она обратила на себя вниманіе всѣхъ пріѣзжихъ иностранныхъ владѣтельныхъ особъ и представителей великихъ державъ. Разсказы о ней и ея геройской дѣятельности во время минувшей войны переходили изъ устъ въ уста, и всѣ спѣшили удостоиться чести быть ей представленными. Между прочими милостями, государь пожаловалъ ей изъ своихъ рукъ медаль за минувшую войну на георгіевской лентѣ, и врядъ ли была какая нибудь другая изъ женщинъ

кавалеромъ этого знака. Въ особенности выражалъ свое удивленіе передъ княгинею и преклонялся передъ нею извѣстный тогда европейскій тузъ, несмѣтный богачъ, испанскій посолъ, герцогъ Д'Осуна, вскорѣ сдѣлавшійся ея постояннымъ гостемъ и кавалеромъ. Его болѣе всего приводилъ въ восторгъ тотъ фактъ, что особа, соединявшая въ себѣ столько царственнаго величія, красоты, ума, женственности и граціи, пренебрегая всѣми опасностями, въ простой буркѣ и башлыкѣ, водила свою милицію въ бой съ турками. Въ лицѣ ея воскресалъ передъ нимъ одинъ изъ легендарныхъ средневѣковыхъ образовъ его родной исторіи, полной поэтическихъ рыцарскихъ эпизодовъ.

Послѣ коронаціи, государь пригласилъ княгиню въ Петербургъ, оставилъ ее погостить, и она провела тамъ всю зиму и весну 1857 года, вызвавъ туда и князя Константина изъ Мингреліи. Тутъ шли праздникъ за праздникомъ. Августѣйшая чета была необыкновенно милостива къ княгинѣ и ея дѣтямъ. Старшій сынъ ея, Николай, десятилѣтній владѣтель, уже поручикъ лейбъ-казачьяго полка, сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ, дочь Саломе — фрейлиной, и ихъ постоянно приглашали во дворецъ на игры съ царскими дѣтьми, очень ихъ полюбившими.

И въ то время, когда все такъ улыбалось здѣсь княгинѣ, въ самой Мингреліи началось дѣло очень неблагополучное, и началось, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, съ пустяковъ.

Управляющій владѣтельскими имѣніями сахлтхуцесъ, князь Давидъ Чиковани, усердно принявшійся за выполненіе хозяйственной программы, оставленной ему княгиней, энергично хлопоталъ о перестройкѣ дворца въ Салхино. Вѣдомство его удѣльное, было организовано покойнымъ владѣтелемъ Давидомъ съ большимъ умѣніемъ; аппаратъ этотъ, ненавистный народу, для поборовъ съ котораго онъ былъ устроенъ, дѣйствовалъ съ искусствомъ и настойчивостью, и при всемъ томъ издѣльная повинность оставалась постоянно статьею очень щекотливою, вызывавшею возраженія крестьянъ. Въ силу обычнаго права, всѣхъ рабочихъ, призываемыхъ къ себѣ на дворъ на барщину, помѣщикъ мингрельскій, не выключая и самого владѣтеля, обязанъ былъ кормить и угощать виномъ; но владѣтель нашелъ этотъ обычай невыгоднымъ для своей экономіи и мало-по-малу принудилъ крестьянъ приходить на работу съ своимъ продовольствіемъ. Послѣ смерти его, дедопали (т. е. правительница) поддерживала тотъ же порядокъ, и князь Чиковани съ своими агентами, приступивъ въ отсутствіе ея къ работамъ по Салхинскому дворцу и согнавъ на нихъ народъ, требовалъ отъ него урочнаго ихъ выполненія, не обращая вниманія на продовольствіе. Крестьяне, съ затаеннымъ неудовольствіемъ, принесли съ собою свою пшеницу, кукурузу и гоми—мѣстные хлѣба—въ зернѣ и просили позволить имъ смолоть ихъ на владѣтельской мельницѣ; имъ

позволили, но въ то же время стали отдѣлять извѣстную часть за помолъ. Этого они не могли стерпѣть и протестовали, объясняя, что такимъ образомъ издѣльная повинность безъ продовольствія помѣщика, установленнаго обычнымъ правомъ, отягчается еще новымъ налогомъ. Сахлтхуцесъ не принялъ во вниманіе этихъ возраженій и требовалъ части хлѣба за помолъ. Депутаты крестьянскіе пошли къ Григорію съ жалобами, а тотъ, развернувъ оставленную ему инструкцію, не нашелъ въ ней ничего относительно этого пункта и сказалъ, что онъ не уполномоченъ на разрѣшеніе ихъ вопроса, а потому пусть крестьяне ожидаютъ возвращенія дедопали изъ Петербурга: какъ она рѣшитъ, такъ и будетъ. Такой отвѣтъ развязалъ руки депутатамъ; они вернулись въ Салхино и приказали крестьянамъ забастовать реботою до пріѣзда дедопали. Сахлтхуцесъ попробовалъ было пустить въ ходъ силу, но она оказалась недостаточной противъ многочисленной толпы; крестьяне побили его приказчиковъ, брата его, князя Ивана Чиковани, прогнали и, чувствуя, что перешли черезъ Рубиконъ, собрались массою въ нѣсколько тысячъ на гору, сосѣднюю съ Салхино, и присягнули тамъ на чудотворной иконѣ, принесенной изъ сосѣдней церкви (магарихати), въ томъ, что они будутъ стоять другъ за друга и, пока не вернется дедопали изъ Петербурга, не станутъ повиноваться ни въ чемъ сахлтхуцесу. Тутъ совершилось въ миніатюрѣ такое же конъюраменте, какое было въ Швейцаріи, въ лѣсныхъ кантонахъ въ XV вѣкѣ или въ jeu de paume'ѣ версальскомъ, въ 1789 году.

Сахлтхуцесъ бросился къ Григорію, прося у него силы, чтобы справиться съ народомъ, но тотъ объяснилъ ему, что въ инструкціи его нѣтъ такого пункта, чтобы безусловно поддерживать всякое его требованіе. Рѣшить же, на чьей сторонѣ право,—на его, или на сторонѣ рабочихъ, можетъ одна княгиня, и потому надо ожидать ея возвращенія. Сахлтхуцесу пришлось прекратить работы въ Салхино.

Извѣстіе объ этомъ разнеслось съ чрезвычайною быстротою по всей Мингреліи. Въ каждомъ изъ помѣщичьихъ хозяйствъ происходило тогда въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ то же, что и въ хозяйствѣ владѣтельскомъ. Каждый помѣщикъ спѣшилъ наверстать трудомъ крестьянскимъ убытки, причиненные войною, а потому крестьяне помѣщичьи чутко отозвались на салхинскую присягу; между ними появились пропагандисты изъ лагеря крестьянъ владѣтельскихъ, подстрекавшіе слѣдовать ихъ примѣру; стали собираться сходки; на нихъ пошла присяга, и никакія усилія, ни самого Григорія, ни епископа, ни всѣхъ князей, вмѣстѣ взятыхъ, не могли остановить все болѣе и болѣе выростающаго, какъ привидѣніе, мрачнаго образа всеобщаго крестьянскаго возстанія.

Въ концѣ апрѣля мѣсяца 1857 года, княгиня съ семьей и Ниной Александровной вернулась изъ Петербурга въ Тифлисъ, куда

въ это время пріѣхалъ изъ Кутаиса Колюбакинъ со мною. Однимъ изъ первыхъ визитовъ моихъ былъ визитъ къ глубоко мною уважаемой Нинѣ Александровнѣ. Она, по обыкновенію, приняла меня чрезвычайно любезно, разсказывала много о Петербургѣ, коронаціи и вдругъ прервала эту тему слѣдующими словами:

— Ахъ, вообразите, Николай Петровичъ Колюбакинъ былъ вчера у Катеньки (т. е. у правительницы) и увѣрялъ ее, что въ Мингреліи бунтъ. Вѣдь надо имѣть только такое пылкое воображеніе, какъ у Николая Петровича, чтобы сочинять подобную исторію.—Нина Александровна смѣялась.

На это замѣтилъ я ей, что, живя въ Кутаисѣ, т. е. въ сосѣдствѣ отъ Мингреліи, дѣйствительно слышалъ то же самое.

— Да не можетъ этого быть, повѣрьте мнѣ. Случились какіе нибудь безпорядки, Григорій не съумѣлъ справиться, но я увѣрена, что одного появленія Катеньки будетъ достаточно, чтобы все прекратилось. Народъ ее обожаетъ.

Бѣдная Нина Александровна говорила это отъ искренности своего сердечнаго убѣжденія, и я, конечно, не настаивалъ на увѣреніи ея въ противномъ.

Когда я затѣмъ сдѣлалъ визитъ къ княгинѣ, объ этомъ ни слова не было говорено, и въ маѣ она уѣхала изъ Тифлиса совершенно спокойная, не придавая никакого значенія молвѣ, до нея доходившей. Мы съ Колюбакинымъ вернулись въ Кутаисъ въ началѣ іюня.

Когда княгиня пріѣхала на границу своего владѣнія, въ селеніи Кулашахъ встрѣтило ее мингрельское дворянство, и во главѣ его Григорій и епископъ. Она замѣтила, что въ числѣ ее встрѣчавшихъ не доставало много лицъ изъ высшаго сословія, и къ ужасу своему узнала, что страна ея дѣйствительно находится въ полной анархіи. Крестьяне побросали свои дома, прислуга ушла отъ помѣщиковъ, и многочисленныя банды крестьянскія разсѣялись по всѣмъ направленіямъ. Сахлтхуцесъ, князь Давидъ Чиковани, разсказалъ княгинѣ объ исторіи въ Салхино и, конечно, выгораживалъ себя. Григорій въ минорномъ тонѣ ссылался на свою инструкцію, въ которой не предусмотрѣнъ былъ способъ дѣйствія въ салхинскомъ дѣлѣ; между нимъ и княгиней завязались пререканія, и она объявила Григорію, что приметъ отъ него Мингрелію не иначе, какъ въ томъ спокойномъ положеніи, въ которомъ ему передала; если же онъ этого не исполнитъ, то дѣйствія его доведетъ до свѣдѣнія государя. Послѣ такой бурной сцены, сопровождаемая толпой князей, она направилась съ семействомъ въ Горди и, отпуская тамъ князей, заклинала ихъ дружно соединиться между собою и дѣйствовать со всею энергіею къ усмиренію бунта, чѣмъ лучше всего могутъ доказать свою преданность малолѣтнему владѣтелю. Но когда всѣ разъѣхались и она осталась съ одною лишь

фамиліею князей Чиковани, то вскорѣ убѣдилась, что однѣми лишь угрозами Григорію ничего не подѣлаешь. Толпы просителей осаждали ее; извѣстія приходили самыя тревожныя со всѣхъ сторонъ, надо было самой выступить и дѣйствовать, и она, пригласивъ съ собой епископа, отправилась въ Салхино, куда сошелся народъ со всѣхъ окрестныхъ деревень и гдѣ начались переговоры. Моментъ былъ чрезвычайно важный и рѣшительный. Откажись она отъ солидарности съ дѣйствіями своего главноуправителя, удали она его, накажи нѣсколькихъ его агентовъ, особенно ненавистныхъ народу, пожертвуй этими людьми — она привлекла бы сердца крестьянъ, и дѣло было бы выиграно. Въ подобный моментъ заботиться о возмѣщеніи убытковъ не только было несвоевременно, но нужно было даже открыть свою собственную сокровищницу и высыпать въ народъ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Ей было извѣстно, какъ онъ былъ раззоренъ войною, къ ногамъ ея лошади падали жители, обездоленные реквизиціями какъ нашихъ, такъ и турецкихъ войскъ, и вмѣсто того, чтобы залѣчивать послѣ войны всѣ эти народныя бѣдствія всякаго рода льготами, какъ это происходило въ сосѣднихъ Имеретіи и Гуріи, гораздо меньше пострадавшихъ, чѣмъ Мингрелія, — она вслѣдъ за окончаніемъ войны ничего лучшаго не придумала, какъ возстановлять свои разрушенные дворцы самою тягостною издѣльною повинностью. Она не могла не сознавать этой своей ошибки и поправить ее можно было теперь одною лишь щедрою помощью крестьянамъ; они сами тогда смирились бы и головою выдали бы своихъ коноводовъ.

Но княгиня, къ сожалѣнію, не избрала этого пути; онъ казался ей непозволительною уступкою передъ бунтующею чернью, которую надо было заставить повиноваться, и въ переговорахъ съ крестьянами она не только не устранила сахлтхуцеса, но и поставила его въ роль обвинителя. Шумные толки, принявшіе характеръ перебранки, не привели ни къ чему. Выходилъ говорить епископъ, приказывалъ вынести передъ народъ иконы, увѣщевалъ его, но слова его не возъимѣли никакого дѣйствія и лишь уронили его достоинство; крестьяне громко кричали, что онъ агентъ владѣтельскій, а не духовный ихъ пастырь. Дошло, наконецъ, до того, что пребываніе владѣтельницы въ Салхино сдѣлалось не безопаснымъ, нѣсколькихъ лицъ изъ ея свиты поколотили, и она должна была поспѣшить выѣздомъ отсюда въ домъ родственницы своей княгини Меники Дадіановой, въ Квашихоры. Сюда къ ней пріѣхали Григорій и Константинъ.

Дѣло близилось къ кризису, и какъ это бываетъ обыкновенно въ минуты наступающей, неминуемой бѣды, передъ княгинею выяснилась до очевидности вся ея безпомощность. Она поняла, что, хотя поводомъ къ бунту послужило самое ничтожное обстоятельство; но разъ онъ принялъ серьезные размѣры, къ нему прим-

Видъ города Кутаиса.

Съ фотографіи Вестли и Никитина.

кнула интрига, берущая начало во враждѣ и ненависти всѣхъ классовъ къ крутому и своекорыстному режиму покойнаго владѣтеля. Княгинѣ приходилось платиться за своего мужа, и она знала, изъ какихъ именно различныхъ общественныхъ группъ ведется теперь одновременно противъ нея интрига за то, что она слѣпо поддерживала режимъ своего мужа. Враждебная ей партія была многочисленна.

Впереди стояла группа батонишвилебовыхъ (Дадіановыхъ) трехъ братьевъ — Георгія, Петра и Виссаріона, сыновей «диди» (большаго) Нико. Отецъ ихъ былъ когда-то правой рукой владѣтеля Левана, визиремъ его, много лѣтъ правившимъ самодержавно и безконтрольно страной; Давидъ, сдѣлавшись правителемъ еще при жизни отца, смѣстилъ «диди Нико», и отсюда пошла непримиримая ненависть къ нему этого дома. Три сына мстили за отца и ничего больше не добивались, какъ сѣять крамолу противъ владѣтеля и всячески ронять его значеніе. Съ этой ихъ ненавистью къ Давиду соединялъ и свою князь Михаилъ Шервашидзе, владѣтель Абхазіи, женатый на дочери старшаго изъ братьевъ, Георгія; онъ при всякомъ удобномъ случаѣ подстрекалъ и безъ того крамольныхъ вассаловъ. Не говоря уже о томъ, что администрація, организованная Давидомъ, встрѣчала въ имѣніяхъ этихъ батонишвилебовыхъ полнѣйшее во всемъ сопротивленіе, но и всякая общая мѣра владѣтеля критиковалась и истолковывалась тремя братьями и ихъ агентами въ смыслѣ самомъ неблаговидномъ, съ цѣлью увеличивать общее неудовольствіе. И въ то же время эти «три мушкатера», какъ ихъ называлъ Давидъ, при встрѣчѣ съ нимъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ розыгрывали роль самыхъ почтительныхъ куртизановъ, цвѣтисто заявляющихъ о своей безграничной преданности. Сцены ихъ свиданій съ дедопали мнѣ приходилось видѣть самому неоднократно, и всякій разъ я любовался ихъ лицедѣйствомъ. Одинъ изъ братьевъ, Петръ, сопровождалъ даже княгиню въ Петербургъ на коронацію и прикидывался самымъ нѣжнымъ родственникомъ малолѣтняго владѣтеля. Бунтъ крестьянскій наносилъ несомнѣнно матеріальный ущербъ этимъ крупнымъ помѣщикамъ; но они не только его не смиряли, а еще болѣе раздували черезъ своихъ агентовъ, увѣренные напередъ, что съ мужиками рано или поздно русская правительственная власть справится и справится въ ущербъ власти владѣтельской.

За ними шли ихъ однофамильцы, во главѣ которыхъ стоялъ Елизбаръ Дадіановъ, а къ нему немало примыкало и другихъ княжескихъ и дворянскихъ фамилій — Мхейдзевыхъ, Микадзевыхъ, Дгебуадзевыхъ и другихъ. Среди этой группы давно уже созрѣло самое искреннее желаніе поскорѣе увидать упраздненіе владѣтельскаго управленія; эта группа была русская по своимъ стремленіямъ и ничего не добивалась, какъ введенія такого же порядка, какъ

и въ сосѣднихъ странахъ — Имеретіи и Гуріи. Режимомъ владѣтельскимъ тяготились не только потому, что при немъ былъ невозможенъ какой либо прогрессъ въ матеріальномъ благосостояніи страны (глазъ и рука владѣтельскіе безцеремонно хозяйничали и забирали все лучшее у своихъ подданныхъ), но главнымъ образомъ вслѣдствіе полнаго подавленія имъ личныхъ правъ высшаго сословія. Мингрельскій князь и дворянинъ, поступавшіе на русскую государственную службу, должны были на то получать предварительное разрѣшеніе владѣтеля и, сколько бы они на ней ни прослужили и какихъ бы чиновъ ни достигли, вернувшись на свою родину, обращались въ первобытное ничтожество передъ особою владѣтеля; государственная служба, чины и знаки отличія ихъ игнорировались также, какъ и усвоенныя ими образованіе и дѣловитость. Такіе люди были не только не нужны владѣтелю, но онъ ихъ удалялъ отъ себя, держа приближенныхъ своихъ въ полномъ раболѣпствѣ, чего не могъ требовать отъ людей образованныхъ и обрусѣлыхъ. И чѣмъ больше увеличивался кружокъ такихъ людей, тѣмъ болѣе обострялись отношенія ихъ къ владѣтелю, не щадившему ихъ самолюбія. Тутъ немало происходило фактовъ самаго возмутительнаго свойства и для примѣра приведемъ одинъ изъ нихъ. Дворянинъ Андрей Гегечхори имѣлъ случай попасть въ дѣтствѣ въ Тифлисъ, учился тамъ въ гимназіи очень успѣшно, кончилъ курсъ и желалъ поступить на государственную службу; потребовалось разрѣшеніе владѣтеля, но тотъ отказалъ, узнавъ, что молодой человѣкъ хорошо учился, вытребовалъ его въ Мингрелію и сдѣлалъ своимъ письмоводителемъ. Взятый противъ своего желанія, Гегечхори никакъ не могъ помириться съ этимъ насиліемъ надъ своею личностью, тѣмъ болѣе еще, что, ознакомившись съ дѣлами по управленію, убѣдился, что никогда не будетъ сочувствовать системѣ и видамъ владѣтеля. Съ необдуманною смѣлостью, свойственною молодости, сталъ честный человѣкъ высказывать свое мнѣніе Давиду, и эта непрошенная правдивость его погубила. Давидъ сначала пытался обратить возраженія Гегечхори въ шутку, а изъ самого письмоводителя сдѣлать придворнаго шута; тотъ на это не пошелъ и отвѣчалъ дерзостью, и дошло до того, что на беззащитнаго вассала обрушилось безпощадное гоненіе. Тѣлесное наказаніе, содержаніе въ тюрьмѣ на цѣпи, на хлѣбѣ, на водѣ, все это посыпалось на голову несчастнаго; нервная натура его не вынесла истязаній и его подъ конецъ поневолѣ должны были оставить въ покоѣ, какъ совершенно изуродованнаго эпилепсіею. Въ крайней бѣдности и ничтожествѣ влачилъ затѣмъ человѣкъ этотъ свою печальную жизнь во все время владѣтельскаго управленія, и мы позволимъ себѣ забѣжать впередъ, сказавъ, что онъ дожилъ-таки до своего pium desiderium, т. е. до русскаго управленія и былъ имъ призрѣнъ, искалѣченный физически, но сохранившій и

свѣжесть ума, и прямоту душевную. И если подобный фактъ былъ возможенъ при режимѣ владѣтельскомъ, то понятнымъ становится смыслъ неудовольствія той группы, носившей названіе русской партіи, во главѣ которой стоялъ Елизбаръ Дадіановъ, имѣвшій двухъ сыновей, служащихъ офицерами въ кавказской арміи. Эта партія, страдая отъ крестьянскаго бунта, какъ и все высшее сословіе, винила въ немъ княгиню и относилась болѣе чѣмъ индифферентно къ поддержанію поколебленной ея власти.

Среди дворянства мингрельскаго, или такъ-называемыхъ азнауровъ, правительница тоже не находила сочувствія, вслѣдствіе того, что мужъ ея обложилъ 6 тыс. домовъ крестьянъ дворянскихъ особою денежною податью, называвшеюся саудіеро. Подать мотивировалась правительственными и земскими нуждами, а, между тѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что она не получала никакого инаго назначенія, какъ приращеніе собственныхъ капиталовъ владѣтеля. Азнауры роптали, сопротивлялись сбору этой подати, но владѣтель, при помощи фамиліи Чиковановыхъ, заставилъ ихъ исполнять свои требованія.

Во всякой странѣ, гдѣ бѣлое духовенство занимаетъ подобающее ему положеніе свободнаго класса общества, можно всегда находить въ сельскомъ священникѣ опору для воздѣйствія на возмутившуюся чернь, но въ Мингреліи духовенство до того было принижено въ своихъ гражданскихъ правахъ, что лишь въ 1842 году владѣтель Давидъ освободилъ его отъ крѣпостной зависимости. Священникъ отбывалъ личныя и поземельныя повинности наравнѣ съ другими крестьянами, и при перекочевкѣ господина нерѣдко можно было видѣть его, въ числѣ прислуги, нагруженнаго тяжестями господскаго багажа. У всякаго почти помѣщика была домашняя церковь, имѣющая снаружи видъ деревяннаго амбара съ крестикомъ на крышѣ, внутри ея былъ самый незатѣйливый иконостасъ, а книги, утварь, антиминсъ и чаши хранились въ кладовой помѣщика. Когда нужно было совершать службу, ключница выносила всѣ эти вещи въ церковь, звали того изъ слугъ, который былъ священникомъ, онъ облачался въ ризы и служилъ. По окончаніи же службы опять все запиралось въ кладовую, а священникъ возвращался къ исполненію своихъ обязанностей. Священниковъ, какъ и другихъ своихъ подвластныхъ, продавали помѣщики, и разсказъ извѣстнаго путешественника Шардена (посѣтившаго Мингрелію слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ) о томъ, что одинъ помѣщикъ, пригласивъ къ себѣ на поминки 12 священниковъ, напоилъ ихъ пьяными до одуренія и продалъ въ этомъ видѣ турецкому шкиперу, повезшему ихъ на константинопольскій невольничій рынокъ, — не есть вымыслъ. И хотя владѣтель Давидъ освободилъ священниковъ отъ крѣпостнаго состоянія, но это было еще такъ недавно, что бѣлое духовенство не успѣло еще составить

изъ себя особаго класса; оно сливалось попрежнему съ крестьянами, раздѣляя исключительно ихъ интересы, и потому пользоваться имъ, какъ органомъ воздѣйствія на народъ, княгинѣ не встрѣчалось никакой возможности.

Черное духовенство было совсѣмъ въ иномъ положеніи, тутъ была цѣлая іерархія и немало монастырей, изъ числа которыхъ выше всѣхъ стоялъ Мартвильскій—въ немъ была резиденція епископа, носящаго титулъ чкондидели[1]). Положеніе его можно было приравнять къ положенію католическаго епископа на западѣ, т. е. онъ былъ, такъ сказать, prince de l'église; будучи пастыремъ церкви, онъ былъ и владѣльцемъ обширнаго имѣнія церковнаго, населеннаго дворянами и крестьянами, его подданными. Это имѣніе, называемое «сачкондидло», было разбросано по всей Мингреліи, но главная его часть находилась между рѣками Абашей, Техуромъ и Ріономъ, и въ этомъ мѣстѣ считалось болѣе 3 тысячъ дымовъ церковныхъ крестьянъ. Центральнымъ селеніемъ было Суджуно, гдѣ въ старинной церкви находился чудотворный образъ св. Георгія. Этому патрону мингрельскому и приносились всѣ пожертвованія, на имя его приписывались населенныя имѣнія и люди, среди которыхъ была и колонія еврейская. Ее пожертвовалъ когда-то одинъ изъ владѣтелей, и евреи исправно платили подать св. Георгію восковыми свѣчами.

Такое независимое положеніе «чкондидели», располагавшаго значительными доходами, деньгами и въ особенности натуральными произведеніями, не могло не остановить особеннаго вниманія владѣтеля Давида. Когда онъ сдѣлался правителемъ, чкондидели былъ родной его дядя по матери, изъ фамиліи князей Церетелевыхъ, человѣкъ недальновидный, но очень добродушный. Давидъ съумѣлъ пріобрѣсти на него безграничное вліяніе и убѣдилъ его поборы натурою и издѣльную повинность перевести на деньги, доказывая, что всякое хозяйничаніе и поборы роняютъ значеніе епископа. Тотъ поддался этому внушенію; каждый дымъ крестьянскій вмѣсто натуральныхъ приношеній и работъ былъ обложенъ тремя рублями, и чкондидели сталъ получать до 12 тыс. въ годъ, что совершенно удовлетворило его. Крестьяне тоже были благодарны за такое новое либеральное устройство. Но если чкондидели былъ увѣренъ, что тѣмъ дѣло и кончилось, то Давидъ въ этой реформѣ видѣлъ только зародышъ другой дальнѣйшей реформы, а именно онъ предполагалъ взять на себя аккуратную уплату 12 тысячъ чкондидели изъ своего казначейства, а церковное имѣніе намѣренъ былъ записать въ свой собственный удѣлъ. Чтобы приве-

[1]) Чкондидели происходитъ отъ слова чкони-дубъ. Этимъ названіемъ характеризовался епископъ, резидирующій въ Мартвили, вокругъ котораго ростутъ вѣковые дубы.

сти это въ исполненіе, необходимо было прежде всего перенести чудотворный образъ св. Георгія изъ Суджуно въ Мартвили, придумавъ къ тому какой нибудь благовидный предлогъ;—выселить, такъ сказать, святаго патрона изъ его резиденціи и упразднить тѣмъ непосредственную его связь съ Суджунскимъ имѣніемъ. Въ глазахъ народа этотъ актъ выселенія равносиленъ былъ выселенію помѣщика изъ его вотчины, послѣ котораго переходъ имѣнія къ другому лицу, конечно, обставленной благовидными мотивами, могъ получить извѣстную легальность. Планъ этотъ искусно былъ обдуманъ Давидомъ, но при жизни чкондидели, своего дяди, ему нельзя было и заикнуться о немъ, тотъ ни за что не пошелъ бы на него, не смотря на все расположеніе къ своему племяннику. Но вотъ дядя скончался, и Давидъ поспѣшилъ указать на архимандрита Држужскаго монастыря, Өеофана, мингрельца, изъ дворянской фамиліи Габунія, какъ на кандидата въ епископы. Его, конечно, посвятили, и Давидъ разсчитывалъ при содѣйствіи его, какъ слѣпаго орудія, привести къ концу присоединеніе церковнаго имѣнія къ своему удѣлу. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ назначенія Өеофана, Давидъ скончался, завѣщавъ своей вдовѣ приведеніе плана своего къ окончанію. Въ началѣ 1855 года, княгиня, заручившись согласіемъ чкондидели Өеофана, поручила все дѣло Константину, какъ «бакаултохуцесу». Тотъ пріѣхалъ въ Суджуно и намѣревался уже приступить къ перенесенію чудотворной иконы св. Георгія въ Мартвили; но батонишвилебовы Георгій, Петръ и Виссаріонъ не дремали и подослали своихъ агентовъ въ сачкондидло съ объясненіемъ маневра, который готовился продѣлать Константинъ. Это разомъ подняло на ноги всѣхъ, и Константинъ встрѣтилъ такой отпоръ въ Суджуно, что долженъ былъ оттуда утекать, чтобы остаться цѣлымъ. Людей его крѣпко приколотили. Послѣ того поневолѣ пришлось отложить это дѣло до болѣе благопріятнаго момента, а покуда одного изъ главныхъ виновниковъ сопротивленія, церковнаго азнаура Меѳодія Хоштарію, посадили на цѣпь въ Лечгумскую крѣпость Мури, и брата его, монаха Ивана, или иначе Ивабери, сослали въ заточеніе въ Мцхетскій монастырь, гдѣ онъ вскорѣ и умеръ. Само собою разумѣется, что подобный фактъ поселилъ въ дворянахъ и крестьянахъ церковныхъ крайнее неудовольствіе противъ дедопали и, хотя въ церковномъ имѣніи крестьяне не приставали къ общему бунту, но на содѣйствіе какъ ихъ, такъ и церковныхъ дворянъ, княгиня не только не могла разсчитывать, но знала, что они ничего такъ не желаютъ, какъ прекращенія владѣтельскаго управленія.

Вотъ сколько сильныхъ и враждебныхъ группъ стояло передъ глазами княгини, и гдѣ же она могла искать себѣ противъ нихъ оплота?

Старшаго своего деверя Григорія, о которомъ мы уже достаточно говорили, она считала не только личнымъ своимъ врагомъ, но и врагомъ своей семьи, а за нимъ постоянно волочился хвостъ, составленный изъ многочисленной фамиліи князей Пагава и семьи князя Таія Дадіанова, въ которой Григорій былъ вскормленъ грудью и воспитанъ въ дѣтствѣ. Младшій ея деверь, Константинъ, несомнѣнно преданный ей и дѣтямъ ея, исполнявшій должность бакаултохуцеса, окруженъ былъ горстью самыхъ пустыхъ людей, любителей пировъ, кутежей и охоты, и былъ по общественному своему вліянію также безсиленъ, какъ и его окружающіе. Оставалась одна лишь многочисленная фамилія князей и дворянъ Чиковановыхъ, которыхъ Давидъ сдѣлалъ своими исключительными агентами, какъ въ администраціи, судѣ, такъ и въ управленіи своимъ удѣломъ. Но могли ли Чиковановы, при всей своей готовности служить ей, идти противъ общаго настроенія, бороться со всѣми и смирить чуть не поголовное крестьянское движеніе? Они были ненавистны всѣмъ классамъ, сознавали это сами и сгруппировывались вокругъ владѣтеля лишь въ качествѣ его малонадежныхъ тѣлохранителей.

Когда вся эта истинная картина тогдашняго положенія Мингреліи вполнѣ отчетливо выяснилась княгинѣ, она произвела на нее подавляющее впечатлѣніе, и если бы кому нибудь, встрѣчавшемуся съ нею мѣсяцъ тому назадъ въ Тифлисѣ, привелось бы увидѣть ее теперь, онъ съ трудомъ бы узналъ ее — такъ она измѣнилась отъ пережитаго ею за это время. А давно ли, кажется, миновалась блистательная полоса въ ея жизни, когда съ своими дѣтьми она была такъ близка къ царскому трону, и все стоящее вокругъ него преклонялось передъ нею. Настоящее представлялось передъ ней тяжелымъ кошмаромъ. Положеніе ея было тѣмъ ужаснѣе, что она чувствовала себя совершенно одинокой. Всѣ эти совѣтники ея, Григорій, Константинъ, епископъ, только лишь томили ее своимъ присутствіемъ; а между тѣмъ во что бы то ни стало надо было выйдти изъ этого положенія, и она рѣшилась призвать на помощь русскую военную силу. Ей казалось, что достаточно появиться нѣсколькимъ сотнямъ казаковъ, чтобы разогнать крестьянскія банды, и затѣмъ двѣ, три крутыя мѣры при поддержкѣ тѣхъ же казаковъ должны были ввести несомнѣнно разливъ рѣки въ ея ложе. Чернь усядется на мѣста, водворится спокойствіе въ странѣ, и тогда власть ея получитъ полное обновленіе, конечно, при томъ условіи, что Григорій и нѣсколько крамольныхъ батонишвилебовыхъ, а съ ними и ихъ клевреты, будутъ высланы изъ края. Но кто же можетъ ей помочь въ этомъ лучше всѣхъ, какъ не Николай Петровичъ Колюбакинъ, бывшій когда то въ числѣ ея присяжныхъ тифлисскихъ рыцарей-поклонниковъ, готовыхъ на всякій подвигъ по одному ея мановенію, и много разъ затѣмъ до-

казывавшій ей свою дружбу совѣтомъ и прекраснымъ дѣловымъ перомъ. Онъ писалъ ей отвѣтъ Омеру-пашѣ, въ высшей степени остроумный, но не посланный по настоянію кн. В. О. Бебутова.

И какъ только мысль эта пришла Екатеринѣ Александровнѣ, она не долго на ней останавливалась и, пославъ кн. Микадзе съ отчаяннымъ письмомъ къ Колюбакину, ждала съ понятнымъ нетерпѣніемъ результата своего посольства.

Но прежде чѣмъ перенестись въ Мингрелію, на мѣсто возмущенія, мы считаемъ необходимымъ остановиться на личности вызваннаго на помощь княгинею Николая Петровича Колюбакина и познакомить съ нею читателя.

3.

Братья Николай и Михаилъ Петровичи Колюбакины были крупными дѣятелями Кавказа. Воспитанники царскосельскаго лицейскаго пансіона, слѣдовательно по образованію своему принадлежавшіе къ передовой и блестящей тогдашней молодежи, по окончаніи курса избрали они оба военную карьеру. Изъ нихъ, Николай Петровичъ былъ уже корнетомъ уланскаго его величества полка, когда вспыхнуло польское возмущеніе 1831 года, дѣлалъ всю компанію, былъ раненъ и по окончаніи войны перешелъ въ одинъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ, гдѣ съ нимъ случилась исторія, имѣвшая роковыя для него послѣдствія. Самолюбивый до болѣзненной раздражительности, вспыльчивый, какъ порохъ, онъ столкнулся съ полковымъ командиромъ, полковникомъ Евреиновымъ, нанесъ ему оскорбленіе и, разжалованный за то въ рядовые, сосланъ былъ въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ, на Кавказъ.

Эта отдаленная наша окраина, въ которой велась ожесточенная война съ горцами, не обѣщавшая скораго окончанія, окутана была тогда въ легендарное и поэтическое о ней представленіе, благодаря Пушкину, Марлинскому и Лермонтову. Много разсказывалось о ней чудеснаго, мистическаго; всѣхъ пріѣзжавшихъ оттуда общество наше встрѣчало какъ героевъ; интересъ ихъ разсказовъ увлекалъ всѣхъ отъ мала до велика, и Кавказъ оставался какимъ-то сфинксомъ, котораго никто не могъ разгадать. Зачѣмъ же, казалось, ведется война съ черкесами, когда на всякомъ шагу встрѣчаются тамъ муллы Нуры, Амалатъ-беки, женщины въ родѣ героини Кавказскаго Плѣнника, — всѣ вѣдь они олицетворяютъ собою идеалы нравственной красоты, и какъ же можно сражаться съ племенами, производящими подобные типы; казалось бы, съ такими возвышенными стремленіями и благородствомъ характеровъ, какъ бы не сойдтись этимъ черкесамъ съ добрымъ нашимъ русскимъ народомъ. Вопросы эти невольно рождались сами собою изъ всѣхъ фантасти-

ческихъ повѣствованій о Кавказѣ, и вотъ я помню, какъ отвѣчалъ на нихъ, между прочимъ, нашъ почтенный и весьма оригинальный профессоръ московскаго университета Ѳ. Л. Морошкинъ. «Кавказъ», по мнѣнію его, «былъ кузницею, въ которой предопредѣлено было русскому народу закаливать свой характеръ». Больше ничего онъ не хотѣлъ прибавлять въ своемъ опредѣленіи, ему не надо было знать, зачѣмъ ведется война и когда она кончится; онъ даже по-

Група: Еврей (урія); Армяно-католикъ (пранге); Имеретинецъ; Имеретинка.

Съ фотографіи Вестли и Никитина.

лагалъ, какъ и многіе его современники, что она никогда не кончится, тѣмъ болѣе, что генералъ съ львиной сѣдой головой, который могъ ее окончить, угасалъ, проживая тогда въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Пречистенкѣ. Не смотря на эксцентричность опредѣленія Кавказа почтеннымъ профессоромъ, въ опредѣленіи этомъ была доля правды. Характеры дѣйствительно выработывались и закалялись на Кавказѣ при той многосторонней практикѣ и при тѣхъ

трудныхъ задачахъ, которыя выпадали на долю почти каждаго изъ русскихъ дѣятелей, не лишеннаго возвышеннаго честолюбія. Ссылка молодежи за шалости на Кавказъ, въ видахъ ея исправленія, была не всегда пустою фразою. Многіе изъ сосланныхъ возвращались оттуда людьми въ высшей степени замѣчательными и серьезными. Горсть русскихъ, — наши войска по тогдашней ихъ численности можно дѣйствительно было назвать горстью,—заброшенная сюда для борьбы съ воинственными племенами, отчаянно сражавшимися за свою независимость, не имѣла инаго лозунга, какъ наступленіе и побѣда. Тутъ не было элементовъ для обломовщины — опускаться нравственно, какъ то творилось сплошь да рядомъ въ нашемъ обществѣ при процвѣтавшемъ тогда крѣпостномъ правѣ не было возможности; при спартанской въ полномъ смыслѣ обстановкѣ, при самыхъ крайнихъ лишеніяхъ матеріальныхъ, среди самой грозной и неприступной природы, русскому кавказцу требовались прежде всего трезвость духа и мужество. Неустрашимая храбрость являлась тутъ отрицательнымъ качествомъ въ томъ смыслѣ, что никому нельзя было быть здѣсь трусомъ, и при этомъ нигдѣ не дорожили такъ людьми, какъ здѣсь, нигдѣ не умѣли такъ пользоваться ихъ дѣйствительными достоинствами, отыскивать послѣднія въ людяхъ, воспитывать этихъ людей и закалять характеръ. Человѣкъ съ талантомъ и высшимъ образованіемъ не только не могъ тутъ пропасть и затеряться, но и находилъ имъ полное примѣненіе. Въ этомъ значеніи Кавказъ и былъ дѣйствительно кузницею, и сюда былъ заброшенъ судьбою съ разбитою своею въ самомъ началѣ карьерою Николай Петровичъ Колюбакинъ. Эта среда спасла его отъ гибели.

Прежде всего воспитателемъ его сдѣлался кавказскій солдатъ, съ которымъ привелось ему, какъ съ равнымъ себѣ, нѣсколько лѣтъ тянуть тяжелую служебную лямку. Въ этой суровой школѣ пылкій, эксцентричный юноша, выросшій въ атмосферѣ отвлеченныхъ и фантастическихъ идеаловъ, впервые понялъ и оцѣнилъ величіе простоты и правды, лежащихъ въ основѣ характера русскаго солдата, а проникнувшись одинъ разъ этимъ сознаніемъ, онъ вынесъ изъ этой школы на всю жизнь закалъ, который при всѣхъ его личныхъ недостаткахъ давалъ всегда чувствовать присутствіе въ немъ человѣка. Первую свою экспедицію въ качествѣ солдата онъ никогда не забывалъ по тому уроку, который данъ былъ ему рядовымъ, сосѣдомъ его по цѣпи. — «Никакъ ты цѣлишься въ человѣка, замѣтилъ ему этотъ сосѣдъ: самъ ты человѣкъ несчастный, штрафованный, а норовишь отнять жизнь у другаго. Смотри, Богъ тебя за это еще больше накажетъ». Эти слова были до того просты и внушительны, что они навсегда совершили коренной переломъ въ душѣ юноши и повели къ исцѣленію его отъ легкомыслія. Николай Петровичъ всегда съ особенною признательностью вспоминалъ годы своей солдатчины, подобно тому, какъ Ѳедоръ Михайло-

вичъ Достоевскій годы своей каторги, а бывшаго ротнаго своего командира Ивана Павловича Корзупа, стараго кавказскаго служаку изъ хохловъ, человѣка безъ всякаго образованія, но храбраго, честнаго и добродушнаго встрѣчалъ всегда съ особымъ почтеніемъ, когда уже достигъ и до высокаго положенія. Корзупъ постоянно журилъ его за вспыльчивость. — «А ты, братишка, все шумишь, да когда же ты угомонишься», бывало наставлялъ бывшій ротный командиръ своего бывшаго подчиненнаго, а теперь кутаисскаго губернатора, и тотъ все это выслушивалъ съ безропотною терпѣливостью.

Баталіонъ, въ который Колюбакинъ попалъ рядовымъ, входилъ въ составъ отряда генерала Вельяминова, а вокругъ этого знаменитаго тогда генерала сгруппировывался весь цвѣтъ кавказскаго военнаго сословія; въ его же отрядѣ былъ и кружокъ декабристовъ и польскихъ магнатовъ, сосланныхъ за возмущеніе 1831 года. Братья Бестужевы, Одоевскій, Сангушко, Черкасовъ, Корниловичъ и другіе составляли этотъ, какъ его называли, «кружокъ несчастныхъ и они, познакомившись съ Колюбакинымъ и принявъ его въ свою среду, выдвинули его впередъ въ глазахъ начальства и сблизили съ тою аристократическою молодежью, которая наѣзжала изъ Петербурга въ отрядъ Вельяминова за военными отличіями. Такимъ образомъ, въ 1835 году, выслуживъ уже солдатскій георгіевскій крестъ, Колюбакинъ имѣлъ случай познакомиться съ корнетомъ кн. А. И. Барятинскимъ и, когда тотъ былъ тяжко раненъ, вмѣстѣ съ другими, вынесъ его на своихъ плечахъ изъ бою. Барятинскій всегда это помнилъ, а тогда, больной отъ раны почти безнадежно, въ видѣ завѣщанія своего просилъ генерала Вельяминова, какъ особой къ себѣ милости, ходатайствовать передъ государемъ о производствѣ Колюбакина въ офицеры. Конечно, обстоятельство это не могло не имѣть благопріятныхъ послѣдствій для судьбы разжалованнаго, и онъ на слѣдующій годъ, послѣ тяжкой раны въ ногу, былъ произведенъ въ прапорщики. Къ этому времени относится леченіе его отъ раны на Пятигорскихъ водахъ и знакомство съ Лермонтовымъ; они не сошлись по эксцентричности своихъ натуръ, и поэтъ въ «Героѣ нашего времени» набросалъ карикатурный силуэтъ Колюбакина въ типѣ Грушницкаго. Колюбакинъ зналъ это и добродушно прощалъ Лермонтову эту злую противъ себя выходку. Произведенный въ офицеры, онъ перешелъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, которымъ командовалъ извѣстный въ свое время генералъ Безобразовъ. Служба Колюбакина снова вошла въ правильную колею, и его вскорѣ замѣтили, какъ способнаго и образованнаго офицера.

Съ этого времени начинается довольно быстрое повышеніе его по службѣ. Сначала адъютантомъ генерала Будберга, затѣмъ генерала графа Анрепа, онъ служитъ на черноморской береговой линіи и въ Кахетіи, на лезгинской линіи.

Сюда относится одинъ интересный служебный его эпизодъ, который мы не можемъ пройдти молчаніемъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Анрепъ, когда-то дерптскій студентъ, человѣкъ высоко-образованный и гуманистъ, съ отличіемъ служа на Кавказѣ, оставался вѣренъ своимъ студенческимъ идеаламъ и, считая войну бѣдствіемъ и зломъ, происходящимъ отъ недоразумѣній между людьми, носилъ въ своей душѣ убѣжденіе, что проще всего слѣдовало бы разрѣшать эти недоразумѣнія путемъ мирнаго сближенія. Онъ былъ увѣренъ, что если бы, вмѣсто экспедицій и набѣговъ, мы рѣшились проникнуть въ горы въ качествѣ миссіонеровъ, всякія несогласія исчезли бы, непокорныя племена спустились бы къ намъ въ долины, не какъ враги, а какъ наши меньшіе братья. Эту мысль высказалъ онъ какъ-то въ задушевной, дружеской бесѣдѣ адъютанту своему, молодому Колюбакину, и нашелъ въ немъ самую отзывчивую и воспріимчивую почву. Оба они увѣровали не только въ возможность и плодотворность выполненія этого плана, но и рѣшили, не откладывая, испытать его на практикѣ. Съ переводчикомъ, говорящимъ полезгински, переодѣтые въ костюмы горцевъ, начальникъ лезгинской линіи, генералъ-адъютантъ Анрепъ, и адъютантъ его, поручикъ Колюбакинъ, направились пѣшкомъ изъ Закаталъ въ Анцухское общество, лежащее въ самой возвышенной и гористой части сѣвернаго Дагестана. Въ экскурсію ихъ никто не былъ посвященъ въ Закаталахъ, и всѣ думали, что они отправились на охоту. Велико было удивленіе анцухцевъ, когда въ ихъ аулѣ появились три невѣдомыхъ и безоружныхъ пришлеца. Переводчикъ далъ понять, что они люди непростые и желаютъ имѣть объясненія съ джаматомъ, т. е. со сходкою старшинъ и стариковъ. Джаматъ собрался, и Анрепъ обратился къ нему съ своимъ словомъ увѣщанія, смыслъ котораго былъ въ общихъ чертахъ слѣдующій: «Для чего ведете вы противъ насъ братоубійственную войну? Мы вамъ не враги, а самые близкіе друзья. Мы хотимъ внести къ вамъ цивилизацію, которой смыслъ есть ваше благо. Вы теперь бѣдны, мы васъ обогатимъ и научимъ пріобрѣтать земныя блага; помощь къ этому мы вамъ окажемъ проложеніемъ къ вамъ путей, устройствомъ въ средѣ вашей школъ, въ которыхъ ваши дѣти будутъ научаться всѣмъ полезнымъ ремесламъ, открывающимъ доступъ къ благосостоянію. Поднявъ вашу культуру до своей, мы раздѣлимъ съ вами пользованіе тѣми естественными богатствами, которыми такъ щедро надѣлены горы и долины Кавказа. Сложите оружіе, и мы его сложимъ—вмѣсто войны навѣки побратаемся и будемъ жить мирно».

Джаматъ внимательно выслушалъ эту рѣчь и спросилъ оратора, кто они, пришлецы, и отъ чьего имени они говорятъ? Тогда Анрепъ открылъ свое званіе. Удивленіе смѣнилось полнымъ недовѣріемъ.

«Какъ ты, генералъ, командующій войсками царя и призванный вести съ нами войну, являешься къ намъ съ ея отрицаніемъ? Значитъ, ты не только не выполняешь своей прямой миссіи, но берешься за дѣло, совсѣмъ тебѣ не подходящее. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что вы пришли или насмѣхаться надъ нами, или высмотрѣть наши позиціи, или, наконецъ, мы видимъ передъ собою людей безумныхъ».

Джаматъ загалдѣлъ, и въ этотъ моментъ случилось одно обстоятельство, усугубившее общее замѣшательство.

Къ Калюбакину подошелъ какой-то молодой лезгинъ и, высмотрѣвъ въ его чухѣ патроны, полѣзъ безъ церемоніи за ними своею рукою. Вѣроятно, онъ желалъ позаимствоваться порохомъ. Колюбакинъ оттолкнулъ лезгина такъ сильно, что тотъ озлобленный бросился на него. Они схватились и, такъ какъ все это произошло на краю горной тропинки, оба слетѣли въ кручу.

Старики встревожились и поспѣшили отдать приказъ молодежи броситься за ними и вытащить чужестранца невредимымъ. Это было вскорѣ исполнено, и Колюбакина вытащили всего исцарапаннаго и въ разорванной чухѣ. Тогда старики объяснили тремъ пришлецамъ, что, по ихъ обычаю, гостепріимство есть самая священная обязанность, и для нихъ было бы позоромъ, если бы людей безоружныхъ обидѣли въ ихъ обществѣ. Они не домогаются узнавать, кто они такіе; но такъ какъ уже видно, что они приходили сюда съ благими предложеніями, имъ не нанесутъ ни малѣйшаго вреда и приглашаютъ ихъ теперь же возвратиться къ себѣ восвояси. До предѣловъ своего общества они даютъ имъ проводниковъ.

И вотъ какъ окончилась эта эксцентрическая попытка генерала со своимъ адъютантомъ. Вскорѣ о ней стало извѣстно на Кавказѣ, и, вѣроятно, она и была причиною удаленія отсюда генерала Анрепа.

Эпизодъ этотъ, конечно, былъ чуть ли не преступленіемъ въ военной практикѣ и обратился въ смѣшной анекдотъ; но, вглядываясь въ него со стороны гуманитарной, нельзя не подивиться въ немъ и высокимъ побужденіямъ, и высокому самоотверженію двухъ эксцентриковъ. Собственная жизнь тутъ не принималась въ разсчетъ ни генераломъ, ни его юношей-адъютантомъ, они рисковали ею; а при такихъ и заблуждающихся идеалистахъ задача покоренія Кавказа значительно облегчалась. И въ заблужденіи самомъ былъ все тотъ же лозунгъ: «ни передъ чѣмъ не задумываться, ни передъ чѣмъ не останавливаться, лишь бы идти впередъ».

Воронцевъ, вскорѣ послѣ прибытія своего на Кавказъ, замѣтилъ Колюбакина и назначилъ его приставомъ Джаро-Бѣлаканскаго округа, затѣмъ вице-губернаторомъ въ Кутаисъ, и въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Николай Петровичъ былъ уже начальникомъ

III-го отдѣленія черноморской береговой линіи. Этотъ послѣдній постъ, равный званію военнаго губернатора, былъ въ тѣ времена однимъ изъ самыхъ важныхъ на Кавказѣ. Изъ Сухума, резиденціи Колюбакина, направлялись наши военныя дѣйствія на правомъ флангѣ противъ Джигетовъ, Убыховъ и Шапсуговъ и въ то же время велись сношенія съ владѣтелемъ Абхазіи, лицомъ, очень вліятельнымъ въ горахъ, но дѣйствовавшимъ всегда двусмысленно по отношенію къ русскому правительству. Отъ лица, занимающаго должность начальника III-го отдѣленія, требовались военный опытъ, талантъ и знаніе мѣстныхъ условій края; и что, ввѣряя такую должность Колюбакину, Воронцовъ не ошибся въ выборѣ, это можетъ лучше всего подтвердить трехлѣтняя его самая интимная, дѣловая переписка съ Колюбакинымъ. Сколько намъ помнится она была напечатана въ «Русскомъ Архивѣ». Намъ привелось читать ее въ подлинникѣ, и можемъ сказать, что она представляла собою высокій интересъ потому уже, что изъ нея видно, на сколько князь Воронцовъ входилъ во всѣ малѣйшія подробности административнаго и военнаго дѣла въ каждомъ уголкѣ Кавказа и на сколько мудры были его совѣты и указанія людямъ, облеченнымъ его довѣріемъ.

Но не смотря на успѣхъ по службѣ и серьезное положеніе, Николай Петровичъ никогда не могъ справиться съ своимъ пылкимъ темпераментомъ, за который и пострадалъ такъ тяжело въ началѣ своей карьеры.

Вспыльчивый, какъ мы сказали, подобно пороху, онъ нерѣдко портилъ въ одно мгновеніе своими выходками сдѣланное имъ въ теченіе немалаго времени. Человѣкъ большаго ума и начитанности, быстро соображающій, остроумный въ веселую минуту, правдивый, высоко честный и безсребренный, умѣренный, какъ простой солдатъ, въ своихъ личныхъ матеріальныхъ потребностяхъ, онъ, конечно, многимъ былъ непріятенъ этими своими качествами, и всякая вспышка, на которую его часто наводили намѣренно, служила оружіемъ противъ него же самого. Ни для кого не могло все это быть такъ прискорбно, какъ для людей, хорошо знавшихъ Колюбакина и цѣнившихъ его несомнѣнныя достоинства, а къ числу ихъ принадлежалъ и самъ Воронцовъ. Братъ его, Михаилъ Петровичъ, бывшій въ это время тифлисскимъ вице-губернаторомъ, лицомъ, также всѣми уважаемымъ, назывался общими ихъ друзьями въ отличіе отъ брата «мирнымъ Колюбакинымъ», а Николаю Петровичу давно было дано уже прозвище «немирнаго». Анекдотовъ о его вспыльчивости ходила масса; однажды, говорятъ, въ пылу раздраженія вылилъ онъ чернильницу на лысину старикашки чиновника-докладчика; но тотчасъ же, спохватившись, засыпалъ ее пескомъ изъ песочницы, а въ небольшихъ чинахъ дуэлей у него было столько, что онъ и самъ не могъ всѣхъ припомнить. Эта

вспыльчивость не столько давала себя чувствовать подчиненнымъ его (по большей части, цѣнившимъ его хорошія качества и охотно мирившимся съ его недостатками), сколько его непосредственному начальству. Страсть премировать нерѣдко доводила Николая Петровича до разрыва служебнаго. Такъ случилось и въ Сухумѣ.

Адмиралъ Серебряковъ, командовавшій всею береговою линіею, сладенькій, тихій, не выходящій изъ себя, прежде всего, какъ армянинъ, заботящійся о своихъ личныхъ интересахъ, постоянно парализировалъ всякую иниціативу Колюбакина и довелъ его, наконецъ, до того, что тотъ разразился такимъ рѣзкимъ объясненіемъ, послѣ котораго пришлось ему уѣхать изъ Сухума и причислиться къ тифлисскому главному штабу. Случилось это не задолго до Крымской войны и отъѣзда Воронцова съ Кавказа. Около двухъ лѣтъ пришлось Колюбакину оставаться безъ мѣста, и лишь въ 1856 году, когда Омеръ-паша сталъ отступать изъ Мингреліи, намѣстникъ, генералъ Муравьевъ, назначилъ Николая Петровича военнымъ губернаторомъ города Кутаиса и гражданскимъ губернаторомъ Кутаисской губерніи.

На этомъ мѣстѣ онъ былъ уже болѣе года, когда мы вывели его на сцену въ нашихъ воспоминаніяхъ, и за это время онъ на столько съумѣлъ принести пользы ввѣренной ему губерніи, что и до настоящаго времени имя его памятно. Губернія, когда онъ ее принялъ, была въ самомъ разстроенномъ положеніи послѣ Крымской войны. Всѣ дѣла въ военное время остановились, и ихъ накопилась масса; наросла недоимка, крестьяне были раззорены натуральною повинностью, помѣщики спѣшили поправить свои дѣла на счетъ своихъ подвластныхъ. Словомъ, повсюду была неурядица, и нужно было видѣть ту энергію, съ которою Колюбакинъ принялся за починку. Верхомъ на лошади, съ своею походной канцеляріей, объѣзжалъ онъ губернію по всѣмъ направленіямъ, ревизуя уѣздную полицію и чиня судъ и расправу, seance tenante, властью, ему предоставленной. Часто онъ и превышалъ ее, но это было только на пользу населенія; превышать приходилось тамъ, гдѣ нужно было быстро обуздывать феодальную власть крупнаго дворянства. Такъ, однажды, объѣзжая Гурію, онъ нашелъ тутъ одного крупнаго самодура-помѣщика, князя Дмитрія Гурьели, которому все сходило съ рукъ, и при проѣздѣ Колюбакина жаловалась цѣлая толпа людей, обиженныхъ княземъ. Зная, что всѣ эти жалобы справедливы, Колюбакинъ послалъ къ Гурьели чиновника съ своими часами, поручивъ ему шепнуть на ухо, что если черезъ два часа онъ не удовлетворитъ жалобщиковъ, то будетъ высланъ изъ Гуріи. Гурьели зналъ, что съ Колюбакинымъ не шутятъ, и тотчасъ же всѣхъ удовлетворилъ, а черезъ два часа онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, торчалъ передъ Колюбакинымъ, какъ агнецъ кротости. Эффектъ былъ поразительный. Всѣ убѣдились, что феодальному самодур-

ству нашлась уздечка. Эта энергическая и неустанная дѣятельность, исполненная высокаго безпристрастія, сдѣлала Колюбакина популярнымъ безусловно во всѣхъ классахъ туземнаго общества и народа. «Бѣшенный, но справедливый человѣкъ», говорили о немъ, а крестьяне молились на него, зная, что онъ не дастъ ихъ никому въ обиду.

Интересно было прослѣдить за той работой, которая ежедневно происходила въ губернаторскомъ домѣ, съ ранняго утра до поздняго вечера. Тутъ нельзя было не подивиться энергіи Николая Петровича. Къ нему доступъ былъ свободенъ для всѣхъ и, выслушивая просьбы и жалобы сотенъ людей, ежедневно къ нему являвшихся, онъ тотчасъ же разрѣшалъ дѣла большей части изъ нихъ. Полиція у него не дремала, да не дремали и всѣ другія вѣдомства губернскія; всѣ трепетали Николая Петровича, знали, что онъ до всего доберется. Въ тотъ моментъ неустройства и раззоренія послѣ войны, который переживала Кутаисская губернія, нельзя было найдти лучшаго для нея губернатора.

А постоянная практика привела Николая Петровича къ близкому знакомству съ особеннымъ соціальнымъ устройствомъ края. Мѣстные обычаи сдѣлались ему извѣстными, и онъ никогда не обходилъ ихъ въ своихъ соображеніяхъ, удерживая въ то же время власть помѣщичью въ предѣлахъ человѣчности. Это чрезвычайно возвышало къ нему общее довѣріе. Народъ говорилъ: «онъ все знаетъ, его не обманешь».

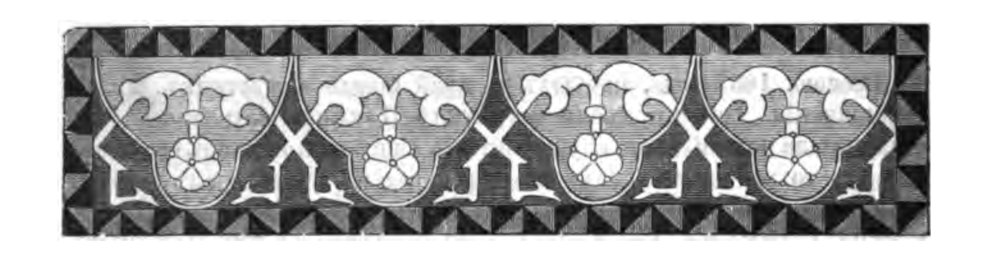
Было бы несправедливо умолчать о томъ, что знакомствомъ и сближеніемъ съ туземнымъ населеніемъ онъ во многомъ обязанъ былъ содѣйствію чиновника по особымъ порученіямъ, князя Рафаила Давидовича Эристова, человѣка даровитаго, близко знакомаго со своею родиною и превосходно владѣющаго грузинскою рѣчью. Онъ былъ въ одно и то же время переводчикомъ Колюбакина и истолкователемъ ему мѣстныхъ особенностей жизни туземцевъ. На литературномъ поприщѣ онъ имѣлъ успѣхъ въ очеркахъ своихъ о Хевсуретіи и Тушетіи, помѣщенныхъ когда-то въ газетѣ «Кавказъ» и въ «Сборникѣ кавказскаго отдѣла географическаго общества», а впослѣдствіи принесъ истинную заслугу своимъ соотечественникамъ, переведя на грузинскій языкъ басни Крылова языкомъ, чрезвычайно понятнымъ народу и близкимъ къ подлиннику. Служба съ Колюбакинымъ, какъ съ человѣкомъ справедливымъ и несомнѣнно полезнымъ для края, его увлекала. Да притомъ же, какъ ни бывалъ иногда тяжелъ Николай Петровичъ своимъ вѣчнымъ крикомъ и шумомъ, но послѣ своихъ дневныхъ занятій онъ дѣлался веселымъ, остроумнымъ и радушнымъ хозяиномъ. На сцену являлся Акоповъ, шла потѣха съ его буфонствомъ на русскомъ жаргонѣ и устроивался преферансъ. Рафаилъ Эристовъ былъ не только чиновникомъ, но и другомъ Колюбакина.

Весною, 1857 года, прибылъ въ край новый намѣстникъ, князь Барятинскій. Онъ дружески встрѣтилъ Николая Петровича, благодарилъ за полезную его службу и тѣмъ еще болѣе оживилъ его энергію. Въ то же время былъ онъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Одно, впрочемъ, обстоятельство было ему не совсѣмъ понутру, а именно учрежденіе новой должности кутаисскаго генералъ-губернатора, которому онъ въ извѣстной степени долженъ былъ подчиняться — этого онъ ужасно не долюбливалъ. Но тутъ утѣшала его одна мысль, что на эту должность назначенъ былъ Гагаринъ, человѣкъ, близко ему знакомый и высокочестный, съ которымъ онъ уже и прежде служилъ въ бытность свою кутаисскимъ вице-губернаторомъ.

Мы сдѣлали это, быть можетъ, нѣсколько длинное вступленіе для того, чтобы читатели могли какъ можно болѣе оріентироваться въ ходѣ событія, нами описываемаго; силуэты лицъ, бывшихъ въ немъ главными дѣятелями, не будутъ, быть можетъ, излишними.

К. Бороздинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ПЕРЕПОЛОХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

I.

ОДНОЮ изъ первыхъ улицъ Петербурга, основаннаго Петромъ Великимъ среди густаго и топкаго лѣса, былъ, проложенный въ видѣ просѣки, нынѣшній Вознесенскій проспектъ, носившій первоначально, какъ и Невскій проспектъ, названіе «першпективы». Излишнимъ кажется и говорить, что онъ былъ въ ту пору нисколько не похожъ на нынѣшнюю обстройку этого проспекта — какъ одной изъ самыхъ оживленныхъ улицъ нашей столицы.

По обѣимъ сторонамъ Вознесенской просѣки, начиная отъ Адмиралтейской площади, разстилавшейся въ видѣ луга, на которомъ паслись коровы, тянулись небольшіе двухъ и одно-этажные дома, съ покатыми черепичными кровлями. Между этими домами каменныхъ домовъ было очень немного, и почти вся улица состояла только изъ деревянныхъ домиковъ, бревенчатыхъ, не обшитыхъ даже тёсомъ. Лѣсъ былъ у обитателей этой улицы въ первое время подъ рукою въ большомъ изобиліи, такъ что неприхотливая, соотвѣтствовавшая тому времени, постройка домовъ не представляла почти никакихъ издержекъ, а земля раздавалась даромъ.

Прилегающія къ Вознесенскому проспекту улицы сохранили донынѣ полученныя ими названія, соотвѣтственно званію первоначальныхъ ихъ жителей. Около этой першпективы поселились мѣщане (Мѣщанская улица) и подъячіе (Подъяческая улица)—мелкіе

гражданскіе чиновники разныхъ правительственныхъ учрежденій— а на самой «першпективѣ» стали селиться преимущественно ремесленники изъ нѣмцевъ, и такого рода населеніе придавало ей особый отпечатокъ, дѣлая ее чѣмъ-то въ родѣ Нѣмецкой слободы, существовавшей въ Москвѣ. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ была та разница, что въ Москвѣ нѣмцы, т. е. иностранцы вообще, скучивались исключительно въ одной Нѣмецкой слободѣ, тогда какъ въ Петербургѣ они разселились почти повсюду, подраздѣляясь какъ бы на особые племенные поселки, соотвѣтственно той или другой національности. Такъ на Вознесенской першпективѣ поселились преимущественно нѣмецкіе бюргеры, пріѣзжавшіе изъ завоеванныхъ Петромъ Великимъ Лифляндіи и Эстляндіи; на лѣвомъ берегу Невы, внизъ отъ Адмиралтейства — англичане; Васильевскій островъ заняли преимущественно голландцы, а въ Конюшенныхъ расположились французы и швейцарцы.

Нѣмцамъ жилось въ Петербургѣ недурно. Они занимались главнымъ образомъ ремеслами, а также открывали разныя промышленныя заведенія, между прочимъ, трактиры и пивныя лавки. Въ Петербургѣ немало появлялось хозяекъ такихъ заведеній изъ нѣмокъ. Хотя въ подобныя заведенія собирались сначала одни только нѣмцы, но мало-по-малу стали посѣщать очень охотно нѣмецкіе трактиры и русскіе. Трактиры эти подъ бдительнымъ надзоромъ хозяекъ отличались, сравнительно съ русскими харчевнями, опрятностію, болѣе разнообразными и болѣе вкусными кушаньями и внимательнымъ обхожденіемъ съ посѣтителями, причемъ смѣтливыя хозяйки-нѣмки въ особенности старались угождать и быть любезными съ посѣтителями изъ русскихъ, которые, въ свою очередь, были гораздо тароватѣе, чѣмъ нѣмцы.

Вознесенскій проспектъ былъ одною изъ удобныхъ мѣстностей для открытія трактира, потому что въ него могли собираться не только тутъ же жившіе нѣмцы, но и жившіе около этихъ мѣстностей подьячіе, а также и потому еще, что содержательница такого заведенія, при исправномъ веденіи дѣла, могла разсчитывать на посѣщеніе ея заведенія еще и другими болѣе доходными потребителями.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ Вознесенской першпективы— сравнительно съ огромными разстояніями, существовавшими и существующими въ Петербургѣ—были за «Фонталкой», или Фонтанкой, выстроены свѣтлицы одного изъ гвардейскихъ полковъ, а именно—недавно учрежденнаго Измайловскаго полка. Офицеры этого полка, по неимѣнію въ окрестностяхъ свѣтлицъ, подходящихъ для помѣщенія лицъ офицерскаго званія, располагались на житье въ прилегавшей къ упомянутой першпективѣ улицѣ, которая и нынѣ носитъ названіе «Офицерской». Большая часть офицеровъ Измайловскаго полка въ ту пору, къ которой относится нашъ разсказъ,

были изъ нѣмцевъ. Мало того, во время регентства герцога Курляндскаго предполагалось имѣть въ этомъ полку личный составъ офицерства исключительно изъ однихъ только нѣмцевъ. Такъ какъ измайловскимъ офицерамъ приходилось ежедневно ходить на полковой дворъ для экзерцицій, то они были очень довольны, когда на перепутьѣ въ полкъ, въ одномъ изъ скромныхъ переулковъ, прилегавшихъ къ перпшективѣ, открылся небольшой и чистый трактирчикъ, гдѣ они сходились между собою, могли пообѣдать, выпить пива, побесѣдовать и поиграть въ карты, въ шахматы или на билліардѣ въ своемъ товарищескомъ кружкѣ. По слѣдамъ первоначальныхъ посѣтителей этого трактира, измайловскихъ нѣмцевъ, стали заходить и заѣзжать туда ихъ товарищи изъ русскихъ, а также и офицеры другихъ полковъ, безразлично какъ нѣмцы, такъ и русскіе, и въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія новооткрытый трактирчикъ сталъ пользоваться среди петербургской гвардейской молодежи лестною извѣстностью, какъ заведеніе, гдѣ не только можно сытно и опрятно поѣсть, но и провести пріятно время въ кругу товарищей и знакомыхъ.

II.

Число молодыхъ посѣтителей этого трактира возростало все болѣе и болѣе, такъ какъ въ немъ явилась для молодежи новая приманка. Смѣтливая хозяйка хорошо разочла силу такой приманки. Въ трактирѣ ея появилось, въ качествѣ прислужницъ, нѣсколько молоденькихъ и хорошенькихъ нѣмочекъ, не только опрятно, но и щеголевато одѣтыхъ по нѣмецкой модѣ. Эти молоденькія дѣвушки держали себя не какъ заурядныя служанки, но было замѣтно, что имъ были даны хозяйкою особые наказы, а именно не только проворно и вѣжливо служить, но еще и стараться нравиться посѣтителямъ безъ различія ихъ возраста. Вслѣдствіе такихъ наказовъ дѣвушки-нѣмки усердно и торопливо прислуживали гостямъ, но, когда эти послѣдніе начинали разговаривать съ ними, а тѣмъ еще болѣе, когда они отъ самыхъ простыхъ, самыхъ невинныхъ шутокъ или разговоровъ переходили къ любезностямъ, то нѣмочки стыдливо улыбались, опускали внизъ глаза и принимались жеманиться. Это, разумѣется, еще болѣе подзадоривало молодыхъ посѣтителей. Когда же они намѣревались взять какую нибудь дѣвушку за талію, то такая, считая себя оскорбленною, отталкивала невѣжливаго посѣтителя и быстро съ гнѣвными словами убѣгала изъ комнаты. Вслѣдъ за тѣмъ являлась сама хозяйка. Она вела за руку обиженную посѣтителемъ дѣвушку, у которой изъ глазъ выступали слезы, а сама съ гнѣвнымъ выраженіемъ на лицѣ обращалась къ невѣжливому посѣтителю съ выговоромъ, замѣчая ему,

что онъ долженъ вести себя въ ея заведеніи прилично и не позволять себѣ такого обращенія, какое можетъ оскорбить честную и невинную дѣвушку,—жалобщица въ это время, прихныкивая, утирала концомъ фартучка заплаканные глаза.

Посѣтители обыкновенно спѣшили извиниться передъ «мадамой», и она отъ строгаго тона постепенно переходила къ мягкому и дружескому разговору и уже ласково просила посѣтителя не затрогивать ея хорошенькихъ служанокъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, она вынуждена будетъ отказать имъ, не желая, чтобы въ ея заведеніи, о которомъ идетъ въ Петербургѣ такая добрая молва, происходили какіе либо неприличія или соблазны.

Обыкновенно такія столкновенія оканчивались самымъ миролюбивымъ образомъ. Обвиненный посѣтитель спѣшилъ вознаградить чѣмъ нибудь сдѣланный имъ промахъ и требовалъ въ дополненіе къ прежнимъ яствамъ и питьямъ кусокъ ветчины или пару сосисекъ съ картофелемъ, который въ ту пору считался въ Петербургѣ большою рѣдкостію и, какъ привозный изъ-за границы плодъ, цѣнился очень высоко. Вдобавокъ къ тому, выходя изъ трактира, онъ давалъ прислуживавшей ему дѣвушкѣ на кофе небольшую серебряную монету, вмѣсто огромныхъ тогдашнихъ мѣдныхъ алтыновъ. При слѣдующемъ посѣщеніи дѣвушка относилась къ знакомому уже ей гостю болѣе снисходительно, встрѣчала его привѣтливо и уже не была такъ стыдлива, какъ еще нѣсколько дней передъ этимъ, но, улыбаясь, отвѣчала на его вопросы, а потомъ мало-по-малу позволяла не только взять за талію, но и поцѣловать себя.

Такая хотя и притворная скромность нравилась въ особенности русскимъ посѣтителямъ трактира, не привыкшимъ къ такимъ пріемамъ женскаго кокетства, и имъ приходилось завидовать нѣмцамъ, такъ какъ эти послѣдніе могли свободно объясняться и шутить съ миловидными нѣмочками, которыя стали уже подсѣдать около столовъ къ обычнымъ посѣтителямъ и сами принимались любезничать съ ними. Короче сказать, дѣла содержательницы трактирчика шли съ каждымъ днемъ все лучше и лучше, и получаемыя ею еженедѣльныя выручки замѣтно увеличивались.

III.

Хозяйка этого заведенія Амалія, а по отчеству въ Россіи, Максимовна, Лихтеръ, была извѣстна въ Петербургѣ подъ несложнымъ прозваніемъ «Дрезденша». Такую кличку она получила по мѣсту своего рожденія и прежняго мѣстопребыванія въ городѣ Дрезденѣ, о которомъ она любила всегда говорить — съ нѣмцами, разумѣется понѣмецки, а съ русскими — порусски, объясняясь съ этими

послѣдними хотя и на исковерканномъ, но всетаки очень понятномъ русскомъ языкѣ. Амалія Максимовна восторгалась Дрезденомъ, считая его самымъ развеселымъ городомъ. Она отчасти была права въ своихъ восторгахъ, такъ какъ около той поры едва ли гдѣ во всей Европѣ была такая веселая и разнообразная жизнь, какую вели въ Дрезденѣ, столицѣ курфирстовъ саксонскихъ, уже въ двухъ нисходящихъ поколѣніяхъ преемственно сидѣвшихъ на королевскомъ польскомъ престолѣ. Оба Августа, отецъ и сынъ — короли-курфирсты — любили веселую, шумную и роскошную жизнь и заносили изъ Варшавы въ свой наслѣдственный городъ немало тогдашнихъ польскихъ обычаевъ, способствовавшихъ общественному оживленію Дрездена.

Въ свою очередь, и Дрезденша стала переносить въ Петербургъ изъ своего роднаго города небывалыя еще у насъ разнообразія по увеселительной части. Когда она привлекла уже достаточное число посѣтителей, то перебралась въ другой бывшій по сосѣдству съ ея трактирчикомъ большой домъ и отдѣлала въ немъ обширную залу съ возвышенною эстрадою, на которую въ одинъ прекрасный день вошло нѣсколько молодыхъ и хорошенькихъ дѣвушекъ. Однѣ изъ нихъ сѣли на стулья, поставленные на эстрадѣ около арфъ, а другія, стоя на эстрадѣ, принялись распѣвать то въ одиночку, то хоромъ разныя нѣмецкія пѣсенки, то веселыя, то грустныя. Собравшаяся въ этотъ день у Дрезденши молодежь пришла въ восторгъ отъ неожиданно появившихся миловидныхъ пѣвицъ, въ особенности, когда замѣтила, что пѣвицы не прочь были дѣлать глазки посѣтителямъ и держали себя съ перваго же разу такъ развязно, что, смѣясь, слушали высказываемыя имъ любезности и не стѣснялись нисколько въ обращеніи съ мужчинами. Разумѣется, что и здѣсь русскіе оставались позади нѣмцевъ, такъ какъ пѣвицы оказались тоже нѣмками, и русскимъ нельзя было объясняться и любезничать съ ними.

Кромѣ пѣнія и игры на арфахъ, Дрезденша угостила своихъ посѣтителей еще и другою музыкою. Одна изъ дѣвицъ сѣла за клавикорды и стала хорошо играть на нихъ. Апплодисментовъ не только у насъ, но даже и во Франціи въ ту пору не было еще въ заводѣ, и потому въ залѣ у Дрезденши слышался только громкій говоръ похвалъ и одобренія, дополнявшійся пристукиваніемъ ногами и стульями, доходившимъ по временамъ до изступленія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго появленія арфянокъ и пѣвицъ, Дрезденша приготовила для своихъ гостей еще и другую новинку. Въ пять часовъ вечера отворились двери ея большой залы, и она пригласила своихъ посѣтителей на танцы. Вошедшіе въ залу посѣтители увидѣли тамъ сидѣвшихъ около стѣнъ на стульяхъ, или ходившихъ, взявшись подъ руку, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ. Эти гостьи Дрезденши были одѣты не только хорошо, но

можно сказать великолѣпно: въ фижмахъ и шелковыхъ робронахъ съ модною прическою волосъ, осыпанныхъ пудрою. Короче, по внѣшности онѣ не уступали самымъ изящнымъ петербургскимъ дамамъ того времени. Сама Дрезденша, разодѣтая такъ нарядно, какъ она никогда не одѣвалась прежде, явилась теперь уже не содержательницею трактира, но чрезвычайно любезною и предупредительною хозяйкой. Она подводила молодыхъ людей къ бывшимъ въ залѣ гостьямъ, знакомила ихъ между собою и приглашала танцовать. Гостьи Дрезденши оказались не только очень хорошенькими, но и чрезвычайно бойкими особами. Онѣ не жеманились нисколько, и свободно разговаривали съ гостями, причемъ оказалось, что между ними нѣкоторыя говорили пофранцузски, что̀ должно было облегчить знакомство, такъ какъ въ то время французскій языкъ сталъ входить въ употребленіе среди молодаго поколѣнія. Однако, большинство этихъ красотокъ говорили только понѣмецки, и потому Дрезденша служила при первомъ знакомствѣ переводчицей для тѣхъ посѣтителей, которые не умѣли говорить понѣмецки, передавая очень часто не то, что̀ говорилъ кавалеръ или дама, но то, что̀ могло поскорѣе сблизить ихъ между собою.

Познакомивъ взаимно дамъ и кавалеровъ, Дрезденша кивнула головою по направленію въ одинъ изъ угловъ залы, и находившіеся тамъ два старыхъ нѣмца музыканта — одинъ скрипачъ, а другой флейтистъ, заиграли вальсъ, а одинъ изъ нѣмцевъ, подхвативъ хозяйку, пошелъ вальсировать съ нею. Вальсъ, или по старинному, валецъ, былъ тогдашній истинно нѣмецкій танецъ, чрезвычайно медденнаго темпа, причемъ кавалеръ не обхватывалъ, какъ нынѣ, свою даму за талію, а держалъ ее обѣими руками за бока.

Примѣру Дрезденши послѣдовали кавалеры, впрочемъ, весьма немногіе, собственно только нѣмцы, такъ какъ танцовальное искусство было еще слишкомъ слабо распространено между русскою молодежью, даже и военною. Хозяйка подходила къ не танцовавшимъ кавалерамъ и уговаривала ихъ пуститься въ танцы, увѣряя, что бывшія въ залѣ дѣвицы скоро научатъ танцовать вальсъ не умѣющихъ упражняться въ этомъ танцѣ. Въ свою очередь, и дамы предлагали кавалерамъ свои услуги по части обученія. Иныхъ принялась учить сама Дрезденша, общество оживилось и развеселилось, и посѣтители расторопной нѣмки заговорили между собою, что на вечеринкѣ у Амаліи Максимовны гораздо веселѣе, нежели на званыхъ петербургскихъ балахъ и вечерахъ, которые отличались непомѣрною чопорностію, а также молчаливостію и неразвязностію русскихъ дамъ и дѣвицъ.

IV.

Происходившіе въ домѣ Дрезденши пѣніе, музыка и танцы обратили этотъ домъ въ такое увеселительное заведеніе, какого до этихъ поръ въ Петербургѣ вовсе не существовало. Амалія Максимовна умѣла, съ большою для себя прибылью, пользоваться этимъ новымъ заведеніемъ. Она назначила плату за посѣщеніе и добавочный взносъ за обученіе танцамъ. Приливъ молодежи сдѣлался огромный, разумѣется, сообразно съ тогдашнимъ населеніемъ Петербурга, а вечера оканчивались ужиномъ и болѣе или менѣе невоздержной выпивкой; отъ всего этого хозяйка получала особые дополнительные доходы. Не обходились собранія у Дрезденши и безъ похожденій романическаго свойства. Посѣтительницы вечеровъ, бывавшихъ у Дрезденши, нерѣдко уѣзжали отъ нея съ кавалерами. Амалія Максимовна все болѣе и болѣе приглашала новыхъ дамъ, полудѣвицъ и дѣвицъ изъ Риги, Дрездена и Варшавы, и по временамъ стали у нея появляться и русскія дѣвушки, на первыхъ порахъ застѣнчивыя и робкія, но мало-по-малу пріобрѣтавшія ту ловкость и ту развязность, какими, но только въ большей степени, отличались первоначальныя и иностранныя гостьи.

Въ Петербургѣ вскорѣ заговорили о тѣхъ пріятныхъ развлеченіяхъ, какія можно найдти у Лихтерши, и къ ней на вечера стали являться не одни только оперившіеся оберъ-офицерчики, но уже и штабъ-офицеры, болѣе или менѣе почтенныхъ лѣтъ, а наконецъ, стали туда по временамъ заглядывать, сперва только въ качествѣ любопытныхъ зрителей, но не участниковъ увеселеній, какъ военные генералы, такъ и значительные чины разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ.

Дрезденша изъ незамѣтной прежде трактирщицы пріобрѣла себѣ теперь громкую извѣстность въ Петербургѣ. О ней стали говорить постоянно въ кружкахъ молодежи; заговорили о ней и почтенные люди. Имя ея стало слышаться и въ дамскомъ обществѣ, а наконецъ, молва о Дрезденшѣ дошла и до благополучно царствовавшей въ ту пору императрицы Елизаветы Петровны. Амалія Максимовна стала въ своемъ родѣ знаменитостію, и еще въ концѣ прошлаго столѣтія старички, ея современники, съ восторгомъ вспоминали о бывшихъ у нея увеселеніяхъ.

Но если сама по себѣ Дрезденша обращала на себя вниманіе петербургской публики, то молва о ней усилилась еще болѣе, когда стали разсказывать, что на собраніяхъ у нея появилась такая красавица, которой ничего подобнаго не отыщется не только въ Петербургѣ, но и во всемъ свѣтѣ.

Портрета этой замѣчательной красавицы, которой суждено было произвести въ Петербургѣ большой и небывалый у насъ ни прежде, ни послѣ переполохъ,—не сохранилось, или, по крайней мѣрѣ, намъ

неизвѣстно, существуетъ ли онъ гдѣ либо, и даже существовалъ ли когда нибудь. Тѣмъ не менѣе изъ встрѣчающихся о ней упоминаній ея современниковъ можно заключить, что эта дѣвушка отличалась необыкновенно поразительной красотой. Можно сказать, что первое ея появленіе у Дрезденши изумило всѣхъ—до того она была прелестна и лицомъ, и станомъ. Вдобавокъ къ тому, она оказалась дѣвушкой весьма образованной по тому времени. Пошли толки о томъ, кто она и откуда пріѣхала. Но сама дѣвушка не давала на эти вопросы никакихъ отвѣтовъ, а Дрезденша, въ свою очередь, принималась пускать въ ходъ загадочные о ней разсказы, изъ которыхъ ясно было только одно, что она не хочетъ сказать правды, а лишь нарочно выдумываетъ какія-то небылицы. Дѣвушка эта одинаково хорошо говорила и понѣмецки, и пофранцузски, а также и попольски, но ни слова порусски. Самые любопытные люди не могли добиться толкомъ ни объ ея имени, ни даже фамиліи. Полиція въ ту пору не занималась такими изысканіями относительно тѣхъ, кто держалъ себя смирно. Тогда въ Петербургѣ можно было жить просто, безъ паспортовъ и прописки. Таинственность, какою была обставлена неизвѣстная дѣвушка, возбуждала разные толки, между которыми слышались толки и объ ея высокомъ происхожденіи, и о странной ея судьбѣ, но въ концѣ-концовъ все-таки казалось чрезвычайно непонятнымъ, почему такая замѣчательная дѣвушка, которая не показывалась нигдѣ въ петербургскомъ обществѣ, вдругъ такъ неожиданно появилась въ собраніяхъ у Дрезденши.

Неизвѣстность происхожденія пріѣзжей въ Петербургъ красавицы, ея пышные наряды, хорошее образованіе и близкія сношенія Амаліи Максимовны Лихтеръ съ Дрезденомъ и Варшавою породили молву, что эта дѣвушка, которой могло быть въ ту пору около двадцати лѣтъ, была побочною дочерью Августа, курфирста саксонскаго и короля польскаго. Августъ II былъ извѣстенъ во всей Европѣ, какъ отъявленный и неутомимый волокита. Извѣстно было также, что у него было множество сыновей и дочерей, но не отъ законной его супруги. Въ отношеніи чадородія курфирстъ былъ такъ счастливъ, что однажды у него въ одинъ день родились сынъ и двѣ дочери отъ разныхъ матерей. Сношенія русскихъ съ Варшавою были въ ту пору очень часты, а потому въ Петербургѣ приходилось слышать много разсказовъ о любовныхъ похожденіяхъ короля-курфирста. Знали также здѣсь, что нѣкоторымъ изъ своихъ чадъ Августъ оказывалъ самую горячую родительскую любовь и заботился объ устройствѣ ихъ будущности и, въ противоположность тому, нѣкоторыхъ изъ своихъ дѣтей, въ особенности дочерей, онъ бросалъ на произволъ судьбы или только на время, или навсегда. Надобно полагать, что къ такой безпечности побуждало короля не только его легкомысліе, но отчасти и разстройство его денежныхъ дѣлъ,

такъ какъ даже при всемъ своемъ желаніи онъ не могъ бы обезпечивать свою многочисленную семью съ лѣвой руки. Къ числу такихъ забытыхъ отпрысковъ королевскаго рода, какъ полагали, должна была принадлежать и Клара. Нѣкоторые изъ петербуржцевъ разсказывали, что въ Варшавѣ имъ приводилось видѣть Августа II, и при этомъ настойчиво утверждали, что Клара чрезвычайно походила на своего отца, который, какъ извѣстно, былъ въ молодости замѣчательнымъ красавцемъ.

Дрезденша, когда ей высказывали догадку о высокомъ происхожденіи появившейся у нея дѣвушки, только двусмысленно улыбалась, а потомъ уже и сама стала дѣлать намеки на то, что судьба Клары должна была бы быть иная, судя по ея рожденію, но что обстоятельства ея дѣтства сложились такъ неблагопріятно, что она не можетъ явиться въ той блестящей обстановкѣ, какая принадлежитъ ей по праву происхожденія, добавляя, однако, что, по всей вѣроятности, скромное положеніе дѣвушки рано или поздно измѣнится и что только временно встрѣчаются разныя препятствія къ тому, чтобы она была вправѣ заявить публично, къ какому знатному семейству она принадлежитъ.

Правдоподобіе толковъ о происхожденіи Клары подтверждалось нѣкоторыми подходящими случаями, которые были очень хорошо извѣстны и въ самомъ Петербургѣ. Такъ, нѣсколько русскихъ дѣвушекъ, которыя росли и даже воспитывались въ чужихъ домахъ, какъ простолюдинки, вдругъ оказывались, при измѣнившихся обстоятельствахъ, дочерьми знатныхъ вельможъ, и за ними отцы ихъ давали большое приданое, признавая ихъ своими дѣтьми, хотя и не могли передать имъ своихъ фамилій и титуловъ. Около того же времени толковали объ одномъ молодомъ вахмистрѣ Коннаго полка, будто онъ совсѣмъ не тотъ, за кого его выдавали, и что, по отцу и въ особенности по матери, онъ такого высокаго происхожденія, что можетъ считаться выше всѣхъ графовъ и князей.

Сама Клара какъ будто подтверждала молву объ ея происхожденіи. Она отличалась и гордою поступью, и сознаніемъ своего достоинства. Держала она себя совершенно иначе, нежели прочія посѣтительницы собраній Дрезденши, дѣлавшихся все многолюднѣе и удостоиваемыхъ уже по временамъ посѣщеніемъ знатныхъ персонъ женскаго пола. Немногіе изъ кавалеровъ рѣшались просить Клару на танцы, такъ какъ она казалась очень спѣсивой и, если исполняла ихъ просьбу, то не позволяла съ собою ни малѣйшей вольности. Посѣтители собраній, видя неприступность красавицы, отчасти въ сознаніи ея правъ на исключительное уваженіе, а отчасти въ насмѣшку, стали называть ее принцессою, и это названіе все болѣе и болѣе упрочивалось за нею. Не смотря на прежнія политическія взаимныя ссоры между поляками и русскими, польки у русскихъ всегда считались самыми обворожительными женщинами. Клару принимали

въ Петербургѣ за польку, и какъ это обстоятельство, такъ еще тѣмъ болѣе молва объ ея происхожденіи придавали ей, при ея красотѣ, особое обаяніе.

Дворъ императрицы Елизаветы, любившей въ то время и танцы, и развлеченія, отличался самыми разнообразными увеселеніями. Государыня, между прочимъ, завела у себя во дворцѣ и такъ называвшіяся «метаморфозы», т. е. такіе маскарады, на которые дамы должны были являться въ мужской одеждѣ, а кавалеры — въ дамской. Дрезденша при всемъ желаніи разнообразить происходившія у нея вечернія собранія, не имѣла права завести у себя «метаморфозы», такъ какъ такое переряживаніе было бы несомнѣнно принято за продерзостное подражаніе высочайшему двору, и, по тогдашнимъ понятіямъ, оно было бы сочтено и личнымъ оскорбленіемъ государыни, и государственнымъ преступленіемъ. Другое дѣло были обыкновенные маскарады, гдѣ каждый и каждая могъ переряжаться, какъ хотѣлъ, и Дрезденша открыла ихъ въ своемъ домѣ, который въ то же время расширился вслѣдствіе новыхъ къ нему пристроекъ.

На эти такъ называемые, въ противоположность придворнымъ маскарадамъ «вольные» маскарады могли беззазорно пріѣзжать не только мужчины, но и дамы тогдашняго большаго петербургскаго свѣта. Маскарадный костюмъ, преимущественно «венеціанскій», или, иначе, «монашескій», т. е. широкое домино, съ вздѣтымъ на голову широкимъ капюшономъ, и маска давали знатнымъ персонамъ обоего пола возможность быть не узнаваемыми, если только онѣ сами этого желали, такъ какъ на вольныхъ маскарадахъ можно было являться и безъ маски, но слѣдовало только быть не въ обыкновенномъ платьѣ, а въ какомъ нибудь костюмѣ. Дрезденша по измышленію развлеченій пошла еще далѣе. По словамъ ея современника, къ ней пріѣзжали незнакомыя между собою обоего пола пары «для удобнаго между собою разговора и свиданія наединѣ». Ѣзжали къ ней въ домъ — продолжаетъ онъ — и знатныя дамы, чтобы «другихъ мужей себѣ по нраву выбирать». Выписывала она издалека въ Петербургъ и такихъ красавицъ-иностранокъ, которыя «по пріѣздѣ въ Петербургъ жили въ великолѣпныхъ хоромахъ изобильно, и которымъ жертвоприношеніе было отовсюду богатое».

V.

На одной изъ происходившихъ у Дрезденши такъ называвшихся «вечеринокъ» въ числѣ гостей было двое молодыхъ артиллеристовъ. Одинъ изъ нихъ, немного постарше, былъ штыкъ-юнкеръ Мартыновъ — чинъ котораго соотвѣтствовалъ поручику арміи — а другой лѣтъ двадцати трехъ, съ виду очень скромный, былъ сер-

жантъ Михайло Васильевичъ Даниловъ, занимавшійся приготовленіемъ фейерверковъ. Этотъ послѣдній сидѣлъ, не только призадумавшись, но и крѣпко пригорюнившись, въ уголку залы и не принималъ никакого участія ни въ разговорахъ, ни въ танцахъ. Онъ видимо былъ занятъ какою то тяжелою думою и не обращалъ вниманія на кружившихся и мелькавшихъ передъ его глазами красивыхъ дѣвушекъ, изъ которыхъ иныя бросали игривые и вызывающіе взгляды на красиваго сержанта.

Сержанту было, однако, не до нихъ. Онъ вспоминалъ теперь о томъ времени, когда онъ познакомился съ полюбившеюся ему дѣвушкою Шарлоттою, жившею по близости съ нимъ, въ домѣ Строганова, у извѣстнаго нѣкогда по своей учености профессора и академика по части астрономіи Делиля. Даниловъ вспомнилъ, какъ для свиданія съ нею онъ безпрерывно заходилъ къ отцу Шарлотты, торговавшему виномъ, и какъ онъ, не будучи самъ питухомъ, заводилъ къ родителю Шарлотты своихъ пріятелей и подчивалъ ихъ на свой счетъ, хотя и былъ человѣкъ куда какъ не денежный.

Во время этихъ воспоминаній къ нему подошелъ его сослуживецъ, штыкъ-юнкеръ Мартыновъ, его землякъ, который, какъ старше Данилова и лѣтами, и рангомъ, былъ не только его добрымъ товарищемъ, но и нерѣдко давалъ ему полезныя наставленія.

— Что, братъ Михайло Васильевичъ, ты такъ сильно призадумался? проговорилъ весело штыкъ-юнкеръ,— или ты все еще попрежнему думаешь только о своей Шарлоттѣ? Да забудь ее! Посмотри, сколько около тебя красотокъ, выбирай изъ нихъ ту, которая тебѣ болѣе всѣхъ другихъ нравится, да и пріударь за ней хорошенько. Скажу тебѣ напрямки: чуется мнѣ, что любовь твоя къ Шарлоттѣ до добра тебя не доведетъ. Въ случаѣ чего, у нея найдется такой опасный противъ тебя защитникъ, какъ твой сосѣдъ, французъ-астрономъ. Онъ, братъ, не смотря на то, что старикъ, еще такой горячій человѣкъ, что надѣлаетъ тебѣ много непріятностей и хлопотъ. Повѣрь мнѣ!

Говоря это, штыкъ-юнкеръ подсѣлъ рядомъ къ своему сослуживцу.

— Да разскажи мнѣ, дружище, съ полною откровенностію, какъ ты сошелся съ нею? участливо спросилъ Мартыновъ.

— Ты знаешь, какой способъ нашелъ я, чтобъ хаживать въ домъ ея отца подъ разными видами. Сидѣлъ я съ ней почти безвыходно и, наконецъ, я почувствовалъ въ себѣ безпокойство только еще издалека: эта страсть, кою я до сего случая не зналъ, слѣдовательно и воображать объ ней не могъ, сначала принуждала меня къ свиданію съ Шарлоттою, и я потому безпрекословные находилъ случаи сидѣть у отца ея цѣлый день и разговаривать всякой вздоръ, а самъ питался страстнымъ зрѣніемъ и любовными разговорами съ Шарлоттою. Наконецъ, увидѣлъ я съ своей стороны

въ себѣ перемѣну, которую прежде не чувствовалъ: чтеніе книгъ и любимое мое упражненіе рисовать наводили мнѣ уже скуку и побуждали меня все болѣе всякій часъ видѣть Шарлотту [1]).

— А ты, Михайло Васильевичъ, посдержался бы видѣться съ нею. Любовь при разлукѣ проходитъ скоро, а при частыхъ свиданіяхъ усиливается все болѣе. Вещь извѣстная!—наставительно проговорилъ штыкъ-юнкеръ.

— Да я и старался препятствовать сей моей страсти, отвѣчалъ Даниловъ: — представляя себѣ ясно неблагопристойность, которая потомъ произойдти можетъ. Съ таковымъ предразсужденіемъ овладѣть собою, я положилъ противиться свиданію и, чтобы не быть подверженнымъ въ полную власть любовнаго предмета, отложилъ частыя свиданія съ Шарлоттою и не выходилъ изъ двери никуда недѣли по двѣ, дабы не видѣть ее, однакожъ, она никогда изъ мыслей моихъ не выходила.

— Ну, и ты, разумѣется, не выдержалъ и отмѣнилъ свое постановленіе?—съ живостію перебилъ Мартыновъ.

— Слушай, что было дальше, продолжалъ печальнымъ голосомъ сержантъ—принялъ я на себя во всякомъ родѣ постъ, воздержаніе и тѣмъ надежно чаялъ я получить себѣ право избѣгнуть изъ рукъ заразившей меня любовною страстью, но все шло не по моему намѣренію, а даже ото дня возгоралась во мнѣ оная доселѣ неизвѣстная страсть сильнымъ пламенемъ, какъ будто воздержность моя на посмѣяніе мнѣ умножала оную.

Сержантъ глубоко вздохнулъ, а штыкъ-юнкеръ улыбнулся.

— Видно, братъ, что Шарлотта сильно тебя къ себѣ приворожила, такъ что доселѣ отъ нея ты отстать не въ силахъ,— шутливо проговорилъ Мартыновъ. И говоришь-то ты о ней уже слишкомъ красно, словно по писанному, да ты ужъ, чего добраго, не принялся-ли ей писать вирши?

— Пожалуй, что и дойду до этого сантимента, а теперь скажу тебѣ по душѣ, что отъ сопротивленія сей страсти я еще болѣе почувствовалъ въ себѣ истомленіе, подобно плывущему человѣку, который противъ быстроты воды плыветъ всѣми своими силами, покуда не станетъ ослабѣвать, а какъ почувствуетъ лишеніе силъ, то, опустя руки, отдается теченію воды на волю и уже не можетъ противиться, куда вода его несетъ. Я подобенъ теперь тому, какъ нѣкоторый стихотворецъ влюбленнаго человѣка стихами изображаетъ:

Я холоденъ, какъ ледъ, но въ пламени горю,
Смѣюся и грущу, о томъ и говорю!

печально продекламировалъ сержантъ.

[1]) Содержаніе и самые обороты рѣчи для этого разговора взяты изъ «Записокъ» Данилова, которыя и послужили основаніемъ для настоящаго нашего разсказа. Е. К.

— Да ужъ сіе не твое-ли, любезный другъ, произведеніе? Что-жъ, ты теперь въ твоихъ мечтаніяхъ немало стиховъ пишешь. Пиши, пиши, пріятель, авось, по времени и господина Ломоносова превзойдешь,—смѣялся штыкъ-юнкеръ. Стихи-то, впрочемъ, кропай: на сіе и времени немного требуется, да и отъ стихотворскаго упражненія никакой бѣды на себя не накличешь. А Шарлотту спусти по боку. Ей-ей, бѣды съ нею наживешь. Вѣдь петербургскія-то дѣвки не то, что наши деревенскія. Поддастся, а потомъ и скажетъ: женись на мнѣ, а то по начальству жаловаться на тебя пойду.

— Ну, это куда-какъ не хорошо будетъ, перебилъ замѣтно испугавшійся Даниловъ: — для того, что которая въ любовницахъ кажется и пріятна, но въ женахъ быть не годится за низкостію своего рода.

— На это, Михайло Васильевичъ, начальство не посмотритъ. По городу ходитъ теперь молва, что царица хочетъ прекратить всякія беззаконныя сожительства и всякія неприличныя произвожденія по любовнымъ дѣламъ. Благочестивѣйшая наша государыня-дѣвственница, такъ собою примѣръ показать хочетъ, на сколько примѣры сіи несовмѣстительны съ добрыми нравами. А подговариваютъ ее къ тому духовникъ ея, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, да графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ. Такъ говорятъ по крайности, а коли люди ложь, такъ и я тожъ.

— Какъ и Шуваловъ?—спросилъ торопливо смущенный сержантъ. Смутился же онъ въ виду того, что графъ Петръ Ивановичъ былъ родной братъ его главнаго начальника, графа Александра Ивановича, завѣдовавшаго генералъ-фельдцейхмейстерскою частію.

— Разсказываютъ, впрочемъ, что не столько онъ самъ, сколько супруга его, Мавра Егоровна, возстаетъ противъ нынѣшней развращенности. Дѣло-то въ томъ, продолжалъ Мартыновъ, понизивъ еще болѣе голосъ,— что тутъ, братецъ ты мой, идутъ своего рода шашни, о которыхъ намъ, маленькимъ людямъ и говорить-то не слѣдъ. Графъ Петръ Ивановичъ, извѣстно, не изъ послѣднихъ волокитъ, а графиня-то подозрѣваетъ его въ невѣрности, да онъ ловко концы умѣетъ прятать. Такъ вотъ Мавра Егоровна и подбиваетъ царицу: очисти, молъ, матушка-государыня, Питеръ отъ развратныхъ нравовъ, и разсчитываетъ на то, если ея величество возьмется за это дѣло, такъ знатныя персоны поугомонятся въ своихъ любовныхъ шашняхъ, а тогда между ними поугомонится и нашъ графъ, а пока онъ — ты знаешь, что онъ человѣкъ куда какой хитрый — принялся вторить своей супругѣ, чтобы отвести отъ себя всякое со стороны ея подозрѣніе. Если, молъ, я — думаетъ онъ—самъ стану твердить всемилостивѣйшей нашей государынѣ, что россійская нація—нація развращенная, такъ, стало быть, я по

чистотѣ моей жизни составляю исключеніе. Самъ на себя, извѣстное дѣло, доносить никто не станетъ.

— Разсказывай-ка сказки! Да мнѣ заподлинно извѣстно, что его сіятельство, Петръ Ивановичъ, частенько тайкомъ у Дрезденши бываетъ и время проводитъ въ особыхъ покойчикахъ, что̀ во дворѣ къ главному дому пристроены. Выслѣжу я его здѣсь, да если онъ мнѣ чуть какія непріятности по сношеніямъ моимъ съ Шарлоттою вздумаетъ дѣлать, такъ я и самъ такія ему каверзы устрою, какихъ онъ и не ждетъ отъ меня!—разгорячился вдругъ Даниловъ.

— Охъ ты, молокососъ! Да что ты посмѣешь сдѣлать его сіятельству?—унималъ тихимъ голосомъ Мартыновъ.

— Да просто-на-просто наведу на него Мавру Егоровну. Вотъ тебѣ и конецъ. Она, какъ всѣ знаютъ, имѣетъ у государыни бо̀льшую силу, чѣмъ самъ графъ персонально, а съ нимъ справятся скоро, и красотку его выпроводятъ изъ Питера туда, гдѣ нескоро онъ ее отыщетъ.

— Ну, ну, успокойся, я вѣдь только шутя сказалъ, будто его сіятельство внушаетъ царицѣ искоренить всѣ любовныя произвожденія. Вольно ты, Михайло Васильевичъ, горячъ и прытокъ, въ бѣду влопаться можешь скоро. А теперь я скажу тебѣ болѣе огорчительную для тебя вѣдомость. Коль скоро ее узнаешь, такъ любовь твоя къ Шарлоттѣ какъ рукой съ тебя снимется.

Сержантъ при этихъ словахъ тревожно вскинулъ глаза на штыкъ-юнкера, ожидая, что̀ заговоритъ онъ.

— Подожди немного, да скажи мнѣ прежде, какіе такіе поступки тебѣ показывала сама Шарлотта?

— Шарлотта не старалась такъ, какъ я, скрываться отъ слѣдуемой намъ непристойности: прохаживала она часто, гуляючи, мимо оконъ моихъ.

— А зачѣмъ же она прохаживала? Думаешь, вѣрно, ты, что это дѣлала она для тебя? Какъ же!—сказалъ, усмѣхаясь, Мартыновъ.

— Всеконечно, что для меня, съ увѣренностію отозвался молодой человѣкъ.

— Ха, ха, ха! разсмѣялся штыкъ-юнкеръ:—а вотъ и ошибся! Я тебѣ могу сказать, для кого она прохаживала. Знаешь-ли ты помощника господина Делиля, тоже профессора астрономіи, господина Попова?

— Личнаго знакомства съ нимъ не имѣю, а такъ по виду его хорошо знаю. Человѣкъ, онъ, кажется, такой почтенный!

— То-то почтенный, какъ же! Надобно тебѣ знать, что твоя Шарлотта съ нимъ и слюбилась,— утвердительно сказалъ Мартыновъ.

— Вотъ еще что за шутка! Поповъ человѣкъ почти что старый! — вспыливъ, перебилъ Даниловъ.

— Не большая бѣда, что старый! Шарлотта твоя, какъ нѣмка, съ хорошей смѣкалкой. Ты бы такъ ее полюбилъ, побаловался бы съ ней нѣкоторое время, а потомъ и пустилъ бы ее на всѣ четыре стороны.

— А Поповъ-то что?

— Поповъ обѣщалъ на ней жениться и выдалъ ей въ томъ росписку. Она хвалится теперь этимъ. Шарлотта не дура, она себѣ на умѣ. Что для нея значитъ сержантъ или даже хоть нашъ братъ штыкъ-юнкеръ отъ артиллеріи! Такихъ молодцовъ она и безъ тебя и безъ меня найдетъ много, а такого мужа, какъ Поповъ, не только она, да и та, которая получше ея будетъ, нескоро отыщетъ. Мы что съ тобой? Живемъ или въ казенной свѣтлицѣ, или бываемъ размѣщены у обывателей на постоѣ. Мы бьемся при скудномъ жалованьѣ и одноколкой-то обзавестись не сможемъ, а у профессора не только есть отъ академіи одноколка, да, пожалуй, еще и карета, но и царскаго жалованья, почитай, онъ, по крайней мѣрѣ, беретъ вдвое или втрое больше нашего. Къ тому же онъ, какъ персона штабъ-офицерскаго ранга, и теперь имѣетъ право четверней въ каретѣ цугомъ ѣздить, да хвалится еще тѣмъ, что его не сегодня, такъ завтра въ надворные совѣтники произведутъ, такъ и будетъ онъ тогда въ рангѣ подполковника арміи; а мы то что съ тобой? Въ наше то время такихъ жениховъ, какъ мы, и не ищутъ и не хотятъ идти замужъ за какихъ нибудь голяковъ. Вотъ что!

Михайло Васильевичъ крѣпко призадумался и прежде всего сталъ помышлять, какъ бы отомстить невѣрной Шарлоттѣ за ея любовь къ Попову, такъ какъ она не разъ говорила сержанту, что никого другаго, кромѣ его, не любитъ, да и любить не можетъ.

— Все это, любезнѣйшій другъ, вранье, бабьи сплетни,— проговорилъ съ притворною небрежностію Даниловъ, стараясь скрыть охватившее его сомнѣніе.

— Ну, нѣтъ; разсказывалъ мнѣ это одинъ мой добрый пріятель, служащій при академіи, въ астрономической обсерваторіи. Повѣрить ему можно: онъ не выдумщикъ. Бываетъ онъ частенько въ домѣ господина Делиля и хорошо знаетъ, что̀ тамъ происходитъ. Вѣдомо ему стало, что и самъ господинъ Делиль, ухаживая за Шарлоттой, принялся съ нѣкоторыхъ поръ ревновать ее, да только не къ тебѣ, а къ Попову.

Сержантъ хотѣлъ еще кое-что поразспросить у своего товарища, когда въ залѣ послышался тотъ легкій особаго рода шумъ, какой бываетъ всегда въ многолюдномъ собраніи при появленіи лица, на которое всѣ спѣшатъ обратить вниманіе.

VI.

Въ настоящемъ случаѣ предметомъ такого вниманія была Клара. Она явилась въ залу въ великолѣпномъ польскомъ нарядѣ, въ свѣтлолазоревомъ кунтушѣ, съ закинутыми за спину длинными рукавами. Кунтушъ по бортамъ и по подолу былъ опушенъ собольимъ мѣхомъ; на головѣ у нея была небольшая, желтаго цвѣта, съ низкой тульей и широкой четыреугольной покрышкой, барх атная ша почка, съ околышемъ изъ крымской смушки, а надъ шапочкой колыхалось перо изъ крыла цапли, прикрѣпленное бриллiантовымъ аграфомъ. На маленькихъ и стройныхъ ея ножкахъ, виднѣвшихся изъ подъ коротенькой юбки изъ бѣлаго атласа, были надѣты красные сафьяные полусапожки, съ серебряными, звонко брянчавшими подковками. Клара шла подъ руку съ кавалеромъ, тоже разодѣтымъ въ щегольской польскiй костюмъ, подходившiй по цвѣту къ убору Клары.

Всѣ и дамы, и кавалеры съ удивленiемъ посмотрѣли на эту прекрасную парочку, такъ какъ и кавалеръ, по его наружности и осанкѣ, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ своей дамочкѣ.

— Вотъ бабенка, такъ бабенка! — облизываясь, проговорилъ штыкъ-юнкеръ. То же самое подумали или сказали и всѣ бывшiе въ залѣ мужчины.

— Экой молодецъ! Вѣдь какой статный! Настоящiй красавецъ! — заговорили гостьи, глядя на вошедшаго молодаго человѣка, завидуя не только самой Кларѣ, но и тому еще, что она имѣла при себѣ такого обворожительнаго кавалера.

— Краковякъ! — повелительно крикнулъ вошедшiй танцоръ сидѣвшимъ въ углу музыкантамъ, т. е. обычнымъ у Дрезденши скрипкѣ и кларнету, разучившимъ, по распоряженiю Лихтеръ, заранѣе этотъ танецъ, неизвѣстный еще въ Петербургѣ.

Музыка заиграла. Клара и ея кавалеръ прельстили всѣхъ легкостью и игривостью танца. Послѣ того съ такимъ же изяществомъ протанцовали и мазурку, о которой также петербуржцы не имѣли еще никакого понятiя, довольствуясь такими медленными танцами, какъ менуэтъ, или же, большею частiю, на балахъ, даже и придворныхъ, пускались въ ту пору въ русскую пляску, которую государыня очень любила и которую въ молодости превосходно танцовала, выступая, какъ гордая пава.

Полное и краснощекое лицо толстой Дрезденши сiяло выраженiемъ восторга. Она съ самодовольствомъ смотрѣла на своихъ посѣтителей и посѣтительницъ, какъ будто говоря имъ: вотъ какiя прiятныя для васъ рѣдкости я показываю вамъ!

Почти всѣ мужчины и дамы подходили къ хозяйкѣ и наперерывъ спрашивали: кто такой этотъ прекрасный танцоръ?

— Графъ Дмитревскій, пріѣзжій изъ Польши,—отвѣчала не безъ важности Дрезденша.

— Кто же онъ? Навѣрно женихъ госпожи Клары?—спрашивали разомъ нѣсколько голосовъ.

На послѣдній вопросъ Дрезденша не давала никакого отвѣта и только сама вопросительно взглядывала на тѣхъ, которые высказывали ей такое предположеніе.

Хотя относительно графа Дмитревскаго въ этомъ случаѣ не было получено никакого опредѣленнаго отвѣта, но тѣмъ не менѣе между гостями тотчасъ заговорили, что онъ долженъ быть человѣкъ очень богатый, и несомнѣнно, что онъ женихъ принцессы.

Краковякъ и мазурка чрезвычайно понравились и мужчинамъ, и дамамъ. У многихъ изъ нихъ тотчасъ явилась охота научиться этому танцу отчасти для собственнаго удовольствія, а отчасти желаніе это соединялось съ честолюбивымъ разсчетомъ, такъ какъ нѣкоторые предполагали, научившись танцовать краковякъ и мазурку и одѣвшись въ польскіе костюмы, отправиться на придворный маскарадъ и тѣмъ обратить на себя вниманіе императрицы, которая была большая любительница танцевъ, сама прекрасно танцовала и, слѣдовательно, могла хорошо оцѣнить это искусство.

— Не научитъ ли насъ графъ танцовать краковякъ и мазурку?— спрашивали мужчины, подходя къ Амаліи Максимовнѣ:—мы ему за это хорошо заплатимъ.

— Графъ такъ богатъ, что въ деньгахъ вовсе не нуждается и никакой платы за ученіе не приметъ, съ насмѣшкою отвѣчала Лихтеръ.—У него самого горы золота, но я попрошу его заняться этимъ съ знатными персонами безъ всякаго вознагражденія, отвѣтила Дрезденша. Но объ этомъ мы поговоримъ послѣ.

Когда же, по прошествіи нѣсколькихъ дней, желавшіе научиться у графа танцовать краковякъ и мазурку, обратились за отвѣтомъ къ Амаліи Максимовнѣ, то она богатымъ и знатнымъ персонамъ отвѣчала, что графъ согласенъ дать имъ нѣсколько уроковъ, но не иначе, какъ въ ея залѣ, что онъ, разумѣется, лично для себя никакого денежнаго вознагражденія не желаетъ, но надѣется, что его ученики и ученицы вознаградятъ ее, Дрезденшу, за всѣ ея хлопоты. Ему же обученіе дамъ и дѣвицъ доставитъ большое удовольствіе.

На такомъ условіи состоялось немало соглашеній между танцоромъ-графомъ и молодыми людьми и молодыми дамочками и дѣвицами изъ знатныхъ семействъ. Эти ученики и ученицы уговорились между собою съѣзжаться въ опредѣленные часы къ Дрезденшѣ и, позаимствовавъ отъ графа его умѣніе, его развязность и ловкость, протанцовать краковякъ и мазурку на придворномъ маскарадѣ въ присутствіи императрицы и тѣмъ доставить ея величеству пріятный сюрпризъ. Заявляя о согласіи графа, Дрезденша

добавила, что за обученіе особъ женскаго пола берется очень охотно госпожа Клара, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какія предъявилъ графъ.

Теперь для пріѣзда къ Дрезденшѣ представлялся самый благовидный предлогъ для всѣхъ знатныхъ персонъ, и этимъ смѣтливая Дрезденша пріобрѣтала для себя сразу немало весьма важныхъ выгодъ. Ея прежніе танцовальные вечера, къ которымъ высшее петербургское общество относилось съ пренебреженіемъ, теперь чрезвычайно облагородились въ его глазахъ. У Дрезденши могли незазорно являться даже представительницы самаго высшаго столичнаго круга. Посѣщеніе ими ея дома оправдывалось вполнѣ похвальною цѣлью—доставить по возможности удовольствіе возлюбленной государынѣ.

Доходы Дрезденши возростали все болѣе, и для увеличенія ихъ она открыла новый источникъ, когда тайкомъ къ ней стали пріѣзжать дамы, чтобы, по словамъ современника, «выбирать себѣ другихъ мужей по нраву». Теперь Амалія Максимовна не только свела знакомство съ разными высокопоставленными особами женскаго пола, но и стала держать ихъ въ своихъ рукахъ, владѣя ихъ секретами по любовной части.

Дѣла «принцессы» пошли также, повидимому, очень хорошо: пріѣзжавшія къ ней учиться танцамъ дамы полюбили эту милую дѣвушку. Такъ какъ любопытство составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ женской природы, то новыя знакомки пытались разными способами развѣдать у нея о загадочномъ ея происхожденіи. Клара говорила, что она не знаетъ, гдѣ и когда она родилась, и кто были ея родители; по словамъ ея, она знала только, что въ дѣтствѣ о ней заботились какіе-то неизвѣстные ей вовсе благотворители или благотворительницы, отпускавшіе на ея воспитаніе значительную сумму въ распоряженіе той пожилой дамы, въ домѣ которой она росла. Но по смерти короля Августа II,—какъ будто не хотя, обмолвясь, проговорила Клара,—судьба моя внезапно измѣнилась, и я осталась въ безпомощномъ положеніи; всѣ мои прежніе благотворители исчезли, и моя воспитательница не разъ говорила мнѣ, что я живу у нея только изъ милости, что я покинута всѣми, а у нея самой нѣтъ такихъ средствъ, чтобы устроить меня соотвѣтственно моему рожденію. Въ разсказѣ Клары была доля правды, но были и нѣкоторыя вымышленныя ею добавленія и напускная таинственность. Какъ бы то, впрочемъ, ни было, но предположеніе, что въ этой красавицѣ течетъ королевская кровь, получало все бо̀льшую и бо̀льшую достовѣрность во мнѣніи петербургскаго общества.

VII.

За нѣсколько мѣсяцевъ до появленія въ Петербургѣ красавицы Клары, принявшей здѣсь фамилію Обернебенъ, Дрезденша прожила нѣкоторое время въ Варшавѣ. Въ этотъ послѣдній городъ попала она проѣздомъ на свою родину, Саксонію, но побывка ея въ столицѣ тогдашняго королевства Польскаго не была для нея безполезна. Варшава въ ту пору славилась, какъ и теперь славится, обиліемъ хорошенькихъ и ловкихъ женщинъ, умѣющихъ завлекать и привязывать къ себѣ мужчинъ, такъ что не даромъ въ гербѣ этого города изображается сирена. Изъ тамошнихъ молоденькихъ и пригожихъ обитательницъ Амалія Максимовна и вознамѣрилась составить главную приманку для тѣхъ «вечеринокъ», какія она стала заводить въ Петербургѣ. Разсчетъ ея на успѣхъ въ этомъ случаѣ былъ какъ нельзя болѣе вѣренъ. Не только русская молодежь, но и старики, побывавшіе въ Польшѣ, составили себѣ понятіе о полькахъ, какъ о самыхъ очаровательныхъ женщинахъ. Вдобавокъ къ тому, польки, въ сравненіи съ прочими заѣзжими въ Петербургъ красотками, представляли еще и то удобство, что онѣ скоро могли научиться понимать и даже говорить порусски, такъ что съ ними было гораздо легче познакомиться, нежели съ нѣмками и француженками, съ которыми, при незнаніи русскими языковъ представительницъ этихъ національностей, трудно было даже разговориться и, большею частью, приходилось начинать любовныя съ ними похожденія игрою въ скоро надоѣдавшую молчанку.

Ловля Дрезденшею красотокъ въ Варшавѣ шла довольно успѣшно, и сообразительная саксонка, жившая еще и прежде долго въ Варшавѣ, сбиралась уже оттуда ѣхать въ Петербургъ, когда она, проходя по одной изъ варшавскихъ улицъ, встрѣтила молоденькую дѣвушку, поразившую ее своей красотой. Дѣвушка эта, одѣтая хотя и очень скромно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и съ большимъ вкусомъ, внушила тотчасъ же Дрезденшѣ мысль, что нехудо было бы сдѣлать соотвѣтствующую ея намѣренію попытку на счетъ приманки этой незнакомки въ Петербургъ. Амалія Максимовна, притворившись, будто она не знаетъ Варшавы, подошла къ дѣвушкѣ и попросила ее указать, какъ пройдти на ту улицу, названіе которой ей пришло въ голову. Остановившаяся на дорогѣ дѣвушка очень охотно принялась объяснять Дрезденшѣ, съ виду весьма почтенной дамѣ, дорогу, но, по окончаніи этого объясненія, Амалія Максимовна, очень любезно поблагодаривъ дѣвушку за оказанное ей вниманіе, не отправилась по указанному ей пути, но пошла съ нею рядомъ и вступила съ нею въ разговоръ.

— Вы варшавянка? Родились здѣсь?—спросила попольски Дрезденша свою спутницу.

— Нѣтъ, но только почти съ дѣтства живу здѣсь, а родилась я въ Саксоніи, — отвѣчала она.

— Тѣмъ лучше, радостно заговорила по-нѣмецки Дрезденша:— значитъ, мы земляки, а я пріѣхала сюда только на время изъ Россіи.

— Изъ Россіи? — какъ будто удивившись, переспросила молодая дѣвушка. О, какъ это далеко! — добавила она.

— Совсѣмъ не такъ далеко, какъ кажется, потому что я живу въ Петербургѣ, а не гдѣ нибудь въ отдаленной глуши.

— И хорошо живется вамъ въ Петербургѣ? — какъ-то невольно спросила Клара.

— О, тамъ жить очень хорошо, особенно намъ, женщинамъ, а тѣмъ еще лучше молоденькимъ, хорошенькимъ, такимъ, напримѣръ, какъ вы,—отвѣчала Лихтеръ, пристально и какъ-то странно взглянувъ на Клару.

Молодая дѣвушка, какъ казалось, совершенно равнодушно выслушала этотъ отвѣтъ и, повидимому, вовсе не замѣтила устремленнаго на нее взгляда ея спутницы.

— Да развѣ и можетъ житься худо въ томъ государствѣ, которыми управляютъ не мужчины, а женщины. Вѣдь этого не водится ни здѣсь, въ Польшѣ, ни у насъ, въ Саксоніи,—заговорила хитрая женщина.

Клара, не занимавшаяся никогда политикою и незнакомая вовсе съ исторіею Россіи, вопросительно взглянула на Лихтеръ.

— Да какъ же, моя дорогая красавица, развѣ вы этого не знаете? Въ Россіи послѣ царя Петра, о которомъ вы уже, конечно, когда нибудь слышали, царствовала жена его, Екатерина, при которой я пріѣхала въ Петербургъ, а послѣ нея правила государствомъ императрица Анна, потомъ нѣмецкая принцесса, тоже по имени Анна, а теперь тамъ царствуетъ дѣвица Елизавета Петровна, дочь императора Петра.

— Какъ это странно, — улыбнувшись, замѣтила Клара.

— О, въ Россіи дѣвушка можетъ себѣ составить отличное положеніе. Нужно только, чтобы опытная женщина на первыхъ порахъ руководила ею. Тамъ иностранкѣ вовсе нетрудно выйдти замужъ за самаго богатаго и самаго знатнаго вельможу. Да вотъ, хоть бы къ примѣру сказать, императрица Екатерина была простая латышская крестьянская дѣвушка, безъ роду, безъ племени, а потомъ не только сдѣлалась супругою государя, но и сама управляла государствомъ, какъ самодержавная царица, а теперь на русскомъ престолѣ сидитъ ея дочь. Какъ я всегда жалѣю, что не пріѣхала въ ранней молодости въ Россію. Навѣрно была бы я теперь знатной дамой, графиней, княгиней, а кто знаетъ, быть можетъ, и еще выше, — вздохнувъ, проговорила Лихтеръ.

Разсказы эти заинтересовали Клару.

— А вы, моя красавица, чѣмъ занимаетесь въ Варшавѣ?—быстро спросила ее Лихтеръ.

Клара смѣшалась и покраснѣла.

— Чѣмъ я занимаюсь?—переспросила она съ разстановкой, какъ бы желая отдалить отвѣтъ на этотъ щекотливый и совершенно неумѣстный при первомъ знакомствѣ вопросъ.

— Я спрашиваю васъ, чѣмъ вы занимаетесь, или, иначе сказать, мнѣ хочется знать, какія есть у васъ средства къ жизни? Вы мнѣ такъ полюбились съ перваго же разу, что я готова была бы помочь вамъ, чѣмъ только могу.

Клара не отвѣчала ничего, печально опустивъ свои темные глазки.

— А сердечнаго дружка у васъ нѣтъ?—съ игривой улыбкой, шутливымъ полушопотомъ спросила Дрезденша.

— Нѣтъ, простодушно и твердо отвѣтила дѣвушка:—я никого еще не успѣла полюбить.

— Не о любви спрашиваю я васъ. Любить покуда никого не надобно. Любовь, сказать по правдѣ, сущій вздоръ, а надобно стараться выйдти хорошо замужъ, чтобы потомъ не плакаться на свою горемычную судьбу. Знаете что, мой дружочекъ, я въ Россіи могу васъ очень хорошо пристроить. Знакомыхъ у меня въ Петербургѣ множество. Согласитесь ѣхать туда со мной, и я вамъ пріищу тамъ жениха, или найду вамъ мѣсто при дворѣ, если вы не захотите выйдти замужъ. Впрочемъ, добавила Лихтеръ, на улицѣ говорить объ этомъ неудобно, а зайдите ко мнѣ хоть не надолго, я живу здѣсь близко.

Клара нѣсколько колебалась: ей показались слишкомъ странными такія ласки и такое участіе вовсе незнакомой ей женщины, но Дрезденша, схвативъ ее за руку, почти что силою повела на другую сторону улицы, и вскорѣ онѣ, молча, дошли до того дома, гдѣ жила Лихтеръ.

— Да, въ Петербургѣ молоденькимъ иностранкамъ живется куда какъ хорошо, заговорила Дрезденша, усаживая свою гостью на канапе и присѣвъ сама подлѣ нея. Это, впрочемъ, и понятно: русскіе предпочитаютъ ихъ своимъ соотечественницамъ, которыя такъ неуклюжи, что не умѣютъ ни стать, ни сѣсть, ни пошутить, ни полюбезничать. На вопросы отвѣчаютъ только: да, или нѣтъ. Въ Петербургѣ вообще говорятъ, что съ русскими женщинами, хотя бы и красивыми, бываетъ очень скучно, онѣ вовсе не умѣютъ развеселить мужчину. — А позвольте спросить, добавила Дрезденша, кто были ваши родители?

— Я ихъ совсѣмъ не знаю. Я выросла въ чужомъ домѣ, у баронессы фонъ-Трейденъ, которая сперва жила въ Дрезденѣ, а потомъ переѣхала въ Варшаву.

— Сейчасъ видно, перебила Дрезденша:—что вы получили воспитаніе въ аристократическомъ домѣ. Говорите вы пофранцузски?

— Да.

— И это недурно, потому что изъ иностранныхъ языковъ въ петербургскомъ обществѣ въ ходу только этотъ языкъ, да и то мало кто знаетъ его. Но вы можете разговаривать въ Петербургѣ по-польски, хоть и съ трудомъ, а всетаки, васъ тамъ будутъ понимать. Почему же баронесса фонъ-Трейденъ взяла васъ къ себѣ на воспитаніе? — продолжала допрашивать Дрезденша.

— Этого я не могу вамъ сказать. Слышала я только, что сначала платили ей за мое воспитаніе ежегодно значительную сумму, а потомъ вдругъ перестали.

— А съ котораго времени?

— Кажется, съ тридцать четвертаго года.

— Съ тридцать четвертаго года? переспросила Дрезденша. — Значитъ, какъ разъ послѣ смерти короля Августа II. А знаете что̀, дружочекъ мой, вдругъ, точно съ радостною находчивостію, вскрикнула Дрезденша, пристально взглянувъ на молодую дѣвушку, — вѣдь вы похожи на покойнаго короля! Какой онъ былъ красавецъ въ молодости!

Клара смѣшалась, опустивъ внизъ глаза.

— Ахъ, какой онъ былъ красавецъ въ молодости! повторила Лихтеръ. Сколько дѣвицъ и замужнихъ дамъ онъ свелъ съ ума! Счета имъ нѣтъ. Вы, конечно, замѣчаніемъ моимъ обижаться нисколько не можете. Если вы не знаете вовсе вашихъ родителей, то, разумѣется, лучше всего предположить, что вы по крови не какая нибудь простолюдинка, мѣщаночка или даже шляхтяночка, а королевская дочь. Да, вѣрно, оно такъ и есть: и ваша наружность, и ваша осанка, и ваша походка, говорятъ о вашемъ высокомъ происхожденіи.

Дѣвушка смѣшалась теперь окончательно, но не отъ стыда, а отъ появившейся въ ней своего рода гордости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она подумала о томъ печальномъ положеніи, въ какомъ она находилась, живя по милости помогавшей ей баронессы, и не имѣя въ виду ровно ничего.

— Если бы догадки ваши были справедливы, грустно проговорила она: — то, навѣрное, я не была бы брошена на произволъ судьбы. Отецъ мой, значитъ, былъ очень богатый человѣкъ и непремѣнно обезпечилъ бы меня на всю жизнь.

— Какъ же! Не таковской былъ покойный король! Скольких онъ оставилъ и сыновей, и дочерей въ безвѣстности и въ нищетѣ. Слышали вы когда нибудь объ Аннѣ Ожельской?

— Что-то слышала, но хорошенько теперь не помню. Да и къ чему этотъ вопросъ?

— Да къ тому, что ваше положеніе напоминаетъ мнѣ ея судьбу; только будущность ваша, кажется, не такая, какъ судьба Анны. А, впрочемъ, кто знаетъ? Можетъ быть, она будетъ еще болѣе блестя-

щей. Часто съ людьми случается то, чего они вовсе не ожидаютъ, а на внезапную перемѣну вашей участи у васъ, всетаки, есть кое-какія надежды.

Клара со вниманіемъ прислушивалась къ словамъ своей новой знакомки.

— Вотъ Анна Ожельская была дочь короля отъ француженки Генріетты Дюваль, замѣчательной красавицы, на которую смотрѣть съѣзжалась въ свое время вся Варшава, но король былъ страшный вѣтренникъ и, вскорѣ разставшись съ Генріеттой, позабылъ и дочь ея Анну, которая и не думала вовсе, что она королевская дочь. Никто ей не говорилъ объ этомъ и даже не намекалъ. Такъ и прожила она до девятнадцати лѣтъ. Былъ, однако, у Анны братъ, графъ Рутовскій, сынъ короля отъ плѣнной турчанки Фатины. Вотъ этотъ-то графъ, провѣдавъ случайно о существованіи Анны, нашелъ случай представить ее королю, который и призналъ Анну своею дочерью по ея поразительному сходству съ Генріеттой. Король далъ ей фамилію Ожельской, построилъ для нея въ Дрезденѣ великолѣпный дворецъ, а потомъ выдалъ ее замужъ за одного нѣмецкаго герцога. Свадьбу Анны онъ справилъ съ необыкновенною пышностію. На эту свадьбу съѣхалось въ Дрезденъ множество гостей.

— Но вѣдь мое положеніе нельзя приравнивать къ положенію Анны Ожельской, если бы я была и дѣйствительно дочерью короля Августа, улыбнувшись, замѣтила Клара. — Нельзя сдѣлать этого потому, что король Августъ II уже умеръ и, слѣдовательно, не можетъ устроить мою судьбу такъ, какъ онъ устроилъ при жизни судьбу другой своей дочери.

— Это правда, но, всетаки, было бы вамъ очень полезно, если бы васъ стали считать въ Петербургѣ дочерью короля польскаго. Нынѣшная русская государыня очень сострадательна, она обратила бы особенное вниманіе на ваше положеніе и, навѣрно, не отказалась бы помогать вамъ. Статься можетъ, она написала бы о васъ королю Августу III, которому вы собственно приходитесь сестрой. Понимаете? — слегка подмигнувъ Кларѣ, проговорила Дрезденша.

Хотя Клара ничего не отвѣчала на такія отрадныя соображенія смѣтливой Лихтеръ, но тѣмъ не менѣе она находилась подъ вліяніемъ пріятнаго для нея тщеславія, слыша, что по ея наружности ее можно и выдать, и принять за королевскую дочь.

Съ своей стороны, Дрезденша настойчиво стала убѣждать Клару, чтобы она ѣхала съ нею въ Петербургъ, и сулила ей въ будущемъ и богатство, и знатность, выставляя въ противоположность и той, и другой, то скромное и необезпеченное положеніе, въ какомъ останется Клара, если будетъ жить попрежнему въ Варшавѣ.

Клара, увлеченная розсказнями Амаліи Максимовны, колебалась недолго. Она приняла предложеніе Дрезденши, которая взя-

лась быть ея руководительницей въ Петербургѣ, требуя отъ нея только полнаго послушанія ея наставленіямъ.

Въ прошломъ столѣтіи являлось во всей Европѣ множество искателей и искательницъ приключеній, и выдать въ Россіи безвѣстную дѣвушку за побочную дочь короля польскаго не представляло никакихъ особыхъ затрудненій, въ особенности, если сообразить, что въ послѣдствіи появилась за границею мнимая дочь Елизаветы Петровны, предъявившая даже притязанія на русскій императорскій престолъ. Хотя разсказы о первыхъ годахъ жизни этой смѣлой самозванки представлись невѣроятными, но тѣмъ не менѣе она нашла себѣ не только сторонниковъ, но и людей значительныхъ, вполнѣ вѣрившихъ въ вымышленное ея происхожденіе. Тѣмъ легче могло быть сдѣлано нѣчто подобное въ отношеніи Клары, не заявлявшей никакихъ политическихъ притязаній. Молва о высокомъ ея происхожденіи могла казаться вполнѣ правдоподобной, а примѣненныя къ такой молвѣ соображенія Дрезденши — вполнѣ основательными: королевская дочь, хотя и побочная и покинутая, всетаки, имѣла бы болѣе значенія и представляла бы большую приманку, нежели какая нибудь заурядная искательница приключеній.

Вмѣстѣ съ Дрезденшей и Кларой отправился, въ качествѣ сопровождающаго ихъ кавалера, не богатый, но красивый и ловкій молодой шляхтичъ, явившійся въ Петербургѣ подъ именемъ графа Дмитревскаго. Онъ ѣхалъ туда въ надеждѣ на успѣхъ у женщинъ, а также и на счастливую, а въ случаѣ надобности, и не совсѣмъ чистую карточную игру, которая велась тогда въ Петербургѣ въ огромныхъ размѣрахъ, такъ что нерѣдко груды золота съ игорныхъ столовъ переходили не только въ карманы, но и за наполненіемъ ихъ въ носовые платки и даже въ шляпы счастливыхъ игроковъ. Что же касается женщинъ, то среди поляковъ были еще памятны тѣ блестящіе успѣхи, какіе въ этомъ отношеніи имѣлъ молодой и красивый Петръ Сапѣга при дворѣ императрицы Екатерины I.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Варшавы, Клара — какъ мы уже знаемъ — явилась на вечеринкахъ Амаліи Максимовны.

Е. Карновичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВА ЭПИЗОДА ИЗЪ ЭПОХИ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

СВОБОЖДЕНІЕ крестьянъ, совершившееся у насъ такъ недавно, имѣетъ уже довольно значительную литературу. Оффиціальные документы—труды коммиссій, комитетовъ и т. п., послужатъ обильнымъ матеріаломъ для будущаго историка внутренней жизни Россіи. Но независимо отъ оффиціальныхъ источниковъ, много свѣта проливаютъ на самую суть дѣла письма и записки современниковъ и тѣ данныя, которыя сохранились въ бумагахъ лицъ, принимавшихъ болѣе или менѣе видное участіе въ ходѣ работъ по освобожденію крестьянъ. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ и сенаторъ Борисъ Николаевичъ Хвостовъ, скончавшійся 17-го іюня 1883 года.

Неожиданная смерть этого достойнаго человѣка была жестокимъ ударомъ для всѣхъ, близко знавшихъ покойнаго и по справедливости цѣнившихъ тѣ благородныя начала, которыми онъ руководствовался и въ жизни, и въ общественной дѣятельности. Можно сказать безъ всякаго преувеличенія, что всѣ дѣйствія Бориса Николаевича выходили изъ самаго чистаго источника, были проникнуты искреннимъ стремленіемъ къ добру и непритворнымъ участіемъ къ судьбѣ ближняго. Слова, святыя слова: «другъ друга тяготы носите»—были его девизомъ. Чтобы поднять тяготу ближняго, чтобы облегчить его горе, Борисъ Николаевичъ готовъ былъ жертвовать и своими личными выгодами, и даже своимъ самолюбіемъ. Сознаніе нравственнаго долга, стремленіе оказать посильную помощь, живое пониманіе чужаго несчастія заставляли его устранять всѣ

тѣ своекорыстныя соображенія, которыя для многихъ и многихъ изъ такъ-называемыхъ хорошихъ людей имѣютъ несокрушимую силу. Всѣ, знавшіе покойнаго, — а ихъ немало,— подтвердятъ, что я говорю сущую правду.

Прекрасныя свойства души Бориса Николаевича отразились, болѣе или менѣе замѣтно, и на его общественной дѣятельности, на его сношеніяхъ съ сильными міра, на его участіи въ трудахъ, существенно важныхъ по своему значенію. Обладая и тактомъ ума, и тактомъ сердца, Б. Н. Хвостовъ возбуждалъ къ себѣ довѣріе и сочувствіе даже въ людяхъ противоположнаго съ нимъ образа мыслей. На долю Б. Н. Хвостова, общительнаго по самой природѣ своей, выпадали многочисленные поводы узнавать людей, весьма различныхъ между собою по взглядамъ на вопросы политическіе, общественные и т. д.

При введеніи судебной реформы Б. Н. Хвостовъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ министра юстиціи Д. Н. Замятнина которому онъ сопутствовалъ и «содѣйствовалъ» при обозрѣніи судебныхъ мѣстъ въ различныхъ краяхъ Россіи. Во время освобожденія крестьянъ Б. Н. Хвостовъ находился, въ качествѣ завѣдывающаго дѣлами, при графѣ Викторѣ Никитичѣ Панинѣ, предсѣдателѣ редакціонныхъ коммиссій для составленія положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

Всѣмъ извѣстны своеобразныя особенности графа В. Н. Панина, какъ администратора и начальника. Отъ любаго изъ его бывшихъ подчиненныхъ можно слышать разсказы, рисующіе и графа Панина, и его время. Приведемъ хотя одинъ изъ нихъ, показывающій пріемы лица, поставленнаго во главѣ правительственныхъ коммиссій по крестьянской реформѣ.

Графъ Панинъ призываетъ къ себѣ Б. Н. Хвостова и приказываетъ ему, чтобы онъ на другой день, къ такому-то часу, доставилъ подробныя и самыя точныя свѣдѣнія по крестьянскимъ дѣламъ въ одной изъ населеннѣйшихъ губерній. Собрать подробныя свѣдѣнія и въ такое короткое время было почти невозможно, и только благодаря необыкновенному трудолюбію и знанію дѣла Хвостова и тому образцовому порядку, въ которомъ находились у него матеріалы, поступавшіе въ огромномъ количествѣ, онъ могъ исполнить къ назначенному сроку возложенное на него порученіе. Прошло нѣсколько времени, и графъ Панинъ спрашиваетъ у него: «а что же вы не доставляете ожидаемыхъ мною свѣдѣній?» Удивленный этимъ вопросомъ, Хвостовъ напомнилъ Панину, что они доставлены именно въ то время, которое было назначено, и при такихъ-то обстоятельствахъ. Панинъ настаивалъ на своемъ. Тогда Хвостовъ указалъ на доставленный имъ пакетъ, который лежалъ тутъ же на столѣ не распечатаннымъ. Не смотря на такое очевидное доказательство правоты своего собесѣдника, Панинъ обратился

къ нему со словами: «господинъ Хвостовъ, завтра, къ десяти часамъ, доставьте мнѣ то̀, чего я требую; прощайте». И Хвостову пришлось снова продѣлывать ту же самую, утомительную работу. Недоумѣвая о причинѣ подобной выходки, Хвостовъ обратился за разъясненіемъ къ довѣренному лицу графа Панина, М. И. Топильскому. Топильскій сталъ доказывать, что это вовсе не выходка, а вещь очень умная, сдѣланная будто бы съ тою цѣлью, чтобы испытать степень добросовѣстности Хвостова, при исполненіи возлагаемыхъ на него обязанностей. Графъ—пояснялъ Топильскій Хвостову—поручилъ вамъ сдѣлать въ два пріема одну и ту же работу, составить двѣ одинаковыя по содержанію вѣдомости, заключающія въ себѣ множество мелочныхъ подробностей, и если всѣ эти подробности, по тщательной провѣркѣ и сличеніи ихъ самимъ графомъ, окажутся совершенно согласными между собою, въ обѣихъ вѣдомостяхъ, то, значитъ, работа ведена какъ слѣдуетъ и порученіе исполнено добросовѣстно.

Ошибался или нѣтъ Топильскій въ истолкованіи мыслей своего патрона, но вѣрно то, что графъ Панинъ признавалъ Хвостова полезнымъ, разумнымъ и добросовѣстнымъ труженикомъ и относился къ нему съ полнымъ довѣріемъ, вручая ему документы, заслуживающіе вниманіе въ томъ или другомъ отношеніи.

Изъ бумагъ, оставшихся по смерти Б. Н. Хвостова, всѣ тѣ, которыя относятся къ освобожденію крестьянъ, должны быть переданы, по волѣ покойнаго, въ императорскую публичную библіотеку. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о бумагахъ Б. Н. Хвостова, приводимъ изъ нихъ два въ высшей степени любопытные документа, рисующіе двухъ замѣчательныхъ современниковъ эпохи освобожденія крестьянъ—Филарета, митрополита московскаго, и Юрія Ѳедоровича Самарина.

Извѣстно, что митрополитомъ Филаретомъ составленъ былъ и самый манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, въ его окончательной редакціи. Но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что для исполненія воли монарха митрополиту Филарету надо было пожертвовать своимъ личнымъ образомъ мыслей и подчинить его взгляду и цѣлямъ высшей правительственной власти. Такимъ образомъ, въ концѣ своего поприща, митрополитъ Филаретъ поставленъ былъ отчасти въ такое же положеніе, въ какомъ находился въ началѣ своей общественной дѣятельности, призванный высказаться о великомъ историческомъ событіи, совершавшемся на его глазахъ. По свидѣтельству лицъ, знавшихъ митрополита Филарета въ его молодости, до поступленія его въ монашество, онъ весьма недовѣрчиво относился къ нашимъ военнымъ силамъ и никакимъ образомъ не допускалъ, чтобы въ войнѣ 1812 года побѣда могла быть на нашей сторонѣ. Поэтому друзья митрополита Филарета были нѣсколько удивлены, когда появилось въ свѣтъ его разсужденіе «о нравствен-

ныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ Отечественную войну съ французами». Авторъ, наканунѣ еще не допускавшій возможности успѣховъ, доказывалъ теперь ихъ необходимость! Но въ сущности здѣсь не было внутренняго противорѣчія, и успѣхъ объясняется какъ дѣйствіе сверхъестественное. По замѣчанію историка русской литературы, настроеніе мысли въ разсужденіи митрополита Филарета «обусловлено было тѣми грозными историческими явленіями, которыя заставляли каждаго признать въ ихъ началахъ и послѣдствіяхъ, не подлежащихъ человѣческому разсчету, таинственные пути Провидѣнія и за спасеніе отчизны воздавать не намъ, а имени Его».

Съ недовѣріемъ смотря на борьбу нашу съ внѣшними врагами, митрополитъ Филаретъ также не довѣрялъ и побѣдѣ нашей въ борьбѣ съ внутренними врагами—съ тѣми безурядицами и волненіями, которыхъ ожидали многіе вслѣдствіе освобожденія крестьянъ. По складу своего ума и по другимъ причинамъ, онъ не сочувствовалъ рѣшительнымъ переворотамъ въ народной жизни и предпочиталъ держаться того порядка вещей, который установился издавна и пустилъ глубокіе корни. Но, не сочувствуя освобожденію крестьянъ, митрополитъ Филаретъ долженъ былъ сдѣлаться его первымъ провозвѣстникомъ! Императоръ Александръ II, такъ близко къ сердцу принимавшій освобожденіе крестьянъ, желалъ привлечь къ участію въ этомъ дѣлѣ лучшихъ людей тогдашней Россіи. При томъ высокомъ уваженіи, которымъ пользовался митрополитъ Филаретъ при дворѣ и въ обществѣ, весьма понятно, что выборъ государя остановился на іерархѣ, обладавшемъ такимъ сильнымъ нравственнымъ авторитетомъ и вліяніемъ; составленіе манифеста поручено было митрополиту Филарету. Воля государя, вмѣстѣ съ проектомъ манифеста, сообщена была митрополиту Филарету графомъ В. Н. Панинымъ. Поставленный въ крайне затруднительное положеніе, митрополитъ Филаретъ просилъ снять съ него непосильное бремя. Оффиціально онъ ссылался на свое незнакомство съ кругомъ тѣхъ предметовъ, основательное знаніе которыхъ необходимо для успѣшнаго содѣйствія крестьянской реформѣ и т. п. Въ частной бесѣдѣ онъ высказывался откровеннѣе, находя безполезнымъ исправлять частности, когда цѣлое, т. е. весь проектъ, представляетъ нѣчто шаткое, непрочное, «утлое». Въ проектѣ манифеста день освобожденія крестьянъ названъ былъ днемъ радостнымъ для всей Россіи. По мнѣнію митрополита Филарета, такое названіе не должно находиться въ манифестѣ, и вотъ по какой причинѣ. Устами государя—замѣчаетъ Филаретъ—должна говорить вся Россія, голосъ русскаго царя долженъ быть голосомъ всего русскаго народа, всѣхъ его сословій, а слѣдовательно не однихъ только крестьянъ, но и помѣщиковъ, а въ числѣ послѣднихъ есть много и такихъ, для которыхъ день 19-го февраля вовсе не будетъ радостнымъ, и т. п.

Но воля государя оставалась непреклонною; притомъ проектъ манифеста нисколько не связывалъ митрополита Филарета, перу котораго предоставлена была полная свобода.

Чтобы склонить вліятельнаго архипастыря не отказываться отъ составленія манифеста, графъ Панинъ отправилъ въ Москву своего уполномоченнаго, М. И. Топильскаго. До какой степени миссія эта считалась важною, и въ какомъ напряженіи находились тогда умы, видно изъ того, что даже графъ Панинъ опасался, что переписка его о митрополитѣ Филаретѣ будетъ вскрываема и попадетъ въ чужія руки. Для избѣжанія всякаго рода случайностей придуманы были условные знаки и названія, смыслъ которыхъ извѣстенъ былъ только тремъ лицамъ: графу Панину, М. И. Топильскому и Б. Н. Хвостову. Въ перепискѣ между ними митрополитъ Филаретъ назывался другомъ добродѣтели—русскій переводъ греческаго имени Филаретъ (фйлос — другъ и арэтѐ — добродѣтель); духовникъ митрополита Филарета назывался Андроніевымъ, потому что жилъ въ Андроніевомъ монастырѣ, и т. п. Для большаго успѣха Топильскій находилъ нужнымъ дѣйствовать на митрополита черезъ его духовника.

О ходѣ переговоровъ своихъ по поводу составленія манифеста Топильскій писалъ Борису Николаевичу Хвостову:

«Наконецъ другъ добродѣтели убѣдился въ необходимости сдѣлать предлагаемое дѣло и, послѣ двукратныхъ со мной объясненій, принялся сегодня рѣшительно за работу. Савинское подворье совсѣмъ въ сторонѣ, но Андроніевъ монастырь былъ пущенъ въ игру, и это подѣйствовало. Мнѣ приказано пріѣхать послѣзавтра, т. е. въ воскресенье, 5-го февраля, чтобы видѣть уже очеркъ. Мы здѣсь многое знаемъ, чего и не предполагаютъ тамъ, что мы здѣсь знаемъ. Сдѣланное тамъ намъ здѣсь вовсе не нравится; «частными исправленіями» затруднялись исправить утлое цѣлое. Разспрашивали меня порядкомъ; отвѣты были крайне осторожные и, каюсь, довольно льстивые. Андроніевъ вывелъ изъ затрудненія. Кажется, напишутъ въ двухъ видахъ. Сегодня я послалъ въ П. Б. депешу: «Принимаюсь за работу».

3-го февраля 1861 г.
Москва.

Рукою Б. Н. Хвостова приписано: «Это письмо отъ Топильскаго, посланнаго къ Филарету, чтобы его убѣдить написать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ».

При словахъ: другъ добродѣтели, рукою Б. Н. Хвостова: «т. е. Филаретъ».

При словахъ: сдѣлать предлагаемое дѣло, рукою Б. Н. Хвостова: «т. е. написать манифестъ объ освобожденіи».

Объясненіемъ письма Топильскаго служитъ слѣдующая собственноручная замѣтка Б. Н. Хвостова:

«Послѣ нѣсколькихъ проектовъ манифеста объ освобожденіи крестьянъ рѣшено было убѣдить московскаго митрополита Филарета написать манифестъ. Филаретъ былъ противъ этой реформы и отказывалъ въ своемъ содѣйствіи. Чтобы убѣдить Филарета, былъ посланъ въ Москву М. И. Топильскій.

«Топильскій дѣйствовалъ на Филарета чрезъ его духовника, жившаго въ Андроніевскомъ монастырѣ.

«Прилагаемое письмо заключаетъ въ себѣ увѣдомленіе Топильскимъ Хвостова объ успѣхѣ поѣздки къ Филарету и написано въ выраженіяхъ, условленныхъ съ Хвостовымъ, чтобы на почтѣ не могли узнать и чтобы никто не понялъ о положеніи дѣла. Такимъ образомъ сообщались графу Панину для доклада государю свѣдѣнія о работѣ Филарета по составленію манифеста».

Миссія Топильскаго увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: желаемый проектъ былъ написанъ митрополитомъ Филаретомъ. Отношеніе митрополита Филарета къ крестьянской реформѣ нисколько не удивляло графа Панина, который и самъ не особенно сочувствовалъ освобожденію крестьянъ и, скрѣпя сердце, подписывалъ бумаги, не вполнѣ согласныя съ его понятіями и взглядами. Но что крайне изумило графа Панина и заставило его серьезно призадуматься, это было письмо Юрія Ѳедоровича Самарина, искренняго и убѣжденнаго поборника освобожденія. Самаринъ смотрѣлъ на освобожденіе крестьянъ какъ на дѣло святое, для успѣха котораго необходимо, чтобы лица, участвующія въ немъ, не возбуждали ни малѣйшаго подозрѣнія своимъ образомъ мыслей и дѣйствій. На этомъ основаніи онъ отказался отъ награды, которую получилъ по представленію графа Панина за труды по освобожденію крестьянъ. Ходатайствуя о наградѣ, графъ Панинъ выразился такимъ образомъ: «Считаю долгомъ объяснить, что Самаринъ, одинъ изъ главныхъ и усерднѣйшихъ дѣятелей въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, представляется къ ордену св. Владиміра 3-й степени» и т. д. Орденъ св. Владиміра пожалованъ былъ Самарину «въ воздаяніе неутомимыхъ трудовъ и полезной дѣятельности при составленіи въ редакціонныхъ коммиссіяхъ, учрежденныхъ при главномъ комитетѣ по крестьянскому дѣлу, предположеній къ освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости». Полученный орденъ Самаринъ возвратилъ графу Панину при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивый государь

«графъ Викторъ Никитичъ!

«Начальникъ Самарской губерніи передалъ мнѣ присланные ему на мое имя знаки ордена св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени и конвертъ, содержащій въ себѣ грамоту на упомянутый орденъ и письмо отъ 27-го прошлаго мая, коимъ ваше сія-

тельство изволили меня почтить. Обдумавъ зрѣло послѣдствія этой награды въ теперешнемъ моемъ положеніи, я пришелъ къ убѣжденію, что мнѣ нельзя принять ея, и потому я считаю себя обязаннымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣю честь покорнѣйше просить ваше сіятельство дозволить мнѣ, съ полною откровенностью, высказать тѣ причины, по которымъ я рѣшился отъ нея отказаться.

«Всѣмъ извѣстно, что члены отъ правительства въ губернскихъ комитетахъ, и въ особенности тѣ изъ нихъ, которые впослѣдствіи вызваны были въ редакціонныя коммиссіи, невольно навлекли на себя нерасположеніе большинства дворянства. Нетрудно было предвидѣть, что неизбѣжное столкновеніе мнѣній въ вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ подастъ поводъ къ несправедливымъ нареканіямъ и къ заподозрѣванію самыхъ намѣреній. Вступая въ комитетъ или въ коммиссію, всякій зналъ напередъ, чему онъ подвергается, и готовился перенести терпѣливо эти временныя непріятности; въ то же время, если не всѣ, то многіе, въ томъ числѣ и я, надѣялись, что, благодаря совершенно независимому положенію, которымъ пользовались члены отъ правительства и члены-эксперты, ихъ нельзя будетъ заподозрѣть ни въ угожденіи правительству, ни въ желаніи выслужиться. Эта надежда оправдалась. Не разъ, въ минуты крайняго раздраженія, зарождалось обвиненіе въ отступничествѣ отъ сословныхъ интересовъ дворянства, разсчитанномъ на желаніи отличиться и получить награду; но оно падало само собою, потому что правительство не давало ему пищи и не на что было указать. Я желалъ бы и впредь оставаться въ этомъ отношеніи неуязвимымъ.

«Съ обнародованія Положенія, раздраженіе, сопровождавшее обсужденіе крестьянскаго вопроса, видимо стало утихать, а недавняя разсылка медалей всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ трудахъ по освобожденію крестьянъ, безъ различія мнѣній и направленій, уравняла всѣхъ и, такъ сказать, закрѣпила примиреніе въ общемъ чувствѣ благоговѣйной признательности. Но да позволено мнѣ будетъ засвидѣтельствовать, какъ эксперту, въ дѣлѣ, касающемся моего личнаго положенія, что это счастливое настроеніе непремѣнно нарушится всякимъ знакомъ отличія, пожалованнымъ тому или другому лицу, избранному изъ многихъ за его образъ мыслей или за его труды; ибо подобная награда, выдѣляя одного изъ ряда его товарищей и сотрудниковъ, указывая на него, какъ на лицо, въ особенности угодившее правительству, не можетъ не оживить еще свѣжихъ воспоминаній о недавнихъ, раздражительныхъ столкновеніяхъ. У насъ теперь одно желаніе: покончить съ этими воспоминаніями и не переносить ихъ въ новую жизнь.

«Если бы, съ закрытіемъ редакціонныхъ коммиссій, прекратилось мое посильное участіе въ преобразованіи крестьянскаго быта, я бы и не подумалъ останавливаться на ожидаемыхъ мною тол-

кахъ; но я удостоился назначенія отъ правительства въ губернское присутствіе, и дорожу этимъ мѣстомъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, нуженъ примирительный образъ дѣйствія, а гдѣ дѣло идетъ о примиреніи и соглашеніи, гдѣ предстоитъ каждому дѣйствовать своимъ лицомъ на другія личности, я не считаю себя въ правѣ пренебрегать даже предубѣжденіями той среды, въ которой я поставленъ. Напротивъ, я обязанъ отклонять отъ себя все тȯ, чтȯ, не принося никакой пользы дѣлу, могло бы послужить поводомъ къ подозрѣніямъ и помѣшать мнѣ заслужить довѣренность мѣстнаго дворянскаго общества.

«Знаю напередъ, что, отказываясь отъ пожалованной мнѣ награды, я подвергаю себя другому подозрѣнію—въ дерзкомъ желаніи выказать пренебреженіе къ знакамъ отличія.

«Какъ ни чужда мнѣ подобная мысль, но противъ этого обвиненія я ничѣмъ себя оградить не могу. Отдавая себя на судъ вашего сіятельства, я позволю себѣ только прибавить, что, удостоившись назначенія отъ правительства, я не могу дѣйствовать иначе, какъ по крайнему моему убѣжденію, и считаю себя обязаннымъ высказывать мое убѣжденіе, по скольку оно касается дѣла, которому я служу. Единственная моя цѣль: предупредить все тȯ, чтȯ могло бы ухудшить настоящее мое положеніе, при которомъ я могу надѣяться принести дѣлу посильную пользу.

«Возвращая при семъ присланные мнѣ орденскіе знаки и грамоту, съ глубочайшимъ почтеніемъ и полною преданностью, имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Юрій Самаринъ».

Самара.
Іюня 15-го, 1861.

Письмо Самарина говоритъ само за себя; оно не нуждается ни въ какихъ объясненіяхъ.

М. И. Сухомлиновъ.

ОДИНЪ ИЗЪ ТРЕХЪ ПРАВЕДНИКОВЪ.

(Къ портрету Андрея Петровича Боброва).

Въ ПЕРВОЙ КНИЖКѢ, которою начато изданіе «Историческаго Вѣстника» (январь, 1880 г.), былъ напечатанъ мой разсказъ «Кадетскій монастырь», вошедшій потомъ въ сборникъ, изданный мною подъ заглавіемъ «Три праведника». Въ числѣ описанныхъ тамъ справедливыхъ и добрыхъ русскихъ людей изображенъ мною, со словъ покойнаго Григорія Даниловича Похитонова, давно умершій экономъ 1-го кадетскаго корпуса, бригадиръ Андрей Петровичъ Бобровъ. Повторять о томъ, какой это былъ правдивый, честный и добрый человѣкъ, теперь было бы излишне, а новаго о немъ я почти ничего прибавить не могу. До сихъ поръ на свѣтѣ есть еще немало живыхъ людей, лично знавшихъ Боброва, но ни отъ одного изъ нихъ мнѣ не довелось слышать характеристику этого прекраснаго русскаго человѣка болѣе обстоятельную и полную, чѣмъ та, которую сдѣлалъ покойный Похитоновъ и которая читателямъ «Историческаго Вѣстника» извѣстна изъ моего разсказа. Зато по осени истекающаго 1884 года, я случайно встрѣтилъ тоже у бывшаго кадета, Валеріана Николаевича Вакселя, «портретъ Боброва». Это большая фотографія, снятая съ эскиза, сдѣланнаго съ натуры кадетомъ, бывшимъ въ корпусѣ въ одно время съ Кондратіемъ Өедоровичемъ Рылѣевымъ. Имя и фамилія кадета, рисовавшаго портретъ, В. Н. Вакселю неизвѣстны, и мнѣ не удалось узнать этого имени ни отъ кого другаго. Впрочемъ многіе знаютъ и удостовѣряютъ, что это портретъ, дѣйствительно, кадетской работы. Можетъ быть, кто нибудь помнитъ имя этого

юнаго художника, — пусть бы тотъ и восполнилъ это свѣдѣніе сообщеніемъ его въ «Историческій Вѣстникъ». Это не будетъ поздно и послѣ появленія гравюры. Портретъ, говорятъ, былъ налитографированъ въ очень маломъ числѣ экземпляровъ. О техникѣ его умѣстно сказать то, что онъ сдѣланъ, безъ сомнѣнія, рукою мало-искусною и, очевидно, не безъ шаржировки, или не безъ нѣкоторой утрировки, но тѣмъ не менѣе, по единогласному мнѣнію всѣхъ, кто могъ мнѣ дать какія нибудь понятія о покойномъ Бобровѣ — «портретъ этотъ поразительно похожъ» на того, кого онъ представляетъ. Если въ рисункѣ и замѣчаются неискусство и шаржъ въ нѣкоторыхъ деталяхъ, то въ общемъ, говорятъ, портретъ сразу представляетъ Боброва.

— Это Бобровъ идетъ!

Таково завѣреніе нѣскольких лицъ, знавшихъ покойнаго Боброва, которымъ мнѣ случилось показать прилагаемый портретъ, а по слову писанія «двою свидѣтелями всяко свидѣтельство содѣвается». Слѣдовательно, по такому авторитетному правилу мы сами, не видавшіе Боброва, получаемъ возможность говорить, что прилагаемый здѣсь портретъ бригадира и праведника есть портретъ схожій.

Я и редакторъ «Историческаго Вѣстника», С. Н. Шубинскій, видѣли техническіе недостатки портрета, проистекающіе, безъ сомнѣнія, отъ неумѣлости рисовавшаго его юноши (напримѣръ, кисть правой руки, едва обозначающаяся у пуговицъ мундира, за которыя заложенъ Бобровымъ большой палецъ). Нѣкоторыя изъ этихъ погрѣшностей нетрудно было бы поправить въ гравюрѣ, но мы предпочли воздержаться отъ этого и ничего не измѣнять. Пусть «соблюдается преданіе».

Гравюра, помѣщаемая здѣсь, точно воспроизводитъ фотографическій экземпляръ, а тотъ напоминаетъ разсказъ Похитонова и еще одно показаніе. Бобровъ былъ толстъ, неуклюжъ и неопрятенъ. Такъ говорилъ Похитоновъ и такъ увѣряетъ другое авторитетное свидѣтельство, которое теперь будетъ умѣстно привести, какъ свѣдѣніе, пополняющее представленіе о Бобровѣ.

Въ долголѣтнюю бытность покойнаго Андрея Петровича экономомъ 1-го кадетскаго корпуса, тамъ состоялъ «старшимъ поваромъ» нѣкій Кулаковъ.

Поваръ этотъ умеръ скоропостижно на своемъ поварскомъ посту — у плиты, и смерть его была очень замѣтнымъ событіемъ въ корпусѣ. Кулаковъ былъ честный человѣкъ, — не воръ, и потому честный экономъ Бобровъ уважалъ Кулакова при жизни и скорбѣлъ о его трагической кончинѣ. Послѣ того какъ Кулаковъ умеръ, «стоя у плиты», на смѣну ему долго не было мужа съ такою же нравственною доблестію. Со смертью Кулакова, при всей строгости досмотра со стороны бригадира Боброва, «просѣлъ кисель» и «тертый картофель потерялъ свою густоту». Особенно повредился

картофель, составлявшій важный вопросъ при кадетскомъ столѣ. Послѣ Кулакова картофель не ползъ меланхолически, сходя съ ложки на тарелки кадетъ, но лился и «лопоталъ». Бобровъ видѣлъ это и огорчался,—даже, случалось, дрался съ поварами, но никакъ не могъ добиться секрета стирать картофель такъ, чтобы онъ былъ «какъ масло». Секретъ этотъ, быть можетъ, навсегда утраченъ вмѣстѣ съ Кулаковымъ, и потому понятно, что Кулакова въ корпусѣ сильно вспоминали и вспоминали добромъ. Находившійся тогда въ числѣ кадетъ, Кондратій Өедоровичъ Рылѣевъ († 14-го іюля 1826 г.), видя скорбь Боброва и цѣня утрату Кулакова для всего заведенія, написалъ по этому случаю комическую поэму, въ двухъ пѣсняхъ, подъ заглавіемъ «Кулакіада». Поэма, исчисливъ заслуги и доблести Кулакова, описываетъ его смерть у плиты и его погребеніе, а затѣмъ она оканчивалась слѣдующимъ воззваніемъ къ Андрею Петровичу Боброву.

«Я знаю то, что не достоинъ
Вѣщать о всѣхъ дѣлахъ твоихъ:
Я не поэтъ, я просто воинъ, —
Въ моихъ устахъ нескладенъ стихъ.
О ты, о мудрый, знаменитый
Царь кухни, мрачныхъ погребовъ,
Топленымъ жиромъ весь облитый,
Единственный герой Бобровъ!
Не осердися на поэта,
Тебя который воспѣвалъ,
Но знай — у каждаго кадета
Ты тѣмъ навѣкъ безсмертенъ сталъ.
Прочтя стихи сіи, потомки,
Бобровъ, воспомнятъ о тебѣ [1]),
Твои дѣла воспомнятъ громки
И вспомнятъ, можетъ быть, о мнѣ».

Вотъ онъ таковъ и есть передъ читателемъ на прилагаемомъ портретѣ «царь кухни, мрачныхъ погребовъ», «топленымъ жиромъ весь облитый, единственный герой Бобровъ». Впечатлѣніе полное и именно такое, которое вполнѣ ладитъ съ рылѣевскимъ описаніемъ.

Къ этому умѣстно, кажется, будетъ добавить то, что сообщилъ мнѣ В. Н. Ваксель о самой этой поэмѣ «Кулакіадѣ», въ которой изображенъ Бобровъ и которой не встрѣчаемъ въ сборникѣ «Сочиненій Рылѣева», изданныхъ его дочерью въ 1875 году, подъ редакціею П. А. Ефремова.

Бобровъ ежедневно являлся къ директору корпуса Михаилу Степановичу Перскому рапортовать «о благополучіи». Рапорты эти, разумѣется, чисто формальные, писались всегда на листѣ обыкновенной бумаги, и затѣмъ складывались въ четверо и клались

---

[1]) Варіантъ: «Воспомнятъ, мудрый, о тебѣ».

Боброву за кокарду треуголки. Бригадиръ бралъ шляпу и шелъ къ Перскому, но такъ какъ въ корпусѣ всѣмъ было до Боброва дѣло, то онъ по дорогѣ часто останавливался для какихъ нибудь распоряженій, а имѣя слабость горячиться и пылить, Бобровъ часто бросалъ свою шляпу или забывалъ ее, а потомъ снова ее бралъ и шелъ далѣе.

Зная такую привычку Боброва, кадеты подшутили надъ своимъ «дѣдушкой» шутку: они переписали «Кулакіаду» на такой самый листъ бумаги, на какомъ у Андрея Петровича писались рапорты по начальству, и, сложивъ листъ тѣмъ же форматомъ, какъ складывалъ Бобровъ свои рапорты, кадеты всунули рылѣевское стихотвореніе въ трехуголку Боброва, а рапортъ о «благополучіи» вынули и спрятали.

Бобровъ не замѣтилъ подмѣна и явился къ Перскому, который Андрея Петровича очень уважалъ, но, всетаки, былъ ему начальникъ и держалъ свой тонъ.

Михаилъ Степановичъ развернулъ листъ и, увидавъ стихотвореніе вмѣсто рапорта, разсмѣялся и спросилъ:

— Что это, Андрей Петровичъ,— съ какихъ поръ вы сдѣлались поэтомъ?

Бобровъ не могъ понять, въ чемъ дѣло, но только видѣлъ, что что-то не ладно.

— Какъ... что изволите... какой поэтъ? спросилъ онъ вмѣсто отвѣта у Перскаго.

— Да какъ же: кто пишетъ стихи, вѣдь тѣхъ называютъ поэтами. Ну такъ и вы поэтъ, если стали сочинять стихи.

Андрей Петровичъ совсѣмъ сбился съ толку.

— Что такое... стихи...

Но онъ взглянулъ въ бумагу, которую подалъ въ сложенномъ видѣ, и увидалъ въ ней дѣйствительно какія-то беззаконно неровныя строчки.

— Что же это такое?!

— Не знаю, отвѣчалъ Перскій и сталъ вслухъ читать Андрею Петровичу его рапортъ.

Бобровъ чрезвычайно сконфузился и взволновался до слезъ, такъ что Перскій, окончивъ чтеніе, долженъ былъ его успокоивать.

Послѣ этого былъ найденъ авторъ стихотворенія,— это былъ кадетъ Рылѣевъ, на котораго добрѣйшій Бобровъ тутъ же сгоряча излилъ все свое негодованіе, по скольку онъ былъ способенъ къ гнѣву. А Бобровъ при всемъ своемъ безконечномъ незлобіи былъ вспыльчивъ, и «попасть въ стихи» ему показалось за ужасную обиду. Онъ не столько сердился на Рылѣева, какъ вопіялъ:

— Нѣтъ, за что! Я только желаю знать — за что ты меня, разбойникъ, осрамилъ!

Рылѣевъ былъ тронутъ не предвидимою имъ горестью всѣми любимаго старика и просилъ у Боброва прощенія съ глубокимъ раскаяніемъ. Андрей Петровичъ плакалъ и всхлипывалъ, вздрагивая всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Онъ былъ слезливъ, или, покадетски говоря, былъ «плакса» и «слезомойка». Чуть бы что ни случилось въ немножко торжественномъ или въ немножко печальномъ родѣ, бригадиръ сейчасъ же готовъ былъ расплакаться.

Корпусные солдаты говорили о немъ, что у него «глаза на мокромъ мѣстѣ вставлены».

Но какъ ни была ужасна вся исторія съ «Кулакіадою», Бобровъ, конечно, всетаки помирился съ совершившимся фактомъ, и простилъ его, но сказалъ при томъ Рылѣеву назидательную рѣчь, что литература вещь дрянная и что занятія ею никого не приводятъ къ счастію.

Собственно же для Рылѣева, говорятъ, будто старикъ высказалъ это въ такой формѣ, что она имѣла соотношеніе съ послѣднею судьбою покойнаго поэта, котораго добрый Бобровъ ласкалъ и особенно любилъ какъ умнаго и бойкаго кадета.

За симъ остается поблагодарить Валеріана Николаевича Вакселя за доставленную имъ возможность воспроизвести портретъ достоуважаемаго старика Боброва и за его любезное обѣщаніе отыскать гдѣ-то и портретъ Михаила Степановича Перскаго, у котораго Бобровъ былъ достойнымъ сподвижникомъ. Въ парѣ они будутъ еще интереснѣе.

Перскій (если помнятъ читатели)—типъ благороднаго русскаго человѣка совсѣмъ въ иномъ родѣ, чѣмъ Бобровъ, но онъ не менѣе Боброва пріятенъ и достоинъ памяти, какъ человѣкъ, умѣвшій при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ сохранять достоинство личнаго характера и вліять на юношей примѣромъ своего нравственнаго превосходства.

И еще два слова.

Въ «трехъ праведникахъ» есть докторъ Зеленскій. Кадеты, шедшіе позже Похитонова, вспоминаютъ, что Зеленскаго смѣнилъ Мартынъ Дмитріевичъ Сольскій (отецъ нынѣшняго государственнаго контролера), и Сольскій былъ такъ же заботливъ о дѣтяхъ, какъ и Зеленскій.

Потомъ тамъ есть еще «послѣдній архимандритъ», который не ладилъ съ генераломъ Муравьевымъ и однажды заставилъ его замолчать.

Похитоновъ не помнилъ, кто такой былъ этотъ «послѣдній архимандритъ», любитель цвѣтовъ, часовъ и созерцатель звѣзднаго неба, но нѣкоторые говорятъ, будто это былъ архимандритъ Ириней, впослѣдствіи епископъ, архіерействовавшій въ Сибири и перессорившійся тамъ съ гражданскими властями, а потомъ скончавшійся въ помраченіи разсудка.

Весьма желательно, конечно, было бы, чтобы всѣ эти свѣдѣнія, неутвердительно намѣчаемыя мною со словъ людей, которые все помнятъ какъ-то ненавѣрно, были подтверждены или исправлены кѣмъ либо изъ людей въ точности знающихъ то, что разсказано мною по воспоминаніямъ, связаннымъ кое-какъ на живую нитку.

Иначе все это, можетъ быть, совсѣмъ безъ слѣда бы утратилось. И это было жалко. А потому, надѣюсь, можно простить ошибки и другія погрѣшности моего разсказа.

Николай Лѣсковъ.

МИРОВОЙ СУДЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ ВЪ 1869—1872 ГОДАХЪ.

(Отрывокъ изъ автобіографіи).

I.

ЫБОРЫ с.-петербургскихъ столичныхъ мировыхъ судей на третье трехлѣтіе происходили въ маѣ 1869 года. Я записался въ число кандидатовъ, хотя, признаться, надежды быть выбраннымъ у меня было мало: гласныхъ думы я почти не зналъ, необходимый цензъ пріобрѣлъ лишь недавно, участія въ собраніяхъ кредитнаго и страховаго обществъ не принималъ никакого, а въ этихъ засѣданіяхъ участвовали тѣ же думскіе гласные. Мысль о томъ, чтобы сдѣлаться однимъ изъ общественныхъ дѣятелей, запала мнѣ въ голову года полтора тому назадъ. Изъ числа избирателей я былъ знакомъ съ немногими: съ Ц. А. Кавосомъ, А. К. Бруни, Ф. В. Гроздовымъ, Г. В. Лермонтовымъ, А. В. Яковлевымъ. Незадолго до выборовъ, я отправился къ бывшему тогда петербургскому городскому головѣ, Н. И. Погребову, просить его содѣйствія. Онъ вышелъ ко мнѣ полусонный, съ взъерошенными волосами, зѣвая и какъ то странно жуя губами, заявилъ, что кандидитовъ въ мировые судьи очень... очень много, что, конечно, всѣ прежніе мировые судьи останутся на своихъ мѣстахъ и что игра не стоитъ свѣчъ. Обезкураженный такимъ пріемомъ, я подумалъ, что дѣло мое потеряно. И мнѣ сдѣлалось очень жаль.

Уже цѣлые полтора года я подготовлялъ себя къ должности мироваго судьи, и занятіе этой должности составляло конечную

цѣль моихъ желаній. Столько я видѣлъ въ ней хорошаго, полезнаго, честнаго!.. Такое обширное поприще открылось бы передо мною, такое сближеніе съ простымъ людомъ, такое высокое служеніе правдѣ и законности!.. Лѣтомъ 1868 года, живя на дачѣ въ Петергофѣ, я усиленно занимался изученіемъ судебныхъ уставовъ, читалъ сочиненія Миттермайера и др., но хорошо сознавалъ, что у меня не доставало самого существеннаго — практическаго знанія. За неимѣніемъ подъ рукой другаго подспорья, я прилежно посѣщалъ въ Петергофѣ открывшуюся въ іюлѣ сессію засѣданій петербургскаго окружнаго суда и вынесъ немало пользы для себя, преимущественно въ отношеніи чисто формальной, такъ сказать, обрядовой стороны. Предсѣдательствовалъ тогда г. Сабуровъ (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія). Онъ поразилъ меня своимъ мастерскимъ, прекраснымъ изложеніемъ дѣлъ и полнымъ безпристрастіемъ. Судъ происходилъ, подъ его предсѣдательствомъ, въ замѣчательномъ порядкѣ и могъ служить нагляднымъ образомъ того, какъ должны быть ведены судебныя пренія.

Переѣхавъ въ городъ, я почти ежедневно посѣщалъ камеры мировыхъ судей съ цѣлью ознакомиться съ ихъ практикой и хотя отчасти усвоить ихъ взгляды. Такимъ образомъ, я бывалъ поочередно на засѣданіяхъ гг. Яковлева, Галова, Бочарова, Закревскаго, Кранихфельда и др. Меня въ особенности удивило то обстоятельство, что слышанные мною приговоры и рѣшенія по однимъ и тѣмъ же дѣламъ отличались необъяснимымъ разнообразіемъ, особенно въ дѣлахъ уголовныхъ: за одинъ и тотъ же проступокъ обвиненный приговаривался однимъ мировымъ судьею къ полицейскому аресту на четыре сутки, а другимъ на двѣ недѣли. Въ гражданскихъ дѣлахъ, напримѣръ въ отношеніяхъ домовладѣльцевъ къ жильцамъ, въ разборахъ между хозяевами и рабочими, въ охраненіи имущества послѣ умершихъ, способахъ взысканія по исполнительнымъ листамъ, ежедневныхъ сношеніяхъ съ полиціею, царствовалъ непроходимый хаосъ. Очень трудно мнѣ было объяснить себѣ причину такого хаоса. Конечно, въ немъ были неповинны новые судебные уставы; оплошности, недомолвки, недоразумѣнія были совершенно невольныя, и каждый изъ принадлежавшихъ къ мировому институту трудился такъ добросовѣстно, такъ безкорыстно, что уже къ концу перваго трехлѣтія рѣшенія петербургскаго мироваго института, не смотря на неизбѣжные промахи, положительно служили образцомъ для постановленій другихъ мировыхъ съѣздовъ и даже кассаціонныя рѣшенія сената, въ очень рѣдкихъ случаяхъ, измѣняли его приговоры. Этимъ положеніемъ нашъ столичный мировой институтъ былъ обязанъ неусыпной и безустанной дѣятельности О. И. Квиста, Н. А. Неклюдова и Н. Н. Герарда.

Выборы оказались для меня благопріятными: я былъ избранъ, пятымъ по числу голосовъ, въ с.-петербурскіе столичные мировые судьи.

II.

8-го мая приводили насъ къ присягѣ, въ зданіи городской думы, гдѣ помѣщался с.-петербургскій столичный мировой съѣздъ. Весьма отрадное впечатлѣніе произвелъ на меня Н. Л. Неклюдовъ: умное, симпатичное лицо, хотя съ очень тонкими очертаніями, и черные блестящіе глаза. Вся его внѣшность отличалась нѣкоторою порывистостью, которая очень къ нему шла. Говорилъ онъ замѣчательно бойко, съ большимъ знаніемъ дѣла, остроумно и, по временамъ, иронически. О. И. Квистъ оставался незамѣтнымъ; въ рѣдкія появленія въ съѣздѣ, онъ обращалъ на себя вниманіе чисто джентельменскими манерами. Н. Н. Герардъ представлялъ совершенную противоположность Н. А. Неклюдову: онъ говорилъ довольно медленно и, очевидно, пріискивалъ округленныя фразы: внезапнаго пыла, горячности, бойкаго схватыванія мысли въ упоръ, въ немъ совсѣмъ не замѣчалось. За то онъ обладалъ невозмутимымъ хладнокровіемъ, методичностью, аккуратнымъ, обстоятельнымъ изложеніемъ дѣла, подробнымъ разъясненіемъ сложныхъ вопросовъ. Будучи выбраннымъ, но еще не утвержденнымъ сенатомъ въ званіи мироваго судьи, я не разъ посѣщалъ засѣданія мироваго съѣзда, происходившія подъ предсѣдательствомъ Н. Н. Герарда, и меня до нельзя поражали его хладнокровіе, сдержанность, глубокое изученіе малѣйшаго факта, что иногда бываетъ гораздо важнѣе всевозможныхъ порывовъ краснорѣчія и внезапныхъ вспышекъ искусственнаго бенгальскаго огня.

Въ тотъ же день происходило и распорядительное засѣданіе мироваго съѣзда, въ первый разъ съ участіемъ новыхъ мировыхъ судей. Предметами его были: избраніе предсѣдателя и непремѣннаго члена на предстоящее трехлѣтіе и распредѣленіе между судьями мировыхъ участковъ. Желающихъ баллотироваться въ предсѣдатели явилось двое: Н. А Неклюдовъ и Н. Н. Герардъ. Изъ нихъ, большинствомъ одного голоса, былъ избранъ первый, а въ непремѣнные члены Н. Г. Карташевскій, котораго впослѣдствіи замѣнилъ отставной генералъ-маіоръ Тизделъ, передавшій подъ конецъ свою должность князю С. Д. Эристову. Это второе мѣсто мировые судьи занимали съ большой неохотой: хотя непремѣнный членъ и избавлялся отъ ежедневныхъ занятій въ камерѣ, но за то обязанъ былъ каждый день присутствовать въ мировомъ съѣздѣ, принимать прошенія, выдавать исполнительные листы, слѣдить за канцеляріей и архивомъ. Вообще работы было никакъ не менѣе, чѣмъ въ любомъ участкѣ. Жалованье непремѣнному члену назна-

чалось всего 2,500 руб. въ годъ, въ виду того, что у него не было ни своей канцеляріи, ни своего участка.

Въ томъ же засѣданіи главнѣйшимъ вопросомъ, — признаюсь, я никакъ не ожидалъ, что онъ приметъ такіе значительные размѣры, въ которыхъ оказались замѣшанными очень существенные интересы насъ всѣхъ, — былъ вопросъ о распредѣленіи мировыхъ участковъ. Нѣкоторые участки, или, лучше сказать, мѣста были, что называется уже насижены. Такъ какъ прежнимъ мировымъ судьямъ предоставлялось право выбирать эти участки прежде новичковъ (въ случаѣ спора, вопросъ рѣшался по жребію), то, конечно, они избрали тѣ участки, въ которыхъ дѣйствовали донынѣ, будучи хорошо знакомы съ подвѣдомственнымъ ихъ юрисдикціи населеніемъ. Такимъ образомъ, намъ, новичкамъ, при условіяхъ такого же рѣшенія вопроса, въ случаѣ спора, предоставлены были только тѣ мировые участки, которые оставались вакантными, вслѣдствіе забаллотировки прежнихъ управлявшихъ ими мировыхъ судей. Нѣкоторые изъ новыхъ участковъ были разобраны очень скоро, безъ всякихъ пререканій, такъ какъ находились вблизи мѣстожительства каждаго мироваго судьи, который желалъ имѣть его у себя подъ рукою. Оставались только такъ называемые зарѣчные участки — 23-й, 24-й, 25-й и 26-й. Я жилъ въ то время на Васильевскомъ островѣ, въ домѣ академіи наукъ, вмѣстѣ съ моимъ отцомъ, на казенной квартирѣ; слѣдовательно для меня было какъ нельзя болѣе кстати занять свободный изъ названныхъ четырехъ участковъ. Но три изъ нихъ уже были заняты прежними мировыми судьями: 23-й — Галовымъ, 24-й — Бочаровымъ и 26-й — Тимирязевымъ. Оставался одинъ 25-й участокъ на Петербургской сторонѣ. Я изъявилъ желаніе, volens-nolens, получить его, хотя многіе изъ прежнихъ мировыхъ судей прямо совѣтовали мнѣ идти лучше на жребій, говоря, что этотъ участокъ причинитъ мнѣ множество хлопотъ, что онъ громадныхъ размѣровъ, что населеніе его состоитъ преимущественно изъ кляузниковъ и что, самое главное, дѣла этого участка находятся въ страшномъ безпорядкѣ, множество прошеній оставлено безъ разбора, письмоводитель дѣлаетъ что хочетъ и орудуетъ всѣмъ; наконецъ, накопилась громада аппелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ на рѣшенія и приговоры бывшаго мироваго судьи 25-го участка, а между тѣмъ ревизіи не происходило уже съ давнихъ поръ. Вслѣдствіе ли затронутаго самолюбія, или отъ черезчуръ самонадѣянной увѣренности въ своихъ силахъ, или же потому, что 25-й участокъ находился ближе остальныхъ свободныхъ къ моему мѣстожительству, я пренебрегъ преподанными мнѣ совѣтами и окончательно заявилъ, что оставляю его за собой.

III.

Мой предмѣстникъ, князь Левъ Николаевичъ Шаховской, былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ; въ камерѣ 25-го участка я не былъ ни разу и не видалъ его въ съѣздѣ. Дѣло оказывалось весьма спѣшнымъ: необходимо было принять какъ можно скорѣе всѣ не рѣшенныя дѣла, разсмотрѣть документы по охраненію имущества и въ особенности привести въ порядокъ и ясность денежные документы, а также разобрать вещественныя доказательства, провѣривъ ихъ по описямъ. Поэтому на другой же день я отправился въ камеру князя Шаховскаго, съ цѣлью переговорить съ нимъ и условиться о принятіи дѣлъ. Онъ былъ блондинъ, высокаго роста, довольно полный, съ пріятными чертами лица, хотя и косоглазый. Онъ встрѣтилъ меня очень любезно и, прежде всего, предложилъ осмотрѣть помѣщеніе. Дѣйствительно, какъ мнѣ говорили, все оказалось въ страшномъ безпорядкѣ: массы дѣлъ, въ синихъ обложкахъ, валялись повсюду, не только въ камерѣ очень маленькихъ размѣровъ, очень неудобной и неприглядной, но и въ собственной квартирѣ князя, на полу, подъ диваномъ, на окнахъ и даже въ столовой. Не было ни сундука для денегъ (тогда еще не существовало единство кассы), ни шкафа для вещей, ни журналовъ, ни описей. На мои вопросы князь отдѣлывался то шуточками, то неопредѣленными отвѣтами. Относительно сдачи дѣлъ онъ сказалъ, что составитъ общую опись, которую мы и подпишемъ оба; сдавать же и принимать каждое дѣло порознь, помѣщая его въ опись, рѣшительно невозможно, такъ какъ на этотъ трудъ потребовалось бы болѣе полугода времени; кромѣ того, въ шкафахъ «валяется» множество старыхъ дѣлъ, перешедшихъ къ нему отъ его предмѣстника, причемъ они приняты безъ всякой описи и безъ всякой росписки...

— Самое лучшее, прибавилъ онъ,—послѣдовать и намъ такому же примѣру: разобраться въ этомъ хаосѣ невозможно. Тутъ самъ чортъ ногу сломитъ. А денежные документы я лично приведу въ порядокъ и передамъ ихъ вамъ дня черезъ три.

Князь весьма неблагосклонно отозвался о населеніи Петербургской стороны въ томъ смыслѣ, что такихъ мелочныхъ кляузниковъ, сплетниковъ, спорщиковъ отъ бездѣлья онъ никогда въ жизни не видалъ. Тутъ же онъ представилъ мнѣ своего письмоводителя, молодаго юркаго брюнета, съ восточнымъ типомъ лица, и просилъ обратить на него вниманіе, такъ какъ онъ во многомъ могъ бы «впослѣдствіи принести мнѣ пользу». Мое посѣщеніе окончилось тѣмъ, что князь пригласилъ меня завтра, въ 1 часъ дня, заѣхать въ его камеру, ибо онъ будетъ, въ послѣдній разъ, разбирать дѣла, а я буду имѣть случай заранѣе ознакомиться какъ съ манерой разбирательства, къ которой онъ пріучилъ жителей петербургскаго участка, такъ и съ самими обывателями.

Въ день, назначенный для разбора текущихъ дѣлъ, утромъ, часовъ въ одиннадцать, князь неожиданно пріѣхалъ ко мнѣ съ визитомъ, былъ необычайно любезенъ и просилъ меня, послѣ судебныхъ занятій, отобѣдать у него ровно въ 3 часа. Я, поневолѣ, долженъ былъ согласиться, хотя мнѣ было совсѣмъ не до визитовъ и не до обѣдовъ: одна мысль преслѣдовала меня постоянно, въ какомъ видѣ и когда же, наконецъ, приму я дѣла и денежные документы. Кромѣ того, меня удивило еще и то обстоятельство, что разборъ дѣлъ былъ назначенъ въ 1 ч., а обѣдъ въ 3; слѣдовательно разборъ, предположительно, долженъ былъ продолжаться не болѣе 2 часовъ, что̀, при огромномъ скопленіи дѣлъ, казалось мнѣ весьма страннымъ. Однако, загадка объяснилась очень просто: князь, наудачу, выбралъ дѣлъ 16—17, по которымъ наканунѣ и послалъ повѣстки тяжущимся. Маленькая камера, въ которой двѣ скамейки стояли вдоль стѣнъ, была биткомъ набита народомъ: однимъ хотѣлось въ послѣдній разъ посмотрѣть на прежняго мироваго судью, подвергшагося, такъ сказать, опалѣ,—другимъ ознакомиться съ личностью новаго, которому предстояло право и обязанность быть ихъ миротворцемъ. Князь разрѣшалъ дѣла необычайно быстро: на однихъ тяжущихся онъ прикрикнулъ, другихъ помирилъ, да и протоколы его отличались непостижимою краткостью: на основ. ст. 81, взыскать; по ст. 119, на три дня подъ арестъ; окончено миромъ и т. п. Казалось, всѣ — и тяжущіеся, и обвиняемые, и публика, да и самъ «рѣшавшій» мировой, всѣ очень хорошо понимали, что это было не что иное, какъ послѣднее представленіе, дававшееся въ честь новоприбывшаго гостя. Въ часъ съ небольшимъ князь «порѣшилъ» всѣ дѣла, принялъ нѣсколько прошеній, не назначивъ срока и говоря, что это уже дѣло новаго мироваго судьи; нѣкоторымъ, желавшимъ съ нимъ объясниться, предложилъ отправиться въ мировой съѣздъ, а другихъ, черезчуръ назойливыхъ, просто выгналъ вонъ. Къ половинѣ третьяго камера опустѣла, и мы отправились на квартиру князя обѣдать. Въ столовой я увидѣлъ какую-то молодую особу, съ бойкими манерами, уже разливавшую супъ. Но князь почему-то не счелъ нужнымъ меня ей представить. Обѣдъ, какъ и все прочее, отличался безалаберностью: сперва былъ какой-то соусъ, потомъ супъ, явилась бутылка шампанскаго, затѣмъ нѣчто въ родѣ желе, а въ заключеніе простая очищенная. Все это было приправлено большимъ добродушіемъ, веселостью и разговорами о предметахъ, нисколько не относившихся къ тому, что, по всей вѣроятности, занимало насъ обоихъ въ высшей степени. Всѣ эти дни я чувствовалъ себя точно въ чаду, и въ умѣ моемъ очень быстро смѣнялись такія впечатлѣнія, въ которыхъ я, какъ-то инстинктивно, боялся дать себѣ отчетъ.

IV.

Между тѣмъ, отъ съѣзда я получалъ чуть ли не каждый день предписанія о скорѣйшемъ принятіи дѣлъ 25-го мироваго участка. Вѣроятно, такія же предписанія посылались и князю Шаховскому о сдачѣ, но онъ, повидимому, не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Мое положеніе, съ самаго начала, сдѣлалось довольно критическимъ: съ меня требовалось именно то, чего, не смотря на всю добрую волю, я никакъ не могъ исполнить, вслѣдствіе очевиднаго намѣренія другой стороны оттянуть время на возможно большій срокъ. Въ самомъ съѣздѣ также существовало, въ нѣкоторомъ родѣ, междуцарствіе: ни предсѣдатель, ни мировые судьи до сихъ поръ еще не были утверждены въ своихъ должностяхъ сенатомъ; такая задержка, какъ говорили, произошла отъ заявленія одного изъ мировыхъ судей,—и, что всего удивительнѣе, изъ новыхъ,—о неправильности послѣднихъ выборовъ и просьбы признать ихъ незаконными. Чѣмъ руководствовался этотъ оригинальный мировой судья при изложеніи своихъ доводовъ — неизвѣстно. Но несомнѣнно, что разсмотрѣніе его заявленія потребовало времени, большаго сверхъ обыкновеннаго для утвержденія насъ всѣхъ. Однако, дѣло окончилось благополучно, и мы вскорѣ получили сенатское утвержденіе.

Тѣмъ не менѣе, мнѣ жестоко надоѣдали всевозможныя проволочки по дѣламъ 25-го участка. Князь Шаховской выбрался куда-то изъ своей квартиры, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, хотя и оставилъ въ ней мебель, которую я купилъ черезъ нѣсколько дней. Онъ наѣзжалъ въ камеру только урывками, послѣ оконченнаго уже мною разбирательства, и, какъ мнѣ говорили, по цѣлымъ часамъ совѣщался о чемъ то съ своимъ бывшимъ письмоводителемъ, котораго я на время оставилъ у себя, въ надеждѣ, что онъ, хотя отчасти, поможетъ мнѣ выбраться изъ лабиринта. Чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ болѣе я убѣждался, что дѣло приметъ для всѣхъ дурной оборотъ. Въ одномъ изъ распорядительныхъ засѣданій съѣзда, происходившихъ обыкновенно по четвергамъ, дней черезъ десять по занятіи мною должности мироваго судьи, я заявилъ, что, не смотря на всѣ предписанія съѣзда князю о сдачѣ мнѣ дѣлъ и денежныхъ документовъ, я ровно ничего не получилъ до сихъ поръ, что мои настоятельныя убѣжденія не приводятъ ни къ какому результату и что я положительно предупреждаю объ этомъ съѣздъ заранѣе, не желая подвергаться отвѣтственности за вину чужихъ лицъ. Было постановлено: предписать бывшему мировому судьѣ 25-го участка сдать мнѣ всѣ дѣла, деньги и документы въ теченіе трехъ сутокъ; въ противномъ же случаѣ, съѣздъ распорядится назначеніемъ особой коммиссіи для выясненія всѣхъ обстоятельствъ и принятія над-

лежащихъ мѣръ при помощи прокурорской власти. Это предписаніе было послано въ мою канцелярію съ тѣмъ, чтобы передать его князю по адресу, извѣстному его бывшему письмоводителю.

Не прошло и дня, какъ въ мою камеру прибылъ Шаховской въ то время, когда я разбиралъ дѣла, крайне извинялся, что не могъ до сихъ поръ исполнить требованій съѣзда, сваливалъ все на болѣзнь и нервное разстройство и окончилъ вновь обѣщаніемъ приготовить всю денежную отчетность къ послѣзавтрашнему дню, убѣдительно прося выждать послѣдній срокъ, назначенный съѣздомъ. Отказывать было не въ моей власти; поэтому я поневолѣ долженъ былъ согласиться.

Наступило и послѣзавтра, а отъ князя не приходило никакихъ извѣстій. Часа въ четыре, когда, по окончаніи судопроизводства, я собирался домой, ко мнѣ въ кабинетъ, весь въ слезахъ, вошелъ письмоводитель и подалъ мнѣ конвертъ, запечатанный чернымъ сюргучемъ. Содержаніе этого посланія заключалось, приблизительно, въ слѣдующемъ:

«Въ то время, когда вы будете читать это письмо, меня уже не будетъ на свѣтѣ. Я растратилъ казенныя деньги и никакихъ отчетовъ дать не могу. Благодарю васъ за доброе участіе; извиняюсь, что заставилъ васъ такъ долго ждать. Прощайте».

Все письмо было написано знакомымъ мнѣ, размашистымъ, почеркомъ князя и имъ подписано.

Собственно говоря, я уже смутно предчувствовалъ и прежде, что произойдетъ какая нибудь катастрофа; но, признаюсь, подобной не ожидалъ. Развязка превзошла мои ожиданія... Я взглянулъ машинально на плачущаго письмоводителя, и странная мысль мелькнула у меня въ головѣ: отчего онъ плачетъ? вѣдь онъ еще не знаетъ содержанія письма, или же узналъ о возвѣщенномъ самоубійствѣ какимъ нибудь постороннимъ путемъ?.. Я спросилъ его. Онъ отвѣтилъ, что уже давно ожидалъ чего-то недобраго, а теперь, увидѣвъ черную печать на присланномъ конвертѣ съ адресомъ, написаннымъ рукою князя, сейчасъ же понялъ, что его нѣтъ въ живыхъ. По справкамъ оказалось, что письмо было прислано неизвѣстно съ кѣмъ въ камеру, часовъ въ десять утра. Почему же вы не сейчасъ отдали его мнѣ? спросилъ я письмоводителя. — Вы были заняты судомъ... Мнѣ оставалось только пожать плечами.

Съ этимъ письмомъ я немедленно отправился къ предсѣдателю съѣзда, Н. А. Неклюдову, жившему близъ Обуховскаго моста, по Фонтанкѣ, но засталъ его дома лишь въ девять часовъ вечера. Онъ распорядился послать тотчасъ же повѣстки мировымъ судьямъ о прибытіи въ экстренное распорядительное засѣданіе съѣзда на завтрашній день, въ 10 часовъ утра. Собраніе было чрезвычайное и на него явились безъ исключенія всѣ члены. Извѣстіе, сообщенное предсѣдателемъ, произвело поражающее впечатлѣніе: никогда ни-

чего подобнаго не бывало, со времени введенія новыхъ уставовъ. Начались разспросы, догадки, предположенія о судьбѣ князя... Многіе о немъ сожалѣли, говорили, что онъ зарвался, что бѣда была совсѣмъ не такъ велика; иные выражали полную увѣренность, что онъ не окончилъ жизнь самоубійствомъ, а куда нибудь скрылся. Между тѣмъ, предсѣдатель заявилъ о происшествіи прокурорскому надзору и лично допросилъ письмоводителя; но узналъ отъ него весьма немногое... Очевидно, письмоводитель былъ парень ловкій и осторожный; я скоро прогналъ его изъ канцеляріи.

Между тѣмъ, только что прочитавъ письмо, развязывавшее мнѣ, въ нѣкоторомъ отношеніи, руки, я въ теченіе часа съ небольшимъ перерылъ многія изъ дѣлъ и бумагъ, валявшихся на окнахъ, подъ столами и на полу, и совершенно неожиданно нашелъ нѣсколько денежныхъ документовъ, т. е. именные билеты тысячъ на десять, остававшіеся безъ всякаго присмотра, точно негодная рухлядь, и очевидно переданные мировому судьѣ на храненіе судебнымъ приставомъ послѣ описи имущества умершаго лица. Я до сихъ поръ не могу постигнуть, какимъ образомъ уцѣлѣли эти билеты!.. Я въ тотъ же день передалъ ихъ въ съѣздъ, вмѣстѣ съ другими наскоро забранными мною документами, предварительно запечатавъ моею печатью всѣ входы и выходы въ квартирѣ внезапно скрывшагося князя.

Послѣ продолжительныхъ и довольно бурныхъ преній, съѣздъ постановилъ: 1) на самыя необходимыя потребности выдать три тысячи рублей, собранныя изъ личныхъ средствъ всѣхъ мировыхъ судей въ настоящемъ засѣданіи, и распредѣлить ихъ между наиболѣе бѣдными лицами, капиталы которыхъ находились на храненіи въ 25-мъ мировомъ участкѣ, и 2) назначить особую коммиссію для приведенія въ порядокъ всѣхъ дѣлъ этого участка, съ тѣмъ, чтобы она немедленно начала свои дѣйствія и о послѣдующемъ сообщила мировому съѣзду. Эта коммиссія состояла изъ почетнаго мироваго судьи Л. Я. Яковлева, участковыхъ мировыхъ судей: И. А. Галова, В. П. Бочарова, И. В. Веригина, Н. Н. Шамшева, В. А. Тимирязева и меня.

Что же касается князя Шаховскаго, то, по слухамъ, имѣвшимъ большую достовѣрность, онъ не прибѣгнулъ къ самоубійству, а бѣжалъ въ Америку. Съ той поры я болѣе о немъ ничего и не слыхалъ.

V.

На долю коммиссіи выпала трудная задача: ни одинъ изъ ея членовъ, въ то время, когда настаютъ вакаціи и мировые судьи на мѣсяцъ или недѣли на двѣ поочередно освобождаются отъ служебныхъ занятій, — не имѣлъ свободной минуты: въ теченіе дня приходилось разбирать дѣла въ своемъ участкѣ; послѣ обѣда, ча-

совъ съ восьми, необходимо было приводить въ порядокъ все, что напутано Шаховскимъ. Коммиссія работала неустанно четыре-пять мѣсяцевъ: наняты были писцы для составленія описей по каждому дѣлу, купленъ сундукъ для храненія денегъ и документовъ, организована на новыхъ началахъ канцелярія, передѣлана камера изъ двухъ смежныхъ комнатъ въ одну, — хорошую, просторную, свѣтлую, — отведена отдѣльная комната для свидѣтелей; словомъ, все обновилось, пришло въ лучшій, болѣе приличный видъ. Каждый изъ членовъ коммиссіи взялъ на себя извѣстное количество дѣлъ для просмотра и свѣрялъ по нимъ денежные документы. Всѣ безъ исключенія трудились добросовѣстно и неутомимо, не жалѣя себя, и, по сведеніи концовъ съ концами, оказалось, что трехъ тысячъ, выданныхъ съѣздомъ, совершенно достаточно для покрытія убытковъ, понесенныхъ частными лицами. Что же касается остальной растраченной суммы, въ количествѣ, приблизительно, шести или семи тысячъ, то она составилась изъ штрафныхъ денегъ, пошлинъ и т. п. и была принята на себя казною, т. е. просто списана со счетовъ.

Такимъ образомъ, все дѣло ограничилось довольно узкими рамками; тѣмъ не менѣе, на заинтересованныхъ лицъ, оно, какъ и слѣдовало ожидать, произвело сильное впечатлѣніе: моя камера буквально осаждалась днемъ и вечеромъ не только просителями, но и любопытными, приходившими послушать «разбирательство», какъ даровое представленіе, отъ нечего-дѣлать.

Судебный надзоръ, въ лицѣ бывшаго тогда товарищемъ прокурора с.-петербургскаго окружнаго суда г. Булаха, только затягивалъ дѣло: въ процессуальномъ отношеніи, необходимыя свѣдѣнія должны были получаться прямо отъ съѣзда, да и тѣ относились лишь къ денежной провѣркѣ, тщательно производившейся членами коммиссіи. Затѣмъ, процесса въ буквальномъ смыслѣ слова не могло и быть, за неизвѣстностью мѣстонахожденія обвиняемаго или за его хотя бы фиктивною смертью. Дѣйствительно, случай являлся до такой степени страннымъ и неожиданнымъ, что разобраться было довольно трудно, не имѣя положительныхъ данныхъ. Прокурорскій надзоръ такъ и остался не причемъ. Но, что всего страннѣе, въ самомъ мировомъ съѣздѣ, нѣкоторыми ярыми блюстителями буквы закона, преимущественно изъ почетныхъ мировыхъ судей, былъ возбужденъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли я право, какъ мировой судья, опечатать квартиру Шаховскаго въ тотъ моментъ, когда получилъ письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что рѣшился покончить съ собою. Формалисты смотрѣли на принятую мною мѣру, какъ на превышеніе власти, ссылаясь на то, что мировой судья имѣетъ право охранять, при посредствѣ судебнаго пристава, только имущество лицъ, умершихъ или находящихся въ безвѣстномъ отсутствіи, и начинать дѣло по охраненію не иначе, какъ

по полученіи полицейскаго протокола. Когда возникъ этотъ вопросъ, я заявилъ, что въ настоящемъ случаѣ, не предвидѣнномъ закономъ, лучше всего руководствоваться здравымъ смысломъ, и что если бы я не прибѣгнулъ къ этой мѣрѣ, т. е. къ опечатанію квартиры Шаховскаго, то съѣзду пришлось бы, можетъ быть, уплатить не три тысячи, а десять или пятнадцать. Аргументъ показался неотразимымъ, и вопросъ палъ самъ собою; ревностные блюстители буквы закона даже не предложили этотъ вопросъ на баллотировку.

Мало-по-малу все пришло въ нормальное положеніе. Коммиссія окончила свои занятія позднею осенью и получила выраженіе признательности съѣзда.

VI.

Помимо разсказаннаго здѣсь вкратцѣ эпизода, многое изъ моей судебной практики, особенно въ началѣ, заставляло меня переживать тяжелыя минуты. Съ наступленіемъ втораго трехлѣтія, со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, въ мировомъ съѣздѣ начала образовываться нѣкоторая рознь, появились отдѣльныя партіи, опиравшіяся на личныя симпатіи или на личную непріязнь къ тому, кто осмѣливался выражать протестъ. Такое явленіе выказывалось замѣтнѣе всего въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда. Въ нихъ нерѣдко шли толки о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, причемъ выпивалось громадное количество чая и выкуривались сотни папиросъ. Непостижимо, какъ до сихъ поръ къ намъ никакъ не можетъ привиться хотя бы частичка парламентаризма, который въ западныхъ государствахъ обставленъ въ извѣстныя рамки и имѣетъ, такъ сказать, свой нравственный кодексъ, свои общепринятыя, всѣмъ извѣстныя и всѣми признанныя, формы. Наша халатность и распущенность внушаютъ по истинѣ весьма гадливое чувство. Въ началѣ мы принимаемъ всякую хорошую, полезную иниціативу съ какимъ-то судорожнымъ, лихорадочнымъ трепетомъ, кидаемся на нее, точно волкъ на добычу, носимся съ нею день и ночь, а пройдетъ нѣсколько недѣль, бросаемъ то, что насъ интересовало, какъ негодную тряпку. То же самое замѣчалъ я и въ съѣздѣ. Тамъ были извѣстныя заправила, которые не столько радѣли о дѣлахъ общества, сколько считались между собою. Такихъ было немного, и очень жаль, что не было ихъ меньше. Четверги, т. е. дни, въ которые обыкновенно происходили распорядительныя засѣданія, становились подъ конецъ невыносимыми: такъ мало было въ нихъ дѣла и такъ много пустыхъ словъ. Та же халатность проявлялась и въ судебныхъ засѣданіяхъ, но она выразилась въ полной силѣ своей лишь въ концѣ втораго трехлѣтія, и по этому поводу я долженъ сдѣлать небольшую оговорку.

Каждый изъ мировыхъ судей выбиралъ, съ общаго согласія, одинъ день въ недѣлѣ, въ который обязанъ былъ присутствовать на судебномъ разбирательствѣ въ съѣздѣ, въ качествѣ его члена. Я избралъ гражданское отдѣленіе по субботамъ. Въ первое время предсѣдателемъ этого отдѣленія былъ Н. Г. Карташевскій, сдавшій свою должность непремѣннаго члена добавочному мировому судьѣ Тизделю. Г. Карташевскій заявлялъ во всеуслышаніе, что гордится званіемъ ученика О. И. Квиста и во всѣхъ тонкостяхъ гражданскаго судопроизводства вполнѣ слѣдуетъ по стопамъ своего достойнаго учителя, пріемы и манеры котораго усвоилъ до мельчайшихъ подробностей. Положимъ, Н. Г. Карташевскій и могъ считать себя ученикомъ О. И. Квиста, но тѣмъ не менѣе этотъ почетный титулъ нисколько не налагалъ на него обязанности мучить тяжущихся и членовъ съѣзда съ 11 часовъ утра до 8 и 9 часовъ вечера. Какъ видно, г. Карташевскій не вполнѣ освоился съ тѣмъ принципомъ, что практическое судебное разбирательство не есть лекція гражданскаго судопроизводства, а поставлено въ такія же условія, какъ и въ мировомъ участкѣ. По каждому дѣлу онъ высказывалъ пространное резюме: приводились и кассаціонныя рѣшенія сената, и примѣры постановленій различныхъ съѣздовъ по однороднымъ дѣламъ, и заявленія прокурорскаго надзора въ дѣлахъ, касавшихся охраненія правъ наслѣдниковъ или малолѣтнихъ. Всѣ комбинаціи, всѣ тонкости, всѣ придирки, какія зачастую выставлялись въ аппелляціонныхъ, кассаціонныхъ и частныхъ жалобахъ, очевидно имѣвшихъ цѣлью отсрочить рѣшеніе, г. Карташевскій разбиралъ самымъ тщательнымъ и добросовѣстнымъ образомъ, обсуждалъ pro и contra, и тогда уже разрѣшался своимъ собственнымъ мнѣніемъ. Случалось, что дѣло не стоило выѣденнаго яйца, что доказательства были безспорны, что можно было, безъ дальнихъ словъ и напрасной траты времени, въ три-пять минутъ постановить рѣшеніе; тѣмъ болѣе это относилось къ дѣламъ гражданскимъ, гдѣ не требовалось ни показаній свидѣтелей, ни сознанія отвѣтчика, а все дѣло ограничивалось фактическою стороною, т. е. предъявленіемъ документовъ. То, на что въ участкѣ потребовалось бы не болѣе двухъ минутъ для окончательнаго результата, давало г. Карташевскому поводъ къ длиннѣйшей диссертаціи, и если таковы были всѣ ученики О. И. Квиста, то я не сожалѣю, что не находился въ числѣ ихъ.

Очень странные существовали порядки въ съѣздѣ, особенно въ первое время: очередей не соблюдалось никакихъ; если кто либо изъ назначенныхъ мировыхъ судей не пріѣзжалъ въ засѣданіе, то брался первый попавшійся участковый или почетный, нечаянно забредшій въ канцелярію съѣзда. Tres faciunt collegium — это правило соблюдалось очень строго, и дѣйствительно едва ли когда нибудь покушался прибыть въ засѣданіе четвертый.

Другіе члены съѣзда, занимавшіе должность предсѣдательствующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ, представляли весьма замѣтную противоположность г. Карташевскому: на сколько тотъ былъ формалистъ и, до хрипоты и боли въ желудкѣ, радѣлъ непрестанно о буквѣ закона, на столько другіе обходились съ этою буквой закона совсѣмъ безцеремонно и даже игнорировали ее. Предсѣдательствовавшихъ у насъ было много — и Неклюдовъ, и Веригинъ, и Меншуткинъ, и Котоминъ, и Кузьминъ, и др.

И. А. Веригинъ былъ прекрасный человѣкъ, служилъ когда то въ военной службѣ, занималъ гдѣ то должность мироваго судьи въ провинціи и пріѣхалъ въ Петербургъ на томъ только основаніи, что ему надоѣло жить вдали отъ столицы. Черезъ четыре года послѣ его прибытія въ столицу, во время исправленія имъ должности предсѣдателя мироваго съѣзда, онъ внезапно умеръ. Онъ былъ не столько хорошій мировой судья, сколько хорошій человѣкъ: дѣлалъ много добра, помогалъ бѣднымъ, но мнилъ о себѣ высоко въ смыслѣ спеціалиста по гражданскимъ дѣламъ. Чисто военной выправки, съ длинными, остроконечными усами, нахмуренными бровями и здоровымъ, бойкимъ голосомъ, онъ производилъ внушительное впечатлѣніе, даже казался отчасти шовинистомъ. Военный человѣкъ, промѣнявшій, такъ сказать, шпагу на перо, или, еще того хуже, на судебную цѣпь, манкируетъ своею карьерою. Этого Веригинъ не понялъ: онъ почти не обладалъ юридическимъ образованіемъ въ строгомъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе, что вышелъ изъ пажескаго корпуса, гдѣ уже никакимъ образомъ не подготовляютъ воспитанниковъ къ занятію судебныхъ должностей.

Предсѣдательствовавшій въ съѣздѣ участковый мировой судья Меншуткинъ, въ прямую противоположность г. Карташевскому, не особенно горячо относился къ дѣламъ. Въ нѣсколько минутъ все бывало рѣшено и подписано, и «съ плечъ долой!»... Наиболѣе выдающимся фактомъ его судебно-мировой дѣятельности за то время оказался слѣдующій: какъ то разъ, въ одномъ изъ распорядительныхъ засѣданій съѣзда, возникъ вопросъ, по всей вѣроятности, отъ нечего дѣлать,—о томъ, что повѣстки тяжущимся сторонамъ посылаются за весьма неразборчивыми подписями участковыхъ мировыхъ судей. Дѣйствительно такихъ повѣстокъ мировому судьѣ приходилось подписывать ежедневно до 200—300; при этомъ не могло быть и рѣчи объ особенной отчетливости въ почеркѣ. Но результатъ всего этого вышелъ до такой степени смѣшонъ, что я до сихъ поръ, при воспоминаніи о немъ, не могу удержаться отъ улыбки: я получилъ такой циркуляръ, гласившій, что каждый мировой судья обязанъ тщательно изображать свою фамилію на посылаемыхъ имъ документахъ, преимущественно на протоколахъ, составляемыхъ во время разбирательства дѣла. Тогдашніе мировые судьи не оказы-

вали особенной симпатіи къ каллиграфическимъ упражненіямъ. Когда приходилось въ съѣздѣ читать протоколы, напримѣръ, гг. Тимирязева, Меншуткина, Зиновьева и др., то это упражненіе составляло для предсѣдательствующаго, въ нѣкоторомъ родѣ, пытку. Полученный циркуляръ нисколько не могъ относиться непосредственно ко мнѣ, такъ какъ я обладалъ хорошимъ почеркомъ, который, конечно, испортился отъ ежедневнаго, безустаннаго упражненія. Но этотъ циркуляръ, толковавшій о необходимости удобопонятной подписи, былъ подписанъ «за предсѣдателя» такими каракулями и завитушками, какія ни одинъ изъ наилучшихъ каллиграфовъ не могъ бы разобрать. Оказалось, что это была подпись того же предсѣдательствующаго, г. Меншуткина, который самъ первый нарушилъ измышленное имъ же постановленіе.

Г. Котоминъ отличался тѣмъ, что, по какимъ то неисповѣдимымъ законамъ судьбы, избирался въ мировые судьи значительнымъ большинствомъ голосовъ, за какія заслуги, это, конечно, извѣстно избирателямъ. Онъ даже исполнялъ и должность предсѣдателя съѣзда, причемъ провозглашалъ рѣшенія такъ невнятно, что большая часть публики едва ли могла ихъ разслышать.

Не могу не сказать нѣсколько словъ о недавно скончавшемся мировомъ судьѣ 13-го участка, А. И. Трофимовѣ. Это былъ чисто русскій человѣкъ, пользовавшійся громадною популярностью даже и въ мое время: добродушіемъ онъ отличался необычайнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ остроуміемъ, находчивостью и убѣдительностью. Едва ли кто нибудь изъ насъ могъ такъ задушевно и такъ просто, при помощи сердечной теплоты и мягкости, приводить стороны къ миру... А вѣдь въ этомъ и заключается главная обязанность мироваго судьи. Онъ говорилъ языкомъ, понятнымъ простому народу, и пуще всего ненавидѣлъ формализмъ. Эта ненависть къ казенщинѣ, иногда служащей во вредъ существу дѣла, нерѣдко заставляла его не соблюдать извѣстныя, закономъ предписанныя, формы; но на такія нарушенія съѣздъ не обращалъ, въ случаѣ жалобъ, особеннаго вниманія, вполнѣ сознавая его почетную, добросовѣстную и безкорыстную дѣятельность.

Въ съѣздѣ находились и отчаянные либералы, — «красные», — и оппортюнисты, и затхлые, проѣденные до мозга костей, консерваторы, или, скорѣе, рутинёры. Всѣ эти партіи, какъ уже выше сказано, не имѣли никакой осмысленной подкладки: пререканія, взаимныя подзадориванія, вспышки самолюбія, доходившія даже до вызововъ на дуэль, — являлись не чѣмъ инымъ, какъ игрою въ бирюльки или въ кегли. У кого рука сильнѣе, тотъ и выигрывалъ; у кого голосъ звончѣе, тотъ и перекрикивалъ другихъ, слѣдовательно оставался въ выигрышѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что судебные уставы должны быть извѣстны каждому мировому судьѣ, и для насъ это было нѣчто въ родѣ «нов-

lesse oblige». Между тѣмъ, въ дѣйствительности, почти исключительно руководствовались ст. 81 и 129 уст. гражд. суд. и ст. 119 уст. о наказаніяхъ, предоставляющими мировому судьѣ возможность рѣшать дѣла по внутреннему убѣжденію. Это были надежные столбы, неоспоримыя основы въ тѣхъ случаяхъ, когда мировой судья просто не зналъ, какую статью закона подвести къ извѣстному факту,— якорь спасенія, за который хватались многіе и который неизмѣнно помогалъ имъ выходить сухими изъ воды.

VII.

Съ большою охотою, съ посильнымъ желаніемъ принести пользу ближнему, я старался внушать къ себѣ довѣріе лицъ, прибѣгавшихъ къ суду. По неопытности, я надѣялся найдти поддержку въ той средѣ, въ которой работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ; полагалъ, что отсутствіе матеріальныхъ и денежныхъ интересовъ, личныхъ, самолюбивыхъ вѣяній и разсчетовъ дастъ мнѣ просторъ вполнѣ проявить ту дѣятельность, къ какой я стремился. Къ сожалѣнію, я ошибся горько и прискорбно....

Изученіе законовъ, даже вызубриваніе наизусть статей, изученіе разныхъ сенатскихъ кассаціонныхъ рѣшеній приносятъ не Богъ вѣсть какую пользу, когда приходится столкнуться съ дѣйствительностью и фактами, съ поражающею бѣдностью, съ убожествомъ, не только матеріальнымъ, но и нравственнымъ, какія приходилось мнѣ видѣть въ теченіе трехъ лѣтъ моего судейства. Уже съ самаго начала я убѣдился, что такъ-называемые взгляды и теоретическая подготовка пригодны развѣ тогда, когда въ уютномъ кабинетѣ или за изящно сервированнымъ столомъ можно проводить извѣстнаго рода убѣжденія, которыя, правду сказать, никого не интересуютъ. Когда сама жизнь, страшныя, захватывающія душу явленія, міръ проходимцевъ, нищихъ, бездомныхъ дѣтей, поминутно выносящихъ и голодъ, и зуботычины, когда вся эта меньшая братія чуть ли не кидается въ ноги съ воплемъ о дневномъ пропитаніи или съ мольбою о пощадѣ ради невѣдѣнія, — тогда ссылка на законъ остается мертвою буквою какъ для нихъ, такъ и для мироваго судьи. Тутъ нужна помощь безотлагательная... Хозяинъ бьетъ мастероваго—ребенка, рабочій отдаетъ хозяину свой паспортъ (съ 14-го мая по 14-е ноября — общепринятый срокъ), домовладѣлецъ прогналъ дворника, не сдѣлавъ съ нимъ разсчета, мальчишка укралъ фунтъ хлѣба, женщина, съ грудными дѣтьми, выгнана изъ квартиры на улицу, — весь этотъ обездоленный людъ проситъ немедленной помощи и защиты... По слуху, знаетъ онъ, что есть недалеко мировой, и идетъ къ нему, и проситъ уважить его просьбу... И вдругъ оказывается, что, напримѣръ, самъ рабочій, взыскиваю-

щій съ хозяина, при производствѣ разсчета, долженъ тому же хозяину по заборной книжкѣ. Очень трудно бывало объяснить такому рабочему, что не хозяинъ долженъ ему, а онъ долженъ хозяину. А хозяинъ слылъ за всѣмъ извѣстнаго плута... Буква закона говорила одно, а сердце говорило другое.

Впрочемъ, эти явленія до того обыкновенны, что не представляютъ ничего выходящаго изъ уровня обыденной жизни. Бѣдность, угнетеніе сильнымъ слабаго, недобросовѣстныя обвиненія въ несуществующихъ проступкахъ,—все это такія вещи, къ которымъ мы уже давно привыкли и которыя искоренить не въ нашей власти. Гораздо хуже, когда приходится имѣть дѣло съ тупоуміемъ, невѣжествомъ и умышленнымъ, упорнымъ отталкиваніемъ отъ себя всего того, что вноситъ въ жизнь свѣтъ и разумъ...

Петербургская сторона была, въ мое время, замѣчательно наклонна къ сутяжничеству: населеніе ея состояло преимущественно изъ отставныхъ чиновниковъ, стародавнихъ вдовъ, дѣвицъ, ищущихъ жениховъ, мужей безъ женъ и т. п., и надъ всѣмъ этимъ наслоеніемъ властвовалъ какой нибудь кулакъ-лавочникъ, мясникъ или зеленьщикъ. Но главными подстрекателями къ всевозможнымъ кляузамъ, ссорамъ, сплетнямъ и дракамъ являлись портерщики и кабатчики, помѣщенія которыхъ служили мѣстомъ сходокъ для такъ-называемыхъ дровокатовъ и ихъ кліентовъ. Эти непатентованныя личности представляли собою отвратительную язву для всего населенія Петербургской стороны, и въ особенности для мироваго судьи, камера котораго бывала ими ежедневно переполнена. Тутъ же, на улицѣ, чуть ли не на тумбѣ, писались прошенія, сочинялись дѣла о нарочно придуманныхъ оскорбленіяхъ, стравливались подвыпившія личности, и застольные адвокаты немедленно предлагали имъ свои услуги. Между послѣдними существовали и ходатаи по дѣламъ низшаго разбора, и такіе магнаты, которые нанимали хорошую квартиру и ѣздили на парѣ лошадей. Прямо противъ входа въ мою камеру, помѣстился нѣкто Курганниковъ, хорошо знакомый съ прежнимъ мировымъ судьею и потому знавшій чуть ли не наизусть все, что творилось у князя Шаховскаго. Я не счелъ нужнымъ завести, по примѣру моего предшественника, знакомство съ г. Курганниковымъ, и онъ являлся въ мою камеру лишь въ качествѣ повѣреннаго, причемъ брался за дѣла запутанныя, представлявшія извѣстный денежный интересъ. Онъ былъ еще лучшимъ изъ тѣхъ адвокатовъ, которые ставили себѣ главнѣйшею задачею поживиться на счетъ ближняго.

Адвокатская сволочь до такой степени вселила, ради своихъ корыстныхъ цѣлей, рознь и вражду въ жителяхъ Петербургской стороны, что мнѣ приходилось ежедневно разбирать отъ 40 до 50 дѣлъ. Подрались изъ-за курицы двѣ бабы, — адвокатъ уже готовъ и тутъ же строчитъ жалобу мировому; обругалъ лавочникъ чи-

новницу, всетаки состоящую въ благородномъ чинѣ, — она беретъ повѣреннаго и бѣжитъ къ мировому... Эта страсть къ сутяжничеству была доведена нѣкоторыми выгнанными изъ службы чиновниками, разными канцелярскими служителями, провинціальными секретарями, отставными инженерами, механиками, строителями и архитекторами безъ мѣстъ до замѣчательной степени виртуозности. Сперва я было церемонился съ не прошенными ходатаями, состоявшими, большею частью, подъ судомъ, но тѣмъ не менѣе подававшими мнѣ по 3—4 прошенія въ день по дѣламъ, ими же самими возбужденнымъ. Но съ теченіемъ времени я убѣдился, что эти молодцы служатъ источникомъ зла, деморализирующаго все населеніе участка. На моихъ глазахъ бывали такіе случаи, что повѣренный одной стороны безцеремонно переходилъ на другую сторону за большую плату, скрывалъ документы, получивъ исполнительный листъ, взыскивалъ по немъ деньги съ отвѣтчика въ свою пользу и въ безчувственно-пьяномъ видѣ препровождался въ участокъ, откуда, по вытрезвленіи, доставлялся въ мою камеру, вмѣстѣ съ протоколомъ объ учиненномъ имъ безобразіи на улицѣ. Когда эти защитники общественныхъ интересовъ вздумали являться ко мнѣ въ безусловно пьяномъ видѣ и предавались морфею во время разбирательства дѣлъ ихъ довѣрителей, — я обращался къ помощи моего весьма расторопнаго и бойкаго разсыльнаго, а также и городовыхъ, заходившихъ по дѣламъ службы въ канцелярію, и торжественно выпроваживалъ вонъ нарушителей порядка... Однако, и это средство оказывалось не вполнѣ дѣйствительнымъ: выпровоженный изъ камеры такими энергическими способами, черезъ нѣсколько минутъ, снова вторгался обратно, въ еще болѣе пьяномъ видѣ, и производилъ умышленный скандалъ. Тогда я счелъ за лучшее измѣнить палліативный способъ наказанія, прибѣгнувъ къ болѣе острому, а именно тутъ же штрафовалъ провинившагося тремя рублями, въ случаѣ же несостоятельности (а такіе случаи бывали сплошь да рядомъ) препровождалъ его въ полицію, подъ арестъ на однѣ сутки. Конечно, подобная мѣра возъимѣла свое дѣйствіе, но не искоренила зла.

Въ особенности одолѣвали меня три личности, имена которыхъ не стоитъ здѣсь приводить, находившіяся подъ судомъ, но, не смотря на это, извлекавшія для себя наивозможную пользу изъ бѣдныхъ людей, имѣвшихъ глупость имъ довѣриться и обираемыхъ навѣрняка. Къ довершенію всѣхъ золъ, въ подвальномъ этажѣ того дома, въ которомъ находилась моя камера, было неожиданно устроено помѣщеніе для освидѣтельствованія участковымъ врачемъ женщинъ изъ домовъ терпимости. Это полицейское распоряженіе привело къ такимъ благимъ результатамъ, что не только на лѣстницѣ, въ корридорѣ, но и на улицѣ собиралась цѣлая толпа любителей прекраснаго пола, которые галдѣли и шу-

мѣли подъ моими окнами все время, пока происходило разбирательство. Такое странное отношеніе полицейской администраціи къ мѣсту, занимаемому судебнымъ учрежденіемъ, по самому существу своему, требующему уваженія отъ всѣхъ, а тѣмъ болѣе отъ «предержащихъ» властей, произвело на меня тягостное впечатлѣніе. Мнѣ не оставалось прибѣгнуть ни къ какому другому средству, какъ только оффиціально обратиться къ тогдашнему градоначальнику Ѳ. Ѳ. Трепову, съ просьбою о закрытіи этого временнаго врачебно-полицейскаго помѣщенія, а также съ ходатайствомъ сообщить мнѣ для представленія прокурорскому надзору тѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ полиціи о вышесказанныхъ трехъ личностяхъ.

Генералъ-адъютантъ Треповъ распорядился со свойственною ему быстротою и энергіею: на другой же день квартира была отдана подъ помѣщеніе частнымъ лицамъ; что же касается моего втораго заявленія, то онъ увѣдомилъ меня, что означенныя личности уже давно ему извѣстны своею дурною репутаціей, и онъ ожидаетъ только окончанія судебнаго слѣдствія, чтобы выслать ихъ административнымъ порядкомъ въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя.

Личность мироваго судьи, — по крайней мѣрѣ, въ томъ участкѣ, въ которомъ я находился, — служила постоянною цѣлью для различныхъ надувательствъ, обмановъ и т. п. Необходимость такого рода дѣйствій въ первое время я рѣшительно не могъ себѣ уяснить. Можетъ быть, князь Шаховской пріучилъ своихъ посѣтителей къ такой фамильярности и состоялъ съ нѣкоторыми изъ нихъ въ интимныхъ отношеніяхъ. Я, съ своей стороны, не находилъ нужнымъ посвящать кого либо въ мою частную жизнь и заводить знакомства. Я считалъ, что занятія мироваго судьи на столько должны быть избавлены отъ всякаго лицепріятія, отъ частныхъ воззрѣній, симпатій и непріязни, что только тогда они и могутъ приносить извѣстную пользу обществу. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи я ошибался, но никогда изъ своей камеры не дѣлалъ мѣста для дароваго представленія, въ которомъ, на потѣху почтеннѣйшей публики, розыгрывались бы разныя комическія сцены, рприправленныя дешевымъ остроуміемъ и балаганнымъ паясничествомъ.

Очень трудно было набрать мнѣ людей для состава канцеляріи. Охотниковъ было много; но людей было такъ мало, что мнѣ поневолѣ приходилось иногда самому переписывать рѣшенія въ окончательной формѣ и представленія въ мировой съѣздъ. Встрѣчались или пьяница, или мошенникъ, готовый за двугривенный украсть денежный документъ, или росписку изъ дѣла. Мнѣ не было цѣли скупиться на содержаніе канцеляріи. Въ то время мировой судья получалъ обезпеченное содержаніе въ 4,500 р. въ

годъ и могъ, безъ особеннаго стѣсненія для себя, платить хорошее жалованье письмоводителю и его помощникамъ. Но дѣло въ томъ, что никто не могъ удержаться на своемъ мѣстѣ, и какъ только начиналъ пріучаться къ работѣ, тотчасъ же выкидывалъ какую нибудь штуку, за которую поневолѣ приходилось платиться мѣстомъ. Относительно добросовѣстности въ исполненіи обязанностей, аккуратности, порядка, приходилось желать очень многаго. Конечно, нѣкоторые мировые судьи, какъ, напримѣръ, П. Н. Шамшевъ, имѣли нѣсколькихъ письмоводителей: одного по гражданскимъ дѣламъ, другаго по уголовнымъ, третьяго по охранительнымъ и т. д., но не всѣ мировые судьи пользовались возможностью, помимо получаемаго ими жалованья, платить изъ собственнаго кармана чуть ли не цѣлому министерству, составленному изъ различныхъ департаментовъ и отдѣленій.

Не менѣе затрудненій представляли отношенія мироваго судьи къ полицейской власти. Хотя ея представители, начиная съ участковыхъ приставовъ и кончая околодочными надзирателями, отличались самою изысканною вѣжливостью и утонченными манерами, но было видно, что они смотрѣли на мироваго судью какъ на враждебный элементъ, нѣсколько подрывавшій ихъ престижъ. Положимъ, встрѣчались и такіе мировые судьи (изъ новыхъ), которые, не стѣсняясь, заявляли, что полицейская власть для нихъ все, что передъ нею, т. е. ея представителями, они нѣмѣютъ, что какъ бы то ни былъ скверно и безобразно составленъ полицейскій протоколъ, все изложенное въ немъ будетъ принято на вѣру, а всѣ оправданія обвиняемыхъ послужатъ лишь къ усугубленію ихъ вины. И дѣйствительно, нашелся такой мировой судья, который высказывалъ подобнаго рода убѣжденія и въ съѣздѣ, но какъ то совершенно неожиданно, вѣроятно, по домашнимъ обстоятельствамъ, вышелъ въ отставку и канулъ въ Лету, вмѣстѣ съ своею полицейскою преданностію.

Впрочемъ, такихъ неудержимо стремительныхъ обожаній полицейской власти совсѣмъ и не требовалось: въ особенно важныхъ случаяхъ, когда полицейская власть выступала въ качествѣ обвинителя, представителемъ ея являлся Л. Я. Рудановскій, личность симпатичная, безпристрастная и знающая свое дѣло. Очень часто случалось, что г. Рудановскій даже отказывался отъ обвиненія въ виду безосновательно составленнаго полицейскаго протокола. Одинъ случай, когда мнѣ пришлось положительно пожалѣть о томъ, что я вмѣшался, въ качествѣ мироваго судьи, въ дѣло, нисколько меня не касавшееся, до сихъ живо хранится въ моей памяти. Какъ-то разъ, послѣ разбирательства дѣла, я возвращался домой, на Васильевскій островъ въ 3-ю линію, въ сопровожденіи одного изъ писцовъ, несшаго кипу дѣлъ. Я снялъ съ себя судейскую цѣпь и положилъ ее въ карманъ пальто, что всегда дѣлалъ по окончаніи

засѣданія. Приближаясь къ своему дому, я встрѣтилъ старуху; сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, она упала на тротуаръ и осталась неподвижной. Я хотѣлъ подать ей помощь, и въ это время увидѣлъ быстро приближавшагося ко мнѣ городоваго, который прошелъ мимо старухи, не обративъ на нее вниманія. Тогда я позвалъ его и спросилъ, развѣ онъ не знаетъ своей обязанности и въ какихъ случаяхъ долженъ подавать помощь.

— А вамъ какое дѣло? спросилъ онъ грубымъ тономъ.

— Такое дѣло, какъ и у всякаго другаго, отвѣтилъ я:—я вижу, что лежитъ женщина безъ чувствъ, она можетъ умереть, если ей сейчасъ же не подадутъ помощь.

— Ну, и подавай ей самъ, какую знаешь,—возразилъ городовой:—мнѣ съ тобой растабаривать нечего; я иду по дѣламъ въ участокъ.

— Какъ ты смѣешь говорить мнѣ ты, когда я говорилъ тебѣ вы?—замѣтилъ я:—вѣдь за такой отвѣтъ я могу отправить тебя самого въ участокъ.

— Попробуй, попробуй! закричалъ онъ, нахально смѣясь.

— И попробую, отвѣтилъ я, вынимая изъ кармана мировой знакъ. Я мировой судья 25-го участка.

— Знаемъ мы этихъ мировыхъ судей! Ты, можетъ быть, какой нибудь самозванецъ, гдѣ нибудь прикарманилъ цѣпь и фордыбачишься...

Онъ уже хотѣлъ было ухватить меня за руку; я замѣтилъ, что онъ пьянъ, а старуха все еще лежала на тротуарѣ... Я сказалъ:

— Хорошо, я пойду въ участокъ, но вмѣстѣ съ тобою. А прежде пойдемъ въ мой домъ, № 26, по 3 линіи; я позову дворника, пусть онъ засвидѣтельствуетъ, что я мировой судья, а не самозванецъ и карманникъ.

До моего дома оставалось не болѣе тридцати шаговъ; я, осыпаемый самыми площадными ругательствами городоваго, дошелъ до дома, вызвалъ дворника и велѣлъ ему идти въ участокъ, вмѣстѣ съ нахаломъ городовымъ, и помощникомъ моего письмоводителя, свидѣтелемъ всей этой отвратительной сцены; причемъ поручилъ послѣднему передать въ собственныя руки участковаго пристава, г-на Бахмутова, письмо, въ которомъ вкратцѣ объяснилъ происшедшій случай и просилъ его немедленно пріѣхать ко мнѣ.

Я былъ разстроенъ, никакъ не ожидая, что мировой судья можетъ быть отведенъ городовымъ въ участокъ, единственно ради желанія спасти человѣка отъ видимой гибели, и къ тому же подвергнуться потоку грязныхъ ругательствъ. Я былъ возмущенъ, раздосадованъ и не могъ постигнуть, какимъ образомъ, при новыхъ порядкахъ, съ преобразованіемъ полицейскихъ участковъ, во время градоначальствованія Ѳ. Ѳ. Трепова, могъ явиться подобный зу-

лусъ-городовой, точно недавно прибывшій изъ Африки или съ островов Новой Зеландіи.

Однако, въ концѣ-концовъ оказалось, что этотъ зулусъ пользовался большимъ вліяніемъ въ околодкѣ и плевалъ съ достоинствомъ на все, что осмѣливалось мѣшать его распоряженіямъ, получавшимъ, неизвѣстно почему, санкцію его непосредственнаго начальника. Дѣло приняло очень странный оборотъ: я заявилъ участковому приставу Бахмутову, что представляю въ его полное распоряженіе производство дѣла, заявляю только о самомъ фактѣ, и затѣмъ не желаю ни протестовать, ни вмѣшиваться во что либо, такъ какъ нисшіе полицейскіе чины изъяты отъ преслѣдованія прокурорскаго надзора, и подлежатъ усмотрѣнію высшихъ полицейскихъ властей. Между тѣмъ, на другой же день, я получилъ повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ канцелярію градоначальника для показаній въ качествѣ свидѣтеля, такъ какъ означенный городой увѣряетъ, что я ударилъ его въ зубы судейскою цѣпью. Конечно, въ канцелярію я не поѣхалъ, не признавая за собой роли свидѣтеля, а скорѣе долженъ былъ бы выступить въ качествѣ обвинителя.

Переписка, требованія чиновника, производившаго дознаніе (?), ежедневный призывъ служащихъ въ моей канцеляріи для объясненій надоѣли мнѣ до такой степени, что я письмомъ къ Ѳ. Ѳ. Трепову убѣдительно просилъ его не безпокоить ни меня, ни моихъ служащихъ ни къ чему не ведущими призывами, чтò и было имъ исполнено съ обычною его любезностью.

Единственное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этого дѣла, было необъятное чувство досады; мнѣ было досадно на все: прежде всего, на самого себя, потомъ на ту сферу, въ которую я такъ неудачно ввязался, и, наконецъ, на самый исходъ, который, при болѣе энергическомъ, т. е. не халатномъ, направленіи, могъ бы привести къ совсѣмъ противоположному результату. Впослѣдствіи, до меня дошли слухи, что нахалъ-городовой не только остался на своемъ мѣстѣ, но даже получилъ повышеніе; что же касается несчастной старухи, то она, по всей вѣроятности, такъ и умерла на улицѣ.

VIII.

Только что разсказанный фактъ принадлежитъ къ числу такихъ фактовъ, которые могутъ производить, въ извѣстномъ отношеніи, парализующее дѣйствіе на дѣятельность мироваго судьи, если онъ на столько слабъ, что поддасся его вліянію. Разскажу теперь нѣсколько случаевъ другаго характера, происходившихъ во время разбирательства мною тысячи дѣлъ. Конечно, я выбираю изъ нихъ только тѣ, которые имѣютъ болѣе или менѣе характер-

ное, типическое значеніе. Было много дѣлъ, и интересныхъ и пустыхъ, и грустныхъ, и смѣшныхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ, до поразительности, отражали въ себѣ уровень культуры нашей общественной жизни.

Въ «pendant» къ вышеописанному случаю, приведу другой, окончившійся далеко не такъ безуспѣшно.

Возвращался я какъ то разъ изъ камеры пѣшкомъ, по Большой Гребецкой улицѣ. Вдали за мной шелъ мой разсыльный съ повѣстками. Грязь на улицѣ была непроходимая, а тротуаръ устроенъ такой узенькій, что двоимъ встрѣтившимся едва можно разойдтись. Вижу я издалека, что на встрѣчу мнѣ по тротуару мужикъ гонитъ корову. Еще издали закричалъ я ему:

— Эй, любезный человѣкъ, сгони корову съ тротуара: вѣдь ей не полагается здѣсь ходить.

— Ничего, пройдетъ, баринъ: не сумлѣвайся.

— А я то-куда же пойду ради твоей коровы: въ грязь что-ли?

— Да куда хошь... Сапожки боишься замочить?

— Да вѣдь здѣсь только людямъ полагается ходить, а не скотинѣ.

— А скотина тоже тварь Божія... Проходи, проходи, баринъ; не задерживай...

Я сошелъ въ грязь, уступивъ мѣсто коровѣ. Но подозвалъ знакомъ разсыльнаго, въ удивленіи смотрѣвшаго на эту сцену, и сказалъ ему, чтобы онъ тотчасъ же узналъ, гдѣ живетъ этотъ мужиченко, и чтобы повѣстки о вызовѣ его по дѣлу, вчиненномъ самимъ мировымъ судьею, были принесены мнѣ сегодня къ подписи о вызовѣ его въ камеру на завтрашній день.

Все это было исполнено въ точности. Только что сѣлъ я за судейскій столъ, какъ вышелъ мой мужиченко и сталъ передо мной на колѣни.

— Встаньте, сказалъ я; вы помните, что̀ вчера было?..

Тутъ я прочелъ составленный мною протоколъ и тѣ причины, по которымъ составилъ обвиненіе такого то въ допущеніи ходить скоту въ неуказанныхъ мѣстахъ.

— Что скажете вы въ оправданіе? Встаньте, встаньте...

Мужичекъ всталъ, очевидно, ничего не понимая.

— Что-жъ вы скажете?

— Это кто же будетъ?

— Да вы, Андрей Трифоновъ.

Трифоновъ оглядѣлся и ухмыльнулся...

— Что-жъ, батюшка мировой, вѣдь, окромя меня, другаго здѣсь никого нѣтъ. А ты все вы, да вы... Одинъ всего какъ перстъ.

— Хорошо. Корову гналъ по тротуару?

— Гналъ, это вѣрно.

— Отчего же не свернулъ въ сторону?

— Да чего-жъ ей: божія тварь.

— Ну, а шла бы дама или ребенокъ? тоже по грязи заставилъ бы ихъ идти?

— Да имъ что же, батюшка? Бабамъ не привыкать стать, а ребятишкамъ такъ всласть.

— А если я тебя оштрафую рублемъ?

Трифоновъ опять повалился въ ноги. Я опять сказалъ, чтобы онъ всталъ.

— Батюшка, смилуйся! Впередъ никогда не буду. И безъ коровушки, на проклятый трохтуаръ не пойду, не токмо съ буреной. Смилуйся, голубчикъ!.. Зарокъ такой даю.

Я ограничился выговоромъ.

Входитъ въ камеру изящно одѣтая, молодая, красивая, женщина. Подаетъ прошеніе безъ подписи.

— Прошеніе не подписано, замѣтилъ я. Подпишите.

— Не могу-съ.

— Отчего?

— Не грамотна.

Я взглянулъ на нее съ удивленіемъ.

— Вы кто-же, собственно говоря?

— Крестьянская дѣвица.

— Ваше имя?

— Фанни.

— А фамилія?

— Фамиліи нѣтъ-съ.

— Чѣмъ занимаетесь?

— Ничѣмъ-съ.

— Какъ ничѣмъ?... Чѣмъ же существуете?

— Доходами-съ... Отъ хозяйки.

Изъ билета, выданнаго ей врачебно-полицейскимъ комитетомъ, оказалось, что она не Фанни, а просто Ѳедосья Терентьева.

— Какого вѣроисповѣданія?

— Никакого-съ.

— Какъ же, никакого? какое нибудь да есть?

— Русскаго-съ.

— Такого вѣроисповѣданія нѣтъ. Есть православное.

— Не знаю-съ. Можетъ быть...

— Къ исповѣди ходите? у причастія бываете?

— Помилуйте! иначе нельзя-съ!..

Соединеніе возможныхъ крайностей: простодушнаго цинизма, вѣрованія и привычки къ обману и тунеядству.

IX.

Бывали дѣла гораздо посерьезнѣе, напримѣръ, въ родѣ слѣдующаго, возбудившаго многіе толки.

Въ Большой Гребецкой улицѣ находился пріютъ для родильницъ, учрежденный, если не ошибаюсь, въ память великой княгини Елены Павловны, подъ главнымъ наблюденіемъ извѣстнаго акушера М. Х. Горвица. Въ околодкѣ носились слухи, что онъ обращался съ ученицами, посѣщавшими пріютъ, въ высшей степени дерзко, грубо и самовластно. Его обращеніе съ ними вызывало всеобщее негодованіе; нѣсколько разъ уже бывали стычки и подавались жалобы по начальству со стороны «униженныхъ и оскорбленныхъ», причемъ послѣднія изгонялись изъ заведенія. Какъ то однажды пришла въ канцелярію молодая дѣвушка, очень скромной и приличной наружности, въ сопровожденіи молодаго человѣка, заявившаго, что онъ ея довѣритель и подаетъ жалобу отъ имени своей довѣрительницы, на доктора Горвица въ оскорбленіи ея словами. Этотъ процесъ надѣлалъ большаго шума не только въ Петербургѣ, но и подальше.

Вопросъ касался весьма существенныхъ принциповъ, уяснявшихъ точныя отношенія между начальниками и подчиненными.

За нѣсколько времени до подачи мнѣ этого прошенія мѣщанкою Ивановой, ученицей сказаннаго родильнаго пріюта, появилась передовая статья въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» по поводу подобнаго же дѣла, возникшаго, сколько помнится, въ какомъ-то училищѣ удѣльнаго вѣдомства, между начальникомъ и преподавателемъ училища. Уѣздный мировой судья рѣшилъ дѣло, признавъ начальника виновнымъ въ оскорбленіи словомъ преподавателя, и приговорилъ его къ штрафу. Такое рѣшеніе произвело жестокій гвалтъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», напустившихся, точно стая бѣшенныхъ собакъ, на все учрежденіе мироваго института, укоряя его въ попущеніи подрыва основъ, въ потворствѣ сопротивленія низшихъ высшимъ властямъ и въ одобреніи тѣхъ противозаконныхъ поступковъ, которые не могутъ быть терпимы ни въ одномъ благоустроенномъ обществѣ. Главнымъ образомъ, органъ г. Каткова упиралъ на то, что дѣла между начальниками и подчиненными должны разбираться подлежащимъ служебнымъ вѣдомствомъ, а не входить въ область мировой юрисдикціи. Здѣсь, конечно, прежде всего, являлся вопросъ о тѣхъ границахъ, гдѣ оканчивается власть начальника и гдѣ онъ становится къ подчиненному въ частныя отношенія. «Московскія Вѣдомости» не хотѣли понять того простаго факта, что начальникъ, если захочетъ, то можетъ требовать «знаковъ уваженія» только тогда, когда онъ находится на службѣ.

Этотъ существенный вопросъ мнѣ приходилось разрѣшить въ данномъ случаѣ, а онъ касался интересовъ сотни лицъ, косвенно принимавшихъ въ немъ участіе и стремившихся сбросить съ себя давившій ихъ гнетъ въ лицѣ г. Горвица.

Обвиненіе заключалось въ слѣдующемъ: докторъ Горвицъ, послѣ произведенной имъ операціи, обратился къ ученицѣ Ивановой съ приказаніемъ подать ему кувшинъ съ водой и полотенце, чтобы вымыть руки. Иванова, безъ сомнѣнія, разозленная его прежнимъ грубымъ обращеніемъ, отвѣтила, что это не ея дѣло, а дѣло сидѣлки, которая обязана подавать умывать руки доктору; тогда Горвицъ заоралъ на нее во все горло, затопалъ ногами и выгналъ вонъ. Отсюда процессъ объ оскорбленіи и общій переполохъ ничего не дѣлающей Петербургской стороны.

Присяжный повѣренный Языковъ, нанятый Горвицемъ нарочно для этого дѣла и, какъ говорятъ, получившій за него болѣе тысячи рублей, употреблялъ всѣ усилія, чтобы доказать, что оно неподсудно мировому судьѣ, т. е. предъявилъ отводъ, на томъ основаніи, что будто бы разговоръ между Горвицемъ и Ивановой происходилъ во время исполненія послѣднею служебныхъ обязанностей. Не знаю, какимъ образомъ, но день, назначенный мною для разбора этого дѣла, сдѣлался извѣстнымъ весьма многимъ, нисколько не причастнымъ къ процессу. Камера была биткомъ набита: стояли на подоконникахъ, на заднихъ скамейкахъ, въ пріемной, даже въ кухнѣ. Большею частью была учащаяся молодежь обоего пола, жадно, съ лихорадочнымъ трепетомъ, ожидавшая развязки.

Отвода Языкова я не счелъ уважительнымъ и приступилъ къ разсмотрѣнію дѣла по существу.

Уже за нѣсколько дней до разбора, я получалъ анонимныя письма, въ которыхъ прямо высказывалось, что если я не признаю отвода, или не оправдаю Горвица, то навлеку на себя много непріятностей и даже рискую лишиться мѣста. Въ съѣздѣ весьма многіе судьи интересовались исходомъ этого дѣла. Въ числѣ ихъ были и либералы, радовавшіеся, что выдался, наконецъ, такой вопросъ, были и консерваторы, покачивавшіе головами и съ пытливымъ видомъ смотрѣвшіе на меня. И тѣ, и другіе приставали съ вопросами, желая узнать мой взглядъ на это дѣло, но я чистосердечно говорилъ, что заранѣе не могу составить никакого взгляда, пока дѣло не разъяснится на судѣ. Слышалъ я и дурныя предвѣщанія, и тонкіе намеки, и горькія сожалѣнія... Съ весьма любезнымъ видомъ, какъ бы совершенно невзначай, завернулъ ко мнѣ одинъ изъ товарищей прокурора окружнаго суда, мимоходомъ коснулся дѣла Горвица и заявилъ непреложное убѣжденіе, что оно не подсудно мировымъ учрежденіямъ, что оно пойдетъ по начальству и, конечно, я не стану помѣхой противъ принциповъ, которыми издавна руководствуется петербургскій окружный судъ. Съ

такой же любезностью, я спросилъ его, въ принципахъ ли окружнаго суда «предвосхищать», такъ сказать, заранѣе рѣшенія мироваго судьи. Онъ отвѣтилъ, что принимаетъ очень большое участіе въ родильномъ пріютѣ, что уже давно знакомъ съ докторомъ Горвицемъ, знаетъ его за отличнаго акушера и прекраснаго человѣка и что великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ было бы весьма прискорбно, если бы произошелъ скандалъ, который вынудилъ бы Горвица оставить управляемое имъ заведеніе, что онъ, т. е. товарищъ прокурора, вполнѣ убѣжденъ въ моихъ симпатіяхъ такому полезному учрежденію и что я не захочу возбудить рознь между лицами, находящимися въ учебныхъ заведеніяхъ. Онъ уѣхалъ отъ меня, не узнавъ ничего положительнаго и, какъ кажется, не совсѣмъ довольный.

Во время разбирательства, я, главнымъ образомъ, обратилъ вниманіе на показаніе свидѣтельницъ, т. е. ученицъ пріюта, которыя, между прочимъ, единогласно заявили, что г. Горвицъ—весьма знающій свое дѣло акушеръ, но отличается невыносимо грубымъ обращеніемъ, что подобныя сцены происходили не разъ, и только одна лишь боязнь быть исключенными изъ заведенія препятствовала имъ заявлять свой протестъ. Свидѣтельницамъ были предложены два главные вопроса, отъ рѣшенія которыхъ зависѣло все дѣло: первый—входило ли въ число служебныхъ обязанностей ученицъ подавать доктору рукомойникъ съ тазомъ для умыванія рукъ, послѣ производимыхъ операцій? И второй—въ то время, когда произошла сцена, подавшая поводъ къ жалобѣ, находилась ли ученица при исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, другими словами, должна ли была она въ данный моментъ безпрекословно исполнять требованія врача, находясь къ нему въ отношеніяхъ подчиненности? На первый вопросъ былъ полученъ отвѣтъ, что въ обязанность ученицъ нисколько не входитъ условіе подавать врачу воды для умыванія, и что на это есть сидѣлки; что же касается другаго вопроса, то онъ падалъ самъ собою, такъ какъ г. Горвицъ уже окончилъ свою демонстративную лекцію. Эти два пункта и служили главными основаніями для пререканій между обвиненіемъ и защитой. Обвиненіе высказывалось очень слабо, робко, нерѣшительно и, не умѣя хорошенько разобрать почвы, приводило такіе доводы, которые легко было разбить. Защита же высказывалась бойко, энергично, съ большимъ знаніемъ дѣла и съ ловкимъ умѣніемъ пользоваться малѣйшими промахами противной стороны. На предложеніе примириться стороны не согласились. Въ теченіе трехъ часовъ, пока длилось все дѣло, заявленія г. Горвица, лично присутствовавшаго въ судѣ, и вопросы его защитника, г. Языкова, возбуждали чуть не постоянное негодованіе публики, и я нѣсколько разъ принужденъ былъ предупреждать, что въ случаѣ повторенія шума или какихъ либо громкихъ выраженій неудоволь-

ствія, долженъ буду распорядиться очистить камеру. Однако, дѣло до этого не дошло.

Взвѣсивъ всѣ обстоятельства pro и contra, я пришелъ къ тому убѣжденію, что виновность г. Горвица доказана, и приговорилъ его къ штрафу въ двадцать пять рублей, а въ случаѣ несостоятельности къ аресту при тюрьмѣ на одну недѣлю. Едва лишь произнесъ я послѣднія слова, какъ вся зала внезапно огласилась громомъ рукоплесканій и единодушными криками, выражавшими симпатію къ приговору. Хотя я тотчасъ же объявилъ засѣданіе закрытымъ, снялъ съ себя цѣпь и насилу могъ пробраться въ другую комнату, чтобы не быть предметомъ такихъ шумныхъ изъявленій восторга, но крики продолжались еще долгое время... Когда же г. Горвицъ съ защитникомъ, въ свою очередь, пробирались сквозь толпу къ выходу, то заявленія публики измѣнили свой характеръ и превратились въ ругательства, прямо относившіяся къ личности того и другаго, такъ что послѣднимъ пришлось выслушать немалое количество весьма нелестныхъ эпитетовъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, г. Горвицъ подалъ аппелляцію въ съѣздъ. Я зналъ заранѣе, что вслѣдствіе различныхъ вѣяній, нисколько не имѣвшихъ юридической подкладки, мой приговоръ будетъ отмѣненъ съѣздомъ, и эта увѣренность еще болѣе усилилась во мнѣ, когда изъ разговоровъ съ нѣкоторыми мировыми судьями я убѣдился, что они далеко не раздѣляютъ моихъ мнѣній и даже считаютъ ихъ «красными». Въ засѣданіи съѣзда, г. Языковъ просилъ судъ, не входя въ разсмотрѣніе дѣла по существу, признать уважительнымъ его отводъ, а затѣмъ подвергнуть мироваго судью 25-го участка, т. е. меня, дисциплинарному взысканію, ибо онъ де явно потворствовалъ нигилизму, допустивъ въ свою камеру личности, произносившія весьма неприличныя ругательства, и не оградивъ ни его, ни его довѣрителя отъ вынесенныхъ ими оскорбленій. Съѣздъ постановилъ: согласно просьбѣ защитника, признать отводъ его уважительнымъ, рѣшеніе мироваго судьи отмѣнить со всѣми послѣдствіями и предоставить обвинительницѣ право, буде она пожелаетъ, войдти съ жалобой въ подлежащее административное учрежденіе. Цѣлый взрывъ негодованія по поводу моего приговора взлетѣлъ и распространился въ передовыхъ статьяхъ «Московскихъ Вѣдомостей». Снова градомъ посыпались на меня упреки въ потрясеніи основъ, неуваженіи къ авторитетамъ и т. п. Впрочемъ, какъ одобреніе, такъ и хула органа г. Каткова, были для меня одинаково безразличны.

X.

Я уже говорилъ, что въ мировомъ съѣздѣ существовало нѣсколько партій, руководствовавшихся чисто личными симпатіями и антипатіями. Главными вожаками являлись тѣ лица, которыя, по

какимъ бы то ни было причинамъ, съумѣли сдѣлаться центромъ маленькаго отдѣльнаго мірка, имѣвшаго свои интересы и ратовавшаго за нихъ изо всѣхъ силъ. Впрочемъ, ни эти партіи, ни ихъ вожаки, ни вообще оставшіеся на новое трехлѣтіе мировые судьи меня не интересовали: меня болѣе тянуло къ новичкамъ, вновь избраннымъ, въ особенности къ И. В. Рукавишникову, Н. Н. Жуковскому и нѣкоторымъ другимъ. Почетные мировые судьи пользовались въ распорядительныхъ засѣданіяхъ съѣзда, сравнительно, большимъ значеніемъ и дѣйствовали какъ «власть предержащіе» люди. Къ тому же, нѣкоторые изъ нихъ обладали замѣчательною звучностью голоса, что никогда не мѣшаетъ. М. М. Ильинъ, М. Н. Митьковъ, Г. В. Лермонтовъ не пропускали почти ни одного изъ засѣданій и упражнялись, иногда не безуспѣшно, въ ораторскомъ краснорѣчіи.

Главный недостатокъ тогдашняго состава мироваго съѣзда заключался, по моему мнѣнію, въ разнородности его постановленій по совершенно однороднымъ дѣламъ. Это происходило отъ того, что въ каждомъ изъ судебныхъ засѣданій участвовалъ отдѣльный предсѣдательствующій членъ, который и докладывалъ дѣла, конечно, внося въ рѣшеніе ихъ немалую долю своихъ личныхъ воззрѣній.

Н. А. Неклюдовъ предсѣдательствовалъ мастерски и точно также мастерски докладывалъ дѣла, причемъ высказывалъ замѣчательное знаніе и необыкновенную память.

Впрочемъ, и ему, какъ и всякому другому, случалось дѣлать нѣкоторые промахи, которые, можетъ быть, происходили отъ чрезмѣрнаго увлеченія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этихъ промахахъ были точно также, если не болѣе, виноваты тѣ члены съѣзда, которые вмѣстѣ съ нимъ обсуждали извѣстное дѣло. Приведу здѣсь одно изъ нихъ, хотя и не имѣвшее серьезнаго значенія, но возбудившее въ свое время много толковъ и говора и замѣчательное тѣмъ, что съ самаго начала до конца, велось совершенно неправильно. Съ тѣмъ большею смѣлостью я высказываю это убѣжденіе, что самъ находился въ числѣ судей, участвовавшихъ въ постановленіи приговора.

Во время одной изъ репетицій на Михайловскомъ театрѣ оперетки «Le petit Faust» жена извѣстнаго артиста г. Поля Дево танцовала вальсъ съ m-lle Леокади, второстепенною или даже третьестепенною актрисою того же театра. Во время танцевъ дамы о чемъ то заспорили между собою, и m-me Дево, вся въ слезахъ, бросилась къ своему мужу, присутствовавшему тутъ же на сценѣ, съ жалобой на m-lle Леокади, обвиняя ее въ томъ, что та сказала ей дерзость. Въ порывѣ гнѣва, г. Дево, въ свою очередь, бросился къ m-lle Леокади и, безъ дальнихъ объясненій, нанесъ ей оскорбленіе дѣйствіемъ, т. е. просто далъ ей пощечину. Обижен-

ная актриса, избравъ себѣ защитникомъ извѣстнаго присяжнаго повѣреннаго В. П. Гаевскаго, принесла жалобу мировому судьѣ, приговорившему черезчуръ расходившагося мужа къ аресту при тюрьмѣ на одинъ мѣсяцъ. На этотъ приговоръ г. Дево подалъ жалобу въ мировой съѣздъ.

Въ день разбирательства, въ той залѣ, гдѣ обыкновенно происходили засѣданія, за нѣсколько часовъ до начала дѣла, такъ много собралось публики, что необходимо было приспособить другую громадную залу, въ которой обыкновенно происходили собранія членовъ городской думы. Кромѣ того, съѣхалось столько мировыхъ судей, участковыхъ и почетныхъ, что необходимо было и въ этой большой залѣ поставить на эстрадѣ двойной комплектъ креселъ; иначе для многихъ не хватило бы мѣста. Въ съѣздѣ разбирались зачастую дѣла гораздо важнѣе и интереснѣе, а между тѣмъ никогда еще не бывало такого громаднаго стеченія публики и судей: приманкою въ настоящемъ дѣлѣ, очевидно, служила не самая его сущность, а скорѣе та пикантность, которою оно было обставлено. Дѣйствительно, здѣсь можно было увидѣть большую часть петербургскаго бомонда, французскихъ артистовъ и, въ особенности, артистокъ, весьма извѣстныхъ, по многимъ причинамъ, нашимъ столичнымъ жуирамъ. Это было своего рода представленіе, на которое всякому хотѣлось посмотрѣть, не думая о томъ, что, собственно говоря, оно не заключало въ себѣ ни судебнаго, ни практическаго интереса.

Еще до начала засѣданія, Н. А. Неклюдовъ, находясь въ совѣщательной комнатѣ и видя, что съ каждой минутой все болѣе и болѣе прибываютъ мировые судьи, которые хотя и не получили повѣстокъ, но, тѣмъ не менѣе, жаждали насладиться всѣми прелестями предстоящаго разбирательства, сдѣлалъ предложеніе, чтобы совѣщательными членами по дѣлу г. Дево считать только тѣхъ судей, на которыхъ падетъ жребій. Сколько помнится, насъ было до сорока человѣкъ; жребій выпалъ на нечетные участки; такимъ образомъ и мнѣ пришлось занять мѣсто дѣйствительнаго члена съ правомъ голоса; прочіе же судьи должны были пребывать въ засѣданіи, только какъ чины судебнаго вѣдомства.

Длинною вереницей, извиваясь между рядами стульевъ и толпою слушателей, предшествуемые впереди предсѣдателемъ, а по сторонамъ множествомъ судебныхъ приставовъ, потянулись мы гуськомъ изъ совѣщательной комнаты въ нашу временную залу суда и, при торжественномъ молчаніи публики, заняли свои мѣста, согласно постигшему насъ жребію и утвержденному экспромтомъ церемоніалу. Въ почтительной, но исполненной неизобразимаго достоинства позѣ, стоялъ передъ нами г. Поль Дево, и, глядя на него, я невольно думалъ, какъ мастерски умѣютъ французы облекать и всякое вздорное чувство, и всякое ничего не значащее вы-

раженіе въ самую изысканную, изящную форму. Передо мной стоялъ не обвиняемый, но д'Артаньянъ, герцогъ Ришелье, маркизъ де-Монпансье, которые что-то напроказили и теперь явились передъ трибуналомъ, — devant le tribunal et la cour, constitués de juges compétents et éclairés, — какъ выразился г. Дево. Съ другой стороны стояла невинная, но оскорбленная жертва чрезмѣрно увлекшагося мужа своей соперницы въ танцовальныхъ упражненіяхъ, напутствуемая своимъ защитникомъ. Посрединѣ было отведено мѣсто для патентованнаго переводчика съ французскаго языка, въ виду весьма естественной, хотя и тяжелой для мировыхъ судей обязанности, налагаемой на нихъ закономъ, притворяться не знающими никакого другаго языка, кромѣ русскаго. Тутъ же присутствовали русскій священникъ и католическій патеръ для приведенія свидѣтелей къ присягѣ. Первый исполнилъ свое дѣло очень быстро, не сказавъ ни одного лишняго слова и, очевидно, желая какъ можно поскорѣе убраться съ глазъ такого внушительно-грознаго судилища... Напротивъ, второй предпослалъ священному обряду нѣсколько глубоко прочувствованныхъ словъ, въ которыхъ сразу упоминалось и о раѣ, и объ адѣ, и о чистилищѣ, и все это закончилось убѣжденіемъ, что необходимо дать показаніе по истинѣ: «La vérité, la pure vérité, rien que la vérité»... Даже судьи были растроганы и почувствовали себя не совсѣмъ ловко; многія изъ дамъ плакали...

Послѣ предварительныхъ пріемовъ, было приступлено къ разбирательству дѣла по существу. Mademoiselle Léocadie старалась скрыться подъ густою воалью отъ любопытныхъ взоровъ, которые устремились на нее даже съ судейской трибуны. Дѣло было очень просто — сознаніе обвиняемаго и месть оскорбленной. Переводчикъ вралъ немилосердно, едва ли не переводилъ такъ: «cette affaire aura la suite» — «это послѣдствіе будетъ имѣть дѣло». Черезъ нѣсколько времени, его выраженіе вошло у насъ въ поговорку, и мы нерѣдко говорили: «это послѣдствіе будетъ имѣть дѣло». Словомъ, переводчикъ оказался неудовлетворительнымъ, и его обязанность, презрѣвъ букву закона, взялъ нашъ предсѣдатель, который устранилъ переводчика съ согласія сторонъ, и затѣмъ весь процессъ продолжался уже на элегантномъ французскомъ языкѣ: пофранцузски стали говорить и предсѣдатель, и стороны, и защитникъ, и нѣкоторые мировые судьи, съ довольно чистымъ французскимъ акцентомъ, напримѣръ, въ родѣ: eh, ben! oh, là, là!.. Даже, кажется, говорили бы судебные пристава и другіе исполнительныя власти, если бы обладали знаніемъ французскаго языка.

M-lle Леокади, голосомъ, въ которомъ слышались рыданія, заявила, что она не желаетъ согласиться на примиреніе, а проситъ подвергнуть оскорбителя наказанію по всей строгости законовъ. Въ послѣднемъ предоставленномъ ему словѣ г. Дево возвысился

до байроновскаго, или, скорѣе, шиллеровскаго лиризма: уваженіе къ личности женщины и ея правамъ стояло на первомъ планѣ. Личность женщины неприкосновенна. Кто посягаетъ на нее, тотъ нарушаетъ священныя права человѣчества... Затѣмъ, рѣчь оканчивалась въ томъ смыслѣ, что наступаетъ вдругъ минута порыва, увлеченія... И—трахъ!... Все пошло къ чорту! Священныя чувства, собственно говоря, не попраны, и уваженіе тоже не забыто, но это проклятое «трахъ» можетъ испортить все дѣло.

«Eh bien, messieurs et mesdames, — приблизительно въ такихъ выраженіяхъ окончилъ свое послѣднее слово г. Поль Дево, — jè vous fais juges de ma position atroce: d'un coté, l'honneur du mari offensé dans la personne de sa femme, et de l'autre le respect dû à la faiblesse du sexe le plus charmant, le plus adorable et le plus faible»...

Когда мы вошли въ совѣщательную комнату, многіе изъ насъ увидѣли, что, какъ тутъ ни разсуждай, а всетаки ни къ чему не придешь! Однако, рѣшили объявить постановленіе, которымъ г. Дево приговаривался къ аресту при тюрьмѣ на двѣ недѣли, и когда оно было объявлено ему, то онъ снова почтительно и съ достоинствомъ поклонился и проговорилъ: «Je remercie la cour et messieurs les juges des bontés qu'on a eues envers moi pendant la durée de ce procès».

Дѣло кончилось, публика разошлась, а мы все еще сидѣли въ нашемъ салонѣ «des Pas Perdus» и разсуждали, что сенатъ, навѣрное, кассируетъ наше рѣшеніе, такъ какъ поводомъ къ кассаціи представлялось много. Главнѣйшими изъ нихъ были: веденіе самимъ предсѣдателемъ преній на иностранномъ языкѣ, отсутствіе въ приговорѣ мотивовъ къ смягченію наказанія, въ виду того, что мужъ вступился за свою жену, — и выборъ судей по жребію. Н. А. Неклюдовъ, очевидно, и самъ сознавалъ, что этихъ трехъ поводовъ вполнѣ достаточно для отмѣны приговора и перенесенія дѣла въ другой мировой съѣздъ..

Дѣйствительно, правительствующій сенатъ кассировалъ наше рѣшеніе со всѣми его послѣдствіями и повелѣлъ вновь разсмотрѣть дѣло царскосельскому уѣздному мировому съѣзду.

Царскосельскій мировой съѣздъ, исполнивъ требуемыя закономъ формальности, какъ и слѣдовало ожидать, призналъ г. Дево виновнымъ, но это признаніе не имѣло непріятныхъ дня него послѣдствій, такъ какъ дѣло между сторонали окончилось примиреніемъ, и m-lle Леокади заявила, что считаетъ свою честь удовлетворенною, вслѣдствіе признанія вины оскорбителя.

XI.

Занятіе мировыми дѣлами требуетъ отъ судьи не только знанія, добросовѣстности, нелицепріятія (что̀ должно подразумѣваться само по себѣ существующимъ), но, главнымъ образомъ, хладнокровія въ высшей степени. Этого хладнокровія должно всегда имѣть въ такомъ достаточномъ запасѣ, чтобы его хватило во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда можетъ быть нарушено общее равновѣсіе характера. А это нарушеніе происходитъ чуть ли не ежечасно. Необходимо имѣть такое самообладаніе, чтобы не теряться въ случаяхъ, гдѣ дѣйствительно можно растеряться. Помню, какъ одинъ разъ привели ко мнѣ въ камеру изъ тюремнаго замка одного важнаго арестанта, судившагося, или даже осужденнаго за тяжкія преступленія. Онъ находился подъ конвоемъ изъ трехъ кавалергардовъ, съ обнаженными палашами. Меня предупреждали заранѣе, чтобы я съ нимъ былъ какъ можно осторожнѣе, что ему ничего не значитъ броситься на человѣка, изуродовать его или даже убить, единственно съ цѣлью начать новое дѣло и, такимъ образомъ, отсрочить на нѣкоторое время приведеніе въ исполненіе ожидающаго его наказанія; что подобные люди нарочно сочиняютъ и подаютъ мировому судьѣ самыя безсмысленныя, ни на чемъ не основанныя прошенія, лишь бы только дозволено было, на основаніи доставленной черезъ прокурора повѣстки мировому судьѣ, проѣхаться по городу въ тюремной повозкѣ и при входѣ въ камеру или при выходѣ изъ нея учинить скандалъ, а въ иныхъ случаяхъ кому нибудь передать тайнымъ образомъ важную записку или получить отъ сообщника, находящагося на свободѣ, интересныя свѣдѣнія. Высокаго роста, лѣтъ тридцати пяти, съ блѣднымъ, исхудалымъ, но красивымъ лицомъ, съ черными волосами и бородой, съ дико блуждающими, воспаленными глазами, онъ такъ неистово рванулся къ столу, за которымъ я сидѣлъ, что вся публика разомъ привстала съ своихъ мѣстъ. Когда же я объяснилъ ему, что отвѣтчика въ указанномъ мѣстожительствѣ не нашлось, что повѣстка будетъ передана послѣднему черезъ полицію, если только онъ живетъ въ моемъ участкѣ, причемъ говорилъ совершенно спокойно и употребилъ нѣсколько разъ слово «вы», — внезапный румянецъ покрылъ блѣдныя щеки арестанта, и взглядъ его принялъ выраженіе признательности.

— Благодарю васъ, г. мировой, сказалъ онъ глухимъ, надтреснутымъ голосомъ:—сегодня не удалось,—удастся, можетъ быть, въ слѣдующій разъ.

Впрочемъ, подобные «опасные» случаи встрѣчались очень рѣдко; приходилось испытывать хладнокровіе при болѣе пустыхъ и мелочныхъ обстоятельствахъ, которыя, тѣмъ не менѣе, могли сильно раздражить нервы: такъ, напримѣръ, приходилось имѣть дѣло съ

пьяницами, производившими буйство, съ личностями, желавшими нарочно насолить мировому судьѣ, съ такими пришельцами, которые не имѣли ни крова, ни пищи, были завернуты въ какія-то лахмотья, вмѣсто всякой одежды, и неотступно требовали теперь же отправить ихъ въ тюрьму, хотя бы безъ основательнаго повода. Немало испытывали мое терпѣніе разные писаря, отставные чиновники и тому подобный праздношатающійся людъ, которые своею спеціальностью избрали производство скандаловъ въ камерѣ мироваго судьи. Это уже были любители искусства ради искусства. Наитруднѣе всего бывало имѣть дѣло съ благородными чиновниками и отставными военными: какъ ни старaешься объяснить имъ суть дѣла, какъ ни говоришь, напримѣръ, что прошелъ срокъ апелляціи, что пропущенъ отзывъ на заочное рѣшеніе, что дѣло по жалобѣ противной стороны уже назначено къ разсмотрѣнію въ мировомъ съѣздѣ — ничто не помогало: они стояли на своемъ, твердо убѣжденные въ правотѣ своихъ аргументовъ и въ томъ, что мировой судья обманываетъ ихъ нарочно. Не могу сказать, чтобы полицейскія власти съ особенною энергіею помогали мнѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ содѣйствіе оказывалось необходимымъ. Конечно, у нихъ были и свои интересы, и свои отношенія къ обывателямъ; нарушать эти отношенія было бы довольно невыгодно.

Вообще, мировой судья постоянно находился, такъ сказать, между двумя огнями: при удовлетвореніи одной стороны немедленно заявлялось неудовольствіе другой. Должность мироваго судьи служитъ прекрасною школою для человѣка, желающаго извѣдать какъ свои собственныя силы, такъ и людей вообще. Нигдѣ при другой обстановкѣ не приходится сталкиваться съ такимъ громаднымъ разнообразіемъ всякаго сорта людей, оригинальностью характеровъ; нигдѣ, точно на пробномъ оселкѣ, не изощряется наблюдательность; нигдѣ такъ не закаляются нервы. Но какъ бы крѣпко и удачно ни были закалены эти нервы, и они подчасъ измѣняютъ человѣку. Жизнь мироваго судьи, хотя бы и въ теченіе трехъ лѣтъ, не проходитъ даромъ, подобно тому, какъ и всякій опытъ даромъ не дается: чѣмъ больше знакомимся съ жизнью, тѣмъ болѣе она даетъ себя знать, и обыкновенно, въ концѣ-концовъ, выходишь изъ нея не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ.

XII.

У насъ до сихъ поръ мало развито сознаніе святости присяги; существуетъ цѣлая масса личностей, которыя живутъ исключительно тѣмъ, что готовы присягнуть за или противъ кого угодно. Отъ того многія дѣла объ оскорбленіяхъ очень трудно поддавались составленію непогрѣшимаго протокола. Ни ясныхъ доказательствъ,

ни очевидныхъ уликъ не существовало; все основывалось исключительно на свидѣтельскихъ показаніяхъ, и здѣсь то необходимо было весьма тщательно разбирать ложь отъ истины, нерѣдко уличать самозванныхъ свидѣтелей въ неправдѣ и убѣждаться въ томъ, что дѣло имѣетъ характеръ совсѣмъ не тотъ, какой хотятъ придать ему и стороны, и свидѣтели.

Въ моемъ участкѣ проживалъ какой то флотскій офицеръ, человѣкъ женатый, имѣвшій троихъ маленькихъ дѣтей и при нихъ няньку, молодую, хорошую дѣвушку, недавно прибывшую изъ деревни. Означенный офицеръ, по всей вѣроятности, пожелалъ произвести ее въ болѣе почетное званіе, на что она, какъ видно, не согласилась. Съ цѣлью ей отомстить, онъ обвинилъ ее въ кражѣ зонтика; кража такого малоцѣннаго предмета тѣмъ не менѣе влечетъ за собою весьма тяжкое наказаніе, и, конечно, въ случаѣ признанія виновности, отзывается на всей дальнѣйшей будущности человѣка. Эта дѣвушка была на столько глупа, что никакимъ образомъ не могла понять, въ чемъ собственно заключается обвиненіе и какая же можетъ быть здѣсь кража, когда она взяла зонтикъ только для того, чтобы пойдти погулять, принесла его домой, поставила въ уголъ, а на другой день его въ домѣ не оказалось. Вопросъ былъ очень простъ: дѣйствительно ли она принесла этотъ зонтикъ домой, возвратясь съ прогулки. Прислуга офицера, конечно, находясь подъ непосредственнымъ вліяніемъ барина, сперва утверждала, что зонтикъ принесенъ не былъ; но когда я призвалъ священника и привелъ прислугу, т. е. кухарку и горничную, къ присягѣ, то истина вполнѣ обнаружилась, и обвиненіе офицера было признано недобросовѣстнымъ.

Кабатчикъ пришелъ ко мнѣ съ жалобой на то, что извозчикъ, выпившій косушку въ кабакѣ, укралъ у него портмоне съ девятью рублями, и выставилъ четырехъ свидѣтелей, подтверждавшихъ, что они видѣли, какъ этотъ извозчикъ спряталъ его портмоне себѣ въ карманъ. Обвиняемый со слезами увѣрялъ, что никакого портмоне не видалъ и не бралъ. Эти свидѣтели были мнѣ уже достаточно знакомы по прежнимъ дѣламъ; за косушку водки они были готовы съ большимъ удовольствіемъ продать самого себя, свою честь и совѣсть. Разведя каждаго въ отдѣльную комнату, я поочередно задавалъ свидѣтелю вопросъ, стоялъ или сидѣлъ обвиняемый въ то время, когда пилъ водку. Этотъ простой вопросъ произвелъ между свидѣтелями такой переполохъ, что одни отказались на него отвѣчать, другіе же отозвались запамятованіемъ. И очень жаль, что иногда отъ разрѣшенія такого простаго вопроса зависитъ судьба человѣка.

Въ концѣ 1870 года, вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ мною будетъ подробно разсказано въ другой части моихъ записокъ, я счелъ своевременнымъ приступить къ изданію самостоятельнаго пе-

чатнаго органа, который соотвѣтствовалъ бы воззрѣніямъ извѣстной части публики.

Здѣсь не мѣсто распространяться въ этомъ отношеніи, ни о моихъ убѣжденіяхъ, ни о дальнѣйшей судьбѣ, постигшей мое предпріятіе. Скажу лишь нѣсколько словъ по поводу тѣхъ перипетій, которыя касались меня, въ качествѣ мироваго судьи, и тѣхъ неожиданныхъ сюрпризовъ, какимъ я подвергся за мое дерзновенное желаніе.

Къ концу 1870 года, я уже на столько ознакомился и управился со своими дѣлами въ камерѣ, что могъ пользоваться нѣкоторою, хотя и весьма незначительною долею свободнаго времени. Нисколько не считаю нужнымъ это скрывать, тѣмъ болѣе, что иные изъ мировыхъ судей занимались дѣлами, еще менѣе подходившими къ ихъ оффиціальному положенію.

Такъ, напримѣръ, одинъ изъ мировыхъ судей мѣтилъ прямо въ директоры петербургскаго банка, другой игралъ независимую роль въ кредитномъ и страховомъ обществахъ, третій занялъ видное положеніе въ высшемъ правительственномъ учрежденіи. Почему и мнѣ было бы не кстати заниматься публицистикой?

Въ полной наивности, не искушенный опытомъ, я, въ своей душевной простотѣ, полагалъ, что званіе мироваго судьи никакимъ образомъ не можетъ вліять на званіе редактора или издателя газеты. Мало того, что вліять, но ничего общаго не находится между тѣмъ и другимъ. Однако, на дѣлѣ оказалось совсѣмъ не то.

Задумавъ издавать ежедневную большую газету подъ названіемъ «Знамя» и обладая для того, по крайней мѣрѣ, на первое время достаточными средствами, я обратился за разрѣшеніемъ въ Главное Управленіе по дѣламъ печати.

Начальникомъ его былъ генералъ-лейтенантъ М. Р. Шидловскій, человѣкъ въ своемъ родѣ феноменальный: онъ требовалъ, чтобы все передъ нимъ дрожало и падало ницъ, — осколокъ прежняго тяжелаго времени, осколокъ, какимъ то чудомъ уцѣлѣвшій въ числѣ оставшихся развалинъ. Впрочемъ, онъ былъ еще человѣкъ не старый, здоровый, коренастый, средняго роста, съ легкой сѣдиной и съ круто нафабренными усами [1]).

Первая моя встрѣча съ нимъ оказалась для меня далеко неблагопріятной: онъ прямо заявилъ, что не потерпитъ такой газеты, которая будетъ выходить подъ заглавіемъ «Знамя».

— Какое «Знамя», что значитъ «Знамя»? Чему оно служитъ эмблемой?.. кричалъ во все горло генералъ, отчасти топая ногами.

— У насъ есть «Голосъ», отвѣтилъ я: — какой это «Голосъ» и

[1]) М. Р. Шидловскій умеръ, если не ошибаюсь, въ концѣ семидесятыхъ годовъ. Въ 1878 году, во время всемірной выставки въ Парижѣ, докторъ Шарко пользовалъ его отъ умственнаго разстройства.

чему онъ служитъ эмблемой, объ этомъ надобно спросить г. Краевскаго. Но «Голосъ» выходитъ, а мое «Знамя» вы запрещаете.

— У насъ есть только одно знамя: знамя государственное, съ государственнымъ орломъ...

— У насъ есть и другія знамена, кромѣ государственнаго, возразилъ я: — напримѣръ, торговаго флота, краснаго креста и т. п. Но дѣло не въ названіи; я уже представилъ вамъ мою програму...

— Нѣтъ-съ, названіе великое дѣло, и я не потерплю ни малѣйшаго нарушенія формы. Въ жизни, и главное, на службѣ форма все. Вотъ посмотрите, продолжалъ онъ, вставая съ кресла и приглашая меня пройдтись съ нимъ по длинной амфиладѣ комнатъ, наполненныхъ чиновниками: — у меня здѣсь все въ струнку; посмотрите, какая у меня дисциплина, кричалъ онъ, все болѣе и болѣе возвышая голосъ...

Дѣйствительно, дисциплина была образцовая: при появленіи генерала, служащіе вставали и отвѣшивали поклоны, а онъ отдавалъ имъ честь легкимъ наклоненіемъ головы.

Изданіе новой газеты было мнѣ запрещено безаппеляціонно. Для того, чтобы исполнить мое завѣтное желаніе, я долженъ былъ пріобрѣсти такое изданіе, которое уже было разрѣшено прежде къ выходу въ свѣтъ. Мой выборъ остановился на газетѣ г. Киркора, «Новое Время», которую я и пріобрѣлъ отъ конкурса, учрежденнаго по его дѣламъ. Газету я пріобрѣлъ, но существенный вопросъ состоялъ въ томъ, кому быть ея редакторомъ. На мое прошеніе о назначеніи редакторомъ меня, Главное Управленіе по дѣламъ печати увѣдомило, что оно не находитъ возможнымъ утвердить меня въ этомъ званіи, основываясь на томъ, что, какъ видно изъ прилагаемаго въ копіи отзыва министерства юстиціи, послѣднее считаетъ неудобнымъ, чтобы мировой судья былъ въ то же время редакторомъ газеты.

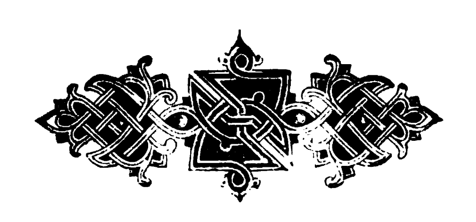
Я никакъ не могъ понять такого страннаго умозаключенія и для разъясненія дѣла отправился въ канцелярію министерства юстиціи. Тогдашній министръ графъ Паленъ находился въ отсутствіи, товарищъ его Эссенъ также воспользовался своимъ отпускомъ. Я обратился къ Н. Н. Герарду, съ просьбою о совѣтѣ и помощи; онъ, сколько помнится, поступилъ изъ мироваго института во Второе Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи. Н. Н. Герардъ направилъ меня къ Г. К. Рѣпинскому, занимавшему временно постъ товарища министра. Г. Рѣпинскій, котораго я уже и прежде видалъ въ литературномъ фондѣ, отнесся ко мнѣ не особенно благосклонно и на мои вопросы сухо отвѣтилъ, что министерство юстиціи не можетъ допустить въ лицѣ мироваго судьи соединеніе такихъ разнородныхъ и отвѣтственныхъ обязанностей. Я замѣтилъ, что, по моему мнѣнію, министерство юстиціи не имѣетъ права вмѣшиваться въ частныя дѣла кого бы то ни было, что оно

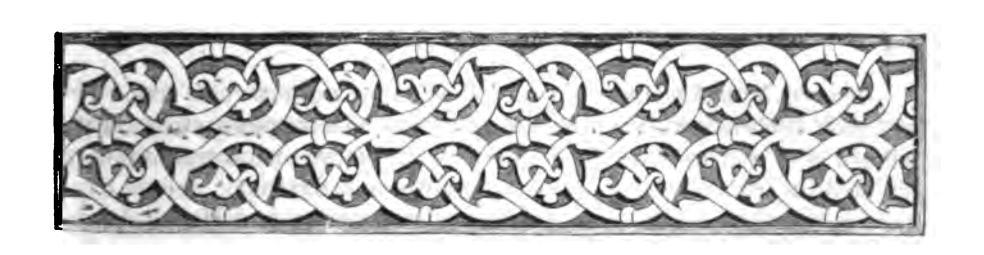
не можетъ запретить мнѣ, напримѣръ, купить какое нибудь имѣніе и завѣдывать имъ, точно также я могу управлять домомъ, фабрикой, имѣть свою контору или магазинъ и въ то же время добросовѣстно исполнять обязанности мироваго судьи.

Министерство могло бы находить мои дѣйствія предосудительными только въ такомъ случаѣ, если бы отъ нихъ страдали мои служебныя обязанности, да и тогда такого рода проступокъ не могъ бы подлежать непосредственно вѣдѣнію министерства, а долженъ бы быть преслѣдуемъ по усмотрѣнію мироваго съѣзда, распоряженію котораго я и обязанъ подчиняться въ качествѣ мироваго судьи. Должно быть, г. Рѣпинскій не вполнѣ уяснилъ себѣ степень подчиненности, которую мировые судьи несутъ по отношенію къ министерству. Безъ дальнихъ словъ, онъ отказалъ въ моей просьбѣ, не представивъ никакихъ уважительныхъ доводовъ. Въ концѣ-концовъ, я объявилъ, что свое намѣреніе я ни въ какомъ случаѣ не оставлю, что скорѣе выйду изъ мировыхъ судей, но буду издавать газету.

Дальнѣйшія подробности дѣла по изданію газеты уже не относятся къ моей дѣятельности, какъ мироваго судьи, а составляютъ существенную и главнѣйшую часть моихъ литературныхъ воспоминаній.

Ѳ. Устраловъ.





ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ДОСТОЕВСКОМЪ.

ЗВѢСТНЫЙ нашъ писатель Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, отбывъ установленный срокъ въ Омскомъ крѣпостномъ острогѣ, былъ опредѣленъ на службу рядовымъ въ 7-й линейный баталіонъ, расположенный въ городѣ Семипалатинскѣ. Получивъ вскорѣ первый чинъ прапорщика, онъ женился на вдовѣ, Марьѣ Дмитріевнѣ Исаевой. Я въ первый разъ увидала Ѳедора Михайловича, когда онъ съ молодой женой пріѣхалъ съ визитомъ къ моему отцу, Артемію Ивановичу Гейбовичу, который былъ его ротнымъ командиромъ; мнѣ было тогда десять лѣтъ.

Глубоко сожалѣю, что нѣтъ давно въ живыхъ моихъ отца и матери, которые были очень дружны съ Ѳедоромъ Михайловичемъ и Марьей Дмитріевной и могли бы много разсказать о немъ, такъ какъ знали его коротко и часто вели съ нимъ задушевныя бесѣды. Знакомство ихъ продолжалось три года, и они разстались друзьями. Печатаемое ниже письмо Достоевскаго, посланное изъ Твери къ моему отцу въ городъ Аягузъ, нынѣ Сергіополь, достаточно выясняетъ ихъ теплыя, дружескія отношенія. Сибирскіе друзья Достоевскаго и его сослуживцы большею частью умерли, оставшіеся же въ живыхъ, прочтя сообщаемое мною въ редакцію «Историческаго Вѣстника» въ подлинникѣ письмо и увидѣвъ портретъ Ѳедора Михайловича, въ офицерскомъ платьѣ, подаренный моему отцу, навѣрно, вспомнятъ своего бывшаго товарища и сослуживца, этого добрѣйшаго, высоко-нравственнаго человѣка, хорошаго семьянина и добраго, вѣрнаго друга. По крайней мѣрѣ, такимъ былъ Достоевскій въ Сибири и такимъ мы всѣ его помнимъ.

Ѳедоръ Михайловичъ очень уважалъ и любилъ все наше семейство; особеннымъ же вниманіемъ и расположеніемъ его пользовались я и моя сестра, Лиза. Достоевскіе часто насъ приглашали къ себѣ, и мы бывали у нихъ съ отцомъ или матерью; иногда случалось, что заѣдутъ къ намъ Ѳедоръ Михайловичъ или Марья Дмитріевна и увезутъ насъ къ себѣ. Мы очень любили бывать у Достоевскихъ потому, что они были всегда очень добры и ласковы къ намъ, кормили насъ всевозможными сластями и дарили намъ разныя вещицы. Въ то время у насъ, въ Семипалатинскѣ, были въ большой модѣ папиросы фабрики М. М. Достоевскаго, брата покойнаго писателя, продававшіяся въ ящикахъ. Ящикъ для папиросъ былъ длинный и не широкій, въ родѣ сигарнаго; не знаю, сколько тамъ было сотенъ папиросъ, но ящикъ былъ раздѣленъ пополамъ перегородкой— въ одной половинѣ были папиросы, въ другой какой нибудь сюрпризъ: фарфоровая вещица, ложка, или тому подобное. Эти папиросы продавались въ Семипалатинскѣ, кажется, по 4 руб. за ящикъ. Ѳедоръ Михайловичъ часто покупалъ эти папиросы, и тогда для насъ былъ праздникъ: всѣ прилагаемые къ нимъ подарки Ѳедоръ Михайловичъ дарилъ намъ. У меня и до настоящаго времени хранится изъ этихъ подарковъ маленькая корзинка изъ перламутра, оправленная въ бронзу съ краснымъ камнемъ на ручкѣ. Но больше всего намъ нравилось у Достоевскаго то, что Ѳедоръ Михайловичъ позволялъ намъ сидѣть въ своемъ кабинетѣ, давалъ намъ книги, и мы, погруженныя въ чтеніе, забывали все на свѣтѣ.

Въ одно изъ такихъ нашихъ посѣщеній, когда мы были углублены въ чтеніе священной исторіи Новаго Завѣта, Зонтагъ,—Ѳедоръ Михайловичъ вынулъ изъ шкафа книгу въ переплетѣ и, подавая ее намъ, сказалъ:

— Вотъ вамъ, дѣти, книга, когда придете домой, то прочтите ее со вниманіемъ и, когда я пріѣду къ вамъ, вы мнѣ скажете, понравится она вамъ, или нѣтъ.

Прійдя домой, мы тотчасъ раскрыли книгу, и одна изъ насъ начала читать въ слухъ, а другая со вниманіемъ слушать. Первой въ этой книгѣ была повѣсть «Бѣдные люди». Мы прочли страницу, другую, и насъ одолѣла страшная скука! Бросивъ скучное чтеніе, мы заглянули въ конецъ книги, и, о радость! тамъ были все стихи. Одни изъ нихъ носили заглавіе «Помѣщикъ» и, кажется, начинались такъ:

«Пріятной лѣтнею порой,
Подъ липками, часу въ десятомъ,
Сидѣлъ помѣщикъ столбовой,
Покрытый стеганнымъ халатомъ.
Курилъ онъ молча, не спѣша»... и проч.

Это было большое стихотвореніе, но мы, всетаки, его выучили наизусть, слово въ слово. Далѣе были еще стихи, воспѣвавшіе, какъ

обманутая дѣвушка идетъ ворожить къ колдуньѣ, и когда она входитъ во дворъ, то:

«На дворѣ собаки, кошки, —
Оглушилъ ихъ дикій хоръ;
Показался свѣтъ въ окошко,
Дверь шатнулась, дверь скрипитъ.
Дѣва входитъ и дрожитъ.
Долгоносая чухонка
На красавицу глядитъ;
На рукахъ ея болонка,
Скалитъ зубы и ворчитъ...
Вишь, тебя въ какую пору
Сила вражья принесла!
Ну, зачѣмъ сюда пришла?..» и проч.

Въ теченіе слѣдующаго утра мы вытвердили и эти стихи наизустъ. Чрезъ нѣсколько дней, какъ теперь помню, это было послѣ обѣда, часа въ четыре, день былъ лѣтній хорошій, Ѳедоръ Михайловичъ и Марья Дмитріевна пріѣхали за нами и увезли насъ за городъ смотрѣть медвѣдя. Когда мы возвращались оттуда, въ самомъ хорошемъ настроеніи духа, Ѳедоръ Михайловичъ спросилъ насъ:

— Читали вы книгу, которую я далъ вамъ?

— Какъ же, Ѳедоръ Михайловичъ, читали.

— Понравились вамъ «Бѣдные люди»? Разскажите мнѣ, какое произвели на васъ впечатлѣніе, когда читали ихъ?

— Мы ихъ вовсе не читали, Ѳедоръ Михайловичъ, отвѣчали мы на его вопросъ:—начали было, да ужъ очень скучно показалось, такъ и бросили читать; но за то какіе въ этой книгѣ стихи есть, мы всѣ ихъ выучили наизустъ: какъ помѣщикъ, осматривая свое хозяйство нашелъ безпорядки и распекъ мужиковъ:

«Пришелъ въ ужасное волненье,
Клялся, что будущей зимой
Все съ молотка продастъ имѣнье,—
И медленно пошелъ домой»... и проч.

Все это мы разсказывали съ большимъ увлеченіемъ, перебивая одна другую, какъ вдругъ замѣтили, что лицо у него сдѣлалось блѣдное, печальное. Мы сейчасъ же присмирѣли и, разумѣется, остальныхъ стиховъ не досказали. А Марья Дмитріевна засмѣялась и говоритъ:

— Не огорчайся, Ѳедечка,—онѣ еще дѣти, и понятно, что имъ больше нравятся стихи.

Памятенъ мнѣ домикъ, гдѣ жилъ Достоевскій въ городѣ Семипалатинскѣ. Онъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ: первая маленькая комната была столовой, рядомъ спальня, налѣво изъ первой комнаты гостиная—большая угловая комната, а изъ гостиной налѣво

дверь въ кабинетъ. Меблированы комнаты были просто, но очень удобно: въ гостиной диванъ, кресла и стулья были обиты тисненымъ дорогимъ ситцемъ, съ красивыми букетами, передъ диваномъ стоялъ столъ, а возлѣ кабинетной двери налѣво диванчикъ въ видѣ французской буквы S и нѣсколько маленькихъ столиковъ. У угловаго окна стояло кресло, на которомъ любилъ сидѣть Ѳедоръ Михайловичъ, и близь окна кустъ волкомеріи въ деревянной кадочкѣ. На окнахъ и дверяхъ висѣли занавѣси; въ остальныхъ комнатахъ также было убрано мило, просто и уютно.

Прислугой у Достоевскихъ былъ одинъ деньщикъ, по имени Василій, котораго они раньше отдавали учить кулинарному искусству; впродолженіе всей военной службы Достоевскаго, онъ былъ у нихъ поваромъ, лакеемъ и кучеромъ; Достоевскіе отзывались о немъ, какъ о человѣкѣ незамѣнимомъ. Во время болѣзни Ѳедора Михайловича, когда съ нимъ случались припадки эпилепсіи, Василій ходилъ за нимъ какъ за ребенкомъ. Уѣзжая, Ѳедоръ Михайловичъ передалъ его отцу моему, и онъ жилъ у насъ долго, съ 1859 и по 1865 г., почти ежедневно вспоминая о своихъ добрыхъ господахъ Достоевскихъ.

При скромной обстановкѣ, Ѳедоръ Михайловичъ велъ и жизнь самую скромную, бывалъ у своихъ избранныхъ друзей и хорошихъ знакомыхъ, но большею частью проводилъ время дома за литературнымъ трудомъ. Въ карты Достоевскій не игралъ, хотя часто имѣлъ порядочныя деньги.

Читая разныя мнѣнія о Ѳедорѣ Михайловичѣ Достоевскомъ, въ особенности тѣ, которыя основаны на тѣхъ его письмахъ къ брату и друзьямъ, гдѣ онъ проситъ денегъ или говоритъ о деньгахъ, изъ чего выводится заключеніе, что онъ былъ жадный человѣкъ, — я нахожу такой выводъ ошибочнымъ. Не знаю послѣдующей жизни Достоевскаго въ Россіи, но жизнь его въ Сибири показала, что это былъ за человѣкъ и зачѣмъ ему нужны были деньги. Получаемыя имъ изъ Россіи деньги расходовались, кромѣ домашнихъ нуждъ, которыя были очень умѣренны, большею частью на бѣдныхъ. Я очень хорошо знаю, что Достоевскій долго содержалъ въ Семипалатинскѣ слѣпаго старика татарина съ семействомъ, и я сама нѣсколько разъ ѣздила съ Марьей Дмитріевной, когда она отвозила мѣсячную провизію и деньги этому бѣдному слѣпому старику.

Достоевскій дѣлалъ много такихъ благодѣяній, о которыхъ, конечно, я не знала.

Бывая у Достоевскихъ, я часто находила тамъ одного солдата. Это былъ полякъ, по фамиліи Нововейскій. Не знаю, былъ ли онъ разжалованъ въ солдаты, или просто служилъ по набору, но Ѳедоръ Михайловичъ очень любилъ его. Когда онъ приходилъ, Достоевскій всегда приглашалъ его садиться, разговаривалъ съ нимъ долго, угощалъ чаемъ или оставлялъ обѣдать. Нововейскій былъ тихій,

скромный, болѣзненный человѣкъ. Вскорѣ онъ женился, и я встрѣчала его нѣсколько разъ у Достоевскихъ вмѣстѣ съ женой; она носила повязку, какія носятъ у насъ въ Сибири всѣ женщины изъ простаго народа. Өедоръ Михайловичъ и Марья Дмитріевна были очень любезны къ обоимъ Нововейскимъ, и я слыхала отъ моей покойной матери, что Өедоръ Михайловичъ много помогалъ имъ въ матеріальномъ отношеніи.

У Өедора Михайловича было немало знакомыхъ изъ разныхъ слоевъ общества, и ко всѣмъ онъ былъ одинаково внимателенъ и ласковъ. Самый бѣдный человѣкъ, не имѣющій никакого общественнаго положенія, приходилъ къ Достоевскому какъ къ другу, высказывалъ ему свою нужду, свою печаль и уходилъ отъ него обласканный. Вообще, для насъ, сибиряковъ, Достоевскій личность въ высшей степени честная, свѣтлая; такимъ я его помню, такъ я о немъ слышалá отъ моихъ отца и матери и, навѣрно, такимъ же его помнятъ всѣ, знавшіе его въ Сибири. Въ 1872 году, въ первыхъ числахъ сентября, я проѣзжала чрезъ городъ Семипалатинскъ, посѣтила своихъ старыхъ знакомыхъ, и въ томъ числѣ капитана М. В. К., товарища моего покойнаго отца и сослуживца Достоевскаго. Мы пошли осматривать Семипалатинскъ. Проходя по одной улицѣ, К. остановилъ меня и сказалъ: «Вотъ въ этомъ домикѣ жилъ Достоевскій». Это было сказано съ такой любовью, съ такимъ благоговѣніемъ, что трудно передать впечатлѣніе, какое произвели на меня эти простыя слова.

Въ 1858 году, Өедоръ Михайловичъ подарилъ моему отцу свой портретъ, и онъ въ продолженіе 25 лѣтъ свято хранился въ нашемъ семействѣ... Копія съ него прилагается къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника».

Уѣзжая, Өедоръ Михайловичъ подарилъ моему отцу бо́льшую часть своей библіотеки и цѣлую коллекцію древнихъ чудскихъ вещей, состоявшую изъ колецъ, монетъ, серебряныхъ и мѣдныхъ, браслетъ, серегъ, различныхъ бусъ, изломанныхъ копій и разныхъ мелкихъ вещицъ изъ серебра, мѣди, желѣза и камня. Отецъ мой сдѣлалъ для этихъ вещей особый ящикъ въ нѣсколько отдѣленій, гдѣ онѣ были разложены въ порядкѣ. Въ 1863 или 1864 году, чрезъ городъ Сергіополь, гдѣ въ то время мой отецъ былъ городничимъ, проѣзжалъ начальникъ штаба, полковникъ Бабковъ. Явясь по службѣ къ полковнику, который былъ очень любезенъ съ отцемъ, послѣдній въ разговорѣ, между прочимъ, упомянулъ, что имѣетъ древнія вещи отъ Достоевскаго. Г. Бабковъ попросилъ показать ихъ и, увидѣвъ, посовѣтовалъ отправить въ Петербургъ въ Археологическое Общество и даже любезно предложилъ взять эти вещи съ собой и при случаѣ, когда будетъ въ Петербургѣ, показать кому слѣдуетъ. Мой отецъ къ этимъ вещамъ прибавилъ еще нѣсколько замѣчательно художественныхъ издѣлій изъ глины, работы сослан-

наго въ городъ Тобольскъ, извѣстнаго Цейзика. Изъ этихъ издѣлій я помню только образъ св. Варвары—великомученицы и нѣсколько миніатюрныхъ картинъ изъ сельской жизни. Отецъ мой въ 1865 г. умеръ, такъ и не дождавшись никакого отвѣта отъ г. Бабкова, и дальнѣйшая участь этихъ древнихъ вещей, подаренныхъ моему отцу Θедоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ, мнѣ до сихъ поръ неизвѣстна. Вотъ все, что я знаю изъ жизни Достоевскаго. Воспоминанія мои о Достоевскомъ необильны какими нибудь важными или особенно интересными фактами, но я пишу ихъ въ надеждѣ, что, читая эти строки, прежніе знакомые и сослуживцы Θедора Михайловича, которые еще остались въ живыхъ и хорошо его помнятъ, откликнутся и, можетъ быть, также напишутъ свои воспоминанія о немъ, болѣе любопытныя, нежели мои.

З. Сытина.

Письмо Θ. М. Достоевскаго къ А. И. Гейбовичу.

«Тверь, 23-го октября 1859 г.

«Добрѣйшій и незабвенный другъ нашъ, благороднѣйшій Артемій Ивановичъ, не стану передъ вами оправдываться въ долгомъ молчаніи, но если передъ вами виноватъ, то, клянусь, безъ вины! Я и жена, мы васъ и все милое семейство ваше не только не забывали, но, кажется, не проходило дня, чтобъ не вспоминали объ васъ и вспоминали съ горячимъ сердцемъ. Когда я получилъ здѣсь письмо ваше, которое вы начали такъ не подружески «милостивымъ государемъ», то меня замучили угрызенія совѣсти, и я упрекнулъ себя за долгое молчаніе. Правда, написать письмо было можно и раньше, но дѣла мои до того не устроивались, что едва лишь соберусь писать, какъ тотчасъ же падаетъ на носъ какое нибудь головоломное дѣло: бѣгай, совѣтуйся, проси и отписывайся. Впрочемъ, такъ не разскажешь; лучше опишу вамъ все наше странствіе съ самаго 2-го іюля, и, по разсказу, сами увидите, чѣмъ я такъ особенно былъ занятъ и что именно меня тревожило.— Никогда не забуду нашего послѣдняго дня разставанія, когда (говоря мимоходомъ) я порядочно почокался со всѣми. На другой день ѣзды мы все время о васъ говорили. Пріѣхали, наконецъ, въ Омскъ; погода была безподобная и дорога прекрасная. Въ Омскѣ я пробылъ трое или четверо сутокъ. Взяли изъ корпуса Пашу; былъ у старыхъ знакомыхъ и начальниковъ, какъ-то: де-Граве и проч. Валихановъ объявилъ мнѣ, что его требуютъ въ Петербургъ и что черезъ мѣсяцъ онъ туда ѣдетъ. Познакомился черезъ него съ хорошимъ семействомъ, съ Капустиными (не знаете ли?), они теперь въ Томскѣ; люди простодушные и благородные, съ хоро-

шимъ сердцемъ. На случай, если приведется быть въ Томскѣ (ну, такъ когда нибудь), непремѣнно познакомьтесь и обо мнѣ имъ напомните. Мы познакомились хорошо; люди безъ всякихъ претензій. Но вообще Омскъ мнѣ ужасно не понравился и навелъ на меня грустныя мысли, воспоминанія. Когда выѣхали изъ Омска, тутъ-то я настоящимъ образомъ простился съ Сибирью. Дорога пошла прескверная, но Тюмень — великолѣпный городъ, — торговый, промышленный, многолюдный, удобный — все что хотите. Мы тамъ простояли (не помню зачѣмъ) дня два. Въ дорогѣ, въ первой половинѣ путешествія, со мной было два припадка, и съ тѣхъ поръ забастовало. Нашъ почталіонъ Николаевъ оказался превосходнѣйшимъ человѣкомъ, услужливымъ, добрѣйшимъ, хотя и не совсѣмъ дѣловитымъ. Какъ характеръ, какъ типъ — презамѣчательный человѣкъ. Добрѣйшее и благородное сердце, хоть и немножко фанфаронъ. Мы сдружились и сжились дорогою какъ только можно, и онъ очень остался доволенъ и плакалъ, какъ ребенокъ, разставаясь. Если будетъ въ Аягузѣ съ почтой, залучите его къ себѣ, онъ многое вамъ поразскажетъ. Пропускаю очень много изъ наблюденій и впечатлѣній дорожныхъ. Погода стояла преблагодатная, почти все время путешествія, тарантасъ не ломался (ни разу!), въ лошадяхъ задержки не было, но дороговизна, но цѣны на станціяхъ — Боже упаси! Спросишь кусокъ чего нибудь, спросишь цѣну — и глядишь ему потомъ въ глаза даже со страхомъ: не сумасшедшій ли это какой! Нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ такихъ цѣнъ! За то вознаграждала природа. Великолѣпные лѣса пермскіе и потомъ вятскіе — совершенство. Но въ Перми уже мало замѣчаешь пустырей по дорогамъ: все запахано, все обработано, все цѣнится. Такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось. Въ Екатеринбургѣ мы простояли сутки и насъ соблазнили: накупили мы разныхъ издѣлій, рублей на 40, — четокъ и 38 разныхъ горныхъ породъ, запонокъ, пуговицъ и проч. Купили для подарковъ и, нечего грѣшить, заплатили ужасно дешево, такъ что здѣсь чуть ли не вдвое стоитъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ, часовъ въ пять по полудни, скитаясь въ отрогахъ Урала, среди лѣсу, мы набрели, наконецъ, на границу Европы и Азіи. Превосходный поставленъ столбъ, съ надписями, и при немъ въ избѣ инвалидъ. Мы вышли изъ тарантаса, и я перекрестился, что привелъ, наконецъ, Господь увидать обѣтованную землю. Затѣмъ вынулась ваша плетеная фляжка, наполненная горькой-померанцевой (завода Штритера), и мы выпили съ инвалидомъ на прощанье съ Азіей, выпилъ и Николаевъ, и ямщикъ (и ужъ какъ же везъ потомъ). Поговорили и пошли гулять въ лѣсу, собирать землянику. Набрали порядочно. Впрочемъ, если такъ разсказывать, не доберешься никакъ до дѣла. Въ Казани мы засѣли. Осталось 120 р. сер., что, очевидно, было мало, чтобъ доѣхать до Твери. Еще изъ Симипалатинска я писалъ брату, чтобъ

выслалъ мнѣ 200 руб. въ Казань, на почту, впредь до востребованія. Мы рѣшились ждать денегъ и стали въ хорошемъ номерѣ, въ гостинницѣ. Дороговизна нестерпимая. Ждали 10 дней, стоило до 50 руб. Я ужъ абонировался читать въ библіотекѣ казанской книги, а между тѣмъ не зналъ, что дѣлать. Но братъ получилъ письмо непростительно поздно и, наконецъ, прислалъ 200 руб. Тотчасъ поѣхали. Пріѣхали въ Нижній, прямо въ развалъ ярмарки; пріѣхали ночью и часа два скитались по городу, останавливаясь у всѣхъ гостинницъ: вездѣ полно. Наконецъ-то, сыскали что-то въ родѣ конуры и тому были рады. На другой день съѣздилъ къ Анненкову (тобольскому ссыльному; онъ въ Нижнемъ теперь совѣтникомъ). Но онъ былъ въ отпускѣ, а все семейство въ деревнѣ. Я тотчасъ же отправился смотрѣть ярмарку, Ну, Артемій Ивановичъ, — впечатлѣніе сильное! скитался я часа два, три, и видѣлъ развѣ только краюшекъ. Обозрѣвать все это надо мѣсяцъ. Но все-таки эффектъ значительный. Даже ужъ слишкомъ эффектно. Не даромъ идетъ слава. Въ тотъ же день выѣхали изъ Нижняго на Владиміръ. Во Владимірѣ видѣлъ Хоментовскаго: онъ тамъ начальникомъ провіантской коммиссіи. Человѣкъ превосходнѣйшій, блаблагороднѣйшій, — но погибаетъ самъ отъ себя. Вы понимаете: питейное. Окруженъ онъ Богъ знаетъ какимъ людомъ, не стоющимъ его. Былъ у насъ, разсказывалъ свои приключенія за границей, и разсказывалъ прекрасно. Подпили мы въ этотъ вечеръ порядочно. Много я съ нимъ говорилъ и много любопытнаго переговорили. Наконецъ, тронулись изъ Владиміра. Всего ближе было ѣхать на Москву; но, во-первыхъ, въ Москву мнѣ запрещено было въѣзжать формально. А во-вторыхъ, пріѣхать въ Москву, увидать сестеръ и не прожить въ Москвѣ недѣли было невозможно. Могли выйдти хлопоты, я и рѣшилъ, но не на Ярославль, какъ разсчитывалъ по маршруту въ Семипалатинскѣ, а на Сергіевскую лавру (60 верстъ отъ Москвы) и, прорѣзавъ Московскую губернію, въѣхать въ Тверскую. Рѣшился, да и закаялся. Большой дороги нѣтъ; ямщики вольные, и на 150 верстахъ содрали съ меня втрое болѣе, чѣмъ на казенныхъ прогонахъ. Но за то Сергіевъ монастырь вознаградилъ насъ вполнѣ. 23 года я въ немъ не былъ. Что за архитектура, какіе памятники, византійскія залы, церкви! Ризница привела насъ въ изумленіе. Въ ризницѣ жемчугъ (великолѣпнѣйшій) мѣряютъ четвериками, изумруды въ треть вершка, алмазы по полумилліону штука. Одежды нѣсколькихъ вѣковъ, работы собственноручныя русскихъ царицъ и царевенъ, домашнія одежды Ивана Грознаго, монеты, старыя книги, всевозможныя рѣдкости,—не вышелъ бы оттуда. Наконецъ, послѣ долгихъ странствій, прибыли въ Тверь, остановились въ гостинницѣ, цѣны непомѣрныя. Надо нанять квартиру. Квартиръ много, но съ мебелью ни одной, а мебель мнѣ покупать на нѣсколько мѣсяцевъ неудобно. Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ дней исканія, отыскалъ

Ѳ. М. Достоевскій.

Съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 году.

квартиру не квартиру, номеръ не номеръ, три комнатки съ мебелью за 11 рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Это еще слава-Богу. Началъ поджидать брата. Братъ до этого былъ боленъ, при смерти. Наконецъ, оправился и пріѣхалъ. То-то была радость. Машина приходитъ въ третьемъ часу утра, а станція въ трехъ верстахъ отъ Твери. Я отправился туда ночью встрѣчать. Много переговорили; да что! не разскажешь такихъ минутъ. Прожилъ онъ у меня дней пять, поѣхалъ въ Москву и потомъ на обратномъ пути жилъ еще два дня. Мы съ нимъ обо всемъ рѣшили—о моихъ дѣлахъ. Рѣшили мы, во-первыхъ, ждать до 8-го сентября (всѣ говорили о манифестѣ, всѣ ждали его), но манифеста не было, хотя и было много милостей. Тогда я пошелъ къ здѣшнему жандармскому полковнику, спросилъ его совѣта, и онъ сказалъ мнѣ, что самая прямая дорога—писать князю Долгорукому (шефу жандармовъ). Такъ и рѣшили. Я пишу письма, между прочимъ, и къ Тотлебену, черезъ Врангеля, который оказался въ Петербургѣ. Между тѣмъ проѣзжаетъ черезъ Тверь одинъ мой прежній знакомый, которому знакомы всѣ въ Твери. Черезъ него я познакомился здѣсь съ двумя, тремя домами и, главное, съ губернаторомъ, генералъ-адъютантомъ графомъ Барановымъ. Барановъ оказался наипревосходнѣйшимъ человѣкомъ, рѣдкимъ изъ рѣдкихъ. Между прочимъ, я разсказалъ ему, что хочу писать Долгорукому; онъ очень интересовался, но сказалъ, чтобы я подождалъ, потому что государь императоръ въ вояжѣ и князь Долгорукій съ нимъ вмѣстѣ (NB—пять дней тому государь воротился въ Петербургъ). Я началъ ждать, а между тѣмъ насочинялъ много писемъ; хотѣлъ писать и Долгорукому, и Тотлебену, и Ростовцеву. Вдругъ меня осѣнила прекрасная мысль: написать прямо государю императору. Иду къ Баранову, совѣтуюсь, и Барановъ одобрилъ вполнѣ, да сверхъ того вызвался передать мое письмо отъ своего имени, черезъ двоюроднаго брата своего, графа Адлерберга. Я написалъ письмо; въ письмѣ, разомъ уже, просилъ помѣстить и Пашу въ гимназію или въ корпусъ, и вотъ уже пять дней, какъ письмо отослано. Жду отвѣта, и понимаете, добрѣйшій Артемій Ивановичъ, въ какомъ я волненіи? Въ настоящую минуту моя судьба уже, можетъ быть, рѣшена. Могутъ быть два случая: или государь прямо, на письмѣ моемъ, напишетъ: разрѣшаю. Тогда я черезъ нѣсколько дней ѣду въ Петербургъ, и всѣ заботы мои кончились; или государь велитъ передать мое дѣло Долгорукому для справки: нѣтъ ли на счетъ меня особыхъ препятствій? Особыхъ препятствій быть не можетъ, но разрѣшеніе и окончаніе дѣла получится въ этомъ случаѣ гораздо позже; можетъ быть, только къ Рождеству. Однимъ словомъ, теперь я отъ ожиданія какъ бы самъ не свой. Одна надежда незыблемая: милосердіе государя. Какой это человѣкъ, какой это великій для Россіи человѣкъ, Артемій Ивановичъ! Здѣсь все и виднѣе, и слышнѣе. Много, много здѣсь услыхалъ. И съ ка-

кими трудностями онъ борется! Есть же подлецы, которымъ не нравятся его спасительныя мѣры, и все люди отсталые, закоренѣлые. Дай Богъ ему!—Параллельно съ этими хлопотами шли у меня хлопоты о денежныхъ средствахъ. Наконецъ, и эти кончились. Съ «Русскимъ Вѣстникомъ» я разошелся, и «Отечественныя Записки» дали мнѣ 120 руб. за листъ, итого у меня будетъ рублей 1,800 или 2,000 серебромъ. Да, сверхъ того, хочу продать выборъ изъ прежнихъ сочиненій; дадутъ тысячи полторы или двѣ серебромъ. Вотъ на эти двѣ продажи и буду, покамѣстъ, жить. Все это было ужасно хлопотливо. Да и пишу я въ такую минуту, когда еще главныя-то хлопоты не кончились. Вотъ почему, находясь въ безпрерывныхъ заботахъ и волненіяхъ, я все не писалъ вамъ, безцѣнный другъ нашъ, Артемій Ивановичъ! Но теперь уже дѣло другое. Скоро все хлопотливое кончится. Остается только обыкновенное, житейское, но хлопотъ будетъ меньше. Буду писать чаще. Пишите и вы, дорогой другъ нашъ. А чтобъ я могъ васъ когда забыть—и не думайте этого! На свѣтѣ, можетъ быть, нѣтъ вамъ преданнѣе и болѣе васъ уважающаго человѣка, чѣмъ я! Ну, теперь, какъ описалъ вамъ подробно о себѣ, и только объ одномъ себѣ, позвольте поговорить, дорогой мой, и объ васъ и о незабвенномъ семействѣ вашемъ.

«И, во-первыхъ, мнѣ такъ все памятно семипалатинское, и то, какъ вы насъ принимали, какъ радушно мы сошлись въ послѣднее время. И добрая Прасковья Максимовна, и милыя личики вашихъ дѣвицъ Зинаиды Артемьевны и Лизаветы Никитишны — все это мнѣ памятно и незабвенно. И потому пишите и пишите подробнѣе. Но объ этомъ въ концѣ письма, а теперь, покамѣстъ, объ одномъ дѣльцѣ. Вы, вѣроятно, помните, Артемій Ивановичъ, какъ я всегда желалъ вамъ, для воспитанія вашихъ милыхъ дѣтей, переѣзда въ Россію на лучшее мѣсто, и, будучи преданъ вамъ всею душою, съ грустью говорилъ вамъ, что вы теперь не на своемъ мѣстѣ, довольствуетесь жалованьемъ ничтожнымъ и теряете жизнь свою, а между прочимъ, работаете, хлопочете, терпите служебныя заботы и непріятности и проч. Вы помните все это и, вѣрно, не думаете, чтобъ и я забылъ объ этомъ. Во Владимірѣ, въ хорошую минуту, я говорилъ съ Хоментовскимъ (и, во-первыхъ, прежде всего будьте увѣрены, благороднѣйшій Артемій Ивановичъ, что я буду говорить не съ легкостью, не съ вѣтренностью, не съ кѣмъ бы то ни было объ вашихъ дѣлахъ; мало того: всѣ, кто знаетъ васъ, смотрятъ на васъ съ уваженіемъ; такъ и я при моихъ разговорахъ съ людьми объ васъ, дѣлаю такъ, что хотя и заочно, а на васъ должны смотрѣть съ уваженіемъ. Говорю, наконецъ, о васъ, отнюдь не выставляя васъ какимъ нибудь просителемъ; а говорю просто отъ себя, да и въ такомъ тонѣ, что вы способны скрасить собою каждое мѣсто). Хоментовскій человѣкъ благороднѣйшій, и съ нимъ я могъ говорить;

съ другими же я и говорить не буду. Выслушавъ очень внимательно, Хоментовскій сказалъ мнѣ очень благоразумно: что мѣста въ Россіи, конечно, есть; что есть и въ его вѣдомствѣ мѣста хорошія, покойныя; но жалованья не такъ большія и, если гораздо больше, чѣмъ въ сибирскихъ баталіонахъ, то цѣны на все въ Россіи слишкомъ выше сибирскихъ, и что потому надо мѣсто рублей 600 или 700 жалованья, по крайней мѣрѣ. Иначе нечего и думать, но что такихъ мѣстъ, съ такими цѣнами—мало, а кандидатовъ на нихъ очень много. Но что человѣкъ честный и желающій заниматься дѣломъ, по его мнѣнію, всегда способенъ стать на дорогу; но что лучше всего мѣста частныя. Развелось столько частныхъ компаній, управленій, обществъ, что люди честные и добросовѣстные нужны до нельзя, жалованья колоссальныя. Одно худо, что вы въ Сибири. Въ Россіи же при рекомендаціи дѣло бы могло обдѣлаться скоро, и не требуется на эти частныя мѣста ни особенныхъ техническихъ спеціальныхъ познаній, ни какихъ нибудь особенныхъ трудностей и закорючекъ, а, просто, главнѣйшее требованіе — дѣятельность и честность. Кончивъ объ этомъ, разговорился я съ Хоментовскимъ о Васильчиковѣ. Мнѣ хотѣлось узнать: въ какихъ онъ къ нему отношеніяхъ? Оказалось, что въ прекрасныхъ (а Хоментовскій не совретъ). Тогда я сказалъ ему: что если, напримѣръ, вы по какимъ нибудь надобностямъ, т. е. черезъ служебныя притѣсненія, переводы и проч., однимъ словомъ по службѣ зануждались бы въ помощи такого лица, какъ Васильчиковъ, то можно ли разсчитывать на содѣйствіе Хоментовскаго (который съ Васильчиковымъ на линіи прежняго товарищества)? Тогда Хоментовскій сказалъ мнѣ: что если надо будетъ вамъ о чемъ нибудь просить по службѣ или что нибудь написать, то онъ даетъ свое честное слово — препроводить вашу просьбу къ Васильчикову, и что въ большинствѣ случаевъ можно разсчитывать на вѣрный успѣхъ. Пишу это къ вамъ, благороднѣйшій Артемій Ивановичъ, чтобъ вы это имѣли въ виду на всякій случай. Ну, если на всякій случай что нибудь понадобится: тогда человѣкъ сильный, какъ Васильчиковъ, не лишнее. Далѣе, обжившись здѣсь, въ Твери, между разговоромъ, я сказалъ разъ графинѣ Барановой: а не нужно ли графу совершенно честнаго человѣка на какое нибудь мѣсто? Она отвѣчала: если бъ вы только знали, какъ нужно. Тогда я сказалъ ей нѣсколько словъ о васъ; описалъ васъ, ваше семейство и проч. Но говорилъ вообще, даже не назвалъ вашу фамилію и гдѣ вы находитесь. (Я потомъ хотѣлъ поговорить съ самимъ графомъ). Но она сама сказала ему о томъ въ тотъ же день, и когда мы встрѣтились опять у однихъ знакомыхъ, она сказала мнѣ: а я говорила мужу о томъ офицерѣ, о которомъ вы мнѣ тогда говорили; гдѣ онъ и кто онъ такой? Я сказалъ. Услыхавъ, что вы въ Сибири, она удивилась. Какже изъ-за такой дали ѣхать въ Россію? Я отвѣтилъ, что, положимъ, это трудно,

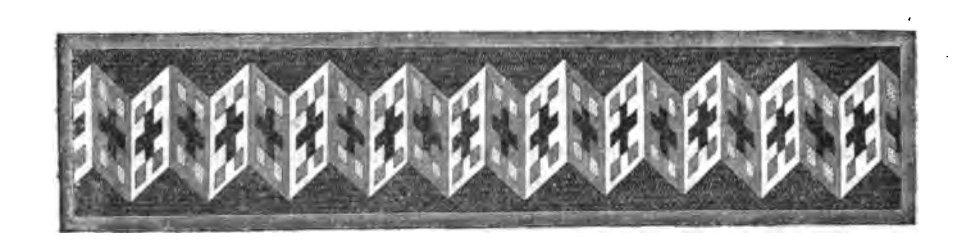
но представимъ себѣ, что это затрудненіе устранено, тогда что? Она отвѣтила: «честнаго человѣка всѣ возьмутъ, мужъ первый, по вашимъ словамъ; но вы говорите про семейство, а знаете ли здѣшнія цѣны? Съ перваго раза мѣста съ большимъ жалованьемъ дать нельзя, а съ небольшимъ всегда можно. Развѣ частная служба...» Тѣмъ дѣло, покамѣстъ, и кончилось. Я очень радъ былъ, что въ этотъ разъ я говорилъ такъ, слегка; потому радъ, что намѣренъ впослѣдствіи самъ говорить съ графомъ, и на этотъ разъ серьезно. Но не о мѣстѣ въ Твери или въ Тверской губерніи я буду говорить; у меня другіе планы и вотъ какіе—у меня двѣ дороги, первая дорога: черезъ графа я знакомлюсь въ Петербургѣ съ его родными (такъ надѣюсь), между прочимъ, и съ Адлербергомъ; черезъ другихъ же лицъ—съ Ростовцевымъ, къ которому я непремѣнно самъ явлюсь и съ которымъ очень коротко знакомъ Петръ Петровичъ Семеновъ, путешественникъ, бывшій у насъ, въ Семипалатинскѣ. Чрезъ другаго же моего знакомаго я очень надѣюсь познакомиться со многими лицами въ Москвѣ. Знакомлюсь я съ этими господами для того, что они мнѣ будутъ нужны. Лица все сильныя, и невозможно, если что нибудь можно сдѣлать на счетъ удобнаго казеннаго мѣста вамъ, чтобъ это черезъ этихъ людей не сдѣлалось. Опять повторяю, Артемій Ивановичъ, говорить я буду не на вѣтеръ, не легкомысленно, даже имени вашего не произнесу тамъ, гдѣ не надо, и вообще буду глядѣть въ оба. Если же черезъ этихъ людей не будетъ мѣста, значитъ и не черезъ кого не будетъ. Тогда есть и вторая дорога: это поискать частнаго мѣста съ большимъ жалованьемъ, потому что я надѣюсь свести знакомство и съ этими господами промышленниками. По крайней мѣрѣ, уклоняться не буду.

«Теперь заключеніе. Знаю очень хорошо, Артемій Ивановичъ, что вы все это считаете почти невозможнымъ; я помню, что вы въ Семипалатинскѣ смотрѣли на меня съ улыбкою. Но выслушайте меня: во-первыхъ, я вовсе не выставляю себя какимъ-то раздавателемъ мѣстъ и никогда не возьму на себя такой нестерпимо дурацкой роли. Я человѣкъ маленькій и знаю свое мѣсто. Но я отчасти знаю окружающую меня дѣйствительность и знаю, чѣмъ можно воспользоваться для своей выгоды и для выгоды друзей моихъ. За васъ же я дѣйствую, какъ вашъ другъ, искренно, отъ всего сердца желающій вамъ счастья. Вы же сами, хотя и смотрѣли на меня недовѣрчиво, когда я говорилъ вамъ объ этомъ въ Семипалатинскѣ, но однако же не воспрещали мнѣ стараться. Наконецъ, я дѣйствую вполнѣ въ вашу пользу, т. е. дѣйствую отъ своего лица, а не отъ вашего, васъ не выставляю за просителя, уваженіе къ вамъ наблюдаю, даже имени вашего не произнесу, гдѣ не надо. Къ тому же напередъ высматриваю людей и дѣло. Я самъ знаю отлично, что все это можетъ кончиться пустяками и ничѣмъ,

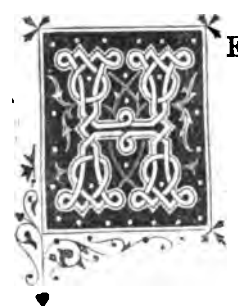
т. е. не удастся. Но если только Богъ поможетъ, то я не пущусь дѣйствовать, прежде чѣмъ не представлю вамъ наияснѣйшихъ доказательствъ вѣрности и благонадежности дѣла. Тогда сами же вы будете рѣшать окончательно. Вы въ своей судьбѣ властелинъ, а не кто другой, и чуть что покажется вамъ неяснымъ или шаткимъ, то вы можете это совершенно отвергнуть. На счетъ же переѣзда изъ Сибири — это дѣло чисто внѣшнее, совершенно возможное и зависитъ только отъ денегъ. Но вѣдь денежныя дѣла улаживаются различнымъ образомъ. Наконецъ, говорю это все вамъ безъ опасенія: я знаю съ кѣмъ говорю; вы человѣкъ благоразумный, положительный и не увлечетесь легкомысленными надеждами, не погонитесь за журавлемъ, когда синица въ рукахъ, не будете терять вѣрнаго на невѣрное. Такъ я вамъ совѣтую: именно смотрите на мои мечты и надежды, какъ на бредни, а между тѣмъ позвольте мнѣ постараться и поискать. Ну, Богъ дастъ удачу, — тѣмъ лучше, зачѣмъ же терять? Да и смѣяться вы надъ моей горячкой не можете. Вы благороднѣйшій человѣкъ и поймете, что я дѣйствую совершенно безкорыстно и единственно по дружбѣ къ вамъ, потому что люблю васъ и всѣхъ вашихъ искренно. Если мои мечты смѣшны, то я самъ первый буду смѣяться; но совѣсть моя будетъ спокойна, потому я знаю, что взволновать и разстроить васъ я не могу; вы человѣкъ благоразумный и не дадите вѣры ничему, покамѣстъ не представятъ вамъ чего нибудь положительнаго. Да и другимъ образомъ я вамъ повредить ничѣмъ не могу. И, наконецъ, это еще отдаленно, не скоро, даже въ случаѣ успѣха. Но довольно объ этомъ. Потомъ еще поговоримъ; много еще надо переговорить. Я вамъ скоро буду опять писать, и не дожидаясь вашего отвѣта; жду только, чтобъ дѣла мои уладились; какъ уладятся, непремѣнно увѣдомлю. Можетъ быть, еще раньше напишу. Прошу обратно и васъ писать подружески, побратски. И вотъ вамъ дружеская инструкція: въ первомъ же письмѣ вашемъ увѣдомьте насъ, во-первыхъ, объ Аягузѣ, о вашихъ знакомыхъ и вообще о житьѣ подробнѣе: какіе люди, какія лица. Во-вторыхъ, какъ у васъ по службѣ, говоря вообще? Въ-третьихъ, подробнѣе обо всемъ вашемъ семействѣ, и въ особенности о Зинаидѣ Артемьевнѣ и Лизаветѣ Никитишнѣ: что онѣ дѣлаютъ, чѣмъ занимаются, помнятъ ли насъ? Скажите имъ, что я цѣлую имъ ручки и прошу не сердиться, что до сихъ поръ не прислалъ имъ писемъ и теперь не шлю. Въ очень скоромъ времени пришлю имъ письма особо. Я вѣдь помню мое обѣщаніе. Напишите, какъ здоровье Прасковьи Максимовны и помнитъ ли она о насъ? А Марья Дмитріевна даже иногда плачетъ, вспоминая о васъ. Ей-Богу. Она вамъ, кажется, и письмо приготовила. Напишите, наконецъ, о всѣхъ семипалатинскихъ и аягузскихъ, если тамъ есть насъ знающіе; увѣдомьте о Михаилѣ Ивановичѣ Протасовѣ,—дорогомъ человѣкѣ. Если

онъ уже въ Россіи, то быть не можетъ, чтобы мы съ нимъ какъ нибудь не столкнулись. Что вы читаете? Есть ли книги? Мы тоже въ ожиданіи живемъ довольно скучно. Покамѣстъ не переѣхали въ Петербургъ, не покупаемъ даже самыхъ необходимыхъ вещей. Знакомство веду я одинъ, Марья Дмитріевна не хочетъ, потому что принимать у насъ негдѣ. Да и знакомыхъ-то три-четыре дома. Знакомъ со многими, а хожу къ немногимъ, къ тѣмъ, къ кому пріятно ходить. Тверь, какъ городъ, до невѣроятности скучный. Удобствъ мало. Дороговизна ужасная. Обстроенъ очень хорошо, но скучно. Театръ ничтожный. Тарантасъ мой не могу до сихъ поръ продать; давали 30 рублей серебромъ, между тѣмъ хвалятъ и говорятъ, что въ другомъ мѣстѣ вдвое дороже дадутъ, да здѣсь не нужно изъ-за желѣзной дороги. Хотя станція желѣзной дороги и за три версты отъ города, но свистъ машинъ отъ разныхъ поѣздовъ слышится день и ночь. Мы нѣсколько разъ были на станціи. Тамъ хорошо. Но вотъ ужъ и письмо кончено. Прощайте, дорогой Артемій Ивановичъ. До свиданія, не лѣнитесь писать и помните насъ. А мы васъ не забудемъ. Обнимаю васъ. Прасковьѣ Максимовнѣ мой искренній поклонъ, дѣвицамъ цѣлую ручки. Скоро еще напишу. А покамѣстъ пребываю вашъ весь, какъ и всегда, Ѳ. Достоевскій.

«P. S. Поблагодарите Василія за письмо. Мой поклонъ ему. Что сталось съ Нововейскими? Надняхъ напишу Михаилу Александровичу».



ЛИТЕРАТУРНАЯ НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ.



ЕМАЛО можно найдти въ исторіи литературы примѣровъ, доказывающихъ важное значеніе частныхъ писемъ, какъ документовъ наиболѣе достовѣрныхъ, наиболѣе несомнѣнныхъ изъ всѣхъ другихъ автобіографическихъ свидѣтельствъ. Для сужденія о личности автора, письма являются непосредственнымъ плодомъ внутренней работы его чувствъ и ума. Писатели въ своей дружеской и пріятельской перепискѣ не принимаютъ позъ, нарочито придуманныхъ, въ угоду вкусамъ постороннихъ наблюдателей, не прикрашиваютъ своихъ мыслей разными оговорками, а излагаютъ ихъ такъ, какъ онѣ мгновенно сложились въ головѣ. Въ такой перепискѣ не зачѣмъ приноравливаться къ какимъ бы то ни было условнымъ требованіямъ, не зачѣмъ представляться въ праздничномъ костюмѣ. Поэтому-то въ частныхъ письмахъ и выясняется нерѣдко подлинная физіогномія ихъ авторовъ; читатель видитъ писателя, такъ сказать, въ домашнемъ костюмѣ, въ негливе, правдивымъ, и лишь въ весьма исключительныхъ случаяхъ заботящимся о томъ, какъ бы поуютнѣе и повѣрнѣе скрыть свои мысли. Словомъ, характеръ и нравственныя качества выказываются тутъ часто совершенно наружу. Безъ сомнѣнія, чѣмъ оригинальнѣе личность писателя, чѣмъ индивидуальнѣе она, тѣмъ интереснѣе видѣть ее въ такомъ правдивомъ негливе. Это послѣднее, разумѣется, не должно имѣть ничего общаго съ халатной небрежностью домашняго костюма и нерѣдко его непригдядностью.

Комитетъ литературнаго фонда пожелалъ показать намъ въ негливе и Тургенева. «Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева»,

изданное комитетомъ съ цѣлью пополненія своей кассы новымъ источникомъ средствъ, встрѣчено публикой очень сочувственно. Иначе и быть не могло при той популярности, какой пользуется у насъ имя покойнаго писателя. Неудивительно, стало быть, что названная книга раскупалась бойко, и комитетъ литературнаго фонда долженъ быть очень доволенъ успѣхомъ своего предпріятія. Но матеріальный успѣхъ книги далеко еще не можетъ ручаться за ея доброкачественность. И въ данномъ случаѣ этотъ успѣхъ никакъ не заслоняетъ весьма неблаговидныхъ недостатковъ изданія, хотя и прикрытаго именемъ Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Начать съ того, что публикованіе частныхъ писемъ вскорѣ послѣ смерти писателя требуетъ особенной осторожности въ распоряженіи такимъ щекотливымъ наслѣдіемъ. Дѣло это налагаетъ на издателей обязанность нѣкотораго самоотреченія, т. е. обязанность пользоваться письмами отнюдь не въ угоду какимъ либо личнымъ своимъ видамъ и кружковымъ распрямъ и деликатно обращаться съ мыслями и чувствами покойнаго. Короче сказать, надо нѣжно касаться его слабыхъ сторонъ. Иначе многія изъ писемъ потеряютъ значеніе историческихъ документовъ, а сдѣлаются просто орудіемъ пасквиля въ рукахъ любителей скандалезности. Какъ же распорядился комитетъ литературнаго фонда, или, вѣрнѣе, его уполномоченный, «общій редакторъ» изданія?

Изъ «громадной переписки» Тургенева въ изданіи комитета извлечена, какъ гласитъ предисловіе, лишь «весьма небольшая часть всего написаннаго Тургеневымъ друзьямъ, знакомымъ, а иногда и незнакомымъ ему лицамъ». Въ эту «весьма небольшую часть», яко бы «обнимающую главнѣйшія литературныя отношенія покойнаго», включены чисто дѣловыя записочки къ г. Гаевскому, туда же зачислены и разныя хозяйственныя распоряженія въ письмахъ къ гг. Маслову, Топорову и къ г-жѣ Полонской, не имѣющія никакого «отношенія» ни литературнаго, ни общественнаго, ни автобіографическаго, а интересныя развѣ для обладателей этихъ писемъ. Самый большой по количеству вкладъ въ «Первое собраніе» сдѣланъ семействомъ Полонскихъ. Вкладъ весьма однообразнаго свойства—все больше рецензіи стихотвореній Я. П. Полонскаго, отеческія наставленія ему не быть «младенцемъ», опять-таки любопытныя скорѣе для самого г. Полонскаго, нежели для публики, и все это, вмѣстѣ съ помянутыми записочками и хозяйственными распоряженіями, составляетъ ровно половину напечатаннаго въ «Первомъ собраніи писемъ», т. е. 244 письма. Изъ остальныхъ 244 писемъ многія и, надо прибавить, самыя интересныя въ литературно-общественномъ отношеніи напечатаны раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Изъ неизданныхъ же интересны только письма къ графу Л. Н. Толстому, М. Е. Салты-

кову и еще писемъ съ десятокъ-другой. То немногое, о чемъ не упомянуто въ приведенной сортировкѣ напечатанныхъ документовъ, есть тотъ баластъ, какого всегда изрядное количество въ распоряженіи всякаго дѣловаго человѣка, принужденнаго вести переписку и отписку. Это — или отвѣты на вопросы адресатовъ, или письма чисто оффиціальнаго свойства.

По этой коллекціи 488 писемъ къ 55 лицамъ, на протяженіи 43 лѣтъ, съ 1840 г. по 1883 г., впрочемъ, съ весьма крупнымъ пробѣломъ въ 12 лѣтъ, нельзя и думать, конечно, о сколько нибудь опредѣленномъ образѣ Тургенева, какъ писателя и человѣка. Да и редактора изданія видимо не занимало ни то, ни другое. Не бѣда, слѣдовательно, что за двѣнадцатилѣтній періодъ, съ 1840 по 1852 г., въ сборникѣ не обрѣтается ни единой строчки; не бѣда, что и до 70-хъ годовъ не встрѣчается почти ни единаго сколько нибудь значительнаго документа, съ какимъ бы вниманіемъ ни старался читатель выуживать хоть отдѣльныя любопытныя строчки въ письмахъ за этотъ періодъ. Редакція удовольствовалась тѣмъ, что ей вручили «друзья» покойнаго, не въ мѣру усердно заботившіеся выставить на свѣтъ Божій свои «литературныя отношенія» къ Тургеневу. Правда, начиная съ 70-хъ годовъ и до кончины его письма становятся занимательными, но лишь весьма немногія изъ нихъ имѣютъ дѣйствительно интересъ литературный или психологическій. При чтеніи же большинства этихъ писемъ приходится удовольствоваться одними мѣткими штрихами, отдѣльными замѣчаніями о литературѣ, критикѣ, творчествѣ самого автора, о направленіи его, о томъ, какъ смотрѣлъ онъ на свое время, на искусство. Гдѣ же, спрашивается, эти обѣщанныя въ предисловіи «главнѣйшія литературныя отношенія»?

Ихъ, очевидно, надо искать въ разсѣянныхъ по письмамъ отзывахъ о русскихъ писателяхъ и общественныхъ дѣятеляхъ. Большинство этихъ отзывовъ Тургеневымъ писаны, вѣроятно, совсѣмъ не для потомства, ибо одни отличаются замѣчательной рѣзкостью, другіе дышатъ личностями и какимъ-то мстительнымъ чувствомъ, иные же попадали подъ перо въ интимныя письма подъ впечатлѣніемъ минутной вспышки, горячности и ссоры. Тутъ-то бы редакторской осмотрительности и поработать, тутъ-то бы и поочистить текстъ «Перваго собранія писемъ» отъ крѣпкихъ, частенько непечатныхъ словечекъ, которыми клеймилъ желчный покойникъ своихъ собратьевъ, великихъ и малыхъ. «Общему редактору» такъ бы и слѣдовало поступить если не изъ уваженія къ литературнымъ приличіямъ, то, по крайней мѣрѣ, изъ благодарности къ памяти Тургенева, матеріально поддерживавшаго литературный фондъ, и, наконецъ, просто изъ уваженія къ имени Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, которому, разумѣется, не пристало распространять всяческую брань на писателей.

Память Тургенева обязывала редакцію сборника къ такой осмотрительности, хотя бы ужъ потому, что самъ онъ, говоря рѣзкости о другихъ, иногда спохватывается и сознается въ опрометчивости этихъ рѣзкостей. Такъ, въ письмѣ отъ 6-го марта 1868 г. Тургеневъ пишетъ Я. П. Полонскому о г. П. К.: «сей послѣдній... поступилъ—въ моихъ глазахъ—на очистившуюся вакансію тупѣйшаго (курсивъ подлинника) человѣка изо всѣхъ современниковъ. Дѣйствительный тайный тупица перваго класса, съ портретомъ богини Идіотизма въ петлицѣ!» Въ письмѣ же отъ 31-го марта 1868 г. читаемъ о томъ же К.: «впрочемъ, я его не довольно знаю и составилъ себѣ о немъ понятіе по нѣкоторымъ слишкомъ быстрымъ впечатлѣніямъ — великій грѣхъ многихъ изъ насъ и въ которомъ я первый каюсь!»

«Общій редакторъ» писемъ не внялъ этому покаянію, какъ не пожелалъ обратить вниманіе въ нѣкоторыхъ письмахъ и на явные слѣды чувства мести, временами сильно одолѣвавшей Тургенева (см., напр., о Б. М. Маркевичѣ, стр. 250—251). Наконецъ, поразительныя противорѣчія въ отзывахъ Тургенева о нѣкоторыхъ изъ его собратьевъ, казалось бы, должны надоумить редактора сборника проявить нѣкоторую разборчивость при огласкѣ писемъ, доставленныхъ услужливыми «друзьями» покойнаго. Личная непріязнь къ Достоевскому водила перомъ Тургенева, напримѣръ, въ отзывѣ о «Подросткѣ»: «Боже, что за кислятина, и больничная вонь, и никому ненужное бормотанье, и психологическое ковыряніе!» Въ письмѣ же къ самому автору такой «кислятины», къ «нашему пресловутому маркизу де-Саду» (стр. 497), И. С. заявляетъ свое «мнѣніе о первоклассномъ талантѣ (Достоевскаго) и о томъ высокомъ мѣстѣ, которое по праву онъ занимаетъ въ нашей литературѣ», а въ другомъ письмѣ удивляется его рѣшимости взяться «въ наше время» за «литературное дѣло». «Общій редакторъ» изданія не смутился и передъ этими противорѣчіями и преспокойно одобрилъ къ печатанію подрядъ, безъ разбора, всякую брань, какая нашлась въ письмахъ покойника, даже такую брань, которая ни для кого неинтересна и рѣшительно ничего литературнаго не заключаетъ въ себѣ. Вотъ, положимъ, г. Полонскій пристаетъ къ больному Тургеневу съ жалобами на какія-то «надувательства» типографщика Б. Тургеневъ не знаетъ этого типографщика и, въ утѣшеніе «бѣднаго друга», титулуетъ обидчика «м...», «с.... с...» и пр. А редакторъ все это печатаетъ. Изъ-за чего же такая развязность въ отношеніи къ читателю?

Конечно, это допущено не изъ уваженія къ неприкосновенности каждой строки, принадлежащей Тургеневу. Перемываніемъ грязнаго бѣлья покойника нельзя доказывать уваженіе къ нему, хотя бы потому, что самъ Тургеневъ, навѣрное, не разсчитывалъ на предательскую огласку «друзьями» его совершенно безцеремонныхъ проявленій горячности. Покойникъ, что называется, отводилъ

душу съ «друзьями», а иногда дѣлалъ это явно имъ въ утѣшеніе. Любопытно, что развязностью въ выраженіяхъ изобилуютъ письма лишь къ немногимъ «друзьямъ». Значитъ, онъ зналъ, съ кѣмъ позволительно и даже въ иныхъ случаяхъ необходимо объясняться нараспашку. Эти «друзья» оказались, однако, не на столько наивными, какими, вѣроятно, считалъ ихъ Тургеневъ по своей слишкомъ довѣрчивой оплошности. Они предстали на судъ публики съ документами въ рукахъ: вотъ, молъ, поглядите, какъ мы дружили съ Тургеневымъ; онъ отъ насъ не скрывалъ ничего и при насъ не стѣснялся ничѣмъ.

Такое рвеніе порисоваться публично въ лучахъ нимба покойнаго писателя, извинительное услужливой наивности, нисколько не можетъ, однакожъ, оправдывать редактора, уполномоченнаго комитетомъ литературнаго фонда, редактора, который не различаетъ «литературныхъ отношеній» отъ непечатныхъ. Тутъ, видно, что нибудь не спроста — такъ невольно подумаетъ каждый, глядя какими грубыми титулами изящный писатель награждаетъ чуть не каждаго изъ собратій своихъ и съ какой тщательностью редактируются эти непечатныя мѣста въ письмахъ. И дѣйствительно, одни изъ именъ съ поношеніемъ прописаны цѣликомъ. Какая наивная безцеремонность, вы, пожалуй, подумаете! Успокойтесь, безцеремонность эта становится весьма церемонной по отношенію къ нѣкоторымъ именамъ. Люди, близкіе къ комитету литературнаго фонда или почему нибудь любезные «общему редактору» изданія, деликатно обозначаются инициалами. Послѣдняя деликатность, правда, допускается и относительно ошельмованныхъ цѣльныхъ именъ, но посмотрите, съ какимъ лукавствомъ, съ какимъ лицемѣріемъ примѣняется этотъ способъ неумѣлаго прикрыванія именъ въ изданіи литературнаго фонда. При какомъ нибудь непечатномъ ошельмованіи значится начальная буква, а черезъ двѣ-три строки анонимъ раскрывается сполна.

Само собой разумѣется, непечатныя словечки и брань, расшвыренныя Тургеневымъ на всѣ стороны, нисколько не могутъ характеризовать его «главнѣйшія литературныя отношенія». Если бы это было иначе, если бы позволительно было придавать серьезное литературное значеніе этимъ словечкамъ и брани, какъ полагаетъ «общій редакторъ» изданія, то пришлось бы вывести заключеніе вотъ какое. Изъ первоклассныхъ нашихъ писателей только Тургеневу безспорно должно принадлежать самое видное мѣсто, а остальные вовсе недостойны такого почета: одинъ «чудачище», другой созданъ для ругани, третій занимается «психологическимъ ковыряньемъ», четвертый все только портитъ даже лучшіе изъ своихъ художественныхъ типовъ; пятый «лжетъ», шестой притворяется поэтомъ, а въ сущности — плутъ и злой человѣкъ... Тутъ слѣдуетъ не литературный эпитетъ, вѣроятно, для вящшей убѣдительности въ справедливости подобнаго сорта оцѣнокъ. О второстепенныхъ писателяхъ и говорить нечего: изъ нихъ только Я. П. По-

лонскій, какъ другъ и литературный протеже Тургенева, заслуживаетъ вниманія, да и тотъ «долженъ возиться въ тьмѣ и холодѣ» (стр. 131) и нуждался въ отеческомъ покровительствѣ покойника, чтобъ быть замѣченнымъ публикой (см. стр. 166 и 169)[1]. Всѣмъ мало-мальски извѣстнымъ изъ второстепенныхъ литераторовъ досталось тоже изрядно. И по очень простой причинѣ: у всѣхъ есть свои слабости. Тургеневъ, какъ наблюдатель зоркій, ихъ подмѣтилъ и подчеркнулъ въ пріятельскихъ письмахъ.

Какъ бы ни были иногда мѣтки подобныя аттестаціи, но никому изъ людей благомыслящихъ не придетъ въ голову характеризовать по нимъ «главнѣйшія литературныя отношенія» Тургенева. Каждый, слушая ихъ, можетъ сказать только, что или гордыня ужъ черезчуръ обуяла такого судью, если все это выдается за убѣжденіе, строго провѣренное, или тутъ совсѣмъ не слѣдъ ставить покойнику каждое лыко въ строку, не слѣдъ каждое острое, злое замѣчаніе, вызванное личнымъ раздраженіемъ и недовольствомъ, обобщать въ рѣшительный приговоръ. Первое предположеніе, совершенно не уживающееся рядомъ со скромностью, какую высказывалъ всегда Тургеневъ относительно собственныхъ произведеній, можно опровергнуть нѣкоторыми письмами изъ того же «Собранія», письмами искательными, лестными къ тѣмъ самымъ лицамъ, о которыхъ находимъ рѣзкіе отзывы, граничащіе съ шельмованьемъ. Остается, значитъ, допустить второе предположеніе и видѣть въ этомъ просто развязность и несдержанность на языкѣ въ пріятельской перепискѣ,—несдержанность, проявленія которой не предназначались покойнымъ для литературной огласки.

Эта несдержанность вызывалась въ большинствѣ случаевъ недовольствомъ на критику его произведеній, обязательными доношеніями «любезныхъ друзей», завѣрявшихъ, сколько труда имъ стоило защищать его, Тургенева, отъ нападокъ такого-то и такого-то изъ его непріятелей. Съ особенною страстностью высказываются всякія рѣзкости по поводу такихъ доношеній съ того времени, когда русскій писатель совсѣмъ поселился вдали отъ родины, живо чувствовалъ отъ нея свою отчужденность. На эту отчужденность Тургеневъ не разъ сѣтуетъ въ своихъ письмахъ. «За границей живя, перестало писаться», пишетъ онъ къ Л. Н. Толстому. «Голосъ остался, да пѣть нечего» — еще раньше онъ извѣщаетъ г-жу Милютину — «Слѣдовательно, лучше замолчать. А нѣтъ ничего, по-

[1]) Тургеневъ взялся написать фельетонъ о «стихотворной дѣятельности» г. Полонскаго. Въ письмѣ отъ 1-го января 1870 года читаемъ: «спѣшу извѣстить тебя, что статейка моя о тебѣ отправлена третьяго дня въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» по адресу П. В. Анненкова, котораго я прошу продержать корректуру. Ты можешь справиться: если и теперь твоя несчастная звѣзда восторжествуетъ, тогда уже точно сказать будетъ нечего. Статейка вышла довольно жиденькая; я половины не сказалъ того, что хотѣлъ; но, всетаки, кое-что есть, и публика уткнута рыломъ. Расчухаетъ ли она теперь — Богъ вѣсть. Будемъ надѣяться!»

тому что я живу внѣ Россіи». Указывая на невыгодность жить вдали отъ родной почвы, въ одномъ изъ писемъ къ Салтыкову, покойный прибавляетъ: «въ литературныхъ дѣлахъ я принужденъ какъ медвѣдь зимою сосать собственнную лапу, оттого и не выходитъ ничего».

Замѣчательно, что какъ разъ въ это же время иностранная критика стала прославлять нашего писателя. Каждое новое изъ его произведеній за границей превозносилось до небесъ, переводилось и приносило ему новые лавры, тогда какъ въ критикѣ соотечественниковъ съ каждымъ изъ этихъ произведеній все больше и больше обнаруживалась явная неудовлетворенность. Тамъ диѳирамбы, здѣсь — укоры, тѣ рождаютъ самомнѣніе, эти — желчность на то, что на родинѣ не понимаютъ его, якобы потому, что здѣсь, на Руси, царитъ одна кривда, что настоящая поэзія «попирается свиными и не свиными ногами». Отсюда само собой возникаетъ сомнѣніе, будто «въ наше время» нельзя браться за «литературное дѣло» и будто «не всегда слѣдуетъ говорить правду». А тутъ еще, при воображаемой непріязненности соотечественниковъ къ прославленному всюду писателю, въ русской публикѣ пользуются извѣстностью какіе-то разные «безсѣмянники», т. е. писатели, которымъ не удалось и не удастся произвести ничего прочнаго и долговѣчнаго. И, чтобъ сорвать сердце, невольно въ письмѣ къ пріятелю подвернется подъ перо рѣзкость, грубость, которой не замѣчаешь въ минуту раздраженія, и, конечно, не считаешь достойной увѣковѣчиванія въ потомствѣ.

«Друзья», желая увѣковѣчить память о своей близости къ покойному, и, за неимѣніемъ свидѣтельствъ болѣе благовидныхъ. рѣшили воспользоваться тѣмъ, что нашлось подъ руками. Кстати, комитетъ литературнаго фонда, которому понадобилось имя Тургенева для улучшенія состоянія своей кассы, охотно взялся оказать содѣйствіе успѣшному выполненію такого съ виду почтеннаго желанія. Но при этомъ и комитетъ, и «друзья» Тургенева совсѣмъ проглядѣли, что не-литературная развязность совершенно неумѣстна въ литературномъ изданіи. И потому-то дѣйствительный интересъ изданія писемъ Тургенева, отмѣченный въ началѣ настоящей замѣтки, сильно стушевывается этимъ шельмованіемъ русскихъ писателей, наполняющимъ большую часть «Перваго собранія писемъ» и, безъ сомнѣнія, не прибавляющимъ ни единой іоты ни къ литературной славѣ покойнаго, ни къ характеристикѣ его «литературныхъ отношеній», но какъ бы разсчитаннымъ на омраченіи его личныхъ слабостей. «Друзьямъ», бережно хранившимъ документальное свидѣтельство объ этихъ не-литературныхъ слабостяхъ знаменитаго писателя, прежде, чѣмъ обогащать ими отечественную литературу, не мѣшало бы вспомнить слова ихъ знаменитаго друга: «Тѣ, которымъ я по вкусу, должны меня глотать вмѣстѣ съ моими грѣхами».

Ѳ. Булгаковъ.

СОХРАНЕНІЕ ДРЕВНИХЪ ПАМЯТНИКОВЪ ВЪ РОССІИ.

НЕДАВНО въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: «Отъ Ростова-Ярославскаго до Переяславля-Залѣсскаго», появилось добросовѣстное описаніе нѣкоторыхъ древностей послѣдняго города.

Авторъ поѣздки въ Переяславль, извѣстный въ Россіи археологъ, задался въ своемъ трудѣ цѣлію представить то варварское обхожденіе съ памятниками древняго церковнаго зодчества, которому они подвергаются въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества. Для начала авторъ избралъ Переяславль-Залѣсскій, принадлежащій къ числу древнѣйшихъ городовъ сѣверо-восточной Россіи, потому что основаніе его относится къ XII столѣтію. Такъ какъ поѣздка г. Каово (псевдонимъ) была совершена прошлымъ лѣтомъ, то и свѣдѣнія, имъ сообщаемыя, о положеніи древнихъ церквей и монастырей Переяславля, находящагося вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, интересны по своей свѣжести для каждаго, дорожащаго «завѣтами старины глубокой». Но эти свѣдѣнія съ тѣмъ вмѣстѣ даютъ понятіе о томъ, какъ искажаются и уничтожаются эти «завѣты», не смотря на нѣсколько высочайшихъ повелѣній и указовъ св. синода, воспрещающихъ всякаго рода произволъ въ этомъ отношеніи. Такъ, указъ св. синода, запрещающій всякія передѣлки въ древнихъ храмахъ безъ утвержденія императорскаго московскаго археологическаго Общества, въ Переяславлѣ не исполняется, потому что во всемъ городѣ только Преображенскій соборъ (постройки XII вѣка) оказывается единственнымъ храмомъ, хотя сколько нибудь уцѣлѣвшимъ отъ ломки и отъ окончательной, до неузнаваемости, передѣлки. Объ остальныхъ древностяхъ Переяславля можно

сказать, что онѣ почти всѣ покончены, причемъ въ Θеодоровскомъ монастырѣ не пощажены были даже могильныя плиты XVI—XVII столѣтій.

Напримѣръ, отъ красиваго Горицкаго Успенскаго монастыря, основаннаго по преданію супругою Дмитрія Донскаго, княгинею Евдокіею, кромѣ главнаго храма Успенія, обращеннаго въ городской соборъ, остались только исковерканныя стѣны; отъ церкви Всѣхъ Святыхъ этого же монастыря — одинъ верхній наружный этажъ и главы, а знаменитый храмъ Геѳсиманія и соединяющіе его съ Успенскимъ соборомъ переходы болѣе не существуютъ. Не такъ давно, вслѣдствіе ходатайства мѣстнаго духовенства, разрѣшено было устроить въ Горицкомъ монастырѣ духовное училище, на что и была отпущена необходимая для того сумма. Приступивъ къ постройкамъ, распорядители ихъ устроили изъ Геѳсиманіи и переходовъ каменоломню, и геѳсиманскій кирпичъ пошелъ на распространеніе училищныхъ зданій. Строители новѣйшаго времени, истребляя подобные архитектурные памятники, не позаботились снять точныхъ рисунковъ и разрѣзовъ, которые сохранили бы для потомства память о величіи этой постройки. По словамъ г. Каово, въ этихъ зданіяхъ изъ многаго уничтожено и то, что вовсе не предполагалось къ передѣлкѣ, а тѣмъ болѣе къ сломкѣ, и что археологи, одобрившіе сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ древнихъ постройкахъ, были введены, очевидно, въ заблужденіе, особенно по отношенію къ Геѳсиманіи. Церковь Всѣхъ Святыхъ нынѣ обращена въ училищную, причемъ окончательно и непоправимо испорчена. На лѣстницѣ, впрочемъ, сохраняются обломанныя четыре колонны изъ бѣлаго камня съ высѣченными орнаментами красивой работы. Въ Успенскомъ соборѣ художественная стѣнная живопись, немного попорченная, еще сохранилась, особенно въ алтарѣ, но и она доживаетъ послѣдніе часы. Богатый благотворитель-фабрикантъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и соборный староста, распорядился замазать эту живопись по новымъ рисункамъ, взятымъ изъ священной исторіи, изданной для сельскихъ школъ, и раздѣлываетъ масляными красками въ современномъ реальномъ духѣ. Художественная работа хорошихъ живописцевъ попала въ руки маляровъ, незнакомыхъ даже съ основаніями изящнаго искусства. Когда авторъ указалъ этимъ малярамъ на ихъ плохую работу, то получилъ въ отвѣтъ: «что-де хорошаго въ старомъ, новое лучше, а такіе рисунки выбраны Сергѣемъ Петровичемъ и по нимъ приказано дѣлать».

Замѣчательно, что прежде люди, даже невысокаго образованія, болѣе цѣнили памятники древняго зодчества. Когда была уничтожена каѳедра въ Переяславлѣ, то главный храмъ въ Горицкомъ монастырѣ Успенія былъ обращенъ въ городской соборъ, а прочія монастырскія церкви и зданія, покинутыя безъ всякой поддержки, стали приходить въ упадокъ. Дѣло дошло до того, что въ 1812 году

остальныя церкви и часть построекъ Горицкаго монастыря проданы были съ торговъ на сломъ купцу Найдышеву, но у него не подиялась рука на разрушеніе дивнаго зданія Геесимаміи и онъ пожертвовалъ свою покупку въ пользу собора; но такой поступокъ купца, оцѣнившаго архитектурные памятники и сохранившаго ихъ для славы своего роднаго города, не нашелъ къ себѣ, къ сожалѣнію, подражателей, чрезъ 70 слишкомъ лѣтъ.

Точно также въ Өеодоровскомъ женскомъ монастырѣ, построенномъ въ Переяславлѣ Іоанномъ Грознымъ, въ 1557 году, всѣ три церкви передѣланы и даже живопись сдѣлана вся новая, грубой работы, на маслѣ. При главномъ храмѣ уцѣлѣла было до 1884 года древняя паперть, съ вдѣланными въ стѣны надгробными плитами XVII вѣка, съ искусно высѣченными надписями вязью; но и эта паперть стараніями настоятельницы, на средства купчихъ-благотворительницъ Г., передѣлывается въ новѣйшемъ вкусѣ, съ потолками на рельсахъ, вмѣсто прежнихъ сводовъ, что вовсе не гармонируетъ съ архитектурою храма XVI столѣтія. Надгробныя плиты извержены или извергаются. Монастырская колокольня изъ шатровой передѣлана на новый манеръ, не имѣетъ ни красоты, ни архитектурнаго значенія, и уже вовсе не соотвѣтствуетъ храму, построенному при Грозномъ царѣ.

Въ другомъ переяславскомъ монастырѣ, Даниловскомъ Троицкомъ мужскомъ, главный соборъ, Живоначальныя Троицы, сохранилъ свою прежнюю архитектуру, хотя не избѣгъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ передѣлокъ. Такъ, паперть, къ сожалѣнію, сдѣлана вновь, причемъ альфресковая живопись 1668 года погублена безвозвратно. Часть фресокъ на стѣнѣ храма еще уцѣлѣла, но, вѣроятно, вскорѣ будетъ замазана. Внутри храма иконостасъ оказывается уже конца XVIII вѣка, а клиросы совершенно новые. Вся внутренность собора передѣлана и украшена вовсе не въ духѣ храмоздателя и вовсе не идетъ къ церкви, построенной въ XVI вѣкѣ. Иконы въ соборѣ большею частію поновлены или переписаны, хотя многія изъ нихъ, какъ говорятъ, и древнія. Но живопись, альфреско 1668 года, съ картинами изъ апокалипсиса, сохранилась и составляетъ въ настоящее время лучшее украшеніе собора.

Въ самомъ центрѣ Переяславля находится церковь св. Петра Митрополита, принадлежащая по архитекрурѣ къ началу XVII столѣтія. Верхняя часть ея представляетъ восьми-угольникъ, съуживающійся къ верху и осѣненный главою, которая имѣетъ видъ епископской шапки. Бывшая прежде шатровая колокольня съ кафельными украшеніями сломана и вмѣсто нея сдѣлана другая на новый образецъ, съ пролетами на колоннахъ и приложена совсѣмъ на другомъ мѣстѣ. Наружныя стѣны, покрытыя при постройкѣ тоже кафелями и орнаментами, всѣ заштукатурены вгладь и окрашены въ мрачный густолиловый цвѣтъ. Древняя прекрас-

ная паперть переломана; сводъ на ней уроненъ и сдѣланъ досчатый. Внутри храма все ново, пестро и безвкусно; повидимому, лавочники были зиждителями и главными радѣтелями объ этомъ древнемъ храмѣ, который находится въ самомъ торговомъ центрѣ города. Словомъ, въ древней церкви св. Петра Митрополита не оставлено ни малѣйшаго намека на древность. Старинная альфресковая живопись уничтожена и сдѣлана новая на маслѣ, приличествующая болѣе купеческимъ гостинымъ, а не храму, сооруженному въ XVII вѣкѣ. Также точно и въ такомъ же направленіи передѣланы другія двѣ приходскія церкви, св. Θеодора Стратилата и Срѣтенія. Уничтожены въ нихъ фрески; повсюду аляповатая масляная живопись въ новомъ стилѣ, расширенныя окна, испорченныя паперти и проч., но прекрасная шатровая колокольня уцѣлѣла.

Въ Никитскомъ монастырѣ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ Переяславля и основанномъ въ одно время съ нимъ, въ XII столѣтіи, въ ризницѣ, довольно сыроватой, г. Каово видѣлъ, какъ небрежно валяются и гніютъ драгоцѣнные образцы матеріи и вышивокъ XVI и XVII столѣтій, которые составили бы не послѣднее украшеніе любаго изъ европейскихъ музеевъ; напримѣръ, вышитый покровъ съ изображеніемъ преподобнаго Никиты, даръ Милославскихъ 7165 года, или вышитые образа Казанской Божіей Матери XVI вѣка и преподобнаго Никиты, вкладъ царицы Анастасіи Романовны, супруги Іоанна IV. Образа эти, служившіе прежде хоругвями, валяются въ нижнемъ углу шкафа, ободраны, загрязнены, какъ малоцѣнныя вещи. Не лучше сохраняются и драгоцѣнные поручи, воздухъ XVI вѣка и набедренникъ съ вышитымъ изображеніемъ угодника. Значащаяся въ описи жемчужная съ каменьями митра Екатерины I и архимандрита Іосифа пропали. Богатый архивъ, драгоцѣнныя рукописи, растрепанныя и разбросанныя въ безпорядкѣ, все это покрыто плѣсенью и гніетъ въ сыромъ помѣщеніи. Даже синодики XVI и XVII столѣтій, важный матеріалъ для генеалогіи, находятся въ жалкомъ положеніи. Одинъ изъ нихъ переплетенъ, но два другіе растрепаны и съ вывалившимися листами безъ переплетовъ. А въ нихъ записаны родъ Алексѣя Черноризца, митрополита московскаго, роды дворянъ и дѣтей боярскихъ, побитыхъ подъ Псковымъ въ 1650 году, и проч.

Этого списка достаточно для доказательства, какъ заботились въ Переяславлѣ о сохраненіи памятниковъ нашего древняго зодчества. Подобнаго рода передѣлки, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, совершаются большею частію просто по капризу или укоренившемуся обычаю большинства настоятелей и настоятельницъ прослыть благоукрасителями храмовъ св. обители, и въ особенности имѣть случай отпраздновать освященіе торжественною трапезою съ епархіальнымъ преосвященнымъ, а жертвователей представить

къ медалямъ, что и составляетъ главную цѣль зиждителей. Нѣкоторые епархіальные владыки и сами не прочь поощрять на подобныя посягательства къ искаженію старины. Многимъ ярославцамъ памятенъ бывшій преосвященный Авраамъ Шумилинъ, изъ вдовыхъ сельскихъ священниковъ, скончавшійся маститымъ старцомъ на Толгѣ въ 1844 году. Ради этихъ торжественныхъ освященій и обѣдовъ, преосвященный въ довольно продолжительное время управленія имъ ярославскою паствою, переломалъ сотни драгоцѣннѣйшихъ древнихъ зданій и, къ сожалѣнію, создалъ цѣлую школу подобнаго искусства. Ученики преосвященнаго продолжаютъ слѣдовать по стопамъ своего учителя и стираютъ послѣдніе остатки воспоминаній о строительномъ геніи и творчествѣ нашихъ предковъ. Недавно одинъ изъ бывшихъ настоятелей Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря споролъ и продалъ жемчугъ съ ризъ, пожертвованныхъ въ этотъ монастырь спасителемъ отечества, княземъ Пожарскимъ, и сдѣлалъ это только для того, чтобы уронить своды одной изъ церквей XVI вѣка въ этой древней обители и соорудить вмѣсто того деревянный потолокъ въ новѣйшемъ вкусѣ.

Между тѣмъ, св. синодомъ издано было въ разное время нѣсколько указовъ относительно сохраненія наружнаго и внутренняго вида древнихъ церквей. Напримѣръ, указомъ 4-го февраля 1835 года предписано было доставлять въ мѣстную консисторію планы и фасады древнихъ церквей. Въ 1841 году, 28-го мая, повелѣно было составлять проекты для построенія церквей во вкусѣ древняго византійскаго зодчества, а въ 1842 году, 19-го декабря, предписано было, чтобы въ древнихъ церквахъ какъ наружный, такъ и внутренній видъ церквей и на стѣнахъ живопись были тщательно сохраняемы и чтобы не было производимо перемѣнъ безъ разрѣшенія на то высшей власти. 9-го января 1879 года, опредѣленіемъ св. синода вновь было подтверждено, чтобы безъ сношенія съ мѣстнымъ археологическимъ обществомъ не было производимо никакихъ поправокъ, и что, по ст. 207 уст. строит. (т. XII, изд. 1857 г.), къ какимъ либо обновленіямъ въ древнихъ церквахъ воспрещается приступать безъ высочайшаго разрѣшенія.

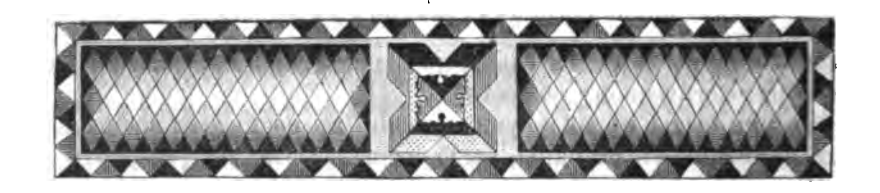
Очевидно, этими законами и указами пренебрегаютъ, если, вопреки ихъ, разрушеніе и перестройка древнихъ церквей не прекращаются. Особая коммиссія императорскаго московскаго археологическаго Общества нѣсколько лѣтъ тому назадъ выработала проектъ правилъ, имѣвшій цѣлію охраненіе древнихъ памятниковъ, но проектъ этотъ не былъ осуществленъ. Вотъ эти правила, нынѣ, повидимому, забытыя: 1) Въ каждой губерніи для наблюденія и храненія древнихъ памятниковъ назначается одинъ блюститель древнихъ памятниковъ. 2) Блюстители избираются археологическими обществами, какъ изъ своихъ членовъ, такъ и изъ постороннихъ лицъ, извѣстныхъ обществу своими знаніями и любовью къ архе-

ологіи. 3) Кандидаты на эту должность представляются археологическими обществами на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. 4) Должность блюстителя считается въ государственной службѣ и по правамъ и преимуществамъ равною съ должностью почетныхъ попечителей гимназій. 5) Блюстители, для наблюденій за сохранностью памятниковъ, руководствуются инструкціями, данными имъ археологическими обществами. 6) Археологическія общества составляютъ по каждой губерніи списки зданій, предметовъ и сооруженій, которые, по мнѣнію ихъ, достойны сохраненія. При этомъ обозначается, на землѣ или въ зданіи какого вѣдомства находится памятникъ старины и въ какомъ состояніи: требуетъ ли онъ исправленія или поддержки. Противъ каждаго объясняется, на какомъ основаніи археологическое общество считаетъ этотъ памятникъ важнымъ для науки. Всѣ списки, составленные такимъ образомъ, разсматриваются особою коммиссіею, составленною изъ депутатовъ какъ археологическихъ обществъ, такъ и высшихъ ученыхъ учрежденій. 7) Окончательно составленные списки вносятся чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на высочайшее утвержденіе. 8) Памятники и предметы, находящіеся въ высочайше утвержденномъ спискѣ, не могутъ быть отчуждаемы, исправляемы, перестроиваемы или инымъ образомъ измѣняемы безъ предварительнаго соглашенія съ мѣстныхъ блюстителемъ. Мѣстный блюститель, по извѣщеніи, осматриваетъ памятникъ и представляетъ свое мнѣніе археологическому обществу, которое съ своей стороны провѣряетъ сдѣланный ему докладъ блюстителемъ и представляетъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ для сообщенія надлежащему вѣдомству. 9) Если блюститель допуститъ какое нибудь измѣненіе, или искаженіе, или поновленіе въ памятникѣ, находящемся въ высочайше утвержденномъ спискѣ, или же несвоевременно донесетъ о поврежденіяхъ или измѣненіяхъ археологическому обществу, то онъ подвергается взысканію по закону. 10) Археологическое общество, замѣчая невниманіе блюстителя къ своей должности, представляетъ о смѣнѣ его министру внутреннихъ дѣлъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ другаго кандидата на его должность. 11) Археологическое общество обязано во всякое время ревизовать дѣятельность блюстителя чрезъ своихъ членовъ и производить осмотръ памятниковъ, для чего посылаемые члены общества получаютъ содѣйствіе отъ мѣстныхъ духовныхъ и гражданскихъ властей. 12) Ежегодно блюстители обязаны представлять археологическимъ обществамъ отчеты о состояніи памятниковъ ввѣренной имъ губерніи. Эти отчеты представляются обществами министру внутреннихъ дѣлъ. 13) Всѣ губерніи раздѣляются на пять археологическихъ округовъ: Петербургскій, Московскій, Кіевскій, Казанскій и Одесскій. 14) Въ каждомъ округѣ наблюденіе за сохранностью памят-

никовъ старины и за дѣятельностью блюстителей поручается мѣстному археологическому обществу.

Можетъ быть, въ виду уничтоженія въ послѣднее время многихъ памятниковъ старины, было бы цѣлесообразно утвердить эти правила, измѣнивъ ихъ согласно съ нынѣшними требованіями.

П. У.



ПРЕДСТАВИТЕЛИ СОВРЕМЕННАГО РЕАЛИЗМА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ И АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

I.

Альфонсъ Доде.

СТОРІЯ литературы нашего времени не будетъ нуждаться въ документахъ и матеріалахъ, и потомки наши будутъ имѣть полную возможность возсоздать образъ любаго писателя, изучить по неопровержимымъ даннымъ малѣйшую подробность ихъ жизни, возникновенія и появленія въ свѣтъ каждаго ихъ произведенія. Мы говоримъ, конечно, о литературѣ европейской, а не о нашей: у насъ писатели еще не приняли за правило, издавая какой нибудь разсказъ, сообщать въ предисловіи, когда, при какихъ обстоятельствахъ онъ задуманъ, что хотѣлъ имъ сказать авторъ, какія лица или событія подали поводъ къ сочиненію разсказа и т. п. На Западѣ, и особенно во Франціи, такія объясненія съ читателями въ большой модѣ. Авторы любезно берутъ на себя трудъ объяснять подробно идею, цѣль, поводы своихъ произведеній, сообщаютъ, гдѣ и во сколько времени они написаны, у кого изъ современниковъ заимствованы такія-то черты характера героевъ романа и пр. Нельзя не сказать, что въ такихъ признаніяхъ есть комическая сторона. Еще куда ни шло, если бы авторъ говорилъ только о своемъ произведеніи, желая оставить потомству всѣ обстоятельства, сопровождавшія его созданіе и исполненіе; но онъ зачастую не забываетъ упомянуть и о томъ, въ какомъ костюмѣ

ходилъ и чѣмъ питался самъ авторъ, когда работала его творческая фантазія. Сообщая подобныя, мало интересныя вещи о себѣ самомъ, французскій романистъ не упускаетъ случая передать разныя интимности и о своемъ пріятелѣ, увѣренный, что и тотъ съ удовольствіемъ разскажетъ, въ свою очередь, все, что знаетъ о своемъ другѣ. Французская литература наполнена автобіографіями, «исторіями моихъ книгъ, моихъ идей», біографіями романистовъ, написанными «свидѣтелями ихъ жизни». Всѣ какъ будто боятся, чтобы потомство не забыло какую нибудь біографическую черту ихъ жизни, библіографическую мелочь, и торопятся сохранить ихъ въ печати. Существуютъ цѣлыя изданія біографій писателей, журналистовъ, общественныхъ дѣятелей, гдѣ они наперерывъ прославляютъ другъ друга. Такъ появившійся въ прошломъ году сборникъ «Современныхъ знаменитостей» (Célébrités contemporaines) далъ уже до сотни біографій, разсказанныхъ одинаково панегирическимъ тономъ, причемъ каждой знаменитости посвящено одинаково 32 страницы, ни больше, ни меньше: Виктору Гюго, какъ Камилю Пельтану, Гамбеттѣ, какъ Кловису Гюгу, Ренану, какъ генералу Галифе. Но, отбросивъ восторженныя фразы и диѳирамбы вмѣстѣ съ излишними мелочами, мы найдемъ, всетаки, въ этомъ изданіи всѣ подробности о жизни и произведеніяхъ писателей, воспѣтыхъ ихъ друзьями, которые и въ чужой біографіи не забываютъ поговорить о себѣ. Мы пользуемся поэтому матеріалами, собранными въ статьѣ Жюля Клареси объ Альфонсѣ Доде, портретъ котораго исполненный Т. Жонстономъ, по фотографіи Надара, заимствуемъ изъ нью-іоркскаго иллюстрированнаго журнала «The Century».

Объ Альфонсѣ Доде, которому теперь 43 года, написана цѣлая книга старшимъ братомъ его, Эрнестомъ Доде, подъ названіемъ «Mon frère et moi». Здѣсь переданы не только малѣйшія обстоятельства дѣтскихъ годовъ и первыхъ литературныхъ трудовъ писателя, но генеалогія его фамиліи, исторія членовъ его семейства, тысячи никому ненужныхъ и нисколько не интересныхъ подробностей. О самомъ себѣ и своихъ произведеніяхъ Альфонсъ Доде очень пространно сообщаетъ читателямъ въ предисловіяхъ къ каждому разсказу. Семейство его принадлежало къ мѣстной интеллигенціи. Между предками его былъ, въ началѣ XVIII вѣка, замѣчательный инженеръ и географъ, оставившій нѣсколько хорошихъ сочиненій; былъ еще искусный граверъ. Но семья Доде была не богата, и когда, въ 1837 году, въ ней явился старшій сынъ Эрнестъ, она рѣшила посвятить его торговымъ занятіямъ. Младшій сынъ Альфонсъ назначался на учительское званіе, воспитывался въ ліонскомъ лицеѣ и на 17-мъ году получилъ скромное мѣсто учителя въ коллегіи города Алэ. Но черезъ два года онъ бросилъ учительство, точно также какъ братъ его — коммерцію, и оба отправились въ Парижъ искать средствъ къ жизни литературнымъ тру-

домъ. Еще въ Ліонѣ Альфонсъ напечаталъ въ мѣстныхъ журналахъ нѣсколько стихотвореній, обратившихъ на него вниманіе. Въ Парижъ онъ привезъ цѣлый томъ стиховъ, подъ названіемъ: «Les Amoureuses», который тотчасъ же нашелъ издателя. «Фигаро» цитировалъ хорошенькую идиллію «Les prunes», которую братья Ліонне начали пѣть въ кафешантанахъ. «Мониторъ» посвятилъ поэту очень лестный фельетонъ. Это создало ему репутацію, и онъ сталъ работать въ журналахъ, сначала, конечно, въ тѣхъ, гдѣ замѣтили его дарованіе, потомъ въ «Иллюстраціи» и «Иллюстрированномъ Мірѣ». Въ то же время онъ сталъ писать и для театра, поставивъ въ 1862 году на Одеонѣ комедію «La derniére idole», имѣвшую успѣхъ. На «Французскій театръ» не приняли другую пьесу его «Отсутствующіе»; онъ передѣлалъ ее въ либретто комической оперы на музыку Пуаза. Съ двухактной драмой его, поставленной въ 1864 году на сценѣ Французскаго театра, случилась маленькая исторія: пьеса носила названіе «Лилія», но этотъ легитимистскій цвѣтокъ не понравился бонапартистской цензурѣ и она перекрестила его въ «Бѣлую далію». Не желая подчиниться этой ботанической цензурѣ, Доде, въ свою очередь измѣнилъ далію на «Бѣлую гвоздику», и драма была дана подъ такимъ названіемъ. Въ «Фигаро» Доде обратилъ на себя вниманіе этюдомъ изъ тяжелой жизни мелкихъ дѣятелей, подъ названіемъ «Провинціальные бѣдняки», и нѣсколькими мелкими разсказами, изданными потомъ отдѣльно подъ названіемъ: «Le chaperon rouge». Произвела впечатлѣніе изданная имъ также въ то время небольшая поэма «Двойное обращеніе» (La double conversion), въ которой еврейка Сара принимаетъ христіанство, чтобы выйдти за своего Андрея, а тотъ изъ любви къ ней переходитъ въ еврейство. Поэма, написанная въ ироническомъ тонѣ, оканчивается великолѣпнымъ гимномъ любви.

Всѣ эти маленькія вещи давали и небольшія средства къ жизни. Приходилось неутомимо работать разомъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Доде сталъ писать въ «Маленькомъ Мониторѣ» фельетонъ «Парижскія письма», подъ псевдонимами Баптиста и Жеганъ-де-Лиля, въ «Фигаро»—рифмованныя хроники подъ именемъ Фруассара, въ «Evenement», подъ псевдонимомъ Гастонъ Марія,—«Письма съ моей мельницы», въ «Musée des familles»—біографію живописца Карло Маратти, полную романическихъ похожденій. На театрѣ «Водевиль» написанная имъ въ томъ же 1864 году комедія «Старшій братъ» не имѣла успѣха, драма «Жертва»—тоже. Надо было искать новыхъ источниковъ въ борьбѣ за существованіе. Доде поступилъ секретаремъ къ герцогу Морни, по ходатайству своего брата Эрнеста, давно уже пристроившагося на казенномъ мѣстѣ, такъ какъ его разсказы и повѣсти имѣли еще меньше успѣха, чѣмъ произведенія Альфонса и приносили еще меньше дохода. Альфонсъ пробылъ пять лѣтъ въ должности секретаря и оставилъ ее, когда могъ обойд-

тись безъ нея. Морни относился къ писателю внимательно и любезно и однажды уплатилъ небольшую сумму по векселю, представленному ему, какъ президенту законодательнаго собранія, на его чиновника, задолжавшаго за бумагу для печатанія своихъ произведеній. Доде обвиняли въ томъ, что онъ вывелъ Морни въ своемъ романѣ «Набобъ», но если бы каждому чиновнику, имѣвшему возможность узнать продѣлки своего начальника, запрещалось обличать ихъ даже въ формѣ вымышленнаго романа, — что сдѣлалось бы тогда съ гласностью?

Парижская жизнь дѣйствуетъ губительно не только на карманъ, но и на здоровье. Доде мало было даже теплаго солнца его родины — онъ долженъ былъ ѣхать для выздоровленія въ Алжиръ. Многіе сомнѣвались, чтобы онъ и тамъ поправился, но онъ вернулся веселый и здоровый, въ 1870 году. Тутъ случилось съ нимъ новое несчастіе, о которомъ онъ такъ разсказываетъ въ предисловіи къ повѣсти «Робертъ Гельмонтъ». «Разъ на дачѣ, на одномъ изъ хорошенькихъ зеленыхъ островковъ, разбросанныхъ букетомъ по Сенѣ, между Шанрозе и Сези, я боролся съ пріятелемъ, поскользнулся на влажной травѣ, упалъ и переломилъ себѣ ногу. Страсть моя къ гимнастическимъ упражненіямъ всякаго рода уже не разъ доводила меня до серьезныхъ ушибовъ и поврежденій, и этотъ случай, вѣроятно, былъ бы также позабытъ, какъ и другіе, если бы несчастіе не произошло въ знаменательный день — 14-го іюля 1870 года (объявленіе войны Пруссіи). Въ этотъ тяжелый день меня уложили на диванѣ въ бывшей мастерской Эжена Делакруа, въ маленькомъ домикѣ, на опушкѣ Сенарскаго лѣса. Съ вытянутою неподвижно ногою, я не слишкомъ страдалъ, при начинающейся лихорадкѣ, увеличивающейся отъ душной, грозовой атмосферы, обвивавшей всѣ окружавшіе меня предметы и лица какимъ-то волнующимся газомъ. Кто-то пѣлъ «Орфея», аккомпанируя на фортепіано. Въ широко открытое окно мастерской приносился запахъ жасминовъ и розъ, влетали, кружась, ночныя бабочки, по временамъ вспыхивала молнія, освѣщая садовую стѣну, виноградникъ, сползавшій къ рѣкѣ, холмы противоположнаго берега. Вдругъ, въ тишинѣ раздался звонокъ почталіона; принесли вечернія газеты. «Объявлена война!» вскричали взволнованные, раздраженные или восторженные голоса. Съ этой минуты у меня осталось только лихорадочное воспоминаніе объ ужасномъ шестинедѣльномъ положеніи. Шесть недѣль неподвижнаго лежанья въ постели, лубковъ, желобовъ, гипсовыхъ аппаратовъ, въ которые нога моя, казалось, забинтовывалась вмѣстѣ съ тысячью насѣкомыхъ, кусавшихъ ее. Въ это тяжелое, исключительно жаркое лѣто, полное грозъ, эта неподвижность, полная волненія, была ужасна и увеличивалась безпокойствомъ, порождаемымъ народными бѣдствіями, сообщаемыми газетами, которыя я разбрасывалъ по моей постели въ часы безсон-

ницы и невольнаго бездѣйствія. По ночамъ гулъ отдаленныхъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ тревожилъ меня, какъ маршъ безконечныхъ баталіоновъ. Днемъ—печальныя, безпокойныя лица, отрывки разговоровъ, долетавшихъ въ открытыя окна: «Пруссаки въ Шалонѣ!» И все уѣзжало, покидало мирный край, поднимая придорожную пыль, отзывалось страшнымъ эхомъ на извѣстія съ театра войны. Скоро въ Шанрозе не осталось никого, кромѣ насъ, парижанъ, да крестьянъ, не хотѣвшихъ покинуть свою землю, не вѣрившихъ въ возможность непріятельскаго вторженія».

Мы привели этотъ отрывокъ изъ личныхъ воспоминаній Доде, какъ образчикъ его слога, любопытный по отношенію къ описываемой имъ эпохѣ. Но нельзя не сказать, что писатель злоупотребляетъ подобными субъективными подробностями, часто очень мало интересными для читателя. Такъ, въ предисловіи къ очень недурному разсказу этой же эпохи «Le petit chose», дважды переведенному порусски, подъ названіемъ «Карапузикъ» и «Маленькій человѣкъ», въ которомъ Доде передаетъ исторію одного мальчика, на основаніи воспоминаній своего дѣтства, онъ подробно сообщаетъ, какъ писалъ этотъ разсказъ на дачѣ между Нимомъ и Бокеромъ «при самыхъ капризныхъ и безпорядочныхъ условіяхъ, безъ плана и замѣтокъ, на длинныхъ листахъ оберточной бумаги, желтыхъ, негладкихъ, на которыхъ перо поминутно цѣплялось и которые онъ, исписавъ, бросалъ взбѣшенный на землю». Все это, начиная съ невозможной бумаги и безцѣльнаго бросанія ея на землю — явно дѣланное, изысканное, хотя пустое желаніе порисоваться, добавляемое еще подробностями о томъ, какъ онъ пріѣхалъ на эту дачу, чтобы написать развязку драмы, а написалъ повѣсть. Къ чему всѣ эти ненужныя откровенности, для кого онѣ могутъ быть занимательны, если даже все въ нихъ правда? Для русскаго писателя, который, при всѣхъ его недостаткахъ, всетаки, очень скроменъ и не любитъ кричать о себѣ на всѣхъ перекресткахъ, говорить о своей частной жизни,— самолюбивыя выходки французовъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ карабкающихся на пьедесталъ извѣстности, если даже пріятели и не пособляютъ взобраться на него, — кажутся даже неприличными.

Настоящая серьезная извѣстность Доде началась послѣ войны, въ концѣ которой онъ успѣлъ, однако, принять участіе, вступивъ въ декабрѣ 1870 года въ національную гвардію, съ которою, во время сраженія при Шампиньи, занималъ постъ у Венсена, не подвергнувшійся, однако, нападенію. Въ 1871 году явились его «Письма къ отсутствующему», въ которыхъ онъ съ патріотическимъ жаромъ описывалъ бѣдствія, нанесенныя войною. Съ тѣхъ поръ произведенія его стали являться также часто, какъ и въ шестидесятыхъ годахъ, но были гораздо зрѣлѣе, такъ какъ и самъ авторъ перешелъ уже за 30 лѣтъ. Въ 1872 году вышли «Чудесныя похожденія Тар-

тарена изъ Тараскона», остроумный, веселый фарсъ, въ которомъ авторъ, такой же тарасконецъ, какъ и его герой, не стѣсняется въ выдумкахъ невозможныхъ приключеній. Слогъ разсказа отличается беспорядочными буфонадами и неологизмами, которые Доде любитъ вводить въ свои произведенія. Въ томъ же году представлены двѣ его драмы: «Арлезіанка» въ трехъ дѣйствіяхъ и «Лиза Тавернье» въ пяти; онѣ имѣли незначительный успѣхъ, какъ и всѣ вообще его драматическія произведенія. За то успѣхъ встрѣтилъ его хорошенькій разсказъ «Робинзонъ въ погребахъ, или осада Парижа, разсказанная восмилѣтнею дѣвочкою». Въ слѣдующемъ году явились его «Понедѣльничныя сказки» и «Сказки и разсказы» съ иллюстраціями; въ 1874 году — «Робертъ Гельмонтъ», «Жены артистовъ» и, наконецъ, «Фромонъ младшій и Рислеръ старшій», романъ, доставившій автору самую громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность. Сильное впечатлѣніе производитъ эта простая исторія торговаго дома, въ которомъ жена одного пайщика, сдѣлавшись любовницей другаго, губитъ своимъ мотовствомъ и безпорядочною жизнью и благосостояніе, и честь дома, заставляя своего сообщника дѣлать подлоги. На русскомъ языкѣ романъ этотъ явился въ двухъ переводахъ подъ названіями «Исторія одного товарищества» (1875 г.) и «Молодой Фромонъ и Рислеръ старшій» (1876 г.). Передѣланная въ комедію, исторія эта имѣла успѣхъ и на нашей французской сценѣ. Появившійся въ 1876 г. романъ «Жакъ» (на русскомъ языкѣ—въ 1877 г., въ переводѣ А. Н. Плещеева), еще глубже по психологическому анализу страданій отверженнаго всѣми бѣдняка, не имѣлъ такого блестящаго успѣха, какъ «Фромонъ и Рислеръ», такъ какъ именно эта глубина анализа мало интересовала большинство и въ романѣ, и на сценѣ, гдѣ также появилась передѣлка романа. Въ слѣдующемъ году явился «Набобъ», мастерская картина парижскихъ нравовъ, въ которой художественно изображено много всѣмъ извѣстныхъ лицъ (на русскомъ языкѣ въ 1877 году). Еще больше до сихъ поръ живущихъ лицъ выведено въ романѣ «Короли въ изгнаніи» (на русскомъ подъ названіемъ «Королева Фредерика», переводъ А. Трубниковой, 1880). На автора посыпались упреки въ томъ, что онъ рисуетъ не типы, а портреты. Герцогъ Мора—это Морни, Набобъ—Франсуа Браве, Фелиція Рюисъ—Сара Бернаръ, Констанція Кремницъ—Тальони, Королева Иллиріи—неаполитанская королева, принцъ Аксель—принцъ Оранскій, докторъ Дженкинсъ—Томъ Левисъ; журналистъ Мора, докторъ Бушеро—все это живые люди. Доде и не отрицаетъ этого и въ своихъ предисловіяхъ сознается, что изображаетъ тѣхъ, кого видитъ и знаетъ. Такъ, исторіи вымышленныхъ страданій Жака онъ предпосылаетъ дѣйствительную исторію бѣдняка, послужившую основою его романа. Французская реалистская школа, или экспериментальная, какъ она себя называетъ, въ главѣ кото-

рой стоитъ Зола, неохотно причисляетъ Альфонса Доде къ своимъ корифеямъ и не считаетъ возможнымъ создавать лица и характеры своихъ произведеній, а беретъ ихъ прямо съ натуры, не измѣняя ихъ свойства и поступковъ, а только примѣняя ихъ къ ходу дѣйствія въ романѣ. А между тѣмъ Доде—представитель настоящаго, не преувеличеннаго, не доходящаго до крайностей реализма, задача котораго состоитъ въ возможно близкомъ и точномъ, но, всетаки, художественномъ, а не фотографическомъ воспроизведеніи всего, что является въ природѣ и въ жизни. Фотографія-«протоколъ» принадлежитъ школѣ Зола и его послѣдователей, которую было бы правильнѣе назвать—натуралистскою.

«Изгнанные короли» явились на сценѣ только въ 1884 году, но особеннаго успѣха не имѣли. Въ 1882 году и въ 1883 вышли еще два романа Доде, тотчасъ же явившіеся и на русскомъ языкѣ въ нѣсколькихъ переводахъ—«Нума Руместанъ» и «Евангелистка». Первый принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній даровитаго писателя. Характеръ умнаго министра, блестящаго оратора, но безъ всякихъ убѣжденій, гоняющагося за популярностью, за фразою, обѣщающаго всевозможныя улучшенія по своему вѣдомству и ничего не исполняющаго, любящаго свою жену, но обманывающаго ее, то съ знатною дамою, то съ актрисою, не увлекаясь ни тою, ни другою,—типъ этотъ вполнѣ жизненный, естественный, изображенъ въ высшей степени художественно, также какъ всѣ другія лица романа: жена министра, превосходно очерченный характеръ, ея чахоточная сестра, увлекающаяся сыномъ природы, южнымъ красавцемъ, виртуозомъ-самоучкой, но глупымъ и не образованнымъ; семья его жадная и грубая, министерскіе и чиновничьи продѣлки — все это правдиво, жизненно, интересно, вполнѣ рисуетъ современную Францію. «Евангелистка» — психологическій этюдъ, рисующій терзанія женской души, которую насилуютъ фанатики безпощадныхъ религіозныхъ убѣжденій, суроваго пуританизма. Эта картина нравственныхъ страданій изображена художникомъ-писателемъ съ глубокимъ знаніемъ женскаго сердца, но въ ней нѣтъ внѣшнихъ блестящихъ эффектовъ и она не производитъ того впечатлѣнія, какъ лучшіе романы Доде «Фромонъ и Рислеръ», «Короли въ изгнаніи», «Нума Руместанъ».

Съ 1874 года Альфонсъ Доде пишетъ литературную хронику въ «Оффиціальномъ журналѣ республики». На этомъ мѣстѣ онъ остается вѣренъ своимъ либеральнымъ убѣжденіямъ и не измѣняетъ имъ въ теченіе своего поприща, не слѣдуя, въ этомъ случаѣ, примѣру своего брата, весьма зауряднаго писателя, бывшаго и ярымъ республиканцемъ, и отъявленнымъ бонапартистомъ и превратившагося теперь въ непримиримаго монархиста. Эрнестъ Доде, съ которымъ у насъ, къ сожалѣнію, иные смѣшиваютъ Альфонса до того, что въ лучшихъ книжныхъ каталогахъ сочиненія одного брата припи-

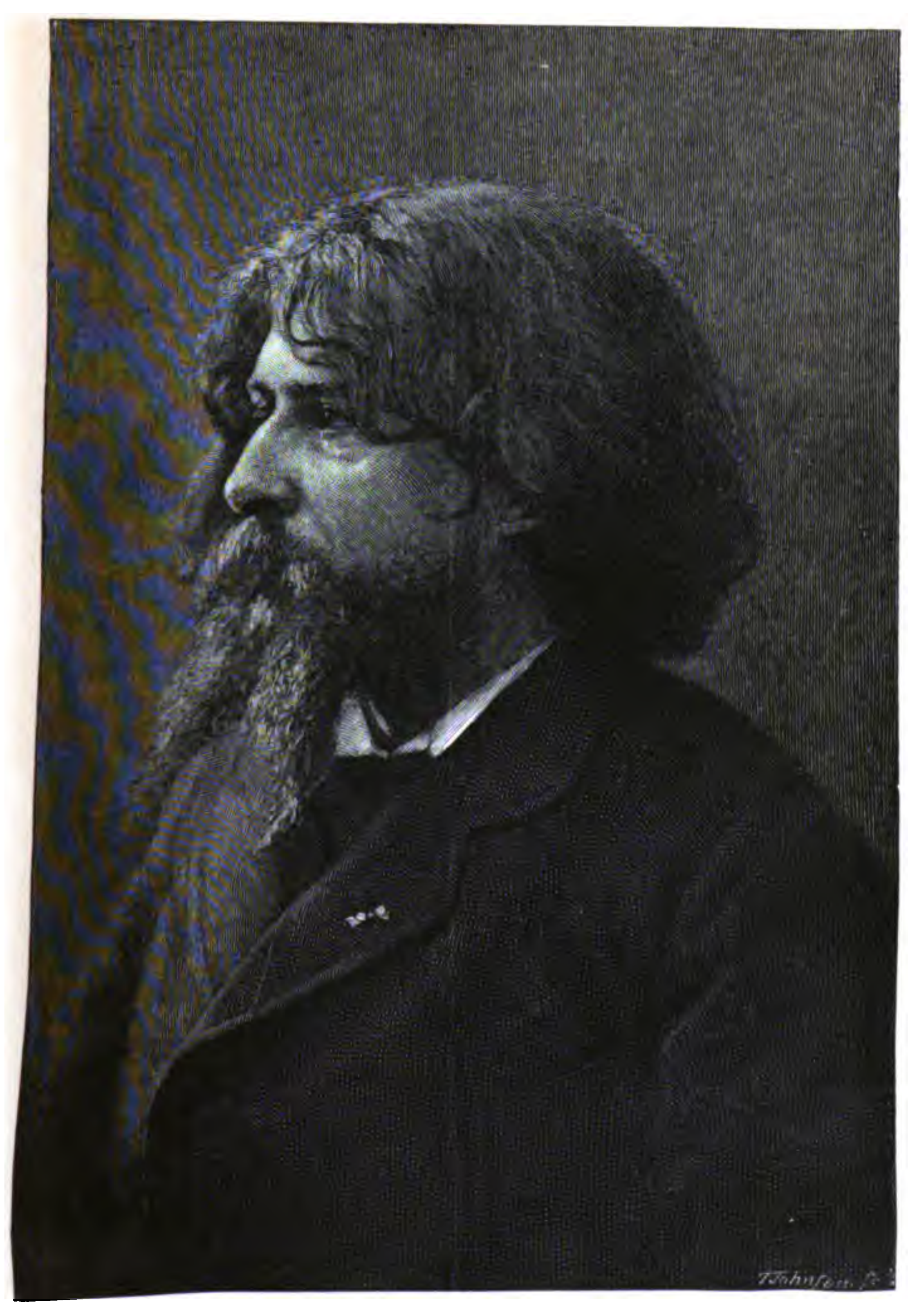
сываются другому,—типъ писателя малодаровитаго, перевертня и карьериста, не заслуживающаго ни уваженія, ни вниманія, тогда какъ Альфонсомъ Доде, не смотря на нѣкоторыя слабыя стороны его таланта, можетъ гордиться французская и всемірная литература. Ему посвящаютъ лучшіе критики нашего времени не только страницы, но цѣлые томы своихъ изслѣдованій. Въ 1883 году вышло въ Берлинѣ обширное сочиненіе Герстмана: «Альфонсъ Доде, его жизнь и литературная дѣятельность». «Никто не изучилъ такъ хорошо новое человѣчество, какъ Доде, говоритъ нѣмецкій критикъ,— никто не обработалъ такъ художественно исторіи своего времени». Съ этимъ можно согласиться, конечно, по отношенію къ Франціи; за изображеніе типовъ другихъ національностей писатель и не берется.

Послѣдній романъ Доде «Сафо» произвелъ сильное впечатлѣніе. Это въ высшей степени вѣрная природѣ, полная потрясающаго реализма исторія безхарактернаго молодаго человѣка, не имѣющаго силы разорвать свою связь съ гетерой, правда, красивой, но которая чуть не вдвое старше его, необразована, лѣнива, прошла черезъ руки множества обожателей. Нравственныя страданія героя, теряющаго въ этой постыдной связи всѣ лучшія стороны характера, все свое достоинство, изображены съ глубокимъ знаніемъ сердца и человѣческой натуры. Романъ представляетъ совершенно реальную картину и въ то же время тонкій психологическій анализъ грубой страсти, въ которой есть и сила привычки, и безсиліе воли, и упрямство, и чисто животненныя побужденія—все, кромѣ любви, во имя которой совершаются всѣ эти грязные поступки. Тартюфы нравственности возстали на автора за рѣзкій реализмъ нѣкоторыхъ сценъ романа. Но въ этихъ сценахъ виденъ, всетаки, реализмъ художественный, а не отталкивающій натурализмъ, или «нанаизмъ» школы Зола. Доде никогда не переходитъ въ самыхъ рискованныхъ сценахъ ту трудно уловимую черту, на которой останавливается эстетическое чутье и черезъ которую смѣло шагаетъ грубый золаизмъ. Эту разницу между натурализмомъ и реализмомъ нельзя объяснить безъ подробныхъ цитатъ и анализа произведеній той и другой школы, что̀ возможно только въ спеціальныхъ, критическихъ этюдахъ. Но читатели, знакомые съ этими произведеніями, легко поймутъ, почему мы выдѣляемъ Доде изъ натуралистской школы и ставимъ его, какъ представителя французскаго реализма, выше Зола̀ и другихъ современныхъ писателей, изображающихъ современные французскіе нравы. Доде прямой наслѣдникъ Флобера, но у него самого нѣтъ еще преемниковъ во французской литературѣ. Ближе всѣхъ къ Доде стоитъ Жоржъ Оне, въ послѣднемъ своемъ романѣ «Лиза Флеронъ» обрисовавшій театральный міръ съ такимъ же искусствомъ, съ тѣми же портретами живыхъ, извѣстныхъ лицъ, какъ Доде представилъ міръ артистическій въ своей «Сафо»—этой яркой и поучительной картинѣ реализма нашего вѣка.

II.

Антони Троллопъ.

Въ декабрѣ 1882 года, Англія схоронила послѣдняго члена небольшаго кружка высоко даровитыхъ писателей, придавшихъ въ теченіе полустолѣтія особый блескъ англійскому роману. Антони Троллопъ не стоялъ, конечно, на одной высотѣ съ Диккенсомъ, Теккереемъ, Джорджемъ Эллiотъ. Талантъ его мельче, но писатель представилъ такую же вѣрную, реальную картину главныхъ сторонъ англійской жизни, какую рисовали его знаменитые товарищи. Ему вредила только излишняя плодовитость. Писаніе повѣстей у него являлось своего рода механическимъ процессомъ. Диккенсъ и Теккерей писали также немало, но у нихъ эта плодовитость являлась періодически, тогда какъ у Троллопа она была хроническою: количеству онъ жертвовалъ качествомъ. Всѣ великіе романисты писали много; но Троллопъ оставилъ гораздо большее число произведеній, чѣмъ кто либо изъ его современниковъ. И при этомъ многіе романы отличаются чрезмѣрною длиннотою, какъ «Орлейская ферма», «Можно ли простить ей», «Онъ зналъ, что онъ правъ», въ особенности: «Путь, по которому мы идемъ». И наряду съ этими обширными произведеніями, онъ издавалъ небольшія повѣсти, очерки путешествій, біографіи. Это былъ настоящій литературный импровизаторъ, оставившій больше томовъ, чѣмъ мистриссъ Олифантъ и Жоржъ Зандъ. У него было положено писать всякій день извѣстное число страницъ и, гдѣ бы онъ ни былъ, въ какомъ бы положеніи ни находился, онъ неукоснительно исполнялъ принятую на себя обязанность. Біографъ его Генри Джемсъ, помѣстившій въ журналѣ «The Century» лучшую оцѣнку писателя (мы слѣдуемъ въ нашемъ очеркѣ главнымъ положеніямъ этой статьи), разсказываетъ, что когда онъ былъ спутникомъ Троллопа во время переѣзда его по Атлантическому океану, то романистъ, не смотря на то, что погода большею частью была дурная и пароходъ сильно качало противнымъ вѣтромъ, всякій день удалялся въ свою каюту, гдѣ ему были устроены особенныя приспособленія, чтобы написать положенное число строкъ. Троллопа упрекали въ недостаткѣ воображенія, но врядъ ли можно обойдтись безъ этого дара, описывая подъ свистъ бури и при корабельной качкѣ нѣжныя чувства Лили Дель или семейныя затрудненія леди Гленкоры Паллизеръ. Только воображеніе у Троллопа являлось, когда это ему было угодно, и онъ злоупотреблялъ имъ, какъ и другими своими способностями. Онъ не относился достаточно серьезно къ самому себѣ, но своими лучшими разсказами, которыми очень дорожилъ, и своимъ строгимъ, здравымъ смысломъ, своею добросердеч-



АЛЬФОНСЪ ДОДЕ.

Съ фотографіи Надара гравировалъ Т. Жонстонъ, въ Нью-Іоркѣ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 5 МАРТА 1884 Г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

АНТОНИ ТРОЛОППЪ.

Съ фотографіи Сарони гравировалъ Бирчь, въ Нью-Іоркѣ.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ., 5 МАРТА 1884 Г. ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА.

ною натурою, великодушнымъ отношеніемъ къ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ, отвѣчаетъ вполнѣ англійскому идеалу реалиста. Согласно съ этимъ идеаломъ, художнику нѣтъ необходимости имѣть систему, доктрину, извѣстную форму. Троллопъ самъ говоритъ, что онъ какъ можно меньше держится принятой формы, что у него нѣтъ никакихъ принциповъ относительно повѣстей. Въ этомъ смыслѣ практика, исполненіе—для него все; теоріями онъ никогда не задавался. Его честное, фимильярное, хотя и строго обдуманное отношеніе къ читателямъ, не любящимъ ни слишкомъ широкихъ взглядовъ, ни слишкомъ глубокихъ научныхъ разсужденій, предпочитающимъ въ романахъ счастливое окончаніе, — дѣлало его любимцемъ читающей публики въ Англіи и Америкѣ. Въ его повѣстяхъ не рисковали встрѣтиться съ новыми, необыкновенными ощущеніями; ихъ можно было читать спокойно и увѣренно, не опасаясь экспериментальныхъ и натуралистическихъ эксцентричностей.

Его великая, неоцѣненная заслуга состоитъ въ совершенномъ пониманіи дѣйствительности, въ ея вполнѣ реальномъ изображеніи. Эта способность, впрочемъ, нерѣдкость между англійскими писателями и составляетъ въ особенности свойство артистической, женской натуры. Женщины тонкія и терпѣливыя наблюдательницы. Онѣ хорошо понимаютъ и чувствуютъ реальное. Троллопъ, съ его знаніемъ семейной, дѣйствительной жизни, былъ, однако, далекъ отъ того, чтобы создать особый родъ въ литературѣ. Онъ никогда не выступалъ изъ опредѣленнаго круга англійскихъ обычаевъ, никогда не стремился измѣнять ихъ, довольствовался тѣмъ, что вѣрно изображалъ ихъ. Это не мѣшало публикѣ читать его произведенія, чтобы видѣть, такою ли она изображена, какова въ дѣйствительности. Она не требовала, чтобы живописецъ придавалъ ей изъисканную позу, эффектно драпировалъ ее, искусно распредѣлялъ свѣтъ и аксессуары. Точную, почти всегда пріятную картину, безъ рѣзкихъ тѣней, безъ «кричащаго тона», Троллопъ представляетъ читателямъ. Критика не находила въ ней ни преувеличеній, ни ложнаго освѣщенія. Онъ никогда не изображалъ вещей въ прикрашенномъ или каррикатурномъ видѣ, что̀ зачастую случалось съ Диккенсомъ. Въ немъ не было наклонности къ сатирѣ, какъ у Теккерея; ничего философскаго и трансцендентальнаго, какъ у Джорджа Элліота. Встрѣчаются у Троллопа и сатирическіе, и ироническіе, и фантастическіе образы, но всѣ они смягчены здравымъ смысломъ, прямымъ пониманіемъ вещей. Онъ относится снисходительно къ человѣческимъ затрудненіямъ, безъ всякой насмѣшки или порицанія. Въ послѣднихъ романахъ онъ, однако, касается съ оттѣнкомъ горечи тяжелыхъ положеній въ жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ видно отвращеніе его отъ болѣзненнаго анализа, отъ карательныхъ приговоровъ. Вездѣ и во всемъ въ немъ преобладаетъ порядочность. Онъ находитъ, что достаточно сказать: такія-то сред-

ства нечисты, и не считаетъ обязанностью автора очищать ихъ. Онъ никогда не играетъ довѣрчивостью или мнѣніями читателя, не мистифируетъ его, не ослѣпляетъ парадоксами, а развиваетъ свою тему серьезно и спокойно. Причина его успѣха заключается въ вѣрномъ изображеніи того, что его окружаетъ, безъ увлеченій юмора или воображенія, безъ анализа контрастовъ и измѣненій характера, чѣмъ такъ славится Джорджъ Эллiотъ. Но Троллопъ особенно неподражаемъ въ обрисовкѣ типовъ, пріобрѣтенной знаніемъ человѣческой натуры и жизни; онъ не изслѣдуетъ ихъ только съ научной точки зрѣнія, какъ Бальзакъ и его послѣдователи, не беретъ на себя обязанности объяснять, почему такое-то лицо въ извѣстныхъ обстоятельствахъ поступило такъ, а не иначе. Если онъ и является въ оцѣнкѣ подобныхъ случаевъ психологомъ, это происходитъ непреднамѣренно, а въ силу логическаго теченія мыслей. Онъ предпочитаетъ разсказы съ изображеніемъ характеровъ разсказамъ, основаннымъ на интригѣ, потому что характеръ проявляется въ дѣйствіи, а дѣйствіе составляетъ интригу.

Романы его, не смотря на ихъ длинноту, не заключаютъ въ себѣ ничего необыкновеннаго, неожиданнаго, запутаннаго. Содержаніе ихъ несложно. Это картина, а не изслѣдованіе и не подробное, протокольное описаніе, въ смыслѣ французскихъ натуралистовъ. Авторъ пишетъ сцены твердыми, но короткими и не особенно живописными чертами и, оканчивая разсказъ, нисколько не думаетъ о томъ, чтобы поразить читателя, привести его въ недоумѣніе. Конецъ приходитъ самъ собой, постепенно, вслѣдствіе скопленія незначительныхъ, рѣдко тяжелыхъ обстоятельствъ, но всегда естественныхъ. Замѣчательно, съ какими несложными данными Троллопъ производитъ сильное впечатлѣніе. Возьмемъ для примѣра его повѣсть: «Больгемптонскій священникъ». Трудно представить себѣ что нибудь проще этой исторіи. Главныя лица ея — живой, веселый, остроумный сельскій священникъ, молодая женщина, которую любитъ ея кузенъ, и маленькій, нѣсколько угрюмый эсквайръ, любящій молодую женщину. Между этими лицами и священникомъ нѣтъ ничего общаго; они только считаются его друзьями. Священникъ изъ христіанскаго милосердія беретъ подъ свою защиту молодаго землевладѣльца, подозрѣваемаго, какъ оказывается, ошибочно въ убійствѣ, и его сестру, ведущую, по слухамъ, не весьма примѣрную жизнь. Многіе недовольны этимъ, но оказывается, что можно быть и добрымъ малымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошимъ священникомъ. Гарри Джильморъ проситъ руки героини разсказа, Мери Лоутеръ, и она принимаетъ его предложеніе, давая ему понять, что любитъ не его, а своего родственника, капитана Маррабля, который не можетъ жениться на ней, потому что очень бѣденъ. Джильморъ, всетаки, соглашается жениться на Мери, но Маррабль получаетъ наслѣдство, она выходитъ за капитана, а Джильморъ удаляется съ растерзаннымъ

сердцемъ. Вотъ главное содержаніе «Вольгемптонскаго священника», нисколько не запутанное, но оно, всетаки, интересуетъ, а портреты дѣйствующихъ лицъ — просто живые. Между ними особенно выдается фигура стараго скептика, фермера Джакоба Братля.

Троллопъ нѣсколько разъ описываетъ страданія любви, но всегда смотритъ на нее съ практической точки, даже и тогда, когда изображаетъ даму, у которой два обожателя, или молодаго человѣка, любящаго въ одно время двухъ дамъ. Изъ этого двусмысленнаго положенія возникаютъ у него то патетическія, то комическія перипетіи. Онъ не колористъ и не поэтъ, но впадаетъ иногда въ лиризмъ, изображая поэтическія чувства, какъ въ исторіи Гарри Джильмора. Онъ началъ писать романы уже немолодымъ человѣкомъ, — первыя произведенія его явились въ 1847 году, когда ему было 32 года, но первый успѣхъ встрѣтилъ его въ 1855 году, когда вышелъ его «Смотритель». Съ 1857 года, съ появленіемъ «Барчестерской башни», успѣхъ этотъ окончательно упрочился и сопровождалъ почти всѣ его романы. Онъ былъ въ особенности знатокомъ жизни и нравовъ англійскаго духовенства, не разъ выводя его въ своихъ произведеніяхъ, какъ въ названномъ выше романѣ, или въ «Трехъ клирикахъ». Въ «Смотрителѣ» разсказана исторія мистера Гардинга, регента барчестерскаго собора и, вмѣстѣ съ тѣмъ, смотрителя гирамскаго госпиталя, гдѣ общественная благотворительность содержитъ двѣнадцать бѣдняковъ. На это мѣсто Гардинга опредѣлилъ епископъ, такъ какъ жалованье въ соборѣ было самое незначительное. Гардингъ нѣсколько лѣтъ спокойно пользуется содержаніемъ отъ госпиталя, но вдругъ до него доходятъ слухи, что мѣсто смотрителя называютъ синекурой, а полученіе имъ жалованья—скандаломъ, такъ какъ оно должно было идти на бѣдныхъ госпиталя. Это тревожитъ и огорчаетъ Гардинга, а когда объ немъ заговорили лондонскія газеты, бѣдный смотритель не знаетъ, что̀ ему дѣлать отъ стыда и смущенія. Газеты, вѣрно, правы, говоря, что смотритель не долженъ получать содержанія. Ему остается только подать въ отставку. У него нѣтъ никакихъ средствъ къ жизни, а, между тѣмъ, есть еще страсть къ церковному пѣнію и къ игрѣ на віолончели. Но онъ, всетаки, рѣшается оставить мѣсто, не смотря на сопротивленіе своихъ друзей. Онъ переселяется изъ госпиталя въ скромную лачужку, но за то съ спокойной совѣстью, убѣжденный въ томъ, что поступилъ, какъ слѣдуетъ. Это и вся исторія «Смотрителя», простая по внѣшности, но полная глубокаго, внутренняго драматизма. Характеръ Гардинга пріобрѣтаетъ еще болѣе рельефности отъ контраста выведеннаго тутъ же архидіакона Грантлея, считающаго церковь прекрасною дойною коровою, дающею ему возможность жить въ свое удовольствіе. Типъ этотъ самъ по себѣ отвратителенъ, но Троллопъ смягчилъ его до того, что архидіаконъ, какъ человѣкъ, внушаетъ даже интересъ.

Критика замѣтила, что это портретъ одного изъ главныхъ церковныхъ іерарховъ того времени. Во всякомъ случаѣ, онъ удался Троллопу, хотя ему не удавались сатирическія изображенія живыхъ лицъ. Такъ, Карлейль, выведенный имъ подъ именемъ Анти-Канта, и Диккенсъ, подъ именемъ Сентимента, скорѣе каррикатуры, нисколько не похожія на дѣйствительныхъ лицъ. «Маленькій домикъ въ Оллингтонѣ», «Послѣдняя Барсетская хроника», «Орлейская ферма», «Замокъ Ричмондъ», «Клеверинги», «Финеасъ Финнъ» принадлежатъ къ числу лучшихъ романовъ, также какъ послѣднія произведенія семидесятыхъ годовъ: «Наслѣдникъ Ральфъ», «Гарри Гиткотъ изъ Гангойля», «Леди Анна», «Первый министръ», «Американскій сенаторъ». Американскіе типы Троллопъ изображалъ не хуже, чѣмъ англійскіе. Онъ особенно тщательно изучалъ сѣверо-американскихъ женщинъ, но между его женскими типами вообще не встрѣчаются женщины потерянныя, изъ разряда тѣхъ, кого французы называютъ declassées, а Тролоппъ castaway. Онъ даже счелъ нужнымъ, вводя такую женщину въ романъ «Больгемптонскій священникъ», оправдать себя въ предисловіи. Вообще, реализмъ Троллопа — чисто англійскій реализмъ, нисколько не напоминающій Флобера и Доде, и женскіе характеры его отличаются высокими нравственными качествами; поэтому, можетъ быть, они и довольно однообразны, хотя и между ними встрѣчаются превосходные типы, какъ Берти Стангопъ, Элеонора Больдъ, мистриссъ Проуди, миссъ Донстебль, леди Джулія Гвестъ, миссъ Макензи. Онъ рисуетъ, впрочемъ, и непріятные, отталкивающіе типы, въ родѣ леди Александрины де-Курси, Амеліи Роперъ, Гризельды Грантлей, Алисы Вавасоръ. Долгій, медленный ходъ разрушенія семейнаго счастія Луи Тревельяна и его жены въ романѣ «Онъ зналъ, что онъ правъ» переданъ съ поразительною вѣрностью и возростающимъ интересомъ, напоминающимъ Бальзака. Въ этой тяжелой картинѣ нѣтъ и слѣда условнаго оптимизма. Троллопъ искусно изображалъ всѣ слои англійскаго общества: аристократію, духовенство, буржуазію, администрацію, даже политическій кружокъ, хотя разсказы объ этомъ кружкѣ довольно скучны. Онъ писалъ для настоящаго дня, а не для потомства, но оно найдетъ въ немъ вѣрную картину нашего времени, на сколько оно отражается въ жизни англо-саксскаго племени. Онъ преимущественно живописецъ домашней жизни этого племени, гдѣ «все хорошо, что хорошо кончится». Поэтому-то въ романахъ его преобладаетъ счастливое окончаніе, столько же необходимое, по его мнѣнію, какъ сладкое блюдо въ концѣ обѣда.

Почти всѣ лучшіе романы Троллопа переведены на русскій языкъ въ разныхъ журналахъ и сборникахъ. Отдѣльно вышли: «Оллингтонскій малый домъ», «Финеасъ Финнъ», «Лондонскія тайны», «Леди Анна», «Генрихъ Гиткотъ», «Какъ мы теперь живемъ», «Брил-

ліанты Юстесовъ», «Серъ Герри Готспуръ», «Наслѣдникъ Ральфъ», «Первый министръ».

Портретъ Троллопа, приложенный къ нашей статьѣ, взятъ также изъ иллюстрированнаго, ежемѣсячнаго изданія «The Century», самаго распространеннаго въ Англіи между изданіями этого рода.

З. Т. В.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ ДИРЕКТОРІИ.

Значеніе Директоріи. — Сочиненія объ этой эпохѣ. — Франція послѣ 9-го термидора. — Возрожденіе новой жизни. — Опасеніе за будущее. — Балы жертвъ. — Открытіе общественныхъ и образовательныхъ учрежденій. — Революціонный трибуналъ и якобинцы. — Выпущенные изъ тюремъ. — Закрытіе клуба якобинцевъ. — Гошъ въ Вандеѣ. — Ассигнаціи. — Поставщики и скупщики. — Мюскадены. — Возвращеніе эмигрантовъ. — Товарищи Іисуса. — Роялисты. — Дни жерминаля и преріаля. — Смерть шестерыхъ членовъ конвента.. — Конституція III года. — 13-е вандемьера. — Роспущеніе конвента. — Новая форма правленія. — Обязанность и обстановка директоровъ. — Журналистика. — Сатирическія и политическія газеты. — Дамскіе костюмы. — Игры въ обществахъ и на улицахъ. — Развитіе музыки. — Патріотическіе гимны. — Обиліе концертовъ. — Гара и Эллевіу. — Французская опера.—Мегюль, Керубини и Лесюеръ. — Музыка Гретри и его послѣдователей. — Внѣшніе успѣхи страны. — Гренобльскія казни.— Конецъ 1796 года.

ЕНѢЕ другихъ эпохъ въ исторіи французской революціи изслѣдована Директорія, составляющая переходъ отъ конвента къ консульству. Эти четыре года, отъ 4-го брюмера IV года (26-го октября 1795 г.) до 18-го брюмера VIII года (9-го ноября 1799 г.), принадлежатъ ко времени, нисколько не менѣе бурному и любопытному, нежели начало революціоннаго движенія, но его оставляютъ въ тѣни ужасы терроризма и внѣшній блескъ консульства. А между тѣмъ, возрожденіе страны началось, всетаки, въ эпоху Директоріи, и хотя она не оставила послѣ себя ничего прочнаго ни въ нравахъ, ни въ учрежденіяхъ, ни въ жизни общества,—эти нравы, эта жизнь, съ ея культурной стороны, были такъ интересны и такъ непохожи на предшествовавшую Директоріи и послѣдовавшую за ней эпоху, что на ней поневолѣ оста-

навливается мыслитель и историкъ. Изъ отдѣльныхъ сочиненій о Директоріи, до послѣдняго времени, лучшее принадлежало Баранту. Это довольно полная и безпристрастная, хотя и написанная съ монархической точки зрѣнія, исторія внѣшнихъ событій эпохи въ связи съ внутренними потрясеніями. Эдмондъ и Жюль Гонкуръ описали «Французское общество во время Директоріи». Но послѣ этого сочиненія, изданнаго въ 1855 году, явилось много новыхъ фактовъ, разсѣянныхъ въ нѣсколькихъ книжкахъ, преимущественно анекдотическаго и интимнаго содержанія, какъ «Le Directoire» Роже де-Парно (1880). Мастерская картина внутренней и внѣшней жизни Директоріи набросана въ послѣднемъ сочиненіи Мишле «Исторія XIX вѣка», доведенномъ только до 1815 года. Наконецъ, въ прошломъ году вышло роскошное иллюстрированное изданіе Поля Лакруа «Директорія, консульство и имперія; нравы и обычаи, литература, наука и искусство». Заимствуя изъ этой книги, написанной съ археологической точки зрѣнія, нѣсколько рисунковъ, мы попытаемся представить культурную исторію Директоріи, на основаніи названныхъ выше сочиненій и современныхъ записокъ. Главнымъ предметомъ статьи нашей будутъ не историческія событія этой эпохи, а жизнь тогдашняго общества съ его нравами, занятіями, стремленіями, развлеченіями,—характеристикою ея выдающихся дѣятелей на всѣхъ поприщахъ: политическомъ, гражданскомъ, литературномъ, художественномъ. Въ очеркъ нашъ войдутъ только строго провѣренные исторіей факты, какъ бы они ни казались странны...

I.

Девятаго термидора II года (27-го іюля 1794 г.) Франція въ первый разъ вздохнула свободно послѣ пяти лѣтъ возмутительныхъ сценъ убійствъ, казней, кровавыхъ расправъ, бѣснованія и ужасовъ всякаго рода. Но съ паденіемъ Робеспьера и партіи «Горы» еще не оканчивалось господство терроризма. Якобинцы лишились своихъ корифеевъ, но не были побѣждены окончательно. Каждый могъ считать себя въ безопасности въ данную минуту, но не могъ поручиться за будущее. Торговая, общественная жизнь возвратилась послѣ термидора. Тотчасъ же открылись балы, рестораны, лавки. Во время террора приказывали продавать въ убытокъ, для поддержанія патріотизма, и, конечно, всякій старался ничего не продавать. Теперь появились и товары, и покупатели. Не было еще ни общества, ни салоновъ, но въ концѣ 1794 года заключено было множество браковъ. Знакомились на такъ называемыхъ «балахъ жертвъ» (bals des victimes), и названіе это не было пустой фразой: большин-

ство танцующихъ, если не были вдовами и сиротами, то у нихъ навѣрно кто нибудь изъ близкихъ погибъ на гильотинѣ, въ послѣднее время усердно рубившей головы простаго народа за неимѣніемъ дворянскихъ. Въ Парижѣ открылось вдругъ восемьсотъ общественныхъ баловъ. Танцовали вездѣ, гдѣ встрѣчалось нѣсколько болѣе обширное помѣщеніе, даже въ упраздненныхъ церквахъ, надъ склепами, гдѣ покоились тѣла предковъ. Мерсье, въ картинѣ Парижа той эпохи, замѣчаетъ, что на этихъ балахъ женщины большею частью танцовали въ молчаніи. Вездѣ открылись рестораны, замѣнившіе прежніе трактиры, и въ нихъ велись если не веселыя, то, по крайней мѣрѣ, непринужденныя бесѣды. Собесѣдники не опасались, что за какое нибудь неосторожное слово ихъ схватятъ, какъ «подозрительныхъ» лицъ. Постепенно открывались разнаго рода образовательныя заведенія: консерваторія искусствъ и ремеслъ, нормальная школа, политехническая (подъ названіемъ центральной школы общественныхъ работъ), музыкальная консерваторія, институтъ наукъ и искусствъ. Въ эти школы явились 1,200 молодыхъ учителей (въ нормальную) и 400 учениковъ въ политехническую. Для привлеченія учениковъ имъ выдавались значительныя стипендіи. Такъ, многочисленные студенты медицинской школы получали по 100 франковъ въ мѣсяцъ. И какія личности выработались изъ этихъ бѣдныхъ студентовъ: Биша, Біо, Кювье, Дюпюитренъ! Въ нормальной школѣ Лагранжъ, Лапласъ преподавали ариѳметику, Вольней, Бернарденъ-де-Сен-Пьеръ читали лекціи исторіи и литературы. Открылись публичныя конференціи, музеи, библіотеки, конкурсы. Такъ, на премію въ полмилліона по конкурсу живописи, жюри избрано не изъ однихъ живописцевъ, которыхъ Мишле называетъ почти всегда завистливыми, а изъ писателей, актеровъ, геометровъ, натуралистовъ, медиковъ и ремесленниковъ. Особенно важно для науки было расширеніе музея ботаническаго сада (Jardin des plantes), основаннаго Ламаркомъ, этимъ великимъ предшественникомъ Дарвина, и открытіе вновь при этомъ садѣ звѣринца, устроеннаго Добантономъ.

Все это возрожденіе къ жизни было, однако, непрочно, и надъ всѣми этими открытіями, учрежденіями, благими начинаніями, въ сознаніи общества, какъ Дамокловъ мечъ, висѣлъ одинъ грозный вопросъ: а что если якобинцы опять возьмутъ верхъ? Якобинцы— эти жрецы смерти, погубившіе съ сотнями виновныхъ тысячи ни въ чемъ неповинныхъ лицъ, были врагами всякаго возрожденія. Ихъ оставалось не болѣе 500—600 человѣкъ, но они парализировали весь Парижъ, какъ годъ тому назадъ — всю Францію. Революціонный трибуналъ былъ лишенъ власти; въ ноябрѣ были закрыты засѣданія общества якобинцевъ, но эти мѣры не успокоили общественнаго мнѣнія. Всѣ припоминали, что паденіе Робеспьера произошло не столько отъ энергіи его враговъ, сколько отъ без-

дѣйствія, апатіи его друзей. Когда раненаго главу якобинцевъ везли чуть не черезъ весь Парижъ, нѣсколько десятковъ смѣлыхъ террористовъ могли отбить его и освободить на каждомъ шагу. Но они также упали духомъ при взрывѣ общественной ненависти противъ виновника столькихъ казней, что не рѣшились сопротивляться. Кто же могъ поручиться, однако, за то, что они снова не соберутся съ силами? Изъ тюремъ вышли, правда, всѣ враги ихъ: Гошъ, Антонель, Сантеръ, Томасъ Пайнъ, Парни, Мерсье, Делиль, Бартелеми, Сенанкуръ, Флоріанъ, вся оставшаяся въ живыхъ интеллигенція Франціи. Но сколько съ тѣхъ поръ прибавилось и якобинцевъ въ клубѣ Бабёфа,

Чтеніе газетъ.

(Каррикатура 1794 года).

въ парижской коммунѣ, учрежденной 10-го термидора? Сколько еще оставалось въ конвентѣ тайныхъ робеспьеристовъ! Диктатора убили потому, что всякій хотѣлъ жить, а при Робеспьерѣ нельзя было ручаться за завтрашній день. Но конвентъ и не думалъ отказываться отъ робеспьеровской диктатуры. Тальенъ, погубившій Робеспьера для того, чтобы не погибнуть самому, даже ранилъ самого себя, чтобы увѣрить, что на него сдѣлали покушеніе якобинцы, и конвентъ, чтобы сохранить власть, долженъ былъ ихъ поддерживать. Правда, уступая общественному мнѣнію, конвентъ долженъ былъ гильотинировать Каррье, топившаго въ Нантѣ по ночамъ множество лицъ, которымъ не успѣвали рубить головы днемъ, и приславшаго на смерть въ Парижъ 132 человѣка, которыхъ даже Фукье-

Тенвиль не рѣшился казнить. Но во время преній о преданіи суду Каррье, якобинки, наполнивъ трибуны конвента, прерывали ораторовъ, грозили, кричали до того, что привели въ негодованіе конвентъ, и онъ вскорѣ послѣ этой сцены окончательно уничтожилъ клубъ якобинцевъ. 10-го ноября, въ этотъ клубъ вторглась толпа съ улицы; произошли тяжелые, возмутительные эпизоды: драки, оскорбленія женщинъ; власти бездѣйствовали. На другой день, когда члены клуба ждали рѣшенія конвента, повторились тѣ же сцены, но ихъ прекратило вмѣшательство военной силы. Клубъ обратился къ Парижу, съ жалобой противъ незаконнаго закрытія, просилъ помощи у рабочихъ, у Сент-Антуанскаго предмѣстья. И городъ, и рабочіе остались равнодушны. Старая церковь улицы Сент-Оноре, гдѣ собирались засѣданія клуба, была запечатана. Клубъ якобинцевъ пересталъ существовать, но якобинцы не были уничтожены; грозный призракъ недавняго прошлаго тревожилъ Парижъ, только что вышедшій изъ эпохи терроризма.

Въ началѣ 1795 года, роялизмъ еще нигдѣ не поднималъ головы во Франціи, кромѣ Вандеи, которую послали усмирять прямодушнаго Гоша. Но что же могъ сдѣлать честный республиканецъ противъ тайныхъ убійствъ (шуаны только вокругъ Нанта перерѣзали по одиночкѣ 1200 солдатъ и 600 патріотовъ) и противъ англійскаго золота а, въ особенности, противъ фальшивыхъ ассигнацій, приготовленныхъ въ Лондонѣ по заказу Питта голландскими граверами такъ искусно, что ихъ нельзя было отличить отъ настоящихъ. Такихъ ассигнацій было распространено во Франціи, черезъ Вандею и Бретань, разомъ на три миллъярда. Крестьянэ неохотно принимали эти ассигнаціи, чѣмъ еще болѣе содѣйствовали ихъ упадку. Поставщики и скупщики всякаго рода требовали уплаты звонкой монетой, а поставки въ это время были значительныя. На армію былъ принятъ подрядъ въ 1.200,000 башмаковъ; ихъ поставщикъ былъ химикъ Сегенъ, другъ Фуркруа, увѣрявшій, что по его способу дубленіе кожи производится въ нѣсколько дней. Обувь была мягкая, удобная, но скоро промокала и портилась. Въ Парижѣ французы, называвшіеся мюскаденами, бросили карманьолу и одѣлись въ сюртуки; стали появляться и длиннополые фраки. На гуляньяхъ, въ Тюльерійскомъ саду, мюскадены, распѣвая «Пробужденіе народа», схватывались съ якобинцами, колотили ихъ палками, а тѣ, въ свою очередь, сталкивали франтовъ въ бассейны Тюльери. Но при этихъ столкновеніяхъ дѣло оканчивалось потасовкой. Кровь не проливалась больше. Разбивали только бюсты Марата, бросая осколки въ сточныя трубы, и замѣняли бюстами Жан-Жака Руссо. Конвентъ съ каждымъ мѣсяцемъ терялъ и безъ того уже очень слабую популярность. Эмигранты возвращались массами, хотя законъ, осуждавшій ихъ на смерть, не былъ уничтоженъ. Злодѣйства террористовъ должны были возбудить реакцію и она сильнѣе всего

высказалась на югѣ Франціи, гдѣ страсти сильнѣе и кровь горячѣе. Въ Ліонѣ общество «товарищей Іисуса» безъ суда убивало не только якобинцевъ, но и мирныхъ республиканцевъ. Въ Парижѣ, куда стекались массы народа изъ провинцій, съ половины марта сталъ ощущаться недостатокъ въ подвозѣ хлѣба. Бѣдняки начали испытывать голодъ. 12-го жерминаля (1 апрѣля) громадная масса женщинъ и дѣтей ворвалась въ конвентъ, смявши часовыхъ съ криками: хлѣба! Просьбы и настоянія благоразумной части кон-

Продавщица газетъ въ 1795 году.

(Рисунокъ Дебюкура).

вента заставили толпу разойдтись, но члены его начали взаимно обвинять другъ друга. Вторженіе въ залу засѣданій повторилось и 20-го мая (1-го преріаля), но съ болѣе возмутительными эпизодами. Въ депутатовъ стрѣляли изъ толпы и, убивъ одного изъ нихъ, Ферро, отрубили ему голову, воткнули на пику и поднесли къ креслу президента собранія. Буасси д'Англа почтительно склонился передъ обезображенной головой мученика.. Возстаніе продолжалось и въ слѣдующіе дни. Секціи Парижа и Сент-Антуанское пред-

мѣстье отправили противъ конвента воруженные отряды съ пушками. Конвентъ пригрозилъ сжечь предмѣстье, если не выдадутъ пушки и оружіе. Инсургенты покорились декрету конвента, но онъ обвинилъ въ заговорѣ шестерыхъ своихъ членовъ и осудилъ ихъ на казнь. Они не хотѣли идти на гильотину, и трое изъ нихъ: Гужонъ, Роммъ и Дюкенуа убили себя въ залѣ суда. Трое остальныхъ: Бурботъ, Субрани и Дюруа нанесли себѣ только раны ножомъ и были гильотинированы — за что? этого не знали ни они сами, ни тѣ, кто ихъ осудилъ. Нужны были жертвы. Жажда крови и мести не переставала свирѣпствовать. Въ Марсели, Тулонѣ, Тарасконѣ роялисты убивали республиканцевъ, въ Ваннѣ республиканцы разстрѣляли до тысячи эмигрантовъ, высадившихся на полуостровѣ Кибéронѣ и разбитыхъ арміей Гоша. Но конвентъ рѣшился, наконецъ, разойдтись, составивъ новую конституцію III года, которая была, всетаки, лучше конституціи 1793 года, такъ какъ въ ней упоминалось не только о правахъ народа, но и объ его обязанностяхъ. Не смотря на то, что конвентъ уже опредѣлилъ срокъ открытія слѣдующаго законодательнаго собранія, парижскія секціи, привыкшія отправлять оскорбительныя депутаціи, требовавшія арестованія то того, то другаго члена конвента, поднялись противъ него, обвиняя въ томъ, что онъ моритъ народъ голодомъ. Въ главѣ возставшихъ была секція Лепелетье, за нею секція Бют-де-Муленъ. У нихъ было до двадцати тысячъ большею частью національной гвардіи; у конвента не болѣе пяти тысячъ защитниковъ, но старыхъ солдатъ. Начальникомъ военной силы выбрали Барраса, но ему нуженъ былъ генералъ, который могъ бы отразить нападеніе инсургентовъ. Гошъ предложилъ себя, но боялись, что новая побѣда сдѣлаетъ его слишкомъ сильнымъ. Подъ тѣмъ же опасеніемъ не выбрали ни Брюна, друга Дантона, ни Луазона. Но при топографическомъ бюро состоялъ молодой корсиканецъ, произведенный Баррасомъ въ бригадные генералы при осадѣ Тулона въ 1793 году, за то что хорошо управлялъ дѣйствіемъ артиллеріи. За отказъ отправиться въ Вандею Буонапарте былъ отставленъ и жилъ въ Парижѣ въ большой нищетѣ, всячески интригуя, чтобы получить какое нибудь назначеніе. Всѣ были увѣрены, что этотъ смиренный, маленькій, худощавый офицеръ въ потертомъ мундирѣ, съ итальянскимъ жаргономъ, не употребитъ во зло побѣды и останется покоренъ конвенту. Инсургенты выбрали начальникомъ Даникана, служившаго и жирондистамъ, и роялистамъ, и республиканцамъ, и пошли на конвентъ со стороны улицы Сен-Роха. Въ церкви того же имени засѣла часть инсургентовъ, обстрѣливая улицу изъ пушки. Генералъ Буонапарте не принялъ даже простой военной предосторожности: занять окна, изъ которыхъ можно было обстрѣливать паперть церкви и улицы Сен-Рохъ и Сент-Оноре. Это сдѣлали уже впослѣдствіи и разогнали нападающихъ съ этой стороны. Со стороны моста и набереж-

ной одинъ выстрѣлъ изъ пушки разсѣялъ другія толпы. Такъ окончилась эта битва 13-го вандемьера (5-го октября), замѣчательная по неумѣлости, выказанной обѣими партіями, потерявшими до 200 человѣкъ. Но Баррасъ представилъ конвенту напыщенный отчетъ, въ которомъ провозглашалъ заслуги своего кліента. Имя его вдругъ разнеслось по Парижу, по всей Франціи. 26-го октября, конвентъ, наконецъ, закрылся, издавъ во время своего трехлѣтняго существо-

Свобода прессы.

(Каррикатура 1796 года).

ванія 8,370 декретовъ, а черезъ два дня открылись засѣданія законодательныхъ совѣтовъ. 1-го ноября, сформировалась «Исполнительная Директорія», открывъ свои дѣйствія въ Люксембургскомъ дворцѣ. Новый 1796 годъ начался учрежденіемъ министерства полиціи и вслѣдъ за тѣмъ раздѣленіемъ Парижа на 12 муниципій.

Что же такое была эта новая форма правленія, эта «Директорія», учрежденная конституціей III года? Совѣтъ пятисотъ представилъ списокъ десяти кандидатовъ въ совѣтъ старѣйшинъ (des Anciens). Выборъ палъ на пятерыхъ бывшихъ членовъ конвента: Ларевельера-Лепо, Летурнера, Ревбеля, Сіейеса и Барраса. Сіейесъ

отказался и на его мѣсто выбрали Карно. Каждый годъ одинъ изъ директоровъ выбывалъ по очереди; каждый въ теченіе трехъ мѣсяцевъ былъ президентомъ Директоріи, которой было поручено внѣшнее и внутреннее охраненіе республики, заключеніе всякаго рода трактатовъ съ утвержденія законодательнаго собранія, и обнародованіе законовъ, выработанныхъ тѣмъ же собраніемъ. Директоры назначали генераловъ, командовавшихъ арміями, министровъ и всѣхъ чиновниковъ, должности которыхъ были не выборными. Директорія могла также смѣнять ихъ и уничтожать ихъ распоряженія. У нея была своя гвардія изъ 120 конныхъ и 120 пѣшихъ солдатъ. Каждый директоръ получалъ 150,000 франковъ ежегоднаго содержанія. Костюмъ ихъ, опредѣленный закономъ, состоялъ изъ бѣлаго, вышитаго кафтана, повязаннаго голубымъ шарфомъ, съ золотою бахромою, сверхъ этого—короткій красный плащъ, расшитый золотомъ, шпага и круглая шляпа съ трехцвѣтными перьями. Въ торжественныхъ церемоніяхъ подъ красный плащъ одѣвали еще плащъ голубой. Хотя директоры совѣщались вмѣстѣ обо всѣхъ дѣлахъ, но раздѣлили между собою главныя части управленія. Карно взялъ военныя дѣла, Ревбель внѣшнія, Ларевельеръ и Летурнеръ внутреннія, Баррасъ — назначеніе административнаго персонала. Когда они приняли власть, общее положеніе дѣла было самое печальное: роялисты волновались во всей Франціи, торговли почти не существовало, вездѣ господствовалъ ажіотажъ, съѣстныхъ припасовъ не доставало повсюду, подати вносились далеко не сполна, ассигнаціи потеряли всякую цѣну, армія и народъ голодали, бѣдность была всеобщая, грабежи и разбои повсемѣстные. Для поправленія финансовъ прибѣгли къ принудительному займу въ 600 милліоновъ. Но не смотря на тяжелое положеніе внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлъ, жизнь кипѣла ключомъ, особенно въ Парижѣ. Общество, при новой формѣ правленія, забыло объ эпохѣ терроризма, возрожденіе котораго было теперь немыслимо, и спѣшило прежде всего жить и веселиться.

Съ утра бульвары и главныя улицы Парижа наполнялись разнохарактерной толпой, жадной до новостей. Журналистика того времени не отличалась ни обиліемъ, ни быстротой сообщенія всякаго рода свѣдѣній. Болѣе всего читались сатирическіе листки, возникавшіе и исчезавшіе, смотря по настроенію минуты, и появленіе которыхъ было эфемерное. Но большая часть этихъ листковъ была роялистская, и ихъ читали пожилые люди у публичныхъ зданій, или бывшихъ церквей. Разносчики выкрикивали названія этихъ листковъ: «Газета восьмнадцати» (Journal des Dix-huit) остроумнаго Бертена д'Андильи, «Зеркало» — Суригера и Болье, гонявшихся за скандальными происшествіями. «Ежедневныя рапсодіи» въ стихахъ и прозѣ продавались больше всего у театровъ и были наполнены пѣсенками; редакторъ ихъ Вильерсъ, какъ Бомарше, проповѣдывалъ, что все на свѣтѣ начинается и кончается пѣснями. «Завтракъ»

каждое утро будилъ правительство легкими, но мѣткими насмѣшками надъ его постановленіями. Еще язвительнѣе была газета «Лгунъ», подъ видомъ преувеличенныхъ похвалъ также осмѣивавшая администрацію и увѣрявшая, что въ ней историческій отдѣлъ составляетъ романистъ, политическій — лакей одного выскочки, а нравственно-поучительный—членъ бывшаго клуба якобинцевъ. Эти листки расходились гораздо въ большемъ числѣ, чѣмъ серьезныя политическія газеты. «Le Grondeur», «Le promeneur sentimental», «Journal des Incroyables» передавали сплетни и клеветы о женщи-

Лѣтніе модные костюмы временъ Директоріи.
(По рисунку Дитриха).

Зимніе модные костюмы временъ Директоріи.
(По рисунку Дитриха).

нахъ высшаго круга, о писателяхъ, актрисахъ, художникахъ. Редакторами были Мартенвиль, Жоффруа, Мерсье, Ретифъ-де-ла-Бретонъ. Республиканскій журналистъ Понселенъ принесъ жалобу въ судъ, что его однажды сильно избили неизвѣстные ему люди за то, что въ своей газетѣ онъ сказалъ, что директоръ Баррасъ сидѣлъ въ молодости въ Бисетрѣ за мошенничество. Большія ежедневныя газеты послѣ 9-го термидора вообще издавались въ умѣренномъ тонѣ, восхваляли милосердіе, свободу и порядокъ. Онѣ продавались большею частью въ извѣстныхъ мѣстахъ, на особыхъ столикахъ нарядными женщинами. Болѣе извѣстными газетами того времени, представительницами трехъ главныхъ направленій: республиканскаго, умѣреннаго и роялистскаго, были: «Journal de Pa-

ris», редактируемый Редереромъ, «Historien» — Дюпон-де-Немуромъ, «Ami des lois»—Пультье, «La clef du cabinet»—Дону и Гара. Полиція скоро запретила продавцамъ этихъ журналовъ перечислять содержаніе статей и позволила только выкрикивать ихъ названіе. Однажды взяли на бульварахъ разносчика, который послѣ названія своей газеты «Journal du soir» кричалъ: воры! воры! Когда его спросили: — гдѣ же эти воры? онъ отвѣчалъ: — а это тѣ, кто издали глупый законъ, лишающій меня средствъ къ существованію. Страсть къ чтенію газетъ была такъ велика въ эту эпоху, что толпы жаждущихъ поскорѣе узнать новости дня осаждали типографіи, чтобы раньше другихъ получить еще сырые печатные листки. Объ этой «свободѣ прессы» свидѣтельствуетъ помѣщаемая здѣсь каррикатура того времени.

Бальные костюмы временъ Директоріи.
(По рисунку Дитриха).

Женскія моды перваго года Директоріи не достигали еще той степени «откровенности», какою онѣ отличались впослѣдствіи, и хотя строгіе моралисты и тогда осуждали дамскіе туалеты, восклицая: «о женщины! познайте цѣну добродѣтели; она одна упрочитъ вашъ тріумфъ, нашу любовь и общее счастіе!» — но болѣе снисходительные замѣчали совершенно основательно: «такъ какъ женщины нравятся сначала нашимъ глазамъ, прежде чѣмъ нравиться сердцу, то онѣ болѣе занимаются своимъ туалетомъ, чѣмъ своимъ характеромъ». Вотъ, напримѣръ, дамскіе костюмы для прогулки лѣтомъ и зимою: ни корсета, ни юбокъ; на рубашку надѣвалась туника, драпированная поантичному, или длинное платье фуро изъ лино-батиста, муслина или газа, чрезвычайно узкое, обрисовывающее всѣ формы; талія — чуть не подъ мышками; на плечахъ въ холодную погоду легкая мантилья—палантинъ; зимою такое платье обшивалось мѣхомъ; на головѣ носили тюрбаны и береты съ перьями и султаномъ; въ рукахъ вѣеръ или ридикюль; на шеѣ, на груди, въ ушахъ, въ волосахъ камни и медальоны всѣхъ цвѣтовъ и величинъ. Въ тѣхъ же костюмахъ женщины являлись въ театрахъ и на гуляньяхъ; на балахъ платья были короче и убирались цвѣтами, гирляндами и фестонами на подолѣ и лифѣ; перчатки носили до локтя; куафюры античныя, но шея, плечи, руки, верхняя часть груди почти всегда оставались обнаженными, что̀ было, конечно,

причиною частыхъ простудъ, оканчивавшихся нерѣдко печальнымъ исходомъ. Кромѣ танцевъ, въ обществѣ занимались играми (petits jeux), между которыми самою модною была игра въ статую. Женщину, проигравшую фантъ, заставляли принимать разныя позы, оставаться неподвижною въ теченіе нѣсколькихъ минутъ и проч. На улицѣ подобныя игры принимали гимнастическое направленіе, и ими занимался только средній классъ общества. Любимою игрою этого рода была игра въ мячъ, производившаяся большею частью въ Елисейскихъ поляхъ. Играющіе, обыкновенно четверо, раздѣля-

Статуя, игра въ обществѣ временъ Директоріи.

(Съ современной гравюры).

лись на двѣ партіи, становившіяся одна противъ другой на извѣстномъ разстояніи и перебрасывавшія лопаточками мячъ, которому не должно было позволить упасть на землю. Для большаго удобства играющіе снимали обыкновенно верхнее платье и шляпы и, увлеченные игрою, не обращали вниманія на проходящихъ, избѣгавшихъ подобнаго рода зрѣлищъ. Любопытно, что въ эту эпоху уже существовали велосипеды, и охотники ѣздить на нихъ появлялись большею частью въ Люксембургскомъ саду. Только устройство этихъ велосипедовъ было самое первобытное: они приводились въ дѣйствіе руками, а ноги упирались не въ колеса, а въ землю,

мало помогая и скорѣе мѣшая быстротѣ ѣзды. Не смотря на это, множество любопытныхъ собиралось всегда смотрѣть на эту забаву.

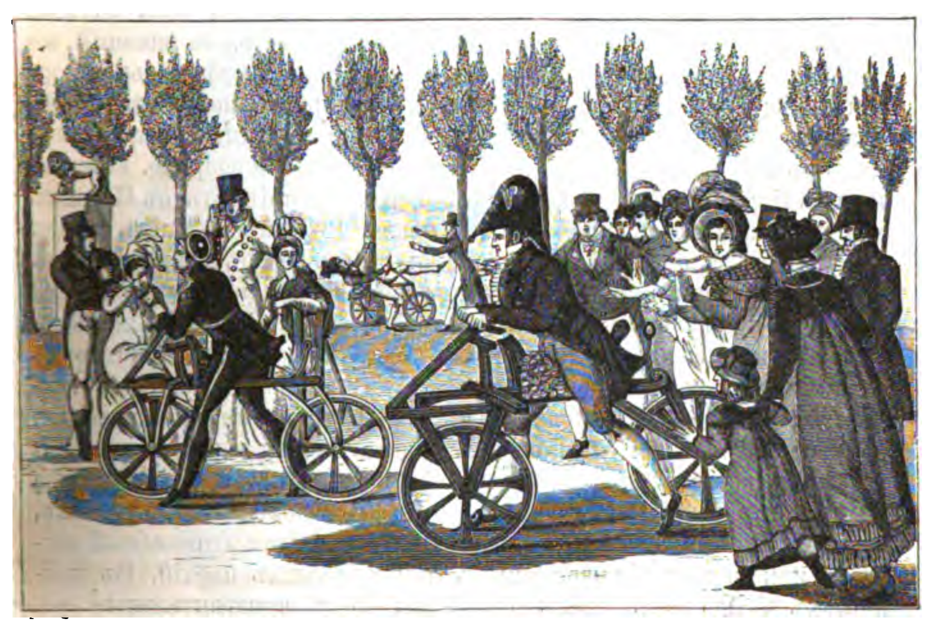
Но больше и чаще всего въ эту эпоху и на улицахъ, и въ домахъ раздавались звуки музыки и пѣніе. Французы были всегда страстными охотниками до пѣнія. Гретри не даромъ говорилъ въ своихъ «Опытахъ музыки», напечатанныхъ въ 1796 году на счетъ правительства: «Музыка въ наше время развилась страшнымъ образомъ. Марсельеза, написанная любителемъ, не умѣвшимъ даже составлять правильныхъ акордовъ, «Ça ira» и «Карманьола», также

Игра въ мячъ, въ Елисейскихъ поляхъ.

(Съ гравюры Бланшара).

составленныя въ Марсели, были гимнами революціи, потому что всѣ знали ихъ слова, а безъ словъ музыка трудно запоминается; музыка же, которую не припоминаютъ, тоже что неразгаданная загадка». Со времени взятія Бастиліи, народъ сталъ распѣвать на улицахъ патріотическія пѣсни, слова и музыка которыхъ, какъ въ «Карманьолѣ» и «Ça ira», написаны неизвѣстно кѣмъ. Только исторія «Марсельезы» сдѣлалась вполнѣ извѣстна. Эта «военная пѣснь рейнской арміи», какъ она первоначально называлась, была написана еще въ 1792 году инженернымъ офицеромъ Руже-де-Лиль, въ Страсбургѣ, и послана въ Парижъ къ Гретри, который измѣнилъ въ ней нѣсколько акомпаниментъ. Ее приняли марсельскіе волон-

теры, и она сдѣлалась знаменитою съ 1793 года. Но кромѣ «Марсельезы», были извѣстны «Пѣснь побѣды», «Пѣснь отправленія» и «Пѣснь возвращенія» Мегюля, «Пробужденіе народа» Гаво, «Гимнъ Разуму» и «Гимнъ Верховному Существу» Госсека. Слова для этихъ гимновъ и пѣсенъ, писали Мари-Жозефъ Шенье и Экушаръ-Лебренъ. Революція, воспламеняя сердца, придавала идеямъ энергію, отразившуюся и на изящныхъ искусствахъ. Музыка поднимала страсти народа во время національныхъ праздниковъ. Замѣчательно, что ни одинъ музыкантъ не запятналъ себя въ эпоху революціи никакимъ постыднымъ или малодушнымъ поступкомъ. До 1789 года,



Велосипеды въ Люксембургскомъ саду.

(Современная гравюра).

при главныхъ церквахъ Франціи были хоры и музыкальныя школы, стоившія государству ежегодно до двѣнадцати милліоновъ; всѣ они закрылись въ революцію, но въ 1790 году, при учрежденіи національной гвардіи, составленъ былъ превосходный хоръ музыкантовъ на средства города, открывшаго потомъ безплатную музыкальную школу, снабжавшую всю армію и всю Францію прекрасными артистами. Во время террора, единственною музыкою на улицахъ были барабаны гвардіи и только при національныхъ торжествахѣ приглашались оперные пѣвцы и оркестры, исполнявшіе патріотическія кантаты подъ пушечные выстрѣлы. Декретомъ 1795 года назначено было ежегодно 240,000 франковъ на безплатное музыкальное образованіе 600 учениковъ. 115 профессоровъ пѣнія и игры на всѣхъ

инструментахъ составили музыкальную консерваторію подъ управленіемъ комитета изъ шести членовъ: Саррета, Гретри, Госсека, Керубини, Лесюера и Мегюля. Консерваторія получила вскорѣ европейскую извѣстность, и изъ нея вышли замѣчательные таланты во всѣхъ родахъ вокальной и инструментальной музыки. При Директоріи объявленія о концертахъ покрывали всѣ стѣны Парижа. Концерты Марбефа, Прево, слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, общества «Гармонія», Одеона, открывшіеся исполненіемъ Stabat Mater Перголезе—привлекали многочисленную публику, но всѣхъ ихъ превзошла извѣстность концертовъ Фейдо. Эти концерты были даже выведены на сцену въ театрахъ Водевиля и Ambigu. На нихъ собирался весь модный свѣтъ и появлялся Гара, феноменальный пѣвецъ, не знавшій ни одной ноты, но обладавшій такою изумительною музыкальною организаціею, что запоминалъ цѣлыя оперы, прослушавъ ихъ одинъ разъ, и съ одинаковою легкостью и вѣрностью интонаціи исполнялъ въ нихъ всѣ партіи—баса, баритона, тенора и сопрано. Рожденный въ Пиринеяхъ, воспитанный въ Бордо, онъ пріѣхалъ въ Парижъ двадцатилѣтнимъ юношей изучать права. Но удивительный голосъ сдѣлалъ его скоро извѣстнымъ и при дворѣ. Графъ д'Артуа взялъ его въ секретари и представилъ королевѣ. Та пѣла съ нимъ романсы и дуэты, и платила его долги. За то, когда она сидѣла въ тюрьмѣ, онъ рѣшился спѣть въ публичномъ концертѣ романсъ, въ которомъ оплакивались несчастія королевы: «Vous qui portez un coeur sensible». Пѣвца также отправили въ тюрьму за эту смѣлую выходку, но у него было много покровителей даже между террористами—и его скоро выпустили на свободу. Во время Директоріи ему было 32 года, и онъ былъ въ полной силѣ своего феноменальнаго таланта, но пѣлъ еще до 50-ти лѣтъ, постоянно возбуждая одинаковый восторгъ при исполненіи серьезныхъ и комическихъ партій. Въ концертахъ Фейдо онъ ввелъ снова въ моду чувствительные романсы, и въ самую мрачную эпоху террора распѣвали «Il pleut, il pleut, bergère» Фабра д'Эгланина и «O ma tendre musette!» Лагарпа. Но романсы самого Гара: «Je l'aime tant», «Il était là» и др. имѣли еще болѣе успѣха. Онъ получалъ по полторы тысячи франковъ за исполненіе двухъ романсовъ и, въ одинъ вечеръ, объѣзжая 5—6 домовъ, собиралъ порядочную сумму, которая вся уходила на прихоти роскошной жизни и, въ особенности, на наряды, такъ какъ Гара былъ отчаянный франтъ и мюскаденъ. До какой степени всѣ въ то время восторгались романсами, видно изъ серьезнаго предложенія члена конвента и совѣта пятисотъ Леклерка—почтить память каждаго добраго гражданина сочиненіемъ въ честь его романса. Леклеркъ предлагалъ также уничтожить вовсе оперную музыку и замѣнить ее гимнами. Другой знаменитый пѣвецъ Директоріи былъ Эллевіу. Сынъ хирурга, онъ изучалъ въ Парижѣ медицину, но по страсти къ театру поступилъ на сцену и дебю-

тировалъ въ опереттѣ «Дезертиръ». Принадлежа также къ мюскаденамъ, онъ принужденъ былъ долгое время скрываться отъ преслѣдованій полиціи. Но извѣстность онъ пріобрѣлъ болѣе всего сценическими успѣхами и мастерскимъ исполненіемъ теноровыхъ партій въ операхъ той эпохи. Онъ умеръ меромъ своей общины,

Эллевіу.
(Съ портрета Резенера).

оставивъ въ 1813 году сцену, на которой долгое время играли три написанныя имъ оперы.

Опера сильно развилась во время Директоріи. Французскіе оркестры считались лучшими въ Европѣ. Себастіанъ Эраръ, изобрѣтатель современнаго фортепіано, замѣнившаго клавесинъ, усовершенствовалъ также органъ и арфу. Мегюль, сынъ бѣднаго орга-

ниста въ Арденнахъ, пріѣхавъ въ Парижъ, въ моментъ самой жаркой борьбы глюкистовъ и пиччинистовъ, не обратился ни къ нѣмецкой, ни къ итальянской музыкѣ, а создалъ французскую комическую оперу: «Ефрозина и Корадинъ, или исправленный тиранъ» и закончилъ впослѣдствіи рядъ своихъ мелодическихъ оперъ «Іосифомъ», обошедшимъ всѣ европейскія сцены. Итальянецъ Керубини сдѣлался настоящимъ французомъ въ своей «Лодоискѣ», «Элизѣ» и др. Третьимъ возобновителемъ французской музыки былъ Лесюеръ, духовныя сочиненія котораго, впрочемъ, выше его оперъ. Въ произведеніяхъ этихъ трехъ композиторовъ нѣтъ и слѣда вліянія революціи, но оперы ихъ остались въ исторіи музыки, тогда какъ безъ всякаго слѣда исчезла музыка, написанная Бертономъ, Лемуанемъ, Блазіусомъ и др. на такіе патріотическіе сюжеты, какъ осада Лилля и Тіонвилля, взятіе Тулона, смерть Віасса, Жозефа Барра и пр. Даже соединеніе такихъ талантовъ, какъ Гретри, Мегюль, Керубини, Далейракъ, написавшихъ огромную революціонную оперу «Конгрессъ королей», не придало жизни этой вычурной, дѣланной музыкѣ и не спасло ее отъ забвенія. Огромное дарованіе Гретри въ комической оперѣ замѣтно мельчало, какъ только онъ принимался писать большія, серьезныя оперы. Но къ нему болѣе всего подходитъ мнѣніе, высказанное имъ о французскихъ композиторахъ вообще: «французы, говоритъ онъ, подражатели итальянцевъ въ мелодіи и нѣмцевъ въ гармоніи, ничего не создали въ музыкѣ, но усовершенствовали ее, сдѣлавъ драматическою мелодію и гармонію. Въ этомъ помогали имъ либреттисты, составлявшіе всегда осмысленный и интересный текстъ для оперъ». Либретто, конечно, очень важная часть оперы, но оно не спасаетъ собой музыки, и Гретри могъ самъ убѣдиться въ этомъ, когда взялся писать музыку на такіе сюжеты, какъ Андромаха, тиранъ Діонисій, Петръ Великій, Вильгельмъ Телль, не имѣвшіе успѣха, послѣ того, какъ вся Европа восхищалась его операми: «Люсиль» и знаменитымъ квартетомъ: «Ou peut on être mieux, qu'au sein de sa famille», «Говорящая картина», «Двое скупыхъ», съ блестящимъ маршемъ, «Земира и Азоръ», «Ричардъ, Львиное сердце» и др. Ту же самую неудачу съ большими музыкальными драмами испытали послѣдователи Гретри—Далейракъ и Изуаръ. Послѣднимъ представителемъ комической оперы въ эту эпоху былъ Боэльдье, девять лѣтъ прожившій въ Петербургѣ и вернувшійся въ Парижъ уже въ концѣ имперіи. Не надо забывать, впрочемъ, что область комической оперы понималась въ то время гораздо шире, нежели теперь: къ ней относилась всякая опера, не оканчивающаяся трагически, не превышающая трехъ дѣйствій и не выводившая на сцену историческихъ героевъ. Очень часто въ такой комической оперѣ не было ровно ничего комическаго.

Пока Парижъ упивался музыкою и всякаго рода удовольствіями,

первый годъ подъ новымъ управленіемъ Директоріи кончился для нея благополучно. На Рейнѣ, когда смѣнили измѣнника Пишегрю, французскія арміи одерживали побѣды подъ начальствомъ Моро, Клебера, Журдана, Марсо. Въ Италіи молодой Бонапарте, покровительствуемый Баррасомъ и Карно, прославился битвами при Монтенотте, Лоди, Веронѣ, Ровередо, Арколе. Внутреннее положеніе страны, однако, не казалось прочнымъ. Полиціи, разросшейся въ министерство, надо же было чѣмъ нибудь доказать необходи-

Гретри за фортепьяно.

(Съ портрета Цабеля).

мость своего существованія, закрывая газеты и открывая заговоры. Въ старомъ саду аббатства Женевьевы, у стѣнъ, построенныхъ Филиппомъ-Августомъ, гдѣ была башня Хлодвига и каѳедра Абеляра, собирались остатки якобинцевъ, прозванныхъ «хвостомъ Робеспьера» и толковали о равенствѣ и братствѣ. Собраніе накрыли въ маѣ 1796 года. Захвативъ, по доносу Гризеля, горсть робеспьеристовъ и приверженцевъ Бабефа, правительство наивно заявило: «что сталось бы съ Парижемъ и съ Франціею, если бы полиція не стояла на стражѣ!» И Парижъ, все еще не забывшій террора, повѣрилъ страшному заговору. Въ Греноблѣ захватили 132 инсур-

гента, подговаривавшихъ солдатъ подняться. За это взятыхъ судили военнымъ судомъ и разстрѣляли изъ нихъ 36 человѣкъ. 1796-й годъ кончился неудачной попыткой Гоша высадиться въ Ирландіи и поднять ее противъ Англіи. Новый 1797 годъ начался побѣдою при Риволи.

Вл. Зотовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Замысловскій, Е. Е. Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Съ приложеніемъ матеріаловъ для историко-географическаго атласа Россіи XVI вѣка. Спб. 1884 г.

НОСТРАНЦЫ-ОЧЕВИДЦЫ обращаютъ вниманіе на такія явленія старинной русской политической, общественной и умственной жизни, которыя не интересовали нашихъ предковъ у себя дома потому, что все это было имъ или очень хорошо извѣстно, или они считали за грѣхъ разузнавать подробности. Географическія и этнографическія особенности, религія, нравы, обычаи, государственное устройство, умственное, общественное и экономическое состояніе разныхъ классовъ русскаго народа, его торговля и промышленность — все это, предъ чѣмъ, молча, проходилъ древне-русскій бытописатель, интересовало образованныхъ европейскихъ путешественниковъ, попадавшихъ къ намъ въ XV—XVII вв. Въ ряду иностранцевъ, писавшихъ о Московскомъ государствѣ XVI и XVII вв., Герберштейнъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ и почетныхъ мѣстъ. Такое мѣсто пріобрѣлъ онъ себѣ совершенно заслуженно по точности и безпристрастію сообщаемыхъ имъ свѣдѣній въ его книгѣ «Rerum Moscoviticarum Commentarii», выдержавшей со времени своего появленія въ 1549 г. двадцать пять изданій. Въ теченіе одного только XVI столѣтія въ оригиналѣ и въ переводахъ на нѣмецкій, итальянскій и чешскій языки вышло шестнадцать изданій. Въ XVII, XVIII и XIX вв. появилось еще девять (изъ нихъ вновь пять переводовъ на языки голландскій, англійскій и русскій). Русскихъ переводовъ было всего четыре. Первый изъ нихъ принадлежитъ XVIII вѣку: переводъ сдѣланъ въ 1748 г. переводчикомъ академіи наукъ Кондратовичемъ, но изданъ въ свѣтъ не былъ; самый послѣдній г. Анонимова вышелъ въ 1866 г.

Дипломатическія сношенія Московскаго государства съ нѣмецкими императорами начались въ концѣ XV столѣтія, съ Іоанна III, но реляціи бывшихъ при немъ нѣмецкихъ пословъ не изданы. Герберштейнъ является первымъ изъ нѣмцевъ, оставившихъ подробное описаніе Московской Руси. Другіе иностранцы, кромѣ нѣмцевъ, писавшіе о Московскомъ государствѣ до Герберштейна, или были въ Московскомъ государствѣ мимоѣздомъ на короткое время (венеціанцы Іосафатъ Барбаро и Амброзіо Контарини), или же никогда не были въ нашемъ отечествѣ и писали со словъ другихъ (полякъ Мѣховскій, голландецъ Кампензе, нѣмецъ Іоаннъ Фаберъ и итальянецъ Павелъ Іовій). Герберштейнъ былъ въ Московскомъ государствѣ два раза, въ 1517 и 1526 гг., и въ оба раза въ общей сложности пробылъ въ Москвѣ и въ предѣлахъ Московскаго государства около полутора года. Происходя самъ изъ онѣмеченнаго славянскаго рода и учившись славянскому языку еще въ юности, онъ имѣлъ возможность скоро освоиться съ русскимъ разговорнымъ языкомъ и съ языкомъ церковно-славянскимъ. Онъ первый изъ иностранцевъ прочелъ русскія лѣтописи и современные ему юридическіе памятники и познакомилъ съ ними въ своей книгѣ Западную Европу. Кромѣ этихъ книжныхъ источниковъ, Герберштейнъ собралъ очень много свѣдѣній о бытѣ и нравахъ русскихъ и о географическихъ условіяхъ Московскаго государства и Восточной Европы вообще посредствомъ бесѣдъ съ московскими служилыми и торговыми людьми. Собственныя наблюденія Герберштейна являлись дополненіемъ и провѣркой собранныхъ имъ свѣдѣній. Будучи человѣкомъ большой по своему времени учености, Герберштейнъ не удовольствовался веденіемъ простаго дневника въ Москвѣ, какъ то дѣлали другіе послы до и послѣ него, а весь собранный имъ матеріалъ подвергъ ученой обработкѣ и изложилъ въ систематическомъ порядкѣ. Его книга о Московскомъ государствѣ, не по одному только заглавію, а въ дѣйствительности, представляетъ комментарій къ московскимъ дѣламъ первой четверти XVI в. Это не мимолетныя наблюденія современника о видѣнномъ и слышанномъ, а ученое изслѣдованіе по тщательно провѣреннымъ источникамъ о Московскомъ государствѣ первой четверти XVI в. и о сосѣднихъ съ нимъ восточныхъ странахъ въ историческомъ, политическомъ, религіозномъ, культурномъ, этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ. Также на основаніи книжныхъ и устныхъ источниковъ, Герберштейнъ составилъ и первую по времени географическую карту Восточной Европы, давшую весьма обстоятельныя для XVI в. свѣдѣнія о мѣстоположеніи и населеніи Московскаго государства и сопредѣльныхъ съ нимъ восточныхъ странъ. По точности сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, Герберштейнъ возвышается не только надъ всѣми предшествовавшими ему иностранными писателями о Россіи, но и надъ всѣми послѣдующими XVI и большей частью XVII вв. Изъ писателей-иностранцевъ XVI в. лишь англичанинъ Джильзъ Флетчеръ, бывшій въ Москвѣ въ 1588 г., можетъ быть поставленъ на одну доску съ Герберштейномъ. «Moscovia» іезуита Антонія Поссевина (1586 г.), представляя подробное описаніе современнаго ему Московскаго государства, грѣшитъ предвзятой религіозной католической доктриной, чего нѣтъ у безпристрастнаго Герберштейна. Само собою, что ни Герберштейнъ, ни Флетчеръ, не чужды ошибокъ и невѣрностей. Не нужно забывать, что они прежде всего люди Западной Европы XVI в., принадлежащіе къ чуждымъ намъ національностямъ и носящіе въ себѣ всѣ условія культурнаго развитія своей національности и своего вѣка. И Герберштейнъ,

и Флетчеръ смотрятъ на русскій народъ и его исторію съ западно-европейской точки зрѣнія; кромѣ того, невѣрность ихъ свѣдѣній о современной имъ Россіи опредѣляется недостаточностью знакомства со многими изъ тогдашнихъ нашихъ внутреннихъ вопросовъ, что легко объясняется, съ одной стороны, невозможностью узнать въ точности всего касающагося Россіи въ сравнительно короткій срокъ ихъ тамъ пребыванія, и при томъ недовѣріи, какое оказывали наши предки къ иностранцамъ, а съ другой стороны, недостаточностію развитія научныхъ знаній въ Западной Европѣ XVI в.

Для большинства западно-европейскихъ странъ, находившихся въ сношеніи съ Московскимъ государствомъ въ теченіе XVI и XVII вв., книга Герберштейна была подробнымъ указаніемъ на то, что знали онѣ о насъ поверхностно и отрывочно. Благодаря Герберштейну, Восточная Европа явилась имъ совершенно такимъ же невѣдомымъ Новымъ Свѣтомъ, какъ заатлантическій Новый Свѣтъ, за полстолѣтіе до появленія книги Герберштейна открытый великимъ генуэзцемъ. Поэтому, по справедливости, Герберштейнъ можетъ быть названъ Колумбомъ Московскаго государства. Густой мракъ, скрывавшій до той поры отъ нѣмцевъ, итальянцевъ и англичанъ восточную часть Европы, эти полумиеическія страны скиеовъ и сарматовъ,—разсѣялся послѣ книги Герберштейна. Только Франція, позже другихъ европейскихъ странъ вступившая въ сношенія съ Россіей, оставалась въ невѣдѣніи о Московскомъ государствѣ почти цѣлое столѣтіе послѣ появленія «Rerum Moscoviticarum Commentarii». Краткій и довольно безсвязный дневникъ діеппскаго моряка Жана Соважа, приплывшаго въ 1586 г. къ устью Сѣверной Двины, не былъ распространенъ во Франціи, и въ началѣ XVII в. Маржеретъ, посвящая свою книгу о Россіи знаменитому французскому королю Генриху IV-му, долженъ былъ ему доказывать, что христіанскія страны не кончаются Венгріей и Карпатами и что за ними находится обширное христіанское государство Московія [1]).

XVI-й вѣкъ въ русской исторіи имѣетъ весьма знаменательное значеніе. Въ этотъ вѣкъ Московское государство, только что сбросившее съ себя за-

[1]) Приводимъ подлинныя слова Маржерета изъ посвященія Генриху IV-му, въ переводѣ Н. Г. Устрялова. Слова эти весьма замѣчательны. «Еслибъ подданные вашего величества, посѣщая отдаленныя земли, описывали вѣрно достопамятности, ими замѣчаемыя,—говоритъ Маржеретъ,— не только сами они получили бы выгоду, но и вашему государству могли бы доставить пользу: они указали бы, чего должно искать, что можно заимствовать у чуждыхъ народовъ, — ибо для успѣховъ общежитія все въ мірѣ семъ такъ устроено, что мы находимъ у другихъ, чего сами не имѣемъ; при томъ же извѣстія сихъ наблюдателей внушили бы охоту многимъ юношамъ — празднымъ домосѣдамъ — посмотрѣть на бѣлый свѣтъ: тамъ, въ трудныхъ, но благородныхъ странствованіяхъ, или среди воинствъ иноплеменныхъ, они узнали бы добродѣтель; тогда разсѣялось бы заблужденіе многихъ людей, которые предѣломъ міра христіанскаго считаютъ Венгрію: я могу увѣрить, что Россія, описанная мною, по приказанію вашего величества, въ семъ сочиненіи, служитъ христіанству твердымъ оплотомъ, что она гораздо обширнѣе, сильнѣе, многолюднѣе, изобильнѣе, имѣетъ болѣе средствъ для отраженія скиеовъ и другихъ народовъ магометанскихъ, чѣмъ многіе воображаютъ: властвуя неограниченно, царь заставляетъ подданныхъ повиноваться своей волѣ безпрекословно; порядкомъ же и устройствомъ внутреннимъ ограждаютъ свои земли отъ безпрерывнаго впаденія варваровъ». — См. «Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ», въ перев. Устрялова, 2-е изд., Спб. 1837 г., ч. III, стр. 5—6.

висимость отъ татаръ, сломивъ Новгородское государство и распространивъ свою территорію на западъ, сѣверъ и востокъ до Балтійскаго моря, Ледовитаго океана и Уральскаго хребта, созидало на развалинахъ удѣльно-вѣчеваго русскаго строя новые политическіе и общественные распорядки. На рубежѣ XV и XVI вв. внесены были въ Московское государство традиціи византійскаго имперіализма, которыя окрѣпли въ теченіе XVI в., способствуя къ окончательному образованію въ русскомъ народѣ тѣхъ сословно-общественныхъ группъ, взаимныя отношенія которыхъ составляютъ всю внутреннюю исторію Московскаго государства въ теченіе XVII в. и переходятъ въ XVIII в. Во второй половинѣ XVI в. Московское государство окончательно утвердило свое преобладаніе на востокѣ Европы покореніемъ трехъ татарскихъ царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго, и завоевало себѣ церковную автономію учрежденіемъ патріаршества. На особенности политическаго склада Московскаго государства въ двадцатыхъ годахъ XVI в. первый указалъ Герберштейнъ въ «Rerum Moscoviticarum Commentarii». Поэтому понятно, что образованные русскіе люди весьма рано обратили вниманіе на эту книгу и что она стала имъ извѣстна вскорѣ послѣ своего выхода. О ней упоминаетъ, напримѣръ, Курбскій въ «Исторіи великаго князя Московскаго».

Изученіе Герберштейна въ русской исторической наукѣ начинается съ самаго возникновенія этой науки въ XVIII в. Какъ только русскіе ученые занялись монографическимъ изученіемъ XVI в., они не могли обойтись безъ «Rerum Moscoviticarum Commentarii». Первый ученый историкъ Россіи, пользовавшійся Герберштейномъ, былъ Мюллеръ. Карамзинъ и Соловьевъ отвели ему должное мѣсто въ своихъ историческихъ трудахъ. Первая по времени монографія о Герберштейнѣ принадлежитъ Фридриху Аделунгу и появилась въ 1818 г.; за ней слѣдуютъ примѣчанія къ Герберштейну В. Руссова (1832 г.) и библіографическія замѣтки по поводу появленія изданій Старчевскаго и Семенова (1841 и 1847 гг.). Монографія Аделунга послужила основаніемъ для трехъ кандидатскихъ диссертацій о Герберштейнѣ, представленныхъ въ 1856 г. студентами С.-Петербургскаго университета, Корелкинымъ, Григоровичемъ и Новиковымъ; изъ этихъ трехъ диссертацій была составлена одна статья, напечатанная въ «Сборникѣ петербургскихъ студентовъ» за 1857 годъ. Эта статья излагаетъ кратко біографію Герберштейна и даетъ критическую оцѣнку его «Записокъ о Московіи» сравнительно со всѣми иностранцами, писавшими о Восточной Европѣ до Герберштейна.

Все сказанное о Герберштейнѣ припомнилось невольно при чтеніи книги Е. Е. Замысловскаго.

Читатели видятъ, что значеніе въ русской исторической литературѣ замѣчательнаго нѣмца, познакомившаго съ Московскимъ государствомъ XVI в. иностранцевъ и русскихъ, опредѣлено достаточно устойчиво. О Герберштейнѣ было уже довольно писано, а потому всякая новая о немъ монографія весьма естественно возбуждаетъ интересъ и заставляетъ желать найдти что нибудь новое. Что же новаго даетъ изслѣдованіе Е. Е. Замысловскаго, почтенная дѣятельность котораго на поприщѣ изученія русскихъ историческихъ источниковъ и исторической географіи Россіи хорошо извѣстна всѣмъ спеціалистамъ?

Е. Е. Замысловскій давно началъ заниматься Герберштейномъ. Подробная, тщательно составленная біографія его была помѣщена г. Замыслов-

скимъ въ «Древней и Новой Россіи» за 1875 г. Въ 1876 г. въ томъ же сборникѣ появилась въ видѣ продолженія этой біографіи статья г. Замысловскаго: «Географическія извѣстія Герберштейна о Московской Руси». Затѣмъ, начиная съ 1878 г., въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» печатались статьи того же автора, посвященныя изслѣдованію частныхъ вопросовъ изъ географическихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ Герберштейномъ: 1) Историко-географическія извѣстія Герберштейна (XVI в.). Моря, омывающія Восточную Европу,—1878 г., іюнь 2) Горы Восточной Европы,—1879 г., ноябрь; 3) Описаніе Литвы, Самогитіи, Руссіи и Московіи — Себастіана Мюнстера (XVI в.) — 1880 г., сентябрь, 4) Внутреннія воды, — 1881 г., май. Всѣ перечисленныя монографіи вошли частію въ сокращеніи, но въ большинствѣ случаевъ цѣликомъ въ разсматриваемую книгу Е. Е. Замысловскаго. Къ первой категоріи относится біографія Герберштейна, представляющая извлеченіе изъ біографіи, помѣщенной въ «Древней и Новой Россіи».

Почтенный трудъ г. Замысловскаго есть весьма полезное объясненіе, ученый комментарій на книгу Герберштейна. Е. Е. Замысловскій даетъ лишь краткую общую характеристику Герберштейна и его «Rerum Moscoviticarum Commentarii». Относительно критики этой книги онъ сообщаетъ не больше того, что уже извѣстно изъ прежнихъ, до него явившихся монографій. Но задача автора заключалась не въ общей критической оцѣнкѣ Герберштейна; онъ сосредоточилъ свои изученія на географическихъ и этнографическихъ данныхъ, находящихся въ «Rerum Moscoviticarum Commentarii», и представилъ ихъ въ столь подробномъ и обстоятельномъ изложеніи, въ какомъ не являлось до него ни у одного изслѣдователя Герберштейна. Изъ 46 главъ книги—37 посвящены изложенію географическихъ и этнографическихъ данныхъ изъ «Rerum Moscoviticarum Commentarii». 10-я глава, съ которой они начинаются, служитъ введеніемъ ко всѣмъ послѣдующимъ главамъ. Вслѣдъ за характеристикой великихъ географическихъ открытій конца XV в., эта глава излагаетъ состояніе географическихъ знаній въ Западной Европѣ въ эпоху возрожденія наукъ. 11-я и 12-я главы заключаютъ въ себѣ характеристику знакомства Герберштейна съ современной ему географической литературой, указываютъ на важность географическихъ извѣстій Герберштейна о Московской Руси и разсматриваютъ источники, которыми онъ пользовался для этихъ извѣстій. Послѣ общей характеристики свѣдѣній о сѣверныхъ странахъ въ XVI в. и поверхности Восточной Европы (гл. 13 и 14) г. Замысловскій, слѣдуя порядку въ изложеніи Герберштейна, подробно останавливается на гидрографическихъ извѣстіяхъ въ «Запискахъ о Московіи» (гл. 15—18). Столь же подробно изложены извѣстія Герберштейна о климатѣ, почвѣ, флорѣ и фаунѣ Восточной Европы (гл. 19—28). Съ 29-й по 44-ю главу включительно г. Замысловскій подвергаетъ подробному анализу свѣдѣнія Герберштейна по этнографіи и политической географіи Московскаго государства первой половины XVI в. и сосѣднихъ съ нимъ восточныхъ странъ.

Для насъ, казанцевъ, въ книгѣ, Е. Е. Замысловскаго особенно интересны географическія и этнографическія подробности, касающіяся восточныхъ областей Поволжья, которыя во время Герберштейна еще не входили въ составъ Московскаго государства, но черезъ четверть столѣтія послѣ него были завоеваны этимъ государствомъ. Относительно поволжскихъ областей, точно также какъ и относительно внутреннихъ областей Московскаго государства, г. Замысловскій постоянно сопоставляетъ извѣстія Герберштейна

съ извѣстіями предшествовавшихъ ему иностранныхъ писателей. Эти данныя о Поволжьѣ представляютъ весьма цѣнный матеріалъ для исторической этнографіи и географіи Казанскаго края. Начиная съ краткихъ упоминаній о Казани и Цитракани (Астрахани) Іосафата Барбаро и Контарини, г. Замысловскій останавливается на болѣе подробныхъ свѣдѣніяхъ объ области казанскихъ татаръ, находящихся у Мѣховскаго, Альберта Кампензе и Павла Іовія. Герберштейнъ въ своихъ свѣдѣніяхъ о татарахъ пользуется данными изъ русскихъ лѣтописей и устныхъ разсказовъ москвичей, хорошо знавшихъ народы этого племени. Герберштейну извѣстны свѣдѣнія о татарахъ, находящіяся въ книгѣ Мѣховскаго «О двухъ Сарматіяхъ» и въ разныхъ польскихъ лѣтописяхъ, но приводить эти свѣдѣнія онъ считаетъ болѣе скучнымъ, чѣмъ полезнымъ. Кромѣ татаръ, Герберштейнъ сообщаетъ свѣдѣнія о трехъ финскихъ племенахъ, живущихъ въ Поволжьѣ: черемисахъ, чувашахъ и мордвѣ. О чувашахъ не упоминаетъ до него не только ни одинъ иностранецъ, но и въ русской лѣтописи имя чувашъ является впервые подъ 1524 г., т. е. одновременно съ пребываніемъ Герберштейна въ Московскомъ государствѣ. Послѣднія двѣ главы (45 и 46) описываютъ карты, приложенныя къ книгѣ. Изъ этихъ картъ, двѣ суть воспроизведеніе подлинныхъ картъ Восточной Европы, составленныхъ Герберштейномъ и приложенныхъ къ «Rerum Moscoviticarum Commentarii», а остальныя начерчены г. Замысловскимъ, на основаніи данныхъ, находящихся въ книгѣ Герберштейна.

Такимъ образомъ, монографія Е. Е. Замысловскаго является весьма полезной справочной книгой для всѣхъ изучающихъ русскую историческую географію и этнографію вообще и пособіемъ при изученіи исторической географіи и этнографіи Поволжья въ частности. Этимъ она получаетъ большое значеніе въ ученой литературѣ о Герберштейнѣ.

Д. К—въ.

Новый энциклопедическій словарь въ десяти томахъ. Изданный профессоромъ С.-Петербургскаго университета И. Н. Березинымъ. Выпуски 1—4. Спб. 1883—1884.

Польза, или, вѣрнѣе, необходимость энциклопедическихъ словарей настолько очевидна и несомнѣнна, что доказывать это едва ли нужно. За границей, существуетъ нѣсколько изданій словарей и всѣ они имѣютъ громадный успѣхъ и расходятся не десятками, а сотнями тысячъ экземпляровъ. Въ Россіи же, всѣ попытки изданія энциклопедическаго словаря оканчивались, большею частью, неудачей, и только недавно профессору Петербургскаго университета И. Н. Беризину удалось довести до конца предпринятый имъ словарь въ шестнадцати томахъ. Но результатъ этого успѣха оказался, по словамъ г. Березина, весьма печальный. «Я пришелъ къ убѣжденію, говоритъ онъ, что большой энциклопедическій словарь на русскомъ языкѣ болѣе невозможенъ по малочисленности нашей интеллигенціи: нельзя имѣть необходимое число понимающихъ дѣло добросовѣстныхъ сотрудниковъ, нельзя также получить достаточное количество подписчиковъ, чтобы довести до конца такое дорогое изданіе».

Вслѣдствіе такого убѣжденія, г. Березинъ рѣшился теперь издать энциклопедическій словарь въ восьми томахъ и съ умѣренною цѣною, такъ какъ, по его мнѣнію, только такой словарь можетъ удовлетворить требованіямъ нашего общества. «Ничто не соблазняетъ и ничто не вынуждаетъ меня,— поясняетъ г. Березинъ,—пуститься на новый рискъ; я руковожусь единственно предположеніемъ, что могу исполнить эту трудную работу и такимъ образомъ доставить русскому человѣку необходимѣйшую книгу для его развитія».

Мысль прекрасная и заслуживающая полнаго сочувствія. Осуществленіе ея лежитъ передъ нами въ видѣ четырехъ первыхъ выпусковъ «Новаго энциклопедическаго словаря».

Но прежде всего, мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу жалобъ г. Березина на малочисленность нашей интеллигенціи, отсутствіе добросовѣстныхъ сотрудниковъ и недостатокъ подписчиковъ на русскіе энциклопедическіе словари. Мы сомнѣваемся въ справедливости этихъ жалобъ и полагаемъ, что неуспѣхъ подобныхъ изданій у насъ слѣдуетъ, главнымъ образомъ, отнести къ неумѣлости ихъ издателей. За границей, энциклопедическіе словари, сравнительно, дешевы и, что особенно важно, всѣ статьи, касающіяся *родиновѣдѣнія*, составлены въ нихъ въ высшей степени добросовѣстно и толково, такъ что подобныя изданія, дѣйствительно, распространяютъ въ публикѣ массу самыхъ разнообразныхъ и полезныхъ для нея свѣдѣній. Каждый нѣмецъ, или французъ, можетъ подробно ознакомиться по энциклопедическому словарю съ исторіей и географіей своего отечества, съ его литературой, бытомъ и т. п.; здѣсь онъ найдетъ всѣ необходимыя для него справки и получитъ о каждомъ предметѣ сжатое, но точное и ясное понятіе. Таковы ли наши энциклопедическіе словари? Они представляютъ собою не болѣе какъ сокращенный и часто плохой переводъ статей изъ иностранныхъ словарей и не заключаютъ въ себѣ почти никакихъ свѣдѣній о самомъ существенномъ,— о Россіи, о русской исторіи, русской наукѣ, русскихъ замѣчательныхъ людяхъ и т. д. Спрашивается, зачѣмъ же «интеллигентному» русскому человѣку, обладающему, безъ сомнѣнія, знаніемъ хоть одного иностраннаго языка, покупать неряшливо изданный, плохой, сокращенный переводъ заграничнаго словаря, когда онъ можетъ пріобрѣсти гораздо дешевле самый подлинникъ? Едва ли основательна и ссылка г. Березина на отсутствіе добросовѣстныхъ сотрудниковъ; въ томъ то и дѣло, что ихъ надо отыскать, но только, разумѣется, не среди гимназистовъ и мелкихъ компиляторовъ, готовыхъ за грошовую построчную плату писать о чемъ угодно. Наконецъ, составленіе хорошаго русскаго энциклопедическаго словаря въ настоящее время значительно облегчилось, благодаря существованію множества превосходныхъ пособій для этого. Такъ, напр., для географическихъ статей есть отличный «Географическо-Статистическій словарь Россійской имперіи», изданный подъ редакціей П. П. Семенова, откуда остается, не мудрствуя лукаво, лишь перепечатывать нужныя свѣдѣнія. Для историческихъ статей есть капитальный трудъ С. М. Соловьева, доведенный до половины царствованія Екатерины II, сочиненія Забѣлина, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина и др. Для статей по исторіи русской литературы вполнѣ достаточны сочиненія Галахова, Сухомлинова, Полеваго и др. Однимъ словомъ, почти для каждой отрасли отчизновѣдѣнія можно найдти въ нашей литературѣ удовлетворительные источники и руководства.

Какимъ же образомъ воспользовался всѣми этими матеріалами г. Березинъ и на сколько его «Новый Энциклопедическій Словарь» достигаетъ пред-

положенной имъ цѣли—«доставить русскому человѣку необходимѣйшую книгу для его развитія»? По ограниченности мѣста библіографическаго отдѣла, мы не можемъ подробно разобрать вышедшіе три выпуска этого изданія. Мы ограничимся только тѣмъ, что возьмемъ, на выдержку, нѣсколько біографій общеизвѣстныхъ лицъ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ точны и ясны сообщаемыя о нихъ въ словарѣ свѣдѣнія.

Въ біографіи цесаревны Анны Петровны (вып. 2, стр. 215) говорится слѣдующее: «Анна Петровна, старшая дочь Петра В. отъ второй супруги его Екатерины (1708—1728), вышла замужъ за Карла-Фридриха-Гольштейнъ-Готорпскаго; при Екатеринѣ I жила въ Петербургѣ, гдѣ была старшей воспитательницей Петра II. По кончинѣ послѣдняго 1727 уѣхала отъ Меньшикова въ Киль, гдѣ родила сына Карла-Петра-Ульриха (имп. Петра III)».

Какое понятіе объ Аннѣ Петровнѣ можетъ получить читатель изъ этихъ 8 строкъ, гдѣ притомъ же пропущены принадлежащіе ей и ея мужу титулы «цесаревны» и «герцога», гдѣ она названа «старшей воспитательницей» (т. е. гувернанткой) Петра II, которой никогда не была, и гдѣ въ видѣ характеристики прибавлено совершенно непонятное «уѣхала отъ князя Меньшикова въ Киль».

Въ біографіи императрицы Анны Іоанновны (вып. 2, стр. 216), между прочимъ, говорится: «Въ 1709 г. Петръ Великій придумалъ (?) выдать одну изъ своихъ племянницъ замужъ за герцога Курляндскаго Фридриха-Вильгельма; герцогъ избралъ Анну Іоанновну. По кончинѣ Петра II (1730) верховный совѣтъ совѣщался объ избраніи новаго государя. Выборъ палъ на герцогиню Курляндскую, но верховный совѣтъ предложилъ условія, по которымъ ей оставлялась тѣнь власти». Такое изложеніе не даетъ яснаго представленія о событіяхъ воцаренія Анны Іоанновны; здѣсь необходимо было пояснить хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, почему именно выборъ верховниковъ остановился на Аннѣ Іоанновнѣ, обходя ея сестеръ и дочь Петра Великаго, и съ какою цѣлью они предложили условія, ограничивающія самодержавіе. Далѣе: «Власть перешла въ руки любимца императрицы Бирона и его сторонниковъ. Вмѣстѣ съ Бирономъ были приближены ко двору и возвысились два его брата, семейство Треденовъ (т. е. Трейденъ), Бисмаркъ, бывшій въ родствѣ съ Бирономъ. Два брата Левенвольды были также съ самаго начала царствованія въ большой милости у императрицы. Старшій изъ нихъ рѣшительно принялъ сторону Анны». Читатель поставленъ въ недоумѣніе, что означаетъ послѣдняя фраза и почему принятію Левенвольдомъ стороны (?) Анны Іоанновны придается такое важное значеніе? Мы думаемъ, что этого не объяснитъ и самъ составитель біографіи. При перечисленіи мѣропріятій, состоявшихся въ царствованіе Анны Іоанновны, говорится: «Верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ, сенатъ же возстановленъ въ прежнемъ значеніи», но при этомъ не указано, что возстановленіе власти сената было временное и чисто фиктивное, такъ какъ въ 1731 г. созданъ «Кабинетъ», которому подчинены всѣ высшія учрежденія и въ числѣ ихъ сенатъ, представлявшій Кабинету ежемѣсячно «рапорты» о производящихся въ немъ дѣлахъ и исполнявшій всѣ его предписанія, какъ именныя высочайшія повелѣнія. Вполнѣ власть сената была возстановлена, какъ извѣстно, лишь при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ.

Въ біографіи правительницы Анны Леопольдовны (вып. 2, стр. 217)

снова встрѣчаемся съ подобными же неточностями и недомолвками, напр.: «Принцесса объявила себя правительницей. Принцъ брауншвейгскій назначенъ генералиссимусомъ; фельдмаршалъ Минихъ — первымъ министромъ; графъ Остерманъ — генералъ-адмираломъ; князь Черкасскій — великимъ канцлеромъ; графъ Головкинъ—вице-канцлеромъ. Народу объявлены были милости и амнистіи. Недовольный Минихъ скоро удалился». Читатель остается въ недоумѣніи, почему Минихъ, назначенный на самый высшій постъ перваго министра, остался недоволенъ и удалился отъ дѣлъ? Далѣе: «Слабая и добрая правительница поссорилась съ мужемъ, очень мало занималась дѣлами, а между тѣмъ въ тишинѣ созрѣлъ переворотъ: цесаревна Елисавета Петровна провозглашена войсками императрицей». Опять недоумѣніе: почему созрѣлъ переворотъ? По тому ли, что Анна Леопольдовна поссорилась съ мужемъ, или по тому, что мало занималась дѣлами, или по чему нибудь другому?

Біографія фельдмаршала князя Барклая-де Толли (вып. 3, стр. 491) начинается такъ: «Барклай-де Толли, Михаилъ, князь, одинъ изъ знаменитѣйшихъ русскихъ генераловъ и т. д.». Очевидно, составитель біографіи не зналъ, что у Барклая-де Толли, кромѣ имени, было и отчество «Богдановичъ», неоднократно упоминаемое во всѣхъ его жизнеописаніяхъ.

Біографія фельдмаршала князя Барятинскаго (вып. 3, стр. 498) изложена такъ: «Барятинскій князь Александръ Ивановичъ, рус. генер.-фельдмаршалъ (1814 † 1879) въ званіи начальника генеральнаго (?) штаба кавказской арміи князя Бебутова содѣйствовалъ побѣдѣ при Кюрюкъ-Дара; въ 1856, въ чинѣ генералъ-отъ-инфантеріи, въ 3 похода покорилъ всѣ (?) кавказскія племена; въ 1859, взялъ укрѣпленный аулъ Веденъ и горную крѣпость Гунибъ, а вмѣстѣ съ ней и Шамиля и такимъ образомъ покончилъ кавказскую войну и покореніе Кавказа; въ 1862, по болѣзни сложилъ съ себя званіе главнокомандующаго и намѣстника кавказскаго; умеръ въ Москвѣ отъ удара». Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ нѣсколько ошибокъ: во-первыхъ, князь Барятинскій никогда не былъ начальникомъ «генеральнаго» штаба, и такого званія не существовало и не существуетъ въ русской арміи: во-вторыхъ, онъ не покорилъ въ какіе-то три похода «всѣ» кавказскія племена и не покончилъ кавказскую войну, потому что окончательное покореніе Кавказа совершилось гораздо позже, при его преемникѣ; въ-третьихъ, князь Барятинскій умеръ не въ Москвѣ, а въ Скерневицахъ, гдѣ жилъ безвыѣздно, и не отъ удара, а отъ сложной болѣзни, которой страдалъ много лѣтъ.

Біографія адмирала Васаргина (вып. 3, стр. 498) ограничивается слѣдующими словами: «Васаргинъ, Григорій Гавриловичъ, русскій вице-адміралъ († 1853), участвовалъ во многихъ морскихъ сраженіяхъ; производилъ промѣры». Какіе промѣры, гдѣ?

Біографія канцлера князя Безбородко (вып. 3, стр. 517) занимаетъ всего шесть строкъ: «Князь Александръ Андреевичъ Безбородко, государственный канцлеръ, русскій дипломатъ; сдѣланъ 1775 г. императрицею Екатериною секретаремъ ея и съ этихъ поръ служилъ исполнителемъ повелѣній двухъ монарховъ въ теченіе 24 лѣтъ (1742 † 1799)». Такимъ образомъ, объ одномъ изъ способнѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей, игравшемъ важную роль въ теченіе всего царствованія Екатерины II, и въ особенности въ царствованіе Павла I, сказано нѣсколько ничего не значащихъ словъ, а черезъ двѣ страницы австрійскому канцлеру графу Бейсту отданъ цѣлый столбецъ (благо его біографію можно было перевести цѣликомъ изъ нѣмец-

каго словаря), а «фортепьянному мастеру» Якову Давидовичу Беккеру полъ-столбца.

Въ перечисленіи князей Гагариныхъ (вып. 4, стр. 384) упомянуты: князь Павелъ Павловичъ, предсѣдатель комитета министровъ, князь Сергѣй Петровичъ, составитель «Географическаго словаря», и князь Иванъ Сергѣевичъ—іезуитъ; но пропущенъ самый замѣчательный изъ Гагариныхъ, князь Матвѣй Петровичъ, самовластно управлявшій Сибирью при Петрѣ Великомъ, задумавшій отложиться, при содѣйствіи Китая, отъ Россіи и объявить себя самостоятельнымъ государемъ, и за это повѣшенный въ 1721 году, не смотря на заступничество вельможъ и китайскаго правительства.

Оригинальна біографія извѣстнаго изслѣдователя исторіи Кавказа, Берже (вып. 3, стр. 17): «Адольфъ Петровичъ Берже, оріенталистъ, авторъ сочиненій «Чечня и Чеченцы», «Сказанія и пѣсни черкесовъ» и др. Прежде служилъ въ Тифлисѣ, нынѣ находится въ Петербургѣ». Спрашивается, кому нужно знать, что г. Берже «находится нынѣ въ Петербургѣ», и какое отношеніе имѣетъ это свѣдѣніе къ его біографіи и ученымъ трудамъ?

Приведенныя выдержки, полагаемъ, совершенно достаточны для того, чтобы убѣдиться, на сколько «Новый энциклопедическій словарь» можетъ «удовлетворять требованіямъ нашего общества» и на сколько удачно и добросовѣстно выполняетъ г. Березинъ свое обѣщаніе «доставить русскому человѣку необходимѣйшую книгу для его развитія».

С. Ш.

Пятнадцатый годовой отчетъ высочайше утвержденнаго Общества для распространенія св. писанія въ Россіи (за 1883 годъ). Спб. 1884 г.

На ряду съ реформами предшествовавшаго царствованія, обновившими весь строй русской жизни, среди русскаго общества проявилось стремленіе къ распространенію грамотности въ народѣ, только что освобожденномъ отъ крѣпостничества. Появился комитетъ грамотности для дароваго или удешевленнаго снабженія школъ книгами и учебными пособіями; устроивались конкурсы и назначались награды за лучшія сочиненія и за ревностную дѣятельность по народному образованію; учреждались безплатныя воскресныя лекціи для дѣтей бѣдныхъ родителей; явилась, наконецъ, на родномъ языкѣ книга, существующая на языкахъ всего міра,—книга Новаго Завѣта, переведенная на русскій языкъ по распоряженію святѣйшаго синода.

Среди такого стремленія со стороны русскаго общества и разныхъ частныхъ и правительственныхъ учрежденій къ развитію въ народѣ грамотности, въ Петербургѣ возникъ въ началѣ 1863 года частный кружокъ, съ весьма ограниченнымъ числомъ лицъ и не менѣе того ограниченными средствами, поставившій себѣ задачею распространеніе въ народѣ священнаго писанія.

Вооружившись девизомъ: «заблуждаетесь, не зная писаній»[1]), Общество это приняло за правило распространять книги священнаго писанія, изданныя лишь по благословенію святѣйшаго синода, но преимущественно евангеліе и апостольскія посланія; книги продавать въ переплетѣ, по возможно де-

---

[1]) Евангеліе Матѳія, гл. XXII, ст. 29.

шевой цѣнѣ, людямъ же неимущимъ, равно больницамъ, богадѣльнямъ, тюрьмамъ, бѣднымъ школамъ и проч. уступать по уменьшеннымъ цѣнамъ или же выдавать безплатно; а для того, чтобы книги вездѣ могли быть продаваемы по одной и той же цѣнѣ, Общество приняло пересылку книгъ на свой счетъ. Кромѣ продажи книгъ въ книжныхъ складахъ въ Петербургѣ и Москвѣ [1]), Общество избрало другой способъ распространенія ихъ въ народѣ, именно продажу книгъ въ разносъ, посредствомъ книгоношъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ дѣйствій Общества и расширеніемъ его состава, былъ составленъ уставъ Общества, который и былъ высочайше утвержденъ 2-го мая 1869 г.

Вотъ это-то Общество издало пятнадцатый отчетъ о дѣятельности своей въ 1883 году.

Изъ отчета видно, что Общество для распространенія св. писанія состояло въ 1883 году изъ 1,149 членовъ; въ этомъ числѣ находилось 7 архіепископовъ и епископовъ, 9 архимандритовъ, 397 прочихъ духовныхъ лицъ [2]) и 101 лицо женскаго пола.

Въ теченіе отчетнаго года было распространено книгъ св. писанія 90,608 экземпляровъ, изъ числа которыхъ было роздано безвозмездно 8,868 экземпляровъ, на сумму 1,025 руб. Если допустить, что каждый изъ членовъ Общества непремѣнно содѣйствовалъ тѣмъ или другимъ образомъ дѣлу распространенія св. писанія, то окажется, что въ средней сложности на каждаго члена приходится около 79 экземпляровъ распространенныхъ книгъ; въ дѣйствительности же въ этомъ отношеніи, разумѣется, не могло быть никакой равномѣрности, потому что одними, напримѣръ, книгоношами, которыхъ было 7 съ двумя помощниками, распространено въ годъ 46,324 экземпляра, т. е. 51% общаго числа распространенныхъ въ отчетномъ году книгъ; всѣхъ же книгъ было распространено со времени основанія Общества 901,360 экземпляровъ, что̀ среднимъ числомъ на каждый годъ составляетъ 42,636 экземпляровъ [3]).

Столь широкое развитіе дѣятельности Общества слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, отнести къ избранному имъ способу распространенія книгъ посредствомъ книгоношъ. Ходячая книга, конечно, скорѣе найдетъ для себя покупателя, чѣмъ книга, поставленная въ витрину магазина или на полку букиниста; къ тому же магазины и букинисты находятся только въ городахъ; а въ деревню, на пристань, въ лагерь, на фабрику, книга должна быть принесена живымъ человѣкомъ; но для разноса такихъ книгъ, какъ евангеліе или библія, требовался не простой разносчикъ, преслѣдующій одну цѣль — «сбыть товаръ» повыгоднѣе, но человѣкъ, посвятившій себя дѣлу распространенія

---

[1]) Въ Москвѣ Общество имѣетъ кіоскъ, бывшій на художественно-промышленной выставкѣ 1882 года и перенесенный въ 1883 году на бульваръ у Ильинскихъ воротъ.

[2]) Замѣчательно, что въ числѣ духовныхъ лицъ членами Общества состоитъ 4 протестантскихъ пастора и ни одного католическаго патера. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, понятно: ни одинъ изъ католическихъ ксендзовъ не возьмется за распространеніе религіозной книги, не имѣющей санкціи римскаго папы.

[3]) Изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ свѣдѣній видно, что въ 1863 году, т. е. въ первый годъ своего существованія, Общество распространило только 2,450 экземпляровъ книгъ св. писанія; въ слѣдующемъ году цифра эта удвоилась (4,747 экз.), а въ 1865 году достигла уже 13,385 экз. Такое развитіе дѣятельности Общества обусловливалось, конечно, числомъ членовъ его, годъ отъ году прибывавшихъ, и получаемыми Обществомъ средствами.

священныхъ книгъ по доброй своей волѣ и имѣющій притомъ хотя бы нѣкоторое знакомство съ распространяемыми имъ книгами, дабы продажа книгъ не имѣла даже вида «сбыта товара» и получалась бы изъ его рукъ съ полнымъ сознаніемъ со стороны пріобрѣтателя, что̀ ему предлагаютъ.

Въ отчетѣ за 1883 годъ, кромѣ указанія на весьма значительное число распространенныхъ тѣмъ или другимъ книгоношей книгъ, приведено нѣсколько случаевъ, показывающихъ, что Общество не ошиблось въ выборѣ лицъ, на которыхъ было возложено распространеніе св. писанія въ разносъ.

Было бы затруднительно перечислить въ нашей краткой замѣткѣ случаи полезной дѣятельности книгоношъ, разсказанные въ отчетѣ; вообще слѣдуетъ замѣтить, что мысль распространенія св. писанія встрѣтила среди всѣхъ классовъ русскаго народа полное сочувствіе. Евангеліе, библія, псалтырь раскупаются быстро, съ выраженіемъ непритворной благодарности за ихъ доставку и предложеніе. Деревенскій базаръ, кипучая пристань Волги, глухія, отдаленныя отъ свѣта мѣста̀ Сибири, вагонъ желѣзной дороги, школа— куда только появится членъ-сотрудникъ Общества, все это оказывается такими мѣстами, въ которыхъ какъ бы не доставало только евангелія или библіи; въ особенности съ безпредѣльною радостью встрѣчаютъ книгоношу дѣти, наперерывъ бросающіяся на дешевыя и притомъ красивыя книжечки евангелія, и мигомъ разбираютъ котомку книгоноши, подчасъ въ кредитъ или на занятыя деньги. Со стороны разнаго начальства, разрѣшеніемъ котораго всегда запасаются распространители св. книгъ, книгоноши встрѣчаютъ полное содѣйствіе и помощь [1]). Наконецъ, помимо постоянныхъ безплатныхъ билетовъ, которыми снабжаютъ книгоношъ многія желѣзнодорожныя управленія, книгоноши получаютъ безплатные билеты на пароходахъ, даровыя помѣщенія на фабрикахъ, золотыхъ пріискахъ и т. п.

Такъ подвизается Общество для распространенія св. писанія въ Россіи; дѣятельность его иначе не можетъ быть названа, какъ просвѣтительною, миссіонерскою. Въ этой дѣятельности — живой и плодотворной — замѣчается не одна только религіозная цѣль снабженія каждаго православнаго христіанина священною книгою, необходимою и для стараго, и для малаго, но и воспитательное и образовательное вліяніе, въ которомъ такъ нуждаются массы русскаго народа. Проникнуть въ эти массы во всеоружіи такой благой задачи могутъ только такіе сотрудники-миссіонеры, какими располагаетъ нынѣ Общество, и только съ такою книгою, какъ евангеліе и библія.

Въ заключеніе нельзя не упомянуть и о тѣхъ средствахъ, какими располагаетъ Общество для распространенія св. писанія. Въ отчетномъ году Общество имѣло на приходѣ 16,733 руб., въ томъ числѣ пожертвованій: отъ ихъ величествъ и особъ императорскаго дома 830 р., отъ американскаго библейскаго общества 9.056 р., отъ частныхъ лицъ 1,129 руб.; членскихъ взносовъ 2,838 р. и сбора по книжкамъ и кружкамъ 2,757 р. Въ расходѣ состояло 9.541 руб., причемъ отправка книгъ къ членамъ-сотрудникамъ обошлась болѣе 3,000 руб., а на вознагражденіе книгоношъ и двухъ ихъ помощниковъ израсходовано 3,662 р. Такимъ образомъ въ результатѣ получился избытокъ

[1]) Въ этомъ отношеніи, какъ на исключеніе, отчетъ указываетъ лишь на одинъ случай, бывшій съ книгоношей Р., которому иркутскій казначей не позволилъ продавать въ казначействѣ св. книгъ и велѣлъ ему выйдти, что, впрочемъ, нисколько не помѣшало подчиненнымъ столь своеобразнаго ревнителя порядка раскупить за дверями казначейства всю сумку.

надъ расходомъ въ 732 руб., вмѣсто ожидавшагося дефицита; такому благопріятному результату въ своихъ денежныхъ оборотахъ Общество обязано братской помощи американскаго библейскаго общества, давшаго возможность покрыть расходы двухъ чрезвычайно дорого стоящихъ экспедицій книгоношъ въ Восточную Сибирь и въ Пріамурскій край.

М. Г—кій.

Н. А. Милютинъ (Un homme d'état russe. Etude sur la Russie et la Pologne pendant le règne d'Alexandre II. 1855—1872). Par Anatole Leroy-Beaulieu. Paris. 1884.

Извѣстный трудъ Леруа-Болье о Н. А. Милютинѣ, появившійся нѣсколько лѣтъ назадъ въ «Revue des deux Mondes», при отдѣльномъ изданіи значительно дополненъ, по отношенію къ фактическому матеріалу, но воззрѣнія автора на героя его монографіи остались неизмѣнными. Важное значеніе этой критики опредѣляется тѣмъ, что при извѣстномъ безпристрастіи и трезвости взглядовъ Леруа-Болье на Россію и русскихъ, онъ пользовался для настоящей книги еще не изданной корреспонденціей Милютина и другихъ лицъ, частію очень характерной и всегда небезъинтересной для опредѣленія тѣхъ иногда противоположныхъ теченій, среди которыхъ ему приходилось дѣйствовать.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи,—въ недостаткѣ единства у внутренней политики разныхъ моментовъ прошлаго царствованія и—параллельно съ этими колебаніями — въ образчикѣ энергіи и нравственной крѣпости отдѣльныхъ представителей русскихъ людей «стараго закала», — видитъ авторъ преобладающій интересъ избраннаго сюжета, который долженъ служить дополненіемъ капитальному труду Леруа-Болье (L'empire des Tsars et les russes). Для иностранныхъ читателей подобный очеркъ имѣетъ еще особенное значеніе, какъ разъясненіе истиннаго характера дѣятельности возродителя русской Польши. Правда, Леруа-Болье, за исключеніемъ крестьянской реформы въ царствѣ Польскомъ, не признаетъ за другими тамъ трудами Милютина особой долговѣчности; но онъ проводитъ ясное различіе между милютинскою и послѣ-милютинскою русскою политикой по управленію краемъ. Другіе же иностранные историки и публицисты (особенно польскіе) не всегда могутъ возвыситься до такого спокойнаго, объективнаго взгляда на одного изъ самыхъ видныхъ людей прошлаго царствованія. Такъ, г. Лисицкій, авторъ извѣстной монографіи о маркизѣ Велепольскомъ, называетъ Милютина «l'homme néfaste»... Положимъ, что книга Лисицкаго, составляющая панегирикъ Велепольскому, сопернику русскаго «демократа», отличается вообще тенденціознымъ характеромъ, но во всякомъ случаѣ она даетъ масштабъ ходячимъ воззрѣніямъ на «милютинскую» систему, воззрѣніямъ, которыя нечужды и нѣкоторымъ кружкамъ въ самой Россіи.

Впрочемъ, для Россіи значеніе Н. А. Милютина далеко не исчерпывается послѣднею частью его дѣятельности, т. е. устройствомъ польскихъ дѣлъ. И раньше этой эпохи, во время подготовки освобожденія крестьянъ, при министерствѣ Ланскаго, Милютинъ былъ душой выработывавшейся реформы, отстаивалъ, согласно съ воззрѣніями покойнаго государя, крестьянскій на-

дѣлъ отъ стремленій противоположной партіи. Характерною особенностью тогдашней борьбы партій было то, что въ оппозиціи его идеямъ находились тѣ самые люди, съ которыми сообща ему же пришлось дѣйствовать впослѣдствіи въ Польшѣ, и наоборотъ. Въ силу еще болѣе страннаго, на первый взглядъ, поворота судьбы, послѣ завершенія нашей «борбы за освобожденіе» рѣшеніемъ покойнаго государя, узаконившаго надѣлъ землею и широкое самоуправленіе бывшихъ крѣпостныхъ, Милютинъ года два былъ не у дѣлъ: вводить въ жизнь реформу, проведенную подъ вліяніемъ его идей, пришлось не ему и не министру Ланскому, а лицамъ инаго направленія, съ мнѣніями которыхъ Милютину пришлось еще считаться и спустя нѣсколько лѣтъ, по выработкѣ сообща съ Самаринымъ и Черкасскимъ новаго положенія для Польши. Идея торжествовала, но ея поборниками, раздражавшими противоположную партію, нужно было пожертвовать. Картина борьбы этихъ теченій, подкрѣпляемая нерѣдко подлинными письмами тогдашнихъ вліятельныхъ особъ, составляетъ самыя любопытныя страницы книги Леруа-Болье.

По выраженію автора, при всѣхъ колебаніяхъ, отличавшихъ внутреннюю политику прошлаго царствованія, чрезъ всѣ тогдашнія мѣропріятія проходитъ одна основная черта, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшая характеру Милютина: это — демократическій духъ, стремленіе къ отмѣнѣ привиллегій ранга, рожденія или состоянія. Быть можетъ, вѣрнѣе было бы сказать, что реакція противъ эпохи крѣпостнаго права и сопряженныхъ съ нимъ несправедливостей общественныхъ наполнила собою лучшую половину прошлаго царствованія, и этотъ духъ времени нашелъ себѣ одного изъ лучшихъ истолкователей въ Милютинѣ, который еще въ царствованіе императора Николая, въ своихъ трудахъ по переустройству петербургской думы, провелъ довольно смѣло для тогдашняго времени начало самоуправленія. По словамъ Леруа-Болье, уже этотъ трудъ содѣйствовалъ тому, что за Милютинымъ утвердилась въ высшихъ сферахъ репутація «революціонера». А въ эпоху крестьянской реформы онъ даже прослылъ краснымъ. «C'est un homme à surveiller», сказало о немъ одно высокопоставленное лицо. Съ другой стороны, въ обществѣ о Милютинѣ мало знали; онъ считался обыкновеннымъ, кабинетнымъ, рутиннымъ дѣльцомъ. Послѣдствія показали, какъ мало основательности было въ той и другой изъ связанныхъ съ именемъ этого государственнаго человѣка репутацій. Правда, во всѣ періоды своей дѣятельности онъ старался пробуждать и укрѣплять народную силу, какая была въ наличности, въ противоположность силѣ бюрократіи: въ петербургскую думу онъ старался ввести дѣйствительное, а не бумажное только участіе жителей, опорою освобожденнаго крестьянина считалъ его самостоятельность въ распоряженіи своими дѣлами, возможную независимость какъ отъ бюрократіи, такъ и отъ помѣщиковъ; въ Польшѣ искалъ поднять возрожденный народъ и составить въ немъ «русскую партію».

Къ направленію польскихъ дѣлъ Н. А. Милютинъ призывался было уже и черезъ годъ послѣ своего невольнаго ухода изъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но тогда онъ успѣлъ еще уклониться отъ этого бремени, тѣмъ болѣе, что въ ту пору выходила звѣзда маркиза Велепольскаго, и иллюзіи по управленію Польшею еще не разсѣялись. Вообще къ польскимъ дѣламъ Н. А. не чувствовалъ особой склонности, особенно до тѣхъ поръ, пока они не отождествились для него съ продолженіемъ, хотя и видоизмѣненнымъ, его прежней работы по освобожденію русскихъ крестьянъ. Съ этой только точки зрѣ-

нія и должно смотрѣть на дѣйствія Милютина въ царствѣ Польскомъ, разграничивая ихъ, какъ дѣлаетъ и Леруа-Болье, отъ послѣдующихъ принятыхъ послѣ удаленія Н. А. болѣе крутыхъ мѣръ такъ называемой обрусительной политики. Замѣчательно, что эти крутыя мѣры послѣ смерти Милютина осуществлялись на дѣлѣ легче, чѣмъ испрашиваемыя имъ умѣренныя реформы объединительнаго направленія, изъ-за которыхъ ему приходилось выдерживать немало борьбы какъ въ петербургскихъ сферахъ, такъ и въ особенности въ Варшавѣ со стороны намѣстника, графа Берга. Въ этомъ сказываются остатки прежняго предубѣжденія противъ «краснаго» администратора.

Сущность польской политики Н. А. Милютина отчетливо выражена въ письмѣ его къ Я. А. Соловьеву отъ 23-го марта 1884 года: «Нужно поднять и поставить на ноги приниженныя массы, противопоставивъ ихъ олигархіи, которою до сихъ поръ были запечатлѣны всѣ польскія учрежденія. Современемъ мы найдемъ въ Польшѣ дѣятельные элементы, на которые будемъ въ состояніи опереться. Но въ ожиданіи этого мы должны дѣйствовать посредствомъ русскихъ не только по причинѣ ненормальнаго состоянія края, но также и по совершенному отсутствію у поляковъ способности организовать что бы то ни было, помимо ихъ несчастныхъ преданій. Такая способность можетъ у нихъ явиться только тогда, когда всякая связь съ этими преданіями будетъ порвана и на сцену появится лицо, еще неизвѣстное въ польской исторіи, — народъ».

Въ такомъ духѣ были задуманы и выполнены Милютинымъ извѣстныя преобразованія по поземельному устройству и по введенію самоуправленія у «лично свободныхъ» польскихъ крестьянъ, описанныя у Леруа-Болье достаточно полно для небольшой монографіи. Авторъ выставляетъ, впрочемъ, на видъ, что примѣненіе земельнаго надѣла изъ помѣщичьихъ земель было въ настоящемъ случаѣ со стороны русскаго правительства болѣе всего мѣрою политическою, мѣрою борьбы противъ мятежниковъ, изъ рукъ которыхъ это оружіе было удачно вырвано, съ закрытіемъ земледѣльческаго общества. Подтвержденіемъ такого чисто политическаго характера поземельной реформы въ объятыхъ возстаніемъ краяхъ служитъ положеніе, занятое въ сѣверо-западномъ краѣ генераломъ Муравьевымъ, за нѣсколько лѣтъ до того горячимъ противникомъ освобожденія крестьянъ съ землею въ коренной Россіи, что потомъ въ Вильнѣ не мѣшало ему отстаивать хорошіе надѣлы съ умѣренными платежами. Если даже не останавливаться на естественной аналогіи съ только что произведенной крестьянской реформой въ самой Россіи, примѣнить которую къ польскому краю побуждали обстоятельства, то должно замѣтить всетаки, что каждая крупная внутренняя реформа есть дѣло политики предпринимающаго ее правительства, — результатъ извѣстныхъ воззрѣній составляющихъ его лицъ, воззрѣній, которыя или сложились въ послѣдовательную систему, или проникаютъ въ жизнь отрывочно, по мѣрѣ того, какъ позволятъ обстоятельства. Муравьевъ, до тѣхъ поръ не пользовавшійся симпатіями въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ дѣйствовалъ, вдругъ сдѣлался человѣкомъ популярнымъ, благодаря тому, что явился истиннымъ слугой своего отечества, принесъ въ жертву его нуждамъ свои личныя убѣжденія. Къ этой порѣ относится и его дѣловое сближеніе съ Милютинымъ, имя котораго до тѣхъ поръ никто бы не поставилъ рядомъ съ Муравьевымъ. Теперь же исторія признаетъ заслуги этихъ обоихъ государственныхъ людей по закрѣпленію за Россіей ея европейскаго мѣста.

Въ сущности, задача Милютина была труднѣе: ему приходилось дѣйствовать съ этнографически обособленнымъ населеніемъ, которое помнило еще свою самостоятельность. Нужно было умѣть не перейдти границы, отдѣляющей правильное объединеніе отъ нарушенія естественныхъ правъ соединеннаго судьбою съ Россіей родственнаго народа. И пока дѣйствовалъ Милютинъ — границы эти не были перейдены, не смотря на то, что, напримѣръ, по церковнымъ дѣламъ онъ держался взгляда, безусловно противнаго соглашенію съ Римомъ. Не только секуляризація монастырей съ сокращеніемъ числа монаховъ, не только отмѣна патроната крупныхъ собственниковъ надъ церквами явились результатомъ его воззрѣній. Онъ старался также ограничить власть епископовъ надъ ксендзами, искалъ предоставить прихожанамъ-крестьянамъ право выбора священниковъ, но этотъ проектъ не получилъ утвержденія въ Петербургѣ.

Что касается важнѣйшей реформы, совершенной Милютинымъ съ товарищами въ царствѣ Польскомъ, крестьянской, то здѣсь достаточно напомнить главнѣйшія черты отличія ея отъ обще-русской, чтобъ еще рельефнѣе выставить духъ ея автора. Извѣстно, что въ Польшѣ выкупные платежи за землю падаютъ не исключительно на самихъ крестьянъ, но на финансы царства, которое выплачиваетъ ихъ собственникамъ, крестьяне же участвуютъ въ платежахъ лишь въ опредѣленной долѣ, тогда какъ въ коренной Россіи платежи эти лежатъ на однихъ только крестьянахъ, а между тѣмъ всѣ классы населенія и само государство имѣютъ косвенное участіе въ выгодахъ отъ освобожденія крестьянъ. Не останавливаемся на сравнительной соразмѣрности платежей съ качествомъ земли. Результаты такой политики очерчиваетъ самъ авторъ: «Изъ трехъ частей бывшей Польской республики русская Польша, безъ всякаго сравненія, самая благоденствующая. Преуспѣяніе проявляется во всемъ; населеніе увеличивается быстро, и вмѣстѣ съ тѣмъ удлиняется средняя продолжительность жизни, тогда какъ количество преступленій понижается». Воздавая справедливость энергіи польскаго населенія, Леруа-Болье приписываетъ немалую долю успѣха и тому обстоятельству, что у Милютина и его друзей тамъ менѣе были связаны руки, чѣмъ за три года передъ тѣмъ, во время подготовки крестьянскаго положенія въ коренной Россіи.

Милютинской политикѣ теперь слышатся иногда упреки, какъ первоначальной виновницѣ германизаціи царства Польскаго. Леруа-Болье ясно доказываетъ, сколько тутъ несправедливаго. Правда, въ письмѣ къ Черкасскому въ 1865 году у него проскользнуло такое выраженіе: «я менѣе не довѣряю нѣмцамъ, чѣмъ полякамъ», но это было понятно подъ впечатлѣніемъ только что минувшаго возстанія, и до наступленія прусскихъ побѣдъ подъ Садовой и Седаномъ. Уже по полученіи извѣстія о первой изъ нихъ, Милютинъ писалъ: «для насъ въ этомъ событіи нѣтъ ничего пріятнаго!» Четыре года спустя, уже разбитый параличемъ, но сохранившій умственную ясность, Милютинъ отказывался вѣрить въ первую минуту Седанской капитуляціи, думая, что его, какъ больнаго, хотятъ мистифировать. Извѣстно, что Н. А. не могъ поправиться отъ удара, постигшаго его въ 1866 году, послѣ оживленнаго засѣданія въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ ему пришлось отстаивать свои церковные законопроекты, и въ 1872 году скончался.

Опираясь на переписку Милютина, Леруа-Болье въ своей исторической монографіи нерѣдко переходитъ въ роль публициста, что, впрочемъ, совершенно понятно: поставленные знаменитымъ государственнымъ человѣкомъ

вопросы, совершенныя реформы требуютъ продолженія въ томъ же духѣ, но примѣнительно къ современнымъ обстоятельствамъ, изъ которыхъ главнѣйшимъ является созданіе на западной границѣ русской Польши огромной военной имперіи. Не смотря на такое измѣненіе, авторъ въ параллель съ современнымъ порядкомъ цитируетъ слѣдующія выраженія изъ записки Милютина въ комитетъ по дѣламъ царства Польскаго въ маѣ 1864 года: «Всѣ усилія обрусить Польшу останутся напрасны; никогда не удастся путемъ школы привлечь къ намъ поляковъ и слить ихъ съ русскими; нужно удовлетвориться и тѣмъ, если поляки выучатся русскому языку, какъ одному изъ необходимыхъ общеобразовательныхъ знаній». Леруа-Болье приводитъ эти слова въ подкрѣпленіе своихъ энергическихъ порицаній современной учебной системѣ въ Царствѣ Польскомъ, или, точнѣе, преподаванію на русскомъ языкѣ, которому, по его словамъ, Милютинъ предназначалъ лишь почетное мѣсто въ учебной системѣ, какъ языку государственному. Проводя параллель между Польшей и Ирландіей, авторъ замѣчаетъ, что хотя Россія больше сдѣлала для Польши, поднявъ ея экономическое благосостояніе, чѣмъ Англія для Ирландіи, обладающей политической свободой, тѣмъ не менѣе, по отношенію къ вопросу о языкѣ, Ирландія именно можетъ служить примѣромъ,— примѣромъ того, что даже общности языка не всегда достаточно, чтобъ сблизить враждующіе народы.

Во всякомъ случаѣ, хотя изъ сохранившихся до насъ мнѣній и взглядовъ Н. А. Милютина нельзя предполагать возможною полную его солидарность съ послѣдующей, строгой системой обрусенія края, но несомнѣнно, что онъ былъ искреннимъ сторонникомъ политики объединенія царства Польскаго съ коренной Россіей, и еще неизвѣстно, въ какомъ духѣ провелъ бы онъ это объединеніе. Несомнѣнно то, что система колебаній и безотчетныхъ мѣропріятій при немъ не имѣла бы мѣста.

Возвращаясь къ труду Леруа-Болье, должно признать за нимъ весьма видное мѣсто въ литературѣ событій прошлаго царствованія, тѣмъ болѣе, что авторъ касается иногда такихъ подробностей, сообщаетъ событіямъ такое освѣщеніе, которыя теперь еще едва ли удобны для передачи вполнѣ на русскомъ языкѣ, хотя довольно подробныя компиляціи книжки французскаго автора и являлись въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ. Но признавать книгу Леруа-Болье послѣднимъ словомъ о Н. А. Милютинѣ и его времени, разумѣется, нельзя. Трудъ этотъ ждетъ болѣе подробныхъ, архивныхъ матеріаловъ и — русскаго историка.

Н. С. К.

В. Эккерманъ. Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи (исторія эпидемій X — XVIII в.). Казань. 1884 г.

Въ исторіи науки очень часты случаи, когда разработкѣ извѣстнаго отдѣла ея или рѣшенію важнаго вопроса чрезвычайно сильно способствовали временно себя ей посвятившіе ученые другой спеціальности. Причина понятна: такой изслѣдователь возьмется за вопросъ только тогда, когда онъ можетъ внести въ него новый свѣтъ; онъ приступитъ къ дѣлу съ оригинальными пріемами и будетъ разработывать матеріалъ, который оставался до тѣхъ поръ болѣе или менѣе въ пренебреженіи. Съ другой стороны, работа его почти не-

избѣжно должна имѣть довольно существенные недостатки: стоя на чужой почвѣ, онъ легко можетъ преувеличить значеніе извѣстной группы фактовъ и даже впасть въ фактическія ошибки.

Эти положенія вполнѣ подтверждаются интересной книжкой, или, точнѣе, брошюрой (55 стран.) г. Эккермана: онъ, очевидно, будучи медикомъ по спеціальности, взялся обработать любопытный историческій вопросъ, старательно подобралъ массу интересныхъ фактовъ и сгруппировалъ ихъ такъ, что читатель и самъ можетъ пріидти къ весьма важнымъ для исторической культуры выводамъ; кромѣ того, онъ отъ себя, въ главѣ 3-ей (вся брошюра состоитъ изъ 3-хъ главъ: 1-я излагаетъ исторію эпидемій до черной смерти, 2-я отъ черной смерти до XVIII в.), дѣлаетъ нѣсколько выводовъ, интересныхъ и для историковъ, и для медиковъ.

Постепенное приближеніе «вѣка разума» съ замѣчательной наглядностью сказывается въ короткихъ и некраснорѣчивыхъ замѣткахъ лѣтописцевъ о тѣхъ средствахъ, которыми боролись наши предки съ эпидеміями. При полномъ господствѣ воззрѣнія на болѣзнь и на смерть, какъ на Божье наказаніе, спасаться бѣгствомъ или принимать какія либо мѣры и безумно, и грѣшно; лѣтописецъ при всемъ своемъ объективизмѣ не можетъ иногда удержаться отъ ядовитаго замѣчанія, что такой-то князь напрасно пытался уйти отъ смерти, переѣхавъ въ другую мѣстность: десница Господня и тамъ настигла его. Единственно возможными средствами отклонить гнѣвъ Божій были молитва, постъ и, главное, постройка церкви; складывали общими силами довольно большіе храмы въ очень короткій срокъ; если не помогала одна церковь, принимались строить другую: «тогда-то поставиша церковь св. Варлаама подлѣ всемилостиваго Спаса, и моръ не преста. И паки поставиша другую церковь Покрова Святѣй Богородицы, рекше у Мотыльной гридницы, и преста моръ» (стр. 39). Такъ дѣйствовали въ 1522 году во Псковѣ, но много раньше благоразумные и наблюдательные люди стали прибѣгать и къ другимъ средствамъ: выселяются изъ зараженной мѣстности цѣлыми толпами; не допускаютъ пришлецевъ изъ того города, гдѣ уже свирѣпствуетъ зараза; но, по наивности своей, прибѣгаютъ къ этой мѣрѣ слишкомъ поздно, когда уже и среди мѣстнаго населенія появлялись многочисленные случаи заболѣванія; учреждаютъ карантины; идутъ даже противъ уставовъ церковныхъ и духа христіанства, запрещая священникамъ напутствовать заболѣвшихъ. Характерна по своей радикальности мѣра предосторожности, къ счастію, не практикуемая нынѣ: жгутъ не только вещи больнаго или подозрительнаго, но и владѣльца этихъ вещей. Въ XVI вѣкѣ очень заботятся о томъ, чтобы умершихъ отъ заразы погребать не въ городѣ, а подальше за городской чертой. Въ XVII вѣкѣ принимаютъ строгія и довольно разумныя карантинныя мѣры.

Къ сожалѣнію, къ концу 2-й главы усердіе г. Эккермана въ собираніи данныхъ ослабѣло, и объ этомъ интересномъ столѣтіи мы узнаемъ изъ его книжки очень немного; не считаемъ себя въ правѣ строго осуждать за это автора, такъ какъ историческій матеріалъ для внутренней жизни Россіи въ смутное время и при первыхъ Романовыхъ и обширенъ, и разбросанъ, и сравнительно мало обслѣдованъ.

Изъ 1-й и 2-й главъ книжки г. Эккермана приведемъ нѣсколько мѣстъ, любопытныхъ для исторіи или теоріи народныхъ вѣрованій. Подъ 1286 годомъ мы находимъ такое свидѣтельство объ отождествленіи политическихъ враговъ съ чаровниками: «Многа же зла тогда сотвориша татаре Русской землѣ,

аще не мечемъ и не огнемъ, а чарами своими: иземше бо сердце человѣческое, мочаху во яду аспидномъ и полагаху на водахъ, и отъ сего воды вся въ ядъ обратишася, и аще кто отъ нихъ піяше, абіе умираше».

Вотъ два однородныя указанія на заразительность психова. Подъ 1567 годомъ псковскій лѣтописецъ говоритъ: «Видѣши сторожи у Чересьаго мосту въ нощи свѣтъ и людей многое множество, вооружены воинскимъ обычаемъ, и поидоша ко Пскову, и стражіе устрашилися, страхъ великъ обыде ихъ, а стражи тѣ поставлены стеречи отъ мору».

Того же (1571 г.), мая въ 25 день, «бысть чудо страшно ужаса исполнено, того дни въ Великомъ Новѣградѣ, на торговой сторонѣ, на Ярославли дворищи, въ церкви каменной святые великомученицы Параскевы, нарицаемые Пятницы: стоящу многу народу у литоргіи, и послѣ святыя литоргія начаша звонити въ колокола, бысть въ то время смятеніе и страхъ веліи, и побѣгоша людіе сѣмо и овамо, мужи и жены и всякъ возростъ, по всѣмъ странамъ, другъ друга спирающе, и гоними быша невидимою силою Божіею, не весть камо кто идетъ; въ то время купцы пометаху лавки своя не запирающе и товары свои отдающе руками своими не знающе; и того дни бысть, грѣхъ ради нашихъ, яко въ развратіи, или во иныхъ страстехъ рыщуще, и едва удержастися отъ страха сего».

Но самое любопытное мѣсто, свидѣтельствующее о глубокой вѣрѣ въ адское происхожденіе заразы, находимъ въ Лаврентьевской лѣтописи подъ 1092 года. «Предивно бысть Полотьскѣ въ мечтѣ бываши въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣци рищуще бѣси; аще кто вылѣзаше ис хоромины, хотя видѣти, абіе уязвленъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и с того умираху и не смяху излазити ис хоромъ; посемь же начаша в дне являтися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотскиа и его область; тѣмь и человѣци глаголаху яко навье бьють Полочаны».

Эта цитата можетъ послужить образчикомъ слабой стороны труда г. Эккермана: во-первыхъ, онъ, неизвѣстно почему, не пользуется исправленнымъ лучшимъ изданіемъ Лаврентьевской лѣтописи (изд. арх. комм. подъ ред. А. Ѳ. Бычкова; тамъ есть прекрасно составленный указатель, который очень облегчилъ бы ему дѣло) и даетъ по П. С. Р. Л. безсмысленное чтеніе: въ мечтѣ ны (можетъ быть, въ мечтаніи, какъ читаетъ Миклошичъ), а во-вторыхъ, при словахъ тутънъ, т. е. стукъ, шумъ (ср. Слово о П. И. «земля тутнетъ»), и навье (нави — гробъ, навье — manes, привидѣнія) онъ дѣлаетъ очень неудачныя конъектуры: не туманъ ли? спрашиваетъ онъ въ первомъ случаѣ, не на яву ли? — при второмъ.

Въ Германіи, медикъ, вздумавшій затронуть исторію или филологію, отдаетъ всѣ такія мѣста на просмотръ спеціалистамъ, и они считаютъ себя обязанными отнестись къ дѣлу съ полной внимательностью; у насъ всякій отвѣчаетъ только за себя, и въ чужую спеціальность всякій въѣзжаетъ какимъ-то завоевателемъ и не позволяетъ себя контролировать. «Одна сильная и широко-распространенная эпидемія производитъ въ исторіи человѣчества большее число перемѣнъ, чѣмъ десятки и сотни литературныхъ произведеній», объявляетъ г. Эккерманъ въ своемъ введеніи... Вопросъ въ томъ, г. Эккерманъ, какія произведенія возьмете вы.

Также и въ 3-ей главѣ г. Эккерманъ наѣзжаетъ на Соловьева за его предполагаемое пренебреженіе къ черной смерти и смѣло религіозность по-

слѣдующихъ за черной смертью поколѣній и преобладаніе церкви объясняетъ послѣдствіями заразы; это въ значительной мѣрѣ и вѣрно; но не слѣдовало бы упускать и того, что какъ на Западѣ, такъ и у насъ — да такъ и вѣчно въ исторіи — увлеченіе религіей и усиленіе власти духовенства вызвали и реакцію, которая на Западѣ связана съ реформой, а у насъ съ ересями.

А. К.

Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. Эдуарда Гиббона, перевелъ В. Н. Невѣдомскій. Часть IV. Москва. 1884.

Отдавая, въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ, отчетъ о выходѣ въ свѣтъ третьяго тома капитальнаго труда англійскаго историка, мы не могли разсчитывать, что меньше чѣмъ черезъ полгода намъ придется продолжать чтеніе русскаго перевода этого образцоваго произведенія всемірной исторической литературы. Между появленіемъ третьей и четвертой части подлинника прошло двадцать лѣтъ, а на русскомъ языкѣ книга компактной печати, въ 600 страницъ, со множествомъ примѣчаній, наполненныхъ иноязычными цитатами, выходитъ черезъ пять мѣсяцевъ. Это доказываетъ, конечно, что сочиненіе Гиббона уже вполнѣ переведено г. Невѣдомскимъ, но не отнимаетъ заслугъ и отъ изданія вполнѣ добросовѣстнаго и тщательнаго, какъ все, что издаетъ г. Солдатенковъ (въ 38-ми листахъ, in quarto, всего 20 опечатокъ, и то больше типографскихъ, не искажающихъ смысла). Языкъ перевода также хорошъ и правиленъ, какъ въ предъидущихъ частяхъ. Этой части предпослано предисловіе, въ которомъ авторъ скромно говоритъ о своемъ трудѣ и обѣщаетъ довести разсказъ до взятія Константинополя, заключивъ свой трудъ обзоромъ крестовыхъ походовъ и положенія Рима въ средніе вѣка. Между тѣмъ, четвертый томъ обнимаетъ собою только событія V и VI вѣка. Правда, послѣдующіе вѣка изложены авторомъ въ болѣе сжатомъ видѣ, но всетаки окончаніе сочиненія потребуетъ еще нѣсколькихъ томовъ (въ подлинникѣ ихъ шесть in quarto), а это сдѣлаетъ пріобрѣтеніе всего сочиненія очень тяжелымъ для большинства частныхъ лицъ. Мы уже говорили о высокой цѣнѣ каждаго тома; въ четвертомъ она нѣсколько сбавлена, но эта ничтожная сбавка не дѣлаетъ большой разницы въ цѣломъ А между тѣмъ, пріобрѣтеніе книги Гиббона необходимо для всякаго, кто любитъ исторію и занимается ею. Скоро пройдетъ столѣтіе со времени выхода его сочиненія, а оно все еще служитъ руководствомъ къ изученію изображенной имъ эпохи, хотя историческая наука въ это столѣтіе сдѣлала огромные шаги впередъ, выставила такихъ дѣятелей, которые во многихъ отношеніяхъ стоятъ выше англійскаго историка. Критика, въ особенности французская, упрекаетъ его въ отсутствіи широкихъ взглядовъ на исторію, въ недостаткѣ вдохновенія, краснорѣчія. Гизо видитъ въ его трудѣ огромное знаніе, послѣдовательность, порядокъ, методу, умъ тонкій, проницательный, но холодный, никогда не увлекающійся. Сентъ-Бевъ упрекаетъ его за то, что онъ восхищается древнимъ строемъ Рима, но не отдаетъ справедливости политикѣ папъ. Онъ превосходно анализируетъ отдѣльныя части, но не группируетъ ихъ въ одно цѣлое, не освѣщаетъ ихъ одною идеею. Въ немъ преобладаетъ ироническое отношеніе къ фактамъ; онъ легко и просто объ-

ясняетъ самыя запутанныя, сложныя явленія. Онъ глубоко изучилъ Монтескье и Паскаля, но въ немъ нѣтъ ихъ смѣлости, ихъ блестящихъ выводовъ. «Jamais le coup de tonnerre», прибавляетъ Сентъ-Бевъ. Но нужны ли эти громовые удары для серьезнаго историка? Гиббонъ оставался вѣренъ основнымъ качествамъ своего англо-саксонскаго происхожденія какъ въ своей жизни, такъ и въ своихъ произведеніяхъ. Въ его характерѣ, складѣ жизни, темпераментѣ не было ничего рѣзкаго, крайняго. Онъ не выдавался впередъ ни хорошими, ни дурными качествами. Въ майской книжкѣ «Историч. Вѣстника» за прошлый годъ, мы очертили вкратцѣ его жизнь — изъ нея видно, что основною чертою ея была любовь къ спокойствію, кабинетному труду, къ тихимъ семейнымъ радостямъ. Когда, послѣ громаднаго успѣха его книги, духовенство возстало на него за двѣ главы, посвященныя утвержденію христіанства въ Римѣ, онъ испугался фанатическихъ обвиненій и готовъ былъ на уступки своимъ противникамъ. Его удержали историки Юмъ и Робертсонъ, всю жизнь бывшіе друзьями Гиббона, всегда чуждавшагося общественныхъ интересовъ, свѣтскихъ увлеченій, политической дѣятельности. Избранный въ члены парламента, онъ просидѣлъ въ немъ въ теченіе восьми сессій, ни разу не произнося рѣчей, не вмѣшиваясь въ пренія. Можно ли его обвинять за то, что было основнымъ, отличительнымъ свойствомъ его характера. Умирая отъ неудачной операціи, не достигнувъ шестидесяти лѣтъ, онъ жалѣлъ не о себѣ, а о жертвахъ французской революціи, которая пошла по кровавому пути убійствъ и насилій, хотя начало ея Гиббонъ, какъ и многіе, встрѣтилъ какъ зарю обновленія человѣчества. Таковы въ четвертомъ томѣ характеристики: Валентиніана III, этого низкаго убійцы полководца, спасшаго западную имперію; послѣднихъ западныхъ императоровъ, едва извѣстныхъ даже по имени — Анемія, Олибрія, Гликерія и проч., императоровъ восточныхъ Веноги, Анастасія, Юстиніана. Здѣсь же превосходно обрисовано происхожденіе и развитіе монашества, обращеніе варваровъ въ христіанство, основаніе франкской монархіи, царство вандаловъ и готовъ, набѣги славянъ и лонгобардовъ. Четвертый томъ оканчивается смертью Юстиніана.

В. З.

Холмскій народный календарь. Годъ первый—1885. Кіевъ, 1884.

Провинціи наши не богаты изданіями календарей. Издатели петербургскіе и московскіе покрываютъ своими календарями требованія всей Россіи, и такимъ образомъ для провинціальныхъ издателей не остается уже достаточной рѣшимости входить въ конкурренцію по части календарей съ столичными издателями. Холмскій край составляетъ исключеніе въ этомъ отношеніи. По своимъ историческимъ и религіознымъ особенностямъ онъ рѣзко выдѣляется отъ остальныхъ провинціальныхъ уголковъ Россіи; поэтому появленіе Холмскаго народнаго календаря дѣлается весьма понятнымъ и притомъ весьма умѣстнымъ.

Впрочемъ, Холмскій народный календарь, строго говоря, нельзя назвать календаремъ. Изъ 11-ти листовъ печати, собственно подъ календарныя свѣдѣнія въ немъ отведена только третья часть, а остальныя ²/₃ составляютъ статьи и замѣтки историческаго и этнографическаго характера. Но такое отступленіе отъ установившейся календарной программы ни въ какомъ случаѣ нельзя поставить въ вину составителямъ Холмскаго календаря. Для на-

рода, по нашему мнѣнію, вовсе не нуженъ календарь, составленный по всѣмъ правиламъ календарнаго искусства, и гораздо полезнѣе будетъ вмѣсто шаблонныхъ календарныхъ изданій дать ему въ руки книгу, которая знакомитъ съ исторіей края и мѣстными обычаями.

Холмскій народный календарь вполнѣ отвѣчаетъ этой цѣли.

Въ числѣ статей историческаго содержанія въ календарѣ на первомъ планѣ стоитъ историческій очеркъ города Холма и его святыни. Затѣмъ помѣщена замѣтка о св. Аѳанасіи Филипповичѣ, игуменѣ брестскомъ, мощи котораго пребываютъ въ соборѣ Симеона Столпника, въ Брестъ-Литовскѣ. Но особенный интересъ представляетъ очеркъ «Наша родная исторія». Авторъ его, скрывшій свое имя подъ иниціалами С. В. Я., разсказываетъ, что въ Сѣдлецкомъ и Соколовскомъ уѣздахъ замираетъ совершенно исторія малорусскаго народа, поэтически олицетворенная въ народныхъ пѣсняхъ; еще лѣтъ двадцать тому назадъ въ этихъ уѣздахъ были слышны остатки, «куски» этихъ пѣсенъ, но теперь и они заглохли, занѣмѣли; главными виновниками этого являются польскіе ксендзы и разные католическіе «миссіонеры», внушающіе некатолическому народу, что пѣть такія пѣсни—грѣшно и что лучше пѣть костельные годзинки, рожанцы, коленды, за которые на томъ свѣтѣ поющимъ будетъ зачтено нѣсколько дней отпущенія грѣховъ. Подъ вліяніемъ этихъ злоученій многіе изъ жителей Сѣдлецкой губерніи совсѣмъ отрѣкаются отъ своихъ прадѣдовъ, а около города Сѣдльца почти всѣ забыли даже свой языкъ и если изъ нихъ находятся люди, говорящіе между собою порусски, то предъ поляками они стыдятся, скрываются. Въ одномъ мѣстѣ, къ сожалѣнію, не указанномъ авторомъ, народъ совсѣмъ забылъ о своихъ праздникахъ и ополячился такъ, что у него сохранился только обычай на св. Юрія ходить въ поле съ короваемъ, просить святаго объ урожаѣ; но и тутъ дѣло не обходится безъ порицаній со стороны мѣстнаго ксендза, который съ костельнаго амвона громитъ этотъ обычай, какъ выраженіе яко бы суевѣрія.

Статья «О томъ, какъ древняя Польша любила Русь послѣ Брестской церковной уніи», ироническимъ заглавіемъ своимъ показываетъ дѣйствительное свое содержаніе; статья эта перепечатана изъ февральской книжки «Вѣстника Юго-Западной Россіи» за 1863 годъ; но, дѣлая это позаимствованіе, составители Холмскаго календаря упустили изъ виду огромную разницу, существующую между читателями «Вѣстника» и народомъ, для котораго изданъ Холмскій «народный» календарь, иначе они не допустили бы въ перепечатываемой статьѣ такихъ выраженій, какъ, напр., «флорентійское соединеніе», «цивилизація», «креатура», «косметическія средства», вовсе не понятныя народу. Рядомъ же съ этою статьей помѣщена замѣтка «Страданіе Даніила Кушнира», сожженнаго поляками за непринятіе уніи,—замѣтка, написанная языкомъ древне-русскихъ лѣтописей, т. е. языкомъ черезчуръ уже древнимъ и потому малопонятнымъ для народа.

Интересующіеся современнымъ состояніемъ умственнаго и религіознаго броженія среди холмскихъ уніатовъ, найдутъ чрезвычайно характерное описаніе народнаго настроенія въ «Разсказѣ восьмидесятилѣтняго старика объ обрядахъ, сохранившихся въ народѣ со времени древняго православія». Мы передадимъ вкратцѣ этотъ интересный разсказъ.

Къ одному изъ настоятелей возсоединеннаго прихода пришли сваты съ женихомъ съ просьбою при вѣнчаніи не налагать на новобрачныхъ вѣнцовъ

и не обводить ихъ три раза вокругъ налоя. Не успѣлъ священникъ дать отвѣта на эту просьбу, какъ изъ среды находившихся тутъ же прихожанъ выступилъ восьмидесятилѣтній старикъ Иванъ Данилюкъ, давно уже покончившій разсчеты съ уніей, и, извинившись предъ священникомъ, обратился къ сватамъ и жениху съ укоризной: «Дѣти вы, дѣти! подивитесь вы около себя и вы увидите, що просите о тую рѣчь (вещь), которую только що зробилисте (сдѣлали) сами въ дому передъ выѣздомъ до шлюбу (свадьбы)». Затѣмъ онъ разсказалъ, что въ старину, въ тѣ времена, когда унія нерушимо сохраняла всѣ обряды восточной церкви, при вѣнчаніи, на жениха и невѣсту неизмѣнно возлагали вѣнцы, отчего новобрачные еще до сихъ поръ зовутся въ домашнемъ быту княземъ и княгинею, и обводили ихъ вокругъ налоя три раза, также какъ и при крещеніи младенца священникъ обводилъ вокругъ налоя кума и куму съ новорожденнымъ. Но съ того времени, какъ въ русскихъ приходахъ начали появляться католическіе ксендзы, принуждавшіе устроивать въ церквахъ органы, вводить польскія рожанцы (четки), какъ начали они выбрасывать изъ церквей иконостасы и царскія двери и замѣнять ихъ польскими алтарями (престолами).—уніатскіе пастыри, подъ давленіемъ ксендзовскаго натиска и требованій польскаго правительства, были вынуждены упразднить эти святые обряды православной церкви. Народъ такъ былъ привязанъ къ этимъ обрядамъ, что все то, что изъ нихъ было уничтожено въ церкви, они начали дѣлать въ своемъ домѣ; оттого-то до настоящаго времени женихъ и невѣста, предъ отъѣздомъ въ церковь, обводятся дома вокругъ стола, покрытаго бѣлою скатертью, при пѣніи религіозныхъ пѣсней и молитвъ; а какъ уничтожили наложеніе на новобрачныхъ вѣнцовъ, то съ этого времени они начали дѣлать изъ зелени или цвѣтовъ вѣнки; предъ крещеніемъ же младенца кумъ, кума и бабка съ новорожденнымъ обводятся три раза вокругъ стола при пѣніи православныхъ молитвъ. Также точно съ того времени, какъ въ уніатской церкви перестали употреблять просфоры, народъ установилъ у себя дома обычай, вмѣсто заупокойной просфоры, печь дома пшеничный хлѣбъ, который донынѣ зовется просфорой. «Теперь подумайте—закончилъ свое объясненіе достойный блюститель русскихъ религіозныхъ обрядовъ—добре ли вы робите, що просите, чтобы отецъ нашъ духовный закасовавъ (упразднилъ) для васъ той стародавній нашъ русскій обрядъ, котораго отцы наши и дѣды ни якимъ способомъ не хотѣли выректися и навѣтъ (даже) завели его въ своихъ домахъ, послѣ того, якъ польскіе ксендзы съ панами коляторами (ктиторами) закасовали его по церквамъ?» Послѣ такого разсказа женихъ просилъ священника обвѣнчать его съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ православной церкви.

Рядъ указанныхъ нами статей и разсказовъ заканчивается прекрасною статьею священника Алек. П—аго: «Поѣздка въ Кіевъ и Почаевъ въ 1884 г.», въ которой описано паломничество къ древнимъ русскимъ святынямъ 100 бывшихъ уніатовъ, совершенное подъ руководствомъ нѣсколькихъ православныхъ священниковъ. Изъ разсказа автора видно, что такое число поломниковъ было «назначено»; кѣмъ оно было назначено и почему только въ числѣ ста человѣкъ—неизвѣстно, но мы останавливаемся на этомъ обстоятельствѣ потому, что, по словамъ автора, лицъ, желающихъ участвовать въ паломничествѣ, явилось болѣе 150 и явившіеся «сверхъ необходимаго числа» со слезами на глазахъ просили принять ихъ на половинный расходъ, но боязнь за недостатокъ средствъ заставила священниковъ отказать въ желаніи мно-

гихъ»... «Со слезами на глазахъ и понурымъ видомъ эти люди, шедшіе въ Холмъ съ радостною надеждой, отправлялись за нѣсколько миль обратно домой, возбудивъ какъ въ народѣ, такъ и въ священникахъ сожалѣніе, но горю помочь нельзя было положительно».

Изъ сказаннаго нами достаточно видно, какими изданіями русскіе дѣятели Холмскаго края снабжаютъ мѣстное населеніе. Такія полезныя книги знакомятъ народъ съ его исторіей, возбуждаютъ въ немъ любовь къ роднымъ обычаямъ, къ родной вѣрѣ, успокоиваютъ его религіозную совѣсть, смущенную и, къ сожалѣнію, еще смущаемую кознями ксендзовъ. Наконецъ, такая книга, какъ Холмскій календарь, представляетъ массу матеріаловъ для изученія края, изобиліемъ которыхъ мы похвалиться не можемъ.

Съ внѣшней стороны Холмскій народный календарь не оставляетъ желать ничего лучшаго. Печать и бумага хорошія. Приложенная къ книгѣ копія чудотворной иконы Божіей Матери въ Холмѣ, особенно чтимой мѣстнымъ населеніемъ, выгравирована довольно хорошо; въ видѣ приложенія находимъ и религіозныя пѣсни, поющіяся въ Холмской Руси, съ переложеніемъ ихъ на ноты. На обертке красивая виньетка съ гравюрой картины художника Неврева «Романъ Галицкій».

Остается пожелать, чтобы первый годъ существованія Холмскаго народнаго календаря не былъ для него послѣднимъ.

М. Г—кій.

Портретъ Анны Ярославны съ пояснительнымъ къ нему текстомъ. Кіевъ. 1884.

Небольшая брошюрка г. Лебединцева, почтеннаго издателя журнала «Кіевская Старина», затрогиваетъ нѣкоторые въ высшей степени интересные вопросы древнѣйшей русской исторіи и намѣчаетъ чрезвычайно благодарную тему для историческаго изслѣдованія, которое могло бы выдвинуть и надлежащимъ образомъ освѣтить характерные моменты благодатнѣйшей въ русской исторіи поры, — поры княженія Ярослава Мудраго. Это было то завидное время, когда центръ русскаго государства красовался на живописнѣйшихъ холмахъ кіевскихъ, когда наши князья XI в. объяснялись полатыни, и князь Всеволодъ владѣлъ пятью иностранными языками. Тогда то и состоялся бракъ французскаго короля Генриха I съ Анной Ярославной, и за ней пріѣзжали въ Кіевъ французскіе епископы, мельденскій — Вальтерій и шалонскій Рогерій.

Счастливый бракъ Анны съ Генрихомъ длился десять лѣтъ, но въ 1060 г. Генрихъ умеръ, оставивъ малолѣтняго наслѣдника Филиппа. Желаніе упрочить свое положеніе побудило Анну, тотчасъ по окончаніи годичнаго траура, вступить во второй бракъ (объявленный, однако, платоническимъ) съ графомъ Рудольфомъ Крепи, который, какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ вассаловъ, оказалъ ей существенную поддержку въ борьбѣ противъ придворныхъ партій, и Анна надолго сохранила за собой положеніе соправительницы своего сына. Со смерти перваго мужа, она проживала въ замкѣ Санли (близъ Парижа), и въ тамошнемъ аббатствѣ, на стѣнѣ, нарисованъ былъ ея портретъ, точный снимокъ съ котораго воспроизведенъ былъ и изданъ въ XVII в. ученымъ Мезерэ въ его біографіяхъ французскихъ королевъ. Нынѣ же опубли-

кованный г. Лебединцевымъ портретъ, извлеченный полковникомъ Рѣзвымъ изъ коллекціи профессора Вассена, представляетъ гравюру, исполненную въ Венеціи по заказу какого-то русскаго, вѣроятно въ концѣ XVIII в.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ два указанія г. Лебединцева: во-первыхъ то, что въ 1825 г. княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ была издана въ Парижѣ, въ числѣ 100 экземпляровъ, на французскомъ языкѣ, біографія Анны Ярославны съ относящимися къ ней документами; во-вторыхъ то, что въ тридцатыхъ годахъ въ Кіевѣ существовала въ частныхъ рукахъ пергаменная рукопись, написанная поцерковно-славянски и заключавшая въ себѣ подробное описаніе пріѣзжавшаго въ Кіевъ французскаго посольства, съ поименованіемъ бывшихъ въ немъ лицъ и разсказомъ о ихъ одеждахъ, привычкахъ, препровожденіи времени и т. д. Отчаявшись въ поискахъ за книгой князя Лобанова, почтенный изслѣдователь не теряетъ надежды отыскать вышеупомянутую рукопись. Найдти то или другое, или то и другое вмѣстѣ — значитъ найдти прекрасный матеріалъ для историко-бытовой картины древней Руси, къ сожалѣнію, всегда рисующейся передъ нами въ такомъ туманѣ, между тѣмъ какъ въ этомъ періодѣ было гораздо больше живой, осмысленной, здоровой, непосредственной жизни, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ.

Е. Г.

Протоіерей Михаилъ Раевскій (въ своихъ письмахъ къ О. М. Бодянскому). А. Титова, Москва, 1884 г.

А. А. Титовъ, пріобрѣвшій для своего замѣчательнаго собранія рукописей, послѣ смерти О. М. Бодянскаго, всѣ его бумаги, въ томъ числѣ и письма, полученныя имъ отъ разныхъ лицъ, обнародовалъ, по случаю смерти г. Раевскаго, его письма къ Бодянскому, писанныя имъ въ періодъ 1854—1874 годовъ. Эти письма своего рода матеріалъ для такой свѣтлой личности, каковымъ былъ покойный протоіерей. Немало тяжелыхъ дней прожилъ онъ на своемъ посту въ Вѣнѣ, но переносилъ всѣ невзгоды съ присущимъ ему смиреніемъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Бодянскому, отъ 1-го сентября 1867 года, Раевскій, между прочимъ, писалъ: «Извѣстно вамъ, можетъ быть, что я потерялъ моего зятя, Всеволода Смирнова. И трудъ его пропалъ понапрасну[1]). Оставилъ мнѣ молодую вдову и двухъ сиротъ. На страстной недѣлѣ потерялъ дочь, оставившую послѣ себя шестерыхъ сиротъ. Такъ и живу теперь въ кругу сиротъ на старости лѣтъ. Невесело! Немного веселѣе и съ другой стороны: славянъ тѣснятъ страшно; на меня смотрятъ аргусовыми глазами и желали бы стереть съ лица земли. Никуда носу не могу показать: и недруги, и други бѣгаютъ меня, какъ чумы, «и пронесеся имя его, яко зло». Нѣтъ человѣка, съ кѣмъ бы слово мнѣ промолвить. Но доживемъ авось и до Видовъ — дана, прощайте».

Всѣхъ писемъ Раевскаго къ Бодянскому обнародовано А. А. Титовымъ сорокъ четыре.

П. У.

[1]) По предложенію г. Раевскаго, г. Смирновъ занялся въ 1863 году критическимъ изслѣдованіемъ о жизни и дѣяніяхъ св. Кирилла и Меѳодія, чтобы жизнію, дѣлами и ученіемъ ихъ: 1) доказать, что они держались восточной церкви и сношенія ихъ съ папою были только юридическія и 2) опровергнуть всѣ толки противниковъ (см. письмо Раевскаго къ Бодянскому, отъ 10 апрѣля 1863 года).

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русское войско до Николая I. — Производительныя силы Россіи. — Публичная библіотека въ Петербургѣ и Литовская метрика. — Синдибадъ — мореходъ. — Англійскія женщины въ царствованіе Викторіи. — Женскій вопросъ въ Европѣ.— Записки экс-министра. — Новая исторія Банкрофта. — Реформы въ мусульманствѣ. — Воспоминанія индійскаго чиновника. — Басни Бидпаи. — Происхожденіе британцевъ. — Приключенія въ Сербіи. — Жизнь въ Суданѣ. — Два либеральные католика. — Разсказы французскаго генерала. — Консерваторъ и французская революція. — Біографія графа Шамбора. — Источники нѣмецкой исторіи.—Историческіе памятники Германіи. — Альфредъ и англосаксы. — Французскій журналъ и петербургскіе букинисты и журналисты.

ВЪ ГАННОВЕРѢ вышла любопытная «Исторія русскаго войска отъ его начала до восшествія на престолъ императора Николая I» (Geschichte des Russichen Heeres vom Ursprunge derselben bis zur Thronbesteigung des Kaisers Nicolaus I). Авторъ ея близко знакомъ съ своимъ предметомъ, и надо пожалѣть, что онъ не довелъ своего изслѣдованія до болѣе позднѣйшаго времени. Это было тѣмъ легче сдѣлать г. Штейну, что онъ 27 лѣтъ служилъ въ Россіи и, бывши въ Пруссіи поручикомъ, вернулся на родину въ чинѣ надворнаго совѣтника. Знакомство съ нашимъ отечествомъ не пропало у него даромъ, и плодомъ изученія Россіи явилось настоящее сочиненіе, подробно и обстоятельно исчерпывающее свой предметъ. Объемистый трудъ его стоилъ многихъ лѣтъ кропотливой работы, конечно, компилятивной, но требовавшей знанія и умѣнья, чтобы привести его въ систему. Книга написана не только съ полнымъ знаніемъ дѣла, но и съ любовью къ нему. Характеристики военныхъ дѣятелей — самыя добросовѣстныя: въ нихъ авторъ, прежде всего, указываетъ на заслуги, а не на недостатки полководцовъ, на то, что они сдѣлали, а не на то, чего не смогли или не съумѣли сдѣлать. Тонъ книги не только не враждебный, но часто даже хвалебный, и желалось бы, пожалуй, болѣе критиче-

скаго отношенія къ нѣкоторымъ военнымъ дѣйствіямъ. Исторія ихъ наложения по царствованіямъ, причемъ объ обмундированія, измѣняющемся у насъ при каждомъ новомъ царствованіи, авторъ распространяется уже слишкомъ подробно, приводя въ хронологическомъ порядкѣ, при каждомъ новомъ воцареніи, всѣ измѣненія и нововведенія въ вооруженіи, комплектованіи, довольствіи, управленіи, снаряженіи и вообще въ организаціи войскъ. Лыбопытны приводимыя имъ, на основаніи оффиціальныхъ источниковъ, цифры военныхъ расходовъ съ 1711 по 1825 годъ. Довольно странный фактъ представляетъ то обстоятельство, что лучшая часть сочиненія — обзоръ военнаго дѣла до Петра I; нѣсколько слабѣе — военная исторія царствованія Петра; еще болѣе слабѣйшая — послѣдующія царствованія. Точно будто авторъ, принявшись за свой трудъ съ особымъ рвеніемъ, ослабѣвалъ по мѣрѣ его продолженія. Это не мѣшаетъ, однако, книгѣ Штейна имѣть большое значеніе и для русскихъ читателей, а для нѣмцевъ быть совершенно незамѣнимою по своему предмету.

— Окончилось нѣсколько лѣтъ выходившее обширное сочиненіе Фридриха Маттеи, посвященное изслѣдованію Россіи въ географическомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніи, подъ заглавіемъ «Хозяйственные источники Россіи и ихъ значеніе для настоящаго и будущаго» (Die wirthschaftlichen Hüllfsquellen Russlands und deren Bedeutung für die Gegenwart und Zukunft). Авторъ этого обширнаго, двухтомнаго сочиненія, заслуживающаго большаго вліянія, также бывшій саксонскій офицеръ, болѣе двадцати лѣтъ живущій въ Россіи, изучилъ ея экономическія средства и составилъ книгу, вполнѣ замѣняющую устарѣвшій уже теперь трудъ Тенгоборскаго «О производительныхъ силахъ Россіи». Въ поднятіи этихъ силъ не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и во всѣхъ вообще проявленіяхъ экономической жизни мы несомнѣнно болѣе всего нуждаемся въ настоящее время — поэтому изслѣдованіе ихъ имѣетъ особенное значеніе. Авторъ, твердо вѣрящій въ блестящую будущность Россіи, видитъ причину ея неудовлетворительнаго экономическаго состоянія въ томъ, что она далеко не извлекаетъ всѣхъ выгодъ изъ своихъ могущественныхъ, но мало эксплоатируемыхъ источниковъ, и потому не можетъ «создать такое удовлетворительное экономическое положеніе дѣлъ, которое отняло бы почву у партіи разрушенія». А между тѣмъ эти неразработанные источники, по убѣжденію автора, «могутъ служить основою экономическаго и, слѣдовательно, политическаго возрожденія Россіи». Въ заключеніе подробнаго изслѣдованія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, промышленности и торговли, авторъ анализируетъ государственное хозяйство, финансы и бюджетъ. На все это авторъ смотритъ съ достаточнымъ оптимизмомъ, но, утверждая, что «произведенія Россіи принадлежатъ всему міру», не объясняетъ, однако, почему, въ послѣднее время, Европа начинаетъ обходиться безъ нихъ, отыскивая въ другихъ странахъ предметы потребленія, еще такъ недавно доставляемые преимущественно нашимъ отечествомъ.

— Въ Краковѣ анонимный авторъ издалъ интересную книгу, въ которой соединилъ изслѣдованіе «Петербургской императорской публичной библіотеки и Литовской метрики» (Cesarska Biblioteka Publiczna i Metryka Litewska w Petersburgu). Наше книгохранилище описано въ подробномъ хотя и сжатомъ очеркѣ, но авторъ, какъ полякъ, особенно распространяется о той части библіотеки, которая перешла къ намъ изъ собранія Залускихъ, и приписываетъ ей слишкомъ много значенія, тогда какъ послѣдующія при-

обрѣтенія были гораздо значительнѣе основнаго вклада въ библіотеку. Еще подробнѣе описываетъ авторъ всѣ девять группъ важнаго собранія документовъ, относящихся къ исторіи Литвы и хранящихся въ сенатѣ подъ названіемъ «Литовской метрики». Это изслѣдованіе тѣмъ болѣе цѣнно, что у насъ нѣтъ полнаго и подробнаго описанія «Литовской метрики», важной для исторіи Литвы и Россіи.

— Одно изъ любопытныхъ преданій Востока, оставившее свой слѣдъ и въ русскихъ сказкахъ, вошедшее и въ «Тысячу и одну ночь», вышло въ Лондонѣ въ новомъ изданіи, въ переводѣ съ персидскаго и арабскаго, съ новыми изслѣдованіями, комментаріями и введеніемъ, подъ названіемъ: «Книга Синдибада, или исторія царя и его сына, дѣвицы и семи визирей» (The book of Sindibad, or the story of the king, his son, the damsel and the seven vizirs). Главное содержаніе этой книги составляетъ, какъ извѣстно, баснословное путешествіе по восточному берегу Африки, написанное, вѣроятно, въ ту эпоху, когда персы впервые познакомились съ этими странами, въ эпоху Апуширвана, занявшаго Аденъ и Берберу, возобновившаго разрушенные города Занзибара, гдѣ поселилось племя Ширази. Въ исторіи Синдибада, не смотря на ея сказочный характеръ, сохранилось много любопытныхъ историческихъ и географическихъ данныхъ отдаленной эпохи, которымъ переводчикъ Клоустонъ придаетъ надлежащее освѣщеніе и значеніе своими комментаріями, что придаетъ этой книгѣ и научное значеніе. Въ обширномъ приложеніи разсказаны всѣ главнѣйшія измѣненія, которымъ подверглась исторія «Синдибада-морехода» въ ея обработкѣ у разныхъ народовъ, что также важно и любопытно для исторіи всемірной литературы.

— Давенпортъ Адамсъ издалъ два тома «Знаменитыхъ англійскихъ женщинъ эры Викторіи» (Celebrated english women of the Victorian era). Это рядъ хорошо составленныхъ біографій уже умершихъ соотечественницъ и современницъ королевы Викторіи, царствованіе которой авторъ считаетъ эрою англійской исторіи. Здѣсь разсказана жизнь: Гарріеты Мартино, Сары Кольриджъ, Мери Карпентеръ, Аделаиды Проктеръ, Джоржа Эліотъ, миссъ Митфордъ, мистриссъ Сомервиль, Шарлотты и Эмиліи Бронти и Джени Карлейль. Къ этимъ десяти дѣйствительно замѣчательнымъ личностямъ авторъ почему-то не присоединилъ Мери Шеллей и мистриссъ Троллопъ, дарованія которыхъ ничуть не ниже таланта мистриссъ Карлейль или Сары Кольриджъ. Можно было бы также внести въ этотъ списокъ мистриссъ Гаскель, Рейдъ и миссъ Робинсонъ. Лучшія біографіи въ книгѣ — сестеръ Бронти и Эліотъ. Читается она съ большимъ интересомъ.

— Американскій писатель Теодоръ Стантонъ соединилъ въ своемъ изданіи мнѣнія женщинъ по женскому вопросу (The Woman question in Europe). Книга начинается заявленіемъ миссъ Коббе, что изъ всѣхъ политическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ движеній прошедшихъ временъ самое сильное было движеніе въ пользу расширенія женскихъ правъ, женскаго образованія, вообще значенія женщины. Мистриссъ Фаусетъ доказываетъ необходимость избранія женщинъ въ парламентъ. Мистриссъ Грей, основательница «Воспитательнаго женскаго союза», говоритъ о вліяніи женщинъ на воспитаніе. Далѣе идутъ статьи о роли женщинъ въ медицинѣ, въ промышленности, филантропіи и пр., разбирается положеніе женщинъ въ разныхъ странахъ, причемъ упоминается объ обширныхъ гражданскихъ правахъ, какими пользуются женщины въ Швеціи и особенно въ Россіи, гдѣ онѣ без-

контрольно распоряжаются своимъ имуществомъ, хотя не могутъ безъ письменнаго разрѣшенія своего мужа съѣздить въ другой городъ. Въ Даніи и Швеціи женщины имѣютъ огромное вліяніе на выборы въ ландстингъ. Враждебность Наполеона къ женщинамъ, выразившаяся въ его «кодексѣ», ограничила роль ихъ во Франціи, Бельгіи, Голландіи, Польшѣ. Въ Германіи, Австріи и Португаліи университетское образованіе для женщинъ закрыто. Вообще книга американскаго писателя, не смотря на ея слабыя стороны, представляетъ сводъ интересныхъ изслѣдованій по предмету, избранному авторомъ.

— Вышли «Мемуары экс-министра: автобіографія графа Мальмесбёри» (Memoirs of an ex-minister: an autobiography by the earl of Malmesbury). Голландская королева писала графу: «Исторія часто объясняется лучше частными письмами политическихъ людей, чѣмъ оффиціальными документами, въ которыхъ обыкновенно очень мало правды». И записки Мальмесбёри относятся къ такимъ частнымъ документамъ; въ нихъ, однако же, много лишняго, неинтереснаго для печати, и вообще онѣ горадо слабѣе мемуаровъ Чарльса Гревилля о той же эпохѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ во всѣхъ кабинетахъ лорда Дерби, 1852, 1858 и 1866 года, Мальмесбёри печатаетъ главнѣйшіе документы своего управленія, говоритъ объ индѣйскомъ возстаніи, объ американской войнѣ, передаетъ свои бесѣды съ Пальмерстономъ, Луи Наполеономъ, Дизраэли и пр. Мемуары оканчиваются смертью лорда Дерби. Въ политическомъ отношеніи они представляютъ мало новаго, но въ нихъ много любопытныхъ анекдотовъ и характеристическихъ чертъ недавняго времени.

— Восьмидесятипятилѣтній историкъ Сѣверо-американскихъ штатовъ, Банкрофтъ, продолжаетъ свой новый, обширный трудъ «Исторіи тихо-океанскихъ штатовъ Сѣверной Америки» (The history of the Pacific States of North America). Въ вышедшихъ донынѣ томахъ изложена исторія центральной Америки отъ 1501 до 1800 года, Мексики отъ 1516 до 1803 года, Сѣверныхъ Мексиканскихъ штатовъ, Калифорніи и сѣверо-западныхъ береговъ до 1800 года. Удастся ли маститому писателю окончить свою исторію — этого, конечно, надо желать, но нельзя на это надѣяться. Трудъ Банкрофта отличается обычными достоинствами всѣхъ его произведеній: добросовѣстностью изысканій, простотою изложенія, глубокимъ знаніемъ предмета. Въ немъ много картъ, но нѣтъ указателя, который, вѣроятно, появится въ послѣднемъ томѣ.

— Возможность возрожденія мусульманства доказываетъ особенно усердно Англія. Недавно вышло на англійскомъ языкѣ сочиненіе гражданскаго чиновника турецкой арміи (the Nizam's civil service) Мулави-Шераг-Али: «Предположенныя политическія, законодательныя и соціальныя реформы Оттоманской имперіи и другихъ магометанскихъ государствъ» (The proposed political, legal and social reforms in the Ottoman empire and other mohammadan states). Авторъ книги, индусъ по происхожденію, проповѣдникъ «раціональнаго ислама», доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что всякаго рода реформы совершенно возможны въ мусульманствѣ. Онъ говоритъ, что коранъ выражаетъ только религіозныя идеи и соціальное положеніе Аравіи во время Магомета, но не постановляетъ никакихъ законовъ или принциповъ гражданской организаціи, даже очень мало предписываетъ обрядныхъ постановленій. Самого пророка авторъ не признаетъ непогрѣшимымъ. Это, конечно, раціонально, но въ какой степени правовѣрно по понятіямъ мусульманъ—вопросъ весьма щекотливый. Во всякомъ случаѣ, книга заслуживаетъ вниманія.

— Генералъ Орфёръ Кавенагъ издалъ «Воспоминанія индѣйскаго чиновника» (Reminiscenses of an Indian official), относящіяся къ послѣднимъ сорока годамъ, когда въ Индіи англійскія войска воевали въ Афганистанѣ и Гваліорѣ, покоряли Синдъ, сражались съ сейками и бирманцами, подавляли возстаніе сипаевъ. Авторъ описываетъ только то, что видѣлъ, въ чемъ участвовалъ самъ, или что узналъ отъ очевидцевъ. Въ книгѣ много интересныхъ подробностей обо всѣхъ этихъ войнахъ, о Юнг-Багадурѣ, о сношеніяхъ съ Непаломъ и магратами. Авторъ оставилъ Индію въ 1858 году и получилъ пенсію за свою службу, и теперь набросалъ свои воспоминанія о пережитомъ имъ времени.

— Вышелъ новый англійскій переводъ древнѣйшаго сборника сказокъ индійскаго происхожденія, но дошедшаго до насъ въ первоначальной редакціи на арабскомъ языкѣ и въ сирійскомъ переводѣ. Это «Книга Калилы и Димны» (The book of Kalilah and Dimnah). Она написана, по послѣднимъ изысканіямъ, вскорѣ послѣ смерти Александра Македонскаго, брамином Бидпаи, для забавы царя Дабшармы, которому Александръ отдалъ тронъ и царство Пора, побѣдивъ индійскаго владыку. Но вѣроятнѣе всего, что Бидпаи не былъ авторомъ этихъ чисто народныхъ разсказовъ, а только собралъ ихъ, придавъ имъ литературную форму. Сирійскій, персидскій, арабскій, еврейскій и греческій переводы явились послѣдовательно въ VI, VII, VIII и IX вѣкахъ. Оригиналъ этихъ сказокъ несомнѣнно древнѣе Панчатантры и Гитопадезы.

— Вопросъ о происхожденіи народа играетъ въ Англіи не меньшую роль, чѣмъ въ другихъ странахъ. Этнологія первобытныхъ жителей Британіи имѣетъ уже нѣсколько гипотезъ, между которыми встрѣчается и предположеніе, что британцы происходятъ отъ израильтянъ. Но авторъ книги: «Древніе и новѣйшіе британцы: взглядъ на прошедшее» (Ancient and modern Britons: a retrospect) пошелъ еще далѣе: онъ утверждаетъ, что цыганы представляютъ остатокъ древнѣйшаго туранскаго племени пиктовъ, населявшаго Британію и всю Европу. Теорію эту авторъ проводитъ въ двухъ объемистыхъ томахъ, стараясь подкрѣпить ее различнаго рода доводами, иногда не лишенными остроумія и, во всякомъ случаѣ, доказывающими глубокую эрудицію, хотя лингвистическій элементъ, опровергающій эту «цыганскую теорію», оставленъ совершенно въ сторонѣ. Языкъ цыганъ доказываетъ ихъ несомнѣнное происхожденіе изъ Индіи: онъ сохранилъ множество индійскихъ словъ, какъ пани — вода, дик — видѣть, пучер — спрашивать, чумер — поцѣлуй, патса — признаніе, кауло — черный, джин — знать и др. Слова не индійскаго происхожденія имѣютъ корни въ языкахъ романскихъ, славянскомъ, новогреческомъ и доказываютъ, что цыгане, появившись въ Европѣ, въ теченіе шести вѣковъ селились въ разныхъ странахъ. Не смотря на явную несообразность своего парадокса, авторъ смѣло отстаиваетъ его, хотя и не открываетъ своего имени.

— Любопытныя подробности сообщаетъ книга Фаркюгара Бернарда «Приключенія въ Сербіи, или похожденія медицинскаго волонтера между башибузуками» (Adventures in Servia, or the experiences of a medical free lance among Bashi-Bazouks). Это — наполовину романъ, наполовину дѣйствительныя сцены изъ сербской войны съ турками 1876 года. Два англійскіе студента отправляются одинъ въ сербскую, другой въ турецкую армію и описываютъ свои похожденія, занимаясь леченіемъ раненыхъ во

враждующихъ лагеряхъ. Образъ дѣйствій баши-бузуковъ не представляетъ ничего новаго, но немногимъ лучше этихъ дикарей поступали и иные авантюристы, которыми была наполнена сербская армія. Такъ, авторъ описываетъ варварское обращеніе съ солдатами какого-то полковника Брагга, командовавшаго кавалерійскимъ отрядомъ. Русскихъ офицеровъ авторъ вообще хвалитъ, хотя подтверждаетъ, что сербы были недовольны строгою дисциплиною, вводимою въ ихъ войска русскими волонтерами. Во время сраженія случалось, что солдаты измѣннически застрѣливали своихъ начальниковъ. Книга даетъ ясное понятіе объ этой несчастной войнѣ, затѣянной съ ничтожными силами и бездарными предводителями.

— Докторъ Джосіа Вильямсъ издалъ, въ дополненіе къ книгѣ «Дикія племена Судана», о которой мы уже говорили въ прошломъ году, новое описаніе той же страны, подъ названіемъ «Жизнь въ Суданѣ» (Life in the Soudan). Авторъ сопровождалъ англійскій отрядъ въ качествѣ доктора и имѣлъ возможность близко ознакомиться со всѣми особенностями жизни въ этомъ отдаленномъ краѣ. Онъ обращаетъ особенное вниманіе на фауну и флору страны, не оставляя безъ изслѣдованія и этнографическихъ вопросовъ. Болѣе подробно описалъ Суакимъ, гдѣ авторъ оставался болѣе продолжительное время. Встрѣчаются у него указанія и на ошибочныя дѣйствія англійскихъ войскъ въ Суданѣ, но судить о степени справедливости его замѣчаній мы, конечно, не можемъ. Въ транскрипціи собственныхъ именъ разныхъ мѣстностей встрѣчается у него большое разногласіе съ общепринятыми названіями.

— Профессоръ догматической теологіи Рикаръ издалъ въ четырехъ объемистыхъ томахъ біографію Монталамбера (Montalembert). Этотъ несомнѣнно даровитый, хотя и односторонній публицистъ и писатель возбуждаетъ интересъ тѣмъ, что вмѣстѣ съ Ламенне былъ представителемъ такъ называемаго «либеральнаго католицизма» и своимъ же примѣромъ доказалъ невозможность существованія этого ученія, несовмѣстимаго съ догматами римской церкви. Авторъ подробно разсказываетъ борьбу писателя за свои идеи, девизомъ котораго были: папа и свобода!—два понятія, не только несовмѣстимыя, но взаимно уничтожающія одно другое. Монталамберъ проповѣдывалъ безусловную покорность папѣ, который долженъ былъ октроировать свободу—и, конечно, напрасно дожидался, когда ватиканскій узникъ надѣлитъ католиковъ этимъ даромъ церкви. Ламенне долженъ былъ отказаться отъ духовнаго званія, захотѣвъ быть свободнымъ. Монталамберъ умеръ покорнымъ сыномъ римской церкви, но умеръ истерзанный борьбою, сомнѣніями, разочарованіемъ, и жизнь его во всякомъ случаѣ заслуживаетъ изученія, хотя не съ такими подробностями, какъ ее разсказываетъ Рикаръ, ставящій своего героя даже выше Вольтера.

— Жизнь другаго либеральнаго прелата разсказываетъ Брольи въ книгѣ «Фенелонъ въ Камбре, по его корреспонденціи» (Fénélon à Cambrai d'après sa correspondance). Письма его написаны отъ 1699 по 1765 годъ, въ эпоху, когда гуманность и самоотверженность прелата дѣйствовала съ такою широкою благотворительностью во французской Фландріи, опустошенной войною «за наслѣдство». Съ побѣжденнымъ соперникомъ Боссюэта, не смотря на его христіанское смиреніе, король обращался съ обидною жестокостью, почти грубостью. И характеромъ, и взглядами, самодержавный, не терпѣвшій ни малѣйшей оппозиціи Людовикъ XIV былъ совершеннымъ контрастомъ превосходнаго воспитателя герцога Бургондскаго, гуманнаго писателя-прелата, кото-

раго Дюсисъ называлъ святымъ Фенелономъ. На мѣстѣ своего изгнанія, въ Камбре, онъ оказался и примѣрнымъ гражданиномъ-патріотомъ, излечивъ, на сколько это было въ его власти, раны, нанесенныя странѣ ужасами войны. Переписка знаменитаго автора «Телемака» съ Версалемъ касается этой войны и управленія архіепископа своею епархіею, но особенно интересны письма его къ внуку Людовика XIV, сдѣлавшемуся дофиномъ. Извѣстно, что изъ этого принца, отличавшагося грубыми наклонностями и бѣшенымъ характеромъ, Фенелонъ образовалъ наслѣдника престола, подававшаго блестящія надежды, исчезнувшія съ внезапною кончиною принца. Всѣ письма его къ своему наставнику полны искренняго чувства и привязанности, тогда какъ по смерти дофина письма объ немъ Фенелона дышатъ глубокою грустью. Воспоминанія о царственномъ, безвременно погибшемъ ученикѣ прекращаются только со смертью архіепископа въ 1715 году.

— Генералъ Амберъ въ своихъ «Военныхъ разсказахъ» (Récits militaires) предпринялъ извлечь изъ войны 1870 года всѣ примѣры храбрости, самоотверженія, героизма. Въ первомъ томѣ, озаглавленномъ «Вторженіе», онъ доводитъ исторію кампаніи, въ единичныхъ біографіяхъ и эпизодическихъ сценахъ, до седанской катастрофы, во второмъ—разсказываетъ послѣдующія военныя событія въ Босѣ, Нормандіи, въ сѣверныхъ департаментахъ, подвиги мобилей, вольныхъ стрѣлковъ, легендарную защиту Шатодена; переноситъ читателя въ Туръ, на засѣданія делегаціи правительства національной обороны, въ Версаль, занятый пруссаками. Особенно интересны послѣднія главы, въ которыхъ разсказывается дислокація трехсоттысячной арміи военноплѣнныхъ въ Германіи и кампанія генерала Винуа, приведшаго въ Парижъ 13-й корпусъ, сдѣлавшійся ядромъ защиты столицы. Книга оканчивается характеристикою Наполеона III, къ которому авторъ относится очень строго. Въ то же время, отдавая справедливость патріотизму военныхъ, онъ несправедливъ къ гражданскому патріоту Гамбеттѣ и выдаетъ свои клерикальныя тенденціи, нападая сильно на Гамбетту, сказавшаго съ трибуны: «нашъ первый врагъ — клерикализмъ!»

— Подъ названіемъ «Паденіе древняго режима» (La chute de l'ancien régime) Эме Шерестъ издалъ замѣчательное изслѣдованіе двухъ годовъ 1787 и 1788, предшествовавшихъ революціи 1789 года. Начало этой революціи авторъ считаетъ не съ собранія генеральныхъ штатовъ, какъ это всѣми принято, а съ собранія нотаблей 1787 года, призваннаго для уничтоженія злоупотребленій прежняго правленія и введенія необходимыхъ реформъ. Убѣжденный и даже страстный консерваторъ, авторъ безпощадно клеймитъ ужасы революціи, но, оплакивая страшную участь Людовика XVI и его супруги, не скрываетъ ихъ ошибокъ и осуждаетъ ихъ. Онъ совѣтуетъ даже консерваторамъ «не оспаривать ни необходимости, ни законности революціи». Авторъ обѣщаетъ продолженіе своего строго ученаго и безпристрастнаго труда, основаннаго на документахъ, не подобранныхъ съ предвзятою цѣлью, какъ въ извѣстномъ сочиненіи Тэна.

— Монархистъ Ганри де Пенъ издалъ обширную біографію Генриха V, (Henri de France), въ которой разсказываетъ подробно всю исторію этого короля, которому не удалось поцарствовать, хотя была эпоха, когда онъ могъ заявить свои права на престолъ, прибывъ во Францію, гдѣ его ждали многочисленные приверженцы. Но у графа Шамбора не достало энергіи для этого заявленія: онъ не рѣшился самъ проложить себѣ дорогу къ трону и все

ждалъ, чтобы легитимисты окончательно очистили и подготовили для него эту дорогу. Онъ и умеръ, все ожидая, когда народъ, совершенно не знавшій его, призоветъ его на царство. Книга Пена сообщаетъ мало новаго о жизни послѣдней отрасли французскихъ бурбоновъ. Авторъ приводитъ только дюжину рисунковъ дофина Франціи, доказывающихъ, что онъ былъ бы недурнымъ живописцемъ, если бы продолжалъ рисовать, а на это у него было довольно свободнаго времени въ изгнаніи. Къ книгѣ приложено также восемь портретовъ и четыре автографа Генриха изъ разныхъ эпохъ его жизни.

— Максъ Шиллингъ издалъ полезную «Книгу источниковъ новѣйшей исторіи» (Quellenbuch zur Geschichte der Neuzeit). Во всѣхъ исторіяхъ разсказъ о событіяхъ, веденный отъ лица автора, подкрѣпляется только ссылками на источники и въ рѣдкихъ случаяхъ цитатами изъ нихъ. Шиллингъ въ своей книгѣ собралъ главнѣйшіе источники, на которыхъ основывается новая исторія, и сгруппировалъ ихъ по эпохамъ, начиная съ реформаціи и оканчивая основаніемъ Германской имперіи въ 1871 году. Источники эти относятся собственно къ Германіи и ея внѣшнимъ сношеніямъ и начинаются 1513 годомъ. Первый отдѣлъ посвященъ реформаціи и оканчивается 1555-мъ годомъ. Здѣсь приведены отрывки изъ тезисовъ, посланій и рѣчей Лютера, секретная инструкція Карла V объ уничтоженіи «лютеровской секты», памфлеты и сатиры той эпохи, постановленія соборовъ вормскаго, шпейерскаго и др. Второй отдѣлъ посвященъ тридцатилѣтней войнѣ и оканчивается 1648 годомъ. Третій отдѣлъ—отъ вестфальскаго мира до восшествія на престолъ Фридриха IV; четвертый—наполненъ его царствованіемъ; пятый идетъ отъ начала французской революціи до 1815 года; наконецъ, шестой до франкфуртскаго мира 10 мая 1871 года. Во всѣхъ этихъ отдѣлахъ много интересныхъ и не всѣмъ доступныхъ источниковъ.

— Въ Берлинѣ уже давно издаются историческимъ обществомъ «Историческіе памятники Германіи» (Monumenta Germaniae historica), относящіеся къ среднимъ вѣкамъ, отъ V до XV вѣка, писанные на латинскомъ языкѣ— inde ab anno Christi quingentesimo usque ad annum millesimum et quinquagesimum, edidit societas aperiendis fontibus rerum germanicaram medii aevi—какъ говорится въ заглавіи изданій этого общества. Въ послѣднее время оно выпустило въ свѣтъ нѣсколько томовъ, весьма важныхъ для германской исторіи: «Жизнь Анскарія, написанную Римбертомъ, съ присоединеніемъ жизни Римберта» (Vita Anskarii auctore Rimberto. Accedit vita Rimberti). Этотъ нѣмецкій святой былъ свидѣтелемъ важныхъ событій въ Германіи, и его жизнь, описанная его ученикомъ, бросаетъ яркій свѣтъ на его эпоху. Затѣмъ общество издало трехъ писателей, сочиненія которыхъ имѣютъ отношеніе къ исторіи Германіи: поэта Авзонія, говорящаго о ней въ своемъ панегирикѣ императору Граціану и въ поэмѣ «Мозель» (Mosella); Авита, главы бургундской церкви въ Вьеннѣ, и послѣдняго защитника язычества, оратора Симмаха. Но еще важнѣе изданныя сочиненія Григорія Турскаго, открывающія серію писателей меровингской эпохи (Scriptores rerum merovingicarum. Gregorii Turonensis opera). Хроника Григорія — несомнѣнно лучшій источникъ для оцѣнки временъ Меровинговъ, гораздо полнѣе и правдивѣе лѣтописей Gesta Francorum, Фредегара и Венанція Фортуната. Турскій епископъ только мало обращалъ вниманія на хронологію и на литературную отдѣлку своихъ твореній, писанныхъ тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ, хотя авторъ ихъ и говоритъ, что изучалъ Виргилія и Саллю-

стія. Въ новомъ изданіи исправлены многія темныя мѣста первоначальнаго текста.

— Къ отдаленнымъ, малоизслѣдованнымъ временамъ переноситъ насъ также сочиненіе Винкельмана: «Исторія англосаксовъ до смерти короля Альфреда» (Geschichte der Angelsachsen bis zum Tode König Aelfreds). Трудъ нѣмецкаго автора исчерпываетъ вполнѣ свой предметъ и начинается съ описанія Британіи подъ римскимъ владычествомъ. Основательно разработана авторомъ темная эпоха введенія христіанства въ Британіи, уже во время Діоклетіана имѣвшая тамъ своихъ мучениковъ, хотя собственно церковная исторія Британіи начинается съ борьбы епископа Германа Оксерскаго противъ пелагіанизма. Не менѣе темная эпоха призванія въ Британію саксовъ, для защиты ея отъ набѣговъ пиктовъ и скоттовъ, также разъяснена признаніемъ Генгиста, основателя нѣмецкаго королевства въ Кентѣ, лицомъ дѣйствительно историческимъ, а не легендарнымъ. О переселеніяхъ VIII вѣка и правленіи Альфреда сообщается также много новыхъ свѣдѣній.

— Въ послѣдней книжкѣ журнала Le Livre помѣщены обстоятельныя свѣдѣнія о прекращеніи въ Петербургѣ особаго рода торговли, процвѣтающей въ Парижѣ, Германіи, Бельгіи, Италіи, Англіи и другихъ цивилизованныхъ странахъ — именно о торговлѣ книгами съ ларей и букинистами. Газеты наши, занятыя вопросомъ о Конго, забыли сообщить читателямъ о закрытіи этой нѣкогда процвѣтавшей у насъ торговли. Теперь въ Петербургѣ книгу нельзя иначе пріобрѣсти, какъ въ книжной лавкѣ. Въ той же книгѣ французскаго журнала помѣщена сочувственная статья о положеніи современной русской журналистики послѣ прекращенія «Отечественныхъ Записокъ».

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Два эпизода изъ дѣтства императора Александра II.

ПОКОЙНЫЙ мой отецъ, проживавшій въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ въ Петербургѣ, разсказывалъ иногда мнѣ о тѣхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ очевидцемъ. Между прочими его разсказами, въ моей памяти сохранились и приводимые ниже два эпизода изъ дѣтства покойнаго государя Александра Николаевича. По всей вѣроятности, эти эпизоды занесены и въ записки генерала Мердера, бывшаго воспитателя государя. Къ сожалѣнію, эти записки до сихъ поръ не появились еще въ печати... Это-то непоявленіе записокъ Мердера и служитъ, надо полагать, достаточнымъ объясненіемъ того обстоятельства, что о дѣтствѣ императора Александра II приводятся, то и дѣло, устные разсказы частныхъ лицъ—случайныхъ свидѣтелей тѣхъ или другихъ событій.

I.

Это было въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1829 года. По Англійской набережной шелъ генералъ Мердеръ, а рядомъ съ нимъ 11-тилѣтній наслѣдникъ-цесаревичъ, Александръ Николаевичъ. Они шли тихо — очевидно, гуляли... Но впереди ихъ, еще тише, шелъ какой-то странствующій венгерецъ, весь обвѣшанный различною жестяною и проволочною посудою-кострюльками, воронками, мышеловками и пр. Гуляющимъ Мердеру и наслѣднику оставалось дойдти до этого торговца всего лишь нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ навстрѣчу Мердеру подошелъ какой-то военный, и они остановились и стали разговаривать между собою... Разговоръ ихъ продолжался не болѣе двухъ-трехъ минутъ, и когда онъ окончился и Мердеръ оглянулся вокругъ, то наслѣдника

вблизи уже не было: онъ бѣжалъ впереди, во весь духъ, и, добѣжавъ до венгерца, вспрыгнулъ ему сразмаху, прямо на плечи... Венгерецъ, однако, устоялъ на ногахъ; но за то большая часть его товара очутилась на землѣ: мышеловки, разныя кострюльки, лейки и пр.—все это, сорвавшись съ веревочекъ, разсыпалось по тротуару и мостовой... Венгерецъ остановился, оглянулъ свой помятый и поломанный товаръ, валявшійся по всѣмъ направленіямъ — и горько заплакалъ... наслѣдникъ стоялъ около, и съ радостью ребенка, которому отлично удалась задуманная шалость, глядѣлъ на публику, начинавшую, по обыкновенію, собираться вокругъ... Мердеръ быстро подошелъ къ этой группѣ, взялъ наслѣдника за руку и сталъ что-то говорить ему, указывая то на плачущаго венгерца, то на его разбросанный товаръ, то на собравшуюся публику... Вѣроятно, Мердеръ говорилъ очень строго и что нибудь серьезное, такъ какъ наслѣдникъ смутился и сильно покраснѣлъ... Затѣмъ, Мердеръ досталъ изъ кармана кошелекъ, вынулъ оттуда какую-то ассигнацію, сунулъ ее въ руку венгерца и далъ знакъ слѣдовавшему за ними экипажу—подъѣхать. Оба они, Мердеръ и наслѣдникъ, сѣли тотчасъ же въ коляску, которая и направилась къ Зимнему дворцу.

II.

Второй эпизодъ произошелъ года два или три спустя послѣ перваго.

Въ началѣ мая, по набережной Фонтанки, по направленію отъ Инженернаго замка къ Невскому, шелъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ сопровожденіи того же генерала Мердера. Оглядываясь своими добрыми, голубыми глазами по сторонамъ, наслѣдникъ замѣтилъ, что на одной изъ стоящихъ барокъ, подъ солнечнымъ припекомъ, лежитъ какой-то простой рабочій, уже старикъ, прикрытый, вмѣсто одѣяла, грязной рогожей; при этомъ онъ весь трясся и громко стоналъ. Не успѣлъ Мердеръ оглянуться, какъ наслѣдникъ по мосткамъ и doскамъ быстро пробѣжалъ прямо на барку, наклонился надъ старикомъ и сталъ о чемъ-то его разспрашивать. Мердеръ, видимо недовольный, осторожно послѣдовалъ за своимъ воспитанникомъ на барку. Что говорили между собою на баркѣ эти три человѣка — генералъ Мердеръ, будущій Царь-Освободитель и мучащійся въ лихорадкѣ старикъ рабочій, неизвѣстно. Но только съ панели Фонтанки было видно слѣдующее: по мѣрѣ разспросовъ несчастнаго рабочаго, недовольство на серьезномъ лицѣ Мердера исчезало, а наслѣдникъ, вынувъ изъ кармана платокъ, утиралъ катившіяся изъ его дѣтскихъ глазъ слезы. Затѣмъ Мердеръ досталъ кошелекъ, вынулъ изъ него золотой и подалъ наслѣднику; тотъ наклонился къ рабочему и положилъ деньги подъ рогожу, на грудь больнаго старика. Больной что-то сказалъ и перекрестился нѣсколько разъ, какъ бы благодаря Бога и своихъ нежданныхъ гостей за оказанную помощь. Послѣ этого, Мердеръ и наслѣдникъ, осторожно ступая по настланнымъ доскамъ и мосткамъ, перебрались съ барки обратно на тротуаръ и пошли дальше. Мердеръ о чемъ-то говорилъ, какъ бы сильно взволнованный; а наслѣдникъ, молча, шелъ рядомъ: глаза его были красны отъ недавнихъ слезъ, а задумчивое лицо было исполнено глубокой грусти и печали...

Сообщено **И. Н. Захарьинымъ.**

СМѢСЬ.

Три юбилея. Въ концѣ прошлаго года, Петербургъ съ обычною торжественною обстановкою отпраздновалъ три юбилея. 24-го ноября, Обуховская больница, самая обширная изъ всѣхъ гражданскихъ больницъ столицы, праздновала столѣтіе своего существованія. Нынѣшнее главное зданіе ея было окончено въ 1784 году. Строилъ его архитекторъ Гваренги, по плану лейбъ-хирурга Екатерины II Кельхена, который и состоялъ главнымъ врачомъ. Число больныхъ съ 1871 года ежегодно не ниже 10,000; въ 1880 году перебывало 13,416 человѣкъ, изъ нихъ умерло 3,236. Все пространство, занимаемое Обуховскою больницею, равняется 18,467 квадратнымъ саженямъ. Каменный флигель, выходящій фасадомъ на Фонтанку, вмѣщаетъ въ себѣ 275 кроватей. Надворный двухъ-этажный флигель, примыкающій къ срединѣ главнаго, вмѣщаетъ въ верхнемъ этажѣ 2 корридора и 17 комнатъ разной величины, въ каждой отъ 2 до 4 кроватей, такъ что на каждаго больнаго, кромѣ корридора, приходится по 3 кубическихъ сажени. Въ нижнемъ же этажѣ этого флигеля 66 кроватей, размѣщенныхъ въ 13 маленькихъ комнатахъ, по 2 кровати въ каждой, гдѣ помѣщаются безпокойные и опасные больные. Новый, трехъ-этажный флигель вдоль Введенки вмѣщаетъ 280 кроватей, въ 24 большихъ и 7 маленькихъ комнатахъ; большія комнаты въ 2 сажени вышины, и въ каждой изъ нихъ отъ 11 до 12 кроватей, такъ что на каждаго больнаго, кромѣ корридорнаго воздуха, приходится около 4 кубическихъ саженъ. Въ маленькихъ комнатахъ по одной только кровати и на больнаго приходится столько же воздуха. Новая фельдшерская школа построена въ 1862 году. Въ ней помѣщается 50 воспитанниковъ, выпускаемыхъ послѣ 4-хлѣтняго курса. Анатомо-патологическій театръ переустроенъ въ 1876 году. Кромѣ аптеки, квартиръ для нѣсколькихъ служащихъ, имѣется еще помѣщеніе для справочной больничной конторы. Въ трудныя времена 1878 года и еще болѣе въ 1881 году, когда въ одинъ день скоплялось до 200 и болѣе больныхъ, сопровождаемыхъ такимъ же числомъ родныхъ, или провожатыхъ, помѣщенія справочной конторы, перепол-

ненныя массою больныхъ, одѣтыхъ въ грязную и мокрую одежду, превращались въ гнѣзда заразы для прислуги и врачей. Прислуга, которой приходилось раздѣвать такихъ больныхъ, обмывать ихъ, заболѣвала тифомъ вскорѣ послѣ поступленія на службу. Большая часть врачей заразилась тифомъ не въ палатахъ, а во время дежурства въ пріемной комнатѣ.

Второй пятидесятилѣтній юбилей справляла Николаевская дѣтская больница, 6-го декабря. Первою дѣтскою больницею въ Европѣ была больница въ Парижѣ, сооруженная на счетъ правительства, затѣмъ вторая въ Европѣ дѣтская больница — явилась въ Петербургѣ, сооруженная на частныя средства. Учредителями ея были графъ А. И. Апраксинъ, лейбъ-медикъ П. Ф. Арендтъ и докторъ К. И. Фридебургъ. Больница учреждена была безъ всякой помощи отъ правительства и такъ существовала первую четверть вѣка. За обильныя пожертвованія, императоръ Николай I назначилъ Анатолія Николаевича Демидова потомственнымъ попечителемъ больницы. Благодаря пожертвованіямъ его и его брата Павла Николаевича (давшихъ 200,000 р. ас.), больница изъ квартиры на набережной Екатерининскаго канала, у Аларчина моста (гдѣ нынѣ 5-я гимназія), переѣхала въ собственный домъ, на Подьяческой, гдѣ и нынѣ находится. Теперь она нуждается въ новомъ зданіи. Николаевская дѣтская больница въ теченіе полувѣка оказала столицѣ важныя услуги, доставляя возможность всѣмъ обращающимся въ ея амбулаторіи получать врачебные совѣты и, въ большинствѣ случаевъ, лекарства. Служа кровомъ для беднѣйшихъ дѣтей, одержимыхъ заразительными болѣзнями, больница способствовала освобожденію отъ заразы жилищъ въ домахъ; она же являлась практическою школою, въ которой оканчивали образованіе многіе дѣтскіе врачи, разсѣянные нынѣ по всей Россіи. Въ 1879 году, во время свирѣпствовавшей на югѣ Ростіи эпидеміи дифтерита, общество Краснаго Креста поручило директору больницы, Л. И. Томашевскому, подготовленіе ста фельдшерицъ, отправленныхъ потомъ въ Полтавскую губернію. Въ прошедшемъ году въ ней пользовались 16,299 дѣтей, сдѣлавшихъ 32,146 посѣщеній. За 24,714 посѣщеній уплачивалось по 10 к., а 7,432 были безплатныя. Пять врачей принимали больныхъ ежедневно, не исключая большихъ праздниковъ. Больница имѣетъ въ настоящее время болѣе 65,000 р. собственнаго капитала, который управленіе больницы старается всѣми силами увеличить, имѣя необходимость замѣнить ветхое и малоудобное зданіе свое новымъ. Кромѣ 14,000 р. отъ города, больница получаетъ еще 10,000 р. отъ вѣдомства учрежденій императрицы Маріи. Въ 1883 году взносы почетныхъ членовъ ея достигли 7,777 р., а единовременныя пожертвованія и случайные доходы дали болѣе 15,000 р. Со времени основанія больницы по 1-е января нынѣшняго года общая цифра больныхъ дѣтей, лечившихся въ больницѣ, достигаетъ 40,000, а число дѣтей, посѣтившихъ отдѣленіе для приходящихъ, болѣе полумилліона.

Наконецъ, 8-го декабря, Русское энтомологическое общество праздновало свой 25-тилѣтній юбилей. Общество зародилось въ средѣ возникшаго въ 50-хъ годахъ частнаго кружка любителей энтомологіи. Въ началѣ своего существованія, общество собиралось въ стѣнахъ Академіи Наукъ. Этотъ періодъ жизни общества ознаменовался имѣвшимъ вліяніе на все его дальнѣйшее развитіе событіемъ, а именно общество приняла подъ свое покровительство великая княгиня Елена Павловна. На помощь обществу явились министерства народнаго просвѣщенія и государственныхъ имуществъ. Общество имѣетъ: почетныхъ членовъ — 21 въ Россіи и 9 за границею, дѣйствительныхъ — 92 въ Россіи и 42 за границею и 9 человѣкъ корреспондентовъ. Между коллекціями общества находятся высоко-замѣчательныя коллекціи Эверсмана и Сиверса, также библіотека, заключающая въ себѣ болѣе 2,000 спеціально-энтомологическихъ сочиненій. Одною изъ главныхъ заботъ общества было изданіе его «Трудовъ», на которое израсходовано, со дня учрежденія общества, 29,707 р.

Возстановленіе древняго храма во Владимірѣ. 4-го ноября состоялось торжественное освященіе возобновленнаго Успенскаго соборнаго храма во Владимірѣ на Клязьмѣ. Церковное торжество началось еще наканунѣ крестнымъ ходомъ изъ обновленнаго собора въ Георгіевскій соборный храмъ за мощами князей Георгія Всеволодовича, основателя Нижняго Новгорода, Андрея Боголюбскаго и Глѣба. Возстановленный соборъ замѣчателенъ, какъ памятникъ XII вѣка, основанный Андреемъ Боголюбскимъ въ 1158 году и расширенный въ 1185 году великимъ княземъ Всеволодомъ Георгіевичемъ. Въ 1161 году «почата писати церкви золотоверхая въ Володимірѣ», говоритъ лѣтописецъ, а въ 1408 году соборъ росписанъ, по велѣнію великаго князя Василія Дмитріевича, знаменитыми русскими художниками того времени Даніиломъ Иконникомъ и Андреемъ Рублевымъ, — но съ теченіемъ времени, испытавъ много тяжкихъ погромовъ, лишился всѣхъ своихъ украшеній: золото, серебро и другія драгоцѣнности частію истреблены пожарами, частію же расхищены татарами во время нашествій. Когда же во Владимірѣ закрылась епископская каѳедра и городъ приписанъ былъ къ области московскихъ митрополитовъ, соборъ Боголюбскаго пришелъ въ такое запустѣніе, что, по свидѣтельству лѣтописца, птицы во множествѣ вили въ немъ гнѣзда. Въ такомъ положеніи соборъ находился до начала XVIII вѣка, т. е. до того времени, когда въ соборѣ открыты были мощи князей Андрея Боголюбскаго и Глѣба. Въ это время древній храмъ началъ привлекать къ себѣ вниманіе не только частныхъ лицъ, но и правительства. Въ 1708 году стольникъ Григорій Племянниковъ возобновилъ иконостасъ и всѣ иконы въ соборѣ; въ 1727 году весь храмъ былъ перекрытъ сибирскимъ желѣзомъ на сумму, отпущенную изъ казны. Въ 1767 году Екатерина II, посѣтивъ соборъ и увидавъ его бѣдность, повелѣла отпустить изъ казны 14,000 руб. на возстановленіе его благолѣпія. Въ 1861 году обратилъ вниманіе на соборъ Александръ II и утвердилъ всѣ предположенія графа Строганова о возобновленіи его, на что признано было нужнымъ 73,229 руб. Но предположенное возобновленіе не состоялось. Такимъ образомъ, стѣны собора цѣлые вѣка скрывали драгоцѣнныя письмена древнихъ изографовъ. Въ 1859 году небольшая часть фресокъ, скрывавшаяся подъ известкой и штукатуркой, была открыта академикомъ Солнцевымъ, — это были лицевыя изображенія Авраама, Исаака и Іакова въ райскомъ саду и орнаменты въ видѣ крупныхъ византійскихъ ластовицъ. Весною 1882 года во многихъ мѣстахъ храма, частію подъ штукатуркой и масляной краской, частію же за кіотами открыто нѣсколько лицевыхъ изображеній и орнаментовъ, восходящихъ по характеру къ XII вѣку. Всѣ открытыя фрески московское археологическое общество взяло подъ свое покровительство. Для охраненія и возстановленія ихъ, археологическое общество избрало особую коммиссію. По подпискѣ собралась сумма, необходимая для украшенія собора и приступлено къ работамъ по возстановленію древнѣйшей византійской стѣнописи. Работа возстановленія фресокъ и всего соборнаго украшенія поручена была иконописцу села Палеха, Вязниковскаго уѣзда, П. М. Сафонову эскизы котораго были одобрены археологическою коммиссіею. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ совсѣмъ не оказалось фресокъ, отбивали ветхую штукатурку и накладывали новую изъ лучшаго алебастра; изъ «комаръ», въ которыхъ погребены великіе князья, княгини и святители, кирпичи выбирали, а поврежденныя на бѣлокаменныхъ гробницахъ плиты исправляли. Приведеніе въ первобытный видъ гробницъ ведено было съ величайшею осмотрительностью.

Археологическія пріобрѣтенія. Церковно-археологическій музей при Кіевской духовной академіи получилъ въ даръ отъ одесской духовной семинаріи фрагментъ на 15 листахъ изъ рукописнаго пергаментнаго евангелія на греческомъ языкѣ. Этотъ фрагментъ былъ найденъ о. Вулисмою, бывшимъ настоятелемъ греческой церкви въ Одессѣ, нынѣ архіепископомъ керкир-

скимъ (на островѣ Корфу), и пожертвованъ имъ въ библіотеку одесской семинаріи. Онъ былъ выставленъ вмѣстѣ съ другими предметами на VI археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ. Въ настоящее время произведено только предварительное изслѣдованіе рукописи, которое показало, что, по характеру начертанія буквъ и нѣкоторымъ другимъ признакамъ, она должна быть отнесена къ X или XI вѣку. Это евангеліе принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ «апракосъ», т. е. такихъ, въ которыхъ чтенія расположены въ порядкѣ недѣль, а не по четыремъ евангелистамъ. Зачала, выставленныя въ текстѣ, не соотвѣтствуютъ принятымъ въ настоящее время. Фрагментъ заключаетъ въ себѣ чтеніе изъ двухъ евангелистовъ: Матѳея и Марка. Профессоръ кіевской духовной академіи П. А. Лашкаревъ передалъ въ тотъ же музей панцырь, состоящій изъ отдѣльныхъ стальныхъ пластинокъ. Этотъ панцырь найденъ имъ въ Китаевѣ, въ одномъ изъ небольшихъ кургановъ на берегу Днѣпра, у подошвы горы.

Рязанская ученая архивная коммиссія. Многимъ ли у насъ извѣстно даже существованіе этой коммиссіи, а между тѣмъ, дѣятельность ея заслуживаетъ вниманія не однихъ ученыхъ, но и всей образованной публики. Коммиссія печатаетъ журналъ своихъ засѣданій, весьма любопытный во многихъ отношеніяхъ, что доказываетъ протоколъ послѣдняго засѣданія въ прошломъ году. На этомъ засѣданіи правитель дѣлъ прочелъ докладъ о разобранныхъ имъ дѣлахъ генералъ-губернатора Балашова, съ 1820 по 1827 годъ. Дѣла эти представляютъ цѣнный матеріалъ для изученія двадцатыхъ годовъ въ историческо-статистическомъ отношеніи. Однихъ дѣлъ о злоупотребленіяхъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ сохранилось 67. Въ приложеніи къ журналу коммиссіи напечатана переписка 1786 года Державина, бывшаго въ то время Тамбовскимъ намѣстническимъ правителемъ, съ правителемъ рязанскаго намѣстничества А. А. Волковымъ, по поводу учрежденнаго въ Рязани «редута для увеселенія обществу». Подобный этому редутъ Державинъ хотѣлъ устроить и въ Тамбовѣ. Еще любопытно письмо Ивана Никитича Скобелева къ своему сыну Дмитрію, отцу нашего народнаго героя Михаила Дмитріевича. Приводимъ отрывокъ изъ этого письма, характеризующаго стараго солдата-писателя: «Милый сынъ! Во всѣхъ письмахъ, получаемыхъ мною отъ матери твоей, читаю я огромныя похвалы осторожному поведенію и усердію твоему къ наукамъ, чѣмъ, какъ она говоритъ, отличаешься ты въ пансіонѣ. Зная цѣну слѣпой материнской любви и вѣдая, какъ немного надобно, чтобъ двинуть слабую бабу къ восхищенію, берусь за перо съ тѣмъ именно, чтобъ въ качествѣ родственной бесѣды преподать тебѣ дружескіе совѣты. 1) Вѣрнѣйшія и безпристрастнѣйшія похвалы достоинствамъ нашимъ сопровождаютъ насъ во гробъ только; на лицѣ же земли онѣ рѣдко справедливы: а потому заслуживать ихъ должно, но увлекаться похвалами вредно. Одинъ будетъ восхищаться тобою изъ любви другой изъ глупости, третій съ намѣреніемъ, чтобы произвесть въ тебѣ гордость; а глупѣе гордости, милый другъ, нѣтъ подъ луною глупости. 2) Гордость тоже что и гибельная чума—при малѣйшей неосторожности впивается она въ душу знатныхъ и ученыхъ. Увидя гордеца, ты тотчасъ его узнаешь: онъ похожъ на индѣйскаго пѣтуха. Смотри же, братъ, держи ухо востро! По чести, не много мнѣ будетъ радости, увидя въ тебѣ образчикъ сей не авантажной птицы. 3) Помни давнюю русскую пословицу: по дрождямъ пива не узнаешь... 4) Страшись соблазна, могущаго учинить тебя индѣйскимъ пѣтухомъ, совѣтую не забывать, что ты не болѣе, какъ сынъ русскаго солдата и что въ родословной твоей первый свинцомъ означенный кружокъ вмѣщаетъ порохомъ воняющую фигуру отца твоего, который потому только не носилъ лаптей, что босикомъ бѣгать было ему легче. Впрочемъ фамилію свою можешь ты произносить, не краснѣя, во всѣхъ углахъ обширнаго нашего Отечества. А сей—то, исключительно важнѣйшій для гражданина, шагъ

ты, не употребляя собственнаго труда, уже сдѣлалъ, опершись на бѣдный полусоставъ грѣшнаго тѣла отца своего, который, проливъ всю кровь за честь и славу Бѣлаго Царя и положивъ фунтовъ пять костей на престолъ милаго отечества, твердо имѣетъ надежду, что ты не осрамишь сей священной жертвы! Всякое, путями правды, пріобрѣтеніе требуетъ особенныхъ усилій; но мой трудъ по службѣ и мои хлопоты въ пользу оной истощили во мнѣ всѣ силы, изсушили всѣ слезы; у тебя же горести сіи позади. 5) Надобно только, при буквальной покорности къ старшимъ, быть вѣжливымъ съ младшими, уважать въ достойныхъ людяхъ истинныя заслуги и стараться подражать имъ, но не выслуживаться. Упаси Боже! А благородная, чистая, полезная служба—какъ пробка на водѣ, и гласъ Бога, и гласъ народа—все въ ея пользу. Подлая же выслуга, хотя часто идетъ и рядомъ, а бываетъ, что и упреждаетъ; но сколько надобно усилій, сколько уловокъ, увертокъ, сколько снастей! Чертовская наука! Но она не по нашему департаменту — маршъ мимо!... 6) Оказывай должное почтеніе къ отраслямъ знатныхъ, древнихъ фамилій, безъ униженія, однакожъ. Впрочемъ изъ нихъ есть люди такой масти, что лучше-бъ не встрѣчаться. Но, если встрѣтишься, поклонись въ лицѣ его покойному прародителю, т. е. знаменитому виновнику той знатности, на которую въ потомкѣ безъ слезъ смотрѣть нельзя; и всетаки поклонись! Берегись слабостей, но и не осуждай ихъ въ ближнемъ. Я, кажется, сказывалъ тебѣ, что дѣдъ твой Уваровъ до 80 лѣтъ и ренскаго въ ротъ не бралъ, а на девятомъ десяткѣ, вѣроятно, осудилъ кого нибудь, накушался до—зѣла; да и поминай—какъ звали. 7) Приказывать не могу, чтобы ты не игралъ въ карты: шила въ мѣшкѣ не утаишь. Согрѣшилъ окаянный! Держалъ самъ и даже неосторожно: но осмѣливаюсь просить, пожалуста, братъ Митя, плюнь на эту пагубную страсть. Честію отвѣчаю, что, не бывъ достойнымъ презрѣнія плутомъ, не пріобрѣтешь алтына и кончишь по-моему... 8) На развалинахъ ближняго не созидай, братъ, собственныхъ пользъ: кромѣ того, что это правило варварское, — оно и не прочно. Да спасетъ тебя Господь Богъ даже и отъ помышленія, благородной душѣ столь тяжкаго. Сколько было фертиковъ, изъ трудовъ отца твоего устроившихъ маскарадный костюмъ; но фертики все еще вертятся около ферта, а отецъ твой Божіею помощію двинулся къ ижицѣ. А въ заключеніе: 9) Для моднаго свѣта учись ты, чему хочешь, и говори, если можно, съ заморскими птицами; но для меня—исключительно—будь русскимъ, честнымъ и чистымъ человѣкомъ. За ошибку, которую отъ намѣренія отличить легко, мы съ тобою много — что поссоримся; но за обдуманныя порочныя шалости я, братъ, безъ церемоніи выворочу тебѣ шкурку на изнанку,—и ни какими философическо-математическими науками не отдѣлаешься, и ни какимъ языкомъ не отговоришься ты отъ спасительныхъ, великороссійскихъ, полновѣсныхъ, гренадерскихъ моихъ фухтелей».

† 2-го декабря, умеръ на 54 году талантливый писатель **Николай Степановичъ Курочкинъ**. Пять лѣтъ онъ почти никуда не выходилъ, страдая болѣзнью сердца. Смерть послѣдовала моментально отъ аневризма. Въ восьмомъ часу утра онъ проснулся въ веселомъ настроеніи, а въ девятомъ его уже не стало. Покойный былъ братъ Василія Степановича Курочкина, издателя «Искры» и переводчика Беранже, родился въ Петербургѣ въ 1830 г., воспитывался въ 5-й гимназіи, а курсъ окончилъ лекаремъ медико-хирургической академіи въ 1854 г. и поступилъ на службу въ морское вѣдомство. Практикой онъ занимался мало, но всю свою жизнь и дѣятельность отдалъ литературѣ. Еще на школьной скамьѣ въ гимназіи, онъ уже помѣщалъ свои переводы въ журналѣ «Пантеонъ». Въ годы студенчества онъ только и существовалъ литературной работой. Въ качествѣ морскаго врача, онъ плавалъ въ эскадрѣ, посланной послѣ севастопольской войны къ берегамъ Сиріи и Египта, побывалъ на Кавказѣ и въ Западной Европѣ. По-

слѣ возвращенія изъ плаванія, въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, онъ вышелъ въ отставку и исключительно занялся литературой, работая у своего брата въ «Искрѣ» и въ редакціяхъ «Книжнаго Вѣстника» и «Библіографическаго Вѣстника», помѣщалъ свои беллетристическія статьи и стихотворенія въ «Русскомъ Мірѣ», «Иллюстраціи», «Времени», «Русскомъ Инвалидѣ» и пр. Съ января 1868 г., онъ принялъ завѣдываніе библіографическимъ отдѣломъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ помѣщены имъ многіе этюды по вопросамъ западно-европейской науки и переводныя пьесы («Веселый огонь», «Сельская школа», съ итальянскаго). Кромѣ того, имъ переведена драма «За монастырской стѣной». Послѣдніе годы покойный сотрудничалъ въ «Наблюдателѣ». За сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ», онъ получалъ отъ покойнаго Некрасова пенсію 1,800 р. въ годъ. Хворать онъ началъ давно, а въ концѣ семидесятыхъ годовъ уже не могъ стоять на ногахъ. Чрезвычайно добродушный человѣкъ, онъ открывалъ гостепріимно двери всѣмъ приходившимъ къ нему. Многіе изъ неимущей братіи считали его квартиру какъ бы своей. Жилъ онъ холостякомъ съ совершенно студенческой обстановкой, весь погруженный въ книги, но дѣлалъ много добра.

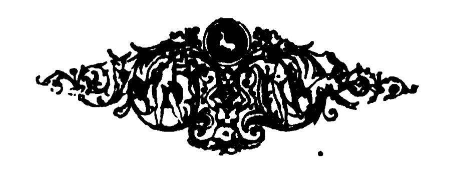
† 17-го ноября, въ Петербургѣ одинъ изъ старѣйшихъ журналистовъ и театрально-музыкальныхъ рецензентовъ **Маврикій Якимовичъ Раппапортъ** 60 лѣтъ. Онъ началъ свою журнальную карьеру въ концѣ сороковыхъ годовъ, еще студентомъ, помѣщалъ статьи въ «Репертуарѣ и Пантеонѣ» и «Полицейской газетѣ». Съ возобновленіемъ въ 1856 году «Сына Отечества» (подъ редакціей г. Старчевскаго) покойный велъ въ немъ музыкальный отдѣлъ до 1868 года. Въ то время эта газета имѣла обширный кругъ читателей. «Сынъ Отечества» въ первый годъ имѣлъ 12 тысячъ подписчиковъ, небывалый тогда примѣръ. Въ 1857 году М. Я. Раппапортъ сталъ въ главѣ своего спеціальнаго органа «Музыкальный и театральный вѣстникъ», недолго, впрочемъ, просуществовавшаго. Затѣмъ онъ печаталъ музыкальныя статьи въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» (К. В. Трубникова). Въ 1883 году покойный, вмѣстѣ съ В. В. Комаровымъ, пытался возобновить «Вѣстникъ», но не надолго. Въ послѣднее время М. Я. Раппапортъ работалъ въ «Свѣтѣ» г. Комарова. Покойный страстно любилъ театръ, въ особенности оперу, среди артистовъ которой пользовался любовью, какъ добродушнѣйшій человѣкъ и незлобивый критикъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ сезоновъ М. Я. Раппапортъ, вмѣстѣ съ другимъ старѣйшимъ рецензентомъ, М. Г. Вильде, арендовалъ Лѣсной и Ораніенбаумскій театры. Подъ его антрепренерствомъ впервые выступили на театральные подмостки многіе пользующіеся нынѣ извѣстностью артисты, какъ О. Козловская, Варламовъ, Правдинъ. Послѣ покойнаго остались интересныя записки, которыя онъ велъ съ самаго начала своей журнальной дѣятельносcти.

† 18-го ноября романистъ **Болеславъ Михайловичъ Маркевичъ** на 62 году. Покойный не прерывалъ свою литературную дѣятельность и работалъ на одрѣ болѣзни. Какъ беллетристъ онъ сдѣлался извѣстенъ съ семидесятыхъ годовъ, когда въ «Русскомъ Вѣстникѣ» появился его романъ «Четверть вѣка назадъ», полный интереса, какъ матеріалъ о недавнемъ прошломъ русской жизни, почерпнутый изъ разнообразныхъ воспоминаній, обработанныхъ съ большимъ стараніемъ. Успѣхъ этого романа побудилъ Маркевича продолжать беллетрическую картину развитія нашего общества въ болѣе близкую эпоху—въ періодъ такъ называемаго «возрожденія». Эта картина нарисована имъ въ послѣдовавшемъ за «Четвертью вѣка» романѣ «Переломъ», который былъ принятъ еще съ бо̀льшимъ любопытствомъ. Вскорѣ послѣ «Перелома», онъ началъ печатать въ «Русскомъ Вѣстникѣ» третій романъ «Бездна», составляющій какъ бы продолженіе «Перелома» и обрисовывающій самые послѣдніе шаги русскаго прогресса. Романъ этотъ остался неоконченнымъ.

† 12 декабря, на хуторѣ Макаровкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губ. писательница **Надежда Степановна Соханская**, подписывавшаяся псевдонимомъ

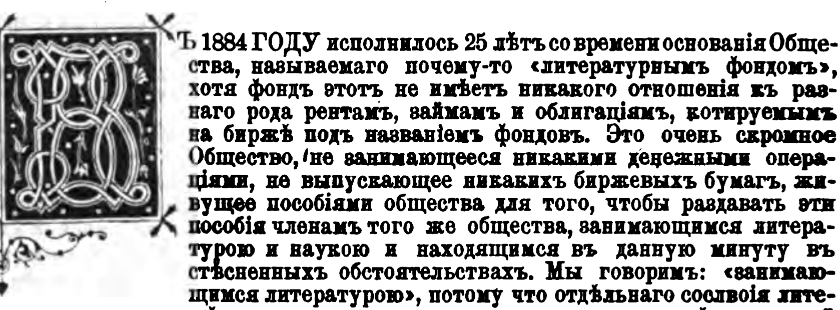
«Кохановская». Литературную карьеру свою она начала небольшою повѣстью въ «Русск. Вѣстн.» «Послѣ обѣда въ гостяхъ», сразу обратившею на себя вниманіе талантливою характеристикою провинціальныхъ русскихъ типовъ дореформенной эпохи. Послѣдующія и болѣе крупныя произведенія Н. С. Кохановской посвящены были изображенію той же провинціальной жизни, и «Галлерея провинціальныхъ портретовъ» въ томъ же «Русскомъ Вѣстникѣ» и другія повѣсти тамъ же и въ «Русскомъ Словѣ» имѣли большой и заслуженный успѣхъ въ читающей публикѣ. Въ 1863 г. вышло собраніе сочиненій Н. С. Кохановской. Позднѣе она уже только изрѣдка дарила публику своими произведеніями, да и немногія вещи, появлявшіяся въ «Руси», «Гражданинѣ» и проч., носили скорѣе публицистическій характеръ. Послѣднимъ литературнымъ трудомъ покойной были письма въ редакцію «Гражданина» по поводу религіозныхъ и философскихъ увлеченій графа Льва Толстаго.

† Въ Тюрингіи, въ родномъ своемъ селѣ, одинъ изъ популярнѣйшихъ естествоиспытателей, **Альфредъ Бремъ**. Онъ родился въ Рентендорфѣ, близь Геры. Отецъ его, мѣстный приходскій священникъ, былъ большой любитель птицъ, чѣмъ отчасти и объясняется склонность его сына къ естественнымъ наукамъ и въ особенности къ зоологіи. Одновременно съ этою склонностью проявлялась въ молодомъ Бремѣ и склонность къ дальнимъ путешествіямъ. Восемьнадцатилѣтнимъ юношею онъ совершилъ свое первое путешествіе въ глубь Африки, гдѣ провелъ болѣе четырехъ лѣтъ и возвратился оттуда съ большимъ запасомъ знанія и богатою зоологическою коллекціею. Въ Іенѣ, потомъ въ Вѣнѣ Бремъ продолжалъ свои изслѣдованія и въ то же время написалъ «Reiseskizzen aus Nord-Africa», обратившіе на него вниманіе, какъ на выдающагося ученаго и писателя. Въ Испаніи, Норвегіи и Лапландіи Бремъ изучилъ жизнь птицъ въ ихъ гнѣздахъ и результатъ своихъ наблюденій изложилъ въ чрезвычайно занимательной, написанной изящнымъ слогомъ книгѣ. Нѣмцы справедливо ставятъ Брему въ заслугу то, что за послѣднее время въ Германіи стали понимать и любить естественныя науки. Его капитальный трудъ «Жизнь животныхъ», имѣвшій множество изданій и въ переводѣ на русскій языкъ, сдѣлалъ его имя знаменитымъ и получилъ самое широкое распространеніе. По возвращеніи изъ дальняго путешествія съ герцогомъ Кобургскимъ, Бремъ былъ назначенъ директоромъ гамбургскаго зоологическаго сада, потомъ переселился въ Берлинъ, гдѣ устройствомъ акваріума, который справедливо считаютъ одною изъ достопримѣчательностей германской столицы, воздвигъ себѣ великолѣпный памятникъ. Затѣмъ Бремъ совершилъ путешествіе по Сибири; читалъ популярныя лекціи по естественной исторіи во многихъ городахъ не только Европы, но и Азіи и сопровождалъ наслѣднаго принца австрійскаго Рудольфа въ его многочисленныхъ путешествіяхъ. Сверхъ названныхъ уже сочиненій, Брема чрезвычайно популярны «Leben der Vogel» и «Thiere des Waldes».



ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОМОЩЬ ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ПОСЛѢДНЕЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

(По поводу юбилея Общества пособія литераторамъ и ученымъ и его изданій).



ВЪ 1884 ГОДУ исполнилось 25 лѣтъ со времени основанія Общества, называемаго почему-то «литературнымъ фондомъ», хотя фондъ этотъ не имѣетъ никакого отношенія къ разнаго рода рентамъ, займамъ и облигаціямъ, котируемымъ на биржѣ подъ названіемъ фондовъ. Это очень скромное Общество, не занимающееся никакими денежными операціями, не выпускающее никакихъ биржевыхъ бумагъ, живущее пособіями общества для того, чтобы раздавать эти пособія членамъ того же общества, занимающимся литературою и наукою и находящимся въ данную минуту въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Мы говоримъ: «занимающимся литературою», потому что отдѣльнаго сословія литераторовъ у насъ нѣтъ; его не признаетъ законъ, даже въ видѣ временной корпораціи, какъ признаетъ, напримѣръ, временныхъ купцовъ, къ которымъ можетъ приписаться и дворянинъ, и разночинецъ. У насъ можно «заниматься литературою», но необходимо принадлежать къ какому нибудь сословію. Ни въ одной изъ безчисленныхъ статей свода нашихъ законовъ не упоминается о литераторѣ, какъ о существѣ, пользующемся какими либо гражданскими правами, и глубокомысленный статистикъ, получившій, при послѣдней переписи въ Петербургѣ, заявленіе писателя, что онъ живетъ своимъ перомъ, имѣлъ основаніе внести въ графу «средства къ жизни» — торгуетъ перьями. Хорошо еще, что не проставилъ: «торгуетъ перомъ», что могло бы показаться оскорбительнымъ, въ особенности тѣмъ лицамъ, которыя ведутъ торговлю этого рода.

Общество, гдѣ въ литературѣ многіе видятъ не болѣе какъ пріятное развлеченіе, не могло, конечно, прилагать особенныхъ стараній къ облегченію положенія этихъ «развлекателей», на которыхъ нужда налагала по временамъ свою тяжелую руку. Позаботились о своихъ собратахъ сами литераторы. Небольшой кружокъ ихъ выработалъ въ 1859 году проектъ устава «Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ». Самое названіе было не совсѣмъ литературно: предлогъ для тутъ совершенно лишній и не въ духѣ русскаго языка. «Общество снабженія бѣдныхъ пищею», «Обще-

ство спасанія на водахъ» и другія обходятся и безъ этого для... «Пособіе нуждающимся»—плеоназмъ: не нуждающимся не зачѣмъ прибѣгать къ пособію. Уставъ былъ утвержденъ; для составленія его писатели забыли свои партіи и препирательства, хотя первый же комитетъ, избранный завѣдовать дѣлами Общества, исключилъ изъ числа членовъ-учредителей лицъ, не заслуживавшихъ этого исключенія. Но вообще Общество начало дѣйствовать успѣшно и энергично, хотя на первыхъ же порахъ послышались и нареканія на него. Комитетъ не публиковалъ именъ лицъ, которымъ оказывалъ пособіе; ихъ не знали даже члены Общества. Это было совершенно раціонально: многіе изъ писателей отказались бы отъ всякой помощи, если бы условіемъ ея было обнародованіе ихъ стѣсненнаго положенія. Комитетъ могъ бы, въ одномъ случаѣ, дѣлать исключеніе: сообщать о пособіяхъ, оказанныхъ уже умершимъ писателямъ: помощь не могла бы оскорбить ихъ наслѣдниковъ и доказывала бы признаніе Обществомъ литературныхъ заслугъ покойнаго. Но публика, вносившая деньги въ Общество, говорила: «я плачу деньги и не знаю, на что онѣ употребляются». Общество могло бы отвѣчать на это: «я только посредникъ между дающимъ и нуждающимся, котораго я знаю, тогда какъ онъ неизвѣстенъ дающему». Но комитетъ, вмѣсто простаго категорическаго отвѣта распространялся только о необходимости сохраненія тайны, прибѣгалъ къ авторитету Теккерея, и нареканія не прекращались. Болѣе всего увеличили средства Общества публичныя чтенія и лекціи, открывшіяся въ 1860 году и встрѣченныя публикою самымъ сочувственнымъ образомъ.

Въ первый же годъ своего существованія, Общество, имѣвшее при своемъ основаніи 2,200 рублей, владѣло уже капиталомъ въ 35,000 и назначило пенсіи 15-ти лицамъ, на сумму въ 3,510 рублей, да выдало единовременно пособія 56-ти лицамъ на сумму 7,500 рублей. Но если на помощь нуждающимся литераторамъ шли охотно всѣ сословія, литераторы не нуждающіеся очень плохо исполняли принятыя на себя обязанности членовъ Общества. Въ первый же годъ до ста человѣкъ не внесли опредѣленныхъ ими взносовъ, во второй число это увеличилось до 200, при 580-ти наличныхъ членовъ. На третій годъ, недоимка взносовъ дошла до 7,900 рублей, и въ числѣ не внесшихъ было 55 членовъ-учредителей. Но комитетъ не исключалъ такихъ учредителей, хотя и долженъ бы сдѣлать это по точному смыслу устава, а продолжалъ утверждать, что это прямое нарушеніе принятыхъ на себя обязанностей происходитъ отъ забывчивости. Средства Общества стали уменьшаться, а расходы его увеличиваться. Чтенія и спектакли не привлекали уже посѣтителей. Одно изъ чтеній 1862 года принесло только 34 рубля. Открытое же при Обществѣ отдѣленіе пособія бѣднымъ учащимся закрылось, просуществовавъ всего одинъ мѣсяцъ. Одинъ изъ членовъ комитета предложилъ издать сборникъ въ пользу фонда, но потомъ самъ отказался отъ своего предложенія, и оно осуществилось только черезъ 25 лѣтъ, въ формѣ альманаха, въ которомъ треть посвящена «Лѣтописи Общества», очень интересной по многимъ отношеніямъ, хотя далеко не полной, потому что въ ней умалчивается о многихъ промахахъ комитета и «пререканіяхъ», возникавшихъ въ средѣ его. Но отчетъ, всетаки, представляетъ любопытную характеристику отношеній Общества къ писателямъ и мы считаемъ необходимымъ обратить на него вниманіе всѣхъ, кому дороги интересы русской литературы. Лѣтопись Общества доставляетъ намъ въ этомъ отношеніи значительные факты и данныя.

Кромѣ самовластія комитета, выражавшагося въ безапелляціонномъ назначеніи пособій или отказѣ въ нихъ, болѣе всего возбуждала неудовольствіе въ публикѣ и въ самихъ литераторахъ исключительно благотворительная цѣль Общества. Пособія было, всетаки, тяжело принимать, такъ какъ они имѣли видъ милостыни, тогда какъ тѣ же пособія, раздаваемыя въ видѣ ссуды, хотя бы безпроцентной и безсрочной, не были бы нисколько оскорбительными. Сила вещей взяла вскорѣ же верхъ надъ рутиною—и уже въ 1863 году комитетъ, нарушая свой уставъ, выдалъ первую ссуду, хотя на короткій срокъ, и подъ обезпеченіе. Другое, вполнѣ раціональное предположеніе, что основаніемъ Обществу должны служить не взносы его членовъ, а проценты съ ихъ трудовъ до сихъ поръ не осуществилось, хотя разомъ измѣнило бы и средства, и положеніе Общества. Годовое собраніе 1865 года

разрѣшило производство срочныхъ ссудъ, подъ отвѣтственностью комитета, но постановило, что члены его не имѣютъ права ни на ссуды, ни на пособія. Это послѣднее опредѣленіе было вызвано дѣйствительно исключительнымъ поступкомъ комитета, выдавшаго одному изъ своихъ членовъ Достоевскому, въ ссуду, два раза въ годъ, по полторы тысячи. Щедрый до расточительности комитетъ, въ другихъ случаяхъ дѣйствовалъ односторонно и неосновательно.

Въ 1866 году получился дефицитъ въ бюджетѣ Общества и капиталъ его опустился до 33,000, хотя пенсіи выдавались только 12-ти лицамъ на сумму въ 2,344 рубля, а единовременныя пособія понизились до 1,270 руб., кромѣ выдачи 800 рублей на воспитаніе 5-ти лицъ. Слѣдующій годъ былъ лучше въ финансовомъ отношеніи, но комитетъ продолжало смущать то явленіе, что «Общество менѣе всего пользовалось сочувствіемъ и поддержкою въ средѣ литераторовъ и ученыхъ». Изъ всѣхъ, выходившихъ въ Россіи повременныхъ изданій, только «Отечественныя Записки» да «Петербургскія Вѣдомости» отчисляли ежегодно небольшой процентъ въ литературный фондъ. Число членовъ, уплатившихъ свои взносы въ 1867 году, дошло до 95-ти, и въ слѣдующемъ году комитетъ, провѣривъ списокъ членовъ, твердо рѣшился исполнять параграфъ устава, объ исключеніи членовъ, не вносившихъ два года сряду положенной платы. Тогда число членовъ уменьшилось больше чѣмъ на половину, и составило 302 лица, изъ которыхъ 251 сдѣлали установленные взносы. Капиталъ Общества дошелъ до 46,000. Пособій выдано 10,000 руб. Съ тѣхъ поръ дѣла въ Обществѣ продолжали улучшаться, капиталъ его увеличиваться, пособія выдавались въ большемъ размѣрѣ. Въ 1871 году Общество выдало 18 пенсій на сумму въ 3,700 рублей, на воспитаніе 26-ти лицъ 1,420 руб. и учредило стипендію въ харьковскомъ университетѣ; ежегодныя пособія превышали 6,000 р., капиталъ Общества превышалъ 53,000. Въ 1874 году, общее собраніе постановило образовать неприкосновенный капиталъ, который можетъ быть расходуемъ комитетомъ только съ согласія общаго собранія. Число членовъ возросло до 483. «Лѣтопись» Общества не скрыла бестактнаго поступка комитета 1875 года, выставившаго первымъ кандидатомъ въ свои члены г. Баймакова, въ то время, когда къ этому вскорѣ же обанкротившемуся аферисту перешли «Петербургскія Вѣдомости». Хорошо еще, что этотъ будущій литераторъ и банкротъ самъ отказался отъ кандидатуры, вслѣдствіе рѣзкой статьи объ ней, появившейся въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» — а то пришлось бы, пожалуй, многимъ изъ членовъ комитета, не раздѣлявшимъ взгляда его большинства на Баймакова, удалиться изъ состава комитета. Въ этомъ же году въ неприкосновенный капиталъ Общество отчислило 20,000 рублей, а общій капиталъ возросъ до 67,000 рублей. Но комитетъ въ томъ же году сдѣлалъ еще одинъ промахъ: выдалъ въ ссуду полторы тысячи г. Стопановскому, писателю третьестепенному, на пріобрѣтеніе имъ пая въ изданіи «Петербургскаго Листка». Ревизіонная коммиссія указала комитету на его неправильныя дѣйствія, но общее собраніе одобрило выдачу. Стопановскій оказался несостоятельнымъ въ уплатѣ долга и его внесли поручители, хотя одинъ изъ нихъ отказывался отъ уплаты на томъ основаніи, что онъ подписался послѣднимъ и поэтому обязанъ будто бы платить только въ такомъ случаѣ, если не уплатятъ подписавшіеся прежде. Для устраненія на будущее время подобныхъ отговорокъ, комитетъ постановилъ, чтобы поручители заявляли письменно, въ какой суммѣ они принимаютъ на себя долгъ, въ случаѣ его неуплаты. Ревизіонная коммиссія указала еще на неправильное рѣшеніе комитета по пререканіямъ одного сотрудника съ редакторомъ журнала, не уплатившимъ обѣщаннаго гонорара. Редакторъ этотъ былъ въ то время членомъ комитета, отказавшаго сотруднику въ его просьбѣ. Но общее собраніе нашло правильнымъ дѣйствіе комитета. Въ этомъ же году комитетъ началъ выдавать ссуды безсрочныя и безъ поручительства и снова былъ возобновленъ проектъ объ изданіи сборника, въ память пятнадцатилѣтняго существованія Общества. Проектъ также не осуществился, хотя г. Рѣпинскій написалъ исторію Общества за это время. Она явилась только въ нынѣ вышедшемъ сборникѣ и составила начало его «Лѣтописи».

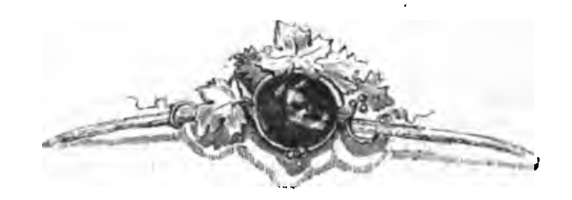
Послѣднія десять лѣтъ Общества описаны г. Скабичевскимъ. Въ 1876 году общее собраніе постановило пріобрѣтать исключительно государствен-

ныя и гарантированныя правительствомъ процентныя бумаги и утвердило правила для учрежденія ссудо-сберегательной кассы. Въ этомъ же году 193 члена не уплатили своихъ взносовъ и посыпались обвиненія на комитетъ въ равнодушіи къ судьбѣ умершаго историка Щапова. Одна газета требовала, чтобы Общество пріобрѣло оставшіяся послѣ него сочиненія, другой журналъ объявилъ, что Щапову прекратили выдачу пенсіи. Комитетъ отвѣчалъ, что пріобрѣтеніе сочиненій не входитъ въ кругъ его обязанностей, что Щапову съ 1863 года выдано въ пособіе болѣе 1,400 рублей, и въ 1874 году назначена пенсія по 300 рублей въ годъ. Ревизіонная коммиссія признала всѣ распоряженія комитета по этому дѣлу правильными. Въ слѣдующемъ году комитетъ возвратилъ билетъ государственнаго банка въ 5,000 рублей полупомѣшанному книгопродавцу Лисенкову, предлагавшему издавать ежегодный сборникъ подъ заглавіемъ «Петербургская литературная звѣзда сѣверныхъ цвѣтовъ русской литературы», но съ такими комическими и невозможными условіями, которыя не могло принять серьезное общество. А въ пожертвованіяхъ оно нуждалось, такъ какъ въ этомъ году расходы превысили доходы, и комитетъ былъ принужденъ сдѣлать заемъ изъ неприкосновеннаго капитала и у двухъ членовъ. 1878 годъ былъ положительно бѣдственнымъ для Общества. Обществу, по словамъ Лѣтописи, «угрожало печальное разложеніе». Единовременныя пожертвованія простирались только до 390 рублей. Чтенія и спектакли не устроивались вовсе, да на нихъ бы и не пошла публика, отвлекаемая политическими событіями. За то слѣдующій годъ былъ годомъ возрожденія. Капиталъ Общества возросъ до 85½ тысячъ, число членовъ дошло до 675. Министръ народнаго просвѣщенія утвердилъ проектъ ссудосберегательной кассы, представленной еще въ 1877 году. Въ 1880 году одни литературныя чтенія въ память Пушкина принесли болѣе 7,300 рублей. Слѣдующій годъ снова доказалъ, что процвѣтаніе литературнаго фонда требуетъ мирнаго и спокойнаго настроенія общества. Общія собранія были чрезвычайно бурны. Бурю эту, подробно изложенную въ «Лѣтописи», возбудилъ Г. К. Градовскій своимъ предложеніемъ объ улучшеніи и оживленіи дѣятельности Общества. Для этого г. Градовскій предлагалъ отклонить учрежденіе ссудосберегательной кассы и вмѣсто нея основать пенсіонную и эмеритальную, образовать коммиссіи для изданія сочиненій, оказывать содѣйствіе писателямъ въ ихъ сношеніяхъ съ цензурою и издателями, ходатайствовать передъ правительствомъ о дополненіи законовъ, относящихся къ печати, литературной собственности, литературному труду и т. п. Пренія по этимъ предложеніямъ, клонившимся къ учрежденію Общества на основахъ самопомощи, перешли и на слѣдующій годъ. Комитетъ находилъ, что «ходатайство о разрѣшеніи такого Общества должно идти отъ лицъ, желающихъ въ немъ участвовать, а не отъ литературнаго фонда, имѣющаго совсѣмъ другой характеръ», какъ будто этотъ характеръ долженъ былъ вѣчно оставаться однимъ и тѣмъ же и могъ помѣшать расширенію сферы дѣятельности Общества. Въ чрезвычайномъ собраніи мнѣніе комитета прошло незначительнымъ большинствомъ — 16-ти лицъ противъ 14-ти. Два лица рѣшили, что Общество не нуждается ни въ реформѣ, ни въ оживленіи.

Между тѣмъ и въ публикѣ, и въ литературномъ мірѣ все болѣе утверждался взглядъ на Общество не какъ на благотворительное учрежденіе, а какъ на ссудную кассу. Просьбы о срочныхъ ссудахъ увеличились до такой степени, что комитетъ выдалъ ихъ на 4,448 руб., вдвое больше противъ 1881 года. Требованія жизни говорили сами за себя. Въ этомъ же году посыпались обвиненія на комитетъ въ равнодушіи его къ участи Панютина, умершаго въ Обуховской больницѣ. Комитетъ доказалъ, что покойный четыре года пользовался постоянными пособіями фонда и получилъ единовременно до 2,000 рублей. Болѣе было невозможно сдѣлать для такого литератора. Члены Общества попрежнему отличались неисполненіемъ принятыхъ на себя обязанностей и, въ теченіе 1883 года, годовую плату внесли только 149 лицъ изъ 781 члена. Недоимка по этой статьѣ дохода простиралась до 4,000 руб. Наличность кассы къ концу года доходила до 90½ тысячъ; доходы Общества превышали 19 тысячъ, расходы доходили до той же суммы; большая часть ихъ падала на пособія и безсрочныя ссуды—свыше 8,600 рублей. Въ томъ числѣ умиравшему за границей В. Коршу было послано 1,000 руб. Сумма пенсій дошла до 7,250

руб. въ годъ. Срочныхъ ссудъ выдано всего 650 руб. Пособій на воспитаніе выдано 2,857 руб.

Такова исторія четверть-вѣковаго существованія Общества, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, принесшаго огромную пользу русскимъ писателямъ. Существованіе его все еще непрочно: съ капиталомъ въ 90 тысячъ нельзя расходовать ежегодно до 20 тысячъ и надо постоянно прибѣгать къ общественной благотворительности, вызывая ее чтеніями, спектаклями, концертами и всякаго рода зрѣлищами. Изданіе книгъ въ пользу Общества составляетъ также довольно значительный доходъ, какъ это доказалъ успѣхъ изданныхъ въ прежнее время сборниковъ «Складчина» и «Братская помочь», о чемъ, впрочемъ, «Лѣтопись» свѣдѣній не сообщаетъ. Нынѣ изданный Обществомъ по случаю его двадцатипятилѣтняго юбилея сборникъ, подъ заглавіемъ «XXV лѣтъ» расходится также очень хорошо, хотя выпуская его въ свѣтъ, комитетъ поступилъ не вполнѣ раціонально. Онъ не далъ себѣ труда заявить въ періодическихъ органахъ о приглашеніи писателей присылать свои статьи для составленія сборника въ пользу Общества. Приготовленія къ изданію сборника дѣлались какъ-то келейно, въ своемъ кружку. А желающихъ внести свой вкладъ на доброе дѣло нашлось бы, конечно, не тридцать человѣкъ и изъ трудовъ ихъ можно было бы составить не одинъ томъ. Дѣло редакціи было бы только—выбирать лучшія произведенія. Публика не была слишкомъ требовательна къ произведеніямъ, присылаемымъ на помощь труженикамъ пера и работникамъ мысли. Вѣдь и теперь, между дѣйствительно замѣчательными статьями, принадлежащими гг. Салтыкову, гр. Л. Толстому, Тургеневу, Гаевскому, Григоровичу, Янжулу и др., немало литературнаго балласта, безъ котораго сборникъ легко могъ бы обойдтись. Увеличеніе доходовъ Общества весьма желательно, въ виду заключительныхъ словъ «Лѣтописи»: «Оскуденіе литературнаго заработка, благодаря отчасти прекращенію въ послѣдніе годы нѣкоторыхъ крупныхъ органовъ печати, ставитъ помощь литературнаго фонда все болѣе и болѣе на шаткую почву, такъ какъ недостаточная помощь очень часто можетъ равняться полному въ ней отказу».



ЧЛЕНЫ ЭКСПЕДИЦІИ ДЛЯ ОТЫСКАНІЯ „ЖАННЕТЫ“ ВЪ ЯКУТСКѢ.

Гринбекъ. Ун.-оф. Колѣнкинъ. У. Х. Гильдеръ.
Капитанъ Вѣрри. Генералъ Черняевъ. Дж. Джаксонъ. Бобуковъ. Ниндерманъ. Бартлеттъ.
Мичманъ Хёнтъ. Ларсенъ. Инженеръ Мельвиль.

ВО ЛЬДАХЪ И СНѢГАХЪ

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СИБИРЬ

ДЛЯ ПОИСКОВЪ ЭКСПЕДИЦІИ КАПИТАНА ДЕЛОНГА

УИЛЬЯМА ГИЛЬДЕРА,

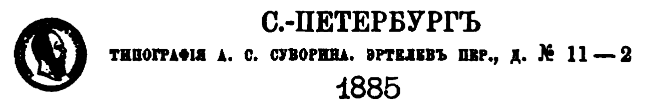
КОРРЕСПОНДЕНТА ГАЗЕТЫ „НЬЮ-ІОРКЪ ГЕРАЛЬДЪ"

СЪ ГРАВЮРАМИ

Переводъ В. Н. Майнова

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ



ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1885

I.

Въ морѣ.

На «Роджерсѣ», 27-го іюня 1881 года.

ОСЛѢ многочисленныхъ остановокъ, зависѣвшихъ отъ разныхъ стороннихъ обстоятельствъ, экспедиція, снаряженная Соединенными Штатами для отъисканія «Жаннетты», находится, наконецъ, въ далекомъ Тихомъ океанѣ, приблизительно въ 1000 морскихъ миль отъ Санъ-Франциско и, если бы не дулъ почти постоянно довольно крѣпкій вѣтеръ, который поднималъ на морѣ сердитыя волны, то отдѣльные члены экспедиціи навѣрное нашли бы время для серьёзныхъ размышленій. Но «Роджерсъ», вообще крѣпкое и не боящееся моря судно, теперь почему то получилъ пренеудобную способность самымъ жестокимъ образомъ содрогаться и раскачиваться, а потому участники экспедиціи и ожидаютъ съ нетерпѣніемъ перемѣны погоды, которая дастъ имъ, наконéцъ, возможность при помощи купанья расправить ихъ болящіе члены и разбитыя тѣла. Въ тотъ моментъ, когда я пишу это, выглядываетъ изъ облаковъ солнце, но море все еще волнуется высоко и отъ времени до времени необычайно большая волна переливается черезъ носовую часть; само собою разумѣется, что она снесла бы въ море весь носовой грузъ, состоящій изъ огромныхъ бревенъ, если бы онъ не былъ тщательно прикрѣпленъ и привязанъ. Иногда волна поднимается еще выше и обдаетъ стоящаго на кормѣ офицера цѣлымъ потокомъ пѣны.

Тѣмъ не менѣе, море теперь сравнительно покойнѣе, нежели въ то время, когда мы оставили предгорія, запирающія входъ въ Гольденъ-Гэтъ. Тотчасъ же, въ первую ночь нашего путешествія, налетѣвшая буря порядочно таки побросала насъ изъ стороны въ сторону по возмущенной поверхности такъ-называемаго Тихаго океана. Не одинъ изъ нашихъ сотоварищей, давно привыкшій «ввѣрять свою жизнь невѣрной стихіи», старался уединиться въ свою каюту, отнюдь не для того, чтобы спать, а для того, чтобы скрыть свои «ощущенія» отъ глазъ публики. Да не ожидаетъ вообще участія тотъ, кто страдаетъ отъ морской болѣзни. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что сильный всегда лишь потѣшается надъ слабыми желудками. Тутъ не найдется дружественной руки, которая бы подержала бы вашъ за больной лобъ, или смочила бы водою виски, въ которыя стучитъ прилившая къ нимъ кровь, а между тѣмъ врядъ ли найдется какая нибудь другая болѣзнь, которая могла бы быть мучительнѣе для страждущаго. Мой товарищъ по каютѣ, красивый, молодой уроженецъ острова Кубы, который, не смотря на вкоренившееся убѣжденіе, что на морѣ онъ постоянно боленъ, мужественно избралъ должность корабельнаго врача, былъ отдѣланъ немилосерднымъ моремъ страшнымъ образомъ. Но никто въ большой каютѣ не выказалъ ему никакого участія. Никакого инаго сочувствія онъ не дождался, кромѣ веселаго смѣха и остротъ со стороны своихъ товарищей, которые совѣтовали ему «подобраться» и «быть поприличнѣе»; а затѣмъ черезъ три дня, впродолженіе которыхъ онъ не былъ въ состояніи даже и подумать объ ѣдѣ, они принесли ему кусокъ сухаго и заплѣснѣвѣлаго хлѣба, причемъ кстати посовѣтовали ему ѣсть сухарь непремѣнно съ «доброю порціею клейстера, чтобы онъ не выскочилъ». Не смотря на свои мученія, онъ улыбнулся добродушно и отнесся съ презрѣніемъ къ своей слабости.

Но гдѣ же скрывается все это время Доминикъ? Доминикъ Букеръ — это, собственно говоря, нашъ провіантмейстеръ, который прибылъ изъ Луисвилля въ Кентукки только для того, чтобы завоевать себѣ славу быть первымъ негромъ, достигшимъ сѣвернаго полюса. Онъ славный малый, но увы! безгранично неповоротливъ. Успокоенный тѣмъ, что теперь онъ сдѣлалъ уже все для того, чтобы добиться цѣли своихъ желаній, онъ поступаетъ такъ, какъ будто бы ему на бѣломъ свѣтѣ уже нечего дѣлать. На Мэръ-Айлэндѣ и въ Санъ-Франциско онъ былъ неизрѣченно счастливъ. Цѣлая каюта «господъ», которымъ онъ обязанъ услуживать, поваръ-итальянецъ, который долженъ былъ готовить кушанья, имъ заказываемыя, и который вполнѣ отъ него зависѣлъ — чего же еще желать и требовать отъ жизни? Но едва только перенесся онъ на волнующіяся нѣдра океана, какъ разъ въ это время находящагося въ самомъ скверномъ расположеніи духа, и будучи принужденъ,

не смотря ни на что вести свои счеты, нашъ Доминикъ вдругъ измѣнился. Вмѣсто шутливаго благодушія, которымъ онъ отличался въ началѣ, появилось какое то смутное, сумрачное расположеніе, и въ концѣ-концовъ лицо его приняло такое выраженіе совершенно безпомощнаго страданія, что на него рѣшительно смотрѣть было жалко. Превосходный итальянскій поваръ, выписанный изъ Нью-Іорка на счетъ офицерской столовой, тоже сдѣлался жертвою погоды, такъ что простой матросскій поваръ, при помощи кузнеца, долженъ былъ заботиться о прокормленіи обѣихъ половинъ экипажа. Положимъ, дѣла было неособенно много, потому что судно такъ сильно кренилось и содрогалось, что почти не было никакой возможности что нибудь сварить. Немного кофе, который обыкновенно проливался гдѣ нибудь на пути отъ кухни къ офицерской каютѣ, или жареный картофель, или же, наконецъ, поджаренный въ маслѣ хлѣбъ: таковы были основныя части обѣда, которымъ возможно было пользоваться, если, бывало, ухитришься кое-какъ прицѣпиться къ какой нибудь неровности въ стѣнѣ каюты или же захватишь одною своею ногою крѣпко-на-крѣпко столовую ножку, а другую упрешь въ доску. Да, кромѣ того, почти вся посуда была перебита и офицерская кухня находилась въ чрезвычайно неутѣшительномъ состояніи, когда она была, наконецъ, подвергнута осмотру по окончаніи бури. Ночь 19-го и слѣдующіе затѣмъ три дня были превосходны: море представляло собою зеркало, а вѣтеръ былъ такъ слабъ, что пришлось развести пары и идти подъ ними до утра четверга. Тутъ снова вѣтеръ значительно усилился, сдѣлавъ пары излишними, и съ того времени онъ дуетъ такъ крѣпко, что мы принуждены были убрать нѣсколько парусовъ.

Парусность нашего судна, или, вѣрнѣе, быстрота его хода подъ парусами, приготовила намъ, однако, маленькое разочарованіе. Во-первыхъ «Роджерсъ» сильно нагруженъ и несетъ на 100 тонъ болѣе груза, нежели было прежде рѣшено, но, кромѣ того, онъ очень крутобокъ. Отсюда то и проистекаетъ съ одной стороны его валкость, а съ другой — медленность его хода. Наконецъ, и большой винтъ, которымъ снабжено наше судно, дѣйствуетъ на быстроту хода также точно, какъ и мощный панцырь, имѣющій цѣлію защищать его отъ напора льдовъ. Впрочемъ, говоря вообще, офицеры судна довольны имъ и считаютъ его однимъ изъ лучшихъ, если только не самымъ лучшимъ и красивымъ судномъ, отваживавшимся когда либо входить въ Ледовитый океанъ. Подъ парами оно шло даже скорѣе, нежели ожидали: такъ какъ въ среду 22-го, не прибѣгая къ помощи парусовъ, «Роджерсъ» проходилъ въ часъ до $5^1/_2$ узловъ, т. е. какъ разъ однимъ узломъ больше, чѣмъ предварительно разсчитывали, и главный инженеръ надѣется добиться еще болѣе быстраго хода.

Команда наша превосходна, и въ особенности охотники изъ мо-

ряковъ; все это молодой народъ, привычный къ дисциплинѣ, отлично обученный и полный жизненныхъ силъ. Право, истинное удовольствіе видѣть ихъ въ дѣлѣ, на работѣ и слушать ихъ, когда они тянутъ канатъ и поютъ свои пѣсни про родную стихію.

Среди экипажа есть нѣсколько человѣкъ до такой степени полныхъ силы, что ихъ почти не представляется возможности сдерживать. Они относятся съ презрѣніемъ къ веревочнымъ лѣстницамъ и охотно взлѣзаютъ на однѣхъ рукахъ на любую снасть. Недавно еще, какъ-то вечеромъ, когда убирали паруса по случаю налетѣвшаго шквала, одинъ человѣкъ долженъ былъ отправиться съ вершины брамъ-стенги на нижнюю рею; вмѣсто того, чтобы воспользоваться веревочною лѣстницею, онъ спустился прямо на снасти и, окончивъ работу, не направился по настоящей дорогѣ, а повторилъ тотъ же маневръ и взобрался на верхъ опять-таки на рукахъ. Вслѣдствіе качки его выбрасывало на канатѣ далеко за бортъ надъ бѣшеными волнами, но онъ и не думалъ объ очевидной опасности своего положенія. Иначе, конечно, отнесся къ этой продѣлкѣ вахтенный офицеръ; для него представился прекрасный случай немного поругаться, и онъ разразился проклятіями противъ безумной удали этого смѣльчака. Очевидно, что люди выкидываютъ подобныя шутки не изъ хвастовства, а просто лишь потому, что безусловно вѣрятъ въ свои силы и ловкость. Всѣми признано, что трудно набрать экипажъ, который былъ бы удачнѣе нашего; сильные, молодые люди, ловкіе, добродушные и превосходно дисциплинированные, они обладаютъ всѣми качествами для того, чтобы отличиться въ предстоящей намъ борьбѣ съ ледяными глыбами и бурями полярнаго моря. Многіе изъ нихъ уже раньше нашей экспедиціи служили на сѣверѣ. Пайеръ, собственно говоря, того мнѣнія, что для полярнаго плаванія скорѣе вредно, нежели полезно имѣть среди экипажа людей, которые уже знакомы съ арктическими невзгодами, такъ какъ они слишкомъ кичатся своею опытностью передъ начальниками. Впрочемъ, между нашими офицерами есть нѣсколько такихъ, которые успѣли уже искуситься въ полярныхъ плаваніяхъ, такъ что и въ этомъ отношеніи мы находимся въ счастливыхъ условіяхъ и намъ не предвидится той опасности, противъ которой предостерегаетъ Пайеръ. Пріятно смотрѣть, съ какою веселостью они исполняютъ приказанія офицеровъ, но не менѣе утѣшительно наблюдать нашихъ юныхъ офицеровъ, которые не разъ уже, въ теченіе особенно неблагопріятной погоды, преслѣдовавшей насъ во все время нашего плаванія, успѣли выказать знаніе дѣла, разсудительность и хладнокровіе.

Два-три дня хорошей погоды подняли почти всѣхъ больныхъ на ноги, и Доминикъ снова вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Скороходомъ онъ никогда не былъ, а скверный пріемъ, сдѣланный ему моремъ и бурею, отнюдь не увеличилъ его пово-

ротливости. Что-то странное, нерѣшительное виднѣлось во всѣхъ его движеніяхъ и производило особенно непріятное впечатлѣніе. Понятно, что сначала онъ совершенно спутался, когда полдюжины офицеровъ въ одно и то же время стали со всѣхъ сторонъ звать его и отдавать ему одновременно самыя разнообразныя порученія и приказанія; но вѣдь въ этомъ и состоитъ тяжелая служба заправляющаго хозяйствомъ каютъ-кампаніи, и для того, чтобы съ успѣхомъ вывернуться изъ столь труднаго положенія, необходима гораздо большая опытность, нежели та, которою обладалъ нашъ старый ребенокъ.

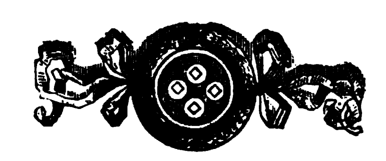
Офицеры наши все люди неженатые. Всѣ молоды, полны надежды и честолюбивыхъ помысловъ. Большинство изъ нихъ, а быть можетъ и всѣ, покинули на родинѣ любимое существо, ради котораго они хотятъ завоевать себѣ имя; мысль, что ежедневно возносятся за отсутствующихъ самыя сердечныя мольбы къ небу и что любящія сердца ждутъ съ нетерпѣніемъ вѣстей отъ уѣхавшихъ, укрѣпляетъ всѣхъ, закаляетъ насъ и въ минуту опасности удвоитъ мужество и силы молодыхъ людей.

Въ распредѣленіи дня и въ службѣ на «Роджерсѣ» установленъ такой же строгій порядокъ и такая же правильность, какая существуетъ на военныхъ судахъ, и даже въ самыя трудныя минуты непоколебимое мужество и веселье не покидаютъ экипажъ. Въ каютъ-кампаніи проводятъ вечера за картами, игрою въ шахматы, въ триктракъ и въ тому подобныхъ занятіяхъ, а также въ чтеніи научныхъ и беллетристическихъ книгъ. При хорошей погодѣ, на ютѣ занимаются гимнастическими упражненіями, фехтованіемъ и т. п.; наиболѣе ловкіе и предпріимчивые люди, надѣвъ боксерныя рукавицы, охотно вступаютъ въ кулачные бои. Пара черныхъ свиней, которыхъ мы прозвали Микель-Анджело и Рафаэлемъ, наслаждаются жизнью, разгуливая на свободѣ по всему баку подъ сѣнію брамселя. Три кошки и щенокъ такого сложнаго происхожденія, что разрѣшеніе вопроса о его расѣ могло бы поставить въ тупикъ цѣлый клубъ охотниковъ до собакъ, представляютъ собою любимцевъ всего экипажа. Грустно подумать, что скоро Микель-Анджело и Рафаэль должны быть преданы преждевременной смерти, чтобы снабдить насъ приличною пищею въ день праздника освобожденія. Судно такъ роскошно снабжено провіантомъ, что можно было бы почесть такую жертву излишнею, но подъ вліяніемъ морскаго воздуха аппетитъ нашъ расходился не на шутку, и ничто не избѣгнетъ нашихъ желудковъ. Если только нашъ «Роджерсъ» не погибнетъ, то мы долгое время не будемъ чувствовать недостатка въ пищѣ. Кромѣ строго распредѣленныхъ военныхъ раціоновъ почти на два съ половиною года, у насъ есть еще тоже почти на два года разсчитанныхъ превосходныхъ съѣстныхъ припасовъ, которые куплены на деньги, выданныя Конгрессомъ. Дру-

гими словами, «Роджерсъ» обезпеченъ провизіею на четыре, а при нуждѣ и на пять лѣтъ. Быть можетъ, всего этого слишкомъ много для насъ самихъ, но такого избытка не окажется, когда намъ придется снабдить провіантомъ «Жаннетту» и китолововъ. Правда, и то можетъ случиться, что мы никого не отыщемъ; но такъ какъ именно поиски за ними и составляютъ цѣль нашей экспедиціи, то, само собою разумѣется, мы должны разсчитывать на подобную случайность. Весь провіантъ, которымъ мы запаслись, отличается превосходными качествами; единственнымъ исключеніемъ, быть можетъ, слѣдуетъ считать мясные консервы, которые пришлось покупать на скорую руку, чтобы замѣнить ими захваченные изъ Нью-Іорка консервы торговаго дома Бревуртъ-Гоуза, испортившіеся въ пути на желѣзной дорогѣ. Потеря этихъ послѣднихъ была для насъ великимъ разочарованіемъ, тѣмъ болѣе, что ихъ превосходныя качества, казалось, были признаны всѣми и повсюду. Члены морскаго управленія въ Вашингтонѣ, которымъ были посланы образцы, высказались за ихъ покупку, подвергнувъ ихъ тщательному изслѣдованію въ средѣ своихъ семействъ. Глава торговаго дома пользуется всемірною славою, но каково же было бы наше разочарованіе, если бы намъ пришлось наслаждаться его супами и мясными блюдами среди Ледовитаго океана; къ счастью, мы замѣтили порчу консервовъ раньше, нежели ихъ стали нагружать на «Роджерса», и такимъ образомъ явилась возможность замѣнить ихъ заблаговременно другими, хотя и не пользующимися всесвѣтною славою. Уже теперь оказалось, что многія изъ купленныхъ въ Калифорніи жестянокъ нѣсколько попорчены, но, вѣроятно, большая часть изъ нихъ сослужатъ намъ службу, когда представится въ нихъ надобность.

Утромъ, въ послѣдній четвергъ, имѣли мы удовольствіе обмѣняться привѣтствіями съ англійскимъ бригомъ, шедшимъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ Санъ-Франциско. Но, такъ какъ погода была туманная и море бурливое, то никакой попытки обмѣняться визитами и не было сдѣлано.

Въ воскресенье, 26-го числа, вѣтеръ былъ снова очень свѣжъ и переходилъ часто въ штормы. Волны поднимались высоко, но мы продолжали идти на парусахъ, пока подвѣтренный парусъ не черпнулъ воды; не смотря на всѣ препятствія, мы шли по 9 узловъ, что при подобныхъ условіяхъ можно считать вполнѣ приличнымъ ходомъ.



II.

Въ широтахъ Камчатки.

Петропавловскъ, въ Камчаткѣ, 28 іюля 1881 г.

19-го, послѣ полудня, окруженный густымъ туманомъ, который представляетъ въ здѣшнихъ мѣстахъ обычное явленіе, «Роджерсъ» вошелъ въ Петропавловскую гавань. Уже вечеромъ, наканунѣ, мы находились всего лишь въ 60 морскихъ миляхъ отъ берега; но погода была очень пасмурна, и лейтенантъ Бѣрри счелъ болѣе благоразумнымъ остановиться до разсвѣта на якорѣ, такъ какъ плаваніе у этихъ береговъ при неблагопріятной погодѣ можетъ быть не особенно пріятно. Вскорѣ послѣ трехъ часовъ утра, якорь подняли, и мы тихо стали подвигаться къ берегу. Какъ и всегда въ трудныхъ и опасныхъ случаяхъ, капитанъ все время стоялъ на бакѣ для того, чтобы лично наблюдать за движеніями судна и руководить имъ. Около половины восьмаго до насъ достигъ совершенно явственный запахъ мха и травы, несшійся съ Камчатскихъ горъ, хотя до берега все еще оставалось около 40 миль, и онъ окутанъ былъ туманомъ. Наконецъ, почти въ половинѣ десятаго могли мы увидать землю и, опредѣливъ высоты нѣкоторыхъ выдающихся частей материка, опредѣлили свое положеніе, почти на 20 миль южнѣе Авачинской губы. Тогда мы развели пары и шли подъ парами вдоль берега, причемъ по временамъ могли видѣть очертанія материка, пока, наконецъ, подъ вечеръ показался небольшой маякъ, стоящій на вершинѣ одного изъ береговыхъ утесовъ. Отсюда уже входъ въ безопасную Петропавловскую гавань не представлялъ болѣе никакихъ трудностей, такъ какъ часто разставленные бакены можно было видѣть превосходно. Когда мы приближались къ городу, то, при помощи нашихъ подзорныхъ трубъ, мы увидали, что

раньше насъ вошли въ гавань два большіе парохода, а затѣмъ вскорѣ подошла къ намъ маленькая лодка, которая привезла старшаго офицера съ принадлежащаго Аляскинскому обществу парохода «Александръ», г. Грина. Подъ руководствомъ этого господина мы тотчасъ же выбрали себѣ удобную якорную стоянку за длиннымъ, песчанымъ мысомъ и въ полумилѣ отъ города. Онъ сообщилъ намъ, что насъ уже ожидаютъ и что другое судно, стоящее въ гавани, есть русскій паровой корветъ «Стрѣлокъ», подъ командою капитана Деливрона, пришедшій сюда лишь сегодня утромъ. «Александръ» пришелъ наканунѣ съ острова Беринга и занятъ въ настоящее время разгрузкою своихъ товаровъ; затѣмъ, онъ будетъ продолжать свой путь и отправится на Командорскіе острова для ловли тюленей.

Командиръ русскаго военнаго судна прислалъ къ намъ тоже одного изъ своихъ офицеровъ, чтобы привѣтствовать насъ и предупредить о его посѣщеніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ передать намъ, что съ радостью сдѣлаетъ все, отъ него зависящее, для того, чтобы помочь намъ въ нашихъ начинаніяхъ. Тотчасъ послѣ этого, прибылъ на другой лодкѣ капитанъ Сэндманъ съ «Александра», котораго сопровождали капитанъ Хёнтеръ и г. Мулановскій, оба мѣстные жители; и они предложили намъ свои услуги. Капитаны Сэндманъ и Хёнтеръ, хотя лично и незнакомые намъ, всеже были извѣстны большинству изъ насъ, благодаря описанію путешествія Кеннана и Беша, чиновниковъ русско-американскаго телеграфнаго Общества, столкнувшихся здѣсь съ ними. Капитанъ Сэндманъ командовалъ бригомъ «Ольга», который перевезъ изъ Санъ-Франциско американскій отдѣлъ, а капитанъ Хёнтеръ, бывшій уже и тогда постояннымъ жителемъ Петропавловска, оказалъ имъ весьма важныя услуги какъ дѣломъ, такъ и совѣтомъ, благодаря той опытности, которую онъ успѣлъ пріобрѣсти вслѣдствіе долгаго своего пребыванія въ странѣ. Послѣ краткаго, но радостнаго свиданія, гости наши покинули насъ съ обѣщаніемъ позаботиться о недостающихъ для нашего полнаго снаряженія въ полярную экспедицію предметахъ, которые можно было пріобрѣсти на мѣстѣ; наше посѣщеніе этого отрѣзаннаго отъ всего остальнаго міра города, куда только одинъ разъ въ годъ приходитъ правильная почта, и было сдѣлано единственно съ цѣлью пріобрѣсти здѣсь нѣкоторыя необходимыя для насъ вещи.

На слѣдующее утро лейтенантъ Бёрри и я, въ сопровожденіи нашего новаго друга, капитана Хёнтера, въ качествѣ переводчика, отдали визитъ командиру «Стрѣлка», капитану Деливрону. Отъ него мы узнали, что ему поручено его правительствомъ оказать намъ всякую возможную помощь и что втеченіе лѣта онъ долженъ крейсировать въ Беринговомъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ и такимъ образомъ способствовать нашимъ поискамъ за «Жаннеттою».

Въ силу этого, онъ желалъ получить точныя указанія о дальнѣйшемъ нашемъ пути отсюда и о мѣстахъ нашихъ будущихъ стоянокъ, гдѣ мы намѣреваемся останавливаться на болѣе продолжительное время, для того, чтобы самому останавливаться въ иныхъ мѣстахъ и такимъ образомъ, по возможности, увеличить пространство, предназначенное для изслѣдованія. Затѣмъ онъ сообщилъ лейтенанту Бёрри, что въ Пловеръ-бэѣ, находится складъ 500 тоннъ угля, который былъ доставленъ туда, по распоряженію русскаго правительства, и что ему (лейтенанту Бёрри) предоставляется право взять изъ этого запаса, сколько онъ найдетъ нужнымъ. Наконецъ, онъ предложилъ нашему капитану свои услуги и передалъ ему о своемъ планѣ—предпринять плаваніе къ мысу Сердце-Камень; изъ этой мѣстности, думалъ онъ, захватить осенью нашу почту и доставить наши телеграммы на ближайшую азіатскую телеграфную станцію, куда онъ намѣревался прибыть около конца сентября.

На слѣдующій день, офицеры «Стрѣлка» пригласили своихъ товарищей съ «Роджерса» на торжественный завтракъ, а затѣмъ, впродолженіе всего нашего пребыванія здѣсь, они оказывали намъ всегда неизмѣнное, дружественное гостепріимство. «Стрѣлокъ» представляетъ собою паровое судно, почти въ 1,400 тоннъ; на немъ 20 офицеровъ и 150 человѣкъ команды и батарея тяжелыхъ, заряжающихся съ казенной части орудій; подъ полными парами, онъ въ состояніи сдѣлать до 12 узловъ. Капитанъ Деливронъ ожидаетъ теперь здѣсь прибытія русскаго адмирала, командующаго тихо-океанскою эскадрою, который черезъ недѣлю прибудетъ сюда съ тремя другими военными судами императорскаго русскаго флота. Посѣщеніе это навѣки запечатлѣется въ памяти жителей этого мирнаго и лишеннаго всякаго значенія порта. Сегодня утромъ пришла «Камчатка», паровое судно въ 1,400 тоннъ, принадлежащее одному изъ здѣшнихъ русскихъ негоціантовъ, г. А. Э. Филиппеусу; отсюда оно отправляется въ торговый объѣздъ сначала къ устьямъ рѣкъ Камчатки, а затѣмъ по различнымъ портамъ Охотскаго моря. Капитанъ Хёнтеръ, дѣйствующій здѣсь въ качествѣ агента и представителя владѣльца, приметъ участіе въ этомъ плаваніи.

При посредствѣ дѣятельной поддержки гг. Хёнтера и Мулановскаго, а также благодаря дружественному пособничеству мѣстнаго исправника г. Серебренникова, удалось намъ добыть отъ мѣстныхъ жителей 47 превосходныхъ упряжныхъ собакъ; къ сожалѣнію, однако, не возможно было получить вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимый запасъ вяленой лососины для ихъ корма; для покупки сушеной рыбы время еще не настало, хотя и теперь уже ловится громадное количество свѣжихъ лососей.

Большой запасъ одежды изъ оленьихъ шкуръ, закупленный нами тоже здѣсь, будетъ для насъ неоцѣненнымъ сокровищемъ при арктическихъ переѣздахъ на саняхъ; эти одежды какъ по работѣ,

такъ и по покрою своему, гораздо лучше эскимосскихъ; кромѣ того, онѣ украшены богаче послѣднихъ, а употребленныя на ихъ подѣлку шкуры, кажется, лучше добротностью сравнительно со шкурами американскихъ оленей. Одежда изъ американскаго оленя черезъ годъ должна быть замѣнена новою, тогда какъ тѣ, которыя выдѣлываются здѣсь, и по прошествіи этого срока остаются крѣпкими и съ виду, какъ новыя.

Замѣчательна также разница въ обращеніи съ собаками. Онѣ содержатся здѣсь гораздо лучше, нежели у эскимосовъ, и выѣзжены гораздо заботливѣе въ гоньбу. Вмѣсто кнута, погоняютъ ихъ здѣсь ободрительными возгласами и въ то время, какъ эскимосъ припрягаетъ каждое животное посредствомъ особой постромки, здѣсь онѣ запрягаются попарно къ длинной бичевкѣ, впереди которой привязана головная собака, которая слушается голоса возницы и, сообразно съ приказаніями послѣдняго, поворачиваетъ направо и, налѣво. Сибирскія собаки выѣзжаются преимущественно для большей быстроты; если только имъ въ достаточной мѣрѣ и притомъ правильно выдаютъ пищу и воду, то онѣ, безъ особенныхъ усилій, пробѣгаютъ ежедневно отъ 120 до 150 верстъ послѣдовательно, впродолженіе четырехъ или пяти дней. Что касается, однако, до перевозки тяжестей, по неровному льду или по неровной же мѣстности, то, повидимому, эскимосскія собаки лучше пріучены къ этому, нежели здѣшнія. По гладкой мѣстности онѣ везутъ всякій грузъ съ величайшею скоростью, но едва лишь мѣстность становится неровною, какъ онѣ останавливаются. Нѣтъ сомнѣнія, что главная причина этого обстоятельства заключается въ ихъ выѣздкѣ и воспитаніи; когда возница намѣренъ остановиться, то втыкаетъ, чтобы сдѣлать свое желаніе еще болѣе понятнымъ животнымъ, свою крѣпкую палку прямо передъ санями въ снѣгъ; собаки, чувствуя препятствіе, останавливаются и тотчасъ же ложатся на землю. Мы надѣемся, однако, что въ теченіе этой осени и зимы найдемъ возможность пріучить нашихъ собакъ къ трудной работѣ, предстоящей имъ весною. Здѣшнія собаки принадлежатъ, очевидно, къ одной породѣ съ эскимосскими, съ которыми имѣютъ большое сходство по росту, окраскѣ и сложенію. Способъ побужденія ихъ во время ѣзды на обоихъ материкахъ одинаково громогласенъ и шумливъ, но произносимыя при этомъ слова различны. Когда камчадалъ хочетъ, чтобы собака повернула направо, то кричитъ: «кахъ! кахъ!» или «сундахъ!»; поворотъ налѣво опредѣляется крикомъ: «хаучъ!» или «хо-джи, хо-джи!», что очень напоминаетъ хрюканье свиней. Знакъ къ отъѣзду подается или свистомъ, или крикомъ: «хе, хе!», а останавливаются собаки по краткому и рѣзкому крику: «нахъ-н-а-хъ!»

Значительно различается также отъ эскимосской и самая конструкція камчадальскихъ саней; первыя значительно тяжелѣе по-

слѣднихъ и предназначены скорѣе къ перевозкѣ тяжестей, нежели къ быстрой ѣздѣ. Сани жителей Петропавловска соединяютъ въ себѣ величайшую легкость съ замѣчательною крѣпостью и выносливостью; въ особенности этими качествами обладаютъ одномѣстныя сани, на которыхъ приходится ѣхать задомъ и которыя очень напоминаютъ американскій экипажъ, извѣстный подъ именемъ «сёлки», употребляемый на нашихъ цивилизованныхъ бѣгахъ. Эти маленькіе экипажи имѣютъ широкіе, но тонкіе полозья, которые спереди согнуты вверхъ и несутъ на себѣ устои, держащіе раковинообразную корзину; отдѣльныя части связаны другъ съ другомъ ремнями изъ кожи морской собаки и медвѣдя. Съ упряжкою въ 6 собакъ можно при хорошей дорогѣ легко сдѣлать въ этомъ экипажѣ отъ 12 до 15 верстъ въ часъ; наибольшее количество груза для упряжки въ 9 сильныхъ собакъ считается здѣсь 15 пудовъ; точно такое же число эскимосскихъ собакъ было бы въ состояніи дѣлать въ теченіе цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ по 25 и 30 верстъ въ сутки, таща грузъ въ 45—50 пудовъ вѣсомъ.

Мы не могли получить въ Петропавловскѣ оленины, но зато взяли шесть головъ скота, которыя вмѣстѣ съ нашимъ грузомъ строеваго лѣса и топлива и съ 47 собаками, дѣлаютъ свободное пространство на бакѣ не особенно просторнымъ. Кому приходится теперь переходить съ одного конца судна на другой, тотъ долженъ быть достаточно ловокъ и изворотливъ. Сегодня вотъ уже второй вечеръ, какъ мы приняли на палубу нашихъ собакъ, и ни на минуту еще не прекращался ихъ протяжный вой, который заставитъ насъ вѣчно помнить эти ночи. Завтра рано утромъ мы намѣреваемся отправиться въ св. Михаилъ на Аляскѣ, чтобы захватить оттуда 200 тоннъ угля, которыя привезъ для насъ «Павелъ», паровое судно Аляскинскаго Общества. Но куда мы дѣнемъ этотъ уголь—еще вопросъ, о которомъ придется подумать даже и самому опытному грузовщику и укладчику, который когда либо существовалъ на свѣтѣ. Около 100 тоннъ могутъ остаться въ трюмѣ до новаго наполненія угольныхъ ямъ, а остальное количество надо помѣстить на палубѣ—но гдѣ именно? Коровы стоятъ у фокъ-мачты, а собаки, дрова и бревна занимаютъ все пространство между фокъмачтою и шканцами, тогда какъ весь такелажъ увѣшанъ лососями, которые сушатся для корма собакъ. Счастье еще, что намъ нечего опасаться въ Беринговомъ морѣ и въ Ледовитомъ океанѣ особенно бурной погоды и что путешествіе наше не будетъ слишкомъ продолжительно. Мы расположимся на зимовку на Врангелевой землѣ или же на сосѣднемъ сибирскомъ берегу. Такая погода, какая насъ преслѣдовала во время перехода изъ Санъ-Франциско, произвела бы самое печальное опустошеніе среди нашего палубнаго груза.

4-го іюля (день праздества республики) день былъ бурный, и судно сильно качало и бросало изъ стороны въ сторону; тѣмъ не

менѣе, наши юные и патріотичные офицеры отнюдь не смутились и находились все время въ самомъ подобающемъ торжественномъ расположеніи духа. Заклать упитаннаго тельца мы не могли, такъ какъ таковаго не имѣли; но его съ успѣхомъ замѣнила упитанная свинья Микель-Анджело, которая доставила всему корабельному обществу въ высшей степени желанное праздничное блюдо изъ свѣжаго мяса. Если бы доброе животное знало, какъ мы его всѣ оцѣнили послѣ его смерти, то оно навѣрно утѣшилось бы сознаніемъ, что умерло не даромъ. Одинъ изъ офицеровъ досталъ откуда-то ящикъ, который былъ поднесенъ ему ко дню 4-го іюля нѣкоторыми изъ знакомыхъ дамъ; для каждаго офицера нашелся здѣсь какой нибудь маленькій подарокъ или игрушка, и радость, сопровождавшая находку какой нибудь дѣтской трещетки, или волчка, или кнута, была безгранична. Даже самый ящикъ представлялъ собою поводъ къ веселью; помѣщенная на немъ комическая надпись гласила, что и онъ, и его содержимое предназначается «для большой дѣтской». Самъ Доминикъ, нашъ цвѣтной провіантмейстеръ, подчинился всеобщему одушевленію въ этотъ день; хотя онъ и былъ едва въ состояніи держаться на ногахъ, но все же соорудилъ такой обѣдъ, который могъ бы сдѣлать честь даже тонкому ресторану, пользующемуся стародавнею славой. Послѣ обѣда, докторъ Джонсъ, главный врачъ, держалъ подходящую къ случаю рѣчь, въ которой прославлялъ мореплаваніе, арктическія изслѣдованія и патріотизмъ.

Ночью съ 4-го на 5-е, то и дѣло налетали сильные шквалы; одинъ, проходившій съ подвѣтренной стороны судна, былъ бы для насъ, по словамъ вахтеннаго офицера, гибельнымъ, если бы застигъ въ морѣ. Онъ разсказывалъ, какъ видѣлъ приближеніе шквала, который глубоко бороздилъ море и распространялъ какой-то сѣроватый, холодный свѣтъ, придававшій всему окружающему блѣдный, мертвенный видъ, что на сценѣ достигается посредствомъ такъ называемаго зеленаго свѣта, когда нужно изобразить въ трагедіяхъ и другихъ трогательныхъ пьесахъ смерть. Офицеръ прибавилъ, что ни разу еще во всю свою жизнь онъ не казался себѣ такимъ маленькимъ и ничтожнымъ, какъ въ тотъ моментъ, когда ужасный порывъ вѣтра пролеталъ мимо; онъ зналъ только лишь, что рѣшительно не въ состояніи ничего предпринять, если шквалъ налетитъ на судно. Этого, однако, къ счастью, не случилось, и мы сегодня цѣлы и невредимы и можемъ о томъ разсказывать.

9 іюля, мы увидали высокія горы Уналашки; на слѣдующій день прошли на разстояніи около 50 миль Умнакъ и видѣли вершину его, покрытаго снѣгомъ, вулкана, въ 5000 ф. высоты, который прорѣзалъ облака и былъ озаренъ лучами заходящаго солнца. Зрѣлище было блестящее и долго останется у насъ въ памяти. Гора, съ ея низко висящимъ облачнымъ вѣнцомъ, была совершенно

похожа на Фузияму, священную гору Японіи, извѣстную всему міру по безчисленнымъ ея изображеніямъ на японскихъ товарахъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ нея видно было, какъ изъ одного вулкана, дѣйствующаго еще до сихъ поръ среди остальныхъ трехъ ему подобныхъ, поднимался густой дымъ. На слѣдующій день, 11-го іюля, прошли мы черезъ такъ-называемый «172-й проходъ», находящійся между островами Амугхта и Сегуамъ въ Беринговомъ морѣ, гдѣ скоро нашли совершенно гладкое море. Послѣ нашего бурнаго перехода мы были рады плыть по такой спокойной глади и не особенно смущались туманомъ, который окружалъ насъ все время. Съ той поры, какъ мы покинули Санъ-Франциско, мы имѣли всего пять дней хорошей погоды.

Въ четвергъ, 14-го іюля, мы пересѣкли 180 меридіанъ и очутились такимъ образомъ въ другомъ полушаріи. Здѣсь именно и находится то мѣсто, гдѣ мореплаватель пріобрѣтаетъ одинъ день, когда ѣдетъ на западъ, и теряетъ столько же, когда направляется на востокъ. Такъ какъ мы намѣревались черезъ нѣсколько дней вернуться и снова пересѣчь этотъ меридіанъ, то намъ приходилось два раза измѣнять нашъ календарь. Лейтенантъ Бёрри былъ, однако, того мнѣнія, что мы прекраснѣйшимъ образомъ можемъ оставаться при старомъ своемъ счетѣ; единственная замѣтная для насъ разница состояла въ томъ, что, когда мы прибыли въ нашу субботу въ Петропавловскъ, то увидали, что тамошніе благочестивые люди справляютъ воскресное богослуженіе. И всетаки, хотя бы мы, переходя черезъ 180 меридіанъ, прибавляли и убавляли по дню, въ случаѣ зимовки на Врангелевой землѣ, мы бы не выпутались изъ затрудненія, такъ какъ 180 меридіанъ какъ разъ пересѣкаетъ этотъ островъ; мы то и дѣло пересѣкали бы его и спутались бы сами, да и въ записныхъ своихъ книжкахъ надѣлали бы путаницу страшную.

Я вовсе не жалѣю, что прерываю на этомъ свое письмо, такъ какъ въ то время, когда я пишу его въ большой каютѣ «Роджерса», я испытываю непомѣрныя мученія отъ безпрестанныхъ нападеній москитовъ, этихъ истинныхъ бичей полярныхъ странъ. Трудно повѣрить, что здѣсь можно ихъ встрѣтить, но они тутъ то и есть, и притомъ въ такомъ безчисленномъ количествѣ, что для жителей этихъ широтъ жизнь является истинною тягостью.

III.

Петропавловскъ.

На «Роджерсѣ», Берингово море, 28 іюля 1881.

ЕСЛИ БЫ союзники — враги Россіи, во время Крымской войны, не сочли за необходимое попробовать овладѣть этимъ городомъ и тѣмъ самымъ не придали ему нѣкотораго значенія, котораго въ иномъ случаѣ онъ никогда бы не добился, то никому бы и на умъ не вспало, что Петропавловскъ можетъ значить что нибудь въ мірѣ. Но, когда въ августѣ 1854 года, союзная англо-французская эскадра, состоявшая изъ шести фрегатовъ, появилась передъ городомъ и высадила на берегъ отрядъ войскъ, то городъ оказался укрѣпленнымъ и защищаемымъ горстью отважныхъ русскихъ солдатъ и козаковъ, которымъ, при помощи топографическихъ преимуществъ, а также грубыхъ ошибокъ противника, удалось нанести чувствительное пораженіе союзникамъ, потерявшимъ почти всѣхъ офицеровъ и около 120 рядовыхъ. У подножья возвышенности, недалеко отъ плотины, у которой происходило сраженіе, расположено небольшое въ 20 кв. футовъ кладбище, гдѣ нашли вѣчное успокоеніе павшіе съ обѣихъ сторонъ бойцы. Надъ обоими большими курганами высятся деревянные, покрытые русскими надписями, кресты; приличная, окрашенная въ бѣлую краску, ограда окружаетъ кладбище, которое, будучи расположено у подошвы высокаго и крутаго холма и упираясь одною своею стороною въ обросшія травою забвенія развалины стариннаго форта, а другою — въ пороховой магазинъ, представляетъ очень живописное зрѣлище. Городъ расположенъ въ долинѣ, между высокихъ холмовъ, обросшихъ съ под-

САННАЯ ѢЗДА НА СОБАКАХЪ (НА НОВОЙ ЗЕМЛѢ).

вѣтренной стороны красивымъ лѣсомъ. Дома очень малы, и срублены по большей части изъ плохо-обструганныхъ бревенъ; бѣднѣйшіе изъ нихъ крыты соломой. Многія правительственныя зданія также точно, какъ и товарные склады русскаго пушнаго Общества и жилища почетнѣйшихъ гражданъ, выстроены изъ досокъ, привезенныхъ издалека и прекрасно выкрашены. Изъ числа улицъ существуетъ только одна, которая достойна носить это названіе, да и та имѣетъ всего лишь футовъ 30 въ ширину. Дома, видимо, выстроены безъ всякаго вниманія на направленіе этой такъ-называемой улицы и возвышаются именно тамъ, гдѣ понадобилось и заблагоразсудилось ихъ владѣльцу. Въ Петропавловскѣ двѣ церкви: старая и новая. Первая, полуразвалившійся, но все еще живописный блокгаузъ, со множествомъ угловъ и выступовъ, съ зеленымъ, странно устроеннымъ куполомъ, напоминаетъ нѣсколько восточную архитектуру. Новая церковь выстроена изъ досокъ, выкрашена въ бѣлую краску и обладаетъ широкою лѣстницею, ведущею къ главному входу; она возвышается посреди миніатюрнаго парка, черезъ который пробѣгаетъ веселенькій, маленькій ручеекъ. Берега послѣдняго усѣяны могильными камнями, среди которыхъ мрачная и одинокая поднимается черная, желѣзная колонна, поставленная въ честь и память русскаго мореплавателя Витуса Беринга, могила котораго находится въ 250 англ. миляхъ отсюда на томъ островѣ, гдѣ онъ въ 1741 году потерпѣлъ кораблекрушеніе и нашелъ преждевременную смерть. На томъ же кладбищѣ, по другую сторону церкви, находится памятникъ изъ чернаго мрамора, русская надпись котораго гласитъ, что онъ воздвигнутъ въ память офицеровъ и экипажа небольшаго русскаго купеческаго судна, погибшаго со всѣмъ, что на немъ было, у одного изъ Курильскихъ острововъ. Памятникъ доставленъ сюда изъ Россіи съ цѣлію перевести его на мѣсто кораблекрушенія и водрузить тамъ; но такъ какъ тамъ никто, вѣроятно, никогда бы его не увидѣлъ, то сочли за лучшее поставить его въ такомъ частопосѣщаемомъ центральномъ пунктѣ общественной жизни, каково кладбище Петропавловска, города съ 400 жителями и съ одною почтою въ годъ.

Построеніемъ и дальнѣйшею поддержкою новой церкви городъ обязанъ русской Компаніи пушныхъ товаровъ, которая, по правдѣ сказать, есть тоже Аляскинское торговое Общество, только подъ другимъ названіемъ; благодаря принятію этого другаго названія, ему удалось выхлопотать себѣ право пользованія тѣми же различными привиллегіями охоты за тюленями на Беринговомъ и Мѣдномъ островахъ, находящихся подъ властью Россіи, какими оно успѣло заручиться на Алеутскихъ островахъ отъ правительства Соединенныхъ Штатовъ. Служба отправляется въ новой церкви только лѣтомъ, тогда какъ небольшая и легче отапливаемая старая церковь даетъ убѣжище тѣмъ, которые ощущаютъ потребность въ утѣ-

шеніяхъ вѣры и въ долгое зимнее время, когда старинное зданіе исчезаетъ почти совершенно подъ снѣгомъ и когда войдти въ него возможно лишь по длинному проходу, прокопанному въ снѣгу. Богослуженіе совершается священникомъ и двумя причетниками, которыхъ часто можно встрѣтить на улицѣ съ ихъ длинными, спускающимися до пятъ одеждами; высокая черная шляпа покрываетъ ихъ длинные волосы, а волнистая борода украшаетъ ихъ лица. У священника надѣта на шеѣ длинная золотая цѣпь, къ которой привѣшенъ большой золотой наперстный крестъ—подарокъ покойнаго императора. Когда недавно православный епископъ западнаго побережья Соединенныхъ Штатовъ посѣтилъ Петропавловскъ, то, по словамъ капитана Хёнтера, ему стоило большихъ трудовъ и усилій заставить жителей признать за нимъ его духовный санъ; такъ какъ онъ не носилъ длинныхъ волосъ и бороды и тотчасъ по окончаніи службы снялъ священное облаченіе, то никто не хотѣлъ признать въ немъ дѣйствительное духовное лицо.

Въ городѣ существуетъ одна только лавка, но, такъ какъ у жителей (за исключеніемъ военныхъ, духовенства и иноземныхъ купцовъ) денегъ не водится, то и этой лавки совершенно достаточно. Само собою разумѣется, что всѣ мы смотрѣли на нынѣшняго владѣльца этой лавки съ сожалѣніемъ и никакъ не могли понять, какимъ образомъ ему удается сводить концы съ концами, но г. Мулановскій, ея теперешній обладатель, уроженецъ польскихъ губерній, говорящій поанглійски и пофранцузски также бѣгло, какъ на своемъ родномъ языкѣ, представляетъ собою типъ предпріимчиваго торговца пушниной: онъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ предпринимаетъ частыя и продолжительныя экскурсіи на саняхъ внутрь страны, причемъ закупаетъ большіе запасы самыхъ дорогихъ мѣховъ; благодаря долгому опыту въ этомъ отношеніи, онъ сдѣлался въ странѣ авторитетомъ. Всѣ свои товары онъ отправляетъ на лондонскій рынокъ, но никогда не согласится продать чужому человѣку хотя бы одну шкурку.

— Отчего же вы не хотите уступить мнѣ эту шкуру морской выдры за 100 долларовъ? Сами же вы говорите, что не получите за нее больше и въ Лондонѣ; а если вы продадите ее тотчасъ, то вамъ не придется ждать вашихъ денегъ,—уговаривалъ его лейтенантъ Бёрри.

— По той простой причинѣ, что хочу остаться съ вами въ дружескихъ отношеніяхъ, возразилъ Мулановскій: — я съ радостью сдѣлаю для васъ все возможное, все, чѣмъ я могу быть вамъ полезнымъ, и буду считать себя совершенно счастливымъ, что мнѣ удалось принимать васъ у себя; тогда какъ если бы я вздумалъ продать вамъ эту шкуру, то скорнякъ, къ которому вы, конечно, снесете ее для выдѣлки, не замедлитъ спросить у васъ, гдѣ вы ее купили и что за нее дали; побуждаемый завистью, онъ станетъ,

Видъ Петропавловска.

быть можетъ, увѣрять васъ, что шкурка не стоитъ этихъ денегъ, и вы невольно подумаете, что Мулановскій обманулъ васъ... и конецъ нашимъ дружественнымъ отношеніямъ.

Противъ этого, въ основѣ вполнѣ разумнаго и неоспоримаго аргумента, мы не могли ничего возразить и оставили дѣло, тѣмъ болѣе, что лейтенантъ Бёрри вовсе неособенно желалъ этой покупки, а спрашивалъ скорѣе изъ любопытства.

Прежде, чѣмъ г. Мулановскій поселился въ Петропавловскѣ, онъ велъ жизнь, полную различныхъ приключеній, среди индѣйцевъ Британской Колумбіи и Аляски и не разъ попадалъ въ бѣду, изъ которой выходилъ лишь послѣ многихъ опасностей, прямо вытекавшихъ изъ сожительства и постоянныхъ сношеній съ его строптивыми и непостоянными сотоварищами по жизни; сколько разъ стрѣляли они въ него, и до сихъ поръ еще видны на немъ слѣды двухъ ужасныхъ ранъ, одна на нижней части лѣвой руки, а другая на лѣвой ногѣ, которыми онъ обязанъ индѣйцамъ и своей жизни среди нихъ. Рѣшимость и мужество, а также основательное знакомство съ обычаями дикарей и готовность всегда помочь имъ въ бѣдѣ, помогали ему всегда выпутываться изъ опасныхъ положеній, отъ которыхъ теперь онъ явно сторонится, привыкнувъ къ мирной жизни съ женою и дѣтьми. Своею торговлею нажилъ онъ себѣ значительное состояніе и теперь чрезвычайно щедръ въ сношеніяхъ съ другими людьми. Безъ содѣйствія такихъ людей, каковы Мулановскій и капитанъ Хёнтеръ, плохо бы пришлось болѣе бѣднымъ жителямъ города, и едва ли могли бы они пробиться въ теченіе долгой голодной зимы, такъ какъ, подобно всѣмъ нецивилизованнымъ народамъ, и камчадалы мало заботятся о черномъ днѣ и вовсе почти не дѣлаютъ запасовъ на то время, когда нѣтъ подъ рукою ни дичины, ни рыбы.

Назавтра послѣ нашего прихода отправились мы съ лейтенантомъ Бёрри и съ капитаномъ Хёнтеромъ съ визитомъ къ г. Серебрянникову, мѣстному исправнику, или начальнику уѣзда, живущему въ центрѣ города, въ одно-этажномъ, деревянномъ домѣ, выкрашенномъ въ бѣлую краску съ красною крышею и выстроенномъ здѣсь правительствомъ для своего представителя. Для здѣшнихъ мѣстъ домъ этотъ весьма приличенъ. Мы вошли въ прихожую, гдѣ повѣсили свои шляпы и переступили затѣмъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ формальностей въ гостинную, очень уютную комнату, съ натертыми полами и съ приличною, хотя и простою мебелью. Черезъ нѣсколько минутъ, появилась супруга начальника города, любезная маленькая женщина, которая, пожимая наши руки, выразила свое удовольствіе видѣть насъ у себя; я вывелъ это заключеніе скорѣе изъ ея улыбки, нежели изъ ея словъ, изъ которыхъ я не понялъ ни одного. Она предложила намъ, однако, папиросъ и сама, закуривъ одну изъ нихъ, предалась съ наслажденіемъ

куренію. Тогда вошелъ въ комнату и ея супругъ въ темнозеленомъ мундирѣ съ оранжевою опушкою, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ золотыми жгутами на плечахъ и съ двумя рядами пуговицъ на груди. Онъ, видимо, хотѣлъ казаться любезнымъ и въ то же время властнымъ и формалистомъ; но разговоръ не былъ оживленъ; онъ разсказалъ намъ, однако, что всего лишь за часъ до нашего прихода случилось въ городѣ землетрясеніе, которое было, впрочемъ, весьма незначительно; на водѣ мы, разумѣется, его не замѣтили. Посидѣвъ немного и выслушавъ отъ исправника увѣренія въ полной готовности оказать намъ всяческое содѣйствіе, мы простились съ нимъ и съ его милой супругой и отправились въ домъ капитана Хёнтера, куда были приглашены обѣдать. Обѣдъ былъ самый веселый и обильный, съ свѣжею говядиною и овощами, взрощенными въ собственномъ огородѣ нашего хозяина, и, наконецъ, превосходнымъ молокомъ, которому мы оказали особенную честь.

Позднѣе посѣтили мы еще г. Мулановскаго, у котораго, какъ и вездѣ, угощались чаемъ, приготовленнымъ въ знаменитомъ «самоварѣ». Г. Мулановскій подарилъ мнѣ этотъ волшебный снарядъ, которымъ я и думаю усиленно воспользоваться во время нашей зимовки на Врангелевой землѣ.

Въ качествѣ замѣчательной особенности этого маленькаго городка слѣдуетъ упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что 400—500 жителей могутъ вести очень покойную жизнь, не смотря на то, что здѣсь нѣтъ ни адвокатовъ, ни окружныхъ судовъ. Старый, давно уже живущій здѣсь купецъ, но знакомый и съ жизнью въ цивилизованныхъ странахъ, разсказывалъ мнѣ, что въ послѣднія восемнадцать лѣтъ во всемъ краѣ не случилось ни одного преступленія, въ разбирательство котораго пришлось бы вступиться высшей администраціи. Кромѣ нѣсколькихъ казаковъ, которые отличаются отъ частныхъ людей красною выпушкою на шапкахъ, никакой полиціи не существуетъ. При высадкѣ на берегъ, гдѣ нѣсколько гнилыхъ досокъ проложены съ берега на потопленную барку, служащую вмѣсто пристани, я замѣтилъ нѣчто въ родѣ ящика, вышиною въ ростъ человѣка, пригороженнаго къ какому то сараю. Ящикъ былъ запертъ и украшенъ императорскимъ россійскимъ гербомъ. Я не могъ понять его назначенія, но черезъ два или три дня, возвращаясь вечеромъ изъ гостей, я былъ пораженъ низкимъ басомъ, который, какъ мнѣ показалось въ темнотѣ, исходилъ изъ нѣдръ земли, но на самомъ дѣлѣ, какъ я узналъ скоро ради своего успокоенія, исходилъ изъ густой, растрепанной бороды казака, который стоялъ въ ящикѣ, или какъ его называли въ будкѣ, и защищалъ такимъ образомъ городъ отъ неожиданнаго нападенія и нашествія иноземныхъ флотовъ.

Я только что сказалъ, что возвращался на судно изъ гостей; теперь постараюсь описать этотъ пиръ, могущій служить небезъ-

интереснымъ образцомъ тѣхъ общественныхъ удовольствій, которыми можно пользоваться въ такомъ мѣстѣ, каковъ Петропавловскъ. Есть между здѣшними жителями нѣсколько человѣкъ, которые не родились здѣсь и получили воспитаніе и образованіе въ болѣе интеллигентномъ кругѣ другихъ мѣстностей земнаго шара. Большинство ихъ привлечено сюда наживою, представляемою пушною торговлею; нѣсколько другихъ, женившихся на туземкахъ или мѣстныхъ русскихъ, тоже совершенно осѣли здѣсь. Къ числу такихъ личностей относятся, кромѣ капита Хёнтера и г. Мулановскаго, еще капитанъ Люгебиль, агентъ Аляскинскаго Общества и школьный учитель г. Федереръ, преподающій въ маленькой школѣ, выстроенной, учрежденной и поддерживаемой Аляскинскимъ Обществомъ, какъ разъ возлѣ церкви. Капитанъ Сэндманъ съ парохода «Александръ», съ женою и дѣтьми, случайно тоже былъ въ это время въ городѣ и его острый, но добродушный юморъ составлялъ главную приманку торжества. Гости считаютъ здѣсь долгомъ собираться спозаранку; въ блестящее и особенно оживленное время нашего пребыванія въ городѣ, когда не менѣе четырехъ большихъ паровыхъ судовъ стояли въ гавани, каждый день устроивались вечеринки. Офицеры остальныхъ судовъ были, почти безъ исключеній, все русскіе, и потому чувствовали себя совершенно какъ дома въ томъ самомъ обществѣ, гдѣ я могъ выказать свое образованіе только смѣхомъ и неустаннымъ принятіемъ въ себя разныхъ яствъ и питій, которыя предлагались любезными хозяевами. Во многихъ изъ такихъ собраній я заслужилъ высочайшее уваженіе со стороны хозяекъ дома только мужественнымъ поглощеніемъ копченыхъ сельдей и маринованной лососины. Ничто не нравится русскому хозяину до такой степени въ гостѣ, какъ обладаніе необычайно хорошимъ желудкомъ и готовностью во всякое время дня и ночи потреблять копченую рыбу, рѣдьку, молоко, маринованную лососину, чай, черный хлѣбъ и икру. По большей части, я даже не зналъ, собственно говоря, что именно мнѣ предлагаютъ, но, не смотря на это, я избѣгалъ выдавать свое незнаніе разспросами, или же, что еще хуже, выказать свое равнодушіе отказомъ. Да и въ самомъ дѣлѣ почти всѣ кушанья были превосходны, въ особенности для того, кто, подобно мнѣ, только что выдержалъ искусъ однообразнаго питанія мясными и овощными консервами на суднѣ. Пріятно было еще, что я почти въ каждомъ домѣ находилъ кого нибудь, говорившаго поанглійски; такимъ образомъ я могъ объясниться всегда, когда того требовали обстоятельства. Въ пятницу вечеромъ, лейтенантъ Берри и я присутствовали на большомъ пріемѣ и балу въ домѣ капитана Люгебиля. Капитанъ русскій родомъ, но сдѣлался гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ вслѣдствіе уступки Аляски; онъ долгое время служилъ въ Аляскинскомъ Обществѣ, да и сюда пріѣхалъ съ цѣ-

лію быть представителемъ интересовъ этого Общества. Такъ какъ при его американизаціи ему пришло въ голову, что онъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, не придерживаясь какой нибудь политической партіи, но онъ присталъ къ демократамъ и скорбитъ теперь, въ сообществѣ съ капитаномъ Хёнтеромъ, бывшимъ жителемъ Бальтимора, о пораженіи, которое потерпѣлъ генералъ Хэнкокъ на послѣднихъ выборахъ. Капитанъ Хёнтеръ цѣлыхъ 23 года уже не былъ на своей родинѣ; онъ бѣгло говоритъ порусски, женатъ на русской и имѣетъ цѣлую толпу прелестныхъ дѣтей, изъ которыхъ никто не говоритъ поанглійски. Въ его кабинетѣ, также какъ и въ домѣ капитана Люгебиля, виситъ фотографія покойнаго президента Андрю Джонсона, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, и не думалъ никогда, чтобы даже въ маленькомъ городкѣ Камчатки, у самой границы полярныхъ странъ, нашлись люди, преклоняющіеся предъ его геніемъ. Домъ капитана Люгебиля, выстроенный Обществомъ, интересы котораго онъ преставляетъ, является самымъ красивымъ и приличнымъ зданіемъ въ городѣ; онъ красивѣе и приличнѣе даже новаго дома исправника, куда этотъ администраторъ переселится лишь слѣдующею весною, когда пріѣдетъ сюда его помощникъ, такъ какъ предположенъ цѣлый радъ реформъ, выражающихся въ усиленіи личнаго состава администраціи и въ учрежденіи военнаго постоя. Эти реформы будутъ крайне благодѣтельны для города, такъ какъ вслѣдствіе ихъ въ обращеніи появится больше денегъ.

Когда мы вечеромъ отправлялись цѣлымъ обществомъ черезъ кладбище къ капитану Люгебилю, то уже издали слышались намъ звуки веселой мелодіи; подойдя ближе, мы стали разбирать мотивъ пѣсни «The Babies on the block», сопровождаемый усерднымъ топотомъ танцующихъ ногъ и исполняемый нашимъ сѣдовласымъ хозяиномъ на большой фисгармоникѣ. Онъ выбивался изъ силъ для того, чтобы, по возможности, усилить удовольствіе и веселое настроеніе своихъ гостей; когда онъ наиграется, бывало, до устали,— такъ какъ при всемъ своемъ рвеніи онъ всеже былъ простой смертный, — танцы, всетаки, не прерывались, такъ какъ тотчасъ же являлся какой нибудь доброволецъ изъ гостей, который тотчасъ же начиналъ изъ всѣхъ своихъ силъ работать ручкою органа и съ успѣхомъ исполнялъ мелодію «What kind of slippers do the Angels wear?», которая повторялась до безконечности въ перемѣшку съ прекрасно инструментованнымъ «Хоромъ искупленія». Торжественное настроеніе стараго капитана, доведенное до сильной напряженности, не давало, однако, ему покоя даже и тогда, когда онъ освобождался отъ своей роли оркестра; онъ бросался къ органу, схватывалъ ручку и заставлялъ всѣхъ танцующихъ доходить до бѣшенаго темпа; кромѣ того, онъ умѣлъ вдохновить и возбудить ихъ соревнованіе тѣмъ, что поминутно вскакивалъ съ своего мѣста,

плясалъ и прыгалъ исполинскими прыжками, не переставая вертѣть ручку стонущаго инструмента. Въ числѣ гостей находились нѣкоторые изъ офицеровъ съ русскаго военнаго судна, всюду высказывавшихъ намъ одинаковую и неизмѣнную любезность; они были въ мундирахъ, и потому врядъ ли мнѣ нужно говорить, что именно они и пользовались особеннымъ вниманіемъ мѣстныхъ представительницъ прекраснаго пола. Женскій персоналъ общества, за исключеніемъ тѣхъ, которыя на всякомъ балу являются «одиноки, безполезны и безплодны», какъ поетъ пѣсня, состоялъ изъ госпожи Люгебиль, ея трехъ прелестныхъ дочерей, успѣвшихъ ознакомиться съ прелестями цивилизованной жизни въ Санъ-Франциско, жены капитана Сэндмана, въ особенности любившей эти собранія, г-жи Мулановской, г-жи Серебренниковой и еще разныхъ молоденькихъ дамъ, которыхъ визитныя карточки я потерялъ, а имена ихъ рѣшительно невозможно передать нашею азбукою, за неимѣніемъ того значительнаго количества согласныхъ, какимъ отличается азбука русская. Всѣ онѣ были равно любезны и совершенно одинаково старались занимать насъ, но, такъ какъ у насъ не было подходящаго средства для того, чтобы всегда понимать другъ друга, то нерѣдко случалось въ самомъ интересномъ мѣстѣ оживленнаго, по возможности, разговора то тому, то другому изъ собесѣдниковъ запнуться, но и тогда еще оставался неистощимый источникъ наслажденія — танцы, а такъ какъ всегда можно было видѣть носящуюся по залѣ пару, то само собою разумѣется, что въ минуты запинки кавалеръ спѣшилъ обратиться къ своей дамѣ съ просьбою протанцовать съ нимъ и такимъ образомъ помочь ему выйдти изъ крайне затруднительнаго положенія. Кстати замѣчу здѣсь, что столъ, на которомъ помѣщался органъ, былъ всегда накрытъ скатертью и все время вечера по нѣскольку разъ наполнялся новыми запасами холоднаго мяса, копченыхъ и маринованныхъ сельдей и лососины, рѣдьки, сыра, чернаго и бѣлаго хлѣба, свѣжаго масла, икры и другими деликатесами. Напитковъ тоже было наставлено вволю: тутъ были легкія калифорнскія вина, уиски, пиво заграничной укупорки и домашнее легкое пиво, хотя горьковатое и вяжущее, но все же очень пріятное на вкусъ; сигары и папиросы всегда находились въ изобиліи и курили всѣ, нисколько не стѣсняясь, какъ мужчины, такъ и дамы. Капитанъ Люгебиль, говорящій охотнѣе поанглійски, всегда настаивалъ на томъ, чтобы мы поминутно угощались, и самъ показывалъ намъ примѣръ. Русскіе, безспорно, самые любезные люди; только лишь, бывало, подниmешь глаза, чтобы осмотрѣться въ комнатѣ, какъ приходится поневолѣ со всѣми чокаться, а при входѣ и выходѣ принято пожимать другъ другу руки, хотя бы люди видѣлись десять разъ въ день. Лейтенантъ Бѣрри и я должны были рано распроститься, но пиръ продолжался до 2-хъ часовъ утра.

Вечеромъ на слѣдующій день, офицеры съ судна «Стрѣлокъ», съ которыми мы вошли въ самыя дружественныя отношенія, давали балъ въ городѣ; многіе изъ офицеровъ съ «Роджерса» приняли сдѣланное намъ всѣмъ приглашеніе и участвовали въ весельѣ, какого они прежде и не видывали. Нѣсколько молоденькихъ дамъ изъ петропавловскаго общества украсили своимъ присутствіемъ праздникъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, не было недостатка и въ почтенныхъ, старыхъ русскихъ матронахъ. Къ сожалѣнію, обязанности службы принудили меня остаться дома, и въ половинѣ четвертаго утра я еще занятъ былъ писаньемъ, когда наши счастливцы вернулись съ берега. Не зачѣмъ было и спрашивать, весело ли провели они время? достаточно было посмотрѣть на ихъ смоченные пòтомъ и висящіе по вискамъ волосы и на измятые воротники, чтобы угадать, что скучать имъ не пришлось.

Мелкій, частый дождь, встрѣтившій насъ при прибытіи въ Петропавловскъ, продолжался и въ теченіе двухъ первыхъ дней нашего пребыванія въ этомъ городѣ, но увѣряютъ, что погода здѣсь далеко не всегда бываетъ такая дождливая. Капитанъ Хёнтеръ разсказывалъ мнѣ даже, что это былъ первый дождь, выпавшій на ихъ долю въ теченіе цѣлаго мѣсяца, такъ что молились даже въ церкви о ниспосланіи дождя. Оба послѣдніе дня нашего пребыванія были бы превосходны, если бы не подавляющая жара и масса москитовъ. Къ великому нашему удовольствію, мы могли восхищаться во всей ихъ могучей прелести вулканами, окружающими бухту; въ промежутокъ между холмовъ, къ сѣверу отъ города, виднѣлись снѣжныя вершины вулкановъ Корянскаго, Авачинскаго и Козельскаго, изъ которыхъ первый возвышается до $11^1/_2$ тысячъ футовъ, второй, почти постоянно находящійся въ дѣятельности, до 9,000 футовъ, тогда какъ третій достигаетъ лишь высоты 5,300 футовъ. Миляхъ въ 30-ти отъ города поднимается надъ гладью моря сопка Вилючинская; она не только представляетъ собою наиболѣе интересную часть ландшафта, но и считается превосходнымъ барометромъ, такъ что чрезвычайно тщательно наблюдается жителями Петропавловска; когда всѣ ея мельчайшія подробности вырѣзываются ясно на небѣ, то это предвѣщаетъ на слѣдующій день хорошую погоду, тогда какъ появленіе облаковъ, закрывающихъ одну лишь вершину или всю гору цѣликомъ, предвѣщаетъ приближеніе бурной или туманной погоды. Ни одна изъ этихъ окрестныхъ вершинъ не освобождается никогда отъ снѣга, тогда какъ долины между ними такъ хорошо защищены, что ихъ плодоносная почва съ успѣхомъ могла бы быть обработываема, но, къ сожалѣнію, мѣстные жители вовсе не обладаютъ наклонностью къ занятіямъ земледѣліемъ; они вполнѣ зависятъ отъ рыбы, которая находится у нихъ въ изобиліи въ бухтѣ. Во время лова можно во всякое время дня и въ какомъ угодно мѣстѣ закинуть сѣть и быть

увѣреннымъ, что вытащишь ее полную лососей, трески, корюшки, окуней и сельдей. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ здѣсь сушится значительное количество лососей для пропитанія людей и собакъ; такимъ образомъ заготовленная впрокъ рыба называется «юколою». Порція юколы для собаки въ работѣ разсчитывается въ полторы рыбы средней величины. Прежде, нежели приступить къ сушкѣ рыбы, ее предварительно чистятъ и солятъ, но позднѣе, ради быстроты заготовки, обходятся уже безъ чистки, и пойманная рыба прямо бросается въ нарочно выкопанныя для этого ямы и пересыпается землею для того, чтобы употреблять ее въ пищу, когда выйдетъ весь запасъ тщательно приготовленной рыбы. Безъ сомнѣнія, рыба эта очень скоро портится, но голодный камчадалъ также мало обращаетъ вниманія на отвратительный вкусъ и запахъ потребляемой пищи, какъ и эскимосъ. Во время нашего пребыванія въ Петропавловскѣ, по всему берегу гавани и бухты виднѣлись въ живописномъ безпорядкѣ разбросанные навѣсы для сушки рыбы, покрытые соломенными крышами, а кругомъ нихъ толпились мужчины, женщины и дѣти, занятые соленьемъ и развѣшиваніемъ рыбы; много убытка и горя причиняютъ здѣсь людямъ мясныя мухи, кладущія свои яйца въ рыбу, которую и приходится бросать, такъ какъ въ ней кишмя-кишатъ личинки.

Пастбище для коровъ, лошадей и овецъ находится на близъ лежащихъ холмахъ и на улицахъ города, а потому бѣганье собакъ по улицамъ строго запрещено высшимъ начальствомъ, такъ какъ эти животныя могутъ напугать скотину и даже разорвать оторопѣвшую овцу; въ силу этого распоряженія, собакъ здѣсь всегда держатъ на цѣпи, и не въ городѣ, а около него, и притомъ на такомъ разстояніи, что ихъ непрерывный вой не можетъ ночью потревожить сна ихъ хозяевъ.

Въ сосѣднихъ горахъ зачастую попадаются медвѣди; зимою они появляются даже въ городѣ и нападаютъ на улицахъ на коровъ. Зимняя шкура медвѣдя представляетъ превосходный мѣхъ свѣтлобураго цвѣта и употребляется по большей части для покрышекъ, не имѣя высокой цѣны въ торговлѣ. Нельзя не замѣтить здѣсь объ одномъ чрезвычайно интересномъ явленіи, наблюдаемомъ у собакъ, лошадей и коровъ, точно также, какъ и у всѣхъ дикихъ звѣрей арктическихъ странъ, и состоящемъ въ томъ, что зимою подъ шерстью у нихъ выростаетъ чрезвычайно плотная, пушистая шерстка, которая защищаетъ ихъ отъ климатическихъ невзгодъ.

Съ той поры, какъ мы вступили въ сѣверныя воды, доктора Джонсъ и Кастильо постоянно заняты собираніемъ на сушѣ и на водѣ «интересныхъ экземпляровъ», которые они потомъ съ наслажденіемъ анализируютъ и классифицируютъ. Драга почти постоянно виситъ спущенною съ кормы судна, а нѣсколько попытокъ пустить въ дѣло сѣти въ гавани Петропавловска дали, по

словамъ обоихъ ученыхъ, «въ высшей степени драгоцѣнные результаты»; мой необразованный глазъ могъ различить только лишь нѣкоторое количество черноватаго ила, въ которомъ копошилась безчисленная масса самыхъ отвратительныхъ маленькихъ животныхъ. Были пойманы также разныя птицы, погибшія мученическою смертію отъ рукъ обоихъ врачей, которые припрятали шкурки и кости, разсчитывая впослѣдствіи препарировать изъ нихъ чучела и скелеты; многія изъ этихъ птицъ, вѣроятно, очень рѣдки и несомнѣнно прекрасны. Каждый божій день д-ръ Джонсъ, судовой плотникъ Детрасей и г. Бёлджеръ, первый инженеръ съ «Александра», хорошо знакомый съ окрестностями, отправлялись на сосѣднія возвышенности, вѣчно въ исканіи чего нибудь, чтобы можно было убить и обратить въ чучело; часто ихъ старанія увѣнчивались полнымъ успѣхомъ и доставляли «въ высшей степени драгоцѣнные результаты». Д-ръ Кастильо, мой сотоварищъ по каютѣ, взираетъ на всѣхъ рѣшительно насѣкомыхъ лишь какъ на «энтомологическіе экземпляры»; его обычное положеніе у микроскопа, причемъ онъ, зажмуривъ одинъ глазъ и устремивъ другой на линзу, отыскиваетъ «органическую жизнь» въ фосфорисцирующей морской водѣ. Д-ръ Джонсъ собралъ кое-какія свѣдѣнія о санитарной статистикѣ Петропавловска и узналъ при этомъ, что господствующая болѣзнь здѣсь носитъ золотушный характеръ и происходитъ отъ заразительной болѣзни, которую внесъ сюда экипажъ «Лаперуза» въ концѣ 18 столѣтія. И теперь еще можно наблюдать въ городѣ случаи проказы, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, того же происхожденія. Нѣсколько времени тому назадъ правительство открыло здѣсь госпиталь, который предназначенъ преимущественно для этихъ именно болѣзней; врачемъ въ этотъ госпиталь присланъ политическій ссыльный. Въ настоящую минуту, однако, госпиталь пустъ, и врачъ находится въ увеселительной поѣздкѣ въ южной части полуострова. Причина этого лежитъ отнюдь не въ отсутствіи заболѣваній, но лишь въ равнодушіи и небрежности, съ которыми распоряженія правительства исполняются въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ.

На второй день послѣ нашего прибытія, лейтенантъ Бёрри послалъ двухъ людей подъ командою перваго вахтеннаго офицера, г. Путнама, на тотъ берегъ Авачинской бухты съ тѣмъ, чтобы взять изъ селенія, расположеннаго въ 12 миляхъ отъ города, нѣсколькихъ собакъ и запасъ сушеной рыбы, предварительно имъ купленныхъ. Первый инженеръ Зэнъ и д-ръ Кастильо присоединились къ экспедиціи, чтобы при сей вѣрной оказіи насладиться удовольствіемъ поѣздки черезъ сѣверные лѣса. Въ качествѣ проводника отправился съ ними одинъ мѣстный обыватель, которому принадлежала большая часть купленныхъ собакъ и который былъ, кромѣ того, хорошій охотникъ, самый богатый и предпріимчивый чело-

вѣкъ въ этой мѣстности. Только что они хотѣли двинуться въ путь, когда посланный отъ г. Мулановскаго передалъ имъ еще сѣтку отъ москитовъ, о которой, само собою разумѣется, никто и не подумалъ при снаряженіи; а между тѣмъ сѣтка эта была имъ необходима при проектированномъ ими ночлегѣ, и счастье ихъ, что объ нихъ позаботился этотъ любезный человѣкъ, такъ какъ безъ сѣтки они жестоко помучились бы ночью. Даже д-ръ Кастильо потерялъ терпѣніе и загубилъ немилосердно и безпощадно безчисленное количество «интересныхъ экземпляровъ». Нѣсколько туземцевъ изъ ближайшаго селенія очутились близь ночлега и оказали чужестранцамъ много услугъ; они носили имъ дрова и воду и въ изобиліи снабдили ихъ свѣжимъ молокомъ. Въ благодарность за это наши раздѣлили весь захваченный съ собою провіантъ съ добродушными камчадалами и заключили съ ними такимъ образомъ на вѣки нерушимую дружбу. Привезенныя ими собаки, въ числѣ 21 штуки, повидимому, представляютъ собою прекрасную коллекцію; быть можетъ, это и не лучшія, но во всякомъ случаѣ сильныя, молодыя еще животныя. Всего мы достали 47 взрослыхъ и еще нѣсколько молодыхъ собакъ, которыя, однако, будущею весною тоже будутъ годиться въ упряжь. Среднею цѣною за собаку установлено было 15 рублей, но вечеромъ передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Петропавловска мы купили еще двухъ особенно замѣчательныхъ животныхъ по 20 рублей за штуку. Лейтенантъ Бёрри, д-ръ Кастильо и я отправились вмѣстѣ съ человѣкомъ, предложившихъ ихъ намъ, на берегъ для того, чтобы испытать ихъ качество, какъ грузовыхъ животныхъ. Смѣшно было видѣть бѣшеное нетерпѣніе псовъ, когда вытащили сани и когда они услыхали бряцаніе сбруи; они едва могли дождаться той минуты, когда ихъ запрягутъ. Флечеръ, хозяинъ, правилъ ими совершенно свободно, и онѣ чрезвычайно быстро везли его по высокой травѣ и поросли. Послѣ этого онъ потребовалъ, чтобы и лейтенантъ Бёрри сдѣлалъ имъ испытаніе съ своей стороны, но не успѣлъ онъ еще усѣсться въ сани, какъ собаки вырвались изъ рукъ Флечера и полетѣли въ бѣшеной скачкѣ по песчаному берегу къ морю. Я ожидалъ, что онѣ не остановятся до тѣхъ поръ, пока не домчатся до города или, быть можетъ, до ближайшей деревни, но черезъ нѣсколько времени между двумя изъ нихъ произошло нѣкоторое несогласіе во мнѣніяхъ; онѣ вдругъ остановились, и Флечеру удалось догнать ихъ и привести обратно. Этотъ Флечеръ престранный человѣкъ и намъ доставляетъ истинное удовольствіе слушать его разсказы. Онъ англичанинъ, родомъ изъ Лондона, гдѣ отецъ его содержалъ нѣкоторое время пивную лавку; но теперь онъ такъ давно уже живетъ въ Камчаткѣ, что можетъ лишь съ трудомъ и съ престраннымъ акцентомъ говорить на своемъ родномъ языкѣ; отецъ его, въ настоящее время слабый старикъ, тоже живетъ въ Петропавловскѣ.

Замѣчательно, что здѣсь очень мало въ обращеніи денегъ. Обычною ходячею монетою являются рубли и копѣйки. Флечеръ увѣряетъ, что времена теперь настали тяжелыя; онъ почти ничего не наживаетъ, не смотря на усиленный трудъ, тогда какъ прежде ему удавалось нерѣдко наживать до 200 р. въ день. Конечно, все это преувеличено до нельзя ради того, вѣроятно, чтобы мы еще болѣе оцѣнили честь знакомства съ нимъ. Теперь, я полагаю, онъ зарабатываетъ 200 р. развѣ въ 10 лѣтъ; свѣжая лососина стоитъ въ настоящее время 2 к., селедка по копѣйкѣ за штуку—само собою разумѣется, что при такихъ цѣнахъ на рыбной торговлѣ состоянія не наживешь.

Въ Петропавловскѣ же получили мы 25 «куклэнкасъ», одеждъ изъ оленьихъ шкуръ, съ надѣвающимися на голову мѣшками, очень похожихъ на эскимосскія «кулитаръ», но лучше и красивѣе сдѣланныхъ. Онѣ стоятъ отъ 16 до 40 рублей за штуку, но зимою будутъ для насъ неоцѣненными сокровищами. Набрали мы также запасъ мѣховыхъ сапогъ, чулокъ и рукавицъ, и слѣдуетъ думать, что все это вмѣстѣ съ тѣмъ, что мы предполагаемъ найдти на сѣверѣ у туземцевъ, составитъ полную зимнюю обмундировку для всего экипажа. Сообразно съ инструкціями, полученными отъ управленія Аляскинскаго Общества, ни капитанъ Люгебиль, ни капитанъ Сэндманъ, не взяли платы ни за одну вещь, которыми снабдили наше судно.

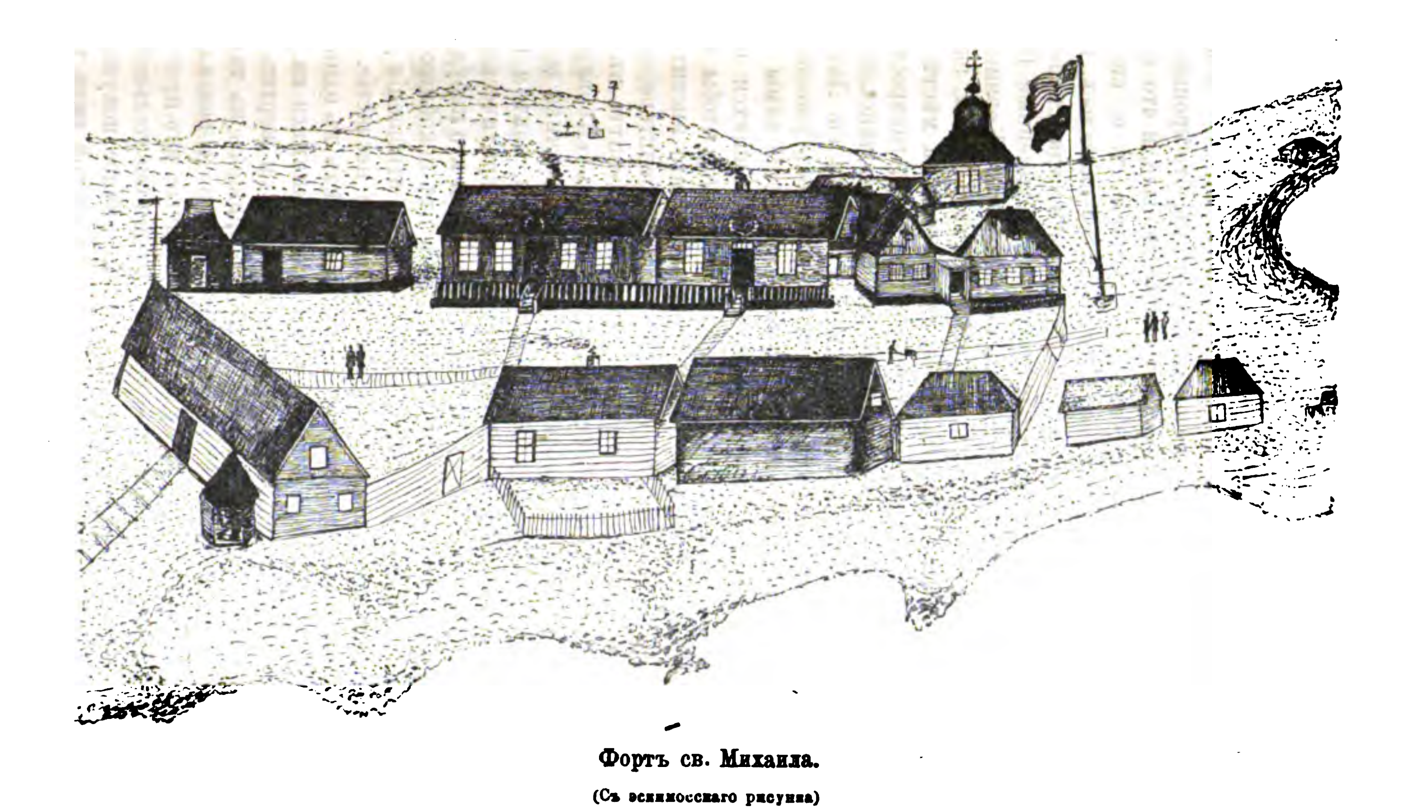
24 іюля, въ 5 часовъ пополудни, мы снялись съ якоря и на парахъ вышли изъ бухты при развѣвающихся въ знакъ прощанія флагахъ на всѣхъ судахъ. Вилючинская сопка, которая ясно вырѣзалась на горизонтѣ, обѣщала намъ хорошую погоду. Не смотря, однако, на это обѣщаніе, при выходѣ изъ бухты, ожидали насъ обычные туманы, но, такъ какъ мы держали всѣ паруса и хорошо знали свой курсъ, то туманы эти мѣшали намъ только тѣмъ, что скрывали отъ насъ чудный видъ на горы, которымъ мы думали наслаждаться во все время пути, мимо камчатскаго берега. Одно только обстоятельство преслѣдовало насъ и здѣсь, какъ и въ пути отъ Санъ-Франциско; оно скорѣе сердило насъ, нежели вредило намъ: все время почти мы шли съ противнымъ вѣтромъ. Отъ Санъ-Франциско до Петропавловска, мы почти постоянно имѣли сѣверозападный вѣтеръ, а отъ Петропавловска до св. Михаила—сѣверовосточный. Понятное дѣло, первый дулъ слишкомъ долго — пора ему было измѣниться.

IV.

Фортъ св. Михаила.

На «Роджерсѣ», передъ св. Михаиломъ, въ Аляскѣ, 10 августа 1881 г.

ИЛЬНЫЙ вѣтеръ дулъ почти какъ разъ оттуда, куда мы держали путь. Долго мы жаждали встрѣтить землю и, наконецъ, послѣ полудня, 3-го августа, увидали островъ Стюартъ въ Нортонзундѣ. Мы бы увидали его раньше, если бы густой туманъ не застилалъ всего горизонта и не затруднялъ плаванія въ этихъ еще малоизвѣданныхъ водахъ. Море очень бушевало, когда мы при наступающей темнотѣ, защищенные островомъ Стюартъ, бросили наконецъ якорь, чтобы выждать разсвѣта для дальнѣйшаго плаванія. Около 5 часовъ утра, мы снова пустились въ путь и подъ надоѣдливымъ дождемъ продолжали нашъ курсъ подъ парами. Поминутно опускали лотъ, и квартирмейстеръ возвѣщалъ печально-однообразнымъ голосомъ найденную глубину. Снова должны мы были стать на якорь, такъ какъ наступилъ штиль; густой туманъ разостлался по морю и закрылъ отъ нашихъ взоровъ тѣ немногіе пункты, по которымъ мы могли при иныхъ обстоятельствахъ оріентироваться; было уже почти 11 часовъ, когда воздухъ очистился и мы увидѣли, на разстояніи миль семи отъ судна, маленькое поселеніе св. Михаила, гдѣ можно было бросить якорь, подъ защитою длинной косы. Пара допотопныхъ пушекъ проревѣла намъ привѣтствіе, и скоро мы замѣтили отчаливающую отъ берега лодку. Здѣшній агентъ Аляскинскаго Общества, г. Лоренцъ, прибылъ къ намъ въ сопровожденіи



Фортъ св. Михаила.

(Съ эскимосскаго рисунка)

сержанта Левитта, начальника метеорологической станціи въ фортѣ св. Михаила, для того, чтобы поздравить насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и принять почту, привезенную нами для нихъ изъ Санъ-Франциско.

Они сообщили намъ, что таможенный куттеръ «Ѳома Корвинъ» былъ уже здѣсь два раза и 9 іюля вышелъ въ Ледовитый океанъ; съ той поры они не имѣютъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Мы были крайне обрадованы сообщеннымъ ими извѣстіемъ, что прошлая зима была чрезвычайно мягкая, какой давно уже не было, и что въ силу этого мы найдемъ теперь необычайно открытое, т. е. свободное ото льда море. Флотилія китобоевъ имѣла, какъ оказалось, исключительно счастливый уловъ; уже теперь многія суда съ полнымъ грузомъ отправились въ обратный путь, въ Соединенные Штаты. Передъ тѣмъ, какъ прибыть сюда въ первый разъ, «Корвинъ» высадилъ на сибирскій берегъ, по близости Пловеръ-бухты, экспедицію на саняхъ, съ тою цѣлію, чтобы произвести на мѣстѣ изслѣдованія о кораблекрушеніи, которое по слухамъ, распространившимся среди туземцевъ, случилось по близости Колючинской бухты. «Корвинъ» простоялъ цѣлыхъ пять дней у острова св. Лаврентія, чтобы собрать возможно болѣе точныя свѣдѣнія объ ужасномъ голодѣ, царствовавшемъ въ этой мѣстности въ теченіе зимы 1879—1880 годовъ; большое количество скелетовъ, оставшихся съ того бѣдственнаго времени, было перенесено на судно, чтобы затѣмъ быть выставленными въ витринахъ Смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ. Между тѣмъ на суднѣ случился преинтересный казусъ; г. Нельсонъ, предшественникъ сержанта Левитта въ фортѣ св. Михаила, получилъ разрѣшеніе сопровождать «Корвинъ» въ этой поѣздкѣ и взялъ съ собою въ качествѣ переводчика эскимоса изъ ближайшей къ форту деревни; всѣ эскимосы, какъ я и самъ могъ не разъ убѣдиться во многихъ мѣстностяхъ арктической Америки, чрезвычайно суевѣрны; по ихъ мнѣнію, если кто нибудь вздумаетъ нарушить покой смертныхъ останковъ ихъ покойниковъ, то послѣдствіемъ такого неуважительнаго къ нимъ отношенія должно быть какое нибудь большое и притомъ всеобщее несчастіе. Когда затѣмъ бѣдный туземецъ изъ св. Михаила увидѣлъ въ одинъ прекрасный день ученыхъ мужей «Корвина» являющимися на палубу въ сообществѣ съ костями столь многочисленныхъ жертвъ голода на св. Лаврентіи, то отъ ужаса и отчаянія пришелъ въ такое состояніе, что попробовалъ наложить на себя руки и вонзилъ себѣ въ грудь охотничій ножъ. Къ счастію, нѣкоторые изъ присутствовавшихъ успѣли еще удержать его отъ нанесенія смертельной раны, но это не помѣшало, однако, ему сдѣлать вторичное покушеніе на свою жизнь и броситься въ море. Снова, во второй разъ удалось какъ-то спасти его и хотя на время отклонить отъ мысли о необходимости самоубійства, но слѣдуетъ думать, что по возвращеніи

СЕМЕЙСТВО СКАВРОНСКИХЪ.

(Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи)

I.

Вѣкъ фаворитизма. — Вульгаризація родовой аристократіи худородной подмѣсью.—Капризъ и политика. — «Молодая» аристократія, созданная Петромъ В. и его преемниками.—Значеніе Скавронскихъ по родству ихъ съ Екатериной I.

Быть можетъ, нигдѣ и никогда, какъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи, не появлялось столько «случайныхъ» людей, возносившихся изъ ничтожества на высокія ступени іерархической лѣстницы, достигавшихъ знатности, власти, вліянія и нерѣдко баснословнаго обогащенія путемъ фаворитизма.

Замѣчательно и характеристично именно то, что всѣ эти баловни фортуны, вписавшіе свои имена на страницы исторіи и ставшіе родоначальниками знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ аристократическихъ фамилій, были дѣйствительно, за немногими исключеніями, люди ничтожные по уму и способностямъ, по своей дѣятельности и значенію, ровно ничѣмъ не возвышавшіеся надъ уровнемъ современной толпы. Мало того, что они были ничтожны и безполезны, но многіе изъ нихъ были еще и положительно вредны, хотя бы уже тѣмъ, что «каждый изъ нихъ, по выраженію князя Щербатова, какимъ нибудь порокомъ за взятые милліоны одолжилъ Россію».

Иначе это и не могло быть тамъ, гдѣ, какъ у насъ въ прошломъ столѣтіи, особенно въ періодъ женскаго правленія, главнымъ

образомъ ему обязанный своимъ происхожденіемъ, на что мы имѣли случай уже указывать [1]), — фаворитизмъ «возведенъ былъ, какъ вѣрно замѣтилъ г. Кобеко въ своей извѣстной книгѣ, почти въ государственное учрежденіе въ пользу лицъ, близость которыхъ къ императрицѣ составляла какъ бы должность». При такомъ условіи, становится понятнымъ, почему люди, не имѣвшіе никакихъ достоинствъ и заслугъ, могли возноситься съ химерической быстротой на высоту почестей и богатства, благодаря исключительно игрѣ слѣпаго случая, удачи и женской прихоти. Довольно было обладать счастливой внѣшностью, свѣтской ловкостью и молодцеватостью и удостоиться чести приглянуться этими дарами природы и воспитанія, чтобы попасть въ вожделѣнный «случай», вступить въ «должность» фаворита, и — блистательнѣйшая карьера сдѣлана! Наша исторія прошлаго столѣтія до избытка богата такими соблазнительными примѣрами.

При этомъ обыкновенно было такъ, что попадавшій въ милость и въ силу фаворитъ съ родственной кордіальностью тянулъ за собою въ гору и всю свою худородную или «захудавшую» семью, пристроивая ея членовъ къ теплымъ мѣстечкамъ у государственнаго пирога, надѣляя ихъ высокими чинами, наградами и отличіями опять-таки, конечно, не по заслугамъ и способностямъ, а въ уваженіе къ непререкаемымъ въ тѣ времена требованіямъ протекціонизма и кумовства. По игрѣ случайности, многіе, если не большинство фаворитовъ прошлаго вѣка и притомъ самыхъ вліятельныхъ и наиболѣе счастливыхъ, вышли изъ низшаго, незнатнаго и бѣднаго состоянія. Большею частью, они были круглыя ничтожества и со стороны личныхъ качествъ и заслугъ, и со стороны происхожденія и общественнаго положенія. И вотъ, каждый изъ этихъ, восходившихъ на горизонтъ фаворитизма, плебеевъ-parvenus дѣлался центромъ цѣлаго созвѣздія вельможныхъ, вліятельныхъ новичковъ, и въ спискахъ аристократической знати становилось однимъ титулованнымъ родомъ больше, на соблазнъ и ропотъ потомственныхъ, гордыхъ своимъ развѣсистымъ родословнымъ древомъ, Рюриковичей и Гедиминовичей.

Было, впрочемъ, въ этой профанаціи титуловъ и въ вульгаризаціи родовой аристократіи худородной подмѣсью, — что̀ составляетъ весьма характеристическую особенность въ судьбахъ русскаго дворянства прошлаго вѣка, — нѣчто болѣе важное и исторически-законное, чѣмъ простая случайность и произволъ.

Извѣстно, что эта перетасовка и вульгаризація родовой старинной знати начались при Петрѣ Великомъ, а, пожалуй, и гораздо

---

[1]) Смотри нашу статью «Женское правленіе» въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1882 г., кн. 2 и 3.

ранѣе. Уже Іоаннъ Грозный, съ обычной въ немъ крутостью, пошатнулъ авторитетъ наслѣдственнаго боярства и разомкнулъ его завѣтный, охраняемый традиціей кругъ, введя въ него возвышенныхъ имъ такихъ худородныхъ любимцевъ, какими были Адашевъ, Щелкаловъ, Годуновъ и другіе. Царь извѣрился въ родовомъ боярствѣ и сталъ къ нему во враждебныя отношенія. Кромѣ того, для представителей окрѣпшаго единодержавія, вынесшаго хотя побѣдоносную, но упорную борьбу съ удѣльно-дружиннымъ началомъ, олицетворявшемся въ родовомъ боярствѣ, которое сохраняло до позднѣйшихъ временъ свои олигархическія стремленія (какъ это показали, напримѣръ, «верховники» при Аннѣ Ивановнѣ), было выгодно въ политическомъ отношеніи способствовать разложенію и дезорганизаціи старой потомственной аристократіи и взамѣнъ ея искать себѣ опоры въ людяхъ новыхъ, выбранныхъ изъ низшей, народной среды и обязанныхъ своимъ возвышеніемъ исключительно взыскавшимъ ихъ государямъ.

По тѣмъ же въ сущности побужденіямъ и Петръ, съ дѣтства видѣвшій столько крамолы въ средѣ московскаго родоваго боярства и позднѣе столько недоброжелательства съ его стороны своимъ новаторскимъ планамъ, сталъ окружать себя людьми новыми, незнатнаго происхожденія и, по мѣрѣ ихъ способностей и усердія, возвышать на степени первыхъ сановниковъ государства и титулованныхъ, сильныхъ царскою милостью, вельможъ. Дѣло въ томъ, что на такихъ людей можно было больше положиться и съ ними, при случаѣ, можно было меньше церемониться, чѣмъ съ представителями родословной знати.

Такимъ порядкомъ образовалась новая, «молодая» аристократія, съ худородной кровью въ жилахъ и съ темнымъ прошлымъ, сильная единственно благоволеніемъ и довѣріемъ государя, и поэтому беззавѣтно преданная ему, покорная и ревностная въ охраненіи его державныхъ интересовъ, хотя бы ужъ только изъ эгоистическаго сознанія своей тѣсной зависимости отъ него. Ее можно было въ политическомъ разсчетѣ противопоставить потомственной знати, которая, понятно, не могла относиться къ этимъ «выскочкамъ» съ особеннымъ сочувствіемъ. А что подобныя рознь и соперничество, при указанныхъ условіяхъ, имѣли свои выгодныя стороны для высшей власти, это само собой понятно. Въ такомъ именно смыслѣ и дѣйствовалъ Петръ, создавая изъ своихъ «деньщиковъ» первостепенныхъ вельможъ, родоначальниковъ новыхъ аристократическихъ фамилій, независимо отъ того, что онъ вообще не обращалъ никакого вниманія на традиціонныя права и привиллегіи и былъ на этотъ счетъ истымъ демократомъ.

Ближайшіе преемники Петра унаслѣдовали отъ него эту систему быстрой, ничѣмъ не стѣснявшейся натурализаціи людей темнаго происхожденія, въ аристократовъ и вельможъ, изъ желанія

окружить себя преданными слугами и охранителями, къ явному ущербу привиллегій родовой знати и ея значенія. Безъ сомнѣнія, отъ этой сословной перетасовки и вульгаризаціи аристократическаго начала интересы справедливости и народнаго блага нисколько не страдали бы, еслибъ приращеніе высшаго правящаго класса, всегда такъ дорого стоившаго народу, представителями низшей среды основывалось на выборѣ свѣжихъ, лучшихъ силъ, отличенныхъ за таланты, знанія и заслуги на пользу государства. Это такъ и было при Петрѣ. Вышедшіе въ аристократію петровскіе «птенцы», большею частью, были люди служилые, рабочіе, одаренные способностями, и возвысились они, такъ или иначе, заслугами, сподвижничествомъ царю въ его тяжкихъ государственныхъ трудахъ, а не въ силу одной лишь «близости» къ царствовавшимъ особамъ, какъ это сплошь и рядомъ стало случаться впослѣдствіи, при женщинахъ-государыняхъ. Выборъ фаворитовъ, мотивированный эгоистичными, личными побужденіями и прихотями, далъ длинный рядъ «знаменитыхъ невѣждъ», по характеристикѣ Фонвизина, которые ни сами лично, ни ихъ потомки, въ нерѣдкихъ случаяхъ ровно никакими полезными дѣяніями и заслугами не отплатили Россіи за «взятые» ими у нея «милліоны», за всѣ излившіяся на нихъ по́чести, отличія и титулы. Если же иногда изъ этой категоріи фаворитовъ, скоропостижно пожалованныхъ въ вельможи и аристократы, выходили замѣчательные государственные дѣятели, то ужъ это было скорѣе результатомъ слѣпаго случая, чѣмъ сознательнаго, преднамѣреннаго выбора.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ отнести къ такимъ счастливымъ исключеніямъ въ исторіи фаворитизма за минувшее столѣтіе нашихъ героевъ—Скавронскихъ, внезапно возвышенныхъ, неимовѣрно обогащенныхъ, но ничѣмъ себя не заявившихъ на поприщахъ государственной и общественной дѣятельности и послѣ недолгаго искусственнаго блистанія на придворной и свѣтской сценахъ угасшихъ безслѣдно, если не для исторіи, то для потомства. Такова судьба многихъ вновь народившихся въ XVIII вѣкѣ русскихъ аристократическихъ фамилій, — судьба, не лишенная поучительности и во всякомъ случаѣ исторически интересная какъ въ нравоописательномъ, такъ и въ общественно-гражданскомъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія которыхъ мы и пишемъ настоящій нашъ этюдъ.

Впрочемъ, на сторонѣ Скавронскихъ есть одна особенность и одно преимущество предъ другими фаворитами. Ихъ судьба и они сами заслуживаютъ вниманія историка потому, главнымъ образомъ, что изъ ихъ семейства вышла

«Чудотворца-исполина
Чернобровая жена»,

то есть императрица Екатерина Алексѣевна I, играющая такую значительную роль и въ личной жизни русскаго «исполина» — Петра, и въ нашей исторіи первой четверти прошлаго столѣтія. Въ виду этого самое возвышеніе Скавронскихъ, какъ родни императорской, имѣетъ за собою извѣстныя, особливыя права и не можетъ быть поставлено въ ряду обычныхъ «случаевъ» прихотливаго фаворитизма. Съ другой стороны, сами они, взысканные фортуной, благодаря удивительному жребію своей коронованной родственницы, а не путемъ куртизанства и интриги, не могутъ нести и того нравственнаго упрека, который невольно чувствуется нами по отношенію къ другимъ «великолѣпнымъ» Эндиміонамъ того страннаго вѣка.

Нужно при этомъ замѣтить, что полное возвышеніе Скавронскихъ, какого они вначалѣ вовсе не искали и которое пришло къ нимъ впослѣдствіи, произошло не сразу и не одновременно съ возложеніемъ на Екатерину царскаго вѣнца. Это дѣло, какъ увидимъ, было предметомъ большихъ сомнѣній и колебаній при жизни Петра, и только послѣ его смерти Скавронскіе быстро пошли въ гору по пути почестей, знатности и богатства.

II.

«Маріенбургская плѣнница» и покровъ тайны, наброшенный на ея происхожденіе.—Указъ о «непристойныхъ и противныхъ словахъ» при появленіи Скавронскихъ.—Послѣднее слово исторіи о генеалогіи Екатерины.

Почти легендарный, по своимъ обстоятельствамъ и по своей развязкѣ, разсказъ о внезапномъ возвышеніи знаменитой «маріенбургской плѣнницы» хорошо извѣстенъ, какъ не менѣе извѣстна читающей публикѣ и ея характерная личность. Историки, хроникеры и романисты очень много ими занимались и изъ всего написаннаго въ разное время о Екатеринѣ и объ ея дивной судьбѣ образовалась цѣлая литература; но, замѣчательная вещь, до сихъ поръ ея происхожденіе и ея прошлое, до момента плѣненія въ Маріенбургѣ, остаются въ большей или меньшей степени загадкой и составляютъ все еще открытый вопросъ въ исторической наукѣ! Извѣстія по этому предмету и изслѣдованія разнорѣчивы, темны и сбивчивы. Даже послѣ сдѣланнаго Соловьевымъ, казалось, заключительнаго и вполнѣ достовѣрнаго опредѣленія генеалогіи Екатерины, въ исторической литературѣ продолжаетъ время отъ времени возбуждаться и оспариваться этотъ вопросъ.

Удивительнѣе всего въ этомъ случаѣ то, что данный вопросъ не былъ документально и категорически разрѣшенъ еще при жизни

самой Екатерины. Вѣдь, безъ сомнѣнія, современники были чрезвычайно заинтересованы «чернобровой женой» русскаго «исполина», въ виду ея удивительной судьбы, ея поразительнаго превращенія изъ скромной крестьянки въ вѣнчанную императрицу! Какже могло случиться, что ея генеалогія и біографія ея дѣтства и юности остались не приведенными тогда же въ точную историческую извѣстность?

Намъ кажется, что этого не могло бы случиться безъ преднамѣреннаго желанія самой Екатерины, а главное ея царственнаго супруга—набросить на этотъ щекотливый вопросъ покровъ забвенія. Понятно, что этимъ самымъ налагалась печать молчанія и на тѣхъ, кто въ то время зналъ близко эти, словно бы, вырванныя изъ романа начальныя страницы, какъ, съ другой стороны, самыя страницы эти дѣлались малодоступными для тѣхъ, кто хотѣлъ бы пристальнѣе заглянуть въ нихъ, провѣрить и передать въ потомство. Что это было дѣйствительно такъ, находимъ категорическое подтвержденіе въ извѣстіяхъ хроникеровъ и историковъ. Такъ, извѣстный Бюшингъ, весьма интересовавшійся вопросомъ о происхожденіи Екатерины, говоритъ, что онъ, «будучи въ Петербургѣ, напрасно доискивался этого и, казалось, потерялъ всякую надежду узнать что нибудь вѣрное и правильное».

Весьма интересовался также этимъ вопросомъ Альбедиль, бывшій въ Петербургѣ въ 1778—1784 гг., въ качествѣ секретаря шведскаго посольства. Нужно знать, что Альбедиль былъ лично заинтересованъ въ вопросѣ о происхожденіи Екатерины, такъ какъ въ числѣ другихъ существовало предположеніе, что она происходитъ именно изъ фамиліи бароновъ Альбедилей. Слѣдовательно, членъ этой фамиліи, вышепомянутый Альбедиль, не могъ, находясь въ Петербургѣ, не искать удобнаго случая навести по этому предмету справки, чтобы подтвердить столь лестное и выгодное для него и для его родныхъ предположеніе. Но, не смотря на довольно значительную историческую давность, когда и самой Екатерины и ея прямаго потомства давно не было уже на свѣтѣ, вопросъ этотъ, какъ видно, все еще считался тогда нецензурнымъ и возбужденіе его находилось подъ запретомъ. Альбедиль признается, что ему очень хотѣлось поразвѣдать объ интересовавшемъ его предметѣ, но «мнѣ,—говоритъ онъ,—отъ собственнаго моего имени открыто дѣлать о томъ розысканія мѣшало то обстоятельство, что мое имя играло роль въ догадкахъ о происхожденіи Екатерины, и потому можно бы было подозрѣвать меня въ своекорыстныхъ видахъ». Кромѣ этой спеціальной причины, по мнѣнію Альбедиля, вообще тогда «въ Петербургѣ было бы тщетно, даже опасно наводить справки (т. е. о происхожденіи Екатерины), развѣ у какого нибудь любителя исторіи и притомъ только въ интересахъ науки»...

Очевидно само собой, что, если было «тщетно и даже опасно» наводить подобныя справки, спустя уже почти пятьдесятъ лѣтъ послѣ кончины Петра и Екатерины, то тѣмъ болѣе онѣ должны были быть «тщетны и опасны» при жизни послѣднихъ, лично заинтересованныхъ въ игнорированіи вопроса о происхожденіи «маріенбургской плѣнницы», какъ скоро она стала, по прихоти судьбы, супругой царя.

Желаніе такого игнорированія могло не высказываться прямо и категорически (хотя косвенно, какъ увидимъ, оно высказывалось иногда, и очень рѣзко) ни Петромъ, ни Екатериной, но что оно было, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Доказывается это, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что ни Петръ, ни Екатерина ровно ничего не сдѣлали, по своей иниціативѣ, для приведенія въ извѣстность и для документальнаго увѣковѣченія указанныхъ фактовъ и для разъясненія занимающаго насъ здѣсь вопроса. Они его оставили совершенно открытымъ,—болѣе того, самое возбужденіе его старались всячески подавить и стереть разъ навсегда. Объясняется это довольно просто.

Хотя Петръ во всемъ и всегда ставилъ превыше всего личную волю, движенія своей страсти и своего темперамента, не подчинялся ни правиламъ и обычаямъ своего вѣка и своей страны, ни ритуалу своего сана и положенія, ни какимъ бы ни было предразсудкамъ, что онъ доказалъ, между прочимъ, своей второй женитьбой, тѣмъ не менѣе не могъ же онъ оставаться совершенно равнодушнымъ къ общественному мнѣнію, къ тому, что говорятъ объ его личномъ поведеніи, объ его женѣ и семьѣ, у себя дома и за границей. А онъ зналъ, что объ его бракѣ съ Екатериной повсюду, и особенно среди своихъ, идетъ неодобрительный говоръ, зналъ, что бракъ этотъ, совершенный въ разрѣзъ съ династическими традиціями, многихъ скандализировалъ. Положимъ, онъ не посмотрѣлъ на это и пренебрегъ мнѣніемъ свѣта и существовавшими правилами, ради любимой женщины; но, очевидно, шагъ этотъ стоилъ ему немалой внутренней борьбы, и онъ сдѣлалъ его, колеблясь, не сразу и какъ бы украдкой, что ясно видно изъ обстоятельствъ и хода его второй женитьбы, совершившейся безъ огласки и послѣ долгаго откладыванія.

Когда же фактъ брака огласился, когда Екатерина оффиціально стала супругой русскаго государя и, наконецъ, вѣнчалась императорской короной, естественно было въ ихъ положеніи стараться не давать пищи стоустой неодобрительной молвѣ, унять ея шепотъ и для этого затушевать, по возможности, прошлое нововѣнчанной императрицы, не напоминать о немъ самимъ и заставить забыть все это другихъ.

Цѣль эта была въ извѣстной степени достигнута, хотя есть прямыя указанія, что для ея достиженія—для принужденія совре-

менниковъ къ забвенію или, по крайней мѣрѣ, къ молчанію по данному пункту, петровское и екатерининское правительства прибѣгали и къ открытымъ, оффиціальнымъ угрозамъ во всенародное свѣдѣніе.

Когда впервые явились при дворѣ Скавронскіе въ качествѣ родни государыни, то, по естественному порядку, обстоятельство это послужило поводомъ къ оживленію воспоминаній и возбужденію толковъ о прошломъ Екатерины и объ ея происхожденіи. Толки не могли быть благопріятны и потому не нравились двору. «Пріѣздъ этихъ гостей (т. е. Скавронскихъ, дѣло было въ 1727 г.),—разсказываетъ извѣстный Веберъ въ своихъ запискахъ,—далъ поводъ къ разнымъ толкамъ, и нѣкоторые осмѣлились даже умничать на счетъ происхожденія императрицы и между прочею неприличною болтовней распускать молву, будто ея отецъ былъ квартирмейстеромъ Эльфеборскаго полка, а мать дочерью рижскаго городскаго секретаря»... «Эти и подобныя почтительнымъ подданнымъ не подобающія разглагольствія подали поводъ къ изданію печатнаго столь же необходимаго, какъ и справедливаго указа».

Въ этихъ строкахъ Вебера, человѣка придворнаго, отчетливо выразился существовавшій тогда при русскомъ дворѣ и въ высшей правительственной сферѣ взглядъ на данный вопросъ,— взглядъ, несомнѣнно завѣщанный Петромъ Великимъ. Оказывается, что съ точки зрѣнія этого взгляда самый хотя бы невиннѣйшій разговоръ о прошломъ и о происхожденіи императрицы считался уже «неприличной болтовней», а — храни Богъ — «умничанье» на эту тему — непростительной дерзостью. «Не подобающія же разглагольствія» о томъ, что родители государыни были, будто-бы, незнатные люди служилаго сословія, послужили уже поводомъ для изданія суроваго указа, грозящаго смертной казнью за такое «злодѣяніе»... Вотъ до какой степени непріятны были Екатеринѣ, а также и Петру, безъ сомнѣнія, малѣйшіе даже намеки на ея прошлое и на ея происхожденіе!

Весьма любопытенъ въ этомъ отношеніи помянутый указъ, изданный въ 1727 году и замѣчательный тѣмъ, что въ немъ хотя «накрѣпко», подъ страхомъ казни, запрещается говорить «непристойныя и противныя слова», но вовсе не обозначено, какія именно эти «слова», въ чемъ они заключаются? Запрещено говорить, а объ чемъ — Господь знаетъ! Весьма наивный пріемъ канцелярской казуистики, опять-таки ради того, чтобы избѣжать повода давать малѣйшую пищу молвѣ, чтобы даже намекомъ не обмолвиться о прошломъ государыни — такъ воспоминаніе о немъ было ей непріятно!

«Понеже,— говорится въ этомъ указѣ отъ имени императрицы,— въ разныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ

являлись многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти его императорскаго величества, также и нынѣ благополучно владѣющей ея императорскаго величества и ихъ высокой фамиліи. А въ Преображенской канцеляріи съ розысковъ показывали, якобы они тѣ непристойныя слова говорили собою спроста, а иныя спьяна, за что онымъ по указамъ ихъ величества чинена смертная казнь и политическая смерть, а протчимъ по милосерднымъ ихъ величества указамъ чинено-жъ наказанье и ссыланы въ каторжную работу. А потомъ и нынѣ такіе-жъ злодѣи, не взирая на оное ихъ величества милосердіе къ подданнымъ своимъ, забывъ страхъ Божій и присяжную свою должность, являются въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ. Того ради ея императорское величество указала, ежели съ сего указу впредь кто-бъ какого званія ни былъ явятся въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ»... «и хотя станутъ показывать отговоркою, якобы они тѣ.. слова говорили спроста или спьяна, и таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады».

Это тотъ самый указъ, о которомъ говоритъ Веберъ и который, по вѣрному замѣчанію академика Я. К. Грота, вообще былъ направленъ противъ «унизительныхъ слуховъ», «о перемѣнахъ, происходившихъ въ положеніи Екатерины въ промежутокъ времени между взятіемъ Маріенбурга и приближеніемъ ея къ царю».

Всѣ эти соображенія и данныя достаточно объясняютъ, почему прошлое Екатерины и ея происхожденіе были пройдены сугубымъ молчаніемъ въ современныхъ государственныхъ актахъ и сдѣлались предметомъ лишь догадокъ и разнорѣчивыхъ сказаній современныхъ и позднѣйшихъ хроникеровъ, подъ рукою интересовавшихся даннымъ вопросомъ, но не разслѣдовавшихъ его по существу, такъ какъ справки по этому пункту и даже разговоры, хотя бы и «спроста», были бы «тщетны и даже опасны». Равнымъ образомъ становится понятнымъ, почему и всѣ тѣ, кто имѣлъ притязаніе на родство съ Екатериной, какъ Альбедиль, напримѣръ, предпочитали держать это про себя и поумѣрить свои родственныя чувства. А такъ какъ вслѣдствіе страха всѣ эти притязанія не были своевременно заявлены, приведены въ извѣстность и провѣрены документальнымъ путемъ, то вопросъ о происхожденіи Екатерины съ теченіемъ времени и запутался въ цѣлой сѣти разнорѣчивыхъ предположеній и сказаній, распутывать которую выпало на долю уже современной намъ исторической науки.

Претендентовъ на родство съ Екатериной, какъ теперь оказывается, было множество. Г. Гротъ, сдѣлавъ полный сводъ всѣхъ заявленныхъ претензій и догадокъ на этотъ счетъ, разгруппировалъ ихъ, по различію фамилій и мѣстъ родины, на восемь, такъ

сказать, генеалогическихъ корней, и то не вдаваясь еще во «всѣ видоизмѣненія этихъ толковъ и слуховъ». Всѣ эти притязанія и догадки, провѣренныя критикой, оказываются несостоятельными, за исключеніемъ лишь извѣстія о происхожденіи Екатерины изъ фамиліи Скавронскихъ, краснорѣчиво подтвержденнаго ихъ приближеніемъ ко двору и возвышеніемъ.

Это послѣднее извѣстіе наши историки условились считать вполнѣ достовѣрнымъ и окончательно установившимся. И дѣйствительно, всѣ данныя, какъ увидимъ, подтверждаютъ правдоподобіе этого положенія; но нельзя, однакожъ, не замѣтить, что ни Петръ, ни сама Екатерина, ни ея ближайшіе преемники, нигдѣ и ни въ чемъ не удостовѣрили категорически оффиціальнымъ путемъ этого родства; нигдѣ и ни разу Екатерина не называетъ гласно и открыто «извѣстной женской персоны съ фамиліей» (какъ называлась въ оффиціальной перепискѣ Христина Гендрикова съ братьями, сестрами и дѣтьми до ихъ возвышенія) своею роднею и ихъ имени своимъ по рожденію, а напротивъ, самые толки объ этомъ обозначаются въ дѣловой перепискѣ того времени терминомъ «вранья» и, наконецъ, вмѣняются въ злодѣяніе, какъ «непристойныя и противныя» чести ея величества слова... Безъ сомнѣнія, это отсутствіе формальной и документальной санкціи происхожденія Екатерины изъ семейства Скавронскихъ не можетъ быть принято за отрицаніе даннаго факта, въ виду другихъ вѣскихъ его подтвержденій; но въ этомъ упорномъ умолчаніи и игнорированіи Екатериною своей генеалогіи и своего родства съ обрѣтенными братьями и сестрами, мы находимъ лишній доводъ въ пользу высказаннаго нами предположенія, что такой образъ дѣйствій былъ результатомъ преднамѣреннаго плана, мотивированнаго династическими соображеніями. Подтвержденіемъ этого можетъ служить также самое отношеніе Петра и Екатерины къ Скавронскимъ вначалѣ, когда послѣдніе впервые заявили о своемъ существованіи и родствѣ съ русской императрицей... Отношеніе это, какъ сейчасъ увидимъ, далеко нельзя было назвать родственнымъ и теплымъ.

III.

Встрѣча сестеръ—императрицы съ крестьянкой.—Христина Гендрикова, ея появленіе и происшедшія отъ того «враки».—Что думалъ Петръ о Скавронскихъ?—Первоначальныя предположенія объ устройствѣ ихъ судьбы.

Въ маѣ 1721 года, Петръ вмѣстѣ съ Екатериной находился въ Ригѣ, проводя время среди военно-политическихъ заботъ, по доведенію до конца трудной, долголѣтней войны со шведами, среди смот-

ровъ и маневровъ, разнообразя, какъ всегда, свою неутомимо-трудовую жизнь шумными праздниками и пирами. Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ—на придворныхъ выходахъ и церемоніяхъ, на военныхъ смотрахъ и пиршествахъ, фигурируетъ Екатерина, объ руку съ царемъ, въ ореолѣ царственнаго величія, уже оффиціально признанная передъ свѣтомъ, августѣйшая для подданныхъ, возлюбленная для Петра — государыня. Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ ей воздаютъ царскія почести, Петръ души въ ней не слышитъ... Это былъ моментъ, когда вліяніе Екатерины на Петра, ея значеніе и ея личное счастье достигли своего апогея. Она сознавала и чувствовала себя царицей въ полномъ смыслѣ слова и съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ когда нибудь прежде.

И вотъ, въ это самое время Екатерина узнаетъ, что нашлась какая-то «женская персона» «подлаго состоянія» и болѣе чѣмъ скромнаго положенія, которая называетъ себя родной сестрой русской императрицы и желаетъ ей представиться въ надеждѣ, что та ее признаетъ. Извѣстіе это, быть можетъ, дошедшее до Екатерины еще ранѣе ея пріѣзда въ Ригу, не могло ее не взволновать и не поставить въ затрудненіе, какое должна испытывать личность слишкомъ вознесенная фортуной надъ своимъ темнымъ происхожденіемъ и прежнимъ бытомъ, а также надъ своей ничтожной родней, и имѣющая основанія или просто слабость стыдиться ихъ, скрывать ихъ передъ свѣтомъ. Что такое затрудненіе дѣйствительно испытывалось въ данномъ случаѣ Екатериной—мы встрѣтимъ дальше немало подтвержденій; но несомнѣнно также, что одновременно въ ней заговорило и родственное чувство—желаніе интимно перевѣдаться со своими забытыми, почти не виданными ею съ ранняго дѣтства, въ нищетѣ и ничтожествѣ обрѣтавшимися родными и сдѣлать для нихъ, по возможности, что нибудь доброе. Этому, слѣдуетъ полагать, не противился и Петръ, хорошо знавшій, конечно, всѣ описываемыя здѣсь обстоятельства и фамильныя отношенія своей жены.

Могъ при этомъ возникнуть естественный вопросъ: въ какой степени дѣйствительно это родство и не самозванные ли проходимцы—эти объявившіеся братья и сестры русской царицы? Екатерина, на сколько извѣстна біографія ея ранней молодости, едва ли помнила своихъ родителей и знала лично своихъ братьевъ и сестеръ. Еще въ раннемъ дѣтствѣ взятая на сторону изъ родительскаго дома, она, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда уже въ него не возвращалась и никогда не имѣла сношеній со своими братьями и сестрами. Можно предположить, что она на столько отчуждена была отъ своей семьи, что даже не знала своей подлинной фамиліи, по отцу, въ моментъ ея плѣненія въ Маріенбургѣ. Извѣстно, что въ первые годы своего сближенія съ Петромъ она именовалась Василевской, безъ сомнѣнія, съ ея же показанія; назвалась же она

такъ по фамиліи воспитавшей ее тетки Веселевской или Веселовской и, само собой разумѣется, потому, что своей отцовской фамиліи — Скавронскихъ — не знала или не считала ее своею. Чтò Екатерина имѣла очень смутное понятіе о своей роднѣ, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что, когда, находясь уже въ силѣ, въ положеніи государыни, она вспомнила о ней, то для удовлетворенія ея родственнаго любопытства понадобилось производить розысканіе и справки, чтобы сколько нибудь привести въ извѣстность — гдѣ именно находится родня русской императрицы и изъ кого она состоитъ?

Сохранилась записка Петра Бестужева къ Екатеринѣ отъ 1715 года о «фамиліи вдовы Веселевской и мѣщанина Дукляса». Это — не что иное, какъ обстоятельная генеалогическая справка о ближайшихъ родныхъ Екатерины, негласно произведенная Бестужевымъ на мѣстѣ ихъ жительства, въ Лифляндіи, очевидно, по порученію свыше, хотя въ запискѣ объ этомъ не упоминается, какъ не упоминается и самый фактъ родства Екатерины со всѣми этими Веселевскими, Дуклясами, Сковоротскими и проч., въ числѣ которыхъ обозначена, впрочемъ, явственно и «маріенбургская плѣнница», чтò, вѣроятно, и требовалось доказать. Для чего понадобилась тогда эта справка и какія были ея послѣдствія — свѣдѣній нѣтъ; но, хотя не видно, чтобы Екатерина торопилась признать и приблизить къ себѣ своихъ родственниковъ, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что она о нихъ знала подробно задолго до появленія въ Ригѣ «персоны», назвавшейся ея сестрою, и, слѣдовательно, въ появленіи послѣдней для нея не было ничего неожиданнаго и неправдоподобнаго.

Такъ или иначе, изъ родственнаго ли чувства, весьма естественнаго въ добросердечной по натурѣ Екатеринѣ, или по другимъ какимъ либо соображеніямъ (они имѣлись здѣсь), но только въ данномъ случаѣ она не думала отрекаться отъ своей отцовской родни и изъявила желаніе повидать особу, наименовавшуюся ея сестрой. Извѣстій объ этомъ свиданіи [1]), какъ и о предшествовавшихъ ему обстоятельствахъ, нѣтъ почти никакихъ, но слѣдуетъ думать, что оно произвело на Екатерину грустное, тягостное впечатлѣніе.

Передъ ясныя очи сіявшей красотой, величіемъ и царственной пышностью государыни, окруженной придворнымъ почетомъ

[1]) Что самый фактъ описаннаго свиданія — несомнѣненъ и время, въ которое оно произошло, обозначено достовѣрно, подтверждается сохранившейся подлинной перепиской о Скавронскихъ, между Макаровымъ и кн. Репнинымъ. Въ 1725 г. кн. Репнинъ паки доносилъ, что «оная женщина (т. е. Христина Гендрикова) въ прошломъ 1721 г. взята была ко двору и спрашивана и паки отпущена»... («Сборникъ отд. рус. яз. и сл. имп. академіи наукъ», т. XVIII, статья Я. К. Грота. Также въ приложеніяхъ къ «Царствованію Екатерины I», К. Арсеньева. Спб. 1856 г.).

и великолѣпіемъ, предстала невзрачная, немолодая, бѣдно одѣтая, жалкаго вида женщина, по манерамъ и разговору, простая деревенская поселянка... И эта крестьянка—родная сестра россійской императрицы?!. Какъ это ни странно, однакожъ, сомнѣній въ родствѣ никакихъ не представляется; по крайней мѣрѣ, ихъ не находитъ сама Екатерина.

Названная сестра безхитростно и просто, но убѣдительно, хотя на чуждомъ, повидимому, слушательницѣ польскомъ языкѣ, единственно-доступномъ для нея самой, разсказываетъ про свое семейство, про отца, братьевъ и сестеръ и на основаніи этихъ свѣдѣній и семейныхъ воспоминаній неотразимо доказываетъ свое кровное родство съ ея величествомъ.

Зовутъ ее Христиной, по отцу Сковорощанкой, по мужу Гендриховой. Родилась она и жила въ польскихъ Лифляндахъ. Отецъ ея — простой «обыватель», литовскій выходецъ, католикъ, Самуилъ Сковоротскій, и мать Доротея, урожденная Ганъ, давно умерли отъ чумы, оставивъ шестерыхъ дѣтей: трехъ сыновей и трехъ дочерей. Всѣ они съ женами, мужьями и дѣтьми находятся въ крѣпостной зависимости у разныхъ помѣщиковъ на положеніи крестьянъ и живутъ въ крайней бѣдности, испытывая всяческія лишенія и униженія. Въ довершеніе ихъ бѣдъ, она, Христина, и ея братъ, Дирихъ, вмѣстѣ съ семьями пострадали отъ войны — разорены и взяты въ плѣнъ русскими войсками. За то ихъ третьей сестрѣ, прекрасной Мартѣ, Богъ послалъ счастье необыкновенное: еще ребенкомъ взятая послѣ смерти родителей на воспитаніе теткой, по матери, Веселевской, жившей въ Крыжборхѣ (Крейцбурхѣ), потомъ двѣнадцатилѣтней дѣвочкой принятая въ домъ маріенбургскаго пастора, Марта тоже попадаетъ въ плѣнъ къ русскимъ, но для того, чтобы самой плѣнить ихъ государя и сдѣлаться вскорѣ его вѣнценосной супругой... Бѣдной Христинѣ все это хорошо извѣстно и теперь, павъ къ стопамъ своей царственной сестры, она уповаетъ, что ея величество не отречется отъ нея и милостиво призритъ ее въ неволѣ, несчастьѣ и сиротствѣ.

Христина съумѣла убѣдить Екатерину въ своемъ родствѣ съ нею и тронуть ея сердце своимъ жалкимъ положеніемъ; но не на столько, однако же, чтобы сейчасъ же рѣшительнымъ образомъ измѣнить ея судьбу, сдѣлавъ ее достойною судьбы сестры русской императрицы. Сохранилось извѣстіе, что Екатерина ласково и милостиво обошлась съ Христиной, пожаловала ей двадцать червонцевъ и отпустила домой, пообѣщавъ озаботиться улучшеніемъ ея и ея семьи положенія при удобномъ случаѣ, котораго нужно терпѣливо ждать, и — только. Въ самомъ дѣлѣ желаннаго случая пришлось ждать родственникамъ Екатерины, уповавшимъ на счастливую перемѣну своей судьбы, еще долго и послѣ цѣлаго ряда тягостныхъ испытаній.

Мы уже сказали, что Екатерина, по всѣмъ вѣроятіямъ, изъ подчиненія главнымъ образомъ усмотрѣніямъ и видамъ Петра не торопилась признавать своихъ родственниковъ, приближать ихъ къ себѣ и возвышать. Сколько намъ извѣстно, до 1715 года она о нихъ ни разу не справлялась, въ формѣ какого нибудь акта; затѣмъ, съ 1715 года, когда она о нихъ вспомнила и, наведя секретныя справки, убѣдилась въ ихъ существованіи и незавидномъ положеніи, вплоть до 1721 года она не дѣлаетъ никакого шагу для сближенія съ ними и для оказанія имъ малѣйшаго родственнаго участія. Наконецъ, только въ 1721 году, происходитъ описанная здѣсь встрѣча ея съ одной изъ сестеръ, награжденной при этомъ такимъ мизернымъ, сравнительно, подаяніемъ; но оказывается, что и эта встрѣча произошла вовсе не по иниціативѣ Екатерины и была въ нѣкоторомъ родѣ вынужденная.

Дѣло въ томъ, что Христина, какъ и другіе Скавронскіе, молчавшая до сей поры о своемъ родствѣ съ русской императрицей, была поставлена случаемъ въ необходимость заявить о себѣ и о своихъ правахъ. Она была взята въ плѣнъ (bylem, — какъ она сама пишетъ, — w niewoli w wojsku) русскими войсками подъ командой князя Репнина и, желая, безъ сомнѣнія, оградить себя отъ непріятностей тогдашняго суроваго и жестокаго плѣна, а, съ другой стороны, воспользоваться, быть можетъ, удобной оказіей составить себѣ счастье, поставила на видъ плѣнившимъ ее военачальникамъ свою родственную близость съ Екатериной. На плѣнницу обратилъ вниманіе князь Репнинъ, довелъ о ней до свѣдѣнія Петра и Екатерины и, вѣроятно, доставилъ ей аудіенцію у послѣдней — едва ли не прямо изъ-подъ караула, въ которомъ онъ, по обычаю того крутаго времени, содержалъ ни въ чемъ неповинную Христину, «дабы отъ нея больши вракъ не было», какъ изъяснилъ князь впослѣдствіи.

Не смотря, однакожъ, на эту предосторожность, притязанія или «враки» Христины должны были получить огласку среди значительнаго числа лицъ и произвести соблазнительную сенсацію, крайне нежелательную, конечно, для двора. «О томъ здѣсь въ народѣ небезъизвѣстны, также и она (Христина), уповаю, не молчитъ,» — тревожился по этому поводу и князь Репнинъ, послѣ свиданія Христины съ Екатериной.

Слѣдуетъ предположить, что до сихъ поръ Петру и Екатеринѣ могло казаться, что тайна происхожденія Екатерины плотно прикрыта завѣсой, не проницаемой, по крайней мѣрѣ, для толпы, и поэтому они избѣгали безъ надобности поднимать ее. Они могли думать даже, что самая семья Екатерины, затерянная въ глуши, темная и ничтожная, а главное — отсутствовавшая при началѣ и дальнѣйшемъ ходѣ возвышенія «маріенбургской плѣнницы», вовсе не подозрѣваетъ въ лицѣ русской царицы свою кровную родствен-

ницу. На этомъ-то предположеніи Петръ и Екатерина, находя для себя выгоднымъ оставлять въ такомъ невѣдѣніи эту неприглядную родню, и не выказывали до сихъ поръ къ ней никакого съ своей стороны участія да, по всѣмъ вѣроятіямъ, такъ бы и забыли о ней навсегда, еслибъ она сама, въ лицѣ Христины Скаворощанки, не напомнила о себѣ, благодаря непредвидѣнной случайности.

Но теперь, когда обнаружилось вдругъ, что эти невѣдомые «Скаворощанки» съ чадами отлично знаютъ и твердо помнятъ, какъ приходятся онѣ по крови ея величеству, и когда объ этомъ родствѣ стало извѣстно очень многимъ, — дѣло оставлять въ прежнемъ положеніи уже нельзя было; уже нельзя было пройдти съ преднамѣреннымъ равнодушіемъ мимо этой родни, какъ это дѣлалось до сихъ поръ въ теченіе долгихъ лѣтъ... Но что же, однако, съ нею начать и куда ее дѣвать?

Петръ отнесся къ этой щекотливой матеріи съ своей обычной черствой разсудительностью и неподкупной разсчетливостью. Ему была мила и дорога жена, сама по себѣ, а навязывать себѣ какихъ-то тамъ невиданныхъ родственниковъ ея изъ-за того только, что они родственники, — не входило въ его нравы. Свѣдавъ о существованіи Скавронскихъ и разъузнавъ, что они — простые мужики, темные и ничтожные, а, вдобавокъ, «глупые и пьяные», какъ аттестовалъ ихъ князь Репнинъ, Петръ заблагоразсудилъ оставить ихъ въ первобытномъ состояніи, находя безполезнымъ, неприличнымъ и убыточнымъ продѣлывать надъ ними дорого стоющее, сказочное волшебство во вкусѣ «золотой рыбки», т. е. превращать однимъ мановеніемъ неотесанныхъ «сыновъ природы» въ залитыхъ золотомъ придворныхъ вельможъ и осыпанныхъ благами бар, чтобы приподнять ихъ, сколько можно, до высоты, на которую вознесъ онъ ихъ родственницу — своего «друга сердечненькаго»... И, хотя Екатерина смотрѣла на это дѣло иначе—съ женской, сердечной точки зрѣнія, но не могла своимъ вліяніемъ существенно переиначить рѣшеніе Петра по этому вопросу, и только послѣ смерти его пролила на своихъ родныхъ тѣ благодѣянія, которыя ей, быть можетъ, давно хотѣлось для нихъ сдѣлать.

Впрочемъ, Петръ никакого опредѣленнаго рѣшенія не сдѣлалъ. Его просто стѣсняли до нельзя эти свалившіеся съ неба родственники, и, хотя возвышать ихъ у него не было намѣренія, но онъ не зналъ, куда ихъ дѣвать и къ чему пріурочить? Принимавшій дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ князь А. И. Репнинъ совѣтовалъ, сообразуясь, вѣроятно, съ мыслью царя, что «весьма удобнѣе-бъ было отсюда (т. е. изъ Лифляндіи) ихъ взять въ Русь и содержать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ про нихъ не знаютъ...». Такъ взглянули поначалу на устройство судьбы Скавронскихъ и въ Петербургѣ. Судя по перепискѣ Макарова съ Репнинымъ, рѣшено было «содержать ихъ въ скромномъ (т. е. въ сокровенномъ)

мѣстѣ», «дать имъ нарочитое пропитаніе и одежду», освободить отъ черной работы и оброка, и — больше ничего. Это же подтверждаютъ и современные иностранные хроникеры. Такъ, Гельбигъ утверждаетъ, что графъ П. И. Сапѣга «получилъ приказаніе отъ Екатерины заботиться о родныхъ ея въ Литвѣ». Вслѣдствіе этого «они получили довольно, чтобы жить по своему крестьянскому состоянію спокойнѣе, нежели подобные имъ, но не столько, чтобы необыкновенными издержками возбуждать вниманіе».

Дѣйствительно, у правительства временъ Петра главная забота относительно Скавронскихъ состояла въ томъ, чтобъ они не мозолили глазъ праздной толпѣ, держали сами языкъ за зубами и не плодили «вракъ» въ народѣ. Съ этой заботой Петръ и умеръ, не успѣвъ при жизни пристроить Скавронскихъ къ мѣсту... Цѣлые годы пришлось имъ, бѣднымъ, жить въ неопредѣленномъ положеніи, между надеждой и страхомъ за высокую честь родства съ царицей, томиться подъ строгимъ присмотромъ и даже напросто за рѣшеткой, подъ карауломъ! Впрочемъ, потребовалось прежде всего розыскать ихъ всѣхъ и собрать воедино, хотя бы ужъ только для удобства надзора за ними, но и съ этимъ дѣломъ при жизни Петра неособенно торопились.

IV.

Заботы Екатерины о Скавронскихъ въ первыя минуты по смерти Петра. — Похищеніе и увозъ Анны Ефимовской. — Розыски Дириха и Карла Скавронскихъ. — Анекдотъ о свиданіи Екатерины съ ея братомъ. — Фридрихъ Скавронскій и его роль. — Счетъ всей фамиліи Скавронскихъ въ 1726 году и ихъ положеніе между надеждой и «сумлѣніемъ». — «Суплика» Христины.

28-го января 1725 года, Петръ скончался, а 2-го февраля того же года, т. е. спустя всего четыре дня, Екатерина, не смотря на удручавшую ее вдовью печаль, которую она выражала необычайно обильными слезами, удивлявшими очевидцевъ, не смотря на тревоги и заботы по случаю своего воцаренія, успѣла уже вспомнить о своей роднѣ и выказать дѣятельное къ ней участіе. Изъ этого можно заключить, какъ близко принимала она къ сердцу этотъ вопросъ и въ какой степени равнодушіе Петра къ послѣднему расходилось съ ея затаенными желаніями!

Такъ слѣдуетъ думать, если положиться на извѣстіе Бюшинга, что 2-го февраля 1725 года Екатерина послала нарочнаго офицера въ Ригу для полученія отъ тамошняго генералъ-губернатора, князя Репнина, наставленія, какъ отыскать въ Литвѣ одну изъ сестеръ императрицы, и для того, чтобы немедленно приступить къ этимъ

розыскамъ. Бюшингъ увѣряетъ, что имѣлъ въ рукахъ дневникъ помянутаго офицера, веденный имъ во время этой порученной ему миссіи. Рѣчь идетъ здѣсь о старшей Скавронской — Аннѣ, по мужу Ефимовской или Якимовичевой, какъ называется она въ нѣкоторыхъ современныхъ документахъ.

Исторія отысканія и увоза Ефимовской съ семьею не лишена романичности. Посланецъ Екатерины, слѣдуя наставленіямъ Репнина, отправился 20-го марта въ Литву секретно навести справки объ искомой «персонѣ». По справкамъ, собраннымъ въ этотъ разъ въ Биржи, а потомъ — во вторую поѣздку, уже въ маѣ, въ Дубно и Каменцѣ, оказалось, что Ефимовская дѣйствительно существуетъ и вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми живетъ въ деревнѣ на крестьянскомъ положеніи, въ крѣпостной зависимости у вдовы старосты Ростовскаго. Выдавая себя за саксонскаго офицера и всячески скрывая цѣль своего путешествія, посланецъ видѣлся съ Анной и ея мужемъ и выспросилъ у нихъ, что ему было нужно. Однако-жъ, старостиха Ростовская возъимѣла почему-то на него подозрѣніе, которое и подтвердилось, когда подпоенный по ея приказанію деньщикъ посланца проболтался, что его баринъ — русскій офицеръ. Нужно предполагать, что Ростовской было извѣстно кое-что о фамильномъ отношеніи Ефимовской къ русской императрицѣ, потому что она тотчасъ же догадалась что мнимый саксонскій офицеръ намѣренъ тайно увезти ея подданную вмѣстѣ съ семействомъ. Не желая вслѣдствіе этого понести ущербъ въ своихъ холопахъ или разсчитывая взять за Ефимовскихъ хорошую цѣну, старостиха задумала воспрепятствовать исполненію плана посланца. Съ отличавшей тѣ времена неразборчивостью въ средствахъ, она снарядила четырехъ своихъ слугъ, приказавъ имъ напасть на русскаго офицера, когда онъ будетъ уѣзжать, и умертвить его. Слуги исполнили панскій приказъ: напали на офицера, но убить его имъ не удалось. Онъ отдѣлался пятью ранами и успѣлъ убѣжать. Возвратившись въ Ригу и залечивъ раны, онъ снова отправился въ Литву въ августѣ уже съ рѣшительнымъ намѣреніемъ увезти Ефимовскихъ, но сдѣлать этого онъ не могъ за недостаткомъ денегъ. Получивъ деньги, онъ отправился, наконецъ, въ четвертый разъ по назначенію и благополучно вывезъ Ефимовскихъ съ дѣтьми въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Въ Ригѣ, куда онъ ихъ привезъ, они поступили вскорѣ на попеченіе какого-то маіора Б., который въ ноябрѣ того же года препроводилъ ихъ въ Петербургъ.

Такъ разсказана эта повѣсть у Бюшинга, а что она не вымышлена, по крайней мѣрѣ, въ главномъ, подтверждается сохранившимся оффиціальнымъ донесеніемъ князя Репнина отъ 21-го іюля 1725 года, въ которомъ онъ говоритъ, между прочимъ: «А нынѣ извѣстился я отъ посланнаго своего офицера въ польскіе Лифлянды, что тамъ находится помянутой извѣстной женщины (т. е.

Христины Гендриковой) большая сестра родная и съ мужемъ своимъ, и съ дѣтьми, и также о себѣ безопасно гласитъ (т. е. «гласитъ» о своемъ родствѣ съ императрицей), отъ чего тамошніе обыватели много врутъ, и нынѣ посылаю того офицера оную женщину и съ мужемъ, и съ дѣтьми, подговоря, привезти»... Видно, князь Репнинъ все еще продолжалъ не довѣрять Скавронскимъ и имѣть ихъ подъ сомнѣніемъ, какъ опасныхъ «вруновъ», не зная пока, что теперь наступаетъ на ихъ улицѣ праздникъ.

Съ неменьшими хлопотами и проволочкой было сопряжено и розысканіе братьевъ Екатерины и ихъ семействъ. Спустя почти годъ послѣ описаннаго здѣсь свиданія своего съ Христиной и, вѣроятно, вслѣдствіе его Екатерина поручила это дѣло и вообще веденіе переписки о своихъ родныхъ, съ согласія, конечно, Петра, его любимцу, кабинетъ-министру А. В. Макарову. 28-го февраля 1722 года, былъ данъ указъ Макарову объ отысканіи лифляндца Дириха Самуилева сына Сковороцкаго [1]), который, по собраннымъ о немъ свѣдѣніямъ и, между прочимъ, по показанію Христины, былъ взятъ въ плѣнъ русскими войсками Шереметева во время занятія ими Лифляндіи. Розыски были произведены въ Галицкой, Устюжской, Архангельской и Вологодской провинціяхъ, а также въ Малороссіи, нарочно разосланными гонцами, по всѣмъ вѣроятіямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, куда были выведены и поселены лифляндскіе плѣнники. Кажется, розыски эти не увѣнчались успѣхомъ. Въ 1723 году, генералъ-маіоръ Чекинъ изъ Вологды и полковникъ Милорадовичъ изъ Гадяча извѣстили Макарова, что искомаго лица въ раіонахъ ихъ вѣдѣнія не оказалось. Никакихъ болѣе опредѣленныхъ извѣстій о Дирихѣ Скавронскомъ нѣтъ, и наши историки (К. Арсеньевъ, Костомаровъ) заключили изъ этого, что онъ вовсе не былъ отысканъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что современныя свѣдѣнія о братьяхъ Екатерины не отличаются обиліемъ, точностью и ясностью въ такой степени, что многіе хроникеры и историки сбиваются въ ихъ счетѣ и именахъ или вовсе ихъ не различаютъ, говоря только о братѣ Екатерины въ единственномъ числѣ, именно о Карлѣ Скавронскомъ, игнорируя или не подозрѣвая существованія двухъ остальныхъ—Дириха и Фридриха (Веберъ, Гельбигъ, Лефортъ, Голиковъ и др. [2]). Это произошло отъ того, что изъ всѣхъ Скавронскихъ наиболѣе выдвинулся и наиболѣе былъ приближенъ Карлъ; но и объ

[1]) Не можемъ не отмѣтить, что у Голикова въ реестрѣ указовъ Петра указъ Чекину объ исканіи Скавронскаго помѣченъ не 1722, а 1723 годомъ.

[2]) У Голикова упомянуто еще объ одномъ указѣ, 26-го октября 1723 года, «Сержанту гвардіи Пасынкову, посыланному о развѣдываніи о лифляндцѣ Скавронскомъ, дабы онъ съ тѣмъ извѣстіемъ возвратился въ Петербургъ». Въ чемъ состояло это «развѣдываніе» и о какомъ Скавронскомъ—Голиковъ не упоминаетъ; у другихъ же историковъ о самомъ указѣ этомъ нѣтъ ни слова.

Карлѣ первоначальныя извѣстія крайне скудны и не точны. Напримѣръ, осталось не приведеннымъ въ точную извѣстность — гдѣ онъ былъ найденъ и гдѣ именно содержался до смерти Петра? Достовѣрно извѣстно только изъ оффиціальной переписки о Скавронскихъ, что отъ 15-го декабря 1722 года Ягужинскій сообщилъ Репнину указъ о сыскѣ лифляндскаго обывателя Карлуса Самуилева сына Сковорацкаго. Вскорѣ послѣ этого былъ взятъ въ деревнѣ Догабенъ «подъ крѣпкій караулъ» и отправленъ въ Москву къ Макарову «для представленія императрицѣ» одинъ изъ Скавронскихъ, но былъ ли это Карлъ, вполнѣ утвердительно сказать нельзя. Арсеньевъ, видѣвшій подлинники этой переписки, говоритъ, что въ цитированномъ сейчасъ извѣстіи «имени не упомянуто, но слѣдуетъ полагать», по его мнѣнію, что тутъ рѣчь шла о Карлѣ Скавронскомъ. Мнѣніе это Арсеньевъ опираетъ на томъ обстоятельствѣ, что въ деревнѣ Догабенъ жило семейство именно Карла; слѣдовательно, взять могли только его, а не инаго изъ братьевъ Екатерины. Предположеніе весьма основательное и, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣло такъ и было; но г. Гротъ, напримѣръ, говоря о томъ же фактѣ и тоже на основаніи подлинныхъ документовъ, утверждаетъ, что въ деревнѣ Догабенъ искали лишь жену и дѣтей Карла, а не его самого. Г. Гротъ приводитъ донесеніе Репнина Макарову, отъ 7-го апрѣля 1723 года, гдѣ говорится собственно объ отысканіи семьи Карла; но былъ ли найденъ въ Догабенѣ самъ Карлъ и вообще гдѣ былъ онъ найденъ и гдѣ находился въ данный моментъ, этотъ вопросъ почтенный академикъ прошелъ совершеннымъ молчаніемъ... На столько вопросъ этотъ если не спорный, то не вполнѣ рѣшенный! [1])

Во всякомъ случаѣ, достовѣрно, что въ 1723 году Карлъ Скавронскій былъ уже въ Россіи, былъ извѣстенъ Екатеринѣ и находился на ея попеченіи. На это есть ясное указаніе въ вышепомянутомъ донесеніи (отъ 7-го апрѣля 1723 г.) Репнина къ Макарову. Тамъ сказано, что въ 36-ти миляхъ отъ Риги и «отъ мѣстечка

[1]) Всего же удивительнѣе и необъяснимѣе показалось намъ констатированіе ученою редакціей «Архива князя Воронцова» (кн. I, стр. 27) присутствія до сихъ поръ невѣдомаго брата Екатерины — Антона Скавронскаго, средняго, между Карломъ и Өедоромъ, который, якобы, вмѣстѣ съ ними былъ возвышенъ, возведенъ въ графское достоинство, получилъ помѣстья, жилъ еще въ дни Анны Ивановны и умеръ бездѣтнымъ. Нигдѣ никакихъ указаній на существованіе этого, слѣдственно, четвертаго уже брата Екатерины (если считать и Дириха), мы не нашли ни слѣда. Къ сожалѣнію, почтенная редакція, открывъ его, ничѣмъ, никакою ссылкой не подкрѣпила своего удивительнаго открытія, сдѣлавъ его какъ бы своимъ секретомъ... Мы, правда, знаемъ Антона Скавронскаго, старшаго сына Карла, слѣдовательно, племянника Екатерины; но откуда могъ взяться другой Антонъ Скавронскій, братъ Екатерины, это для насъ неразрѣшимая загадка, если не допустить нелѣпаго предположенія, что ученая редакція приняла ошибочно племянника за дядю.

Вишки озера въ полумили», въ деревнѣ Догабенъ, принадлежавшей шляхтичу Лауренцкому, была найдена «фамилія обывателя Карлуса Самуелева сына Скаворонскова»; причемъ, посланецъ всячески уговаривалъ жену Карла ѣхать къ мужу, но она не хотѣла, «понеже знаетъ состояніе мужа своего, что онъ и отъ нея не отъ малой причины ушелъ» (а не взятъ? — новый поводъ къ сомнѣнію въ предположеніи Арсеньева!). Затѣмъ, въ 1725 г., Репнинъ говорилъ уже, какъ о совершившемся фактѣ, что Карлъ Скавронскій находился «въ прошлыхъ годахъ» и въ данную минуту въ Россіи. Въ то жѐ время и Христина, въ своемъ прошеніи Репнину, ссылалась на то, что «братъ-де ея родной и съ женою взятъ въ Русь»...

Установивъ, такимъ образомъ, фактъ прибытія и пребыванія Карла Скавронскаго въ Россіи еще при жизни Петра, мы затрудняемся сказать что нибудь опредѣленное, какъ и при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ признанъ Екатериной, гдѣ именно находился и въ какомъ положеніи? Точныхъ свѣдѣній объ этомъ нѣтъ, но за то нѣтъ недостатка въ преданіяхъ и сказаніяхъ болѣе или менѣе легендарно-романическаго свойства.

Бантышъ-Каменскій, со словъ Левека и другихъ иностранцевъ-хроникеровъ, занесъ въ свой «Словарь» такую сказку, которую онъ «не опровергаетъ», какъ «основанную на показаніяхъ современниковъ»... Сказка ужъ очень картинная — жаль было въ ней усомниться! Повѣствуется въ ней (безъ обозначенія времени), что Карлъ Скавронскій «привезенъ былъ въ Петербургъ, по повелѣнію Петра, изъ Курляндіи и въ одеждѣ крестьянской, имъ носимой, представленъ сестрѣ августѣйшимъ ея супругомъ, въ домѣ гофмаршала Д. А. Шепелева. Иностранные писатели повѣствуютъ, будто бы Екатерина упала въ обморокъ, стыдясь признать братомъ своимъ земледѣльца, и что Петръ произнесъ тогда: «Нечего краснѣть; я признаю его своимъ шуриномъ и, если въ немъ окажется прокъ, сдѣлаю изъ него человѣка», причемъ велѣлъ Скавронскому поцѣловать руку у императрицы и обнять сестру свою...

Не оказалось ли «проку» въ шуринѣ, или по другимъ соображеніямъ, но только государь не сдѣлалъ изъ него, сколько извѣстно, «человѣка», т. е. человѣка значительнаго, а оставилъ въ первобытномъ состояніи.

Приведенный разсказъ, съ нѣкоторыми варіантами, записанъ въ мемуарахъ Вильбоа, который утверждаетъ, будто-бы Карлъ Скавронскій былъ открытъ и найденъ случайно польскимъ посланникомъ. Проѣзжая изъ Москвы въ Дрезденъ, посланникъ встрѣтилъ въ какой-то гостинницѣ въ Литвѣ слугу, который, поссорясь съ товарищами, пригрозилъ имъ своей августѣйшей родственницей. Посланникъ упомянулъ объ этомъ въ шутку въ своемъ письмѣ въ Москву. Извѣстіе это дошло до свѣдѣнія царя, который поручилъ провѣрить его князю Репнину на мѣстѣ. Справки подтвердили под-

личность Карла. Тогда его схватили, подъ предлогомъ обвиненія въ какомъ-то преступленіи, и онъ очутился въ Петербургѣ, гдѣ Петръ и устроилъ вышеприведенное изъ Бантышъ-Каменскаго свиданіе сестры съ братомъ.

Излишне говорить, что всѣ эти сказанія и преданія имѣютъ значеніе лишь анекдотическое.

Третій братъ Екатерины, Фридрихъ (превратившійся въ Петербургѣ въ Өедора), играетъ въ исторіи фамиліи Скавронскихъ до того мимолетную, призрачную и мнимую роль, и до того свѣдѣнія о немъ скудны, что многіе изъ историковъ совсѣмъ даже не замѣтили его присутствія. Его, кажется, не замѣтили было вначалѣ и современники, интересовавшіеся семействомъ Скавронскихъ; сама Екатерина почему-то оставляла его безъ вниманія. По крайней мѣрѣ, въ то время какъ другихъ Скавронскихъ всюду искали и, сыскавъ, увозили и приберегали подъ теплой опекой и надзоромъ,—Фридриха никто не искалъ, не опекалъ и не увозилъ: онъ какъ-то самъ вдругъ отыскался и напомнилъ о своемъ существованіи! О немъ сохранилось сомнительное преданіе, что онъ былъ, будто бы, ямщикомъ на почтовомъ трактѣ между Ригой и Петербургомъ.

Уже въ 1726 г., когда рѣшено было всѣхъ Скавронскихъ везти въ Петербургъ, и поэтому надлежало свести имъ счетъ, князь Репнинъ извѣстилъ Макарова, чтобъ это не показалось ему, быть можетъ, большимъ сюрпризомъ, что «помянутая женщина (Христина) съ мужемъ и съ дѣтьми не одна, но съ нею есть братъ ея родной, съ женою и дѣтьми, которые съ нею здѣсь въ Лифляндіи въ одной деревнѣ жили...» Рѣчь шла о Фридрихѣ и его семьѣ, о которыхъ здѣсь впервые упоминается въ перепискѣ Репнина съ Макаровымъ и которые, очевидно, были пристегнуты заодно къ «фамиліи» Христины, безъ самостоятельной роли. Это можно видѣть и изъ порядка «Росписи» Скавронскихъ, составленной Репнинымъ въ 1726 г. и очень для насъ важной, такъ какъ въ ней подробно обозначенъ весь составъ фамиліи Скавронскихъ, сосредоточенной тогда въ Ригѣ, за исключеніемъ Карла Скавронскаго и его семьи, находившихся уже въ Россіи. Вотъ эта «Роспись», по которой Скавронскіе были вскорѣ отправлены въ Петербургъ:

«Женщина Крестина Сковорощанка съ мужемъ (Гендриховымъ). У нихъ дѣтей два сына: одинъ 12-ти, другой 6-ти лѣтъ, да двѣ дочери: одна 9-ти, другая 2-хъ лѣтъ, и того самъ шостъ».

«Оной же Крестины Сковорощанки братъ родной Фридрихъ Сковоронскій съ женою Катериною. У него двѣ падчерицы: одна 12-ти, другая 7-ми лѣтъ, и того самъ четвертъ».

«Оной-же Крестины Сковорощанки сестра родная большая Анна съ мужемъ Михаиломъ Якимовичемъ. У нихъ три сына: одинъ 15-ти, другой 13-ти, третій 7-ми лѣтъ. И того самъ пятъ».

«Всего 15 персонъ».

У незачисленнаго въ эту «Роспись» Карла Скавронскаго семья состояла тогда изъ семи человѣкъ: жены и шестерыхъ дѣтей — трехъ сыновей и трехъ дочерей. Слѣдовательно, въ данный моментъ вся родня Екатерины, по отцу, состояла изъ двадцати трехъ лицъ. По численности — семейка порядочная!

Такимъ образомъ, къ началу 1726 года, стараніемъ Макарова и князя Репнина, служившихъ усердными исполнителями родственныхъ заботъ Екатерины, всѣ Скавронскіе съ чадами были розысканы (за исключеніемъ Дириха), собраны воедино, сосчитаны и находились на лицо, готовые отправиться въ гости къ своей царственной родственницѣ и испытать на себѣ ея богатыя милости. Впрочемъ, въ это время въ радушіи и милостяхъ къ себѣ двора они далеко не были еще увѣрены и, испытывая на этотъ счетъ жестокія сомнѣнія, чувствовали себя весьма нерадостно. Мы говоримъ здѣсь только о Скавронскихъ, находившихся въ Ригѣ подъ бдительной опекой Репнина; что̀ чувствовалъ въ это же время Карлъ Скавронскій съ семьею, находясь уже въ Россіи, — намъ неизвѣстно.

Репнинъ въ своихъ донесеніяхъ Макарову не однажды упоминаетъ, что Скавронскіе «вельми сомнѣваются» о своей дальнѣйшей судьбѣ, а всего болѣе о томъ «въ немаломъ сумлѣніи состоятъ», что «многое время подъ карауломъ содержатся» и «жалобу приносятъ, а особливо тѣ, которые изъ Литвы привезены, нарекаютъ, что, оставя домъ свой, сюда поѣхали»...

«Сумлѣнія» и тревоги бѣдняковъ были вполнѣ естественны и понятны. Нежданно-негаданно, по прихоти удивительнаго случая, попавъ въ царскую родню, признанные, наконецъ, за таковую самой царицей-родственницей, эти простые люди могли, по-своему, гордиться этимъ, какъ честью и счастьемъ, и ждать лишь немедленнаго для себя возвышенія, почета и обогащенія въ той скромной мѣрѣ, до какой простирались ихъ мечты, свойственныя крестьянскому на этотъ предметъ воззрѣнію. Но вмѣсто ожидавшихся почета, ласки и богатства — ихъ хватаютъ изъ-подъ роднаго крова, отрываютъ отъ привычной среды и усвоеннаго образа жизни, сурово обращаются съ ними, затыкаютъ глотки, съ угрозой запрещая заикаться о своемъ родствѣ съ русской императрицей и вмѣняя имъ разговоры объ этомъ въ «непристойныя слова» и «враки», и, въ довершеніе непріятнаго сюрприза, сажаютъ ни за что, ни про что подъ крѣпкій караулъ, какъ арестантовъ-преступниковъ!.. Было изъ-за чего придти въ «сумлѣніе», разочароваться въ радужныхъ надеждахъ и затосковать по своимъ, такъ легкомысленно брошеннымъ, деревенскимъ хатамъ, гдѣ жилось хоть не пышно, но мирно и безмятежно! Простяки, конечно, не понимали затрудненій, въ которыя поставлена была Екатерина даже при добромъ

желаніи устроить получше ихъ судьбу, и напросто могли думать, видя суровое съ собой обращеніе и свой арестъ, что ихъ хотятъ если не извести, то припрятать въ злачное мѣсто, какъ непріятныхъ и досадныхъ для царской семьи индивидуумовъ, ежечасно напоминающихъ своимъ существованіемъ о темномъ и низкомъ происхожденіи россійской императрицы. Мы знаемъ, что это отчасти такъ и было на самомъ дѣлѣ... «Сумлѣніе» въ такомъ родѣ поддерживалось и усиливалось въ Скавронскихъ тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ тягостное по своей неопредѣленности положеніе, разрѣшившееся вдобавокъ содержаніемъ подъ карауломъ, длилось нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, мечтанія ихъ не осуществились; но самыя пылкія мечтанія должны были угаснуть въ нихъ передъ той полной неизвѣстностью судьбы, въ которой ихъ все это время оставляли. Ихъ хватали, сажали подъ арестъ, держали въ немъ цѣлые мѣсяцы, но за что? почему? для какой цѣли и что ихъ ждетъ впереди?—объ этомъ не говорилось ни слова, хотя такое безцеремонное обращеніе съ ними нерѣдко вытекало, повидимому, изъ теплой родственной опеки.

Екатерину болѣе всего огорчало то, что ея родственники не только простые поселяне, но вдобавокъ крѣпостные холопы. Вслѣдствіе этого она, воцарившись, прежде всего позаботилась освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости и сдѣлать вольными обывателями, но способами очень ужъ крайними. Мы видѣли уже, какимъ образомъ, по ея повелѣнію, была эмансипирована и похищена у своей помѣщицы ея старшая сестра, Анна Якимовичева, съ мужемъ и семьей. Не менѣе экстраординарно и замысловато были освобождены отъ помѣщичьей власти и Христина съ Фридрихомъ.

Положеніе Христины, послѣ описаннаго нами свиданія ея съ Екатериной, послѣ того, какъ она вправѣ была уже считать себя признанной сестрою русской императрицы, нисколько не было измѣнено и улучшено въ соціальномъ отношеніи. Какъ была она, такъ и осталась крѣпостною крестьянкой, вслѣдствіе чего, разумѣется, плакалась на свою участь—забытой и обездоленной «сироты». Четыре года крѣпилась она со своей обидой, въ надеждѣ, что авось царственная сестра вспомнитъ о ней; но, не дождавшись этого, рѣшилась, наконецъ, сама въ 1725 г., вѣроятно послѣ того, какъ узнала, что ея сестра, овдовѣвъ, стала самодержицей всего россійскаго государства, напомнить о себѣ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ она лично явилась къ князю Репнину и, изливъ передъ нимъ свои печали, подала ему нижеслѣдующую слезную «суплику» на польскомъ языкѣ. Это—очень любопытный документъ, и для характеристики его автора, и для поясненія отношеній между Екатериной и Скавронскими до кончины Петра.

«Припадая къ ногамъ вашей ясневельможности,—пишетъ Христина Репнину,—осмѣливаюсь просить васъ обратить милостивое

вниманіе на меня, бѣдную сироту, оставленную Богомъ: я была въ плѣну въ войскѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ вашимъ, во время войны, которая разсѣяла народъ нашъ; Всевышній, по особенной своей милости, возвелъ сестру мою въ императорскій санъ; мы же двѣ остались въ крайней бѣдности. Ея величество, сестра наша, уже извѣщена о нашей участи, какъ равно о мужѣ и дѣтяхъ моихъ; пожаловала на содержаніе семейства моего жалованье (въ чемъ состояло это «жалованье» и откуда выдавалось—неизвѣстно. Не разумѣла ли подъ нимъ Христина пожалованье ей 20-ти червонцевъ при свиданіи съ Екатериной?) и повелѣла ожидать благопріятнаго случая, вслѣдствіе чего (очевидно, Христина считала, что съ воцареніемъ Екатерины желанный «благопріятный случай» наступилъ) я теперь прибѣгаю къ вашей ясневельможности, прося милостиваго состраданія вашего ко мнѣ, ибо я нынѣ живу въ бѣдномъ весьма положеніи въ деревнѣ Кегему на землѣ, принадлежащей г. Вулфеншильду, который обращается со мною, какъ съ крестьянкою, и обижаетъ меня. Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ бѣдной въ совѣтѣ вашемъ, какимъ бы образомъ мнѣ можно было поклониться ея величеству императрицѣ, ибо я вовсе не знаю, какъ и въ чемъ мнѣ къ ней пріѣхать. Я совершенно увѣрена, что она не отречется меня»...

Репнинъ принялъ «суплику» и оказалъ нѣкоторое участіе къ Христинѣ, хотя и былъ, видно, не очень выгоднаго мнѣнія о ней лично и объ ея мужѣ, какъ о людяхъ, по его аттестаціи, «глупыхъ, пьяныхъ» и вредныхъ, разглашающихъ о себѣ «враки», такъ что «удобнѣе-бъ было ихъ отсюда куда въ другое мѣсто взять». Убѣдившись, по справкамъ, что положеніе Христины дѣйствительно незавидное, ибо она состоитъ у помянутаго маіора Вульфеншильда «въ подданствѣ и съ мужемъ во крестьянахъ, и всякую работу работаетъ и оброкъ платитъ», Репнинъ, по сношеніи объ этомъ съ Макаровымъ и вслѣдствіе повелѣнія императрицы, приказалъ Гендриховыхъ «отъ работы уволить» и «оброкъ за нихъ платить отъ казны». Но этого было мало. У Екатерины въ это время уже укрѣпилось рѣшеніе приблизить къ себѣ свою родню и она хотѣла освободить свою сестру отъ крѣпостнаго подданства начисто, но такъ, однако же, чтобъ изъ-за этого не усилились «враки». Пришлось прибѣгнуть къ своеобразной хитрости.

Въ концѣ іюня 1725 года, Макаровъ писалъ Репнину, что вслѣдствіе челобитной Христины императрица приказала — «взять» послѣднюю съ семьей у «шляхтича» Вульфеншильда «подъ видомъ жестокаго караула и тому шляхтичу дать знать, что оные за нѣкоторыя непристойныя слова взяты за караулъ, или тайно взять, ничего ему не говоря объ нихъ, что ея величество изволила больше отдать на ваше разсужденіе»...

Репнинъ разсудилъ, какъ видно изъ послѣдующихъ его писемъ, пустить въ ходъ «непристойныя слова» и, слѣдовательно, подвергнуть Христину съ ея семьей и, вѣроятно, съ захваченнымъ тогда же братомъ ея Фридрихомъ «жестокому караулу». Такъ какъ, безъ сомнѣнія, игравшіе страдательную роль въ этой комедіи родственники Екатерины не были посвящены въ ея тайныя пружины и не знали, что оказанная къ нимъ «жестокость», какъ къ виновнымъ будто бы въ «непристойныхъ словахъ», есть не болѣе, какъ маска и предлогъ для ихъ освобожденія отъ рабства у помѣщика,— то можно представить себѣ, на сколько глубоко были повергнуты они этимъ оборотомъ дѣла въ тревожное «сумлѣніе!» Можно представить себѣ разочарованіе бѣдной Христины, «совершенно увѣренной», было, что царственная сестра «не отречется» отъ нея, и наивно признававшейся, что она давно бы сама поѣхала къ ней, еслибъ только знала, «какъ и въ чемъ ѣхать», и — вдругъ, вмѣсто осуществленія этихъ мечтаній, очутившейся съ семьею вслѣдствіе своей «суплики» за рѣшеткой, подъ «жестокимъ карауломъ!»

Слѣдуетъ думать, что безцеремонный образъ дѣйствій со Скавронскими за все это время, послѣ того, какъ ихъ такъ долго оставляли въ полномъ забвеніи, непрерывные грозные приказы не смѣть «врать» про свое родство съ Екатериной для чего, уже въ 1725 году, послѣ смерти Петра, къ нимъ приставлена была даже «повѣренная персона, которая бы отъ вранья ихъ могла удерживать», наконецъ, долгій и «жестокій» арестъ безъ всякой вины,—все это могло внушить имъ грустное убѣжденіе, что родство ихъ съ русской императрицей послужитъ имъ не къ чести и счастью, а къ бѣдѣ и пагубѣ. И становится понятнымъ, почему у многихъ изъ нихъ «сумлѣніе» дошло до горькихъ сожалѣній о своемъ прежнемъ скромномъ, крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, въ безъизвѣстности, и до слезныхъ моленій возвратить ихъ въ первобытное состояніе, а не везти — Богъ вѣсть зачѣмъ? — въ далекій Петербургъ, ничего, казалось, добраго имъ не сулившій...

Но, сами того не подозрѣвая, Скавронскіе теперь именно, когда ихъ томили подъ «жестокимъ» карауломъ, быстро приближались къ осуществленію того «благопріятнаго» для нихъ случая, вытекавшаго изъ ихъ родства съ Екатериной, о которомъ мечтала Христина Самойловна и который готовилъ ей и ея присным блага, далеко превосходившія ихъ скромныя мечты.

Вл. Михневичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ [1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ).

ГЛАВА II.

1.

НАМЕНИТЫЙ путешественникъ Стенли, отыскавшій Ливингстона въ центральной Африкѣ, говоря о тамошнихъ оазисахъ, припоминаетъ по роскоши своей природы Мингрелію, похожую, по словамъ его, на эти прелестные оазисы. И дѣйствительно, въ нашемъ Закавказьѣ она выдается какъ своею растительностью, такъ и живописнѣйшимъ пластическимъ очертаніемъ. Значительную ея часть занимаетъ низменная плоскость, носящая названіе Одиши, покрытая сплошными лѣсами, среди которыхъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяется культура пашенъ и виноградниковъ. Одиши, входя въ составъ Ріонской долины, одною стороною упирается въ море, а другою въ рядъ холмовъ, убранныхъ вѣчно зеленѣющими лаврами. Холмы, постепенно возвышаясь, грядами переходятъ въ отроги главнаго хребта, увѣнчаннаго снѣговыми вершинами; въ ясные осенніе дни изъ Поти отчетливо видна перспектива горныхъ террасъ, кончающаяся въ отдаленіи снѣговою макушкою Эльбруса. На сравнительно небольшомъ объемѣ площади, занимаемой Мингреліею, встрѣчаются нѣсколько различныхъ климатовъ, начиная чуть не тропическимъ

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» томъ XIX, стр. 12.

Одиши и кончая самымъ суровымъ Дадіановской Сванетіи. Три довольно большія горныя рѣки: Абаша, Тихуръ и Хопи, съ шумомъ ниспадая по крутымъ уступамъ, выходятъ изъ тѣсныхъ ущелій и плавно текутъ по долинѣ, продольно перерѣзывая ее, а возлѣ береговъ ихъ сгруппировывается самая значительная часть населенія. Любителю прекрасныхъ видовъ есть чѣмъ полюбоваться въ Мингреліи; ему достаточно подняться на холмы, окаймляющіе долину, чтобы найдти множество пунктовъ, съ которыхъ представляются грандіозныя и поразительныя по своей красотѣ панорамы, а такихъ, напримѣръ, какія видны изъ Мартвильскаго монастыря и изъ монашескаго скита Сахарбедіо, онъ никогда не позабудетъ. Монахи были всегда мастерами находить мѣстности, располагающія своею живописною обстановкой къ созерцательному, отшельническому образу жизни.

На Кавказѣ не перечтешь пунктовъ, съ которыхъ часто невозможно передать перомъ того, что видитъ глазъ. Наша сѣверная, лѣсная и степная, полоса нашла уже себѣ такихъ великихъ мастеровъ, какъ Гоголь, Тургеневъ, Толстой, а Кавказъ еще ждетъ покуда имъ подобныхъ. Пейзажная живопись была счастливѣе, да и та еще бѣдна, она держится на отдѣльныхъ ландшафтахъ, часто выполняемыхъ при помощи фотографіи, причемъ остается лишь сохранять вѣрность колорита растительности, воздуха, неба и т. д., но не такъ легко дается передача полотну грандіозныхъ панорамъ Кавказа. Помнится мнѣ, какъ однажды заѣхавшій въ Кахетію одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ пейзажистовъ, пораженный видомъ съ высотъ, окружающихъ Алазанскую долину, задался темою—схватить синтезъ этой долины. Нѣсколько мѣсяцевъ носился онъ съ этою задачею, перебывалъ на множествѣ различныхъ пунктовъ, съ которыхъ долина представлялась ему чуть не каждый разъ подъ новымъ освѣщеніемъ и въ новомъ видѣ; набросалъ множество этюдовъ и, наконецъ, не удовлетворенный всѣми этими пробами, уѣхалъ съ Кавказа. Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ ко мнѣ, зная, что я живо интересовался результатомъ его творчества, и сознался, что безсиленъ выполнить свою тему.—«Неуловима, голубчикъ, эта Алазанская ваша долина, а чертовски прекрасна, сказалъ онъ мнѣ:—что же дѣлать! не по моимъ силамъ; теперь буду стараться позабыть ее, а то она помѣшаетъ мнѣ во всякомъ другомъ дѣлѣ».—Мы разстались, и я не думалъ никогда съ нимъ встрѣтиться. Но вотъ лѣтъ черезъ двадцать, въ Петербургѣ, на стѣнѣ одного роскошнаго кабинета, глазъ мой остановился невзначай на чемъ-то мнѣ знакомомъ, изображенномъ на картинѣ большихъ размѣровъ. Я подошелъ къ ней, сталъ всматриваться и съ невыразимою радостью узналъ ту самою Алазанскую долину, которая такъ мучила знакомаго мнѣ пейзажиста. Подъ картиной была и его подпись. Синтезъ долины былъ переданъ высоко художест-

венно, а вдохновеніе осѣнило творца картины далеко отъ Кавказа, здѣсь на сѣверѣ.

Но если виды Алазанской долины прелестны съ вершинъ ее окружающихъ, то виды изъ Мартвили и Сахарбедіо на Ріонскую долину несравненно ихъ выше; фонъ долины, пересѣкаемой множествомъ рѣкъ и рѣчекъ, переплетающихся между собою, оканчивается синевою моря; по бокамъ, слѣва, идетъ гряда Аджарскихъ горъ съ снѣговыми вершинами, а справа — горы Самурезакани и Абхазіи. Размѣры панорамы въ сотни квадратныхъ верстъ; духъ захватываетъ, глядя на ея необъятное пространство. И такую живописную рамку природа дала одной изъ плодоноснѣйшихъ долинъ Кавказа, совмѣщающей въ себѣ самую разнообразную культуру растительнаго царства. Пшеница безъ всякаго искуственнаго удобренія даетъ здѣсь самъ сорокъ; маисъ (кукуруза) и гоми (mil d'Italie) доходитъ до урожаевъ баснословныхъ; съ успѣхомъ разводится хлопокъ, табакъ высокаго качества идетъ у насъ на рынкѣ подъ названіемъ турецкаго; тутовое дерево и виноградная лоза составляютъ принадлежность каждаго жилья и шелководство, также какъ и винодѣліе, не выходя покуда изъ рамокъ мѣстнаго потребленія, ожидаютъ лишь капиталовъ, чтобы принять широкіе размѣры вывоза.

Владѣтели Мингреліи издавна выбрали себѣ резиденціями два пункта на противоположныхъ границахъ своего владѣнія. Одинъ въ сосѣдствѣ съ Абхазіей, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ингура,— мѣстечко Зугдиди, расположенное среди обширной долины и другой — на границѣ съ Имеретіей, въ гористой мѣстности, не вдалекѣ отъ ущелья рѣки Цхенисъ-Цхали, — мѣстечко Горди. Зугдиди было резиденціею зимнею и славилось роскошнымъ садомъ; Горди— резиденціею лѣтнею, богатою горными родниками, и славилось здоровымъ климатомъ. Кромѣ этихъ двухъ мѣстечекъ, а за ними Салхино и Аббасъ-Тумана, имѣній тоже владѣтельскихъ, да нѣсколькихъ усадебъ, принадлежавшихъ богатѣйшимъ изъ батонишвилебовыхъ, въ эпоху нами описываемую немного было такихъ мѣстъ въ Мингреліи, гдѣ бы встрѣчались постройки, похожія на наши дома; населеніе не знало инаго жилья, какъ сакли, по нашему, крытаго дранью тесоваго амбара, съ двумя пролетными дверьми, или пацхи, такого же амбара, только сплетеннаго изъ ракитника и крытаго травою, называемою исли. Въ этихъ прозрачныхъ жилищахъ, на земляномъ полу, крѣпко утоптанномъ, постоянно горѣлъ костеръ, а вдоль стѣнъ стояли широкія нары (тахты), покрытыя верблюжьими коврами (кечами); на нихъ ставились сундуки со всякимъ домашнимъ добромъ и складывались постели. Такова была еще тогдашняя незатѣйливая обстановка и князя, и мужика, а тогдашніе старики, помнившіе Мингрелію до присоединенія ея къ Россіи, находили и эту обстановку роскошною.

И дѣйствительно, судьба населенія этого обильнаго естественными богатствами края, находящагося въ самыхъ счастливыхъ географическихъ условіяхъ, была одною изъ самыхъ печальнѣйшихъ по своему историческому прошлому.

Двѣсти лѣтъ тому назадъ Шарденъ [1]) представляетъ слѣдующую характеристику Мингреліи. «Высшій классъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ тутъ право на жизнь и имущество своихъ подданныхъ, дѣлаетъ съ ними, что захочетъ, беретъ женщинъ, дѣтей, продаетъ ихъ и употребляетъ на все, что ему вздумается. Каждый крестьянинъ приноситъ своему господину извѣстное количество зерноваго хлѣба, скота, вина и другихъ произведеній, такъ что богатство обусловливается числомъ крестьянъ. Каждый крестьянинъ содержитъ помѣщика на своемъ продовольствіи одинъ, два, три дня въ году, вслѣдствіе чего высшее сословіе въ теченіе цѣлаго года переѣзжаетъ изъ одной стороны въ другую и объѣдаетъ крестьянъ своихъ, а иногда и чужихъ, что служитъ источникомъ раздоровъ, обращающихся въ междоусобныя кровавыя схватки. Владѣтель ведетъ такой же точно образъ жизни, такъ что трудно всегда узнать, гдѣ онъ находится. Онъ возитъ съ собою все свое семейство, женщинъ, дѣтей, прислугу, гостей, посланниковъ и другихъ почетныхъ чужестранцевъ, когда они у него бываютъ; все это составляетъ огромную свиту по той еще причинѣ, что вещи несутся на плечахъ и на головахъ полунагими, пѣшими людьми. Владѣтель въ этихъ объѣздахъ собираетъ свои подати, а тамъ, гдѣ ихъ не слѣдуетъ, взамѣнъ ихъ получаетъ подарки. На пути онъ разбираетъ тяжбы и споры, ему подаются прошенія на дорогѣ, и часто онъ рѣшаетъ дѣла тутъ же, или назначаетъ спорящимъ сторонамъ свой ночлегъ мѣстомъ для ихъ суда. Когда крестьяне разныхъ помѣщиковъ поссорятся между собою, то ихъ соглашаютъ господа; когда же сами господа поссорятся—рѣшаетъ сила. Кто сильнѣе, тотъ и правъ. И дѣйствуютъ они въ этихъ случаяхъ одинаково: нападаютъ на скотъ противника, на его вассаловъ, ихъ дома, пашни; грабятъ, жгутъ, уничтожаютъ все что ни попало и, наконецъ, когда уже не за что приняться, начинаютъ вырывать виноградныя лозы, тутовыя и фруктовыя деревья. Если же враждующія стороны встрѣтятся между собою, происходитъ кровавая схватка. Слабѣйшій прибѣгаетъ подъ защиту владѣтеля, который до того не вмѣшивается въ ссору; но одинъ разъ онъ вмѣшался, начинаетъ съ того, что посылаетъ къ обвиняемому почетное лицо и миритъ враждующихъ. Примиренія эти не прочны и ссора возникаетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ Мингреліи нѣтъ ни одного дворянина, у котораго не было бы вражды и ссоры, и потому они не снимаютъ съ себя оружія и постоянно окружаютъ себя вооруженною прислугою».

[1]) Voyage en Perse et autres lieus de l'Orient.

Послѣ Шардена, до вступленія Мингреліи въ подданство Россіи, ничего въ ней не измѣнилось, благодаря вѣковому тягостному турецкому владычеству, и это видно изъ описанія ея статскимъ совѣтникомъ Литвиновымъ, бывшимъ правителемъ Имеретіи и Гуріи въ 1804 году. «Князья,—говоритъ онъ,—были деспотами надъ подвластными себѣ, и достояніе поселянъ было княжеское. Просвѣщеніе ограничивалось удовлетвореніемъ первѣйшихъ нуждъ человѣческихъ. Владѣтели и князья вели жизнь почти кочевую, изба, (сакля), шалашъ или густое дерево служили имъ дворцами. Кормились на счетъ того селенія, въ которое перекочевывали, и жили въ немъ до тѣхъ поръ, пока не съѣдали всѣхъ запасовъ поселянъ, и тогда голодъ и жалобы народа на грабежи и насилія придворныхъ, отыскивающихъ пропитаніе, понуждали перейдти въ сосѣдственное селеніе, и такъ перекочевывали отъ деревни до деревни по всему владѣнію. Пища была самая простая и, не смотря на право владѣтеля безъ суда отнимать жизнь у каждаго изъ своихъ подданныхъ, столъ былъ всѣмъ общій и всякій нищій, калѣка, отвратительный уродъ, имѣли право раздѣлять общую трапезу съ своимъ повелителемъ. Вся разница состояній заключалась въ томъ, что мужикъ прислуживалъ дворянину, дворянинъ князю, а князь владѣтелю».

И вотъ какою еще была Мингрелія въ началѣ нынѣшняго столѣтія и какою помнили ее старики, мнѣ знакомые.

Въ 1803 году 4-го декабря, владѣтель Григорій Дадіанъ отдалъ себя съ своимъ народомъ въ подданство русскаго царя на такихъ условіяхъ, что, сохраняя полную автономію во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, онъ отказывался отъ права уголовнаго на личность и жизнь своихъ вассаловъ и передавалъ его въ руки русскаго императора. Послѣ того въ значеніи власти владѣтельской совершалась существенная перемѣна. При неограниченной власти надъ жизнью своихъ подданныхъ, Дадіанъ смотрѣлъ на имущество ихъ, какъ на свою исключительную собственность, которую отдавалъ имъ въ пользованіе и владѣніе, лишь подъ условіемъ ихъ покорности и вѣрности; нарушеніе ихъ влекло за собою отобраніе имущества, хотя въ дѣйствительности практика не всегда согласовалась съ теоріей. Все зависѣло отъ личности самого владѣтеля и отъ окружающей его партіи, въ которой онъ главнымъ образомъ и находилъ себѣ могущественную силу. Происходя изъ княжеской фамиліи Чиковановыхъ, прежде всего опирался онъ на нее, а затѣмъ и на весь высшій классъ, прямое назначеніе котораго состояло въ вооруженной охранѣ владѣнія отъ наступленій сосѣднихъ владѣтелей Имеретіи, Гуріи и Абхазіи, съ которыми у Дадіана шла постоянная борьба, и онъ, живя въ шалашѣ, не имѣлъ возможности думать о благоустройствѣ своихъ поземельныхъ имуществъ. Ему приносили въ изобиліи продукты, необходимые для обихода его самого, семьи и

окружающихъ: вино, хлѣбъ, рыбы, птицы, коровы, барашки, дичь и т. п.; все это у него было готовое. Довольствуясь ими, за всякую особенную услугу или подарокъ онъ не скупился жаловать всякаго вассала землею и крестьянами, не видя въ томъ себѣ ни малѣйшаго ущерба. Чѣмъ больше являлось землевладѣльцевъ и рукъ, воздѣлывающихъ землю, тѣмъ болѣе развивалась мѣстная производительность. При такихъ бытовыхъ условіяхъ, владѣтель рѣдко

Николай Петровичъ Колюбакинъ.

имѣлъ случай проявлять свое право на жизнь и смерть подданныхъ, съ одной стороны, потому что жить съ ними въ согласіи для него было прямымъ разсчетомъ, а съ другой, потому что расправиться, какъ бы онъ хотѣлъ, онъ не могъ со всякимъ. Высшій классъ преклонялся передъ нимъ со всѣми наружными проявленіями восточнаго раболѣпства, но на самомъ дѣлѣ держалъ себя также независимо, какъ и польская шляхта. Наложить руку на какого нибудь непокорнаго князя было не такъ легко, за него по-

дымался иногда не одинъ, а нѣсколько родовъ княжескихъ, и власть исполнительная владѣтеля часто оказывалась безсильною.

Послѣ вступленія въ подданство русское, край окончательно внутри замирился, высшій классъ потерялъ значеніе постоянной боевой организаціи, каждый изъ его членовъ обратился въ мирнаго хозяина, живущаго доходами съ своего помѣстья. Владѣтель, сохраняя въ принципѣ право собственности на всю территорію, долженъ былъ бы, при освобожденіи высшаго класса отъ постоянной боевой повинности, потребовать отъ него извѣстнаго размѣра поземельной ренты, и эта мѣра была бы вполнѣ логична. Но Григорій Дадіанъ не успѣлъ этого сдѣлать; вслѣдъ за присягою на подданство Россіи онъ очень скоро скончался, отравленный, говорятъ, агентами имеретинскаго царя, Соломона. Сынъ его, Леванъ, остался ребенкомъ, а когда достигъ совершеннолѣтія, не выказалъ никакой наклонности къ правительственной дѣятельности. Не получивъ надлежащей къ тому подготовки и достаточнаго образованія, скучающій дѣловыми занятіями, преданный страсти къ охотѣ, постоянно окруженный толпою веселыхъ застольниковъ, по натурѣ своей добродушный и безпечный, онъ былъ очень любимъ своимъ народомъ. Первый изъ владѣтелей, вкушавшій подъ охраною русской державы блага мира и внутренняго спокойствія своей страны, онъ былъ вполнѣ счастливъ своимъ положеніемъ и ничего не желалъ лучшаго. За уступленные имъ правительству Редутъ Кале и Анаклію, гдѣ устроены были таможенныя заставы, получалъ 12 тыс. руб. и при обычныхъ приношеніяхъ всего необходимаго считалъ себя богатымъ человѣкомъ. Всѣми дѣлами какъ по управленію, такъ и по хозяйству, завѣдывалъ родственникъ его (диди Нико), пользовавшійся неограниченнымъ его довѣріемъ, что не мѣшало Левану отчетливо сознавать владѣтельскія права на свою территорію, и это выразилось лучше всего въ одномъ интересномъ фактѣ. Въ 1832 году, заѣхалъ сюда, въ качествѣ туриста, богатый остзейскій помѣщикъ, графъ Штакельбергъ. Пораженный живописнымъ мѣстоположеніемъ, климатомъ и растительностью Мингреліи, онъ крайне заинтересовался ею, а радушный владѣтель его обворожилъ. Штакельбергу пришла мысль устроить здѣсь колонію изъ нѣмцевъ и латышей остзейскихъ, и онъ сообщилъ ее Левану; тотъ съ радостію согласился содѣйствовать ему въ осуществленіи ея и просилъ самого графа выбрать мѣсто для колоніи. Послѣ тщательнаго объѣзда страны Штакельбергъ остановилъ свой выборъ на мѣстности, прилегающей къ рѣкѣ Цхенисъ-Цхали, на которой находится теперь селеніе Хунцы; Леванъ не сдѣлалъ никакого возраженія, и они заключили формальный договоръ, засвидѣтельствованный въ грузино-имеретинской гражданской палатѣ. Штакельбергъ обязывался на свой счетъ перевести сюда и водворить пятьсотъ колонистовъ обоего пола, а Леванъ давалъ имъ въ постоянное владѣніе землю въ размѣрѣ

10 десятинъ на душу, съ арендною платою по 25 коп. за десятину. Графъ уѣхалъ отсюда и почему-то не привелъ своего обязательства въ исполненіе, за Леваномъ же не было остановки, онъ предупредилъ всѣхъ жившихъ на этихъ земляхъ князей и дворянъ, что, при полученіи имъ извѣстія объ отправкѣ колонистовъ съ мѣста ихъ нахожденія, они должны освободить земли, указанныя Штакельбергомъ, изъ чего ясно, что Леванъ все поземельное имущество своихъ подданныхъ считалъ своею собственностью [1]). Въ 1842 году, Леванъ назначилъ съ высочайшаго соизволенія правителемъ Мингреліи сына своего, Давида, о которомъ мы уже и говорили, какъ о человѣкѣ образованномъ, получившемъ воспитаніе въ домахъ барона Розена и князя В. О. Бебутова, побывавшемъ въ Петербургѣ и составившемъ себѣ вполнѣ отчетливое понятіе какъ о своемъ положеніи, такъ и о программѣ будущихъ своихъ дѣйствій, наиболѣе выгодной въ практическомъ отношеніи. У диди Нико въ кассѣ не только не нашлось ни копѣйки въ наличности, но еще оказался долгъ въ пятнадцать тысячъ кутаисскимъ евреямъ; хозяйство было въ хаотическомъ положеніи, и Давидъ принялся спасать, что еще не было расхищено. Врядъ ли было бы справедливо строго осудить его за то; онъ глядѣлъ въ будущее и рѣшилъ терпѣливо и неотступно преслѣдовать свои цѣли. По его убѣжденіямъ, для его высокаго званія нужно было и богатство. Вооруженный громадною исполнительною и безконтрольною властью въ своемъ владѣніи, онъ зналъ, что въ случаѣ надобности будетъ поддержанъ правительствомъ въ силу трактата 1803 года, и умѣлъ этимъ пользоваться. Энергія и настойчивость Давида вызвали общій ропотъ, неудовольствіе и интригу, о которой мы говорили выше; встрѣчая на всякомъ шагу сопротивленіе, онъ и самъ озлобился и, разъ перейдя черту легальности съ непокорными, вскорѣ дошелъ до цѣпей и застѣнковъ. Одному закоренѣлому вору онъ приказалъ даже отрубить по древнему обычаю кисть руки. Значительные склады контрабанды въ Зугдидахъ, Сенакахъ, Суджуно и т. д. стали давать ему громадную наживу, такъ что, говорятъ, отъ этой статьи онъ успѣлъ накопить себѣ болѣе полумилліона капитала. Отъ Воронцова все это не укрылось и тотъ, не сочувствуя характеру дѣятельности Давида, повелъ съ нимъ рѣчь о его добровольномъ отказѣ отъ владѣтельскихъ правъ подъ условіемъ денежнаго вознагражденія. Владѣтель просилъ оставить ему его имѣніе и дать 30 тыс. пенсіи; но, вѣроятно, размѣръ былъ найденъ не подходящимъ, и переговоры остановились на этомъ, а, всетаки, Воронцовъ далъ понять Давиду, что жестокій способъ его дѣйствій

[1]) Не безъинтересенъ и тотъ фактъ, что въ 1859 году внукъ графа Штакельберга, найдя въ бумагахъ своего дѣда договоръ съ Леваномъ, обращался къ кавказскому начальству съ вопросомъ, не можетъ ли онъ воспользоваться по договору дѣда правами на землю въ Хунцы. Ему отвѣтили, что онъ опоздалъ.

можетъ повлечь за собой упраздненіе его автономіи, помимо его воли. То было первое серьезное предостереженіе. Вскорѣ затѣмъ Давида не стало, а что послѣдовало за его кончиною, читателямъ уже извѣстно.

Таково было недавнее еще печальное прошлое страны, о красотѣ которой Стенли вспоминалъ въ оазисахъ Центральной Африки.

Одну изъ красивѣйшихъ мѣстностей Одиши образуетъ правый берегъ Тихура; вдоль него идетъ рядъ покрытыхъ виноградниками холмовъ, у подножія которыхъ построили свои усадьбы батонишвилебовы, и близь одной изъ нихъ находятся развалины города Эа, упоминаемаго еще Геродотомъ; впослѣдствіи тотъ же городъ Страбонъ называлъ Археополисомъ. Теперь же руины эти зовутся погрузински Накалакеви, что значитъ порусски городище—остатки древняго города. Рука археолога не коснулась еще до этой сѣдой старины и будущимъ здѣсь раскопкамъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, предстоитъ такая же богатая жатва, какъ и на горѣ Митридата въ Керчи; покуда же вниманіе туриста останавливается тутъ на хорошо сохранившемся храмѣ временъ Юстиніана во имя 40 мучениковъ, расписанномъ превосходными фресками, и съ потайнымъ ходомъ изъ цитадели на рѣку, со сводами изъ громадныхъ кусковъ тесаного камня, кладка которыхъ красноречиво говоритъ объ отдаленной древности.

Отъ Накалакеви въ 4-хъ или 5-ти верстахъ, внизъ по Тихуру, расположено торговое мѣстечко Сенаки, а за нимъ еще съ версту находится и усадьба княгини Меники-Дадіановой, жены владѣтеля Абхазіи, князя Михаила Шервашидзе, съ которой онъ разошелся, женившись на другой. Хозяйка усадьбы, quasi владѣтельная особа, титуловалась не иначе, какъ свѣтлѣйшая Меника; въ ея-то усадьбѣ, Квашихорахъ, и гостила сама правительница, пославъ отсюда Микадзе съ письмомъ къ Колюбакину.

Домъ Меники былъ двухъ-этажный, съ длинною и широкою террасой, выходящею на Тихуръ, а сзади къ нему прилегалъ обширный дворъ, посреди котораго группа вѣковыхъ чинаровъ, дубовъ и орѣховъ давала густую тѣнь — прохладу и защиту отъ палящаго солнца. За этимъ обширнымъ дворомъ сейчасъ начиналось селеніе Чхепи, расположенное у подножія холма, имѣющаго коническую форму и увѣнчаннаго развалинами большой башни, старинной Дадіановской крѣпости, густо опутанными плющемъ.

Княгиню въ поѣздкахъ ея всегда сопровождалъ дворъ, организованный, какъ мы сказали, ею и покойнымъ владѣтелемъ. Первымъ чиномъ въ немъ былъ сахлтхуцесъ, у него было нѣсколько помощниковъ и затѣмъ шла цѣлая толпа красивой молодежи изъ княжескихъ фамилій, одѣтая въ костюмы яркихъ цвѣтовъ и щеголявшая оружіемъ. Эти юноши назывались шинагмами (т. е. придворными) и прислуживали владѣтелю. Ежедневно дежурили изъ

нихъ двое, докладывали о гостяхъ и просителяхъ и передавали словесныя приказанія; за столомъ они мѣняли посуду и наливали вино владѣтельницѣ. Прекрасно вышколенная, вѣжливая, ловкая и граціозная, вся почти говорившая порусски, учившаяся по преимуществу въ Мартвильскомъ духовномъ училищѣ, молодежь эта искусно исполняла всѣ танцы и хоромъ пѣла мингрельскія пѣсни. Во время большихъ княжескихъ пировъ ее сажали за особый столъ, и она запѣвала съ перваго же блюда, какъ бы замѣняя собою оркестръ. Кромѣ этихъ придворныхъ, при княгинѣ состояли секретарь, казначей и духовникъ. Всѣ эти лица получали столъ и помѣщеніе отъ двора. Кухня была европейская и туземная, и первою завѣдывалъ chef de cuisine, швейцарецъ, M-r Salomon Pfěniger. Женскій штатъ былъ подъ наблюденіемъ старухи, кормилицы княгини, и состоялъ изъ нянекъ и горничныхъ, преимущественно азнаурокъ, т. е. дворянокъ. Образъ жизни былъ очень однообразный: каждое утро княгиня и ея придворные слушали обѣдню, въ 12 часовъ былъ завтракъ, затѣмъ начинались доклады и пріемъ, въ 5 часовъ обѣдали, въ 6 шли къ вечернѣ. Вечеромъ придворные отпускались и княгиня оставалась съ своей семьей. Посты строго соблюдались, и въ большіе праздники обыкновенно пріѣзжалъ чхондидели совершать торжественное богослуженіе. При переѣздахъ съ мѣста на мѣсто Екатерина Александровна сопровождалась блестящею свитою, которая теперь въ Квашихорахъ, по принятому обычаю гостепріимства, кормилась на счетъ Меники.

Въ это утро, съ епископомъ, Константиномъ, и хозяйкой княгиня была на террасѣ, выходящей на Тихуръ. Григорій съ своими приближенными жилъ въ особомъ флигелѣ, а свита размѣщалась на дворѣ подъ развѣсистыми деревьями.

Квашихоры живо напоминали Екатеринѣ Александровнѣ другую еще недавнюю эпоху въ ея жизни. Въ 1855 году, т. е. не болѣе какъ два года тому назадъ, передъ нашествіемъ турокъ, она прожила тутъ со своей семьей и съ Ниной Александровной Грибоѣдовой болѣе шести мѣсяцевъ. Въ двухъ верстахъ отсюда, въ селеніи Сорта, за Тихуромъ, расположенъ былъ гурійскій отрядъ; зимніе вечера ея оживлялись кружкомъ знакомыхъ ей офицеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые впослѣдствіи сложили головы въ жаркомъ сраженіи съ Омеромъ-пашей на Ингурѣ; здѣсь дошла до нея горестная вѣсть о кончинѣ императора Николая,—событіи потрясающемъ въ годину печальной войны нашей противъ цѣлой европейской коалиціи; тутъ же посѣтилъ ее и новый тогда намѣстникъ, Николай Николаевичъ Муравьевъ. Суровъ и мраченъ былъ видомъ своимъ генералъ: онъ выѣхалъ изъ Петербурга подъ глубокимъ впечатлѣніемъ отъ послѣдней своей бесѣды съ величавою личностью императора, а на послѣдней станціи къ Тифлису, Гартискарѣ, гдѣ онъ заночевалъ, разбудилъ его фельдъегерь съ извѣстіемъ о кон-

чинѣ того же императора.—«Онъ унесъ съ собой въ могилу», сказалъ генералъ княгинѣ, при встрѣчѣ съ нею:—«взятое съ меня слово быть скупымъ и беречь казну, собранную кровавымъ потомъ народа и истощенную войною». И онъ дѣйствительно былъ непомѣрно скупъ и въ деньгахъ, и въ наградахъ, и оставилъ по себѣ тяжелую память на Кавказѣ. Зная Екатерину Александровну еще ребенкомъ и будучи съ нею въ родствѣ по первой своей женѣ Ахвердовой, онъ прогостилъ у нея нѣсколько дней и дѣлалъ отсюда необходимыя распоряженія по оборонѣ края на случай непріятельскаго дессанта. Въ тѣхъ же Квашихорахъ, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, во время окупаціи Омера-паши, княгиня имѣла важное для нея свиданіе съ княземъ Бебутовымъ, послѣ котораго сама во главѣ своихъ милицій появилась на театрѣ войны. И послѣ такихъ тревожныхъ воспоминаній, связанныхъ непосредственно съ минувшею эпохою войны, ей снова приходилось переживать въ тѣхъ же Квашихорахъ не менѣе тревожныя минуты, но уже по иному поводу. Трудна была ея роль во время случайныхъ перипетій Крымской компаніи, но, всетаки, она не была тогда одинока и слѣдовала за общимъ теченіемъ, а теперь, когда вопросъ шелъ о переворотѣ, взбудоражившемъ во время продолжительнаго ея отсутствія весь общественный строй Мингреліи, положеніе ея, какъ правительницы, являлось несравненно болѣе скомпрометированнымъ. Она сознавала ясно связь бунта крестьянскаго съ интригою противъ себя, представительницы режима, не ею сочиненнаго, а унаслѣдованнаго отъ мужа, и, не чувствуя себя въ силахъ совладать съ этимъ явленіемъ, рѣшилась призвать на помощь Колюбакина; ей казалось, что стоитъ лишь разогнать крестьянскія банды появленіемъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, какъ все успокоится и пойдетъ попрежнему. Отъ пріѣзда генерала она ждала быстрой развязки и, вставъ въ этотъ день по обыкновенію очень рано, нетерпѣливо ходила по террасѣ, глядя по направленію къ Тихуру, черезъ который пролегала большая дорога изъ Кутаиса.

Около 10 часовъ утра, показался съ этой стороны верховой, летѣвшій во весь духъ; черезъ нѣсколько минутъ отъ него узнали, что ѣдетъ и самъ генералъ; черезъ четверть часа столбъ пыли далъ знать о его приближеніи съ густымъ конвоемъ казаковъ, окружавшимъ экипажъ; а еще черезъ короткій промежутокъ времени онъ былъ въ домѣ Меники.

2.

Послѣ первыхъ, самыхъ горячихъ и дружескихъ, привѣтствій, вызвавшихъ слезы у княгини, она приступила къ изложенію дѣла Николаю Петровичу. Смыслъ ея рѣчи былъ таковъ, что всю вину она сваливала на Григорія.—«Оставила она ему Мингрелію въ

совершенно спокойномъ состояніи, и онъ предательски взбунтовалъ ее своимъ управленіемъ. Сошелся съ батонишвилебовыми, врагами ея дома, глумился надъ людьми, ей преданными, желавшими потушить бунтъ крестьянскій въ самомъ началѣ, далъ ему развиться до колоссальныхъ размѣровъ, а теперь, когда она вернулась изъ Петербурга, своими тайными маневрами мѣшаетъ ей усмирить край. Дошло до того, что она должна искать убѣжища въ домѣ своей родственницы, да и тутъ для нея оставаться небезопасно: въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда расположилась огромная крестьянская банда и угрожаетъ наступленіемъ; изъ того, что люди эти продѣлывали уже съ своими господами, она можетъ ожидать и надъ собою всевозможныхъ неистовствъ. Прежде чѣмъ усмирить Мингрелію, необходимо удалить изъ нея Григорія».

Въ словахъ княгини было столько правдоподобія, что Колюбакинъ, знавшій хорошо обоихъ братьевъ, Григорія и Константина, и ихъ постоянную между собою неуживчивость, нашелъ мѣру, предлагаемую княгинею, вовсе неизлишнею, и когда Григорій хотѣлъ возражать на обвиненіе противъ себя, онъ его остановилъ.

— Вы понимаете, князь,—сказалъ онъ:—что я говорю съ вами не въ качествѣ частнаго лица. Терять словъ не стану и предлагаю вамъ и вамъ, князь,—тутъ онъ обратился и къ Константину,—именемъ намѣстника немедленно выѣхать въ Тифлисъ... Вы, конечно, сочтете за наилучшее поспѣшить исполненіемъ моего приглашенія и тѣмъ избавите меня отъ необходимости настаивать.

Николай Петровичъ не стѣснился и тѣмъ, что Григорій былъ выше его чиномъ, т. е. генералъ-лейтенантъ.

Послѣ его словъ, братья покойнаго владѣтеля безъ дальнѣйшихъ рѣчей раскланялись и удалились, а черезъ нѣсколько часовъ были уже на пути въ Тифлисъ.

Между тѣмъ Колюбакинъ, послѣ завтрака у княгини, потребовалъ верховую лошадь и приказалъ проводникамъ вести себя къ расположившейся невдалекѣ бандѣ.

Отъѣхавъ въ сопровожденіи казаковъ верстъ пять отъ селенія Чхепи, генералъ замѣтилъ вдали, на дорогѣ, нѣсколькихъ всадниковъ, которые, какъ только увидали его, повернули лошадей и ускакали. Проводники сказали генералу, что то былъ конный пикетъ банды; по его приказу казаки бросились его догонять; но погоня была напрасна; всадники, знающіе всѣ тропинки въ лѣсу, разсыпались и вскорѣ какъ бы провалились сквозь землю. На восьмой верстѣ генералъ поднялся на пригорокъ, черезъ который пролегала Зугдидская дорога, и передъ нимъ открылась обширная поляна, примыкающая къ опушкѣ густаго лѣса, покрытая изрѣдка кустами и деревьями: на полянѣ увидалъ онъ многочисленную крестьянскую банду, расположившуюся походнымъ станомъ. Наглядно можно было опредѣлить численность ея тысячъ въ десять; она была растянута

на большое пространство и имѣла видъ огромнаго цыганскаго табора. Шалаши, дырявые навѣсы изъ лохмотьевъ, арбы, курящіеся костры, лошади, коровы, бараны, мужчины, женщины, полунагія дѣти—все это было перемѣшано между собою и составляло самую пеструю картину. Въ бандѣ было замѣтно движеніе и суматоха; по всему вѣроятію, пикетъ успѣлъ оповѣстить ее о приближеніи казаковъ, и видно было, что на большой дорогѣ стала скучиваться толпа, изъ которой слышались звуки трубы, призывающей сборъ. Когда между генераломъ и толпой осталось не болѣе полуверсты, она двинулась къ нему навстрѣчу, и впереди ея обозначился человѣкъ въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и съ шашкой черезъ плечо,—проводники объяснили, что это былъ предводитель банды, кузнецъ Микава.

Трудно прослѣдить до мельчайшихъ подробностей процессъ, по которому подобныя банды могли сформироваться и принять такіе размѣры, а еще труднѣе разсказать исторію ихъ бродячаго существованія въ теченіе полугода; несомнѣнно только одно, что въ составъ ихъ вошли люди, доведенные до отчаянія безконечнымъ рядомъ преслѣдованій и угнетеній и сгруппировавшіеся вокругъ нѣсколькихъ смѣльчаковъ, занявшихъ мѣста предводителей. Чтобы дать отпоръ власти и силѣ господской, чтобы выдержать съ нею борьбу, одолѣть ее, парализовать дѣйствія мѣстной администраціи и дойдти до какого-то ненормально-самостоятельнаго существованія,—нужно было проявить большую энергію и активную, и пассивную. Генералъ, слѣдовательно, видѣлъ передъ собою толпу отчаянную, намѣренія которой ему были неизвѣстны; само собою разумѣется, что казаковъ, его сопровождавшихъ, было совершенно достаточно, чтобы не только разогнать, но и истребить ее; толпа и сама не могла этого не сознавать, но вотъ, не смотря на видимую опасность, она сама идетъ навстрѣчу.

Генералъ пришпорилъ лошадь и подскакалъ на близкое разстояніе. Толпа остановилась; онъ сдержалъ лошадь и громко крикнулъ:

— Шапки долой, на колѣни!

Эти слова слишкомъ извѣстны, чтобы говорить объ ихъ оригинальности; когда-то съ нихъ же началъ императоръ Николай усмиреніе бунта на Сѣнной, но и въ данномъ случаѣ слова эти, повторенныя Колюбакинымъ, были какъ нельзя болѣе кстати.

Когда Эристовъ громко перевелъ ихъ на грузинскій языкъ, толпа мгновенно сняла шапки и опустилась на колѣна.

Это движеніе ея не имѣло ничего общаго съ движеніемъ толпы подъ впечатлѣніемъ страха; оно скорѣе напоминало собою то движеніе, когда она преклоняется передъ видимымъ ею олицетвореніемъ силы, ею обоготворяемой. Страхъ замѣняли тутъ безпредѣльная покорность и довѣріе. Прошла довольно длинная пауза, тишина

была мертвая; колѣнопреклоненная толпа стояла съ опущенными головами. Казаки, по приказу генерала, оцѣпили ее кругомъ.

— Ваша владѣтельница призвала меня,—началъ Николай Петровичъ:—чтобы привести въ повиновеніе. Полгода какъ вы уже перестали слушаться законной власти. Никакія увѣщанія самой владѣтельницы не могли васъ образумить. Помѣщиковъ своихъ вы не

Мингрелецъ и мингрелка.

Съ фотографіи Вестли и Никитина.

только бросили, не выполняете имъ своихъ повинностей, но надъ ними чините самую дерзкую расправу. Неужели вы думаете, что это никогда не кончится? Я пришелъ съ вами расправиться и не уйду безъ того, если бы даже пришлось истребить всѣхъ васъ поголовно.

Послѣднія слова вызвали не то шелесть, не то полуговоръ въ толпѣ, и изъ этихъ звуковъ вышла какая-то жалобная, стонущая гамма.

Генералъ истолковалъ ее въ смыслѣ ропота на его слова и, возвысивъ голосъ, крикнулъ:—Молчать! еще одинъ вашъ звукъ, и прикажу по васъ стрѣлять.

Наступила опять мертвая тишина. Въ этотъ моментъ поднялся изъ толпы сѣдой, какъ лунь, старикъ и, подойдя къ генералу, бросился къ ногамъ его лошади, громко моля о позволеніи говорить.

— Стрѣляй въ насъ, генералъ, мы просимъ тебя объ этомъ, какъ милости. Намъ несравненно лучше погибнуть, чѣмъ оставаться въ положеніи, которое мы переживаемъ. Появленіе твое передъ нами на этой горѣ мы считаемъ чудомъ, ты явился къ намъ, какъ архангелъ Божій... и не явись ты, мы пришли бы къ тебѣ сами, потому что шли уже по направленію къ Кутаису, за рѣку Цхенисъ-Цхали, именно къ тебѣ, мы много слышали о тебѣ, какъ о человѣкѣ справедливомъ. По сю сторону этой рѣки нѣтъ правды, она только по ту сторону, и мы шли за нею.

Изъ толпы раздался шопотъ одобренія и послышались голоса:— правда, правда!

Старикъ продолжалъ.

— И вотъ, когда ты теперь самъ передъ нами, мы не по твоему приказу, а по своей волѣ падаемъ передъ тобою ницъ и молимъ тебя: стрѣляй въ насъ! Если уже Богъ отвратилъ отъ насъ свое лицо, то лучше намъ погибнуть, чѣмъ медленно терзаться, но прежде, чѣмъ стрѣлять, выслушай насъ, генералъ.

Онъ припалъ къ землѣ лицомъ, и вся толпа сдѣлала то же, слѣдуя его примѣру.

— Хорошо, выслушаю, чтобы знать, какой правды вы хотѣли искать за Цхенисъ-Цхали, а, всетаки, предупреждаю, что мнѣ нужно только ваше безусловное повиновеніе вашей правительницѣ.

Сказавъ это, генералъ далъ ходъ лошади и, свернувъ съ большой дороги, подъѣхалъ къ развѣсистому и тѣнистому дереву; казаки устроили ему тутъ сидѣніе, и сюда подозвалъ онъ народъ.

— Ну, говорите, слушаю.

Заговорило разомъ нѣсколько человѣкъ.

— Смирно!—крикнулъ опять генералъ:—выберите одного, пусть говоритъ.

— Микава, Микава... послышалось со всѣхъ сторонъ:—говори ты, Микава...

Колюбакинъ подозвалъ Микаву и, когда тотъ подошелъ съ величайшею почтительностью и опустился на колѣна, далъ ему знакъ рукой подняться и говорить. Микава началъ съ робостью въ голосѣ, но съ каждымъ словомъ сталъ ободряться:

— Съ небольшимъ годъ тому назадъ, господинъ, какъ наша родина была наводнена османскимъ (турецкимъ) войскомъ, непріятель истребилъ у насъ все, что попадало ему подъ руку. Помощи мы ни откуда не видали, русское войско отъ насъ ушло, а наши

господа вмѣсто всякой защиты стали похищать у насъ нашихъ дѣтей-мальчиковъ и дѣвочекъ и продавать османамъ. Множество ихъ увезли тѣ съ собою въ Турцію. Ушли османы, и господа наши принялись за насъ пуще прежняго, пуще самихъ османовъ. Нечего ужъ говорить о томъ, что всѣ плоды нашихъ трудовъ идутъ имъ же; крестьянинъ, по ихъ мнѣнію, ничего не долженъ имѣть, и они всякое добро его вымогаютъ, если не хитростью, то насиліемъ, мы уже къ этому привыкли, но и души человѣческой они въ насъ не хотятъ знать. По ихъ убѣжденію, мы хуже всякаго животнаго. Понравится барину сосѣдскій ястребъ, и онъ вымѣниваетъ его на крестьянскій дымъ; на борзую или лягавую собаку мѣняютъ нѣсколько дымовъ; животныя больше цѣнятся, чѣмъ мы. А у насъ подъ рукою, за Цхенисъ-Цхали и Ріономъ ничего подобнаго не продѣлывается съ людьми, мы знаемъ, что тамъ не ставятъ ихъ ниже звѣрей, что тамъ есть для нихъ судъ и правда. Отчего же мы такъ обижены Богомъ, что у насъ нѣтъ того же? Отъ господъ мы домогались при уплатѣ имъ повинностей уваженія лишь къ обычаю, установленному нашими и ихъ предками; но этотъ святой обычай они давно уже поругали, а послѣ войны лютость ихъ перешла всѣ предѣлы. Жаловаться? да кому же? Дедопали была отсюда далеко, а мдиванбеги (полицейскіе чиновники) ея держатъ только руку господъ, отъ нихъ, кромѣ насилія, мы ничего не видали. Сами управители дедопали дошли до такой жестокости, что собственные ея крестьяне отказались ихъ слушаться и присягнули не выдавать другъ друга до ея пріѣзда. Мы послѣдовали ихъ примѣру. Думали, что она скоро вернется, но прошли мѣсяцы, мы бродили изъ стороны въ сторону, прячась отъ своихъ господъ, а когда они стали насъ преслѣдовать и за нами охотиться съ собаками, мы соединились между собою дружно и стали на силу отвѣчать силою. Между тѣмъ пришла весна, поля не засѣялись, помѣщики не шли на уступки и мы не уступали. Наконецъ, лѣтомъ пріѣхала дедопали, и что же?—не только нѣтъ отъ нея никакой намъ защиты, она и слышать о ней не хочетъ. Какъ смѣли,—говоритъ она:—расправляться съ помѣщиками! А расправа наша состояла лишь въ томъ, что мы отобрали у нихъ цѣпи и ошейники, въ которыхъ они насъ томили иногда по цѣлымъ годамъ, и взяли изъ ихъ домовъ своихъ сестеръ и дочерей, обращаемыхъ ими въ наложницъ, подъ названіемъ женской прислуги, и похристіански повѣнчали. Старикъ тебѣ сказалъ правду, что, если бы ты не пріѣхалъ самъ, мы пришли бы къ тебѣ... я велъ уже къ тебѣ всѣхъ этихъ людей и черезъ нѣсколько дней мы были бы за Цхенисъ-Цхали. Родина наша намъ опостылѣла, мы рѣшили ее бросить навсегда и идти, куда глаза глядятъ... пусть дѣлали бы съ нами, что хотѣли, хоть бы перестрѣляли всѣхъ, но мы дали другъ другу клятву ни за что сюда не возвращаться. Что за родина, гдѣ нельзя нигдѣ прекло-

нить головы, гдѣ охотятся за тобою, какъ за звѣремъ!.. Дедопали все это слышала отъ насъ и не захотѣла намъ помочь. Никогда и ничѣмъ мы ей не угрожали, опасаться ей отъ насъ было нечего, мы не разбойники и не бунтовщики, мы люди несчастные, ничего не ищущіе, кромѣ правосудія. Дай намъ его, генералъ, мы безусловно будемъ тебя слушаться. А покуда взгляни... тутъ Микава, обернувшись къ крестьянамъ, сказалъ нѣсколько словъ на своемъ діалектѣ, и черезъ минуту нѣсколько человѣкъ притащили ворохъ тяжелыхъ цѣпей, которыя опустили на землю.—Вотъ на чемъ они насъ держали и чѣмъ мучили...

Генералъ невольно поморщился, взглянувъ на эти поличныя орудія пытокъ.

— Что же намъ было дѣлать,—продолжалъ Микава:—какъ не отражать насиліе силою. Говорю тебѣ, какъ передъ Богомъ. Вотъ хоть бы и сейчасъ, не далѣе какъ вчера намъ пришлось отвѣчать такимъ же способомъ одному изъ здѣшнихъ помѣщиковъ,— тутъ онъ назвалъ его фамилію.—Собравъ своихъ однофамильцевъ, онъ неожиданно напалъ на домъ крестьянина и похитилъ оттуда женщину, бывшую прежде у него прислугою, взятую нами изъ его дома и уже повѣнчанную; женщину эту неизвѣстно куда спрятали и, говорятъ, она уже на пути въ Абхазію, чтобы быть тамъ проданной. Это насиліе не осталось безъ отвѣта съ нашей стороны, и самъ помѣщикъ связанный у насъ теперь въ плѣну; пока не возвратитъ похищенной имъ женщины...

При этихъ словахъ генералъ сдѣлалъ энергическое движеніе плечами и крикнулъ:

— Тотчасъ освободить его и пригласить сюда.

Микава бросился исполнить приказаніе, и черезъ нѣсколько минутъ передъ генераломъ стоялъ безоружный, высокаго роста, стройный и красивый молодой человѣкъ, князь П. М. Лицо его выражало сильное смущеніе; должно быть, онъ уже слыхалъ о Колюбакинѣ, какъ о человѣкѣ, съ которымъ не шутятъ.

Генералъ приказалъ немедленно возвратить ему оружіе и, подозвавъ его къ себѣ ближе, сказалъ въ полголоса, но энергично:

— Женщину, вами отобранную, прошу представить ко мнѣ тотчасъ же; если же она будетъ продана въ Абхазію, вы мнѣ за это отвѣтите. Ступайте и помните, что я не привыкъ долго ожидать исполненія своихъ приказовъ.

П. М. отвѣсилъ низкій поклонъ и полетѣлъ, какъ птица.

Въ это время, невдалекѣ отъ большой дороги, показалось нѣсколько всадниковъ. То былъ мѣстный мдиванбегъ и съ нимъ помѣщики. Генералъ приказалъ ихъ подозвать и они, спѣшившись, подошли къ нему съ поклонами.

— Вамъ нечего мнѣ объяснять, господа, вашего дѣла. Призванъ я сюда вашею дедопали для усмиренія крестьянскаго бунта и ус-

мирю его; но знайте, что отнынѣ и ваши дѣйствія должны быть иныя, чѣмъ были до сего времени. Правительственная власть не потерпитъ больше безчеловѣчія и заставитъ васъ держаться предѣловъ, указанныхъ вамъ обычаемъ.

Тутъ онъ обратился къ мдиванбегу съ вопросомъ, не находятся ли въ бандѣ крестьяне присутствующихъ помѣщиковъ, и, когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, генералъ приказалъ Микавѣ вызвать всѣхъ этихъ крестьянъ впередъ.

— Вотъ ваши господа,— сказалъ онъ послѣднимъ (ихъ набралось человѣкъ до ста): — идите обратно къ нимъ, покорные, и исполняйте всѣ ваши обязанности. Знайте, что законная власть васъ оградитъ отъ несправедливости. Если васъ обидятъ, идите къ мдиванбегу, поставленному вашею дедопали, на его неправильныя дѣйствія жалуйтесь ей. Помните, что всякое неповиновеніе ваше будетъ тяжко наказано.

— Извольте отправиться съ этими помѣщиками и крестьянами,— обратился онъ опять къ мдиванбегу: — и наблюсти надъ ихъ водвореніемъ. Въ помощь вамъ будетъ дано нѣсколько казаковъ. Вамъ, господа помѣщики, внушаю обходиться съ возвращенными вамъ людьми безъ всякой злобы и напоминанія бывшаго между вами несогласія. Не время теперь мстить, а нужно быть помягче. Ну, ступайте!

Урядникъ съ нѣсколькими казаками примкнули къ этой группѣ, и вскорѣ она двинулась съ мѣста съ низкими поклонами и скрылась.

— Теперь слушать меня всѣмъ хорошенько. Сборище ваше тотчасъ же прекращается. Ступайте всѣ по домамъ и принесите повинную передъ своими господами, скажите имъ, что я васъ прислалъ и слѣжу за вашими съ ними отношеніями. Тебѣ, Микавѣ, отдается приказъ толковать все это крестьянамъ и внушить имъ, что все сказанное мною должно немедленно исполняться. Снимаю съ каждаго изъ крестьянъ присягу стоять другъ за друга, каждый теперь съ свободною совѣстью пусть возвращается къ исполненію своихъ обязанностей.

Толпа быстро разсѣялась по полянѣ и стала готовиться разойдтись съ своими женами и дѣтьми по домамъ.

Генералъ послалъ нарочнаго къ княгинѣ довести до ея свѣдѣнія о происходившемъ, поручилъ ей сказать, что путь ей въ Зугдиди совершенно безопасенъ, и, если она туда пожалуетъ, то увидится съ нимъ, такъ какъ онъ направляется туда же. Одному изъ казачьихъ офицеровъ онъ поручилъ остаться здѣсь съ полусотней казаковъ и наблюсти надъ тѣмъ, чтобы банда разошлась какъ можно скорѣе, и по исполненіи этого порученія явиться съ донесеніемъ.

Затѣмъ, послѣ того какъ спало солнце, Николай Петровичъ двинулся дальше по направленію къ Хвалони, тамъ онъ ночевалъ;

на слѣдующій день перешолъ въ Зени, потомъ въ Аббасъ-Туманъ и на третій день былъ уже въ Зугдиди. Во всѣхъ этихъ пройденныхъ имъ пунктахъ находились отдѣльныя банды, хотя и меньшія размѣрами теклатской, и вездѣ Микава былъ нуженъ генералу. Въ нѣкоторыхъ горныхъ селеніяхъ народъ, по обыкновенію строптивый, при видѣ казаковъ готовился къ сопротивленію, но переговоры Микавы разъясняли ему сущность дѣла, и онъ пошелъ къ генералу съ покорностью. Въ одно изъ такихъ селеній пріѣхалъ правитель канцеляріи генералъ-губернатора, Изюмскій, и сообщилъ Колюбакину, что и самъ Гагаринъ скоро прибудетъ.

Мы не станемъ описывать подробностей поступательнаго движенія генерала. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошелъ онъ, результаты были одинаковы: банды разсѣевались, помѣщики съѣзжались со всѣхъ сторонъ, и происходило тутъ все то же, что мы видѣли и въ первой бандѣ. Князь Н. М. представилъ генералу женщину, взятую имъ; она была возвращена мужу, а братья ея заплатили за нее 10 рублей выкупа помѣщику, согласно мѣстному обычаю. Такая быстрая и справедливая расправа вселяла довѣріе крестьянамъ, да и всѣ поняли, что присутствіе лица, облеченнаго такою властью и такъ быстро все кончающаго, кладетъ начало рѣшительному кризису въ анархическомъ положеніи страны, продолжавшемся болѣе полугода.

Николай Петровичъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, благодаря опытности своей въ подобныхъ дѣлахъ по званію кутаисскаго губернатора. Въ условіяхъ быта крестьянъ и помѣщиковъ обѣихъ сопредѣльныхъ странъ, Имеретіи и Мингреліи, такъ много было общаго, что для генерала ничего новаго и неяснаго не было въ мингрельскомъ бунтѣ; быстрота соображенія и энергія, лично ему принадлежавшія, само собою разумѣется, служили полнымъ обезпеченіемъ успѣха. Но, давъ дѣлу наилучшее направленіе, онъ не угодилъ одной лишь княгинѣ, и причинъ на то было немало.

Прежде всего, она никакъ не думала, что возможно такъ быстро и безъ употребленія въ ходъ оружія направить такое дѣло къ развязкѣ. Самолюбіе ея страдало, какъ правительницы, когда она увидала, что не казачьими нагайками, а умѣлостью администратора, которой у ней не доставало, дѣло улаживается. Затѣмъ она поняла, что послѣ направленія, даннаго Колюбакинымъ, ей невозможно уже возвращаться къ режиму, который она не только не думала измѣнять, а рѣшила поддерживать во что бы то ни стало, и даже съ этою цѣлью призвала военную силу. Княгинѣ нуженъ былъ генералъ, на подобіе составившихъ себѣ печальную извѣстность безтолковымъ стрѣляніемъ въ народъ не только изъ ружей, но даже изъ пушекъ, какъ то было продѣлано генераломъ Волоцкимъ въ Масловомъ Кутѣ, Ставропольской губерніи, и она въ душѣ раскаявалась, что пригласила Колюбакина. Больше же всего становилось

ей досадно на него за то, что онъ не только обошелся безъ содѣйствія приближенныхъ къ ней Чиковановыхъ, но, ставъ самъ лицомъ къ лицу съ помѣщиками и крестьянами, съ совершенною ясностью объяснилъ обѣимъ сторонамъ, что человѣчность и обычное право должны служить предѣлами, дальше которыхъ не можетъ переходить господская власть. Тѣмъ самымъ онъ и ее самое поставилъ въ тѣ же рамки по отношенію къ ея собственнымъ крестьянамъ. Послѣ того весь аппаратъ управительскій ея сахлтхуцеса становился ни къ чему непригоднымъ, какъ прямо попирающій обычное право. Поставивъ себя въ рамки, указываемыя Колюбакинымъ, она должна была тотчасъ же признаться, что исторія сахлтхуцеса съ помоломъ на владѣтельской мельницѣ въ Салхино, съ которой начался бунтъ, есть вопіющее насиліе и нарушеніе обычнаго права; но она упорно это отрицала, и, по мнѣнію ея, вышло такъ, что Колюбакинъ не только не усмирялъ крестьянъ, а самъ бунтовалъ ихъ противъ нея. На сколько нетерпѣливо ждала она его съ казаками изъ Кутаиса, на столько же нетерпѣливо теперь желала отъ него отдѣлаться.

Князь Гагаринъ пріѣхалъ въ Зугдиди прежде Николая Петровича, и княгиня, бывшая уже тамъ, разсказала ему всѣ подробности бунта въ той самой формѣ, какъ она передавала ихъ и Колюбакину, жаловалась князю на послѣдняго, прямо говоря, что онъ не усмиряетъ, а бунтуетъ мужиковъ и что она просила только прислать къ ней казаковъ въ ея полное распоряженіе, а ѣхать самому ему не было никакой надобности.

Вслѣдствіе такого наговора, Колюбакинъ нашелъ Гагарина очень не въ духѣ. Пріѣздъ генерала въ Мингрелію безъ предварительнаго на то съ нимъ соглашенія показался Гагарину непрошеннымъ вторженіемъ въ черту управленія ему неподвѣдомственнаго; случай, положимъ, былъ исключительный, но, если сама княгиня не звала Колюбакина, то зачѣмъ же онъ къ ней навязался. О письмѣ Екатерины Александровны Гагаринъ ничего не зналъ, а она сама о немъ умолчала, имѣя на то свое основаніе. При такомъ настроеніи, изъявляя благодарность Колюбакину за энергію по усмиренію безпорядковъ, князь въ вѣжливой формѣ далъ понять ему, что онъ напрасно самъ безпокоился, и тѣмъ болѣе, что княгиня очень возбуждена противъ него. Гагаринъ прямо сказалъ, что она жалуется на него, какъ не только не смирившаго, но окончательно взбунтовавшаго крестьянъ.

Можно себѣ представить, на сколько возмутило это Колюбакина; онъ пошелъ къ княгинѣ и, высказавъ ей сердечное сожалѣніе, что не умѣлъ ей лучше угодить, въ заключеніе присовокупилъ: «Certes! je ne soutiendrai jamais, madame, le régime féodal que vous voulez ressusciter». Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Кутаисъ.

Дня за три до его возвращенія я получилъ отъ него письмо:

«У насъ все идетъ къ вожделѣнному концу; но было страшно. Жду сегодня или завтра Гагарина, а потому надѣюсь быть скоро въ Кутаисѣ . . . .

. . . .

Сдѣлайте одолженіе, приготовьте мнѣ уголъ, потребуйте туда часоваго. Обнимаю васъ. Ник. Колюбакинъ. 25-го іюня 1857 г. Абасъ-Туманъ».

Рѣчь шла объ устройствѣ его квартиры, такъ какъ домъ, гдѣ онъ жилъ прежде, отошелъ къ Гагарину. Когда письмо было получено, все въ квартирѣ уже было готово, и я ожидалъ его съ нетерпѣніемъ. Наконецъ, онъ пріѣхалъ съ Рафаиломъ Эристовымъ, и въ тотъ же вечеръ я узналъ отъ нихъ всѣ подробности, мною изложенныя. Николай Петровичъ былъ въ крайне возбужденномъ состояніи, и его особенно бѣсило то обстоятельство, что княгиня отказывалась отъ вызова его въ Мингрелію письмомъ, присланнымъ съ Микадзе. Стали мы искать это письмо въ столѣ и, къ удивленію нашему, нигдѣ его не нашли. А впослѣдствіи оказалось, что и найдти его было нельзя, такъ какъ Микадзе нѣсколько лѣтъ спустя сознался, что во время суматохи отъѣзда Николая Петровича онъ взялъ это письмо и, вернувшись въ Квашихоры, возвратилъ его княгинѣ. Если Микадзе не вралъ и если бы дѣйствительно мы знали тогда эту школьническую продѣлку, мы бы очень надъ нею посмѣялись, да и въ самомъ дѣлѣ было бы чему. Насъ было трое свидѣтелей: Акоповъ, Эристовъ, я, да четвертый еще вице-губернаторъ — всѣ мы читали письмо, а княгиня, введенная мингрельскою продѣлкою Микадзе въ заблужденіе, отрицала въ минуту раздраженія его существованіе. Это было крайне забавно.

Вечеромъ пришелъ, по обыкновенію, къ Колюбакину Акоповъ и, когда узналъ въ чемъ дѣло, набилъ свой носъ табакомъ, долго молчалъ и, наконецъ, заговорилъ:

— А ты не побьешь меня, Николай Петровичъ, если я напомню тебѣ свои слова... Говорилъ тебѣ—не ѣзди. Какое тебѣ дѣло—ты кутаис...

— Убирайся, а то побью... Ты глупъ, не понимаешь, что дѣло вѣдь этимъ не кончилось и безъ меня, всетаки, не обойдется. Ну, да что толковать объ этомъ, все это страшно мнѣ надоѣло, а лучше вотъ что... Алексѣй, подай-ка столъ и карты. Господа! надо же когда нибудь обыграть этого разбойника Акопова.

3.

На другой день послѣ возвращенія своего въ Кутаисъ, Колюбакинъ послалъ донесеніе о своихъ дѣйствіяхъ намѣстнику и писалъ о томъ же къ брату своему Михаилу Петровичу. Смыслъ его

сообщеній былъ таковъ, что бунтъ крестьянъ весьма естественное явленіе въ странѣ, гдѣ цѣпи и ошейники еще въ ходу и людей продаютъ, какъ скотину. Режимъ этотъ онъ считалъ по меньшей мѣрѣ отжившимъ и къ поддержанію неудобнымъ. Княгиню онъ не винилъ: не она создала его и не она была въ состояніи его измѣнить; но нельзя не пожалѣть, однако, что она черезчуръ ревниво отстаиваетъ его ради имущественныхъ интересовъ своихъ дѣтей. Это усердіе не по разуму ставитъ ее въ самое ложное положеніе. Ни

Мартвильскій монастырь.

Съ фотографіи Вестли и Никитина.

въ семьѣ своего отца Чавчавадзе, ни въ той общественной средѣ, въ которой она выросла, она не могла заразиться плантаторскими наклонностями, а между тѣмъ опасеніе за растрату дѣтскаго имущества ставитъ ее въ необходимость поддерживать вымогательства своихъ негодяевъ управителей. Такіе агенты опасны для общественнаго спокойствія. Казачья экзекуція не принесетъ существенныхъ результатовъ, если весь личный составъ администраціи мингрельской не будетъ замѣненъ другимъ. И справедливо ли въ самомъ дѣлѣ, что рѣчка Цхенисъ-Цхали, раздѣляющая двѣ страны

географически, однимъ своимъ берегомъ даетъ законную юрисдикцію, а другимъ полное безправіе; вѣдь такой фактъ нельзя же вѣчно игнорировать. Отправивъ свою корреспонденцію въ Тифлисъ, Николай Петровичъ возвратился къ своимъ текущимъ занятіямъ по званію кутаисскаго губернатора, а въ отсутствіе его дѣлъ накопилось много.

Вскорѣ пріѣхалъ Гагаринъ съ Изюмскимъ. По мягкости своего характера, князь, въ бытность свою у Екатерины Александровны, старался уладить на сколько возможно дѣло мирнымъ путемъ, внушалъ дворянству о необходимости умѣрить какъ можно больше свои требованія къ крестьянамъ, уговаривалъ княгиню воздерживаться отъ крутыхъ мѣръ и, оставивъ въ Мингреліи нѣсколько сотенъ казаковъ при офицерахъ, приказалъ имъ какъ можно терпѣливѣе обходиться съ народомъ; княгинѣ обѣщалъ прислать нѣсколько опытныхъ чиновниковъ въ помощь, а покуда приглашалъ ее ѣхать въ Горди и ожидать тамъ дальнѣйшихъ распоряженій. Намѣстнику онъ представилъ свои соображенія, выработанныя при помощи Изюмскаго. Для прекращенія мингрельскихъ безпорядковъ находилъ достаточнымъ командировать туда нѣсколькихъ чиновниковъ, чего не позволяла ему ограниченность штатовъ его канцеляріи; а потому просилъ намѣстника объ увеличеніи ихъ и о назначеніи изъ Тифлиса лицъ, могущихъ быть ему въ этомъ полезными.

Князь Барятинскій, имѣя уже донесеніе Колюбакина, ожидалъ лишь таковаго же отъ Гагарина, чтобы составить свое заключеніе. Но донесенія ихъ были до того противоположны, что это заставило его задуматься. Колюбакинъ для усмиренія безпорядковъ и водворенія полнаго спокойствія въ Мингреліи не находилъ другаго способа, какъ введеніе другой администраціи, составленной хотя временно изъ русскихъ чиновниковъ, а Гагаринъ полагалъ возможнымъ помочь дѣлу гораздо проще, домашними средствами, съ добавленіемъ къ нимъ лишь нѣсколькихъ лицъ, командированныхъ изъ Тифлиса. Такое разногласіе между двумя мѣстными администраторами не могло быть оставлено безъ вниманія. Представленіе Гагарина, какъ лица старшаго и отвѣтственнаго, само по себѣ могло бы служить достаточнымъ основаніемъ для разрѣшенія дѣла въ томъ смыслѣ, какъ онъ писалъ; но Колюбакинъ, хотя и былъ лицомъ младшимъ и не отвѣтственнымъ по дѣламъ Мингреліи, за то извѣстенъ былъ опытностью въ дѣлахъ вообще крестьянъ съ помѣщиками; мнѣнію его нельзя было не придавать особенной цѣны. Притомъ же князь Гагаринъ просилъ чиновниковъ изъ Тифлиса, а тамъ и найдти было нельзя людей, знакомыхъ съ мѣстными условіями Мингреліи; ихъ ближе всего слѣдовало искать въ сосѣднемъ Кутаисѣ. Князь Барятинскій счелъ поэтому наилучшимъ, прежде чѣмъ рѣшить окончательное направленіе дѣла, поручить

члену совѣта главнаго управленія, дѣйствительному статскому совѣтнику Ипполиту Александровичу Д'аспикъ Дюкруаси, какъ лицу, пользующемуся полнымъ его довѣріемъ, ѣхать на мѣсто и дознаніемъ своимъ вполнѣ выяснить этотъ вопросъ. Дюкруаси онъ разрѣшилъ взять съ собою, кого онъ заблагоразсудитъ, въ качествѣ своихъ сотрудниковъ, о чемъ увѣдомилъ Гагарина.

Когда Дюкруаси пріѣхалъ въ Кутаисъ и сообщилъ Гагарину о возложенномъ на него порученіи, князь остался недоволенъ этимъ способомъ разрѣшенія его представленія. Онъ полагалъ, что изъ Тифлиса вышлютъ ему лицо, которое станетъ въ подчиненномъ къ нему отношеніи, а между тѣмъ оказывалось, что Дюкруаси имѣетъ совершенно независимое полномочіе и можетъ лишь, если найдетъ то нужнымъ, совѣщаться съ генералъ-губернаторомъ и обращаться къ нему въ извѣстныхъ случаяхъ съ требованіями содѣйствія, въ которомъ тотъ не въ правѣ будетъ отказать. Гагаринъ былъ мало знакомъ съ Дюкруаси и это еще болѣе способствовало установленію между ними съ первой же встрѣчи сухихъ отношеній. Совсѣмъ иначе поставленъ былъ Дюкруаси къ Колюбакину; они были старинные друзья, и Дюкруаси изъ бесѣдъ съ Колюбакинымъ почерпнулъ для себя много полезныхъ данныхъ. Съ нимъ пріѣхали изъ Тифлиса три чиновника: Барановскій, Жулцинскій и Шереметьевъ — они принадлежали къ цвѣту тифлисскаго чиновничества и охотно ѣхали по приглашенію Ипполита Александровича.

Эта коммиссія, снабженная генералъ-губернаторомъ проводниками, переводчиками, писарями, канцелярскими принадлежностями и проч., и проч., черезъ нѣсколько дней двинулась въ Мингрелію, гдѣ Дюкруаси прежде всего побывалъ въ Горди у Екатерины Александровны. Человѣкъ въ высшей степени благовоспитанный, съ большимъ тактомъ, остроумный, пріятный въ бесѣдѣ и въ то же время серьезно относящійся къ возложенному на него порученію, онъ произвелъ на княгиню наилучшее впечатлѣніе и обѣщалъ ей изыскать всѣ способы къ прекращенію безпорядковъ и водворенію полнаго спокойствія въ странѣ. Объѣхавъ часть Одиши, резиденціею своею онъ избралъ Квашихоры. Съ перваго же дня коммиссію осадила несмѣтная масса просителей всѣхъ классовъ. Чиновниковъ, привезенныхъ Дюкруаси, работавшихъ съ утра до ночи и исполнявшихъ самыя разнообразныя порученія, оказалось недостаточно, пришлось обратиться къ содѣйствію казачьихъ офицеровъ, а также и нѣсколькихъ туземныхъ князей и дворянъ, хорошо говорившихъ порусски. Дѣятельность коммиссіи имѣла попреимуществу характеръ примирительнаго разбирательства, но Дюкруаси вскорѣ пришелъ къ убѣжденію, что этотъ палліативъ, на который разсчитывалъ Гагаринъ, мингрельскому дѣлу не поможетъ, что тутъ не можетъ быть никакого другаго исхода, какъ введенія общихъ всему

Закавказью учрежденій суда и полиціи, во главѣ которыхъ должно быть поставлено лицо съ правами военнаго губернатора. Само собою разумѣется, что это не можетъ быть пріятно правительницѣ и неизбѣжно должно поставить ее въ ложное положеніе, а потому слѣдовало бы войдти съ нею въ переговоры и подсказать ей мысль о добровольномъ отъѣздѣ изъ края на такое продолжительное время, чтобы въ отсутствіи ея можно было установить полное спокойствіе и порядокъ.

Дюкруаси, излагая все это въ донесеніи намѣстнику, присовокуплялъ, что общество мингрельское сильно возбуждено противъ владѣтельскаго правительства. Самые почтенные и благонамѣренные люди изъ княжескихъ фамилій говорятъ, что, если порядки у нихъ не измѣнятся, они бросятъ все и выѣдутъ изъ края. Правды нѣтъ ни въ чемъ; администрація живетъ поборами, сама участвуетъ въ воровствахъ и грабежахъ; правосудіе открыто продается за деньги; о школахъ помину нѣтъ, дѣтямъ негдѣ учиться русскому языку; правительница желаетъ только царствовать, строить свои дворцы и вовсе не думаетъ объ управленіи, ввѣривъ его всецѣло хищенію фамиліи Чиковановыхъ.

Князь Барятинскій вполнѣ согласился съ Дюкруаси и, чтобы войдти въ сношенія съ княгинею, придавъ имъ характеръ интимности, возложилъ вступительные съ нею переговоры на одного изъ личныхъ своихъ адъютантовъ Ч.

Богатство, знатность, званіе флигель-адъютанта, близость къ государю и намѣстнику — всѣ эти условія дѣлали изъ Ч. лицо, черезъ которое княгиня могла бы, казалось, трактовать съ намѣстникомъ съ полною откровенностью и довѣріемъ, а тогда способъ, проектированный Дюкруаси, могъ бы вполнѣ уладиться. Напутствуя Ч., князь, между прочимъ, поручилъ ему побывать въ Кутаисѣ у Н. П. Колюбакина и побесѣдовать съ нимъ для того, чтобы заимствоваться опытнымъ его руководствомъ.

По пріѣздѣ въ Кутаисъ и послѣ визита къ князю Гагарину, Ч. явился къ Колюбакину незадолго до обѣденнаго времени. Генералъ принялъ его съ обыкновенною своею любезностью и радушіемъ, а тотъ, не таясь, объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Въ кабинетѣ сидѣлъ въ это время и я; генералъ познакомилъ меня съ Ч., присовокупивъ, что въ ихъ бесѣдѣ я не могу быть лишнимъ, такъ какъ знаю обстоятельства княгини и Мингрелію больше, чѣмъ онъ самъ. Приказавъ никого не принимать и пригласивъ гостя отобѣдать, генералъ за обѣдомъ повелъ бесѣду о мингрельскомъ дѣлѣ. Обсуждалась главнымъ образомъ форма предложенія, которое могъ бы сдѣлать Барятинскій Екатеринѣ Александровнѣ, и наилучшимъ казалось тогда: склонить ее на просьбу къ государю объ освобожденіи ея отъ званія правительницы въ виду необходимости воспитывать малолѣтняго владѣтеля и другихъ дѣтей въ одной изъ столицъ

имперіи; на время же малолѣтства владѣтеля она могла бы просить о введеніи русскаго управленія, а имѣнія поручить особому опекуну, избранному по обоюдному соглашенію ея съ намѣстникомъ. Эта формула казалась намъ наилучшею для инициативы Екатерины Александровны. И дѣйствительно, послѣдуй она этому внушенію, можно было бы ожидать самыхъ благопріятныхъ результатовъ. Барятинскій съумѣлъ бы позолотить ей переѣздъ изъ Мингреліи, куда бы она ни пожелала, и поставленъ былъ бы въ необходимость сдѣлаться самъ если не опекуномъ, то строгимъ контролеромъ надъ дѣйствіями опекуна, и тотъ не могъ бы фантазировать въ теченіе почти 10-ти лѣтъ малолѣтства владѣтеля. Всѣ имѣнія были бы обмежеваны, доходы приведены въ ясность, такъ что, достигнувъ совершеннолѣтія, владѣтель сдѣлался бы полнымъ ихъ хозяиномъ и могъ бы извлекать изъ нихъ значительные доходы, а не заниматься судебною процедурою, какъ то впослѣдствіи случалось. Рѣшивъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, Ч. въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Горди.

Между тѣмъ княгиня, недовольная дѣятельностью Дюкруаси, не оправдавшаго ея ожиданій относительно усерднаго поддержанія ея режима, вела оживленную переписку съ тифлисскими родными, сообщавшими ей въ видѣ сплетенъ все, что говорилось о ея дѣлѣ у Барятинскаго. Эти сплетни возбудили ее противъ князя. Положеніе свое она ставила на столько высокимъ, что, по словамъ ея, какой нибудь Барятинскій ничего не могъ для нея значить. Еще такъ недавно, въ бытность свою въ Петербургѣ, она имѣла полное доказательство особеннаго къ ней благоволенія императора и императрицы. Угадывая сущность порученія Ч., по пріѣздѣ его въ Горди она пустила въ ходъ совершенно женскую съ нимъ уловку, желая ею еще больше дать почувствовать Барятинскому, какъ мало она придаетъ значенія его посольству. Приняла она Ч. чрезвычайно любезно, перезнакомила со своими дѣтьми, со всѣми, ее окружающими, словомъ, какъ почетнаго и пріятнаго гостя, а вовсе не какъ посла князя Барятинскаго. Музыку смѣняли дѣтскіе танцы и хоровыя пѣсни, затѣмъ шли прогулки по саду; этимъ наполнялось все время: какъ только Ч. хотѣлъ завести съ нею разговоръ о дѣлѣ, она придумывала какой нибудь предлогъ уклониться отъ него. Это продолжалось дня три и, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, Ч. просилъ у ней аудіенціи, но тогда она сказалась больною и его не приняла. Оставаться дольше значило окончательно ронять смыслъ своего порученія, и онъ уѣхалъ крайне раздосадованный. Врядъ ли подобные маневры могли быть полезны Екатеринѣ Александровнѣ въ тогдашнемъ ея положеніи.

Князь Барятинскій, по возвращеніи Ч. въ Тифлисъ, очень былъ удивленъ его объясненіемъ, но, не желая истолковывать дѣй-

ствій княгини окончательно въ невыгодномъ для нея смыслѣ, поручилъ самому Дюкруаси поѣхать къ ней и попытаться урезонить ее.

Тотъ поѣхалъ, и переговоры начались, но содержаніе ихъ было для всѣхъ тайною. Стало извѣстнымъ только, что Барятинскій получилъ отъ него первое сообщеніе такого рода, что онъ нашелъ княгиню готовою слѣдовать безусловно программѣ, предлагаемой ей княземъ. Дюкруаси присовокуплялъ, что раздраженіе княгини и ея прежнюю неподатливость онъ объясняетъ себѣ неопытностью или отсутствіемъ такта тѣхъ лицъ, которымъ были поручены переговоры. Онъ составилъ для княгини особую записку, на которую она обѣщалась дать черезъ три дня окончательные и категорическіе отвѣты.

Черезъ четыре дня князь получилъ новое сообщеніе отъ Дюкруаси, но уже не такого радужнаго колорита, какъ прежнее. Три дня, назначенные княгинею, прошли, она не дала отвѣта и прислала сказать, что больна и, пока не оправится, не можетъ принять Дюкруаси. На это онъ просилъ передать ей, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставаться въ Горди долѣе еще трехъ дней и до истеченія ихъ проситъ отвѣта.

Въ третьемъ сообщеніи Дюкруаси увѣдомлялъ намѣстника, что онъ выѣзжаетъ изъ Горди и написалъ княгинѣ письмо, въ которомъ объяснилъ ей, что, по мнѣнію его, дальнѣйшее пребываніе ея въ Мингреліи не только не принесетъ никакой пользы для страны, но еще болѣе усложнитъ и безъ того крайне обостренное ея положеніе.

Что послужило поводомъ къ такому рѣзкому перерыву переговоровъ, никогда никто не могъ положительно узнать отъ Дюкруаси, а между тѣмъ шла молва, что передъ истеченіемъ третьяго дня, назначеннаго имъ послѣднимъ срокомъ, къ нему явился письмоводитель княгини и предложилъ ему отъ имени ея крупный кушъ, говорили 60 тысячъ, съ тѣмъ, чтобы Дюкруаси не настаивалъ на выѣздѣ ея изъ края. И будто бы возмущенный такимъ предложеніемъ, Дюкруаси написалъ рѣзкое письмо къ княгинѣ, передалъ его письмоводителю, надѣлъ на себя шляпу и пѣшкомъ, одинъ, ушелъ изъ Горди, приказавъ верховымъ лошадямъ догнать его. Онѣ догнали его уже версты за двѣ отъ Горди. Но когда спрашивали впослѣдствіи Ипполита Александровича, было ли все это такъ въ дѣйствительности, онъ хохоталъ и отдѣлывался шуточками. Быть можетъ, ему неловко было вспоминать о той смѣшной роли, какую заставила его, человѣка, въ полномъ смыслѣ серьезнаго, розыгрывать княгиня въ такую минуту, когда онъ искренно желалъ быть ей полезнымъ.

По полученіи послѣдняго донесенія отъ Дюкруаси, князь Барятинскій рѣшилъ окончательно ввести въ Мингреліи русское управленіе,

поручивъ Дюкруаси немедленно составить проектъ штатовъ управленія и въ то же время пригласивъ Н. П. Колюбакина въ Тифлисъ. Усиленно просилъ князь генерала принять мѣсто управляющаго Мингреліею, обѣщалъ ему оставить его на этомъ мѣстѣ не далѣе, какъ до полнаго усмиренія края и затѣмъ дать ему другое, на которомъ бы онъ не стоялъ въ зависимости отъ генералъ-губернатора. Этимъ послѣднимъ обѣщаніемъ князь и подкупилъ Николая Петровича.

Организацію личнаго состава предоставилъ онъ усмотрѣнію самого Колюбакина и просилъ его остаться на нѣсколько дней въ Тифлисѣ до полученія штатовъ отъ Дюкруаси. Когда же эти бумажныя формальности покончились, одновременно съ Колюбакинымъ снова выѣхалъ въ Мингрелію и Ч. съ печатными прокламаціями къ мингрельскому народу о введеніи русскаго управленія на время малолѣтства владѣтеля. Прокламаціи были изготовлены въ двухъ различныхъ экземплярахъ, въ виду слѣдующихъ соображеній: Барятинскій поручилъ Ч. начать опять съ переговоровъ съ Екатериной Александровной въ томъ же духѣ, какъ онъ долженъ былъ вести ихъ и въ первый свой пріѣздъ и какъ велъ ихъ Дюкруаси, и если бы на этотъ разъ она сочла за наилучшее дать мѣсто своей собственной инциіативѣ и дѣло было бы улажено полюбовно, какъ того желалъ князь, то обнародовался первый экземпляръ прокламаціи, начинающійся съ того, что по собственному желанію отъѣзжающей изъ Мингреліи княгини вводится управленіе, и такимъ образомъ всему давался благовидный предлогъ. Но если бы княгиня не пошла и на это предложеніе, то Ч. долженъ былъ обнародовать другой экземпляръ прокламаціи, въ которой не говорилось ничего о княгинѣ и прямо шла рѣчь о введеніи русскаго управленія и о назначеніи Н. П. Колюбакина. Эта послѣдняя прокламація фактически устраняла княгиню отъ управленія Мингреліею, и затѣмъ Екатерина Александровна оставалась тутъ не болѣе, какъ простою помѣщицею и завѣдующею имѣніями своихъ малолѣтнихъ дѣтей. Мѣра была, конечно, рѣшительная; но на нее былъ вызванъ Барятинскій высокомѣрнымъ тономъ самой княгини, а затягивать дѣло было нельзя, оно было черезчуръ настоятельно. Ч. пріѣхалъ въ Горди, когда у княгини гостила ея двоюродная сестра, жена князя Гагарина, которую сопровождалъ туда я, съ маленькимъ Шервашидзе, такъ что, прежде чѣмъ пойдти къ княгинѣ, Ч. видѣлся со мною и объяснилъ мнѣ свое порученіе. Онъ ничего такъ не желалъ, какъ чтобы ему пришлось обнародовать прокламацію перваго экземпляра, а потому придумывалъ всѣ доводы, чтобы склонить княгиню на полюбовный способъ, но и на этотъ разъ желаніе его не исполнилось. Аудіенція была самая короткая и, выйдя отъ княгини, онъ съ досадой послалъ толстую кипу прокламацій втораго экземпляра Колюбакину для

надлежащаго обнародованія, послѣ чего тотчасъ же уѣхалъ въ Тифлисъ.

Всѣ эти дѣйствія княгини, къ сожалѣнію, ничѣмъ не оправдывались, и ихъ можно было объяснить лишь крайнимъ раздраженіемъ, происходящимъ болѣе всего отъ сплетенъ тифлисскихъ писемъ. Неудовольствіе ея на Барятинскаго выражалось самыми рѣзкими противъ него обвиненіями. «Авантюристу, скакавшему изъ Петербурга получать чины и кресты за войну, которую нарочно протягиваютъ, чтобы грабить казну, ввѣряется край и онъ тасуетъ владѣтелями, какъ ему вздумается. Она очень хорошо видитъ, чего теперь должна ожидать. Вывезутъ ее изъ Мингреліи, имѣнія отберутъ, сунутъ ей съ дѣтьми мизерную пенсію и продѣлаютъ все то, что уже практиковалось съ грузинскими царевичами и царевнами, а Мингреліею будетъ управлять вмѣсто Дадіана какой-то солдатскій сынъ (солдатисъ швили) Колюбакинъ. Но я этого не потерплю и все доведу до императора и императрицы, они не допустятъ обижать несчастную вдову съ малолѣтними дѣтьми». Подобныя рѣчи княгиня произносила во всеуслышаніе, волновалась до крайности и дошла, наконецъ, до обмороковъ. Положеніе ея было несомнѣнно нелегкое; она заслуживала, какъ женщина, полнаго участія; но по какому-то ослѣпленію всѣхъ отъ себя отталкивала, слушать никого не хотѣла, никому не довѣряла и пошла по пути совершенно ложному, — безсильнаго раздраженія. Въ своихъ Чиковановыхъ она видѣла единственныхъ преданныхъ ей людей.

Колюбакинъ при первомъ нашемъ свиданіи въ Кутаисѣ предложилъ мнѣ, отъ имени князя Барятинскаго, мѣсто окружнаго начальника въ Мингреліи. По штатамъ Дюкруаси она дѣлилась на три округа: Зугдидскій, Сенакскій и Лечгумскій. Въ первый назначался князь Рафаилъ Эристовъ, во второй — я и въ третій — князь Константинъ Микеладзе. Все это совершилось чрезвычайно быстро въ виду неотложности и важности обстоятельствъ, въ которыхъ находилась Мингрелія, и въ началѣ сентября мы были уже всѣ на своихъ мѣстахъ, а Дюкруаси, сдавъ намъ массу начатыхъ дѣлъ, выѣхалъ со своими помощниками.

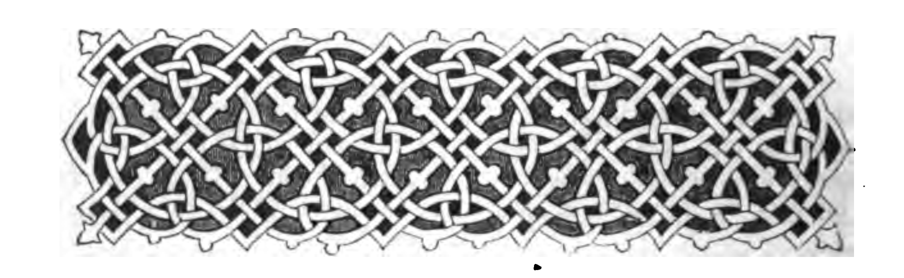
Князь Гагаринъ былъ недоволенъ всѣмъ этимъ оборотомъ дѣла; его примирительный способъ не былъ принятъ, какъ не разрѣшающій вопроса окончательно; онъ былъ недоволенъ и мною за то, что я уходилъ отъ него; мнѣ и самому это было тяжело, я очень былъ къ нему привязанъ; но, съ одной стороны, лестный для меня выборъ самого Барятинскаго, а съ другой — высокій интересъ предстоящей мнѣ дѣятельности увлекли меня.

При отъѣздѣ Колюбакина изъ Кутаиса для вступленія въ новую должность, конечно, находился и Акоповъ, непритворно грустный, который, всетаки, напутствовалъ его шуткою:

— Говорилъ я тебѣ, Николай Петровичъ, когда Микадзе привезъ письмо:—оставайся, не ѣзди... не послушался, поѣхалъ... дедопали хитрая, такъ тебя запутала, что теперь ты бы и остался, да нельзя—поневолѣ надо ѣхать. Ну, до свиданія. Пріѣду къ тебѣ на пульку въ Зугдиди, а ты покуда научи въ преферансъ Микаву.

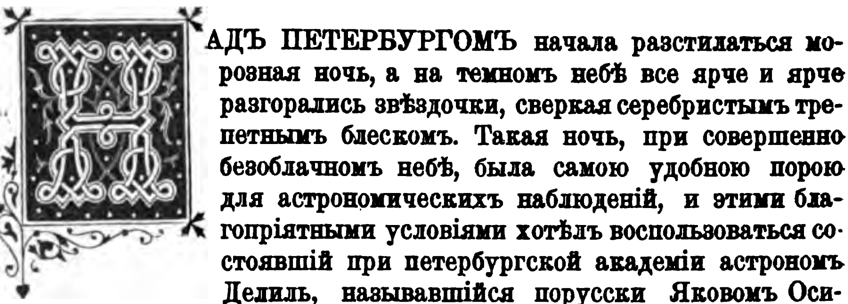
К. Бороздинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ПЕРЕПОЛОХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ[1]).

VIII.



АДЪ ПЕТЕРБУРГОМЪ начала разстилаться морозная ночь, а на темномъ небѣ все ярче и ярче разгорались звѣздочки, сверкая серебристымъ трепетнымъ блескомъ. Такая ночь, при совершенно безоблачномъ небѣ, была самою удобною порою для астрономическихъ наблюденій, и этими благопріятными условіями хотѣлъ воспользоваться состоявшій при петербургской академіи астрономъ Делиль, называвшійся порусски Яковомъ Осиповичемъ и уже давно поселившійся въ Петербургѣ. Теперь онъ, въ тепломъ шлафрокѣ и въ ночномъ колпакѣ, медленно поднимался изъ своей квартиры по крутой лѣстницѣ, которая вела въ устроенную въ его домѣ обсерваторію. За нимъ, съ фонаремъ въ рукѣ, шелъ одинъ изъ его помощниковъ Карлъ Богдановичъ Рейхель.

— А гдѣ же Никита Петровичъ? Опять онъ сегодня не пришелъ къ назначенному времени, какъ это жаль! — проговорилъ Делиль, обращаясь къ Рейхелю.

Такъ какъ этотъ послѣдній не говорилъ пофранцузски, а Делиль, въ свою очередь, не говорилъ понѣмецки, то разговоръ между двумя астрономами происходилъ на русскомъ довольно ломанномъ языкѣ, а шелъ онъ о Поповѣ, адъюнктѣ, или старшемъ помощникѣ Делиля, Рейхель же былъ только младшимъ помощникомъ.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 48.

— Съ нѣкотораго времени господинъ Поповъ сдѣлался очень неисправенъ, почти никогда не приходитъ во время, а иногда и вовсе не является на службу, — отозвался Рейхель, повидимому равнодушно, но въ сущности съ затаённою непріязнью въ Попову. Непріязнь эта была вполнѣ понятна, такъ какъ Рейхелю хотѣлось поскорѣй сжить Попова, чтобы самому занять его мѣсто, а сверхъ того, въ академіи наукъ въ ту пору, подъ предводительствомъ Ломоносова, шла ожесточенная борьба академиковъ изъ русскихъ съ академиками изъ нѣмцевъ.

Какъ человѣкъ, хорошо понявшій смыслъ рѣчи Рейхеля, Делиль, не дружившій съ нѣмцами-академиками, не обратилъ на непріязненный отзывъ о Поповѣ никакого вниманія.

— Вѣрно, гдѣ нибудь веселится. Да, впрочемъ, это и извинительно, человѣкъ онъ еще не старый и холостой,—подумалъ астрономъ, вспоминая, что и онъ самъ, не смотря на всю страсть къ звѣздочетству, былъ не прочь разсѣяться и развлечься и часто предпочиталъ прелестямъ звѣзднаго неба земныя прелести. Делиль теперь пожалѣлъ только о томъ, что его молодой адъюнктъ потеряетъ такой удобный случай для астрономическихъ наблюденій, какой представляла настоящая ночь, столь рѣдко бывающая на петербургскомъ небосклонѣ, застилаемомъ обыкновенно въ зимнюю пору и облаками, и туманомъ, а между тѣмъ въ настоящее время представлялась возможность къ самымъ точнымъ наблюденіямъ надъ Марсомъ, ярко блиставшимъ на небѣ своимъ красноватымъ отливомъ.

На обсерваторіи Делиль совершенно предался своимъ любимымъ занятіямъ. Смотря напряженно въ телескопъ, онъ по временамъ приказывалъ Рейхелю сдѣлать въ астрономическомъ журналѣ ту или другую замѣтку. Рейхель, исполняя приказаніе звѣздочета, ворчалъ что-то себѣ подъ носъ и пытался нѣсколько разъ заговорить о непосѣщеніи Поповымъ обсерваторіи, ссылаясь на то, что отмѣтки въ журналѣ должны были бы въ этотъ день ведены не имъ, Рейхелемъ, а Поповымъ, но всѣ въ такомъ родѣ попытки оставались безуспѣшны, и Делиль, не разговаривая съ Рейхелемъ, усердно продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ.

Подвохи Рейхеля во вредъ Попову касались, однако, не только небрежности Попова по его служебно-ученымъ обязанностямъ, но и лично самого Делиля. Въ это время Поповъ, забравшись въ квартиру холостяка-астронома, къ которому перешла на житье Шарлотта, въ качествѣ хозяйки или экономки, любезничалъ съ нею, пользуясь отсутствіемъ звѣздочета, который, какъ зналъ очень хорошо Поповъ, не скоро вернется съ той высоты, на которую онъ забрался.

— Ты мнѣ все говоришь, что ты такъ меня любишь, что и жить безъ меня не можешь, и что непремѣнно женишься на мнѣ,

а послушаюсь я тебя, такъ ты меня послѣ того обманешь,—говорила Шарлотта, ласкаясь къ Попову. Знаемъ мы васъ, мужчинъ. Вѣдь вотъ ко мнѣ, какъ ты самъ знаешь, подбивался сержантъ Даниловъ. Онъ хотѣлъ даже дать мнѣ росписку, что обязывается на мнѣ жениться, да что значитъ такая росписка, вѣдь она только на смѣхъ пишется. Взяла бы я ее отъ него въ шутку, да потомъ и возвратила бы назадъ—что мнѣ съ нею дѣлать?—говорила Шарлотта.

— А хочешь, Шарлотточка, такъ я дамъ тебѣ такую росписку?—вызвался Никита Петровичъ.

— Пожалуй, для шутки,—посмотрю я, что ты въ ней напишешь, да пиши такъ, чтобы видно было, что ты меня страстно любишь и что хотѣлъ бы на мнѣ жениться, а объ обѣщаніи, если хочешь, то не пиши. Къ чему пустыя обѣщанія, если ты ихъ самъ добровольно сдержать не захочешь?

Шарлотта быстро освободилась отъ руки Попова, которую онъ держалъ около ея тальи, выбѣжала въ смежный кабинетъ хозяина-астронома и принесла оттуда чернильницу съ перомъ и листъ бумаги.

— Ну, пиши же, пиши! Посмотрю, что ты напишешь,—говорила она, кладя на столъ передъ молодымъ адъюнктомъ перо и бумагу и ставя около нихъ чернильницу.

«Я такъ люблю мою милую Шарлотту, что не могу жить безъ нея и очень хотѣлъ бы жениться на ней!»—написалъ адъюнктъ и, подмахнувъ свою подпись, прочелъ написанное молодой дѣвушкѣ. Она крѣпко обняла его за шею и принялась цаловать. Подъ обаяніемъ такихъ ласкъ молодой и хорошенькой нѣмочки, Поповъ забылъ совсѣмъ о запискѣ. Ему было теперь не до того, и онъ оставилъ на столѣ написанную имъ въ шутку росписку.

Пробывъ еще нѣкоторое время съ сильно раскраснѣвшейся, а потомъ и расплакавшейся Шарлоттой, Поповъ торопливо побѣжалъ на обсерваторію, гдѣ еще засталъ Делиля, и принялся извиняться передъ нимъ въ своей неисправности, разумѣется, обѣщаясь, что на будущее время онъ не подастъ Делилю повода ни къ выговорамъ, ни къ замѣчаніямъ.

Поповъ считалъ теперь себя вполнѣ счастливымъ и полагалъ, что онъ не имѣетъ у Шарлотты никакого соперника, такъ какъ прежній ея обожатель, сержантъ Даниловъ, «опасаясь быть повержену въ полную власть любовнаго предмета» и бывшій самъ по себѣ не въ силѣ преодолѣть страсть къ Шарлоттѣ, уѣхалъ изъ Петербурга. Какъ человѣкъ осторожный и мнительный, онъ очень обрадовался, когда былъ, безъ всякой со стороны его просьбы, командированъ въ Ригу по дѣламъ службы. Оттуда онъ писалъ своему пріятелю штыкъ-юнкеру Мартынову слѣдующее: «Городъ мнѣ былъ небывалый, жители въ немъ мнѣ показались учтивы,

мужчина не пройдетъ мимо офицера, чтобъ не снялъ шляпу, а женщины, по воскреснымъ днямъ, выходятъ изъ своихъ домовъ передъ ворота на улицу, разрядясь въ лучшія платья, и хозяйскія дочери, и того дома дѣвки работныя, и, не пропуская ни одного человѣка молодаго, мимо идущаго, присѣдая, кланяются всѣмъ ласково. Пріятно всякому сей обычай показаться можетъ, а паче небывалому еще человѣку. Я нашелъ въ Ригѣ много знакомыхъ мнѣ офицеровъ, которые прежъ сего въ Москвѣ со мною въ школѣ учились; также увидя ласковое обхожденіе рижскихъ дѣвицъ и женщинъ, время отъ времени сталъ я забывать свою петербургскую Шарлотту».

Возвратившійся съ обсерваторіи Делиль засталъ Шарлотту въ слезахъ. Она жаловалась, что у нея сильно болитъ голова и приписывала свою болѣзнь угару. Между тѣмъ, полученную отъ Попова записку она, бережно завернувъ въ чистую бумагу, запрятала въ свой ларецъ и улеглась на постель, избѣгая всякихъ разговоровъ съ своимъ хозяиномъ, съ большимъ участіемъ разспрашивавшимъ ее объ ея нездоровьѣ.

IX.

Увеселительныя вечеринки въ заведеніи Дрезденши начали постепенно принимать иной видъ. Такъ какъ къ ней стали наѣзжать лица пожилыя и—что̀ еще важнѣе—лица сановныя, то молодежь посѣщала Амалію Максимовну уже не въ такомъ большомъ числѣ, какъ прежде. Причина тому была весьма уважительная. Въ ту пору вообще, а тѣмъ еще болѣе въ силу гражданской подчиненности, преимущественно же въ силу военной субординаціи, требовалось оказывать особенное уваженіе, сообразно съ годами и чиновностію каждаго. Тѣ посѣтители, которые стали наѣзжать къ Дрезденшѣ, все болѣе и болѣе стѣсняли малочиновную молодежь. Въ то время сержантъ, прапорщикъ или корнетъ, находясь даже въ частномъ собраніи, не могъ сѣсть въ присутствіи штабъ-офицера безъ позволенія со стороны этого послѣдняго; въ такое же положеніе, въ свою очередь, былъ поставленъ и штабъ-офицеръ въ отношеніи къ каждому генералу. Молодымъ сержантамъ и офицерамъ, конечно, очень не нравилось, что они должны были стоять цѣлый вечеръ на вытяжку около стѣнъ, держа руки по швамъ. Въ подобномъ же положеніи находились нерѣдко и полковники въ присутствіи генераловъ, такъ что каждый чувствовалъ себя болѣе или менѣе стѣсненнымъ въ присутствіи лица, старшаго чиномъ. Вслѣдствіе этого молодежь, прежде веселившаяся у Дрезденши, начала теперь тамъ скучать и отставать отъ ея заведенія. Ухаживаніе за дѣвицами тоже затруднилось. У каждой изъ нихъ завелся свой обожатель, хотя изъ болѣе или менѣе ослабѣв-

шихъ старцевъ, но за то изъ людей съ значительными средствами, и эти старики были опасными соперниками молодыхъ людей, большею частію, не имѣвшихъ достаточно денегъ на щедрые подарки.

Однако, такая перемѣна не только не убавила доходовъ Дрезденши, но, напротивъ, способствовала ихъ приращенію. Молодежь надѣялась на самое себя и расплачивалась обыкновенно туго, тогда какъ старики очень хорошо понимали, какимъ единственнымъ способомъ они могутъ пріобрѣтать себѣ расположеніе какъ со стороны самихъ прелестницъ, такъ и ихъ корыстной распорядительницы. Весьма важной статьей доходовъ Дрезденши были еще и устроиваемыя въ ея домѣ тайныя свиданія, а также знакомства разныхъ знатныхъ персонъ для «уединенныхъ разговоровъ», какъ скромно выразился въ своихъ «запискахъ» Даниловъ.

Но не одни только любовныя похожденія привлекали и молодыхъ, и старцевъ въ заведеніе Амаліи Максимовны. Она открыла въ немъ еще и карточною игру, бывшую въ ту пору однимъ изъ самыхъ любимыхъ развлеченій петербургскаго общества. Большая игра велась тогда и при дворѣ, такъ какъ и правительница Анна Леопольдовна, и императрица Анна Ивановна, и начинавшая входить въ средній возростъ императрица Елизавета Петровна были страстныя охотницы до картъ, но во всякомъ случаѣ въ хорошихъ домахъ игра была гораздо сдержаннѣе, нежели въ такомъ игорномъ домѣ, какой завела у себя Дрезденша. Здѣсь интересовало то, что безпрестанно можно было встрѣчать новыхъ игроковъ, хотя и не важныхъ по ихъ общественному положенію, но богатыхъ и тароватыхъ, которые считали для себя за честь играть съ знатными персонами и охотно проигрывали имъ такія большія суммы, до которыхъ не доводили игру тѣ, кто не поставлялъ себѣ за особое удовольствіе играть съ кабинетъ-министрами, сенаторами, генералъ-фельдцейхмейстерами и такъ далѣе. Удобство карточной игры у Дрезденши представлялось еще и въ томъ отношеніи, что сдѣланные тамъ большіе карточные проигрыши оставались неизвѣстными въ обществѣ и — что̀ еще важнѣе — въ домѣ проигравшагося, и это избавляло многихъ мужей отъ упрековъ со стороны ихъ женъ за неудержимую страсть къ картамъ.

Нельзя сказать, что законы того времени потворствовали такому времяпровожденію, какое заведено было у Дрезденши. Напротивъ, на бумагѣ законъ строго преслѣдовалъ любовныя похожденія, какъ, напр., незаконное сожительство, и еще болѣе нарушеніе супружеской вѣрности. Не снисходительно относился онъ и карточной игрѣ, установляя даже тѣ размѣры, до которыхъ могла доходить игра соотвѣтственно рангамъ игроковъ. Только въ аппартаментахъ ея величества не полагалось никакого ограниченія на счетъ размѣра карточной игры, хотя бы самой азартной. Дѣло въ томъ, однако, что тогдашняя полиція, блюстительница нравовъ,

податливая на подношенія и взятки, смотрѣла сквозь пальцы на все противозаконное, чтò дѣлалось вокругъ нея, тѣмъ болѣе, что и сами представители высшаго правительства были причастны всевозможнымъ нарушеніямъ законовъ. Въ силу всего этого, посѣтители и посѣтительницы Дрезденши имѣли полное основаніе разсчитывать на близорукость и молчаніе полиціи, такъ какъ они принадлежали къ знатнымъ персонамъ. Полиція, хотя бы и самая зоркая и самая добросовѣстная, не могла взяться за Дрезденшу, зная, что эта дама имѣетъ сильныхъ покровителей не только въ лицѣ первостепенныхъ сановниковъ, но и въ лицѣ супругъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Сама Дрезденша, въ свою очередь, жила въ большихъ ладахъ съ полиціею, не обходя никого изъ ея чиновъ праздничными поминками, начиная съ полицейскихъ десятскихъ, замѣнявшихъ нынѣшнихъ городовыхъ, и кончая тогдашнимъ оберъполиціймейстеромъ. Все то недозволенное, чтò дѣлалось у Дрезденши, было покрыто глубокою тайною, и если что порою и открывалось, то сами полицейскія власти спѣшили заминать дѣло въ угоду покровителей и покровительницъ Амаліи Максимовны, и такимъ образомъ дѣла ея шли благополучно.

X.

— Не везетъ тебѣ что-то въ карты, — участливо говорилъ генералъ-рекетмейстеръ Дивовъ гофмейстеру двора великаго князя Петра Ѳедоровича, Чоглокову, отгребая рукою лежавшій передъ Чоглоковымъ столбикъ червонцевъ, какъ свой выигрышъ.

— Да, все это время я въ большомъ проигрышѣ. Боюсь, какъ бы не провѣдала о томъ Марья Симоновна. Примется опять распекать меня. Она у меня на этотъ счетъ очень строга. Она уже и такъ хотѣла жаловаться на меня государынѣ за то, что я сильно картежничаю, — шепталъ на ухо Чоглоковъ своему партнеру, котораго, однако, нисколько не тронули сѣтованія несчастливаго игрока, и взятые отъ него червонцы Дивовъ очень равнодушно положилъ въ карманъ своего камзола.

Въ это время двери игральной комнаты отворились, и къ столу, за которымъ шла игра, подошли двое посѣтителей: одинъ — графъ Дмитревскій, а другой — еще молодой, лѣтъ двадцати двухъ, человѣкъ, чрезвычайно красивый и въ высшей степени изящный. Тонкія и нѣжныя черты его лица придавали ему женственный видъ, а изъ-подъ набросанной слегка на его модную прическу пудры пробивались волосы золотисто-пепельнаго цвѣта. Смѣло можно было сказать, что онъ былъ красавецъ, но красота его была бы пригоднѣе женщинѣ, нежели мужчинѣ, вышедшему уже изъ отроческаго возраста. Онъ пріятельски поздоровался съ Чоглоковымъ и взглянулъ на Дивова, какъ на незнакомую ему вовсе особу. Это

было, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ Дивовъ хотя и занималъ по своей служебной должности высокое положеніе, но, какъ человѣкъ не свѣтскій и не слишкомъ богатый, жилъ уединенно, рѣдко появлялся въ обществѣ и любилъ все досужее время проводить за картами. Такъ какъ Чоглоковъ и Дивовъ уже забастовали, то они отошли въ уголъ залы и сѣли тамъ, посматривая на игроковъ.

Молодой человѣкъ вынулъ изъ кармана своего камзола нѣсколько червонцевъ и небрежно раскинулъ ихъ по столу бѣлою и нѣжною, какъ у женщины, рукою. Примѣру его послѣдовалъ и Дмитревскій. Началась игра на новыя ставки. Среди разговора игроковъ замѣтно выдѣлялся чрезвычайно звучный и пріятный, а вмѣстѣ съ тѣмъ по временамъ и вкрадчивый голосъ новопришедшаго игрока-красавчика.

— Кто это такой? — подтолкнувъ слегка локтемъ Чоглокова, спросилъ Дивовъ, показывая глазами на незнакомаго ему молодаго человѣка.

— Это графъ Станиславъ Понятовскій, состоящій при англійскомъ посольствѣ, — отвѣчалъ Чоглоковъ. Развѣ ты не знаешь его?

— Да не приходилось мнѣ никогда его нигдѣ встрѣтить. Ты знаешь, что я все это время и на куртагахъ даже не былъ. Куда мнѣ выѣзжать съ такимъ кашлемъ, какой меня мучилъ нѣсколько мѣсяцевъ! Вѣдь государыня очень не любитъ, когда пріѣзжаютъ къ ней во дворецъ чѣмъ бы то ни было больные люди. Она все боится заразиться. А Понятовскій полякъ? — спросилъ снова Дивовъ.

— Да.

— Какимъ же образомъ онъ попалъ въ англійское посольство?

— Да его, Иванъ Ивановичъ, при какомъ хочешь посольствѣ и куда хочешь пошли. Говоритъ онъ прекрасно не только попольски, но и порусски, пофранцузски, понѣмецки, поанглійски, поитальянски и даже потурецки.

— Вишь, вѣдь какой молодецъ выискался! — перебилъ Дивовъ, внимательно присматриваясь къ Понятовскому.

— Да, мало того, какой онъ умница, какой ловкій, любезный, какой острякъ! Не даромъ онъ всѣмъ такъ нравится, всѣхъ здѣшнихъ барынь прельстилъ собою, а при нашемъ дворѣ всѣхъ съ ума сводитъ, — добавилъ Чоглоковъ, жена котораго состояла гофмейстериной при дворѣ великой княгини Екатерины Алексѣевны.

— А до картъ онъ, Николай Наумовичъ, большой охотникъ? — спросилъ Дивовъ, любившій подъискивать новыхъ хорошихъ игроковъ.

— Кажется, что не очень; такъ-себѣ, по временамъ играетъ. Онъ и сюда-то навѣрно пріѣхалъ не изъ-за картъ, а услышалъ о «принцессѣ», такъ и прикатилъ, тѣмъ болѣе, что принцесса считается его землячкою. Онъ вотъ до бабенокъ большой охотникъ,

да и мастеръ по этой части, проберется всюду,—и Чоглоковъ, боязно осматриваясь кругомъ, началъ что-то шептать на ухо улыбавшемуся своему пріятелю.

— А что онъ очень богатъ? Вѣдь польскіе паны очень богатые люди,—замѣтилъ Дивовъ.

— Богатаго отъ тароватаго, Иванъ Ивановичъ, не скоро отличишь, а на сколько я слышалъ, Понятовскій не слишкомъ богатъ, сравнительно съ другими магнатами, за то у него самое знатное родство. Онъ родной племянникъ князей Чарторыжскихъ. Отецъ его былъ отъявленнымъ нашимъ врагомъ и постоянно подбивалъ турокъ къ войнѣ съ нами.

— Сынокъ, кажись, вовсе не въ отца,—перебилъ Дивовъ.

— Да, онъ совсѣмъ не о войнѣ думаетъ, ему бы только тереться около юбокъ.

Чоглоковъ угадалъ цѣль пріѣзда Понятовскаго къ Дрезденшѣ. Дѣйствительно, карточная игра не занимала молодаго графа. Онъ съ большимъ хладнокровіемъ и съ прежнею небрежностію продолжалъ ставить новые куши, не смотря на сдѣланный уже имъ большой проигрышъ, и безпрестанно, съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ оборачивался назадъ и поглядывалъ на запертыя двери залы. Немало уже успѣлъ онъ спустить червонцевъ, когда отворились двери, и въ нихъ вошла Клара въ сопровожденіи Лихтеръ.

Замѣтно было, что онѣ избѣгали потревожить своимъ приходомъ все болѣе и болѣе зарывавшихся игроковъ. Не подходя къ игорному столу, онѣ осторожно усѣлись на канапе. Но, должно быть, до слуха Понятовскаго дошло шуршанье шелковыхъ роброновъ, надѣтыхъ на широчайшія фижмы. Понятовскій наскоро забастовалъ и подошелъ къ Амаліи Максимовнѣ, которая представила его Кларѣ. Графъ держалъ себя чрезвычайно почтительно передъ этой дѣвушкой, какъ человѣкъ европейски благовоспитанный, который въ ту пору, прежде всего, отличался вѣжливостію въ обращеніи съ женщинами, какого бы званія онѣ ни были, если только онѣ являлись, какъ хозяйки или какъ гостьи. Онъ умѣлъ приноровиться къ бесѣдѣ всякаго общества, и тѣмъ легче представлялось ему это сдѣлать въ отношеніи къ Кларѣ, и у нихъ тотчасъ же нашелся общій предметъ разговора—Варшава. Дрезденша, видя, что между новыми знакомыми завязалась оживленная бесѣда, вышла изъ комнаты, а вскорѣ послѣ того, Понятовскій предложилъ Кларѣ перейдти въ другую комнату подъ предлогомъ, что шумный разговоръ игроковъ и начинавшіеся между ними споры мѣшали ихъ пріятной и спокойной бесѣдѣ.

Клара съ полною готовностію исполнила его предложеніе.

Въ то время, когда она и Понятовскій бесѣдовали между собою, Дмитревскій очень часто украдкой взглядывалъ на эту парочку и, казалось, былъ очень доволенъ не только своимъ громаднымъ вы-

игрышемъ, но и начавшимся сближеніемъ Клары съ такимъ знатнымъ и богатымъ паномъ, какимъ въ Петербургѣ считали графа Станислава Понятовскаго.

Черезъ нѣсколько времени Клара переѣхала на другую квартиру съ роскошною по тому времени обстановкою, и сюда ежедневно сталъ являться Понятовскій, пріѣзжая то по утрамъ, то по вечерамъ.

XI.

Составивъ себѣ знакомство съ людьми богатыми и преимущественно съ пожилыми и знатными и даже съ весьма почтенными старцами, Дрезденша сочла болѣе удобнымъ измѣнить порядокъ прежде заведенныхъ у нея развлеченій. Танцовальныя вечеринки, вслѣдствіе уменьшившагося числа юныхъ посѣтителей, становились у нея все рѣже и рѣже, но за то около карточныхъ столовъ приливъ посѣтителей постоянно увеличивался. При этомъ для Амаліи Максимовны открылся еще и новый источникъ доходовъ. Очень часто черезчуръ зарвавшіеся игроки спускали всѣ бывшія съ ними деньги и, все еще надѣясь на благопріятный для себя переворотъ фортуны, хотѣли продолжать игру и нерѣдко обращались за деньгами къ гостепріимной хозяйкѣ. Дрезденша, сколотившая уже порядочный капиталецъ, очень охотно выдавала желающимъ кратковременныя ссуды, которыя возвращались ей съ процентами, подъ видомъ подарка за дружеское одолженіе. Вслѣдствіе такихъ одолженій установились у нея близкія, почти пріятельскія отношенія съ должниками, въ числѣ которыхъ немало было людей, весьма вліятельныхъ при дворѣ.

Но самою доходною для Дрезденши статьею были устроиваемыя ею любовныя сближенія и тайныя свиданія, происходившія въ ея домѣ, который постепенно изъ маленькаго и скромнаго трактирчика обратился въ жилище, если не роскошное, то все же чрезвычайно хорошо отдѣланное и убранное, примѣнительно къ тогдашней обстановкѣ лучшихъ петербургскихъ домовъ. Сама она приняла видъ уже не содержательницы трактира или увеселительнаго заведенія, но видъ весьма приличной дамы, чему весьма много способствовала представительная ея наружность. Петербургское высшее общество того времени не отличалось вовсе чопорностію, да и не могло отличаться этимъ свойствомъ, если даже при дворѣ занимали самыя видныя мѣста и пользовались высокимъ положеніемъ въ обществѣ многія лица, поднявшіяся случайно съ очень темныхъ низинъ. Поэтому и петербургскія дамы не только не пренебрегали ловкою иностранкою, но даже искали ея знакомства, какъ личности весьма пригодной въ извѣстныхъ случаяхъ и при томъ такой, на скромность которой можно было вполнѣ положиться. Дрезденша не была вовсе такъ болтлива, какъ русскія женщины,

занимавшіяся ремесломъ, сходнымъ съ тѣмъ, какимъ занималась Амалія Максимовна.

Въ ту пору нравы петербургскаго общества вообще и въ особенности нравы высшихъ его представительницъ не отличались скромностію и непорочностію, и Дрезденша находила для себя такія тайныя занятія, которыя обыкновенно оплачивались весьма щедро и иногда не только со стороны мужчинъ, но и со стороны дамъ, пріѣзжавшихъ, по приведенному нами дословному выраженію современника, въ домъ Дрезденши «другихъ себѣ мужей по нраву выбирать».

Какъ ни была скромна на словахъ услужливая Дрезденша, но глухая молва о происходившихъ у нея свиданіяхъ стала все болѣе и болѣе расходиться по Петербургу. «Жены,—пишетъ тотъ современникъ, на котораго мы уже ссылались,—стали замѣчать, что мужья ихъ не въ обыкновенное время поздно домой возвращаются и къ нимъ холодѣютъ. Возгорѣлась,—продолжаетъ онъ,—отъ женъ къ мужьямъ своимъ великая ревность, а ревнивые глаза далѣе видятъ орлиныхъ, и то видятъ, чего видѣть не могутъ; однако, потомъ дознались причину и добрались вѣрно, для чего такъ поздно домой ѣздятъ ихъ мужья». Съ своей стороны, и мужья стали примѣчать, что и ихъ жены, ссылаясь обыкновенно на побывку у своихъ пріятельницъ, тоже, хотя и рѣже, но все же иной разъ позднёнько возвращались домой, или что онѣ, отлучившись изъ дому въ неподходящую пору, возвращались домой или въ очень веселомъ, или, наоборотъ, въ очень задумчивомъ и грустномъ настроеніи. Замѣчая это, ревнивцы въ свою очередь стали подозрѣвать кое-что, и тайныя похожденія невѣрныхъ женъ дѣлались иногда извѣстны ихъ обманутымъ мужьямъ. Подобныя дѣла кончались, однако, домашнимъ образомъ. Каждому и каждой нежелательно было сдѣлаться предметомъ злословія, насмѣшекъ и намековъ, и потому многое было оставляемо какъ мужьями, такъ и женами подъ покровомъ непроницаемой тайны, и долгое время никто не безпокоилъ Дрезденшу требованіемъ отъ нея какихъ либо объясненій, относящихся къ нарушенію въ ея домѣ, или только при ея посредствѣ, супружеской вѣрности.

Петербургскія знатныя дамы того времени были весьма нерѣдкими посѣтительницами дома Дрезденши. Онѣ пробирались къ ней, какъ простыя женщины, съ лицами, закутанными платками, надѣтыми на головы, вмѣсто шляпокъ, или съ лицами закрытыми вуалью, или пѣшкомъ, безъ лакея, если жили недалеко отъ Вознесенской перспективы, или въ наемныхъ одноколкахъ, которыя онѣ нанимали на улицѣ, отойдя нѣсколько отъ своего дома, и сходили съ нихъ, не доѣзжая до дома Дрезденши. Нѣкоторыя изъ такихъ грѣшницъ, болѣе отважныя, отправлялись на условленное свиданіе, переодѣвшись въ мужское платье. Можно бы, пожалуй,

и не повѣрить справедливости такихъ разсказовъ о таинственно-любовныхъ похожденіяхъ петербургскихъ дамъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, если бы о томъ не свидѣтельствовали «Записки» одной изъ слишкомъ видныхъ современницъ той поры. Изъ этихъ «Записокъ» оказывается, что на похожденія подобнаго рода отваживались даже такія знатныя дамы, которыя находились постоянно подъ зоркимъ наблюденіемъ многихъ приставниковъ и приставницъ, и для которыхъ, какъ казалось, выходъ украдкой изъ дому былъ дѣломъ невозможнымъ.

Понятовскій и Чоглоковъ были попрежнему частыми посѣтителями Амаліи Максимовны. Послѣдній изъ нихъ отгадалъ истинную причину пріѣзда къ ней графа Станислава. Дѣйствительно, Понятовскій сталъ ухаживать безотвязно за Кларой и, разумѣется, безъ труда тотчасъ же оттеръ всѣхъ своихъ соперниковъ. Самъ панъ Дмитревскій, который, какъ казалось, былъ такъ близокъ съ молодою дѣвушкой, отсталъ теперь отъ нея и не думалъ перебивать Клару отъ слишкомъ счастливаго волокиты, тѣмъ болѣе, что всѣ прежнія ухаживанія Дмитревскаго около Клары оставались безъ окончательнаго успѣха. Клара, руководимая Дрезденшей, не хотѣла отдаться Дмитревскому, бѣдному, хотя и очень пригожему панычу, и мѣтила пріискать себѣ не временнаго обожателя и даже не хорошаго жениха, а просто-на-просто юношу, котораго могла бы полюбить безоглядочно, такъ что въ этомъ случаѣ всѣ руководительныя соображенія Амаліи Максимовны оставались безполезными. Разумѣется, что Понятовскій, ухаживая за стойкою дѣвушкою, какъ и всѣ соблазнители, клялся отдать ей всю свою жизнь, не измѣнить ей никогда и хотя прямо не обѣщалъ ей жениться на ней, но намекалъ, что сердечная связь ихъ можетъ кончиться бракомъ. На дѣлѣ, однако, молодой красавецъ думалъ привязаться къ Кларѣ лишь на столько, на сколько это можетъ случиться иной разъ съ вѣтренникомъ, избалованнымъ успѣхомъ у женщинъ, т. е. онъ былъ увѣренъ, что привяжется къ Кларѣ на непродолжительное время. Вышло, однако, что онъ сильно полюбилъ молодую дѣвушку, которая, въ свою очередь, чувствовала къ нему неодолимую, жгучую страсть, и такая страсть въ концѣ концевъ привела ее къ уступкѣ передъ искательнымъ волокитою.

Для влюбленной парочки дни быстро летѣли за днями, и они не замѣтили, какъ наступила зима, столь благопріятная для тѣхъ развлеченій, какія могли находить для себя у Дрезденши и женатые мужчины, и замужнія женщины. Темныя и продолжительныя зимнія ночи въ тогдашнемъ Петербургѣ, гдѣ лишь немногія улицы были освѣщены только слабо мерцавшими фонарями, были очень удобны для поѣздокъ невѣрныхъ супругъ къ Дрезденшѣ. Ночной мракъ прикрывалъ ихъ тайныя похожденія. Имъ уже не приходилось, какъ въ свѣтлыя петербургскія ночи, пробираться

торопливо пѣшкомъ, или въ нанятой на улицѣ одноколкѣ на Вознесенскую перспективу, оглядываясь по сторонамъ изъ боязни, что ихъ могутъ увидѣть и узнать на этомъ переѣздѣ. Домъ Дрезденши оживился снова послѣ лѣтняго затишья.

Вдобавокъ къ тому, зима представляла своего рода особыя развлеченія, на которыя могли съѣзжаться для свиданій знатныя персоны женскаго пола, не навлекая на себя подозрѣній и пользуясь бо́льшею свободою, нежели та, какая допускалась въ ярко освѣщенныхъ залахъ и гостинныхъ. Тогдашнее петербургское, даже самое высшее, общество не было прихотливо на счетъ способовъ увеселенія. Любимымъ мѣстомъ загородныхъ съѣздовъ столичной знати былъ зимою Красный Кабачекъ, къ которому въ зимніе вечера неслись по отличной санной дорогѣ и пошевни, и возки. Красный Кабачекъ былъ въ ту пору небольшой нѣмецкій трактиръ, и тамъ устроивались ледяныя, катальныя горы, которыя служили благовидной приманкой даже для чопорныхъ дамъ, такъ какъ катаніе съ такихъ горъ считалось не исключительно простонароднымъ, но и аристократическимъ увеселеніемъ, потому что сама императрица Елизавета Петровна, съ ранней еще молодости, была страстной охотницей до этой потѣхи. Она, съ своей стороны, тоже не уклонялась отъ поѣздки по временамъ въ скромный Красный Кабачекъ со всѣмъ своимъ дворомъ, и тогда это, нынѣ совершенно упавшее, увеселительное заведеніе наполнялось отборною петербургскою знатью, да и вообще пользовалось извѣстностію, едва ли меньшею, чѣмъ заведеніе Дрезденши, въ которомъ, впрочемъ, расторопная, услужливая хозяйка была главною притягательною силою для влюбленныхъ.

Не имѣя возможности встрѣчаться съ Кларою открыто въ обществѣ, Понятовскій могъ безпрепятственно вести съ нею знакомство на катальныхъ горахъ, въ Красномъ Кабачкѣ, гдѣ онъ, какъ знакомый ей кавалеръ, свозилъ ее съ горъ на салазкахъ, и ему пріятно было, когда всѣ присутствовавшіе громко восхищались поразительною красотою Клары, которая была беззаботно весела, между тѣмъ какъ судьба готовила ей тяжкія испытанія.

XII.

— Гдѣ ты, Николай Наумовичъ, все это время пропадаешь по ночамъ? Ужъ двѣнадцать часовъ ночи, всѣ добрые люди легли давно спать, а я тебя должна ждать, не смыкая глазъ, — скорѣе убѣдительно, нежели сердито, говорила Марья Симоновна Чоглокова своему мужу, показавшемуся въ дверяхъ ея спальни.

Супругъ, возвратившійся по распорядку тогдашняго образа жизни — когда даже самые парадные балы кончались къ десяти часамъ — слишкомъ поздно, растерялся, хотя онъ заранѣе могъ пред-

видѣть, что вопросъ этотъ непремѣнно будетъ ему заданъ, какъ онъ былъ уже задаваемъ неоднократно и при бывшихъ еще и прежде подобныхъ случаяхъ. Но дѣло въ томъ, что повторять въ въ оправданіе тѣ же самыя причины Чоглокову было неудобно, такъ какъ однообразныя объясненія о причинахъ поздняго возвращенія могли, наконецъ, утратить всякую вѣроятность. При томъ на этотъ разъ вопросъ былъ сдѣланъ хотя и кроткимъ голосомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ такою настойчивостью, какой Чоглоковъ не замѣчалъ еще никогда въ голосѣ своей супруги.

Другой мужъ, да, пожалуй, и самъ Николай Наумовичъ не слишкомъ бы боязно отнесся къ раздраженію своей жены, если бы его супругою была не Марья Симоновна. Но при бракѣ съ нею являлись особыя условія, ставившія Чоглокова въ очень стѣснительное положеніе, такъ какъ Марья Симоновна, по отцу Гендрикова, была двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, а Чоглоковъ крѣпко побаивался своей царственной, по женѣ, кузины. Однажды, когда онъ повздорилъ съ своею женою, а она какъ-то нечаянно проговорилась объ этомъ императрицѣ, то Елизавета Петровна черезъ графа Александра Ивановича Шувалова, начальника тайной канцеляріи, приказала сказать Николаю Наумовичу, что, если онъ еще разъ забудется передъ своею женою, двоюродною сестрою ея величества, то государыня расправится съ нимъ такъ, какъ онъ и не ожидаетъ. Съ своей стороны эту родственную угрозу Шуваловъ передалъ припугнутому Чоглокову въ томъ смыслѣ, что сей послѣдній побываетъ у него въ той канцеляріи, гдѣ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, употребляютъ иногда, какъ исправительное средство, и безлиственные березовые вѣники.

Понятно, что, послѣ такого грознаго предваренія, Николай Наумовичъ робѣлъ передъ своею супругою, но какъ ни велика была эта робость, онъ не могъ противостоять разнаго рода игривымъ искушеніямъ, пользованіе которыми и было причиною его позднихъ возвращеній въ супружескую опочивальню.

Николай Наумовичъ и Марья Симоновна были еще молодые супруги, и — что̀ было особенно важно въ ихъ супружеской жизни — Марья Симоновна, выйдя за него замужъ по любви, продолжала любить его постоянно, и любовь ея, какъ это, впрочемъ, всегда бываетъ, главнымъ образомъ, выражалась въ сильной ревности. И теперь она поспѣшила облегчить свое сердце отъ такого тягостнаго и мучительнаго чувства:

— Вѣрно, опять заигрался въ карты? — нѣсколько сердито спросила она мужа.

— Да, — смиренно отвѣчалъ Николай Наумовичъ.

— И, вѣрно, съ Дивовымъ?

— Да, съ нимъ.

— И ужъ, конечно, проигралъ?

— Да, проигралъ.

Хотя въ этотъ вечеръ Николай Наумовичъ, проводя пріятно вечеръ у Дрезденши съ новопріѣзжей къ ней молоденькой нѣмочкой, и не бралъ картъ въ руки, но призналъ за лучшее поддакивать во всемъ Марьѣ Симоновнѣ, такъ какъ вопросы, задаваемые ею, сводили ревнивую супругу на ложную дорогу, которая была гораздо простительнѣе въ глазахъ Марьи Симоновны, нежели та, по которой она могла добраться до прискорбной для нея истины.

Пожуривъ мужа за страсть къ картамъ, Марья Симоновна успокоилась и осталась очень довольна своею догадливостію, тѣмъ не менѣе она постаралась удержать въ памяти его объясненія, дабы при случаѣ провѣрить ихъ новыми опросами, какъ такъ въ настоящее время ревность ея хотя и попритихла, но тѣмъ не менѣе закравшееся въ ея голову подозрѣніе не изгладилось окончательно.

Около этого времени почти то же самое происходило и въ другомъ, въ ту пору знатномъ, петербургскомъ домѣ.

Графиня Мавра Егоровна Шувалова принялась, съ своей стороны, ревновать своего мужа, графа Петра Ивановича, тоже нерѣдко наѣзжавшаго къ Дрезденшѣ и тоже поздненько возвращавшагося домой. Шуваловъ, никогда не игравшій въ карты, не могъ пріискивать той благовидной причины, какою могъ — и иногда весьма удачно — отдѣлываться Чоглоковъ, но за то у него была другая весьма уважительная отговорка. Его очень часто приглашалъ, или, вѣрнѣе сказать, просто требовалъ къ себѣ на вечернее времяпровожденіе егермейстеръ, графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, а отказывать такому всемогущему любимцу было для Петра Ивановича не совсѣмъ удобно, такъ какъ неудовлетвореніе имъ желанія егермейстера могло навлечь на него неудовольствіе со стороны императрицы. Пытался онъ ссылаться по временамъ передъ женою и на бытность свою то въ томъ, то въ другомъ знакомомъ домѣ, но такія ссылки не слишкомъ были надежны, такъ какъ Маврѣ Егоровнѣ нетрудно было провѣрить справедливость показаній своего супруга. Въ настоящемъ случаѣ онъ сослался на то, что провелъ вечеръ у графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго.

Посѣщенія Петромъ Ивановичемъ Разумовскаго, — какъ разсказываетъ одна современница, — были тоже не по сердцу Маврѣ Егоровнѣ, и она усердно молилась Богу о благополучномъ окончаніи ея супругомъ этихъ посѣщеній, такъ какъ зазнавшійся егермейстеръ, подвыпивъ, начиналъ вздорить съ Петромъ Ивановичемъ и нерѣдко приказывалъ бить его батогами.

Ссылки Петра Ивановича на вечернее времяпровожденіе у Разумовскаго стали казаться Маврѣ Егоровнѣ подозрительными и, когда она однажды послѣ такой ссылки навела тайкомъ надлежащія справки, то оказалось, что супругъ ея далъ ложныя пока-

занія. Подозрѣнія ея на счетъ невѣрности мужа усилились еще болѣе, и она, рѣшившись, какъ говорится, вывести все на чистую воду, стала терпѣливо выжидать перваго же удобнаго случая для окончательнаго обличенія измѣнника, дѣлая пока видъ, будто вполнѣ вѣритъ объясненіямъ своего супруга.

XIII.

Петръ Ивановичъ и Николай Наумовичъ не только не были между собою въ пріязни, но даже недружелюбно посматривали другъ на друга, такъ какъ первый изъ нихъ былъ представителемъ такъ-называвшагося большаго двора, т. е. двора императрицы, а Чоглоковъ былъ представителемъ малаго двора, т. е. двора великаго князя наслѣдника и его супруги, а между обоими этими дворами существовали въ ту пору не слишкомъ дружелюбныя отношенія. Не смотря, однако, на такой придворный разладъ, Мавра Егоровна и Марья Симоновна были большія между собою пріятельницы, и каждая изъ нихъ старалась заискивать одна въ другой.

Мавра Егоровна, по отцу Шепелева, съ самой ранней юности состояла въ качествѣ камеръ-фрау при Елизаветѣ еще въ то время, когда Елизавета была цесаревною, и потомъ Шепелева изъ зауряднои ея прислужницы обратилась въ ближайшую пріятельницу цесаревны и въ довѣренную ея подругу. При вступленіи на престолъ Елизаветы, Мавра Егоровна, вышедшая замужъ за Петра Ивановича, сдѣлалась такою сильною особою, у которой старались заискивать милости всѣ самые знатные вельможи. Она была очень пригодна и для Чоглоковыхъ, такъ какъ Марья Симоновна сама отъ себя не рѣшалась иной разъ просить о чемъ нибудь свою двоюродную сестру и предпочитала въ такихъ случаяхъ дѣйствовать черезъ Шувалову.

Въ свою очередь, и Мавра Егоровна старалась жить въ большихъ ладахъ съ Чоглоковой, въ томъ разумномъ разсчетѣ, что и ей иногда можетъ пригодиться Марья Симоновна, которая, проговорившись, какъ будто случайно, въ родственной бесѣдѣ съ Елизаветой Петровной, могла сообщить государынѣ то, что̀ самой «Мавруткѣ», по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, было бы неудобно и неловко сказать прямо отъ себя.

Обѣ эти дамы довольно часто видѣлись между собою, и такъ какъ Шувалова была лѣтъ на пятнадцать старше Чоглоковой, то она относилась къ Марьѣ Симоновнѣ въ наставительномъ тонѣ, что было совершено согласно съ духомъ того времени и считалось со стороны старшихъ лѣтами выраженіемъ истиннаго доброжелательства.

— Ну, что, Машутка, какъ ты ладишь теперь со своимъ сожителемъ? Кажись, что онъ сталъ совсѣмъ инымъ послѣ того, какъ его хорошенько припугнулъ мой деверь отъ имени царицы,— спросила однажды Шувалова Чоглокову.

Марья Симоновна ничего не отвѣчала на этотъ вопросъ и сидѣла, потупя глаза.

— Да чтожъ ты ничего мнѣ не отвѣчаешь? Не пустился ли онъ опять въ какія нибудь неистовства или продерзости передъ тобою?—допытывалась Мавра Егоровна, желая подслужиться молодой женщинѣ и употребить въ дѣло ея вліяніе у государыни для обузданія любовныхъ похожденій своего мужа.

— Нѣтъ, онъ обходится со мною очень ласково, да, по правдѣ, сказать, и тотъ-то разъ я не столько сердилась на него за то, что онъ повздорилъ со мною, сколько просто-на-просто ревновала его, хотя и сама не знала, къ кому именно. Скажи мнѣ, матушка Мавра Егоровна, что въ такомъ случаѣ нужно дѣлать?

Мавра Егоровна призадумалась: у нея у самой вертѣлся въ головѣ точно такой же вопросъ.

— Что дѣлать? Да, кажись, надобно прежде всего дознаться обстоятельно, справедлива-ли твоя ревность,—поучительно отвѣчала Шувалова. — А о Дрезденшѣ ты слышала что нибудь? — спросила вдругъ Мавра Егоровна, уперевъ свой пристальный и пытливый взглядъ на свою собесѣдницу.

Вопросъ этотъ клонился не только къ тому, чтобы навести Марью Симоновну на надлежащій слѣдъ, но онъ предлагался еще и съ другою цѣлью. Шувалова, задавая подобный вопросъ и молодымъ, и пожилымъ барынямъ, внимательно слѣдила за выраженіемъ ихъ лицъ, желая подмѣтить при этомъ выраженіе замѣшательства и смущенія, чтобы на этомъ основаніи сдѣлать заключеніе о томъ, не выбираетъ-ли себѣ вопрошаемая дама «другаго мужа».

— Кто-жъ о ней въ Петербургѣ не слышалъ,—равнодушно отвѣчала Чоглокова:—говорятъ, что она опасная женщина и перессорила многихъ мужей съ женами и женъ съ мужьями. Но не думаю я, чтобы Николай Наумовичъ велъ съ нею знакомство.

— То-то поглядывай за нимъ хорошенько. Въ нынѣшнее время скажу я тебѣ, Машутка, богъ-вѣсть, что у насъ дѣется. Посмотришь кругомъ да около и только дивишься, до чего дошла у насъ развращенность. Сколько не одних лишь молодыхъ людей, но и пожилыхъ и даже стариковъ, съ виду, кажись, никуда уже не годныхъ, проживаются въ Петербургѣ на разныхъ потаскушекъ, особенно, если онѣ изъ заѣзжихъ, иноземныхъ красотокъ. Слыхала я, что иныя изъ нихъ живутъ куда какъ лучше самыхъ знатныхъ персонъ. Въ томъ-то и бѣда, что наша Лизавета Петровна больно ужъ добра, всякимъ негодяйкамъ мирволитъ, а я бы, вмѣсто нея,

весь Петербургъ, какъ метлой, съ разу бы вымела отъ такой нечисти. У меня все было бы въ порядкѣ и въ надлежащемъ благочиніи,—говорила съ замѣтнымъ раздраженіемъ Мавра Егоровна, подозрѣвавшая, что и супругъ ея или посѣщаетъ Дрезденшу, или обзавелся тайкомъ, при посредствѣ Амаліи Максимовны, какою нибудь пригожею «метрескою», какъ называли тогда въ Петербургѣ незаконныхъ сожительницъ.

Въ отвѣтъ на такую рѣчь Мавры Егоровны Чоглокова только утвердительно покачивала головкою, соглашаясь во всемъ со своею собесѣдницею.

— Да и барыни-то ваши хороши. Вотъ, примѣромъ сказать, хоть бы вашъ Понятовскій,—продолжала Шувалова, уперевъ на словѣ «вашъ», такъ какъ Понятовскій былъ принятъ особенно ласково при «маленькомъ» дворѣ, при которомъ состояли Чоглоковы. Вѣдь мы все знаемъ,—добавила Шувалова. Государыня терпитъ, терпитъ, да кончится тѣмъ, что вышлетъ его отсюда. Ужъ кавалеръ-то онъ больно отважный. Думаетъ, что здѣсь можно такъ же волочиться, какъ въ Польшѣ. Какъ же!

Еще долго говорила она на тему о поврежденіи нравовъ въ настоящую пору. Смыслъ рѣчей ея былъ и поучительный для молодой дамы, и грозный для тѣхъ, кто предавался, по тогдашнему выраженію, «любовнымъ упражненіямъ». О душевной чистотѣ Мавры Егоровны вообще нельзя было сказать много одобрительнаго, но супружеская ея вѣрность и женское цѣломудріе не подлежали ни малѣйшему сомнѣнію, и въ силу такихъ рѣдкихъ въ ту пору добродѣтелей, она требовала такой же взаимности отъ своего мужа, который, не смотря на свою наружную холодность и видимую робость, имѣлъ, однако, въ отношеніи къ женскому полу самое нѣжное и самое чувствительное сердце.

Заподозрѣвъ Петра Ивановича въ супружеской невѣрности, вслѣдствіе частныхъ его отлучекъ по вечерамъ и позднихъ возвращеній домой, Мавра Егоровна сочла нужнымъ убѣдиться окончательно въ его невѣрности или же, наоборотъ, удостовѣриться вполнѣ на счетъ его вѣрности. Она усилила надъ нимъ свой тайный надзоръ, по поводу ссылокъ его на позднія ужины у егермейстера, и ей пришлось вскорѣ узнать, что ссылки на такое времяпровожденіе были очень часто только выдумкой. Въ виду этого Мавра Егоровна рѣшилась добраться до истины разными тайными разспросами и справками въ домѣ Дрезденши. Черезъ своихъ довѣренныхъ лазутчиковъ она, наконецъ, освѣдомилась, что Петръ Ивановичъ, черезъ посредство Амаліи Максимовны, пристроился около какой-то нѣмочки, для которой онъ отдѣлалъ хорошенькую квартиру, и принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы посѣщенія имъ этого пріюта оставались непроницаемою тайною. Удрученная открытіемъ такого несомнѣннаго уже вѣроломства, Мавра Егоровна

не показала, однако, своему супругу, что ей извѣстно о заведенномъ имъ на сторонѣ хозяйствѣ, и, какъ женщина сдержанная и разсудительная, сообразила, что обнаруженіе такого скрытнаго сожительства ея мужа сдѣлаетъ смѣшнымъ человѣка уже пожилаго, и что насмѣшки надъ нимъ въ петербургскомъ обществѣ отразятся и на ней. Поэтому она предпочла дѣйствовать тайкомъ такъ, чтобы гнѣздышко, свитое Петромъ Ивановичемъ у хорошенькой нѣмочки, было разворено, но не прямо черезъ нее, а косвенно—такимъ путемъ, чтобы она сама казалось вовсе непричастной этому разворенію.

XIV.

Въ этомъ году масляница въ Петербургѣ прошла, по обыкновенію, весело и шумно. Веселился и шумно гулялъ не только «подлый» народъ около горъ, которыя устроивались тогда подъ Смольнымъ монастыремъ, но и шляхетство и самыя знатныя обоего пола персоны съ большою охотою предавались разнымъ масляничнымъ увеселеніямъ. Императрица также любила проводить масляницу, слѣдуя, между прочимъ, и стариннымъ русскимъ обычаямъ. При дворѣ были не только театральныя представленія, балы и маскарады, но и поѣздки въ пошевняхъ, большимъ обществомъ, на блины и катанья съ горъ. Всѣ веселились и забавлялись, и никто не предвидѣлъ того переполоха, какой тайкомъ подготовляла мстительная Мавра Егоровна для всего Петербурга.

Наступилъ великій постъ. Въ это время государыня, и безъ того всегда набожная, становилась еще благочестивѣе и богобоязненнѣе и начинала сокрушаться не только о своихъ собственныхъ прегрѣшеніяхъ, но и о грѣховности другихъ. Въ это время духовникъ ея, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, получалъ надъ нею неотразимое вліяніе, и такимъ вліяніемъ воспользовалась съ своей стороны Мавра Егоровна.

— Ты бы, отецъ Ѳедоръ, позаботился теперь о душѣ благочестивѣйшей нашей государыни,—сказала Дубянскому Шувалова, встрѣтившись съ нимъ во дворцѣ, незадолго до первой недѣли великаго поста.

Дубянскій крѣпко поморщился, крякнулъ и въ недоумѣніи почесалъ затылокъ, какъ бы желая выразить, какія тягостныя обязанности лежатъ на немъ.

— Морщиться-то и кряхтѣть нечего,—замѣтила бойкая барыня вопросительно смотрѣвшему на нее Дубянскому. Дѣло я тебѣ, отецъ Ѳедоръ, говорю. Не забочусь я собственно о душѣ царицы, грѣховъ у нея у самой куда-какъ немного, а будетъ она въ отвѣтѣ передъ Богомъ за чужіе грѣхи. Зачѣмъ допускаетъ она здѣсь, около себя, такую мерзостную развращенность.

— Не допускаетъ этого ея величество,—рѣзко перебилъ Дубянскій:—и за нравами блюдетъ строго. Развѣ ты, Мавра Егоровна, забыла, что государыня своими указами пресѣкла мотовство и роскошь и указала одѣваться всѣмъ боярынямъ, сообразно ихъ рангамъ, и денегъ на дорогіе наряды и уборы попусту не мотать.

Мавра Егоровна невольно улыбнулась, зная любовь къ роскошнымъ нарядамъ самой Елизаветы Петровны, у которой въ гардеробѣ было четыре тысячи платьевъ и огромные коробы кружевъ, лентъ и башмаковъ.

— Развѣ она не воспретила ту огромную карточную игру, которая велась прежде въ Питерѣ, дозволивъ играть на большія деньги только въ собственныхъ своихъ аппартаментахъ. Такіе запретные указы, скажу тебѣ, Мавра Егоровна, внушилъ ей я, а то на что было прежде похоже!

— Такъ-то такъ, отецъ Өедоръ, хорошо ты сдѣлалъ, да забылъ только главное: забылъ ты ту развращенность, какая нынѣ у насъ въ Петербургѣ завелась. Вѣдь здѣсь не только всякія вольности въ обращеніи съ женскимъ поломъ происходятъ, но и постоянныя незаконныя сожительства устроиваются въ нарушеніе брачной жизни.

— Да что-жъ тутъ, сударыня моя, подѣлаешь? Извѣстно мнѣ, что при этомъ не одни только мужчины, но и женскій полъ виновенъ. Государыня, впрочемъ, и такіе пороки безъ вниманія не оставляетъ, и мнѣ графъ Алексѣй Петровичъ говорилъ, будто государыня приказала ему списаться съ англійскимъ посломъ, чтобы онъ, посолъ, отсюда удалилъ, прибывшаго къ намъ съ нимъ, этого красавчика-полячка Понятовскаго. Говоритъ она, что Понятовскій уже слишкомъ заволочился и своимъ волокитствомъ дурной примѣръ всѣмъ подаетъ: съ ума сводитъ нашихъ барынь, что ни на есть самыхъ знатныхъ.

— Давно бы пора съ нимъ такъ распорядиться. Да съ однимъ-ли съ нимъ? Такихъ молодцевъ, какъ онъ, немало и изъ русскихъ найдется въ Питерѣ. Такъ ты, отецъ Өедоръ, поговори объ этомъ съ твоею духовною дщерью. Пусть издастъ она строгій указъ противъ лицъ зазорнаго поведенія, да не только изъ подлаго народа, а обо всѣхъ, безъ всякаго различія. Богоугодное дѣло сотворитъ она, да и я скажу ей объ этомъ.

— Хорошо, хорошо! Справедливо ты разсуждаешь. Въ самомъ дѣлѣ, до чего дошла у насъ развращенность,—говорилъ съ притворнымъ раздраженіемъ Өедоръ Яковлевичъ, прощаясь съ Шуваловой и находя, что въ внушенной ею мысли найдется новый источникъ душеспасительныхъ поученій, и что, кромѣ того, угодивъ Маврѣ Егоровнѣ, такой близкой наперстницѣ государыни, онъ, въ случаѣ надобности, найдетъ въ ней надежную поддержку и при своихъ ходатайствахъ у государыни, такъ какъ просить стороной

бываетъ очень часто гораздо удобнѣе, нежели просить прямо отъ себя.

XV.

— Скоро мнѣ придется уѣхать изъ Петербурга, — грустнымъ голосомъ сказалъ Понятовскій, бесѣдуя наединѣ съ Дрезденшей о Кларѣ.

— И надолго?

— Быть можетъ, даже навсегда. Жаль мнѣ разстаться съ Кларой. Устройте, госпожа Лихтеръ, дѣло такъ, чтобы она отправилась со мною. Въ Польшѣ ей будетъ хорошо, а если мнѣ придется куда нибудь ѣхать, то я возьму ее съ собой, я ни за что не покину эту дѣвушку, къ которой я привязанъ всѣмъ сердцемъ.

Дрезденша нахмурилась. Ей жаль было отпустить Клару, которая была такой сильной приманкой и для молодежи, и для людей пожилыхъ и на которую она имѣла виды по части денежныхъ прибылей и устройства новыхъ знакомствъ съ людьми, которые могли ей быть полезнѣе, чѣмъ только на время пріѣхавшій Понятовскій.

— Я не думаю, — лживо отвѣчала хитрая женщина: — чтобы Клара уѣхала отсюда; она, кажется, думаетъ здѣсь пристроиться такъ хорошо и прилично, какъ не въ состояніи была бы сдѣлать это, оставаясь, графъ, вашею любовницей...

Молодой человѣкъ замѣтно измѣнился въ лицѣ и сдѣлалъ быстрое движеніе.

— Что вы хотите сказать этимъ? Значитъ, Клара только притворялась, твердя мнѣ о своей безпредѣльной любви, выходитъ, что она только обманывала меня? А я такъ страстно любилъ ее!

— О любви вашей къ ней я ничего не знаю, какъ и о ея любви къ вамъ. Знаю только, что такіе благородные во всѣхъ отношеніяхъ люди, какъ вы, графъ, не оставляютъ на произволъ судьбы обманутую дѣвушку, особенно въ такомъ положеніи, въ какомъ находится Клара, и прежде всего стараются хоть денежными средствами вполнѣ обезпечить ее.

— Къ сожалѣнію, я въ настоящее время не могу исполнить этого такъ, какъ мнѣ желалось бы. Дѣла мои крайне разстроены. Мнѣ нужно поправить ихъ пребываніемъ въ Польшѣ. Необходимо завести хорошее хозяйство въ моихъ имѣніяхъ и устроить въ нихъ порядокъ, и Клара, если она пожелаетъ ѣхать со мною, можетъ быть увѣрена, что будущность ея я обезпечу навсегда. Не о томъ, впрочемъ, теперь идетъ рѣчь. Уговорите ее, чтобы она поѣхала со мною въ Варшаву. Вы сказали, впрочемъ, что она надѣется здѣсь устроиться прилично, то есть, если я понимаю вѣрно такое ваше выраженіе, то думаю, что она просто-на-просто хочетъ выйдти замужъ въ Петербургѣ?

— Это весьма понятное желаніе каждой дѣвушки, особенно той, которой нужно прикрыть свой грѣхъ или свою ошибку. Вѣдь вы все равно на ней не женитесь.

Понятовскій задумался.

— Знаете, что я скажу вамъ, госпожа Лихтеръ,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго раздумья: — я зналъ въ моей хотя и недолгой еще жизни очень много женщинъ. Во многихъ изъ нихъ я былъ влюбленъ страстно; за другими волочился не столько изъ любви, сколько изъ тщеславія, желая, чтобы въ обществѣ говорили о моихъ успѣхахъ. Встрѣчалъ я и такихъ женщинъ, къ которымъ влекли меня и страсть, и тщеславіе вмѣстѣ, но которое изъ двухъ этихъ чувствъ было сильнѣе во мнѣ—я не могу дать себѣ отчета.

— Очень хорошо знаю объ этомъ, графъ,—улыбнувшись, замѣтила Лихтеръ. Въ Петербургѣ объ васъ говорятъ много, да и самый отъѣздъ вашъ приписываютъ вашему слишкомъ смѣлому волокитству.

— Пусть такъ, но я хочу сказать вамъ совсѣмъ о другомъ. Я полюбилъ Клару такъ, какъ не любилъ еще никогда ни одну женщину. И кажется, что въ любви къ ней не можетъ быть съ моей стороны ни малѣйшаго тщеславія. Положеніе ея слишкомъ скромно, а происхожденіе ея даже неизвѣстно.

— Ну, не говорите этого, графъ, — съ живостію перебила Амалія Максимовна. Клара — королевская дочь. Этому отыскиваются теперь въ Варшавѣ несомнѣнныя доказательства, и я скоро получу ихъ,—прихвастнула она, — тогда при помощи моихъ знакомыхъ въ Петербургѣ можно будетъ просить государыню, чтобы она сдѣлалась заступницей покинутой всѣми сироты. Я вполнѣ увѣрена, что по добытымъ мною доказательствамъ о знатномъ происхожденіи Клары, и въ особенности по просьбѣ императрицы, король Августъ III не откажетъ признать Клару своею сводною сестрой и тѣмъ самымъ поправитъ непростительную забывчивость и ея, и своего отца. Онъ можетъ дать ей и графскій титулъ, и большую пенсію. Графъ Брюль, заискивающій у здѣшняго двора, по просьбѣ графа Бестужева, возьмется хлопотать объ этомъ, и тогда Клара будетъ подходящей для васъ невѣстой, даже и въ такомъ случаѣ, если бы вы сдѣлались когда нибудь королемъ польскимъ.

— Ну, этого не дождемся ни я, ни она! — засмѣялся Понятовскій, не предчувствуя нисколько, что пустая болтовня Дрезденши была какъ бы пророчествомъ его блестящей будущности. Клара— думаю я—на столько ко мнѣ привязана, что вполнѣ удовольствовалась бы, если бы сдѣлалась только пани Понятовской, — сказалъ собесѣдникъ Амаліи Максимовны.

— Конечно, конечно! Но развѣ сестра ея Анна Ожельская не сдѣлалась герцогиней? Вѣдь вы, разумѣется, знаете ея исторію?

— Даже очень хорошо, и притомъ видѣлъ ее нѣсколько разъ.

Отъ души желаю, чтобы судьба Клары устроилась какъ нельзя лучше, но для меня отраднѣе было бы, если бы она ради надеждъ—по всей вѣроятности, несбыточныхъ — не разставалась со мною.

Въ отвѣтъ на эти слова, сказанныя съ большимъ чувствомъ, Дрезденша только махнула рукой, какъ бы желая тѣмъ выразить: знаемъ васъ, говорите вы такъ только, пока она вамъ не прискучитъ, а потомъ бросите: дѣлайся, какъ знаешь!

— Хорошо, я поговорю съ Кларой, да вы и сами хорошенько просите ее, — наставительно сказала Дрезденша.

— Объ этомъ нечего и говорить, но я еще ничего не сказалъ ей о моемъ отъѣздѣ. Надобно собраться съ силами, — промолвилъ Понятовскій, прощаясь съ Амаліей Максимовной, которая тотчасъ же отправилась къ Кларѣ.

XVI.

Не предчувствуя ничего печальнаго, Клара, въ ожиданіи пріѣзда своего возлюбленнаго, лежала на канапе и играла съ вскочившею на него собачкою, подаренною ей Понятовскимъ, когда совершенно неожиданно вошла Лихтеръ. Собачка соскочила съ канапе и съ непріязненнымъ лаемъ кинулась на вошедшую женщину, какъ будто чуя въ ней недруга своей любимой хозяйки.

— А каковъ твой Станиславъ! — съ притворнымъ раздраженіемъ въ голосѣ сказала она: — уѣзжаетъ надняхъ изъ Петербурга навсегда, а тебѣ, между тѣмъ, не говоритъ ни слова! Хорошъ! Видно, хочетъ тайкомъ сбѣжать отъ тебя. Вотъ любовь — такъ любовь, — засмѣялась она. Вздумалъ просить меня, чтобы я уговорила тебя съ нимъ ѣхать! Какъ же очень нужно, чтобы онъ гдѣ нибудь на дорогѣ бросилъ тебя.

Клара въ ужасѣ вскочила съ канапе и, какъ ошеломленная, опустивъ голову и свѣсивъ сложенныя руки, въ изумленіи, молча, слушала Дрезденшу.

— Говорю тебѣ, не ѣзди съ нимъ. Онъ обманываетъ тебя. Тобой онъ только забавлялся, какъ хорошенькой игрушкой. Ему было пріятно показывать тебя своимъ пріятелямъ, какъ свою любовницу, за которой сталъ бы ухаживать весь Петербургъ, если бы не знали, что ты неизмѣнно любишь своего Станислава. А сказать по правдѣ, не стоитъ онъ этого. Натѣшился тобою, да и довольно. Мало развѣ было у него любовницъ въ Петербургѣ? Да еще какихъ!—Дрезденша какъ будто спохватилась и, глядя на почти обезумѣвшую отъ ея рѣзкихъ словъ Клару, только насмѣшливо покачивала головою, какъ бы издѣваясь надъ обманутою дѣвушкой.

Клара опустилась на канапе и громко зарыдала, а госпожа Лихтеръ усѣлась съ ней рядомъ.

— Не плачь понапрасну, милая Клара, — утѣшала она. Найдешь лучшаго, нежели этотъ пустой вѣтрогонъ. Погоди только немного: скоро я получу изъ Варшавы бумаги, и будешь ты объявлена королевскою дочерью. Повѣрь мнѣ, а сама я увѣрена въ этомъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, и въ Варшавѣ, и въ Дрезденѣ примутся хлопотать о тебѣ усердно; а поѣдешь съ своимъ Станиславомъ — потеряешь все. Онъ, разумѣется, будетъ уговаривать тебя, чтобы ты съ нимъ ѣхала, но ты не слушай его: человѣкъ онъ пустой. Оставайся здѣсь; и черезъ моихъ благопріятелей я найду тебѣ мѣсто при дворѣ, тогда государыня лично узнаетъ тебя, и ты выйдешь на хорошую дорогу.

Клара ничего не отвѣчала на эти утѣшенія и даже вовсе не слушала заманчивыхъ обѣщаній своей утѣшительницы. Она думала только объ измѣнѣ горячо любимаго ею человѣка, но вскорѣ — какъ это часто случается — пылкая къ нему страсть Клары перешла быстро въ чувство злобы и даже ненависти противъ измѣнника, который, какъ убѣждала ее Лихтеръ, не стоитъ того, чтобы Клара пожертвовала ему своею, быть можетъ, блестящею будущностію.

Клара какъ будто ободрилась. Она отерла слезы и рѣшилась не сдаваться на уговоры Понятовскаго.

— Хорошо, я съ нимъ ни за что не поѣду! — твердымъ голосомъ проговорила она. Благодарю васъ, госпожа Лихтеръ, что вы обнаружили передо мною всю низость этого человѣка, котораго я такъ безгранично любила, — и Клара снова залилась слезами.

— Къ твоей же пользѣ говорю. Посуди сама, что если онъ второй разъ покинетъ тебя такъ, какъ покидаетъ теперь, не сказавъ тебѣ ни слова! Вѣдь ты этого не перенесешь. Я знаю твое нѣжное сердце.

— Не поѣду я съ нимъ въ Польшу, не поѣду ни за что, — заговорила Клара, хватаясь въ отчаяніи за голову и топая ножками въ припадкѣ сильнаго раздраженія.

— Да устоишь ли ты въ своей рѣшимости? Вѣдь онъ такой вкрадчивый: съумѣетъ обольстить и соблазнить хоть кого. Послушай только, что говорятъ о немъ въ Петербургѣ, — начала было Дрезденша, желая вызвать въ Кларѣ еще больше раздраженія, возбуждаемаго въ ней ревностію.

— Много чего я о немъ слышала, да не хотѣлось мнѣ вѣрить. Онъ такъ страшно клялся, что любитъ только меня одну, но теперь, когда онъ такъ жестоко пренебрегъ мною, и я клянусь, что между нимъ и мною все кончено, — сказала Клара уходившей отъ нея Дрезденшѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, пріѣхалъ къ Кларѣ Понятовскій. Долго колебался онъ прежде, чѣмъ рѣшился сообщить Кларѣ роковую для нея новость. Сильно взволнованная Клара вскорѣ вы-

вела его изъ затруднительнаго положенія, сказавъ, ему, что ей извѣстно уже о скоромъ его отъѣздѣ, и что въ этомъ случаѣ ее всего болѣе огорчила его скрытность.

Начались объясненія, при которыхъ со стороны Понятовскаго слышались увѣренія въ его неизмѣнной любви. Увѣренія эти смѣшивались съ горькими укорами, дѣлаемыми имъ Кларѣ за то, что она не хочетъ съ нимъ уѣхать. Клара, съ своей стороны, упрекала своего возлюбленнаго въ невѣрности и высказала, что ей извѣстна причина, по которой онъ долженъ немедленно уѣхать изъ Петербурга. Какъ ни умолялъ Понятовскій, подъ вліяніемъ ослѣплявшей его страсти, Клару уѣхать съ нимъ, она оставалась непреклонной, и раздраженный ея упорствомъ Станиславъ отъ любви и упрековъ перешелъ къ колкости.

— Вѣрно, надѣешься, что, оставаясь здѣсь, ты, при помощи друзей, сдѣлаешься королевской дочерью?—язвительно сказалъ онъ.

— Не надѣюсь ни на что, а просто не хочу быть любовницею того, кто такъ жестоко обманывалъ и обманываетъ меня. Я разочаровалась и ненавижу тебя!—воскрикнула Клара и, гнѣвно взглянувъ на Понятовскаго, вышла изъ комнаты.

Онъ понялъ, что при раздраженіи Клары въ настоящую пору дальнѣйшія его просьбы только усилятъ ея негодованіе противъ него, и что послѣ того, что̀ было высказано ею съ такою горечью и съ такимъ къ нему презрѣніемъ, любовь ихъ не будетъ прочна. Въ головѣ его мелькнула мысль, что, сманивъ съ собою Клару, онъ надолго, если не навсегда, свяжетъ себя такими узами, которыя вскорѣ могутъ оказаться тяжелыми для него. Поддавшись этому соображенію, онъ, съ свой стороны, рѣшился разстаться съ нею, тѣмъ болѣе, что ему не разъ уже приходилось испытывать разлуку съ любимыми женщинами, погрустить объ нихъ нѣкоторое время и вскорѣ послѣ того находить себѣ новыхъ утѣшительницъ, любовь къ которымъ окончательно изглаживала прежнюю страсть. Вдобавокъ къ тому, онъ полагалъ, что, если привязанность его къ Кларѣ не прекратится, то онъ страстными письмами въ концѣ-концовъ успѣетъ склонить ее, чтобы она пріѣхала къ нему, въ Варшаву.

Успокоившись этими соображеніями, онъ написалъ Кларѣ письмо, наполненное нѣжными и страстными выраженіями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и упреками за ея холодность, увѣреніями въ вѣчной любви и просьбами о прощеніи, если онъ въ чемъ нибудь виноватъ передъ нею. Въ заключеніе онъ писалъ, что происшедшую между ними размолвку онъ не считаетъ поводомъ къ окончательному разрыву и надѣется, что Клара, когда пройдутъ первые порывы ея гнѣва, съ печалью вспомнитъ о томъ, кто любилъ ее болѣе всѣхъ на свѣтѣ.

Письмо это онъ передалъ Амаліи Максимовнѣ, чтобы она вру-

чила его Кларѣ, когда увидитъ, что Клара нѣсколько успокоится. Оставилъ онъ ей также тысячу червонцевъ, которые Лихтеръ должна была передать Кларѣ, если бы ей встрѣтилась надобность въ деньгахъ. Онъ не рѣшился еще разъ увидѣться съ обольщенной имъ дѣвушкой и выѣхалъ изъ Россіи.

Молодой, красивый, остроумный и образованный Понятовскій былъ первымъ кавалеромъ и среди петербургскаго общества, и при дворѣ, и потому отъѣздъ его былъ очень замѣтенъ. Многія дамы и дѣвицы сильно грустили о немъ, и онъ долгое время былъ предметомъ несмолкаемыхъ толковъ и пересудовъ. Разошлась въ обществѣ молва и объ обольщенной и послѣ того покинутой имъ «принцессѣ». Къ такой молвѣ присоединялись все болѣе и болѣе получавшіе достовѣрность слухи о томъ, что Клара была побочная дочь короля польскаго. Многія сердобольныя барыни начали принимать участіе въ печальномъ положеніи Клары. Постепенно слухи о ней дошли и до государыни, которая, гнѣваясь на молодаго поляка за развращенность его нравовъ, высказывала сожалѣніе о дѣвушкѣ, покинутой безжалостнымъ волокитой.

Молва о разрывѣ Клары съ Понятовскимъ и выѣздъ его изъ Петербурга подали многимъ охотникамъ до любовныхъ похожденій надежду замѣнить его при Кларѣ. Теперь ее стали учащенно посѣщать тѣ, которые прежде, видя въ Понятовскомъ непобѣдимаго соперника, считали напраснымъ трудомъ увиваться около Клары. Стали наѣзжать къ ней и незнакомые ей прежде мужчины, надѣясь завести съ нею близкое знакомство. Клара, однако, уклонялась не только отъ новыхъ, но и отъ прежнихъ знакомствъ, и, когда прошли первыя вспышки негодованія противъ вѣроломнаго друга, она стала сильно горевать о немъ и любить его, какъ любила прежде.

XVII.

Около того времени, къ которому относится нашъ разсказъ, однимъ изъ самыхъ бойкихъ и дѣловыхъ чиновниковъ, занимавшихъ въ Петербургѣ видныя мѣста, считался кабинетъ-секретарь Василій Ивановичъ Демидовъ. Прежде онъ служилъ членомъ коммерцъ-коллегіи, гдѣ усердно занимался составленіемъ тарифовъ, установленіемъ таможенныхъ пошлинъ и тому подобными «фискальными дѣлами». Слылъ онъ человѣкомъ прямымъ, правдивымъ и въ нравственномъ отношеніи вполнѣ безупречнымъ. Нерѣдко не только въ кругу знакомыхъ, но и среди членовъ кабинета заводилъ онъ рѣчь о «поврежденіи нравовъ» и толковалъ съ жаромъ о необходимости обуздать человѣческія страсти именными повелѣніями, высочайшими указами и правительственными распоряженіями. О Демидовѣ, какъ о человѣкѣ дѣловомъ, нелицепріятномъ и богобояз-

ненномъ, дошли черезъ Мавру Егоровну слухи и до самой государыни, почему онъ и былъ назначенъ кабинетъ-секретаремъ.

— Вотъ, матушка Лизавета Петровна,—говорила Мавра Егоровна ложившейся почивать послѣ долгой и усердной молитвы императрицѣ: — послѣзавтра заговѣнье, наступитъ великій постъ, а грѣхи-то наши, грѣхи! Ой, ой!

Набожная государыня тяжело вздохнула.

— Ужъ не знаю, что и дѣлать, Мавруша, придется мнѣ отвѣчать не только за мои собственные, но какъ царицѣ, чего добраго, и за чужіе еще грѣхи,—проговорила она съ замѣтнымъ сокрушеніемъ сердца.

— Да ты, государыня, утвердила бы своею властію добрые нравы и начала бы такое богоугодное дѣло съ Петербурга, поочистила бы здѣсь разные вертепы, да и на тѣхъ, которые въ одиночку пошаливаютъ, приказала бы обратить вниманіе. Вѣдь и при дворѣ-то твоемъ много любовныхъ грѣховъ творится.

— Говорилъ мнѣ объ этомъ отецъ Θедоръ, и надумалась я приказать Демидову—хорошенько призаняться этимъ дѣломъ. Онъ человѣкъ благочестивый и усердный, такъ кстати въ великомъ посту ему такая работа будетъ подходящей. Завтра же призову его къ себѣ и лично прикажу извести всѣхъ грѣховодницъ, чтобы ни одной въ Петербургѣ не осталось, пусть убираются отсюда подальше. Прикажу ему, чтобъ онъ притянулъ къ отвѣту не однѣхъ только подлыхъ женщинъ, но не далъ бы спуску и особамъ всякаго ранга, если таковыя во грѣхахъ окажутся. Пусть разыщетъ онъ тѣхъ, которыя своимъ мужьямъ измѣняютъ, да задастъ острастку и тѣмъ мужьямъ, которые женамъ невѣрны окажутся. Дамъ я ему на то всякое полномочіе.

— И хорошо сдѣлаешь, голубушка,—одобрительно проговорила Шувалова.

Въ эту ночь Петръ Ивановичъ возвратился домой очень поздно, и самыя сильныя подозрѣнія на счетъ его вѣрности закрались въ душу его подозрительной супруги.

— Вотъ посмотримъ, что-то будетъ,—говорила по утру Мавра Егоровна своему мужу торжественнымъ и какъ бы намекающимъ на что-то голосомъ. Государыня хочетъ извести въ Петербургѣ всѣхъ грѣховодницъ и грѣховодниковъ. Доберутся скоро и до тѣхъ и до другихъ,—и она уставила испытующій взглядъ на Петра Ивановича.

Онъ замѣтно смутился, но тотчасъ оправился и началъ восхвалять благое намѣреніе государыни.

Спустя нѣсколько часовъ, Петръ Ивановичъ былъ у своей возлюбленной. Онъ казался очень мрачнымъ и послѣ обычнаго привѣтствія, не безъ нѣкотораго смущенія, положилъ передъ нею на

столъ сложенный въ четверо листъ бумаги, а на листъ этотъ высыпалъ горсть новенькихъ, ярко блестѣвшихъ червонцевъ.

— Вотъ, Миночка, тебѣ подорожная и деньги, отправляйся завтра же въ Нарву и проживи тамъ, пока я увѣдомлю тебя, что ты можешь вернуться въ Петербургъ,—проговорилъ, запинаясь, Шуваловъ.

Молоденькая женщина вопросительно, съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Нужно тебѣ на время выбраться отсюда, но какимъ причинамъ—знать тебѣ это будетъ пока излишнимъ, скажу только, что здѣсь будетъ большой переполохъ. Кто знаетъ, быть можетъ, доберутся и до тебя. Враговъ у меня немало, и они постараются выставить меня передъ государыней развратнымъ человѣкомъ, а что еще хуже будетъ, провѣдаетъ, пожалуй, Мавра Егоровна о нашей дружбѣ, и тогда мнѣ отъ нея житья не будетъ. Она ужъ и такъ начинаетъ кое-что подозрѣвать и слѣдить за мною куда какъ зорко!

— Да вѣдь ты, Петръ Ивановичъ, такой сильный вельможа, что тебя никто затронуть не можетъ,—перебила Мина, вообразивъ, что не идетъ ли теперь рѣчь о какомъ нибудь политическомъ переворотѣ, при которомъ раскроются всѣ тайны Петра Ивановича.

— Такъ-то такъ, а знаешь, все будетъ какъ-то лучше, если ты на время укроешься гдѣ нибудь. Поѣзжай-ка въ Нарву. Недѣли черезъ двѣ все успокоится, и мы снова свидимся.

Миночкѣ, однако, очень не хотѣлось выѣзжать такъ неожиданно изъ Петербурга, тѣмъ болѣе въ такое время, когда наступала нѣмецкая масляница, которую въ ту пору петербургскіе нѣмцы такъ весело проводили въ Красномъ Кабачкѣ. Нечего было, однако, дѣлать, и Миночкѣ пришлось для отъѣзда въ Нарву воспользоваться доставленною ей Петромъ Ивановичемъ подорожною, а также и деньгами, назначенными для поѣздки щедрою рукою графа.

Опасенія Петра Ивановича не были напрасны. На слѣдующій день, въ самое заговѣніе, императрица потребовала къ себѣ Демидова.

Когда онъ явился къ ней, она милостиво приняла его и, въ знакъ своего особеннаго благоволенія, пожаловала его къ ручкѣ, которую Демидовъ благоговѣйно поцаловалъ, ставъ при этомъ, по тогдашнему обычаю, на колѣно.

— Ты, Василій Ивановичъ, — сказала государыня: — человѣкъ богобоязненный и отъ чистаго сердца порадѣешь о спасеніи грѣшницъ и грѣшниковъ. Поразвѣдай хорошенько, гдѣ и какіе именно здѣсь водятся, не смотри при этомъ на знатныхъ персонъ. Развѣдывай обо всѣхъ доподлинно. Но на первыхъ порахъ дѣлай это тайкомъ. Не поднимай сразу большаго шума. Ты съумѣешь это сдѣлать въ полной исправности. Да присмотри,—продолжала нѣ-

сколько взволнованнымъ голосомъ императрица:—и за егермейстеромъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, нѣтъ-ли и у него какихъ нибудь любовныхъ шашенъ. Словомъ, дѣйствуй по чистой совѣсти, безъ всякаго лицепріятія, а я услугъ твоихъ не забуду, да кстати и ты такимъ богоугоднымъ дѣломъ свои грѣхи поубавишь, хоть я и знаю, что у тебя ихъ, какъ у человѣка благочестивой жизни, наберется немного.

— Кто это знаетъ,—умиленно проговорилъ Демидовъ. Сегодня, матушка-царица, прощеный день, такъ ты прости меня, если я согрѣшилъ передъ тобою словомъ, дѣломъ, вѣдѣніемъ или невѣдѣніемъ—и, говоря это, кабинетъ-секретарь бухнулся въ ножки государынѣ и растянулся по полу.

— Богъ проститъ тебя, Василій Ивановичъ, если ты въ чемъ нибудь согрѣшилъ передо мною, я твоихъ прегрѣшеній пока не вѣдаю,—и государыня снова пожаловала его къ ручкѣ.

— Поступи же такъ, какъ я тебѣ сказала, а я, выслушавъ твой докладъ, издамъ, согласно съ нимъ, высочайшій указъ, и тогда всякія распутства у насъ, съ помощью Божіею, прекратятся.

XVIII.

Клара, покинутая Понятовскимъ, осталась какъ бы на попеченіи Николая Наумовича, который былъ въ Петербургѣ ближайшимъ пріятелемъ графа Станислава Понятовскаго. Чоглоковъ, человѣкъ далеко еще не старый, взялся по просьбѣ Понятовскаго защищать отъ разныхъ напастей оставленную дѣвушку, но, какъ это часто бываетъ, такого рода попечители злоупотребляютъ оказаннымъ имъ довѣріемъ. Онъ сталъ усердно посѣщать Клару, съ участіемъ навѣдываясь объ ея здоровьѣ и ея положеніи. Вскорѣ посѣщенія его стали сопровождаться любезностями, а затѣмъ послѣдовали и любовныя объясненія. Клара, однако, наотрѣзъ отказала новому волокитѣ въ его исканіяхъ и заявила, что она любитъ и будетъ любить только одного Станислава. Чоглоковъ, оскорбленный такимъ отказомъ, началъ мстить Кларѣ за ея стойкую любовь къ Понятовскому. Онъ съ пренебреженіемъ сталъ отзываться при Кларѣ о Понятовскомъ, называя его ловкимъ плутомъ и пройдохою; разсказывалъ Кларѣ, что у любимаго ею такъ страстно Станислава было въ Петербургѣ нѣсколько любовницъ, которыхъ онъ предпочиталъ ей. Тому, что говорилъ Чоглоковъ, Клара, какъ до ослѣпленія влюбленная въ Понятовскаго женщина, не вѣрила вполнѣ. Правда, она знала о любовныхъ похожденіяхъ Станислава, но, всетаки, была твердо увѣрена, что такія похожденія были только мимолетною вѣтренностью, и хотя съ огорченіемъ, но прощала ему временныя измѣны, будучи убѣждена, что въ концѣ-концовъ сердце Понятовскаго принадлежало исключительно ей одной.

Поэтому, когда Чоглоковъ хотѣлъ увѣрить ее въ противномъ, то она смотрѣла на него, какъ на наглаго и презрѣннаго выдумщика. Подъ вліяніемъ непріязненнаго чувства къ Чоглокову, она стала холодно относиться къ нему и начала отказываться принимать его у себя. Въ свою очередь, Чоглоковъ, обиженный всѣмъ этимъ и видя себя окончательно отвергнутымъ, сталъ съ досады и злости разсказывать въ кругу знакомыхъ Дрезденши, что онъ самъ бросилъ Клару, какъ продажную женщину, вслѣдствіе того, что не могъ сойдтись съ нею въ цѣнѣ при покупкѣ ея благосклонности.

Обо всемъ этомъ Клара узнала черезъ графа Дмитревскаго, который оказался ея искреннимъ другомъ, хотя на первый разъ и въ видѣ сплетника. Когда же Клара, невыносимо тосковавшая о Понятовскомъ, задумала ѣхать къ нему въ Варшаву, то Чоглоковъ, узнавъ объ этомъ, пригрозилъ ей черезъ Амалію Максимовну, что онъ устроитъ дѣло такъ, что Клару не только не выпустятъ изъ Петербурга, но и засадятъ въ полицію, какъ развратную женщину. По поводу такихъ угрозъ Клара обратилась за совѣтомъ къ Амаліи Максимовнѣ, но не встрѣтила со стороны этой послѣдней не только никакого участія, но, напротивъ, Дрезденша наговорила ей разныхъ дерзостей и подтвердила, что Чоглоковъ, какъ человѣкъ знатный и близкій ко двору, можетъ надѣлать ей множество непріятностей, и что она не найдетъ на него никакой управы, и въ виду этого внушала Кларѣ уступить искательствамъ Чоглокова. Тогда Клара, выведенная изъ терпѣнія розсказнями и поступками Чоглокова, рѣшилась, по наущенію Дмитревскаго, отмстить Чоглокову и Дрезденшѣ и устроить себѣ безпрепятственный выѣздъ изъ Петербурга. Подходящій къ тому способъ, который придумалъ Дмитревскій и на который согласилась Клара, состоялъ въ томъ, чтобы обличить Чоглокова передъ его женою въ супружеской невѣрности. Такой разсчетъ на устраненіе могущихъ быть со стороны Николая Наумовича непріятностей казался очень вѣрнымъ. Марья Симоновна, какъ мы сказали, вслѣдствіе своего родства, была близка къ императрицѣ, и жалоба Чоглоковой на ея мужа могла имѣть не только непріятныя для него послѣдствія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обратить вниманіе императрицы на покинутую дѣвушку, положеніемъ которой Чоглоковъ хотѣлъ воспользоваться самыми неблаговидными способами.

Однажды, когда Николай Наумовичъ уѣхалъ на охоту, Марьѣ Симоновнѣ доложили, что какая-то молодая дѣвушка желаетъ ее видѣть, но не хочетъ сказывать, кто она, а только настаиваетъ, что ей необходимо нужно лично видѣться съ гофмейстериною. Полагая, что пришла какая нибудь обыкновенная просительница, избѣгающая всякой огласки и какъ бы оказывающая особое довѣріе одной только Чоглоковой, Марья Симоновна, женщина съ добрымъ сердцемъ, приказала позвать въ свою уборную молодую,

неизвѣстную ей дѣвушку, а по приходѣ Клары въ уборную велѣла своей камеръ-медхенъ выйдти изъ комнаты.

— Что вамъ, сударушка моя, отъ меня нужно? — участливо спросила Марья Симоновна Клару, которая съ перваго взгляда расположила къ себѣ Чоглокову.

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ Клара залилась слезами, которыя, какъ извѣстно, производятъ на женщинъ чрезвычайно сильное впечатлѣніе.

— Не плачь, моя красавица, а скажи, въ чемъ дѣло? — сказала Марья Симоновна, ласково отнимая платокъ отъ личика Клары и затѣмъ положивъ руку не ея плечо. Скажи просто, въ чемъ дѣло, и я охотно помогу тебѣ, если можно. Быть можетъ, ты находишься въ нуждѣ? Не стѣсняйся...

Хотя нарядъ Клары, не только приличный, но даже щегольской, отдалялъ всякую мысль о подобной просьбѣ со стороны молодой дѣвушки, но такъ какъ въ ту пору денежное попрошайство въ знатныхъ домахъ было въ Петербургѣ чрезвычайно развито, то вопросъ о денежной подачкѣ невольно сорвался прежде всего съ языка добросердечной Чоглоковой.

Клара въ отвѣтъ на это отрицательно покачала головой.

— Такъ что же тебѣ, моя голубушка, нужно? Быть можетъ, желаешь достать какую нибудь должность для мужа или брата? Скажи мнѣ прямо?

И на этотъ вопросъ Клара отрицательно покачала головою. Она не рѣшалась высказать, зачѣмъ она пришла къ знатной дамѣ, которая такъ привѣтливо и такъ ласково приняла ее, и которую ей, Кларѣ, придется поразить крайне непріятною вѣстью.

— Я хочу уѣхать изъ Петербурга къ человѣку, котораго я такъ сильно люблю, но къ которому меня не пускаютъ.

Чоглокова весело разсмѣялась. Ей въ первый разъ приходилось слышать такую странную просьбу, и, разумѣется, ей никакъ не могло прійдти въ голову: какая можетъ существовать связь между ею и поѣздкой молодой, незнакомой ей вовсе дѣвушки къ человѣку, котораго эта дѣвушка любитъ.

— Это дѣло меня нисколько не касается, завѣдуетъ такими дѣлами полиція. Вѣрно, она хочетъ задержать тебя за долги, — и у Марьи Симоновны снова мелькнула мысль, что, вѣроятно, просительницѣ нужны на дорогу деньги, и она снова хотѣла было предложить ей вопросъ о деньгахъ, но теперь надъ готовностію помочь нуждающейся незнакомкѣ взяло верхъ женское любопытство.

— А куда же и къ кому ты, душенька, хочешь ѣхать?

— Въ Варшаву, къ графу Станиславу Понятовскому.

При имени Понятовскаго лицо Марьи Симоновны приняло

радостное выраженіе, такъ какъ она была гофмейстериною «маленькаго» двора, при которомъ такъ радушно былъ принимаемъ Понятовскій. Передъ Чоглоковой поднималась завѣса, за которую ей такъ желательно было заглянуть, по разнымъ соображеніямъ.

— Да вы не принцесса-ли? — торопливо спросила Чоглокова, слышавшая очень часто такое названіе Клары при разговорахъ о Понятовскомъ, и она пристально, съ выраженіемъ сильнаго любопытства въ глазахъ, стала всматриваться въ Клару, понимая, что такая хорошенькая дѣвушка могла увлечь своею красотою графа Станислава, хотя онъ и былъ любимецъ женщинъ самаго высокаго полета. Вѣдь вы дочь короля Августа II? — какъ-то нерѣшительно проговорила Чоглокова.

— Я — Клара Оберденъ, а чья я дочь, я этого не знаю, да не о томъ теперь и дѣло идетъ, — сказала взволнованнымъ голосомъ Клара.

— Да кто грозитъ не выпускать васъ изъ Петербурга?

Клара молчала, какъ будто собираясь съ силами.

— Вашъ мужъ! — вдругъ громко, но дрожащимъ голосомъ вскрикнула Клара.

— Мой мужъ? — изумилась Марья Симоновна. Этого не можетъ быть! — гнѣвно вскрикнула она, побуждаемая тѣмъ понятнымъ каждой женщинѣ чувствомъ, которое неизбѣжно охватываетъ ее на первый разъ въ подобныхъ неожиданныхъ случаяхъ.

— Да, онъ, — подтвердила Клара.

Марья Симоновна измѣнилась въ лицѣ, быстро подбѣжала къ двери и, пріотворивъ ее, заглянула въ сосѣднюю комнату и затѣмъ заперла дверь на ключъ. Точно шатаясь на ногахъ, она подошла къ кресламъ и въ безсиліи опустилась въ нихъ.

— Сядьте возлѣ меня, разскажите мнѣ все, какъ было, — обратилась она въ смущеніи къ Кларѣ, указывая ей на близь стоявшее кресло. Если вы говорите пофранцузски, то разсказывайте на этомъ языкѣ. Я не хочу, чтобы кто нибудь подслушалъ нашъ разговоръ.

Марья Симоновна тяжело дышала, опустивъ на колѣна сложенныя руки и не смотря въ лицо Кларѣ, которая съ полнымъ чистосердечіемъ разсказала о томъ, какъ она отдалась впервые Понятовскому, а потомъ какъ его выѣздомъ изъ Петербурга воспользовался Чоглоковъ, какъ онъ искалъ ея благосклонности и, не достигнувъ этого, употреблялъ противъ нея средства, недостойныя вообще порядочнаго человѣка, а тѣмъ еще болѣе женатаго на такой прекрасной и молодой женщинѣ, какую она видитъ передъ собою. Хотя Клара говорила сильно взволнованнымъ голосомъ, но говорила складно и задушевно, и казалось, что она своимъ чистосердечнымъ признаніемъ совершенно подавила обманутую мужемъ жену.

Чоглокова то блѣднѣла, то красныя пятна выступали на ея лицѣ.

— Этого не можетъ быть! Все, что я слышу — не болѣе какъ клевета на моего мужа, — повторяла она, задыхаясь отъ овладѣвавшихъ ею сильныхъ порывовъ гнѣва.

На всѣ эти возгласы Клара не проговорила ни слова.

— А кто устроилъ ваше сближеніе съ графомъ Понятовскимъ?— рѣзко спросила она замолчавшую Клару.

Накипѣвшая противъ Дрезденши злоба заставила Клару упомянуть объ Амаліи Максимовнѣ.

— Ахъ, это та негодная баба, о которой говорятъ въ Петербургѣ такъ много даже дамы нашего круга?

— Вѣроятно, и мой Николай Наумовичъ не разъ прибѣгалъ къ ея посредничеству, — подумала Марья Симоновна и рѣшилась до всего добраться, употребивъ довольно хитрый пріемъ.

— Я не могу повѣрить, чтобы мой мужъ имѣлъ какія нибудь сношенія съ Лихтершей. Это напраслина на него. Правда, много женатыхъ мужчинъ бываетъ у нея. Я, напримѣръ, слышала, что даже графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ часто навѣщаетъ ее? Но ужъ это чистѣйшая выдумка, и ничего нѣтъ мудренаго, что, если могутъ говорить это о немъ, то еще легче говорить о моемъ мужѣ, который гораздо моложе его. Развѣ графъ Петръ Ивановичъ ведетъ знакомство съ Дрезденшей?

— Да, — проговорила Клара, утвердительно кивнувъ головой.

— Вотъ видите, — съ увѣренностію обратилась Марья Симоновна къ Кларѣ: — если мнѣ извѣстны даже тѣ посторонніе люди, которые бывали у Дрезденши, то какъ бы мнѣ не знать, если бы мой мужъ имѣлъ съ нею какія нибудь сношенія?

Въ отвѣтъ на такое странное соображеніе Марьи Симоновны Клара только слегка улыбнулась, такъ какъ ей были извѣстны какъ очень многія похожденія Чоглокова въ домѣ Амаліи Максимовны, такъ и устройство разныхъ его любовныхъ дѣлишекъ на сторонѣ при посредствѣ той же Амаліи Максимовны.

Спрашивая о графѣ Петрѣ Ивановичѣ и желая убѣдиться въ его сношеніяхъ съ Лихтершей, Марья Симоновна имѣла въ виду пріобрѣсти себѣ сильную союзницу въ лицѣ Мавры Егоровны, тоже обманутой своимъ мужемъ. Надобно было, однако, кончить какъ нибудь съ Кларой разговоръ, такъ сильно разстроившій Марью Симоновну.

— Отправьтесь къ графинѣ Маврѣ Егоровнѣ Шуваловой, — сказала съ видомъ участія Марья Симоновна: — и разскажите ей обо всемъ, не скрывайте и того, что вы знаете относительно ея мужа. Она будетъ вамъ за это благодарна. Она очень близка съ государыней, имѣетъ счастіе бесѣдовать съ нею каждый день и можетъ помочь вамъ гораздо скорѣе, нежели я, такъ какъ я, не

смотря на мое родство съ императрицей, рѣдко удостоиваюсь видѣть ее и не считаю себя въ правѣ въ разговорѣ съ нею вмѣшиваться въ чужія дѣла.

Затѣмъ Чоглокова ласково простилась съ Кларой, положивъ расправиться съ своимъ коварнымъ супругомъ.

Когда позднею ночью Чоглоковъ вернулся съ охоты, Марья Симоновна не могла утерпѣть, чтобы не разсказать ему объ его любовныхъ похожденіяхъ вообще и о продѣлкахъ его съ одною молодой дѣвушкой, объ имени которой она, однако, не упомянула, такъ что оказывалось, будто она только стороной провѣдала обо всемъ, безъ всякаго участія со стороны Клары. Николай Наумовичъ долго ломалъ голову, кто бы могъ передать объ его проказахъ Марьѣ Симоновнѣ. Онъ увѣрялъ и клялся, что съ нимъ никогда ничего подобнаго не было, что все слышанное его женою лишь пустыя сплетни или какое нибудь недоразумѣніе на его счетъ. Размолвка между супругами обратилась въ сильную ссору, но Николай Наумовичъ, погорячившись немного, присмирѣлъ, чувствуя себя кругомъ виновнымъ, а Марья Симоновна, видя кротость мужа и его покорность, простила его на этотъ разъ, взявъ съ него обѣщаніе передъ иконой, что съ нимъ никогда ничего подобнаго не повторится. Если же она еще что нибудь услышитъ объ его волокитствѣ, то скажетъ объ этомъ императрицѣ и попроситъ, чтобы она поручила изслѣдовать дѣло начальнику тайной канцеляріи графу Александру Ивановичу Шувалову, который съумѣетъ отлично расправиться какъ съ нимъ, такъ и съ предметомъ его страсти.

XIX.

Совершенно иной пріемъ встрѣтила Клара у Мавры Егоровны. Когда Клара пріѣхала въ домъ къ графинѣ и приказала о себѣ доложить такъ, какъ это сдѣлала въ домѣ Чоглоковой, то Мавра Егоровна просто-на-просто не захотѣла принять ее, приказавъ сказать, что у нея, Мавры Егоровны, никакихъ дѣлъ съ чужими людьми нѣтъ, а если ей, просительницѣ, что нибудь нужно, то она можетъ передать объ этомъ домоправительницѣ графини, а та уже доложитъ объ ея просьбѣ ея сіятельству. Вышедшая въ прихожую старушка — домоправительница принялась допытываться у Клары, что ей именно нужно отъ графини Мавры Егоровны, но Клара упорно настаивала на томъ, что она можетъ передать это только самой графинѣ съ глазу на глазъ, а никому болѣе.

— Вишь вѣдь какая упорная! — прошамкала старушка и побрела къ своей госпожѣ.

Настойчивость неизвѣстной посѣтительницы раздражила Мавру Егоровну, и она съ досадою побѣжала въ прихожую.

— Иди сюда! — громко крикнула она Кларѣ въ дверь, спѣшно отворенную бѣжавшею передъ нею старухой.

— Иди сюда! — повелительно повторила Мавра Егоровна, подзывая Клару рукою.

Неторопливо вошла Клара на этотъ зовъ.

— Ты кто такая будешь? — отрывисто спросила графиня.

— Я пріѣзжая въ Петербургъ иностранка Клара Оберденъ.

— О такой я и не знаю и не слыхивала отъ роду, — проговорила Мавра Егоровна, покачивая отрицательно головою: — а что же тебѣ нужно?

— Я пришла къ вамъ жаловаться на госпожу Лихтеръ.

— Какая такая Лихтерша? и такой я не знаю. Что мнѣ до нея за дѣло! сердито перебила графиня. — Да кто же она такая? При дворѣ что ли она служитъ?

— Она тоже иностранка, пріѣхавшая изъ Дрездена.

— Такъ это, вѣрно, Дрезденша, что живетъ на Вознесенской перпшективѣ? — вопросительно вскрикнула Шувалова. О ней-то я слышала, ну, такъ бы и сказала. Видно, она сманила тебя. Наобѣщала три короба разныхъ разностей въ Петербургѣ, ты ей повѣрила, а теперь вздумала плакаться на нее? Такъ, что ли? Да ты-то сама, видно, какая нибудь потаскушка. Вотъ я съ тобой теперь разговариваю, а знаешь ли, что тебя ни одна знатная персона въ Петербургѣ даже черезъ порогъ не пуститъ.

У Клары захватило дыханіе отъ такого униженія.

— Я понимаю мое жалкое положеніе, понимаю его очень хорошо, но что касается знатныхъ персонъ, то сколько есть между ними такихъ, которыя держатъ себя похуже меня! — проговорила твердо Клара.

— Что? что? — грозно заговорила Мавра Егоровна, приподнимаясь съ креселъ и смотря въ упоръ на Клару.

— Не выдумывай, моя голубушка, не выдумывай всякихъ пустяковъ и вздоровъ, да и какое тебѣ дѣло до знатныхъ персонъ. Ведешь знакомство съ Дрезденшей, а сама ломишься въ амбицію. Да какія такія извѣстны тебѣ знатныя персоны, которыя возжались бы съ этой негодницей? Ну-ка, скажи, кто онѣ такія? Выдумываешь ты только попусту.

Клара не вытерпѣла и назвала нѣсколькихъ дамъ, которыя, — какъ выразился Даниловъ, — ѣздили къ Дрезденшѣ, чтобы другихъ мужей себѣ по нраву выбирать. На лицѣ Мавры Егоровны показалось выраженіе удовольствія. Она была очень рада, что, наконецъ, напала на эту дорожку, и что у нея для вечернихъ бесѣдъ съ государыней найдутся весьма занимательные разсказы. Притомъ ей вообще пріятно было узнать чужія тайны, особенно въ виду того, что сама Мавра Егоровна подозрѣвала своего мужа и ревновала его къ нѣкоторымъ изъ знакомыхъ съ нею молодыхъ дамъ.

— Хорошо, — проговорила уже нѣсколько привѣтливымъ голосомъ графиня. Ну, а съ кѣмъ же сама-то ты согрѣшила? Не стыдись, тайны твоей я никому не выдамъ, а если чѣмъ можно, то и помогу.

— Я не стыжусь моей любви, — отвѣчала воодушевленно Клара: — потому что я полюбила отъ чистаго сердца, полюбила въ первый разъ и никогда не измѣню ему. Быть можетъ, онъ позабудетъ и броситъ меня, но онъ навѣки останется мнѣ милъ!.. съ чувствомъ и со слезами на глазахъ проговорила Клара.

— Видно, ужъ больно полюбился, коли о немъ говоришь съ такимъ сантиментомъ, — усмѣхнулась графиня. Да кто же онъ такой?

— Графъ Понятовскій, — отвѣчала въ волненіи Клара.

— Понятовскій? — какъ будто не вѣря, переспросила графиня. Такъ вотъ оно что̀, — подумала она, — это куда какъ любопытно. Да вы не та ли особа, которую зовутъ въ Петербургѣ «принцессой?» Вѣдь вы покойнаго короля польскаго дочерью будете? — спросила Шувалова, измѣнивъ свой прежній суровой тонъ на болѣе мягкій.

— Я не знаю, чья я дочь, и не знаю, зовутъ ли меня въ Петербургѣ «принцессой», — съ живостью перебила Клара.

— Теперь я припоминаю васъ. Когда мы были съ государыней на катальныхъ горахъ, намъ показывали васъ. Вы были съ Понятовскимъ, и я замѣтила, что тогда графъ сильно увивался за вами. Ахъ, онъ этакій негодникъ. Видно, что вкусъ у него куда какъ хорошъ. Да съ чего вы вздумали сходиться съ нимъ? — участливо спросила графиня, указывая рукою на стоявшее возлѣ нея кресло и приглашая этимъ знакомъ Клару садиться. Скажу вамъ, извините за откровенность, что вы просто-на-просто глупенькая, вы дурочка, и больше ничего. Нашла кого выбрать — такого вѣтрогона, какъ Понятовскій, да у него и безъ васъ было столько возлюбленныхъ персонъ, которыя души въ немъ не чаяли.

— Онъ не скрывалъ отъ меня своихъ любовныхъ удачъ, и я все знаю... отозвалась Клара.

— Тише, тише, — проговорила Шувалова: — не будьте болтливы. Онъ, чего добраго, наговорилъ вамъ всякихъ небылицъ. Вѣдь онъ порядочный хвастунъ, болтунъ и пустомеля. Разсказывалъ онъ здѣсь въ Петербургѣ, будто какая-то цыганка предсказала ему, что онъ будетъ королемъ, такъ вотъ ему королевская дочь и годилась бы въ невѣсты, — добавила графиня полунасмѣшливо и, взглянувъ въ это время на сидѣвшую возлѣ нея красавицу, подумала: «а что вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, она хоть бы въ королевы годилась».

— Такъ что-жъ, моя голубушка, хочешь ты предпринять? — покровительственно спросила Мавра Егоровна. Если что тебѣ нужно, я, пожалуй, доложу и государынѣ, а она тебя своею высокою милостію не оставитъ. Она у насъ такая добрая, а только дурныхъ

нравовъ и вольностей женскихъ куда какъ не любитъ. Вотъ и теперь хочетъ поврежденіе нашихъ нравовъ исправить. А ты что хочешь съ собою сдѣлать, ты такъ мнѣ и не сказала.

— Я хочу уѣхать въ Варшаву.

— Ну, и съ Богомъ, хорошо сдѣлаешь. Будетъ, пожалуй, у насъ скоро такой переполохъ, что и тебѣ, можетъ быть, лучше бы отсюда подальше. Поѣзжай, поѣзжай въ добрый часъ, тамъ навѣрно встрѣтишь своего любезнаго. Онъ теперь въ Вершавѣ и гоняется за тамошними красотками, отбей его у нихъ. Вѣдь ты такая хорошенькая, что тобой не налюбуешься.

Не смотря на эту льстивую приправу, на лицѣ Клары выразилась тихая грусть при мысли, что Понятовскій, дѣйствительно, измѣнилъ ей въ Варшавѣ и волочится за другими.

— Жаль, моя миленькая,— заговорила Мавра Егоровна:— что Понятовскій чужой у насъ человѣкъ. Былъ бы онъ вѣрноподданный ея величества, такъ государыня всемилостивѣйше повелѣла бы ему жениться на тебѣ.

— Да я сама не пошла бы за него, если бы его принудили взять меня за себя,— съ живостью перебила Клара.

— Ну, какъ знаешь! Я сказала это такъ, только къ слову. Да отчего же ты не ѣдешь въ Варшаву?

— Меня не хотятъ выпустить.

— Кто же это?

Отъ прежняго сильнаго волненія и испытаннаго теперь раздраженія при воспоминаніи о Понятовскомъ у Клары кружилась голова, и она говорила, не отдавая себѣ отчета въ своихъ словахъ. Озадаченная вопросомъ графини и стѣсняясь высказать о продѣлкахъ съ нею Чоглокова, хотя Марья Симоновна, повидимому, и уполномочила ее на это, она какъ-то безсознательно на вопросъ Шуваловой, кто не хочетъ ее выпускать, отвѣчала:

— Вашъ мужъ!

— Какъ мой мужъ? Это еще что за новость?—съ удивленіемъ вскрикнула Мавра Егоровна.

— Виновата! Я совсѣмъ не то хотѣла сказать,—проговорила, смѣшавшись Клара, потирая рукою лобъ и глаза, какъ будто приходя въ себя.

— То-то, моя голубушка, вижу я, что ты совсѣмъ растерялась, какъ заговорила я о твоемъ Понятовскомъ. Да ты, я думаю, моего мужа никогда и не видала?—лукаво спросила Мавра Егоровна.

— Нѣтъ, я его видѣла нѣсколько разъ.

— А гдѣ?—торопливо перебила графиня.

— У госпожи Лихтеръ.

— Ну, и, разумѣется, онъ за тобою ухаживалъ?—съ любезно-притворною улыбкою спросила Мавра Егоровна.

— О, нѣтъ,—равнодушно проговорила Клара. Зачѣмъ ему за мною ухаживать, когда онъ нашелъ себѣ другую.

— Другую? — привскочивъ съ креселъ, спросила графиня. А какъ зовутъ ее?

— Мина.

Графиня сильно наморщилась.

— Мина,—повторила она въ полголоса. Хорошо, я доберусь до него,—подумала Мавра Егоровна. Отлично сдѣлаетъ государыня, если она положитъ конецъ всѣмъ этимъ развращеніямъ. Нужно посильнѣе подбивать Ѳедора Яковлевича, да указать Демидову на эту негодяйку Мину. Пусть онъ хорошенько призаймется ею,—думала Мавра Егоровна.

— Я вижу теперь, что ты хорошая дѣвушка,—обратилась Шувалова къ Кларѣ,—а что согрѣшила, то съ кѣмъ грѣха не бываетъ. Вѣдь поганцы-мужчины—особенно такой, какъ Понятовскій—соблазнятъ хоть кого. Будь спокойна, моя сударушка, я сегодня же все разскажу государынѣ, она защититъ тебя и дастъ тебѣ средства уѣхать въ Варшаву. Уѣзжай туда подобру, поздорову, да только уѣзжай поскорѣе,—сказала графиня, снисходительно кивнувъ Кларѣ головою на прощанье.

XX.

Мавра Егоровна провела всю свою жизнь при дворѣ, начавъ съ скромной должности камеръ-медхенъ при цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ еще въ ту пору, когда цесаревнѣ приходилось въ самые юные годы жить при трудныхъ условіяхъ. Мавра Егоровна, по отцу Шепелева, успѣла хорошо ко всему присмотрѣться и умѣла въ случаѣ надобности отлично владѣть собою. По уходѣ Клары она при встрѣчѣ со своимъ мужемъ сдѣлала видъ, что она не получала никакихъ возмутившихъ ее извѣстій о любовныхъ продѣлкахъ графа, и даже, напротивъ, обошлась съ нимъ очень дружелюбно и нѣсколько ласковѣе, нежели обходилась всегда. Петръ Ивановичъ былъ очень доволенъ, что дѣло уладилось благополучно, и что Мина такъ уступчиво, хотя и неохотно исполнила его наставленіе, уѣхавъ на время въ Нарву. Онъ слышалъ и уже не только отъ своей жены, но и отъ другихъ лицъ, что государыня твердо намѣрена взяться за самыя строгія мѣры для исправленія поврежденныхъ нравовъ, что въ Петербургѣ съ такою благою цѣлью будетъ произведенъ большой переборъ всѣхъ личностей, подозрѣваемыхъ въ любовныхъ связяхъ, и что въ этомъ случаѣ императрица приказала дѣйствовать безпристрастно, хотя бы розыскъ касался и самыхъ знатныхъ персонъ.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ того, какъ Мавра Егоровна видѣлась съ Кларой, она пересказала своей царственной подругѣ обо всемъ,

что узнала отъ этой откровенной посѣтительницы. Государыня вспомнила, какъ она обратила однажды вниманіе на эту прелестную дѣвушку, и что къ ней доходили разные слухи объ отношеніяхъ Клары къ поляку-красавцу, за которымъ слѣдили въ Петербургѣ не такъ, какъ за какимъ нибудь опаснымъ политическимъ агентомъ, но какъ за слишкомъ смѣлымъ волокитою. Императрица, въ свою очередь, склонялась къ той общей въ Петербургѣ молвѣ, что Клара была дочерью короля Августа II, и это при разсказѣ о ней Шуваловою еще болѣе побудило государыню принять въ обманутой и потомъ покинутой дѣвушкѣ особенное участіе. Она приказала выдать Кларѣ немедленно заграничный паспортъ, выдача котораго была сопряжена въ ту пору съ большими хлопотами и разными формальностями и поручила Маврѣ Егоровнѣ освѣдомиться у Клары, не нуждается ли она въ деньгахъ, добавивъ при этомъ на случай, если окажется, что у нея нѣтъ денегъ на проѣздъ, то снабдить ее ими на счетъ государыни.

Русское общество, не смотря на нѣкоторый внѣшній лоскъ, который стало оно пріобрѣтать со времень Петра, продолжало сохранять прежнія привычки и нравы, среди которыхъ сплетни, пересуды и судачества были весьма выдававшимися принадлежностями общественной и домашней жизни русскихъ баръ и въ особенности барынь. Елизавета, не смотря на ея высокое положеніе, выросла въ весьма незатѣйливой средѣ, гдѣ толки о тѣхъ и другихъ людяхъ составляли едва ли не самую пріятную часть провожденія времени, оставшагося свободнымъ отъ различныхъ увеселеній. Извѣстно, что Елизавета Петровна, произведя ночной переворотъ, низвергнувшій брауншвейгскую фамилію, поплатилась за это на всю жизнь ночнымъ страхомъ, препятствовавшимъ ей спать спокойно до тѣхъ поръ, пока не наступалъ утренній разсвѣтъ. Поэтому въ ожиданіи этой поры къ ней въ опочивальню приводили бабъ-сказочницъ, которыя, сидя на полу, въ ногахъ у ея постели, разсказывали ей не только сказки, но и передавали всякіе городскіе слухи и толки.

Теперь у Мавры Егоровны неожиданно набралось столько свѣдѣній для толковъ и пересудовъ и при томъ о лицахъ, болѣе или менѣе близко знакомыхъ Елизаветѣ Петровнѣ, что она могла занять ими государыню впродолженіе нѣсколькихъ ночей, такъ какъ къ краткому разсказу Клары можно было прибавлять и дополнительные отзывы и особыя замѣчанія, а порою и воспоминанія. Теперь государынѣ сдѣлались извѣстны такія похожденія ея придворныхъ кавалеровъ — и что было въ особенности занимательно — и такихъ придворныхъ дамъ, которые вовсе не подозрѣвали, что ихъ любовныя проказы, прикрываемыя ловкою Дрезденшею, могли быть кому нибудь извѣстны, а тѣмъ еще менѣе самой государынѣ.

Слушая разсказы своей любимой собесѣдницы, Елизавета все болѣе и болѣе убѣждалась въ полезности задуманной ею мѣры для

исправленія нравовъ, горячо поддерживаемой ея духовникомъ, какъ дѣло богоугодное. Объ измѣнѣ своего мужа графиня умолчала передъ государыней, соображая, что гораздо лучше будетъ не придавать дѣлу ни малѣйшаго личнаго участія, и разсчитывая, что и помимо государыни можно будетъ навести Демидова на Мину, къ которой ревнивая Мавра Егоровна почувствовала такую сильную непріязнь, что готова была сжить ее со свѣта.

Выборъ Демидова для приведенія въ исполненіе предположенной мѣры, на котораго указалъ императрицѣ Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, былъ, повидимому, какъ нельзя болѣе удаченъ. Демидовъ, не принадлежавшій къ той фамиліи Демидовыхъ, которые, выйдя изъ тульскихъ крестьянъ, пріобрѣли себѣ такую громкую извѣстность своими богатствами, происходилъ изъ поповичей, вообще ненавидѣлъ знать и слылъ въ Петербургѣ примѣрнымъ служакою. Какъ человѣкъ, онъ былъ изъ числа тѣхъ рѣдкихъ мужчинъ, для которыхъ женщины какъ будто не существуютъ. Никакія женскія прелести и чары не могли затронуть его черстваго сердца. Когда ему приходилось говорить съ женщиной, онъ не смотрѣлъ на нее, опасаясь, чтобы лукавый какъ нибудь не искусилъ его грѣховнымъ помысломъ, хотя едва ли даже и лукавому могъ бы когда нибудь удасться такой зложелательный замыселъ противъ безчувственнаго кабинетъ-секретаря.

Получивъ высочайшее порученіе, Демидовъ предложилъ государынѣ, не благоугодно ли будетъ ей для исправленія порочныхъ нравовъ въ Петербургѣ составить особую коммиссію, хотя бы изъ лицъ не очень высокихъ чиновъ, но за то вполнѣ благонадежныхъ. Государыня приняла это предложеніе и назначила Демидова «президентомъ» учреждаемой коммиссіи, получившей оффиціальное названіе коммиссіи «о безбрачныхъ». Такое названіе не соотвѣтствовало, впрочемъ, дѣятельности коммиссіи, такъ какъ ей, будто нарочно, пришлось имѣть дѣло со множествомъ женатыхъ и замужнихъ. Съ своей стороны, Демидовъ предложилъ ввести въ составъ этой коммиссіи такихъ лицъ, какъ онъ самъ, т. е. такихъ, которые не только не поддадутся женскому вліянію, но, напротивъ, по врожденнымъ имъ свойствамъ или по пріобрѣтенной ими въ жизни непріязни къ женщинамъ, станутъ преслѣдовать представительницъ прекраснаго пола, безъ малѣйшаго послабленія.

Е. Карновичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОДМѢНЪ ВИНОВНЫХЪ.

Случай изъ остзейской юрисдикціи.

«А тіи, иже содѣваша правыхъ виноватыми, а виноватыхъ, правыми, — тіи стоятъ по уста въ огнѣ».

Апокр. «Хожденіе по мукамъ».

I.

ПОСЛѢ ПОКУШЕНІЯ на жизнь покойнаго государя Александра Николаевича 4-го апрѣля 1866 г. положено было ежегодно въ этотъ день служить за спасеніе императора повсемѣстно благодарственныя молебства.

Съ слѣдующаго года это начали исполнять во всѣхъ русскихъ церквахъ Россіи и за границею. Въ однихъ мѣстахъ молебны служили просто въ храмахъ, а въ другихъ старались отправлять богослуженіе болѣе торжественно—на площадяхъ при возможно большемъ стеченіи народа и съ военнымъ парадомъ.

Въ 1867 году, такое молебствіе съ парадомъ и съ торжественнымъ выходомъ на площадь совершалось въ маленькомъ эстонскомъ городѣ Вейсенштейнѣ, близь Ревеля, гдѣ на ту пору былъ расквартированъ баталіонъ Островскаго пѣхотнаго полка. Старшимъ офицеромъ въ батальонѣ состоялъ тогда маіоръ Верцинскій. Говорятъ, что онъ былъ польскаго происхожденія и римскій католикъ. Судя по фамиліи, это кажется и вѣроятно. Между ротными и субалтернъ-офицерами, по разсказамъ, тоже были люди

изъ Польши, или католики изъ западныхъ окраинъ. Всѣ они желали совершить молебствіе за спасеніе жизни государя какъ можно торжественнѣе, и маіоръ Верцинскій, представляя въ своемъ лицѣ высшее военное начальство, обратился къ мѣстному русскому священнику, Иконникову, съ просьбою отслужить молебенъ на площади, куда предположено было вывести баталіонъ и вынести знамя; вообще—сдѣлать парадъ.

Священникъ Иконниковъ согласился служить молебенъ на площади, и по окончаніи поздней обѣдни отправился туда въ облаченіи и въ сопровожденіи двухъ дьячковъ, эстонцевъ Савви и Юрисона. Баталіонъ былъ уже выстроенъ и ожидалъ крестный ходъ на площади у аналоя. Но тутъ же собралась и толпа мѣстныхъ жителей лютеранъ, которыхъ привлекло любопытство: имъ хотѣлось посмотрѣть на незнакомую имъ процессію. Они въ своемъ маленькомъ городкѣ никогда ничего подобнаго не видали и съ удивленіемъ приближались къ образамъ и къ затепленнымъ свѣчамъ; ходили и даже перебѣгали взадъ и впередъ, садились у домовъ и опять вставали и подходили, «точно танцовали гросфатеръ», и, наконецъ, одинъ изъ нихъ вздумалъ было, что онъ можетъ закурить сигару отъ восковой церковной свѣчки. Все это происшествіе розыгралось въ площадной скандалъ, и вейсенштейнскій гросфатеръ получилъ политическую окраску. Теперь это прошлое дѣло любопытно и достойно вниманія только по направленію, какое оно получило въ остзейской юрисдикціи, которая такъ много говорила о «подмѣнѣ подсудимыхъ» въ извѣстной исторіи Вѣры Засуличъ... Наши русскіе защитники русскаго судопроизводства обижались тѣмъ, что писали о нихъ остзейскіе публицисты, но больше обходились, всетаки, только кое-чѣмъ изъ ругани, которая въ печати нашей, по малосвѣдущности гг. публицистовъ, къ сожалѣнію, часто замѣняетъ дѣло.

Господамъ остзейскимъ юристамъ можно было (какъ говорится) «заострить стрѣлу назадъ», но наши публицисты болѣе жаркіе чѣмъ искусные въ брани дѣльно отвѣчать не съумѣли. За писательскимъ недосугомъ, они въ дѣла не вникаютъ и, можетъ быть, думали, что фактически господа нѣмцы дѣйствительно столь неуязвимы, какъ они сами объ этомъ внушаютъ. Русскіе публицисты, кажется, думали, что нѣмцы, безъ сомнѣнія, неуязвимые юридическіе педанты, и что побивать ихъ равнымъ оружіемъ невозможно, ибо они чего нибудь въ родѣ «подмѣна подсудимыхъ» ужъ, конечно, никогда не дѣлали. А потому ловить нѣмцевъ на преступномъ дѣлѣ нечего и думать, а довольно пострекать ихъ до красна однимъ нашимъ прекрасно выработаннымъ для этихъ цѣлей, русскимъ краснорѣчіемъ. Но мнѣ жалко, что это такъ вышло — жалко потому, что съ остзейскими господами—мнѣ сдается—можно было посчитаться гораздо дѣльнѣе.

Вейсенштейнское дѣло къ этому даетъ хорошее средство, и я рискую его испробовать, пріемля весь страхъ несостоятельности лично на одного себя.

II.

Дознаніемъ было обнаружено, что еще до начала молебствія и даже до выхода священника на площадь лютеранскіе обыватели Вейсенштейна пришли сюда «посмотрѣть» и усѣлись у знакомыхъ домовъ. Многіе изъ нихъ были съ трубочками, а другіе съ сигарками.

Лютеранамъ казалось, что они сидятъ довольно далеко отъ богослужебнаго мѣста и ничему своими сигарами не мѣшаютъ, а гг. офицерамъ, наоборотъ, показалось, что люди эти, обнаруживая свое флегматическое равнодушіе, ведутъ себя непристойно, — что ихъ сидячее положеніе неуважительно по отношенію къ русскому знамени и къ русскимъ людямъ, которые приступаютъ къ молебну стоя и въ строгомъ и торжественномъ настроеніи. Изъ этой разницы взглядовъ и послѣдовало недоразумѣніе, принявшее острый характеръ съ политическимъ оттѣнкомъ. Не столько коренные, природные русскіе, какъ маіоръ Верцинскій началъ горячиться, и у него возникло столкновеніе съ нѣкіимъ мѣстнымъ жителемъ Раковскимъ, а изъ этого пошло слѣдственное дѣло, концы котораго, точно источники Нила, прелюбопытно затерялись гдѣ-то въ топяхъ остзейскаго судопроизводства.

Дознаніе по дѣлу объ этомъ «гросфатерѣ» на вейсенштейнской площади началось по заявленію г. командовавшаго военною церемоніею, маіора Верцинскаго, который такимъ образомъ былъ какъ-бы доносителемъ и свидѣтелемъ противъ людей, обвиняемыхъ имъ въ предосудительной непочтительности. Вторымъ не менѣе важнымъ свидѣтелемъ противъ этихъ лицъ былъ русскій священникъ, Михаилъ Тимоѳеевичъ Иконниковъ. Вообще, значитъ, дѣло шло не о священникѣ и маіорѣ, а о другихъ виновникахъ, степень виновности которыхъ Верцинскій и Иконниковъ могли и должны были разъяснить и засвидѣтельствовать.

Это, кажется, ясно.

Теперь посмотримъ же, какое это дѣло возъимѣло направленіе въ рукахъ господъ слѣдователей того блаженнаго края, гдѣ любятъ подпускать шпильки русской юрисдикціи и гдѣ, можетъ быть, не въ мѣру развязно и рѣчисто поминаютъ г-жу Засуличъ.

Подлинные документы слѣдственнаго дѣла о вейсенштейнскомъ гросфатерѣ, по разсказамъ многихъ, представляютъ будто бы очень живой интересъ, и этому можно вѣрить, судя по одному тому образцу, который мы имѣемъ въ своихъ рукахъ и которымъ теперь воспользуемся.

Документъ, находящійся въ рукахъ нашихъ, есть вопросные пункты, которые были даны по этому дѣлу русскому священнику вейсенштейнской православной церкви, Михаилу Тимоѳеевичу Иконникову, тому самому, который совершалъ богослуженіе, когда произошло столкновеніе. Они проливаютъ яркій и изобильный свѣтъ, при которомъ можно разсмотрѣть прелюбопытную картину отношеній къ дѣлу, имѣвшему свою политическую окраску.

Вотъ эти вопросы и отвѣты, списанные мною съ аккуратною точностію.

III.

Вопросъ 1-й. «Случилось-ли четвертаго апрѣля сего года по случаю молебствія въ православной церкви въ Вейсенштейнѣ какое либо нарушеніе порядка жителями и кто были нарушители порядка?»

Отвѣтъ 1-й. «Въ день текущаго года во время литургіи въ вейсенштейнскомъ православномъ храмѣ никакихъ безпорядковъ ни со стороны жителей города лютеранскаго вѣроисповѣданія, ни кѣмъ либо вообще изъ присутствовавшихъ въ храмѣ произведено не было, въ чемъ согласно со мною утверждаютъ какъ дьячки ввѣренной мнѣ церкви Савви и Юрисонъ, такъ равно и всѣ прихожане, бывшіе въ то время въ храмѣ».

Вопросъ 2-й. «Замѣтили ли вы на дорогѣ изъ церкви къ площади жителей, оказывавшихъ неуваженіе къ священнодѣйствію?»

Отвѣтъ 2-й. «Во время церковной процессіи изъ храма на площадь какъ тѣ, которые проходили навстрѣчу процессіи, такъ равно и стоявшіе на улицѣ, ведущей къ площади, жители города лютеранскаго вѣроисповѣданія **не считали нужнымъ почтить святость обряда, что случилось въ городѣ Вейсенштейнѣ уже не въ первый разъ и на что однажды, именно шестаго января 1863 г., чрезъ бывшаго дьячка Фелицына, было обращено вниманіе г. гернхтсфохта Гренкора**».

Вопросъ 3-й. «Какъ обнаружилось это неуваженіе?»

Отвѣтъ 3-й. «Неуваженіе со стороны лютеранъ къ священнодѣйствію сему выразилось тѣмъ, что въ виду православныхъ, шедшихъ за крестомъ съ непокрытыми головами, не сочли нужнымъ при встрѣчѣ процессіи обнажить свои головы. Не могу утверждать, чтобы это дѣлали всѣ изъ встрѣчавшихся на ходу, а во-вторыхъ, не могу указать, кто именно виновенъ въ этомъ, ибо я всегда избѣгалъ случаевъ столкновенія именно по сему поводу въ минуту священнодѣйствія, какъ съ иновѣрцами, такъ вообще съ кѣмъ либо, что, конечно, было бы несовмѣстно съ достоинствомъ и важностію самаго священнодѣйствія».

Вопросъ 4-й. «**Развѣ жителями** и пришедшими на рынокъ людьми, когда на площади военная команда, составивъ карре, при-

няла военное духовенство и православныхъ, совершено было безчиніе въ словахъ или дѣйствіяхъ?»

Отвѣтъ 4-й. «Во-первыхъ, по приходѣ на площадь, изъ тѣхъ частей войскъ, которыя находились въ парадѣ, не было составлено карре, а расположились войска такимъ образомъ, что часть ихъ находилась по южной сторонѣ мѣста священнодѣйствія, а часть по западной. На восточной же сторонѣ находилось только знамя съ ассистентами, тогда какъ сѣверная сторона оставалась совершенно праздною отъ войскъ и потому открытою. Съ этой-то послѣдней, а частію съ восточной расположились лютеране въ ближайшемъ разстояніи отъ священнослужащихъ. Разговоръ, смѣхъ иновѣрцевъ и присутствіе нѣкоторыхъ изъ нихъ съ покрытою головою производили ропотъ неудовольствія между православными. Со стороны послѣднихъ заявлялся протестъ довольно громкими словами. Это была минута, способная произвести внутреннее волненіе, хотя весь безпорядокъ совершался предъ началомъ молебствія».

Послѣ этого обстоятельнаго и полнаго разъясненія предлагается вопросъ еще любопытнѣе.

IV.

Вопросъ 5-й. «Развѣ жители безпокоили кого нибудь изъ участвовавшихъ въ священнодѣйствіи давкою или громкими словами?»

Отвѣтъ 5-й. «Съ наступленіемъ молебствія продолжались со стороны лютеранъ тотъ же смѣхъ и переговоры между собою, степень и сила громкости которыхъ могли заглушаться пѣніемъ на ближайшемъ отъ меня разстояніи пѣвчихъ, а потому я не могу сказать, чтобы слышалъ громкіе разговоры. Присутствіе въ шапкахъ тоже продолжалось. Что же касается до давки, то я ея не замѣтилъ».

Вопросъ 6-й. «Вамъ именно мѣшали во время службы, или отвлекали отъ оной?»

Отвѣтъ 6-й. «Само собою разумѣется, что, въ виду всѣхъ этихъ безпорядковъ, я не могъ быть внутренно спокойнымъ и хотя не отвлекался отъ молитвословія и порядка священнослуженія, но тѣмъ не менѣе не могъ служить безъ смущенія».

Вопросъ 7-й. «Замѣтили вы во время священнодѣйствія, что жители города присутствовали приономъ съ непокрытою головою?»

Это словно по поговоркѣ: «когда не о чемъ, то опять о шапкѣ».

Священникъ опять терпѣливо отвѣчаетъ:

Отвѣтъ 7-й. «Повторяю, что въ этомъ, между прочимъ, и заключалось безчиніе со стороны лютеранъ».

Вопросъ 8-й. «Развѣ лица, провинившіяся въ такомъ безчиніи, состояли по самой близости огороженнаго военною командою мѣста?»

Отвѣтъ 8-й. «Повторяю, что съ двухъ сторонъ мѣсто священнослуженія не было огорожено военною командою, а потому близость присутствія провинившихся опредѣляться должна не къ стѣнкѣ военной команды, а къ самому мѣсту священнослуженія, а до какой степени виновные были близко къ мѣсту священнослуженія, это видно изъ того, во-первыхъ, что г. Раковскій, замѣтивъ приближеніе къ себѣ г. Верцинскаго, началъ было удаляться въ сторону отъ своего первоначальнаго мѣста, но былъ остановленъ разговоромъ съ маіоромъ и потомъ, будучи уже подъ арестомъ солдата, снова подвигался по направленію къ своему дому, но не пущенный далѣе, усѣлся на уличныя перила, гдѣ и просидѣлъ до конца молебствія. И за всѣми этими движеніями впередъ, подалѣе отъ мѣста священнослуженія, г. Раковскій усѣлся на разстояніи тридцати шаговъ, какъ это высчиталъ я самъ съ г. Ситниковымъ, что сдѣлали мы, имѣя въ виду, что можемъ быть привлеченными къ отвѣту. Во-вторыхъ, въ слѣдъ за арестомъ г. Раковскаго, вѣроятно, во избѣжаніе подвергнуться участи одинаковой съ нимъ, виновные раздвигались въ сторону, между прочимъ, отошли на восточную сторону площади и остановились прямо предъ глазами молящихся въ шапкахъ же (какъ выше замѣчено, на сторонѣ, не занятой войсками), всего въ разстояніи двадцати двухъ шаговъ отъ того мѣста, гдѣ находился я съ причтомъ. Это разстояніе съ тѣмъ же г. Ситниковымъ мною также высчитано. Именно это-то самое мѣсто послужило мѣстомъ безчинія и неуваженія для гг. Фабриціуса и Штилерна. Но не должно опускать изъ вида, что не моя личность и причта требовала уваженія, а тѣ священныя изображенія, которыя мы, православные, чествуемъ, а сіи изображенія находились впереди насъ ближе къ востоку и, слѣдовательно, гораздо ближе, чѣмъ я съ причтомъ къ виновнымъ, удалившимся отъ своихъ первоначальныхъ мѣстъ. Отсюда очевиднымъ оказывается, что виновные въ началѣ были на самомъ ближайшемъ разстояніи какъ вообще отъ мѣста священнослуженія, такъ въ частности отъ священныхъ изображеній».

Вопросъ 9-й. «Замѣтили ли вы это прежде, чѣмъ г. маіоръ Верцинскій отдалъ приказаніе снять шапки?»

Отвѣтъ 9-й. «Я видѣлъ нарушеніе порядка большею частью предъ молебствіемъ, когда еще не былъ занятъ священнослуженіемъ, видѣлъ отчасти и во все время молебствія, слѣдовательно и прежде приказанія г. маіора Верцинскаго снять шапки и послѣ онаго».

Вопросъ 10-й. «Развѣ маіоръ Верцинскій отдалъ это приказаніе прежде священнодѣйствія, во время онаго или послѣ?»

Отвѣтъ 10-й. «Когда именно маіоръ Верцинскій отдалъ приказаніе иновѣрцамъ снимать шапки. прежде или во время молеб-

ствія, сего я не замѣтилъ; полагаю, что это должно было быть въ началѣ самаго молебствія, ибо только-что г. Верцинскій окончилъ командованіе войсками для обычной въ такихъ случаяхъ воинской церемоніи, какъ тотчасъ же начался молебенъ, а маіоръ могъ отдать приказаніе на сторону не иначе, какъ по окончаніи своего командованія. Точность этого предположенія подверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что я замѣтилъ г. маіора проходящаго мимо меня въ ту сторону, гдѣ находился г. Раковскій, уже спустя нѣсколько минутъ послѣ начала молебствія».

Вопросъ 11-й. «Развѣ Верцинскій отдалъ это приказаніе спокойно или прилично важности дня?»

Вы сначала, можетъ быть, недоумѣваете: къ чему этотъ вопросъ о спокойствіи тона, какимъ маіоръ отдалъ приказаніе всѣмъ снять шапки, — но это вы скоро поймете.

Отвѣтъ 11-й. «Какимъ именно тономъ и какими словами дано было приказаніе со стороны маіора, этого я не слыхалъ, ибо, какъ замѣтилъ выше, молебенъ уже совершался».

По разсказамъ мѣстныхъ обывателей, маіоръ будто кричалъ,— «какъ командовалъ: шапки долой!» Въ командѣ этой эсты и нѣмцы усмотрѣли для себя оскорбленіе и слушаться ее не захотѣли.

V.

Вопросъ 12-й. «Развѣ маіоръ Верцинскій былъ въ совершенно трезвомъ состояніи?»

Вотъ она старая панацея—старый пріемъ марать людей! Эта, словомъ сказать, гнусная уловка является безъ всякаго повода и, однако, сразу уже дѣлаетъ маіора если не виновникомъ скандала, то, по крайней мѣрѣ, человѣкомъ, поведеніе котораго было подозрительно,—а это только и нужно.

Священникъ Иконниковъ понялъ, куда клонятъ дѣло, и отвѣчаетъ на приведенный 12-й вопросъ съ усиленною опредѣленностью и точностью.

Отвѣтъ 12-й. «Свидѣтельствую самымъ положительнымъ образомъ, что обвинять маіора Верцинскаго въ нетрезвомъ видѣ, въ день 4-го апрѣля сего года на площади, — вопіющая несправедливость. (По неосторожности или по чистосердечію священникъ уже употребляетъ слово объ обвиненіи маіора! Это, значитъ, конечно, что уже было «обвиненіе»). По выходѣ изъ церкви съ крестнымъ ходомъ до самой площади, въ разстояніи трехъ-сотъ шаговъ — маіоръ Верцинскій шелъ со мною рядомъ бокъ-о-бокъ и я не замѣтилъ и тѣни того, чтобы онъ былъ пьянымъ или, какъ говорится, выпившимъ. Въ этомъ меня утверждаютъ, кромѣ собственнаго убѣжденія, показанія двухъ лицъ— командира вейсенштейнской команды, капитана Смирнова, и хо-

зяина той квартиры, гдѣ стоялъ маіоръ Верцинскій, вейсенштейнскаго бюргера, г. Луппіана. Первый, т. е. капитанъ Смирновъ, говоритъ, что онъ предъ обѣднею близь церкви разговаривалъ съ маіоромъ Верцинскимъ въ теченіе пяти минутъ и не замѣтилъ того, чтобы маіоръ былъ въ нетрезвомъ видѣ. Второй же, т. е. бюргеръ Луппіанъ, говоритъ: «я водки не пью и слышу на разстояніи 10-ти шаговъ, кто выпилъ одну рюмку водки, а въ день 4-го апрѣля ко мнѣ на квартиру предъ обѣднею заходилъ Верцинскій, чтобы пригласить жену мою въ церковь ради торжественности дня, и я не видалъ его пьянымъ или выпившимъ».

Остзейскій слѣдователь этимъ не унимается и продолжаетъ еще сильнѣе упирать на маіора. Этотъ юристъ уже не довольствуется дознаніемъ, пилъ ли г. Верцинскій утромъ чай, кофе или рюмку вина, а забывается до той крайности, что входитъ уже въ обслѣдованіе строеваго поведенія маіора.

VI.

Вопросъ 13-й. «Замѣтили вы, что маіоръ Верцинскій выступилъ изъ карре, чтобы придать своему приказанію болѣе вѣсу?»

Отвѣтъ 13-й. «Такъ какъ никакого карре не существовало, а напротивъ были двѣ открытыя стороны, то маіоръ Верцинскій и не выступалъ изъ карре, а прошелъ между рядами православныхъ и съ боку меня въ сѣверную сторону, свободную отъ войскъ, гдѣ именно и находился г. Раковскій. Выходя такимъ образомъ не изъ карре, а изъ среды молящихся, думалъ ли маіоръ придать себѣ болѣе вѣсу, я сего не знаю, а полагаю, что это скорѣе было дѣломъ необходимости съ его стороны».

Вопросъ 14-й. «Развѣ этимъ выступленіемъ маіора не нарушенъ былъ порядокъ?»

Какой порядокъ: строевой или церковный? Чего добивался этотъ слѣдователь отъ священника,—духовнаго лица, которому нѣтъ дѣла судить о воинскихъ порядкахъ?

Священникъ Иконниковъ, однако, и на это ему терпѣливо отвѣчаетъ.

Отвѣтъ 14-й. «Нисколько (т. е. порядокъ нарушенъ не былъ). Такъ какъ никого изъ членовъ полиціи мѣстной въ это время на площади не было, то долженъ же былъ кто нибудь возстановить порядокъ, отсутствіе котораго замѣчали всѣ православные, которые и остались весьма благодарны маіору за его распоряженіе».

Вопросъ 15-й. «Развѣ вы слышали, какими словами маіоръ Верцинскій велѣлъ вейсенштейнскому жителю Раковскому снять шапку?»

Отвѣтъ 15-й. «Не слыхалъ, ибо занятъ былъ своимъ дѣломъ. Уже впослѣдствіи, именно на третій день происшествія, сообщилъ мнѣ г. Раковскій, что маіоръ обозвалъ его «мошенникомъ» и «разбойникомъ», чего, однакожъ, отъ другихъ я не слыхалъ».

Разсказывали, будто маіоръ кричалъ:

— «Шапку долой, мошенникъ!»

— «Какъ ты смѣешь такъ стоять, разбойникъ!»

Говорившіе мнѣ объ этомъ увѣряли, будто это «такъ было», и я, откровенно говоря, этому вѣрю, и думаю себѣ: — что за бѣда въ томъ, что онъ ихъ такъ назвалъ? Стоило и очень—весьма стоило.

VII.

Вопросъ 16-й. «Развѣ Раковскій не тотчасъ исполнилъ это приказаніе?»

Отвѣтъ 16-й. «Не знаю опять по той же причинѣ, что занятъ былъ своимъ служеніемъ. Маіоръ разсказывалъ уже вечеромъ того дня, что онъ сперва послалъ солдата, съ приказаніемъ снимать шапки, и когда этотъ солдатъ возвратился и объявилъ маіору, что г. Раковскій не снимаетъ шапки, отзываясь головною болью, тогда онъ самъ направился къ Раковскому и, на вторичное заявленіе сего послѣдняго о головной своей боли, маіоръ выразился такъ: «поэтому слѣдуетъ дома быть, а не здѣсь въ шапкѣ стоять».

Вопросъ 17-й. «Вы знаете г. Раковскаго, такъ какъ жена его православная?»

Отвѣтъ 17-й. «Жена г. Раковскаго вовсе не православная, а лютеранскаго вѣроисповѣданія, но тѣмъ не менѣе я знакомъ съ ними семейно».

Вопросъ 18-й. «Развѣ вы у Раковскаго уже прежде замѣчали неуваженіе къ православной церкви?»

Отвѣтъ 18-й. «Никогда и ни въ какихъ случаяхъ; я полагаю, что его, какъ человѣка слабаго характеромъ и не отличающагося дальновидностію, или натолкнулъ кто либо на извѣстный поступокъ, или онъ просто находился подъ вліяніемъ примѣра другихъ, которые дѣлали тоже, въ чемъ провинился и онъ».

Вопросъ 19-й. «Развѣ вы по просьбѣ г-жи Раковской не отправились на квартиру маіора Верцинскаго, чтобы просить его отпустить Раковскаго изъ-подъ ареста?»

Отвѣтъ 19-й. «Чтобы отвѣтить на сей вопросъ, я долженъ войдти въ нѣкоторыя поясненія. Уже послѣ молебствія и послѣ возвращенія церковной процессіи въ храмъ, когда я кончилъ свое дѣло и выходилъ изъ церкви домой, служащій при мнѣ дьячекъ сообщилъ мнѣ, что г. Раковскій арестованъ маіоромъ за то, что былъ въ шапкѣ во время молебствія. Это обстоятельство заставило

меня отправиться на квартиру маіора для разъясненія дѣла, такъ какъ не могъ же я оставаться въ совершенномъ невѣдѣніи того, что случилось при богослуженіи. Но не успѣлъ я сдѣлать и трехъ шаговъ отъ дверей храма, какъ вся въ слезахъ встрѣтилась мнѣ г-жа Раковская и, разсказавъ исторію ареста ея мужа, съ своей, конечно, исключительной точки зрѣнія, обратилась ко мнѣ съ просьбою заступиться за ея мужа и попросить маіора объ освобожденіи его изъ-подъ ареста. Не зная характера и степени виновности дѣйствительной въ г. Раковскомъ и обо всемъ это слыша отъ плачущей и ходатайствующей жены, я поступилъ бы слишкомъ опрометчиво, если бы взялся защищать ея мужа и хлопотать въ его пользу, а потому, для успокоенія встревоженной и плачущей женщины, я объявилъ, что иду къ маіору и обѣщалъ сдѣлать, что могу въ пользу г. Раковскаго. Понятно, что въ этомъ случаѣ я руководился тою прежде всего мыслію, что дѣло требуетъ скорѣйшаго разъясненія, которое могъ мнѣ дать одинъ только маіоръ Верцинскій, поэтому-то я къ нему и отправился, а совсѣмъ не съ тою исключительною цѣлію, чтобы просить освободить г. Раковскаго изъ-подъ ареста. Что я не могъ быть при всемъ желаніи просителемъ и ходатаемъ за г. Раковскаго безъ надлежащаго разслѣдованія дѣла, это, какъ кажется, въ данный моментъ, при всей своей горести, понимала и сама г-жа Раковская, ибо слѣдомъ за мною пришла на квартиру маіора Верцинскаго, при видѣ которой и былъ освобожденъ изъ-подъ ареста мужъ ея, безъ всякаго съ моей стороны ходатайства или просьбы».

Вопросъ 20-й. «Какимъ образомъ при этомъ случаѣ маіоръ Верцинскій отзывался о неприличномъ поведеніи Раковскаго?»

Отвѣтъ 20-й. «При моемъ приходѣ на квартиру маіора Верцинскаго было нѣсколько столпившихся въ весьма маленькой прихожей гг. офицеровъ и г. герихтфохтъ съ арестованнымъ, и весь этотъ народъ толковали между собою, частію порусски, частію понѣмецки, такъ что моего прихода никто и не замѣтилъ. Поэтому до минуты освобожденія г. Раковскаго ни я ни съ кѣмъ не сказалъ ни одного слова, ни со мной никто не заговорилъ. О поступкѣ г. Раковскаго маіоръ уже позднѣе мнѣ сообщилъ и именно въ томъ родѣ, какъ я показалъ въ отвѣтѣ 16-мъ. Могу прибавить только, что маіоръ, разсказывая о г. Раковскомъ, указывалъ его во время молебствія на ближайшемъ отъ меня разстояніи по лѣвой рукѣ, т. е. на сѣверной сторонѣ отъ мѣста священнослуженія, что одинаково показываютъ и другіе православные, бывшіе на молебнѣ».

Вопросъ 21-й. «Развѣ маіоръ Верцинскій грозилъ отправить въ цѣпяхъ въ Ревель?»

Отвѣтъ 21-й. «Когда происходилъ при моемъ приходѣ разговоръ въ прихожей между маіоромъ и г. Гренкоромъ, то я слыхалъ, какъ маіоръ говорилъ: «завтра же отправлю васъ въ Ре-

вель», — на что Гренкоръ отвѣчалъ: «послѣзавтра» Эти двѣ фразы съ той и другой стороны были повторены нѣсколько разъ. О цѣпяхъ же я ничего не слыхалъ.

VIII.

Очевидцы разсказываютъ пресмѣшныя и очень типическія вещи объ этомъ комическомъ прерѣканіи маіора съ герихтсфохтомъ.

Маіоръ съ польскою горячностію кипятится и кричитъ:

— Завтра отправлю!

А онѣмеченный эстонецъ съ флегматическимъ спокойствіемъ отвѣчаетъ:

— Послѣзавтра.

— Завтра!

— Послѣзавтра.

— Почему — послѣзавтра!?

— Такъ... лучше послѣзавтра.

— Нѣтъ завтра! — горячился маіоръ.

— Нѣтъ, послѣзавтра.

— Завтра.

— Послѣзавтра.

И такъ до изнеможенія, хоть отвернись да плюнь, а его не переупрямишь, какъ эстонскую лошадь.

Маіоръ, какъ человѣкъ военный и пылкій, очень сердился за это противорѣчіе, но никакими средствами не могъ заставить фохта говорить иначе, какъ «послѣзавтра»...

Къ счастію для престижа власти того и другаго изъ этихъ лицъ, обошлось такъ, что въ Ревель въ цѣпяхъ совсѣмъ никого не посылали, ни завтра, ни послѣзавтра. Тутъ эта тягостная и рискованная сцена и окончилась. Но допросъ священнику еще не оконченъ.

IX.

Вопросъ 22-й. «Развѣ вы слышали, что Верцинскій заговорилъ съ Раковскимъ ругательствами?»

Отвѣтъ 22-й. «При моемъ приходѣ я ругательствъ не слыхалъ; что было прежде моего прихода, того я не знаю и не справлялся».

Вопросъ 23-й. «Развѣ маіоръ Верцинскій, когда вы пришли къ нему на квартиру, призналси вамъ, что онъ забылъ Раковскаго съ карауломъ на площади?»

Это все уже идетъ слѣдствіе надъ маіоромъ за его неисправность по командѣ... Онъ будто «забылъ» арестанта.

Но терпѣливый отецъ Иконниковъ и на это отвѣчаетъ.

Отвѣтъ 23-й. «Ни въ минуту прихода моего, никогда и послѣ отъ маіора я не слыхалъ этого».

Вопросъ 24-й. «Не имѣете ли вы еще что прибавить къ сему дѣлу?»

Отвѣтъ 24-й. «Имѣю и именно: ни во время церковной процессіи, ни на площади во время молебствія никого изъ членовъ мѣстной городской полиціи не было. Завѣдомо извѣстно, что г. герихтсфохтъ во время молебствія на площади разбиралъ дѣло одного крестьянина эстонца съ русскимъ, вейсенштейнскимъ мѣщаниномъ, чѣмъ послѣдній и былъ отвлеченъ отъ присутствія на молебнѣ. Быть можетъ, и не случилось бы всѣхъ этихъ безпорядковъ, если бы городская полиція считала своею обязанностію при подобныхъ публичныхъ собраніяхъ, какъ день 4-го апрѣля, присутствовать и наблюдать за порядкомъ, чего она не только въ 4-е апрѣля сего года, но и въ другихъ подобныхъ случаяхъ не всегда дѣлаетъ».

«Ни въ день 4-го апрѣля, никогда и прежде въ высокоторжественные дни никто изъ коронныхъ чиновниковъ, служащихъ въ городѣ, не считалъ и не считаетъ нужнымъ почтить своимъ присутствіемъ торжественную молитву за царя, тогда какъ присутствіе ихъ при молитвѣ, возвышая значеніе дня, благотворно вліяетъ на массу и тѣмъ, конечно, въ состояніи предотвратить неуваженіе или безчиніе въ минуту торжественной и знаменательной молитвы».

«Городская полиція, извѣщенная мною за два дня объ имѣющемъ быть церковномъ парадѣ на площади, не сочла нужнымъ очистить площадь отъ навозныхъ кучъ, которыя были собраны по мѣстамъ, по распоряженію ея же, среди которыхъ мы и принуждены были служить. Обстоятельство это, какъ ни маловажно, но оно послужило предметомъ насмѣшекъ со стороны виновныхъ въ безпорядкахъ, съ цѣлію унизить обрядъ священнослуженія».

«Въ день 4-го апрѣля нарушеніемъ порядка и безчиніемъ со стороны лютеранъ были оскорблены всѣ православные города Вейсенштейна, какъ присутствовавшіе въ церемоніи, такъ и не бывшіе при этомъ, а между тѣмъ **никто изъ нихъ** (т. е. изъ православныхъ) **не былъ спрошенъ при двухъ разбирательствахъ, тогда какъ къ оправданію виновныхъ было привлечено чуть ли не 20 человѣкъ**. Показанія же православныхъ могли бы быть не лишни для выясненія правды».

«Наконецъ, всѣ сіи случаи, изложенные мною въ послѣднемъ 24 пунктѣ, въ соединеніи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ день 4-го апрѣля сего года, въ лютеранской мѣстной церкви не было совершено никакого богослуженія, что горожане, за исключеніемъ русскихъ домовъ, вечеромъ не устроили иллюминаціи, даютъ русскимъ, проживающимъ въ Вейсенштейнѣ, силу убѣжденія, что **въ этотъ день была оскорблена ихъ религія, осмѣяна воинская честь въ знамени, не только забыта, но нарушена торжественность дня въ честь священной особы государя**. Таково убѣжденіе русскихъ въ Вейсенштейнѣ, съ которыми я имѣлъ

случай говорить. Поэтому-то только правильное рѣшеніе суда, на которое мы, впрочемъ, надѣемся, дастъ намъ русскимъ вейсенштейнцамъ полное удовлетвореніе какъ за оскорбленіе въ день 4-го апрѣля, такъ и за прежнія подобныя оскорбленія, которыя мы снисходительно терпѣли».

X.

Этимъ вопросы и отвѣты православнаго священника Иконникова кончаются и ими же кончается все, что до сихъ поръ съ достовѣрностію извѣстно по такъ называемому «вейсенштейнскому дѣлу». Остальное же все заглохло и замолкло, вѣроятно, навѣки, такъ какъ происшествію этому до сихъ поръ не только давно минула десятилѣтняя давность, но идетъ уже восемнадцатый годъ.

Очень можетъ быть, что это и хорошо. Можетъ быть, причины и поводы, послужившія къ начатію дознанія, въ самомъ дѣлѣ не были достаточно серьезны для того, чтобы продолжать слѣдствіе и привести дѣло на судъ. Возможно, что мѣстныя остзейскія власти не видали въ описанныхъ выше поступкахъ вейсенштейнскихъ лютеранъ ничего такого, что показалось возмутительнымъ на взглядъ отца Иконникова и маіора Верцинскаго. Въ самомъ дѣлѣ отъ взгляда и отъ манеры относиться къ дѣлу зависитъ очень многое. Быть можетъ, тамъ, гдѣ горячему чувству маіора и священника представлялось злое желаніе оскорбить русскую вѣру и русское знамя, на самомъ дѣлѣ спокойный и разсудительный умъ могъ видѣть только пустое ротозѣйство и споръ: такъ или иначе сказано: «сними шапки», или сказано «шапки долой»; «отправлю завтра», «нѣтъ—послѣзавтра» и т. п. Словомъ, ничего настоящаго политическаго здѣсь, можетъ быть, дѣйствительно не было, а былъ съ обѣихъ сторонъ расходившійся задоръ. И если это такъ, то нельзя даже не сочувствовать, что дѣло, представляющее одну грубость, не было возведено на неотвѣтственную ступень политическаго событія. Желаніе властей не увеличивать числа такихъ дѣлъ случаями мелкаго свойства достойно одной благодарности, и справедливый умъ, вѣроятно, не найдетъ причины скорбѣть, что вейсенштейнскій «гросфатеръ» не вошелъ въ разрядъ политическихъ дѣлъ. Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, остзейскія власти поступали съ достойною предусмотрительностію и съ тактомъ; но худо то, что въ единственномъ документѣ, который изо всего этого дѣла извѣстенъ русскимъ, не только сквозитъ, а, какъ солдаты говорятъ, «свиньемъ претъ» самое безцеремонное стремленіе мѣстныхъ властей «подмѣнить подсудимыхъ» и, на мѣсто несомнѣнно въ чемъ-то виновныхъ нѣмцевъ, прихватить подъ слѣдствіе русскаго офицера, надъ которымъ господамъ остзейскимъ юристамъ никто не поручалъ производить слѣдствія. Между тѣмъ, мы видимъ и не можемъ не видѣть, что господъ остзейскихъ правосудцевъ озабо-

чивало не столько то, чтобы уяснять и изслѣдовать вины г. Раковскаго и другихъ вейсенштейнскихъ обывателей, обвинявшихся въ поступкахъ, во всякомъ случаѣ оскорбительныхъ для русскаго самолюбія, сколько имъ нравилось производить разслѣдованіе надъ маіоромъ Верцинскимъ («развѣ онъ былъ трезвъ?») и надъ священникомъ Иконниковымъ («развѣ онъ не ходилъ просить маіора?»). И однако все, что господамъ нѣмецкимъ этимъ слѣдователимъ нравилось, то они все преблагополучно и сдѣлали.

Такое направленіе слѣдствій очень характерно и оригинально, но оно неправильно, и достойно всякаго порицанія и осужденія. Но еще хуже то, что люди, у которыхъ въ ихъ недавней юридической практикѣ было назади такое беззастѣнчивое обѣленіе виновныхъ на счетъ лицъ совсѣмъ ни въ чемъ не обвинявшихся, совсѣмъ забыли всякую скромность, когда въ Петербургѣ было рѣшено дѣло Засуличъ. Они носились съ самымъ безцеремоннымъ и наглымъ кичиньемъ, что у нихъ, конечно, ничего подобнаго не было, да и быть не можетъ... У нихъ-де такъ глубоко вкоренено чувство законности, да и самый процессъ у нихъ такъ формаленъ, что и думать о «подмѣнѣ подсудимыхъ» у нихъ невозможно. Фуй, фуй! развѣ они станутъ это дѣлать!.. И былъ тамъ еще какой-то совѣтникъ изъ русскихъ, который этимъ господамъ подзванивалъ.

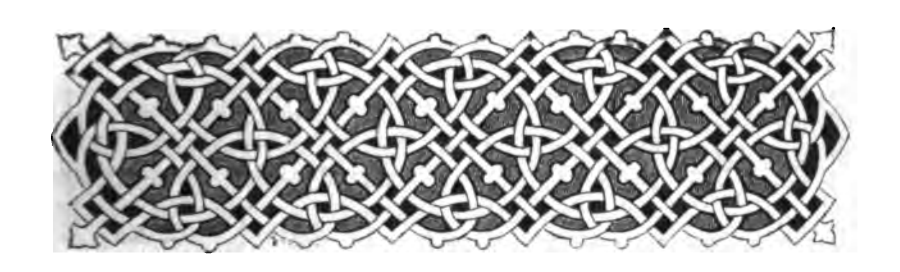
Я храню это воспоминаніе, да хранятъ его и иные.

Между тѣмъ, приведенный нынче документъ по вейсенштейнскому дѣлу, кажется, будто убѣждаетъ, что подмѣнъ виновныхъ не намъ однимъ извѣстенъ. Кажется, приходится думать, что уклоненія въ родѣ тѣхъ, на какія указывали по дѣлу Засуличъ,— вполнѣ возможны и при самыхъ старинныхъ порядкахъ, и не у русскихъ дѣльцовъ, а у нѣмцевъ. Опять жаль только, что нашимъ публицистамъ недосужно вникать въ дѣла во время и кстати.

Нѣкоторый остзейскій остроумецъ недавно написалъ, что «исторія Засуличъ есть гроссъ-муттеръ аналогическихъ исторій подобнаго рода». Но если ужъ выводить родственную линію, то надо держаться порядка и тогда слѣдуетъ помнить, что прежде «гроссъ-муттеръ» былъ уже показанъ «гроссъ-фатеръ», который и лѣтами постарше, и въ пріемахъ поотважнѣй. Разница у нихъ только въ судьбѣ: нашу «гроссъ-муттеръ» очень раздули и свои вѣтры, и золы балтійскіе, а господа остзейцы свой аналогическій «гроссъ-фатеръ» потихоньку запахали на своей землѣ и потихоньку же его чѣмъ-то засѣяли...

Что нибудь имъ Богъ, вѣрно, и зародилъ на хозяйство?

Николай Лѣсковъ.



КНЯЗЬ А. А. СУВОРОВЪ И РУССКОЕ ИНОГОРОДНОЕ КУПЕЧЕСТВО ВЪ РИГѢ.

(1852—1853 гг.).

I.

ОРГОВЫЙ ПУТЬ изъ внутреннихъ губерній въ Ригу со временъ удѣльныхъ князей и до проведенія желѣзныхъ дорогъ шелъ исключительно по Западной Двинѣ съ притоками. Двинская торговля твердо основалась въ русскихъ рукахъ и къ 1868 году, когда открылась желѣзная дорога до Орла, сосредоточивалась исключительно въ рукахъ чисто русскихъ торговыхъ домовъ. Существовали фирмы, считавшія за собою не одинъ десятокъ лѣтъ и пользовавшіяся всероссійскою извѣстностью, а домъ Савиныхъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія былъ извѣстенъ и въ Европѣ. Имена Савиныхъ изъ Трубчевска, Камаревыхъ изъ Брянска, Нероновыхъ изъ Вязьмы и друг. живутъ и понынѣ въ народныхъ воспоминаніяхъ.

Общность торговыхъ интересовъ и стѣсненія, которымъ подвергались русскіе купцы въ Ригѣ, способствовали образованію самостоятельной корпораціи, именовавшей себя русскимъ иногороднымъ купечествомъ, торгующимъ къ рижскому порту, называя нѣмцевъ коммиссіонерами или посредниками иностранныхъ потребителей. Нѣмцы придали русскимъ купцамъ наименованія: inländische Kaufmannschaft или Kaufmannschaft aus dem Innern des Reiches, а также Lieferanten (поставщики), на-

зывая себя Exportenre (отправители). Не имѣя правъ, которыми пользовалось рижское купечество нѣмецкаго происхожденія и иностранные гости, тѣмъ не менѣе, русскіе купцы твердо отстаивали свои интересы. По отношенію къ первымъ, которые занимались отправкою русскихъ товаровъ за границу, послѣдніе представляли собою въ коммерческомъ дѣлѣ такую силу, къ сожалѣнію, мало сознаваемую самимъ купечествомъ, безъ которой иностранцы не могли обойдтись. По установившемуся порядку вещей, никто, кромѣ русскаго купца, не могъ доставить по Двинѣ товаровъ въ Ригу, не смотря на всѣ многолѣтнія попытки англійскихъ домовъ самолично взяться за это дѣло. Попытки эти увѣнчались успѣхомъ только съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ, когда евреи явились усердными пособниками иностранцевъ, и въ короткое время нѣкоторыя отрасли торговли, напримѣръ, пеньковая, почти ушли изъ русскихъ рукъ. Въ то же время и иногородное купечество сознавало необходимость иностранцевъ; безъ нихъ, прямо отъ себя, по мѣстнымъ узаконеніямъ, оно не имѣло права отправлять свои товары за границу. Прямой путь сношеній съ заграницею чрезъ Ригу для русскаго купца былъ пресѣченъ въ силу закона, тогда какъ другой прямой путь иностраннымъ гостямъ во внутреннія губерніи, хотя и былъ открытъ по закону, но въ дѣйствительности оставался закрытымъ до проведенія желѣзныхъ дорогъ. Пройдутъ десятки лѣтъ, пока русское купечество возьметъ ту силу въ заграничномъ торгѣ при усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, которую оно такъ недавно самостоятельно проявляло по Двинѣ, и если вернутся эти времена, то прежній чисто русскій элементъ купечества будетъ значительно уже разжиженъ постороннимъ, въ особенности еврейскимъ. Понятно, что между русскимъ иногороднымъ купечествомъ, которое во всѣхъ ходатайствахъ, просьбахъ, жалобахъ и заявленіяхъ величало себя истинными производителями торговли, наперекоръ названію поставщики (Lieferanten), данному ему нѣмцами и считавшемуся оскорбительнымъ, и нѣмецкимъ, и иностраннымъ купечествомъ, постоянно шла глухая борьба, вырывавшаяся порою на свѣтъ. Одному изъ эпизодовъ этой борьбы посвящается настоящій очеркъ.

II.

Отпускная торговля города Риги до 1870-хъ годовъ всецѣло основывалась на уставѣ о рижской коммерціи 1765 года. Статьи устава, согласно съ требованіями времени, измѣнялись постановленіями рижскаго магистрата, купеческаго суда и биржевого комитета, утверждаемыми мѣстными генералъ-губернаторами. По уставу о рижской коммерціи, точно опредѣлялся порядокъ взвѣшиванія товаровъ: такъ, пенька взвѣшивалась на городскихъ вѣсахъ по раз-

браковкѣ ея присяжнымъ браковщикомъ и по упаковкѣ въ бунты до отдачи покупателю. Осенью 1852 года, при рижскомъ биржевомъ комитетѣ образовалась коммиссія для уясненія взаимныхъ отношеній покупателей и продавцевъ, результатомъ дѣятельности которой явились постановленія, названныя въ нѣмецкомъ оригиналѣ «Usançin». Постановленіями этими, между прочимъ, порядокъ взвѣшиванія пеньки измѣнялся въ прямое нарушеніе устава. Причиною такого измѣненія выставлялись жалобы изъ-за границы на провѣсы въ товарѣ. Провѣсъ проистекалъ отъ самаго способа взвѣшиванія, такъ какъ, по тому же уставу, взамѣнъ фунтовъ при вѣсѣ присчитывались въ пользу продавца лисфунты—20 фун. и ½ лисфунты—10 фун., т. е. если взвѣшивался бунтъ пеньки, а бунты бывали не менѣе 50 пуд., и тянуло 50 пуд. 12 фун., то считалось 20 фун. и т. д. Кажется, вопросъ разрѣшался совершенно просто: стоило лишь отмѣнить лисфунты и считать дѣйствительный вѣсъ въ фунтахъ, но комитетъ рѣшилъ по своему, онъ, не задумываясь, поставилъ продавца на мѣсто покупателя, а покупателя на мѣсто продавца. По новому порядку, взвѣшиваніе должно было быть заключительнымъ дѣйствіемъ, т. е. покупатель принималъ товаръ, приготовлялъ его къ погрузкѣ на корабль и затѣмъ уже взвѣшивалъ. Понятно, что утеря въ вѣсѣ товара отъ вторичной перебраковки, а также и отъ дѣйствія сухой погоды, утеря, которая возстановлялась въ трюмѣ корабля черезъ впитываніе влаги, ложилась теперь на продавца, лишавшагося екатерининскихъ лисфунтовъ, которые пріобрѣталъ покупатель. Такъ какъ дѣло шло не только о потерѣ, самое большое 9 фун. на 50 пуд., а еще и о потери дѣйствительнаго вѣса отъ вліянія перебраковки и погоды, то согласиться на новое постановленіе о перевѣсѣ пеньки—значило согласиться на завѣдомую утерю вѣса товара въ ущербъ себѣ.

Взаимная неуступчивость повела къ весьма интересной борьбѣ, а бороться русскому купечеству съ нѣмецкими учрежденіями города Риги было нелегко.

III.

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, при столкновеніи съ враждебными элементами, русское иногородное купечество всегда искало защиты и твердо сознавало, что болѣе и найдти ее не у кого, какъ у генералъ-губернатора. Генералъ-губернаторъ, какъ высшее административное лицо, которому не только свыше ввѣрялось управленіе краемъ, но который пользовался личнымъ довѣріемъ государя, по своему высокому положенію, а нерѣдко и по рожденію, въ глазахъ русскихъ людей являлся носителемъ правды, исходящей отъ престола. Это было одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ, съ которыми русскіе люди могли непосредственно, помимо пере-

водчика, объясняться на государственномъ языкѣ, могли откровенно повѣдать свои нужды и приносить жалобы, не боясь за нихъ утѣсненій. Передъ лицемъ высшаго представителя власти въ краѣ они являлись не униженными, а полноправными гражданами русскаго государства.

Отношенія генералъ-губернаторовъ къ купечеству были не одинаковыя.

Ирландецъ Броунъ (1762—1792 гг.) не хотѣлъ допустить въ коммиссію по сочиненію устава о рижской коммерціи 1765 года русскихъ купцовъ, якобы они о важности рижскаго торга понятія не имѣютъ.

Итальянецъ маркизъ Паулуччи (1812—1830 гг.) и кровный русскій Е. А. Головинъ (1845—1848 гг.) оба относились съ одинаковымъ вниманіемъ; у нихъ русскіе купцы были принимаемы не по однимъ дѣламъ, а получали приглашенія на торжества наравнѣ съ другими.

При князѣ Суворовѣ (1848—1861 гг.) иногороднее купечество далѣе пріемной не допускалось, впрочемъ, было два исключенія: одно — для всего купечества въ день празднованія княземъ своей серебряной свадьбы и другое исключеніе дѣлалось княземъ для одного бывшаго иногороднаго купца, хотя носившаго именитую фамилію, но въ обществѣ слывшаго подъ именемъ графа Звонова, а далѣе Пустозвонова.

Со временъ князя Суворова и до 1867 года, т. е. до генералъ-губернаторства П. П. Альбединскаго (1866—1870 гг.), иногороднее купечество далѣе замковой пріемной не двигалось. Въ промежутокъ этого времени, на оффиціальномъ пріемѣ, одинъ изъ генералъ-губернаторовъ, узнавъ, что передъ нимъ русскіе купцы, обратился съ вопросомъ:

— А вы, господа, какъ сюда попали?

Пришлось объяснять, какъ, зачѣмъ и почему попадаютъ русскіе купцы въ Ригу.

П. П. Альбединскій, въ началѣ своего генералъ-губернаторства, въ разговорѣ съ русскимъ купцомъ высказался: «Меня, быть можетъ, обвиняютъ въ томъ, что я постоянно вращаюсь въ кругу нѣмцевъ (при этомъ были названы двѣ извѣстныя, впрочемъ, не нѣмецкія, а англійскія фамиліи), но что же мнѣ дѣлать, я не знаю изъ русскихъ ни одной выдающейся личности».

Съ гражданскими губернаторами купечеству приходилось сталкиваться рѣже, но одно столкновеніе осталось памятнымъ. Купечество жаловалось благошляхетному Ветгерихту (коммерческій судъ) на присяжнаго браковщика Гофмана. Ветгерихтъ оставилъ просьбу безъ послѣдствій; тогда обратились къ губернатору. Едва выслушавъ содержаніе жалобы, нѣмецъ-губернаторъ крикнулъ: «Вы просите глупостей!» А передъ нимъ стояло человѣкъ восемь очень почтенныхъ и далеко не глупыхъ людей.

IV.

Пеньковый буянъ въ Ригѣ, гдѣ происходили описываемыя событія, представлялъ собою громадный кварталъ на берегу Двины, застроенный одно-этажными, деревянными амбарами, съ улицами и площадями, мощенными также деревомъ. Теперь деревянныя постройки почти не существуютъ, уступивъ мѣсто прекраснымъ много-этажнымъ каменнымъ складамъ. При этомъ нельзя не отмѣтить одной странности: пока буянъ былъ деревяннымъ, а построенъ онъ около 1814 года, пожаровъ, и то весьма незначительныхъ, было всего лишь два. Одинъ произошелъ отъ молніи въ 1855 году и другой въ 1877 г., въ настоящее же время пенька въ каменныхъ складахъ горитъ отъ неизвѣстныхъ причинъ почти ежегодно. Пересталъ существовать старый буянъ, прекратила свое существованіе и обязательная браковка пеньки, до конца (1870 г.) упорно отстаиваемая биржевымъ комитетомъ, какъ учрежденіе полезное. Учрежденіе это, взятое съ запада и узаконенное Петромъ I, имѣло цѣлію оградить иностраннаго покупателя отъ подлоговъ въ товарѣ. Съ теченіемъ времени явились иныя требованія; знанія присяжныхъ браковщиковъ и узаконенная классификація товаровъ уже давнымъ давно оказались несостоятельными, и покупатель сталъ принимать обракованный уже товаръ чрезъ своего пріемщика. Въ настоящее время одно лишь англійское адмиралтейство требуетъ въ тюкахъ пеньки дощечку съ выжженными ключами (гербъ города Риги) и съ надписью краснымъ карандашемъ Stadtmaaker (городской браковщикъ) такой-то. Въ управленіе Прибалтійскимъ краемъ князя Суворова и до него, обязательная браковка каждую весну открывалась оффиціально.

Въ назначенный день, въ сопровожденіи члена магистрата, завѣдывавшаго буяномъ (Ambaren-Rathsherr или какъ его называли русскіе, буянный рацарь), именитаго купечества и массы присяжныхъ людей, которыми въ то время просто былъ переполненъ буянъ [1]), князь обхо-

[1]) Пеньковый буянъ имѣлъ чиновниковъ подъ слѣдующими наименованіями: 1) буянный рацарь; 2) оберъ-браковщикъ, 8 браковщиковъ и при нихъ десятки помощниковъ — вязчики, съ тремя старшинами (Eltermann) во главѣ; 3) 3 вѣсовщика и 3 помощника; 4) конторскіе пріемщики и при каждомъ изъ нихъ два помощника-переборщика (Sortirer); 5) начальникъ буянной стражи и его помощникъ. За исключеніемъ конторскихъ пріемщиковъ, всѣ остальные были люди присяжные, т. е. чиновники. Контингентъ этого чиновничества комплектовался для браковщиковъ исключительно изъ купцовъ, подпавшихъ несостоятельности, но признанныхъ несчастными; для вязчиковъ и переборщиковъ изъ ремесленниковъ и прислуги ратсгеровъ; здѣсь были повара, кучера, лакеи и даже музыканты. Былъ, между прочимъ, лакей князя Суворова. Вообще должности эти, какъ хорошо оплачиваемыя, считались пристанищемъ житейскихъ плаваній.

дилъ сараи, гдѣ должна была происходить браковка. Въ сараяхъ каждый торговецъ выставлялъ на этотъ разъ тюки пеньки, по которымъ якобы возможно было опредѣлить доброту всего товара, привезеннаго на баркахъ. Тюки эти, на диво отдѣланные, хранились для означенной церемоніи по нѣсколько лѣтъ; затѣмъ браковка считалась открытою.

Такъ было и въ 1853 году. Браковка была открыта, товаръ, запроданный до опубликованія новаго постановленія, такъ называемый контрактовый, взвѣшивали и сдавали по старому, а продаваемый вновь подчинялся уже новому порядку. Для успѣшности перевѣса число вѣсовъ было увеличено, и новые вѣсы, по формѣ постройки, заслужили названіе висѣлицъ. Продавцы отказывались сдавать и взвѣшивать товаръ по новому порядку и требовали перевѣса на основаніи устава о рижской коммерціи 1765 г. до сдачи, а покупатели, опираясь на постановленія, одобренныя генералъ-губернаторомъ, настаивали на перевѣсѣ послѣ сдачи. Не было отдачи пеньки, не было нагрузки кораблей. Между купечествомъ шли оживленные толки; покупатели нѣмцы и иностранцы начали чаще заглядывать на буянъ. Вопросъ былъ дѣйствительно жгучій для обѣихъ сторонъ: для русскихъ допустить новый порядокъ—значило добровольно возложить на себя вновь изобрѣтенный налогъ,—для нѣмцевъ, если поддерживать новшество, при стойкости русскихъ и при неудачѣ, значило поплатиться за простой кораблей, зафрахтованныхъ подъ грузъ, если уступить—сознаться въ подтасовкѣ закона. Взаимныя отношенія обостривались тѣмъ болѣе, что золотая середина, заключавшаяся въ ходатайствѣ объ отмѣнѣ статей закона о лисфунтахъ, въ голову никому не приходила. Русскіе опирались на уставъ о рижской коммерціи 1765 г., нѣмцы на личную волю князя Суворова. Ненавистныя висѣлицы мозолили русскіе глаза. Буянъ представлялъ оживленную картину людей, оторванныхъ отъ обычныхъ занятій. Русскіе и нѣмцы собирались кружками, сходились, спорили и расходились. Разъ, во время такого сходбища, буянный рацарь Шепелеръ напомнилъ, что онъ ратсгеръ. На это купецъ Е. П. Богдановъ отвѣтилъ:

— «Я самъ рацарь (т. е. членъ магистрата, ратманъ), мой братъ голова, да насъ ни одна свинья въ городѣ не боится!»

Не видя конца взаимнымъ препирательствамъ, иногородное купечество рѣшилось искать разрѣшенія недоумѣній тамъ, гдѣ оно, по складу своего русскаго ума, привыкло видѣть защиту слабаго и олицетвореніе правды. Человѣкъ, которому были даны въ обладаніе эти два завидные дара, носилъ по рожденію громкое имя своего великаго дѣда, а потому сомнѣній въ справедливости взгляда на дѣло быть не могло. Именно въ данный моментъ генералъ-губернаторъ и долженъ былъ явиться на высотѣ своего призванія,

какъ безпристрастный истолкователь закона, на который опирались въ своихъ требованіяхъ русскіе купцы; но, къ несчастію, личныя страсти взяли верхъ надъ справедливостію.

Купцы отправились къ князю Суворову. Изъ лицъ, бывшихъ на этомъ памятномъ представленіи, изъ купцовъ, въ живыхъ нѣтъ ни одного. Князь вышелъ въ пріемную залу рижскаго замка; предъ нимъ въ числѣ другихъ просителей стояли шесть весьма почтенныхъ, ведущихъ милліонные обороты, иногородныхъ купцовъ. Была ли при этомъ подана князю докладная записка, неизвѣстно, но князь былъ, видимо, знакомъ съ дѣломъ.

— Вы все еще не согласились?—спросилъ онъ.

— Ваша свѣтлость, мы не можемъ согласиться,—былъ почтительный и вмѣстѣ твердый отвѣтъ М. И. Неронова.

— Я васъ заставлю согласиться!—вскричалъ свѣтлѣйшій, и затѣмъ пронеслись по залѣ такія невѣроятныя слова, сопровождаемыя весьма выразительными жестами, что русскіе купцы едва опомнились отъ такого пріема, пріидя домой.

V.

Въ описываемое время рижская биржа не имѣла собственнаго помѣщенія, а помѣщалась въ домѣ Черноголовыхъ. Биржевыя собранія далеко не были такъ многолюдны, а обороты обширны, какъ теперь. Если въ настоящее время поражаетъ присутствіе на рижской биржѣ, а еще болѣе около биржи, безчисленнаго множества евреевъ, то совершенное въ ту пору ихъ отсутствіе никого не поражало. Правомъ входа въ биржу пользовались лишь евреи, записанные въ 1-ю гильдію, а такихъ евреевъ было только двое: Чернякъ и впослѣдствіи Гинцбургъ. Вообще это было время, когда рижская полиція, даже на улицѣ, стригла евреямъ пейсы и рѣзала лабсардаки. Теперь этого нѣтъ, хотя законъ о посѣтителяхъ биржи, о пейсахъ и лабсардакахъ не отмѣненъ, но сдѣлался якобы несовременнымъ, а потому скоро, по субботамъ, за отсутствіемъ посѣтителей, биржу можно и не открывать; это будетъ уже вполнѣ современно съ еврейской точки зрѣнія.

По обширности отпуска за границу, въ настоящее время первенствуютъ англійскіе дома, но въ 1853 году равнялись съ ними нѣмецкія фирмы, и англичане не имѣли въ торговлѣ подавляющаго вліянія. Характеръ биржи того времени былъ совершенно нѣмецкій, такія биржи попадаются еще и теперь въ незначительныхъ портахъ Германіи. Только присутствіе человѣкъ 30—40 русскихъ купцовъ, въ большинствѣ въ долгополыхъ сюртукахъ, указывало, что здѣсь не Германія, а окраина Россіи.

Описанный пріемъ у свѣтлѣйшаго происходилъ утромъ, а обычныя биржевыя собранія бывали въ 2 или въ 3 часа дня. Въ бир-

жевой залѣ, въ углу, гдѣ висѣла надпись inländische Kaufmannschaft, стояли иногородные купцы, и въ числѣ ихъ купецъ Крутиковъ. Крутикову было въ то время лѣтъ 40, воспитаніе онъ получилъ въ Петербургѣ, прекрасно зналъ языки и вообще по времени былъ образованъ весьма хорошо, а для той среды, даже съ придачею нѣмцевъ, въ которой онъ вращался, болѣе чѣмъ хорошо. Къ тому же это былъ человѣкъ недюжиннаго ума, предпріимчивъ и, какъ малороссъ по рожденію, обладалъ природнымъ юморомъ. По характеру, онъ, пожалуй, подходилъ подъ типъ тургеневскихъ лишнихъ людей; выдержки и упорства въ трудѣ у него не было. Въ теченіе своей жизни (ум. 1878 г.) онъ перепробовалъ всѣ отрасли торговли, но, кажется, не было дѣла, доведеннаго имъ до конца. Капитальную заслугу изъ всего имъ предпринятаго составляетъ проведеніе Миленковскаго (Владимір. губ.) льна въ 1860-хъ годахъ на иностранные рынки, на которыхъ ленъ этотъ съ той поры пользуется заслуженною извѣстностью. Какъ петербуржецъ, Крутиковъ не могъ выносить стѣсненій, которымъ подвергались русскіе купцы въ Ригѣ, дѣйствовалъ самостоятельно и вліялъ на своихъ собратьевъ купцовъ, хотя вліяніе И. А. Комарева въ 1830—40 г. и М. И. Неронова въ 1840—50 годахъ было значительнѣе и благотворнѣе [1]).

Нѣмцы Крутикова не долюбливали, не жаловалъ его почему-то и князь Суворовъ, а потому на пріемѣ онъ не былъ. Въ биржѣ къ Крутикову подошелъ купецъ Зенгбушъ.

— Was hat der Fürst den Russen gesagt? (Что сказалъ, князь, русскимъ?)

— Князь сказалъ,—отвѣчалъ Крутиковъ:—что какъ нѣмцы, такъ и русскіе дураки, спорятъ не зная о чемъ!

— So?!

Съ этимъ «so?!» Зенгбушъ натолкнулся тамъ же въ биржѣ на

[1]) Брянскій купецъ И. А. Комаревъ получилъ образованіе въ Петербургѣ, всю жизнь свою продолжалъ обширную торговлю своихъ предковъ съ Ригою, гдѣ и умеръ въ 1845 году. Это былъ купецъ не столько по капиталу, сколько по уму, въ высшей степени самостоятельный и энергичный. Ему главнымъ образомъ обязаны устраненіемъ многихъ унизительныхъ обычаевъ и пріемовъ, существовавшихъ въ сношеніяхъ иногороднаго купечества съ нѣмецкимъ. Онъ прямо поставилъ себя и стремился поставить своихъ собратьевъ по торговлѣ наравнѣ съ нѣмцами и иностранцами. Вліяніе его было громадно; такъ въ 1839 г. онъ, вслѣдствіе теперь уже неизвѣстныхъ причинъ, предложилъ не продавать одной извѣстной англійской фирмѣ пеньки, и предложеніе его безпрекословно было исполнено. Словомъ, это былъ рѣдкій вожакъ общества, прекрасно сознававшій его нужды и силу. Вяземскій купецъ М. И. Нероновъ не получилъ образованія, но обладалъ обширнымъ природнымъ умомъ. Онъ основалъ вяземское общество страхованія товаровъ на Двинѣ, которое просуществовало до 1870 г., когда уже сплавъ потерялъ значеніе. Его иниціативѣ нужно приписать проектъ общества съ весьма широкою программою; къ сожалѣнію, по несогласіямъ, возникшимъ въ средѣ купечества, проектъ этотъ такъ и остался проектомъ.

другихъ нѣмцевъ, и слова Крутикова были немедленно доведены до свѣдѣнія князя Суворова. Не успѣлъ Крутиковъ возвратиться на квартиру, какъ явился полиціймейстеръ А. И. Гринъ и отвезъ его, по личному приказу князя, на гауптвахту, что̀ противъ замка.

Паническій страхъ напалъ на все купечество. Боялись собираться у себя на квартирахъ. Что дѣлать, какъ дѣйствовать, гдѣ искать правды? Рѣшили послать ходатаемъ въ Петербургъ М. И. Неронова. Путь лежалъ на Дерптъ, но могутъ не выдать подорожной, остановить на дорогѣ, а потому не лучше ли ѣхать тѣмъ путемъ, которымъ вывезли незадолго до того времени архіепископа Иринарха, т. е. на Митаву и Вильно?

Между тѣмъ, Крутиковъ переночевалъ на гауптвахтѣ вмѣстѣ съ какимъ-то пьянымъ маіоромъ. Утромъ гауптвахту посѣтилъ комендантъ Врангель. Почтенный старикъ былъ крайне удивленъ, найдя тамъ такого необычайнаго арестанта.

— Боже мой, Боже мой, что я вижу?—проговорилъ онъ, покачивая головой:—пьяный маіоръ и русскій 1-й гильдіи купецъ!

Вечеромъ Крутикова освободили, а чрезъ нѣсколько дней онъ подалъ князю Суворову докладную записку, въ которой просилъ объяснить причину ареста. Записка была возвращена съ надписью князя карандашемъ: «Удивляюсь дерзости просителя».

Постановленіе о перевѣсѣ пеньки, которое повлекло къ такимъ печальнымъ событіямъ, было въ скорости отмѣнено и возстановленъ прежній порядокъ, согласный съ уставомъ о рижской коммерціи 1765 года.

Болѣе всѣхъ пострадалъ Зенгбушъ; ему втеченіе года, если не болѣе, никто изъ иногородныхъ купцовъ не продавалъ пеньки, такъ что онъ вынужденъ былъ дѣлать закупки на чужое имя.

Поступокъ князя Суворова впослѣдствіи купечество объясняло наговоромъ нѣмцевъ и горячностью характера. Примирилось оно съ нимъ, главнымъ образомъ, вслѣдствіе личнаго приказа князя, даннаго на постройку лабазовъ для склада товаровъ въ 1858 году, на эспланадѣ упраздненной рижской крѣпости. Въ день серебряной свадьбы князя, русское купечество, на великолѣпномъ блюдѣ работы Сазикова, поднесло хлѣбъ-соль; князь, говорятъ, былъ, видимо, тронутъ незлобивостью русскихъ людей.

Евреи на похоронахъ князя несли громадный вѣнокъ.

Нѣмцы, говоря о князѣ, прилагаютъ эпитетъ: «unser lieber Fürst!»

И. Орловъ.

ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

I.

КОНЧИВЪ борьбу съ Наполеономъ и умиротворивъ Европу, императоръ Александръ I возъимѣлъ намѣреніе ближе ознакомиться съ внутренней жизнью, нуждами и потребностями своего народа, и съ этой цѣлію неоднократно предпринималъ путешествія по имперіи. Такимъ образомъ, въ 1817 году, совершилъ онъ поѣздку по центральной Россіи; въ 1819 году, въ Петрозаводскъ и Архангельскъ, а оттуда въ Торнео и Финляндію; въ 1820 году, государь снова путешествовалъ по Россіи, и затѣмъ отправился въ Варшаву; въ 1822 году, обозрѣвалъ Псковскую и Витебскую губерніи и былъ въ Вильнѣ; въ 1824 году, посѣтилъ губерніи: Псковскую, Смоленскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, проѣхалъ въ Пензу, обозрѣлъ Оренбургскій край, Екатеринбургъ, Вятку, Вологду и Новгородъ; въ 1825 году, навѣстилъ Ригу и Ревель, и незадолго передъ кончиной осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ Землю войска Донскаго и Крымъ.

Въ путешествіяхъ государю сопутствовали постоянно: генералъ-адъютантъ князь П. М. Волконскій, лейбъ-медикъ баронетъ Виллie и полковникъ А. Д. Соломка, иногда—баронъ И. И. Дибичъ и другія лица.

Аѳанасій Даниловичъ Соломка поступилъ на службу въ главный штабъ его императорскаго величества въ 1815 году, а въ 1818 году былъ назначенъ въ должность оберъ-вагенмейстера, и въ этомъ званіи неизмѣнно сопровождалъ государя во всѣхъ его путешествіяхъ какъ по Россіи, такъ и за границею. Это былъ чест-

ный, прямой и преданный слуга, находившійся постоянно при особѣ царя и готовый, по его мановенію, идти въ огонь и воду. Императоръ Александръ I высоко цѣнилъ подобную преданность и, съ своей стороны, оказывалъ ему полное довѣріе и дружбу, въ доказательство чего онъ поручалъ ему принимать подаваемыя на высочайшее имя прошенія, вести имъ подробный журналъ и лично докладывать по нимъ. Наиболѣе же рельефное значеніе пріобрѣтала служба Аѳанасія Даниловича во время путешествій государя.

Изстари путешествіе государя составляло эпоху для народа. Объявленное заблаговременно, оно дѣлалось извѣстнымъ въ отдаленныхъ уголкахъ назначенной къ обозрѣнію мѣстности и волновало ихъ. По всему пути, гдѣ долженъ былъ проѣхать государь, собирались массы городскаго и сельскаго люда, въ особенности много стекалось народу въ мѣстѣ остановокъ царя для отдыха или дневокъ. Одни приходили взглянуть на батюшку царя, пожелать ему всякаго счастія и благословить на дальнѣйшій путь; другіе же шли повергнуть къ стопамъ монарха просьбу о защитѣ или помощи, повѣдать свои кручины и нужды.

Съ этими то кручинами и нуждами приходилось вѣдаться довѣренному оберъ-вагенмейстеру и немало было ему съ ними дѣла. Императоръ Александръ I придавалъ особенное значеніе личному обращенію къ нему подданныхъ съ прошеніями, вникалъ въ сущность ихъ и старался, по возможности, удовлетворять ихъ. Онъ желалъ, чтобы прошенія принимались вездѣ, во всякое время и отъ всѣхъ, безъ различія пола, возроста и состоянія. Если государственныя дѣла мѣшали ему заняться пріемомъ прошеній самому, то онъ поручалъ это Аѳанасью Даниловичу, приказавъ ему разъ навсегда: подаваемыя прошенія при пріемѣ прочитывать и, если окажется нужнымъ, то тутъ же, на мѣстѣ, и дополнять ихъ опросомъ и объясненіями просителей. Затѣмъ онъ долженъ былъ занести ихъ въ журналъ и непремѣнно въ тотъ же день повергнуть на монаршее воззрѣніе. По полученіи же резолюціи тотчасъ сдѣлать исполненіе. Замедленій государь не допускалъ. Онъ самъ занимался неустанно, прочитывая нужныя бумаги или доклады даже во время пути, въ коляскѣ. Резолюціи его по дѣламъ, зависѣвшимъ отъ непосредственнаго монаршаго благоусмотрѣнія или милости, въ тотъ же день сообщались просителямъ. По дѣламъ же, требовавшимъ справокъ или заключеній начальствующихъ лицъ или правительственныхъ учрежденій, писалось подлежащимъ властямъ, съ обязательствомъ доставить по нимъ исполнительное донесеніе въ наикратчайшій срокъ (обыкновенно двухнедѣльный или мѣсячный). За исполненіемъ этого государь наблюдалъ лично, просматривая въ журналѣ отмѣтки о времени исполненія предписаній,— и горе тому, кто осмѣлился бы стать между просителями и царемъ, хотя бы даже неумышленно. Нижеслѣдующій случай, про-

исшедшій съ Аѳанасьемъ Даниловичемъ, во время путешествія государя по сѣверу Россіи, можетъ служить яснымъ доказательствомъ тому, что малѣйшее уклоненіе отъ данныхъ царемъ инструкій не проходило даромъ: виновный наказывался болѣе чѣмъ строго.

Поѣздъ царскій обыкновенно слѣдовалъ такимъ порядкомъ. Впереди коляска государя, затѣмъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, далѣе коляски свиты, лейбъ-медика и другихъ лицъ. Ночью же впереди ѣхалъ экипажъ оберъ-вагенмейстера, съ козакомъ Овчаровымъ на козлахъ, имѣвшимъ въ рукахъ особый освѣтительный аппаратъ, и за нимъ уже коляска государева и свитскіе экипажи.

Поѣздка на сѣверъ Россіи продолжалась съ 4-го іюля по 25-е августа. Въ Петрозаводскѣ, по росписанію, назначена была дневка. Прибыли туда въ сырую, ненастную погоду. Громадная толпа народа, въ надеждѣ увидѣть императора, не смотря на проливной дождь, стояла подъ окнами дома, гдѣ онъ остановился и ждала его появленія. Пока государь переодѣвался, Аѳанасій Даниловичъ, по его порученію, приступилъ къ пріему отъ просителей прошеній. Мѣстныя власти, желая услужить царскому приближенному, распорядились подостлать ему подъ ноги нѣсколько досокъ, и хлопотунъ оберъ-вагенмейстеръ, стоя на нихъ, опрашивалъ просителей и заносилъ ихъ отвѣты въ памятную книжку. Государь, подойдя къ окну, замѣтилъ, что уполномоченное имъ для принятія прошеній лицо стоитъ на деревянномъ помостѣ, а окружающіе его просители вязнутъ въ грязи. Это ему не понравилось; онъ отошелъ отъ окна и въ волненіи прошолся нѣсколько разъ по комнатѣ, но никакихъ замѣчаній не сдѣлалъ. Подойдя же черезъ нѣсколько минутъ снова къ окну, онъ увидѣлъ, что Аѳанасій Даниловичъ прекратилъ пріемъ прошеній, не обративъ вниманія на то, что невдалекѣ отъ него стоялъ какой-то не то больной, не то сильно взволнованный бѣднякъ, явно имѣвшій нужду въ помощи. Это окончательно прогнѣвило государя, и онъ приказалъ позвать къ себѣ своего довѣреннаго слугу.

— Скажите мнѣ, пожалуйста,—встрѣтилъ Александръ Павловичъ явившагося къ нему оберъ-вагенмейстера:—зачѣмъ я васъ вожу съ собою...[1]) какъ куклу, или для исполненія моихъ приказаній?

Полковникъ Соломка, не зная причины гнѣва государя, оторопѣлъ и ничего не могъ отвѣтить.

— Что вы,—горячился между тѣмъ государь:—принимая прошенія, оказываете свои личныя милости, или служите мнѣ и исполняете мою волю? Вы позволили себѣ потребовать подъ ноги подстилку, чтобы стоять съ удобствомъ и комфортомъ, а люди, пришедшіе ко мнѣ съ просьбами, должны вязнуть въ грязи! Вы

[1]) Лицамъ, на которыхъ государь гнѣвался, онъ говорилъ уже не «ты», а «вы».

такъ высоко себя поставили, что, вамъ кажется, иначе и быть не должно, тогда какъ вамъ небезъизвѣстно, что мое расположеніе одинаково ко всѣмъ, какъ къ людямъ, близко стоящимъ ко мнѣ, такъ и къ тѣмъ, которые вонъ тамъ вязнутъ въ грязи. Вы знаете, что всѣ мои вѣрноподданные одинаково близки моему сердцу.

— Виноватъ, ваше императорское величество, что я позволилъ себѣ стать на доски,—отвѣчалъ, собравшись съ мыслями, Аѳанасій Даниловичъ:—но моего приказанія не было, чтобы устроить для меня какія либо удобства; это не что иное, какъ простая любезность со стороны здѣшнихъ властей.

— А что это за личность, стоявшая въ числѣ просителей, блѣдная, бѣдно одѣтая, съ большими, кудрявыми, черными волосами? Вы не могли не замѣтить ее; это, судя по наружности, навѣрно, одинъ изъ наиболѣе нуждающихся. Можете вы доложить мнѣ, кто это и въ чемъ заключается его просьба?

— Государь, этого человѣка я замѣтилъ, но кто онъ такой и въ чемъ заключается его просьба, я сказать не могу, такъ какъ онъ ко мнѣ не подходилъ и просьбъ никакихъ не заявлялъ.

— Да! вы стояли на подмосткахъ! Вамъ трудно было сойдти въ грязь къ нуждающимся, чтобы опросить ихъ и доложить мнѣ объ ихъ нуждахъ!— вѣдь такихъ, можетъ быть, много... Извольте сейчасъ-же отправиться, собрать самыя подробныя свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ и немедленно донести мнѣ.

Но «человѣка этого» уже не было, онъ куда то улетучился, и Аѳанасій Даниловичъ долженъ былъ ограничиться собраніемъ о немъ свѣдѣній у мѣстныхъ властей. Оказалось, что это дѣйствительно несчастный человѣкъ. Жилъ онъ неподалеку отъ города въ своей усадьбѣ въ полномъ достаткѣ, былъ женатъ и имѣлъ пятерыхъ дѣтей. Но нѣсколько времени тому назадъ у него случился пожаръ, усадьба и все имущество сгорѣли. Но что всего ужаснѣе— во время пожара погибла его жена и трое дѣтей. Спасли только двухъ малолѣтковъ, которыхъ и пріютили у себя добрые люди. Утраты эти такъ подѣйствовали на несчастнаго, что онъ впалъ въ болѣзненное состояніе, близкое къ умопомѣшательству, но помощи ни отъ кого принять не хотѣлъ. Подобныя свѣдѣнія ошеломили почтеннаго оберъ-вагенмейстера, и, пока онъ составлялъ всеподданнѣйшій докладъ о несчастномъ, государь присылалъ за нимъ три раза.

— Читайте!—сказалъ императоръ, когда Аѳанасій Даниловичъ представилъ ему докладъ.

— Не могу, государь, — отвѣчалъ трепещущій докладчикъ:—я такъ потрясенъ...

— Читайте!—повторилъ Александръ Павловичъ болѣе строго.

Бѣдный оберъ-вагенмейстеръ окончательно потерялся. У него дрожали руки и рябило въ глазахъ, онъ чувствовалъ, что спазмы

сдавили ему горло, хотѣлъ что-то сказать, но не могъ выговорить ни одного слова.

— Читайте! я вамъ говорю! — возвысилъ между тѣмъ голосъ разгнѣванный монархъ, и въ словахъ его звучала нота раздраженія.

Запинаясь и съ разстановками, чуть слышно, едва-едва могъ прочитать Аѳанасій Даниловичъ царю докладъ о несчастномъ больномъ, сознавая себя въ десять разъ несчастнѣе его.

— Ну, что вы мнѣ на это скажете?—спросилъ его немного успокоившійся тѣмъ временемъ царь.

— Виноватъ, ваше императорское величество.

— Виноваты! а онъ-то чѣмъ виноватъ, что вы не исполняете моихъ приказаній!—внушительно возразилъ Александръ Павловичъ и, взявъ перо, положилъ на докладѣ резолюцію: «назначить доктора для попеченія о больномъ, дѣтей его помѣстить въ учебныя заведенія и содержать отца до выздоровленія, а дѣтей—до поступленія на службу на счетъ собственныхъ моихъ суммъ. На постройку же усадьбы и обзаведеніе—выдать изъ того же источника пособіе, въ размѣрѣ стоимости сгорѣвшаго имущества».

— А васъ я больше видѣть не могу,—присовокупилъ государь, отдавая Аѳанасью Даниловичу резолюцію свою для исполненія.

На другой день, когда императоръ садился въ экипажъ, полковникъ Соломка, по обязанности своего званія, подошелъ къ экипажу, чтобы помочь государю подняться на подножку; Александръ Павловичъ уклонился отъ услугъ своего опальнаго оберъ-вагенмейстера, замѣтивъ холодно: «вы помните, что я сказалъ вамъ вчера».

Аѳанасій Даниловичъ стушевался. Положеніе его при главной квартирѣ сдѣлалось ненормальнымъ. Онъ исполнялъ обязанности оберъ-вагенмейстера, но къ царю подходить не смѣлъ. Каждый день онъ ждалъ назначенія себѣ преемника, но преемника ему не назначали. Время шло, а обстоятельства не измѣнялись. Такъ близко къ царю, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ далеко отъ него! Сознаніе подобнаго ничѣмъ необъяснимаго порядка не могло не вліять на впечатлительную натуру честнаго царскаго слуги. Онъ осунулся, похудѣлъ и постарѣлъ до неузнаваемости. Въ особенности гнела его мысль, что государь на него еще гнѣвается.—«Душа вся изныла за это время,—говорилъ потомъ Аѳанасій Даниловичъ:—но дѣлать нечего, нужно было терпѣть—и терпѣлъ».

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Но вотъ наступилъ постъ. Императоръ началъ говѣть. Съ нимъ вмѣстѣ говѣли и близкіе къ нему люди. Аѳанасій Даниловичъ тоже началъ говѣть, но, приходя въ церковь, становился въ алтарѣ и государю не показывался. Передъ исповѣдью Александръ Павловичъ послалъ своего камердинера позвать къ себѣ полковника Соломку и по приходѣ его въ кабинетъ, государь, по обряду православной церкви, троекратно поклонился ему и просилъ у него прощенія.

— Ваше императорское величество, я также говѣю,—воскликнулъ, заливаясь слезами, опальный царскій слуга:—ради самого Господа простите мнѣ мои вольныя и невольныя прегрѣшенія!—и упалъ царю въ ноги.

— Богъ тебя проститъ, Аѳанасій Даниловичъ,—сказалъ императоръ, поднявъ и поцѣловавъ его: — забудемъ прошлое! я знаю тебя, ты—вѣрный слуга мой, вотъ почему я тебя и не оттолкнулъ отъ себя. Я зналъ, что ты неумышленно сдѣлалъ это, и я, любя тебя, далъ тебѣ урокъ. Никогда не слѣдуетъ пренебрегать въ жизни людьми, которыхъ мы не знаемъ. Но я радъ, что ты доставилъ мнѣ случай исполнить долгъ не только царя, но и христіанина. Теперь все забыто! и ты опять мнѣ такъ же дорогъ, какъ и прежде. Ступай и исполняй свои обязанности, какъ ты исполнялъ ихъ всегда.

Послѣ принятія св. тайнъ государь принималъ поздравленія своихъ близкихъ и свиты. Послѣднимъ подошелъ поздравить его Аѳанасій Даниловичъ. Окружающіе, не знавъ о происшедшемъ наканунѣ примиреніи, смотрѣли съ любопытствомъ, какъ приметъ царь поздравленія своего опальнаго слуги. Удивленію ихъ не было границъ, когда Александръ Павловичъ съ улыбкою протянулъ ему руку, обнялъ и поцѣловалъ, говоря:—«Дважды поздравляю тебя, Аѳанасій Даниловичъ, съ принятіемъ св. тайнъ и съ возвращеніемъ прежняго моего къ тебѣ расположенія. Смотри же, постарайся оправдать его!»

И преданный слуга оправдалъ его. Болѣе пятидесяти лѣтъ онъ состоялъ на службѣ при главной квартирѣ: сперва въ званіи оберъ, а потомъ генералъ-вагенмейстера, и умеръ, заслуживъ признательность и уваженіе трехъ императоровъ: Александра Павловича, Николая Павловича и Александра Николаевича.

«Урокъ», данный ему Александромъ Павловичемъ, не пропалъ безслѣдно: онъ сталъ болѣе чутокъ къ горю и бѣдамъ ближняго, и не только старался помогать людямъ, обращавшимся къ нему съ просьбами, но самъ розыскивалъ несчастныхъ и предстательствовалъ за нихъ передъ царемъ [1]).

II.

Путешествія императора Александра I не могли не быть плодотворны для народа. Изъ дальнихъ уголковъ нашего обширнаго отечества рѣдкій изъ нуждающихся, и то въ крайнемъ случаѣ, шелъ въ Петербургъ просить у царя защиты или помощи. Но если «надежа-государь» пріѣзжалъ самъ и былъ вблизи отъ нихъ, они всѣ приходили къ нему съ своими слезными грамотками и челобит-

[1]) Разсказъ этотъ записанъ со словъ сына А. Д. Соломки, генералъ-маіора Сергѣя Аѳанасьевича Соломки.

ными. Пусть нѣкоторые изъ нихъ просили невозможнаго, но большинство получало отъ щедротъ царя то, зачѣмъ они никогда не дерзнули бы пойдти въ далекій, безсердечный Питеръ.

На одной станціи, во время путешествія Александра I по восточнымъ губерніямъ Россіи, императоръ имѣлъ отдыхъ. Уставъ съ дороги, онъ прилегъ на диванъ и задремалъ. Оберъ-вагенмейстеръ Соломка занялся пріемомъ прошеній отъ просителей. Окончивъ пріемъ, онъ замѣтилъ, что не вдалекѣ отъ дома, занимаемаго императоромъ, стоятъ два молодыхъ человѣка въ крестьянскихъ армякахъ, весьма подержанныхъ, и въ изношенныхъ лаптяхъ. Въ рукахъ у нихъ были палки, за плечами—котомки. Предполагая, что юноши эти имѣютъ какую либо просьбу къ царю, онъ подошелъ къ нимъ и сталъ разспрашивать: кто они и зачѣмъ тутъ находятся. Молодые люди, снявъ шапки и вѣжливо поклонившись Аѳанасью Даниловичу, отвѣчали, что они—старшіе сыновья сосланнаго императоромъ Павломъ въ Сибирь Василья Пассека—Леонидъ и Діомидъ Пассеки, узнавъ о проѣздѣ царя, пришли изъ Сибири пѣшкомъ просить помилованія и пощады своему старику-отцу и ждутъ случая подать просьбу государю лично.

— Отчего вы не подошли ко мнѣ, когда я принималъ прошенья отъ другихъ?—спросилъ Соломка.

— Намъ отецъ приказалъ подать прошеніе лично государю, и мы не смѣли преступить его волю, хотя и знали, что вы принимаете прошенія.

— Государь теперь отдыхаетъ, и потому подать ему прошенія теперь невозможно,—отвѣчалъ Аѳанасій Даниловичъ:—но если вы непремѣнно желаете подать ему прошеніе лично, то всего лучше было бы, если бы вы отправились на слѣдующую станцію: тамъ государь будетъ обѣдать и, по всей вѣроятности, приметъ ваше прошеніе.

— Но какъ мы отправимся, когда у насъ ни копѣйки нѣтъ денегъ? Мы и то уже нѣсколько дней пробиваемся по крестьянамъ.

Оберъ-вагенмейстеръ вынулъ изъ кармана бумажникъ и, доставъ оттуда бѣлую ассигнацію, далъ имъ, сказавъ, чтобы они отправлялись немедленно и были на слѣдующей станціи къ часу дня непремѣнно.

Черезъ нѣсколько времени Аѳанасій Даниловичъ увидѣлъ ихъ ѣдущими верхомъ на одной лошади и подозвалъ къ себѣ.

— Что это вы чудите, господа?—спрашиваетъ ихъ оберъ-вагенмейстеръ.

— Ни чуть не чудимъ, отвѣчаютъ они, лошади всѣ забраны подъ царскій поѣздъ, и намъ едва-едва удалось раздобыться вотъ этой клячей у крестьянина, за которую мы и заплатили ему вашу бѣлую ассигнацію.

— Да вѣдь вы на ней, пожалуй, опоздаете.

— Что же дѣлать!.. пѣшкомъ идти и вовсе не успѣешь, а на лошади, всетаки, какъ нибудь доберемся.

— Ну, поѣзжайте съ Богомъ!

На утро царскій поѣздъ обогналъ ихъ на дорогѣ. Государь на ихъ привѣтствіе отдалъ имъ поклонъ и внимательно осмотрѣлъ. На станціи, во время стола, Александръ Павловичъ замѣтилъ, что къ окнамъ столовой комнаты подходили нѣсколько разъ и робко заглядывали въ окна какіе-то крестьяне. Всмотрѣвшись въ нихъ, онъ обратился къ полковнику Соломкѣ и сказалъ: — «Да это, кажется, наши юные скиѳы, которые давеча утромъ гарцовали по дорогѣ на одной лошади... Выйди къ нимъ, Аѳанасій Даниловичъ, и спроси ихъ, что имъ нужно?»

Оберъ-вагенмейстеръ разсказалъ государю, кто они и какъ онъ распорядился доставить ихъ сюда.

— Дѣло! — сказалъ государь: — ну, поди, позови ихъ ко мнѣ!

Полковникъ Соломка ввелъ юношей. Они бросились къ ногамъ монарха, обняли ихъ руками и, не отнимая прильнувшихъ къ нимъ головъ, съ рыданіями вопили: — «Милосердія, государь, милосердія!.. одного только милосердія, государь, къ безвинно пострадавшему старику и его несчастнымъ дѣтямъ!..»

Картина вышла поразительная. Александръ Павловичъ даже прослезился.

— Встаньте, встаньте! — говорилъ онъ имъ. Я сдѣлаю все отъ меня зависящее, но мнѣ надо разобрать дѣло.

Юноши встали.

— Возвратитесь къ отцу, — продолжалъ растроганный царь: — и скажите ему, что я разсмотрю его дѣло самъ. Въ милостяхъ моихъ онъ сомнѣваться не можетъ... ну, а васъ за то, что вы такъ усердно исполнили отцовскую волю, я велю помѣстить въ учебныя заведенія; повидавшись съ отцомъ, пріѣзжайте въ Петербургъ, — и, обратившись къ Аѳанасью Даниловичу, добавилъ: выдать имъ прогоны на проѣздъ къ отцу и оттуда въ Петербургъ.

Въ тотъ же день полетѣлъ фельдъегерь съ запросомъ о старикѣ Пассекѣ и, по полученіи отвѣта и разсмотрѣніи дѣла, императоръ повелѣлъ возвратить ему дворянство, а также отобранное у него въ казну имѣніе и дозволить ему возвратиться въ Россію. Сыновей его, Леонида и Діомида, принять въ учебныя заведенія, куда окажутся способны, и воспитать на казенный счетъ. Дѣтей же, рожденныхъ въ Сибири, считать принадлежащими къ дворянскому сословію.

Въ сороковыхъ годахъ «юные скиѳы» пріѣзжали къ Аѳанасію Даниловичу благодарить его за все сдѣланное для нихъ на станціи подъ Екатеринбургомъ; но это уже были не крестьянскіе парни, въ рваныхъ зипунахъ, а блестящіе представители тогдашняго молодаго поколѣнія: одинъ (Леонидъ) морякъ, капитанъ, а другой (Діо-

мидъ) храбрецъ-генералъ, въ скорости затѣмъ такъ геройски погибшій на Кавказѣ [1]).

III.

Въ 1833 году, въ бытность свою въ Москвѣ, императоръ Николай I посѣтилъ 5-ю гимназію, нашелъ ее въ отличномъ состояніи и благодарилъ какъ директора Оленина, такъ и все прочее начальство ея. Въ особенности ему понравилось, что нѣсколько воспитанниковъ, обученные находившимся въ гимназіи сыномъ А. Х. Бенкендорфа, прошли мимо государя церемоніальнымъ маршемъ и сдѣлали руками примѣрно ружейные пріемы «на плечо» и «на караулъ». Онъ подозвалъ къ себѣ командира этого дѣтскаго отряда и поцѣловалъ его. Для дальнѣйшихъ упражненій воспитанниковъ въ ружейныхъ пріемахъ, государь приказалъ доставить изъ кадетскаго корпуса деревянныя ружья, а лучшихъ — перевести въ новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, тогда только что устроивавшійся.

Затѣмъ, Николай Павловичъ, находясь въ хорошемъ расположеніи духа, войдя въ зало, расположился посрединѣ и сталъ играть съ воспитанниками. Онъ разстегнулъ сюртукъ и, взявъ нѣсколько мальчиковъ въ распростертыя руки, началъ возиться съ ними; масса дѣтей бросилась къ нему — всякому хотѣлось хотя дотронуться до государя, и они принялись теребить его. Государь сѣлъ на полъ, бралъ дѣтей десятками и клалъ рядомъ съ собою. Воспитанники лѣзли на государя все болѣе и болѣе и, наконецъ, совсѣмъ повалили на полъ. Долго возился съ ними развеселившійся царь и, когда всталъ на ноги, у него не оказалось ни одной пуговицы на сюртукѣ, — воспитанники ухитрились во время игры обрѣзать ихъ.

— Ахъ, мальчуганы! — засмѣялся государь: — что это вы надѣлали?

— Это на память о васъ, ваше императорское величество, — отвѣчали тѣснившіеся вокругъ его воспитанники.

— Но какъ же я теперь доѣду домой?

— Какъ нибудь доѣдете!.. завернитесь въ шинель, — весело смѣялись воспитанники, цѣлуя его руки.

— Ну, хорошо! — сказалъ, прощаясь, государь: — только смотрите, будьте молодцами, и я буду любить васъ.

— Постараемся, — кричали воспитанники ему вслѣдъ: — прощайте, ваше величество, не забывайте насъ!.. [2]).

---

[1]) Записано со словъ генералъ-маіора Сергѣя Аѳанасьевича Соломки.

[2]) Со словъ генералъ-маіора А. Д. Симановскаго, бывшаго въ то время воспитанникомъ гимназіи.

IV.

Во время политическихъ волненій въ Австріи, въ 1848—1849 годахъ, дежурный штабъ-офицеръ управленія кіевскаго генералъ-губернатора, маіоръ Михаилъ Дмитріевичъ Поздиякъ, по распоряженію генералъ-адъютанта Бибикова, неоднократно былъ командируемъ по дѣламъ службы на австрійскую границу.

Въ одну изъ такихъ командировокъ, городничій представилъ ему заарестованнаго имъ страннаго арестанта. Это былъ приличный на видъ старикъ, съ длинною, сѣдою бородою и отпущенными чуть не до плечъ волосами, въ пенс-нэ, и ветхомъ крестьянскомъ армякѣ, въ карманѣ котораго найдена книга на англійскомъ языкѣ: «Король Лиръ» Шекспира. Человѣкъ этотъ не имѣлъ никакого вида и, при допросѣ, назвался бродягой, непомнящимъ родства.

На всѣ просьбы маіора Поздняка открыть свое званіе и положеніе, старикъ отвѣчалъ отказомъ и просилъ, въ видѣ особой милости, отправить его въ Кіевъ, къ генералъ-губернатору, которому онъ откроетъ, кто онъ такой и съ какими намѣреніями сюда прибылъ.

Испросивъ разрѣшеніе, дежурный штабъ-офицеръ доставилъ старика въ Кіевъ и представилъ генералъ-адъютанту Бибикову.

— Кто вы такой? — обратился къ старику съ вопросомъ генералъ-губернаторъ.

— Простите, ваше высокопревосходительство, если я вамъ не отвѣчу на вашъ вопросъ въ присутствіи посторонняго лица, — отвѣчалъ старикъ, намекая на присутствіе при свиданіи Поздняка.

— У меня нѣтъ секретовъ отъ моего дежурнаго штабъ-офицера, — возразилъ гордо генералъ-адъютантъ Бибиковъ: — отвѣчайте на мой вопросъ!

— Я — Тизенгаузенъ.

— Какъ Тизенгаузенъ?! — воскликнулъ Дмитрій Гавриловичъ, отступая въ изумленіи: — декабристъ?!

— Да, декабристъ! Не вѣришь? — ощупай на затылкѣ шрамъ отъ раны, полученной въ 1812 году въ сраженіи, гдѣ и ты участвовалъ.

Бибиковъ коснулся рукой головы старика и, удостовѣрившись въ справедливости его словъ, обнялъ его и расцаловалъ.

— Ѳома невѣрный! — сказалъ, покачавъ головой Тизенгаузенъ. Ну, что-жъ думаешь, — продолжалъ онъ: — отправляй въ тюрьму, закуй и бей кнутомъ, вѣдь я — бѣглый каторжникъ!

— Садись-ка лучше вотъ здѣсь, со мною, на диванъ, любезный другъ, — успокоивалъ старика Дмитрій Гавриловичъ: — и разскажи, какими судьбами ты очутился здѣсь?

— Соскучился!.. Тоска изгрызла сердце и душу изсушила...

Вѣдь двадцать слишкомъ лѣтъ, какъ мы ужъ тамъ... Пойми, терпѣнья не хватило... хотѣлось дѣтей увидѣть, а тамъ что будетъ!.. собрался и пошолъ... что было не спрашивай: хорошаго немного... вѣдь дочери мои, ты знаешь, при дворѣ, принять боялись... хоть видѣлъ я ихъ мелькомъ, невзначай... узналъ, что имъ нехудо, рукой махнулъ, ну, и пошолъ... и шолъ... куда-жъ идти какъ не къ тебѣ, товарищъ старый, родственникъ и другъ... Пріими и сдѣлай, что тебѣ Господь на умъ положитъ... въ руки твои отдаю судьбу мою — казни иль милуй, мнѣ все равно, вѣдь жить осталось недолго...

— Но что̀ мнѣ съ тобою дѣлать, что̀, мнѣ съ тобою дѣлать, другъ,— повторялъ въ раздумьи Бибиковъ: — просить царя?.. но, бѣжавъ изъ Сибири, ты совершилъ снова преступленье и снова подлежишь наказанію: кто знаетъ, какъ взглянетъ государь на это... тѣмъ болѣе, что онъ о васъ не хочетъ даже слышать. Лучше я думаю дождаться его пріѣзда сюда, здѣсь я лично могу просить его за тебя, а до того времени ты будешь жить у моего дежурнаго штабъ-офицера, ко мнѣ же приходи по вечерамъ. Только знай, что передъ самымъ пріѣздомъ сюда государя я долженъ буду посадить тебя въ крѣпость.

Тизенгаузенъ отъ всей души поблагодарилъ Бибикова, и старые друзья долго бесѣдовали, вспоминая о прошломъ, одинаково близкомъ обоимъ, о капризныхъ ударахъ судьбы, разъединившихъ ихъ такъ жестоко.

Спустя нѣсколько времени, императоръ Николай I прибылъ въ Кіевъ. Осмотрѣвъ войска и городъ, государь принялъ обѣдъ у генералъ-губернатора. Избравъ минуту, когда государь находился въ милостивомъ настроеніи духа, Бибиковъ разсказалъ ему о побѣгѣ и прибытіи въ Кіевъ Тизенгаузена, сталъ просить его о помилованіи старика.

— Развѣ ты не знаешь, что я запретилъ просить о помилованіи декабристовъ! — возразилъ гнѣвно монархъ.

— Государь,—сказалъ Бибиковъ:—я осмѣливаюсь просить васъ, вопреки прямаго вашего запрещенія, и прошу потому, что бѣглый декабристъ — мой родственникъ. Я обѣщалъ ему ваше помилованіе, и если онъ не достоинъ его, то накажите меня, злоупотребившаго вашимъ именемъ. Руку мою я потерялъ за царя и отечество и теперь преклоняю мою голову передъ вами, дѣлайте съ нею, что хотите... я виноватъ — велите снять ее, но я дѣйствовалъ вашимъ именемъ, зная, что вы и въ гнѣвѣ справедливы и милостивы...

— Нѣтъ, Дмитрій Гавриловичъ, такую голову не снимаютъ, а цалуютъ, — сказалъ государь и поцаловалъ его. — Пусть будетъ по твоему; если ты обѣщалъ помилованіе моимъ именемъ, то пусть онъ и будетъ помилованъ! Завтра ты мнѣ покажешь его, гдѣ онъ у тебя?

— Въ крѣпости, государь.

— Ну, и прекрасно, въ крѣпости я и увижу его,—сказалъ развеселившійся царь: — а теперь пойдемъ къ хозяйкѣ.

На другой день, императоръ, осматривая крѣпость, подошолъ къ каземату, гдѣ временно былъ помѣщенъ Тизенгаузенъ, взглянулъ на него въ отворенную дверь и, покачавъ головою, промолвилъ тихо: «несчастный!» Выходя же изъ каземата, спросилъ Бибикова: «а что никто объ немъ не знаетъ здѣсь?»

— Никто не знаетъ, ваше величество, — отвѣчалъ Дмитрій Гавриловичъ: — кромѣ меня и дежурнаго штабъ-офицера.

— Смотри же, чтобы и теперь никто не зналъ о немъ, — сказалъ вполголоса государь.

Бибиковъ молча поклонился.

По отъѣздѣ Николая Павловича, Тизенгаузенъ поселился въ Кіевѣ и жилъ на средства Бибикова въ скромной квартиркѣ надъ Днѣпромъ, никому неизвѣстный, даже полиціи, которой было сообщено, что ему дозволяется жить, не объявляя своего имени. Спустя два года, онъ умеръ на берегу Днѣпра съ англійской газетой въ рукахъ, взятой наканунѣ у генералъ-губернатора. Освобожденіе же прочихъ декабристовъ послѣдовало уже по вступленіи на престолъ императора Александра II, именно въ 1856 году, во время его коронаціи [1]).

V.

Лѣтомъ 1856 года, Москва готовилась къ коронаціи. Гостей наѣхало со всѣхъ концовъ свѣта. Гвардія прибывала частями. Нѣсколько молодыхъ офицеровъ съ дамами, 5-го іюля, въ день св. Сергія, поѣхали осмотрѣть Троицко-Сергіевскую лавру. Пожелавъ послѣ литургіи отслужить молебенъ, они обратились къ очередному іеромонаху. Лаврская братія по случаю праздника разрѣшила вино и елей, но очередной іеромонахъ оказался слабѣе другихъ и, обращаясь къ офицерамъ, требовалъ то покупки свѣчей, то покупки смолы св. Сергія. Ротмистръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка, Соломка, не могъ стерпѣть подобнаго обращенія и обратился съ жалобою къ митрополиту Филарету. Тотъ выслушалъ его и сурово отвѣтилъ ему: «какой же ты христіанинъ, когда не можешь простить ближнему твоему... Ступай!» [2]).

VI.

Въ сороковыхъ годахъ, жилъ въ Петербургѣ именитый купецъ Василій Григорьевичъ Жуковъ, производившій обширную тор-

[1]) Сообщено В. Л. Климовымъ, слышавшимъ этотъ разсказъ отъ М. Д. Позднѣева.

[2]) Записано со словъ С. А. Соломки.

говлю табакомъ и извѣстный своею добротою ко всѣмъ, кто поступалъ къ нему въ услуженіе или на работу. Онъ былъ городскимъ головой и содержалъ хоръ отличныхъ пѣсенниковъ, извѣстныхъ всему Петербургу. Прусскій король, посѣтившій Петербургъ, по случаю открытія Александровской колонны, и пожелавшій послушать пѣсенниковъ Жукова, пришелъ отъ нихъ въ восхищеніе и подарилъ Жукову великолѣпную бриліантовую табакерку. Василій Григорьевичъ любилъ нашихъ солдатъ и выходившихъ въ отставку принималъ къ себѣ на фабрику, платилъ имъ хорошее жалованье, часто разговаривалъ съ ними и награждалъ. Однажды, великій князь Михаилъ Павловичъ, любившій въ свободное отъ службы время побалагурить съ солдатами, проходя по лагерю подъ Краснымъ Селомъ, встрѣтилъ стараго солдата, подлежавшаго увольненію въ отставку, остановилъ его и разговорился съ нимъ.

— Ну, что, братъ, пора намъ съ тобой и на шабашъ!—сказалъ ему великій князь весьма серьезно.

— Да, ваше высочество, приходитъ время къ отставкѣ,—отвѣчалъ солдатъ также серьезно.

— Куда же пойдешь?

— Еще не знаю, ваше высочество.

— Ну, братъ, и мнѣ хочется на покой, да также не знаю, гдѣ бы мѣстечко потеплѣе найдти; а? какъ ты мнѣ посовѣтуешь?—продолжалъ пресерьезно Михаилъ Павловичъ.

— Ахъ, ваше высочество,—отвѣчалъ солдатъ, не запинаясь, съ желаніемъ отъ души всего хорошаго любимому имъ великому князю:—у купца Жукова жить хорошо; вотъ бы куда!

— Пожалуй, не приметъ?—засмѣялся великій князь.

— Какъ не принять!—ваше-то высочество!—отвѣчалъ убѣжденно старый воинъ:—первѣющее мѣсто вамъ предоставитъ.

— Спасибо за совѣтъ, любезный товарищъ!—смѣялся великій князь, хлопая по плечу солдата:—придется, значитъ, поклониться Василью Григорьевичу, завтра же увижу его и попрошу.

— Попросите и за меня, ваше высочество,—отвѣчалъ невозмутимо серьезно старикъ.

— Конечно, конечно!—закончилъ великій князь разговоръ:—ужъ если служить, такъ опять вмѣстѣ.

И дѣйствительно, солдатъ, по просьбѣ великаго князя, былъ принятъ по выходѣ въ отставку Жуковымъ и находился у него на службѣ до самой смерти [1]).

---

[1]) Записано со словъ бывшаго начальника 1-й пѣхотной дивизіи, генералъ-лейтенанта Кушелева, слышавшаго этотъ разсказъ отъ самого великаго князя.

VII.

Генералъ-маіоръ баронъ Рамзай (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, командиръ гренадерскаго корпуса) во время командованія гренадерскимъ полкомъ, стоявшимъ въ Новгородѣ, чрезвычайно строго относился къ солдатамъ и жестоко наказывалъ ихъ во время ученій. Въ зимнее время полкъ учился въ манежѣ кадетскаго корпуса, куда приводили на ученье и кадетовъ. Однажды, во время совмѣстнаго ученья въ манежѣ какой то роты полка и кадетовъ, когда баронъ Рамзай немилосердно бичевалъ солдатъ, въ манежъ пріѣхалъ директоръ кадетскаго корпуса, генералъ-маіоръ Бородинъ. Увидавъ истязанія солдатъ, онъ подозвалъ къ себѣ барона и передъ фронтомъ сказалъ ему: «ваше превосходительство, я предоставилъ въ ваше распоряженіе манежъ для обученія солдатъ, а не для варварскихъ экзекуцій надъ ними, вредно вліяющихъ на воображеніе моихъ кадетовъ. Не угодно ли вамъ ваши экзекуціи производить въ казармахъ, иначе я вамѣ не могу предоставить пользоваться манежемъ».

Съ этого времени экзекуціи въ манежѣ болѣе не повторялись. Варону Рамзаю кадеты дали прозваніе «генералъ Крамсай», которое и сохранилось за нимъ на всю жизнь [1]).

VIII.

Въ 1836 году, императоръ Николай I пригласилъ въ Петербургъ знаменитаго французскаго баталиста Ораса Верне, для написанія нѣсколькихъ картинъ изъ нашего военнаго быта. Съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ сотрудникъ «Gasette de France», Веймарсъ, нападавшій въ газетѣ постоянно на русскихъ, въ особенности за «тиранію поляковъ». Имъ показали лагерь; они были въ свитѣ государя на маневрахъ, видѣли знаменитый Петергофскій праздникъ и, наконецъ, были приглашены въ тѣсный, семейный кружокъ императорской фамиліи. Г. Веймарсъ увидѣлъ монарха въ кабинетѣ и въ кругу его семейства, которое онъ любилъ больше чѣмъ съ отческой нѣжностью. Когда Веймарсъ смотрѣлъ на дѣтскія игры маленькихъ великихъ князей съ своими сверстниками, между которыми было нѣсколько мальчиковъ изъ польскихъ фамилій, государь подошелъ къ нему и сказалъ: «vous voyez bien que je ne mange pas les polonais» (вы видите, что я не ѣмъ поляковъ) [2]).

---

[1]) Сообщено генералъ-маіоромъ А. Д. Симановскимъ.

[2]) Сообщено А. Д. Комовскимъ.

IX.

6 апрѣля 1835 года, графъ Матвѣй Юрьевичъ Віельгорскій назначенъ шталмейстеромъ двора ея императорскаго высочества, великой княжны Маріи Николаевны, и вотъ по какому поводу. Въ великую субботу, у всенощной во дворцѣ, прикладываясь къ плащаницѣ, графъ уронилъ нечаянно съ одной ноги башмакъ и за тѣснотой не могъ его поднять. Государь замѣтилъ это и, подозвавъ графа, сказалъ ему: «Mais, mon cher comte, pour que vous ne perdiez pas une autre fois vos souliers, je vous donne les bottes», (любезный графъ, чтобы вы въ другой разъ не теряли башмаковъ, я дарю вамъ сапоги) [1]).

X.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, кронштадтскимъ комендантомъ состоялъ генералъ-лейтенантъ Бурмейстеръ. Это былъ деликатный, добрый и любимый всѣми подчиненными начальникъ. Но у него была своя слабость—муштроватѣ молодыхъ офицеровъ въ отношеніи знанія караульной службы, для чего онъ ихъ держалъ по цѣлымъ часамъ въ манежѣ, производя разводы и заставляя ихъ по нѣскольку разъ подходить къ нему съ рапортомъ.—«Не такъ, отставь», «рапортуйте снова», «вы салютовать не умѣете», «вотъ какъ надо!»—распекалъ ихъ генералъ и только послѣ нѣсколькихъ пріемовъ отпускалъ разводъ. Молодые моряки, выходившіе въ караулъ съ своими экипажами, зная слабость генерала, нарочно школьничали и выводили его изъ терпѣнія.

Какъ-то былъ назначенъ разводъ въ высочайшемъ присутствіи. Генералъ Бурмейстеръ, зная, что императоръ Николай I строго относился къ строевой службѣ, и будучи не увѣренъ въ знаніи флотскими экипажами караульной службы, началъ производить каждый день репетиціи разводу.

Лейтенантъ Лазаревъ-Станищевъ, бывшій въ образцовомъ полку и знавшій службу хорошо, былъ назначенъ командиромъ 1-го взвода. Ему генералъ сталъ объяснять, какъ надо вести взводъ, что ему скомандовать, и закончилъ словами: «Когда вы доведете взводъ до конца манежа, поверните и остановите его противъ печки, по вашему взводу будутъ строиться другіе взводы». Лазаревъ, какъ образцовый офицеръ, все это зналъ, но, желая подшутить надъ генераломъ, привелъ взводъ, остановилъ его и, не повертывая, направился къ генералу и обратился къ нему съ вопросомъ.

— Ваше превосходительство, вы изволили приказать остановить взводъ въ концѣ манежа?

---

[1]) Сообщено А. Д. Комовскимъ.

— Да!

— Вы изволили приказать повернуть его?

— Да!

— Вы изволили приказать поставить его противъ печки?

— Да! ну, что-же?—и генералъ видимо начиналъ волноваться.

— Но я, ваше превосходительство, не знаю: остановить ли взводъ противъ самой заслонки печки, или же нѣсколько продвинувшись?

— А! какого это офицера вы назначили въ первый взводъ,— обратился комендантъ къ командиру экипажа:—онъ ничего не знаетъ. Смѣнить его сейчасъ же!

Лазареву это и было нужно; онъ ушелъ куда то къ знакомымъ, и на репетиціи не участвовалъ. Когда же командиръ экипажа объяснилъ генералу шутку лейтенанта, онъ призвалъ его къ себѣ, извинился и сказалъ: «отчего вы не сказали мнѣ, что вы—«образцовый», тогда бы я васъ не муштровалъ».

Не смотря на то, что при императорѣ Николаѣ во всѣхъ сухопутныхъ войскахъ строго наблюдалось, чтобы стрижка волосъ какъ у офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ была короткая, моряки носили и височки, и аляконки, а нѣкоторые даже позволяли себѣ запускать и затылки. Въ 1-мъ флотскомъ экипажѣ наиболѣе длинными волосами отличался мичманъ Выгодчиковъ. Генералъ Бурмейстеръ неоднократно замѣчалъ ему о неумѣстности ношенія длинныхъ волосъ, и мичманъ постоянно обѣщалъ остричься, но не стригся и являлся каждый разъ еще съ болѣе отросшими волосами. Комендантъ, выведенный изъ терпѣнія, однажды передъ разводомъ замѣтивъ ему о длиннотѣ волосъ, предупредилъ его, что, если онъ осмѣлится явиться въ слѣдующій разъ съ такими же волосами, то онъ велитъ цирульнику остричь его передъ фронтомъ на барабанѣ. Всѣ знали, что Бурмейстеръ шутить не любитъ и, если что скажетъ, то исполнитъ. Но каково же было всеобщее удивленіе, когда Выгодчиковъ явился на слѣдующій разводъ съ такими же длинными волосами. Бывшіе въ разводѣ офицеры ждали спектакля, и онъ состоялся, но совершенно въ другомъ родѣ.

— Честь имѣю явиться!—рапортуетъ генералу мичманъ самымъ серьезнымъ образомъ.

— Вижу,—перебиваетъ его генералъ:—что вы «имѣете честь явиться», но въ какомъ видѣ? Третьяго дня я приказалъ вамъ остричься, а вы осмѣливаетесь явиться еще съ болѣе длинными волосами. Да я васъ не только остригу здѣсь сейчасъ, но еще на три дня на гауптвахту посажу!

— Я остригся, ваше превосходительство,—отвѣчаетъ кротко мичманъ.

— Да какъ вы остриглись! Развѣ такъ стригутся?—горячился

генералъ:—смотрите, у васъ волосы лежатъ на воротникѣ мундира.

— Короче нельзя остричься, ваше превосходительство,—отвѣчалъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ мичманъ.

— Какъ нельзя?—свирѣпѣетъ генералъ:—я вамъ сейчасъ покажу, что можно.

— Нельзя, ваше превосходительство,—повторяетъ болѣе оживленно мичманъ и, пародируя генерала, говоритъ: —я вамъ сейчасъ докажу, что нельзя.

Генералъ въ изумленіи отступаетъ на шагъ и, скрестивъ на груди руки, принимаетъ грозную позу оскорбленнаго начальника.

Мичманъ, между тѣмъ, неторопливо вкладываетъ полусаблю въ ножны, разстегиваетъ у кивера чешую и, снимая лѣвой рукой киверъ, въ то же мгновеніе правой сдернулъ съ головы парикъ. Изумленному взору генерала предсталъ совершенно голый черепъ, такъ какъ мичманъ не выстригъ, но выбрилъ себѣ голову бритвой.

— Короче остричься нельзя, ваше превосходительство,—проговорилъ почтительно мичманъ.—Что же касается парика, то я его надѣлъ, чтобы не простудить головы. Нынче большой морозъ!

Всѣ захохотали. Генералъ только развелъ руками.

— Всего я отъ васъ ждалъ,—проговорилъ онъ смѣясь: —но этого никакъ не ожидалъ. Идите, да смотрите, въ самомъ дѣлѣ не простудитесь![1]).

XI.

Въ августѣ 1835 года, происходили въ Калишѣ маневры, въ которыхъ участвовала гвардія. Конныя части отправились походнымъ порядкомъ, а пѣхотныя отвезли на корабляхъ. Тѣ и другія вступили въ одинъ день. Гвардейскіе офицеры, принадлежавшіе къ богатымъ фамиліямъ, заняли лучшую въ городѣ гостинницу, и завтраки, обѣды, угощенія, попойки и кутежи шли своимъ чередомъ каждодневно. О расходахъ не было рѣчи. Всякій думалъ только объ одномъ, чтобы не посрамить имени русскаго. Требованія вина и разныхъ гастрономическихъ деликатесовъ были такъ велики, что нѣмецъ, содержатель гостинницы, первоначально было завелъ счета для своихъ постояльцевъ и гостей, а потомъ сбился и махнулъ на все рукой, исполнялъ капризы своихъ посѣтителей, ничего не записывая.

Кончились маневры, назначенъ былъ день выступленія войскъ въ Россію, нѣмецъ загоревалъ: онъ не зналъ, съ кого сколько нужно было получить ему денегъ. Нѣкоторые офицеры, узнавъ о его сокрушеніяхъ, нарочно начали надъ нимъ подшучивать, говоря ему, что онъ ничего не получитъ, такъ какъ у него никакихъ дока-

[1]) Записано со словъ очевидца, моряка Н. С. Лазарева-Станищева.

зательствъ о томъ, кто и что забралъ, не имѣется. Нѣмецъ заболѣлъ. Въ день выступленія войскъ, офицеры имѣли въ гостинницѣ послѣдній завтракъ, окончивъ который потребовали, чтобы хозяинъ подалъ имъ счетъ за все время нахожденія ихъ въ его гостинницѣ.

Выходитъ полубольной хозяинъ и объявляетъ, что онъ никакихъ счетовъ не велъ, а потому и не знаетъ, сколько ему слѣдуетъ получить съ нихъ.

— Ну, и прекрасно, Карлъ Ивановичъ,— смѣются офицеры: — вы поступили точно такъ же, какъ ваши отцы въ 1813 году, когда русскіе шли вмѣстѣ съ ними противъ французовъ. Они тогда съ русскихъ денегъ не брали. Очень вамъ благодарны за это! Но позвольте намъ съ вами по этому случаю чокнуться. Дайте шампанскаго.

Нѣмецъ, повѣсивъ голову, вышелъ и, спустя нѣсколько времени, вернулся съ большимъ подносомъ, уставленнымъ бокалами съ виномъ. Офицеры окружили его, выпили за его здоровье и, поблагодаривъ его за особенное его довѣріе къ русскимъ, пожелали съ нимъ разсчитаться.—«Вы, Карлъ Ивановичъ, не знаете, сколько съ насъ слѣдуетъ получить, а мы не знаемъ, сколько нужно вамъ заплатить. Позвольте же вамъ отдать, сколько мы можемъ».—И молодежь стала класть на подносъ, который держалъ трактирщикъ, золото: кто горсть, кто двѣ, кто три... Подносъ сталъ наполняться, вотъ онъ ужъ полонъ, трактирщикъ не можетъ держать его, становится на одно колѣно, а молодежь, а за ней и усачи-старики все бросаютъ и бросаютъ монету. Золото сыплется уже съ подноса на полъ, а офицеры все сыплютъ. Наконецъ, нѣмецъ не въ силахъ держать подноса, опускаетъ его на полъ, а самъ наклоняется надъ нимъ и плачетъ.

— Довольны ли вы, Карлъ Ивановичъ?—спрашиваютъ его офицеры. Но бѣдный нѣмецъ ничего не могъ отвѣтить, и только шепталъ: «o mein Gott! o mein Gott! нашъ великій король и тотъ не имѣетъ столько золота!» [1]).

XII.

Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, какъ извѣстно, былъ художникъ-любитель, музыкантъ и виртуозъ. Онъ игралъ роль мецената и своимъ вліяніемъ въ обществѣ и связями при дворѣ могъ сдѣлать многое. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если художники, артисты и музыканты тѣснились вокругъ него и искали его покровительства. М. И. Глинка не избѣгъ общей участи. Окончивъ первую свою оперу «Иванъ Сусанинъ» (переименованную

---

[1]) Со словъ Н. С. Лазарева-Станищева.

потомъ въ «Жизнь за царя»), 28-го февраля 1836 года, онъ явился къ Михаилу Юрьевичу и просилъ его ходатайства о постановкѣ пьесы на сценѣ Большаго театра. Графъ обѣщалъ ему всяческое содѣйствіе и просилъ его заѣхать къ нему чрезъ нѣсколько времени.

Живой, нервный Глинка неособенно остался доволенъ пріемомъ графа. Но слава его, какъ композитора, еще не стояла высоко, и поэтому нужно было дорожить расположеніемъ вельможи. 10-го марта, въ залахъ графа Віельгорскаго состоялась первая репетиція оперы. Оркестръ былъ хотя и не полный, но его составляли театральные музыканты. Хоры исполняли придворные пѣвчіе, тріо и дуэты пропѣли артисты. Дирижировалъ оркестромъ самъ Глинка. Музыканты недостаточно разучили партитуру, а потому первое исполненіе увертюры вышло неудачно. Пришлось съиграть второй разъ. Хоры вышли лучше. Артисты исполнили прекрасно. Глинка суетился, бѣгалъ, билъ тактъ и морщился. Его разгорѣвшееся лицо и блестѣвшіе глаза выдавали внутреннее волненіе. Но когда пьеса была окончена и залъ огласился дружными рукоплесканіями, онъ просіялъ: всеобщія поздравленія, одобренія и рукопожатія побѣдили неувѣренность и недовольство, композиторъ развеселился и благодарилъ отъ души всѣхъ посѣтителей.

— Это chef d'oeuvres! — говорилъ графъ Михаилъ Юрьевичъ. Послѣ «Фенеллы» и «Роберта» страшно сочинять оперы. Кто посмѣетъ поставить на судъ публики свое сочиненіе, когда она избалована «Нѣмою изъ Портичи» и «Дьяволомъ». Опера же Глинки замѣчательна своею оригинальностью. Отъ начала до конца она носитъ на себѣ характеръ исключительно русско-польскій. А это не бездѣлица! Притомъ финалъ и послѣдній романсъ написаны геніально. Я увѣренъ, что это сочиненіе будетъ имѣть несравненно болѣе успѣха въ чужихъ краяхъ, нежели у насъ. Мы еще далеки отъ того, чтобы восхищаться своей оригинальностью. Мы согласимся скорѣе признать это стариною, нежели мастерскимъ произведеніемъ великаго таланта.

Съ этого времени Глинка сталъ чаще посѣщать графа Віельгорскаго. Сидя однажды въ его кабинетѣ, въ ожиданіи возвращенія домой графа, онъ вступилъ въ разговоръ съ работавшимъ у графа какимъ-то живописцемъ и высказалъ слѣдующее: «Я всегда завидую живописцу. Я вижу, какъ постепенно наслаждается онъ своимъ произведеніемъ, и какъ прочно это наслажденіе. При одинаковомъ расположеніи души, оно всегда одинаково, между тѣмъ какъ наслажденіе отъ музыки даруется не всегда, и для того, чтобы вкусить его, должно имѣть много терпѣнія, пока не услышишь всего цѣлаго. Часто отдѣльныя части ничего не носятъ на себѣ необыкновеннаго, а все цѣлое представляетъ удивительный даръ, отличное произведеніе. Въ живописи же, напротивъ, душа

каждымъ штрихомъ восхищается, и этотъ штрихъ вѣченъ, неизмѣненъ, а въ музыкѣ все зависитъ отъ исполненія».

Въ другой разъ онъ говорилъ: «Я не вѣрилъ бы въ будущее блаженство, еслибъ не видѣлъ на землѣ этихъ трехъ высшихъ искусствъ: музыки, живописи и ваянія; они суть представители грядущаго счастія. Человѣкъ, приходя отъ нихъ въ восторгъ, позабываетъ о землѣ, душа его блаженствуетъ, и онъ считаетъ себя въ ту минуту совершенно счастливымъ, потому что состояніе его духа не требуетъ ничего высшаго, ничего сильнѣйшаго. И эта точка, на которой мы останавливаемся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ къ лучшему,— есть точка истиннаго счастія. Будущее блаженство, должно быть, такое же состояніе нашей души, только болѣе продолженное. Мы приходимъ здѣсь въ восторгъ на одно мгновеніе — тамъ же оно будетъ безъ границъ и мѣры».

Въ концѣ года, опера Глинки, благодаря хлопотамъ и предстательству графа Віельгорскаго, была поставлена на сцену. Нужно ли говорить, что она произвела фуроръ. Михаилъ Юрьевичъ отозвался о ней слѣдующими словами: «Глинка совершенно изучилъ и постигъ духъ нашей гармоніи. Въ его мотивахъ вы найдете все русское и ни одной русской пѣсни, которую бы вамъ когда нибудь случалось слышать. Вы будете многое узнавать, вамъ покажется, что всѣ пассажи его оперы суть мѣста вамъ знакомыя, а переберите въ памяти вашей всѣ русскія пѣсни, вы ни одной не найдете, которая бы пѣлась на голосъ арій Глинки. О томъ, какъ хороши и удачны хоры польскіе,— и говорить нечего. Мазурочный кадансъ этихъ хоровъ есть самая счастливая мысль, которую немастеръ своего дѣла могъ бы довесть до тривіальности. Что же касается тріо и послѣдняго дуэта, это то,— повторю,— chef d'oeuvres Глинки».

Впослѣдствіи, Глинка, въ пріятельскомъ кружкѣ, называлъ графа М. Ю. Віельгорскаго «своимъ Іоанномъ Крестителемъ» [1]).

XIII.

Императоръ Николай очень любилъ молодежь, воспитывавшуюся въ кадетскихъ корпусахъ. Всегда и вездѣ онъ отличалъ кадетовъ и старался приблизить ихъ къ себѣ и своему семейству.

Въ 1843 году іюля 22-го, онъ праздновалъ день именинъ сестры своей, королевы виртембергской, Маріи Павловны, въ Александріи, близь Петергофа. На праздникъ приглашены были близкіе царю люди, тѣсный кружокъ друзей, дипломатическій корпусъ и избранные особы первыхъ классовъ.

[1]) Этотъ разсказъ записанъ со словъ А. Д. Комовскаго, бывшаго въ то время библіотекаремъ графа М. Ю. Віельгорскаго.

Кадеты стояли лагеремъ подъ Краснымъ Селомъ. Государю угодно было пригласить ихъ на праздникъ. Гонецъ полетѣлъ, и чрезъ нѣсколько времени извѣстное число кадетовъ, въ большинствѣ случаевъ выпускные, появились въ саду Александріи.

— А! вотъ и дѣти,—сказалъ Николай Павловичъ и сошелъ къ нимъ съ террасы. Поздоровавшись съ ними, онъ спросилъ ихъ: «знаютъ ли какой нынче день?».

— Знаемъ, ваше императорское величество,—отвѣчали кадеты.

— Какой?

— День тезоименитства сестры вашего величества, королевы виртембергской, Маріи Павловны, съ чѣмъ и имѣемъ счастіе поздравить, — отвѣчали кадеты.

— Благодарю васъ дѣти, — и государь поклонился.

— Васъ благодаримъ, государь, что вспомнили объ насъ,—закричали кадеты.

Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ стоялъ на эстрадѣ. Императоръ позвалъ его къ себѣ и, когда онъ подошелъ, сказалъ ему:—что же ты не поздороваешься съ кадетами?

Великій князь поздоровался, и на поздравленіе кадетовъ поклонился.

— Кланяйся ниже!—сказалъ ему государь:—твоимъ будущимъ слугамъ можешь поклониться въ поясъ.

И наслѣдникъ цесаревичъ поклонился въ поясъ.

Затѣмъ императоръ привелъ за руки двухъ младшихъ дочерей своихъ, великихъ княженъ, Ольгу Николаевну и Александру Николаевну, и приказалъ имъ поблагодарить кадетовъ за поздравленіе съ именинницей.

Великія княжны сдѣлали реверансъ.

— Развѣ такъ кланяются русскимъ дворянамъ, — сказалъ государь и, положивъ имъ руки на плечи, заставилъ ихъ поклониться до пояса.

Разрѣшивъ кадетамъ «вольно», императоръ вошелъ въ ихъ кружокъ и сталъ заставлять ихъ играть. — Берите примѣръ съ меня, смотрите, я упаду сейчасъ на землю,—и, сказавъ это, государь сдѣлалъ движеніе, какъ будто хочетъ опрокинуться назадъ. Кадеты бросились къ нему, подхватили его на руки и съ крикомъ: ура! стали качать.

Послѣ троекратнаго поднятія, Николай Павловичъ сказалъ: — ну, дѣти, довольно! спасибо вамъ!

— Ради стараться! — и ура! снова огласило садъ.

Въ это время французскій посланникъ, сойдя съ эстрады, подошелъ къ государю и, выразивъ ему свое безпокойство о томъ, что онъ чуть было не упалъ, еслибъ кадеты его не поддержали.

— Вы не знаете моихъ дворянъ; это вѣдь все дворяне,—отвѣ-

чалъ съ гордостью государь: — они никогда не дадутъ упасть не только мнѣ, но даже никому изъ членовъ моего дома [1]).

XIV.

По объявленіи войны Франціи и Англіи въ 1854 году признано было необходимымъ, на случай высадки непріятеля, впереди кронштадскихъ укрѣпленій возвести еще нѣсколько полевыхъ укрѣпленій, и съ этой цѣлію на косѣ, близь купеческой стѣнки, стали возводить батарею на 60 орудій, люнетъ на два баталіона и редутъ. Для производства работъ выслали учебный саперный баталіонъ и, кромѣ того, нарядили офицеровъ отъ прочихъ саперныхъ баталіоновъ. Работы начались 20-го марта. Императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ часто и лично наблюдалъ за производствомъ работъ.

Встрѣтивъ однажды солдата съ георгіевскимъ крестомъ, государь спросилъ его:

— Гдѣ получилъ крестъ?

— Подъ Силистріей, ваше императорское величество, въ 1829 году, — отвѣчалъ солдатъ.

— Теперь подъ Силистріей ваши товарищи, — замѣтилъ государь: — а вамъ выпала честь защищать Петербургъ, а это стоитъ Силистріи. Чего бы не далъ другой солдатъ, чтобы сказать впослѣдствіи: я защищалъ Петербургъ. Не такъ ли?

— Такъ точно, ваше императорское величество, — отвѣчалъ солдатъ: — мы это чувствуемъ; останемся живы, — и дѣтямъ, и внукамъ передадимъ.

Когда батарея была готова и вооружена, Николай Павловичъ осмотрѣлъ ее подробно, нашелъ въ исправности и остался доволенъ. Обратясь къ командовавшему обороной, генералъ-лейтенанту Граббе, государь сказалъ: — а вѣдь было бы во что, а то есть чѣмъ!

Осмотрѣвъ редутъ, императоръ сказалъ окружавшимъ его офицерамъ:

— Если высадка будетъ, то мы здѣсь и умереть должны!

Оставляя укрѣпленіе, государь сказалъ солдатамъ: — смотрите, ребята, не робѣйте! первая бомба къ вамъ — и я съ вами! [2])

XV.

Императоръ Александръ II обращалъ, какъ извѣстно, особенное вниманіе на устройство вооруженныхъ силъ имперіи, любилъ военное дѣло и прилагалъ всевозможныя попеченія къ улучшенію быта

[1]) Записано со словъ очевидца, кадета и сапера, нынѣ генералъ-лейтенанта А. Д. Симановскаго.

[2]) Со словъ генералъ-маіора А. Д. Симановскаго.

какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ. Онъ хорошо изучилъ организацію, числительный составъ и хозяйство войскъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ хронику полковъ, время ихъ основанія, въ какихъ войнахъ они участвовали, въ какихъ сраженіяхъ отличались и чѣмъ награждены. Онъ обладалъ отличной памятью и безошибочно перечислялъ: какія части войскъ имѣютъ георгіевскія знамена, владимірскія ленты, серебряныя трубы, петлицы, знаки за отличія. При прочтеніи докладовъ, онъ указывалъ иногда на такія частности дѣла, которыя ускользали отъ вниманія ихъ составителей-специалистовъ. Я могу привесть нѣсколько примѣровъ подобныхъ указаній, но въ настоящемъ случаѣ ограничусь пока однимъ, именно замѣчаніями государя на докладъ военнаго министра, генералъ-адъютанта Сухозанета, отъ 23-го іюля 1857 года, о знаменахъ гвардейскихъ и гренадерскихъ полковъ.

Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, какъ извѣстно, грамотностію не отличался. Нѣкоторыя его резолюціи сдѣлались общеизвѣстными, даже болѣе извѣстными, чѣмъ знаменитыя резолюціи графа Аракчеева. Напримѣръ, такія, буквально списанныя нами съ подлинниковъ, резолюціи: «Сумляваюсь штопъ палковникъ И. объалванилъ сіэ дело кюлю» (сомнѣваюсь, чтобы полковникъ И. оболванилъ сіе дѣло къ іюлю), или: «Несъпасобныхъ многа хто пладитъ лэкаря али чясъти, нада разъобратца» (неспособныхъ много, кто плодитъ: лекаря, или части, надо разобраться), — могутъ служить краснорѣчивымъ тому доказательствомъ. Въ его докладахъ государю, конечно, проходили и неясности, и неточности изложенія. Императоръ Александръ строго относился ко всѣмъ подобнымъ недомолвкамъ и дѣлалъ замѣчанія, несовсѣмъ лестныя для составителей такихъ докладовъ.

Послѣ Крымской войны гвардейскіе и гренадерскіе полки, имѣвшіе (съ резервными) по шести баталіоновъ, должны были состоять въ трехбаталіонномъ составѣ (въ томъ числѣ 3-й баталіонъ резервный). Возбудился вопросъ: какъ поступить со знаменами упраздняемыхъ баталіоновъ?

Генералъ Сухозанетъ излагаетъ въ докладѣ: «Поставленіе знаменъ упраздняемыхъ вовсе третьихъ баталіоновъ полковъ лейбъгвардіи въ тѣхъ дворцахъ, гдѣ нынѣ стоятъ знамена остающихся первыхъ и вторыхъ баталіоновъ тѣхъ же полковъ, было бы неудобно, потому что первыя знамена (т. е. третьихъ баталіоновъ) принадлежатъ частямъ, которыя не будутъ уже существовать». Государь противъ этого пункта пишетъ: «Совершенный вздоръ, ибо третьи баталіоны не упраздняются, а только роспускаются на мирное время и переименовываются въ третьи резервные баталіоны по примѣру 4-хъ резервныхъ баталіоновъ, коихъ знамена стояли въ дворцахъ».

Далѣе Сухозанетъ говоритъ: «Предполагаемая замѣна знаменъ

первыхъ и вторыхъ баталіоновъ гвардейскихъ полковъ, если оныя пришли въ ветхость, знаменами пятыхъ и шестыхъ баталіоновъ въ полкахъ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ, Семеновскомъ, Измайловскомъ, Московскомъ, Гренадерскомъ и Литовскомъ, была бы излишнею, потому что означенные баталіоны всѣ получили новыя знамена». Государь отмѣчаетъ: «Никогда объ этомъ и рѣчи не было».

Такимъ образомъ, весь докладъ оказывается испещреннымъ замѣтками: «они не упраздняются», «все это вздорныя разсужденія», «это одно справедливо» и пр. Наконецъ, самая резолюція его величества, помѣченная 26-го іюля 1857 года, гласила такъ: «Вздорный докладъ. Исполнить—какъ показано въ концѣ». Въ концѣ же доклада государемъ собственноручно написано слѣдующее:

«Въ полкахъ лейбъ-гвардіи:
«Гатчинскомъ,
«Павловскомъ,
«Финляндскомъ,
«Волынскомъ,
«Гренадерскихъ:
«Императора Австрійскаго,
«Короля Фридриха Вильгельма III.

«Въ 1-ые и 2-ые и въ 3-ые резервные баталіоны передать знамена, имѣвшіяся въ резервныхъ баталіонахъ сихъ полковъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ, съ перемѣною только скобъ.

«Старыя знамена гвардейскихъ полковъ перенести съ почестью въ полковыя церкви, гренадерскихъ полковъ знамена сдать въ С.-Петербургскій арсеналъ.

«Во всѣхъ прочихъ полкахъ гвардіи знамена бывшихъ резервныхъ баталіоновъ 4-хъ, 5-хъ и 6-хъ перевести съ почестями изъ дворцовъ на храненіе въ полковыя церкви.

«Въ Гренадерскомъ корпусѣ знамена 3-хъ баталіоновъ, переименованныхъ въ 3-ьи резервные, сдать въ арсеналъ, гдѣ будетъ храниться оружіе для сихъ резервныхъ баталіоновъ. Прочихъ резервныхъ баталіоновъ, нынѣ вовсе упраздняемыхъ, сдать на храненіе въ С.-Петербургскій арсеналъ. 26-го іюля 1857 года».

По разумности и ясности изложенія, это—дѣйствительно царская резолюція.

XVI.

3-го декабря 1868 года, помощникъ начальника главнаго штаба, генералъ-маіоръ К. подалъ по командѣ рапортъ слѣдующаго содержанія: «Сегодня, въ 8³/₄ часа утра, идя по Невскому проспекту въ пальто, я встрѣтилъ оберъ-офицера, который не отдалъ мнѣ

установленной чести. Спросивъ этого офицера, на основанія § 19 дисциплинарнаго устава, о причинѣ, по которой онъ не отдаетъ чести генераламъ, я получилъ отвѣтъ отъ шедшаго возлѣ него штабъ-офицера, что я имѣлъ честь обратиться съ вопросомъ къ его высочеству. Считаю долгомъ донести объ этомъ вашему сіятельству».

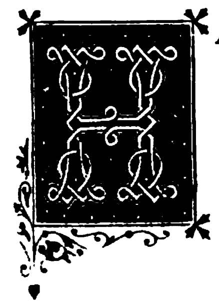
Когда доведено было объ этомъ до свѣдѣнія государя, императоръ Александръ II отозвался: «По уставу онъ долженъ былъ сдѣлать замѣчаніе офицеру, не отдавшему чести, но я не понимаю, какъ это — генералъ служитъ въ Петербургѣ и не знаетъ моихъ дѣтей».

— Ваше величество, онъ близорукъ.

— А, тогда дѣло другаго рода, — засмѣялся государь: — тогда я не вправѣ на него сердиться, дисциплину поддерживать нужно.

П. Мартьяновъ.

НАРОДНЫЙ УМЪ ВЪ ПОСЛОВИЦАХЪ И ПОГОВОРКАХЪ.



АРОДНОЕ творчество представляетъ богатѣйшій матеріалъ для многихъ изслѣдованій, бросающихъ такой яркій свѣтъ на всѣ стороны народной жизни, что, безъ сомнѣнія, никакая историческая критика подобнаго свѣта не броситъ и не уяснитъ множества вопросовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ ознакомленію съ народомъ. Непомѣрно богаты глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ наши пословицы. Онѣ рисуютъ намъ въ яркихъ чертахъ, необыкновенно образно, практическую мудрость народа, его самые задушевные взгляды на добро, зло, правду, истину, его воззрѣнія на многіе общественные вопросы, семейную жизнь, родство, на женщину, какъ жену и мать; короче — нѣтъ житейскаго явленія, котораго не захватила бы въ свой кругъ пословица.

И такъ, къ дѣлу. Пословица не мимо молвится, а если она не мимо молвится, то и стоитъ того, чтобы поговорить о ней. Въ ней скажется многое, о чемъ мы, по отношенію къ мужичку, не думали, не гадали; скажется, что мужикъ кое-что и понимаетъ не хуже тѣхъ, такъ называемыхъ образованныхъ людей, для которыхъ съ понятіемъ о сермягѣ соединяется что-то не совсѣмъ пріятное, не совсѣмъ приличное и подчасъ положительно грубое, а, пожалуй, и глупое. Постараемся доказать, опираясь на пословицы, что мужикъ сознаетъ свое человѣческое и гражданское значеніе и прекрасно понимаетъ, что цѣна ему не грошъ, а немного побольше.

Прежде всего, онъ смѣетъ думать, что хотя кафтанъ у него и сѣръ, да умъ-то не чортъ съѣлъ; во-вторыхъ, онъ понимаетъ

свою силу, какъ членъ общества; понимаетъ, что міръ, составляющійся изъ отдѣльныхъ членовъ, — великъ человѣкъ; міръ заревётъ, такъ лѣсы стонутъ; міръ зинетъ — камень треснетъ; на міръ суда нѣтъ; міръ одинъ Богъ судитъ; гдѣ народъ увидитъ, тамѣ и Богъ услышитъ. Какая великая историческая правда звучитъ въ пословицѣ: въ народѣ что въ тучѣ: въ грозу все наружу выйдетъ.

Народъ твердо помнитъ свое прошедшее; помнитъ своихъ прежнихъ баръ и чиновниковъ, ибо говоритъ, что не столько впереди Божьихъ дней, сколько барскихъ затѣй. Кромѣ того, память о барской жизни сохранилась въ такихъ словахъ: раздѣнь меня, разуй меня, уложи и покрой меня, переверни, перекрести, — а тамъ, поди, усну я самъ. Право, вѣдь недурно выражена исторія нашего барства, хотя бы и образованному человѣку такъ въ пору, не въ обиду будь сказано. Мало ли что понимаетъ нашъ сѣрякъ; онъ, въ добрый часъ сказать, понимаетъ, что коли не будетъ лапотника — не будетъ и бархатника; но, всетаки, по-своему, какъ знаетъ, отдаетъ всю честь барамъ, или бархатникамъ, ибо выражается: бары-те крупчатые, да сдобные, а мужики ржаные, да съ закаломъ; вы сахарнички, медовички, мы мякиннички, толоконнички.

Не слѣдъ сердиться на мужика, если онъ подчасъ неладно скажетъ про барина, ибо что было, то прошло и травой заросло; тѣмъ болѣе, что насъ простыхъ, какъ онъ говоритъ про себя, и Богъ проститъ; да, затѣмъ, и то правда, что мужикъ знаетъ, кто на него лаетъ. Гдѣ ему, сѣрому, понимать разныя тонкости! Небезпричинно слово молвится и, если молвится не въ добрый часъ, то, значитъ, пережито что-то неладное, тяжелое. Историческія причины сложили пословицы: хвали рожь въ стогу, а барина въ гробу; душа у мужика Божья, голова царская, а спина барская; безъ индѣйскаго пѣтуха и борзаго кобеля — не помѣщикъ. Такъ оно и было дѣло: памятны народу эти борзые кобели, съ гамомъ, свистомъ и всякими охотническими потѣхами. Ничего не скажешь противъ такой памяти, какъ ничего не скажешь противъ исторической правды.

Сохранила народная память старый нашъ судъ, со всей его великой неправдой и волокитой. Помути Богъ народъ—накорми воеводъ; не судись: лапоть дороже сапога станетъ; гдѣ судъ, тамъ и неправда; судейскій карманъ—что поповское брюхо (или: что утиный зобъ); судья въ судѣ—что рыба въ прудѣ. Къ древнимъ поговоркамъ относятся: это Шемякинъ судъ! дьякъ у мѣста—что кошка у тѣста; а какъ дьякъ на площади — то Господи прости! земля любитъ навозъ, лошадь овесъ, а воевода приносъ.

Нельзя пропустить безъ вниманія старинныхъ юридическихъ

поговорокъ, имѣющихъ отношеніе къ древнимъ суду и судопроизводству. Всѣ онѣ въ свое время составляли законы: холопъ на боярина не послухъ; холопъ на холопа—послухъ (свидѣтель); братъ брату головой въ уплату. Эта послѣдняя напоминаетъ о сѣдой древности, о томъ времени, когда существовало право мести. На дѣлѣ правъ, да на дыбѣ виноватъ. Ясный остатокъ отъ времени пытки, въ которой дыба играла такую выдающуюся роль, какъ, равнымъ образомъ, и выраженіе узнать всю подноготную, ибо къ видамъ пытки принадлежало и забиваніе подъ ногти маленькихъ желѣзныхъ гвоздиковъ. Чья земля, того и городьба; чья земля, того и хлѣбъ; чей берегъ, того и рыба; чей конь, того и возъ. Такой юридическій взглядъ на упомянутую собственность до сей поры крѣпко и неизмѣнно держится въ народѣ. Кому мужъ, тому и жена (по крѣпостному праву). Такъ смотрѣлъ на дѣло народъ, хотя по закону, сколько помнимъ, свободная женщина, выходившая замужъ за крѣпостнаго, сохраняла право личной свободы, т. е. помѣщику не принадлежала. Чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе (т. е. право, владѣніе). На этой юридической формулѣ до сей поры весь крестьянскій міръ стоитъ твердо, неуклонно. Крестьяне не знаютъ и не хотятъ знать другаго основанія для поддержанія своихъ правъ, напримѣръ, на извѣстную землю, чѣмъ и объясняются многія волненія въ народѣ, не умирающія до сей поры. — Знать ничего не знаемъ,—говорятъ они:—на этой землѣ искони сидѣли наши дѣды и отцы, т. е. чѣмъ старѣе, тѣмъ правѣе. Безъ кабалы не держи,—остатокъ древнихъ кабальныхъ записей. Бояринъ отвѣчаетъ въ винѣ головою, а князь удѣломъ,—живое напоминаніе о преобладающемъ вліяніи Москвы надъ удѣльными князьями, съ которыми, какъ извѣстно, Бѣлокаменная не церемонилась, а строптивые бояре удѣльныхъ княжествъ дѣйствительно отвѣчали головой предъ московскими князьями. Меньшой сынъ на корню сидитъ (въ крестьянствѣ наслѣдуетъ домомъ). Искони вѣковъ въ народѣ строго блюдется этотъ законъ, о которомъ упоминается въ Русской Правдѣ. Кто въ судѣ съ кѣмъ, тотъ и споруется съ тѣмъ (т. е. истецъ и отвѣтчикъ равны),—равенство предъ закономъ всѣхъ лицъ. Хоть въ орду, такъ пойду (т. е. судиться). Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ (старая юридическая формула, выработанная приказными). Къ позднѣйшему времени, когда получило сильное развитіе бумажное судопроизводство, столь ненавистное народу, относится слѣдующая поговорка: не великъ клочекъ, да въ судъ волочетъ. Много долженъ былъ народъ пережить страшной неправды чтобы создать поговорку: неправдой судъ стоитъ. Неправда чиновничья, приказные и подьячіе особенно крѣпко живутъ въ памяти народа, доказательствомъ чего служитъ цѣлый рядъ поговорокъ, изъ которыхъ нѣкоторыя отзываются глубокой стариной:

Приказный за перо возьмется — у мужика мошна и борода трясется; подьячимъ и на томъ свѣтѣ хорошо: умретъ— прямо въ дьяволы; кто съ ярыжкой поводится, безъ рубахи находится (очень старая: земскіе ярыжки упоминаются при первыхъ царяхъ въ Москвѣ); козелъ да приказный—бѣсова родня; бойся худаго локтя да свѣтлой пуговицы; приказная строка, приказный крючокъ. Но и при этой глубокой ненависти къ приказному народъ хочетъ быть справедливымъ, ибо говоритъ: ино и за свѣтлою пуговкой душа живетъ.

Замѣчательно также и то обстоятельство, что никакія тяжелыя, невыразимо грустныя историческія событія, тяготѣвшія надъ народомъ цѣлые вѣка, не могли убить въ немъ вѣру въ силу правды, вѣру въ ея великое нравственное значеніе, что видно изъ поговорокъ: хороша правда, да въ дѣло не годится; поставить къ образамъ да на нее Богу молиться, т. е. хотя люди и не живутъ по правдѣ, но святая правда остается святой, ибо правдой міръ стоитъ и Мамай правды не съѣлъ. Все истребилъ страшный Мамай, все раззорилъ въ конецъ, но правды не съѣлъ, правда осталась на землѣ. Хоть бы всѣ законы пропали, только бы люди правдой жили. Можно ли лучше, вѣрнѣе понимать святость правды, ея великое значеніе въ дѣлахъ человѣческихъ?

Мужикъ въ своихъ пословицахъ и поговоркахъ не обходитъ и себя, доказывая, что онъ умѣетъ приглядываться къ движеніямъ своего внутренняго міра: сохрани Богъ отъ мора, пожара да отъ нашего брата, когда угодитъ въ бара. Не по сердцу народу, какъ мы видимъ, свой братъ, угодившій въ бары, не по сердцу ему и тѣ изъ его собратовъ, которые въ старое время составляли барскую дворню. Свой человѣкъ дѣлался не своимъ, мужикъ, да не тотъ, ибо лакейство, барская служба сказалась на его природѣ: мужичья кость, да собачьимъ мясомъ обросла; языкомъ тарелку (барскую) проломилъ; подносъ насквозь пролизалъ; ужъ виденъ холопъ: серьга въ ухѣ; хамово отродье; хамье — локало.

Никакія пережитыя народомъ событія не могли убить въ немъ убѣжденія, котораго не было и не могло быть у дворовыхъ, что баринъ ты — баринъ, да и я не татаринъ, что у мужика шуба хоть овечья, да душа человѣчья, хоть сыромятна, а все душа.

Знаетъ мужикъ и свою физическую природу, потому и говоритъ хотя не совсѣмъ деликатно, но не безъ основанія: въ мужицкомъ брюхѣ долото сгніетъ; крестьянское горло — суконное бердо: все мнетъ; мужикъ съ однимъ яйцемъ коровай хлѣба съѣстъ, но бѣда въ томъ, что брюхо — злодѣй: стараго добра не помнитъ. Говорятъ, что народъ не имѣетъ понятія о самыхъ обыденныхъ гигіеническихъ правилахъ, не хочетъ,

дескать, знать больницъ и лѣкарей. Но дѣло въ томъ, что онъ отвергаетъ больницы и лѣкарей не въ принципѣ, а потому что знаетъ, какъ лѣчатъ и ходятъ въ больницахъ именно за нимъ, вслѣдствіе чего и лѣчится у своихъ знахарокъ. Мужикъ охотно идетъ въ ту больницу, гдѣ врачи и начальство успѣли создать о себѣ добрую молву, что можно подтвердить фактами изъ дѣятельности нѣкоторыхъ земствъ. Здоровье дороже богатства, ему цѣны нѣтъ; живи просто, проживешь лѣтъ со сто; гдѣ пиры да чаи, тамъ и немочи; послѣ обѣда полежи, а послѣ ужина походи; держи голову въ холодѣ, брюхо въ голодѣ, ноги въ теплѣ; и хорошая аптека убавитъ вѣка. Развѣ въ этихъ поговоркахъ не слышна, не видна самая здоровая гигіена? Развѣ оспоритъ ее какой бы то ни было хотя лучшій изъ врачей? Слишкомъ долго было бы говорить о причинахъ, побуждающихъ народъ дѣйствовать вопреки взглядамъ, которые онъ усвоилъ на то или другое дѣло. Тема—безконечная, выходящая изъ предѣловъ нашей статьи.

Нѣтъ необходимости доказывать азбучную истину, что некрасна была жизнь нашего народа; кажется, ему было не до смѣху, не до зубоскальства, а на дѣлѣ выходитъ, что онъ не только смѣется надъ другими національностями, но, что всего замѣчательнѣе, смѣется самъ надъ собой, и надъ собой чуть ли не злѣе, чѣмъ надъ другими. Вообще же онъ зубоскалитъ безобидно, безъ малѣйшаго ехидства; зубоскалитъ потому, что потребность къ пересмѣшкѣ составляетъ неотъемлемый элементъ его природы, котораго не убили, да и не могутъ убить никакія тяжкія испытанія. Нашъ народъ глубоко сознаетъ, что безъ смѣху пришлось бы плохо на бѣломъ свѣтѣ: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ ума не сойдешь. Пораскиньте умомъ, читатель, и вы убѣдитесь, что въ этой поговоркѣ звучитъ великая истина, удивительно вѣрный взглядъ и на жизнь, и на природу человѣческую.

Мы уже сказали, что въ смѣхѣ народъ не щадитъ и себя, ибо нѣтъ лучше шутки, какъ надъ собой; любишь шутку надъ Ѳомой, такъ люби и надъ собой, а надъ собой мужикъ смѣется такъ: Русакъ—не дуракъ: поѣсть захочетъ—скажетъ; присѣсть захочетъ—сядетъ. Способенъ ли какой нибудь другой народъ въ мірѣ въ такихъ словахъ посмѣяться надъ собой. Любя позубоскалить, давая такое значеніе смѣху въ жизни, ибо вѣкъ на смѣху живетъ, русскій человѣкъ въ то же время помнитъ, что шутки пошучивать—на себя плеть покручивать; шути, да оглядывайся; шути надъ другимъ—пока краска въ лице не вступила.

Зубоскалитъ губернія надъ губерніею; зубоскалятъ бурлаки съ мимоидущихъ судовъ, солдатики другъ надъ другомъ, артели одна надъ другой; зубоскалитъ вся Русь безобидно, безъ сердца, для

того только, чтобы душу отвести и полегче жить на бѣломъ свѣтѣ. Не пропускаетъ русскій человѣкъ безъ пересмѣшки, и пересмѣшки мѣткой, сколько нибудь выдающагося недостатка своего брата. Особенно здорово достается пустоголовому щеголю, по — нашему, по-образованному, фату. Живетъ этотъ фатъ и въ крестьянскомъ быту. Крестьянинъ хорошо знаетъ его и крѣпко клеймитъ: дома щи безъ крупъ, въ людяхъ шапка въ рубль; пустъ карманъ, да синь кафтанъ; масляна головка—отцу, матери не кормилецъ. Немало такихъ масляныхъ головокъ и въ нашей средѣ, читатель, про которыя можно сказать: щеголь—матрешка, полтора рубля застежка. Несказанная прелесть этотъ щеголь—матрешка: не мужчина, дескать, такой человѣкъ, для котораго вся цѣль жизни — красивое платье. Матрешка такой мужчина, баба. Ничего не стоитъ наше понятіе, выраженное въ словѣ фатъ, противъ этой мужицкой матрешки.

Не прошли мимо мужика и другіе присущіе ему самому недостатки. Онъ, напримѣръ, знаетъ, что много могъ бы подѣлать разныхъ дѣловъ, если бы не пришла лѣнь изъ семи деревень; Титъ, поди молотить!—Спина болитъ.—Титъ, пойдемъ вино пить!—Дай кафтанишка захватить; эхъ, какъ бы мужикъ на печи не лежалъ, корабли бы за море снаряжалъ; у Бога дней впереди много: наработаемся; замерзла тетка, на печи лежа (свинья дверь растворила, а ей лѣнь было сойдти да притворить). Какъ ни мечи — а лучше на печи: отъ бездѣлья и то рукодѣлье; пилось бы да ѣлось, да работа на умъ не шла.

Если судить по множеству пословицъ и поговорокъ, такъ сказать, прославляющихъ лѣнь, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей: Господи, Господи! до обѣда проспали, встали да обѣдать стали; наѣлись, помолились да спать повалились, то можно придти къ заключенію, что праздность обычное препровожденіе времени простаго русскаго человѣка; но жизнь доказываетъ противное: много, много работаетъ нашъ мужикъ. Нельзя оспаривать, что въ натурѣ кореннаго русскаго человѣка лежитъ склонность къ лѣни, которая и выразилась въ пословицахъ и поговоркахъ, однако, обстоятельства, исторія, въ своемъ теченіи, заставляютъ двигаться волей-неволей. Имѣется поговорка, доказывающая, что и въ далекой древности наши предки посмѣивались сами надъ собой, т. е. надъ своею склонностью къ лѣни: Изъ лука — не мы; изъ пищали—не мы, а попить, поплясать—противъ насъ не сыскать.

Лукъ и пищаль ясно указываютъ на древнее происхожденіе этой поговорки. Зубоскалитъ городъ надъ городомъ; переходитъ это пересмѣиваніе отъ отцовъ къ дѣтямъ, отъ нихъ къ внукамъ. Не пересчитаешь всѣхъ присловій, какъ называетъ эти пересмѣшки на-

родъ: Ты чей молодечъ?—Зубчевскій купечъ.—А гдѣ былъ?—Въ Москвѣ по міру ходилъ; у насъ во Владимірѣ много угодья: отъ Москвы два девяносто, да изъ Клязьмы воду пей; въ Суздалѣ да въ Муромѣ Богу помолиться, въ Вязникахъ погулять, въ Шуѣ напиться; ярославцы—кукушкины дѣти (мужики мало дома живутъ); (они же) Спаса на воротахъ продали; пошехонцы — слѣпороды, въ трехъ соснахъ заблудились; за семь верстъ комара искали, а комаръ на носу; на сосну лазили Москву смотрѣть; я слушаю: кто свищетъ?—анъ это у меня въ носу; ноги перепутали, когда спать легли (съ краю не ложатся, а всѣ въ средину).

О пошехонцахъ и ихъ похожденіяхъ существуетъ книга Березайскаго, въ первый разъ изданная въ 1798 и составляющая въ настоящее время, какъ оказалось по наведеннымъ мною справкамъ, величайшую библіографическую рѣдкость. Всѣ разсказы о похожденіяхъ пошехонцевъ очень остроумны и проникнуты самымъ безобиднымъ юморомъ.

Знаетъ народъ, что раскинулась Москва больно далеко и широко, и потому шутитъ надъ ней слѣдующимъ образомъ: за Яузой, на Арбатѣ, на Воронцовскомъ полѣ, близъ Вшивой горки, на Петровкѣ, не доходя Покровки. За Серпуховскими воротами, позади Якиманской, не доходя Мѣщанской, въ Кожевникахъ, прошедши Котельниковъ, въ Кисловкѣ подъ Дѣвичьимъ, въ Гончарахъ, на трехъ горахъ, въ самыхъ Пушкаряхъ, на Лубянкѣ, на самой Полянкѣ и проч. Или: у всѣхъ святыхъ на Кулижкахъ, что въ Кожуховѣ, за Пречистенскими вороты, въ Тверской Ямской слободѣ, не доходя Таганки, на Ваганкѣ, въ малыхъ Лужникахъ, что въ Гончарахъ, на Варгунихѣ, у Николы въ Толмачахъ, на трехъ горахъ. Въ насмѣшкахъ города надъ городомъ сохранилось немало такихъ указаній, которыя имѣютъ вѣрную историческую основу; мы уже не говоримъ про Москву, о которой существуетъ много подобныхъ исторически вѣрныхъ присловій, но даже по отношенію маленькихъ городовъ, мѣстечекъ, живутъ въ народѣ подобныя присловья: Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Сологда убытки платитъ (Сологда лежитъ между Кинешмой и Рѣшмой, которыя въ старину были въ постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ); Буй да Кудуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кудуй у воротъ стоялъ (татары искали Буй, чтобъ раззорить его, но не нашли къ нему дороги); холмогорцы — заугольники (изъ-за угловъ смотрѣли на царя Петра, когда онъ пріѣзжалъ къ нимъ, ибо они боялись за свой расколъ); вятичи—слѣпороды (устюжане пришли къ нимъ на помощь, а вятичи сочли ихъ за непріятеля и стали бить—историческій фактъ); они же — ротозѣи (новгородцы подпустили подъ болванскій городокъ (село Никулицыно) болвановъ

на плотахъ, вятичи зазѣвались на нихъ, а новгородцы съ другой стороны взяли городокъ); бей челомъ на Тулѣ, ищи на Москвѣ (прямое указаніе на старыя, близкія отношенія между Москвой и Сѣверской землей, въ составъ которой, кромѣ Курска, Орла, входила и Тула. Сѣверская земля — воровская земля: нѣтъ у Бѣлаго Царя вора супротивъ курянина; орловцы — проломленныя головы, Орелъ да Кромы — первые воры).

Не надобно забывать, что всѣ эти присловья, не исключая имѣющихъ историческую основу, живутъ цѣлые вѣка, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Мнѣ случалось встрѣчать 8-ми—9-тилѣтнихъ крестьянскихъ дѣтей, которыя твердо знали пересмѣшку, обращаемую къ нимъ другими. Замѣтимъ также, что дѣленіе на губерніи не имѣетъ рѣшительно никакого значенія въ распространеніи и распредѣленіи пересмѣшекъ. Таковое распространеніе держится исключительно на древнемъ историческомъ дѣленіи на области и княжества. Съ этой-то точки зрѣнія изученіе присловій и представляетъ большой интересъ именно историческій. Мало того, существуютъ пересмѣшки, опредѣляющія древніе промыслы и занятія жителей, каковые промыслы неизмѣнно существуютъ до сей поры, что̀ можетъ быть предметомъ отдѣльной статьи или отдѣльнаго изслѣдованія. Присловья, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не дѣйствуютъ раздражающимъ образомъ; скажемъ болѣе, они въ извѣстныхъ случаяхъ умиротворяютъ, успокоиваютъ раздраженное чувство, въ доказательство чего приведу слѣдующій фактъ изъ своихъ странствованій по Россіи: немало лѣтъ тому назадъ, мнѣ привелось ѣздить по Рязанской губерніи, въ которой я знакомился съ различными учебными заведеніями. Дѣло было зимой. По дорогѣ изъ Рязани въ богоспасаемый градъ Спасскъ встрѣтились мнѣ обозники, ѣхавшіе по самой срединѣ пути, такъ что моимъ лошадямъ приводилось поворотить въ огромный сугробъ, между тѣмъ какъ со стороны возчиковъ оставалось пространство совершенно свободное, торное. Стоило немного повернуть первую лошадь, и обозъ освободилъ бы намъ мѣсто на столько, что мы могли бы проѣхать, не рискуя завязнуть въ снѣгу. Конечно, началась ругань какъ со стороны моего ямщика, такъ и со стороны возчиковъ. Рязанцы—народъ суровый, что мнѣ было извѣстно очень хорошо изъ прежнихъ поѣздокъ, о чемъ даже пишетъ московскій лѣтописецъ XIV вѣка: «Рязанцы,—говоритъ онъ,—люди сурови, свирѣпи, высокоумни, горди, чаятельни, вознесшеся умомъ и возгордѣвшеся величаніемъ и помыслиша въ высокоуміи своемъ мало умныя и безумныя людища, аки чудища». Такой взглядъ лѣтописца совершенно объясняется исторіею Рязани, ея пограничнымъ положеніемъ въ начальное время съ татарскими владѣніями, вслѣдствіе чего Рязань первая принимала удары татаръ. Она была важнымъ сторожевымъ постомъ со стороны упо-

мянутыхъ степныхъ кочевниковъ. Боевой духъ сдѣлалъ свое дѣло. Въ самомъ типѣ лицъ рязанцевъ много дикаго, татарскаго, что̀, конечно, произошло отъ брачныхъ связей, неизбѣжно возникавшихъ отъ близкихъ сношеній двухъ національностей. Не даромъ любимая поговорка рязанцевъ такова: галдѣть, такъ галдѣть вмѣстѣ, а одинъ сгинешь. Съ этими то чудищами, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, мнѣ и пришлось имѣть дѣло. Вставъ въ повозкѣ, я обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Ахъ, вы, такіе-сякіе! думаете, что вы изъ пузатой стороны (хлѣбъ хорошо родится), синебрюхіе (носятъ синія рубашки), кособрюхіе, мѣшкомъ солнце ловили, блинами острогъ конопатили, то вамъ и чортъ не братъ! Смотрите, не просчитайтесь! Давайте дорогу! Ваша половина и моя половина». Не успѣлъ я кончить своихъ словъ, какъ мои чудища стали улыбаться, ругань съ обѣихъ сторонъ, точно по колдовству, мгновенно прекратилась, шапки приподнялись и руки полѣзли въ затылки, а затѣмъ раздались голоса: — Ну, баринъ, ай да баринъ! такъ и сыплетъ! Откуда только набралъ! А все вѣрно, такъ, значитъ, такъ! — Эй, Ванюха! — крикнулъ кто-то: — тронь передовую! Чрезъ нѣсколько минутъ мѣсто было очищено, и я безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній выбрался на дорогу.

Изъ всего нами до сей поры сказаннаго, смѣемъ думать, ясно слѣдуетъ, что Господь Богъ не обдѣлилъ умомъ нашего сѣряка, ясно слѣдуетъ, что онъ способенъ смекать кое-что, пожалуй, не хуже и нашего брата, учившагося много лѣтъ разнымъ наукамъ. Вотъ потому-то, что сѣрякъ уменъ, онъ и даетъ такое значеніе уму; потому-то онъ и понимаетъ все великое вліяніе ума на ходъ человѣческихъ событій. Иначе не сказалъ бы, что сила — уму могила, что сила умъ ломаетъ; при этомъ прибавляетъ, что умъ любитъ просторъ, его городьбой не обгородишь; не копьемъ побиваютъ, а умомъ. Выводъ прямой: до такихъ думъ надо было додуматься путемъ наблюденій надъ жизнью и ея явленіями. Не все же, значитъ, сѣрякъ на печи лежалъ да спалъ. Спалъ, не спалъ, а кое-что видѣлъ и подмѣтилъ: печальная исторія его жизни многому научила его. Доработался онъ мыслью до того убѣжденія, что больше думать, то хуже; много думать — голову кружитъ; дума — что борода: лишняя тягота. Да, читатель, истина святая: чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. Додумаешься, Богъ знаетъ, до какихъ премудростей, которымъ и не радъ будешь. Впрочемъ, народъ полагаетъ, что ума на святую Русь отпущено Господомъ Богомъ неособенно много, ибо говоритъ, что у насъ, на святой Руси, дураковъ, слава Богу, на сто лѣтъ припасено, слѣдовательно, нѣтъ основанія бояться бѣдъ отъ ума. Вѣрно, читатель, что съ умомъ жить — мучиться, а безъ ума жить — тѣшиться. Какъ хорошо и вѣрно это выраженіе — тѣшиться! Дѣйствительно, жизнь безъ размышленій, безъ анализа ея явленій —

дѣло легкое, забава, потѣха. Будемъ же лучше тѣшиться, ибо что за радость мучиться.

Въ заключеніе напомнимъ, что не всякая поговорка для нашего Егорки, т. е. народъ убѣжденъ, что иной поговорки иной Егорка и не разберетъ, что на пословицу что на дурака суда нѣтъ, только глупая рѣчь не пословица; ну, а мы привели рѣчи не глупыя и хорошо знаемъ, что не всякая пословица при всякомъ молвится; иная пословица не для Ивана Петровича. Писали мы не для чего иного, какъ лишь для прочаго такого; а если лучше чего, такъ больше ничего, вотъ только и всего.

Не я, читатель, авторъ настоящей статьи, играю словами и шучу въ этой прибауткѣ. Народъ шутитъ, доказывая своими прибаутками, что онъ, по складу своего ума, способенъ проявляться наиразнообразнѣйшимъ способомъ. Давно извѣстно, что нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ народности, съ которой русскій человѣкъ совершенно не освоился бы.

Глубокомысленный нѣмецъ долженъ признать его своимъ по глубокомыслію; легкій французъ своимъ по живости и подвижности. Хорошее, или плохое это свойство нашей природы? Мы думаемъ, что, если оно дѣйствительно присуще намъ, то слѣдовательно такъ быть должно и слѣдовательно нѣтъ нужды анализировать, худо ли оно, или хорошо.

И. Бѣловъ.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ А. П. ЕРМОЛОВА.

Въ РУССКИХЪ историческихъ изданіяхъ неоднократно помѣщались статьи, замѣтки и другіе матеріалы, касающіеся характеристики и геройскихъ подвиговъ Алексѣя Петровича Ермолова, а въ воспоминаніяхъ покойнаго М. Н. Похвиснева (Русская Старина, т. VI, стр. 492) сказано нѣсколько словъ о памятникѣ на могилѣ Алексѣя Петровича.

Для пополненія этихъ матеріаловъ помѣщаемъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» срисованный нами съ натуры памятникъ на могилѣ героя Отечественной войны и Кавказа и нѣсколько историческихъ свѣдѣній объ этой могилѣ.

Генералъ-отъ-артиллеріи и членъ государственнаго совѣта Алексѣй Петровичъ Ермоловъ скончался въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, 11-го апрѣля 1861 года, въ 11$^{3}/_{4}$ часовъ утра. Будучи уроженцемъ Орловской губерніи, онъ за нѣсколько лѣтъ предъ своею кончиной выражалъ желаніе быть погребеннымъ — притомъ какъ можно скромнѣе — въ городѣ Орлѣ, на Троицкомъ кладбищѣ, возлѣ могилы отца своего, Петра Алексѣевича Ермолова, служившаго при генералъ-прокурорѣ Самойловѣ, а въ послѣднее время своей жизни занимавшаго мѣсто предсѣдателя орловской палаты гражданскаго суда.

Смертные останки Алексѣя Петровича, чрезъ нѣсколько дней послѣ его кончины, были привезены въ свинцовомъ гробу въ городъ Орелъ и тамъ были поставлены въ церкви Воздвиженья, а 18-го апрѣля 1861 года епископомъ Поликарпомъ[1]) было совер-

---

[1]) Родкевичъ, умеръ въ Орлѣ въ 1867 году.

шено погребеніе въ соучастіи городскаго духовенства и въ присутствіи мѣстныхъ властей и многочисленной публики.

Могила П. А. Ермолова, близь которой доблестный герой пожелалъ пріютить свои останки, находилась у церковной стѣны, съ наружной ея стороны; рядомъ съ нею и былъ похороненъ Алексѣй Петровичъ.

Близость этой могилы къ церкви и историческое значеніе самой могилы наводили многихъ на мысль ввести ее въ составъ церкви посредствомъ расширенія послѣдней; но эта мысль, за отсутствіемъ средствъ для ея осуществленія, вѣроятно, въ теченіе многихъ лѣтъ оставалась бы въ видѣ проекта, если бы на этотъ разъ не явилась помощь отъ щедротъ покойнаго Царя-Освободителя.

Государь императоръ, желая почтить доблестную память славнаго воина, 14-го іюля 1864 года, повелѣлъ: отпустить изъ государственнаго казначейства 6,000 руб. на сооруженіе надгробнаго памятника Ермолову[1]). Къ этой довольно значительной суммѣ сыновья Алексѣя Петровича, Викторъ, Клавдій и Северъ Алексѣевичи, присоединили свои 4,000 руб. Тотчасъ же былъ составленъ проектъ расширенія кладбищенской церкви, съ цѣлью включенія въ нее могилъ П. А. и А. П. Ермоловыхъ, который и утвержденъ святѣйшимъ синодомъ и главнымъ управленіемъ путей сообщенія и публичныхъ зданій, а 25-го апрѣля 1865 года преосвященный Поликарпъ положилъ на могилу Алексѣя Петровича первый кирпичъ предположеннаго сооруженія.

Въ настоящее время мѣсто успокоенія Ермоловыхъ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Въ придѣльной церковной пристройкѣ, съ правой стороны алтаря, на восточной стѣнѣ, помѣщена большая икона распятія, а подъ нею укрѣплены двѣ черныя доски съ надписями:

Петръ Алексѣевичъ ЕРМОЛОВЪ. Скончался 1832 г. маія 23 дня на 85 году отъ рожденія.	Алексѣй Петровичъ ЕРМОЛОВЪ. Скончался 1861 г. апрѣля 11 дня на 85 году отъ рожденія.

Предъ этой иконой, на мѣдномъ, четырехгранномъ пьедесталѣ установлена чашка чугунной гранаты, вверху которой устроена лампада подъ круглымъ стеклянным шаромъ. На гранатѣ сдѣлана славянскими буквами надпись:

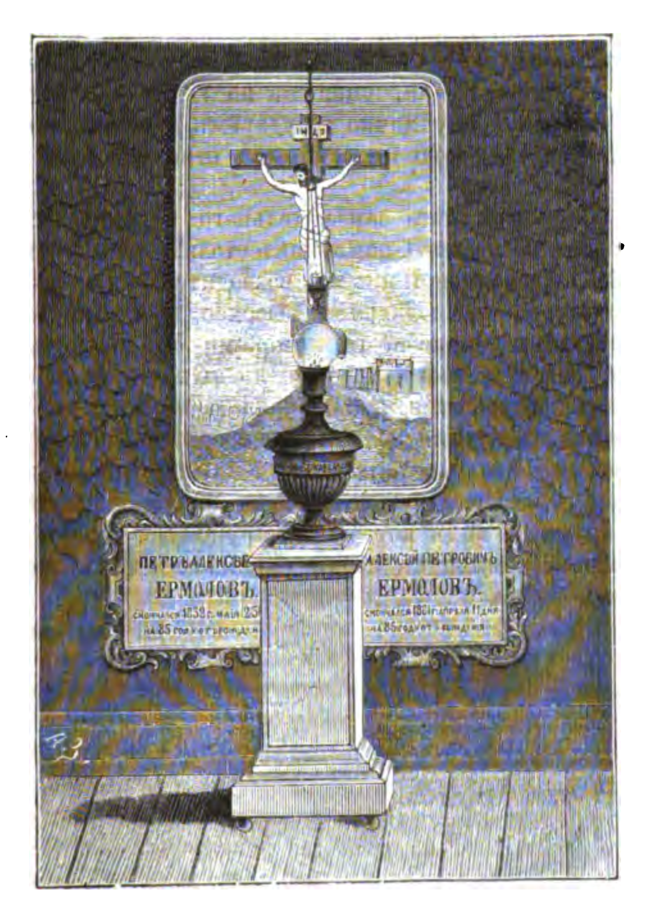
«Служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты. аѿзє г.» (1875 года).

Намъ не удалось собрать подробныхъ свѣдѣній о постановкѣ этого памятника; но, просматривая «Орловскія Губернскія Вѣдомости» за нѣсколько лѣтъ, мы встрѣтили въ нихъ слѣдующее краткое полуоффиціальное «Извѣстіе», перепечатанное изъ мѣстныхъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей»:

---

[1]) «Орловскія Губернскія Вѣдомости», часть неоффиціальная, 1864 года, № 43.

«20-го мая (1865 г.) присланы къ священнику орловской градской кладбищенской троицкой церкви Іоанну Мещерскому, съ Кавказа, отъ неизвѣстнаго 40 руб. на лампаду, въ память Алексѣя Петровича Ермолова, на которой должна быть надпись: «Служащіе на Гунибѣ кавказскіе солдаты». На каковую сумму и разрѣшено



Памятникъ на могилѣ А. П. Ермолова въ церкви Троицкаго кладбища въ Орлѣ.

Съ рисунка, сдѣланнаго съ натуры М. И. Городецкимъ.

епархіальнымъ начальствомъ пріобрѣсть лампаду съ показанною надписью, съ тѣмъ, чтобы она висѣла въ кладбищенскомъ храмѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоится прахъ генерала Ермолова» [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что присланные неизвѣстнымъ кавказскимъ почитателемъ памяти А. П. Ермолова 40 рублей послужили лишь

---

[1]) «Орловскія Губернскія Вѣдомости», часть неоффиціальная, 1865 года, № 30.

основаніемъ къ дальнѣйшимъ пожертвованіямъ, на которыя и былъ сооруженъ памятникъ съ приведенною выше надписью.

Останавливаясь на этомъ памятникѣ и не касаясь художественной его стороны, слѣдуетъ замѣтить, что общій видъ его представляется такимъ, что трудно придумать что либо болѣе соотвѣтственное. Весьма скромный видъ памятника служитъ какъ бы отраженіемъ образа жизни и характера А. П. Ермолова, который велъ жизнь чисто походную и, по собственному его отзыву, «никогда ничѣмъ себя не баловалъ», а, живя въ послѣдніе годы въ Москвѣ пенсіей, назначенной ему лично государемъ, считалъ и эту пенсію слишкомъ преувеличенною милостивымъ отношеніемъ къ нему государя.

И вотъ на могилѣ этого замѣчательнаго человѣка и талантливаго полководца возводится памятникъ столько же скромный, какъ и самый образъ его жизни, и кѣмъ возводится?—царемъ, достойно оцѣнившимъ геройскіе подвиги и высокое мужество доблестнаго воина, и солдатами Кавказа, съ которыми онъ провелъ бо́льшую часть своей боевой жизни и которые любили его какъ отца.

Памятникъ содержится въ порядкѣ и за чистотою его, очевидно, имѣется въ церкви должный надзоръ; но нельзя не выразить въ отношеніи его пожеланія, чтобы висящая предъ распятіемъ лампада была замѣнена другой, сколько нибудь соотвѣтствующей иконѣ и памятнику, видъ которыхъ нарушается теперь мрачнымъ видомъ маленькой лампадки неопредѣленнаго металла и еще менѣе опредѣленнаго цвѣта.

М. Городецкій.

УЧЕНЫЯ ЗАСЛУГИ ГРАФА А. С. УВАРОВА.

КОНЕЦЪ МИНУВШАГО года отмѣтился въ лѣтописяхъ русской науки печальнымъ событіемъ: 29-го декабря, сошелъ въ могилу извѣстный археологъ графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. Эта тяжелая утрата вызываетъ въ душѣ много воспоминаній о недолгой жизни и замѣчательной научной дѣятельности почившаго графа.

Покойный, сынъ извѣстнаго министра народнаго просвѣщенія и президента императорской академіи наукъ, графа Сергѣя Семеновича Уварова, родился въ 1825 году. Раннее дѣтство и первые юные годы ему пришлось провести подъ руководствомъ француза-гувернера, по обычаю тогдашней русской знати и особенно по любви отца къ иностраннымъ языкамъ [1]). Послѣ же домашняго образованія онъ поступилъ на первое отдѣленіе философскаго (нынѣ историко-филологическаго) факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1845 году, а затѣмъ началъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Эта служба заставила его отправиться курьеромъ въ Неаполь (1848 г.), дала возможность прослу-

[1]) Какъ извѣстно, гр. С. С. Уваровъ печаталъ свои ученые труды на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, напримѣръ: «Essai sur les mystéres d'Eleusis» (1812 г.), «Nonnos von Panopolis» (1817 г.), «Un examen critique de la fable d'Hercule» (1819 г.), Ueber das vorhomerische Zeitalter» (1821 г.), «A la Mémoire de l'Impératrice Elisabeth» (1826 г.) и «Etudes de philologie et de critique» (1845 г.). Кромѣ того, онъ же перевелъ на французскій языкъ стихотвореніе Пушкина: «Клеветникамъ Россіи», какъ указано въ Русск. Стар. (1880 г., кн. 7, стр. 559—561).

шать лекціи въ нѣсколькихъ иностранныхъ университетахъ (напримѣръ, Берлинскомъ и Геттингенскомъ), а въ будущемъ готовила для него блестящую дипломатическую карьеру. Но молодой графъ, послѣ пятилѣтней службы при канцлерѣ К. В. Нессельроде (1845—1850 г.), промѣнялъ свою должность на мѣсто чиновника въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ (1850—1853 г.) и при кабинетѣ его величества (1853—1857 г.). Затѣмъ, точно также недолго ему пришлось пробыть помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа (1857—1859 г.) и предводителемъ можайскаго дворянства (1865—1871 г.). Наконецъ, болѣе долгое время онъ былъ предсѣдателемъ московскаго археологическаго общества и товарищемъ президента въ императорскомъ историческомъ музеѣ.

Вотъ какія свѣдѣнія приходятъ на память при имени покойнаго графа. Но вмѣстѣ съ ними тѣсно связаны другія, наиболѣе отрадныя воспоминанія для русской археологической науки. Они, прежде всего, относятся къ первой половинѣ 1846 года, когда графъ А. С., менѣе занятый службой, чѣмъ наукой, образовалъ въ Петербургѣ нумизматическое общество; вмѣстѣ съ главнымъ учредителемъ тамъ начали свои труды такія лица, какъ князь Сергѣй Васильевичъ Долгоруковъ, авторъ «Описанія неизданныхъ русскихъ монетъ» (Спб., 1850 г.), Яковъ Яковлевичъ Рейхель, одинъ изъ издателей «Собранія русскихъ медалей» (Спб., 1840—1846 г.), Павелъ Степановичъ Савельевъ, напечатавшій извѣстные «Археологическіе и нумизматическіе отрывки» (Спб., 1855 г.), и многіе другіе. За открытіемъ названнаго общества скоро послѣдовали и ученыя экспедиціи для изслѣдованія русскихъ древностей: въ сороковыхъ годахъ — на югъ Россіи, а въ началѣ пятидесятыхъ — въ Владимірскую, Ярославскую и Таврическую губерніи [1]). Такія поѣздки по разнымъ историческимъ мѣстностямъ Россіи стали чаще повторяться съ той знаменательной поры, когда графъ собралъ около себя кружокъ московскихъ ученыхъ (архимандрита Амфилохія, К. К. Герца, А. А. Котляревскаго, В. Е. Румянцова) и открылъ извѣстное археологическое общество (17-го февраля 1865 года). Оно имѣло въ виду: а) научныя сообщенія и бесѣды членовъ, б) изданіе изслѣдованій и описаній памятниковъ, в) собраніе древностей или сбереженіе ихъ въ цѣлости и г) поддержку археологическихъ предпріятій денежными пособіями. Всѣ эти высокія задачи были выполнены московскимъ археологическимъ обществомъ, благодаря стараніямъ членовъ, одушевленныхъ энергическою дѣятельностью самого предсѣдателя: такъ, по его мысли, при обществѣ созданъ небольшой, но любопытный музей древностей; благодаря его иниціативѣ, члены еще такъ

---

[1]) См. книгу: «Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета объ археологическихъ розысканіяхъ» (Спб., 1855 г.).

недавно прочли рядъ лекцій для распространенія въ публикѣ большихъ знаній о русской старинѣ; только по его ходатайству разрѣшены и съ большимъ успѣхомъ выполнены знаменитые «археологическіе съѣзды» въ Москвѣ, Петербургѣ, Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Одессѣ; наконецъ, при его же стараніяхъ, въ прошломъ году возстановлены древнія ростовскія зданія. Эти теплыя заботы о русской археологіи постоянно соединялись съ собственными учено-литературными работами покойнаго графа. Первымъ его трудомъ явилось «Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря» (Спб., 1851 и 1856 г.), великолѣпно изданное на русскомъ и французскомъ языкахъ въ видѣ двухъ выпусковъ (184 стр.), съ двумя атласами картъ и рисунковъ художника Вебеля, и посвященное герцогу Максимиліану Лейхтенбергскому, предсѣдателю императорскаго археологическаго общества. Затѣмъ, до открытія общества московскихъ археологовъ, имъ напечатаны небольшія научныя статьи, какъ, напримѣръ: «Извѣстіе о курганахъ Владимірской губерніи» (Записки имп. археол. общ., 1856 г., т. VIII), «О монетахъ Владиміра и Ярослава» (Извѣстія импер. археол. общ., т. IV, вып. 2), «Образъ ангела-хранителя съ похожденіями» (Русск. Арх., 1864 г., кн. 1), «Описаніе трехъ панагій изъ Чертковскаго собранія» (кн. 5 и 6), «Вѣтеръ, отрывокъ изъ русской символики» (кн. 7 и 8). Со времени же учрежденія московскаго археологическаго общества, графъ почти всецѣло сосредоточилъ свою учено-литературную дѣятельность въ его періодическихъ изданіяхъ: «Древности Общества», «Археологическій Вѣстникъ» и «Труды съѣздовъ» [1]), изданные въ послѣднія двадцать лѣтъ (1865—1884), наполнены «изслѣдованіями», «описаніями» и «сообщеніями» покойнаго археолога. Какъ исключеніе, можно назвать двѣ журнальныя статьи, а именно: «Бумаги Лагарпа» (Русск. Арх., 1869 г., кн. 1) и «Международный съѣздъ въ Копенгагенѣ» (Вѣстн. Европы, 1869 г., кн. 12), да два обширные труда, изданные отдѣльно: это — «Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ» (М., 1872 г., съ атласомъ и картой) и «Археологія Россіи: каменный періодъ» (М., 1882 г., два тома).

Названными трудами покойный Уваровъ пріобрѣлъ имя ученаго археолога. Но онъ еще болѣе прославилъ себя, какъ покровитель русской науки и литературы. Еще въ концѣ сороковыхъ годовъ имъ была учреждена премія при нумизматическомъ обществѣ за лучшее сочиненіе «О металлическомъ производствѣ въ Россіи». Замѣчательнымъ отвѣтомъ на эту тему явился трудъ И. Е. Забѣлина, изданный подъ приведеннымъ заглавіемъ (Спб.,

[1]) До сихъ поръ вышли «Труды» только четырехъ съѣздовъ: московскаго (М., 1871 г.), петербургскаго (Спб., 1876 г.), кіевскаго (Кіевъ, 1878 г.) и казанскаго (Казань, 1884 г.).

1853 г.) и удостоенный обѣщанной награды. Съ пятидесятыхъ же годовъ гр. А. С., въ память своего отца, установилъ при императорской академіи наукъ такъ называемыя «Уваровскія награды»: однѣ—за лучшіе ученые труды по археологіи, исторіи и литературѣ, а другія—за русскія оригинальныя драматическія сочиненія. Первыми, въ теченіе двадцати восьми лѣтъ (1857—1884 г.), увѣнчаны всѣ крупныя произведенія русскихъ ученыхъ за послѣднія три десятилѣтія; одно перечисленіе заглавій этихъ премированныхъ трудовъ можетъ составить любопытный каталогъ [1]). Гораздо менѣе можно назвать «драмъ» и «комедій», удостоенныхъ тѣхъ же наградъ: приходится только указать на «Грозу» и «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ»—Островскаго, «Горькую судьбину»—Писемскаго и «Спѣтую пѣсню»—Минаева. Наконецъ, были случаи, когда покойный графъ самъ вызывался на матеріальную поддержку для изданія ученаго труда или стариннаго памятника. Напримѣръ, 19-го марта 1856 года, онъ писалъ къ П. М. Строеву: «У академика Куника находится вашъ списокъ съ тверскаго лѣтописца, бывшаго въ книгохранилищѣ М. П. Погодина. По содержанію своему и по отмѣченнымъ на поляхъ ссылкамъ на другія лѣтописи, весьма было бы полезно издать эту рукопись. Хотите мнѣ препоручить это изданіе,—я съ радостію приму всѣ расходы» [2]). Благодаря такой же готовности, на средства графа были изданы—сочиненіе Н. В. Закревскаго: «Описаніе Кіева» (М., 1868 г., два тома, съ атласомъ рисунковъ и плановъ) и изслѣдованіе Д. А. Ровинскаго: «Русскіе граверы» (М., 1870 г.).

Въ заключеніе нельзя забыть еще одной важной услуги, оказанной графомъ для русскаго просвѣщенія: мы имѣемъ въ виду его постоянныя заботы о своей знаменитой Порѣчской библіотекѣ. Это обширное «книгохранилище», обогащенное такимъ сокровищемъ, какъ извѣстныя «Рукописи Царскаго», до послѣднихъ дней жизни А. С. получало новыя пріобрѣтенія въ видѣ памятниковъ старины и, благодаря радушію хозяина, представляло для ученыхъ самый замѣчательный «русскій архивъ» послѣ столичныхъ рукописныхъ библіотекъ. При этомъ можно пожалѣть лишь о томъ, что покойный владѣлецъ не успѣлъ докончить изданіе замѣчательнѣйшихъ рукописей своего собранія: онъ издалъ только одинъ второй томъ, подъ заглавіемъ: «Рукописи графа А. С. Уварова» (Спб., 1858 г.), и помѣстилъ на его страницахъ обширный трудъ М. И. Сухомлинова: «О сочиненіяхъ Кирилла Туровскаго».

---

[1]) См. «Отчеты о присужденіи наградъ графа Уварова». Теперь вышло «двадцать шесть отчетовъ».

[2]) Это письмо помѣщено г. Барсуковымъ въ книгѣ «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб., 1878 г., стр. 491.

Вотъ ученыя заслуги покойнаго графа А. С. Уварова, который, по вѣрному замѣчанію одного изслѣдователя, «въ концѣ нынѣшняго столѣтія напоминалъ собою незабвеннаго графа Н. П. Румянцева, археолога-мецената первой четверти XIX вѣка».

Дмитрій Языковъ.

АНГЛИЧАНЕ ВЪ КАМЧАТКѢ ВЪ 1779 ГОДУ [1].

ПОСЛѢ смерти знаменитаго мореплавателя Кука, убитаго 14-го февраля 1779 года на Сандвичевыхъ островахъ, начальство надъ англійской экспедиціей, имѣвшей цѣлью открыть проходъ въ Ледовитый океанъ черезъ Беринговъ проливъ и состоявшей изъ двухъ кораблей «Resolution» и «Discovery», принялъ капитанъ Карлъ Клеркъ. Не смотря на то, что Клеркъ уже страдалъ тогда сильнѣйшей чахоткой, онъ рѣшился слѣдовать плану Кука и, направляясь къ сѣверному полюсу, приплылъ 1-го мая къ берегамъ Камчатки у Петропавловской гавани, еще на половину покрытой льдомъ.

Петропавловская гавань представляла въ то время совершенную пустыню. Церковь и всѣ строенія, воздвигнутыя Берингомъ, были уничтожены пожаромъ, жители переселились въ Большерѣцкъ и въ гавани оставались, для караула, только сержантъ Сургуцкій и десять рядовыхъ, помѣщавшихся въ полуразрушенной казармѣ. Никто не воображалъ, чтобы иностранцы могли явиться въ Камчатку, и потому сержантъ былъ пораженъ, увидѣвъ приближающагося лейтенанта Кинга, посланнаго Клеркомъ на берегъ въ сопро-

[1]) Прилагаемыя къ настоящей статьѣ рисунки воспроизведены съ весьма рѣдкихъ современныхъ оригиналовъ, находящихся въ богатомъ собраніи гравюръ П. Я. Дашкова, а свѣдѣнія о пребываніи англичанъ въ Камчаткѣ въ 1779 году заимствованы изъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи документовъ и изъ сочиненія «Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ съ 1650 по 1856 г.». А. С. Сгибнева. Спб. 1869 г.

вожденіи десяти вооруженныхъ матросовъ. Русская команда, схвативъ ружья, поспѣшно выстроилась передъ казармой въ ожиданіи нападенія; но Кингъ, показывая знаки мира, поспѣшилъ ее успокоить. Такъ какъ русскіе и англичане не понимали другъ друга, то Кингу съ большимъ трудомъ удалось уговорить сержанта, чтобы онъ послалъ нарочнаго въ Большерѣцкъ къ главному начальнику Камчатки, премьеръ-маіору Бему, съ извѣстіемъ о прибытіи англійской экспедиціи и съ письмомъ, даннымъ Клерку штурманскимъ ученикомъ Измайловымъ, съ которымъ они встрѣтились у острова Уналашки.

Хотя Измайловъ въ письмѣ своемъ и увѣрялъ, что англичане имѣютъ самыя мирныя цѣли и обошлись съ нимъ при встрѣчѣ очень ласково, Большерѣцкая канцелярія не повѣрила, чтобы эскадра пришла съ добрыми намѣреніями. На собранномъ, подъ предсѣдательствомъ Бема, «военномъ совѣтѣ» было постановлено не предпринимать пока, вслѣдствіе недостатка артиллеріи и команды, никакихъ рѣшительныхъ мѣръ; но послать на эскадру съ письмомъ отъ Бема депутацію изъ лицъ неслужащихъ. Депутатами были выбраны служитель Бема, Поса, знавшій нѣмецкій языкъ, и купецъ Посельскій.

Кромѣ того, былъ посланъ нарочный въ Нижнекамчатскъ съ предупрежденіемъ, чтобы тамъ имѣли предосторожность отъ англичанъ, а въ Верхнекамчатскъ послано предписаніе поспѣшно отправить «въ сикурсъ» всѣхъ лишнихъ солдатъ въ Петропавловскую гавань, съ исправной аммуниціей и ружьями; взамѣнъ же этой команды передвинуть 20 человѣкъ въ Верхнекамчатскъ изъ Тигильской крѣпости. Въ случаѣ же непріязненныхъ дѣйствій со стороны иностранцевъ, приказано вооружить всѣхъ купцовъ и промышленниковъ и «чинить отпоръ».

Между тѣмъ, русская депутація прибыла въ Петропавловскую гавань и встрѣтила самый любезный пріемъ со стороны англичанъ. Клеркъ просилъ депутатовъ снабдить эскадру скотомъ и провіантомъ; но, такъ какъ просьба эта не могла быть исполнена безъ разрѣшенія Бема, то Клеркъ, въ свою очередь, послалъ въ Большерѣцкъ депутацію, состоявшую изъ капитана Гора, лейтенанта Кинга и геодезиста Вебера, знавшаго нѣмецкій языкъ. Депутація эта прибыла въ Большерѣцкъ 30-го апрѣля; вмѣстѣ съ ней возвратилась и наша депутація.

Помощникъ Бема, капитанъ Шмалевъ, доносилъ по этому поводу въ Иркутскъ: «Оные гости нами, съ Бемомъ, съ надлежащимъ по званію ихъ почтеніемъ, съ оказываніемъ благопристойности, приняты и на собственномъ нашемъ囗 коштѣ содержаны и по здѣшнему мѣсту, сколько возможно, были довольствованы, т. е. чаемъ и сахаромъ снабжены изъ нашего кошта безнедостаточно, въ чемъ они весьма довольными отзывались».

Встрѣча англичанъ съ русскими въ Петропавловской гавани въ Камчаткѣ, въ 1779 году.

Съ весьма рѣдкой гравюры того времени Эр.кина. (Изъ собранія П. Я. Дашкова).

Бемъ распорядился послать на эскадру изъ Нижнекамчатска 250 пудовъ ржаной муки, двадцать головъ рогатаго скота и, сверхъ того, «по слабости здоровья главнокомандующаго, двѣ дойныя коровы для пропитанія». Все это было отпущено англичанамъ безденежно, «ибо,—доносилъ Шмалевъ,—по казеннымъ цѣнамъ мука стоитъ 2 руб. 50 коп. пудъ, а быкъ 80 руб.; если потребовать съ нихъ деньги, то они, хоть бы по нуждѣ и заплатили, но сочли бы это за немалое притѣсненіе».

2-го мая, англійская депутація выѣхала изъ Большерѣцка «съ принадлежащимъ почтеніемъ и пушечною пальбою». Съ нею отправился на эскадру и Бемъ, который провелъ съ англичанами четверо сутокъ, и при съѣздѣ съ судна на берегъ ему салютовали съ обоихъ судовъ 21 пушечнымъ выстрѣломъ.

Англичане подарили Бему разныя вещи, вывезенныя изъ посѣщенныхъ ими странъ, квадрантъ и нѣсколько картъ вновь открытыхъ ими острововъ. Онъ передалъ всѣ эти подарки въ Большерѣцкую канцелярію, которая, на основаніи высочайшаго повелѣнія, чтобы всѣ вывозимыя съ острововъ «курьезныя» вещи доставлялись въ академію,—отправила ихъ въ Петербургъ.

5-го іюня, англійская эскадра ушла въ море. Бемъ и Шмалевъ снабдили Клерка указомъ къ нашимъ промышленникамъ на островахъ, чтобы они «старались оказывать англичанамъ почтеніе и дружество» и обходились съ ними «со всякою благосклонною ласкою». Клеркъ въ письмѣ своемъ къ Бему объяснилъ, что въ апрѣлѣ будущаго года снова придетъ съ эскадрою въ Петропавловскую гавань, и просилъ его заготовить къ этому времени нѣсколько штукъ скота, 3 бочки смолы, $2^1/_2$ пуда нитокъ парусныхъ, 100 иголокъ, 4 куска парусины, 2 троса, $2^1/_2$ пуда разныхъ гвоздей и 100 березовыхъ плахъ. Бемъ обѣщалъ похлопотать о присылкѣ просимыхъ вещей; но вскорѣ послѣ отплытія эскадры получилъ давно просимую имъ отставку, выѣхалъ въ Иркутскъ, а должность свою сдалъ Шмалеву.

Не смотря на завѣренія англичанъ, что они путешествуютъ съ ученою цѣлью, Шмалевъ не вѣрилъ имъ и убѣждалъ иркутскаго губернатора о скорѣйшей высылкѣ въ Камчатку солдатъ, пушекъ и пороху.

Въ рапортѣ своемъ Шмалевъ, между прочимъ, писалъ: «Хотя мнѣ и предписано, чтобы, въ случаѣ прибытія въ Камчатку иностранцевъ, не допускать ихъ съѣзжать на берегъ болѣе 10-ти человѣкъ, и то для самыхъ необходимыхъ надобностей, но я не встрѣчаю возможности исполнить этого предписанія, потому что всѣ ружья у казаковъ негодныя. Изъ Якутска и Охотска высылаютъ въ Камчатку только тѣ изъ нихъ, которыя не могутъ быть употребляемы тамъ въ дѣло. Хорошей артиллеріи и канонировъ также нѣтъ. Всѣ имѣющіяся здѣсь пушки скорѣе сдѣлаютъ вредъ нашей

прислугѣ, чѣмъ непріятелю, а канониры вовсе не знаютъ своего дѣла, такъ что при пальбѣ въ высокоторжественные дни рѣдко обходится безъ несчастій. При отбытіи англичанъ изъ Большерѣцка, служителя, заряжавшаго пушку, «совсѣмъ разбило».

«Во всей Камчаткѣ и при Чекавинской гавани (гдѣ изъ Охотска приходятъ и вооружаются казенныя суда) по списку состоитъ всѣхъ чиновъ 154 человѣка. Въ Нижнекамчатскѣ 96; въ Верхнекамчатскѣ 54; въ Тигильской крѣпости 87; въ Петропавловской гавани 29. Всего во всѣхъ мѣстахъ 398 человѣкъ. Изъ числа этого весною выбываютъ многіе, болѣвшіе цинготною болѣзнью, а и здоровые, по званію своему, большая половина никакой аммуниціи при себѣ, не

Первоначальный видъ могилы капитана Клерка въ Петропавловской гавани.
Съ гравюры конца прошлаго столѣтія.

только, чтобъ представить солдата, но и виду того не имѣютъ, а находятся, по большей части, въ собачьихъ и оленьяхъ по здѣшнимъ манерамъ одеждахъ, что съ нихъ за недачею мундировъ и не взыскивается. Жалованья получаютъ по 4 руб. 28 коп. въ треть, проіанта же по 32½ фун. въ мѣсяцъ, за достальной и крупу деньгами, за муку по 1 руб. 50 коп., за крупу по 2 руб. за пудъ; а въ партикулярной продажѣ случается отъ 6 до 8 рублей, да и то не во всегдашнее время, почему имъ не только на содержаніе, но и на пропитаніе положеннаго жалованья бываетъ крайне недостаточно; въ разсужденіи чего, чтобы они пропитаніемъ вовсе лишены и изнуренія отъ крайняго голода имѣть не могли, въ лѣтнія вре-

мена для приготовленія на годичное содержаніе рыбныхъ кормовъ отпускаются. А потому къ укрѣпленію и защищенію отъ немирныхъ и иностранныхъ народовъ какъ въ Большерѣцкѣ, такъ и въ Петропавловской гавани, крѣпостей завести и построить, такъ какъ оное строеніе должно производить лѣтомъ, времени не бываетъ, а ежели людей отъ приготовленія кормовъ отлучать и всегда въ работы употреблять, въ такомъ случаѣ уже имъ къ пропитанію никакой надежды не останется, а доведены быть могутъ и до крайняго голоду».

Иркутскій губернаторъ, Кличка, донесъ обо всемъ этомъ въ Петербургъ генералъ-прокурору князю Вяземскому, присовокупивъ,

Возстановленіе Лаперузомъ могилы Клерка въ 1787 году.

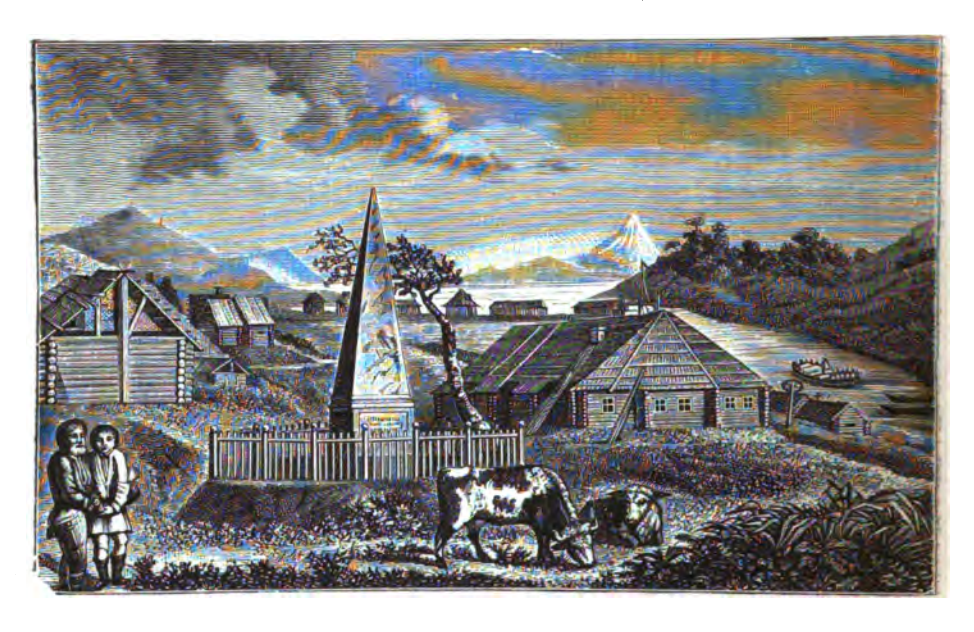
Съ гравюры того времени Пильемона.

что съ вновь назначеннымъ на мѣсто Бема командиромъ Камчатки, коллежскимъ ассесоромъ Рейнеке, онъ пошлетъ къ морю подкрѣпленіе, но не надѣется, чтобы Рейнеке могъ прибыть въ Камчатку раньше 1780 года. Что же касается до просимыхъ англичанами матеріаловъ, то онъ выписалъ часть ихъ изъ Москвы, съ особымъ нарочнымъ, а тросы приказалъ выслать изъ Енисейска.

На это донесеніе Клички князь Вяземскій отвѣчалъ, 10-го декабря 1779 года, что по докладѣ императрицѣ донесенія о приходѣ въ Камчатку англичанъ, ея величество изволила указать, чтобы: 1) выданный Клерку провіантъ и скотъ были приняты на счетъ казны; 2) заготовленный вновь скотъ и другіе припасы также от-

нести на счетъ казны, ибо за все это заплатитъ англійскій посланникъ въ Петербургѣ; 3) Камчатку привести въ оборонительный видъ непремѣнно, такъ какъ путь туда сдѣлался уже извѣстенъ иностранцамъ.

135 Кличка, получивъ такое распоряженіе, предписалъ Рейнеке построить въ Петропавловской гавани редуты; но, такъ какъ въ Иркутскѣ не было инженера для этихъ работъ, то губернаторъ командировалъ изъ навигацкой школы сержанта, «знающаго хорошо рисованіе». Съ Рейнеке были отправлены 4 канонира, 3 унтеръ-офицера, 5 пудовъ пороха, 50 пудовъ свинцу и 50 ружей «годныхъ».



Памятникъ, сооруженный надъ могилой Клерка въ Петропавловской гавани.

Съ гравюры Чесскаго, по рисунку Тилезіуса.

Между тѣмъ, англійская эскадра, достигнувъ 71 градуса сѣверной широты, встрѣтила громадныя массы льда и всѣ усилія ея преодолѣть препятствія привели лишь къ тому, что корабль «Discovery» потерпѣлъ значительныя поврежденія. Вслѣдствіе этого, на общемъ собраніи офицеровъ было рѣшено отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и возвратиться назадъ. 13-го августа того же 1779 года, эскадра вновь стала на якорь у Петропавловской гавани. За три дня до прибытія въ Петропавловскъ Клеркъ умеръ и начальство надъ эскадрой принялъ капитанъ Гора.

Затребованные англичанами въ первое посѣщеніе Камчатки припасы и скотъ были доставлены изъ Охотска въ Петропавловскую гавань 30-го августа на суднѣ «Св. Георгій».

Шмалевъ посѣтилъ эскадру, былъ принятъ Горомъ съ пальбой изъ всѣхъ орудій и затѣмъ участвовалъ въ погребеніи капитана Клерка.

«На сѣверной сторонѣ гавани,—доносилъ Шмалевъ,—англичане устроили ему могилу у березоваго дерева, обложили ее дерномъ и обнесли частоколомъ. Самое погребеніе производили при пушечной пальбѣ «по своему закону».

Запасшись провіантомъ и нужными вещами, англійскія суда ушли въ море 1-го октября. Впослѣдствіи, за содѣйствіе, оказанное экспедиціи, Бемъ получилъ отъ англійскаго правительства большую серебряную вазу, а Шмалевъ столовые часы.

Въ 1787 году, Петропавловскую гавань посѣтилъ другой знаменитый мореплаватель, Лаперузъ. Онъ нашелъ крестъ надъ могилой Клерка уже полуобрушившимся, а деревянную доску, прибитую на деревѣ, подъ которымъ былъ погребенъ Клеркъ, сгнившей. Лаперузъ велѣлъ возстановить могилу и прибить вмѣсто деревянной мѣдную доску съ надписью на французскомъ языкѣ о заслугахъ этого мореплавателя.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, надъ могилой Клерка былъ поставленъ каменный памятникъ, въ видѣ пирамиды, обнесеннной рѣшеткой. Памятникъ этотъ сохранился до настоящаго времени.

С. Н. Ш.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ПОДЛОГИ.

ИЗЪ ВСѢХЪ страстей безъ исключенія, страсть къ коллектированію бываетъ самой непреоборимой и роковой. Иногда становится она настоящей маніей, недугомъ неизлечимымъ, и человѣкъ, порабощенный имъ, можетъ быть смѣло зачисленъ въ разрядъ пропащихъ, отпѣтыхъ людей. Не о такихъ маніакахъ хотѣлось бы побесѣдовать съ читателемъ. Не подлежитъ обсужденію и судьба коллекцій, не обнаруживающихъ ни увлеченія, ни пониманія, ничего, кромѣ грубой всепобѣдности богатства. На страницахъ «Историческаго Вѣстника» умѣстно остановиться на фактахъ болѣе общаго и болѣе широкаго значенія, вызванныхъ современной страстью къ коллектированію.

Дѣйствительно, въ наше время мода на это заражаетъ всѣхъ, людей свѣдущихъ и профановъ, знатоковъ дѣла и диллетантовъ. Даже апатичные люди зачастую платятъ свою дань общему увлеченію. И непрерывно возростаетъ число такихъ увлеченныхъ людей, собирателей гравюръ, антикварныхъ вещей, автографовъ, обожателей старинныхъ изданій, искателей всякихъ бездѣлушекъ и рѣдкостной рухляди. Импровизованные любители бѣгаютъ по букинистамъ, на аукціоны, выискиваютъ предметы искусства и старины, всевозможные слѣды проявленія человѣческаго генія. Каждый изъ этихъ тронутыхъ модной страстью словно спѣшитъ принести генію дань своего любопытства, собственнаго безсилія и нерѣдко бездарности. По несчастью, не каждый обладаетъ умѣньемъ распознавать настоящее отъ поддѣльнаго. Не каждому дается въ удѣлъ способность

открывать рѣдкости, дѣйствительно невѣдомыя и не изслѣдованныя. Это требуетъ знакомства съ дѣломъ, особаго чутья артистическаго, даже призванія въ нѣкоторомъ родѣ. Большинство же собирателей увлекается общимъ потокомъ, тратится зря, безъ разбора, покуда какая нибудь случайность не заставитъ ихъ образумиться и не убѣдитъ въ безуспѣшности поисковъ, которые всегда бываютъ безпутны, если собиратель не задается какой нибудь опредѣленной цѣлью.

Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, спросомъ вызывается предложеніе, на ловца и звѣрь бѣжитъ. Страсть къ коллектированію породила особый видъ промысла изготовленія подложныхъ рѣдкостей историческихъ и художественныхъ. Этого сорта промыслъ распространяется на всѣ отрасли достопамятностей, соблазняющихъ собирателя. Оружіе, эмаль, фаянсы и фарфоры, автографы, бронзы, серебряныя вещицы, гравюры, мраморы, терракоты, картины, стародавнія изданія—все это можетъ добыть теперь каждый по своему достатку. Кто больше платитъ мастерамъ такихъ дѣлъ, тому и достается тоньше поддѣланный экземпляръ. А собиратель грошовый получаетъ по своимъ скромнымъ средствамъ товаръ неказистый. Но въ обоихъ случаяхъ спекулирующій на увлеченіе и любознательность наивныхъ собирателей, пріободрившись успѣшностью сбыта рѣдкостей своей фабрикаціи, пріобрѣтаетъ сноровку въ излавливаніи профановъ-любителей, совершенствуетъ свое производство и старается расширить кругъ его потребителей. Въ результатѣ разростается проституція искусства, прогрессивно убивающая всякій осмысленный вкусъ къ художественнымъ произведеніямъ и предметамъ, достойнымъ историческаго изученія.

Такіе размѣры приняла уже спекуляція поддѣлками всякихъ достопамятностей и рѣдкостей. Успѣхи техники и химіи только способствовали ея развитію. И отъ этой проказы не уберeглись ни спеціальныя галлереи, ни кабинеты рѣдкостей, ни музеи. Она и туда проникла, не смотря на всю опытность консерваторовъ. Немудрено, что на западѣ вполнѣ сознана необходимость самой рѣшительной борьбы съ нею. Покамѣстъ эта борьба ведется путемъ печати, но и съ тѣмъ, что добыто этимъ путемъ, не мѣшаетъ ознакомиться. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ признать огласку способовъ, какими неопытные собиратели ловятся изобрѣтательными плутами-поддѣлывателями.

Подобная попытка собрать свѣдѣнія о фабрикаціи всякихъ поддѣлокъ сдѣлана въ вышедшей недавно книгѣ Поля Эделя «Le Truquage». Тутъ найдутъ себѣ полезное предостереженіе собиратели всякихъ спеціальностей, искатели предметовъ доисторическихъ, любители древностей египетскихъ, мексиканскихъ, стеклянныхъ издѣлій, собиратели медалей, картинъ старинныхъ и новѣйшихъ, эстамповъ и рисунковъ, эмалей, терракоттъ, фарфора севрскаго,

саксонскаго и пр., китайскаго и японскаго, поклонники старопечатныхъ книгъ и переплетовъ, автографовъ, старинной мебели, коллекціонеры бронзы, гобеленовъ, издѣлій изъ слоновой кости, оружія, музыкальныхъ инструментовъ, статуй и статуетокъ мраморныхъ и деревянныхъ. Всѣ эти любители рѣдкостей по собраннымъ въ «Truquage» фактамъ могутъ судить, какъ легко сдѣлаться жертвой мистификаціи, какъ надо быть осторожнымъ съ поддѣлывателями, сколько требуется опытности, знанія и чутья, чтобъ избѣжать обмана и не попасть въ искусныя лапы навострившихся промышленниковъ.

Особенной смѣлостью поражаютъ поддѣлки въ нумизматикѣ. Да и любители этой области подвергались эксплоатаціи наиболѣе часто. Поддѣлыватели, разсчитывая на жадность и невѣжество любителей, поистинѣ совершали чудеса въ подражаніи античнымъ монетамъ, одинаково искусно воспроизводя изящество и нѣжную грацію греческихъ монетъ, строгія красоты римскихъ, причудливую и своеобразную отдѣлку средневѣковыхъ. Въ главѣ о древностяхъ Эдель приводитъ фактъ сбыта глубокомысленному ученому вмѣсто египетской муміи простаго набальзамированнаго трупа. Подложнымъ же мексиканскимъ богамъ нѣсть числа. По части поддѣлокъ орфевровъ достаточно сказать, что этого рода издѣлія и въ греческомъ стилѣ, и въ средневѣковомъ, и школы Бенвенуто Челлини, фабрикуются по всей Германіи. Даже Нюренбергскій музей былъ ловко мистифицированъ. Что касается картинъ, то въ Бельгіи сотнями продаются Гоббемы, Тенерсы, Мьерлы, Метцу, Рюйздали. О гравюрахъ и говорить нечего. Нѣтъ ничего легче, какъ размножить число оттисковъ гравированныхъ, снабдить ихъ датой, имитировать монограммы Альберта Дюрера и Марка Антонія. Любопытный фактъ разсказанъ въ этой главѣ «Le Truquage» о случаѣ, бывшемъ съ Гаварни.

Однажды, проѣздомъ, знаменитый рисовальщикъ и каррикатуристъ попалъ на аукціонъ въ провинціальномъ городѣ Франціи. Зала ломилась отъ любопытныхъ. Гаварни зашелъ посмотрѣть и послушать.

— Сейчасъ будутъ продаваться оригинальные рисунки Гаварни, — сказалъ аукціонистъ. — На всѣхъ на нихъ есть подпись знаменитаго каррикатуриста.

Гаварни подошелъ поближе къ столу.

— Покажите, — сказалъ онъ, чуя мистификацію.

Ему передаютъ довольно жалко нарисованныхъ простачковъ, и, только бросивъ взглядъ на нихъ, Гаварни воскликнулъ: «Это — не Гаварни!».

Это всѣхъ ошеломило.

— А чьи же! вы, милостивый государь, сами не знаете, о чемъ говорите. Мы приступаемъ къ распродажѣ послѣ смерти и эти,

осмѣлюсь сказать, замѣчательные рисунки долгіе годы хранились въ коллекціи покойнаго, нашего знаменитаго согражданина, бывшаго другомъ Гаварни.

— Вотъ исторія-то! Да Гаварни никогда не былъ съ нимъ знакомъ!

Присутствовавшіе негодовали. Какова дерзость! Обвинять въ подлой лжи оракула всѣхъ артистическихъ и ученыхъ обществъ департамента, благодѣтеля городскаго музея!

— Милостивый государь, — сказалъ недовольнымъ тономъ чиновникъ: — у васъ нѣтъ стыда; безъ сомнѣнія, вы хотите скупить эти рисунки за ничто, понизивъ имъ цѣну.

Гаварни въ раздраженіи отвѣтилъ какой-то грубостью.

Аукціонистъ застучалъ молоткомъ, дѣлая какой-то повелительный жестъ.

— Вывести этого господина! Онъ мѣшаетъ продажѣ.

На этотъ разъ Гаварни сдержался. Онъ подумалъ про себя, что ему стоило только сказать одно слово, чтобъ смутить своихъ противниковъ. Но его окружаютъ, выталкиваютъ и, когда онъ рѣшается произнести свое имя, раздается общій взрывъ смѣха. Сочтенный за помѣшаннаго или за мистификатора, Гаварни грубо выталкивается за дверь.

Продажа кончается успѣшно. — «Хоть бы рисунки-то были хорошіе», — со вздохомъ замѣчаетъ «рисовальщикъ».

Къ вящшему торжеству подобнаго самообольщенія людской глупости, усердно работаютъ поддѣлыватели и въ области старопечатныхъ книгъ. Въ Италіи существуетъ цѣлая фабрика эльзевировъ. Не стоитъ дѣло и за приготовленіемъ пергаментныхъ рукописей. Одинъ изъ библіотекарей во Флоренціи, очень ученый, но очень глухой, лишенный способности наслаждаться чарами бесѣды съ своими коллегами, проводитъ жизнь въ необыкновенно талантливомъ воспроизведеніи пергаментныхъ волюмовъ. «Твердой рукой, вооружившись гусинымъ перомъ, онъ чертитъ готическія буквы на пергаментѣ: копія выходитъ необычайно точнымъ воспроизведеніемъ образца».

Еще недавно въ петербургскихъ книжныхъ магазинахъ можно было видѣть подобную же поддѣлку, даже посвященную Георгу Эрберсу, подъ папирусъ. Къ счастью, этотъ папирусъ и продавался, какъ контрфакція, по весьма умѣренной цѣнѣ. Намъ извѣстна и русская подобная же поддѣлка. Нѣсколько лѣтъ назадъ, московскій торговецъ, знатокъ въ рукописяхъ, Большаковъ, поддѣлалъ одну изъ древнихъ рукописей съ миніатюрами. Помнится, любителямъ завѣдомая контрфакція продавалась за 300 руб. и, какъ образчикъ весьма художественной поддѣлки, кажется, пріобрѣтена была тогда же однимъ изъ петербургскихъ собирателей памятниковъ древней письменности. Что сталось бы черезъ двад-

цать лѣтъ съ такими работами новѣйшихъ бенедиктинцевъ, если бы онѣ были пущены въ безпрепятственное обращеніе? Сколько бы профановъ пришло въ смущеніе! Но вернемся къ фактамъ «Le Truquage».

Изъ этихъ фактовъ читателямъ «Историческаго Вѣстника», безъ сомнѣнія, должны быть особенно любопытны касающіеся поддѣлокъ, которыя разсчитаны на интересъ собирателей къ исторіи преимущественно. Къ такимъ поддѣлкамъ принадлежатъ сфабрикованные автографы. Кстати, глава объ этомъ всѣхъ обстоятельнѣе обработана Эделемъ, да и собирателей данной области провести труднѣе, ибо распознаваніе подлинности автографовъ пріучаетъ ихъ къ осторожности и скептицизму, съ которыми поддѣлывателю приходится серьезно считаться.

Любовь къ автографамъ весьма распространена, ибо письма, какъ справедливо замѣчаетъ Эдель, составляютъ часть жизни человѣка и, будь они хорошія или дурныя, всегда оставляютъ неизгладимыя воспоминанія. Эти листочки въ старости заставляютъ съ горечью вспоминать о радостяхъ эфемерныхъ, о пережитыхъ тягостяхъ и о всякихъ отлетѣвшихъ иллюзіяхъ прекрасной юности. Только знай напередъ люди знаменитые, какъ торгуютъ ихъ интимной перепиской, они, конечно, ввѣряли бы бумагѣ лишь то, что не задумались бы сказать и публично. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время всякихъ откровенностей и разоблаченій черезчуръ злоупотребляютъ перепиской знаменитостей, а иногда, какъ читатели знаютъ по изданію писемъ И. С. Тургенева (см. № 1 «Истор. Вѣстн.» за 1885 г.), изъ-за опубликованія этой переписки даже друзья не задумываются жертвовать репутаціей знаменитости.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что и собираніе автографовъ сдѣлалось теперь горячей страстью, и что эта страсть эксплоатируется обильно поддѣлывателями. Въ Парижѣ, въ rue Bonaparte, есть букинистъ, по имени Сапэнь, по умѣреннымъ цѣнамъ снабжающій любителей автографами покойныхъ и живыхъ лицъ. Кто слишкомъ слабъ на раздачу своихъ автографовъ, того имя и дешевле цѣнится. Автографъ Виктора Гюго стоитъ 20 су, но имя Ламартина уже дороже—отъ 2 до 3 франковъ за полстраницы широкаго и красиваго почерка. Что касается царапанья Альфреда де Мюсе, оно пріобрѣтается на вѣсъ золота,—такъ рѣдки его посланія. Еще рѣже встрѣчаются автографы Теофиля Готье. Письма его продаются отъ 1 до 2 луидоровъ, а за иныя платится и по сту франковъ, такъ какъ они черезчуръ натуралистичны и порнографичны. Но и здѣсь нужна большая осторожность. Съ глубокой древности фабриковались автографы и поддѣлывались тексты. Гораздо раньше «Ложныхъ Декреталій», составлявшихъ предметъ стольких споровъ богословскихъ, Плиній увѣряетъ въ своей «Естественной исторіи», будто въ Римѣ хранилось письмо къ Пріаму, открытое въ

храмѣ Муціаномъ въ періодъ его управленія Ликіей. А между тѣмъ папирусъ еще не былъ въ употребленіи въ эпоху Троянской войны. Еще лучше слѣдующее показаніе: Евсевій перевелъ погречески письмо Іисуса Христа къ Абгари, по оригиналу, сохранившемуся въ архивахъ Эдессы.

Всякая коллекція автографовъ, не исключая и первой, по времени, составляется изъ документовъ, за которые ничего не заплачено. Потомъ мало-по-малу развивается дѣло. Собиратель соглашается купить нѣсколько рѣдкихъ документовъ. Вкусъ становится изощреннѣе и, по мѣрѣ расширенія круга любителей, повышаются цѣны на автографы. Тогда начинается погоня за рѣдкостными письмами и единичными подписями. Страсть, наконецъ, принимаетъ такіе размѣры, что являются на сцену поддѣлыватели, точь въ точь какъ при слишкомъ разросшемся кустѣ всегда ютятся паразитныя травы.

Въ настоящее время нѣтъ недостатка въ апокрифическихъ письмахъ. Достаточно сослаться хотя бы на пресловутую записку, яко бы написанную Маратомъ въ ваннѣ передъ смертію. Воспроизведенная въ «Esquisses historiques», эта записка служила предметомъ спора и подлинность ея опровергнута. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ смѣлый плутъ во Франціи пустилъ въ обращеніе многочисленныя письма г-жи Помпадуръ. Онъ продавалъ ихъ по 5 франковъ. Уже самая цѣна, черезчуръ низкая, должна была внушать недовѣріе покупателямъ этихъ писемъ. Почеркъ былъ плохо поддѣланъ и обманъ обличался сразу. Бумага ни въ чемъ не походила на бумагу временъ Помпадуръ. Наконецъ, восковая печать, съ королевскимъ гербомъ, была плохо приложена. Легковѣрію и наивности пойманныхъ на обманъ удивляться, однако, нечего, въ виду болѣе вопіющихъ фактовъ, въ особенности по части старинныхъ документовъ.

Оказывается, что нѣтъ ни единой коллекціи автографовъ, гдѣ бы не встрѣчались документы спорные и подложные. При этомъ подлогъ обнаружить не такъ легко, какъ въ случаяхъ съ другими поддѣлками. И надо признать, что поддѣлыватель древнихъ документовъ, предвидѣлъ, какая борьба предстоитъ ему съ скептицизмомъ большинства искусившихся любителей. Онъ понимаетъ трудности своего промысла. Этотъ поддѣлыватель и постарался найдти секретъ древнихъ чернилъ. Но наука, помогая вору обманывать, не отказываетъ и въ средствахъ къ обнаруженію слѣдовъ обмана. Чтобъ провести покупателя, поддѣлыватель имитируетъ по старымъ пергаментамъ почеркъ того, чьимъ воспоминаніемъ мнимо-автографическимъ предполагается снабжать собирателей. Съ пергамента особеннымъ способомъ смываются первоначальныя буквы. Но если такой автографъ воспроизвести посредствомъ фотогравюры, то получится вотъ что. Подверженные дѣйствію объектива,

фальшивые автографы даютъ клише, на оттискахъ которыхъ снова появляются слѣды прежняго почерка, бывшаго на поддѣльномъ пергаментѣ.

Не смотря на всѣ эти средства открыть подлогъ, не смотря на осторожность, съ какой опытный собиратель автографовъ изслѣдываетъ съ помощью лупы чернило, буквы, цвѣтъ бумаги, а иные еще изучаютъ химическій составъ бумаги, не смотря на энциклопедическую память нѣкоторыхъ собирателей, угадывающихъ даже подлинникъ, служившій образцомъ для копіи, бываютъ такія удивительныя поддѣлки, что передъ ними пасуютъ самый опытный глазъ и глубочайшая эрудиція. Вотъ одна изъ такихъ знаменитѣйшихъ мистификацій въ лѣтописяхъ автографовъ.

Былъ нѣкій Врэнь-Люка. Какъ всѣ плуты, онъ выдавалъ себя за изобрѣтателя. Онъ украшалъ коллекціи любителей не только подложными автографами,—его фабрикація простиралась и на историческіе документы. Его забавляла возможность путемъ поддѣлокъ измѣнять установившіеся взгляды на факты доказанные. И вотъ, къ его удовольствію, подошелъ такой случай. Мишель Шаль (Chasles), «первый въ свѣтѣ геометръ», членъ института съ 1851 года, былъ заслуженнымъ коллекціонеромъ. Шаль сталъ работать надъ изслѣдованіемъ, обѣщавшимъ ему необычайную славу. Онъ хотѣлъ доказать, что открытіе законовъ всеобщаго тяготѣнія, приписывавшееся Ньютону, должно было принадлежать Блэзу Паскалю. Однажды принесъ онъ въ академію переписку молодаго Ньютона съ Паскалемъ въ теченіе 1654 г. Такое неожиданное сообщеніе вызвало живѣйшіе протесты не только въ Парижѣ, но и въ Англіи. Сдѣланы были розысканія. Одиннадцатилѣтній Исаакъ Ньютонъ находился тогда въ школѣ Грантгэма. Одинъ изъ біографовъ Ньютона доказалъ подложность писемъ и то еще, что Ньютонъ въ эти годы больше думалъ о бумажныхъ змѣяхъ, нежели о научныхъ изслѣдованіяхъ. Вскорѣ объявлено было безспорнымъ, что Ньютонъ занялся своими изысканіями лишь въ двадцать лѣтъ. Съ другой стороны, Фожеръ, много изучавшій Паскаля, доказалъ, что почеркъ писемъ Паскаля, представленныхъ академіи Шалемъ, совершенно различенъ отъ почерка рукописи «Pensées», хранившейся въ національной библіотекѣ. Потомъ въ замѣткѣ, яко бы посланной Паскалемъ Ньютону въ 1652 г., говорилось: «можно считать слѣдствіемъ притягательной силы пѣну, набирающуюся въ чашкѣ кофе и устремляющуюся къ краямъ чашки съ весьма ощутительной скоростью». Между тѣмъ употребленіе кофе было введено при французскомъ дворѣ лишь семь лѣтъ спустя послѣ смерти Паскаля, въ 1669 г., Солиманомъ Ага, турецкимъ посланникомъ при Людовикѣ XIV. Затѣмъ стиль Паскаля, ясный, точный, замѣчательно оригинальный, нисколько не походилъ на фразеологію тяжеловѣсную и неправильную, какой изобиловали доку-

менты Шаля. Фожеръ доказалъ, наконецъ, что эти документы сфабрикованы съ помощью выдержекъ, понадерганныхъ изъ книгъ извѣстныхъ, и привелъ параллельно одну цитату изъ мнимаго письма Паскаля и панегирика Декарту.

Не взирая на всѣ эти доводы, завязалась горячая полемика. Дѣло шло о національной славѣ, о признаніи за Франціей одного изъ величайшихъ открытій. Вмѣшался шовинизмъ. Но, по несчастью, документъ, всетаки, былъ подложнымъ. Тьеръ, не говоря о другихъ знаменитостяхъ, держался на сторонѣ Шаля; этотъ же геометръ рѣшительно отказался назвать источникъ, на который опирались шовинисты, откуда были почерпнуты эти документы. Онъ упирался лишь на своемъ глубокомъ убѣжденіи въ ихъ подлинности. Нѣкоторые изъ друзей Шаля разсказали, что геометръ пріобрѣлъ еще нѣсколько документовъ, письма Мольера, Раблэ, Ла-Брюйера, Монтескье, Ротру, Шекспира. Автографы Ротру были совсѣмъ неизвѣстны. Отъ Шекспира сохранилась только подпись, показываемая, какъ реликвія, въ Британскомъ музеѣ. Отъ Мольера національная библіотека хранитъ подъ стекломъ квитанцію съ его подписью. Письма Ла-Брюйера тоже принадлежатъ къ рѣдкимъ. Кто же былъ этотъ злоумышленникъ, нафабриковавшій столько различныхъ документовъ?

По настоянію людей близкихъ, Шаль, видя, что онъ впутывается въ скверное дѣло, рѣшился, наконецъ, назвать имя своего поставщика. Это былъ Врэнь-Люка. Открылись шлюзы и полился цѣлый потокъ разоблаченій. Трудно было повѣрить всѣмъ плутовствамъ. Шаль въ своей коллекціи имѣлъ письма Юлія Цезаря, Маріи Магдалины и Іуды Искаріотскаго. Началось слѣдствіе и обнаружилось, что изъ 27 тысячъ подложныхъ документовъ едва можно было насчитать до сотни достовѣрныхъ. Виновникъ покаялся и 16-го февраля 1869 года предсталъ на судъ исправительной полиціи въ Парижѣ.

Никогда въ судѣ не смѣялись столько, какъ въ этотъ день,— говоритъ Эдель. Шаль далъ показаніе, что Врэнь-Люка, сперва предложивъ ему нѣсколько документовъ, увѣрялъ его, будто ихъ нашелъ онъ на чердакѣ, гдѣ спрятанъ былъ архивъ графа Буажурдэня, эмигрировавшаго въ 1791 году, котораго коллекція составилась, большею частью, изъ архива Людовика XVI. Въ каждой пачкѣ писемъ, доставлявшихся потомъ, всегда попадались документы съ новыми фактами по научнымъ вопросамъ, занимавшимъ свидѣтеля. Но по частямъ продавецъ не хотѣлъ уступать. Увлеченный горячимъ желаніемъ обладать документами, необходимыми для его работы, геометръ бралъ все безъ разбора, мало заботясь о томъ, гдѣ касалось дѣло литературы и всего прочаго. За все платилось немедленно, и въ итогѣ Шаль передалъ продавцу сумму въ 140 тысячъ франковъ. Однажды, великій геометръ возъимѣлъ

нѣкоторое недовѣріе. Онъ узналъ, что книгопродавецъ Лемерръ не взялъ переписки Раблэ, ибо она показалась ему черезчуръ свѣжей, чтобы быть подлинной, и что Жакъ Шарвэ, одинъ изъ знатоковъ палеографіи, понявъ плутовство, выгналъ продавца. Шаль назвалъ своего поставщика мошенникомъ. Но тотъ, съ восхитительнымъ хладнокровіемъ, отвѣтилъ серьезно: «Если вы недовольны, верните мнѣ мои документы, а я возвращу вамъ ваши деньги». Угроза подѣйствовала. Шаль ни за что не хотѣлъ въ то время разстаться съ драгоцѣнными документами. Обвиняемый, въ свою очередь, объяснилъ съ апломбомъ гордости, что его автографы, ложные или подлинные они, стоили полученной имъ цѣны. «Если я, — сказалъ онъ, — рѣшился на уловку для возбужденія вниманія и любопытства, то, въ концѣ-концовъ, я имѣлъ въ виду возобновить въ памяти историческіе факты, забытые и даже неизвѣстные большинству ученыхъ. Я учился шутя. Въ итогѣ же я поступалъ, если не благоразумно, то, по крайней мѣрѣ, искренно и патріотично».

Обвинительный актъ заключалъ въ себѣ пикантныя разоблаченія. Документы, проданные Шалю, относились къ самымъ отдаленнымъ эпохамъ, вплоть до XI столѣтія. Разразился страшный грохотъ смѣха, когда аудиторія, составленная изъ писателей и ученыхъ, выслушала письмо Александра Македонскаго къ Аристотелю, гдѣ подавался совѣтъ философу совершить поѣздку въ страну галловъ съ цѣлью изученія друидской религіи. Затѣмъ читались письма Клеопатры къ Катону, Помпею и Цезарю. «Королева всѣхъ Египтовъ» и писала пофранцузски, и говорила понегритянски. Вся древность оказалась припасенной у продавца. Вотъ воскресшій Лазарь пишетъ св. Петру о друидской религіи, вотъ Марія Магдалина извѣщаетъ Лазаря о томъ, что въ Галліи живутъ вовсе не варвары. Нашелся тутъ же паспортъ, выданный Верцингеториксомъ Трогу Помпею на свободный проѣздъ къ Юлію Цезарю. Великій геометръ не распозналъ, однако, наивнаго подлога и съ слѣпымъ довѣріемъ покупалъ все; купилъ пять писемъ Алкивіада къ Периклу, двѣ пѣсни Бланки Кастильской, докладную записку Велизарія и небольшую поэму несчастнаго любовника, Абеляра. Невѣроятность доведена была до послѣднихъ предѣловъ. Словно какъ въ «Прекрасной Еленѣ» тутъ дефилируютъ воочію всѣ олимпійцы. Вотъ Лаура пишетъ любовныя письма къ Петраркѣ, Эсхилъ разсуждаетъ съ Пиѳагоромъ, Іуда Искаріотскій признается въ своемъ безразсудствѣ Маріи Магдалинѣ, Понтійскій Пилатъ выражаетъ Тиверію свое сожалѣніе о смерти Христа.

Защитникъ рьянаго фабриканта укорялъ Шаля за его наивность, внушившую Врэнь-Люкѣ безумныя надежды и невольно столкнувшую его на предательскую покатость. Какимъ образомъ такой ученый могъ повѣрить и этой оффиціальной перепискѣ Фредегонды съ Хильперикомъ, и этой комедіи Мольера съ дѣйствую-

щими лицами времен Мариво, и 197 письмамъ Карла Великаго? Веселое настроеніе суда и публики послужило въ пользу обвиняемаго. Его приговорили лишь на два года въ тюрьму, къ уплатѣ судебныхъ издержекъ и штрафу въ 500 франковъ. Но что сталось со всѣми чудовищными автографами, неизвѣстно.

Другой образчикъ поддѣлки историческихъ документовъ не менѣе достоинъ быть занесеннымъ въ лѣтописи современнаго коллектированія. Въ Англіи возникло спеціальное общество, поддержанное частными пожертвованіями, для научнаго изученія Палестины и прилежащихъ къ ней странъ. Эта научная ассоціація своими работами и раскопками пробудила въ мѣстныхъ жителяхъ страсть къ обогащенію на счетъ древностей, и іерусалимскіе обитатели теперь стали торгашами не хуже лавочниковъ Рима, Аѳинъ и Каира. Въ весьма недавнее время англійское правительство едва не сдѣлалось жертвой колоссальнаго мошенничества, задуманнаго весьма искусно. Въ Лондонъ привезены были библейскія рукописи. Шапиро, еврей, получившій всемірную извѣстность своимъ сбытомъ Германіи подложной моавитской посуды и кончившій не такъ давно жизнь самоубійствомъ, не удовольствовался своимъ первымъ мошенничествомъ и пожелалъ вторично испытать легковѣріе европейскихъ ученыхъ. Въ одинъ прекрасный день онъ снова отправился въ Европу и привезъ съ собой документъ величайшей древности, обѣщавшій милліонное состояніе. Рукопись состояла изъ пятнадцати узенькихъ кожаныхъ столбцовъ, своимъ древнимъ видомъ обманувшихъ ученѣйшихъ экспертовъ. При треніи спиртомъ на нихъ показалась сотня строкъ характера весьма архаическаго, по крайней мѣрѣ, за девять вѣковъ до нашей эры. Строки были расположены параллельными колонками. Еврей явился прежде всего въ Берлинъ. Нѣмецкіе ученые объявили сперва такую драгоцѣнность поддѣльной. Шапиро поѣхалъ въ Англію съ этимъ подлиннымъ библейскимъ текстомъ. Рукопись изслѣдовалась въ британскомъ музеѣ цѣлой толпой ученыхъ. Всѣ дивились такой находкѣ. Шапиро не желалъ разстаться съ нею иначе, какъ по полученіи милліона фунтовъ стерлинговъ. Газеты ни о чемъ другомъ не толковали, знаменитый гебраистъ, докторъ Гинцбургъ, дешифрировалъ эти гіероглифы и уже призналъ въ нихъ отрывокъ Второзаконія съ замѣчательнѣйшими варіантами. Но вотъ отправился въ Лондонъ Ганно, молодой французскій оріенталистъ и палеографъ, доказавшій раньше подложность сбытой въ Германію посуды. Обнаружилось ловкое мошенничество. Документъ оказался служебникомъ синагоги, древность придана была ему химическимъ способомъ.

Рядомъ съ такими крупными поддѣлками распространяется по міру тьма подложныхъ документовъ меньшаго калибра и значенія. Что тутъ дѣлать собирателямъ и любителямъ? По пословицѣ: «волка

бояться — въ лѣсъ не ходить». Если коллектированіе сопряжено съ опасностями подвергнуться обману, въ этомъ еще нѣтъ резона бросать дѣло. Эдель справедливо предлагаетъ собирателямъ просвѣщаться, пріобрѣтать свѣдѣнія необходимыя, прежде нежели браться за коллектированіе, а раньше этого надо быть «атеистами относительно предметовъ искусства»: «Вооружайтесь безусловнымъ невѣріемъ. Особенно не поддавайтесь первому впечатлѣнію. Берегитесь меркантильной алчности! Выжидайте времени. Изслѣдывайте все тщательно, не поддавайтесь иллюзіямъ. Воздерживайтесь, когда встрѣтите нѣсколько разъ одинъ и тотъ же предметъ...» При всѣхъ этихъ совѣтахъ, покамѣстъ единственно практичныхъ, не мѣшаетъ любителямъ изъ новичковъ помнить, что быть обманутымъ не такъ стыдно, какъ скрывать обманъ; всякій подлогъ есть преступленіе, и не выводящій его на чистую воду самъ является невольнымъ косвеннымъ его соучастникомъ, нанося вредъ и себѣ, и другимъ.

Ѳ. Булгаковъ.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ ДИРЕКТОРІИ.

II.

Внѣшніе успѣхи Директоріи. — Празднованіе Новаго года въ Парижѣ. — Парижскій чай. — Страсть къ игрѣ. — Тайные притоны. — Республиканскія карты. — Рулетка въ игорныхъ домахъ. — Уличныя игры и угощенія. — Люксембургскій садъ. — Благосостояніе сельскаго населенія. — Торговое сословіе. — Бюрократизмъ и чиновники. — Поставщики и биржевые спекуляторы. — Возвращеніе эмигрантовъ. — Невозможное и чудодѣи. — Вліяніе женщинъ. — Законъ о разводѣ. — Женщины въ эпоху терроризма. — Общественные сады. — Бобешъ и Галимафре. — Возрожденіе науки. — Засѣданія института. — 18-е фруктидора. — Борьба Директоріи съ Бонапарте. — Заговоры роялистовъ. — Миръ съ Австріею. — Возвращеніе главнокомандующаго въ Парижъ. — Юлія Рекамье. — Интеллигенція въ роли поклонника красоты. — Рыцарь Тогенбургъ XIX столѣтія. — Месть влюбленнаго императора. — Какое значеніе можетъ имѣть физическая аномалія въ жизни женщины.

ВТОРОЙ ГОДЪ Директоріи начался при блестящихъ успѣхахъ внѣшней политики Франціи, хотя внутреннее положеніе страны и правительства было далеко непрочно. 12-го нивоза, т. е. наканунѣ 1-го января 1797 года, Директорія, подъ президентствомъ Барраса, при торжественной обстановкѣ, принимала знамена, взятыя при Арколе и отправленныя въ Парижъ генераломъ Бонапарте. На церемоніи присутствовали посланники Сардиніи, Испаніи, Соединенныхъ Штатовъ и Туниса. Всѣ говорили только о молодомъ героѣ, прославившемся въ Италіи своими побѣдами.

Не смотря на республиканскій календарь, высшее общество Парижа праздновало въ своемъ кругу первый день этого года. Но это общество было до того странно, что, смотря на картину того

времени, изображающую новогодніе визиты, невольно принимаешь ее за каррикатуру: уродливые костюмы мужчинъ, чтеніе поздравленія въ стихахъ доморощеннымъ поэтомъ, любезности друга дома, ласкающаго собачекъ хозяйки и въ то же время нашептывающаго ей комплименты, наконецъ, странный обычай, поднося конфекты дамѣ, вкладывать ихъ ей въ ротъ — все это дѣйствительно отзывается преувеличеніемъ. Правда, рисунокъ Дебюкура изображаетъ салонъ г-жи Тальенъ, уже начинавшій тогда выходить изъ моды и въ которомъ общество было слишкомъ смѣшанное. Кто хотѣлъ быть ближе къ власти, къ управленію, толпился въ салонѣ Барраса, интеллигенція собиралась у Рекамье, военные и карьеристы у г-жи Бонапарте; роялисты и большой свѣтъ у г-жи Монтесонъ. Лица этого свѣта приглашали обыкновенно своихъ знакомыхъ на «Парижскій чай», бывшій тогда въ большой модѣ. Настоящій чай не подавали на этихъ вечерахъ, но между двумя и тремя часами утра сервировали ужинъ, отличавшійся отъ обѣда только отсутствіемъ супа. Рисунокъ Гарріета представляетъ такой «чай», также въ нѣсколько каррикатурномъ видѣ. Костюмъ мужчинъ, въ особенности воротники фраковъ, вздернутые выше ушей, и огромные галстуки чрезвычайно уродливы; дамы слишкомъ декольтированы, но общій тонъ картины вѣренъ эпохѣ. Подобные вечера, на которыхъ можно было хорошо поужинать, привлекали множество посѣтителей, но еще болѣе стекалось туда, гдѣ играли въ карты. Игра была одною изъ господствующихъ страстей, въ эпоху Директоріи. Національное собраніе въ 1791 году безусловно запретило азартныя игры и опредѣлило строгія наказанія не игрокамъ, а тѣмъ, кто содержитъ игорные дома или открываетъ у себя запрещенныя игры. Домовладѣльцы и главные жильцы дома, гдѣ открывались подобныя игры, подвергались также наказанію, если зная объ этомъ, не доносили полиціи. Но тайные притоны игры существовали до эпохи терроризма, строго ихъ преслѣдовавшей, вмѣстѣ съ лотереями. Карты, конечно, не были запрещены, но ярые республиканцы, уничтожавшіе Бога, королей и рабство, не могли оставить въ колодѣ королей и валетовъ. Живописцу Давиду было поручено составить рисунки новыхъ карточныхъ фигуръ, и онъ замѣнилъ королей четырьмя сидящими въ фригійскихъ колпакахъ геніями: войны, торговли, мира и искусствъ; дамъ — четырьмя стоящими свободами: свободою вѣроисповѣданія, свободою занятій, свободою брака и свободою печати. Валеты превратились въ аллегорическія фигуры равенства сословій, цвѣтовъ (кожи), правъ и обязанностей. Трудно было игрокамъ въ пикетъ объявлять квартъ отъ генія или четырнадцать свободъ и равенствъ, но назвать въ игрѣ «короля» было очень опасно, и проговорившійся только за это могъ попасть въ разрядъ «подозрительныхъ». При Директоріи пробовали королей превратить въ философовъ, дамъ—въ добро-

Визитъ въ новый годъ.

Рисунокъ и гравюра Дебюкура.

дѣтели, валетовъ—въ республиканцевъ, но и эти перекрещенныя фигуры не пошли въ ходъ. Замѣняли ихъ также историческими лицами: червоннаго короля Вольтеромъ, бубноваго—Бюфономъ, трефоваго—Расиномъ, пиковаго—Баярдомъ, вмѣсто дамъ изображали благоразуміе, правосудіе, силу, вмѣсто валетовъ Декія, Куріона, Парменіона, Ожье, или садовника, жнеца, винодѣла, дровосѣка и проч., но все это плохо прививалось, хотя прежнія карточныя фигуры явились снова только во время имперіи. Но какъ только Парижъ избавился отъ террора, въ немъ началась самая бѣшеная игра, никѣмъ и ничѣмъ не сдерживаемая, сначала въ ресторанахъ, потомъ въ частныхъ домахъ. Многія семейства, раззоренныя революціею, но сохранившія обширныя помѣщенія и мебель, отдавали свои квартиры подъ игорные дома, куда собирались по приглашенію или съ рекомендаціей хозяевамъ. Здѣсь играли и въ коммерческія игры: вистъ, пикетъ, бульотъ, но азартныя преобладали. Кромѣ того, вездѣ открылись публичные игорные дома, гдѣ играли исключительно въ рулетку, до такой степени привившуюся къ Парижу, что̀ для нея бросали лучшее общество и проводили ночи въ грязныхъ притонахъ, чтобы удовлетворить своей страсти къ игрѣ. Рулетка господствовала въ Пале-Эгалите, бывшемъ Пале-Роялѣ. Въ глубокомъ молчаніи игроки слѣдили за круженіемъ костянаго шарика по кругу съ 76-ю красными и черными полосами или съ четными и нечетными цифрами. Главный притонъ рулетки былъ устроенъ Перреномъ, въ собственныхъ комнатахъ герцога Орлеанскаго, остававшихся пустыми съ его смерти на гильотинѣ. Тамъ играли только на золото и банковые билеты. Лордъ Голландъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что, когда Бонапарте назначили главнокомандующимъ итальянскою арміею, онъ нуждался въ деньгахъ и отправилъ своего адъютанта Жюно къ Перрену, попробовать счастья въ рулетку. Жюно, страстный игрокъ, выигралъ довольно значительную сумму въ этихъ притонахъ, гдѣ игра продолжалась безъ перерыва, днемъ и ночью. Въ 1797 году, ихъ было болѣе 70-ти и они получили до 14-ти милліоновъ прибыли. Такъ какъ въ рулетку мошенничество возможно меньше, чѣмъ въ картахъ, и за нею могутъ слѣдить всѣ играющіе, то правительство, не разрѣшая ее оффиціально, не преслѣдовало играющихъ, а въ послѣдній годъ Директоріи, одинъ изъ директоровъ Муленъ, наблюдавшій за игорными домами, нажилъ огромное состояніе, разрѣшая имъ вести игру отъ полночи до утра. Однако, въ 1797 году дома эти были заперты на короткое время, послѣ исторіи случившейся въ одномъ изъ нихъ. Проигравшійся бельгіецъ поссорился съ содержателемъ притона, нанесшимъ игроку тяжелую рану кинжаломъ. Судъ взглянулъ на это дѣло, какъ на убійство, хотя обвиненный выставлялъ, какъ оправданіе, необходимость самозащиты. Жалобы на игорные дома, вносившіе раззореніе и горе въ семей-

ства, сыпались со всѣхъ сторонъ, но Директорія, преслѣдуя тайные притоны, разрѣшила открытые игорные дома, отдавъ ихъ на откупъ, доставившій въ эпоху Директоріи 4.600,000 франковъ. Эти дома привлекали публику роскошью обстановки, обѣдами, праздниками, хорошенькими женщинами. Для правительственныхъ чиновниковъ, банкировъ и лицъ, которымъ неловко было посѣщать игорные дома, они открывались за городомъ, въ извѣстные дни. Игорные дома существовали во все время имперіи, а консульство возстановило государственную лотерею, уничтоженную Конвентомъ.

Великосвѣтскій вечеръ приглашенныхъ на парижскій чай.

Гравюра Годефруа, съ рисунка Гарріета.

Страсть къ игрѣ охватила одно время и простой народъ; онъ началъ играть на площадяхъ, у театральныхъ подъѣздовъ, на рынкахъ. Но въ 1797 году, запрещены были всякія игры на улицахъ, кромѣ игры въ шары, допускавшейся тамъ, гдѣ позволяло мѣсто. Играющіе, на извѣстномъ разстояніи, должны были сбить опредѣленное число брусковъ, въ родѣ кеглей или городковъ. Вообще для буржуазіи улица представляла немного развлеченій и удовольствій. Утромъ торговый людъ угощался напиткомъ, сильно распространеннымъ въ ту эпоху — кофе съ молокомъ. Чашка горячаго кофе съ хлѣбомъ замѣняла завтракъ. Любимымъ мѣстомъ прогулки средняго класса былъ Люксембургскій садъ. Сюда приходили ста-

рики погрѣть на солнцѣ старыя кости и потолковать о политикѣ; матери являлись съ дѣтьми и няньками, кормилицы встрѣчались со своими капралами, мюскадены разваливались на скамейкахъ, любители чтенія декламировали стихи, фланеры прислушивались къ бесѣдамъ гуляющихъ. О народѣ всѣ писатели того времени отзывались съ невыгодной стороны. Мерсье обвинялъ его въ 1797 году въ лѣности и нежеланіи трудиться усердно. Послѣ шестилѣтія кровавыхъ сценъ, увлекаемый то революціонерами, то реакціонерами, народъ прежде всего искалъ покоя, отдыха. Сельскій классъ выигралъ во время революціи гораздо больше, чѣмъ городскіе жители: онъ сдѣлался землевладѣльцемъ. Продажа національныхъ имуществъ подняла низшіе классы. Болѣе 500,000 пролетаріата превратились въ собственниковъ. Національныя имущества продавались за двадцатую, за сотую часть ихъ стоимости; большею частью, ихъ пріобрѣтали крестьяне съ разсрочкою платежа. Одна продажа лѣсовъ и строеній на сломъ покрывала уже всѣ расходы по пріобрѣтенію недвижимостей. Крестьянинъ разбогатѣлъ, сдѣлавшись владѣльцемъ земли и продавая въ свою пользу ея произведенія. Вскорѣ ни одна страна въ Европѣ не могла сравниться съ Франціей, по благосостоянію ея сельскаго населенія. Оно потеряло это благосостояніе только во время имперіи, истощившей всѣ народныя силы налогами и конскрипціей. Средній классъ во время революціи пострадалъ гораздо больше, хотя былъ гораздо равнодушнѣе къ политическимъ вопросамъ. Торговое сословіе не отличалось честностью, какъ въ цѣломъ свѣтѣ, за то поставляло крикуновъ во всѣ демонстраціи. Они поддерживали и распространяли самыя нелѣпыя обвиненія противъ всѣхъ выдающихся людей и, когда это можно было сдѣлать безнаказанно, кричали противъ всѣхъ мѣръ правительства. Для нихъ было безразлично, кто стоялъ въ главѣ правленія—маратисты или роялисты, лишь бы не увеличивали налоговъ, и, въ случаѣ увеличенія, торгаши поднимали страшные крики и готовы были даже жертвовать своею шкурою, чтобы сохранить свои капиталы. Мелкіе торговцы, во время Директоріи, наводнили всѣ площади, набережныя, мосты, перекрестки, даже тротуары улицъ своими столиками, будочками, ручными тележками со всякимъ товаромъ, выдвинувъ ихъ даже на мостовыя. Это была постоянная, шумная ярмарка. Продавцевъ было положительно больше покупателей. Уничтоженіе ремесленныхъ сословій расплодило цѣлую расу мелкихъ торговцевъ, жадныхъ, безсовѣстныхъ, готовыхъ на всякія продѣлки.

Революція, уничтожая дворянскія и придворныя синекуры, расплодила множество чиновниковъ. Въ одномъ военномъ министерствѣ было 72 начальника отдѣленій (бюро), у каждаго изъ нихъ, было по 25-ти низшихъ чиновниковъ и по четыре экспедитора. Во всѣхъ частяхъ администраціи шла дѣятельная переписка, посы-

лались комисары, курьеры, рапорты, донесенія. Число штатныхъ мѣстъ еще болѣе увеличилось при Директоріи, раздававшей ихъ своимъ протеже. Чтобы получить запасъ угля, для отопленія коммиссіи народнаго просвѣщенія, необходимо было испросить разрѣшеніе высшаго комитета администраціи; тотъ давалъ предписаніе коммиссіи торговли и промышленности, и уголь получался черезъ нѣсколько дней, послѣ переписки трехъ коммиссій и пересылки дюжины бумагъ, каждая съ двумя подписями. Бумагописаніе, знакомое въ монархіяхъ, являлось, всетаки, аномаліею въ республикѣ. Безчисленныя формальности всякаго рода, справки, записыванія росписыванія мѣшали всему, тормозили всякое общественное дѣло.

Рулетка.

Состоянія, часто громадныя, наживались въ то время поставщиками армій, скупщиками первыхъ предметовъ потребленія, банкирами, ажіотерами и биржевыми спекуляторами. Это былъ самый непривлекательный классъ общества, не отступавшій въ страсти къ наживѣ ни передъ безчестнымъ поступкомъ, ни передъ явнымъ мошенничествомъ, ни передъ наглымъ грабежемъ. Бросая золото горстями на удовлетвореніе своихъ грязныхъ прихотей, эти вампиры выжимали послѣдніе гроши у бѣдняка. Они одни благоденствовали и въ то время, когда Парижъ, какъ въ 1795 году, умиралъ съ голоду и жителямъ раздавали по двѣ унціи гороху, бобовъ и чечевицы, съ небольшимъ количествомъ муки, въ которой было на по-

ловину отрубей, когда фунтъ хлѣба стоилъ 60 франковъ, а фунтъ говядины 130. Эмигранты, возвращавшіеся подъ чужими именами, съ трудомъ добывали себѣ средства къ существованію. Правда, имъ не лучше жилось и за границей. Въ одномъ Гамбургѣ ихъ было въ это время до 25,000, ждавшихъ каждый день, что новый король призоветъ ихъ на старыя, теплыя мѣста. Занимаясь на чужбинѣ всевозможными профессіями, они принуждены были нерѣдко протягивать руку за помощью къ нѣмцамъ и своимъ соотечественникамъ. Бомарше, проживщій 18 мѣсяцевъ въ Гамбургѣ, часто приглашалъ къ себѣ обѣдать до дюжины герцоговъ и маркизовъ, и простой народъ въ этомъ городѣ такъ привыкъ къ громкимъ титуламъ французовъ, что называлъ графами и маркизами всѣхъ пріѣзжихъ парикмахеровъ и дантистовъ. Парижская молодежь, выросшая при кровавыхъ сценахъ революціи, была малообразована, груба, дерзка, отличалась солдатскими манерами и знаніе приличій считала также безполезнымъ, какъ знаніе грамматики и правописанія. Не снимая ни передъ кѣмъ шляпы, въ высокихъ сапогахъ, съ толстой палкой въ рукѣ, мюскадены шлялись по ресторанамъ и игорнымъ притонамъ, ругаясь, куря и напиваясь. «Невозможные» (les incroyables), вращаясь въ дамскомъ обществѣ, соблюдали хоть по наружности правила учтивости и приличія; чудодѣи (les merveilleux) одѣвались самымъ каррикатурнымъ образомъ, щеголяли самыми экцентричными модами, особенно ихъ дамы.

Вліяніе женщинъ отражалось, какъ элементъ, смягчающій нравы, на весьма небольшомъ кружкѣ общества, но оно было огромно по отношенію къ ходу общественныхъ дѣлъ и даже къ управленію страною. Никогда женщина не пользовалась такою свободою во Франціи, какъ въ эпоху Директоріи: Прежде всего переворотъ въ общественной жизни произвелъ законъ о разводѣ, декретированный законодательнымъ собраніемъ въ 1792 году. Къ концу слѣдующаго года въ одномъ Парижѣ было расторгнуто 5,994 брака, большею частью, по причинѣ несходства характеровъ. Но разводъ былъ такъ необходимъ, что Наполеонъ, дѣлая всякія уступки папству, сохранилъ этотъ законъ, уничтоженный только при реставраціи, въ 1819 году. Французскія женщины, такъ много содѣйствовавшія развитію революціи при ея началѣ, сдѣлались врагами ея, когда она пошла по кровавому пути. Высокіе подвиги мужества, добродѣтели, самоотверженія, прославили женщинъ въ эпоху терроризма. Въ самый разгаръ безполезныхъ казней, 1600 женщинъ подали просьбу въ Конвентъ, ходатайствуя за своихъ осужденныхъ мужей, братьевъ, сыновей. Когда онѣ не могли спасти ихъ отъ тюрьмы, онѣ раздѣляли съ ними заключеніе, даже шли вмѣстѣ съ ними на гильотину. Террористы, слѣдуя закону равенства, казнили безъ разбора мужчинъ и женщинъ; противъ послѣднихъ терроръ свирѣпствовалъ передъ 9-мъ термидоромъ. Рубили головы за

то, что матери плакали о казненныхъ дѣтяхъ, жены о мужьяхъ. При этихъ казняхъ женщинъ происходили сцены, которыя тронули бы канибаловъ, но республиканцы, во имя свободы и братства, отрывали грудныхъ дѣтей отъ матерей и на мольбы ихъ покормить ребенка своею грудью до отправленія на гильотину отвѣчали, что въ воспитательномъ домѣ много кормилицъ. Казнили и четырнадцатилѣтнихъ дѣвушекъ, умиравшихъ спокойно и безъ жалобъ, въ то время какъ Дюбарри, рыдая, упрашивала «господина палача повременить хоть одну минуту». И за то никто такъ

Игра въ шары.

Рисунокъ Карла Верне, гравюра Дебюкура.

не ненавидѣлъ якобинцевъ, какъ женщины, добившіяся, наконецъ, уничтоженія этого клуба. Но вторженіе ихъ въ залу Конвента 1-го преріаля принудило издать декретъ, которымъ предписывалось женщинамъ не участвовать въ народныхъ сборищахъ, оставаться дома, не входить въ публичныя собранія и не сходиться на улицахъ группами болѣе пяти лицъ. Законъ этотъ, конечно, никогда не исполнялся, и женщины во время Директоріи играли преобладающую роль. Нельзя сказать, чтобы отъ этого выиграла общественная нравственность, но въ республикѣ, сравнявшей всѣ сословія, и не требовалось соблюдать аристократическія приличія.

Не считали нужнымъ скрывать тайные грѣшки, такъ тщательно маскировавшіеся во время монархіи.

Публика высшаго круга смѣшивалась съ народомъ въ публичныхъ садахъ, бывшихъ въ большой модѣ во время Директоріи. Болѣе посѣщаемыми садами были: ботаническій съ звѣринцемъ, привлекавшимъ массы зрителей, садъ Арсенала или Бастиліи и Пале-Рояля. Великолѣпный Люксембургскій садъ оставался въ запустѣніи; воспоминаніе объ эпохѣ террора, превратившаго въ тюрьму дворецъ съ принадлежащимъ къ нему садомъ, не позволяло гу-

Кофе съ молокомъ.

Съ эстампа, гравированнаго и рисованнаго Дебюкуромъ.

лять въ немъ жителямъ сосѣднихъ кварталовъ. Центральные кварталы избрали мѣстомъ прогулки садъ Тюльери, или Національный, и Елисейскія поля. Не менѣе этихъ мѣстъ посѣщался садъ Тиволи, созданный Бутеномъ, тратившимъ большія суммы на добрыя дѣла и погибшимъ на эшафотѣ. Его позволили только похоронить въ основанномъ имъ саду, гдѣ потомъ давались блистательные праздники. Особенно славились тиволійскіе фейерверки и иллюминаціи. Гримо де ла Реньеръ, въ своей газетѣ «Censeur Dramatique» 1797 года, говоритъ, что на эти праздники и балы собирались всѣ красавицы Парижа въ самыхъ откровенныхъ туалетахъ, примѣръ которымъ подавала г-жа Тальенъ. Тутъ былъ

ресторанъ, славившійся мороженымъ, игра въ кольца и другія увеселенія, даже колдунъ, предсказывавшій будущее и едва успѣвавшій отвѣчать на всѣ вопросы, такъ какъ въ это переходное время всѣ хотѣли знать, что ихъ ожидаетъ въ будущемъ. Простой народъ восхищался представленіями Бобеша и Галимафре на Тампльскомъ бульварѣ. Это были два уличные паяца, разъигрывавшіе комическія сцены на подмосткахъ подъ открытымъ небомъ. Одинъ былъ обойщикъ, другой столяръ сент-антуанскаго предмѣстья. Длинный, худощавый Галимафре игралъ роли простаковъ, заливаясь громкимъ, глупымъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ Бобешъ отпускалъ, въ амплуа фарсера, злыя замѣчанія и острыя шутки. Костюмъ его состоялъ изъ краснаго кафтана, желтыхъ

Утро въ Люксембургскомъ саду.
Современная гравюра.

штановъ, синихъ чулковъ, чернаго галстука и рыжаго парика, на которомъ красовалась сѣрая трехугольная шляпа съ бабочкой вмѣсто кокарды. Онъ нерѣдко распѣвалъ сатирическіе куплеты, самъ акомпанируя себѣ на скрипкѣ. Полиція нѣсколько разъ приглашала его держать остроуміе въ должныхъ границахъ Ему порядочно досталось за остроту, сказанную во время коммерческаго кризиса: «отчего говорятъ, что торговля идетъ плохо? У меня были три рубашки, и изъ нихъ я уже продалъ двѣ». Его приглашали и въ частные дома разъигрывать свои фарсы. Когда онъ давалъ представленія въ саду Тиволи, то выставлялъ на афишѣ «Бобешъ, правительственный шутъ». Его и Галимафре нѣсколько разъ выводили впослѣдствіи на сцену.

Прежде искусствъ и литературы во Франціи возродилась наука, съ основаніемъ института, замѣнившаго академіи, уничтоженныя Конвентомъ, какъ учрежденія королевскія и привиллегированныя. Національный институтъ, открытый 25-го октября 1795 года, заключалъ въ себѣ три отдѣла: наукъ физическихъ и математическихъ, нравственныхъ и политическихъ, литературы и искусствъ; онъ состоялъ изъ 144-хъ членовъ, избираемыхъ въ полномъ составѣ института. Директорія избрала только первыхъ 48 членовъ. Тутъ были всѣ знаменитости того времени, ученые: Лапласъ, Лагранжъ, Кассини, Бертоле, Гюитон-де-Морво, Фуркруа, Вокеленъ, Гаюи, Ламаркъ, Жюсье, Добантонъ, Ласепедъ, Кювье, Вольней, Кабанисъ, Бернарденъ де-Сен-Пьеръ, Грегуаръ, Лаканаль, Дону, Сіейесъ, Анкетиль, Дасье, литераторы и художники: Шенье, Лебрюнъ, Делиль, Дюсисъ, Фонтань, де-Саси, Давидъ, Гудонъ, Мегюль, Гретри и др. Члены получали 1,500 франковъ содержанія. Институтъ открылся въ Луврѣ, въ залѣ бывшей академіи наукъ, въ присутствіи пяти директоровъ. Новое учрежденіе тотчасъ же возстановило противъ себя массу недовольныхъ. Всѣ не попавшіе въ него считали себя обиженными. Члены института съ трудомъ допускали въ свою среду членовъ бывшихъ академій. Ретифъ-де-ла-Бретонъ сталъ кричать, что позабыть назначить его и Бомарше было также странно, какъ забыть слово «Парижъ» въ Энциклопедіи. Первымъ актомъ института было требованіе приведенія въ исполненіе декрета Конвента о перенесеніи въ Парижъ тѣла Декарта. Новое учрежденіе потеряло вскорѣ же пятерыхъ членовъ: въ сентябрѣ 1797 года Директорія предложила произвести новые выборы въ отдѣлѣ математическихъ наукъ вмѣсто Карно, въ отдѣлѣ естественныхъ наукъ вмѣсто Бартелеми и Пасторе и въ отдѣлѣ литературы вмѣсто Фонтаня и Сикара, сосланныхъ вслѣдствіе переворота 18-го фруктидора. Делиль протестовалъ противъ исключенія своихъ товарищей, но институтъ произвелъ новые выборы. Мѣсто Карно занялъ генералъ Бонапарте, съ тѣхъ поръ подписывавшійся прежде членъ института, а потомъ уже—главнокомандующій.

Что же такое былъ этотъ фруктидорскій переворотъ, и въ какое положеніе поставилъ онъ Директорію, среди которой давно уже шла скрытая, внутренняя борьба? Разногласія между правителями Франціи произошли изъ-за Италіи. Ларевельеръ-Лепо и Ревбель стремились къ уничтоженію папства, Латурнеръ и Карно не рѣшались на такую радикальную мѣру. Баррасъ колебался. Бонапарте, у котораго былъ дядя, кардиналъ Фешъ, щадилъ папу, противился возбужденію революціи въ Италіи, не позволялъ продавать церковныя имущества въ занятыхъ французами провинціяхъ. Разбивъ при Риволи новую армію австрійцевъ подъ начальствомъ Альвинци, взявъ Мантую, Бонапарте, столько разъ уже обѣщавшій своей арміи вести ее въ Римъ, остановился въ Толентинѣ, въ трехъ пе-

реходахъ отъ вѣчнаго города и, не спросясь у Директоріи, заключилъ договоръ съ папою, отдѣлавшимся обязательствомъ уплатить нѣсколько милліоновъ контрибуціи и получившимъ еще за это обратно взятыя французами провинціи Мархію, Урбино, Перузу. Генералъ не потребовалъ даже уничтоженія римской инквизиціи, на чемъ настаивала Директорія. Потомъ, послѣ тирольской кампаніи, разбитія эрцгерцога Карла, боясь, чтобы рейнская армія своими побѣдами не затмила его подвиговъ въ Италіи, онъ поспѣшилъ подписать въ Леобенѣ мирный договоръ съ Австріей, увѣдомивъ Ди-

Чудодѣйки. (Les merveilleuses).

Съ картины Карла Верне.

ректорію, что у него осталось только 20,000 войска, а вся Венгрія готовилась возстать. О своей конвенціи съ Піемонтомъ онъ даже не извѣстилъ Директорію, сказавъ ей только: «этотъ король—ничтожество и королевство его непрочно». Баррасъ пришелъ въ негодованіе отъ такой нецеремонности. Но какъ смѣнить побѣдителя? Въ Парижѣ братья его и продажные или обманутые журналисты трубили о подвигахъ героя и переходѣ черезъ Альпы. Распространяли слухи, что генерала нарочно послали въ такую опасную кампанію, чтобы онъ въ ней нашелъ смерть. Жена его плакала, общество про-

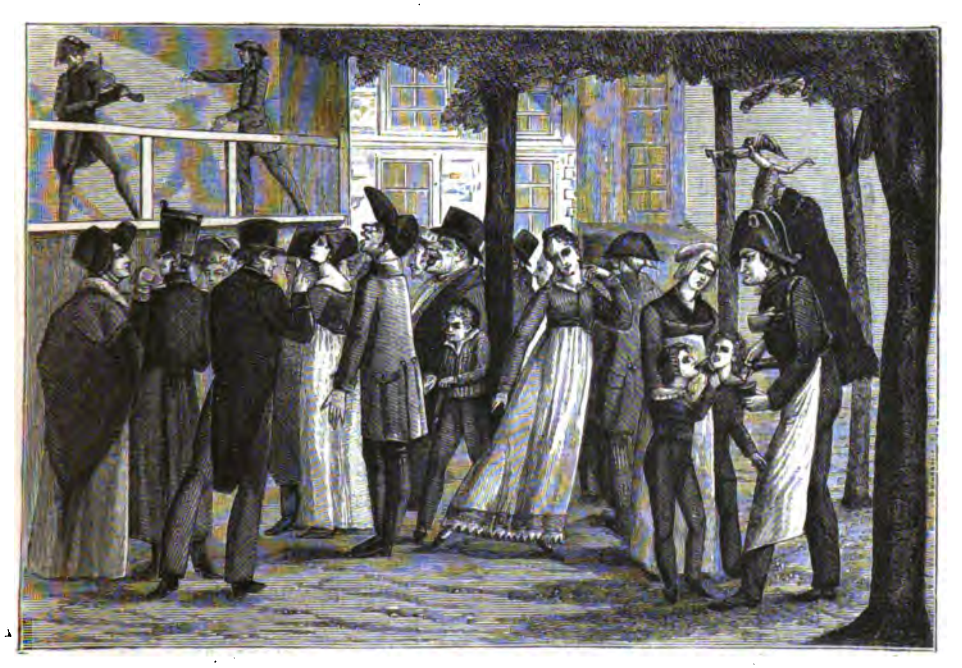
клинало коварное правительство, восторгалось молодымъ героемъ. Карно былъ доволенъ миромъ и ссорился съ Баррасомъ, доказывавшимъ, что Бонапарте не исполняетъ предписаній правительства и дѣйствуетъ двусмысленно. Честный республиканецъ Карно былъ слабаго характера и допустилъ роялистамъ опутать себя. Партія

Фейерверкъ въ саду Тиволи.

Рисунокъ Гаумера

эта, побѣжденная въ Вандеѣ и въ Парижѣ, во время вандемьерскаго возстанія, снова чрезвычайно усилилась съ возвращеніемъ эмигрантовъ. Побѣдитель въ Италіи, женатый на роялисткѣ, вдовѣ графа Богарне, явно держалъ сторону монархистовъ. Правительство было къ нимъ снисходительно и преслѣдовало только якобинцевъ да утопистовъ, въ родѣ Бабёфа, котораго гильотинировали 26-го

мая, вмѣстѣ съ его другомъ Дарте. Вся Франція была наводнена роялистскими агентами, Пишегрю переписывался съ Конде. Англійское правительство выдавало огромныя субсидіи, чтобы повліять на выборы въ законодательное собраніе; треть его по закону должна была возобновиться въ маѣ 1797 года. Между вновь избранными большинство были роялисты. На мѣсто выбывшаго директора Летурнера избрали Бартелеми, посланника въ Швейцаріи и королевскаго агента; совѣтъ Старѣйшинъ избралъ своимъ президентомъ маркиза Барбе Марбуа, совѣтъ Пятисотъ — измѣнника Пишегрю. Па-



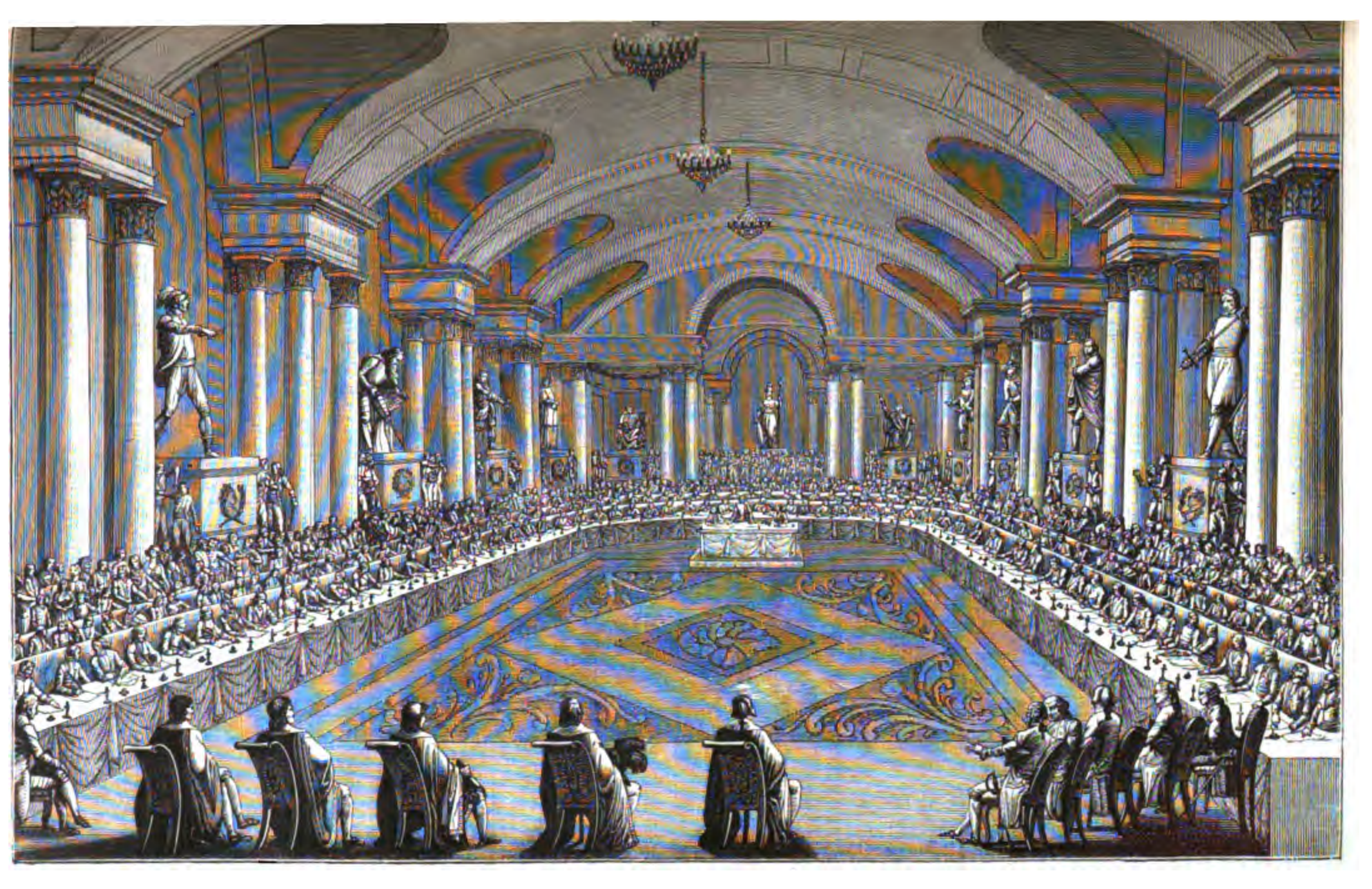
Бобешъ и Галимафре на бульварѣ Тампля.
Съ современной гравюры.

рижъ, наполненный шуанами и эмигрантами, былъ увѣренъ, что скоро вспыхнетъ контр-революція; на югѣ фанатики убивали республиканцевъ. Директорія, видя неминуемую опасность, угрожавшую Франціи, рѣшилась дѣйствовать энергически: Ожеро, пріѣхавшій изъ арміи, былъ назначенъ начальникомъ парижской арміи. Въ ночь на 18-е фруктидора (4-го сентября) войска окружили Тюльери, гдѣ засѣдали совѣты. Республиканскіе члены ихъ уничтожили выборы 48 департаментовъ, приговорили къ ссылкѣ выдающихся депутатовъ роялистовъ и журналистовъ, закрыли газеты, враждебныя республикѣ, постановили выслать эмигрантовъ и смѣнили двухъ директоровъ, Карно и Бартелеми, назначивъ на мѣста

13*

ихъ Мерлена и Франсуа Нёшато. Парижъ оставался совершенно спокоенъ, подавленіе роялистскаго заговора не стоило ни одной капли крови, но правительство поступило, всетаки, незаконно и, прибѣгнувъ къ военной силѣ, присвоило себѣ диктаторскія полномочія, стало само назначать лицъ на выборныя мѣста.

Въ октябрѣ, Бонапарте подписалъ въ Кампоформіо миръ съ Австріей. Трактатъ былъ выгоденъ для Франціи, но вопреки прямымъ приказаніямъ Директоріи генералъ отдалъ Австріи Венецію. Правительство не рѣшилось отказать въ ратификаціи мирнаго договора, и Бонапарте явился въ Парижъ. Публика встрѣтила его съ восторгомъ. Общественное мнѣніе было на его сторонѣ. Въ честь его правительство устроило торжественный праздникъ 10-го декабря, на которомъ передъ побѣдителемъ преклонялись всѣ видѣвшіе въ немъ будущаго главу Франціи и торопившіеся черезъ него устроить свою карьеру. Красивѣйшія женщины Парижа старались обратить на себя вниманіе Бонапарте, поймать его благосклонную улыбку. Только самая знаменитая красавица оставалась холодна и равнодушно принимала любезности генерала, явно оказывавшаго ей предпочтеніе. Черезъ нѣсколько дней послѣ бала, на оффиціальномъ обѣдѣ, данномъ Директоріею, Бонапарте дѣйствовалъ еще рѣшительнѣе, посадилъ подлѣ себя красавицу и настойчиво пробовалъ пріобрѣсти ея расположеніе. Но все было напрасно, и она, избѣгая даже оффиціальныхъ встрѣчъ съ побѣдителемъ, перестала даже вовсе показываться тамъ, гдѣ могла съ нимъ встрѣтиться. Эта красавица была Юлія Аделаида Рекамье, дочь банкира Бернара, выдавшаго ее, 16-ти лѣтъ, за своего сорокалѣтняго товарища. До самой смерти Рекамье былъ только отцомъ для своей жены и обращался съ нею какъ съ дочерью. Это было всѣмъ извѣстно и, конечно, это обстоятельство, помимо красоты и ума Юліи Рекамье, собрало вокругъ нея огромную толпу поклонниковъ и обожателей. Въ домѣ ея, открытомъ для всѣхъ интеллигентныхъ лицъ въ послѣдніе годы монархіи, въ первые годы республики, во время терроризма и особенно въ эпоху Директоріи, собирались всѣ выдающіяся лица. Но молодая хозяйка держала себя одинаково со всѣми своими почитателями, подавая многимъ надежды, но не отличая ни одного изъ нихъ. Большая часть считала это утонченнымъ кокетствомъ, немногіе догадывались о причинѣ такого образа жизни. Отвергнутый Наполеонъ не имѣлъ ни времени, ни желанія ухаживать за красавицей и пересталъ объ ней думать. За то въ нее влюбился до глупости братъ его Луціанъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, называвшій себя Ромео и писавшій къ своей Юліи пламенныя посланія, въ которыхъ сравнивалъ ее также съ Элоизою, а себя съ кавалеромъ Сен-Прё, изливалъ потоки страсти и риторики— и также напрасно. За Луціаномъ послѣдовали два брата Монморанси, оставшіеся преданными ей, не смотря на то, что она ихъ



Первое засѣданіе Національнаго института 15 жерминаля, IV года республики (1796).

Картина Жирарде.

отвергла; затѣмъ—генералъ Бернадотъ, спасшій ея отца, замѣшаннаго въ заговорѣ роялистовъ, но и будущаго короля Швеціи Рекамье наградила за это только своей дружбой. Въ этой женщинѣ, никому не отдававшейся, было, однако, столько привлекательнаго, что отъ нея не хотѣлъ отказаться и Наполеонъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ возобновилъ въ 1806 году попытки овладѣть ею и предложилъ ей, черезъ своего министра полиціи Фуше, потомъ черезъ сестру свою Каролину, быть оффиціально его фавориткою. Она отказала наотрѣзъ. Наполеонъ отомстилъ ей тѣмъ, что разорилъ ея мужа, занимавшагося банкирскими операціями, запретивъ государственному банку выдать ему необходимую сумму. Рекамье продала свои дома, замки, даже серебро, и наняла скромную квартиру, не вмѣщавшую въ себѣ ея поклонниковъ, не оставившихъ ее и въ опалѣ. Это взбѣсило мстительнаго императора, и онъ выслалъ ее изъ Парижа, подъ предлогомъ сношеній съ г-жею Сталь. Рекамье уѣхала въ Коппетъ къ знаменитой писательницѣ и тамъ познакомилась съ прусскимъ принцомъ Августомъ, племянникомъ Фридриха II. И этотъ романтическій принцъ не избѣгнулъ общей участи всѣхъ близко сходившихся съ опасной сиреной. Онъ предложилъ ей развестись съ банкиромъ и сдѣлаться законной женою члена царствующаго дома Гогенцоллерновъ. Рекамье и тутъ отказала, не лишая надежды принца въ будущемъ, и бѣдный принцъ оставался тридцать лѣтъ вѣренъ своей очаровательницѣ и до самой смерти своей все ждалъ, что она дастъ свое согласіе и сдѣлаетъ его счастливымъ. До конца имперіи Рекамье жила въ Италіи, въ близкихъ сношеніяхъ съ королевой Гортензіей и Каролиной Бонапарте, сдѣлавшейся неаполитанскою королевою. Обѣ эти королевы, какъ и г-жа Сталь и англичанка леди Веббъ, любили прекраснуюЮлію не меньше, чѣмъ мужчины. Въ ея римскомъ дворцѣ на площади Корсо собиралось столько же поклонниковъ, какъ и въ Парижѣ. Между ними былъ и Канова, сдѣлавшій съ нея бюстъ идеальной красоты. Во время реставраціи салонъ Рекамье пріобрѣлъ европейскую извѣстность. Тамъ являлись и другъ ея дѣтства, вѣчный обожатель Камиль Журданъ, и писатель Балланшъ, оставшійся вѣрнымъ ей до гроба, и Бенжаменъ-Констанъ, довольствовавшійся платоническимъ обожаніемъ, и Шатобріанъ, требовавшій отвѣта на его пылкую страсть. Юлія не могла отвѣчать, но, боясь порывовъ этой страсти, бѣжала отъ слишкомъ пламеннаго обожателя и провела два года въ Италіи, пока онъ успокоился и понялъ причину ея отказа. Черезъ такіе же фазисы надежды, страсти и разочарованія прошла любовь двадцатилѣтняго Ампера, послѣдовавшаго за сорокашестилѣтнею Рекамье въ Италію. Не смотря на невозможность сдѣлать и его счастливымъ, она съумѣла, однако, привязать его къ себѣ до того, что когда, черезъ лѣтъ пять потомъ, онъ собрался жениться на дочери Кювье, Юлія

Госпожа Рекамье.

Съ портрета Жерара.

призвала его опять къ себѣ и заставила отказаться отъ предположеннаго брака. Послѣдніе годы своей жизни (она умерла въ 1849 году, 72-хъ лѣтъ) Рекамье провела въ уединенномъ домикѣ Аббе-о-буа, гдѣ попрежнему принимала всѣхъ выдающихся личностей, но занималась только бесѣдами о литературѣ, политикѣ и современной жизни. О любви и кокетствѣ не было и рѣчи.

Въ чемъ же заключалась разгадка ея свойствъ — возбуждать страсть и не отвѣчать ей? Что касается до ея способности привлекать къ себѣ интеллигентныхъ лицъ, этому могло содѣйствовать, помимо красоты и кокетства, умѣнье тонко льстить довѣрчивымъ и самолюбивымъ писателемъ и политическимъ дѣятелямъ, знаніе человѣческихъ слабостей и искусное потворство имъ. Причина же того, что она не могла отвѣчать порывамъ страсти, заключалась въ чисто физическомъ недостаткѣ, аномаліи женскаго организма, встрѣчающейся хотя и нечасто въ исключительныхъ натурахъ, которымъ природа не позволяетъ сдѣлаться женщиною и матерью. Исторія медицины представляетъ нѣсколько примѣровъ подобныхъ аномалій. Такія женщины, не испытавшія чувственныхъ порывовъ, сохраняютъ, какъ Рекамье, до поздней старости красоту и привлекательность. Это доказываетъ портретъ Юліи на смертномъ одрѣ, снятый съ нея живописцемъ Деверіа и передающій даже въ эту эпоху идеальную чистоту и тонкость очертанія ея лица. Помѣщаемый нами портретъ писанъ знаменитымъ Жераромъ для прусскаго принца Августа. Это замѣчательное произведеніе искусства отличается въ особенности высоко художественнымъ колоритомъ: бѣлое дезабилье фасона Директоріи и консульства, желтая драпировка, брошенная на колѣни, красная занавѣсь между колоннами эффектно и рельефно оттѣняютъ черты красавицы, полулежащей въ непринужденной позѣ, полной жизни.

Женщины играли важную роль во время Директоріи. Мы еще возвратимся къ оцѣнкѣ значенія этой роли, когда будемъ говорить о другихъ выдающихся женскихъ характерахъ этой эпохи.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ 3. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Москва. 1885 г.

Третій выпускъ «Очерковъ изъ исторіи Тамбовскаго края» г. Дубасова представляетъ не меньшій интересъ, чѣмъ и первые два выпуска, о которыхъ мы уже дали отчетъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника». Въ этомъ выпускѣ мы находимъ, между прочимъ, очень важный документъ, имѣющій прямое отношеніе къ исторіи Тамбовскаго края, а именно — тамбовскую лѣтопись, озаглавленную такъ: «Древній тамбовскій лѣтописецъ, содержащій повѣствованіе отъ 1636 года, т. е. отъ самаго основанія города Тамбова, до 1708 года».

Г. Дубасовъ даетъ большое значеніе означенному источнику, въ пользу котораго говорятъ многія данныя. Неизвѣстно, былъ ли этотъ лѣтописецъ продолженъ послѣ 1708 г. Всего вѣроятнѣе, говоритъ авторъ, этой лѣтописи не продолжали, такъ какъ послѣ 1708 г. городъ Тамбовъ со всѣмъ мѣстнымъ краемъ, по бытовымъ условіямъ, до возобновленія въ 1758 г. тамбовской епископской каѳедры, не представлялъ удобной почвы для какой либо литературной дѣятельности. На этомъ основаніи, г. Дубасовъ все недоговоренное тамбовскимъ лѣтописцемъ пополняетъ отчасти по матеріаламъ московскихъ архивовъ, которыми онъ также пользовался.

Мы остановимся лишь на самыхъ выдающихся фактахъ, приводимыхъ г. Дубасовымъ въ его, полномъ живаго интереса, изслѣдованіи.

«Подъ 1651 годомъ,—пишетъ г. Дубасовъ,—мы встрѣчаемся съ весьма замѣчательнымъ фактомъ участія Тамбовскихъ представителей въ московскомъ земскомъ соборѣ. Въ этомъ году въ Москвѣ ожидали выборныхъ, дворянскихъ и посадскихъ людей, для великаго государева дѣла. Въ стольномъ городѣ должна была рѣшиться участь Малороссіи, изнемогавшей въ

борьбѣ съ Польшею и искавшей своего спасенія подъ высокою царскою рукою. Сколько намъ извѣстно,— продолжаетъ авторъ,— въ Москвѣ на соборѣ 1651 года были представители только Шацкаго уѣзда. Или въ этомъ случаѣ выразились преимущества Шацка, какъ главнаго областнаго города, или же мы недостаточно ознакомились съ историческимъ матеріаломъ данной эпохи. Мы, съ своей стороны, склонны думать, что на великой и всенародной радѣ 1651 г. были представители всей земли. Стало быть, были выборные тамбовскіе, и козловскіе, и кадомскіе, и темниковскіе, и усманскіе, и романовскіе. И вѣроятно, современемъ, будутъ найдены въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи на это документальныя доказательства, т. е. столбцы воеводскихъ отписокъ съ именами выборныхъ. Въ какомъ смыслѣ наши выборные подавали на соборѣ свои голоса, изъ документовъ не видно, но можно догадываться, что шацкіе депутаты говорили за Малороссію, такъ какъ въ XVII столѣтіи нашъ край имѣлъ съ донскимъ и малороссійскимъ казачествомъ общіе интересы обороны отъ татаръ, да и самый воинскій духъ нашего прежняго народонаселенія поневолѣ сближалъ его съ южно-русскими борцами».

Нельзя сказать, чтобы цивилизующія начала особенно быстро проникали въ Тамбовскій край. Такъ, напримѣръ, окончательное обращеніе въ христіанство всей мордвы Тамбовскаго края и мѣстнаго татарскаго дворянства послѣдовало при Петрѣ I и въ теченіе всей первой половины XVIII вѣка. Всѣмъ татарскимъ мурзамъ за воспріятіе христіанской вѣры греческаго закона даны были во владѣніе, въ крестьянство, отписные крестьяне и на нихъ владѣнныя записи. Но крестьяне долго своихъ помѣщиковъ не слушались, въ платежахъ всякихъ податей и въ работахъ чинились противны и приказчиковъ со многимъ оружіемъ били смертно.

Тамбовскій край, прилегая своими границами къ татарскимъ и калмыцкимъ ордамъ, перенесъ немало бѣдствій отъ этихъ дикихъ кочевниковъ, о чемъ говорятъ мѣстныя лѣтописи и преданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ его коснулся и Булавинскій мятежъ. Съ 9-го октября 1707 г., т. е. со дня разбитія мятежниками отряда князя Долгорукаго, мятежъ быстрѣе и быстрѣе сталъ распространяться во всѣ стороны, захватывая теченіе средней и нижней Волги, нижней Оки, Днѣпра, Десны, Самары, Медвѣдицы, Бузулука, Хопра, Воронежа, Вороны и Цны. Мятежники проникли далеко на сѣверъ и межъ Кинешмы и Юрьевца Поволжскаго стали многолюдствомъ и проѣзду не давали. И близь Нижняго на стругахъ промышлениковъ и цѣловальниковъ били и отъ такого воровства государевы рыбные промыслы остановились.

Нижегородскіе воеводы, поэтому, совершенно справедливо опасались, какъ бы не было такого бунту, какъ и въ прошлыхъ годахъ при Стенькѣ Разинѣ. Припѣвъ Булавинскаго бунта былъ старый, повторявшійся и при Разинѣ: народъ толковалъ, что Кондратій Аѳанасьевичъ (Булавинъ) скоро пойдетъ до самой Москвы и во всѣхъ россійскихъ городахъ выведетъ бояръ, прибыльщиковъ и нѣмцевъ. При Булавинѣ, какъ мы видимъ, были прибавлены нѣмцы, народившіеся на Руси въ Петровское время. Другіе къ этому присовокупляли: «теперь по атаманскому приказу земли намъ не пахать и хлѣба на государеву казну не сѣять, никуда не отлучаться и ждать перемѣны». Охотно выслушивались и извѣстныя астраханскія бредни Стеньки Москвитина: «царь у насъ теперь подмѣнный, перемѣнилъ вѣру, носитъ нѣмецкое платье и велитъ брить бороды».

Въ это же время по городамъ и селамъ Тамбовскаго края читались подметныя булавинскія письма слѣдующаго страннаго содержанія: «атаманы молодцы, голь кабацкая, голытьба непокрытая, дорожные охотнички и всякіе черные люди! Кто похочетъ съ атаманомъ съ Кондратіемъ Аѳанасьевичемъ погулять, по чисту полю красно походить, сладко попить, поѣсть, на добрыхъ коняхъ поѣздить, то пріѣзжайте на вершины Самарскія. Да худымъ людямъ, и князьямъ, и боярамъ, и нѣмцамъ, за ихъ злое дѣло не спущайте, а своихъ людей, и посадскихъ, и торговыхъ, не троньте, и буде кто напрасно станетъ кого обижать, и тому чинить смертную казнь».

Дѣйствительно, странное заявленіе. Очень жаль, что г. Дубасовъ не отнесся къ нему критически, чтобы подтвердить его достовѣрность. Намъ кажется, что не въ духѣ нашего народа дѣлать нешуточное дѣло шуточнымъ образомъ.

Булавинскій мятежъ принималъ въ Тамбовскомъ краѣ такіе размѣры, что въ самомъ Тамбовѣ многіе посадскіе жители не слушались воеводы Данилова; въ крѣпость не шли, молебнаго пѣнія о дарованіи царю побѣды слушать не хотѣли и, не скрываясь, выражали удовольствіе по поводу булавинскихъ успѣховъ. Въ булавинскихъ разбояхъ нерѣдко принимали участіе лица духовнаго званія. Такъ, извѣстны въ этомъ отношеніи попъ Алексѣй и безымянный азовскій чернецъ. Послѣдній былъ товарищемъ извѣстнаго Семена Дранаго и предводительствовалъ ватагою въ 1000 человѣкъ. Съ разбитіемъ калмыковъ и булавинцевъ подъ Азовомъ кончился и мятежъ. Булавинъ порѣшилъ свой вопросъ самоубійствомъ. Тѣло его было перевезено въ Азовъ. «По осмотру у того вора,—писали азовскія власти,—голова оказалась прострѣлена знатно въ лѣвый високъ изъ пистоли и отъ тѣла его смердитъ».

Немало интересныхъ данныхъ сообщаетъ г. Дубасовъ о Бироновскомъ времени, такъ тяжко отозвавшемся на судьбѣ всей русской земли, въ томъ числѣ и Тамбовскаго края: объ ужасахъ рекрутскихъ наборовъ, во время которыхъ обыватели уродовали себя въ виду отдатчиковъ или же запирали предъ ними ворота и отчаянно защищались, о безобразныхъ дѣйствіяхъ солдатъ на постояхъ и т. п.

«Рекрутская повинность,—говоритъ нашъ авторъ,—до того озабочивала сельскія общества, что многія изъ нихъ постоянно занимались покупкою и кражею чужихъ дѣтей. Купленныхъ или краденыхъ подростковъ держали подъ карауломъ, воспитывали и затѣмъ, въ свое время, сдавали въ солдаты. На этомъ поприщѣ въ 1760 г. особенно отличались старосты селъ Введенскаго и Спасскаго: Герасимъ Трофимовъ и Естифей Ѳедоровъ. Отъ этихъ ловкихъ старостъ не отставали и помѣщики, которые также, сберегая свой живой товаръ, ловили чужихъ крестьянъ для отдачи въ рекруты».

Переходя къ вопросу о многихъ печальныхъ явленіяхъ среди различныхъ сословій, авторъ приводитъ немало интереснѣйшихъ фактовъ, особенно по отношенію къ крѣпостнымъ крестьянамъ. Озлобленіе крѣпостныхъ крестьянъ противъ помѣщиковъ происходило, между прочимъ, оттого, что владѣльцы продавали ихъ въ розницу, родителей въ однѣ руки, дѣтей въ другія; иногда же мѣняли на лошадей и собакъ, или проигрывали въ карты, или просто дарили. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка въ нашихъ провинціяхъ,—прибавляетъ г. Дубасовъ,—т. е. Тамбовской и Шацкой, цѣны на крѣпостныхъ людей стояли самыя низкія. Въ 1758 году, спасскій помѣщикъ Ро-

гожинъ продалъ въ Темниковъ помѣщицѣ Евсюковой цѣлую семью въ 6 душъ, съ хоромнымъ ихъ строеніемъ и пожитками, скотомъ и хлѣбомъ, за 15 рублей. Въ царствованіе Екатерины II цѣна на людей повысилась: за одного взрослаго и здороваго парня брали уже рублей по 30 и болѣе.

Закончимъ нашъ обзоръ книги г. Дубасова его школьными воспоминаніями, весьма кстати включенными имъ въ свое изслѣдованіе. Учебныя заведенія, въ которыхъ прошли его дѣтство и отрочество,—духовное училище и семинарія. Изъ послѣдней семинаристы, спасаясь отъ неустаннаго дранья начальства, невольно подражая тамбовскимъ кантонистамъ, бѣжали по домамъ, рискуя попасть подъ розги родительскія, или же за уросливостію и тупоуміемъ увольнялись въ епархіальное вѣдомство. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ семинарское начальство охотно снабжало своихъ отпущенниковъ аттестами, въ родѣ слѣдующаго: «оный дѣтина непобѣдимой злобы, свирѣпый, до драки скорый, ни увѣщаніями и жестокими наказаніями неодолимый».

Сѣченіе воспитанниковъ училища и семинаристовъ въ воспоминаніяхъ г. Дубасова фигурируетъ очень замѣтно. Сѣкли отпѣтые лѣнтяи-воспитанники (въ училищѣ), носившіе названіе архангеловъ. Сѣченіе было иногда крайне жестокое: сѣкли двумя розгами съ двухъ сторонъ, на голову и на ноги паціента садились архангельскіе помощники. Для характеристики степени образованія и умственнаго развитія преподавателей семинаріи того времени всего нагляднѣе могутъ служить слѣдующіе стихи, сочиненные однимъ изъ преподавателей философскаго класса, архимандритомъ Сергіемъ, считавшимъ себя великимъ поэтомъ:

«Іоаннъ Златоустъ
Сѣлъ читать подъ кустъ.
Вдругъ пріѣхали дроги
И повезли его по константинопольской дорогѣ;
Пріѣхали ко двору
И велѣли звонить въ колокола пономарю».

Не пускаясь въ подробности, скажемъ, что по прочтеніи школьныхъ воспоминаній г. Дубасова невольно подумаешь: сколько надобно было имѣть, кромѣ физическаго здоровья, крѣпости душевной, чтобы выйдти изъ школьнаго омута на что нибудь годнымъ въ жизни.

Въ какихъ страшно нравственно разлагающихъ элементахъ проходила юность цѣлыхъ поколѣній! Можно ли послѣ этого безусловно винить наше бѣдное духовенство въ различныхъ дѣйствіяхъ, не отвѣчающихъ ни его общественному положенію, ни его призванію! Можно ли, если вспомнимъ домашнюю и общественную жизнь тѣхъ дѣтей и юношей, которые въ послѣдствіи должны были сдѣлаться пастырями душъ! Господь Богъ, безъ сомнѣнія, проститъ имъ много согрѣшеній.

Въ заключеніе остается пожелать, чтобы и въ другихъ губерніяхъ явились изслѣдователи мѣстныхъ историческихъ богатствъ, подобные автору разсмотрѣнной нами книги. Безъ этихъ изслѣдователей гибнутъ въ нашихъ архивахъ неоцѣненныя сокровища, безъ которыхъ не можетъ идти прогрессивно и родная историческая наука.

И. Бѣловъ.

„На Москвѣ". Историческій романъ графа Саліаса. Въ четырехъ частяхъ. С.-Петербургъ. 1885 г.

Содержаніе романа графа Саліаса относится къ эпохѣ московской чумы 1771 года. Время это, память о которомъ до сихъ поръ еще не умерла въ народѣ, представляетъ немало интересныхъ особенностей для романиста, хорошо знакомаго съ тогдашнимъ положеніемъ столицы. Еще Загоскинъ понялъ это и построилъ на московскихъ событіяхъ той эпохи свою прекрасную повѣсть «Козьма Рощинъ», въ которой при небольшомъ объемѣ разсказа представилъ исторически-вѣрную и поэтически-живую картину тѣхъ сценъ, какія розыгрались въ Москвѣ при невѣжественномъ бунтѣ черни, закончившемся убіеніемъ преосвященнаго Амвросія въ Донскомъ монастырѣ. На этой эпохѣ основалъ фабулу своего историческаго романа и графъ Саліасъ. Въ рукахъ его, очевидно, было гораздо больше матеріаловъ для знакомства съ событіями и лицами взятаго времени, и потому обстоятельства сопровождавшія появленіе и развитіе чумы въ Москвѣ, происшествія на Суконномъ дворѣ, гдѣ въ первый разъ съ очевидностью обнаружилась зараза, и, наконецъ, всѣ перипетіи народнаго волненія, отъ сходокъ у Варварскихъ воротъ до страшной драмы въ Донскомъ монастырѣ, развиты въ романѣ съ большими подробностями. При этомъ авторъ, съ свойственнымъ ему дарованіемъ, вывелъ и охарактеризовалъ очень рельефно нѣсколько историческихъ лицъ, каковы, напримѣръ, архіепископъ Амвросій, главнокомандующій въ Москвѣ, престарѣлый фельдмаршалъ Салтыковъ, и, наконецъ, извѣстный Еропкинъ, которому столица обязана была первыми мѣрами къ прекращенію безпорядковъ и нѣкоторому успокоенію жителей. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что всѣ эти событія и лица являются только въ послѣдней половинѣ романа, основная же фабула его, большею частью, развивается какъ бы отдѣльно и даже независимо отъ дѣйствительныхъ происшествій во время московской чумы. Что касается этой фабулы, то главная мысль, на которой она построена, теперь представляется уже анахронизмомъ: романъ въ общемъ его ходѣ и подробностяхъ раскрываетъ злоупотребленія крѣпостнаго права и притомъ съ той давно уже исчезнувшей стороны, когда помѣщики продавали отдѣльно людей, разлучая мужа съ женою, дѣтей съ родителями. И это входитъ въ разсказъ графа Саліаса не эпизодически, а проводится черезъ всѣ его главныя нити. Подобная фабула могла еще органически сливаться, напримѣръ, съ эпохою пугачевскаго бунта, но она не имѣетъ никакого прямаго отношенія къ событіямъ московской чумы 1771 года, а потому романъ какъ бы раздвояется, что значительно вредитъ его стройности. Какъ и во всѣхъ крупныхъ произведеніяхъ автора «Пугачевцевъ», интрига и въ этомъ романѣ чрезвычайно сложная, такъ что читатель не безъ напряженія слѣдитъ за многочисленными ея узлами. Приключенія дочери помѣщика, случайно записанной въ число дворовыхъ и перепродаваемой потомъ въ нѣсколько рукъ, переплетаются съ странной участью молодаго богача, отданнаго матерью въ монастырь, и къ этому присоединяется любовная интрига высланнаго изъ Петербурга за шалости молодаго гвардейскаго офицера съ красавицей женою московскаго купца, а вокругъ этихъ главныхъ узловъ вяжется еще нѣсколько другихъ второстепенныхъ, обставленныхъ множествомъ разныхъ сценъ и эпизодовъ. Нельзя не отдать справедливости автору въ томъ, что онъ умѣетъ разобраться въ этой сложной

амальгамѣ, и романъ его читается до конца съ неослабѣвающимъ интересомъ. Этому способствуетъ искусство, съ какимъ онъ обрисовываетъ сцены и ставитъ свои лица постоянно въ занимательныя положенія. Въ этомъ отношеніи нѣкоторые эпизоды новаго романа графа Саліаса не уступаютъ лучшимъ частямъ его «Пугачевцевъ». Таковы, напримѣръ, сцены въ домѣ богатой московской барыни-самодурки Ромодановой при покражѣ ея любимаго кота, или пріемный день у главнокомандующаго Салтыкова, которому послѣ блестящихъ подвиговъ суждено было дожить до тѣхъ печальныхъ дней, когда отъ страха передъ чумою онъ бѣжалъ изъ порученной его попеченіямъ столицы. Мы позволимъ себѣ привести нѣсколько строкъ, въ которыхъ графъ Саліасъ нарисовалъ характерный портретъ пережившаго свою славу старика. «Въ залѣ поднялся легкій шумъ. Сидѣвшіе повскакали съ мѣстъ. Въ дверяхъ появилась маленькая, худая фигурка въ лиловомъ атласномъ шлафрокѣ и въ такой же ермолкѣ. На ногахъ пестрѣли вышитыя туфли; на каждой былъ вышитъ розанъ и колчанъ съ стрѣлами, перевитый узломъ ленточки. Туфли эти были въ большой модѣ и назывались à la Dauphine или à la Marie-Antoinnette. По крайней мѣрѣ, сотня барынь въ Москвѣ носила ихъ теперь. Въ числѣ этой дамской сотни былъ и самъ генералъ-губернаторъ города Москвы—лаврами увѣнчанный побѣдитель Германіи, фельдмаршалъ и кавалеръ всѣхъ россійскихъ орденовъ. Тѣ дни, въ которые герой Салтыковъ побѣждалъ Фридриха во время оно, были давно и быльемъ поросли. Дряхлый старикъ былъ въ Москвѣ на покоѣ. Онъ былъ когда-то еще недавно всероссійскимъ народнымъ героемъ, имя его облетѣло всѣ избы святой Руси. Теперь же старая развалина пережила свою славу. Графъ Салтыковъ теперь звучалъ совершенно иначе, нежели графъ Салтыковъ лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ. Теперь Петербургъ, а за нимъ Москва, прозвали прежняго героя именемъ вотчины, гдѣ онъ проживалъ каждое лѣто, и которая называлась Марѳино. Фельдмаршала звали Марѳой, или вмѣсто графъ Петръ Семеновичъ называли—за глаза, конечно—графиня Марѳа Семеновна. Когда все поднялось и приблизилось, Салтыковъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. За нимъ въ близкомъ разстояніи слѣдовали его два адъютанта, не спускавшіе съ него глазъ, такъ какъ графу случалось часто поскользнуться на паркетѣ, и адъютанты кидались спасать его отъ смерти. Дѣйствительно, въ его положеніи и въ его годы паденіе было бы, конечно, послѣдней минутой его жизни». Такъ же мастерски очерченъ авторомъ и сенаторъ Еропкинъ, который страннымъ образомъ и почти противъ воли сдѣлался дѣйствительнымъ хозяиномъ столицы въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ годинъ ея жизни. Вообще романъ графа Саліаса, не смотря на устарѣлое значеніе его основной идеи, по художественному развитію дѣйствія и характеровъ многихъ лицъ, замѣтно выдѣляется изъ массы изданныхъ въ послѣдніе годы историческихъ романовъ.

А. М.

Н. Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. (По неизданнымъ источникамъ) 3 тома. Спб. 1884 г.

Пугачевское дѣло долго было «секретнымъ». Прошло болѣе полувѣка, пока дозволено было А. С. Пушкину, и то съ различными предосторожностями, коснуться бумагъ по этому дѣлу, хранившихся въ различныхъ казен-

ныхъ архивахъ, и довести до всеобщаго свѣдѣнія любопытныя подробности этой замѣчательной эпохи.

На сколько недовѣрчиво и непріязненно относилось тогдашнее архивное начальство къ розысканіямъ въ казенныхъ бумагахъ, характеристикой можетъ служить тотъ фактъ, что графъ П. А. Клейнмихель, на просьбы Пушкина о сообщеніи ему нѣкоторыхъ документовъ изъ архивовъ военно-топографическаго депо и московскаго инспекторскаго департамента, отвѣтилъ, что документовъ этихъ нѣтъ нигдѣ, хотя они и были на лицо, а о другихъ, относящихся до той же эпохи, запретилъ даже и сообщать ему, «во избѣжаніе, какъ онъ объяснилъ чиновникамъ, излишней переписки» [1]).

Самаго же главнаго матеріала для исторіи пугачевскаго бунта, «слѣдственнаго дѣла» о Пугачевѣ, хранящагося въ государственномъ архивѣ, Пушкинъ и не касался: оно лежало нераспечатанное до нашихъ дней, еще полвѣка послѣ Пушкина, ожидая «будущаго историка».

Послѣ пушкинской «Исторіи пугачевскаго бунта» и до нашихъ дней не выходило полной и связной исторіи этой эпохи, за то годъ за годомъ и въ столичныхъ, и провинціальныхъ изданіяхъ обнародована масса историческихъ матеріаловъ и въ видѣ подлинныхъ бумагъ, и въ видѣ разсказовъ очевидцевъ, и въ видѣ народныхъ преданій о Пугачевѣ. Такимъ образомъ, эта полувѣковая историческая работа безкорыстно облегчала трудъ «будущаго историка», которому, наконецъ, удастся распечатать главное слѣдственное дѣло о Пугачевѣ и, дополнивъ эту основную канву всѣми остальными матеріалами написать полнѣйшую и правдивѣйшую книгу о томъ, какъ уральскіе казаки собирались не шутя «тряхнуть Москвой».

Попытку стать этимъ «будущимъ историкомъ» пугачевскаго бунта сдѣлалъ г. Дубровинъ въ вышедшемъ недавно въ трехъ томахъ сочиненіи подъ заглавіемъ: «Пугачевъ и его сообщники», и это сочиненіе, дѣйствительно, благодаря заключающимся въ немъ, до сихъ поръ необнародованнымъ, матеріаламъ и свѣдѣніямъ изъ «слѣдственнаго дѣла» о Пугачевѣ, представляется самымъ полнымъ сводомъ свѣдѣній объ этой замѣчательной эпохѣ.

Страницы и эпизоды, выписанные авторомъ изъ слѣдственнаго дѣла, являются самыми живыми и занимательными во всей книгѣ и только они придаютъ ей особую цѣну въ глазахъ занимающихся исторіею болѣе или менѣе спеціально.

Рядомъ съ архивными матеріалами, разработанными авторомъ самостоятельно, онъ пользовался и всѣми печатными, обнародованными матеріалами, а потому указаніе его въ титулѣ книги, что она написана «по неизданнымъ источникамъ», является не совсѣмъ вѣрнымъ,—она написана «по изданнымъ и неизданнымъ» источникамъ.

Благодаря новымъ, неизданнымъ источникамъ государственнаго архива, счастливая доля пользоваться которыми выпала г. Дубровину, въ книгѣ его съ небывалою подробностью возстаетъ картина первыхъ опасныхъ и неувѣренныхъ шаговъ самозванца, наполовину не знавшаго самъ, что дѣлаетъ Тутъ мы видимъ, какъ неподготовленность и промахи правительства даютъ возможность Пугачеву усилиться безъ всякаго съ его стороны труда. 15-го сентября 1773 года, Пугачевъ двинулся отъ рѣки Усихи на Толкачевы хутора всего только въ числѣ 9 человѣкъ; за ними была послана погоня въ 30 человѣкъ,

[1]) Сочиненія А. С. Пушкина, изд. 8-е, М., 1882 г., т. VI, стр. 479.

но остановилась на дорогѣ, получивъ ложное извѣстіе, что съ Пугачевымъ около 100 человѣкъ, а на третій день послѣ этого самозванецъ стоялъ уже въ виду Яицкаго городка съ войскомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Далѣе начинаетъ развертываться картина баснословныхъ успѣховъ Пугачева, вплоть до его роковаго конца.

Событія, ближайшимъ образомъ прилегающія къ концу пугачевскаго бунта, т. е. послѣдніе дни самозванца, когда онъ былъ окруженъ казаками уже сговорившимися его выдать, картины его борьбы съ ними, когда измѣна обнаружилась, его просьбы, увѣщанія и попытки убѣжать,— опять выступаютъ съ такою полнотою и рельефною картинностью, какія можетъ дать только изученіе такого драгоцѣннаго матеріала, какъ слѣдственное дѣло и другіе архивные документы.

Эти новые факты и эпизоды оживляютъ книгу и придаютъ ей значеніе въ ряду изслѣдованій о Пугачевѣ, но сама собой книга г. Дубровина не завершаетъ, по нашему мнѣнію, зданія, не является трудомъ на столько удовлетворительнымъ, чтобы не желать лучшаго.

Исторія пугачевской эпохи — исторія по преимуществу бытовая; самые сокровенные корни ея крылись въ бытѣ; несовершенства быта дали ей пищу и раздули въ огромное пламя маленькую искорку, предпріятіе, вначалѣ смѣхотворное, могшее кончиться, самое большее, плетьми. Сторона военная, то есть описаніе дѣйствій отрядовъ и войскъ, посланныхъ противъ Пугачева, не имѣетъ такого важнаго значенія (по крайней мѣрѣ, для неспеціалиста-военнаго), а между тѣмъ въ книгѣ г. Дубровина именно эта сторона разработана съ особенною заботою, подробностію и въ размѣрѣ, не соотвѣтствующемъ другимъ частямъ обширности. Исторія пугачевскаго бунта у г. Дубровина не слита съ бытомъ, какъ слито было возстаніе въ дѣйствительности, а съ бытовой стороной г. Дубровинъ думалъ справиться, отдѣливъ въ своей книгѣ три, стоящія совсѣмъ особнякомъ, главы, скомпилирсванныя исключительно по изданнымъ источникамъ и главнымъ образомъ по книгѣ В. И. Семевскаго: «Крестьяне въ царствованіе Екатерины II», гдѣ описаны одни только дурныя стороны и отрицательныя явленія екатерининскаго времени какъ въ высшемъ обществѣ, такъ и въ бытѣ крестьянъ.

Но недостатки изложенія въ книгѣ, всетаки, не отнимаютъ отъ нея значенія, именно благодаря тѣмъ документамъ, которые обнародованы въ ней впервые. Жаль только, что г. Дубровинъ не нашелъ нужнымъ украсить свою книгу ничѣмъ, кромѣ весьма неразборчиво напечатанной карты раіона дѣйствій Пугачева, не приложилъ ни портретовъ самозванца, ни снимковъ съ его манифестовъ, вообще ничѣмъ, что нынѣ считается очень важнымъ дополненіемъ ко всякому, даже очень серьезному, ученому сочиненію. Въ этомъ отношеніи VI томъ сочиненій А. С. Пушкина въ осьмомъ изданіи (Ѳ. И. Анскаго, М. 1882 г.), заключающій «Исторію пугачевскаго бунта», могъ бы послужить образцомъ: тамъ приложенъ портретъ Пугачева (въ тюрьмѣ), снимокъ съ его печати и разныя факсимиле. Въ концѣ книги г. Дубровинъ помѣстилъ «библіографическій указатель» статей и книгъ, относящихся исключительно до пугачевскаго бунта.

Въ указателѣ, послѣ заглавія статьи или книги, находится «краткая оцѣнка достоинства или недостатка (?)» каждой изъ нихъ.

На одну изъ такихъ оцѣнокъ, какъ относящуюся лично до составителя настоящей замѣтки, считаю нужнымъ замѣтить, что г. Дубровинъ слишкомъ

поспѣшенъ, произнося безповоротный приговоръ о сомнительности тѣхъ источниковъ, какими пользовался авторъ статьи: «Женщины пугачевскаго возстанія». Г. Дубровинъ самъ не видалъ того матеріала, какимъ пользовался авторъ, хотя матеріалъ этотъ и напечатанъ, именно въ „Оренбургскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1883 годъ, въ №№ 3, 4, 5, 7 и 8, подъ заглавіемъ: «Устинья Кузнецова, жена лже-Петра III», Р. Игнатьева. Г. Дубровинъ не читалъ этихъ статей и не помѣстилъ ихъ въ своемъ библіографическомъ указателѣ, хотя указатель этотъ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, и претендуетъ на полноту. Тамъ увидѣлъ бы онъ, что утвержденіе его о смерти матери Устиньи Кузнецовой становится сомнительнымъ, ибо въ Уральскѣ, въ архивѣ хозяйственнаго управленія уральскаго казачьяго войска, находится въ 2-хъ томахъ «нарядъ казачьихъ бумагъ по пугачевскому бунту» на 474 листахъ (по описи военной № 21, по хронологическому указателю № 151) и тамъ, на листѣ 36, находится извѣстіе, что женки: Марья Кузнецова, Устинья Пугачева и Прасковья Иванаева (а не Иванова, какъ ошибается г. Дубровинъ), 26-го апрѣля 1774 года отправлены Симоновымъ въ числѣ 220 другихъ колодниковъ, мужчинъ и женщинъ, изъ Яицкаго городка въ Оренбургъ.

Какая это Марья Кузнецова? Мать Устиньи тоже звали Марьей.

Г. Дубровинъ тоже, видно, не видалъ бумагъ въ архивѣ хозяйственнаго управленія въ Уральскѣ, а съѣздить туда ему, какъ изслѣдователю пугачевской эпохи, очень не мѣшало бы. Въ этомъ же архивѣ г. Дубровинъ увидѣлъ бы и имя Прасковьи Иванаевой въ книгѣ «О тѣлесныхъ и другихъ наказаніяхъ по приговорамъ 1770 — 1775 годовъ», и «сомнительный» матеріалъ сталъ бы безспорнымъ.

Выдача Пугачева у автора статьи «о женщинахъ» была разсказана лишь мимоходомъ и по Пушкину; если г. Дубровинъ разсказалъ ее вѣрнѣе, то это и немудрено при тѣхъ важныхъ матеріалахъ, и при томъ не обнародованныхъ, какими онъ пользовался.

Свѣдѣніе о судьбѣ женокъ въ Кексгольмской крѣпости авторомъ статьи «о женщинахъ» взято изъ подлинной выписки изъ государственнаго архива (подъ выпиской помѣта: VII, 2903) и у г. Дубровина только подтверждено.

Замѣтимъ мимоходомъ, что въ указателѣ г. Дубровина пропущена статья Влад. Витевскаго: «Происхожденіе Уральскаго войска» въ «Древней и Новой Россіи» 1879 г., № 7, стр. 206 — 216, а также, что собиратель «русскихъ народныхъ былинъ» (въ Чтеніяхъ М. О. И. и Д.) не Штейнъ, а Шейнъ.

Автору, укоряющему часто другихъ въ перевираніи фамилій, самому это можно поставить въ вину...

А. В. Арсеньевъ.

Котошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, третье изданіе археографической коммиссіи. Спб. 1884.

Говорить о значеніи этого памятника представляется совершенно излишнимъ. Всякій, кто хотя немного знакомъ съ русской исторіей, даже только по учебнику Иловайскаго, и тотъ знаетъ имя подьячаго Григорія Котошихина и читалъ отрывки изъ него. Нечего и говорить, во сколько разъ важнѣе оно для всякаго занимающагося русской исторіей. Какую бы область нашей исторіи XVI и XVII в. ни затронулъ изслѣдователь, онъ всегда обра-

тится къ Котошихину и здѣсь найдетъ полную картину и отчасти провѣрку того, что изслѣдователь по отдѣльнымъ чертамъ подобралъ изъ различныхъ и отрывочныхъ документовъ. Здѣсь найдетъ онъ черты домашней обыденной жизни царскаго двора и картину его въ минуты исключительныхъ торжествъ, свадебъ, рожденій, похоронъ и т. д., роспись чиновъ съ именами фамилій, думы, органовъ центральнаго правительства; подьячій посольскаго приказа, дѣлецъ изъ школы даровитаго московскаго дипломата Ордина-Нащокина, онъ знаетъ всѣ тонкости и пріемы московской дипломатіи, затѣмъ Котошихинъ останавливается на владѣніяхъ бояръ и духовенства и, наконецъ, описываетъ «житіе бояръ».

Въ предисловіи къ 3-му изданію мы находимъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній для біографіи Котошихина, извлеченныхъ изъ документовъ послѣ 2-го изданія: 1) прошеніе Котошихина на имя короля Карла XI въ 1666 г., 2) статья упсальскаго проф. Эрне 1881 г. въ Швед. Истор. Журн. «Русскій эмигрантъ въ Швеціи», 3) грамота царя Алексѣя Михайловича къ Ордину-Нащокину о наказаніи батогами Котошихина за описку въ царской титулѣ. Котошихинъ участвовалъ въ 1656 г. въ переговорахъ съ Швеціей, которые велъ Ординъ-Нащокинъ, а 9-го октября 1660 г. «для скорѣйшаго заключенія міра» изъ Дерпта былъ отправленъ въ Ревель, 7-го августа 1661 г. по заключеніи Кардисскаго мира (21 іюня 1661) ѣздилъ «гонцомъ» въ Стокгольмъ. Здѣсь Котошихинъ еще болѣе сблизился съ шведами, хотя знакомство началось и гораздо ранѣе. Послѣ поѣздки въ Швецію Котошихинъ началъ уже прямо служить шведскимъ интересамъ; такъ въ 1663 г. шведъ Эберсъ, одинъ изъ ловкихъ шведскихъ дипломатовъ, прямо пишетъ своему правительству, что ему помогаетъ одинъ русскій «по симпатіямъ добрый шведъ», и вотъ чрезъ него то онъ досталъ свѣдѣнія объ уступкахъ, какія хотѣло сдѣлать русское правительство. Что этотъ не названный русскій былъ именно Котошихинъ, мы узнаемъ позднѣе изъ его собственнаго прошенія Карлу XI, гдѣ говоритъ, что за это Эберсъ ему далъ тогда 40 рублей. Въ 1664 г., какъ извѣстно, онъ бѣжалъ въ Польшу, а въ 1665 г. явился къ Ингерманландскому губернатору Таубе, прося принять въ шведскую службу. Таубе сдѣлалъ запросъ своему правительству, какъ поступить съ бѣглецомъ, къ тому же въ это время кн. В. Ромодановскій, новгородскій воевода, прислалъ требованіе, чтобы «по Кардисскому вѣчному договору измѣнника и писца Гришку съ конвоемъ прислали въ Новгородъ». И только благодаря стараніямъ Горна и Эберса, пріятелей Котошихина, онъ избавленъ былъ отъ этой выдачи и принятъ на шведскую службу съ жалованіемъ въ 300 талеровъ въ годъ. Такимъ образомъ шведамъ Горну и Эберсу мы обязаны тѣмъ, что имѣемъ сочиненіе Котошихина. Изъ предисловія къ 3 изданію еще мы узнаемъ, что Ал. Ив. Тургеневъ, бывшій въ Швеціи ранѣе 1837 г., видѣлъ рукопись Котошихина прежде Соловьева. Нельзя не благодарить археографическую коммиссію за переизданіе этого важнаго памятника, такъ какъ первое и второе изданія сдѣлались уже рѣдки. Остается пожелать, чтобы коммиссія вновь напечатала и другія свои изданія, давно вышедшія изъ продажи, хотя бы акты; слѣдовало бы также издать простымъ способомъ Новгородскую лѣтопись по сунод. харатейному списку, такъ какъ изданіе свѣтопечатное не всякому доступно по цѣнѣ, а III т. 1 изд. Полн. Собр. Рус. Лѣт. теперь уже трудно достать.

А. Г—скій.

Русскій рубль XVI—XVIII вѣкѣ въ его отношеніи къ нынѣшнему. В. Ключевскаго. Изд. Общ. исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ М. 1885.

Въ прошломъ году мы уже сообщали въ «Ист. Вѣстникѣ» о рефератѣ проф. Ключевскаго въ московскомъ археологическомъ обществѣ: «О хлѣбныхъ цѣнахъ въ древней Руси». Изданная въ настоящее время книга представляетъ болѣе широкую разработку этого реферата. Основное положеніе автора то, что «знаменатель отношенія между хлѣбными цѣнами опредѣляетъ мѣновую стоимость рубля; для полученія этого знаменателя цѣны современныя дѣлятся на цѣны прошедшаго времени». Что либо сказать противъ фактической стороны изслѣдованія, можетъ быть, возможно будетъ только послѣ самостоятельныхъ изысканій по части хлѣбныхъ мѣръ, на что указываетъ и самъ авторъ, поэтому теперь мы сообщимъ только нѣкоторыя интересныя данныя.

Авторъ говоритъ, что главнѣйшимъ затрудненіемъ для опредѣленія нормальныхъ цѣнъ является крайнее колебаніе цѣнъ на древне-русскомъ рынкѣ, и только то обстоятельство, что «хлѣбныя цѣны часто колебались, но медленно измѣнялись», помогаетъ изслѣдователю, такъ какъ даетъ ему право брать цѣны для выводовъ на пространствѣ нѣсколькихъ десятилѣтій.

Для современныхъ цѣнъ авторъ пользуется изданіями «Департамента земледѣлія и сельской промышленности» за 1882 г., причемъ именно въ этомъ годѣ видитъ особенное удобство. Въ 1882 г. не было спроса за границу, т. е. именно того, чего не было и въ древней Руси, слѣдовательно, цѣны были ниже и скорѣе могли дать знаменатель ниже, чѣмъ выше; во-вторыхъ, и распредѣленіе урожая имѣло нѣкоторое сходство. Въ Московской Руси черноземная полоса занята была степью и не только не снабжала остальной Россіи, но и сама получала хлѣбъ изъ средней полосы, въ 1882 г. урожай въ черноземной полосѣ былъ ниже средняго и вывоза хлѣба отсюда почти не было. Окончательными выводами стоимости рубля являются: рубль 1500 г. = не менѣе 100 нынѣшнихъ, отъ 1501—1600 г. = перв. полов. столѣтія 63—68, втор. полов. 60—74, 1601—1612 г. = 12 р., 1613—1636 г. = 14 р., 1651—1700 г. = 17 р., 1701—1725 г. = 9 р., 1730—1740 г. = 10 р., 1741—1750 г. = 9 р.

Пользуясь этими выводами, авторъ сравниваетъ и стоимость прочихъ предметовъ хозяйства въ концѣ XVI в. При этомъ выходитъ, что предметы роскоши, въ большинствѣ случаевъ привозные, подешевѣли въ 5½ разъ, въ отдѣльности же многіе предметы стали гораздо дешевле, такъ сахаръ, стоющій пудъ 8 р., въ XVI столѣтіи покупался 343 коп.; принимая стоимость рубля въ данное время за 74, находимъ, что сахаръ сталъ дешевле болѣе чѣмъ въ 30 разъ. Сырые продукты: мясо, яйца, масло, подешевѣли въ общемъ ровно вдвое, но скотъ только въ 1,6 раза. Затѣмъ авторъ останавливается на сравнительной стоимости труда.

Въ приходо-расходной книгѣ Корниліева монастыря находятся цѣны, за какія монастырь нанималъ рабочихъ, служившихъ въ своей «одежѣ и обуткѣ», т. е. получавшихъ деньгами за рубахи и рукавицы и за всю обутку, и за сермягу и шубу. Плотникъ получалъ отъ монастыря 110 коп. въ годъ, а сапожникъ 90 к. Рабочій Вологодской губерніи за 1882 г. получалъ 67 р.

50 к. въ годъ, сравнивая, получается отношеніе 61 и 75. Рубль за это время = 74 нынѣшняго, т. е. трудъ былъ не дешевле. Эта маленькая книжечка во всякомъ случаѣ обращаетъ на себя вниманіе и, конечно, для каждаго занимающагося полезна почти для ежеминутныхъ справокъ.

Х. Г.

Историко-статистическое описаніе Волковско-православнаго кладбища, составленное священникомъ Н. Вишняковымъ. Спб. 1885.

Для историческихъ изысканій и статистическихъ свѣдѣній наши кладбища могутъ служить едва ли не самымъ вѣрнымъ и, во всякомъ случаѣ, самымъ богатымъ источникомъ. Но для этого необходимо изданіе подробнаго описанія этихъ «божьихъ нивъ» съ точнымъ указаніемъ именъ всѣхъ упокоившихся вѣчнымъ сномъ отъ житейскихъ треволненій. Вѣроятно, имѣя въ виду эту цѣль, въ 1833 году г. Саитовъ составилъ, а «Русскій Архивъ» издалъ «Петербургскій некрологъ», то есть алфавитный указатель всѣхъ лицъ, похороненныхъ въ Александро-Невской лаврѣ и на упраздненныхъ петербургскихъ кладбищахъ. Въ лаврѣ, какъ извѣстно, хоронятъ выдающихся русскихъ дѣятелей и выдающихся богачей, такъ какъ человѣку съ небольшими средствами нѣтъ мѣста на этомъ первоклассномъ аристократическомъ кладбищѣ, съ которымъ въ послѣднее время стало конкуррировать также кладбище Новодѣвичьяго монастыря. Но съ аристократіей рода и происхожденія, въ лаврѣ лежитъ и аристократія нашей интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи на ряду съ лаврскимъ кладбищемъ можно поставить только Волково, гдѣ въ особенности много русскихъ писателей нашли вѣчный покой. Поэтому книга г. Вишнякова не можетъ не интересовать всѣхъ, кому дороги судьбы представителей русской мысли. Къ сожалѣнію, книга эта, изданная редакціею историко-статистическаго описанія петербургской епархіи, на счетъ Волковской кладбищенской церкви, напечатана только въ числѣ 300 экземпляровъ и предназначается преимущественно для раздачи лицамъ, имѣющимъ отношеніе къ кладбищу. Книга составлена чрезвычайно обстоятельно и начинается описаніемъ мѣстоположенія кладбища (занимающаго теперь 84½ тысячи квадр. саженъ) и его окрестностей съ древнѣйшаго времени. Деревня Волково, противъ кладбища за Монастырской рѣчкой, существовала еще до основанія Петербурга и упоминается въ писцовыхъ книгахъ Ижорской земли уже съ 1640 года. Кладбище основано въ 1756 году. Авторъ разсказываетъ подробно исторію постройки всѣхъ его церквей, богадѣленъ и другихъ учрежденій. Любопытны приводимыя имъ цифры о числѣ погребенныхъ: въ 128-милѣтнее существованіе кладбища на немъ схоронено 5.711.781 человѣкъ; въ этомъ числѣ надо считать одну треть младенцевъ; мужчинъ до 1848 года погребалось вдвое больше противъ женщинъ, но съ этого года число погребенныхъ женщинъ на одну четверть меньше мужчинъ. Отчего зависитъ этотъ странный фактъ, авторъ не объясняетъ. Замѣчательныя изъ похороненныхъ на Волковомъ лица упоминаются не по алфавиту, а по рангамъ, о чемъ нельзя не пожалѣть. Такъ сначала перечисляются княжескія и графскія фамиліи, между которыми и 92-лѣтній графъ Владиміръ Ѳедоровичъ Адлербергъ; сюда же попалъ и педагогъ-филантропъ М. О. Косинскій, потому что онъ былъ баронъ. Затѣмъ слѣдуютъ духовныя лица, между которыми были и писатели: К. М. Сидонскій, Полисадовъ, Гри-

горовичъ и Никольскій,—писатель-публицистъ по вопросамъ церковной жизни въ «Голосѣ». Между генералами писателей не встрѣчается, но ихъ немало въ рядахъ высшихъ гражданскихъ чиновъ, какъ П. Г. Бутковъ, Джунковскій, Дуровъ, Ермолаевъ, академикъ Коркуновъ, Полѣновъ, Чебышевъ, Эвальдъ, Языковъ; писатель Деркеръ отнесенъ къ врачамъ; наконецъ, собственно въ отдѣлѣ писателей названы: Авдѣевъ, Аладьинъ, Артемьевъ, Аѳанасьевъ, Вашуцкій, Благосвѣтловъ, Брафманъ, Бѣлинскій, Глинка, С. Н., Дельвигъ, Добролюбовъ, Курочкинъ, Палаузовъ, Писаревъ, Полевой, Рѣшетниковъ, Стопановскій, Строевъ, Тургеневъ и др. За писателями идутъ художники, артисты, книгопродавцы, купцы, замѣчательныя женщины. Любопытно описаніе нѣкоторыхъ памятниковъ съ эпитафіями, иногда положительно комическими. Брошюра оканчивается главами, имѣющими мѣстный интересъ, какъ содержаніе причта, составъ служащихъ, приходъ и расходъ кладбищенскихъ суммъ и т. п.

В. З.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть вторая. Спб. 1884 г.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1882 г., т. IX, стр. 216) было сказано нѣсколько словъ о появленіи первой части «Исторіи западно-русской церкви» профессора И. А. Чистовича. Теперь передъ нами находится вторая часть этого труда, обнимающая собою эпоху введенія брестской церковной уніи. Въ послѣдовательномъ обзорѣ этой эпохи уважаемый профессоръ прослѣдилъ состояніе русской церкви въ польскихъ владѣніяхъ съ начала уніи до половины XVIII вѣка, очертивъ тотъ тяжелый польско-іезуитскій гнетъ, которому она была подвергнута съ цѣлью введенія уніи, и описавъ борьбу русскаго духовенства и русскаго народа, оберегавшихъ свою вѣру отъ непосильнаго натиска польской религіозной нетерпимости и католическаго фанатизма. Матеріалами для этого труда автору служили, кромѣ историческихъ изслѣдованій русскихъ, а отчасти и польскихъ историковъ, и матеріаловъ, напечатанныхъ въ русскихъ историческихъ изданіяхъ, еще собственныя изслѣдованія, произведенныя въ архивныхъ дѣлахъ святѣйшаго синода и синодальныхъ опредѣленіяхъ. Подстрочныя примѣчанія, сдѣланныя авторомъ, указываютъ на массу матеріаловъ, которые были въ его распоряженіи.

Церковная унія, съ присоединеніемъ въ 1875 году холмскихъ уніатовъ къ православной церкви, покончила свое существованіе,—по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Русской имперіи,—сдѣлавшись уже достояніемъ исторіи. Подвести, съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ, итоги надъ этимъ измышленіемъ іезуитовъ, видѣвшихъ въ уніи удобный способъ для совращенія русскихъ въ католицизмъ, лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ, и въ этомъ отношеніи труды такихъ историковъ, какъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, М. О. Кояловичъ, А. Ѳ. Хойнацкій и др., стяжали достойную славу. Пополняя собою труды этихъ историковъ, изслѣдованіе профессора Чистовича служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма полезнымъ пособіемъ при изученіи отношеній польскаго правительства и католическаго духовенства къ западно-русской церкви.

М. Г—кій.

Ю. Функе. Учебникъ всеобщей исторіи (со включеніемъ отечественной). Средніе вѣка. Кіевъ. 1884 г.

Г. Функе въ предисловіи прежде всего заявляетъ, что преподаваніе исторіи въ настоящее время обставлено въ классическихъ гимназіяхъ крайне неблагопріятными условіями: на этотъ важнѣйшій общеобразовательный предметъ полагается всего два часа въ недѣлю. Нельзя въ этомъ случаѣ не согласиться съ нимъ, и мы прибавимъ отъ себя, что видѣли на опытѣ печальныя слѣдствія такого пренебреженія къ исторіи: молодые люди поступаютъ въ университетъ совершенными невѣждами по этому предмету, если только они не пополняютъ внѣклассныхъ чтеніемъ (а много ли останется у классика времени для такого чтенія?) жалкаго курса, или, лучше сказать, какихъ то обрывковъ курса, которые имъ преподносятся гимназіей. Мы сами читали выпускныя сочиненія молодыхъ людей, уже поступившихъ въ университетъ, въ которыхъ тридцатилѣтняя война была отнесена къ среднимъ вѣкамъ, въ Германіи управлялъ Фердинандъ Барбаруса и пр. Особенно страдаютъ средняя и новая исторіи, такъ какъ древняя проходится два раза, и чтеніе классиковъ всетаки же даетъ для нея что нибудь. Поэтому нельзя не встрѣтить съ сочувствіемъ мысль г. Функе дать практичный, удобный и довольно обстоятельный учебникъ именно по несчастной и загнанной средней исторіи. Нельзя также не одобрить мысли г. Функе соединить отечественную исторію съ всеобщей: можно, пожалуй, сомнѣваться въ томъ, должно ли такъ стоять дѣло по существу въ школѣ, гдѣ исторія поставлена серьезно, но при двухъ урокахъ въ недѣлю, отведенныхъ на всеобщую и отечественную исторію, когда недѣльный промежутокъ долженъ отдѣлять первый крестовый походъ отъ втораго, или Владиміра Мономаха отъ его сыновей, сомнѣнію и спору мѣста нѣтъ.

Г. Функе — опытный преподаватель, серьезно относящійся къ своему дѣлу, какъ видно изъ составленнаго имъ учебника. Этотъ учебникъ не поражаетъ новизною взгляда, совершенно, впрочемъ, неумѣстною въ трудахъ подобнаго рода, или какимъ либо особымъ пріемомъ въ распредѣленіи матеріала; онъ толковымъ и понятнымъ языкомъ излагаетъ общеизвѣстные факты, наблюдая разумную мѣру. Конечно, онъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ недостатковъ и неточностей, и чтобы нашъ упрекъ не былъ голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Винкентій Бове (стр. 245) не долженъ быть названъ Венсанъ и не долженъ быть причисленъ къ естествоиспытателямъ; Lais, также какъ и романсы, не были формою поэзіи трубадуровъ (стр. 249); тенсоны слагались не для состязаній, а излагали состязанія и т. д.

Отъ подобныхъ неточностей авторъ, надѣемся, освободится при слѣдующемъ изданіи, чего мы ему вполнѣ желаемъ.

А. К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Завоюетъ ли Россія Индію?—Исторія русской литературы въ 1884 году.—Нѣмцы о графѣ Л. Н. Толстомъ.—Русское искусство въ англійской оцѣнкѣ.—Сочиненіе наслѣднаго австрійскаго принца.—Генрихъ IV, король англійскій.—Австрійскій фельдмаршалъ англійскаго происхожденія.—Новый трудъ Самуила Смайльса.—Египетская экспедиція, погибшая въ Суданѣ.—Нѣмецкій писатель-авантюристъ.—Отношеніе Даніи къ Лифляндіи въ XIV—XVI столѣтіи.—Сочиненіе о Тибетѣ.—Испанское изслѣдованіе о греческой поэтессѣ.—Книга французскаго генерала о войнѣ 1870 года.—Исторія правительства національной обороны.—Путешественники по Франціи.

ПЕРВАЯ новогодняя книжка лучшаго ежемѣсячнаго журнала «Девятнадцатое столѣтіе» (The Nineteenth Century) начинается статьею мадьяра, Арминія Вамбери, извѣстнаго своимъ знаніемъ средне-азіатскихъ дѣлъ, но еще болѣе своею ненавистью къ Россіи. Статья носитъ тенденціозное заглавіе: «Завоюетъ ли Россія Индію?» (Will the Russia conquer India?). Статья еще не окончена, но и теперь уже видно, что авторъ ея вѣренъ убѣжденіямъ, высказываемымъ въ его прежнихъ сочиненіяхъ, что Россія выжидаетъ только благопріятнаго времени, чтобы двинуться на Индію изъ своихъ владѣній въ Средней Азіи. Вамбери начинаетъ свою статью въ пророческо-торжественномъ тонѣ: «Великія событія бросаютъ тѣнь передъ собою; несомнѣнные признаки историческихъ переворотовъ, приближающихся въ молчаніи, сгущаются вокругъ насъ, и, если, не смотря на это, мы отказываемся вѣрить совершившимся фактамъ, полнымъ значенія — это слѣдуетъ приписать не притупленію нашихъ чувствъ, но преобладающему строго консервативному характеру большинства нашихъ политиковъ». По словамъ этихъ политиковъ, «Русская имперія, признанная варварскою, грубою и неповоротливою (unwieldy), не можетъ угрожать націи, которую привыкли считать воплощеніемъ западнаго духа, западныхъ учрежденій, западнаго могущества». И, однакоже, Россія не только угро-

жаетъ, но и начинаетъ приводить въ дѣйствіе свои угрозы. Вамбери старается въ своей статьѣ доказать это всевозможными натяжками и тенденціознымъ подборомъ всякихъ фактовъ, ложно истолкованныхъ, а иногда и просто вымышленныхъ. Разсказавъ подробно и довольно вѣрно исторію постепеннаго завоеванія Средней Азіи, Вамбери видитъ въ движеніи къ Индіи только логическій ходъ развитія государства, основаннаго не на этнологическомъ единствѣ общаго населенія, а на сліяніи вокругъ него сильныхъ и развитыхъ племенъ, сначала угорскаго, финскаго, тюркскаго, потомъ татарскаго, литовскаго, нынѣ монгольскаго и др. Русскому элементу авторъ приписываетъ умѣнье поглощать и ассимилировать своихъ сосѣдей, особенно на восточной границѣ, гдѣ успѣху обрусенія особенно помогаетъ «преобладающій азіатскій характеръ русскаго общества». Въ этой способности къ ассимиляціи покоренныхъ племенъ заключается преимущество Россіи передъ Англіею, дающей намъ патентъ на это свойство, въ то время, какъ мы сами считали себя плохими колонизаторами и жалуемся, что у насъ пришлыя племена, какъ нѣмцы и евреи, играютъ преобладающую роль. Въ этой войнѣ всѣ шансы на сторонѣ Россіи. Не говоря уже о ея огромной арміи, за нею охотно пойдутъ всѣ средне-азіатскія племена и кочевники, тогда какъ индійскія племена поднимутся противъ Англіи. Афганцы непремѣнно присоединятся къ русскимъ, пользующимся престижемъ непобѣдимой силы. Все это, конечно, очень утѣшительно и лестно для насъ, но чтобы мы въ настоящее время отправились серьезно завоевывать Индію,— это можетъ думать развѣ одинъ венгерскій публицистъ, съ горстью такихъ же глубокомысленныхъ англійскихъ политиковъ, которыхъ можно обвинить уже никакъ не въ консерватизмѣ, какъ это дѣлаетъ Вамбери, а скорѣе въ наклонности видѣть тайные замыслы и грозящую опасность тамъ, гдѣ они вовсе не существуютъ. «У страха глаза велики», говоритъ русская поговорка, а ежеминутныя опасенія Англіи за свою Индійскую имперію доказываютъ только, какъ шатка и не прочна власть Англіи въ странѣ, гдѣ грубость деспотизма завоевателей возбудила ненависть всего многочисленнаго населенія къ англійскому имени.

— Вообще Россіею занимаются въ Европѣ немало. Въ послѣднемъ нумерѣ критическаго журнала «Athenaeum» по обыкновенію помѣщенъ обзоръ «Континентальной литературы въ 1884 году». Между тринадцатью статьями о литературѣ Бельгіи, Даніи, Франціи, Германіи, Греціи, Голландіи, Венгріи, Италіи, Норвегіи, Польши, Испаніи, Швеціи, подписанными извѣстными именами: Лавеле, Петерсена, Прессансе, Циммермана, Ламброса, Вамбери, Бельциковскаго и др., помѣщенъ довольно обширный очеркъ о русской литературѣ съ подписью Михаила Ачкинази, встрѣчавшеюся и подъ русскими статьями. Авторъ очерка говоритъ, что наша литература почти весь годъ была слаба и блѣдна (wan and languid) и оживилась только съ декабря, съ изданіями литературнаго фонда—«Сборникомъ» его и «Письмами Тургенева». Послѣднія уничтожаютъ всякую мысль о томъ, что другъ Флобера и Зола шелъ по ихъ слѣдамъ на пути реализма. Напротивъ, онъ всегда отзывался съ невыгодной стороны о произведеніяхъ натуральной школы и ихъ авторовъ (г. Ачкинази приводитъ этотъ отзывъ изъ письма къ Полонскому). Это не мѣшало ему, однако, брать съ натуры образы лицъ, дѣйствующихъ въ его романахъ и служившихъ какъ бы закваскою для его творческой фантазіи. Съ этой цѣлью, «какъ онъ самъ говорилъ мнѣ лично»,—прибавляетъ г. Ачкинази,—писатель ежегодно знакомился съ 30—40 лицами разныхъ классовъ общества. «Лучшею статьею «Сборника литературнаго фонда» авторъ считаетъ «Де-

кабристовъ» Л. Толстаго, сожалѣя, что великій романистъ оставилъ свою карьеру, предавшись религіознымъ вопросамъ, и не исполняетъ завѣщанія Тургенева, умолявшаго его на смертномъ одрѣ не бросать своего искусства. Вторымъ выдающимся явленіемъ русской литературы 1884 года авторъ считаетъ три сказки Щедрина (въ томъ же «Сборникѣ»), «этого великаго сатирика, русскаго Свифта, редактора «Отечественныхъ Записокъ», запрещенныхъ спеціальнымъ императорскимъ указомъ» (здѣсь авторъ ошибается: журналъ прекращенъ по постановленію четырехъ министровъ). Вообще изданіе «Сборника литературнаго фонда» авторъ считаетъ весьма существеннымъ пособіемъ «постепенно возростающему числу бѣдныхъ литераторовъ, которыхъ постоянно разворяетъ цензурное управленіе (censorship), запрещающее ихъ статьи». Изъ беллетристическихъ произведеній 1884 года авторъ упоминаетъ только одно «Каиново племя» г. Немировича-Данченко, да и то называетъ фельетоннымъ; изъ поэтическихъ—«Вавилонское столпотвореніе» г. Минскаго, по стиху, напоминающее Лермонтова, по мысли — Légende des siècles Гюго. Изъ историческихъ трудовъ говоритъ только о запискахъ Пирогова, изъ географическихъ — о переводѣ описанія Россіи—Реклю, съ добавленіемъ г. Богданова по русской фаунѣ и г. Бекетова—по русской флорѣ; изъ юридическихъ упоминается о трудѣ г-жи Ефименко «Обычное право въ сѣверной Россіи» и г. Приклонскаго «Народная жизнь на сѣверѣ»; изъ педагогическихъ о критическомъ сборникѣ «Что читать народу?». Очеркъ оканчивается страннымъ извѣстіемъ о праздновавшемся (гдѣ и кѣмъ?) столѣтнемъ юбилеѣ Бѣлинскаго. Писателю, лично знакомому съ Тургеневымъ, стыдно не знать, что только въ нынѣшнемъ году исполнится 75 лѣтъ со дня рожденія критика.

— Въ «Nazional Zeitung» появилась серьезная оцѣнка произведеній Льва Николаевича Толстаго, по поводу появившихся переводовъ на нѣмецкій языкъ «Анны Карениной» и «Исповѣди» и французскаго перевода «Война и миръ». Оцѣнка эта принадлежитъ Цабелю, написавшему обширную монографію о Тургеневѣ. Признавая самобытный, естественный и правдивый реализмъ въ произведеніяхъ Толстаго, Цабель причисляетъ его, однако, къ идеалистамъ и называетъ «стражемъ добродѣтели противъ легкомыслія и порочности». Восхищаясь всѣми его романами и повѣстями, нѣмецкій критикъ сходится съ русскими въ выраженіи сожалѣнія о мистическомъ направленіи, принятомъ въ послѣднее время даровитымъ писателемъ. Объ его «Исповѣди», изданной понѣмецки, подъ заглавіемъ «Worin besteht mein Glaube», Цабель говоритъ нѣсколько словъ, хотя и совѣтуетъ прочесть ее.

— Въ Лондонѣ вышло роскошное изданіе «Русское искусство и предметы искусства въ Россіи» (Russian art and art objects in Russia). Авторъ этой замѣчательной книги Альфредъ Маскелль, на основаніи снимковъ, хранящихся въ кенсингтонскомъ музеѣ, съ коллекцій петербургскаго эрмитажа, московскихъ кремлевскихъ хранилищъ, оружейной палаты, патріаршей ризницы, царскосельскего арсенала, керченскаго и другихъ музеевъ, излагаетъ сжато, но ясно исторію русскаго національнаго искусства, процвѣтавшаго въ XVI и XVII вѣкахъ. Авторъ видитъ въ немъ вліянія скиѳское, византійское, персидское, индійское и монгольское, но переработанныя самобытнымъ русскимъ вкусомъ, упадокъ котораго теперь, какъ и вообще художественной дѣятельности въ Россіи, начался со времени сближенія ея съ Западомъ. Книга Маскелля заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ ней тридцать прекрасно исполненныхъ рисунковъ.

— На англійскомъ языкѣ вышелъ переводъ сочиненія наслѣднаго австрійскаго принца Рудольфа «Путешествіе по Востоку съ включеніемъ поѣздки въ Египетъ и святую землю» (Travels in the East, including a visit to Egypt and the Holy land, by his imperial highness the crownprince Rudolph). Книга эта прежде всего, конечно, интересуетъ читателя личностью автора, которому предстоитъ быть повелителемъ обширнаго, могущественнаго государства; но и помимо этого въ разсказѣ о странахъ, столько разъ уже описанныхъ путешественниками всякихъ національностей, много любопытнаго. Авторъ выражается, конечно, сдержанно о серьезныхъ предметахъ, но говоритъ не безъ одушевленія и юмора о нравахъ и обычаяхъ жителей разныхъ посѣщаемыхъ имъ мѣстностей, сравнивая ихъ между собою, восхищается живописными ландшафтами, рисуетъ семейныя египетскія и сирійскія картины, оффиціальные пріемы и угощенія турецкихъ и египетскихъ пашей и христіанскихъ монаховъ въ монастыряхъ. Еще больше оживленія видно въ описаніи сценъ охоты, на которыя приглашали принца. Что онъ страстный охотникъ,—видно изъ того, какъ онъ самъ устроивалъ въ капканѣ приманку изъ дохлаго осла, чтобы поймать гіену. Въ Египтѣ принцъ замѣтилъ, что волкъ, шакалъ и собака спариваются между собою; что же касается до изслѣдованія египетскихъ древностей, авторъ не пускается въ ихъ объясненія, а предоставляетъ это «своему другу Вругшу», извѣстному египтологу, принимавшему участіе въ экспедиціи принца.

— Изъ всѣхъ эпохъ англійской исторіи, царствованіе Генриха IV менѣе всего разработано, по отсутствію документовъ того времени; поэтому большой интересъ возбудило сочиненіе «Исторія Англіи при Генрихѣ IV» (History of England under Henry IV). Авторъ книги, инспекторъ школъ, посвятилъ много лѣтъ усидчивой разработкѣ темныхъ и неполныхъ лѣтописей, относящихся къ этому періоду, въ основаніи которыхъ лежатъ хроники Вальсингамская и Сентъ-Альбанскаго аббатства. Генриха IV многіе считали похитителемъ престола, признавая королемъ слабаго, безхарактернаго Ричарда II, но въ эту эпоху смутъ и безначалія, когда въ Шотландіи графы Перси пользовались гораздо бо̀льшею властью, чѣмъ король въ Лондонѣ, странѣ нуженъ былъ твердый, энергическій властитель — и такимъ явился Генрихъ IV. Распространеніе секты лоллардовъ, возмущеніе Овена Глендовера въ Валлисѣ, вступившаго въ союзъ съ Генрихомъ Готспуромъ, требовали быстрыхъ и рѣшительныхъ мѣръ, и король выказалъ при подавленіи возстаній, какъ и въ управленіи вообще, много ума, твердости и такта. Книга воскрешаетъ вполнѣ эту замѣчательную историческую личность.

— Вышелъ «Очеркъ военной жизни Гедеона Эрнеста Лоудона, бывшаго генералиссимуса австрійскихъ войскъ» (London. A sketch of the military life of Gideon Ernest, Freiherr von London, sometime generalissimo of the Austrian forces). Какъ многіе военные дѣятели въ Австріи, Лоудонъ былъ англійскаго происхожденія. Предокъ его переселился въ Ливонію еще въ XIV вѣкѣ; отецъ Гедеона былъ полковникомъ шведской арміи, а сынъ, когда эта провинція была уступлена Россіи, въ 1721 году, началъ свою службу 16-ти лѣтъ въ русской арміи и принималъ участіе въ осадѣ Данцига, потомъ онъ былъ недолго въ шведской арміи, но, видя упадокъ Швеціи, отправился въ Берлинъ служить Фридриху II. Король не принялъ его на службу, и Лоудонъ вступилъ, въ 1744 году, въ австрійскія войска. Во время Семилѣтней войны, разбивая не разъ пруссаковъ, Лоудонъ доказалъ Фридриху, что, не принявъ его въ прусскую службу, король сдѣлалъ такую же

ошибку, какъ Людовикъ XIV, отвергнувшій предложеніе принца Евгенія — служить Франціи. Пораженіемъ при Кунерсдорфѣ Фридрихъ II обязанъ планамъ Лоудона и стойкости русскихъ войскъ. За блистательный штурмъ Швейдница онъ едва не былъ разжалованъ, такъ какъ побѣдилъ безъ разрѣшенія военнаго совѣта. Только заступничество императора и Кауница спасло его отъ преданія суду. Фридрихъ признавалъ военный талантъ Лоудона и, по заключеніи мира, на одномъ обѣдѣ, гдѣ Лоудона посадили противъ короля, сказалъ ему: «мнѣ гораздо пріятнѣе, чтобы вы были подлѣ меня, а не противъ меня». Лоудонъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ въ 1788 году и взялъ во время войны съ турками Бѣлградъ. Умеръ онъ 68 лѣтъ, на смотру войскъ въ Моравіи.

— Извѣстный русскимъ читателямъ Самуилъ Смайльсъ издалъ новый томъ, имѣющій такое же воспитательное значеніе, какъ и его прежнія произведенія: «Люди изобрѣтенія и промышленности» (Men of invention and industry). Это біографіи выдающихся дѣятелей на поприщѣ труда и науки: Финеаса Петта, Френсиса Петтит-Смита и Гарланда, оказавшихъ такія важныя услуги кораблестроительству, механикѣ и разработкѣ угольныхъ копей. Затѣмъ разсказана жизнь многихъ менѣе извѣстныхъ, но не менѣе замѣчательныхъ изобрѣтателей: Гаррисона, усовершенствовавшаго хронометры, Джона Ломба, основавшаго выдѣлку шелка въ Англіи, Мурдока, открывшаго освѣтительный газъ, Кенига и Вальтера, устроившихъ первыя паровыя скоропечатныя машины и проч. Примѣръ всѣхъ этихъ тружениковъ можетъ несомнѣнно имѣть благотворное вліяніе на развитіе въ другихъ — энергіи, изобрѣтательности и терпѣнія, а въ біографіи ихъ встрѣчаются нерѣдко черты вполнѣ романтическаго характера, какъ, напримѣръ, исторія отравленія Ломба завистливыми итальянцами.

— Экспедицію генерала Уольслея, такъ медленно и осторожно идущаго на выручку Гордона въ Хартумъ, конечно, не ожидаетъ участь его предшественника Гикса-паши, но появившееся въ свѣтъ сочиненіе о гибельномъ походѣ этого предводителя египетской арміи наводитъ на печальныя сравненія. Книга написана однимъ изъ участниковъ этого похода, полковникомъ Кольборномъ и носитъ названіе «Съ Гиксъ-пашею въ Суданѣ» (With Hicks-Pasha in Soudan). Авторъ разсказываетъ скромно и интересно все, что видѣлъ самъ, не скрывая, но и не преувеличивая трудностей похода. Чтобы дать понятіе объ этихъ трудностяхъ, онъ напоминаетъ, что въ 1821 году Мегметъ-Али шелъ тою же дорогою, какъ и Уольслей, отъ Донголы въ пустыню, одиннадцать дней съ арміею изъ 4,000 кавалеріи и 1,400 бедуиновъ и съ четырьмя пушками. Отрядъ Уольслея гораздо слабѣе, но хорошихъ пушекъ, приспособленныхъ къ перевозкѣ на верблюдахъ, у него больше. Авторъ говоритъ, что египетскіе солдаты умѣютъ драться, но египетскіе офицеры положительно не умѣютъ командовать и при малѣйшемъ сопротивленіи непріятеля совершенно теряютъ голову. Въ войскахъ махди Кольборнъ находитъ большое сходство съ крестоносцами. Своими копьями, большими щитами, длинными мечами, маленькими шлемами, короткой кольчугой изъ стальныхъ колецъ эти суданскіе рыцари напоминаютъ воиновъ Готфрида Бульонскаго. Дерутся они не хуже крестоносцевъ, потому что отстаиваютъ не только свои религіозныя вѣрованія, но и политическую свободу. Они никогда не ждутъ, чтобы ихъ атаковали, и сами первыми переходятъ въ наступленіе. Трудно противостоять ихъ стремительному натиску, но однажды отраженные, они рѣдко возобновляютъ нападеніе. Въ книгѣ подмѣчены многія любопытныя черты ихъ быта и образа веденія войны.

— Нѣмецкій писатель, замѣчательный если не особенным талантомъ, то жизнью, полною самыхъ разнообразныхъ приключеній, Карлъ Гагернъ, издалъ томъ своихъ воспоминаній подъ названіемъ «Мертвые и живые» (Todte und Lebende). «Meminisse juvat», говоритъ эпиграфъ книги, и на этомъ основаніи авторъ набрасываетъ рядъ бойко написанныхъ біографій Людвига Яна, своего учителя, знаменитаго германскаго патріота, Макса Штирнера, Бруно Бауера, Фрейлихрата, Луизы Аштонъ, Генріеты Зонтагъ, Гумбольдта, Зибольда, Эспартеро, Вислиценуса, Лопеса-де-Санта-Анна, Мирамона, Хуареса и другихъ политическихъ дѣятелей Испаніи и южно-американскихъ республикъ. Гагернъ имѣлъ возможность узнать ихъ, служа сначала въ карлистскомъ возстаніи, гдѣ былъ однажды схваченъ и чуть не разстрѣлянъ,—потомъ сражаясь за независимость Мексики, послѣ того, какъ былъ сначала іезуитомъ, потомъ перешелъ въ еврейство и, наконецъ, въ чинѣ прусскаго поручика былъ основателемъ союза рабочихъ въ Берлинѣ, откуда бѣжалъ въ Южную Америку. Жизнь такого автора интересна не менѣе, чѣмъ многія изъ приводимыхъ имъ біографій, и книга его читается, какъ романъ, хотя описываетъ то, что дѣйствительно было.

— На нѣмецкій же языкъ переведено съ датскаго сочиненіе Моллерупа, «Отношенія Даніи къ Лифляндіи отъ продажи Эстляндіи до уничтоженія ордена меченосцевъ» (Dänemark's Beziehungen zu Livland von Verkauf Estlands bis zur Auflösung des Ordensstaats 1346 — 1561). Авторъ этого сочиненія, имѣющаго отношеніе и къ Россіи, разсказываетъ слишкомъ двухвѣковую судьбу двухъ провинцій, на которыя Данія издревле предъявляла свои права, хотя еще въ 1346 году Вольдемаръ продалъ Эстляндію прусскому ордену рыцарей, а тотъ уступилъ ее ливонскимъ рыцарямъ. Документы этой продажи довольно темны и ее неоднократно оспаривали. Въ XVI вѣкѣ Христіернъ III требовалъ у гроссмейстера ордена признанія верховнаго владычества Даніи надъ провинціею. Съ другой стороны, на нее заявляла притязанія Польша и въ 1557 году принудила Лифляндію заключить союзъ съ Польшей противъ Россіи, а въ 1561 году уничтожила орденъ, послѣ 350-тилѣтняго его существованія. Гроссмейстеръ Кетлеръ получилъ въ наслѣдственное владѣніе Курляндію и Семигалію и сдѣлался первымъ польскимъ намѣстникомъ въ Лифляндіи. Данія ничего не получила. Этимъ годомъ оканчивается историческое изслѣдованіе Моллерупа.

— Въ одно время съ переводомъ книги Пржевальскаго на нѣмецкій языкъ, подъ названіемъ «Путешествіе въ Тибетъ и по верхнему теченію Желтой рѣки» (Reise in Tibet und am oberen Lauf des Gelben Flusses) вышло описаніе путешествія въ этой же мѣстности братьевъ Шлагинтвейтъ и другихъ лицъ, озаглавленное: «Ост-индская имперія и пограничныя горныя страны» (Das Kaiserreich Ostindien und die angränzenden Gebirgsländer). Книга Роберта Шлагинтвейта вышла еще въ 1880 году (другой братъ Адольфъ былъ убитъ въ Кашгарѣ въ 1857 году), но многотомное и дорогое изданіе недоступно для частныхъ лицъ, а вышедшее нынѣ и составленное Вернеромъ заключаетъ въ себѣ только главные эпизоды путешествія въ сжатомъ видѣ. Это, конечно, не отнимаетъ отъ книги ея важнаго географическаго и историческаго значенія. По словамъ Вернера, англичане всѣми средствами затрудняютъ доступъ путешественникамъ въ страну, лежащую по ту сторону Гималая отъ англійскихъ владѣній. Кромѣ того, резиденцію Далай-ламы, Хлассу, строго охраняетъ Китай, считающій Тибетъ своимъ вассальнымъ государствомъ и содержащій тамъ резидента, у котораго до сотни тѣ-

лохранителей. У Далай-ламы также довольно многочисленная вооруженная стража. Но въ Хлассѣ не болѣе 20,000 постоянныхъ жителей. Число ихъ увеличивается иногда до 50,000, вслѣдствіе наплыва ламъ на поклоненіе своему духовному и свѣтскому владыкѣ. Вернеръ очень жалѣетъ, что г. Пржевальскому не удалось попасть въ Хлассу.

— Въ Мадридѣ вышло историко-литературное изслѣдованіе «Сафо передъ современною критикою» (Safo ante la critica moderna). Авторъ этого серьезнаго труда, испанскій ученый Фернандесъ Мерино, извѣстенъ уже прекраснымъ прозаическимъ переводомъ Нибелунговъ и розысканіями о макабрской пляскѣ. О греческой поэтессѣ писали многіе критики и историки литературы: англичанинъ Мюръ, итальянцы Компаретти и Модена, нѣмцы Велькеръ, Кохъ, Арнольдъ и др. Извѣстно, что лесбосская гетера, которую Платонъ называлъ десятой музой, а Солонъ училъ наизустъ ея пѣсни, подвергалась, особенно со стороны французскихъ критиковъ, обвиненіямъ въ распутной жизни, въ противоестественныхъ наклонностяхъ. Испанскій писатель опровергаетъ эти обвиненія. Историческая Сафо была современницей поэта Алкея и, также какъ онъ, родилась на островѣ Лесбосѣ, куда по преданіямъ волны принесли лиру и голову Орфея, растерзаннаго менадами. Геродотъ называетъ ея отца, Скамандронимоса, Страбонъ ея брата—Гараксоѕа. Мерино говоритъ, что эолійскіе поэты Алкей, Алкманъ, Стезихоръ съ уваженіемъ отзывались о Сафо и о женщинахъ вообще, тогда какъ Аристофанъ и Еврипидъ преслѣдовали ихъ насмѣшками. Въ древней Греціи женщины пользовались одинаковыми правами съ мужчинами—даже правомъ свободной любви. Только олигархическія Аѳины начали ихъ запирать въ гинекеи. Но въ то время, когда городъ Паллады открывалъ академіи и школы для мальчиковъ, Сафо основала на Лесбосѣ подобную же школу для развитія и воспитанія молодыхъ дѣвушекъ. Она относилась къ нимъ, правда, со страстностью, не допускаемою современными понятіями о нравственности, но не надо забывать, что въ древнемъ мірѣ нисколько не считалось предосудительнымъ многое, что теперь подводится подъ кару уголовнаго кодекса. Сафо была типомъ эманципированной женщины своего времени, а этого ей не могли простить аѳиняне, державшіе своихъ женщинъ въ заперти и обрушившіеся на поэтессу преимущественно въ комедіяхъ, осмѣивавшихъ и Сократа, и Платона, и Демосѳена. Легенда о смерти Сафо изъ любви къ Фаону, разсказанная впервые Менандромъ, давно отвергается исторіей, такъ какъ объ этомъ ни слова не говорятъ ни Стезихоръ, современникъ Сафо, ни Геродотъ. Всего вѣроятнѣе, что на Лесбосѣ жили двѣ Сафо, или даже нѣсколько — имя это было общеупотребительное на островѣ,—и преданіе смѣшало біографіи многихъ лицъ съ жизнью поэтессы.

— Много шума надѣлало сочиненіе генерала Лебрена «Война 1870 года. Базейль и Седанъ» (La guerre de 1870. Bazeilles et Sedan), въ короткое время достигнувшее четвертаго изданія. Многіе называютъ эту книгу памфлетомъ, потому что старый генералъ, передающій только то, что самъ видѣлъ, отзывается одинаково неодобрительно обо всѣхъ герояхъ этой эпохи, не исключая Мак-Магона, Дюкро и Вимпфена. Но кто же виноватъ, если въ эту тяжелую эпоху, когда во Франціи всѣ потеряли голову, не нашлось ни одного энергическаго человѣка? Лебренъ обвиняетъ въ малодушіи и недостаткѣ патріотизма не однихъ генераловъ, но и жителей городовъ и мѣстечекъ, занятыхъ непріятелемъ. Бездарный маршалъ не могъ спасти Францію, которую не хотѣли защищать сами французы.

— Не менѣе интересенъ второй томъ «Исторія правительства національной обороны въ провинціи» (Histoire du gouvernement de la défense nationale en province) Стенакера. Мы говорили о первомъ томѣ этого замѣчательнаго труда въ прошломъ году; вышедшій нынѣ томъ заключаетъ въ себѣ изложеніе событій отъ 7-го октября по 3-е ноября 1870 года, отъ отъѣзда Гамбетты въ провинцію до плебисцита въ Парижѣ. Здѣсь особенно рельефно изображены сцены прибытія диктатора въ Туръ, его мѣры къ защитѣ страны, интриги партій, сраженія при Орлеанѣ, Шатоденѣ, измѣна Базена и капитуляція Меца, волненія на югѣ Франціи. Изложеніе фактовъ вездѣ спокойное и безпристрастное, хотя авторъ не можетъ воздержаться отъ упрековъ императорскому правленію, которое довело страну до страшной деморализаціи и малодушія.

— Альбертъ Бабо, авторъ серьезныхъ изслѣдованій «Городъ и деревня при старомъ режимѣ» и «Сельская жизнь въ старинной Франціи», пользовался для этихъ сочиненій свидѣтельствомъ лицъ, посѣщавшихъ страну въ эту эпоху. Это дало ему поводъ составить новую книгу: «Путешественники по Франціи отъ эпохи Возрожденія до Революціи» (Les voyageurs en France depuis la Renaissance jusqu'à la Revolution). Здѣсь собрано множество замѣтокъ, принадлежащихъ сотнямъ лицъ, касательно общественнаго и политическаго положенія страны въ разныя эпохи, при разныхъ обстоятельствахъ, какими сопровождались эти поѣздки частныхъ и государственныхъ лицъ, знатныхъ иностранцевъ, писателей, художниковъ, ученыхъ, дипломатовъ и пр. Каждый изъ нихъ по своему наблюдаетъ за нравами и обычаями жителей, изображаетъ ихъ свойства, наклонности, занятія, работы и т. п. Конечно, все это отрывочно, неполно, но все вмѣстѣ живо, увлекательно, разнообразно. Авторъ умѣетъ выбирать и цитируетъ изъ своихъ источниковъ то, что можетъ интересовать всѣхъ читателей.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Колоколъ раздора.

1842 годъ начался для одесситовъ необыкновенно весело. Графъ Воронцовъ, который непостоянно жилъ въ Одессѣ, на этотъ разъ пребывалъ въ своей резиденціи и оживлялъ городъ, давая балы и маскарады. Особенно много толковъ возбуждалось у мѣстнаго населенія по поводу этихъ послѣднихъ. Но случилось въ Одессѣ происшествіе, которое отодвинуло на задній планъ даже и графскіе маскарады и дало разговорамъ жителей другое направленіе.

Стараніями мѣстнаго преосвященнаго Гавріила воздвигался тогда въ Одессѣ женскій монастырь. Средства для постройки истощились, новыхъ источниковъ не предвидѣлось, и преосвященный рѣшился добыть деньги посредствомъ продажи колокола, принадлежавшаго приходской церкви во имя архангела Михаила. Но какъ это сдѣлать? Продать колоколъ въ цѣломъ видѣ представлялось неудобнымъ, слѣдовало предварительно обратить его въ ломъ и тогда уже пустить въ продажу. Планъ этотъ, задуманный еще на рождественскихъ праздникахъ, преосвященный Гавріилъ рѣшился, наконецъ, привести въ исполненіе въ февралѣ наступившаго года. Предполагалось, что достаточно будетъ сбросить колоколъ съ колокольни и онъ разобьется на части. Сбросили колоколъ на землю, но онъ уцѣлѣлъ; только уши у него отбились. Тогда стали разбивать его при помощи разныхъ орудій, и опять неудачно. Возмутились этимъ самоуправствомъ надъ неповинымъ колоколомъ нѣкоторые прихожане Михайловской церкви и подали графу Воронцову жалобу на такой поступокъ. На бѣду колоколъ оказался имѣющимъ особенное значеніе: онъ отлитъ былъ по приказанію государя Николая Павловича изъ турецкихъ пушекъ, взятыхъ подъ Варною, и имъ же пожалованъ названной церкви, какъ свидѣтельствовалось это надписью на колоколѣ. Графъ сдѣлалъ преосвященному запросъ, по какому праву высочайше пожалованный

колоколъ лишенъ ушей и подвергнутъ истязаніямъ? Возникло казусное дѣло. Преосвященный Гавріилъ сталъ отписываться, представлялъ, что звукъ у колокола былъ нехорошъ, подъискивалъ и другія причины, но только болѣе и болѣе запутывалъ свой поступокъ. Видя, что дѣло плохо, преосвященный Гавріилъ прибѣгнулъ къ послѣднему средству, рѣшился перемѣнить тактику: изъ обвиняемаго онъ самъ перешелъ въ роль обвинителя и возъимѣлъ полный успѣхъ.

Въ то время проживалъ въ Одессѣ графъ А—нъ, попавшій туда по слѣдующему поводу. Нуждаясь въ деньгахъ, продалъ онъ свою жену одному изъ племянниковъ Меттерниха, какъ гласила молва, за 300 тысячъ рублей ассигнаціями. Необходимо было устроить разводъ, и графъ былъ обвиненъ въ нарушеніи супружеской вѣрности, что засвидѣтельствовали два имъ подкупленные жида. Разводъ состоялся, а «нарушитель» подвергнутъ семилѣтней эпитеміи. Тогда на этотъ счетъ было строго. По церковнымъ правиламъ виновнаго слѣдовало заключить въ монастырь, но графъ А—нъ какими-то путями добился того, что заключеніе въ монастырѣ замѣнено было для него ссылкою въ Одессу. Водворился А—нъ въ Одессѣ и зажилъ тамъ развеселою жизнью, еженедѣльно сталъ давать балы, на которые съѣзжалась вся знать города, и даже графъ Воронцовъ сдѣлался посѣтителемъ ихъ. Вотъ за эти-то балы и ухватился преосвященный Гавріилъ. Онъ отправилъ графу Воронцову бумагу, въ которой просилъ у него содѣйствія и помощи духовному начальству для пресѣченія соблазна, причиняемаго поведеніемъ А—на. Теперь и Воронцовъ, въ свою очередь, почувствовалъ себя нѣсколько неловко. Начались переговоры между властями свѣтскою и духовною, кончившіеся компромиссомъ выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: Воронцовъ соглашался прекратить дѣло объ искалѣченномъ колоколѣ, а преосвященный обѣщался не упоминать о балахъ А—на.

Такъ, рука руку моетъ и обѣ чисты бываютъ.

Сообщено **Н. И. В.**

Къ исторіи нашей журналистики.

Совершенно случайно въ мои руки попалъ одинъ нумеръ «Сѣверной Пчелы» отъ 12 января 1826 года, съ траурной каймой, которая, конечно, явилась вслѣдствіе кончины государя императора Александра Павловича, послѣдовавшей въ ноябрѣ 1825 г. Прежде скажемъ нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ упомянутаго нумера, представляющей также немалый интересъ: форматъ листа вполнѣ равняется, по длинѣ и ширинѣ, обыкновенному настоящему нашему листу писчей бумаги; подъ большимъ заглавіемъ «Сѣверная Пчела» нарисована пчела, окруженная вѣнкомъ; по бокамъ, на одной сторонѣ значится: «выходитъ по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ», на другой: «годовая цѣна за 156 нумеровъ въ С.-Петербургѣ—40 р. съ пересылкой—50 рублей»; ниже рисунка пчелы: «Вторникъ, января 12, 1826 г.» еще ниже: «Отечественныя воспоминанія: 12 января 1701 г. заключенъ союзный трактатъ между Россіею и Даніею». Затѣмъ, уже начинается содержаніе нумера, и именно внутренними извѣстіями. На послѣдней страницѣ, въ самомъ концѣ, какъ и теперь означается, напечатано: «С.-Петербургъ, въ типографіи Н. Греча. Печатать позволено, января 11-го, 1825 г. (вѣроятно, ошибка, т. е. долженъ быть 1826 г.) цензоръ статскій совѣтникъ и кавалеръ

А. Красовскій». Это тотъ самый знаменитый въ лѣтописяхъ исторіи цензуры Красовскій, о цензорской дѣятельности котораго напечатано, и еще болѣе разсказывается такое множество анекдотовъ. Наконецъ, надъ именемъ цензора стоятъ инціалы: Ѳ. Б., т. е. Ѳадей Булгаринъ.

Теперь перейдемъ къ содержанію нумера. Подъ рубрикой: «Внутреннія извѣстія», съ которыхъ, какъ мы замѣтили выше, начинается содержаніе, читаемъ:

«С.-Петербургъ, 11 января. По полученнымъ изъ Таганрога минувшаго декабря извѣстіямъ, ея величество государыня императрица Елизавета Алексѣевна, въ день отбытія тѣла въ бозѣ почивающаго государя императора, хотя и была чрезмѣрно разстроена, но по успокоеніи отъ сего горестнаго дня, находится въ довольно хорошемъ положеніи здоровья.

«Высочайше учрежденный тайный комитетъ (т. е. по дѣлу декабристовъ), по волѣ его императорскаго величества, объявляетъ, что дворянинъ Сомовъ, взятый по подозрѣнію въ участіи съ злоумышленниками, изъ коихъ со многими онъ былъ въ короткой связи, по изысканію комитета, не только оказался совершенно непричастнымъ къ заговору, имѣвшему цѣлію разрушить настоящій образъ государственнаго правленія въ Россіи, но и на Петровской площади, во время возмущенія 14 декабря, совсѣмъ не былъ.

«Приказъ начальника главнаго штаба его императорскаго величества Въ Санктпетербургѣ, января 9 дня, 1826 г. № 3.

«Въ дополненіе приказа моего, отданнаго вчерашній день, о возникшемъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку и уже прекращенномъ возмущеніи, объявляю симъ, для свѣдѣнія войскъ, вновь полученный г. главнокомандующимъ 1-ю арміею, въ копіи у сего прилагаемый, рапортъ генералъ-лейтенанта Рота, заключающій подробное донесеніе о преслѣдованіи и совершенномъ покореніи мятежниковъ. Подписалъ начальникъ главнаго штаба баронъ Дибичъ.

«Копія съ рапорта, полученнаго 6-го сего января 1826 г. въ 10 часовъ утра главнокомандующимъ 1-ю арміею генераломъ-отъ-инфантеріи графомъ Сакеномъ, отъ командира 3-го пѣхотнаго корпуса генералъ-лейтенанта Рота, отъ 3-го того-жъ января изъ с. Трилесы за № 16. Спѣшу донести вашему сіятельству чрезъ нарочнаго, что послѣ выступленія моего изъ мѣстечка Поволоча, по двухъ-дневномъ преслѣдованіи возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, имѣвшаго при себѣ шесть ротъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, я успѣлъ его окружить съ трехъ сторонъ. Средній отрядъ настигъ мятежниковъ на Устиновской высотѣ близъ деревни Пологовъ, Васильковскаго уѣзда, гдѣ Муравьевъ-Апостолъ, увидя приближеніе нашихъ войскъ, построилъ мятежниковъ своихъ въ каре, и взявъ на руку, пошелъ прямо на орудія. Каре сей, бывъ принятъ картечнымъ огнемъ, разстроился;—тогда кавалерія сдѣлала атаку, всѣ мятежники бросили оружіе, и до семи сотъ нижнихъ чиновъ сдались, равно какъ и самъ подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, который весьма тяжело раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову, штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и братъ Муравьева-Апостола, отставной подполковникъ; убиты же поручикъ Кузьминъ-Шипила и свиты его императорскаго величества по квартирмейстерской части прапорщикъ Муравьевъ-Апостолъ (также братъ подполковника); кромѣ сего, ранено и убито нѣсколько нижнихъ чиновъ. Со стороны нашей нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ. Доносян о семъ вашему сіятельству, имѣю честь испрашивать раз-

рѣшенія, какъ поступить со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрашняго числа, по приказанію моему, будутъ отправлены за конвоемъ въ дивизіонную квартиру 9-й пѣхотной дивизіи, мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ они будутъ приведены къ присягѣ на вѣрное подданство его величеству государю императору Николаю Павловичу, и содержимы подъ присмотромъ. Дѣлая вашему сіятельству мое донесеніе, что мятежъ совершенно прекращенъ, я считаю долгомъ присовокупить, что войска, употребленныя для усмиренія онаго, оказали величайшее усердіе и похвальнѣйшій духъ. Нижніе чины, бывшіе съ Муравьевымъ-Апостоломъ, вообще не защищались, и видно, что они только обманомъ были завлечены къ буйству. 1-я же гренадерская рота Черниговскаго пѣхотнаго полка не только не послѣдовала ихъ примѣру, но еще отстранилась отъ нихъ и примкнула ко мнѣ; что я отношу отличной твердости и достоинствамъ капитана оной Козлова. О семъ происшествіи донесено мною всеподданнѣйше его императорскому величеству сего числа за № 17».

За внутренними извѣстіями слѣдуютъ новости заграничныя, гдѣ помѣщены извѣстія изъ Франціи, Испаніи и Турціи; затѣмъ идетъ рубрика: стихотворенія; за этой рубрикой—отдѣлъ, носящій названіе: «Нравы». Отрывокъ изъ сатирическаго словаря, въ такомъ родѣ: Карманъ. Самое чувствительное и раздражительное мѣсто у многихъ людей: родъ травки недотроги. Почести. Алмазъ, который блеститъ, но не свѣтитъ и не грѣетъ. Писчая бумага. Самый нескромный повѣренный нашего ума и глупости и проч. въ этомъ родѣ.

Фельетона, понимая его въ нашемъ смыслѣ, нѣтъ, но, всетаки, имѣется нижній этажъ, въ которомъ встрѣчаемъ, вопервыхъ, указаніе на новыя книги, напримѣръ, на извѣстный словарь Ольдекопа и, во-вторыхъ, смѣсь. Указаніе или краткая библіографическая замѣтка подписана иниціалами Булгарина.

Сообщено **И. Д. Бѣловымъ**.

СМѢСЬ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ археографической коммиссіи. 8-го января 1885 года, коммиссія праздновала 50-тилѣтіе своего существованія. Еще въ 1813 году канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ, извѣстный любитель русской исторіи, назначилъ 25,000 р. ассигн. для изданія на эту сумму съ процентами лучшихъ списковъ нашихъ лѣтописей. Однако, лишь въ 1824 году снаряжена была, подъ руководствомъ покойнаго П. М. Строева, экспедиція для обозрѣнія по Россіи архивовъ и библіотекъ, названная археографическою. Она командирована была на средства академіи наукъ, которая присоединила къ ней И. Я. Бередникова. Результаты этой экспедиціи, продолжавшейся 7 лѣтъ, были весьма успѣшны. Для изданія собранныхъ ею матеріаловъ учреждена 24-го декабря 1834 года особая коммиссія. Въ распоряженіе ея переданъ былъ капиталъ Румянцева съ процентами, возросшій до 40,000 руб. ассигнаціями. Коммиссія эта, состоявшая подъ предсѣдательствомъ князя И. А. Ширинскаго-Шихматова, издала «Акты, собранные въ библіотекахъ и архивахъ Россійской имперіи археографическою коммиссіею императорской академіи наукъ» (1836 г.), въ четырехъ томахъ. Редакторами были: Бередниковъ, Устряловъ, Сербиновичъ, Краевскій. Въ 1837 году коммиссія была преобразована. Мало-по-малу средства ея увеличились значительно. Съ расширеніемъ средствъ расширенъ и кругъ дѣйствій; на основаніи новыхъ правилъ, «источники», назначаемые къ изданію, составляли: 1) сочиненія по славяно-русской литературѣ собственно историческаго содержанія, и 2) акты государственно-юридическіе. Къ первымъ относятся: лѣтописи, хронографы, степенныя книги, сказанія и другія рукописи, въ непосредственной связи съ исторіей состоящія; ко вторымъ: граматы, уставы, наказы, судныя дѣла, розыски и т. п. документы, объясняющіе законодательство, управленіе и судопроизводство до начала XVIII столѣтія. Къ этому отдѣлу принадлежатъ: родовыя, разрядныя и писцовыя книги, статейные списки и пр.; по § 19 коммиссія должна «дѣятельно» заботиться объ усовершенствованіи отечественной нумизматики. Обладая нужными средствами, она издаетъ снимки и составляетъ возможно полное описаніе русскихъ монетъ и

медалей; она имѣетъ надзоръ за приготовленіемъ художниками рисунковъ печатей, почерковъ, шрифтовъ и т. д. Въ 1839 году, возложено еще на коммиссію изданіе актовъ на иностранныхъ языкахъ. Изъ членовъ коммиссіи назначены три редактора: лѣтописей (сперва Бередниковъ, затѣмъ Бычковъ), государственно-юридическихъ актовъ (сперва Коркуновъ, затѣмъ Калачовъ) и актовъ на иностранныхъ языкахъ (сперва Волковъ, затѣмъ Куникъ). Предсѣдателями коммиссіи были, послѣ П. А. Ширинскаго-Шихматова, В. Д. Комовскій и А. С. Норовъ. Въ трудахъ ея особенное участіе принималъ Соловьевъ, бывшій гельсингфоргскій профессоръ, совершившій на сумму, назначенную правительствомъ, двѣ поѣздки въ Швецію и нашедшій тамъ, между прочимъ, чрезвычайно важное сочиненіе Котошихина, и протоіерей Григоровичъ, издавшій акты западной Россіи. Археографической коммиссіи наша литература обязана рядомъ замѣчательныхъ изданій, какъ, напр., «Полное собраніе русскихъ лѣтописей», «Акты историческіе», «Акты юридическіе», «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича»—сочиненіе Котошихина, «Граматы, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV вѣкахъ», «Писцовыя книги», «Собраніе русскихъ медалей», «Акты южной и западной Россіи», «Сказанія иностранныхъ писателей о Россіи», «Письма русскихъ государей» и др.

Торжество юбилея происходило въ залѣ географическаго общества. За столомъ коммиссіи заняли мѣста: предсѣдатель Титовъ, члены коммиссіи Бычковъ, Тимоѳеевъ, Майковъ и другія лица, въ мѣстахъ для членовъ находился и А. А. Краевскій, назначенный членомъ въ первые годы существованія коммиссіи.

По открытіи засѣданія, министръ народнаго просвѣщенія, взойдя на каѳедру, прочиталъ высочайшій рескриптъ археографической коммиссіи, данный въ Петербургѣ 8-го января, и въ которомъ изъявлялись коммиссіи «монаршее благоволеніе и признательность».

Затѣмъ г. Помяловскимъ прочитанъ былъ слѣдующій адресъ отъ императорскаго археологическаго общества:

«Празднуя въ нынѣшній торжественный день пятидесятилѣтіе своего существованія, археографическая коммиссія съ гордостью можетъ оглянуться на свое прошедшее. Количество открытыхъ и обнародованныхъ ею источниковъ для ознакомленія съ древностью и стариною нашего отечества до того значительно, что рядъ изданій коммиссіи образуетъ цѣлую библіотеку, цѣнную не только по количеству, но и по качеству матеріаловъ. Содѣйствуя разъясненію нашего прошедшаго, археографическая коммиссія сходится по своей задачѣ съ задачею, преслѣдуемою русскимъ императорскимъ археологическимъ обществомъ, которое, пользуясь настоящимъ торжествомъ, шлетъ коммиссіи братскій привѣтъ и свидѣтельствуетъ свою благодарность за сдѣланное на пользу родной старины и выражаетъ горячее пожеланіе дальнѣйшаго преуспѣянія въ будущемъ».

Послѣ того секретарь коммиссіи, г. Майковъ, прочиталъ историческій очеркъ дѣятельности коммиссіи.

Затѣмъ начался рядъ привѣтствій. Академикъ Гротъ прочиталъ адресъ отъ отдѣленія русскаго языка и словесности академіи наукъ, профессоръ Ламанскій адресъ отъ С.-Петербургскаго университета. Ректоръ духовной академіи привѣтствовалъ изустною рѣчью. Затѣмъ читали адресы: г. Кремлевъ, директоръ демидовскаго юридическаго лицея (отъ лицея), генералъ-маіоръ Бобровскій, начальникъ военно-юридической академіи (отъ академіи), кіевская археографическая коммиссія привѣтствовала петербургскую, какъ свою родоначальницу. Е. В. Барсовъ прочиталъ адресъ отъ императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ и заявилъ объ избраніи предсѣдателя коммиссіи В. П. Титова почетнымъ членомъ, а члена коммиссіи А. И. Тимоѳеева—дѣйствительнымъ чле-

номъ общества. Послѣ этого продолжались адресы отъ русскаго географическаго общества, отъ московскаго археологическаго общества, отъ русскаго историческаго общества, отъ общества любителей древней письменности, отъ археологическаго института; причемъ также было заявлено объ избраніи институтомъ въ почетные члены гг. членовъ коммиссіи: Куника, Костомарова, Васильевскаго, Труворова и Павлова. Наконецъ, секретаремъ коммиссіи прочитаны были телеграммы отъ университетовъ: Казанскаго, Новороссійскаго и св. Владиміра, виленской археографической коммиссіи, кіевской духовной академіи, съ состоящимъ при ней церковно-археологическимъ обществомъ, московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи.

Музей Кіевскаго университета. Въ 1834 году, въ Кіевѣ, по открытіи университета св. Владиміра, въ числѣ другихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій былъ образованъ музей художественныхъ произведеній, состоявшій изъ трехъ отдѣловъ: живописнаго, скульптурнаго и гравировальнаго. Первоначально въ эти отдѣлы поступили предметы изъ упраздненныхъ: виленскаго университета, волынскаго лицея и уманскаго базиліанскаго монастыря. Въ началѣ 1836 года, независимо отъ упомянутыхъ отдѣловъ, былъ учрежденъ еще новый отдѣлъ, именно музей древностей. Эти четыре отдѣла существовали до 1842 года, а затѣмъ, согласно вновь утвержденному уставу университета св. Владиміра, были учреждены три отдѣльныхъ музея: изящныхъ искусствъ и древностей, собраніе архитектурныхъ моделей и собраніе для рисовальной школы. Наконецъ, уставомъ университетовъ 1863 года оставлены только два музея: изящныхъ искусствъ и древностей и музей монетъ и медалей; музей же архитектурный и рисовальный упразднены, а потому нѣкоторые изъ находившихся въ нихъ предметовъ поступили въ музей изящныхъ искусствъ и древностей. Наконецъ, по открытіи въ 1876 году каѳедры теоріи искусствъ, по постановленію совѣта университета, предметы древностей отдѣлены отъ предметовъ изящныхъ искусствъ и переданы въ музей монетъ и медалей. Такимъ образомъ, нынѣ при университетѣ существуетъ отдѣльный музей изящныхъ искусствъ. Въ настоящее время этотъ музей заключаетъ въ себѣ до 100 предметовъ, относящихся къ области пластическихъ искусствъ, до 238 сочиненій (до 500 томовъ) по части теоріи и исторіи искусства, а также художественныхъ иллюстрированныхъ изданій, которыя и составляютъ библіотеку музея.

Раскопки близь Елисаветграда. Археологъ, профессоръ В. Б. Антоновичъ, производившій раскопки около Елисаветграда, сдѣлалъ весьма интересныя находки, заключающіяся въ нѣсколькихъ древнихъ предметахъ, опредѣляющихъ эпоху насыпки этихъ кургановъ. Найденныя вещи принадлежатъ къ желѣзному періоду, смѣнившему въ южной Россіи каменный, безъ переходнаго, чисто-бронзоваго періода. Наиболѣе интересны изъ этихъ находокъ слѣдующія: трехгранный бронзовый наконечникъ стрѣлы, дно и осколки большой амфоры, каменныя бусы, ручки (толщиною въ карандашъ) небольшаго сосуда изъ терракоты, окрашеннаго въ темный цвѣтъ, маленькая свинцовая гирька, по предположеніямъ употреблявшаяся въ арканахъ и т. п. Одинъ изъ череповъ, найденныхъ въ этой группѣ кургановъ, отличается сильнымъ ортогнатизмомъ, т. е. прямоугольностью лицеваго угла при долихоцефалическомъ устройствѣ черепа, т. е. большой продолговатости его по линіи отъ затылка ко лбу.

Какъ у насъ сохраняютъ историческіе документы. Изъ витебскаго губернскаго архива назначено въ продажу болѣе тысячи пудовъ старинныхъ дѣлъ или бумагъ, въ томъ числѣ и бумаги двухъ генералъ-губернаторовъ по губерніямъ Витебской, Могилевской, Минской и Виленской. Бумаги относятся къ прошедшему столѣтію и оканчиваются 1808 годомъ. Всѣ эти документы, продающіеся въ количествѣ «сверхъ тысячи пудовъ», очень хорошо сохранились и

по содержанію богаты; это бѣлорусскія старинныя бумаги, сшиты въ большія книги и большею частью переплетены въ холстъ. Если ужъ нельзя безусловно воспретить подобную продажу документовъ, то неужели нѣтъ учрежденія, которое могло бы поворотить эту массу документовъ отжитыхъ временъ, вмѣсто Риги, куда цѣлыми вагонами сбываются эти бумаги на конечное истребленіе, хотя бы въ Москву, гдѣ можно сдѣлать изъ нихъ болѣе полезное употребленіе, чѣмъ на обертку. Продажа эта не первая: за 1881, 1882 и 1883 годы отправлено въ Ригу, чрезъ витебскаго купца еврея Гинцбурга, «до трехъ тысячъ пудовъ» древнихъ документовъ XVI и XVII столѣтій, по 1732 годъ, полоцкаго намѣстничества. Въ громадной массѣ никѣмъ не разобранныхъ бумагъ хранились документы очень важные и очень древніе, содержавщіеся нѣкоторое время во Псковѣ. Судя по прошлогоднимъ цѣнамъ (1 руб. 18 к. за пудъ), можно бы пріобрѣсти отъ витебскаго губернскаго начальства эти драгоцѣнныя бумаги весьма сходно.

Пятисотлѣтняя годовщина смерти Виклефа. 31-го декабря 1884 года исполнилось пятисотлѣтіе со дня смерти знаменитаго реформатора, основателя англиканской церкви, Джона Виклефа. Хотя въ Англіи существуетъ религіозноученое общество, названное по его имени (Wicliffe Society), но, не смотря на это, жизнь его очень мало извѣстна. Сдѣланный Виклефомъ переводъ библіи былъ напечатанъ въ срединѣ нынѣшняго вѣка, а сочиненія его и остальные переводы изданы вполнѣ только три года назадъ, причемъ въ двадцати слишкомъ томахъ заключаются одни лишь переводы съ латинскаго языка. Виклефъ пользуется въ Англіи большимъ авторитетомъ, какъ богословъ, историкъ и ученый. Онъ родился близъ Ричмонда, въ графствѣ Іоркъ, и происдилъ отъ древне-норманскаго рода Виклефовъ, получившихъ при Вильгельмѣ Завоевателѣ имѣніе, называвшееся Виклефъ. Джонъ воспитывался въ королевской коллегіи въ Оксфордѣ и прекрасно окончилъ курсъ, потомъ съ успѣхомъ читалъ лекціи богословія въ университетѣ, былъ приходскимъ священникомъ и однимъ изъ усерднѣйшихъ проповѣдниковъ. Въ 1387 году, прекратилъ чтеніе лекцій и умеръ въ домѣ люттервотскаго приходскаго священника, а не въ тюрьмѣ, какъ увѣряли. Онъ еще въ юности глубоко возмущался злоупотребленіями римско-католическаго духовнаго начальства, и расколъ въ папствѣ, происшедшій въ 1378 году, далъ ему благопріятный случай выступить энергичнымъ обличителемъ, нападая преимущественно на монаховъ и нищенствующіе ордена; Іоаннъ Безземельный выказывалъ дружеское расположеніе къ нему, пока онъ нападалъ на нихъ и на догматическое ученіе, но отстранился отъ защиты Виклефа, когда тотъ заспорилъ о причащеніи, написавъ трактатъ «De Eucharistia». Хотя духовенство обладало тогда въ Англіи значительными богатствами, но, зная свою непопулярность, не осмѣливалось рѣзко дѣйствовать противъ обличавшаго его популярнаго проповѣдника.

Статуя Свободы въ Вашингтонѣ. Основной камень ея положенъ 4-го іюля 1848 года, закончены же каменныя работы, то есть положенъ послѣдній камень пьедестала и сдѣланы аллюминіевые края сверху, 6-го декабря 1884 года. Величина пьедестала внизу 53 кв. фута, а вверху 40 кв. футовъ. Вся же высота памятника будетъ 555 футовъ ($79^2/_7$ сажени), тогда какъ куполъ Капитолія не превышаетъ 307 футовъ и высочайшая изъ ньюіоркскихъ церквей почти вдвое ниже этого монумента — 284 фута. Соружало памятникъ составившееся для этого «Общество Вашингтонскаго Памятника», которое издержало на постройку пьедестала (большею частью, изъ массивнаго мериландскаго мрамора) собранные имъ 200,000 долларовъ (долларъ=2 р.) и 900,000, ассигнованныхъ для этого правительствомъ Штатовъ, т. е. одинъ не вполнѣ оконченный еще пьедесталъ стоилъ уже значительно дороже двухъ милліоновъ рублей. Хотя памятникъ сооружается на довольно низкомъ мѣстѣ, недалеко отъ берега рѣки Потомака, но съ вершины пьеде-

стала уже и теперь движущіеся вокругъ него люди кажутся только темными точками; оттуда видны, между прочимъ, большіе лѣса и рощи Мериланда и Виргиніи. Празднованіе открытія памятника назначено на 21-е февраля 1885 года. Главными церемоніймейстерами будутъ генералъ Шериданъ и Робертъ Уинтропъ, который съ 1848 года принималъ дѣятельное участіе въ сооруженіи памятника.

Историческій холмъ. Близь предмѣстья Варшавы — Праги, съ южной стороны деревни Вавръ, находится историческій холмъ, называемый «Домброва Гора», на которомъ, въ 1831 году, во время Гроховскаго сраженія, имѣлъ свой станъ генералъ-фельдмаршалъ Дибичъ-Забалканскій и подъ которымъ погребены павшіе въ сраженіи подъ Ваврoмъ и Гроховомъ. Въ прошломъ году, войсками 3-ей гвардейской пѣхотной дивизіи была предпринята экскурсія на Гроховское поле, съ цѣлью изученія пунктовъ расположенія войскъ во время бывшей тамъ битвы. Одинъ изъ участниковъ этого изслѣдованія, отыскивая холмъ Домброву Гору, встрѣтилъ въ деревнѣ Вавръ поселянина Франца Россинскаго, который, во время Гроховской битвы, жилъ въ этой деревнѣ, въ семьѣ отца своего, а предъ сраженіемъ бѣжалъ вмѣстѣ со своими односельчанами въ предмѣстье Прагу. Невеселую, конечно, встрѣтилъ онъ картину, возвратясь въ деревню послѣ сраженія: домъ его отца и вся деревня представляли собою одно пепелище. На его долю, въ числѣ другихъ, досталась обязанность, вызванная распоряженіями властей, похоронить убитыхъ въ сраженіи, оставшихся не погребенными въ той братской русской могилѣ на Домбровой Горѣ, на которой русскія войска, предъ уходомъ, уже водрузили крестъ. Убитые, по разсказамъ Россинскаго, покоятся въ большой круглой ямѣ головами по радіусамъ отъ центра, въ нѣсколько рядовъ переложенныхъ одинъ отъ другаго ружьями. Нужно полагать, что духъ наживы соблазнялъ крестьянъ, которые производили потомъ «изслѣдованія» въ могилѣ; по крайней мѣрѣ, поселянинъ Россинскій объяснялъ, что бóльшая часть убитыхъ воиновъ была поражена въ голову, потому что каждый черепъ, который ему случалось брать въ руки, имѣлъ внутри пулю, а иногда и двѣ, которыя гремѣли въ черепѣ «какъ горохъ». «Изслѣдователи», конечно, пули вынимали изъ черепoвъ и, вѣроятно, обращали свинецъ въ серебро... У Россинскаго во время этихъ разспросовъ жила еще бабка его, которая помнила еще штурмъ Праги знаменитымъ Суворовымъ и разсказывала кое-какія подробности штурма. Нужно очень пожалѣть, что могила воиновъ, нашедшихъ упокоеніе въ Домбровой Горѣ, не сохранилась въ первобытной своей цѣлости и съ восточной стороны отчасти срыта во время постройки желѣзной дороги. Такимъ образомъ русская братская могила святотатственно была нарушена какъ во внутреннемъ своемъ положеніи, такъ и со стороны наружной, благодаря нахожденію ея среди чуждаго, хотя и родственнаго намъ племени и вандализму желѣзно-дорожныхъ строителей.

Пятидесятилѣтній юбилей хорватской печати. 6-го января 1835 года, въ Загребѣ начала издаваться первая хорватская газета «Novine Hrvatske» съ литературнымъ приложеніемъ «Danica», основанная извѣстнымъ писателемъ того времени Людвигомъ Гай. Появленіе газеты было сопряжено съ большими затрудненіями, для устраненія которыхъ оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ императору. Францъ I, разрѣшая выпускъ въ свѣтъ газеты, выразилъ свое согласіе въ слѣдующихъ словахъ: «Если мадьяры издаютъ газеты, то почему же запрещать это хорватамъ?» Пятидесятилѣтній юбилей такого торжества въ хорватской литературѣ вызвалъ во всѣхъ хорватскихъ газетахъ привѣтственный откликъ.

Библіотека Мацѣёвскаго. Умершій въ 1883 году польскій писатель по исторіи права, профессоръ Варшавскаго университета, Вацлавъ-Александръ Мацѣёвскій, оставилъ большую библіотеку, которая будетъ продаваться въ Варшавѣ на аукціонѣ, въ февралѣ 1885 г. Библіотека оцѣнена въ 2.700 рублей. Сѣтуя

на такую низкую оцѣнку библіотеки и выражая опасеніе, чтобы старательно собранныя тяжелымъ трудомъ профессора коллекціи не разошлись по рукамъ отдѣльными книгами, варшавская пресса приглашаетъ покровителей науки и литературы пріобрѣсти библіотеку во всей ея цѣлости.

† 24 декабря, въ Петербургѣ, **Платонъ Ивановичъ Барановъ**, начальникъ Петербургскаго сенатскаго архива. Покойный родился 20-го октября 1827 г., воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, служилъ въ министерствѣ юстиціи и въ 1865 г. получилъ въ управленіе сенатскій архивъ, находившійся въ совершенномъ запущеніи и безпорядкѣ. Благодаря необычайной энергіи, трудолюбію и знанію дѣла Баранова, этотъ важный архивъ въ короткое время сдѣлался образцовымъ. Чтобы оцѣнить, какой громадный трудъ потребовался для приведенія въ порядокъ и систематизаціи архивныхъ дѣлъ и документовъ, достаточно сказать, что количество ихъ простиралось до 3.600.000 номеровъ. Особенность сенатскаго архива заключается въ томъ, что въ немъ хранятся всѣ подлинныя высочайшія повелѣнія и указы, число которыхъ достигало къ 1865 году до 125.000. Разбирая и просматривая эти указы и повелѣнія, Барановъ нашелъ, что изъ нихъ вошло въ Полное Собраніе Законовъ всего только 42.000, а остальные были или пренебрежены, или забыты, или неровысканы. Это обстоятельство подало ему мысль предпринять въ 1872 г. чрезвычайно полезное изданіе подъ заглавіемъ «Архивъ Правительствующаго Сената», куда должно было войдти описаніе всѣхъ высочайшихъ указовъ, не включенныхъ въ Полное Собраніе Законовъ. «Архива» появилось три тома: въ первомъ описаны указы и повелѣнія съ 1704 по 1725 г., во второмъ — съ 1725 по 1740 г. и въ третьемъ — съ 1740 по 1762 г. Продолженіе этого капитальнаго изданія остановилось, къ сожалѣнію, въ 1878 г., по недостатку матеріальныхъ средствъ. Въ то же время, Барановъ усердно собиралъ матеріалы для біографій всѣхъ сенаторовъ отъ учрежденія сената до воцаренія императора Александра II. Намъ извѣстно, что не задолго до кончины имъ были вполнѣ обработаны и приготовлены къ печати біографіи сенаторовъ Петровскаго царствованія. Будетъ крайне прискорбно, если этотъ трудъ останется въ рукописи и, можетъ быть, пропадетъ безслѣдно. Какъ человѣкъ, П. И. Барановъ пользовался общимъ уваженіемъ за свою рѣдкую доброту, прямой характеръ и самоотверженіе, съ которымъ онъ отдавалъ архиву все свое время, даже свои небольшія средства и, наконецъ, здоровье. Въ предисловіи къ первому тому «Архива Правительствующаго Сената» онъ высказалъ слѣдующій взглядъ на обязанность начальника архива: «Было бы непростительно со стороны непосредственныхъ хранителей письменныхъ памятниковъ оставаться въ бездѣйствіи и отказаться отъ попытки открыть занимающимся путь къ пользованію архивными документами». Такого просвѣщеннаго взгляда онъ держался неуклонно и всѣ занимающіеся въ сенатскомъ архивѣ встрѣчали со стороны Баранова самое искреннее радушіе и готовность помогать имъ въ ихъ розысканіяхъ. Кончина П. И. Баранова составляетъ большую потерю для русской исторической науки, потому что лишь при такихъ начальникахъ государственныхъ архивовъ, какимъ былъ покойный, она можетъ успѣшно двигаться впередъ.

† Въ Парижѣ одна изъ нашихъ соотечественницъ, пользовавшаяся извѣстностью выдающейся французской писательницы. Писала она въ «Nouvelle Revue» и «Justice» подъ своей дѣвической фамиліей, Жандръ, а фамилія ея, по мужу — **Никитина**. Воспитывалась она въ Кіевѣ; кончила курсъ съ золотою медалью въ институтѣ св. Владиміра. Въ 1860 году, гвардейскій подполковникъ Никитинъ, уже будучи вдовцомъ и имѣя двухъ взрослыхъ дочерей, женился на Жандръ. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ г-жа Никитина отправилась въ Парижъ, никогда не думая о писательствѣ. Тутъ она скучала на свободѣ и однажды явилась къ Тэну, ея кумиру, прося допустить ее на лекціи эстетики «École des beaux-arts». Тэнъ отказался, и въ разочарованіи

г-жа Никитина напечатала статью, въ которой оспаривала доводы Тэна. Съ тѣхъ поръ она не прекращала своей литературной дѣятельности, печатая литературныя обозрѣнія и этюды о соціализмѣ въ «Justice» и «Novelle Revue». Г-жа Никитина умерла 42 лѣтъ.

† Въ Готѣ одинъ изъ лучшихъ современныхъ архитекторовъ, профессоръ архитектуры **Людвигъ Боннтедтъ**. Онъ родился въ 1822 году въ Петербургѣ, куда его родители переселились изъ Германіи не задолго до его рожденія. Окончивъ курсъ въ здѣшнемъ училищѣ св. Петра, Боннтедтъ отправился въ Берлинъ, гдѣ съ 1839 по 1841 годъ слушалъ лекціи въ строительномъ училищѣ, академіи художествъ и университетѣ. Во время пребыванія въ Берлинѣ, Боннтедтъ былъ любимымъ ученикомъ Шинкеля. По смерти учителя онъ поѣхалъ въ Италію, а въ 1842 году возвратился для практической дѣятельности въ Петербургъ. Здѣсь онъ скоро пріобрѣлъ извѣстность и въ теченіе двадцати лѣтъ, т. е. съ 1843 по 1863 годъ построилъ много казенныхъ зданій и частныхъ домовъ, между прочимъ, домъ министерства государственныхъ имуществъ, дома Нарышкина и Юсупова, Новодѣвичій монастырь, часть городской думы, китайскій павильонъ въ Ораніенбаумѣ. За эти двадцать лѣтъ строительная дѣятельность Боннтедта не ограничивалась однимъ Петербургомъ, онъ построилъ также много зданій въ Москвѣ и Ригѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ Боннтедтъ, еще незадолго до возвращенія въ Германію, построилъ городской театръ, сгорѣвшій до основанія два года тому назадъ. Въ 1858 году Боннтедтъ былъ назначенъ профессоромъ академіи художествъ. Въ 1863 году, по различнымъ причинамъ, Боннтедтъ оставилъ Россію и поселился до своей кончины въ Готѣ. Здѣсь онъ преимущественно занимался составленіемъ архитектурныхъ проектовъ и нерѣдко выходилъ побѣдителемъ на конкурсахъ. Между прочимъ, Боннтедту присуждена въ 1872 году первая награда на всемірномъ конкурсѣ по проекту сооруженія зданія германскаго парламента. Зданія, построенныя по чертежамъ Боннтедта, можно встрѣтить въ различныхъ европейскихъ государствахъ, даже въ Португаліи, гдѣ по его плану сооруженъ великолѣпный каѳедральный соборъ въ Гуискарнессѣ.

† 27-го декабря польскій писатель **Филиппъ Сулимерскій**. Покойный былъ редакторомъ изданій: «Wędrowiec» (Путешественникъ), «Biblioteka Podróży» (Библіотека Путешествій) и газеты «Nowiny» (Новины); изъ числа литературныхъ его трудовъ самый главный—Географическій словарь, который онъ успѣлъ довести лишь до половины. Хорошо зная русскій языкъ, покойный перевелъ нѣкоторыя сочиненія Тургенева.

† Въ январѣ 1885 г., въ Варшавѣ, **Юзефъ Лоскій**, принесшій большую пользу археологіи своими изслѣдованіями польской старины и изданіями памятниковъ древности. Трудясь на этомъ поприщѣ науки съ полною любовью и чуждый всякой рекламы и какой либо извѣстности, покойный оставался почти неизвѣстнымъ свѣту и напоминалъ о себѣ ученому міру лишь археологическо-художественными изданіями, къ числу которыхъ, главнымъ образомъ, относятся: «Портретная генеалогія Сапѣговъ», «Замковая церковь въ Ковнѣ» рѣдчайшія произведенія искусства въ «Библіотекѣ музеума Свидзинскаго» и т. п.; неменьшую извѣстность получило изданіе его: «Произведенія польскихъ и чужеземныхъ граверовъ», состоящія изъ копій съ произведеній, появившихся въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Люди нижегородскаго Поволжья.

Въ августѣ 1884-го года, у однихъ хорошихъ знакомыхъ въ Нижнемъ Новгородѣ я встрѣтился съ Александромъ Серафимовичемъ Гацискимъ. Съ умнымъ человѣкомъ, знатокомъ мѣстнаго края, можно бесѣдовать безъ конца.

— Кстати, Александръ Серафимовичъ, — сказалъ я между прочимъ:— въ бумагахъ П. И. Мельникова, разборомъ которыхъ я занимаюсь, попалось мнѣ ваше циркулярное къ нему письмо, отъ 25-го октября 1874 года. Въ немъ вы извѣщаете его о намѣреніи вашемъ издать сборникъ, подъ заглавіемъ «Люди нижегородскаго Поволжья», въ который должны войдти краткія біографіи лицъ какъ прошлаго, такъ и настоящаго времени. Съ тѣмъ вмѣстѣ вы просили Мельникова сообщить данныя для его біографіи, а также пополнить приложенный списокъ замѣчательныхъ лицъ нижегородскаго Поволжья. Въ подобный списокъ должно было быть включено всякое лицо, извѣстное, замѣчательное, дѣятельность котораго имѣла какое либо отношеніе къ нижегородскому Поволжью, т. е. составляло ли послѣднее мѣсто его рожденія и всей дѣятельности этого лица, или мѣсто его образованія, или мѣсто, видѣвшее у себя только часть этой дѣятельности. Привели ли вы этотъ проектъ въ исполненіе?

— Только въ нынѣшнемъ году, съ мѣсяцъ тому назадъ, отвѣчалъ А. С. Гацискій. Съ 1-го іюля редакторомъ неоффиціальной части «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» назначенъ г. Овчинниковъ, который улучшитъ ихъ содержаніе. Я обѣщалъ ему помогать своими статьями и въ первомъ нумерѣ, подъ его редакторствомъ, вышедшемъ 4-го іюля, появилось введеніе къ моимъ біографическимъ очеркамъ, подъ заглавіемъ «Люди нижегородскаго Поволжья».

— Въ спискѣ, приложенномъ къ вашему письму, названы были немногія лица, и на немъ П. И. Мельниковъ присоединилъ имена тѣхъ, которые должны быть причислены къ людямъ нижегородскаго Поволжья.

— Въ списокъ этотъ вошло очень много лицъ. Я вамъ пришлю нумера вѣдомостей съ моими біографіями. Я началъ съ знатока музыки Улыбышева, а затѣмъ намѣренъ помѣстить біографіи извѣстнаго городскаго дѣятеля въ Нижнемъ, Переплетчикова, актрисы Косицкой, архіепископа Питирима.

На другой день я получилъ отъ А. С. Гацискаго обѣщанные нумера «Нижегородскихъ Вѣдомостей» съ введеніемъ и біографіею Улыбышева. Заинтересованный подобною попыткою, я подписался на это изданіе и уже въ Петербургѣ получилъ біографія Переплетчикова и Косицкой, на которыхъ пока остановился трудъ А. С. Гацискаго.

Когда онъ задумывалъ его въ 1874 году, то помѣстилъ въ числѣ людей прошлаго нижегородскаго Поволжья тринадцать лицъ, а въ числѣ людей настоящаго времени восемь. П. И. Мельниковъ на самомъ письмѣ написалъ еще 21 лицо, а именно профессора китайскаго языка Васильева; инженера барона Дельвига; протоіерея въ Вѣнѣ, Раевскаго; графа Дмитрія Николаевича Толстаго, археолога, знатока раскола; митрополита новгородскаго Димитрія Сѣченова; намѣстника Троицкой лавры Антонія; писателя Авдѣева, раскольничьяго писателя о стрѣлецкихъ бунтахъ Савватія, поборника просвѣщенія при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Ртищева, историка времѣнъ Ека-

терины II Болтина; Аввакума, расколоучителя; епископа нижегородскаго Дамаскина, архіепископа нижегородскаго Іакова, расколоучителя Сергія-Нижегородца, профессора богословія въ С.-Петербургскомъ университетѣ Райковскаго; митрополита суздальскаго, друга царя Ѳедора Алексѣевича, Иларіона; митрополита казанскаго Веніамина, архіепископа нижегородскаго Веніамина, архіепископа рязанскаго Гавріила, нижегородскаго намѣстника при Екатеринѣ II, Ребиндера; строителя нижегородской ярмарки, Бетанкура. По словамъ А. С. Гацискаго, П. И. Мельниковъ въ 1875 году указалъ ему не одинъ десятокъ историческихъ нижегородскихъ личностей, особенно по отношенію къ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Десять лѣтъ, прошедшія со времени первой мысли о приступѣ къ подобнымъ біографіямъ, имѣли послѣдствіемъ, что списокъ людей нижегородскаго Поволжья, обнародованный А. С. Гацискимъ въ 1884 году, включаетъ въ себѣ 275 лицъ, имѣвшихъ по своей дѣятельности отношеніе къ этой мѣстности Россіи.

Въ своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что, если необходимо знать настоящее своего роднаго края, то полезно всегда помнить, что оно складывается на основаніи прошлаго, другими словами, что настоящее можетъ быть достаточно понято и оцѣнено лишь при примѣненіи къ такому пониманію и къ такой оцѣнкѣ историческаго взгляда, историческаго метода изученія. Мы часто смотримъ на настоящее безъ всякой связи съ его прошедшимъ и, наоборотъ, мы часто смотримъ на прошедшее, какъ на что-то чуждое намъ, стоящее отдѣльно, безъ всякой связи съ послѣдующимъ, давно канувшее въ вѣчность и имѣющее интересъ лишь для антикварія. Если бы мы чаще примѣняли къ современной эпохѣ историческую точку зрѣнія, мы рѣже впадали бы въ ошибки, менѣе возмущались бы и не были бы такъ страстны въ своихъ сужденіяхъ о томъ, что непосредственно происходитъ предъ нашими глазами, словомъ смотрѣли бы на современность трезвѣе, спокойнѣе, зная, что она является таковою не случайно, а вытекая изъ ряда предшествующихъ ей событій.

Съ этимъ нельзя не согласиться, и если авторъ приведетъ вполнѣ въ исполненіе задуманное имъ предпріятіе, то біографъ его, вѣроятно, съ удовольствіемъ внесетъ въ списокъ его заслугъ родному краю и этотъ исполненный имъ трудъ. Составить интересныя біографіи 275 лицъ—нелегкая работа, особенно когда имѣется намѣреніе, въ связи съ жизнеописаніемъ людей нижегородскаго Поволжья, представить біографическіе очерки и путешественниковъ, посѣщавшихъ его и писавшихъ о немъ.

Біографія Александра Дмитріевича Улыбышева (№№ 28 и 29 «Нижегородскихъ Вѣдомостей») составлена на основаніи данныхъ, сообщенныхъ его зятемъ К. И. Садоковымъ А. С. Гацискому, присоединившему къ нимъ свои воспоминанія. Это, сколько мнѣ помнится, первая обстоятельная біографія человѣка, составившаго себѣ европейское имя своимъ трудомъ о Моцартѣ и его музыкальныхъ твореніяхъ. По преданіямъ, происхожденіе фамиліи Улыбышевыхъ находится въ связи съ однимъ обстоятельствомъ изъ жизни Дмитрія Донскаго. Въ одномъ сраженіи великій князь подвергался большой опасности, отъ которой былъ спасенъ однимъ изъ своихъ воиновъ. Въ награду ему Дмитрій Донской выдалъ за него свою единственную дочь «Улыбу». До 16 лѣтъ А. Д. Улыбышевъ, родившійся въ 1794 году, воспитывался въ Германіи. Это воспитаніе имѣло вліяніе на философскій образъ его мышленія, на любовь къ музыкѣ серьезной, классической. Онъ поступилъ пер-

воначально на службу по министерству финансовъ, но въ 1816 году перешелъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ и оставался до выхода въ отставку въ 1830 году, вызванную кончиною его отца, и необходимостью заняться управленіемъ своими обширными имѣніями, дававшими ему до 50,000 рублей ежегоднаго дохода. Во время своей службы, онъ завѣдывалъ редакціею «Journal de S.-Pétersbourg», въ первые годы существованія этой газеты, и написалъ по порученію правительства описаніе коронаціи императора Николая Павловича, за что и получилъ алмазные знаки ордена св. Анны второй степени. Улыбышевъ въ совершенствѣ владѣлъ французскимъ языкомъ. Послѣ трагической кончины А. С. Грибоѣдова, Улыбышеву предложили мѣсто русскаго посланника въ Персіи, но онъ уклонился отъ этого поста.

Поселившись послѣ своей отставки въ своемъ имѣніи, онъ изрѣдка навѣщалъ столицы, а зиму обыкновенно проводилъ въ Нижнемъ Новгородѣ, гдѣ велъ открытую жизнь. По четвергамъ и субботамъ въ его домѣ на Малой Покровкѣ происходили квартетныя собранія или большіе музыкальные вечера. Самъ Улыбышевъ игралъ первую скрипку. Въ нихъ принимали участіе М. М. Аверкіевъ, С. П. Званцовъ, М. П. Званцовъ, Гебель, Вилковъ, Эйзерихъ и другіе артисты, которыхъ Улыбышевъ на свой зимній сезонъ выписывалъ изъ Москвы. К. К. Эйзериха (игравшаго на фортепіано) часто замѣнялъ воспитанникъ нижегородскаго александровскаго института М. А. Балакиревъ, тогда уже выказывавшій свой талантъ. Когда Улыбышевъ былъ занятъ своимъ трудомъ о Моцартѣ, онъ, для лучшей разработки взглядовъ на его музыку, пріѣзжалъ въ городъ и устроивалъ тамъ оркестровое выполненіе моцартовскихъ сочиненій. Для этого онъ часто видался съ покойнымъ Н. В. Шереметевымъ, большимъ любителемъ музыки, знатокомъ и цѣнителемъ ея, хотя самъ онъ не игралъ ни на одномъ инструментѣ. Однажды, въ тридцатыхъ годахъ, А. Д. Улыбышевъ съ Н. В. Шереметевымъ были въ нижегородскомъ Спасопреображенскомъ соборѣ (въ Кремлѣ) и слушали исполненіе архіерейскими пѣвчими херувимской подъ управленіемъ регента, большаго мастера примѣнять извѣстные уже мотивы къ духовному пѣнію. Шереметевъ прямо назвалъ піесу Моцарта, положенную регентомъ въ основаніе текста херувимской. Изъ этого видно, что около Улыбышева въ ту эпоху сосредоточивалась среда музыкально-образованная, замѣнявшая ему въ губернскомъ городѣ то общество, которое онъ могъ бы отыскать въ то время только въ столицѣ. Николай Васильевичъ Шереметевъ былъ братъ Сергѣя Васильевича Шереметева, нижегородскаго магната, который, вмѣстѣ съ А. Д. Улыбышевымъ, былъ въ открытой оппозиціи къ тогдашнему нижегородскому губернатору, князю М. А. Урусову. Послѣдній не бывалъ на музыкальныхъ вечерахъ и домашнихъ спектакляхъ Улыбышева.

Домъ Улыбышева въ Нижнемъ былъ открытъ не только для всѣхъ музыкальныхъ знаменитостей, пріѣзжавшихъ въ этотъ городъ, но вообще для артистовъ, художниковъ, писателей. У него долго жилъ А. Н. Сѣровъ, по окончаніи имъ курса въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ послѣдствіи Сѣровъ въ своихъ музыкальныхъ воззрѣніяхъ разошелся съ Улыбышевымъ и помѣстилъ въ 1858 году (статья появилась въ печати уже послѣ кончины послѣдняго) въ лейпцигской газетѣ «Neue Zeitung für Musik» статью о взглядахъ Улыбышева на Бетховена, въ которой рядомъ примѣровъ изъ Моцарта доказывалъ, что и у этого композитора немало такихъ музыкальныхъ оборотовъ, какъ у Бетховена, а Моцарта Улыбышевъ, конечно, не могъ запо-

дозрѣть въ музыкальномъ нигилизмѣ. Необходимо замѣтить, что, спустя десять лѣтъ послѣ своего труда о Моцартѣ, Улыбышевъ издалъ за границею же, на французскомъ языкѣ, свое сочиненіе о Бетховенѣ, въ которомъ пошелъ въ разрѣзъ съ господствовавшими взглядами на бетховенскую музыку. Поэтому это сочиненіе не имѣло успѣха. Что касается до Сѣрова, то начало охлажденія къ нему Улыбышева было вовсе не музыкальнаго свойства, а относилось къ дѣятельности Сѣрова въ Нижнемъ Новгородѣ, какъ чиновника. Сѣровъ недурно рисовалъ, и въ семействѣ Улыбышева до сихъ поръ сохранился видъ Зеленскаго съѣзда, нарисованный имъ со стороны нижегородскаго Кремля.

Трудъ Улыбышева о Моцартѣ былъ изданъ за границею лейпцигскою фирмою Брокгауза. По условію съ нею, онъ долженъ былъ получать извѣстный процентъ отъ распродажи своей книги, но онъ никогда не слѣдилъ за этими разсчетами съ иностраннымъ книгопродавцемъ. Улыбышевъ завѣщалъ доходы отъ музыкальныхъ своихъ сочиненій дочери своей, Натальѣ Александровнѣ Садоковой, которая пожертвовала ихъ въ пользу маріинской женской гимназіи въ Нижнемъ Новгородѣ. Послѣдняя получаетъ нынѣ деньги непосредственно отъ фирмы Брокгауза.

Сверхъ означенныхъ двухъ сочиненій о Бетховенѣ и Моцартѣ на французскомъ языкѣ, послѣ Улыбышева остались въ рукописи, на русскомъ языкѣ, нѣсколько литературныхъ произведеній, драмъ, комедій, сатиръ и дневникъ. По тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, многія изъ этихъ его произведеній не могли быть напечатаны. Дѣйствующими лицами являлись въ его сочиненіяхъ болѣе или менѣе сильные нижегородскаго міра сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Улыбышевъ никогда не могъ примириться съ средою, окружавшею его въ Нижнемъ Новгородѣ, а потому и пробиралъ ее въ своихъ сочиненіяхъ. Въ послѣдней его драмѣ онъ вывелъ на сцену расколъ. Онъ желалъ этою драмою распространить въ публикѣ свѣдѣнія о расколѣ и потому дѣлалъ попытки къ ея напечатанію, но, разумѣется, не имѣлъ успѣха, тѣмъ болѣе, что вывелъ въ своей драмѣ, рядомъ съ расколомъ, тогдашній неприглядный помѣщичій бытъ и міръ духовенства въ столкновеніяхъ священника съ крестьяниномъ-раскольникомъ. Нѣкоторыя изъ его комедій были исполнены на домашнихъ спектакляхъ въ его домѣ. Дневникъ его былъ искреннею исповѣдью его о всемъ видѣнномъ имъ въ жизни. Охотно читая знакомымъ свои литературныя произведенія, Улыбышевъ никому никогда не читалъ даже выдержекъ изъ своего дневника. Всѣ рукописи Улыбышева, а равно и его библіотека (кромѣ нотной, поступившей вмѣстѣ съ двумя скрипками къ М. А. Балакиреву), по завѣщанію поступили къ сестрѣ его, Екатеринѣ Дмитріевнѣ Пановой, очень образованной и начитанной, бывшей одно время въ перепискѣ съ Чаадаевымъ. Рукописи эти утратились по разнымъ обстоятельствамъ. По нѣкоторымъ слухамъ, дневникъ Улыбышева уцѣлѣлъ, и А. С. Гацискому указывали даже на лицо (нынѣ уже умершее), чрезъ руки котораго могъ выйдти изъ кабинета Улыбышева его дневникъ. Желательно было бы, чтобы этотъ дневникъ отыскался.

Улыбышевъ былъ сильнымъ противникомъ крѣпостнаго права, между тѣмъ какъ нижегородское дворянство, хотя изъ первыхъ откликнувшееся на призывъ императора Александра Николаевича, упорно отстаивало старый порядокъ въ своихъ имѣніяхъ. Улыбышевъ, возвратясь домой послѣ одного бурнаго засѣданія нижегородскаго дворянства, передъ эпохою образованія гу-

бернскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ, слегъ въ постель и, послѣ мучительной болѣзни, скончался 29-го января 1858 года.

Я неоднократно видалъ А. Д. Улыбышева, во время его пріѣздовъ въ Петербургъ, когда онъ приходилъ къ Н. И. Гречу. Во время жительства своего въ Нижнемъ Новгородѣ, онъ помѣщалъ въ «Сѣверной Пчелѣ» свои музыкальныя статьи, особенно когда ему случалось слышать того или другаго выдающагося артиста. По своему уму, образованію, Улыбышевъ былъ выдающимся лицомъ въ тогдашнемъ обществѣ.

Для второй своей біографіи А. С. Гацискій избралъ бывшаго городскаго голову Нижняго Новгорода, Ѳедора Петровича Переплетчикова (см. №№ 34 и 35 «Нижегородскихъ Вѣдомостей»). Авторъ для этого жизнеописанія воспользовался устными разсказами, архивомъ нижегородскаго городскаго общественнаго управленія и протоколами нижегородской городской думы, а равно и трудомъ историка Нижняго Новгорода, Храмцовскаго. Краткое извѣстіе о кончинѣ Переплетчикова напечатано было только что вступившимъ тогда на поприще редактора перваго нижегородскаго періодическаго органа печати, П. И. Мельниковымъ, въ «Прибавленіяхъ» къ «Нижегородскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ», 13-го января 1845 года.

Переплетчиковъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ 17-го февраля 1779 г. Онъ имѣлъ канатное производство, которое, до развитія пароходства на Волгѣ, было однимъ изъ главныхъ промысловъ Нижняго Новгорода. Еще въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стояли безчисленныя канатныя рогатки тамъ, гдѣ теперь проведено нѣсколько улицъ, обстроенныхъ хорошими домами. Переплетчиковъ рано обратилъ на себя вниманіе своихъ согражданъ, такъ что въ 1810 году онъ былъ избранъ гласнымъ отъ второй купеческой гильдіи, а по окончаніи Отечественной войны онъ находился въ числѣ депутатовъ, избранныхъ отъ всѣхъ сословій для принесенія императору Александру Павловичу благодарности за освобожденіе страны отъ порабощенія. Въ подобные депутаты въ такую торжественную эпоху въ исторіи Россіи попасть было нелегко. Затѣмъ Переплетчиковъ былъ избранъ въ городскіе головы. Это избраніе совпало съ годомъ пожара макарьевской ярмарки. Министръ коммерціи, графъ Н. П. Румянцевъ, посѣтилъ Макарьевъ и Нижній для собранія предварительныхъ соображеній, относительно задуманнаго правительствомъ перенесенія знаменитой ярмарки въ Нижній Новгородъ на нынѣшнее ея мѣсто. Извѣстно, что мысль объ этомъ переносѣ принадлежитъ графу Румянцову. За оставленіе ярмарки въ Макарьевѣ хлопотали даже цѣлыя группы лицъ, именно, сверхъ жителей этого города, московское и ярославское купечество и главнѣе всего магнатъ Лыскова, князь Георгій Александровичъ Грузинскій. Въ началѣ 1817 года въ министерство внутреннихъ дѣлъ поданъ былъ сильный протестъ противъ перевода ярмарки въ Нижній. Губернаторомъ нижегородскимъ былъ въ то время дѣйствительный статскій совѣтникъ Степанъ Антоновичъ Быховецъ, которому и былъ присланъ для заключенія означенный протестъ. Переплетчиковъ, пользуясь своимъ сильнымъ вліяніемъ у Быховца, представилъ ему обширную записку въ пользу перенесенія ярмарки въ Нижній, въ смыслѣ которой состоялось и заключеніе губернатора, такъ что съ того же 1817 года макарьевская ярмарка сдѣлалась нижегородскою.

На коронаціи императора Николая Павловича Переплетчиковъ представился государю, такъ что, когда въ 1834 году императоръ посѣтилъ Нижній, то, обращаясь къ Переплетчикову, сказалъ: «видишь, я исполнилъ свое обѣ-

щаніе, данное на коронаціи, быть въ Нижнемъ». Вскорѣ послѣ представленія императору, Переплетчиковъ былъ приглашенъ въ кабинетъ Николая Павловича, передъ которымъ лежалъ старый планъ города 1824 года. Императоръ посвятилъ Переплетчикова въ свои предположенія о коренномъ измѣненіи этого плана и выразилъ желаніе, чтобы нѣкоторыя мѣста, прилегающія къ Волгѣ, были уступлены ихъ владѣльцами для устройства набережной. Переплетчиковъ въ тотъ же день исполнилъ желаніе императора: земли были уступлены.

Память о Переплетчиковѣ донынѣ сохраняется въ Нижнемъ. Онъ пожертвовалъ городу принадлежавшій ему Никольскій рынокъ, съ тѣмъ, чтобы доходы съ него поступали въ распоряженіе городскаго головы на пособіе бѣднымъ купеческаго и мѣщанскаго сословій. Въ 1885 году этотъ доходъ дойдетъ до 6,000 р. Другое его пожертвованіе составилъ такъ называемый «Переплетчиковскій домъ». Доходъ съ него до 4,000 р., поступая въ распоряженіе городскаго головы, идетъ также на пособіе неимущихъ лицъ. Итого бѣдные люди Нижняго ежегодно получаютъ до 10,000 р. отъ щедротъ Переплетчикова.

Біографія Любови Павловны Косицкой (№№ 38, 39, 40, 41 «Вѣдомостей»), извѣстной артистки (изъ дворовыхъ крѣпостныхъ), составлена исключительно на основаніи ея автобіографіи, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1878 года.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что 3-го іюля 1884 года исполнилось двадцатипятилѣтіе литературной дѣятельности А. С. Гацискаго, послѣ П. И. Мельникова считающагося, и по справедливости, первымъ знатокомъ «нижегородскаго Поволжья». Ему и книги въ руки для описанія замѣчательныхъ людей этого края.

П. Усовъ.

По поводу портрета Екатерины I.

Извѣстный парижскій торговецъ гравюрами Виньеръ (недавно умершій), разбирая въ прошломъ году массу скопившихся у него портретовъ (болѣе 250,000 листовъ), нашелъ случайно въ числѣ портретовъ, пріобрѣтенныхъ имъ еще 50 лѣтъ тому назадъ отъ продавца гравюръ Пьери-Бенара, у котораго онъ когда-то былъ приказчикомъ, портретъ императрицы Екатерины I, рисованный перомъ и приготовленный для воспроизведенія въ гравюрѣ. Этотъ превосходный по тонкости и изяществу работы рисунокъ Виньеръ продалъ нашему извѣстному собирателю гравюръ П. Я. Дашкову, а имъ предоставленъ, съ обычной любезностью, въ распоряженіе редакціи «Историческаго Вѣстника». Прилагая къ настоящей книжкѣ нашего журнала уменьшенное, фототипическое факсимиле этого портрета (оригиналъ имѣетъ 17 сантиметровъ въ діаметрѣ), исполненное по нашему заказу въ художественномъ заведеніи Брукмана въ Мюнхенѣ, считаемъ нелишнимъ сказать по поводу его нѣсколько словъ.

На оборотѣ подлиннаго рисунка, который, по отзыву Виньера, можетъ служить однимъ изъ лучшихъ образчиковъ подготовительной работы для гравюры, старинным почеркомъ написано, что онъ сдѣланъ съ наброска знаменитаго французскаго живописца Гіацинта Риго (Hyacinthe Rigaud), писавшаго съ Петра Великаго портретъ (къ сожалѣнію, утраченный),

въ 1717 году, во время пребыванія государя въ Парижѣ. Но императрица Екатерина I ни въ это время, ни позже, въ Парижѣ не была и потому неизвѣстно, съ чего и когда сдѣлалъ свой набросокъ Риго. Возможно, что Петръ Великій, желая имѣть «дружку» къ своему портрету кисти Риго, заказалъ ему также портретъ своей супруги и при этомъ передалъ для руководства какой нибудь оригиналъ. Какая судьба постигла этотъ набросокъ Риго, остается также неизвѣстнымъ. Судя по надписи кругомъ рисунка, пріобрѣтеннаго г. Дашковымъ отъ Виньера, слѣдуетъ заключить, что изданіе его въ гравюрѣ предполагалось сдѣлать уже послѣ кончины Екатерины; но тѣмъ не менѣе едва ли будетъ ошибочно причислить его къ числу портретовъ современныхъ этой государынѣ, которыхъ до сихъ поръ было извѣстно только четыре: писанный Танауеромъ, по свидѣтельству Берхгольца, въ Москвѣ и утраченный, кажется, навсегда; писанный въ Петербургѣ Караваномъ и воспроизведенный многими граверами; писанный въ Амстердамѣ, въ 1717 году, Натье и находящійся теперь въ Романовской галлереѣ и, наконецъ, писанный въ Голландіи Карломъ Мооромъ и дошедшій до насъ лишь въ прекрасной гравюрѣ Хубракена.

ПОПРАВКА. Въ рецензіи на «Новый энциклопедическій словарь» профессора Березина, напечатанной въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» (стр. 190), при наборѣ, пропущены три строки, которыя мы считаемъ необходимымъ возстановить для свѣдѣнія составителей историческихъ статей и біографій въ энциклопедическій словарь, а именно:

Напечатано: «Для историческихъ статей есть кипитальный трудъ С. М. Соловьева, сочиненія Забѣлина, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина».

Слѣдуетъ: «Для историческихъ статей есть капитальный трудъ С. М. Соловьева, сочиненія Забѣлина, Иловайскаго, Бестужева-Рюмина и Костомарова; въ особенности «Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей» послѣдняго представляетъ составителямъ біографій историческихъ лицъ для словарей превосходный и совершенно готовый матеріалъ».

своемъ на родину онъ повторитъ свои эксперименты, которые на этотъ разъ и увѣнчаются, по всѣмъ вѣроятіямъ, успѣхомъ.

Отъ св. Лаврентія «Корвинъ» пошелъ снова къ сибирскому берегу, чтобы захватить съ собою оставленную тамъ санную экспедицію; члены этой послѣдней дѣйствительно нашли остатки погибшаго судна и подвергли ихъ самому тщательному изслѣдованію; теперь они могли признать почти съ увѣренностью, что имѣли дѣло съ остатками погибшаго китобоя «Вигиланта». Среди обломковъ кормовой части и на другихъ предметахъ часто попадалась имъ буква В; тѣ, кто сообщали мнѣ эти свѣдѣнія, полагали, что не было найдено ничего такого, что указывало бы на счастливый исходъ для экипажа погибшаго судна; слѣдовало, напротивъ, думать, что судно было раздавлено льдами и весь экипажъ пошелъ ко дну.

Изъ находки этихъ корабельныхъ обломковъ, по моему мнѣнію, вытекаетъ слѣдующее: прежде всего то, что туземцы сѣвернаго сибирскаго берега чрезвычайно внимательны, а затѣмъ, что вѣтры и теченія въ этой части Ледовитаго океана, по крайней мѣрѣ, временами имѣютъ стремленіе прибивать къ берегу обломки, такъ что, если дѣйствительно съ «Жаннеттой» случилось какое нибудь несчастіе, то объ этомъ мы скоро получили бы извѣстіе. Слѣдовательно, если бы мы ничего не услышали о судьбѣ, постигшей «Жаннетту», отъ прибрежныхъ чукчей, то могли утѣшаться надеждою, что съ нею ничего особеннаго не случилось и что она самымъ обыкновеннымъ образомъ зазимовала на Врангелевой землѣ, отыскавъ здѣсь подходящее для зимовки мѣсто.

Г. Лоренцъ сообщилъ намъ, что пароходъ «св. Павелъ» доставилъ сюда для насъ 200 тоннъ угля, который и свaленъ какъ разъ возлѣ его амбаровъ. Это значило, что намъ придется пробыть здѣсь 8—10 дней, такъ какъ мы должны были подвозить уголь на лодкѣ, вмѣщавшей никакъ не болѣе десяти тоннъ, а сами никакимъ образомъ не могли подойдти къ берегу и за мелководьемъ должны были бросить якорь въ трехъ четвертяхъ мили отъ форта. Послѣ того, что мы узнали о благопріятномъ въ настоящее время состояніи льда на сѣверѣ, такая задержка была намъ особенно непріятна, такъ что всѣ мы ретиво взялись за работу съ цѣлію, по возможности, ускорить какимъ нибудь образомъ нашъ отъѣздъ. Утромъ въ 4 часа всѣ были уже на работѣ, которая прекращалась только лишь въ 8 часовъ вечера; г. Лоренцъ занимался между тѣмъ пополненіемъ нашихъ запасовъ по части мѣховаго платья, а г. Гренфильдъ, агентъ «Западной пушной компаніи», доставлялъ намъ все, что онъ только могъ, такъ что ко дню нашего отъѣзда отсюда мы будемъ превосходно снаряжены для арктической экспедиціи.

Въ сопровожденіи г. Лоренца я отправился въ его лодкѣ съ туземными гребцами на берегъ, гдѣ и провелъ нѣсколько очень пріятныхъ часовъ въ его гостепріимномъ домѣ. Стоней и Хёнтъ зани-

мались между дѣломъ промѣрами въ гавани для того, чтобы найдти, по возможности, болѣе близкую къ берегу якорную стоянку; старанія ихъ увѣнчались успѣхомъ, и имъ удалось найдти фарватеръ и крѣпкое дно въ разстояніи полумили отъ склада угля, при глубинѣ въ 19 футовъ, но, такъ какъ гавань была совершенно открыта съ сѣверовосточной стороны, то первый же набѣжавшій шквалъ по этому направленію могъ такъ сильно разбушевать море, что намъ пришлось бы немедленно разводить пары и искать спасенія въ бѣгствѣ. Уже вчера послѣ полудня налетѣла буря, которая отбросила насъ при страшной качкѣ на мягкое, илистое дно; тотчасъ же развели огонь подъ котлами, но не успѣли еще развести пары, какъ море стало мало-по-малу успокоиваться, и ко времени отлива мы снова уже мирно качались на волнахъ, хотя, всетаки, слишкомъ еще близко къ берегу. На всякій случай лейтенантъ Бёрри отдалъ приказъ поддерживать огонь подъ котлами во все время нашего пребыванія здѣсь, для того, чтобы во всякую данную минуту быть въ состояніи спастись отъ угрожающей опасности.

Когда я въ сопровожденіи г. Лоренца вошелъ въ его домъ, то былъ изумленъ самымъ пріятнымъ образомъ: все убранство было не только прилично, но истинно роскошно, и куда ни бросишь взглядъ, всюду можно было замѣтить всеукрашающую руку женщины. Въ жилой горницѣ, убранной съ полнымъ комфортомъ, были мы приняты госпожею Лоренцъ, прелестною молодою женщиною, которая презрѣла ледянымъ сѣверомъ и провела послѣднюю зиму въ такой широтѣ, въ какой не жила еще, быть можетъ, ни одна женщина, уроженка умѣреннаго пояса. Она родилась въ штатѣ Мэнъ и пріѣхала сюда только въ прошломъ году съ своимъ мужемъ, который по происхожденію русскій и жилъ прежде въ Одессѣ; теперь онъ уже 8 лѣтъ служитъ агентомъ Аляскинскаго Общества въ св. Михаилѣ; продолжительный отпускъ, которымъ онъ воспользовался въ прошломъ году, употребилъ онъ на путешествіе въ Соединенные Штаты, гдѣ посѣтилъ одного изъ своихъ старинныхъ друзей въ Мэнѣ и при этомъ случаѣ потерялъ свое сердце и нашелъ подругу жизни. Его юная супруга образованная и остроумная женщина; маленькая, но избранная библіотека, находившаяся въ комнатѣ, доказывала присутствіе у нея тонкаго и развитаго литературнаго вкуса. Неожиданность войдти здѣсь въ домъ, стѣны котораго покрыты обоями Морриса, а мебель и ковры вполнѣ гармонируютъ съ обоями, была такъ велика, что я почувствовалъ себя какъ-то не совсѣмъ ловко въ своемъ грубомъ морскомъ костюмѣ; тѣмъ не менѣе я былъ принятъ самымъ сердечнымъ образомъ, и легко было замѣтить, что каждый гость изъ болѣе южныхъ мѣстностей, приносящій съ собою богатый запасъ новостей «изъ свѣта», здѣсь принимался съ одинаковымъ радушіемъ. Не могу сказать, чтобы мнѣ было непріятно, когда двѣ канарейки смѣшивали свои громкіе, веселые

голоса съ нашею болтовнею; онѣ привѣтствовали меня изъ своихъ позолоченныхъ клѣтокъ, и въ этомъ сердечномъ привѣтѣ не слышалось ни одной фальшивой нотки. На окнахъ комнаты стояли горшки съ прекрасными растеніями въ полномъ цвѣту и, между прочимъ, розы, камеліи и другія, которыя вдругъ такъ живо напомнили мнѣ родину, какъ не случалось со мною еще ни разу со времени отъѣзда изъ Санъ-Франциско.

Такъ-называемый фортъ св. Михаила представляетъ собою нѣсколько жилыхъ домовъ и амбаровъ, связанныхъ высокимъ частоколомъ и образующихъ большой прямоугольникъ. Сначала частоколъ этотъ служилъ защитою отъ нападеній враждебныхъ инородцевъ, теперь же на него возложена скорѣе защита отъ вѣтровъ, нежели отъ дикихъ; сосѣднія племена тихи и мирны, если только ихъ не напоятъ сбивающею ихъ съ толка водкою, такъ какъ, несмотря на запрещеніе закона, который такъ строгъ, что даже агентамъ разныхъ американскихъ торговыхъ обществъ невозможно привозить въ страну вино, водку и пиво для собственнаго своего потребленія, всеже туземцы снабжаются въ достаточномъ количествѣ водкою, которую они вымѣниваютъ у китолововъ и торговцевъ по непомѣрно высокой цѣнѣ за мѣха и моржовые клыки. Г. Лоренцъ разсказывалъ намъ, что онъ не можетъ привезти для себя ни пива для стола, ни патроновъ для ружья, заряжающагося съ казенной части, но что онъ можетъ, всетаки, во всякое время, хотя и по непомѣрно высокой цѣнѣ достать у туземцевъ и водки, и патроновъ; на мой вопросъ, какимъ образомъ можетъ быть производима эта противозаконная торговля въ то время, какъ особо предназначенный для ея уничтоженія военный корабль постоянно крейсируетъ въ Беринговомъ морѣ и въ сосѣднихъ водахъ, онъ замѣтилъ, что все это крейсерство, собственно говоря, предназначено одинаково какъ для этой цѣли, такъ и для собиранія естественно-историческаго матеріала для Смитсоніанскаго института, а извѣстно, что погоня за двумя зайцами врядъ ли когда нибудь приноситъ блестящіе результаты. По его словамъ, та водка, которую привозятъ сюда китоловы и торговцы, есть самая дешевая и притомъ самая противная по вкусу, какую только можно найдти на всемъ земномъ шарѣ; разбавивъ ее въ достаточной мѣрѣ водою для того, чтобы еще болѣе увеличить наживу корыстолюбивыхъ мошенниковъ, въ нее прибавляютъ еще кайенскаго перцу, табачнаго соку и другихъ ѣдкихъ ингредіентовъ, и приходится лишь удивляться, какимъ образомъ могутъ люди пить ее безнаказанно, не падая тутъ же на мѣстѣ мертвыми. Всякому понятно, какія влечетъ за собою послѣдствія безмѣрное употребленіе этой отвратительной отравы.

Многіе изъ домовъ св. Михаила достаточно стары; выстроенные тому назадъ съ полстолѣтія, при основаніи форта русскими, изъ огромнаго плавучаго лѣса, они грубо сколочены, но хорошо

проконопачены изнутри и снаружи и стоятъ до сихъ поръ крѣпкіе и красивые, недоступные никакому вѣтру. Вокругъ каждаго дома, какъ разъ у стѣны, возвышается фута на три надъ землею покрытая досками такъ-называемая завалина, которая держитъ тепло въ домѣ и не даетъ дождю и вѣтру проникать подъ полъ; топка производится исключительно дровами, которые находятся по берегу въ огромномъ количествѣ, такъ какъ сюда приноситъ ихъ теченіемъ рѣкъ со стороны материка. По ту сторону частокола возвышается хорошенькая, маленькая православная церковь, которая выстроена тоже изъ неотесанныхъ бревенъ и покрыта красною крышею съ деревяннымъ крестомъ на самомъ верху. За кухнею дома Лоренца находится небольшой огородъ, гдѣ безъ особеннаго труда произростаетъ рѣдька, салатъ и рѣпа, о превосходномъ вкусѣ которыхъ я могу лично засвидѣтельствовать. Такъ какъ это послѣднее мѣсто на нашемъ пути на сѣверъ, гдѣ можно доставить себѣ высокое наслажденіе русской бани, то большинство изъ насъ воспользовались любезнымъ предложеніемъ г. Лоренца посѣтить его баню; кромѣ того, онъ сообщилъ мнѣ рецептъ устройства русской дорожной бани, которая, какъ я полагаю, будетъ отнюдь не безполезна намъ на дальнемъ сѣверѣ. Обыкновенно она устроивается такимъ образомъ: изъ большихъ, по возможности, камней складываютъ нѣчто въ родѣ печки, гдѣ изъ плавучаго лѣса разводятъ сильный огонь; какъ только камни достаточно накалятся, надъ ними разбиваютъ палатку, стараясь тщательно закрыть всѣ отверстія въ ней; затѣмъ входятъ въ палатку, снимаютъ съ себя одежду и наливаютъ воду на раскаленные камни, отъ чего изъ нихъ выдѣляется паръ, наполняющій въ концѣ концовъ всю палатку; подливаніе воды продолжается, пока не достигнутъ желаемой степени потѣнія, тогда приступаютъ уже къ окончательному процессу вытиранія губкою при помощи ведра свѣжей воды, послѣ чего необходимо еще вытереться грубою шерстяною матеріею такъ, чтобы все тѣло покраснѣло. Результатомъ всего этого является блаженное ощущеніе, которое надо испытать для того, чтобы оцѣнить его вполнѣ. Такую баню можно устроить въ какомъ угодно климатѣ и даже при самыхъ неудобныхъ условіяхъ. Тотчасъ обокъ съ домомъ г. Лоренца расположены тоже весьма приличные съ виду и удобные дома его помощниковъ, г. Ньюмэна и служащаго на метеорологической станціи, г. Левитта. Само собой разумѣется, что жизнь такого служащаго въ этихъ сѣверныхъ краяхъ до нельзя однообразна, а потому г. Левиттъ и предпринялъ ради развлеченія и пользы учиться подъ руководствомъ г. Лоренца русскому языку. По уставу его службы, онъ долженъ производить свои наблюденія одновременно со всѣми остальными начальниками метеорологическихъ станцій въ Америкѣ и, напримѣръ, непремѣнно въ 1 ч. 20 мин. ночи отмѣчать направленіе и силу вѣтра, а также и

Охотничья сцена.

(Съ эскимосскаго рисунка).

состояніе погоды — работа, поистинѣ, не очень веселая въ теченіе арктической зимы, и можно быть почти увѣреннымъ, что этому положенію никто не завидуетъ. Предшественникъ его былъ ретивый естествоиспытатель и переслалъ въ Смитсоніанскій институтъ не сотни, а тысячи разныхъ образчиковъ мѣстной флоры и фауны.

Остальные представители бѣлаго племени здѣсь огромный бѣловолосый и бѣлобородый русскій рабочій и сѣдовласый субъектъ, живущій въ ближайшей эскимосской деревнѣ; оба женаты на туземкахъ, и небо благословило ихъ цѣлою колоніею полукровныхъ дѣтей, которыя наслѣдуютъ нищету своихъ отцовъ.

Туземцы здѣшніе принадлежатъ безспорно какъ къ эскимосской, такъ и къ индѣйской семьѣ народовъ; мнѣ было очень интересно воочію убѣдиться въ полномъ сходствѣ строенія лица этихъ туземцевъ съ тѣмъ эскимосскимъ типомъ, который мнѣ приходилось наблюдать на восточномъ берегу Америки. Раньше я слышалъ, что здѣшніе жители чистокровные индѣйцы и говорятъ на языкѣ, совершенно отличающемся отъ языка жителей Кумберлэнда и центральныхъ племенъ; утверждали, что даже тѣ, кто живетъ отъ нихъ немного далѣе на сѣверъ, уже не могутъ понимать ихъ, и приводили мнѣ въ доказательство справедливости своихъ словъ нѣсколько совершенно отличающихся одно отъ другаго названій самыхъ обыденныхъ предметовъ, какъ, напримѣръ: китъ, тюлень, моржъ, сѣверный олень и т. п. Каково же было мое удивленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ удовольствіе, когда я, пробывъ съ этими людьми всего лишь нѣсколько дней и разговаривая съ ними только черезъ переводчика, спросилъ у одного туземца, понимаетъ ли онъ иннуитскій языкъ, и увидалъ тотчасъ же на его лицѣ выраженіе пониманія предложеннаго ему вопроса и совершенно категорическій отвѣтъ «армеларъ», т. е. да. Мы тотчасъ же начали крайне оживленный разговоръ, причемъ понимали другъ друга гораздо легче, чѣмъ когда я говорилъ на этомъ языкѣ съ представителями нѣкоторыхъ племенъ Гудзонова залива и земли короля Уильяма; нѣкоторыя слова въ обоихъ діалектахъ были совершенно одни и тѣ же, остальныя же такъ сходны, что понимать ихъ было очень нетрудно. Я вступилъ въ разговоръ со многими туземцами, которые до той поры ни разу еще не слыхали своего роднаго языка изъ устъ бѣлаго, и вовсе не удивился, когда переводчикъ сообщилъ мнѣ, что у него спрашивали, не «кавсарамутъ» ли я, т. е. не эскимосъ ли я, явившійся съ сѣвера.

Туземцы, живущіе по близости станціи, успѣли уже перенять многія прелести цивилизаціи; они живутъ гораздо охотнѣе въ деревянныхъ домахъ, нежели въ чумахъ, и варятъ пищу по нашему. Йоэ, поваръ-эскимосъ г. Лоренца, успѣлъ уже выработаться въ истиннаго chef de cuisine; къ тому же онъ мастеръ и рисовать; по моей просьбѣ, онъ набросалъ мнѣ нѣсколько эскизовъ, представляю-

щихъ разныя сцены изъ жизни туземцевъ и видимо желалъ, чтобы міръ узналъ о его талантѣ; удовлетворяя его желанію, я и прилагаю здѣсь нѣкоторые изъ его рисунковъ.

Ходили мы также въ сообществѣ нѣкоторыхъ изъ нашихъ офицеровъ въ «кашинъ» ближней эскимосской деревни, чтобы присутствовать при танцахъ туземцевъ; г. Лоренцъ упросилъ ихъ доставить намъ это удовольствіе, подаривъ имъ мѣшокъ муки. «Кашинъ»» — это нѣчто въ родѣ общественнаго дома для собраній мужской половины племени; весь онъ почти выстроенъ въ землѣ

Ловецъ.

(Съ эскимосскаго рисунка).

и покрытъ высокою земляною же крышей, въ верху которой продѣлано отверстіе для освѣщенія этого страннаго «дома совѣта». Крытый корридоръ и дверь, пробраться въ которую можно лишь на четвереренькахъ, ведутъ въ большую, срубленную изъ не отесанныхъ бревенъ горницу, крыша которой, высоко поднимающаяся надъ поверхностью земли, не поддерживается ни однимъ столбомъ, а помѣщается на искусно сдѣланномъ, плетеномъ потолкѣ. Г. Лоренцъ разсказывалъ, что видѣлъ въ другой деревнѣ подобное же зданіе, имѣвшее 50 футовъ въ поперечникѣ и тоже съ такою же висящею на воздухѣ крышею. Посрединѣ горницы выкопана глубокая яма, въ которой зимою постоянно поддерживается яркій

огонь. Въ «кашинѣ» мужчины проводятъ большую часть времени; здѣсь они спятъ и ѣдятъ и только изрѣдка «покоятся въ нѣдрахъ семейства». Стремленіе къ домашнему очагу и отеческая любовь проявляются въ туземцахъ вообще въ очень слабой степени; до самаго послѣдняго времени они имѣли обыкновеніе отдѣлываться отъ лишнихъ дѣтей тѣмъ, что бросали ихъ гдѣ нибудь вдали отъ жилья человѣческаго, гдѣ они и дѣлались очень скоро добычею лисицъ и волковъ.

При входѣ нашемъ въ «кашинъ» мы нашли въ немъ нѣсколько мужчинъ, сидѣвшихъ на скамейкѣ въ 4 фута высоты и 18 дюймовъ ширины и погруженныхъ въ глубокій сонъ; скамейка эта тянется по стѣнамъ всей горницы. Одинъ юноша приготовлялся къ танцу, для чего снялъ все свое платье, за исключеніемъ короткихъ штановъ, и надѣлъ на ноги башмаки изъ оленьей шкуры. Три старика, сидѣвшіе также на высокой скамьѣ, били въ тактъ палочкой по барабану, стоявшему у нихъ на колѣняхъ и сдѣланному изъ кожи, натянутой на обручъ; они подтягивали какой-то грустный напѣвъ, въ которомъ не было даже словъ. Почти совершенно голый малый, большимъ прыжкомъ перепрыгнувъ черезъ очагъ, очутился такимъ образомъ посрединѣ горницы и началъ подъ тактъ вертѣться на одномъ мѣстѣ, причемъ всѣ мускулы его напрягались до чрезвычайности; по временамъ, жесты и положенія, принимаемые его туловищемъ, показывали, что онъ розыгрываетъ передъ нами сцены битвы и охоты. Сначала кричалъ онъ и всхлипывалъ, словно одурманенный, но вскорѣ обезсилѣлъ отъ напряженія, и ему пришлось остановиться и дать себѣ нѣсколько минутъ отдыха. Затѣмъ, отдохнувъ немного, онъ снова взялся за прежнее, но на этотъ разъ къ нему уже присоединились другой юноша и нѣсколько дѣтей; эти послѣдніе были въ праздничныхъ нарядахъ, вѣроятно, принятыхъ въ большомъ обществѣ, такъ какъ, кромѣ мѣховыхъ башмаковъ, на нихъ ничего другаго не было. Танецъ носилъ на себѣ явные признаки индѣйскаго вліянія, котораго въ другихъ мѣстахъ среди эскимосовъ наблюдать еще не приходилось; все удовольствіе, прерываемое лишь на нѣсколько минутъ для передышки, продолжалось около получаса, когда внесли обѣщанную въ качествѣ вознагражденія муку и роздали ее участвующимъ. Изъ присутствовавшихъ при этомъ женщинъ ни одна не принимала участія ни въ пѣніи, ни въ танцѣ, хотя и замѣтно было, что многія изъ нихъ рады бы были принять живѣйшіе участіе въ удовольствіи, которымъ наслаждались другіе.

Всѣ мужчины въ этой мѣстности прекрасные моряки; ихъ каяки изъ шкуры очень похожи на лодки восточныхъ эскимосовъ, но нѣсколько шире и сидятъ глубже въ водѣ, хотя по длинѣ своей и не достигаютъ ихъ размѣровъ; нѣкоторые снабжены двумя или тремя дырами, продѣланными для сидѣнья столькихъ же гребцовъ, кото-

рые чрезвычайно ловко справляются со своими греблами. На морѣ эти каяки чрезвычайно устойчивы и быстры, и могутъ выдержать очень сильный вѣтеръ, не угрожая никакою опасностью пассажиру, если только онъ успѣлъ набить себѣ достаточно руку въ управленіи этимъ своеобразнымъ судномъ.

Во время нашего пребыванія въ св. Михаилѣ, нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ предприняли охотничью поѣздку, которая доставила имъ цѣлую массу утокъ, бекасовъ и водяныхъ курочекъ. Д-ръ Кастильо, къ немалому своёму удовольствію, прибавилъ къ своей коллекціи много новыхъ экземпляровъ, а д-ръ Джонсъ все

Чайки съ попугаевиднымъ клювомъ.

(Съ эскимосскаго рисунка).

время занимался фотографированіемъ всевозможныхъ видовъ и предметовъ.

Сегодня, послѣ обѣда, «Роджерсъ» принялъ послѣдній грузъ каменнаго угля, такъ что теперь мы въ состояніи сегодня же поздно вечеромъ или, самое позднее, завтра рано утромъ поднять паруса и выйдти въ море. Мы не нагрузили всего приготовленнаго для насъ запаса, такъ какъ иначе намъ пришлось бы бросать за бортъ коровъ, собакъ и запасы дровъ, а это было бы не совсѣмъ предусмотрительно и благоразумно. Господа Лоренцъ, Левиттъ, Ньюмэнъ и Гренфильдъ старались изо всѣхъ силъ сдѣлать намъ пребываніе здѣсь на сколько возможно болѣе пріятнымъ и всячески заботились о томъ, чтобы снарядить насъ вполнѣ для дальнѣйшаго плаванія. Эти добрые люди, безъ сомнѣнія, искренно порадуются нашему возвращенію къ нимъ, и мы съ радостью снова увидимся съ ними.

V.

Въ бухтѣ св. Лаврентія.

На «Роджерсѣ», бухта св. Лаврентія, Сибирь, 18-го августа 1881 г.

ЕРЕХОДЪ изъ Пловеръ-бэя сюда былъ самый быстрый и пріятный изъ совершенныхъ нами на «Роджерсѣ». Когда мы вчера рано утромъ подняли якорь, то подулъ самый сильный вѣтеръ, но послѣ надоѣдливыхъ проволочекъ, которыя мы уже успѣли испытать, намъ было немыслимо терять время, если мы хотѣли въ этомъ же году, до начала зимы, успѣть что нибудь сдѣлать въ Ледовитомъ океанѣ, а потому капитанъ Бѣрри отдалъ приказаніе, не смотря на угрожающую непогоду, идти впередъ. Едва покинули мы Пловеръ-бэй и достигли открытаго моря, какъ туманъ сталъ подниматься; густыя завѣсы его, скрывавшія отъ нашихъ взоровъ береговыя возвышенности, отдернулись и предъ нашими глазами предсталъ самый живописный пейзажъ. Солнышко проглянуло изъ-за облаковъ, и наше образцовое судно весело пошло подъ парусами, со скоростью 10-ти узловъ въ часъ. Послѣ печальнаго однообразія тумана, дождя и противнаго вѣтра, успѣвшихъ въ высшей степени надоѣсть намъ, перемѣна погоды обрадовала насъ всѣхъ чрезвычайно. Цѣлый день почти всѣ офицеры находились на палубѣ, и здоровый, укрѣпляющій воздухъ, вдыхаемый нами при температурѣ въ 4° R., поневолѣ заставилъ насъ вспомнить съ сожалѣніемъ о нашихъ друзьяхъ въ отчизнѣ, ищущихъ теперь прохлады отъ солнцепека въ Лонгъ-Бренчѣ и Коней-Айлэндѣ. Незадолго до полуночи мы были уже такъ близко отъ входа въ бухту св. Лаврентія, что капитанъ Бѣрри счелъ болѣе

осторожнымъ остановиться на якорѣ и подождать разсвѣта для входа въ самую бухту.

Наши ожиданія встрѣтиться съ русскимъ фрегатомъ «Стрѣлокъ» еще въ Пловеръ-бэѣ не исполнились. Капитанъ Деливронъ дѣйствительно ожидалъ насъ тамъ нѣсколько дней, но затѣмъ пошелъ далѣе, оставивъ у одного изъ туземцевъ записку, гдѣ значилось, что онъ идетъ въ бухту св. Лаврентія, для того, чтобы, если не встрѣтится съ нами, подождать нашего прибытія. Непріятная задержка въ св. Михаилѣ, причиненная намъ погрузкою угля, навела его на мысль, что мы, быть можетъ, совершенно исключили Пловеръ-бэй изъ нашего маршрута. Вскорѣ послѣ нашего прибытія въ здѣшнюю гавань, капитанъ Деливронъ пріѣхалъ къ намъ и передалъ извѣстіе, удивительное и въ то же время смутившее всѣхъ насъ до того, что я, не смотря на его сомнительную достовѣрность и тотъ длинный, окольный путь, по которому оно до насъ достигло, не могу не передать его здѣсь; извѣстіе это представляетъ собою рѣзкій примѣръ тѣхъ отрывочныхъ и неясныхъ свѣдѣній, которыя достаются на долю путешественника въ сѣверныхъ моряхъ. За два дня передъ нами, въ бухту св. Лаврентія зашла шкуна «Хэнди», на которой находился капитанъ китобойнаго судна «Даніилъ Вебстеръ», потерпѣвшаго крушеніе близь Пойнтъ-Барроу; отъ него и нѣкоторыхъ другихъ лицъ капитанъ Деливронъ слышалъ, что въ небольшомъ разстояніи отъ мыса Сердце-Камень мѣстные чукчи нашли судно, потерпѣвшее крушеніе, съ громадною пробоиною и почти наполненное льдомъ. Будто бы въ носовой части находятся тѣла четырехъ людей изъ экипажа погибшаго судна. Съ другой стороны, эскимосы Пойнтъ-Барроу утверждаютъ, что они видѣли нынѣшнею весною какихъ-то четверыхъ бѣлыхъ людей, которые шли по сѣверо-американскому берегу, по направленію къ рѣкѣ Мэккензи; равнымъ образомъ не разъ случалось имъ находить снѣговыя хижины, въ которыхъ, повидимому, зимовали люди; а подлѣ этихъ хижинъ лежало нѣсколько тѣлъ. Слѣды саней и пѣшеходовъ встрѣчаются тамъ будто тоже очень часто, и капитанъ Деливронъ утверждаетъ, что здѣсь всѣ думаютъ, что эти несчастные путники не кто иные, какъ люди съ «Жаннетты». Пока, однако, нѣтъ рѣшительно ни одного факта, на которомъ можно было бы несомнѣнно основать такое предположеніе, прійдти къ какому либо рѣшенію; во всякомъ случаѣ, представляется невѣроятнымъ, чтобы люди изъ экспедиціи «Жаннетты» избрали путь къ рѣкѣ Мэккензи, вмѣсто того, чтобы направиться къ Берингову проливу, гдѣ они могли быть увѣрены, что найдутъ дружественно расположенныхъ эскимосовъ и среди нихъ могутъ дождаться начала лова и прибытія китобоевъ. Напротивъ того, путь къ рѣкѣ Мэккензи велъ въ страну туземцевъ, извѣстныхъ своею дикостью и воинственностью, и даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ только съ

огромными лишеніями команда «Жаннетты» могла добраться до какого нибудь европейскаго поселенія, слѣдуя по этому трудному пути, но въ томъ-то и дѣло, что надежда найдти здѣсь какое нибудь поселеніе сама по себѣ была уже несбыточна. Гораздо правдоподобнѣе такимъ образомъ, что всѣ эти несчастные принадлежали къ экипажу какого нибудь погибшаго китобойнаго судна и избрали этотъ странный путь, не давая себѣ отчета, по какому они идутъ направленію. Капитанъ Бёрри хочетъ сдѣлать, по возможности, все отъ него зависящее для того, чтобы выяснить это дѣло.

Капитанъ Деливронъ и офицеры его судна употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы быть намъ какимъ бы то ни было образомъ полезными; они предложили намъ даже довести «Роджерсъ» на буксирѣ до мыса Сердце-Камень для того, чтобы мы сберегли какъ можно болѣе нашъ запасъ угля. Если завтра, когда мы поднимемъ паруса, будетъ спокойное море, то мы прикрѣпимся къ «Стрѣлку» восьмидюймовымъ канатомъ и пойдемъ у него на буксирѣ; въ противномъ случаѣ, пойдемъ лишь съ нимъ вмѣстѣ.

Двое нѣмецкихъ ученыхъ, братья Краузе, которые прибыли еще весною нынѣшняго года въ Сибирь для естественно-историческихъ изслѣдованій, живутъ въ настоящую минуту въ палаткѣ на сѣверномъ берегу бухты св. Лаврентія; завтра они сядутъ на «Стрѣлка», чтобы перебраться на мысъ Восточный, а при возвращеніи своемъ изъ Ледовитаго океана тотъ же «Стрѣлокъ» захватитъ ихъ съ собою и перевезетъ въ Пловеръ-бэй, гдѣ они намѣреваются провести всю зиму.

Переходъ «Роджерса» отъ форта св. Михаила до Пловеръ-бэя затруднялся туманомъ, безпрерывнымъ дождемъ и противнымъ вѣтромъ; 14-го августа, послѣ полудня, часовой на реѣ вдругъ услыхалъ шумъ прибоя на бакѣ; судно быстро направили въ другую сторону. Въ ту же самую минуту туманъ поднялся, и мы увидали пустынный, утесистый сибирскій берегъ у мыса Таплина. Вслѣдъ затѣмъ вышелъ изъ своего логовища Доминикъ, нашъ цвѣтной стюартъ; онъ былъ крайне смущенъ и изумленъ при видѣ опасныхъ утесовъ, которые поднимались чуть не возлѣ самой кормы «Роджерса», и выразилъ свое безпокойство тѣмъ, что спросилъ: «Скажите, пожалуйста, господинъ Уэрингъ, какимъ образомъ мы сюда забрались»? Но въ томъ то и дѣло, что, къ сожалѣнію, и самъ г. Уэрингъ не зналъ этого. Хотя мы находились всего лишь въ 45 морскихъ миляхъ отъ Пловеръ-бэя, тѣмъ не менѣе мы достигли его только 16-го августа, послѣ полудня, вслѣдствіе тумановъ и противнаго вѣтра. Карта этой мѣстности представляла массу неточностей; глубина была очень часто показана совершенно ошибочно. Къ сожалѣнію, мы не застали уже извѣстнаго чукча «Джона Корнеліуса», котораго думали захватить съ собою въ Пловеръ-бэй,

такъ какъ онъ былъ намъ рекомендованъ въ качествѣ прекраснаго лоцмана для Берингова пролива, ловкаго возницы на собакахъ и хорошаго переводчика англійскаго языка; онъ ушелъ уже въ Ледовитый океанъ съ капитаномъ Оуэномъ.

Въ первый разъ въ Пловеръ-бэѣ я имѣлъ удовольствіе увидать чукчей, рѣзкое различіе которыхъ отъ эскимосовъ въ особенности интересовало меня. Окраска ихъ кожи гораздо свѣтлѣе; питаніе ихъ лучше, нежели у эскимосовъ, а языкъ до такой степени страненъ, что мнѣ никогда еще въ жизни не приводилось слышать ничего подобнаго. Боцманмать «Роджерса» зимовалъ уже разъ въ

Молодой чукча.

этой мѣстности и зналъ поэтому многихъ изъ туземцевъ; я попросилъ его узнать, нѣтъ ли здѣсь въ окрестностяхъ сѣверныхъ оленей. Тотчасъ же обратился онъ къ стоявшему возлѣ насъ туземцу, дѣлая самые невозможные жесты, съ вопросомъ: «Сѣверный олень здѣсь, человѣкъ, приходить!»—на что и не замедлилъ получить въ отвѣтъ: «Но, тахъ пахъ». По словамъ моего переводчика, это значило, что олени находятся далеко, далеко отсюда. Этотъ пріятный разговоръ можетъ служить прекраснымъ образчикомъ того страннаго жаргона, который образовался въ этихъ мѣстахъ для сношеній между туземцами и ихъ бѣлыми гостями. Среди здѣшнихъ чукчей я нашелъ нѣсколькихъ человѣкъ, обладавшихъ кое-какими познаніями въ эскимосскомъ языкѣ, но, къ сожалѣнію, познанія эти были слишкомъ незначительны для того, чтобы я могъ объясняться съ ними.

Завтра, утромъ въ 6 часовъ, мы располагаемъ войдти въ Ледовитый океанъ для того, чтобы провѣрить скорѣе неблагопріятные слухи, дошедшіе до насъ черезъ капитана Деливрона.

VI.

Островъ Врангеля.

На «Роджерсѣ», островъ Врангеля, 2-го сентября 1881 г.

СЪ ЧУВСТВОМЪ какой-то горделивой радости пишу я изъ этой таинственной и до сихъ поръ еще неизвѣданной страны. 25-го августа, около 10-ти часовъ вечера, стали мы здѣсь на якорь, въ полумилѣ отъ берега, пробывъ весь предъидущій день на островѣ Гаральдъ. Впродолженіе 16-тидневнаго пребыванія нашего здѣсь, вотъ уже три раза, какъ отдѣльные отряды нашего экипажа изслѣдовали какъ берега, такъ отчасти и внутренность страны, въ надеждѣ отыскать хотя какіе нибудь слѣды пребыванія «Жаннетты»; собраны значительныя коллекціи фауны и флоры, сдѣланы многія магнетическія наблюденія и произведена точная съемка берега и гавани. Кромѣ того, производились правильныя наблюденія надъ вѣтрами, теченіями и движеніемъ льда; все это дѣлалось съ чрезвычайною точностью и немедленно записывалось, такъ что эту часть нашей задачи можно считать счастливо и удачно выполненною; будь только островъ Врангеля частью материка, а задача нашей экспедиціи — съемка этой мѣстности и поѣздка на саняхъ на сѣверъ, никогда не найдти бы намъ лучшаго операціоннаго базиса для этихъ цѣлей. Теперь мы стоимъ на якорѣ въ безопасной гавани, единственной на всемъ островѣ; открытіе этого убѣжища послужитъ, быть можетъ, спасеніемъ для многихъ китолововъ, затертыхъ сплошнымъ льдомъ въ океанѣ.

Хотя наши лодки и обошли кругомъ всего острова, но не нашли рѣшительно никакихъ слѣдовъ «Жаннетты» или чего либо, что указывало бы на временное пребываніе здѣсь человѣка, за исключеніемъ, впрочемъ, документа, положеннаго здѣсь четырнадцать дней тому назадъ капитаномъ Хуперомъ. Изъ животныхъ попадаются на островѣ только лисицы и полевыя мыши, если не считать странствующихъ бѣлыхъ медвѣдей, изъ которыхъ три штуки успѣли убить наши люди; нигдѣ не нашли мы указаній на то, чтобы когда нибудь здѣсь были сѣверные олени и мускусные быки, а потому и приходится поневолѣ усомниться въ вѣрности утвержденія капитана Дальмана, который былъ на Врангелевой землѣ и будто бы видѣлъ тамъ слѣды мускусныхъ быковъ и оленей; по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ былъ на какомъ нибудь другомъ островѣ или же принялъ за слѣды вышеупомянутыхъ животныхъ слѣды птицъ и бѣлыхъ медвѣдей.

Когда мы разстались въ бухтѣ св. Лаврентія съ «Стрѣлкомъ», то были въ полной увѣренности, что встрѣтимся съ нимъ у мыса Сердце-Камень и передадимъ на него нашу послѣднюю почту; къ сожалѣнію, намъ не удалось этого выполнить, такъ какъ болѣе мы уже съ нимъ не встрѣчались; издали видѣли мы его еще на слѣдующее утро по направленію къ мысу Восточному, гдѣ онъ высадилъ гг. Краузе съ ихъ лодками и матросами. Пребываніе наше въ бухтѣ св. Лаврентія было очень непродолжительно; 18-го августа, мы стали тамъ на якорь, а вечеромъ 19-го уже были снова подъ парусами. Цѣлый день 19-го мы стояли въ густомъ туманѣ, который прояснялся только отъ времени до времени, а затѣмъ тотчасъ же снова сгущался и облегалъ насъ со всѣхъ сторонъ. Все это было крайне неблагопріятно для нашего путешествія, но тѣмъ не менѣе на «Роджерсѣ» приняты были всевозможныя мѣры, чтобы ежеминутно быть готовыми идти подъ парами. Гг. Краузе пріѣхали къ намъ и провели съ нами вечеръ до тѣхъ поръ, пока капитанъ Деливронъ не прислалъ сказать, что онъ намѣренъ двинуться часа черезъ полтора въ путь на парусахъ. Не прошло и часа, какъ «Роджерсъ» былъ уже въ пути и вышелъ подъ парами изъ гавани въ дико-волнующійся Беринговъ проливъ. «Стрѣлокъ», ушедшій только черезъ часъ послѣ насъ, скоро перегналъ «Роджерса»; онъ шелъ съ половиннымъ паромъ по восьми узловъ въ часъ, тогда какъ мы дали полный ходъ и дѣлали не больше четырехъ узловъ.

20-го августа, погода была очень бурная. Вѣтеръ дулъ съ сѣверозапада, и притомъ съ такою необычайною силою, что мы едва могли съ нимъ бороться. Мы видѣли, какъ «Стрѣлокъ» боролся съ волнами недалеко отъ берега, но скоро потеряли его изъ виду, лавируя противъ вѣтра; съ той поры мы не видались болѣе. Погода была ясная и прекрасная, когда мы на слѣдующее утро пересѣкли

полярный кругъ, а затѣмъ въ скоромъ времени увидали мысъ Сердце-Камень, легко признанный нами съ перваго же взгляда, благодаря рисунку, приложенному къ «Отчету о путешествіи «Корвина» лѣтомъ 1880 года» капитана Хупера. Въ то время, какъ рано утромъ мы находились близь берега, къ намъ причалила сшитая изъ шкуръ лодка, переполненная чукчами, и остановилась у нашего борта; повидимому, эти люди имѣли намѣреніе войдти съ нами въ мѣновую торговлю, но у нихъ не нашлось ровно ничего такого, что было бы намъ необходимо. Къ сожалѣнію, нельзя было также получить отъ нихъ какихъ либо полезныхъ указаній, такъ какъ у насъ не было подходящаго переводчика; оба наши чукотскіе возницы, захваченные изъ бухты св. Лаврентія, хотя и разговаривали очень бойко и оживленно съ нашими гостями, да мы то ихъ не понимали, и намъ отъ всей этой болтовни не было никакого толку. Скоро мы приняли новый грузъ туземцевъ, среди которыхъ нашелся таки одинъ, обладавшій кое-какими познаніями въ англійскомъ языкѣ; онъ могъ сообщить намъ очень неясныя свѣдѣнія о саняхъ, собакахъ и двухъ бѣлыхъ «на берегу недалеко», а также и о пароходѣ, который былъ тамъ, а теперь «паукъ», т. е. ушелъ прочь. При затруднительности понимать другъ друга, мы такъ и не могли добиться отъ него, ушелъ ли этотъ пароходъ, или погибъ какимъ нибудь образомъ. Во всякомъ случаѣ, приходилось провѣрить точнѣе это извѣстіе, а потому мы приказали этимъ людямъ—проводить насъ къ указываемому ими мѣсту, которое оказалось большимъ поселеніемъ чукчей, на берегу какого то острова, принятаго нами за Колючинъ. Лейтенантъ Уэрингъ, мичманъ Хёнтъ, докторъ Джонсъ и я отправились на берегъ, гдѣ намъ сейчасъ же показали значительное число собакъ, принадлежавшихъ «пароходу съ двумя мачтами». Наконецъ, намъ принесли дощечку, на которой вырѣзаны были имена лейтенантовъ Херринга и Рейнольдса и штурмана Гисслера съ «Корвина»; теперь все объяснилось: «Корвинъ» былъ здѣсь весною и высадилъ своихъ собакъ, чтобы избавиться отъ лишняго груза во время своего лѣтняго крейсерства; на случай, если бы ему пришлось зазимовать въ Ледовитомъ океанѣ, ему ничего бы не стоило снова забрать отсюда своихъ собакъ.

Сильное волненіе дѣлало высадку въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно затруднительною, но между островомъ и материкомъ находилась, повидимому, хорошая гавань, на которую мы тотчасъ и обратили вниманіе, такъ какъ она представляла собою вѣрное пристанище для тѣхъ, кому пришлось бы поневолѣ искать въ этихъ мѣстахъ зимовки. Открытіе это хотя отчасти вознаградило насъ за потерянное даромъ время, благодаря неясному и непонятному сообщенію чукчей, или, вѣрнѣе, отсутствію у насъ хорошаго переводчика. Пока д-ръ Джонсъ ботанизировалъ по берегу, мы отправились въ посе-

леніе, гдѣ намъ привелось впервые увидать чукчей въ ихъ домашнемъ быту.

Поселокъ состоялъ изъ семи большихъ, круглыхъ, куполообразныхъ палатокъ, футовъ 20 въ діаметрѣ, которыя были сдѣланы изъ сшитыхъ вмѣстѣ тюленьихъ шкуръ, растянутыхъ на очень замысловато установленныхъ кольяхъ изъ плавучаго лѣса. На той сторонѣ, которая приходилась противъ входа, стояли три или четыре постели, отдѣленныя отъ главнаго помѣщенія занавѣсами изъ оленьихъ шкуръ; это были отдѣльныя жилища столькихъ же семей, жившихъ подъ одною кровлею. Занавѣсы нѣкоторыхъ изъ этихъ клѣтушекъ были приподняты вверхъ, а на постеляхъ, сдѣланныхъ тоже изъ оленьихъ шкуръ, покрывавшихъ также и весь полъ этихъ клѣтушекъ, сидѣли женщины, занимавшіяся домашними работами или же нянчившія цѣлую толпу грязныхъ, полунагихъ дѣтей. Невыносимый запахъ грязи и китоваго жира заставилъ меня вспомнить эскимосовъ; къ сожалѣнію, въ мѣстномъ языкѣ не было такого же сходства, и я долженъ былъ переговариваться съ туземцами при помощи лишь крайне недостаточнаго для сношенія между людьми языка жестовъ, да нѣсколькихъ весьма немногихъ англійскихъ словъ, которыя они выучили, благодаря постояннымъ сношеніямъ съ американскими китоловами. Почти все населеніе поселка провожало насъ до нашей лодки, а нѣкоторые сдѣлали даже попытку забраться въ нее вмѣстѣ съ нами, но мы разъяснили имъ всю несообразность ихъ желанія въ довольно понятной, хотя и не совсѣмъ вѣжливой формѣ. Теперь нечего было оставаться здѣсь долѣе и надо было наверстать потерянное время, а потому мы удовлетворили нашихъ чукотскихъ гостей, остававшихся еще на «Роджерсѣ», кое-какими подарками и скоро, спровадивъ ихъ, направились къ острову Геральда.

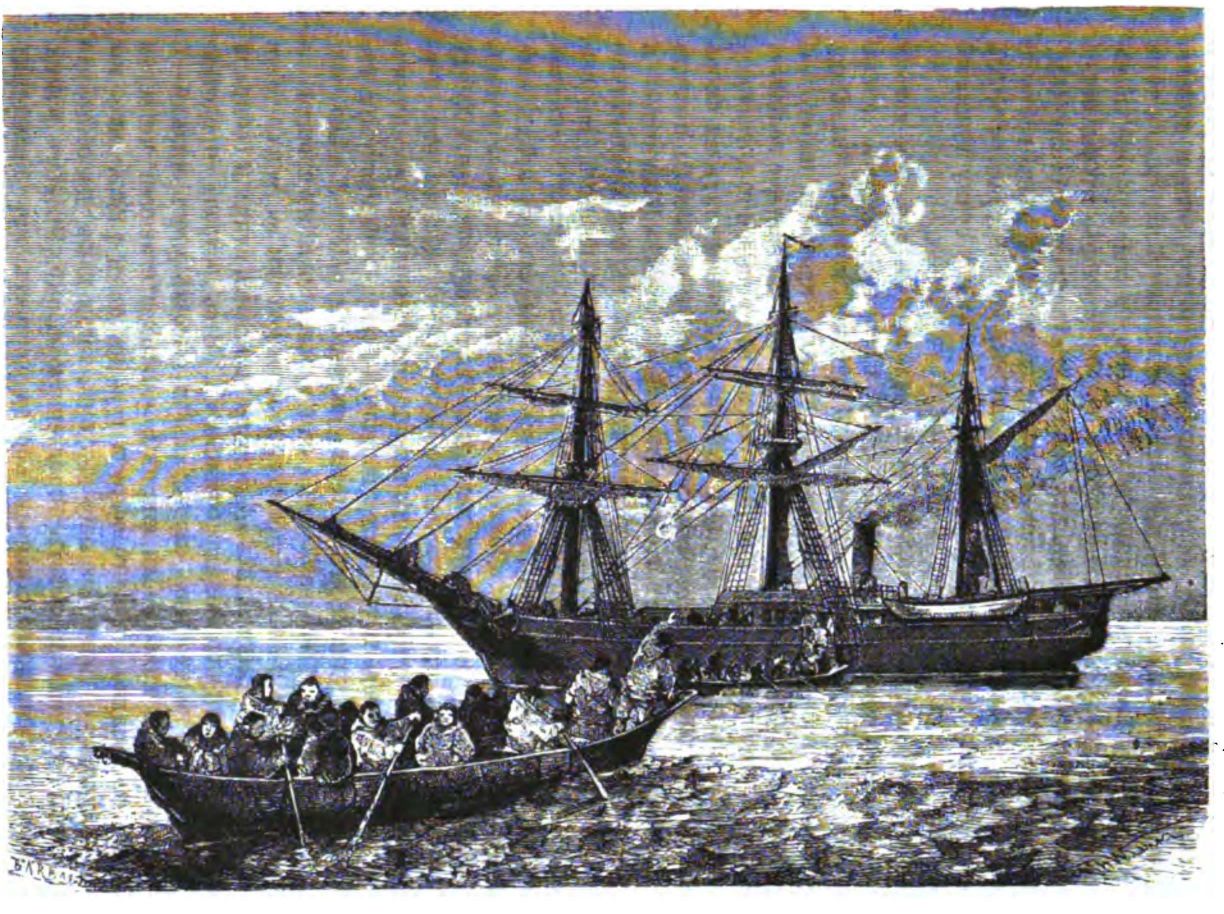
Судя по тому, что я видѣлъ въ этомъ селеніи, среди чукотскихъ женщинъ, также какъ и среди эскимосскихъ, господствуетъ обычай татуировки съ тою, однако, разницею, что у чукчей татуируются и дѣвушки, тогда какъ у эскимосовъ молодая женщина пріобрѣтаетъ право украситься такимъ образомъ только тогда, когда она должна покинуть отчую палатку и переходить жить къ своему супругу. Въ татуировкѣ также замѣчается нѣкоторая разница: украшенія на щекахъ зависятъ здѣсь, повидимому, отъ личнаго вкуса, тогда какъ украшенія на подбородкѣ во всѣхъ видѣнныхъ мною случаяхъ были совершенно схожи съ обычными украшеніями у остальныхъ эскимосскихъ племенъ.

Для того, кто привыкъ къ точнымъ съемкамъ южныхъ береговъ, неполнота картографическихъ свѣдѣній о полярныхъ странахъ представляетъ нѣчто ужасающее; на нашихъ различныхъ картахъ, положеніе острова Колючина было обозначено до такой степени различно, что разница достигала 40 и даже 60 миль, такъ

что намъ пришлось сомнѣваться, дѣйствительно ли мы находились у этого острова. Такъ какъ я зналъ, что названіе острова заимствовано у чукчей, то и обратился съ вопросомъ прежде всего къ одному изъ нашихъ проводниковъ, это ли островъ Колючинъ. Сначала, казалось, онъ и самъ не былъ вполнѣ увѣренъ въ этомъ, но, посовѣтовавшись съ своими друзьями на берегу, онъ снова пришелъ ко мнѣ и, указывая на островъ, произнесъ слово «Колючинъ»; я удовлетворился этимъ и принялъ на вѣру, что онъ правъ, хотя и сознавалъ, что такое подтвержденіе моихъ словъ ровно ничего не значитъ; навѣрное, онъ сказалъ бы «да», если бы я спросилъ, не называется ли этотъ островъ островомъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ онъ, подобно всѣмъ этимъ добродушнымъ дикарямъ, былъ склоненъ соглашаться рѣшительно со всѣмъ, что мы ему ни говорили.

Въ теченіе слѣдующей ночи и всего слѣдующаго дня дулъ благопріятный вѣтеръ; измѣренія глубины лотомъ производились все время черезъ каждый часъ и здѣсь всѣ глубины сходились съ глубинами, указанными на картѣ. По временамъ встрѣчали мы плавучій лѣсъ, который несся по теченію къ сѣверу и къ западу.

22-го августа, распредѣлены были офицеры и матросы на всѣ лодки «Роджерса» и отданы были всѣ приказанія для того, чтобы въ случаѣ нужды мы могли по возможности скоро и въ порядкѣ покинуть судно. Весь слѣдующій день насъ окружалъ густой туманъ; когда около 7 часовъ вечера онъ сталъ подниматься, насъ позвали на палубу, чтобы мы могли насладиться видомъ Врангелевой земли; но то, что мы увидали передъ собою, было до такой степени похоже на клочекъ тумана, что между нами произошелъ оживленный споръ, земля это, или нѣтъ. Въ концѣ-концовъ, оказалось, что то была земля, и быстрое паденіе температуры воды (въ три часа времени температура воды понизилась на цѣлыхъ четыре градуса) показало намъ, что мы приближаемся къ ледянымъ полямъ. Прошло очень немного времени, когда съ реи увидѣли дѣйствительно ледъ на сѣверѣ и западѣ, а затѣмъ скоро онъ сталъ видѣнъ и съ востока. Вѣтеръ дулъ какъ разъ съ той стороны, гдѣ былъ ледъ, а такъ какъ и безъ того уже было достаточно сыро, то онъ показался намъ, жителямъ болѣе южныхъ широтъ, непріятно холоднымъ, хотя термометръ и показывалъ всего лишь 2 градуса. Черезъ нѣсколько времени мы увидали передъ собою какой то предметъ, который, послѣ долгихъ наблюденій при помощи подзорныхъ трубъ, признанъ былъ за корабль, лишенный мачтъ и густо занесенный снѣгомъ. Для удостовѣренія въ томъ, дѣйствительно ли это погибшее судно, мы направились прямо къ заинтересовавшему насъ предмету и, когда мы достаточно вдвинулись въ ледяное поле, то скоро убѣдились, что мнимые остатки судна не что иное, какъ ледяная глыба, покрытая иломъ; сходство



Чукчи, подъѣзжающіе на лодкѣ къ «Роджерсу».

было полное и для того, чтобы разубѣдиться въ нашемъ предварительномъ предположеніи, намъ пришлось приблизиться къ самой глыбѣ. Весь ледъ, который мы нашли здѣсь, казался старымъ и талымъ, но, повидимому, былъ когда то очень крѣпокъ и толстъ. Послѣ этого уклона, взяли мы снова свой прежній курсъ, но, такъ какъ въ это время наступила уже темнота, а мы все еще находились среди льда, то и пришлось стать на якорь, чтобы обезопасить себя отъ столкновенія съ такими громадными массами льда; не смотря, однако, на эту предосторожность, мы получили, всетаки, нѣсколько очень сильныхъ толчковъ, которые потрясали крѣпкую обшивку «Роджерса», но не наносили самому судну никакого вреда.

На слѣдующее утро погода была холодная и ясная, а потому были видны какъ островъ Гаральдъ, такъ и Врангелева земля. Около полудня, достигли мы острова Гаральда, который былъ совершенно свободенъ отъ льда, и попробовали проѣхать на его западную сторону. Тутъ, однако, наткнулись мы на сильное волненіе, которое разбивалось объ опасные утесы, выдающіеся въ югозападномъ направленіи мили на двѣ въ море. Пришлось стать на якорь миляхъ въ трехъ южнѣе западной оконечности острова и послать на берегъ только лодку, чтобы поискать слѣдовъ «Жаннетты» и положить подъ каменный курганчикъ документъ, свидѣтельствующій о нашемъ посѣщеніи. Трудно было идти на веслахъ, но высадка произошла сравнительно довольно легко на самой западной части острова подъ прикрытіемъ рифа, омываемаго со всѣхъ сторонъ морскими волнами. Лодкой управлялъ лейтенантъ Уэрингъ, вмѣстѣ съ которымъ, кромѣ меня, находились еще мичманы Хёнтъ и Стоней и оба врача Джонсъ и Кастильо. Недалеко отъ вершины западнаго утеса воздвигли мы нашъ каменный курганчикъ, въ срединѣ котораго укрѣпили большую доску, гдѣ написали названіе нашего судна и день нашего посѣщенія. Между тѣмъ, нѣкоторые изъ насъ взобрались на самую вершину и прошли по гребню горъ до средней и притомъ высшей точки острова, тогда какъ остальные занимались охотою на морскихъ птицъ и собирали мхи и растенія для нашихъ ботаниковъ. Весь островъ представляетъ собою не что иное, какъ узкій и высокій утесъ миль 5—6 въ длину, при наибольшей ширинѣ, едва достигающей четверти мили; на западной сторонѣ острова гребень такъ узокъ, что мы очень удобно садились на него верхомъ, тогда какъ на восточной сторонѣ онъ ниже и имѣетъ округленную форму. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы высадились, каменная порода состоитъ изъ глинистаго сланца, среди котораго въ разщелинахъ то тамъ, то сямъ виднѣется гранитъ. Подъемъ былъ крутъ и труденъ и возможенъ лишь потому, что мѣстами мы карабкались на четверенькахъ и цѣплялись за выступы сланцевыхъ породъ, которыя постоянно угрожали

намъ паденіемъ и тѣмъ, что ихъ обломки увлекли бы вмѣстѣ съ собою въ глубину и отважныхъ лазуновъ. Въ самой высшей своей точкѣ островъ поднимается на 600 футовъ надъ поверхностью моря, но, такъ какъ воздухъ былъ совершенно прозраченъ, то передъ нами открывалась чрезвычайно обширное поле зрѣнія. Врангелева земля была прекрасно видна, но на сѣверъ отъ нея, на сколько хватало зрѣніе, нигдѣ другой земли не было видно.

Если подъемъ былъ труденъ и опасенъ, то еще затруднительнѣе было наше положеніе при спускѣ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мы не спустились до послѣдней террасы, почти сплошь покрытой сланцевыми обломками. Этотъ послѣдній путь многіе изъ насъ продѣлали бѣгомъ, хотя и совершенно противъ воли, потому что удержаться не было никакой возможности. Другіе избрали, правда, менѣе опасный, но во всякомъ случаѣ отнюдь не болѣе удобный способъ спуска, а именно съѣхали съ невѣроятною быстротою, сидя. Массы плавучаго лѣса валялись на берегу, и скоро веселый огонекъ, разведенный на берегу нашими сотоварищами, затрещалъ для тѣхъ, кому было холодно. Тутъ же надъ берегомъ носились стаи чаекъ; нѣкоторыя изъ нихъ, а также нѣсколько утокъ и куликовъ, были убиты. Покончивъ здѣсь наши дѣла, мы возвратились къ лодкѣ, вытащенной нами ради пущей безопасности на берегъ; вѣтеръ между тѣмъ перемѣнился и гналъ теперь волны далеко на берегъ, такъ что, хотя намъ и не стоило никакихъ трудовъ спустить лодку на воду, за то оказалось, что она до половины залита водою. Да и море теперь волновалось гораздо болѣе прежняго и почти каждая волна вливала нѣкоторую часть своей воды въ нашу маленькую лодку, откуда мы съ трудомъ могли ее выкачивать. «Роджерсъ» шелъ уже подъ парами намъ навстрѣчу и принялъ до костей промокшихъ путниковъ къ великой ихъ радости, въ полутора миляхъ отъ берега, на палубу. Попытка высадиться на восточной части острова, по всѣмъ вѣроятіямъ, была бы теперь неудачна, а потому мы и пошли подъ парами вдоль берега, пристально всматриваясь, не увидимъ ли гдѣ нибудь каменной кучи, или иного какого нибудь признака пребыванія здѣсь людей. Ничего подобнаго мы не видѣли и только впослѣдствіи узнали изъ записки, положенной «Корвиномъ» на Врангелевой землѣ, что часть его экипажа была раньше насъ на островѣ Геральда и оставила тамъ соотвѣтствующій документъ.

Пройдя восточную оконечность острова, «Роджерсъ» направился на мысъ Хавайи на Врангелевой землѣ, и уже въ 10 часовъ на слѣдующее утро мы увидали его передъ нами сплошь затертымъ съ восточной стороны льдами, тянущимися на сѣверъ отъ острова на столько, на сколько видно было простымъ глазомъ. Мы сохраняли все то же направленіе на юго-западъ и въ половинѣ четвертаго достигли льдовъ, черезъ которые съ трудомъ и притомъ очень

тихимъ ходомъ стали пробиваться къ берегу, находившемуся отъ насъ въ какихъ нибудь 12 миляхъ. Чѣмъ болѣе мы приближались къ берегу, тѣмъ большее волненіе охватывало экипажъ «Роджерса», а когда мы шли по открытымъ проходамъ, или, какъ это не разъ случалось, попадали въ полыньи чистой воды, гдѣ мы могли идти полнымъ ходомъ, то на лицахъ всѣхъ членовъ экспедиціи была написана неизъяснимая и непритворная радость. Не разъ имѣли мы случай оцѣнить вполнѣ крѣпость и силу нашего судна, въ особенности когда намъ приходилось пробивать себѣ дорогу черезъ

Чукотская женщина за шитьемъ.

твердый плавучій ледъ, загораживавшій намъ зачастую путь къ острову. Около берега вода была совершенно чиста отъ льда; только по временамъ виднѣлись отдѣльныя глыбы, которыхъ избѣжать намъ не стоило никакого труда. Въ 10 часовъ, мы бросили якорь приблизительно въ трехъ четвертяхъ мили отъ берега и при семи саженяхъ глубины; тотчасъ же были спущены двѣ лодки, чтобы свезти на берегъ нѣсколькихъ офицеровъ. Высадившись на плоскій, песчаный берегъ, они крикнули три раза «ура!», и имъ восторженно отвѣчали съ «Роджерса» такими же радостными криками; затѣмъ сожгли двѣ ракеты и, когда дессантъ возвратился на судно, одинъ изъ офицеровъ расщедрился и въ честь столь ра-

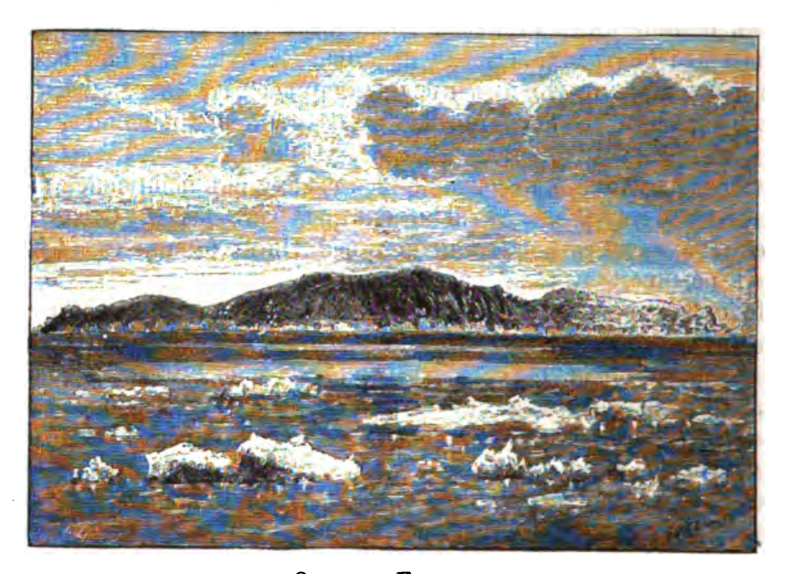
достнаго дня роздалъ намъ по куску огромнаго рождественскаго пирога.

Передъ тѣмъ, какъ спустить ракеты, лейтенантъ Уэрингъ позвалъ нашихъ обоихъ чукотскихъ проводниковъ, получившихъ отъ насъ прозвища «Ливерпуль» и «Кокней», показалъ имъ оба цилиндра и спросилъ, знаютъ ли они, что это такое. «Да, ме сабе»,— былъ отвѣтъ и тогда уже зажгли стопинъ, а они стояли и смотрѣли съ напряженнымъ вниманіемъ на то, что будетъ. Первоначальное шипѣніе и тлѣніе стопина доставляло имъ, видимо, большое удовольствіе; когда же внизу цилиндра раздался сначала трескъ, а затѣмъ произошелъ взрывъ и ракета понеслась въ вышину, оставляя за собою блестящій слѣдъ, оба они были поражены такимъ паническимъ страхомъ, что безъ смѣху на нихъ невозможно было смотрѣть. Словно по командѣ, схватили они оба себя за волосы, какъ будто имъ предстояло удержать эти послѣдніе на головѣ, сдѣлали большой прыжокъ назадъ и остановились, дрожа всѣмъ тѣломъ и сдерживая дыханіе, устремивъ свои взоры въ безконечномъ изумленіи на сыпавшіяся сверху изъ лопнувшей высоко въ небѣ ракеты разноцвѣтныя, свѣтлыя звѣздочки. Стало ясно, что они не имѣютъ ровно никакого понятія ни о нашемъ «4 іюля», ни объ обычномъ у насъ способѣ его празднованія.

На слѣдующее утро, въ половинѣ седьмаго, снова была послана лодка съ тѣмъ, чтобы точнѣе изслѣдовать лагуну, или, вѣрнѣе, узенькую бухту, которая, по словамъ бывшихъ вчера на берегу офицеровъ, врѣзывалась между не менѣе узкою косою и ближайшею цѣпью холмовъ въ материкъ; и дѣйствительно, за длиною и низкою косою оказалась превосходная гавань съ твердымъ дномъ и достаточной глубины даже для такого большаго и глубоко сидящаго судна, какъ «Роджерсъ». Тотчасъ по возвращеніи лодки, мы вошли на парахъ въ только что открытую гавань, гдѣ безотлагательно и были сдѣланы всѣ приготовленія къ различнымъ экспедиціямъ, имѣющимъ быть организованными для отысканія «Жаннетты».

Изъ трехъ отдѣленій, на которыя разбитъ былъ весь экипажъ, первое, подъ руководствомъ капитана Берри, должно было отправиться на сѣверный берегъ или же на какой нибудь высокій пунктъ острова, съ котораго представлялась бы возможность видѣть весь островъ съ его берегами; другому, подъ предводитетьствомъ лейтенанта Уэринга, поручено было плыть въ китобойной лодкѣ вдоль восточнаго берега; третье, съ мичманомъ Хёнтомъ во главѣ, послано было на западъ для изслѣдованія берега въ этомъ направленіи. Обѣ послѣднія экспедиціи, снабженныя провіантомъ на пятнадцать дней, получили приказаніе постараться, по возможности, объѣхать весь островъ, такъ какъ послѣ наблюденій, произведенныхъ нами съ острова Гаральда, мы уже ни на минуту не сомнѣвались въ томъ, что имѣемъ дѣло съ островомъ, а не съ материкомъ.

По подробнымъ инструкціямъ, полученнымъ отдѣльными экспедиціонными отрядами, они должны были обращать главное вниманіе на такъ называемые «кэрны», или курганчики изъ камней, производить наблюденія надъ морскими теченіями и собрать возможно полный научный матеріалъ. Къ отряду капитана Бёрри принадлежали, кромѣ главнаго врача д-ра Джонса, еще четыре человѣка, а именно: Франкъ Мельмсъ, отлично знающій условія арктическихъ сухопутныхъ путешествій, принимавшій участіе въ экспедиціи лейтенанта Шватка на землю короля Уильяма въ 1878—1880 годахъ; Олафъ Петерсенъ и Ѳома Лоудонъ, оба служившіе долгое время во флотѣ и перешедшіе только за три дня до нашего отъѣзда на



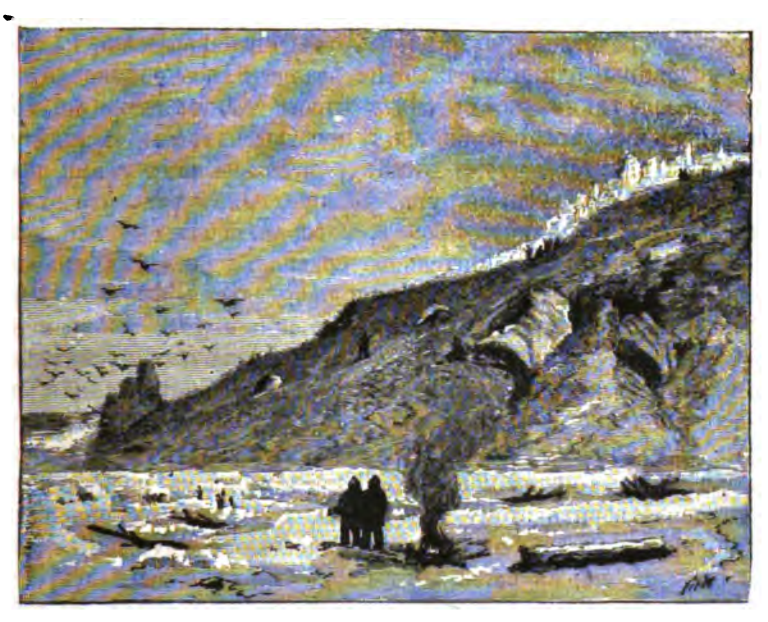
Островъ Гаральдъ.

«Роджерсъ» съ «Пенсаколы» и, наконецъ, Доминикъ, нашъ цвѣтной буфетчикъ, который отправился въ путь въ полной увѣренности, что дѣло идетъ о простой прогулкѣ на сѣверный полюсъ; объ этомъ сѣверномъ полюсѣ, какъ онъ разсказывалъ, столько ему приходилось слышать, что поневолѣ захотѣлось, наконецъ, взглянуть, что это за штука такая. Въ качествѣ замѣстителя капитана остался на «Роджерсѣ» старшій лейтенантъ Чарльзъ Ф. Путнамъ, которому поручено было производить магнитныя наблюденія, причемъ мичманъ Джорджъ М. Стоней долженъ былъ помогать ему въ качествѣ ассистента. Этому послѣднему было кстати поручено сдѣлать съемку гавани и близь лежащихъ береговъ. Оба офицера, казалось, были рождены именно для такого рода работъ, такъ какъ занимались уже долгое время на родинѣ въ коммиссіи береговой

съемки Соединенныхъ Штатовъ и были уволены лишь на время, чтобы принять участіе въ нашей экспедиціи.

Всю пятницу, а также и часть субботы вплоть до 3-хъ часовъ пополудни, всѣ были заняты снаряженіемъ экспедиціонныхъ отрядовъ и впродолженіе всего этого времени забота и волненіе царили на «Роджерсѣ». Троекратное «ура» остающихся раздалось въ знакъ прощанія съ отъѣзжающими, когда они отчалили отъ судна, чтобы отправиться навстрѣчу предстоявшихъ имъ приключеній и опасностей.

Когда экспедиціонные отряды покинули «Роджерсъ», насъ все еще оставалось 19 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ обоихъ чук-



Оставленіе документовъ на островѣ Гаральдѣ.

чей и камчадала, захваченнаго нами изъ Петропавловска и до такой степени привыкшаго къ морской службѣ, что онъ выразилъ желаніе отправиться съ нами въ Соединенные Штаты. На слѣдующій день, въ воскресенье, погода была такъ прекрасна, какъ никогда въ этихъ странахъ бурь и непогоды; солнце блистало ярко на небѣ и ни малѣйшій вѣтерокъ не колыхалъ зеркальную поверхность моря. Мы воспользовались прекрасною погодою для того, чтобы установить на сосѣднемъ берегу палатку подъ обсерваторію, и Путнамъ немедленно принялся за наблюденія отклоненія магнитной стрѣлки и разныя вычисленія. Стоней, съ своей стороны, отправился производить съемку берега, для чего и избралъ базисъ въ три мили длиною. Мало того, тотчасъ же опредѣлили широту

и долготу гавани, сняли фотографію съ корабля и окрестностей и поохотились чрезвычайно удачно. Ходжсонъ, боцманматъ, отправился въ сопровожденіи Ливерпуля и Кокнея въ трехмѣстномъ шкурномъ каякѣ далеко въ ледяное поле и убилъ цѣлый десятокъ моржей. Возвращаясь съ охоты, онъ хотѣлъ четверыхъ изъ убитыхъ звѣрей притащить за собою на буксирѣ, но они были слишкомъ тяжелы, такъ что по пути онъ все отвязывалъ ихъ по одному и привезъ на судно всего лишь одного. Между тѣмъ, на море палъ густой туманъ и, такъ какъ мы боялись, чтобы наши охотники на моржей не заблудились во льдахъ, то Трасей, плотникъ, былъ посланъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей за ними на поиски; въ то же время съ корабля черезъ каждыя пять минутъ давались посредствомъ туманной трубы сигналы, пока, наконецъ, около половины одиннадцатаго не возвратились обѣ лодки. Имъ пришлось грести изъ всѣхъ силъ, чтобы тащить за собою моржа, да и теперь всѣ мы, и офицеры, и простые матросы, напрягли всѣ наши силы для того, чтобы втащить звѣря на палубу при помощи веревокъ, окрученныхъ вокругъ его шеи. Оказалось, что это моржиха, пудовъ въ тридцать вѣсомъ, которая попалась очень кстати, такъ какъ доставила значительное подспорье для собачьяго корма. Ливерпуль и Кокней освѣжевали и разрѣзали мясо на куски, съ видимымъ наслажденіемъ, причемъ не преминули, по временамъ, не оставляя ни на минуту своей работы, угощаться кусками столь любезнаго для нихъ окровавленнаго мяса. Цивилизованная пища корабельная давно уже потеряла для нихъ свою прелесть; желудки ихъ, казалось, неотступно требовали того, чтобы ихъ снова напичкали мясомъ, и теперь, когда имъ представилась полная возможность удовлетворить этому требованію, они наслаждались вполнѣ, облитые кровью и съ неизмѣримою радостью въ душѣ. На другой день, еще два моржа были убиты и доставлены на палубу, такъ что мы запаслись богатою мясною пищею для нашихъ 50 собакъ. А между тѣмъ, хорошая погода близилась къ концу; на третій день, по уходѣ экспедиціонныхъ отрядовъ, мы имѣли уже штормъ съ сѣвера, который доставилъ намъ возможность сдѣлать очень интересныя наблюденія надъ измѣненіями во льдахъ. Ледяное поле, которое простиралось на востокъ по ту сторону мыса Хавайи, пришло въ движеніе и, не смотря на то, что вѣтеръ дулъ съ берега, все открытое пространство моря, бывшее передъ нами, черезъ три часа времени покрылось крутящимися массами льда, огромныя глыбы котораго то и дѣло съ необыкновенною силою и съ страшнымъ трескомъ и грохотомъ сталкивались другъ съ другомъ. Море съ непомѣрною силою било въ наружную сторону песчаной косы и намъ оставалось только радоваться, что мы успѣли заблаговременно, пока еще стояла хорошая погода, окончить большую часть нашихъ работъ.

Моржи на льду.

Въ теченіе слѣдующихъ девятнадцати дней нашего пребыванія здѣсь, мы могли наблюдать странное явленіе, какъ ледъ постоянно двигался вдоль берега къ западу, тогда какъ казалось по самой природѣ вещей, что вѣтеръ долженъ отгонять его напротивъ того отъ берега. Иногда, когда мы укладывались уже спать, море представлялось, на сколько можно было видѣть невооруженнымъ глазомъ, сплошь покрытымъ плавучимъ льдомъ, а когда на другое утро мы снова выходили на палубу, то удивленнымъ глазамъ нашимъ снова представлялась неизмѣримая даль открытаго и совершенно свободнаго отъ льда моря, по которой то тамъ, то сямъ носились отдѣльныя могучія глыбы; одинаково часто случалось, что утромъ видѣли мы все тѣ же ледяныя поля передъ собою тамъ, гдѣ еще вечеромъ растилалось открытое море. Эти-то быстрыя перемѣны, такъ изумляющія моряка и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до такой степени мѣшающія ему въ его предпріятіяхъ, привели къ тому, что среди китоловов утвердилась теорія, по которой въ этихъ широтахъ, въ силу неизвѣданныхъ еще законовъ природы, ледъ опускается будто бы на дно и снова поднимается на поверхность океана.

Въ результатѣ магнитныхъ наблюденій, произведенныхъ оставленными на суднѣ офицерами, получилась инклинація въ 79°15′ и отклоненіе въ 19°49′. Интензивность была незначительна и притомъ часто колебалась.

ГЛАВА VII.

Вокругъ острова.

На «Роджерсѣ», островъ Врангеля, 12-го сентября 1881 г.

ЕБЛАГОПРІЯТНАЯ погода, стоявшая въ слѣдующіе дни, не допускала возможности дѣлать какія либо наблюденія, и наша жизнь была бы чрезвычайно однообразною, если бы насъ не ожидало волненіе, испытанное на охотѣ за медвѣдями. Въ субботу, 3-го сентября, въ 6 часовъ вечера, только что мы хотѣли садиться за столъ, какъ вдругъ на берегу показались какіе то два бѣлые предмета, которые при помощи подзорной трубы мы тотчасъ же признали за медвѣдицу и ея медвѣженка. Немедленно спущена была на воду наша маленькая лодка; двое офицеровъ, вооруженныхъ винтовками, прыгнули въ нее и отправились къ берегу, съ усиліемъ выгребая противъ волненія; гребцамъ приходилось, къ сожалѣнію, бороться съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, такъ что медвѣди имѣли время собраться въ обратный путь и значительно опередить охотниковъ. Едва только лодка успѣла причалить къ берегу, какъ сидѣвшіе въ ней выскочили вонъ, и началось преслѣдованіе. Впереди всѣхъ бѣжалъ Трасей, плотникъ, обуреваемый охотничьимъ пыломъ, не смотря на то, что при высадкѣ принялъ холодную ванну и промокъ до костей; когда остальные, послѣ довольно долгаго и безустаннаго преслѣдованія, повернули обратно къ берегу, онъ, указывая рукою впередъ и вскрикнувъ какимъ-то особенно одушевленнымъ голосомъ: Excelsior!—ринулся одинъ преслѣдовать звѣрей. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣ-

хомъ, и въ 10 часовъ вечера онъ возвратился, сдѣлавъ верстъ пятнадцать, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уложивъ обоихъ медвѣдей.

Въ тотъ же вечеръ, часу въ одиннадцатомъ, услышали мы на «Роджерсѣ» громкій крикъ, принесшійся съ вышеупомянутой косы; крикъ этотъ пересилилъ непрестанный ревъ бушующаго вѣтра. Мы узнали голосъ капитана Бёрри, который возвращался изъ своего путешествія; онъ прибылъ въ сопровожденіи одного лишь спутника; остальные слѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, такъ какъ ноги ихъ, съ непривычки, сильно пострадали отъ ходьбы по каменистому и неровному грунту. Капитанъ Бёрри нарочно пошелъ впередъ, чтобы послать къ нимъ, въ глубь гавани, лодку и такимъ образомъ избавить ихъ отъ излишняго пути въ четыре мили; управленіе лодкою, тотчасъ же спущенною на воду, было поручено боцманмату Ходжсону, старому, испытанному моряку, который не разъ бывалъ въ арктическихъ экспедиціяхъ и въ особенности умѣлъ могъ справляться съ лодкою среди льдовъ. Не смотря, однако, на всевозможныя старанія, скоро пришлось убѣдиться, что нѣтъ рѣшительно никакой возможности бороться съ волненіемъ и вѣтромъ; Ходжсону пришлось бросить лодку тутъ же на берегу и спѣшить съ своими людьми къ несчастнымъ путникамъ, чтобы при нуждѣ оказать имъ содѣйствіе. Предпріятіе было не легко исполнимое, такъ какъ къ довершенію всѣхъ бѣдъ навстрѣчу имъ поднялась страшная снѣжная мятель, которая могла заставить ихъ проплутать до самаго разсвѣта. Доминикъ былъ совершенно обезсиленъ, когда его притащили на палубу; на вопросъ, гдѣ его нашли, онъ отвѣчалъ, какъ бы выходя изъ забытья, что онъ и его спутники сбились съ дороги, отклонились отъ берега и порѣшили прилечь отдохнуть въ ближнемъ «лѣсочкѣ». Оказалось, что посланные не могли никакъ отыскать слѣдовъ д-ра Джонса, а потому и отряжена была немедленно лодка, порученная на этотъ разъ управленію г. Стонея. Послѣ долгихъ и невѣроятныхъ усилій, этому послѣднему удалось счастливо высадиться во внутренней части бухты; онъ исходилъ по разнымъ направленіямъ ближайшую часть берега, но всѣ поиски оказались тщетными. Около 10 часовъ утра, снова услышали мы громкій крикъ, но на этотъ разъ онъ донесся уже со стороны острова; наскоро снарядили лодку, которая и доставила на «Роджерсъ», не достававшихъ еще членовъ отряда капитана Бёрри, а именно: д-ра Джонса и Франка Мельмса. По разсказамъ перваго изъ нихъ, онъ не очень страдалъ въ эту памятную ночь отъ холода и непогоды, такъ какъ Франкъ Мельмсъ, оставшійся съ нимъ добровольно, ради того, чтобы не покинуть его на произволъ судьбы, всячески оберегалъ его и состроилъ ему довольно сносное убѣжище отъ дождя и снѣга. Докторъ не могъ нахвалиться дружескимъ участіемъ, съ которымъ относился къ нему добрый малый, успѣвшій сохранить еще свои силы и имѣвшій слѣдова-

тельно полную возможность добраться въ тотъ же вечеръ до «Роджерса», но не пожелавшій покинуть товарища, которому онъ могъ быть полезенъ, благодаря своей опытности въ полярныхъ путешествіяхъ и невзгодахъ. Теперь пришлось послать на берегъ обоихъ машинистовъ Моррисона и Кехилля, чтобы вернуть съ тщетныхъ поисковъ Стонея и его команду; наконецъ, около 2 часовъ пополудни, всѣ собрались на «Роджерсѣ», измученные непосильными трудами и голодные, какъ волки.

Капитанъ Бёрри дошелъ почти до самой сѣверо-западной оконечности острова, гдѣ нашелъ барометрическую высоту въ 2,500 ф.; съ этой горы ему удалось обозрѣть всѣ берега острова, за исключеніемъ небольшаго клочка, между югомъ и юго-западомъ, гдѣ возвышалась и закрывала горизонтъ цѣпь горъ значительной высоты. Капитанъ Бёрри полагалъ, что лейтенантъ Уэрингъ, начавшій свое плаваніе при очень благопріятномъ вѣтрѣ, успѣлъ уже пройдти восточную и сѣверную части своего сравнительно небольшаго маршрута и находится въ настоящее время гдѣ нибудь на западномъ берегу острова, на обратномъ пути къ мѣсту нашей стоянки. Такъ какъ капитанъ старался всячески избѣгать излишней задержки «Роджерса» тамъ, гдѣ отъ этого не могло быть никакой пользы, то онъ и рѣшился вернуться скорѣе на мѣсто стоянки. Внутри острова не нашлось никакихъ слѣдовъ животной жизни; по части растеній, тамъ встрѣчались лишь тѣ же не многіе виды, которые росли и на берегу. Два горные хребта тянутся по острову отъ сѣвера къ югу, а между ними находится холмистая мѣстность, омываемая нѣсколькими небольшими рѣчками, питаемыми таяніемъ горныхъ снѣговъ. Въ минералогическую и ботаническую коллекцію, которыя пополнялись во все время пути, попалъ въ первый же день странствованія превосходно сохранившійся экземпляръ мамонтова зуба; позднѣе, какъ членами экспедиціи, такъ и тѣми, которые оставались въ гавани, найдено было еще нѣсколько огромныхъ клыковъ этого животнаго въ большей или меньшей степени сохранности. Когда капитанъ въ сопровожденіи Лоудона вечеромъ подходилъ уже къ нашей бухтѣ, то Лоудонъ замѣтилъ на дорогѣ голову медвѣдя, смотрѣвшаго съ вершины холмика; онъ тотчасъ же сбросилъ свои вещи на землю и, тщательно цѣлясь, выпустилъ нѣсколько зарядовъ въ неподвижно стоявшій передъ нимъ... трупъ медвѣдицы, которую за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ убилъ плотникъ. Къ счастью, капитану Бёрри скоро удалось умѣрить его пылъ раньше, нежели онъ успѣлъ совершенно испортить столь драгоцѣнную для убившаго шкуру.

Лейтенанта Уэринга сопровождалъ въ его поѣздкѣ докторъ Кастильо; экипажъ состоялъ изъ штурмана Фр. Брука и четырехъ матросовъ: Франка Берка, Уильяма Греса, Юліуса Хюбнера и Оуэна Макарти. Хюбнеръ, нѣсколько разъ уже побывавшій на ки-

толовныхъ судахъ и имѣвшій, благодаря этому, не разъ случай плавать на лодкѣ среди льдовъ, принесъ огромную пользу экспедиціи своимъ знаніемъ дѣла и опытностью; сопровождаемые громкимъ «ура!» оставшихся на суднѣ и гонимые свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ, сильно надувавшимъ парусъ, наши экспедиціонеры пустились въ путь на востокъ, полные надеждъ на счастливый исходъ своихъ поисковъ; въ тотъ же вечеръ достигли они мыса Хавайи, гдѣ г. Уэрингъ, вслѣдствіе спавшаго вѣтра, остановился бивуакомъ на берегу. Ничѣмъ не нарушенный сонъ въ теченіе всей ночи, а также гордое, возвышающее душу сознаніе, что проводишь ночь въ палаткѣ при 3° мороза на островѣ Врангеля, сдѣлали пребываніе отряда въ этомъ мѣстѣ пріятнымъ. Объѣхавъ на слѣдующее утро мысъ, стали на якорѣ у небольшаго островка, находящагося при устьѣ ручья, гдѣ нашли скелеты большаго кита и моржа. Вниманіе лейтенанта Уэринга привлечено было, однако, болѣе всего нѣсколькими кусками дерева, торчавшими изъ песка и воткнутыми въ него, по всѣмъ вѣроятіямъ, съ намѣреніемъ; приглядѣвшись къ мѣстности, онъ замѣтилъ и слѣды людей, которые вели къ ближайшему утесу; онъ тотчасъ же отправился по слѣду и скоро достигъ флагштока, съ висѣвшими на немъ какими то обрывками, оказавшимися остатками флага Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Къ нижнему концу флагштока привязана была бутылка, содержавшая въ себѣ № газеты «Нью-Іоркъ-Геральда», отъ 22 марта 1881 года и двѣ записки слѣдующаго содержанія:

«Копія.

«Таможеннаго флота Соединенныхъ Штатовъ пароходъ «Корвинъ», Врангелева земля, 12-го августа 1881 года.

«Таможеннаго флота Соединенныхъ Штатовъ парохода «Корвинъ» капитанъ К. Л. Куперъ высадился здѣсь ради отысканія слѣдовъ судна «Жаннетта». Ящикъ съ провіантомъ положенъ во второмъ утесѣ, отсюда на сѣверъ. Все на кораблѣ благополучно».

(Безъ подписи).

«Таможеннаго флота Соединенныхъ Штатовъ куттеръ Корвинъ.

«12-го августа 1881.

«Прибыли сюда сегодня, высадившись предварительно и на островѣ Гаральдъ. На сѣверо-восточной возвышенности этого острова воздвигнутъ каменный курганчикъ, въ которомъ положенъ отчетъ. Нашедшаго просятъ переслать содержимое въ бутылкѣ въ редакцію «Нью-Іоркъ-Геральда.

«I. К. Россе».

Съ обоихъ документовъ лейтенантъ Уэрингъ снялъ копіи, которыя и вложилъ снова въ бутылку, на мѣсто подлинниковъ; самые же оригиналы были захвачены съ собою и затѣмъ доставлены

РѢЧКА СМЕРТИ.

(Эпизодъ изъ кавказской жизни М. Ю. Лермонтова).

Около крѣпости Грозной, на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи, расположился лагеремъ отрядъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Галафѣева. Царствовало большое оживленіе: сновали донскіе казаки съ длинными пиками; пѣхота, передъ составленными въ козла ружьями, дѣлала приготовленія къ выступленію; палатки складывались на повозки; егеря занимали пикеты; моздокскіе линейные казаки возвращались съ рекогносцировки. Два горныхъ орудія стояли на возвышеніи впереди отряда. Неподалеку отъ нихъ, между спутанными конями, пестрою группою лежали люди въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: изодранныя черкески порою едва прикрывали наготу членовъ; дорогіе шемаханскіе шелки рядомъ съ рубищами доказывали полное презрѣніе владѣльцевъ къ внѣшнему своему виду. На многихъ, однако, замѣчалось богатое и отлично держанное оружіе. Оправы шашекъ и кинжаловъ блестѣли на яркомъ утреннемъ солнцѣ, заливавшемъ мѣстность. Роса еще не высохла и капли ея сверкали на кустахъ кизиля, увитаго дикимъ виноградникомъ. Лица оборванцевъ, загорѣлыя и смуглыя, выражали безшабашную удаль и, при разнообразіи типовъ, носили общій отпечатокъ тревожной боевой жизни и ея закала. Тутъ были татары — магометане, кабардинцы, казаки — люди всѣхъ племенъ и вѣрованій, встрѣчающихся на Кавказѣ, были и такіе, что и сами забыли, къ какой принадлежали народности. То былъ родъ партизанскаго отряда,

сформированнаго храбрецомъ Дороховымъ, такимъ же безшабашнымъ, какъ и вся ватага преданныхъ ему людей. Всѣ они сдѣлали войну ремесломъ своимъ. Опасность, удальство, лишенія и разгулъ стали ихъ лозунгомъ. Огнестрѣльное оружіе они презирали и рѣзались шашками да кинжалами, въ удалыхъ схваткахъ съ грудью грудь. Даровитый Дороховъ, за отчаянныя выходки и шалости не разъ разжалованный въ солдаты, вновь и вновь выслуживался, благодаря своей безграничной отвагѣ. Теперь раненый въ схваткѣ, онъ до излеченія былъ вынужденъ покинуть отрядъ генерала Галафѣева; начальство надъ своею «отборною командою охотниковъ» передалъ онъ такому же, какъ самъ, безстрашному удальцу, поручику тенгинскаго полка, Лермонтову, разжалованному изъ гвардейскихъ гусаръ и высланному изъ Петербурга за дуэль.

Портретъ Лермонтова,
рисованный барономъ Паленомъ.

Выборъ съ точки зрѣнія головорѣза Дорохова былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Онъ въ Михаилѣ Юрьевичѣ видѣлъ не столько поэта, слава и значеніе коего стали выясняться позднѣе, сколько молодаго офицера, которому жизнь не казалась привлекательною, который скучалъ ею и искалъ сильныхъ ощущеній, чтобы погрузить въ нихъ тоску души. Съ петербургскимъ обществомъ онъ давно разошелся, да, кажется, никогда и не былъ въ ладу, по крайней мѣрѣ, въ глубинѣ мысли онъ всегда презиралъ его. Еще недавно говорилъ онъ про людей, встрѣчаемыхъ нмъ въ гостиныхъ столицы:

«О! какъ мнѣ хочется смутить веселость ихъ
И дерзко бросить имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью».

Самъ поэтъ въ этихъ гостиныхъ являлся съ язвительною рѣчью или шумною, наружною веселостью, которую поэтому и не отражали зеркалá души — глаза его. Ихъ тяжелый взоръ странно не согласовался съ выраженіемъ почти дѣтскихъ нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Внутренно Лермонтовъ скучалъ глубоко. Онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба[1]). Въ минуты переживаемаго внутренняго отчаянія жизнь ему казалась

[1]) Тургеневъ: встрѣчи его съ Лермонтовымъ.

«пустою и глупою шуткою». И онъ тѣмъ болѣе считалъ себя въ правѣ сказать это, что его не пускали изъ военной службы, не давали отставки и слѣдовательно отнимали возможность отдаться всецѣло литературѣ, какъ онъ этого желалъ. Жизнь, такимъ образомъ, становилась ему бременемъ и страшными словами заканчивалъ онъ благодарственную молитву къ небу:

«За все, за все Тебя благодарю я:
За тайныя мученія страстей,
За горечь слезъ, отраву поцѣлуя,
За месть враговъ и клевету друзей,
За жаръ души, растраченной въ пустынѣ,
За все, чѣмъ я обманутъ въ жизни былъ...
Устрой лишь такъ, чтобы Тебя отнынѣ
Недолго я еще благодарилъ».

Ему хотѣлось смерти. «Подожди немного, отдохнешь и ты»,— утѣшалъ онъ себя. Смерть для него казалась желанною гостью;

Мятлинская переправа.
Съ рисунка барона Палена.

играть ею было для него извѣстнаго рода отдыхомъ, одуряющимъ упоеніемъ.

Щегольской лейбъ-гусаръ, получивъ въ отрядѣ генерала Галафѣева «отборныхъ охотниковъ», самъ преобразился. Онъ носилъ бурку на разстегнутомъ сюртукѣ безъ эполетъ, зачастую отгибая мягкій воротникъ его. Красная почти безсмѣнная канаусовая рубашка виднѣлась изъ-подъ откинутыхъ бортовъ. Смуглое лицо, съ проницательными черными глазами и довольно длинными, темно-каштановыми волосами, глядѣло изъ-подъ бѣлой холщевой фуражки, надѣтой на затылокъ. Пользуясь свободой походной жизни, онъ не брилъ баковъ и бороды, но рѣдкіе волосы не закрывали энерги-

чески выступавшаго подбородка. Лермонтовъ велъ жизнь одинаковую съ своими охотниками, зачастую ѣлъ одну съ ними пищу и спалъ, какъ они, на голой землѣ, прикрытый буркою. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ, широкихъ плечахъ изобличала присущую мощь.

Въ этой экспедиціи, во время долгой стоянки на Мятлинской переправѣ черезъ рѣку Сулакъ, устроенной и укрѣпленной блокгаузомъ еще при Ермоловѣ, въ походной палаткѣ поручикъ артиллеріи баронъ Паленъ снялъ съ поэта профильный карандашный портретъ [1]).

На разсвѣтѣ, 6-го іюля 1840 года, отрядъ двинулся. Вскорѣ большія скопища черкесовъ стали безпокоить его. Велась перестрѣлка. Бывали небольшія стычки. Поклонники пророка дѣлали засады за огромными деревьями, имѣвшими аршинъ и болѣе въ діаметрѣ. Они старались не допускать русскихъ до воды. Такъ, на берегахъ Аргуны черкесы стали обстрѣливать рѣку, къ которой приходилось солдатамъ спускаться по кручѣ. Солдаты запасались водой подъ пулями, перестрѣливаясь съ врагомъ. Случалось, что какой нибудь отважный мюридъ вызывалъ русскихъ на бой — родъ рыцарскаго поединка. Находились охотники принимать его. Лермонтовъ писалъ:

«Что въ этихъ сшибкахъ удалыхъ —
Забавы много, толку мало;
Прохладнымъ вечеромъ бывало
Мы любовалися на нихъ,
Безъ кровожаднаго волненья,
Какъ на трагическій балетъ»...

. . . .

На сѣверѣ поэтъ оставилъ давно имъ любимую женщину. Она стала женой другаго, и это обстоятельство обостряло его тоску и разочарованіе. Среди шума и приключеній походной жизни, лежа

[1]) Баронъ Дмитрій Петровичъ Паленъ состоялъ прикомандированнымъ къ генеральному штабу въ отрядѣ генерала Галафѣева. По поводу нарисованнаго имъ портрета Лермонтова я писалъ въ «Русской Старинѣ» (январь, 1884 г.). На замѣтку мою Д. П. Паленъ отозвался и, поѣхавъ къ нему въ Ревель на свиданіе, я нашелъ цѣлый альбомъ интересныхъ рисунковъ и портретовъ, мѣстностей и дѣятелей кавказскихъ въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ, между прочимъ, и портреты Граббе и графа Дм. Ал. Милютина (въ 1839 г.). Альбомъ этотъ въ свое время заинтересовалъ императора Николая Павловича, который сохранилъ у себя нѣсколько рисунковъ. При этомъ случился забавный анекдотъ. Въ альбомѣ находился портретъ извѣстнаго храбраго генерала Фрейганга, тогда командира куринскаго егерскаго полка. Фрейгангъ любилъ карточную игру и, банкируя, имѣлъ излюбленную карту: короля трефъ. Съ этою картою онъ и былъ изображенъ Д. П. Паленомъ. Передъ представленіемъ альбома государю, графъ Клейнмихель потребовалъ, чтобы вмѣсто карты въ руки Фрейганга была дана дѣловая бумага, находя неприличнымъ, чтобы государю былъ представленъ портретъ въ прежнемъ видѣ. Паленъ исполнилъ требованіе и перерисовалъ карту. П. Виск.

въ густой травѣ, подъ тѣнью чинаръ и виноградныхъ лозъ, онъ думалъ о ней. Ей-то описалъ онъ свое настроеніе и походъ отряда въ стихотворномъ письмѣ, печатаемомъ въ собраніи его сочиненій подъ названіемъ «Валерикъ». Поэтъ въ письмѣ говоритъ, что отъ нея, конечно, ожидать любви не можетъ. «Въ нашъ вѣкъ всѣ чувства лишь на срокъ», — замѣчаетъ онъ: —

«Но я васъ помню — да и точно
Я васъ никакъ забыть не могъ!..
Во-первыхъ, потому что много
И долго, долго васъ любилъ,
Потомъ страданьемъ и тревогой
За дни блаженства заплатилъ,
Потомъ въ раскаяньѣ безплодномъ
Влачилъ я цѣпь тяжелыхъ лѣтъ»...

Года за три до этого, Лермонтовъ написалъ акварельный портретъ дорогой ему женщины.

Портретъ, рисованный Лермонтовымъ.

Говоря о настоящемъ состояніи духа, онъ замѣчаетъ: «Мой крестъ ношу я безъ роптанья... Я жизнь постигъ!»

«Судьбѣ, какъ турокъ и татаринъ,
За все равно я благодаренъ;
У неба счастья не прошу
И, молча, зло переношу».

Иногда онъ какъ будто вызывалъ судьбу, и возможность опасности или смерти дѣлала его веселымъ, острымъ, разговорчивымъ. Однажды, во время стоянки, Лермонтовъ предложилъ находящимся въ отрядѣ Льву Пушкину, Глѣбову, Палену, Сергѣю Долгорукову,

Баумгартену и нѣкоторымъ другимъ пойдти поужинать за черту лагеря. Это было небезопасно и собственно даже запрещено. Непріятель окружалъ лагерь и выслѣживалъ неосторожно отъ него удалявшихся. Взяли съ собою деньщиковъ и расположились въ лож-

Сцена изъ поэмы «Валерикъ».
Рисунокъ художника Шварца.

бинкѣ за холмомъ. Лермонтовъ, руководившій всѣмъ, увѣрялъ, что, напередъ избравъ мѣсто, выставилъ часовыхъ и указывалъ на одного казака, фигура коего виднѣлась сквозь вечерній туманъ. Огонь былъ разведенъ съ предосторожностями, причемъ особенно желали сдѣлать его незамѣтнымъ со стороны лагеря. Небольшая групап

смѣльчаковъ пила и ѣла, разговаривая о возможности нападенія со стороны горцевъ. Левъ Пушкинъ и Лермонтовъ сыпали остротами и комическими разсказами, причемъ не обходилось безъ рѣзкихъ насмѣшекъ на разныхъ извѣстныхъ всѣмъ присутствующимъ личностей. Особенно въ ударѣ и веселье былъ Лермонтовъ, такъ что отъ словъ его катались со смѣху, забывая всякую предосторожность. Однако, все обошлось благополучно. Подъ утро, возвращаясь въ лагерь, Лермонтовъ признался, что виднѣвшійся часовой былъ не что иное, какъ поставленное имъ чучело. Такимъ обра-

Портретъ генерала Галафѣева,
рисованный барономъ Паленомъ.

зомъ оказалось, что всѣ пировали безъ всякаго прикрытія и слѣдовательно подвергались великой опасности, которую сознавалъ только Лермонтовъ. Но это ему нравилось, можетъ быть, потому, что отвлекало отъ тяжелыхъ думъ [1].

Хладнокровнымъ пребываетъ поэтъ и въ самомъ огнѣ битвы. На бѣломъ конѣ бросается онъ на штурмъ непріятельскихъ заваловъ:

«Верхомъ помчался на завалы,
Кто не успѣлъ спрыгнуть съ коня», —

говоритъ поэтъ про офицеровъ отряда, умалчивая, что это былъ самъ онъ, совершившій этотъ актъ бѣшеной храбрости, которымъ,

---

[1]) Изъ разсказовъ г. Палена.

впрочемъ, нельзя было удивить нашихъ кавказцевъ. Генералъ Галафѣевъ, любившій и почитавшій состоявшаго при немъ поэта, въ донесеніи своемъ такъ о немъ выражался: «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, во время штурмовъ непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу за деревьями и кустами, но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

Лермонтовъ былъ ближайшимъ начальствомъ представленъ къ Владиміру 4-й степени съ бантомъ, что для молодаго офицера въ чинѣ поручика, особенно въ то время, считалось высокою наградою. Генералъ-адъютантъ П. Х. Граббе, признавая Михаила Юрьевича за отличнаго боеваго офицера, хлопоталъ о полученіи имъ означеннаго ордена и входилъ два раза съ ходатайствомъ за него. Высшее начальство, однако же, представило Лермонтова къ ордену Станислава 4-й степени, а въ Петербургѣ и вовсе отказали ему въ наградѣ.

О своихъ подвигахъ храбрости Лермонтовъ въ стихотворномъ письмѣ къ любимой женщинѣ не упоминаетъ даже и намекомъ. Кажется, будто онъ участвовалъ лишь какъ посторонній зритель, рисующій отдѣльные эпизоды боя.

«На берегу, подъ тѣнью дуба,
Пройдя заваловъ длинный рядъ,
Стоялъ кружокъ. Одинъ солдатъ
Былъ на колѣняхъ; мрачно, грубо
Казалось выраженье лицъ,
Но слезы капали съ рѣсницъ.
Покрытый пылью, на шинели,
Спиною къ дереву лежалъ
Ихъ капитанъ... Онъ умиралъ:
Въ груди его едва чернѣли
Двѣ раны; кровь изъ нихъ чуть-чуть
Сочилась; но высоко грудь
И трудно подымалась...
...На ружья опершись, кругомъ
Стояли усачи сѣдые
И тихо плакали»...

Это прекрасное мѣсто въ письмѣ вдохновило нашего извѣстнаго, тоже слишкомъ рано погибшаго, художника Шварца, и однимъ изъ первыхъ опытовъ его было изобразить эту сцену [1]).

---

[1]) О Шварцѣ напечатана прекрасная статья В. В. Стасова въ «Вѣстникѣ Изящныхъ Искусствъ». Шварцъ въ 1856 году, будучи еще въ старшихъ

Памятникъ Лермонтову въ Пятигорскѣ.

Проектъ академика Опекушина.

Дѣло подъ Валерикомъ (порусски «рѣчка смерти») было кровавымъ дѣломъ. Лермонтовъ описываетъ его:

«Вонъ кинжалы,
Въ приклады... и пошла рѣзня...
И два часа въ струяхъ потока
Бой длился; рѣзались жестоко,
Какъ звѣри, молча, съ грудью грудь...
Ручей тѣлами запрудили,
Хотѣлъ воды я зачерпнуть —
И зной, и битва утомили
Меня, — но мутная волна
Была тепла, была красна»...

Вотъ какъ въ неизданномъ еще письмѣ къ другу А. А. Лопухину Лермонтовъ описываетъ эти дѣла:

«...У насъ были каждый день дѣла, и одно довольно жаркое, которое продолжалось шесть часовъ сряду. Насъ было всего 2,000 пѣхоты, а ихъ до шести тысячъ, и все время дрались штыками. У насъ убыло 30 офицеровъ и до 300 рядовыхъ, а ихъ 600 тѣлъ осталось на мѣстѣ. Кажется, хорошо! Вообрази себѣ, что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебѣ разскажу подробности очень интересныя. Только Богъ знаетъ когда мы увидимся»...

Интересны и тѣ мысли, которыя занимали двадцатипятилѣтняго лихаго офицера-философа сейчасъ послѣ битвы.

«Уже затихло все; тѣла
Стащили въ кучу... Кровь текла
Струею дымной по каменьямъ:
Ея тяжелымъ испареньемъ
Былъ полонъ воздухъ. Генералъ
Сидѣлъ въ тѣни на барабанѣ
И донесенье принималъ.
А тамъ вдали — грядой нестройной,
Но вѣчно гордой и спокойной,
Въ своемъ нарядѣ снѣговомъ
Тянулись горы и Казбекъ
Сверкалъ главой остроконечной.
И съ грустью тайной и сердечной
Я думалъ: жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?.. Небо ясно;
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... зачѣмъ?..

классахъ императорскаго лицея, бралъ уроки у извѣстнаго нашего пейзажиста профессора Арс. Ив. Мещерскаго, у котораго учился и я. Уроки бывали и въ квартирѣ родителей моихъ. Всѣ трое мы были горячими почитателями Лермонтова. Прилагаемый рисунокъ Шварца имѣетъ интересъ только какъ примѣръ перваго опыта этого художника въ композиціи; рисунокъ сдѣланъ перомъ.

Видно, изъ сферы личныхъ чувствъ и страданій поэтъ начиналъ переходить къ болѣе общимъ человѣческимъ интересамъ и вопросамъ. Можетъ быть, въ нихъ нашелъ бы онъ примиреніе съ жизнью. Теперь еще, какъ мы видѣли, онъ ея не любилъ и искалъ смерти, и она недолго заставила себя ждать. Ровно черезъ годъ поэта не стало.

Въ альбомѣ Лермонтова, хранящемся въ императорской публичной библіотекѣ, находится наскоро набросанный поэтомъ на мѣстѣ эскизъ дѣла подъ Валерикомъ,—собственно начало этого дѣла, моментъ, когда горцы внезапно напали на арьергардъ, давъ пройдти передовымъ колоннамъ:

«Чу! въ арьергардъ орудье просятъ,
Вотъ ружья изъ кустовъ выносятъ,
Вотъ тащутъ за ноги людей
И кличатъ громко лекарей».

Михаилъ Юрьевичъ имѣлъ дарованіе къ музыкѣ и большой талантъ къ живописи. Онъ его не выработалъ, но былъ моментъ въ жизни, когда онъ колебался между живописью и поэзіею. Въ Лермонтовскомъ музеѣ (въ Никол. кавал. училищѣ, устроенномъ по иниціативѣ начальника его А. А. Бильдерлинга) находятся нѣкоторые его рисунки, но многое до сихъ поръ еще въ рукахъ частныхъ лицъ.

Пав. Висковатый.

УПРАЗДНЕНІЕ ДВУХЪ АВТОНОМІЙ[1].

(Отрывокъ изъ воспоминаній о Закавказьѣ).

ГЛАВА III.

1.

ВМѢСТѢ СЪ РУССКОЮ администраціею въ Мингрелію вступилъ линейный баталіонъ въ полномъ своемъ составѣ и три сотни терскихъ казаковъ.

Власти и компетенціи окружныхъ начальниковъ даны были широкіе размѣры; въ непосредственномъ распоряженіи каждаго изъ нихъ находилась сотня казаковъ и они могли требовать, въ случаѣ надобности, военныя команды. Только при такихъ условіяхъ и при личной энергіи можно было добиться успокоенія края. Въ лабиринтѣ лѣсовъ, покрывавшихъ тогдашнюю Мингрелію, нелегко было окончательно разсѣять крестьянскія банды, усадить крестьянъ на мѣста, согласить ихъ съ господами и дать понять обѣимъ сторонамъ, что, ограждая крестьянъ отъ злоупотребленій помѣщичьей власти, мы не ослабляемъ ее, а ставимъ въ законные предѣлы крѣпостнаго права, существовавшаго тогда внутри имперіи. Для болѣе успѣшныхъ дѣйствій намъ пришлось познакомиться съ коноводами возстанія, приблизить ихъ къ себѣ и черезъ нихъ уже дѣйствовать какъ на отдѣльныя банды, такъ и вообще на всѣхъ крестьянъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XIX, стр. 258.

Ихъ было трое: Коча-Тодуа, Мартали-Тодуа и Микава; они были дѣйствительно выдающимися личностями какъ по вліянію на крестьянъ, такъ и по своему личному характеру.

Коча-Тодуа, крестьянинъ дворянина Корзаія, изъ волости Сачилаво, прибрежной къ Ріону, лѣтъ пятидесяти, видный собой, осанистый, велъ мелочную торговлю, платя денежный оброкъ господину, и сталъ во главѣ крестьянскаго движенія своей волости, въ качествѣ защитника братій своихъ униженныхъ и оскорбленныхъ. Сдѣлавшись вожакомъ, онъ обставилъ себя погенеральски: при немъ состояли адъютанты, посыльные, секретарь, писавшій ему приказы; разъѣзжалъ съ цѣлою свитою, а иногда носили его на трахтараванѣ (носилкахъ). Крестьяне являлись къ нему съ жалобами на господъ, онъ вызывалъ тѣхъ повѣстками и, если они являлись, то нерѣдко улаживалъ дѣло миромъ, а то постановлялъ рѣшеніе, немедленно приводившееся въ исполненіе. Если же помѣщикъ не являлся, то Коча посылалъ своихъ людей на мѣсто расправиться съ нимъ и удовлетворить крестьянъ. Онъ былъ строгъ, любилъ порядокъ. Помѣщики сами искали его покровительства, онъ принималъ ихъ, выслушивалъ и не всегда оправдывалъ крестьянъ. Намъ разсказывалъ его господинъ, помѣщикъ г. Корзаія, что къ нему особенно былъ благосклоненъ его бунтующій вассалъ и однажды даже удостоилъ его пожаловать въ домъ, на обѣдъ, со всей свитой. Корзаія угощалъ его, какъ почетнаго гостя, и, когда тотъ послѣ обѣда возлежалъ на тахтѣ, Корзаія подавалъ ему самъ лучшій свой чубукъ съ янтаремъ. Коча принималъ все это, какъ должное. Но горе было тому помѣщику, который оказывалъ ему неповиновеніе. Коча налеталъ на домъ его со своими толпами, какъ ястребъ, и чинилъ самую безцеремонную расправу. Не оставлялось ни кола, ни двора, и помѣщикъ радъ бывалъ, что улепетывалъ цѣлымъ и невредимымъ.

Вообще же про Кочу можно было сказать, что это былъ человѣкъ не злой, но и не далекій, и преимущественно внушалъ себѣ уваженіе толпы своею важною осанкою и умѣньемъ командовать.

Совершенно инымъ типомъ былъ Мартали-Тодуа. Мартали не есть имя собственное, а прозвище, означающее порусски: правдивый, справедливый, честный. Это прозвище получилъ онъ въ народѣ не даромъ, а вслѣдствіе личныхъ своихъ качествъ. Уроженецъ селенія Салхино, крестьянинъ, принадлежавшій самому владѣтелю, Мартали-Тодуа былъ кустаремъ, выдѣлывающимъ деревянную посуду, попреимуществу тарелки. Преданный своему ремеслу, трудолюбивый, набожный, уже пожилой (тоже лѣтъ 50), семейный, онъ пользовался особеннымъ уваженіемъ своихъ односельчанъ, и, когда крестьяне поднялись въ Салипартіанской волости, они единогласно выбрали его своимъ предводителемъ, прося его довести лишь всю правду сначала до дедопали, а потомъ и до са-

мого царя.—«Не можетъ же быть»,—говорили они,—«чтобы надъ произволомъ господъ не было царской управы». Мартали-Тодуа не могъ отказаться отъ этого единогласнаго выбора волости и во все время своего предводительства старался своимъ спокойнымъ и разумнымъ словомъ сдерживать всякія крайности со стороны крестьянъ. Когда мы послали за нимъ, онъ тотчасъ же явился и отдалъ себя въ полное наше распоряженіе. И дѣйствительно, это былъ такой честный и правдивый (мартали) человѣкъ, что внушалъ невольно къ себѣ довѣріе. Съ бандами онъ не бродилъ, сидѣлъ у себя въ саклѣ, попрежнему точилъ тарелки и появлялся передъ толпою лишь въ крайнихъ случаяхъ.

Третьимъ коноводомъ, и самымъ интереснымъ, былъ кузнецъ Микава, изъ селенія Джвары. Кузнецъ вездѣ въ народѣ считается не простымъ человѣкомъ. Какъ у насъ въ деревняхъ, такъ и въ Мингреліи, онъ, по большей части, знахарь, ему вѣдомы разныя зелья, заговоры, онъ на короткой ногѣ съ нечистой силой. Рядомъ съ мингрельской кузницей непремѣнно стоитъ духанъ [1]), а въ немъ всегда толчется всякаго рода досужій людъ; тутъ происходитъ обмѣнъ извѣстій, новостей, одна группа смѣняетъ другую, идетъ постоянная говорильня, толки, пересуды, иногда мѣна и торговля, и во всѣхъ спорныхъ случаяхъ людъ этотъ обращается къ кузнецу, по большей части, говорящему сдержанно, хитро, загадочно. При самомъ началѣ крестьянскаго движенія кузница Микавы сдѣлалась сборнымъ пунктомъ, а хозяинъ, малый лѣтъ тридцати, смышленый, хитрый, какъ большая часть мингрельцевъ, съумѣлъ, не навязываясь крестьянамъ, сдѣлаться предводителемъ. Страстный по натурѣ, онъ скоро и самъ увлекся своею ролью, успѣвъ пріобрѣсти неограниченную власть надъ крестьянами. Расправа его съ помѣщиками была самая страстная и энергичная; онъ налеталъ на нихъ, какъ снѣгъ на голову, отбиралъ все наличное, раздавалъ крестьянамъ и нерѣдко держалъ господъ у себя въ плѣну подъ условіемъ выкупа. Въ особенности доставалось отъ него князьямъ и дворянамъ, болѣе другихъ славившимся жестокостью. Грамотный и красно говорящій, какъ мы это видѣли при первомъ объясненіи его съ Колюбакинымъ, онъ былъ въ душѣ ненавистникомъ господчины и мстилъ ей всѣми способами за вѣковыя обиды своихъ братій.

Съ этими то тремя главарями, добровольно отдавшимися въ наши руки, пришлось намъ, какъ я сказалъ, сблизиться и отъ нихъ вывѣдывать чрезвычайно важныя и необходимыя для насъ подробности хода возстанія, созрѣвавшаго въ теченіе шести мѣсяцевъ безпрепятственно. Мы нисколько не скрывали отъ нихъ отвѣтственности за передовое ихъ участіе въ бунтѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ и дали имъ понять, что ихъ содѣйствіе намъ при водвореніи

[1]) Корчма и въ то же время мелочная лавка.

спокойствія можетъ значительно уменьшить мѣру взысканія, ихъ ожидающаго. И они вполнѣ оправдали наши ожиданія.

Вступленіе наше въ Мингрелію положило окончательный предѣлъ дальнѣйшему развитію возмущенія; но его, какъ пожаръ, сильно разгорѣвшійся, нелегко и нескоро можно было затушить вполнѣ. Пожарище долго тлѣло. Нѣсколько мѣсяцевъ приходилось окружнымъ начальникамъ буквально не слѣзать съ лошадей, объѣзжая округи по всѣмъ направленіямъ и чиня вездѣ личное разбирательство.

Изъ бесѣдъ съ коноводами, послѣ дневной суматохи, вечерами, при ярко растопленномъ каминѣ, а также и изъ собственнаго нашего знакомства съ дѣйствительностью, мы все болѣе и болѣе убѣждались, что имѣемъ дѣло съ соціальнымъ явленіемъ, давно уже позабытымъ, цѣликомъ переносящимъ насъ въ средніе вѣка, въ самый расцвѣтъ феодализма, къ тѣмъ крестьянскимъ движеніямъ, которыя названы были во Франціи жакеріями, отъ нарицательной клички Жака, присвоенной огульно всѣмъ тамошнимъ крестьянамъ. Въ Мингреліи мы нашли такой видъ зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, при которомъ поземельныя отношенія потеряли всякое существенное значеніе, и она сдѣлалась чисто личною, а между тѣмъ обычное право, записанное когда то грузинскимъ царемъ Вахтангомъ (сборникъ его названъ законами царя Вахтанга), ясно гласило, «что человѣкъ самъ по себѣ свободенъ и зависимость его происходитъ отъ земли». Поземельная же зависимость, урегулированная тѣмъ же обычнымъ правомъ, распредѣлила всѣхъ поселянъ, живущихъ на господскихъ участкахъ, въ слѣдующую градацію. На верху стояли азаты, или, иначе сказать, обѣленные, и должны были нести сравнительно ничтожныя повинности,—число ихъ было незначительно; ниже ихъ—мсахури, кромѣ приношеній извѣстнаго количества продуктовъ, обязанные давать мужскую прислугу въ домъ помѣщика; еще ниже глехи,—сверхъ мужской и женской прислуги, дававшіе работника на барщину, дѣлавшіе и приношеніе продуктами; и, наконецъ, въ самомъ низу этой лѣстницы были моджалабе, военно-плѣнные, полные и безотвѣтные рабы. Но вся эта классификація крестьянъ, по степени поземельной ихъ зависимости, сдѣлалась фиктивною, если уже помѣщикъ присвоилъ себѣ право, когда ему вздумается, дѣлать наѣзды на своихъ подвластныхъ, жить въ ихъ домахъ и кормиться до тѣхъ поръ, покуда не выйдутъ ихъ запасы. Онъ кочевалъ круглый годъ, объѣдая своихъ и чужихъ вассаловъ и распоряжался ихъ личностью. Крестьяне всегда протестовали противъ этого насилія и нерѣдко дѣлали ему отпоръ, иногда и съ оружіемъ въ рукахъ, но тогда на помощь къ каждому господину являлись его сосѣди, также господа, и сообща энергически усмиряли непокорныхъ, послѣ чего шла нещадная съ ними расправа и худшее прежняго порабощеніе.

До общаго крестьянскаго возстанія, или французской жакеріи, какую мы застали, еще ни разу не доходило за время русскаго владычества и сформированію ея теперь помогло само мингрельское правительство, придерживавшееся черезчуръ буквально въ отсутствіе дедопали оставленной ею инструкціи. А что подобныя жакеріи бывали не разъ въ Мингреліи въ прежнія времена, въ томъ никакого нѣтъ сомнѣнія. Онѣ были явленіемъ нормальнымъ и результами имѣли тѣ общія встряски, слѣды которыхъ замѣчались даже на передвиженіяхъ какъ царствовавшихъ династій, такъ и знатныхъ родовъ. Фамиліи дадіановскія Бедія, Чиладзе, Липаритовъ, Шелія встрѣчаются теперь среди мужиковъ, также какъ и фамилія вельможи Сабатара, у котораго когда то гостилъ Шарденъ. Мужиковъ Сабатаришвилевыхъ много, а князей и дворянъ уже нѣтъ. И всѣ эти рѣзкія соціальныя перестановки совершались вслѣдствіе мѣстныхъ волканическихъ движеній, или, иначе, жакерій, вызываемыхъ непомѣрнымъ угнетеніемъ мужиковъ высшимъ классомъ.

А за фактами безчеловѣчнаго насилія, которое продѣлывали господа, и теперь не нужно было далеко намъ ходить, они сами давали себя знать на всякомъ шагу. Вотъ хоть бы послушать было эту женщину, которая тайкомъ ушла изъ дому помѣщика и, крадучись, добралась до окружнаго начальника. Одна наружность ея служитъ уже выраженіемъ крайней нужды и скудости, костюмъ ея — рубище, да и типъ ея уже не тотъ, какъ у женщины мингрельской, славящейся по своей красотѣ на всемъ востокѣ; тутъ уже другая, захудалая, забитая, измельчавшая раса. Дѣло ея въ слѣдующемъ: «Я—моджалабка, говоритъ она, такого-то князя, онъ прижилъ со мною двоихъ дѣтей: мальчика и дѣвочку и продалъ меня другому помѣщику такому-то. Прежній господинъ распродалъ дѣтей моихъ въ разныя руки; съ новымъ господиномъ прижила я троихъ сыновей, и вотъ онъ собирается распродать ихъ и начинаетъ со старшаго. Узнавъ, что я хочу жаловаться, грозитъ продать меня самоё въ Абхазію; не убѣги я, — онъ привелъ бы эту угрозу въ исполненіе». Могла ли идти дальше этого торговля человѣческимъ мясомъ!?

А то, напримѣръ, стоятъ два просителя, мужчина и женщина; три года тому назадъ они откупились у помѣщика на волю за 100 руб., а чтобъ найдти эти деньги, они заложили свою дочь, семилѣтнюю дѣвушку, другому помѣщику. Срокъ выкупа пришелъ, они принесли деньги, а заимодавецъ заявляетъ наотрѣзъ, что не отдастъ дѣвочки, потому что въ документѣ, по которому онъ владѣетъ, сказано, что онъ ее купилъ. И дѣйствительно, по безграмотству этихъ несчастныхъ ихъ заставили скрѣпить эту бумажку крестами, они не отрекаются отъ своей подписи и должны разстаться съ своимъ единственнымъ ребенкомъ... Не успѣла выслушаться эта жалоба,

какъ является испитой, растерянный человѣкъ; говоритъ несвязно, озираясь и боясь, чтобы его кто не подслушалъ и не донесъ бы на него господамъ о его жалобѣ. Онъ, изволите видѣть, принадлежитъ семерымъ помѣщикамъ, близкимъ между собою родственникамъ, дворянамъ Шавдіевымъ, и служитъ въ семи домахъ, чередуясь ежедневно и переходя изъ дома въ домъ. Семь дней въ недѣлю—безъ отдыха, безъ праздниковъ, вездѣ подъ безпрестанными колотушками и впроголодь. Проситъ только, чтобы его не очень колотили,—а двое изъ его господъ въ особенности на то люты,—да и кормили бы получше; о волѣ просить ему и въ голову не приходитъ...

Я взялъ на выдержку эти три факта, а ихъ нельзя было бы всѣ перечесть.

Безобразно было наше крѣпостное право и встрѣчались у насъ Салтычихи,—слова нѣтъ, но въ XIX столѣтіи, по крайней мѣрѣ, за свою жизнь, я уже не встрѣчалъ, да и не слыхалъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ ничего подобнаго тому, что мы нашли въ Мингреліи. Тутъ же рядомъ, въ Имеретіи и Гуріи, находившихся болѣе 30 лѣтъ подъ управленіемъ русскимъ, помину не было о такихъ фактахъ безчеловѣчія. Но что всего было поразительнѣе—это то, что среди забитыхъ и доведенныхъ до скотскаго состоянія крестьянъ мингрельскихъ встрѣчались до того изворотливые и ловкіе субъекты, которые, умѣя отдѣлываться отъ господъ денежнымъ оброкомъ, заводили себѣ сами крестьянъ, купленныхъ за большія деньги; случалось даже и такъ, что и у этихъ крестьянъ крестьянскихъ были свои крестьяне. Словомъ, человѣкъ продавался и покупался здѣсь всякимъ, у кого были деньги.

Да и нечего было всему этому удивляться: въ народѣ было еще свѣжо преданіе о временахъ не столь отдаленныхъ турецкаго владычества. Были, повторяемъ, старики, его помнившіе. Дадіанъ платилъ тогда дань султану мальчиками (туксусами) и дѣвочками; ему присылались часто визиремъ записочки, въ родѣ рецептовъ, которые онъ долженъ былъ выполнять съ аптекарскою точностью [1]). Въ нихъ описывался ростъ, глаза, ротъ, волосы, формы разныхъ частей тѣла и тому подобныя подробности туксуса или одалиски, требующихся для личнаго сладострастія падишаха. Персидскій шахъ болѣе по дружбѣ присылалъ за тѣмъ же, и преимущественно за туксусами, такъ какъ содомія несравненно болѣе развита между персіанами, чѣмъ между турками. Дадіанъ выполнялъ рецепты и по неволѣ и по дружбѣ, пока Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1783 г. не освободилъ его de jure отъ этой ужасной повинности, но de facto отправка этого товара въ Турцію долго еще практиковалась въ видѣ плѣнопродавства.

[1]) Въ одномъ изъ кавказскихъ календарей 50-хъ годовъ подобный рецептъ, присланный персидскимъ шахомъ имеретинскому царю, былъ напечатанъ П. Д. Гнилосаровымъ.

Правда, противъ этой язвы сильно вооружался владѣтель Давидъ и не только преслѣдовалъ плѣнопродавство, а воспретилъ и раздробленіе семействъ и продажу безъ земли, объявивъ всенародно, что крестьяне, подвергнувшіеся этимъ неправильнымъ переходамъ, будутъ имъ освобождаться; но, когда вмѣсто того, чтобы освождать такихъ людей, бѣгавшихъ подъ защиту его отъ помѣщиковъ, онъ сталъ ихъ закабалять и приписывать къ своимъ имѣніямъ и руками ихъ строить свои дворцы, то въ либеральности его дворянство увидѣло лишь новую форму легальнаго захвата и насилія. Дворянство тяготилось этою уздечкой и тѣмъ съ бо́льшею охотою оно ее сбросило при благопріятномъ для того случаѣ, окупаціи Омера-паши. Тутъ князья и дворяне мингрельскіе тряхнули стариной и поналегли на мужиковъ, угодивъ туркамъ плѣнопродавствомъ въ широкихъ размѣрахъ.

Предводители возстанія передали намъ отобранныя ими отъ помѣщиковъ цѣпи, на которыхъ тѣ въ башняхъ и подземельяхъ держали по цѣлымъ годамъ своихъ подвластныхъ. По указанію ихъ же, мы и сами находили въ домахъ помѣщиковъ массу этихъ орудій неволи; намъ помнится въ особенности одна цѣпь, вѣсомъ въ два пуда, на которой, конечно, сократилась не одна жизнь человѣческая. И въ то время, какъ у господъ отбирали мы эти снаряды, у крестьянъ отбирали оружіе. Въ одномъ Сенакскомъ округѣ было взято до тысячи винтовокъ и не меньшее число кинжаловъ и шашекъ. Впослѣдствіи весь этотъ арсеналъ былъ проданъ съ аукціона, и деньги поступили на церковь. Не могу теперь не пожалѣть, что я не сохранилъ хоть для курьеза ту громадную цѣпь, которая долго висѣла у меня на стѣнѣ кабинета, въ видѣ трофея.

Мы всѣ были новичками въ этомъ краѣ, и хотя мнѣ привелось прожить въ немъ прежде два съ половиною года, въ качествѣ воспитателя малолѣтняго владѣтеля, князя Николая, но при этой обязанности я могъ изучать край лишь поверхностно, по слухамъ и разсказамъ окружающихъ владѣтельскую семью. Соціальное его устройство и дѣйствительная степень народнаго благосостоянія были для меня областью невѣдомой, такъ что, вернувшись администраторомъ, я долженъ былъ, какъ и мои коллеги, пріѣхавшіе сюда впервые, знакомиться ab ovo съ обычаями и всѣми возможными сторонами здѣшней жизни какъ народной, такъ и общественной. Поэтому сначала приходилось дѣйствовать чуть не въ потемкахъ; зависѣло все отъ личной находчивости и усиленнаго старанія понять здѣшніе обычаи и складъ народнаго ума. Задача эта облегчалась лишь тѣмъ, что между управляющимъ Н. П. Колюбакинымъ и нами установились самыя искреннія и близкія отношенія; каждый нашъ шагъ, каждое дѣйствіе согласовались съ программой, составленной съ нашего общаго совѣта; управляющій не навязывалъ намъ ничего своего личнаго, и такое дружное, согласное дѣй-

ствіе во многомъ послужило на пользу. Каждый день, каждый часъ безпрерывной практики обогащалъ насъ опытомъ и мы дѣлали видимые успѣхи въ изученіи мѣстныхъ особенностей. Поставленные посредниками между помѣщиками и крестьянами, мы должны были по возможности возстановить престижъ первыхъ, не давая въ обиду послѣднихъ. Вотчинная юрисдикція помѣщичьей власти

Князь А. И. Гагаринъ.

послѣ возмущенія стала немыслимой и легла всею своею тяжестью на насъ самихъ. Поддерживая помѣщиковъ въ справедливыхъ требованіяхъ, мы не могли запретить крестьянамъ приносить жалобы на ихъ злоупотребленія, чего по духу существовавшаго тогда во всей имперіи крѣпостнаго права не допускалось. Администрація наша, еще въ силу указа Екатерины II (столь заискивавшей похвалы отъ Вольтера, Дидерота и д'Аламбера своему либерализму),

не имѣла тогда права принимать жалобъ крестьянъ на помѣщиковъ, и вѣдали дѣла о злоупотребленіяхъ господской власти лишь уѣздные и губернскіе предводители дворянства, да подъ сурдиной III-е Отдѣленіе.

Въ Мингреліи вовсе не было этихъ учрежденій; права дворянства не были еще разобраны, такъ что въ лицѣ окружнаго начальника должны были сосредоточиться самыя разнообразныя функціи. Онъ былъ и администраторъ, и судебно-полицейская власть, и какъ бы предводитель дворянства; сама практика создавала ему эту обширную компетенцію. Фактически мы опередили, въ Мингреліи, учрежденіе мировыхъ посредниковъ внутреннихъ губерній, ближе всего изображая ихъ собою. Конечно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, упомянутыхъ нами выше, т. е. гдѣ являлись жалобы на продажу людей враздробь и безъ земли, гдѣ крестьяне принадлежали, по какимъ-то бумажкамъ, подобнымъ же себѣ крестьянамъ; гдѣ, наконецъ, работа являлась непосильной, какъ, напримѣръ, съ крестьяниномъ дворянъ Шавдіевыхъ, мы примѣняли общіе законы имперіи и немедленно освобождали такихъ людей, выдавая имъ въ томъ свидѣтельства, а владѣльцы ихъ могли получать изъ казначейства по 40 рублей за душу. Изъ этихъ людей образовался впослѣдствіи классъ свободныхъ поселянъ, насчитывавшихся въ 1860 году до 400 человѣкъ. И, рядомъ съ подобными дѣйствіями по каждому отдѣльному случаю, мы приняли одну общую мѣру, а именно разъ навсегда воспретили помѣщикамъ наѣзды и кормленіе у своихъ крестьянъ, опустошавшіе ихъ, какъ саранча.

Къ нашему удовольствію, мы увидѣли немедленныя, самыя отрадныя послѣдствія нашей дѣятельности: крестьяне усердно принялись за обработку брошенныхъ ими полей и за посѣвъ озимыхъ хлѣбовъ. На поляхъ появились мирныя группы мужчинъ, женщинъ, дѣтей и послышалась оттуда обычная пѣснь пахаря. Работа закипѣла, а съ нею пошли и неизбѣжные поземельные споры, часто переходящіе въ драки. Приходилось спѣшить и сюда съ разбирательствомъ, крайне хлопотливымъ, но которое въ сущности могло лишь насъ радовать. Мы видѣли, что народъ началъ входить въ свою нормальную колею. Къ этой furthermoreвознѣ присоединилась и возня съ воровствомъ скота, и въ особенности съ конокрадствомъ, составляющимъ племенную, традиціонную особенность мингрельцевъ. Оно доведено ими до искусства краснокожихъ индѣйцевъ новаго свѣта, описаннаго Куперомъ и Майнъ-Ридомъ; про мингрельца сложилась даже въ Грузіи поговорка, что, попавъ въ рай, онъ и тамъ укралъ катра (мула) у Николая Чудотворца. Конокрадство не прекращалось и во время крестьянскаго бунта, а теперь, когда усаживались на мѣста, оно пошло своимъ чередомъ. Промыселъ этотъ имѣлъ свою организацію, и въ немъ принимали участіе всѣ классы; чтобы бороться съ нимъ, намъ необходимо было поближе познакомиться

съ его организаціею, на это требовалось немало времени, а покуда мы ограничивались привлеченіемъ къ общей отвѣтственности деревень, къ чертѣ которыхъ приводили слѣды покраденныхъ лошадей. Съ нихъ немедленно взыскивалась цѣна покраденнаго, а имъ предоставлялось отыскивать воровъ и представлять ихъ къ намъ съ необходимыми доказательствами. Въ селеніяхъ мингрельскихъ нелегко было оріентироваться, они ничего не имѣютъ общаго съ нашими великорусскими: тутъ ни сплошнаго поселенія, ни общиннаго владѣнія нѣтъ; хозяйство подворное, каждый поселянинъ живетъ особнякомъ, огораживаетъ свою усадьбу высокимъ плетнемъ, опутаннымъ колючками, и все это тонетъ въ лабиринтѣ кустарниковъ и деревьевъ, перевитыхъ виноградными лозами. Селеніе раскидывается на огромное пространство и по его безчисленнымъ тропинкамъ не заблудится только его уроженецъ. Господскія жилища перепутаны съ крестьянскими, а въ то время ихъ трудно было отличить по внѣшности, — все это были сакли или пацхи. По положенію объ управленіи Мингреліею, составленному на скорую руку (примѣняясь къ Имеретіи) коммиссіею Дюкруаси и утвержденному намѣстникомъ, въ каждомъ селеніи учреждались выборные старшины (хелосаны) изъ крестьянъ и на нихъ лежала сельская полиція; но учрежденіе это тотчасъ же оказалось совсѣмъ тутъ непригоднымъ. Народъ былъ ужъ черезчуръ забитъ, чтобы самому вѣдать свои сельскія дѣла; хелосановъ, выбранныхъ изъ его среды, никто не слушалъ — ни помѣщики, ни сами крестьяне, и поневолѣ пришлось обратиться къ содѣйствію мѣстныхъ азнауровъ (дворянъ) и ихъ просить быть старшинами. Крестьяне сами охотно на то пошли и указали намъ на лучшихъ людей изъ азнауровъ; а тѣхъ мы не могли принудить и склонили только обѣщаніями особыхъ наградъ за земскую службу. Подъ названіемъ мауравовъ, т. е. управляющихъ селеніями, они сдѣлались старшинами, и дѣло пошло. Въ каждомъ селеніи мы могли черезъ нихъ добиться чего хотѣли и въ числѣ мауравовъ оказались дѣйствительно толковые и порядочные люди, преисполненные желанія исполнять наши порученія. Окружные начальники имѣли трехъ помощниковъ и одного изъ нихъ мы имѣли право брать изъ туземныхъ князей; воспользовавшись этимъ правомъ, я пригласилъ себѣ на эту должность одного изъ батонишвилебовыхъ, князя Димитрія Григорьевича Дадіани, и выборъ мой оказался очень удачнымъ. Димитрій составлялъ рѣдкое исключеніе изъ своихъ однофамильцевъ. Человѣкъ безусловно честный и неподкупный, онъ уважаемъ былъ всѣми и умѣлъ быть при необходимости строгимъ. Зная прекрасно свою родину и служивъ нѣкоторое время мдиванбегомъ при покойномъ владѣтелѣ, онъ былъ полезенъ мнѣ во многихъ случаяхъ. Порусски онъ не говорилъ, и это нисколько не мѣшало ему, при помощи своего доморощеннаго письмоводителя Бокерія, котораго онъ иногда безъ

церемоніи исправлялъ нагайкою за плутовство, — прекрасно исполнять всѣ возлагавшіяся на него порученія. Обмануть его было нельзя, онъ всегда узнавалъ всю подноготную и доводилъ до меня ее безъ малѣйшей утайки.

Вообще съ каждымъ днемъ сближеніе наше съ туземнымъ обществомъ все болѣе и болѣе дѣлало успѣхи, и если мы его желали искренно, то и лучшіе изъ туземцевъ сами шли навстрѣчу нашему желанію, а какъ люди вездѣ люди и среди дурныхъ всегда можно найдти хорошихъ, то при расширеніи нашего знакомства съ мингрельцами хорошіе во всѣхъ классахъ намъ явственно стали обозначаться. Въ этомъ уже одномъ чувствовалось для насъ большое подспорье, и интересъ административной службы на этой далекой нашей окраинѣ возросталъ для меня съ каждымъ днемъ.

Но не прошло и мѣсяца нашей неустанной дѣятельности, какъ мы замѣтили, что дѣло наше видимо тормозится присутствіемъ бывшей правительницы. Проживая въ Горди, окруженная Чиковановыми, заправлявшими прежде всѣми дѣлами и очутившимися не у дѣлъ, она не могла помириться съ своимъ развѣнчаннымъ положеніемъ, искусственно ею же самою созданнымъ, а Чиковановы не только ее не успокоивали, а еще больше раздражали разными сплетнями и пересудами, направленными по нашему адресу. Они придумывали даже разные поводы для столкновеній съ русскою администраціею, съ тѣмъ, чтобы подымать ее на смѣхъ или въ случаѣ, если это не удастся, представлять изъ себя жертвъ ея несправедливости. Этимъ зрѣлищемъ они думали угодить княгинѣ, громко обзывавшей дѣйствія кавказскаго правительства по отношенію къ ней насильственнымъ захватомъ владѣнія. По мнѣнію ея, нашъ способъ усмиренія мужицкаго бунта болѣе всего компрометируетъ само правительство, идущее на компромиссъ съ революціоннымъ началомъ. Барятинскій обязанъ былъ поддержать лишь status quo мингрельскаго владѣній и, усмиривъ бунтъ военною силою, возстановить ея власть въ полной силѣ, а вмѣсто того ее устранили.

Княгиня за своими собственными интересами не хотѣла видѣть интересовъ мингрельскихъ и понять, что способъ дѣйствій, требуемый ею отъ кавказскаго правительства въ мингрельскомъ дѣлѣ, противорѣчилъ бы всей политической системѣ Россіи на востокѣ, состоящей въ постепенной ассимиляціи присоединяемыхъ ею владѣній во всѣхъ гражданскихъ правахъ коренной имперіи. Вѣдь одна только Англія усердно заботится о поддержаніи во что̀ бы то ни стало status quo въ своихъ индійскихъ владѣніяхъ и сохраняетъ, какъ бы подъ стекляннымъ колпакомъ, ихъ внутреннее политическое устройство, весьма для нее удобное, какъ орудіе, которымъ она лучше всего обезпечиваетъ свои торговые британскіе интересы. Требуя съ раджей одного лишь аккуратнаго взноса круп-

ной, опредѣленной съ нихъ суммы въ видѣ денежнаго налога, она во внутреннія дѣла не вмѣшивается до извѣстнаго момента; но и при такомъ своекорыстномъ режимѣ резидентъ англійскій въ каждомъ автономномъ владѣніи желѣзною рукою въ бархатной перчаткѣ удерживаетъ деспотизмъ раджей въ предѣлахъ. Когда который нибудь изъ нихъ, предавшись непомѣрной роскоши, начинаетъ залѣзать въ неоплатные долги, отдаетъ правосудіе съ торговъ на откупъ, запускаетъ пути сообщенія и перестаетъ, наконецъ, уважать честь и жизнь своихъ подданныхъ, резидентъ дѣлаетъ ему оффиціозное предостереженіе и, если оно не дѣйствуетъ, то переходитъ уже къ болѣе существеннымъ мѣрамъ. Раджу лишаютъ почестей и прерогативъ, дарованныхъ ему правительствомъ, а именно числа выстрѣловъ пушечныхъ при его проѣздѣ, которымъ соразмѣряется положеніе и кредитъ каждаго владѣтеля, а когда это не дѣйствуетъ, лишаютъ власти въ пользу законнаго наслѣдника, при отсутствіи же таковаго—въ пользу лица, выбраннаго англійскимъ правительствомъ.

Итакъ, если даже и Англія при своей системѣ невмѣшательства кладетъ предѣлы произволу туземнаго режима, то могли ли мы, въ силу нашего принципа ассимиляціи, дѣлать исключеніе для одной Мингреліи въ ту самую минуту, когда внутренніе безпорядки въ ней, дошедшіе до анархіи, лучше всего доказывали несостоятельность ея управленія. Всѣхъ тѣхъ людей, которые носили названіе азатовъ, мсахуровъ, казаковъ или глеховъ и моджалабовъ и которыхъ владѣтельная власть считала не болѣе какъ вещами, мы называли крестьянами, т. е. христіанами, и не могли ихъ избивать за то, что они искали у насъ защиты отъ избіенія. Называть это компромиссомъ съ революціоннымъ началомъ было болѣе чѣмъ странно. Человѣкъ умный, спокойный и высокообразованный, Дюкруаси терпѣливо и мягко все это растолковывалъ Екатеринѣ Александровнѣ; была даже минута, что она какъ бы сдалась на его резоны, но по непонятному какому-то капризу опять стала на своемъ и повторяла одно только, что она не просила вмѣшиваться во внутреннія дѣла управленія, ей нужны были казаки, ничего болѣе, и она сама съумѣла бы водворить спокойствіе. Вмѣсто же того ее обошли, вмѣшались во внутреннія дѣла и стали нашептывать ей, чтобы она заявила о добровольномъ отреченіи отъ своей власти. Этихъ нашептываній она и слушать не хотѣла, а свое устраненіе отъ управленія считаетъ насиліемъ. Ей говорятъ, чтобы она выѣхала изъ Мингреліи; но зачѣмъ и куда она поѣдетъ, когда на прямой ея обязанности лежитъ охраненіе и сбереженіе дѣтскаго имущества.

И при такомъ даже настроеніи княгиня не могла жаловаться на русскую администрацію. Мы безусловно всѣ были къ ея услугамъ и старались всячески щадить ея самолюбіе. Всѣ требованія

ея немедленно исполнялись, ей оказывался подобающій почетъ и, всетаки, помимо нашего желанія и воли проскакивали иногда такіе случаи, предусмотрѣть которые было нельзя и которые еще болѣе ее волновали. Такъ, напримѣръ, однажды зугдидскій окружной начальникъ, князь Эристовъ, заѣхалъ въ Мартвильскій монастырь, а при немъ находился извѣстный Микава. Въ то время, какъ онъ сидѣлъ на террасѣ архимандритскаго дома, пріѣхала въ монастырь княгиня. Эристовъ встрѣтилъ ее съ подобающимъ уваженіемъ, она просила его сѣсть и завязала съ нимъ бесѣду. Подали чай. Въ это время ей кто-то изъ ея свиты шепнулъ, что въ монастырѣ съ княземъ находится Микава. Она очень этимъ заинтересовалась и просила представить ей этого, какъ она иронически выразилась, Дантона мингрельской революціи. Микаву позвалъ Эристовъ, и тотъ, войдя на террасу, униженно поклонился княгинѣ. Она подозвала его поближе и стала съ нимъ говорить чрезвычайно ласковымъ тономъ:—«Швило» (сыночекъ),—сказала она ему очень ласково: — отчего же ты, выбранный крестьянами предводитель, не пришелъ прямо ко мнѣ и не объяснилъ ихъ нуждъ и бѣдствій? Вѣдь я ничего о нихъ не знала, а доступъ ко мнѣ былъ открытъ всякому. Ты бы могъ прійдти во всякое время и разсказать правду. Отчего же ты этого не сдѣлалъ послѣ возвращенія моего изъ Петербурга?»

На этотъ вопросъ Микава ничего не отвѣчалъ и какъ бы смущенный стоялъ, опустивъ голову, и мялъ въ своихъ рукахъ фуражку. Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Ты не хочешь отвѣчать на мой вопросъ,—начала опять княгиня:—значитъ, признаешься, что, не прійдя ко мнѣ, сдѣлалъ дурно?

Микава поднялъ голову и сталъ говорить очень тихо:

— Ваша свѣтлость, боюсь, чтобы вы не разсердились на меня, и потому молчу.

— Говори, пожалуйста, говори,—живо возразила княгиня.—Я за правду никогда не разсержусь.

Микава взглянулъ на Эристова, какъ бы спрашивая его разрѣшенія говорить, и, когда тотъ утвердительно кивнулъ ему головой, началъ:

— Простите, государыня, что я къ вамъ не пришелъ... а не пришелъ потому, что вы ничѣмъ не поможете, даже если бы и хотѣли...

Онъ немного помолчалъ, какъ бы не рѣшаясь дальше говорить, но опять поднялъ голову, глаза у него какъ то особенно заблистали, и онъ началъ:

— Вотъ тутъ подъ горой (а Мартвильскій монастырь на высокой горѣ) живетъ крестьянинъ, вамъ принадлежащій. У этого бѣдняка была часъ тому назадъ корова, единственное его достояніе: она молокомъ своимъ кормила его маленькихъ дѣтей, и коровы

этой у него уже теперь нѣтъ: ее зарѣзала ваша свита, пріѣхавшая съ вами въ монастырь, и теперь готовитъ себѣ изъ нея шашлыки. Никто и ничѣмъ не вознаградитъ этого бѣдняка за его корову... Вы сами того не подозрѣваете, что, куда вы ни поѣдете, всюду несете съ собою несчастье. Къ чему мнѣ было приходить къ вамъ

Мингрельская пацха.
Съ фотографіи Вестли и Никитина.

и говорить о горѣ такихъ же бѣдняковъ, какъ и этотъ крестьянинъ: вѣдь вы ничѣмъ ему не поможете...

Микава смолкъ и потупился. На лицѣ княгини выступила крайняя досада и, будь у нея власть, она въ эту минуту уничтожила бы осмѣлившагося говорить ей въ лицо, въ присутствіи многихъ,

такое обличеніе. Но, сдѣлавъ, однако, надъ собою усиліе, она послѣ нѣкотораго молчанія кротко улыбнулась и сказала Микавѣ:

— Хорошо, сыночекъ (швило), ступай съ Богомъ.

Начала она съ шутки, называя Микаву Дантономъ, но изъ устъ его услышавъ опять же тотъ голосъ народа, доведеннаго до крайняго бѣдствія, которому она не захотѣла внять въ свое время, когда власть была въ ея рукахъ, она поняла, какъ неумѣстна была ея шутка и иронія. Подобные случаи не только не смягчали, но еще болѣе раздражали ее противъ всѣхъ, искренно къ ней расположенныхъ людей, но ей не поддакивавшихъ.

Послѣ Дюкруаси пріѣзжалъ князь Гагаринъ, уговаривая ее идти на соглашеніе съ Барятинскимъ, и предложилъ ей въ опекуны дѣтскаго имущества, привезеннаго имъ съ собой, всѣми уважаемаго полковника, князя Егора Ивановича Абашидзе. Но княгиня разразилась градомъ самыхъ рѣзкихъ укоризнъ: «ее, беззащитную вдову, съ малолѣтними дѣтьми, хотятъ ограбить и выбросить Богъ знаетъ куда. У дѣтей ея богатѣйшее имѣніе въ Мингреліи, съ него современемъ станутъ получаться сотни тысячъ доходу и кому она можетъ довѣрить управленіе имъ?—безъ собственнаго ея глаза все расхитятъ». Князю Абашидзе досталось за то, что онъ, обобранный русскимъ правительствомъ [1]), осмѣлился явиться къ ней безъ ея зова и напрашиваться въ опекуны; князю Гагарину пришлось выслушать цѣлый потокъ брани на князя Барятинскаго. И оба они, видя передъ собою изступленную женщину, предпочли ретироваться. Прощаясь, княгиня присовокупила жалобу на меня:

— Хорошъ тоже этотъ окружной начальникъ Б..., нечего сказать. Я приказала перевезти свою мебель изъ Салхино сюда, въ Горди, такъ какъ намѣрена зимовать здѣсь, а мужики моего управителя прогнали, объявивъ ему, что они и не желаютъ заниматься перевозкою мебели. Я жаловалась Б., и тотъ даже не удостоилъ меня отвѣтомъ. Сижу также безъ дровъ, крестьяне изъ селенія Кинчха отказались возить дрова; не на чемъ готовить кушанье и все потому, что окружной начальникъ цѣлуется съ мужиками.

Гагарина съ Абашидзе, какъ ошпаренныхъ, встрѣтилъ я на возвратномъ пути изъ Горди. Мнѣ переданы были жалобы княгини на меня, и обѣ несправедливыя. По требованію ея управителя, крестьяне не могли выставить подводъ для перевозки ея мебели изъ Салхино по весьма простой причинѣ: вся ихъ скотина во время бунта была поѣдена ими самими, расхищена и раскрадена; перевозить оказалось невозможнымъ, и я приказалъ крестьянамъ перенести мебель на рукахъ, не смотря на сорока-верстное разстояніе. Понятно, что такимъ образомъ нельзя было быстро доставить вещи,

[1]) Отецъ князя Абашидзе былъ сосланъ за бунтъ въ Имеретіи и имѣніе его было конфисковано.

и онѣ находились въ пути, о чемъ княгиня не знала. На счетъ же дровъ, которыхъ ей будто бы не возятъ, до меня ничего не доходило.

Князь Гагаринъ просилъ меня во всякомъ случаѣ поѣхать къ ней поскорѣе въ Горди и исполнить всѣ ея требованія.

2.

Дня черезъ два, взявъ съ собою шесть казаковъ, переводчика и эсаула, я поѣхалъ. Княгиня приняла меня чрезвычайно любезно, въ особенности потому, что еще утромъ въ этотъ день ей принесли мебель изъ Салхино; это было для нея сюрпризомъ, и она чувствовала, что виновата передо мною, нажаловавшись Гагарину. Зашла рѣчь о дровахъ, и она полу-иронически разсказывала мнѣ: «что вотъ до чего пришлось ей дожить: кинчхинскіе мужики и знать ее не хотятъ, нечѣмъ кухню топить». Я обѣщался все это устроить и просилъ ее послать со мною завтра въ селеніе Кинчху ея управителей (сахлтхуцесовъ) Чиковановыхъ, чтобы указать на крестьянъ, отказывающихся исполнить свою повинность. Вечеръ я провелъ въ семействѣ княгини, какъ старый знакомый, и мнѣ она жаловалась на Гагарина и Барятинскаго, говоря, что дѣтей ея хотятъ пустить по-міру, о Колюбакинѣ отзывалась мягче и даже выразила желаніе возстановить съ нимъ прежнія отношенія.

Вернувшись послѣ ужина во флигель, мнѣ отведенный, я нашелъ тамъ своего переводчика и урядника. Первый сообщилъ мнѣ таинственно, что узналъ что-то очень нехорошее, чтобы я берегся. По словамъ его, Кинчха—опасное селеніе, народъ тамъ дикій, какъ то бываетъ обыкновенно въ самыхъ глухихъ горныхъ трущобахъ; онъ не принималъ участія въ бунтѣ и крѣпко стоитъ за владѣтеля. Это, какъ оказывалось, была въ своемъ родѣ Вандея. Басня о томъ, что будто бы мужики не возятъ оттуда дровъ дедопали,— пущена Чиковановыми для того, чтобы заманить въ это селеніе окружнаго начальника и тамъ устроить ему какую либо пакость. Мужиковъ настроили на такой ладъ, чтобы они русскаго начальника не слушались и выгнали бы его отъ себя. Переводчикъ узналъ все это отъ владѣтельскаго конюха, своего родственника; тотъ заклиналъ не ѣздить въ Кинчху.

Урядникъ, въ свою очередь, доложилъ мнѣ, что въ сумерки на казачьихъ лошадей, пасущихся неподалеку отъ моего флигеля, напали какихъ-то трое человѣкъ и хотѣли ихъ увести, но казаки замѣтили во время, отбили и могли бы связать этихъ людей, да не желая дѣлать шумъ около владѣтельскаго двора, «наклали имъ здорово въ шею и прогнали».

Прослушавъ эти два доклада, я написалъ командиру казачьей сотни хорунжему Тупицѣ, находившемуся со своею сотнею въ 15

верстахъ отъ Горди, чтобы онъ завтра со свѣтомъ направился съ нею въ селеніе Кинчху и въ проводники взялъ бы себѣ подателя моего письма, эсаула Наракію, знающаго всѣ тропинки въ этой мѣстности. Отпустивъ переводчика и урядника и поблагодаривъ ихъ за своевременное предостереженіе о затѣѣ Чиковановыхъ, я рѣшилъ не показывать ни малѣйшаго вида, что имѣю подобное сообщеніе о ихъ замыслѣ, и, когда на другой день, утромъ, въ 8 часовъ, они явились ко мнѣ съ старшимъ сахлтхуцесомъ во главѣ, принялъ ихъ очень любезно и черезъ полчаса съ ними, переводчикомъ и шестью казаками тронулся въ Кинчху.

Селеніе Кинчха отстоитъ отъ Горди верстахъ въ 14 и лежитъ въ мѣстности возвышенной и гористой; природа тутъ чрезвычайно живописна; ростутъ уже сосна и ель и достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ. Не доѣзжая съ версту до селенія, невольно остававливаешься и не можешь оторваться отъ чуднаго зрѣлища. Съ обрыва, по крайней мѣрѣ, саженъ въ 100 вышины, господствующаго надъ обширною лужайкою, спадаетъ горная рѣчка Окасо. Широкая на верху лента воды по мѣрѣ своего паденія все болѣе и болѣе съуживается и подъ конецъ обращается въ милліарды брызгъ. Солнечные лучи, попадая въ эту водяную пыль, выдѣлываютъ въ ней безконечное множество радугъ, смѣняющихъ одна другую. Встрѣться такой уголокъ въ Швейцаріи, тамъ, конечно, построился бы цѣлый городокъ на деньги туристовъ; но Кавказъ покуда таитъ свои красоты въ своей недоступности: кому охота забираться въ какую нибудь Кинчху, куда и дороги не найдешь, а надо карабкаться по тропинкамъ, висящимъ надъ обрывами.

До полудня мы пріѣхали въ селеніе, и я слѣзъ съ лошади возлѣ церкви, у дома благочиннаго. Тѣмъ, кто не бывалъ никогда на Кавказѣ и въ особенности въ горныхъ селеніяхъ, мы считаемъ нужнымъ объяснить, что подъ словомъ «селеніе» тутъ не слѣдуетъ разумѣть, какъ я уже говорилъ, рядъ домовъ, построенныхъ въ правильныя улицы: объ этомъ не можетъ быть и помину. Горное селеніе состоитъ изъ группы холмовъ со множествомъ между ними ложбинъ, и эта пересѣченная мѣстность, раскинутая иногда верстъ на 20, на 30, покрыта случайно разбросанными по всѣмъ направленіямъ незначительными поселками, въ которыхъ дома выглядываютъ изъ-подъ раскидистыхъ деревьевъ. Дома, тѣ же сакли, но имѣющія характеристическую особенность въ укладкѣ крышъ рядами булыжника, въ защиту отъ дѣйствія сильныхъ горныхъ вѣтровъ. На вершинѣ холмовъ виднѣются каменныя церкви, обнесенныя священными рощами.

Такова была и Кинчха. Жителей въ ней считалось до 800 дворовъ и на холмахъ было 13 церквей. Собрать жителей такого селенія дѣло нелегкое, и діаконовъ, т. е. благочинный, велѣлъ вынести изъ церкви огромную мѣдную трубу, буки, и поручилъ осо-

бому трубачу, состоящему въ причтѣ церковномъ, мебуке—трубить. То былъ сигналъ, созывающій народъ. Вскорѣ нашему трубачу откликнулся сначала одинъ, потомъ другой, потомъ нѣсколько разомъ трубачей изо всѣхъ церквей Кинчхи, и холмы какъ бы ожили и заговорили. Въ ожиданіи сбора людей, сахлтхуцесъ распорядился изготовленіемъ завтрака, и я вошелъ въ отведенную мнѣ въ домѣ благочиннаго комнату. Переводчикъ, находившійся въ тревогѣ, очень забавлялъ меня своими страхами и ожиданіемъ чего-то неблагополучнаго. Прошелъ часъ, другой; музыка трубъ все продолжалась, и народъ началъ сходиться: я успѣлъ позавтракать, управители все еще не являлись съ докладомъ о полномъ сборѣ; казаки тоже не показывались; переводчикъ, блѣдный какъ полотно, безпрестанно шнырялъ куда-то и, наконецъ, сообщилъ мнѣ, что собралось внизу человѣкъ 400, и «всѣ вооруженные», добавилъ онъ шепотомъ. Прошелъ еще часъ, и мнѣ пришли сказать, что все готово, народъ собрался. Выйдя изъ комнаты, увидѣлъ я внизу на лужайкѣ, шагахъ въ двухстахъ, толпу, вооруженную съ ногъ до головы; между винтовками виднѣлись и пики, на концахъ которыхъ насажены косы. Подозвавъ переводчика, дрожавшаго, какъ осиновый листъ, и казаковъ, я сталъ спускаться съ ними, а въ этотъ самый моментъ, какъ бы по какому волшебству, съ противоположнаго холма, какъ разъ въ тылъ толпѣ, грозно стоящей на лужайкѣ, показалась моя сотня и въ челѣ ея хорунжій Тупица. Когда я уже почти спустился на лужайку, Тупица успѣлъ уже подскакать ко мнѣ и рапортовалъ:

«Господинъ полковникъ, по ввѣренной мнѣ сотнѣ все обстоитъ благополучно». Онъ иначе не величалъ меня, какъ полковникомъ, хотя я былъ скромный титулярный совѣтникъ. Появленіе его съ сотнею видимо огорошило присутствующихъ. Лица Чикованоныхъ изъ смѣющихся обратились въ печальныя, а переводчикъ мой засіялъ.

Поздоровавшись съ казаками, я попросилъ любезнаго хорунжаго приказать имъ спѣшиться и, раздѣлившись на двѣ половины, стать такъ, чтобы одна была въ тылу у вооруженной толпы. Исполнилось это мигомъ, и тогда я подошелъ къ жителямъ Кинчхи.

Они стояли въ шапкахъ. Черезъ переводчика приказано было снять ихъ. Сняли не всѣ; пять или шесть человѣкъ, впереди стоящихъ, не сняли. Казаки имъ помогли. Затѣмъ приказано было отобрать у всѣхъ оружіе. Толпа зашевелилась; но не успѣла очнуться, какъ казаки ее обезоружили; двое или трое хотѣли сопротивляться, но ихъ оттащили въ сторону и связали.

Первымъ вопросомъ моимъ крестьянамъ было: «зачѣмъ на вызовъ начальника, они пришли вооруженные?»

Отвѣтомъ было: «намъ было такъ приказано».

«Кѣмъ?»

Указали на нѣсколькихъ крестьянъ, въ числѣ ихъ и на связанныхъ казаками.

На спросъ тѣхъ: «зачѣмъ они отдавали такое приказаніе?»—крестьяне указали на самихъ управителей.

Взглянувъ на этихъ господъ, я увидѣлъ на позеленѣвшихъ ихъ физіономіяхъ ясное подтвержденіе ихъ затѣи. Они стали меня увѣрять, что крестьяне врутъ, и одинъ только старшій сахлтхуцесъ стоялъ блѣдный и молчалъ. Онъ былъ замѣчательно красивъ съ своею сѣдою и длинною шевелюрою.

Заставивъ смолкнуть всякія объясненія, я приступилъ къ вопросу о дровахъ, которыя будто бы крестьяне отказывались доставлять въ Горди. Тутъ оказалась совершенная ложь и подтасовка. Указаны были мнѣ крестьяне, не исполняющіе своихъ обязанностей: ихъ набралось человѣкъ 5, 6, слѣдовательно ничтожная часть всего селенія, да и у тѣхъ дрова были нарублены, но не доставлены по неимѣнію скотины, поколѣвшей во время прошлогодняго падежа въ этой мѣстности, имѣющіе же скотину доставляли сколько могли и, если еще не свезли всего количества, то хоть сегодня же свезутъ. О неповиновеніи дедопали не было и помину, тѣмъ менѣе о бунтѣ, а мнѣ дѣло представлялось сахлтхуцесами именно въ видѣ послѣдняго.

Приказавъ указаннымъ мнѣ крестьянамъ—недоимщикамъ тотчасъ же отправиться въ лѣсъ и везти оттуда дрова въ Горди, я поручилъ нѣсколькимъ Чиковановымъ ѣхать съ ними вмѣстѣ и позаботиться о скорѣйшемъ выполненіи моего приказа.

Покончивъ этотъ пустой вопросъ, я перешелъ къ главному, а именно къ тому, какъ смѣли жители Кинчхи выходить ко мнѣ вооруженные и нѣкоторые изъ нихъ не сняли даже и тогда шапокъ, когда имъ было приказано.

Прежде всего были спрошены крестьяне, объявлено ли имъ было мѣсяцъ тому назадъ въ церквахъ священниками и старшинами, что въ Мингреліи государь приказалъ ввести свое царское управленіе.

Толпа молчала.

Спрошенный діаконозъ объяснилъ, что и онъ, и всѣ священники читали въ церквахъ присланныя имъ прокламаціи.

Если все это было читано, то какъ же на зовъ начальника, назначеннаго царемъ, крестьяне пришли вооруженные. Зачѣмъ тутъ было нужно оружіе?

Толпа молчала.

Оставить безъ немедленнаго наказанія эту подстроенную Чиковановыми продѣлку я нашелъ невозможнымъ. Касаться до нихъ самихъ непосредственно значило бы касаться до личности самой княгини, а этого у насъ положено было избѣгать во всякомъ случаѣ; оставалось слѣдовательно расправиться такъ, чтобы Чикова-

новы были бы хотя косвенно, а, всетаки, наказаны, и главное, чтобы на будущее время они были поставлены въ невозможность повторять подобныя штуки и вводить въ заблужденіе крестьянъ, привыкшихъ ихъ слушаться. Вслѣдствіе этихъ соображеній я попросилъ любезнаго хорунжаго Тупицу, съ переводчикомъ моимъ, отобрать изъ толпы девятаго человѣка и, оцѣпивъ ихъ, высѣчь двадцатью пятью ударами розогъ; пятерыхъ же, уже связанныхъ, послѣ наказанія отправить на мѣсяцъ въ тюрьму въ Сенаки, вмѣстѣ съ отобраннымъ отъ селенія оружіемъ. Все это выполнилось быстро, и послѣ такого серьезнаго внушенія жители отвѣтили мнѣ, что теперь они помнятъ и знаютъ прокламацію. Сказавъ имъ въ заключеніе, что я очень сожалѣю, что поставленъ былъ въ грустную необходимость завязать съ ними знакомство съ такого непріятнаго эпизода, я распустилъ ихъ по домамъ.

Все это, конечно, могъ я выполнить при такихъ замѣчательныхъ молодцахъ, какъ линейные казаки, и дѣйствіе свое какъ тогда, такъ и теперь считалъ и считаю вполнѣ правильнымъ. При тогдашнемъ настроеніи крестьянъ и въ особенности горныхъ селеній нужны были крутыя мѣры въ подобныхъ случаяхъ. Если бы я ушелъ изъ Кинчхи, не наказавъ ея жителей, разнеслась бы молва, что окружнаго начальника оттуда выгнали и что онъ струсилъ, а когда селеніе было наказано, подобной молвы не пошло. И замѣчательная вещь, мнѣ привелось потомъ болѣе четырехъ лѣтъ управлять этимъ округомъ, познакомиться чуть не поголовно съ кинчхинскими крестьянами, и были они со мною въ самомъ наилучшихъ отношеніяхъ именно потому, что всегда съ благодарностью вспоминали мою быструю и энергическую расправу. Они вполнѣ поняли, на какую пакость наталкивали ихъ тогда Чиковановы и какъ были бы для нихъ гибельны послѣдствія, если бы они дѣйствительно употребили оружіе противъ окружнаго начальника, а они употребили бы его непремѣнно, если бы не сотня казаковъ, которой они струсили. Многимъ бы изъ нихъ тогда пришлось не миновать Сибири.

Послѣ экзекуціи въ Кинчхѣ, я пріѣхалъ въ Горди съ казачьими пѣсенниками впереди, и пѣсни ихъ до того понравились дѣтямъ княгини, что я просилъ Тупицу приказать спѣшиться и потѣшить дѣтей. Княгиня, до которой дошли уже до пріѣзда моего подробности о моей расправѣ, довольно сухо поблагодарила меня за мою энергію, а я воздержался отъ разъясненія ей неудавшейся продѣлки Чиковановыхъ, хотя и намекнулъ, что дѣло было ими преувеличено. Мы разстались при любезныхъ фразахъ.

Кинчхинскій эпизодъ, выпущенный изъ сумки Чиковановской, не явился единичнымъ и вскорѣ за нимъ послѣдовалъ другой гораздо крупнѣе.

Братъ главнаго сахлтхуцеса, князь Иванъ Чиковани, безтолко-

вый, вздорный, но рѣшительный и злобный, началъ собирать вокругъ себя недовольныхъ и возбуждать противъ русскихъ съ тѣмъ, чтобы, взбунтовавъ народъ, выгнать насъ изъ края. Замыселъ совсѣмъ нелѣпый, но онъ нашелъ себѣ сочувствіе въ группѣ такихъ же вздорныхъ людей, какъ и онъ самъ. До свѣдѣнія Колюбакина довели, что въ селеніи Зана, Зугдидскаго округа, собралось человѣкъ триста всякаго сброду и замышляютъ сдѣлать нападеніе на Зугдиди.

Н. П. Колюбакинъ быстро предупредилъ эту затѣю и, взявъ съ собою роту линейнаго баталіона и сотню казаковъ, пошелъ къ Занамъ; на горѣ, въ старинной крѣпости засѣли бунтовщики и первые стали стрѣлять, увидя подходящія войска; тогда казаки ворвались въ крѣпость, порубили человѣкъ 15, стольких же ранили, послѣ чего остальной сбродъ разбѣжался, какъ зайцы. Арестованныхъ было человѣкъ 50.

Воздѣйствіе князя Ивана Чиковани въ этой исторіи было обнаружено, онъ былъ тоже арестованъ и немедленно высланъ изъ края на житье въ Тамбовъ.

Эпизодъ этотъ пріобрѣлъ бы, конечно, бо̀льшую рельефность, если бы его не стушевалъ фактъ, очень крупный по своему значенію: княгиня Екатерина Александровна получила высочайшій рескриптъ, послѣдовавшій, конечно, вслѣдствіе представленія князя Барятинскаго. Государь въ милостивыхъ выраженіяхъ вызывалъ ее съ дѣтьми въ Петербургъ, мотивируя вызовъ желаніемъ своимъ приблизить къ себѣ малолѣтняго владѣтеля и слѣдить за его воспитаніемъ.

Само собою разумѣется, что всякія колебанія и недоумѣнія княгини разрѣшились этимъ рескриптомъ, и она объяснила Гагарину, что выѣдетъ 25-го октября, прося его къ тому времени приготовить ей пароходъ въ Поти, такъ какъ она рѣшила ѣхать на Одессу. Въ то же время рѣшенъ былъ ею и вопросъ о выборѣ опекуна надъ имѣніями ея малолѣтнихъ дѣтей. Сначала она просила брата своего, князя Давида Чавчавадзе, и зятя своего, барона А. П. Николаи, принять на себя эту обязанность; но, когда они отказались, выборъ ея остановился на дѣйствительномъ статскомъ совѣтникѣ Дмитріи Ивановичѣ Кипіани, членѣ совѣта главнаго управленія. Кипіани принялъ на себя опекунство съ согласія князя Барятинскаго и тотчасъ же пріѣхалъ въ Горди для свиданія съ княгиней. Совѣщаніе ихъ было непродолжительно, княгиня поручила сахлтхуцесу передать опекуну всѣ имѣнія по описямъ, а самого Кипіани просила довести до свѣдѣнія князя Барятинскаго, что Мингрелія составляетъ имущество ея дѣтей и другаго собственника на земли нѣтъ, кромѣ владѣтеля. Князья и дворяне принадлежатъ ему также, какъ и земли. Она повторяла то же понятіе о своихъ правахъ, которое имѣлъ и ея мужъ; но теперь уже трудно было убѣдить въ

этой теоріи мингрельцевъ: они въ ней видѣли послѣ почти шестидесятилѣтней давности безспорнаго владѣнія землями величайшее для себя насиліе. Когда уѣхалъ Кипіани, начались сборы къ отъѣзду княгини. Оставалось до него недѣли двѣ; съ нашей стороны княгинѣ при этомъ было сдѣлано все возможное содѣйствіе; выѣздъ изъ Горди назначенъ былъ 24-го числа, рано утромъ; ночлегъ предполагался въ Орпири, а 25-го числа отсюда она должна была слѣдовать по Ріону на каюкахъ до Поти, гдѣ ожидалъ ее пароходъ.

3.

Согласно маршруту княгини, я долженъ былъ находиться 23-го октября въ Горди для сопровожденія ея на другой день оттуда въ Орпири, а потому, выѣхавъ въ этотъ день рано утромъ изъ Сенакъ съ казачьею сотнею, былъ уже на полупути. Озабоченный хлопотами о перевозкѣ княгини и ея багажа, выпавшими на меня, какъ на мѣстнаго окружнаго начальника, я былъ до того погруженъ въ обдумываніе всѣхъ деталей предстоящей возни, что лишь вскользь замѣтилъ встрѣтившагося всадника, низко мнѣ поклонившагося, а между тѣмъ тотъ кивнулъ моему переводчику и далъ ему знакъ, что хочетъ что-то сообщить. Переводчикъ подъѣхалъ къ нему и послѣ непродолжительнаго съ нимъ разговора повернулъ лошадь и быстро подскакалъ ко мнѣ. Я остановился.—«Въ Кутаисѣ случилось страшное несчастіе»,—сказалъ онъ:—«князя Гагарина изрубилъ Константинъ Дадешкиліани». Вѣсть эта меня ошеломила; подозванный всадникъ, оказавшійся сенакскимъ торговцемъ, повторилъ мнѣ ее, какъ фактъ несомнѣнный, но присовокупилъ, что подробностей происшествія не успѣлъ узнать, такъ какъ очень спѣшилъ выѣздомъ изъ Кутаиса, который оставилъ въ страшномъ переполохѣ. Случилось это вчера послѣ полудня, и торговецъ замедлилъ свой путь, оставленный на ночлегъ однимъ изъ родственниковъ своихъ въ Хони; сегодня утромъ онъ слышалъ и тамъ подтвержденіе этого событія. И, всетаки, мнѣ не хотѣлось вѣрить. Торговца я задержалъ, приказавъ ему ѣхать съ собой для того, чтобы не дать дальнѣйшаго распространенія, быть можетъ, ложному извѣстію, и самъ маршъ-маршъ полетѣлъ къ рѣкѣ Цхенисъ-Цхали, гдѣ былъ казачій постъ, а отсюда считалось 20 верстъ до Кутаиса. На посту написалъ я письмо къ дежурному штабъ-офицеру Бертье Делагарди, прося его увѣдомить меня объ этомъ ужасномъ случаѣ и сообщить подробности. Князь Гагаринъ, какъ начальникъ и какъ человѣкъ, былъ глубоко уважаемъ и горячо любимъ всѣми; это былъ человѣкъ прекраснѣйшей души. Понятно, какое потрясающее впечатлѣніе произвело извѣстіе о случившемся съ нимъ несчастіи. Послѣ отправленія казака, я поѣхалъ опять въ Горди и, не доѣзжая до него 7 верстъ, въ мѣстечкѣ Бубуасъ-Хиди услышалъ

уже несомнѣнное подтвержденіе катастрофы съ княземъ. Оказалось, что княгиня Гагарина, жена его, была въ гостяхъ у княгини Дадіани въ Горди, когда это извѣстіе привезъ туда правитель канцеляріи князя, Изюмскій, и обѣ княгини, Гагарина и Дадіани, поскакали съ нимъ въ Кутаисъ. Княгиня Дадіани вечеромъ 23-го числа должна была оттуда вернуться. Она не могла миновать Бубуасъ-Хиди, и потому я остался здѣсь ожидать ея возвращенія.

Событія одно серьезнѣе другаго смѣнились съ чрезвычайною быстротою и послѣдовательно умаляли значеніе одно другаго. Не успѣла разразиться вспышка Чиковановыхъ въ Занахъ, ее затушевалъ высочайшій рескриптъ къ правительницѣ и, когда княгиня готовилась выѣхать изъ края, значеніе этого крупнаго факта стушевалось страшною катастрофою съ генералъ-губернаторомъ. Передъ такимъ ужаснымъ фактомъ все смолкло, и сама княгиня, пораженная случившимся, позабывъ свои личныя дѣла и непріятности, поскакала въ Кутаисъ... Далеко уже за полночь она подъѣхала въ каретѣ къ мосту у Бубуасъ-Хиди, ее сопровождалъ изъ Кутаиса состоящій по особымъ порученіямъ при князѣ Гагаринѣ, поручикъ М. И. Романовъ. Она была крайне утомлена и разстроена и, поздоровавшись со мной, могла только сказать:

— Ахъ, что я видѣла... что я видѣла, разсказать не въ силахъ всего ужаса... Но вамъ передастъ подробности г. Романовъ, а мнѣ надо спѣшить въ Горди. Завтра я выѣзжаю. Вы сами не трудитесь теперь ѣхать за мною, останьтесь здѣсь... Завтра увидимся.

Ей подали верховую лошадь, и она уѣхала въ сопровожденіи небольшой свиты.

Когда, наконецъ, мы уединились съ Романовымъ въ духанѣ, гдѣ и должны были заночевать, онъ разсказалъ мнѣ подробности кроваваго событія. Я передамъ ихъ читателю въ слѣдующей главѣ, а тутъ скажу только, что князь былъ раненъ кинжаломъ въ руку, въ полость груди и живота; надежды на его спасеніе не было никакой. Убиты были чиновникъ особыхъ порученій при князѣ и ближайшій другъ его Николай Петровичъ Ильинъ и переводчикъ Талханъ-Ардишвили, ранены княжескій поваръ Максимъ и трое рядовыхъ линейнаго баталіона, и все это однимъ человѣкомъ.

Когда кончилъ свой разсказъ Романовъ, мы долго молчали, подавленные впечатлѣніемъ этого ужаснаго факта... Прервалъ молчаніе Романовъ и началъ говорить мнѣ пофранцузски, видимо для того, чтобы не могъ никто понять его, если бы и подслушалъ сквозь тонкія стѣны духана.

— Знаете, что меня страшно поразило и возмутило? — началъ онъ:—рѣчи княгини со мною въ каретѣ при возвращеніи изъ Кутаиса. По моему она тронута. Представьте себѣ, что все время съ какимъ то особеннымъ злорадствомъ и торжествомъ повторяла она, что теперь она отомщена, что надъ Гагаринымъ явно дѣйствуетъ перстъ

Мингрельскіе крестьяне.

Съ фотографіи Вестли и Никитина.

Божій... Хотѣлъ ограбить моихъ дѣтей... меня беззащитную вдову выбрасываютъ теперь, Богъ знаетъ куда! Вотъ увидите, что и Барятинскому это такъ не сойдетъ; его тоже покараетъ Богъ; молодецъ Дадешкиліанъ, онъ заступился за себя и за моихъ дѣтей... По крайней мѣрѣ, будутъ знать теперь, что владѣтелями нельзя играть, какъ пѣшками... И все въ этомъ же родѣ почти во все продолженіе нашего пути. J'ai èté terrassé par ses discours... Страшнѣе всего была мнѣ та мысль, что я сидѣлъ, быть можетъ, съ помѣшанной женщиной... Наконецъ, она замолчала, но не надолго, и разразилась потокомъ слезъ, дошедшимъ до истерики. Я долженъ былъ остановить карету, тутъ близко нашелся родникъ, подалъ ей воды. Умывшись и выпивъ нѣсколько глотковъ, она освѣжилась, немного успокоилась, мы тронулись дальше. Послѣ того она все время молчала...

Разсказъ этотъ заставилъ невольно задуматься. Бѣдной княгинѣ дѣйствительно приходилось переживать нелегкія минуты въ жизни, а сдерживать себя не всякій въ состояніи...

Мы заснули съ Романовымъ чуть не на разсвѣтѣ.

На другой день, часовъ въ 9, разбудилъ насъ Н. П. Колюбакинъ, пріѣхавшій тоже сопровождать княгиню. Послѣ полудня показалась, наконецъ, и она съ своей семьей и свитой верхами; у Бубуасъ-Хиди пересѣли они въ кареты, и мы всѣ тронулись въ путь. Вечеромъ были въ Орпири, куда привезли и весь багажъ. Дѣти устали отъ дороги; ихъ пришлось укладывать пораньше, бесѣда наша съ княгиней какъ-то не клеилась, не смотря на ея всегдашнюю любезность. Мы были подавлены, не исключая и ея, кутаисскимъ событіемъ; разговоръ, вертѣвшійся все на этой же темѣ, вскорѣ истощился, и, откланявшись княгинѣ, мы разошлись по своимъ помѣщеніямъ.

Наступило 25-е октября, день отъѣзда. На пристани Ріона стоялъ уже роскошный владѣтельскій каюкъ, привезенный когда-то изъ Константинополя, и съ нимъ рядомъ еще два каюка для вещей и людей княгини. Послѣ легкой закуски пришелъ моментъ разставанья. Началась трогательная сцена. Толпа мужчинъ и женщинъ, Чиковановыхъ, цѣловала руки и полы платья княгини. Всѣ рыдали. По своему оффиціальному положенію, мы съ Колюбакинымъ были свидѣтелями далеко неравнодушными. Столкновенія, вызванныя обстоятельствами, поколебали наши добрыя отношенія съ княгиней; но видѣть дѣйствительное ея горе мы не могли хладнокровно, какъ близкіе ей люди, и нашихъ чувствъ не могло заглушить оффиціальное положеніе.

Вотъ она подошла и къ намъ и безъ словъ бросилась къ Николаю Петровичу на грудь:—Простите, Николай Петровичъ... простите и будьте снисходительны къ разстроенной, несчастной женщинѣ... Въ эту минуту она была прекрасна. По закаленному, загорѣлому и немолодому лицу Колюбакина полились слезы...

Потомъ она подошла ко мнѣ и также горячо обняла меня и смочила слезами.

— Простите, простите... не поминайте лихомъ... Послѣдняя моя къ вамъ просьба: не обижайте Чиковановыхъ, я ихъ поручаю вамъ... они вамъ грубили, но мнѣ служили вѣрно... Не судите ихъ.

Когда она сидѣла въ каюкѣ, вдругъ что-то вспомнила и подозвала меня.

— Знаете, что я васъ попрошу? Въ Салхино у меня прекрасный огородъ, овощи самыя рѣдкія: возьмите этотъ пешкешъ (подарокъ) отъ меня на память. — Сахлтхуцесу она передала приказаніе погрузински.

— Это моя вамъ взятка за Чиковановыхъ,—присовокупила она, улыбаясь [1]).

Каюки тронулись. Долго мы стояли на берегу, отъѣзжавшіе махали намъ платками, пока не скрылись изъ нашихъ глазъ...

Прошло уже съ тѣхъ поръ двадцать восемь лѣтъ, большой періодъ времени, и когда главныхъ актеровъ розыгравшейся драмы осталось уже немного въ живыхъ, можно сказать безъ малѣйшаго колебанія, что 25-е октября 1857 года было днемъ чрезвычайно важнымъ и счастливымъ для Мингреліи. Отъѣздъ княгини былъ послѣднимъ звеномъ перелома, совершившагося въ этой странѣ: поддержать феодализмъ не только было нельзя, но даже и преступно; горсть людей, во главѣ которыхъ стояла княгиня, не хотѣла ни за что поступиться своимъ привиллегированнымъ положеніемъ, а она разстаться съ фиктивнымъ званіемъ царицы, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы все это розыгралось, если бы не монаршее вмѣшательство и не вызовъ ея подъ благовиднымъ предлогомъ въ Петербургъ. Сердечное участіе и милости къ ней государя заставили ее позабыть длинную полосу непріятностей и тревогъ; имущественныя дѣла ея были устроены и двадцать пять лѣтъ послѣ того проведены были ею спокойно и счастливо. Въ теченіе этого длиннаго періода, немало лѣтъ она прожила въ Петербургѣ и за границей и, наконецъ, вернувшись въ Мингрелію, какъ простая помѣщица, жила послѣдніе годы постоянно въ Зугдиди, гдѣ построила себѣ новый, изящной архитектуры домъ. Съ Григоріемъ вполнѣ примирилась, постоянно приглашала къ себѣ и скучала его отсутствіемъ. Бесѣда ихъ, исполненная юмора и комизма, вертѣлась, большею частію, на воспоминаніяхъ прошлаго, они отъ души смѣялись надъ своими прежними столкновеніями, дошедшими до высылки Григорія. Все вѣдь это было такъ давно и, какъ водится, изъ грустнаго обратилось въ веселое. Въ 1882 году, княгиня скончалась на 66 году, отъ болѣзни сердца, окруженная дѣтьми и внуками, и по-

---

[1]) Воспользоваться этою взяткою мнѣ не пришлось; время ли было помнить объ огородѣ, когда приходилось еще тушить пожаръ.

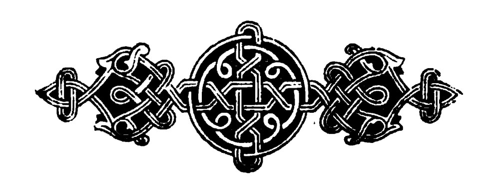
хоронена въ Мартвильскомъ монастырѣ, рядомъ съ своимъ мужемъ.

Но, забѣжавъ черезчуръ впередъ, возвратимся къ эпохѣ, служащей предметомъ нашихъ воспоминаній, и скажемъ въ заключеніе этой главы, что тогдашній отъѣздъ княгини изъ Мингреліи былъ началомъ постепенной ассимиляціи этой страны въ учрежденіяхъ и правахъ гражданскихъ съ коренною имперіею.

А какъ моментъ отъѣзда княгини совпадалъ съ кутаисскою катастрофою, имѣвшею чрезвычайно важныя послѣдствія для сосѣдняго Сванетскаго владѣнія, и пройдти ее молчаніемъ значило бы оставить крупный пробѣлъ въ своихъ воспоминаніяхъ, то описанію ея и будетъ посвящена слѣдующая глава.

К. Бороздинъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).



ПЕРЕПОЛОХЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ[1]).

XXI.

Въ ТЕЧЕНІЕ великаго поста принялась дѣйствовать коммиссія о «безбрачныхъ». Василій Ивановичъ Демидовъ, принявъ благословеніе отца Ѳедора Яковлевича Дубянскаго, тоже вошедшаго въ составъ этой коммиссіи, считавшейся «секретною», открылъ ея засѣданіе.

Въ законодательномъ и вообще въ дѣловомъ нашемъ языкѣ каждая пора имѣла свои особыя, весьма употребительныя выраженія. Грозный, а порою и величавый языкъ московскихъ приказовъ, смѣшавшійся въ исходѣ XVII столѣтія съ достаточнымъ количествомъ полонизмовъ, сталъ отличаться со временъ Петра I сильною примѣсью иностранныхъ словъ, преимущественно латино-нѣмецкихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали входить и новыя чисто-русскія слова, но только съ такимъ ихъ примѣненіемъ, какого они не имѣли прежде и какое утратили впослѣдствіи, такъ что теперь они, взятыя въ употреблявшемся прежде смыслѣ, кажутся намъ странными и забавными. Такую участь въ особенности испытали тѣ слова, которыя служили для означенія отвлеченныхъ юридическихъ и нравственныхъ понятій. Прежде московско-приказное слово «воровство», означавшее рѣшительно всѣ роды преступленій, стало замѣняться со времени Петра I выраженіями «неистовство», «продерзости», а иногда и «пакости». Образъ же дѣйствій, въ которомъ обнаруживались такіе поступки, стали называть «произвожденіемъ» или

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 288.

«упражненіемъ». Поэтому намъ не должны казаться странными тѣ выраженія, какія встрѣчаются въ дѣлахъ коммиссіи, состоявшей подъ предсѣдательствомъ Василія Ивановича Демидова, и которыя теперь совершенно устарѣли.

Изложивъ коммиссіи цѣль возложенной на нее задачи, Демидовъ со слезами на глазахъ упомянулъ о заботахъ императрицы относительно добрыхъ нравовъ ея подданныхъ; онъ не забылъ, между прочимъ, и указовъ относительно одежды, карточной игры и ѣзды на опредѣленномъ числѣ лошадей соотвѣтственно рангамъ. При этомъ Демидовъ высказалъ, что въ разсужденіи нравственныхъ «произвожденій» и «упражненій» не должно полагать никакихъ различій между знатными и незнатными персонами; что всѣ одинаково должны жить въ страхѣ Божіемъ и памятовать о смертномъ часѣ и о той порѣ, когда они должны будутъ предстать на страшномъ судѣ Господнемъ и дать отвѣтъ за свои «упражненія» въ земной жизни. Далѣе онъ упомянулъ, что развращенность нравовъ персонъ какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, и притомъ не только среди «подлаго» народа, но и среди знатныхъ персонъ, дошла до крайнихъ предѣловъ. — Всемилостивѣйшей государынѣ, — сказалъ Демидовъ, намекая на похожденія Понятовскаго: — извѣстны столь звѣрскія неистовства, что сердце ея переполнено самыхъ горестныхъ чувствій; и что ея величество изволила поручить ему, Демидову, заняться этимъ дѣломъ, которое онъ и потщится исполнить, по своей рабской должности, безъ всякой пощады, не обинуясь никѣмъ, кто бы то ни былъ, и приглашалъ членовъ коммиссіи дѣйствовать съ такою же прямотою.

Среди членовъ коммиссіи, послѣ рѣчи ея президента, послышался одобрительный говоръ, а отецъ Ѳедоръ привелъ всѣхъ членовъ къ присягѣ, составленной президентомъ примѣнительно къ предстоявшимъ имъ обязанностямъ, возложеннымъ на коммиссію довѣріемъ государыни, а Демидовъ отобралъ, по существовавшему тогда порядку, отъ своихъ коллегъ черезчуръ грозную подписку въ томъ, что они не будутъ разглашать тайны совѣщаній и сдѣланныхъ коммиссіею постановленій подъ опасеніемъ лишенія живота и чести.

— Прежде чѣмъ мы приступимъ къ разсмотрѣнію подлежащихъ нашему вѣдѣнію дѣлъ, я считаю нужнымъ, — сказалъ Демидовъ, обращаясь къ засѣдавшимъ членамъ коммиссіи: — ознакомить ваши превосходительства, ваши высокопреподобія, ваши высокородія, и ваши высокоблагородія съ существующими у насъ на сей предметъ законами.

Говоря это, Демидовъ взялъ со стола навитый на небольшой деревянный валекъ бумажный свертокъ, такъ называвшійся столбецъ — склеенные впродоль листы бумаги, исписанные стариннымъ почеркомъ, такъ называвшимся полууставомъ.

— Сія бумага есть указная грамота святѣйшаго Адріана, архіепископа московскаго и всея Руссіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарха, а въ грамотѣ сей значится слѣдующее:

«Которая вдова или дѣвка приживетъ съ кѣмъ беззаконно и родитъ ребенка, и тое родильницу молитвою очистивъ, взять поручную запись, пока обможется, чтобъ не ушла, а какъ обможется, взять на Десятильнинъ дворъ и допросить, и бить шелепами обольстителя нещадно и послать его въ монастырь на мѣсяцъ, а быть ему въ монастырѣ въ трудахъ, быть при утрени, обѣдни и вечерни, и каждый день по сту поклоновъ творить. Съ родильницей поступить также черезъ сорокъ дней послѣ родовъ».

Во время чтенія этого указа присутствовавшій въ коммиссіи архимандритъ Іона съ важнымъ видомъ поддакивалъ головою, а отецъ Ѳедоръ только лукаво улыбался.

— Чаю я, — заговорилъ Іона по окончаніи чтенія: — что сіе мудрое учрежденіе святѣйшаго патріарха и къ подлежащимъ намъ дѣламъ примѣнить надлежало бы. Указъ святѣйшаго патріарха по церковнымъ дѣламъ имѣетъ силу государева указа, и доколѣ таковой указъ не отмѣненъ, онъ долженъ сохранять свое непреложное дѣйствіе. Шелепа — орудіе куда какъ полезное: костей они не ломаютъ, язвъ кровяныхъ на тѣлѣ не налагаютъ—это просто пустяки—холщевой длинный мѣшокъ, набитый увлаженнымъ пескомъ. А межъ тѣмъ, отъ ударенія имъ бываетъ куда какъ больно. Слѣдуетъ считать, что онъ поражаетъ чувствительнѣе, чѣмъ плети и батоги. У насъ, въ монастыряхъ, такимъ истязаніемъ даже самыхъ отъявленныхъ негодниковъ укрощаютъ и исправляютъ и тѣмъ чистоту нравственную созидаютъ и утверждаютъ. Притомъ, — продолжалъ архимандритъ: — хорошо еще и то, что въ указѣ святѣйшаго патріарха равное наказаніе для особъ всѣхъ ранговъ полагается, никакихъ преимуществъ знатнымъ персонамъ не дается. Истязай только равномѣрно шелепами и тѣхъ, и другихъ и смотри только, чтобы равную влажность они имѣли.

— Вотъ это-то, что никакихъ изъятій при истязаніяхъ не полагается, какъ я мню, весьма худо, — возразило одно изъ превосходительствъ, засѣдавшихъ въ коммиссіи. — Въ прежнее время, когда въ нравахъ нашихъ господствовала праотеческая простота, такое уравненіе могло быть допускаемо, а нынѣ знатныхъ персонъ, особливо изъ женскаго пола, бить шелепами непристойно, потому главнѣйшимъ образомъ, на всероссійскомъ престолѣ возсѣдаетъ высочайшая персона женскаго пола, и при битіи шелепами знатныхъ персонъ женскаго пола сему нѣжному полу учинялось бы поголовное безчестіе, а сіе едва ли пристойно будетъ въ глазахъ всей россійской націи и всего свѣта.

На такое возраженіе архимандритъ Іона только пробурчалъ себѣ что-то подъ носъ. Противорѣчить такому возраженію, гдѣ его

превосходительство съумѣлъ затронуть, хотя и очень нескладно, высочайшую особу, было весьма неловко. Но по выраженію лица строгаго монаха можно было заключить, что онъ и хотѣлъ-то именно при помощи патріаршаго указа добраться до знатныхъ персонъ.

— Патріаршіе указы не имѣютъ нынѣ никакой силы. Патріаршій престолъ нынѣ упраздненъ, будучи замѣненъ святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ, и верховнымъ судіею этого освященнаго собора есть, по выраженію «Духовнаго Регламента», царствующіе государи, или въ настоящее время наша благочестивѣйшая государыня, вседержавнѣйшая императрица Елисевета Петровна, отъ воли коей зависитъ признавать или не признавать указы, изданные въ прежнюю пору патріархами всероссійскими, и о семъ надлежитъ представить ея величеству нашъ всеподданнѣйшій докладъ,— объяснилъ вполнѣ основательно отецъ Дубянскій.

— Сіе замѣчаніе его высокопреподобія вполнѣ вѣрно, — отозвался Демидовъ, къ мнѣнію котораго присоединились и остальные члены коммиссіи.

Предсѣдатель взялъ печатную въ большой листъ и переплетенную въ желтую кожу книгу и, развернувъ «Воинскій Регламентъ Петра Великаго», принялся читать громкимъ голосомъ, съ вразумительною разстановкою слѣдующій «артикулъ»:

«Ежели холостой человѣкъ пребудетъ съ дѣвкою, и она отъ него родитъ, то оный для содержанія матери и младенца по состоянію и платы имѣетъ нѣчто дать и, сверхъ того, тюремнымъ наказаніемъ и церковнымъ покаяніемъ наказанъ быть имѣетъ, развѣ что потомъ на ней женится и возьметъ ее за сущую жену, и въ такомъ случаѣ ихъ не штрафовать».

— Ну, послѣднее-то, чего добраго, и получше иной разъ будетъ, — самодовольно крякнулъ отецъ Іона.—Пожалуй, что такой невольный женихъ предпочелъ бы шелепа такому браку. Оттерпѣлся единожды, да и дѣлу конецъ, а то по «Регламенту» выходитъ: женись на той, на которой изначально не имѣлъ никакой охоты жениться. По мнѣ, какъ хотите, такъ и опредѣляйте, что надлежитъ дѣлать съ блудниками и съ блудницами, а я, всетаки, скажу, что духовный судъ будетъ правильнѣе, ибо бракъ и по церковному уставу долженъ совершаться по обоюдному согласію жениха и невѣсты, а не подневольно, и патріаршій указъ правильно поучаетъ, не предписывая никому принудительныхъ браковъ. По указу этому наказали монастырскимъ заключеніемъ и земными поклонами, а тамъ и живи, какъ хочешь; хочешь — женись, хочешь — нѣтъ.

На такіе доводы отца-архимандрита члены коммиссіи не обратили, однако, вниманія.

— Ваши превосходительства, — началъ опять президентъ, пересчитывая въ послѣдовательномъ порядкѣ титулы засѣдавшихъ особъ: — къ прочитанному мною артикулу «Воинскаго Регламента»

присовокуплено и такое еще толкованіе онаго: «ежели кто съ дѣвицею пребудетъ и очреватитъ ее подъ уговоромъ, что на ней женится, то онъ сіе содержать и на чреватой жениться весьма обязанъ». Значитъ, что и такіе случаи могутъ представиться, что для обольстителя бракъ долженъ быть непреложно обязателенъ.

Послѣ непродолжительныхъ преній коммиссія, за исключеніемъ отца Іоны, постановила по ея дѣламъ руководствоваться подходящимъ артикуломъ «Воинскаго Регламента», т. е., не подвергая наказаніямъ, предписаннымъ въ патріаршемъ указѣ, въ иныхъ случаяхъ принудительно вѣнчать прегрѣшившаго.

— Такъ, братецъ, въ журналѣ и запиши, — приказалъ Демидовъ сидѣвшему за особымъ столикомъ секретарю.

— А какъ поступать въ случаѣ нарушенія брачной вѣрности супругами? О семъ мы никакихъ указаній не сдѣлаемъ? — спросилъ одинъ изъ членовъ, почтенный старикъ, женившійся недавно на молодой дѣвушкѣ и потому на всякій случай желавшій обезпечить ея супружескую вѣрность законнымъ порядкомъ.

— Ну, такихъ супруговъ слѣдуетъ предавать суду духовному. Судъ сей будетъ заключать ихъ въ монастырь на покаяніе, а тамъ будутъ исправлять ихъ и шелепами, и земными поклонами. Таковой способъ исправленія къ мірскимъ властямъ не относится,— сказалъ Демидовъ.—Намъ надлежитъ только забирать подъ стражу производящихъ такія неистовства.

— Справедливо, весьма справедливо, — поддакнулъ Іона, и на этотъ разъ съ нимъ согласились всѣ члены коммиссіи.

По приказанію президента и это постановленіе коммиссіи было записано секретаремъ въ журналѣ.

— Теперь, — началъ снова Демидовъ, перечисливъ въ прежнемъ порядкѣ всѣ титулы присутствующихъ: — теперь предстоитъ намъ разрѣшить вопросъ о томъ, коими способами привлекать мы будемъ къ отвѣту виновныхъ въ незаконныхъ любовныхъ «упражненіяхъ». Коммиссія наша есть коммиссія секретная, оглашать о ней мы по волѣ благочестивѣйшей государыни нашей не можемъ, такъ что намъ нельзя опросить различныя начальства, кто изъ подчиненныхъ имъ лицъ ведетъ жизнь зазорную, тѣмъ менѣе еще сіе примѣнено быть можетъ къ лицамъ женскаго пола, кои ни подъ какимъ непосредственнымъ начальствомъ не состоятъ и, вдобавокъ къ тому, имѣютъ еще знатные ранги.

— А на что же есть сыщики? — съ живостію замѣтилъ одинъ изъ членовъ: — пусть они розыскиваютъ и развѣдываютъ тайкомъ, а потомъ доносятъ намъ. Мы же будемъ безъ всякой огласки привлекать оговоренныхъ къ надлежащимъ объясненіямъ, не взирая, согласно повелѣнію ея величества, на ихъ рангъ и полъ.

— Мы можемъ принимать жалобы супруговъ, а также и доносы, кои поступать могутъ къ намъ отъ мужей или женъ, или

отъ кого бы то ни было, хотя бы и отъ лицъ, скрывшихъ свое имя и званіе. Мы по такимъ доносамъ будемъ удостовѣряться въ справедливости или несправедливости ихъ и таковымъ образомъ упрочимъ благополучіе государства россійскаго на радость ея императорскаго величества, — подалъ голосъ одинъ изъ членовъ.

— Коль скоро таковыя жалобы и доносы будутъ поступать къ намъ, то таить существованіе нашей коммиссіи будетъ излишне, ибо черезъ сіе окажется, что тѣмъ, которые станутъ жаловаться или доносить намъ, уже извѣстно объ учрежденіи нынѣ дѣйствующей коммиссіи, почитаемой секретной, — замѣтилъ отецъ Ѳедоръ Яковлевичъ.

Оба эти мнѣнія были приняты единогласно коммиссіею и записаны секретаремъ въ журналъ установленнымъ порядкомъ, а затѣмъ по докладу президента были одобрены государынею.

XXII.

Немало въ теченіе прошлаго столѣтія совершилось въ Петербургѣ государственныхъ переворотовъ, и немало случилось здѣсь разнаго рода общественныхъ переполоховъ. Тогдашніе перевороты были политическаго свойства и имѣли важное государственное значеніе. Неожиданностію своею они приводили въ изумленіе обитателей новой русской столицы. Петербургскіе жители въ недоумѣніи спрашивали другъ друга: «да какъ же это случилось, и что будетъ теперь»? Такъ толковали, впрочемъ, лишь люди любопытные или болтливые. Большинство же людей осторожныхъ, при которыхъ происходили такіе разговоры и толки, очень благоразумно отдѣлывались молчаніемъ, опасаясь попасть въ застѣнокъ, гдѣ шутить не любили и гдѣ обыкновенно страшными пытками доводили легкомысленныхъ болтуновъ и болтуней до оговора не только постороннихъ лицъ, но даже и самихъ себя.

При такихъ переворотахъ всего болѣе испытывали страху «знатныя персоны обоего пола», такъ какъ перемѣны въ государственномъ управленіи касались ихъ самымъ ближайшимъ образомъ. Имъ становилось страшно при мысли, что вслѣдствіе неожиданнаго переворота не только явятся при дворѣ новые временщики и любимцы, которые уничтожатъ ихъ видное положеніе, но еще, чего добраго, заберутъ ихъ имѣнія, а самихъ препроводятъ въ отдаленную ссылку. Паденіе регента, герцога курляндскаго, а затѣмъ паденіе правительницы Анны Леопольдовны и воцареніе императрицы Елисаветы Петровны, наглядно показывали, какими бѣдственными для многихъ сильныхъ вельможъ послѣдствіями могутъ сопровождаться перевороты подобнаго рода.

Но и помимо такихъ слишкомъ важныхъ переворотовъ, немало

страху нагоняли на жителей Петербурга и неоднократные переполохи, когда тоже не только знатныя персоны, но и люди простаго званія начинали трусить, что, пожалуй, такъ или иначе, или по дѣйствительной прикосновенности, или только по злобному, а порою и неумѣстному оговору, доберутся и до нихъ. Подобный переполохъ испытали, напримѣръ, въ Петербургѣ въ ту пору, когда начались безпощадные розыски по дѣлу царевича Алексѣя Петровича. Немало тогда забирали въ тайную канцелярію лицъ всякаго званія. Нѣкоторыя изъ нихъ вовсе не вышли оттуда на свободу, а иные хоть и вышли, но остались искалѣченными на всю жизнь. Нерѣдко производили болѣе или менѣе сильные переполохи: то появленіе подметныхъ писемъ, то молва о какомъ нибудь заговорѣ, большею частью, мнимомъ. Тогда хватали, кого попало, принимаясь прежде всего за такъ называвшихся «намѣченныхъ» людей, т. е. за такихъ, которые были уже почему нибудь въ подозрѣніи тайной канцеляріи или полиціи, такъ что вообще въ ту пору жилось въ Петербургѣ не очень спокойно, и часто никто не могъ быть увѣренъ, что онъ, ложась спать въ своемъ жильѣ, не будетъ ночью внезапно захваченъ и отвезенъ туда, гдѣ онъ никогда не желалъ бы, да вовсе и не думалъ очутиться.

Всѣ перевороты, о которыхъ идетъ у насъ рѣчь, прямо входятъ въ исторію, а переполохи съ политическимъ оттѣнкомъ болѣе или менѣе соприкасаются съ нею; но тотъ переполохъ, о которомъ мы намѣрены разсказать, совершенно чуждъ какого либо политическаго значенія. Онъ не связанъ ни съ какими заговорами, ни съ малѣйшимъ злоумышленіемъ противъ предержащей власти, ни съ дерзновеннымъ ея порицаніемъ, но относится только къ любовнымъ похожденіямъ лицъ обоего пола, какъ знатныхъ, такъ и незнатныхъ, и представляетъ немало забавныхъ сторонъ. Нельзя, впрочемъ, не оговориться, что, не смотря на такое его значеніе, онъ сопровождался грустными и прискорбными послѣдствіями по любовной части для тѣхъ, кого онъ коснулся, хотя все дѣло обошлось безъ пытокъ и казней, и въ нѣкоторыхъ частностяхъ развязка его была подобна развязкѣ современныхъ намъ комедій или оперетокъ, такъ какъ она завершилась нѣсколькими неожиданными браками.

XXIII.

— Господь знаетъ, что нынѣ дѣлается въ Питерѣ, — покачивая головою и причмокивая губами, говорила своей товаркѣ старая торговка яблоками, болѣе двадцати лѣтъ постоянно продававшая ихъ на Петербургской сторонѣ, на Сытномъ рынкѣ: — никогда того еще не бывало, чтобы полицейскіе десятскіе хватали ни въ чемъ неповинныхъ молодыхъ бабъ и дѣвокъ и тащили ихъ въ полицію,

Правда, частенько и прежде забирали всякихъ людей въ тайную канцелярію, но тамъ совсѣмъ иная статья. Туда таскаютъ по важнымъ дѣламъ, а вотъ теперь за что-то крѣпко обозлились на все бабье племя. Мужчинъ-то, кажись, вовсе не трогаютъ.

Женщина, съ которою разговаривала торговка, только удивленно покачивала головою, а потомъ, подманивъ свою знакомку въ сторону, заговорила ей шепотомъ:

— Знать-то я знаю, да боюсь сказать тебѣ—чего добраго, разболтаешь и меня въ бѣду введешь; вѣдь ты, голубушка Марья Сергѣевна, на языкъ-то куда какая скорая.

— Небойсь, вотъ-те Христосъ, никому ничего не скажу—развѣ я сама себѣ злодѣйка, развѣ я погибели своей пожелаю?—загорячилась баба.

— А нешто не слышала ты,—принялась шептать торговка:—что царица тайкомъ ото всѣхъ вышла замужъ за того поляка, что̀ у ней въ такой милости живетъ, и что̀ прежде былъ придворнымъ пѣвчимъ.

— Слышала, мать моя, слышала, какъ не слышать. По всему городу о томъ только и говорятъ,—лгала Марья Сергѣевна. Хотя она въ первый разъ только теперь услыхала объ этой выдумкѣ, быстро распространившейся въ народѣ, но не желала показать, что она отстала отъ своей товарки по части городскихъ слуховъ и сплетенъ.

— Такъ вотъ,—продолжала словоохотливая торговка:—царица теперь и требуетъ, чтобы мужчины и женщины всѣ жили похристіански, а не беззаконно. Понимаешь?

— Какъ не понимать. То-то прежде такой строгости и въ заводѣ не было,—подхватила Марья Сергѣевна.

— А теперь пошли расправляться, да еще какъ! Никому спуску нѣтъ. Намедни, примѣромъ сказать, вотъ что случилось: недалеко отъ меня живетъ какая-то вдова—офицерша. Ну, разумѣется, у нея дружекъ водится. Такъ, знаешь, ночью къ ней подкралась тишкомъ полиція да и захватила ихъ вдвоемъ. Молодчика-то отправили, не говоря ни слова, въ военную команду, а ее отвезли въ Калинкину деревню, на прядильный дворъ, да тамъ и засадили подъ самый, что ни на есть, крѣпкій караулъ, желѣза ей на руки и на ноги надѣли.

— Поди-ка ты, что творится, матерь Пресвятая Богородица! Ужъ будто она и заправская офицерша?

— Какъ есть офицерша, всѣ въ околодкѣ хорошо ее знаютъ, да и мужа ея покойнаго помнятъ. Да и что теперь простая офицерша, коли и до полковницъ и до генеральшей добираются. Чуть что нехорошее о какой провѣдаютъ—сейчасъ же въ какую-то коммиссію къ допросу и тащатъ. Не то еще, говорятъ, будетъ: сказываютъ, что главной заводчицѣ такихъ пакостей вотъ здѣсь,

на Сытной площади, въ примѣръ другимъ, вскорѣ голову отрубятъ, что завзятыхъ блудницъ кнутомъ бить станутъ въ разныхъ мѣстахъ города и потомъ ссылать въ Сибирь или въ монастыри, смотря по ихъ винѣ. Вотъ до чего люди теперь дожили. Смотрика! Смотрика-ка! — вдругъ вскрикнула торговка, показывая пальцемъ на конецъ рыночной площади.

На площади въ это время показался небольшой взводъ мушкетеровъ съ ружьями на плечѣ. Ими начальствовалъ полицейскій офицеръ, сопровождаемый нѣсколькими полицейскими десятниками.

— Вишь вѣдь что дѣлается! Видно опять идутъ забирать какую нибудь потаскушку, — загалдѣли въ толпѣ.

Болѣе любопытные бросились къ командѣ, желая слѣдовать за нею, чтобы посмотрѣть, куда она пойдетъ и что будетъ дѣлать, но грозный окрикъ полицейскаго офицера заставилъ всѣхъ быстро отхлынуть и разбѣжаться во всѣ стороны, особенно въ виду того, что десятскіе подняли вверхъ бывшія у нихъ въ рукахъ толстыя палки, которыми въ ту пору разгоняли и отгоняли всѣхъ простыхъ людей собиравшихся толпою на улицахъ или стоявшихъ на дорогѣ.

Въ разбѣжавшихся, а потомъ столпившихся снова кучкахъ рыночнаго люда шли теперь толки о небывавшихъ еще никогда строгостяхъ, и, спустя какихъ нибудь полчаса, на площади объяснялась причина строгости тѣмъ же самымъ вымышленнымъ обстоятельствомъ, которымъ объясняла ее старая торговка своей знакомкѣ.

Въ Петербургѣ начался большой переполохъ. Коммиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ Демидова, принялась дѣйствовать, опираясь на полномочіе, данное государыней, черезчуръ уже круто, рѣшительно и безоглядочно. Сперва, вслѣдствіе принимаемыхъ ею мѣръ распространился по Петербургу только страхъ, перешедшій вскорѣ въ ужасъ. Сначала робѣли только простыя женщины и дѣвки, съ которыми и прежде не слишкомъ стѣснялись полицейскія власти, но постепенно робость, а потомъ и страхъ стали восходить все выше и выше, и вскорѣ всюду заговорили, что какая-то никому неизвѣстная коммиссія забираетъ даже и барынь. Далѣе пошли толки о томъ, что она «вынимаетъ» изъ домовъ женъ отъ мужей, и притомъ даже отъ мужей чиновныхъ, а наконецъ, принялись толковать и о томъ, что коммиссія добралась уже и до знатныхъ персонъ женскаго пола, заподозрѣнныхъ въ любовныхъ «упражненіяхъ» на сторонѣ, тайкомъ отъ мужей.

Внезапный захватъ, безъ всякихъ объясненій, подозрѣваемыхъ и вообще людей «намѣченныхъ» не былъ въ ту пору рѣдкостію для петербургскихъ жителей, такъ какъ графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, начальникъ тайной канцеляріи, работалъ чрезвычайно усердно и затаскивалъ въ свое страшное логовище не только по дѣламъ политическимъ, но и по такимъ, которыя, такъ

или иначе, затрогивали выгоды казны или,—что̀ бывало очень нерѣдко,—только личныя выгоды самого графа по разнымъ подрядамъ и поставкамъ, взятымъ имъ на себя. Но въ тайную канцелярію по всѣмъ этимъ дѣламъ забирали почти исключительно мужчинъ, тогда какъ теперь стали хватать куда-то только женщинъ.

Коммиссія подъ предсѣдательствомъ Демидова дѣйствовала такъ сурово, что Даниловъ называетъ ее въ своихъ «Запискахъ» «инквизиціею». Самъ онъ, приволокнувшійся нѣкогда за Шарлоттою и хотя не дошедшій въ обхожденіи съ нею до важныхъ «произвожденій», сильно струсилъ и, по словамъ его, успокоился только тогда, когда «оная грозная туча коммиссіи прошла и его миновала».

Наконецъ, въ Петербургѣ добрались, гдѣ существуетъ эта коммиссія, и тогда начали поступать къ ней жалобы, заявленія и доносы. Ни одна женщина и даже ни одна непорочная дѣвушка не могла быть увѣрена, что ее не возьмутъ въ коммиссію для допроса.

— Главнымъ гнѣздилищемъ разврата въ здѣшней столицѣ,—заговорилъ однажды въ коммиссіи ея президентъ:—должно считаться увеселительное заведеніе нѣкоей иноземки Амаліи Максимовой Лихтеръ, родомъ изъ Дрездена, а по сему и именуемой въ просторѣчіи «Дрезденшей». До нея, ваши превосходительства, и такъ далѣе,—говорилъ Демидовъ, пересчитывая, какъ всегда, титулы присутствующихъ:—и слѣдуетъ намъ всенепремѣнно добраться. Нужно раззорить ея зловредное гнѣздо и забрать не только обитающихъ у нея красавицъ, но и посѣщающихъ ея домъ лицъ женскаго пола. Съ прискорбіемъ, однако, долженствую я заявить досточтимой коммиссіи, что посѣщеніямъ Дрезденши причастны и нѣкоторыя знатныя персоны обоего пола, но, конечно, мы, по рабской должности нашей, не можемъ передъ симъ останавливаться и должны въ полной точности исполнить монаршую волю. Посему я и полагаю взять подъ караулъ означенную Дрезденшу и подъ угрозою допроса ея «съ пристрастіемъ» освѣдомиться отъ нея, кто именно упражнялся и упражняется въ ея домѣ.

Коммиссія единогласно одобрила это предложеніе.

— Еще долженъ я доложить вамъ,—заговорилъ снова Демидовъ:—есть у меня старый знакомецъ и нѣкогда сослуживецъ мой по коммерцъ-коллегіи, ассессоръ оной коллегіи Лодыгинъ. Мои пріятственныя съ нимъ отношенія и побуждаютъ меня наиглавнѣйшимъ образомъ поступить съ нимъ безъ всякаго лицепріятства. Поступила на него къ намъ жалоба, что онъ обѣщаніемъ жениться склонилъ къ любви одну непорочную и потомъ очреватѣвшую дѣвушку, а затѣмъ, когда оная дѣвушка потребовала отъ господина ассессора Лодыгина исполненія даннаго имъ ей обѣщанія жениться на ней, то поименованный ассессоръ отъ сего уклонился, почему я и мню, на основаніи извѣстнаго уже вамъ артикула «Воинскаго Регламента»,

а также и на основаніи приведеннаго къ сему артикулу «Толкованія», его, ассессора Лодыгина, съ очреватѣвшей отъ него дѣвицей торжественно обвѣнчать, показавъ симъ всему свѣту недремлющую силу закона.

Мнѣніе о повѣнчаніи Лодыгина съ очреватѣвшей отъ него дѣвушкой было единогласно принято коммиссіею.

Въ слѣдующемъ засѣданіи коммиссія занялась Дрезденшей, приведенной подъ сильнымъ военнымъ карауломъ въ засѣданіе коммиссіи. Президентъ ея, для большей внушительности и на страхъ грѣшницамъ, приказалъ забирать ихъ въ коммиссію съ особой обстановкой, такъ какъ для исполненія распоряженій коммиссіи посылалась вооруженная команда, которая окружала арестованную, какъ важную преступницу. Такимъ порядкомъ приведена была, среди бѣлаго дня, и Дрезденша, захваченная врасплохъ въ то время, когда она, пышно разодѣтая, вышла на улицу, собираясь ѣхать въ гости. Прогулка разряженной дамы по улицамъ подъ военнымъ конвоемъ возбудила сильный говоръ, и, судя по богатому наряду дамы, встрѣчные люди принимали Амалію Максимовну за знатную персону.

Другой случай произвелъ также сильное впечатлѣніе на жителей, и въ особенности на жительницъ Петербурга. Слишкомъ близкая пріятельница одного изъ нелюбимыхъ въ гвардіи полковниковъ, Воейкова, молодая вдовушка изъ благородныхъ дамъ, ѣхала въ его каретѣ. Нѣсколько гвардейскихъ офицеровъ, собравшихся у одного изъ своихъ товарищей, сидѣли у открытаго окна, когда мимо ихъ проѣзжала карета полковника, и они подъ благовиднымъ предлогомъ вздумали сдѣлать непріятность полковнику. Узнавъ, кто ѣдетъ въ полковничьей каретѣ, офицеры стали кричать изъ окна той квартиры, гдѣ они были въ сборѣ, чтобы карета остановилась. Кучеръ не слушался ихъ приказаній и шибко погналъ лошадей. Тогда пріѣхавшій въ гости къ офицерамъ верхомъ одинъ лейбъ-кампанецъ выбѣжалъ поспѣшно изъ комнаты, вскочилъ на стоявшую во дворѣ свою лошадь и помчался вслѣдъ за каретой, нагналъ ее и остановилъ карету, а подбѣжавшіе въ это время офицеры ссадили съ козелъ кучера, одинъ изъ офицеровъ замѣнилъ его собою, другой влѣзъ въ карету, двое другихъ стали на запятки и такимъ образомъ отвезли эту даму въ полицію, обвиняя ее въ незаконномъ сожительствѣ съ полковникомъ.

Что касается Дрезденши, то, по приводѣ ея въ коммиссію и послѣ обычныхъ въ то время общихъ при производствѣ дознаній и слѣдствій вопросовъ, президентъ коммиссіи принялся допрашивать Амалію Максимовну, кто посѣщалъ ее. Сначала Дрезденша стала отговариваться тѣмъ, что она не знала вовсе фамилій тѣхъ, кто бывалъ у нея. Но Демидовъ строгимъ и внушительнымъ голосомъ потребовалъ, чтобы она сказала сущую правду, объявивъ,

что коммиссія и безъ ея указаній доберется сама до тѣхъ, кто ей нуженъ, и что, сверхъ того, упорство со стороны допрашиваемой не только совершенно безполезно для сокрытія истины, но что оно усугубитъ ея наказаніе.

Тогда испуганная Дрезденша назвала нѣсколько пришедшихъ ей вдругъ на память знатныхъ особъ, пріѣзжавшихъ къ ней «выбирать себѣ другихъ мужей по нраву».

Демидовъ не удовольствовался такими показаніями Дрезденши, указавшей на нѣсколькихъ дамъ, принадлежавшихъ къ самому знатному петербургскому обществу.

— Ты намъ не на всѣхъ указала. Многихъ ты скрыла, говори безъ всякой утайки, а то я сейчасъ же прикажу допросить тебя съ пристрастіемъ,—крикнулъ президентъ, сильно затопавъ ногами.

Дрезденша растерялась въ конецъ и начала называть даже тѣхъ знатныхъ особъ, которыхъ она знала только по слуху. При названіи нѣкоторыхъ изъ нихъ среди членовъ коммиссіи слышались то возгласы удивленія, то сдержанный смѣхъ, потому что Дрезденша съ испуга и по незнанію ею въ лицо оговариваемыхъ ею стала называть въ числѣ посѣтительницъ ея дома и такихъ почтенныхъ старушекъ, которыя безъ посторонней помощи не могли даже приподняться съ креселъ.

— Вотъ онѣ каковы наши-то знатныя персоны!—не безъ злорадственнаго торжества говорилъ Демидовъ, ненавидѣвшій, какъ поповичъ, все то, что̀ отзывалось родовитою знатностью.—Вотъ онѣ каковскія! Да я, впрочемъ, расправлюсь и съ ними. Будутъ онѣ меня помнить!—грозилъ суровый президентъ.

Коммиссія постановила: составить списокъ лицъ, названныхъ Амаліею Максимовой, дочерью Лихтеръ, и поднести оный списокъ на высочайшее воззрѣніе всемилостивѣйшей государыни, поелику въ спискѣ семъ встрѣчаются нѣкоторыя персоны столь высокаго ранга, что коммиссія сама по себѣ не дерзаетъ что либо предпринимать противъ нихъ, хотя онѣ и подлежатъ всей строгости законовъ.

Далѣе коммиссія постановила: содержать иноземку Лихтершу подъ строгимъ карауломъ въ Калинкиной деревнѣ впредь до окончанія производившагося о ней въ коммиссіи дѣла, а проживающихъ у Дрезденши замужнихъ и незамужнихъ, а также и вдовъ, забравъ изъ ея дома, отправить въ работы, тоже въ Калинкину деревню, на прядильный дворъ.

«Коммиссія,—пишетъ по поводу этого Даниловъ,—не была еще тѣмъ довольна, что раззорила такое увеселеніе и постригла безъ ножницъ многихъ красавицъ. Обыскала она и тѣхъ красавицъ, кои издалека выписаны были и жили въ великолѣпныхъ хоромахъ изобильно, и которымъ жертвоприношеніе было отовсюду богатое. Повынимала она изъ домовъ съ великою строгостію сей не-

явленный, заповѣдный и лестной товаръ посредствомъ полицейскихъ офицеровъ, забирала также женъ отъ мужей, по оговору Дрезденши, которыя къ ней въ домъ ѣзжали, чтобъ себѣ другихъ мужей выбирать».

Заботливая о женской нравственности коммиссія распорядилась учредить на прядильномъ дворѣ сильный военный караулъ подъ надзоромъ офицеровъ, но всѣ благіе разсчеты коммиссіи въ этомъ случаѣ разрушились. Караульные офицеры, вмѣсто строгаго исполненія обязанностей, возложенныхъ на нихъ «Воинскимъ Регламентомъ», принялись сами приволакиваться за узницами, ввѣренными имъ надзору. «Упражненія» эти были раскрыты ревностнымъ къ своему долгу Демидовымъ, и,—замѣчаетъ Даниловъ,—«многіе офицеры подвергли себя несчастію», такъ какъ къ нимъ были во всей строгости примѣнены артикулы «Воинскаго Регламента», относящіеся къ гарнизонной службѣ.

XXIV.

На Вознесенской перспективѣ, наискось такъ внезапно опустѣвшаго дома, гдѣ жила Амалія Максимовна и гдѣ задавала она веселыя вечеринки, стоялъ небольшой одно-этажный деревянный домъ неуклюжей постройки, съ крытымъ крыльцомъ, выходившимъ въ палисадникъ, расположенный вдоль улицы. На крыльцѣ этого домика очень часто можно было видѣть въ лѣтнюю пору и днемъ, и вечеромъ, мужчину среднихъ лѣтъ, обращавшаго на себя вниманіе своею величавою наружностью. Его высокій лобъ, съ густыми приподнятыми вверхъ волосами, въ которыхъ просвѣчивала уже просѣдь, гордое выраженіе его лица и проницательный смѣлый взглядъ внушали каждому мысль, что человѣкъ этотъ далеко выходилъ впередъ изъ числа людей заурядныхъ. Проходившіе днемъ мимо этого скромнаго дома очень часто могли видѣть, какъ сановитый его хозяинъ, сидя на крыльцѣ за простымъ некрашеннымъ, деревяннымъ столомъ, занимался письменной работой, которою онъ увлекался до того, что не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на людей и на собиравшихся мальчишекъ, которые останавливались передъ заборомъ палисадника, чтобы посмотрѣть на писавшаго господина. Посмотрѣть же на него стоило. Въ жаркое время онъ сидѣлъ обыкновенно въ одной только сорочкѣ, изъ-подъ раскрытаго ворота которой виднѣлась богатырская грудь. Переставая писать на короткіе промежутки времени, онъ быстро вскакивалъ со стула, выпивалъ изъ стоявшей передъ нимъ на столѣ глиняной кружечки нѣсколько глотковъ какого-то напитка и начиналъ ходить то сперва по крыльцу тихими шагами, въ глубокой задумчивости, то, сбѣжавъ съ крыльца, быстрыми шагами по палисаднику, потирая

лобъ и размахивая руками, какъ будто разговаривая или съ самимъ собою, или съ какими-то незримыми для другихъ собесѣдниками. Кто зналъ этого человѣка, тотъ легко могъ догадаться, что во время спокойной ходьбы онъ обдумывалъ какія нибудь глубокія ученыя задачи, а быстрыя и безпокойныя его движенія обнаруживали, что онъ былъ въ это время подъ вліяніемъ поэтическаго вдохновенія.

Улица, на которую выходилъ палисадникъ, представляла въ лѣтнюю пору много удобствъ для письменныхъ занятій на открытомъ воздухѣ. Она была обыкновенно совершенно пуста, да, впрочемъ, и хозяинъ скромнаго домика не стѣснялся нисколько своимъ незатѣйливымъ нарядомъ. Около домика чувствовался живительный запахъ сосенъ, а по временамъ и вспрыснутыхъ лѣтнимъ дождикомъ березъ, такъ какъ вдоль улицы и позади домовъ существовали еще остатки неокончательно вырубленнаго лѣса. Съ особеннымъ наслажденіемъ вдыхалъ хозяинъ скромнаго домика запахъ сосны, напоминавшій ему его родину на отдаленномъ сѣверѣ Россіи.

Подъ вечеръ, когда начинало смеркаться, онъ то задумчиво, то вдохновенно смотрѣлъ на загоравшіяся въ темнѣвшемъ небѣ звѣздочки и, казалось, при нѣмомъ созерцаніи природы хотѣлъ проникнуть въ сокровенныя отъ людей тайны.

Когда однажды во время наступавшихъ, еще прозрачныхъ, іюльскихъ сумерекъ хозяинъ домика сидѣлъ въ такомъ настроеніи и смотрѣлъ на безоблачное небо, онъ услышалъ, что передъ калиткой палисадника остановилась одноколка, изъ которой поспѣшно вылѣзъ небольшаго роста, худощавый, молодой еще человѣкъ.

— Приношу вашему высокородію мое почтительнѣйшее уваженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всепокорнѣйшее извиненіе за мое позднее посѣщеніе. Не подосадуйте на меня, Михайло Васильевичъ, что я въ такую пору обезпокоилъ васъ. Крайняя необходимость предстояла мнѣ свидѣться съ вами, — сказалъ пріѣзжій, стоя у калитки и снявъ съ головы треуголку.

— А что, братъ, — громко крикнулъ Ломоносовъ: — видно, опять нѣмцы въ академіи противъ тебя заершились. Намъ, русскимъ, нужно было бы противъ нихъ дѣйствовать вкупѣ. Должно быть, тебѣ Рейхель чѣмъ нибудь подгадилъ. Пойдемъ-ка ко мнѣ въ горенку. На улицѣ о дѣлахъ толковать не слишкомъ удобно. Ты знаешь, что звуковыя волны воздуха идутъ...

— Знаю я сіе, Михайло Васильевичъ, благодаря вамъ; да вотъ въ чемъ бѣда: не знаю я, куда принесутъ меня житейскія волны. Страшная буря надо мною готова разразиться, — тяжело вздохнувъ, проговорилъ адъюнктъ астрономіи Никита Петровичъ Поповъ.

— Вотъ теперь для васъ, астрономовъ, наступаетъ хорошая, благодатная пора, — перебилъ Ломоносовъ, не обращая вниманія на слова Попова. — Вотъ посмотри, уже на небѣ стали проглядывать

звѣздочки,—продолжалъ онъ, отпирая одной рукой калитку палисадника, а другою указывая на небо.

Но пріѣзжій въ отвѣтъ на это тяжело вздохнулъ, входя въ калитку палисадника, отворенную хозяиномъ.

— Да ты, братъ Никита,—заговорилъ Ломоносовъ, введя Попова въ свое жилище:—попытался бы справиться съ Рейхелемъ чрезъ общаго вашего начальника господина Делиля. Хоть Яковъ Осиповичъ и не слишкомъ долюбливаетъ насъ, русскихъ, и тоже свысока на насъ смотритъ, но вѣдь онъ не жалуетъ и нѣмцевъ, а къ тебѣ лично онъ расположенъ преотмѣнно и за тебя навѣрно заступится и Рейхелю тебя въ обиду не дастъ, вѣдь ты у него, какъ извѣстно, правая рука. Еще недавно онъ мнѣ тебя очень хвалилъ и говорилъ, что вялый Рейхель никуда противъ тебя не годится.

Поповъ замялся, и было замѣтно, что онъ такимъ совѣтомъ Ломоносова былъ поставленъ въ большое затрудненіе.

— Шарлоттушка!—громкимъ голосомъ крикнулъ Ломоносовъ:—подайка сюда свѣчку, а то уже совсѣмъ стемнѣло. Такъ что же ты? Не пытался развѣ проучить Рейхеля черезъ господина Делиля?—спросилъ Михайло Васильевичъ, дружески положивъ свою большую и увѣсистую руку на плечо своего тщедушнаго гостя и пристально смотря на него.

— Дѣло въ томъ, ваше высокородіе,—заикаясь, началъ почтительнымъ голосомъ Поповъ:—что я ни по какому дѣлу нынѣ обращаться къ господину Делилю уже не могу. Потерялъ я всякое на то право.

— Почему же?—съ живостію спросилъ Ломоносовъ.

— Потому что меня хотятъ женить,—почти сквозь слезы пробормоталъ адъюнктъ.

— Такъ при чемъ же тутъ господинъ Делиль?—захохоталъ громко Ломоносовъ.—Вѣдь онъ, кажись, не твоя невѣста, чтобы могъ гнѣваться на тебя, если бы ты женился, да и дочерей у него нѣтъ, такъ что онъ даже и мѣтить-то на тебя, какъ на жениха, не могъ. Странно ты, братъ, говоришь: сказываешь, что тебя хотятъ женить, а развѣ самъ добровольно жениться не хочешь? Ничего я, Никита Петровичъ, изъ твоихъ запутанныхъ и, сказать по правдѣ, даже безсмысленныхъ словъ въ толкъ взять не могу. Садись-ка и разскажи мнѣ толкомъ, въ чемъ все дѣло.

— Вы, быть можетъ, изволите знать, что у господина Делиля живетъ въ качествѣ домоправительницы молодая нѣмка Шарлотта,—началъ прерывающимся голосомъ Поповъ.

— Знаю и даже видѣлъ ее, такъ—себѣ, дѣвка средственной красоты и, кажись, средняго разума.

— Ой, ой, ой! Въ томъ и бѣда, что она, ваше высокородіе, разума-то не средняго, а оказалась такая продувная, что я и не ожидалъ,—раздраженно вскрикнулъ адъюнктъ.

— Да тебѣ-то что въ этомъ? Развѣ только она, какъ нѣмка, снюхалась, пожалуй, съ нѣмцемъ, Рейхелемъ, а онъ чрезъ нее противъ тебя каверзы у господина Делиля строитъ? Впрочемъ, чего же ты, братецъ мой, можешь ждать отъ нѣмцевъ вообще и въ особенности, если ими заправляютъ такіе пройдохи, какъ Шумахеръ да Таубертъ.

— Она-то въ конецъ меня и погубила. Вертѣлся сначала около Шарлотты одинъ молодой сержантъ артиллеріи, русскій, по фамиліи Даниловъ, Василій Михайловичъ. Да Господь Богъ былъ къ нему милостивъ: избавилъ его отъ напасти тѣмъ, что его услали въ Ригу на службу, а я-то, вмѣсто него, въ бѣду и попалъ. Какъ Даниловъ уѣхалъ въ Ригу,—продолжалъ жалобно Поповъ:—я вижу, что около Шарлотты мѣсто стало пусто, я сдуру-то обрадовался и присосѣдился къ ней. Первѣе всего я и не смекнулъ, что господинъ Делиль поселилъ Шарлотту у себя въ домѣ, чтобъ воспользоваться ея невинностію. Но онъ въ своемъ разсчетѣ ошибся, я предупредилъ его, и теперь онъ рветъ и мечетъ противъ меня, да не только за Шарлотту, но ссылаясь и на то, что я моими любовными «упражненіями» опозорилъ его домъ.

— Ну, что-жъ, братецъ ты мой, тутъ подѣлаешь? Знаешь, конечно, нашу русскую поговорку: «любишь кататься, люби и саночки возить». Ровно ничего хорошаго я посовѣтовать тебѣ не могу, да вѣдь такія дѣла часто съ рукъ сходятъ полюбовнымъ соглашеніемъ.

— Въ томъ-то и бѣда, что тутъ полюбовнаго соглашенія и быть не можетъ. Не та теперь пора. Теперь — извѣстно ли вамъ это?—государыней учреждена тайная коммиссія о безбрачныхъ, и въ Петербургѣ идетъ такой переполохъ, что просто ужасъ. Всѣхъ обрѣтающихся въ незаконномъ сожитіи мужчинъ хотятъ женить на ихъ возлюбленныхъ, идутъ теперь такіе розыски, что можно сказать, будто у насъ настали времена гишпанской инквизиціи.

Ломоносовъ встрепенулся и какъ-то тревожно откашлялся.

— Слышалъ я что-то такое, да, признаться сказать, не повѣрилъ, думалъ я, что сіе только пустая выдумка какихъ нибудь шутниковъ, — проговорилъ онъ, стараясь скрыть овладѣвшее имъ волненіе.

— Долженъ я по моей преданности и любви къ вашему высокородію доложить вамъ, что и до васъ добираются нѣмцы, въ въ академіи: они строчатъ доносъ о пребываніи въ вашемъ домѣ госпожи Шарлотты Ивановны.

— Ну, ужъ я-то нѣмцамъ не поддамся! Не имъ провести Ломоносова!— съ раздраженіемъ крикнулъ Михайло Васильевичъ:— не дамъ я имъ потѣшаться надо мною. Я-то и у Господа Бога шутомъ быть не захочу. Смекаю я, что они замышляютъ, если и вправду учреждена такая коммиссія, о которой ты говоришь.

— Не позволю я себѣ никогда обманывать васъ, Михайло Васильевичъ, никогда, повѣрьте мнѣ въ этомъ, какъ честному человѣку,— съ чувствомъ сказалъ Поповъ:— а тѣмъ болѣе не позволю я себѣ ничего подобнаго при тѣхъ важныхъ произвожденіяхъ, какія наступили у насъ по высокой монаршей волѣ. Да что тутъ говорить, если уже меня самого вытребовали на завтрашній день въ коммиссію о безбрачныхъ для выслушанія постановленнаго ею обо мнѣ рѣшенія. Туда же потребовали, по такому же точно дѣлу, и ассессора коммерцъ-коллегіи Лодыгина,—можетъ, изволите его знать?

— Какъ не знать! Бывалъ онъ у меня нѣсколько разъ. Когда составлялъ онъ тарифъ, то по вопросу о вывозѣ изъ предѣловъ Россійскаго государства и о ввозѣ въ оные разныхъ металловъ необходимо ему было получить нѣкоторыя свѣдѣнія по части металлургіи, онъ обращался ко мнѣ за совѣтами и указаніями. Такъ и его хотятъ тоже женить по принужденію? Вотъ и попался молодецъ, а вѣдь онъ такой весельчакъ и гуляка, что супружеская жизнь ему не по вкусу придется.

Сказавъ это, Ломоносовъ оперся обоими локтями на столъ, около котораго сидѣлъ, и, положивъ между ладонями свою голову, сталъ о чемъ-то размышлять.

Въ это время Поповъ вынулъ изъ кармана сложенный вчетверо лоскутокъ бумаги и, развернувъ его, подалъ Ломоносову.

— Это что такое? — спросилъ онъ, какъ будто очнувшись.

— Вотъ та выписка, которую сдѣлалъ изъ «Воинскаго Регламента» Рейхель и на основаніи которой хотятъ меня женить на Шарлоттѣ, — печально проговорилъ женихъ-адъюнктъ.

Ломоносовъ поднесъ исписанный листокъ бумаги къ свѣчкѣ и быстро пробѣжалъ глазами нѣсколько первыхъ строкъ выписки изъ «Воинскаго Регламента», который, будучи собственно саксонскимъ военнымъ уставомъ, былъ при Петрѣ Великомъ напечатанъ въ Петербургѣ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, такъ, что на каждой страницѣ онъ былъ напечатанъ въ двухъ столбцахъ. Пробѣжавъ глазами первыя строки выписки, Ломоносовъ прочелъ вслухъ слѣдующія дальнѣйшія строки: «so ist es solches (т. е. данное дѣвушкѣ обѣщаніе жениться на ней) zu halten und die Beschwagerte zu ehelichen allerdings zu verbunden». Ну, что-жъ тутъ подѣлаешь,— сказалъ Ломоносовъ, возвращая выписку Попову:—долженъ ты жениться на Шарлоттѣ да и только, если ты ей обѣщалъ это. Вѣдь и въ пословицѣ говорится: «не давши слова, крѣпись, а давши— держись». А когда же будетъ твоя свадьба?

— Узнàю объ этомъ завтра въ коммиссіи,—вздохнулъ Поповъ.

— Ну, а мнѣ на твою свадьбу пріѣзжать?

— Нѣтъ, ужъ лучше не ѣздите, Михайло Васильевичъ,—грустнымъ голосомъ проговорилъ Поповъ, махнувъ рукою.—Какая это

свадьба! Другая невѣста была у меня на примѣтѣ. Думалъ я только съ Шарлоткой позабавиться, а дѣло-то кончилось иначе, — сказалъ Никита Петровичъ, разставаясь съ академикомъ.

Когда Поповъ уѣхалъ, Ломоносовъ заходилъ скорыми шагами по комнатѣ въ глубокой задумчивости. Въ памяти его ожило значительно уже отдалившееся время его студенчества. Вспомнилъ онъ многихъ людей, промелькнувшихъ передъ нимъ въ ту пору на чужбинѣ, куда онъ забрался изъ своей далекой родины, томимый жаждою научныхъ познаній, которыхъ такъ усиленно требовалъ его свѣтлый и могучій умъ. Отчетливѣе всѣхъ изъ припомнившихся ему теперь обликовъ представился обликъ молодой, скромной дѣвушки, бѣдной мѣщаночки Шарлотты, у матери которой онъ, изучая металлургію, проживалъ въ саксонскомъ городкѣ Марбургѣ, какъ студентъ-нахлѣбникъ. Вспомнилось ему, какъ онъ полюбилъ Шарлотту и какъ она, въ свою очередь, полюбила его, бѣднаго пришлаго издалека студента; какъ онъ, принужденный возвратиться на родину, не имѣлъ силъ разстаться съ Шарлоттой и сманилъ ее съ собою въ Россію на бѣдность и лишенія, и какъ она въ теченіе многихъ лѣтъ терпѣливо переносила и нужду, и приниженное положеніе, и вдобавокъ къ тому еще и крутой нравъ своего сожителя.

Былое ожило въ воображеніи Ломоносова. Онъ почувствовалъ сильное сожалѣніе къ Шарлоттѣ и упрекалъ себя за то, что до сихъ поръ не подумалъ исправить передъ нею своей вины.

— Сама судьба, какъ нарочно, указываетъ мнѣ, что̀ я долженъ былъ сдѣлать, и чего я до сихъ поръ не сдѣлалъ по моей непростительной безпечности. Шарлотта доказала мнѣ свою неизмѣнную любовь и безпредѣльную преданность, а я плачу̀ ей за это оскорбительнымъ презрѣніемъ. Я долженъ жениться на ней и именно потому, что на бракъ со мною она не предъявляла и никогда не предъявитъ никакихъ притязаній. Она считаетъ себя моею рабынею, а меня своимъ господиномъ. Не ожидать же того времени, когда академики-нѣмцы женятъ меня на ней, какъ женятъ теперь Попова. Шарлотта сама по себѣ имѣетъ уже съ давнихъ поръ право быть моею женой.

Разсуждая такъ съ самимъ собою, Ломоносовъ думалъ совершенно искренно и теперь только удивлялся, какимъ образомъ онъ среди своихъ безпрерывныхъ занятій могъ забыть исполнить ту обязанность, которая лежала у него на душѣ столько лѣтъ.

— Шарлоттушка, пойди сюда! — ласково понѣмецки крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь изъ своей комнаты: — да приходи поскорѣе.

Шарлотта не замедлила явиться на этотъ зовъ.

— Хочешь выйдти за меня замужъ? — спросилъ онъ пришедшую на этотъ зовъ еще молодую и красивую женщину.

— Ваше высокородіе, господинъ статскій совѣтникъ, могу ли я думать о такой чести? — чуть слышнымъ и сильно взволнованнымъ голосомъ прошептала Шарлотта.

— Какой тутъ, чортъ возьми, статскій совѣтникъ! — отозвался Ломоносовъ. — Когда я слюбился съ тобою, я былъ человѣкъ безчиновный, простой холмогорскій мужикъ, и только, а ты мной тогда не побрезгала.

— Но теперь вы достигли высокой чести, васъ уважаютъ всѣ, не только знатные вельможи, но и государыня. А я простая и необразованная женщина.

— А всетаки, Шарлоттушка, я люблю тебя попрежнему и буду любить тебя всю мою жизнь. Послѣзавтра я съ радостью обвѣнчаюсь съ тобою. Прости меня, что я такъ долго медлилъ исполнить то, что мнѣ приказывала моя совѣсть.

Говоря это, онъ крѣпко обнялъ Шарлотту и поцаловалъ ее.

На третій день послѣ этого Михаилъ Васильевичъ поѣхалъ съ Шарлоттой въ Ораніенбаумъ, гдѣ были у него фабрика мозаичныхъ издѣлій и лѣсопильный заводъ, и тамъ втихомолку обвѣнчался со своею возлюбленной.

По дошедшимъ изъ академіи наукъ въ коммиссію о безбрачныхъ свѣдѣніямъ о незаконномъ сожительствѣ господина академика Ломоносова съ иноземкою Шарлоттою, коммиссія навела соотвѣтствующія справки, но оказалось, что сваты—академики попали впросакъ, такъ какъ полиція донесла коммиссіи, что съ Ломоносовымъ не проживаетъ никакой незаконной сожительницы, а живетъ Шарлотта Ивановна Ломоносова, законная супруга его высокородія, господина статскаго совѣтника и академика Михаила Васильевича Ломоносова.

XXV.

На другой день послѣ побывки своей у Ломоносова, Поповъ, потерявшій всякую надежду избавиться отъ подневольнаго брака съ поднадоѣвшей уже ему Шарлоттою, явился въ назначенный часъ въ коммиссію о безбрачныхъ, гдѣ предсѣдатель коммиссіи встрѣтилъ его грознымъ взглядомъ.

— Государь мой! — строго сказалъ ему Демидовъ:—вотъ ваша записка съ обѣщаніемъ жениться на обольщенной вами дѣвицѣ Шарлоттѣ Миндеръ, отъ васъ очреватѣвшей. Вамъ предстоитъ теперь только выслушать сдѣланное по сему дѣлу постановленіе коммиссіи, такъ какъ подлинность записки вы не отрицали да и отрицать не можете.

Сказавъ это, президентъ и всѣ члены коммиссіи встали съ своихъ креселъ, и кабинетъ-секретарь громкимъ голосомъ прочиталъ слѣдующее:

«По указу ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской, особо учрежденная ея величествомъ коммиссія о безбрачныхъ и объ исправленіи поврежденныхъ нравовъ, разсмотрѣвъ жалобу иноземки Шарлотты Миндеръ на состоящаго при с.-петербургской академіи де-сіансъ адъюнкта астрономіи Никиты Петрова сына Попова, по силѣ шестнадцатаго артикула «Воинскаго Регламента» и присовокупленнаго къ оному артикулу «Толкованія», постановила: обвѣнчать его, адъюнкта Попова, съ вышерѣченною Шарлоттою».

Поповъ не возражалъ ничего и только покорно склонилъ свою повинную голову. Президентъ и всѣ присутствовавшіе опустились въ кресла.

— Теперь, государь мой, вамъ подъ сею бумагою надлежитъ учинить рукоприкладство въ томъ, что вамъ въ присутствіи сей коммиссіи было объявлено ея постановленіе; жалобы же на коммиссію въ правительствующій сенатъ не допускаются, ибо коммиссія сія не есть ординарное, а только чрезвычайное учрежденіе, воспріявшее свою власть непосредственно отъ высокомонаршей воли.

Сказавъ это, Демидовъ подалъ бумагу Попову и приказалъ ему подойдти къ секретарскому столу, чтобы учинить на бумагѣ надлежащее рукоприкладство.

— Бракосочетаніе ваше, государь мой, по опредѣленію коммиссіи, воспослѣдуетъ сего іюля въ двадцать девятый день, въ соборной церкви Казанской Богородицы, куда вы и имѣете прибыть въ пять часовъ вечера неотмѣнно, въ одѣяніи, приличествующемъ бракосочетающемуся лицу. Григорій Григоричъ! — крикнулъ Демидовъ, обращаясь къ секретарю: — возьми съ господина Попова надлежащую подписку о явкѣ въ опредѣленный часъ и въ указанное мѣсто.

Росписавшись подъ подпиской, Поповъ, совершенно растерянный, вышелъ изъ залы засѣданія.

По уходѣ Попова, въ присутствіе коммиссіи былъ введенъ ассессоръ коммерцъ-коллегіи Дмитрій Петровичъ Лодыгинъ, человѣкъ уже довольно пожилой, представлявшій совершенную противоположность Попову. На сколько адъюнктъ казался унылымъ и подавленнымъ, на столько ассессоръ казался веселымъ, беззаботнымъ и самоувѣреннымъ. Войдя въ залу, онъ очень развязно раскланялся съ президентомъ и членами коммиссіи и, повидимому, былъ вполнѣ увѣренъ, что дѣло кончится пустяками.

Демидовъ, не удостоившій своего стараго знакомца даже кивкомъ головы, всталъ, какъ и всѣ члены коммиссіи, съ своего кресла и громогласно прочелъ Лодыгину постановленіе коммиссіи, написанное въ той же формѣ, въ какой было написано и постановленіе по дѣлу Попова, съ тою разницею, что, во-первыхъ, въ

постановленіи объ ассессорѣ упоминалась не иноземка Шарлотта Миндеръ, а с.-петербургская мѣщанская дочь Евфимія Васильева, и, во-вторыхъ, постановленіе коммиссіи основывалось не на письменномъ доказательствѣ, какъ въ дѣлѣ Попова, а только на свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Этимъ обстоятельствомъ и захотѣлъ воспользоваться подневольный женихъ. Лодыгинъ началъ ссылаться на недостовѣрность такихъ показаній и потомъ на то, что обѣщаніе его было только шуткою, а, наконецъ, и на то, что, ведя веселый образъ жизни, онъ иногда вслѣдствіе излишней выпивки говоритъ въ пріятельской компаніи вовсе не то, что самъ думаетъ. Онъ увѣрялъ, что если свидѣтели и слышали обѣщаніе, данное имъ Евфиміи Васильевой, то оно только случайно сорвалось у него съ языка.

— Сими и подобными тому отговорками, — строго сказалъ Демидовъ: — всегда возможно, государь мой, отстранить отъ себя всякую виновность. Коммиссія, при обсужденіи вашего дѣла, имѣла въ виду возможность такихъ неистовыхъ и продерзостныхъ отговорокъ и не приняла ихъ въ соображеніе при рѣшеніи вашего дѣла, такъ что вамъ, государь мой, теперь не остается ничего болѣе, какъ только учинить подъ симъ постановленіемъ надлежащее рукоприкладство. Всякія же ваши объясненія будутъ излишни и не будутъ имѣть никакой силы.

Съ видимой неохотой и сильно дрожавшею рукою подписался ассессоръ какъ подъ постановленіемъ коммиссіи, такъ и подъ поданной ему секретаремъ подпиской о явкѣ къ бракосочетанію въ соборную церковь Казанской Богоматери въ тотъ же день и часъ, какіе были назначены Попову.

— Вижу, — началъ Демидовъ, обратившись къ Лодыгину: — что въ васъ не имѣется готовности исполнить монаршую волю, объявленную вамъ черезъ сію коммиссію, съ тою предупредительною готовностію, каковая должна быть свойственна каждому изъ вѣрноподданныхъ ея величества, всемилостивѣйшей нашей государыни. Посему нахожу нужнымъ предупредить васъ, что для точнѣйшаго исполненія вами высочайшей воли, выраженной въ сей коммиссіи, отнынѣ будетъ поставлена въ вашемъ домѣ воинская команда при полицейскомъ офицерѣ, который, въ случаѣ нежеланія вашего — чего, впрочемъ, я и представить себѣ не возмогу — исполнить добровольно законное постановленіе коммиссіи, приведетъ васъ подъ карауломъ въ назначенную для вашего бракосочетанія церковь.

Бойкій и беззаботный ассессоръ при этой угрозѣ измѣнился въ лицѣ. Колѣна его задрожали, онъ понялъ, что спасенія уже нѣтъ, и съ понуренной головой и разстроеннымъ лицомъ хотѣлъ уже выйдти изъ залы засѣданія.

— Вотъ что еще, государь мой, я долженъ сказать вамъ, — обратился къ нему Демидовъ: — такъ какъ со стороны вашей могутъ

быть представлены отговорки въ томъ смыслѣ, что у невѣсты вашей не готовы соотвѣтствующіе предстоящей церемоніи наряды, то о семъ безпокоиться вамъ не надлежитъ. Всемилостивѣйшая государыня повелѣла своей гардеробмейстеринѣ снабдить отъ высокихъ своихъ щедротъ невѣсту вашу необходимымъ подвѣнечнымъ нарядомъ. Кареты будутъ присланы за нею и за вами съ колымажнаго двора, а духовенство и пѣвчіе будутъ удовлетворены за совершеніе брачнаго таинства изъ казенныхъ суммъ; на сіи же суммы будетъ произведено освѣщеніе храма, такъ что вамъ ни о чемъ заботиться не предстоитъ. Да кстати, Григорій Григоричъ, — обратился Демидовъ къ секретарю: — я позабылъ предувѣдомить обо всемъ этомъ Попова, такъ ты тотчасъ же, какъ окончится засѣданіе коммиссіи, поѣзжай къ нему и объяви ему то, что я сказалъ господину Лодыгину.

Между тѣмъ окончательно помолвленный женихъ вышелъ изъ присутствія коммиссіи, и вскорѣ роковое для него засѣданіе закрылось, такъ какъ ей въ этотъ день не пришлось заняться разсмотрѣніемъ какого либо другаго дѣла.

XXVI.

Былъ въ исходѣ іюль мѣсяцъ, и приближался Успенскій постъ. Передъ этимъ непродолжительнымъ постомъ не бывало и не бываетъ у насъ такъ много свадебъ, сколько справляется ихъ обыкновенно передъ наступленіемъ великаго поста, а потому свадьбы въ эту лѣтнюю пору, составляя довольно рѣдкіе случаи, обращали на себя въ прежнее время особенное вниманіе петербургскихъ жителей и преимущественно жительницъ, особенно, если справлялись такъ называемыя богатыя свадьбы, и такія свадьбы готовились на 29-е іюля 1750 года. Тѣмъ еще болѣе заняли охотниковъ и охотницъ до всякихъ зрѣлищъ предстоявшія свадьбы, что по городу разнеслась молва, что на этихъ свадьбахъ женихи будутъ подневольные, а невѣсты — дѣвицы, «очреватѣвшія» отъ своихъ соблазнителей. Въ Петербургѣ всѣ говорили объ этихъ свадьбахъ и желали посмотрѣть на жениховъ, обязанныхъ повѣнчаться противъ воли, по постановленію коммиссіи, наведшей ужасъ на множество петербургскихъ холостяковъ.

Въ день, назначенный для свадебъ Попова и Лодыгина, потянулись по Невской першпективѣ къ Казанскому собору толпы народа нескончаемой вереницей, а также загромыхали тогдашнія тяжелыя кареты и берлины, въ которыхъ ѣхали знатныя обоего пола персоны, желавшія тоже посмотрѣть на брачующихся.

Въ то время Казанскій соборъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ находится и нынѣ, но онъ вовсе не былъ такимъ вели-

колѣнпымъ храмомъ, какой былъ сооруженъ впослѣдствіи. Старинный Казанскій соборъ былъ небольшая деревянная церковь крайне незатѣйливой и, можно даже сказать, уродливой архитектуры, но не смотря на это, онъ считался тогда главнымъ храмомъ въ Петербургѣ, и въ немъ отправлялись всѣ торжественныя богослуженія. Въ день, назначенный для свадебъ адъюнкта астрономіи и ассессора коммерцъ-коллегіи, мрачный внутри соборъ былъ ярко освѣщенъ зажженными въ немъ паникадилами и свѣчами передъ иконами. Полицейскіе офицеры и десятскіе не допускали внутрь церкви никого изъ «подлаго» народа, и она наполнилась только знатными персонами, которыхъ, смотря по степени ихъ рангóвъ, полицейскіе офицеры предупредительно провожали въ церковь впередъ черезъ плотно стоявшую толпу.

На правой сторонѣ церкви, какъ бы таясь отъ всѣхъ, стоялъ сильно пріунывшій адъюнктъ, тогда какъ ассессоръ важно и спокойно прохаживался около поставленнаго передъ царскими вратами аналоя, какъ бы стараясь быть на виду у всѣхъ. Лодыгинъ, понявъ, что онъ никоимъ уже образомъ не избѣгнетъ предстоявшей ему участи, собрался съ силами и теперь казался не только равнодушнымъ, но и веселымъ, какимъ онъ былъ всегда.

Такъ какъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, любившей церковное пѣніе, церковныя наши пѣснопѣнія начали принимать оттѣнокъ итальянской музыки, то у насъ въ церквахъ стали вводить такъ называемые концерты. На свадьбы Попова и Лодыгина послана была, по приказанію государыни, часть хора придворныхъ пѣвчихъ, которые и встрѣтили пріѣхавшихъ жениховъ торжественнымъ пѣснопѣніемъ. Вскорѣ послѣ того пріѣхали обѣ невѣсты, и пѣвчіе привѣтствовали ихъ пѣніемъ концерта: «Гряди, невѣста, отъ Ливана!» Вся церковь пришла въ движеніе, всѣ кинулись впередъ и приподнимались на цыпочки, чтобы лучше посмотрѣть на пріѣхавшихъ невѣстъ, роскошно разодѣтыхъ гардеробмейстериною государыни. Свадьбы отличались, повидимому, большою пышностью, такъ какъ коммиссія, по внушенію ея президента, хотѣла тѣмъ самымъ показать жителямъ столицы, что хотя обольщеніе непорочныхъ дѣвицъ не проходитъ даромъ легкомысленнымъ волокитамъ, но что вмѣстѣ съ тѣмъ государыня, строго держась закона, изданнаго блаженныя памяти ея родителемъ, изливаетъ свои непомѣрныя щедроты на тѣхъ, которыя сдѣлались жертвами соблазна и обмана, будучи увлечены невольно въ пропасть грѣховную.

Главнымъ распорядителемъ брачныхъ торжествъ былъ Демидовъ и предсѣдательствуемая имъ коммиссія. Она явилась въ соборъ въ полномъ составѣ, въ праздничной одеждѣ. Президентъ ея строго посматривалъ кругомъ, какъ будто отыскивая тѣхъ, кого за ихъ любовныя «упражненія» слѣдовало бы по закону поставить подъ вѣнецъ.

Во время бракосочетанія адъюнктъ и его невѣста стояли пріунывши. Онъ скорбѣлъ о своемъ мимолетномъ увлеченіи и о сдѣланномъ имъ промахѣ, а она раскаявалась въ той хитрости, которую употребила, чтобы женить на себѣ раба Божьяго Никиту противъ его воли.

Совсѣмъ иначе держали себя ассессоръ и его невѣста. Онъ съ полнымъ равнодушіемъ глядѣлъ на свою невѣсту и съ легкой усмѣшкой на окружавшую ихъ толпу, среди которой видѣлъ немало и своихъ знакомыхъ, и своихъ пріятелей. Невѣста смотрѣла на всѣхъ какъ бы вызывающимъ взглядомъ, но, слѣдуя русскому обычаю, не разъ принималась хныкать подъ вѣнцомъ, закрывая лицо платкомъ и оплакивая свое дѣвство, хотя такое оплакиваніе, судя по сильно уже раздавшейся ея таліи, и казалось довольно запоздалымъ.

Когда кончился брачный обрядъ, и молодые стали садиться въ подъѣхавшія кареты, ихъ окружила плотная толпа, среди которой шли самые разнообразные толки. Многіе, особенно женщины, восхваляли справедливость и мудрость государыни, желавшей положить конецъ соблазну молодыхъ, неопытныхъ дѣвушекъ; другіе же находили, что отъ подневольныхъ браковъ не будетъ никакого добра.

Убѣдившись послѣ обвѣнчанія Попова и Лодыгина въ своемъ неограниченномъ полновластіи, коммиссія принялась дѣйствовать еще усерднѣе и еще отважнѣе, чѣмъ прежде. Противъ нея поднялся въ Петербургѣ сильный ропотъ, и Мавра Егоровна Шувалова, находя, что вѣтренникамъ и вѣтренницамъ задана уже хорошая острастка, начала склонять государыню къ отмѣнѣ тѣхъ чрезвычайно строгихъ мѣръ въ отношеніи чиновныхъ персонъ, которыя приняты были коммиссіею. Подъ вліяніемъ ея государыня приказала, 1-го августа 1750 года, написать изъ кабинета новый именной указъ с.-петербургской полиціймейстерской канцеляріи. По скромности нашего щепетильнаго въ иныхъ случаяхъ времени, не совсѣмъ было бы удобно передавать нѣкоторыя выраженія и слова, встрѣчающіяся въ этомъ указѣ, а потому мы сообщимъ его содержаніе въ смягченныхъ выраженіяхъ.

Такъ какъ оказалось,—говорилось въ этомъ указѣ,—что нѣкоторыя женщины, подлежащія вѣдѣнію коммиссіи о безбрачныхъ, кроются около Петербурга по разнымъ островамъ, «а иныя и въ Кронштадтъ ретировались», того ради ея императорское величество указала: такихъ женщинъ, какъ иноземокъ, такъ и русскихъ, сыскивать, и имѣетъ полицейская главная канцелярія приказать по всѣмъ островамъ, отъ полиціи опредѣленнымъ командамъ смотрѣть и «пристойнымъ образомъ развѣдывая» оныхъ ловить и приводить въ главную полицію, а оттуда присылать въ коммиссію, и притомъ онымъ командамъ накрѣпко подтвердить, чтобы честнымъ

дамамъ и людямъ насильствъ, обидъ и примѣтъ никакихъ не чинили».

Указомъ этимъ была сдержана излишняя ретивость коммиссіи, напугавшей своими дѣйствіями всѣхъ грѣшниковъ и грѣшницъ по любовнымъ «произвожденіямъ».

Главная виновница всего переполоха «принцесса» безпрепятственно уѣхала за границу, и неизвѣстно, встрѣтила ли она опять Станислава Понятовскаго, котораго полюбила со всѣмъ пыломъ молодой страсти. Сохранилось только извѣстіе, да и то не вполнѣ достовѣрное, что впослѣдствіи она жила въ Тріестѣ, гдѣ вышла замужъ за богатаго итальянскаго негоціанта и считалась дочерью короля польскаго Августа II.

Понятовскій, сдѣлавшійся, благодаря покровительству Екатерины II, королемъ польскимъ подъ именемъ Станислава-Августа, женился уже въ преклонныхъ годахъ, но бракъ этотъ никогда не былъ объявленъ, такъ какъ, по принятому имъ при избраніи его на престолъ условію, онъ имѣлъ право жениться только на той невѣстѣ, которую изберетъ ему сеймъ Рѣчи Посполитой. Такой способъ сватовства королю не нравился, и онъ, постоянно окруженный роемъ хорошенькихъ женщинъ, вовсе и не думалъ о прінсканіи себѣ постоянной подруги жизни до тѣхъ поръ, пока наступившая старость показала ему, что пришелъ конецъ мимолетныхъ утѣхъ, и что ему остается только обзавестись преданнымъ другомъ, какого онъ и нашелъ въ лицѣ вдовой графини Грабовской, съ которой онъ еще до брака съ нею успѣлъ сжиться въ теченіе многихъ лѣтъ.

Освобожденную изъ-подъ ареста Дрезденшу, признанную по рѣшенію коммиссіи главною развратительницею всего Петербурга, наказали, какъ говорили, жестоко розгами и послѣ того выслали изъ предѣловъ Россійскаго государства.

По странной случайности, изъ всѣхъ лицъ, прикосновенныхъ къ переполоху, долѣе всего сохранилась память о другѣ принцессы, графѣ Дмитревскомъ, и сохранилась она въ лѣтописи нашего театра. Когда императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ былъ въ первый разъ представленъ актеръ Нарыковъ, то императрица, пораженная его сходствомъ съ графомъ Дмитревскимъ, повелѣла ему носить фамилію графа, и подъ этою фамиліею онъ составилъ себѣ на нашей сценѣ громкую извѣстность.

Мало-по-малу въ Петербургѣ стали забывать о страшномъ переполохѣ, произведенномъ коммиссіею о безбрачныхъ, а затѣмъ исчезло о ней и всякое воспоминаніе, какъ исчезаетъ и все въ водоворотѣ людской жизни...

Е. Карновичъ.

СЕМЕЙСТВО СКАВРОНСКИХЪ[1].

(Страница изъ исторіи фаворитизма въ Россіи).

V.

Переѣздъ Скавронскихъ изъ Риги въ Петербургъ и отношеніе къ нимъ князя Репнина. — Курьеръ Микулинъ и путевыя издержки. — Уединеніе въ Стрѣльнѣ наканунѣ фавора. — Происхожденіе Скавронскихъ и ихъ фамиліи.

МАКАРОВЪ сообщилъ князю Репнину 17-го іюля 1725 года, что императрица приказала «извѣстную женскую персону со всею ея фамиліею» везти въ Петербургъ, для чего пришлется особый курьеръ, такъ чтобъ князь «изготовилъ потребное въ дорогу: коляску и прочее». Рѣчь шла о Христинѣ и о всей роднѣ ея, жившей въ Ригѣ.

Для Репнина это было очень пріятное извѣстіе. Его давно тяготили, порученные его опекѣ, родичи императрицы, въ обращеніи съ которыми онъ не зналъ, какъ и чего держаться, чтобъ не навлечь на себя чьего нибудь неудовольствія на верху. Онъ понималъ затрудненія двора въ рѣшеніи вопроса объ участи Скавронскихъ, колебавшемся между равнодушіемъ къ нимъ и политическимъ разсчетомъ Петра, съ одной стороны, и родственнымъ милосердіемъ Екатерины, съ другой. Нужно было съумѣть угодить обѣимъ сторонамъ, а это-то и было трудно. Затѣмъ, съ воцареніемъ Екатерины, получая изъ Петер-

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 233.

бурга приказанія содержать Скавронскихъ въ «сокровенности», подъ строгимъ присмотромъ и не давать имъ воли «врать», князь, не будучи посвященъ въ намѣренія императрицы, но, вѣроятно, догадываясь, что она хочетъ приблизить къ себѣ свою родню, опять-таки боялся либо пересолить, либо не досолить въ мѣрѣ строгости и послабленія къ своимъ узникамъ. И когда послѣдніе стали тревожиться о своей участи и жаловаться на притѣсненія, Репнинъ торопитъ Макарова поскорѣе разрѣшить ихъ судьбу, «ибо опасенъ я, — писалъ онъ, — на себя отъ нихъ жалобы, которую уже и нынѣ производятъ».

Изъ-за тѣхъ же опасеній и ради желанія выйдти изъ неловкаго положенія, князь постоянно настаивалъ въ письмахъ къ Макарову на необходимости вывезть Скавронскихъ куда нибудь подальше въ Россію и теперь былъ, конечно, очень радъ отъ нихъ избавиться. Рады были, повидимому, и они сами (хотя не всѣ) приказанію ѣхать въ Петербургъ. Когда Репнинъ объявилъ имъ волю императрицы, они сказали, что «въ Россію ѣхать желаютъ, токмо на расплату долговъ и чѣмъ подняться просятъ денегъ ста рублевъ, а я,— колебался князь,— денегъ послать къ нимъ не смѣю». Вслѣдствіе этого, началась о деньгахъ переписка, затянувшая отъѣздъ Скавронскихъ. Впрочемъ, были и болѣе существенныя задержки. Обѣщанный Макаровымъ въ іюлѣ курьеръ, который долженъ былъ взять и сопровождать Скавронскихъ, не являлся въ Ригу. На вопросы Репнина почему онъ не ѣдетъ, — Макаровъ отвѣчалъ уже въ сентябрѣ: не ѣдетъ по причинѣ болѣзни, «а инаго я на то дѣло послать не могу». Этимъ особливо удобнымъ «на то дѣло», довѣреннымъ курьеромъ оказался сержантъ гвардіи Левъ Микулинъ, прибывшій въ Ригу, для исполненія своей миссіи, только въ концѣ января 1726 года, т. е. запоздалъ, значитъ, на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Слѣдуетъ полагать, что причиной такой долгой отсрочки привоза Скавронскихъ ко двору было нѣчто болѣе важное, чѣмъ болѣзнь курьера. Въ этотъ именно періодъ Екатеринѣ приходилось, въ виду недовольства ея правленіемъ, доходившаго до «мятежническихъ обнаруженій», по выраженію одного историка, заботиться о самой себѣ и о своей безопасности. Тутъ было не до родственниковъ...

Наконецъ, давно желанный Христиной Самойловной и ея присными часъ отъѣзда въ гости къ императрицѣ настал. 29-го января прибылъ въ Ригу Микулинъ съ даннымъ ему изъ кабинета въ Ямскую канцелярію указомъ слѣдующаго содержанія:

«По указу е. и. в. посылается для нѣкотораго важнаго дѣла въ Ригу курьеръ Левъ Микулинъ. Того для изъ Ямской канцеляріи дать ему съ обрѣтающимся при немъ человѣкомъ до Риги подорожную на 4 почтовыя подводы за указные прогоны.

«Алексѣй Макаровъ».

Въ письмѣ Макарова къ князю Репнину, одновременно посланномъ, сообщалось объ отправленіи Микулина и о томъ, что съ нимъ «отсюда (т. е. изъ Петербурга) послано двои сани, тако-жъ три мѣха лисьихъ и пять косяковъ камокъ», изъ которыхъ Репнину предписывалось сдѣлать для путешественниковъ на дорогу теплое платье. «Ежели же, — добавлялъ Макаровъ, — чего не достанетъ, то изволите приказать купить, и что потребно будетъ къ дорогѣ, по предложенію помянутаго Микулина, изволите приказать исправить, чтобы безъ нужды люди могли ѣхать».

Это полномочіе, прямо уже свидѣтельствовавшее родственную заботливость императрицы, развязало руки Репнину. Послѣ того, какъ онъ «не смѣлъ» безъ разрѣшенія уплатить ничтожные долги Скавронскихъ и послѣ того, какъ на его вопросъ объ этомъ Макаровъ не сразу отвѣтилъ, и то съ какой-то скрупулезной мнительностью, отъ имени императрицы, чтобъ Репнинъ помянутые долги «искусно» оплатилъ, «ежели она (т. е. Христина съ фамиліей) подлинно должна и не болѣе, какъ рублей до ста», — теперь требовалось не скупиться на издержки, лишь бы путешественники могли «безъ нужды ѣхать».

Нужно было, впрочемъ, прежде, чѣмъ снарядить путешественниковъ въ путь, нѣкоторыхъ изъ нихъ привезти еще въ Ригу. Здѣсь мы узнаемъ, что «нѣкоторыя персоны» изъ фамиліи Скавронскихъ (вѣроятно, Ефимовскіе) содержались тогда въ Друѣ, что̀ въ «польскихъ Пруссахъ» (нынѣ — Виленской губ.). Для привоза ихъ въ Ригу, по приказанію изъ Петербурга, былъ командированъ тотъ же курьеръ Микулинъ, съ нѣсколькими солдатами, что̀ онъ и исполнилъ въ первыхъ числахъ февраля безъ всякихъ приключеній.

Затѣмъ, Репнинъ затруднялся — «всѣхъ ли (имѣвшихся подъ его опекой родственниковъ императрицы) отправлять (въ Петербургъ), или токмо помянутую одну женщину (Христину) съ дѣтьми, и что съ достальными дѣлать?» Макаровъ отвѣтилъ, чтобъ везли «всю фамилію». Но уже въ послѣдніе моменты отправленія въ средѣ «фамиліи» оказались лица, которыя сами не пожелали ѣхать, и Репнинъ счелъ за благо ихъ оставить и отпустить на всѣ четыре стороны. Это было семейство Фридриха Скавронскаго: жена — «латышка, съ ея дѣтьми и его падчерицами, которыя, по словамъ Репнина, сами слезно просили, дабы ихъ здѣсь оставить, да и къ посылкѣ оные весьма непотребны, ктому-жъ и мужъ ее отпустилъ». Въ Петербургѣ, видно, согласились съ этимъ фактомъ, и какая судьба постигла «отпущенную» жену Фридриха и ея семейство, осталось въ неизвѣстности. Знаемъ только, что Репнинъ далъ ей на прощанье 10 рублей.

Репнинъ торопился отправленіемъ надоѣвшихъ ему по горло родственниковъ императрицы, съ которыми онъ былъ поставленъ

въ такія щекотливыя отношенія, и не жалѣлъ на нихъ издержекъ. Уже 30-го января, т. е. на другой день по пріѣздѣ Микулина и по полученіи вышеприведеннаго письма Макарова, онъ отвѣчалъ послѣднему, что заказалъ сдѣлать для нихъ платье—на «женскія персоны» камчатное, а на мужскія—суконное. Одновременно, по его же распоряженію, приготовили для нихъ обувь, постели, дорожныя сани и проч. Хлопоталъ Репнинъ и о томъ, чтобъ имъ доставить «довольное пропитаніе» и приличную квартиру, для чего снятъ былъ въ наймы особый дворъ.

Наконецъ, къ 21-му февраля путешественники были окончательно снаряжены и готовы къ отъѣзду, который и совершился въ этотъ день. Микулинъ повезъ ихъ на семнадцати «подставныхъ подводахъ», получивъ «на кормъ въ пути» для нихъ 50 рублей, да прогонныхъ денегъ 56 руб. 10 коп.

Вообще, всего было издержано Репнинымъ за это время на Скавронскихъ 726 руб. 66 коп. Этимъ издержкамъ онъ представилъ очень аккуратную «вѣдомость», которую мы здѣсь и приводимъ:

	Ефимки.	Гроши.	Рубли.	Коп.
«Когда извѣстная женщина (Христина) явилась и просила, что имѣетъ нужду, дано ей	—	—	5	—
«Да по указамъ на расплату долговъ, которые взяты изъ польскихъ Лифляндъ .	100	—	—	—
«На пропитаніе въ Ригѣ всѣхъ	50	—	154	$7^1/_2$
«На дѣло имъ платья, обувь и постель .	—	—	268	$48^1/_2$
«Которая женщина латышка оставлена и отпущена въ мызу, въ награжденіе . .	—	—	10	—
«На посылку саней	—	—	20	—
«На прогоны до С.-Петербурга и на пропитаніе въ пути	—	—	106	10
«За наемъ двора, на которомъ оныя персоны стояли	13	18	—	—
Итого . . .	163	18	563	66

«Марта 13, 1726».

На этомъ кончается оффиціальная переписка о Скавронскихъ, и свѣдѣнія о нихъ въ первое время, по отъѣздѣ въ Петербургъ, дѣлаются очень скудными. Достовѣрно, впрочемъ, то, что, не смотря на очевидную рѣшимость Екатерины вывести своихъ родственниковъ изъ прежняго ничтожнаго и бѣднаго состоянія, приближать ихъ ко двору и возвышать все еще медлили почему-то. Изъ современныхъ донесеній саксонскаго посланника Лефорта, бывшаго въ царствованіе Екатерины въ Петербургѣ, узнаемъ, что въ теченіе 1726 года прибывшіе изъ Риги родственники императрицы

проживали въ Стрѣльнѣ, о чемъ ему стало извѣстно, однако, только тогда уже, когда они были приближены ко двору. Уже изъ этого указанія можно заключить, что въ данный промежутокъ времени Скавронскихъ еще остерегались показывать свѣту и объявлять объ ихъ существованіи. Выборъ Срѣльны для ихъ резиденціи лучше всего отвѣчалъ желанію Екатерины имѣть свою родню вблизи себя, подъ рукою, но до поры до времени содержать ихъ въ сокровенномъ мѣстѣ, безъ огласки, не производя преждевременной сенсаціи въ обществѣ. Стрѣльна въ ту эпоху была уединенной, малонаселенной мызой, принадлежавшей Кабинету, съ недостроеннымъ дворцомъ, совершенно забытая и заброшенная послѣ смерти Петра.

Что̀ здѣсь дѣлали и какъ жили Скавронскіе — мы не знаемъ, какъ равно осталось неизвѣстнымъ, находился ли въ числѣ ихъ въ то время старшій братъ императрицы Карлъ, о мѣстопребываніи котораго вообще, до его возвышенія, не сохранилось свѣдѣній. Неизвѣстно также, видѣлась ли Екатерина въ это время со своими сестрами и братомъ Фридрихомъ, по ихъ пріѣздѣ изъ Риги. Очевидно, она все еще колебалась выводить въ люди свою родню, даже не хотѣла, чтобы о ней узнали въ обществѣ. До какой степени секретничали съ этимъ дѣломъ, видно отчасти изъ переписки Макарова съ княземъ Репнинымъ: оба они, переписываясь о Скавронскихъ, старательно избѣгаютъ не только упоминать объ ихъ родствѣ съ государыней, но даже называть ихъ по именамъ, замѣняя послѣднія общепринятыми въ секретныхъ случаяхъ канцелярскими терминами: «извѣстная женщина съ фамиліей», «извѣстныя персоны» и т. п.

Впрочемъ, кажется, самая фимилія Скавронскихъ составляла еще тогда вопросъ несовсѣмъ рѣшенный. Не было опредѣлительно выяснено, какъ ихъ слѣдуетъ звать понастоящему, а не по тѣмъ прозвищамъ, какія они сами, люди неграмотные, себѣ давали? По крайней мѣрѣ, предметъ этотъ, какъ самая національность Скавронскихъ, является довольно темнымъ вопросомъ въ исторіи, рѣшеніе котораго затрудняло многихъ изслѣдователей. Сбивчивость происходитъ уже отъ множества современныхъ Екатеринѣ и позднѣйшихъ варіантовъ фамиліи Скавронскихъ, пока эта фамилія не была, наконецъ, принята и утверждена оффиціально. Въ документахъ и хроникахъ того времени ихъ называютъ то Скаворощанками, то Скавороцкими, то Сковоратскими или Сковородскими, то Сковоронскими, то, наконецъ, Икавронскими... О самомъ происхожденіи этой фамиліи толкуютъ разно. Напримѣръ, нѣкоторые шведскіе хроникеры, утверждающіе, что родъ Екатерины назывался Рабе, полагаютъ, что, такъ какъ слово Rabe понѣмецки значитъ воронъ, то отсюда и произошла перефразировка этой фамиліи изъ Рабе въ Скаворонскихъ. Но это мнѣніе опровергается, во-первыхъ, тѣмъ, что корнемъ фамиліи Скавронскихъ по-

служило, очевидно, польское слово skawrónek — жаворонокъ, а, во-вторыхъ, документами, удостовѣряющими бытіе имени Скавронскихъ, хотя и въ извращеніяхъ, задолго до ихъ возвышенія. На основаніи этихъ же документовъ, слѣдуетъ отвергнуть и другое извѣстіе, не однажды повторенное, будто бы Скавронскіе вовсе не имѣли фамильнаго имени и оно было придумано и дано имъ одновременно съ графскимъ титуломъ. Лефортъ, говоря о появленіи при дворѣ старшаго брата Екатерины, называетъ его Карломъ Самуиловичемъ — только, и потомъ, когда послѣдній былъ произведенъ въ графы, извѣщаетъ, что «новый графъ былъ названъ Скавронскимъ». То же самое почти говоритъ и Гельбигъ, увѣряя, будто бы фамилія Скавронскихъ была придумана и предложена графомъ Сапѣгой. Можно допустить, что дѣло было такъ: когда явились Скавронскіе и назвались какимъ нибудь, простонародной конструкціи, извращеннымъ варіантомъ этого имени, Сапѣга, будучи полякомъ, предложилъ только правильную его редакцію, которая и была принята.

Другой вопросъ: кто такіе были Скавронскіе по національности? Всего вѣроятнѣе, что они были ополяченные литовцы, переселившіеся съ родины въ Остзейскій край, что въ тѣ времена у пограничныхъ поселянъ было за обычай. Это же утверждаетъ и Бюшингъ. Наконецъ, вѣскимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить, кромѣ имени Скавронскихъ, то, что они были католики и нѣкоторые изъ нихъ такими оставались и по возвышеніи. Сама Екатерина въ дѣтствѣ была католичкой, совращенной пасторомъ Глюкомъ въ лютеранство и, наконецъ, принявшей православіе со времени сближенія съ Петромъ, что̀ дало поводъ какому-то придворному остряку пустить въ ходъ каламбуръ: «l'imperatrice Catherine a beaucoup de religions». Затѣмъ, въ пользу предположенія, что Скавронскіе были, если не поляки, то ополяченные литовцы или, быть можетъ, латыши, можно указать на сохранившуюся въ оффиціальной перепискѣ о Скавронскихъ «суплику» Христины Самойловны, написанную на польскомъ языкѣ и на которую мы въ своемъ мѣстѣ ссылались. Достовѣрно, что при появленіи Скавронскихъ ихъ признавали у насъ поляками. На это есть немало указаній.

VI.

Историческій домъ и его необычайные гости-хозяева. — Превращеніе во вкусѣ волшебства. — Время пріѣзда и «случая» Карла Скавронскаго. — Его обогащеніе. — Несбывшіяся ожиданія. — Ничтожная роль Скавронскихъ при дворѣ и отношеніе къ нимъ Екатерины.

На Дворцовой набережной, рядомъ съ Мраморнымъ дворцомъ, отдѣляясь отъ него переулкомъ, стоитъ нынѣ обширный, прекрасный

барскій домъ г-жи Евреиновой (бывшей Громовой), очень недавно передѣланный и обновленный. Домъ этотъ—одинъ изъ стариннѣйшихъ въ Петербургѣ и, до своей перестройки, сохранялъ свою первоначальную архитектуру, свои размѣры и внутреннее расположеніе, какіе имѣлъ еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Выдвигаясь переднимъ фасадомъ на набережную Невы, онъ выходилъ заднимъ корпусомъ на Милліонную улицу и имѣлъ одну оригинальную особенность — четырехъугольную вышку, возвышавшуюся на одномъ изъ лицевыхъ угловъ, которая была освѣщена окнами со всѣхъ четырехъ сторонъ, такъ что съ ея высоты открывался видъ на весь Петербургъ [1]). Впослѣдствіи въ этомъ домѣ, бывшемъ однимъ изъ лучшихъ въ столицѣ въ прошломъ столѣтіи, жилъ послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій, когда еще состоялъ секретаремъ англійскаго посольства.

Въ концѣ 1726 г. палаты эти, перешедшія во владѣніе Кабинета отъ адмирала Крюйса, были спѣшно и старательно исправлены, великолѣпно омеблированы и убраны придворными мастерами и поставщиками, по повелѣнію императрицы. Искусство постройки и убранства домовъ въ европейскомъ вкусѣ было уже тогда довольно распространено въ Петербургѣ. Даже иностранцы поражались огромностью и роскопью нѣкоторыхъ петербургскихъ барскихъ домовъ. Обыкновенно къ такимъ домамъ вели обширные подъѣзды съ крыльцами. Большія, свѣтлыя сѣни были украшены колоннами, подпиравшими высокіе своды. Изъ сѣней шла широкая каменная лѣстница въ верхній этажъ, гдѣ помѣщались по лицевому фасаду парадныя комнаты, какъ-то: большой залъ, съ зеркалами въ золоченныхъ рамахъ, съ расписанными орнаментной живописью стѣнами и потолкомъ, со средины котораго спускалась мѣдная, золоченая люстра, со «штучнымъ», чаще всего шахматнымъ, изъ разноцвѣтнаго дерева поломъ, и съ легкой, крашенной мебелью, обитой сафьяномъ или штофомъ; затѣмъ, шло амфиладой нѣсколько гостинныхъ покоевъ меньшаго размѣра, стѣны которыхъ были обиты—въ однихъ французскими «шпалерами», въ другихъ штофами, «глясе травчатымъ», «баркателью» и пр., въ рамахъ рѣзныхъ или золоченныхъ, съ такими же панелями. Мебель, состоявшая изъ орѣховыхъ, дубовыхъ, краснаго и пальмоваго дерева, съ рѣзьбою, софъ, канапе, креселъ и стульевъ, набитая шерстью, покрывалась тою же матеріей, что и стѣны, нерѣдко съ серебряными и

[1]) Вышка эта имѣла, вѣроятно, вначалѣ такое назначеніе: при Петрѣ Великомъ описываемый домъ принадлежалъ адмиралу Крюйсу или Крейцу, какъ его называли у насъ въ прошломъ столѣтіи; въ немъ находилась тогда, по словамъ перваго описанія Петербурга (1710 г.), реформатская церковь. «За неимѣніемъ при этой церкви колоколовъ,—говорится въ описаніи,—время богослуженія возвѣщалось поднятіемъ на углу двора, выходящемъ на набережную, присвоеннаго вице-адмиралу флага» («Русск. Стар.», 1882 г., кн. X).

золотыми позументами по краямъ; одноцвѣтныя съ мебелью «гарденаплевыя» занавѣски украшали окна и двери. Кромѣ того, разставлены были, гдѣ умѣстно, библіотечные и иные шкафы, ломберные и «кадрильные» столики, металлическіе «кориданы» (геридоны), «нагдыши», т. е. туалеты, вычурной работы, съ фигурами часы, китайскія вещи и пр. Въ спальныхъ покояхъ помѣщались подъ балдахинами обитыя дорогой матеріей кровати, съ атласными или тиковыми матрасами и перинами, съ камчатными одѣялами. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ полъ, для тепла, покрывался овчинами, а сверху ихъ коврами. Отапливались покои «камельками», нерѣдко мраморными, и голландскими печами, поставленными на свинцовыя фигурныя, позолоченныя или посеребренныя ножки. Впрочемъ, петербургскіе дома того времени, даже самые роскошные, были большею частью холодные и сырые, не исключая императорскихъ дворцовъ.

Въ такомъ, приблизительно, видѣ, отвѣчавшемъ требованіямъ роскоши того времени, былъ отдѣланъ выше описанный домъ. Для полноты обзаведенія онъ былъ снабженъ многочисленной прислугой, блестящими экипажами, домашними запасами и всѣмъ необходимымъ для роскошной барской жизни на широкую ногу. Не доставало пока только жильцовъ, и придворная челядь терялась въ догадкахъ, для какихъ именно важныхъ и знатныхъ гостей изготовлены такъ тщательно эти чертоги? Ждать разгадки пришлось недолго.

Въ одинъ прекрасный зимній день, а, можетъ быть, и вечеръ къ подъѣзду пышныхъ чертоговъ подъѣхало нѣсколько дорожныхъ саней и возковъ; изъ нихъ вышла куча пассажировъ разнаго пола и возроста, закутанныхъ въ теплыя лисьи шубы. Въ сѣняхъ пріѣзжихъ почтительно встрѣтили нарядные ливрейные слуги и присланный отъ двора важный чиновникъ. Эта встрѣча и это великолѣпіе всей обстановки, видно было, подѣйствовали на гостей сразу ошеломляющимъ образомъ, и чѣмъ дальше они шли, углубляясь вовнутрь дома, въ сопровожденіи гостепріимныхъ распорядителей этого пріема, тѣмъ сильнѣе становилось ихъ волненіе, переходившее въ оторопь, какую испытываютъ люди подъ впечатлѣніемъ неизвѣданнаго, вдругъ нахлынувшаго очарованія и удивленія... Кругомъ ихъ все блестѣло и пестрѣло такой роскошью, такими диковинами богатаго, изысканнаго убранства, о какихъ имъ, очевидно, и во снѣ не снилось и очутиться среди которыхъ для нихъ значило почти сказкой! Да ужъ полно — не сказка-ли совершается надъ ними воочію, или вотъ что̀: туда-ли они попали, куда нужно, и за тѣхъ ли принимаютъ ихъ, кто они есть на самомъ дѣлѣ? Но сомнѣніямъ тутъ не можетъ быть мѣста, да, наконецъ, они сами пріѣхали сюда въ чаяніи именно увидѣть и испытать нѣчто чрезвычайное, почти волшебное въ своей судьбѣ... И вотъ — это волшебство началось!

Не успѣли гости хорошенько осмотрѣться и прійдти въ себя, какъ, въ довершеніе ихъ очарованія, имъ торжественно объявили, что они—полные хозяева этихъ хоромъ и всего, въ нихъ заключающагося; что въ ихъ распоряженіе предоставлены всѣ эти ловкіе, щеголеватые слуги, и — чего бы они ни пожелали, стоитъ только приказать—всякое желаніе, всякая прихоть ихъ будутъ немедленно исполнены.

Дивились гости совершавшемуся надъ ними волшебству, какъбы по манію благодѣтельной феи, но немало дивились также на самихъ гостей тѣ, кто ихъ встрѣчалъ и вводилъ во владѣніе этимъ царскимъ жилищемъ. Предъ ними стояло семейство—мужъ и жена, уже немолодые, съ шестью малолѣтними дѣтьми. Съ разу было видно, что всѣ они — совершенно почти первобытныя существа, простые, неотесанные поселяне, воспитанные въ простонародной средѣ и въ грубой крестьянской обстановкѣ. Здѣсь, въ этихъ великолѣпныхъ палатахъ, устроенныхъ на вкусъ и потребности избалованныхъ, культурныхъ баръ, они не умѣли шагу ступить, не знали, какъ сѣсть, что имъ начать, и только, съ глуповатой наивностью «воро̂нъ въ павлиньяхъ перьяхъ», растерянно разѣвали рты на каждый ослѣплявшій ихъ глаза предметъ, и ежеминутно впадали въ какія нибудь несообразности и смѣшныя заблужденія простодушныхъ дѣтей природы, очутившихся не въ своей тарелкѣ... Неудивительно было послѣ этого, что, когда стало извѣстно, кто такіе эти странные гости, о нихъ и о тѣхъ, кто ихъ такъ внезапно, по личной прихоти, нарядилъ въ «павлиньи перья» вельможныхъ баръ, въ городѣ пошли скандалезные толки, «вранье» и ропотъ, выражавшійся въ «непристойныхъ и противныхъ словахъ», за которыя острякамъ и смѣльчакамъ приходилось потомъ расплачиваться спинами, а, случалось, и головами.

Такова, приблизительно, была сцена перваго пріема Карла Скавронскаго и его семейства въ гостяхъ у его державной сестры, послѣ того, какъ она, окончательно рѣшившись возвысить своихъ родственниковъ, распорядилась привезти ихъ въ Петербургъ изъ «сокровеннаго» мѣста, гдѣ они столько лѣтъ томились, подъ надзоромъ, въ неопредѣленномъ, незавидномъ положеніи и въ полной неизвѣстности о своей дальнѣйшей судьбѣ! Въ изображеніи этой сцены мы руководились историческими данными, указывающими на внезапность возвышенія и обогащенія Карла Скавронскаго, которая могла вытекать, во-первыхъ, изъ понятнаго желанія Екатерины поразить и ослѣпить брата и его семью пріятнымъ сюрпризомъ, а, во-вторыхъ,—изъ разсчета: быстротой дѣйствій по возвышенію Скавронскихъ предупредить неблагопріятные толки и поставить это дѣло такъ, чтобы общество встрѣтилось лицомъ къ лицу съ совершившимся уже, вошедшимъ въ законную силу фактомъ, съ которымъ такъ или иначе нужно примириться.

Переходъ изъ ничтожества, мрака и бѣдности къ знатности, богатству и роскоши произошелъ въ судьбѣ Карла Самойловича, дѣйствительно, какъ-бы по волшебству. Пріѣздъ его въ Петербургъ слѣдуетъ отнести къ концу 1726-го или, вѣрнѣе, къ началу 1727-го года. Точныхъ извѣстій объ этомъ не сохранилось, но мы стоимъ за послѣдній срокъ, предполагая, что въ разсчетѣ Екатерины было не оставлять долѣе своей родни въ прежнемъ состояніи, а поскорѣе поднять ее на должную, для царскихъ родственниковъ, высоту. Поэтому, одновременно съ пріѣздомъ Скавронскихъ, должны были посыпаться на нихъ и милости, а это случилось именно въ началѣ 1727 года, что̀ подтверждаютъ отчасти и историки.

Внимательно слѣдившій за жизнью петербургскаго двора, Лефортъ, начинаетъ упоминать въ своихъ донесеніяхъ о Скавронскихъ только съ января 1727 года, причемъ все, что̀ онъ говоритъ о нихъ, относится къ ихъ быстрому возвышенію.

Гельбигъ говоритъ, что «въ концѣ 1726 г., когда намѣренія Екатерины уже не зависѣли отъ воли супруга, Карла съ его женою, съ двумя дочерьми и тремя сыновьями, привезли (откуда?— неизвѣстно) въ Петербургъ». Далѣе у Гельбига идетъ разсказъ о быстромъ возвышеніи и обогащеніи Скавронскаго, которыя, какъ онъ хочетъ дать понять, произошли одновременно съ пріѣздомъ послѣдняго въ столицу.

Достовѣрный Веберъ, описывая праздникъ крещенія 6-го января 1727 года и упоминая, что на тотъ разъ въ крещенской церемоніи не участвовали великій князь Петръ Алексѣевичъ и его сестра, говоритъ: «Это устраненіе произвело въ народѣ тайный ропотъ, тѣмъ болѣе, что въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ близкій родственникъ императрицы съ двумя дѣтьми и тремя сыновьями [1]), которому тотчасъ отведенъ былъ домъ съ приличной меблировкой и одеждой. Это были графъ и графиня Скавронскіе».

Называя Скавронскихъ графами, Веберъ разумѣетъ совершившійся уже тогда фактъ. Дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ государственные акты, Карлъ и Ѳедоръ (Фридрихъ) Скавронскіе были пожалованы графскимъ титуломъ 5-го января 1727 года, т. е. наканунѣ крещенія и, судя по извѣстію Вебера, «тотчасъ» или вскорѣ по ихъ пріѣздѣ въ Петербургъ (впрочемъ, Ѳедоръ Скавронскій былъ пожалованъ, кажется, заочно, какъ ниже увидимъ).

Словомъ, всѣ эти данныя показываютъ, что Екатерина теперь торопилась окружить Скавронскихъ подобающимъ императорской роднѣ престижемъ, безъ котораго не желала показывать ихъ свѣту.

[1]) И Гельбигъ, и Веберъ ошибаются въ счетѣ дѣтей К. Скавронскаго: въ описываемый моментъ ихъ было у него не пять, а шесть (см. «Родословную книгу», изд. «Рус. Стар.»).

Достовѣрно, во всякомъ случаѣ, что въ январѣ 1727 года Карлъ Самойловичъ находился уже въ открытомъ фаворѣ и на него рѣкой лились благодѣянія отъ щедротъ императрицы. Вотъ что пишетъ объ этомъ Гельбигъ.

«Графъ Карлъ Скавронскій получилъ прекрасный домъ въ Петербургѣ (описанный нами вначалѣ этой главы). Содержаніе его было великолѣпное, какое прилично образу жизни знатнѣйшихъ частныхъ людей. Чтобы имѣть возможность производить издержки, связанныя съ такимъ положеніемъ, графу Скавронскому не только выдаваемы были чистыя деньги, но и пожалованы столь знатныя помѣстья, что и до сихъ поръ (1789 г.) богатства фамиліи Скавронскихъ считаются изъ самыхъ значительныхъ въ русской имперіи, а это значитъ очень много, потому что въ Европѣ мало странъ, гдѣ высшее дворянство было бы такъ богато, какъ въ Россіи. Къ этому должно присоединить еще драгоцѣнные камни и дорогія платья. Такіе безмѣрно расточительные подарки, какіе получилъ Скавронскій, его сестры и все ихъ семейство, возбудили зависть»...

Не смотря, однако, на это баснословное обогащеніе, на графскій титулъ и оффиціальное введеніе Скавронскихъ въ среду придворной знати, ихъ пока держали какъ бы взаперти. Уже въ концѣ января 1727 года, Лефортъ, сообщая о «случаѣ» Карла Самойловича, говоритъ, что онъ все «еще не являлся въ обществѣ». Не являлся, слѣдуетъ полагать, по внушенію своей державной сестры, опасавшейся, чтобы ея некультурные, мужиковатые родственники не производили неблагопріятнаго для себя и для нея впечатлѣнія своей неблаговоспитанностью на щепетильную свѣтскую публику. Нужно было ихъ прежде отшлифовать, хотя съ внѣшней стороны, и потому-то ихъ держали въ уединеніи, а тѣмъ временемъ «сильно трудились, по выраженію Лефорта, надъ исправленіемъ недостатковъ ихъ положенія», въ надеждѣ и желаніи «поставить ихъ на такую ногу, чтобы они блестѣли въ свѣтѣ». Позднѣе увидимъ, что труды эти не пропали даромъ, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ младшему поколѣнію Скавронскихъ.

Не по этой ли причинѣ послѣдовала задержка въ приближеніи ко двору и возвышеніи Фридриха Скавронскаго, получившаго вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ имя Θедора, Гендриковыхъ и Ефимовскихъ (перекрещенныхъ этимъ именемъ изъ Якимовичей)? Кромѣ бѣглаго упоминанія Гельбигомъ, что одновременно съ Карломъ Самойловичемъ получили «безмѣрно расточительные подарки» его сестры и все семейство, мы не имѣемъ почти никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о судьбѣ Гендриковыхъ и Ефимовскихъ за данный моментъ. Знаемъ только изъ донесеній Лефорта, что и въ январѣ 1727 года они, а также Θедоръ Скавронскій, все еще находились въ Стрѣльнѣ—мызѣ. Повидимому, Екатерина, расточивъ

милости и щедроты на старшаго брата, не имѣла намѣренія слишкомъ возвышать своихъ сестеръ, съ ихъ мужьями и дѣтьми. Извѣстно, что Ефимовскіе и Гендриковы возведены въ графское достоинство гораздо позднѣе, уже Елисаветой въ 1742 году. Могло статься, что въ данномъ случаѣ Екатерину удерживало въ ея родственномъ благоволеніи опасеніе слишкомъ возбуждать ту зависть въ придворной знати, о которой говоритъ Гельбигъ, и ту «неприличную болтовню», которая, по словамъ Вебера, распространилась въ обществѣ съ появленіемъ Скавронскихъ.

Вѣроятно, это обстоятельство было отчасти причиной, что Карлу Самойловичу и никому изъ Скавронскихъ не было дано никакого важнаго, вліятельнаго поста ни при дворѣ, ни въ государственной службѣ, а, между тѣмъ, этого ждали, вѣроятно, въ виду заявленнаго государыней намѣренія въ такомъ смыслѣ. «Увѣряютъ,—пишетъ Лефортъ черезъ три дня послѣ пожалованія Карла Самойловича графомъ,— что это дѣло такъ не останется, скоро увидятъ на немъ голубую ленту и объявятъ княземъ имперіи». Гельбигъ тоже говоритъ, что всѣ ждали увидѣть въ Скавронскихъ новыхъ временщиковъ, и это предположеніе возбуждало неудовольствіе придворныхъ, которое, «однако, мало-по-малу укрощалось», когда увидѣли, что Скавронскіе «не получили въ государствѣ никакихъ знатнѣйшихъ мѣстъ». Если такое намѣреніе точно было у Екатерины и она отъ него отказалась, чтобъ погасить неудовольствіе знати, то, стало быть, цѣль была достигнута.

Впрочемъ, Екатерина могла отказаться отъ мысли давать важную роль въ государственныхъ дѣлахъ своимъ братьямъ еще и потому, что, лично поближе познакомившись съ ними, убѣдилась, вѣроятно, въ полной ихъ къ тому несостоятельности и неспособности. Гельбигъ прямо говоритъ, что занимать какія нибудь значительныя мѣста они просто «были бы не въ состояніи по причинѣ крайняго своего невѣжества». Исправить же въ нихъ этотъ изъянъ, образовать и пріучить къ дѣламъ управленія было уже поздно: Карлу могло быть тогда лѣтъ подъ пятьдесятъ, Фридриху—немногимъ меньше, да по всему видно, что они были люди небойкаго десятка по части ума и талантовъ, какъ и вообще вся почти фамилія Скавронскихъ.

Такъ или иначе, но братьямъ Екатерины не было дано никакихъ служебныхъ мѣстъ и никакого значенія въ придворной и правительственной сферахъ. Они не получили даже ни одного чина и ни одного ордена, хотя Карлъ Самойловичъ и занималъ призрачную должность камергера — это все, до чего онъ былъ повышенъ на іерархической лѣстницѣ придворной службы. Фридриху или Ѳедору Самойловичу, а также зятьямъ государыни, не было, кажется, дано никакихъ служебныхъ степеней и чиновныхъ званій. Съ своей стороны, сами Скавронскіе не заявляли отъ себя какихъ

нибудь честолюбивыхъ претензій и свойственныхъ выскочкамъ домогательствъ. Это были смирные простяки, погруженные въ мелочныя дрязги и личные интересы и не совавшіе своего носа туда, гдѣ ихъ не спрашивали.

Вслѣдствіе всего этого, братья Екатерины проходятъ совершенно незамѣтно въ исторіи того времени и даже въ хроникѣ внутренней жизни двора: ихъ имена нигдѣ не встрѣчаются—ни въ современныхъ событіяхъ, ни въ актахъ государственной дѣятельности. Современники обратили было на нихъ недоброжелательное и завистливое вниманіе, когда они явились и внезапно были произведены въ графы и обогащены; но потомъ, увидѣвъ ихъ смиреніе и ничтожество, нигдѣ почти не встрѣчая ихъ—ни при дворѣ, ни въ свѣтѣ, о нихъ совершенно забыли, какъ забывается все на свѣтѣ.

Забыла, надо полагать, о своихъ братьяхъ и сама Екатерина, послѣ того, какъ сдѣлала для нихъ все, что̀ можно было сдѣлать. Несомнѣнно, они ее шокировали и ставили въ неловкое положеніе своей простоватостью и неумѣньемъ держаться въ свѣтѣ. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакихъ указаній, чтобы отношенія ея съ ними были интимныя. Она старалась держать ихъ въ тѣни и въ отдаленіи отъ двора, ограничиваясь выраженіемъ лишь оффиціальной къ нимъ родственности. Такъ, когда у Карла Самойловича родился ребенокъ, императрица назначила воспріемниками къ нему при крещеніи любимую дочь, великую княжну Елисавету Петровну, и наслѣдника престола, великаго князя Петра Алексѣевича. Затѣмъ, когда Карлъ Самойловичъ произведенъ былъ въ графы, Екатерина дала понять, что ей пріятно было бы, чтобы вся знать сдѣлала ему визитъ и поздравила его, и всѣ вельможи, съ горделивымъ княземъ Меншиковымъ во главѣ, съѣздили къ Скавронскому на поклонъ.

Болѣе или менѣе сдержанная въ чувствахъ родственности къ старшимъ Скавронскимъ, отказавшаяся отъ мысли слишкомъ выдвигать ихъ и приближать, Екатерина проявила теплую заботливость относительно ихъ младшаго поколѣнія, особенно къ дѣтямъ Карла Самойловича; но многаго сдѣлать для нихъ не могла, такъ какъ, сломленная уже въ то время неизлечимымъ недугомъ, она вскорѣ сошла въ могилу.

VII.

Выгоды смиренія. — Отношенія Елисаветы Петровны къ старшимъ Скавронскимъ.—Письма графини Маріи Скавронской. — Переселеніе Скавронскихъ изъ Петербурга въ Москву. — Корыстолюбивыя вожделѣнія Карла Самойловича. — Родственный раздоръ Ѳеодора Скавронскаго съ Ефимовскими. — Время кончины представителей старшаго поколѣнія Скавронскихъ.

Въ тѣ времена крутыхъ дворцовыхъ переворотовъ, борьбы придворныхъ партій и внезапныхъ ниспроверженій однихъ временщи-

ковъ другими, увлекавшихъ въ своемъ паденіи всѣхъ своихъ сторонниковъ, — безучастіе въ дѣлахъ, смиреніе и ничтожество того или другаго фаворита имѣли свои неоцѣнимыя выгоды: они въ большей или меньшей степени гарантировали его отъ гоненія и опалы въ случаѣ побѣды противной стороны, такъ какъ подобныя личности никому не внушаютъ опасеній и на нихъ не обращаютъ вниманія.

Благодаря этимъ-то отрицательнымъ качествамъ, Скавронскіе, во все время существованія ихъ фамиліи, избѣгали слишкомъ большихъ и крутыхъ (маленькія съ ними бывали) превратностей судьбы и фортуны, столь обыкновенныхъ въ карьерѣ временщиковъ и фаворитовъ.

Когда не стало Екатерины, что̀ случилось спустя всего четыре мѣсяца послѣ призыва и возвышенія Скавронскихъ, не успѣвшихъ, слѣдовательно, еще упрочиться и хорошенько обжиться на новомъ мѣстѣ и въ новой роли «воронъ въ павлиньихъ перьяхъ», — положеніе ихъ могло бы сдѣлаться очень зыбкимъ и неавантажнымъ, если бы они сами по себѣ что нибудь значили. Со вступленіемъ на престолъ Петра II въ правительственной сферѣ повѣяло вскорѣ новымъ, противоположнымъ прежнему, духомъ, и при дворѣ выдвинулись новые временщики, враждебно относившіеся къ Екатеринѣ и ея памяти, а, значитъ, ко всѣмъ и ко вся, что было близк связано съ нею и съ ея именемъ.

При такомъ поворотѣ настроенія во вліятельной сферѣ, Скавронскимъ, какъ роднѣ Екатерины, могло бы не поздоровиться, еслибъ они не представляли собою круглыхъ ничтожествъ, смирно сидѣвшихъ въ своемъ углѣ, и еслибъ судьба не послала имъ ангела-хранителя, въ лицѣ великой княжны Елисаветы Петровны. Пользовавшаяся большимъ вліяніемъ на императора-отрока, страстно привязавшагося къ своей прекрасной теткѣ, Елисавета Петровна послѣ смерти Екатерины явилась твердой опорой и покровительницей семейства Скавронскихъ. Не напрасно они называли ее своей «маткой»: она дѣйствительно относилась къ нимъ до конца жизни съ материнскимъ вниманіемъ, и ея родственной сердечности, несравненно болѣе пылкой, чѣмъ та, которую питала къ своей роднѣ Екатерина, Скавронскіе болѣе всего обязаны своей блестящей фортуной. Впослѣдствіи мы встрѣтимъ немало краснорѣчивыхъ доказательствъ родственной горячности Елисаветы къ своимъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ, т. е. ко второму поколѣнію нашихъ героевъ, а теперь остановимся на ея отношеніяхъ къ своимъ дядьямъ и теткамъ, пользуясь для этого частію напечатанными уже, а частію еще нигдѣ не опубликованными письмами послѣднихъ.

Если не ошибаемся, въ печати до сихъ поръ явилось только нѣсколько писемъ графини Маріи Скавронской, жены Карла Са-

мойловича, изъ всего, что было писано вообще всѣмъ старшимъ поколѣніемъ родни Екатерины, хотя, конечно, обширной корреспонденціи вести оно не могло. Письма Маріи Скавронской помѣщены въ I-мъ томѣ «Архива» князя Воронцова и относятся ко времени 1738—1741 гг., когда она уже овдовѣла. Ихъ всего три и содержаніемъ они не блещутъ, заключаясь исключительно въ поздравленіяхъ по разнымъ случаямъ и благодарностяхъ; но, при всемъ однообразіи ихъ и казенности, можно судить по нимъ, на сколько Елисавета Петровна была внимательна и заботлива къ своей роднѣ. Каждое письмо свидѣтельствуетъ, что великая княжна, а потомъ императрица, дѣтей Скавронской и ее, «рабу свою», все время «не оставляла и содержала въ своей матерней милости неотмѣнно». Марья Скавронская на столько была «обнадѣявшись» на милость и щедроты къ ней Елисаветы Петровны, что «дерзала» приносить «всепокорно рабское свое прошеніе» не только за себя и за дѣтей своихъ, но и за постороннихъ, являясь такимъ образомъ протектрисой. Такъ, она просила въ 1739 году помиловать за какую-то вину коммиссара Саблукова, рекомендуя его «человѣкомъ добрымъ», «слугою вѣрнымъ»,—«токмо обнесенъ весьма напрасно и невинно»...

Письма, впервые нами здѣсь приводимыя, относятся къ началу «случая» Скавронскихъ (1728 г.) и показываютъ, что всѣ они встрѣтили уже и тогда весьма теплое участіе со стороны Елисаветы, вслѣдствіе чего наиболѣе прилѣпились къ ней, стали смотрѣть на нее, какъ на свою «матку», къ которой можно обращаться, не стѣсняясь, за защитой и покровительствомъ во всѣхъ своихъ печаляхъ и лишеніяхъ. И дѣйствительно, они не стѣсняются, какъ видно изъ писемъ, которыя вполнѣ подтверждаютъ, при этомъ, сдѣланное нами ранѣе предположеніе о мелочности, тривіальности и неразвитости старшаго поколѣнія Сковронскихъ.

Писемъ этихъ три и всѣ они содержатъ въ себѣ частію всенижайшія выклянчиванья подачекъ разнаго рода, а частью «слезныя» жалобы на взаимныя между собою обиды и распри крайне дикаго свойства. Оказывается, въ сущности, что, выйдя изъ бѣдности и крѣпостнаго состоянія въ положеніе «господъ»—владѣльцевъ имѣній и благъ, о какихъ имъ прежде и не снилось, эти «дѣти природы» стали, во-первыхъ, мало-по-малу привередничать и вожделѣть все новыхъ и новыхъ даяній, а, во-вторыхъ, грызться между собою изъ-за дѣлежа пожалованнаго имъ достоянія... Все это свойства грубыхъ, низменныхъ натуръ.

Въ 1728 году, какъ видно изъ помянутыхъ писемъ, всѣ Скавронскіе, а также Ефимовскіе и Гендриковы, были почему-то уже не въ Петербургѣ: одни изъ нихъ находились тогда въ Москвѣ, другіе—въ пожалованныхъ имъ подмосковныхъ деревняхъ, гдѣ и оставались, кажется, по конецъ жизни.

Въ Москвѣ проживалъ нѣкоторое время Карлъ Самойловичъ со своей семьей, быть можетъ, по случаю переѣзда въ томъ году изъ Петербурга въ Москву всего двора, хотя едва-ли тогдашній дворъ могъ нуждаться въ его присутствіи и въ его камергерскихъ услугахъ. Москва, однако, ему не понравилась, потому что въ ней пришлось жить «въ наемномъ дворѣ съ нуждою», какъ онъ жалуется въ письмѣ своемъ отъ 14-го іюня 1728 года, гофмейстеринѣ двора Елисаветы Петровны, Аннѣ Ивановнѣ (Олсуфьевой? — въ письмѣ фамилія не обозначена). Разлакомившись на жалованныя, готовыя хоромы, столь предупредительно предоставленныя ему по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ напрашивается, чтобы ему сдѣлали такой же пріятный сюрпризъ и въ Москвѣ.

«Благородная госпожа гофмейстерина,
«а наша милостивая государыня
«Анна Ивановна!

«Понеже мы,—пишетъ Скавронскій по этому поводу, — въ надеждѣ ваше благородіе симъ утрудить возжелали, чтобъ ваше благородіе сотворили съ нами свою высокую милость и доложили ея высочеству благовѣрной государынѣ великой княжнѣ, нашей милостивой государынѣ—маткѣ, улуча время, о нашихъ нуждахъ, а именно: о дачѣ для житья въ Москвѣ двора»...

Далѣе слѣдуетъ изъявленіе цѣлаго ряда другихъ «нуждъ», между прочимъ: «объ отдачѣ, по тестаменту блаженной памяти ея императорскаго величества, Крейцова двора въ Петербургѣ, о дачѣ на графскій чинъ патента»... Полагаясь во всѣхъ этихъ «нуждахъ» на «матернее ея высочества о насъ, бѣдныхъ, призрѣніе», проситель не упускаетъ оказіи пожаловаться на «господина» Андрея Ивановича Остермана за то, что тотъ ни на одну его челобитную о названныхъ «нуждахъ» рѣшенія не прислалъ въ деревню, откуда Карлъ Самойловичъ писалъ цитируемую просьбу. Видно, онъ о себѣ уже воображалъ по своему немало, какъ о персонѣ, имѣющей права на особливую аттенцію.

Вѣроятно, въ адресѣ своей жалобы Скавронскій не ошибся. По ходатайству ли Анны Ивановны, тронутой «обязательствомъ» Карла Самойловича «по жизнь нашу Бога молить» за нее, или другимъ путемъ, но вопль его о «нуждахъ» дошелъ по назначенію, какъ можно судить по позднѣйшему письму (1753 г.) его сына, Мартына Карловича, къ Елисаветѣ Петровнѣ, въ которомъ онъ вспоминаетъ, что, благодаря ея «милосердію», Петръ II утвердилъ указомъ за отцомъ его владѣніе имѣніями и право на Крейцовъ дворъ «точно сими словами» относительно сего послѣдняго: «да сверхъ того, по обѣщанію блаженныя и высокославныя памяти е. и. величества, для житья ему, графу Скавронскому, купить адмирала Крейца дворъ, за который и выдано изъ казны парусного полотна четыре

тысячи кусковъ по цѣнѣ, по чему въ казну становятся»... [1]). Но былъ ли пожалованъ Карлу Самойловичу испрашивавшійся имъ дворъ въ Москвѣ—неизвѣстно.

Что касается его жалобы на то, что онъ жилъ въ Москвѣ будто бы «съ нуждою», равно какъ и жалостливое наименованіе себя «бѣднымъ», то нужно думать, что это не болѣе какъ обычныя въ ходатайствахъ того времени риторическія кудреватости просительнаго слога въ устахъ разлакомившагося на подачки челобитчика. «Бѣднымъ» Скавронскій никакъ не могъ быть тогда, что видно изъ его же письма къ Аннѣ Ивановнѣ, гдѣ онъ говоритъ: «по отъѣздѣ нашемъ изъ Москвы обрѣтаемся въ вотчинѣ нашей, въ Коломенскомъ уѣздѣ, селѣ Горахъ, а впредь поѣдемъ въ другія»... Значитъ, въ то время было у него уже нѣсколько «вотчинъ»—селъ съ деревнями, которыя онъ, вѣроятно, въ первый разъ по вводѣ во владѣнія объѣзжалъ. Умѣстно ли было, послѣ этого, плакаться на «нужду» и «бѣдность»?

Другое имѣющееся у насъ письмо Карла Самойловича адресовано непосредственно Елисаветѣ Петровнѣ. Оно было писано ранѣе перваго, именно 13-го марта 1728 г., и также содержитъ въ себѣ просьбу о подачкѣ, и очень ужъ категорическую, по тону и по слогу. Кажется, можно заключить, что родственная назойливость и безцеремонность Карла Самойловича наскучили или не понравились Елисаветѣ Петровнѣ, и ему, вѣроятно, была внушена должная на этотъ счетъ осмотрительность, вслѣдствіе чего во второмъ по времени письмѣ, уже въ уничижительномъ и всепокорномъ тонѣ, онъ обращается къ великой княжнѣ не непосредственно, а чрезъ Анну Ивановну, прося, ктому-жъ, «улучить время» для доклада его ходатайства... Всѣ эти деликатныя тонкости совершенно отсутствуютъ въ нижеприводимомъ письмѣ Скавронскаго къ Елисаветѣ Петровнѣ, отъ 13-го марта, гдѣ онъ лакониченъ и положителенъ до повелительной требовательности.

«Всемилостивѣйшая великая государыня,
«цесаревна Елисавета Петровна!

«Покорно вашего высочества прошу нижеписанныхъ служителей уволить ко мнѣ въ услуженіе и для правленія въ вотчины мои, и о томъ опредѣлить вашего высочества милостивымъ указомъ, а именно:

«Которые нынѣ имѣются при вотчинахъ моихъ — Крискентія Гаврилова, Ивана Саблукова, да имѣющихся нынѣ въ владѣніи вотчинной вашего высочества канцеляріи—Василья Юрьева, Ульяну Саблукову, Петра Соколова.

---

[1]) Интересная историческая подробность! Казна расплачивается парусными полотнами за домъ... Было ли это результатомъ безденежья, или послѣдствіемъ рѣшенія Петра II забросить балтійскій флотъ?

«О семъ просить вашего высочества всеподданнѣйшій вашъ рабъ, графъ Карлъ Скавронскій».

По всѣмъ вѣроятіямъ, этимъ скупымъ на поклоны и упрашиванья посланіемъ Карлъ Самойловичъ, по выѣздѣ изъ Петербурга, требовалъ, чтобы для него «уволили», т. е. отдали ему въ подданство тѣхъ дворцовыхъ служителей, которые были предоставлены въ его распоряженіе временно. Неизвѣстно, было ли уважено его требованіе.

Третье письмо, наиболѣе интересное, принадлежитъ Ѳедору Скавронскому, о которомъ историки до сихъ поръ такъ мало знали. Оно писано 11-го октября 1728 года къ Елисаветѣ Петровнѣ въ Москву и, какъ видно изъ его текста, было подано собственноручно женою Ѳедора Самойловича и подкрѣплено ея устными «слезными» мольбами. Самъ авторъ письма оставался въ то время въ своей «деревнишкѣ», «а я,—поясняетъ онъ причину этого,—къ вашему высочеству прибрелъ бы и самъ слезно просить, только опасенъ, чтобы дѣти моей сестры не раззорили и послѣдняго въ той моей деревнишкѣ»...

Оказывается, во-первыхъ, что Ѳедоръ Скавронскій, а также сестры Екатерины, Ефимовская и Гендрикова, съ семьями, получили во владѣніе значительныя помѣстья, съ селами и деревнями, надо полагать, вблизи Москвы, гдѣ и поселились, затѣявъ жестокое междоусобіе изъ-за дѣлежа и пользованія дарованными имъ имѣніями.

Довольствуясь прежде скромной крестьянской долей и мирно уживаясь подъ соломенной стрѣхой въ сельской избѣ, теперь имъ стало тѣсно на просторѣ богатаго помѣщичьяго положенія и они ожесточенно препирались между собою и дрались изъ-за каждаго куска. Обыкновенный результатъ внезапнаго обогащенія паче мѣры темныхъ личностей, не возвышающихся надъ грубыми матеріальными инстинктами алчнаго эгоизма.

Распря эта, происходившая отчасти отъ совмѣстности владѣнія нѣкоторыми имѣніями, прекрасно характеризуетъ съ нравственной стороны старшихъ представителей семьи Скавронскихъ.

«Слезно у васъ, всемилостивѣйшей государыни и матери, прошу,—писалъ Ѳедоръ Скавронскій Елисаветѣ Петровнѣ,—на сестру свою Анну Ефимовскую и на дѣтей ея, понеже терплю я отъ нея, сестры своей, и отъ дѣтей ея несносныя обиды и раззоренія. Присылаетъ она дѣтей своихъ въ деревнишку, гдѣ я живу, жену мою и меня дѣти ея бранятъ и ругаютъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь посторонними»...

Родственные дебоши происходили, значитъ, всенародно. При этомъ, конечно, челобитчикъ вовсе не оставался въ долгу и въ той страдательной роли беззащитной угнетенной невинности, какою хочетъ себя представить въ своей «слезной» жалобѣ. Очевидно, «несносныя обиды» были взаимныя, судя по взаимности жалобъ. «А

я,—проговаривается Θедоръ Самойловичъ,—и самъ бы съ ними (т. е. съ сестрой и племянниками) могъ управиться, токмо не смѣю прогнѣвать вашего высочества, понеже и такъ она, сестра моя, вашему высочеству доносила на меня ложно...».

Видно, не совсѣмъ «ложно», и можно понять изъ этой оговорки, что Елисавета Петровна, утруждаемая жалобами съ обѣихъ сторонъ, входила въ разбирательство этой родственной распри и старалась ее уладить путемъ своего авторитетнаго вліянія.

Далѣе, изъ жалобы Скавронскаго узнаемъ, что междоусобіе у него съ сестрою доходило до открытой боевой свалки; узнаемъ также, что у него было намѣреніе прочно обосноваться своимъ домкомъ въ Москвѣ, и то, какимъ способомъ вообще строились тогда московскіе обыватели-помѣщики.

«Сего октября 11,—продолжаетъ онъ,—послалъ я въ Москву водою, срубя въ деревнишкѣ моей, двѣ избенки да баню, погребъ дубовой, анбаръ, триста тесницъ, сто досокъ да лѣсу, чтобъ мнѣ построить на Москвѣ дворишко для пріѣзда, а оная сестра моя выслала дѣтей своихъ и приказчика Волкова, и съ ними съ пятьсотъ подводъ (эта цифра краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о значительности пожалованныхъ Скавронскимъ имѣній), и вышепомянутое всякое строеніе и лѣсъ у посланныхъ людей моихъ и крестьянъ отбили и къ себѣ все привезли и людей моихъ и крестьянъ держали подъ карауломъ...»

Настоящій вышелъ наѣздъ! И наѣзды такіе ради хищничества были, видно, обыкновенны между братомъ и сестрой съ ея дѣтьми. Въ другой разъ, какъ жалуется Θедоръ Самойловичъ, въ небытность его въ своей деревнѣ, Ефимовскіе налетѣли на нее и «побрали съ крестьянъ бараны и всякую живность...»

Главной причиной раздора была, какъ выше упомянуто, совмѣстность владѣнія въ нѣкоторыхъ вотчинахъ. «Въ которомъ селѣ Веденскомъ,—поясняетъ въ своей жалобѣ Скавронскій,—и въ деревняхъ безъ раздѣлу со мною живетъ оная сестра моя, и въ то село и въ деревни не въѣзжаю и ничего съ тѣхъ крестьянъ не беру, а отъ меня сестрѣ моей истинно никакихъ обидъ не бывало». Ефимовскіе, которые и впослѣдствіи заявили себя неспокойнымъ нравомъ, выражали притязаніе на владѣніе и тою «деревнишкой», въ которой обосновался Скавронскій лично. По крайней мѣрѣ, по его увѣренію, «присылали туда указы» крестьянамъ, чтобы его «не слушать и ничего ему изъ тѣхъ деревень не давать».

«Всемилостивѣйшая великая государыня цесаревна,—заключаетъ свою жалобу Θедоръ Самойловичъ,—слезно ваше величество прошу, прикажите меня отъ нея, сестры моей, и отъ дѣтей ея оборонить и выписанное мое отнятое всякое строеніе тѣми крестьянами перевезть ко мнѣ въ Москву».

Какое послѣдовало рѣшеніе на это «слезное» прошеніе Θедора

Самойловича — неизвѣстно. Въ письмѣ своемъ онъ, между прочимъ, упоминаетъ о своей женѣ. Мы знаемъ, что первую свою жену, латышку, онъ оставилъ еще въ Ригѣ навсегда. Былъ ли совершенъ между ними формальный разводъ — неизвѣстно, но только съ возвышеніемъ мы застаемъ Ѳедора Самойловича уже во второмъ бракѣ. Вѣроятно, стараніемъ Екатерины, желавшей породнить своихъ незнатныхъ родственниковъ съ русскимъ именитымъ дворянствомъ, Ѳедора женили на Екатеринѣ Родіоновнѣ Сабуровой. Сабуровы принадлежали къ стариннѣйшимъ дворянскимъ родамъ, хотя въ данный моментъ они не играли важной роли ни при дворѣ, ни въ государственной службѣ. Отъ этого брака у Ѳедора Самойловича также не было дѣтей; по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что онъ не оставилъ потомства и его имѣнія, судя по нижеприводимому документу, перешли въ родъ Карла Скавронскаго.

Въ Чертковской библіотекѣ хранится любопытное письмо Елисаветы Петровны, отъ 4-го іюля 1732 г., къ Екатеринѣ Родіоновнѣ, тогда уже вдовѣ, относительно оставшагося послѣ ея мужа имѣнія.

«Госпожа графиня Скавроньская! — пишетъ Елисавета. — Понеже извѣстно, что мужъ вашъ графъ Ѳедоръ Самойловичъ изъ пожалованныхъ ему въ 1727 году, по тестаменту блаженныя и вѣчно достойныя памяти матери нашей государыни императрицы, вотчинъ по духовной опредѣлилъ тебѣ нѣкоторыя вотчины, которыя пожалованы господамъ графамъ Скавроньскимъ въ фамилію ихъ, а у него, мужа вашего, дѣтей никого не имѣется: того ради извольте себя въ томъ предостеречь, и въ тѣ вотчины вступать вамъ не подлежитъ, ибо зѣло мнѣ удивительно, что вы, зная мою къ себѣ любовь, вступаете не въ свое дѣло, понеже и по наслѣдству оныя вотчины въ чужой родъ не подлежатъ; а ежели вы въ мою волю отдадитеся, то, надѣюся, крѣпчей будетъ. Для того я надѣюся, что вы не забыли, что я болшая у васъ» [1]).

Письмо это всего нагляднѣе показываетъ, съ какимъ горячимъ родственнымъ участіемъ относилась Елисавета Петровна къ семейству Скавронскихъ и какъ бдительно охраняла его родовые интересы! Примѣровъ этого впослѣдствіи мы увидимъ еще много.

О времени смерти братьевъ Екатерины точныхъ извѣстій нѣтъ, но несомнѣнно, что они немногимъ ее пережили. Судя по вышеприведенному документу, а также по времени и содержанію писемъ Маріи Скавронской, слѣдуетъ полагать, что въ тридцатыхъ годахъ и Карлъ и Ѳедоръ Самойловичи уже не были въ живыхъ.

---

[1]) Екатерина Родіоновна, надо полагать, отдалась «въ волю» Елисаветы Петровны. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что въ 1741 г. вотчины Ѳедора Скавронскаго находились въ вѣдѣніи конторы Елисаветы Петровны; онѣ состояли изъ вотчинъ Можайскихъ, Нижегородской, Рыжанской и Саранскаго сельца Мѣдянецъ. Со всѣхъ ихъ контора получала доходу 660 руб. 78 к. («Арх. князя Воронцова», кн. I).

Гельбигъ, отказываясь точно опредѣлить время смерти Карла Скавронскаго, допускаетъ, по слухамъ, что онъ умеръ въ царствованіе Петра II, «исповѣдуя католическую вѣру». Въ письмахъ дюка-де-Лиріи есть точное и категорическое указаніе на кончину въ Москвѣ одного изъ братьевъ Екатерины, но котораго именно—не обозначено.

Въ письмѣ отъ 27-го іюня 1729 года дюкъ-де-Лиріа писалъ: «На прошлой недѣлѣ умеръ графъ Скавронскій, братъ покойной царицы, а нынѣ его похоронили безъ малѣйшей церемоніи, какъ человѣка самаго обыкновеннаго; объ этомъ много говорятъ и, между прочимъ, то, что все идетъ де къ паденію. Что особенно обратило вниманіе всѣхъ при этомъ обстоятельствѣ—это то, что принцессы Елисаветы не было на похоронахъ, и она не пріѣзжала ни разу съ своей дачи повидаться съ умирающимъ».

По всѣмъ вѣроятіямъ, здѣсь рѣчь идетъ о смерти Ѳедора Самойловича, чтѝ подтверждается фактомъ существованія по сіе время его надгробнаго камня въ церкви Малаго Вознесенія, на Никитской, въ Москвѣ. Камень этотъ, вставленный въ наружную стѣну церкви, покрытъ надписью, значительно стершейся отъ давности. Остались только слова: «Великія государыни императрицы... Екатерины Алексѣевны... сіятельнѣйшій графъ бысть въ Россіи Ѳедоръ Самойловичъ Скавро...». Обозначеніе же времени кончины его совершенно истребилось.

Въ царствованіе Петра II умерла также и Христина Самойловна Гендрикова, о времени рожденія и кончины которой, единственно изъ всѣхъ представителей старшаго поколѣнія Скавронскихъ, сохранились достовѣрныя данныя: она родилась въ 1686 г., овдовѣла въ 1728 г. и скончалась 14-го апрѣля 1729 г. Когда умерла старшая сестра Екатерины, Анна Ефимовская, неизвѣстно, нѝ изъ вышеприведенной жалобы на нее Ѳедора Скавронскаго можно заключить, что уже въ 1728 г. она была вдовою.

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія о старшихъ въ родѣ Скавронскихъ.

VIII.

Семейство Карла Самойловича на попеченіи Екатерины.—Софья Скавронская и ея бракъ съ графомъ Сапѣгой.—Судьба Ивана Карловича и Екатерины Карловны Скавронскихъ.—Осчастливленный баронъ.

У Карла Самойловича, какъ мы знаемъ, было шесть человѣкъ дѣтей: три сына и три дочери. Всѣ они родились до возвышенія Скавронскихъ и до возведенія ихъ въ графское достоинство. У Карла Самойловича родился въ 1727 г. еще одинъ ребенокъ, крестникъ великаго князя Петра Алексѣевича и великой княжны

Елисаветы Петровны, уже въ Петербургѣ, но онъ вскорѣ умеръ и, кажется, дѣтей у него больше не было.

По свидѣтельству Лефорта, старшему сыну Скавронскаго въ 1727 г. было 18 лѣтъ. Вѣроятно, это былъ Антонъ Карловичъ, о которомъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что онъ умеръ въ Москвѣ холостымъ невѣдомо когда. Послѣ Антона, по старшинству, слѣдовала дочь — Софья Карловна, которой Лефортъ даетъ 16 лѣтъ въ моментъ ея появленія при дворѣ, т. е. въ началѣ 1727 г. Остальныя дѣти Карла Самойловича были въ то время еще отроками, а именно: Мартынъ Карловичъ, родившійся 24-го іюня 1714 г.; Иванъ Карловичъ, род. 22-го января 1718 г.; Екатерина Карловна (годъ рожденія ея неизвѣстенъ) и Анна Карловна, род. 1723 г.

Тотчасъ же по прибытіи семейства Карла Самойловича въ Петербургъ, Екатерина возъимѣла намѣреніе, какъ свидѣтельствуютъ многія достовѣрныя данныя, дать его дѣтямъ приличное воспитаніе и постепенно, пока они будутъ подростать, ввести ихъ въ большой свѣтъ, породнить съ знатью и доставить имъ видное, вліятельное положеніе при дворѣ и въ государственной службѣ. Перевоспитаніе, недоступное уже для старшихъ Скавронскихъ, представлялось совершенно возможнымъ для младшаго ихъ поколѣнія, находившагося еще частью въ юношескомъ, частью въ отроческомъ возростахъ. Неизвѣстно въ точности, кому именно было поручено это дѣло и какъ велось оно, но что это было такъ дѣйствительно, подтверждаетъ Лефортъ, засвидѣтельствовавшій, что съ самаго пріѣзда Скавронскихъ въ Петербургъ стали «сильно трудиться» надъ ихъ воспитаніемъ и образованіемъ, подтверждаетъ и тотъ фактъ, что изъ всѣхъ почти дѣтей Карла Самойловича вышли впослѣдствіи люди хорошо образованные для своего времени.

Въ этомъ случаѣ Екатерина, довольно сдержанная, какъ мы знаемъ, въ родственномъ чувствѣ къ своимъ братьямъ и сестрамъ, безъ стѣсненія, тепло и широко выразила его по отношенію къ своимъ новоявленнымъ племянникамъ. Достовѣрно, во всякомъ случаѣ, что всѣ шестеро дѣтей Карла Самойловича тотчасъ почти по пріѣздѣ ихъ въ Петербургѣ были взяты ко двору и окружены всевозможными заботами и ласками. При этомъ одинъ изъ сыновей Скавронскаго былъ сдѣланъ пажемъ, а старшая дочь его, Софья Карловна, зачислена въ придворный штатъ, въ качествѣ фрейлины. Это случилось, кажется, даже ранѣе возведенія Скавронскихъ въ графское достоинство, какъ можно судить по одному извѣстію Лефорта.

15-го января 1727 г., по его словамъ, «князь Меншиковъ, гофъмаршалъ Шепелевъ и свита ѣздили къ отцу польской фрейлины, чтобы поздравить его отъ имени царицы съ графскимъ титуломъ». Рѣчь идетъ о визитѣ къ Карлу Самойловичу, а «польской фрейлиной» Лефортъ называетъ Софью Карловну.

Надо полагать, что Софья Карловна болѣе своихъ братьевъ и сестеръ приглянулась Екатеринѣ своей миловидностью и съумѣла снискать ея особливое расположеніе, выразившееся краснорѣчиво во многихъ знакахъ родственнаго вниманія. Въ короткое время молоденькая дѣвушка, вчера еще находившаяся въ положеніи крестьянки, совершенная простушка по воспитанію и понятіямъ, сдѣлалась вдругъ знатной придворной дамой, окруженной почти царскими почестями. Ее наряжали въ пышныя платья; когда она выходила, пажи несли ея шлейфъ, а придворные почтительно передъ нею разступались; ей былъ данъ цѣлый штатъ служащихъ, составлявшихъ ея маленькій дворъ, въ томъ числѣ нѣсколько знатныхъ дамъ, изъ коихъ камеръ-фрейлина княжна Лобанова исполняла роль ея воспитательницы; наконецъ, у нея были свои роскошные аппартаменты, свой блестящій парадный экипажъ, въ которомъ она ѣзжала въ шесть лошадей цугомъ, и, когда куда нибудь отправлялась по торжественному случаю, ее сопровождала цѣлая свита изъ придворныхъ дамъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ. Словомъ, Софья Карловна была отличена внѣшнимъ образомъ, какъ членъ императорскаго семейства, наравнѣ съ великими княжнами.

Возвысивъ такимъ способомъ свою племянницу и очаровавъ ее блескомъ придворнаго престижа, Екатерина одновременно озаботилась составить выгодную и блестящую для нея партію. Софья Карловна была невѣста, и августѣйшая тетка торопилась выдать ее замужъ; она стала сватать за нее одного изъ своихъ любимцевъ— польскаго знатнаго вельможу, камергера графа Петра Ивановича Сапѣгу. Это былъ красивый, блестящій молодой человѣкъ—завидный женихъ для самыхъ разборчивыхъ невѣстъ петербургскаго большаго свѣта. Даже гордый, всесильный князь Меншиковъ находилъ его достойнымъ руки своей дочери: не далѣе какъ за годъ передъ этимъ была совершена формальная, торжественная помолвка старшей княжны Меншиковой съ графомъ П. И. Сапѣгой. Теперь, однако же, объ этомъ забыли. Князь Меншиковъ, вѣроятно, съ тайнаго согласія Екатерины, сталъ исподоволь прочить себѣ еще болѣе блестящаго зятя, въ лицѣ царскаго отрока Петра Алексѣевича, и поэтому не противодѣйствовалъ сватовству Сапѣги съ Софьей Карловной. Съ своей стороны Сапѣга и его отецъ, фельдмаршалъ, воспитанные въ придворномъ интригантствѣ, безропотно, хотя и небезкорыстно, покорились этой перетасовкѣ.

Графъ Петръ Ивановичъ тѣмъ охотнѣе измѣнилъ княжнѣ Меншиковой для Софьи Карловны, что послѣдняя, помимо высокаго положенія племянницы русской императрицы, была очень выгодной партіей и въ матеріальномъ отношеніи. Ходили почти баснословные слухи о ея приданомъ. Говорили, что ей назначены богатыя помѣстья въ Ливоніи и близь Новгорода и, кромѣ того, зна-

чительный капиталъ [1]). Такъ или иначе, но графъ Сапѣга, по словамъ Гельбига, «почелъ за честь жениться на крестьянкѣ, бывшей племянницею русской императрицы». Было ли, кромѣ этого вѣскаго прецедента для сватовства, сердечное влеченіе со стороны Сапѣги къ Софьѣ Карловнѣ и отвѣчала ли она ему взаимнымъ чувствомъ—намъ неизвѣстно. Романы того времени, большею частью, обходились безъ этихъ внутреннихъ связокъ: есть ли онѣ, нѣтъ ли ихъ между женихомъ и невѣстой—объ этомъ не справлялись.

Въ концѣ февраля 1727 года, т. е. спустя всего два мѣсяца послѣ появленія Софьи Карловны при дворѣ, свадьба ея съ графомъ Сапѣгой была рѣшена, и они стали называться женихомъ и невѣстой, съ благословенія отца жениха и Екатерины, подарившей по этому случаю жениху роскошную шубу въ 1,200 червонцевъ и вексель на Ригу въ 6,000 рублей, такъ какъ петербургская казна была въ ту минуту совершенно пуста. Это былъ какъ бы задатокъ богатаго приданаго.

Екатерина не дожила, однако же, до свадьбы своей любимой племянницы, а съ ея кончиной свадьба эта, натурально, была отсрочена, и обстоятельства такъ перевернулись, что она чуть было и совсѣмъ не разстроилась. Князь Меншиковъ, по крайней мѣрѣ, возобновилъ было свои разсчеты на Сапѣгу, какъ на подходящаго для его дочери жениха, притомъ однажды уже сговореннаго, и только выборъ императора Петра II, павшій на старшую дочь князя, ту самую, которая была объявлена невѣстой Сапѣги, освободилъ послѣдняго отъ его стараго обязательства. Сапѣга, волею судьбы, остался вѣренъ Софьѣ Карловнѣ и, такъ какъ его сватовство было дѣломъ покойной императрицы и никому изъ бывшихъ тогда въ силѣ не стояло поперегъ дороги, то всѣ при дворѣ стали ему содѣйствовать, всего же усерднѣе, кажется, Елисавета Петровна, очень близко принимавшая къ сердцу интересы своихъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ.

Въ половинѣ ноября того же 1727 года, была отпразднована при дворѣ свадьба Софьи Карловны съ графомъ Сапѣгой, но отпразднована «кое-какъ», по замѣчанію очевидца, главнымъ образомъ потому, что присутствовавшаго на ней императора-отрока «не было никакой возможности заставить сѣсть за свадебный столъ», вслѣдствіе чего свадьба утратила подобающую торжественность, на которую разсчитывали. Такое пренебреженіе со стороны юнаго Петра произошло вовсе не отъ холоднаго отношенія къ новобрачнымъ. Напротивъ, Петръ очень благоволилъ къ Сапѣгѣ и не имѣлъ никакой вражды къ Скавронскимъ, а просто «онъ предпочиталъ

[1]) Г. Карновичъ, въ своей книгѣ «Замѣчательныя богатства», упоминаетъ, что П. И. Сапѣга впослѣдствіи, продавъ доставшіяся ему въ Россіи имѣнія, вывезъ съ собою въ Литву огромную для того времени сумму, въ два милліона тогдашнихъ рублей.

безпутствовать въ отдѣльной комнатѣ», и такъ случилось, что въ моментъ описываемой свадьбы онъ «безпутствовалъ» уже второй день и не хотѣлъ прервать это удовольствіе для чиннаго, церемоніальнаго фигурированія за парадньмъ столомъ новобрачныхъ. Это было начало той гибельной распущенности и увлеченія чувственными наслажденіями, которыя такъ быстро свели въ могилу злосчастнаго царя-отрока.

О супружеской жизни и о дальнѣйшей судьбѣ Софьи Карловны нѣтъ свѣдѣній. Гельбигъ упоминаетъ только, что у нея было нѣсколько дѣтей и что она умерла католичкой. Первое извѣстіе опровергалъ ученый переводчикъ Гельбига, замѣтивъ, что у Софьи Карловны былъ «одинъ только сынъ и тотъ умеръ въ отрочествѣ»; но и это, кажется, не вполнѣ вѣрно. Въ письмахъ графа М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову, писанныхъ уже въ 1755 г., т. е. спустя почти тридцать лѣтъ послѣ замужества Софьи Карловны, встрѣчаемъ извѣстіе о ея сынѣ, графѣ Сапѣгѣ, который въ это время былъ произведенъ въ камеръ-юнкеры, что указываетъ на то, что онъ тогда вышелъ уже изъ отроческаго возроста. Графъ Воронцовъ, женатый на родной сестрѣ Софьи Карловны, хлопоталъ о принятіи сына послѣдней на службу ко двору и приносилъ Шувалову «вѣчное благодареніе» за производство молодаго графа въ камеръ-юнкеры. Въ другомъ письмѣ Воронцовъ «принималъ смѣлость», предложить Шувалову указъ «о пожалованныхъ деньгахъ Сапѣгѣ». Софья Карловна была тогда еще жива (она скончалась въ 1771 г.), и эти ходатайства о ея сынѣ чрезъ графа Воронцова указываютъ, что сама она въ это время не пользовалась вліяніемъ при дворѣ и близостью къ императрицѣ. И дѣйствительно, изъ всѣхъ своихъ двоюродныхъ сестеръ съ матерней стороны, Елисавета Петровна больше всего благоволила къ Аннѣ Карловнѣ Скавронской, въ замужествѣ графинѣ Воронцовой, о которой будетъ рѣчь впереди.

Изъ благодарственныхъ и поздравительныхъ писемъ графини Маріи Скавронской (вдовы Карла Самойловича), писанныхъ съ 1738 по 1741 годъ, узнаемъ, что Елисавета Петровна пеклась о всѣхъ ея дѣтяхъ и изливала на нихъ «милостивыя матернія щедроты». Не меньшимъ родственнымъ попеченіемъ ея пользовалось также младшее поколѣніе Гендриковыхъ и Ефимовскихъ. Такимъ образомъ, младшія дочери Карла Скавронскаго, Екатерина и Анна Карловны, бывшія въ моментъ смерти ихъ державной тетки еще дѣвочками, были взяты Елисаветой Петровной къ ея двору и воспитывались подъ ея наблюденіемъ и на ея средства. Несомнѣнно, ея же заботами были пристроены должнымъ образомъ и сыновья Карла Самойловича. О судьбѣ старшаго изъ нихъ, Антона, мы не знаемъ, какъ было сказано выше; младшіе же, Мартынъ и Иванъ Карловичи, тогда еще мальчики, получили хорошее по тому вре-

мени воспитаніе въ только что основанномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ они оба окончили полный курсъ наукъ. Карьера Ивана Карловича была недолгая и свѣдѣній о немъ сохранилось немного.

У Бантышъ-Каменскаго записано, что графъ Иванъ Карловичъ по окончаніи ученья въ кадетскомъ корпусѣ поступилъ въ армейскій полкъ офицеромъ, дослужился до капитана, участвовалъ въ походѣ 1741 года и при взятіи приступомъ Вильманстранда былъ раненъ, за что въ видѣ награды его перевели тѣмъ же чиномъ въ гвардію, въ Измайловскій полкъ. Вскорѣ послѣ этого, именно въ 1742 году, онъ умеръ на двадцать пятомъ году жизни въ Москвѣ. Въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ сохранился его надгробный памятникъ, на которомъ еще недавно любители старины могли разобрать, между прочимъ, такое двустишіе:

«Токмо смерть не мила
30 ноября по полудни взяла»...

Мартынъ Карловичъ, являющійся едва ли не самой значительной фигурой изъ всего семейства Скавронскихъ, о которомъ, ктому-жъ, наиболѣе сохранилось извѣстій, займетъ насъ въ послѣдующихъ главахъ нашего разсказа. Въ заключеніе же настоящей, скажемъ еще нѣсколько словъ о личности и судьбѣ Екатерины Карловны, о которой тоже распространяться не приходится, по незначительности ея роли.

Судьба судила Екатеринѣ Карловнѣ стать женой одного изъ замѣчательнѣйшихъ въ Россіи людей въ прошломъ столѣтіи, барона Н. А. Корфа, любимца Петра III, умѣвшаго ладить со всѣми, ловкаго царедворца, хорошаго администратора и способнаго военнаго генерала. Когда онъ женился на Екатеринѣ Карловнѣ—неизвѣстно, но достовѣрно, что женитьба эта, устроенная Елисаветой Петровной въ знакъ ея благоволенія къ оборотливому барону, была для него кладомъ: она обогатила его и подвинула его служебную карьеру. Объ этой женитьбѣ и объ ея значеніи для барона Корфа есть интересная страничка въ запискахъ Болотова.

Говоря о «нарочитомъ уваженіи» Корфа при дворѣ и милости къ нему Елисаветы, Болотовъ замѣчаетъ, что баронъ былъ обязанъ этимъ женитьбѣ «на госпожѣ Скавронской, находившейся, по причинѣ родства, въ особенной милости у императрицы. По ней получилъ онъ и чины, и богатство, и по ней былъ онъ и въ сіе время (т. е. уже въ дни Петра III) еще въ знати и уваженіи, хотя жена его и умерла уже за нѣсколько до того лѣтъ».

Умерла Екатерина Карловна, въ званіи дѣйствительной статсъ-дамы, въ 1757 году и погребена въ Невской лаврѣ. Дѣтей у нея вовсе не было. Судя по характеристикѣ Корфа, сдѣланной Болотовымъ, Екатерина Карловна едва ли была съ нимъ счастлива.

Баронъ, хотя и имѣлъ доброе сердце, но былъ чрезмѣрно вспыльчивъ, «склоненъ къ гнѣву и бранчивости», вслѣдствіе чего «съ домашними своими жилъ въ безпрерывной войнѣ и дракѣ».

IX.

Самая крупная женская личность въ семействѣ Скавронскихъ. — Любимица императрицы Елисаветы — графиня Анна Карловна. — Ея романъ и бракъ съ М. И. Воронцовымъ. — Борьба съ графомъ Бестужевымъ-Рюминымъ. — Дамская болтливость. — Типъ салонной дамы XVIII столѣтія. — Расточительность и роскошь. — Долги и «способы» ихъ погашенія. — Анна Карловна, какъ чадолюбивая мать.

Изъ женскихъ персонажей семейства Скавронскихъ наибольшимъ значеніемъ пользовалась Анна Карловна, впослѣдствіи графиня Воронцова, оставившая по себѣ и наиболѣе рельефный историческій слѣдъ въ хроникѣ внутренней жизни двора и высшаго петербургскаго общества средины прошлаго столѣтія. Этимъ она обязана была не только особливому къ ней фавору императрицы Елисаветы и браку своему съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей того времени, но также и своимъ личнымъ качествамъ.

Выдвинувшись изъ среды ординарныхъ, безцвѣтныхъ личностей своихъ сестеръ и тетокъ, а частію — дядьевъ и братьевъ, Анна Карловна заняла выдающееся положеніе и въ кругу всего современнаго ей свѣтскаго общества. Она положительно представляетъ собою одну изъ интереснѣйшихъ и симпатичнѣйшихъ женщинъ петербургскаго большаго свѣта XVIII столѣтія. Гельбигъ называетъ ее «прекрасной женщиной». Позье, имѣвшій съ нею близкія личныя сношенія, говоритъ въ своихъ интересныхъ запискахъ, что она была «хорошенькая и милая женщина» и что «къ ней относились всѣ съ большимъ почтеніемъ». Позье имѣлъ не разъ случай испытать на самомъ себѣ доброту и милосердіе Анны Карловны. Принцесса Цербстская, мать Екатерины II, познакомившись лично съ Анной Карловной, была ею очарована. «Графиня прелестна: чѣмъ больше видишь ее, тѣмъ больше любишь», — писала она о ней въ 1745 году. Графъ Бассевичъ также свидѣтельствуетъ, что Анна Карловна «пользовалась извѣстностью, какъ замѣчательная красавица и какъ женщина необыкновенно умная и очень образованная». Даже въ позднѣйшее время, въ дни Петра III, когда Аннѣ Карловнѣ было уже подъ сорокъ лѣтъ, она все еще считалась въ числѣ первыхъ красавицъ Петербурга. О томъ же, что она, кромѣ выгодной внѣшности, обладала также плѣнительными достоинствами ума и сердца удостовѣряютъ ея дружескія отношенія съ лучшими людьми ея времени, питавшими къ ней особенное

уваженіе, какъ это можно видѣть изъ сохранившейся переписки ихъ съ нею.

Взятая еще ребенкомъ ко двору Елисаветы Петровны, Анна Карловна сдѣлалась ея любимицей, и этой привязанности къ своей двоюродной сестрѣ, предпочтительно передъ всѣми другими Скавронскими, Елисавета не измѣнила до конца жизни. Сохранились письма, гдѣ Елисавета Петровна, говоря о своей кузинѣ, называетъ ее не иначе, какъ «моя дражайшая Анна Карловна». Родственная связь между ними съ годами укрѣплялась дружбой, поддерживающейся постоянными личными сношеніями, причемъ Анна Карловна не разъ имѣла случай выказать вѣрноподданническое усердіе и преданность къ своей державной сестрѣ. Есть данныя полагать, при этомъ, что она очень мало злоупотребляла своимъ родствомъ съ императрицей и ея фаворомъ, во вредъ другимъ. Своими преимуществами въ этомъ отношеніи она пользовалась, конечно, но съ тактомъ, и не тщеславилась ими съ грубымъ фанфаронствомъ выскочки. Извѣстный аббатъ Шаппъ, лично знавшій Анну Карловну въ свою бытность въ Петербургѣ, разсказываетъ о ней весьма любопытный фактъ для характеристики ея съ данной стороны. По его словамъ, какой-то «царедворецъ изъ иностранцевъ, узнавъ, что графиня Воронцова сродни императрицѣ Елисаветѣ, вообразилъ, что сдѣлалъ важное открытіе и тотчасъ отправился къ ней съ привѣтствіемъ. Она поблѣднѣла и сказала ему, что онъ ошибается». Полемизирующій съ Шаппомъ авторъ «Антидота» находилъ такой отвѣтъ въ устахъ Анны Карловны вполнѣ естественнымъ, желая сказать этимъ, что Скавронскіе вообще не считались оффиціально родственниками царствующаго дома, въ смыслѣ его членовъ. Но этого мало. Если вѣрить Шаппу, то самый фактъ ихъ родства составлялъ какъ бы тайну... Указаніе это можетъ служить лишнимъ подтвержденіемъ высказанныхъ нами ранѣе соображеній по этому предмету; здѣсь же оно освѣщаетъ нѣсколько личность Анны Карловны, свидѣтельствуя ея скромность и тактъ въ пользованіи лестнымъ для честолюбія титуломъ царской родственницы.

О дѣтскихъ и дѣвическихъ годахъ нашей героини сохранилось мало свѣдѣній. Изъ одного хозяйственнаго отчета дворцовой конторы Елисаветы Петровны, за 1741-й годъ, узнаемъ только, что въ штатѣ цесаревны уже состояла тогда, въ качествѣ фрейлины, Анна Карловна, причемъ «отпускалось» ей, «окромѣ банкетовъ и приказовъ», по двѣ кружки пива въ день и по полукружкѣ водки въ недѣлю... Конечно, изъ этого еще нельзя заключить, чтобы молоденькая фрейлина имѣла наклонность къ этимъ крѣпительнымъ напиткамъ и сама потребляла ихъ въ означенной пропорціи. Впрочемъ, впослѣдствіи Анна Карловна была не чужда удовольствій Вакха и особенно любила англійское пиво, о чемъ свидѣтельствуетъ

злоязычный князь М. М. Щербатовъ. По его словамъ, самое употребленіе этого пива, прежде будто бы невѣдомаго у насъ, было впервые введено Анной Карловной и съ ея легкой руки «стало не токмо въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребленіе русскаго пива, онымъ стали опиваться».

Замужество Анны Карловны произошло нѣсколько романически, если вѣрить разсказу Вигеля, записавшаго его по устнымъ преданіямъ. По этимъ преданіямъ, Анна Карловна впервые встрѣтилась со своимъ суженымъ, М. И. Воронцовымъ, въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, куда она часто ѣзжала съ Елисаветой Петровной на вечерни и всенощныя. Посѣщенія эти могли вызываться отчасти родственнымъ участіемъ цесаревны и ея фрейлины къ учившимся тогда въ корпусѣ братьямъ Скавронскимъ, Ивану и Мартыну Карловичамъ. Здѣсь, въ числѣ кадетовъ, былъ замѣченъ Елисаветой и ея кузиной красивый, бойкій юноша Воронцовъ. Онъ имъ обѣимъ понравился; послѣдовало знакомство, сближеніе и, наконецъ, любовь между Анной Карловной и молодымъ человѣкомъ. Елисавета Петровна, сама очень сблизившаяся въ это время съ Воронцовымъ, какъ можно судить по ея позднѣйшимъ письмамъ къ нему, покровительствовала этому роману, но для желанной развязки его встрѣтилось неожиданное препятствіе.

Дѣло происходило въ тридцатыхъ годахъ, въ моментъ, когда царствовавшая въ то время императрица Анна Ивановна стала очень подозрительно и враждебно относиться къ Елисаветѣ Петровнѣ, благодаря придворнымъ интригамъ. Вслѣдствіе этого всѣ родственники и близкіе цесаревны попали въ немилость и нѣкоторые изъ нихъ подверглись даже серьезнымъ преслѣдованіямъ. Стряслась эта бѣда и надъ Воронцовымъ за его преданность цесаревнѣ и близость къ ея двору. Онъ былъ сосланъ въ одинъ изъ линейныхъ полковъ, квартировавшій гдѣ-то въ глуши, и эта опала продолжалась до дней Анны Леопольдовны, которая, вѣроятно, по ходатайству Елисаветы Петровны, возвратила молодаго офицера въ Петербургъ. Здѣсь онъ опять сталъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ цесаревны и энергически содѣйствовалъ ея воцаренію. Романъ его съ Анной Карловной разрѣшился бракомъ только въ 1742 г.

Такъ было дѣло по преданіемъ. По словамъ же біографа Воронцова, Бантышъ-Каменскаго, оно произошло нѣсколько иначе. Михаилъ Илларіоновичъ воспитывался дома, у отца, и на пятнадцатомъ году былъ опредѣленъ камеръ-юнкеромъ къ цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, участвовалъ въ возведеніи ея на престолъ, за что она пожаловала его дѣйствительнымъ камергеромъ и лейтенантомъ учрежденной ею лейбъ-компаніи, а затѣмъ выдала за него свою двоюродную сестру, графиню Анну Карловну, причемъ возложила

на новобрачную орденъ св. Александра Невскаго. Объ опалѣ и ссылкѣ Воронцова и объ его пребываніи въ кадетскомъ корпусѣ Бантышъ-Каменскій вовсе не упоминаетъ (См. его «Словарь достопамятныхъ людей»).

Кажется, достовѣрность на сторонѣ Бантышъ-Каменскаго въ этомъ случаѣ. Въ I-мъ томѣ «Архива князя Воронцова» помѣщено, между прочимъ, нѣсколько писемъ Елисаветы Петровны къ Михаилу Илларіоновичу, писанныхъ въ промежуткѣ между 1736—1739 годами. Всѣ эти письма были адресованы въ Москву, гдѣ проживали родители Михаила Илларіоновича, къ которымъ онъ и ѣздилъ изъ Петербурга на побывку. Въ перепискѣ этой нѣтъ и намека на опалу и на тѣ обстоятельства, которыя были будто бы причиной удаленія Воронцова изъ Петербурга, по разсказу Вигеля. Болѣе того, оказывается, что Воронцовъ, уже въ 1736 г. бывшій камеръ-юнкеромъ Елисаветы Петровны, ѣздилъ въ Москву съ ея согласія, отчасти по ея порученіямъ и по «пачпорту», ею выданному за ея же подписью.

Впрочемъ, для нашего разсказа эти обстоятельства не представляютъ большой важности. Намъ довольно знать, какимъ образомъ произошло сближеніе между Анной Карловной и Воронцовымъ, приведшее ихъ потомъ къ браку. Бракъ этотъ былъ угоденъ Елисаветѣ Петровнѣ и, ею же устроенный, выражалъ ея благоволеніе къ Воронцову. Роднясь съ нимъ чрезъ любимую кузину, императрица какъ бы награждала его этимъ за преданность и за услугу, оказанныя ей Михаиломъ Илларіоновичемъ въ рѣшительную минуту ея воцаренія. Во всякомъ случаѣ, женитьба на Аннѣ Карловнѣ открывала Воронцову широкую дорогу къ возвышенію, къ почестямъ, богатству и вліянію въ государственныхъ дѣлахъ, чѣмъ онъ и воспользовался, хотя не сразу и хотя карьера его подвергалась довольно сильнымъ колебаніямъ вначалѣ. Уже въ сороковыхъ годахъ, осыпанный милостями, возведенный въ графское достоинство, Воронцовъ былъ назначенъ вице-канцлеромъ, но, какъ говоритъ его біографъ, «тягостно было для него сіе назначеніе, ибо Бестужевъ-Рюминъ одинъ управлялъ внѣшними и внутренними дѣлами всего государства, не терпя совмѣстниковъ». Воронцовъ былъ не изъ такихъ людей, которые способны примириться съ зависимой и ничтожной ролью. Онъ всталъ во враждебныя отношенія къ Бестужеву и, послѣ долголѣтняго антагонизма, достигъ его низверженія и замѣщенія его высокаго поста, съ помощью любимца императрицы, Шувалова, съ которымъ Воронцовы находились въ самой тѣсной дружбѣ.

Въ этой борьбѣ съ Бестужевымъ и въ его паденіи принимала дѣятельное участіе и Анна Карловна сколько въ интересахъ мужа, столько же изъ преданности къ императрицѣ. Мессельеръ даже всецѣло ей одной приписываетъ рѣшительный и окончательный

ударъ, нанесенный власти и вліянію Бестужева. Такъ называемое «Бестужевское дѣло» хорошо извѣстно. Когда оно созрѣло и дѣйствія канцлера «стали обнаруживать, какъ говоритъ Мессельеръ, несомнѣнный духъ крамолы и партіи», то это «вынудило графиню Воронцову приготовить прекрасную душу государыни къ справедливому подозрѣнію, которое она должна была возымѣть, и къ принятію своевременныхъ предосторожностей». Безъ сомнѣнія, Анна Карловна дѣйствовала въ этомъ случаѣ съ согласія и подъ руководствомъ мужа. Впрочемъ, въ то время при дворѣ въ большомъ ходу были пересуды, сплетни и наушничества, которымъ весьма охотно внимала скучающая и подозрительная Елисавета Петровна изъ устъ своихъ приближенныхъ, въ особенности же женщинъ. Н. И. Панинъ говорилъ, что всѣ окружавшія императрицу дамы были такими вѣстовщицами; могла быть такою и наша героиня, такъ что и доносъ ея на Бестужева и его «партію» могъ явиться плодомъ обычной женской болтливости. Эту страстишку къ болтливости, къ схватыванью и переносу вѣстей можно замѣтить, между прочимъ, въ интимной перепискѣ Анны Карловны. Всего характеристичнѣе въ этомъ отношеніи ея переписка съ дочерью, относящаяся къ началу 60-хъ годовъ.

Чего только нѣтъ въ этихъ любопытныхъ, въ своемъ родѣ, письмахъ, писанныхъ изъ Петербурга за границу! И извѣстія о томъ, которая придворная дама «сына родила» и которая — дочь, и кто съ кѣмъ посватанъ, и когда у кого свадьбы, и, если свадьбы отсрочены, то «подумай, каково женихамъ!», — а если благополучно и во благовременіи совершились, то кто, да кто поименно, на нихъ были и что̀ дѣлали, что̀ говорили, чѣмъ угощались, сколько, каковы и на какую сумму были подарки жениховъ, приданое невѣстъ и т. д. Затѣмъ, градомъ сыпятся летучія обыденныя новости минуты — о балахъ, маскарадахъ, куртагахъ, спектакляхъ, съ упоминаніемъ, какой именно танцовщикъ или танцовщица особенно хорошо «прыгали» въ балетѣ, о лоттереяхъ и что на этихъ лоттереяхъ розыгрывалось и кому достался лучшій выигрышъ, о томъ, наконецъ, въ какихъ «роброндахъ» и кто ко двору на ужинъ былъ званъ, и даже о томъ, что «теперь де у насъ тепло и грязно— нельзя на саняхъ ѣздить», а вотъ передъ этимъ «стужа ужасная была»... Все это льется изъ-подъ пера безсвязнымъ, пестрымъ потокомъ и съ тою игривой непринужденностью, какою отличается обыкновенно салонное щебетанье свѣтскихъ барынь. Впрочемъ, Анна Карловна на столько была умна, что сама сознавала вздорность этой болтовни. «Я много пустаго тебѣ пишу», — говоритъ она въ одномъ письмѣ къ дочери; но это потому, продолжаетъ она, что «мнѣ кажется, когда я тебѣ начну писать, будто я съ тобою говорю»... Слѣдовательно, письма эти пред-

ставляютъ собою какъ бы телефонное воспроизведеніе обыденной устной болтовни свѣтскихъ дамъ средины прошлаго столѣтія.

Эти же письма довольно рельефно обрисовываютъ намъ также личность Анны Карловны. Видно, что она была женщина живаго темперамента, впечатлительная, юркая, веселая и общительная, любительница поболтать. «Пожалуй, пріѣзжай къ намъ поскорѣе, а то мы со скуки пропадемъ»! — пишетъ она какъ-то Разумовскому. Въ другой разъ пишетъ она дочери, между прочимъ, о первомъ визитѣ, сдѣланномъ ей «Алмодоваршей съ мужемъ» (испанскимъ посланникомъ), и при этомъ замѣчаетъ: «и столь жаль, что съ нею сговорить нельзя; хотя и говоритъ по-французски, только трудно разумѣть». Очевидно, бесѣда — для нея настоятельная потребность, и съ каждымъ встрѣчнымъ ей хочется «сговорить», выспросить его, обмѣняться мнѣніями и новостями. Эта черта Анны Карловны выразилась и въ томъ, что она вела такую обширную переписку съ разными лицами, которая можетъ назваться феноменальной по отношенію къ скудной письменной производительности нашихъ барынь прошлаго столѣтія, говоря вообще. Вѣроятно, собесѣдница она была интересная, судя потому, что съ нею находились постоянно въ дружескомъ общеніи самые выдающіеся, по уму и образованію, люди того времени. Графъ Шуваловъ, графы Разумовскіе, графъ И. Г. Чернышевъ, графъ Строгановъ, Тепловъ, дипломаты и посланники были обычными гостями въ ея салонѣ. Всѣ они въ ней заискивали и дорожили ея вниманіемъ.

«Перьво всего, — пишетъ К. Г. Разумовскій въ 1760 году изъ Глухова къ Михаилу Илларіоновичу, — почувствовалъ я, что удаленъ сталъ отъ дому вашего сіятельства и милостивой государыни графини Анны Карловны, въ которой любовь и дружба искренняя почти повседневно меня привлекали». Въ другой разъ, въ письмѣ къ самой графинѣ, онъ изливается ей «въ благодарности и признаніи за всю ея милость и дружбу», которыя для него «никогда забвенны не будутъ, въ какомъ бы ни было отдаленіи»... Такую же горячую дружбу и признательность питалъ къ Аннѣ Карловнѣ другой тогдашній «случайный» человѣкъ, всесильный графъ Шуваловъ.

Вообще, домъ Воронцовыхъ былъ однимъ изъ центровъ лучшаго, образованнѣйшаго общества въ столицѣ и очень часто посѣщался самою императрицей. По свидѣтельству проведшей въ немъ дѣтство княгини Дашковой, его посѣщали всѣ пріѣзжіе знатные иностранцы, художники, ученые, посланники. Объяснялось это не только гостепріимствомъ, высокимъ положеніемъ и вліяніемъ хозяевъ, но также ихъ просвѣщенностью, любовью къ наукамъ и искусствамъ. Самъ Ломоносовъ называлъ графа Михаила Илларіоновича «истиннымъ ученыхъ покровителемъ». Графиня Анна Карловна,

для своего времени, была очень хорошо образованная женщина. Даже русской грамотой, въ которой такъ всегда слабы были наши свѣтскія барыни, она владѣла весьма изрядно, судя по ея письмамъ. Она любила изящныя искусства и знала въ нихъ толкъ, много читала, много видѣла во время своихъ путешествій по Европѣ и, постоянно вращаясь у себя дома въ кругу артистовъ, ученыхъ и государственныхъ людей, при своемъ живомъ, воспріимчивомъ умѣ, несомнѣнно являлась выдающейся, интереснѣйшей личностью среди русскихъ женщинъ той эпохи. Все это, въ соединеніи съ внѣшней красотой, свѣтскимъ изяществомъ и престижемъ знатной богатой барыни, заставляетъ насъ видѣть въ лицѣ Анны Карловны одну изъ наиболѣе яркихъ, законченныхъ и наиболѣе привлекательныхъ представительницъ историческаго типа салонной дамы XVIII столѣтія на русской почвѣ.

Что касается ея вліянія при дворѣ, то и оно должно было быть немалое. Въ качествѣ фаворитки императрицы, она постоянно находилась съ нею въ общеніи, знала всю закулисную сторону жизни двора и высшаго общества, ловила на лету, изъ первыхъ рукъ, каждую придворную сплетню, каждую новость въ сферѣ дипломатической и государственной, и на этомъ основаніи могла быть не только «le ministre des affaires étrangères de ce temps—là», какъ характеризовалъ позднѣе графъ А. С. Строгановъ роль фаворитокъ Елисаветы, но могла и во «внутреннихъ дѣлахъ», въ судьбѣ карьеръ и положеній, оказывать вліятельное давленіе. Впрочемъ, повторяемъ, намъ неизвѣстно ни одного случая, гдѣ Анна Карловна злоупотребила бы своимъ вліяніемъ.

Въ замужествѣ Анна Карловна, надо полагать, была вполнѣ счастлива. Выйдя замужъ по любви за умнаго, образованнаго человѣка, отличавшагося «постоянствомъ и твердостью характера», какъ замѣтилъ о личности Воронцова графъ К. Г. Разумовскій, Анна Карловна прожила съ нимъ слишкомъ двадцать пять лѣтъ мирно и согласно (она овдовѣла въ 1767 г. и сама скончалась въ 1775 г.). Въ жизни Воронцовыхъ были, впрочемъ, тучи и легкія ненастья. Вскорѣ послѣ женитьбы и заграничнаго «вояжа» съ женою, Михаилъ Илларіоновичъ былъ заподозрѣнъ въ намѣреніи возвести на престолъ Петра Өедоровича, но оправдался; были потомъ еще извѣты и непріятности, пока онъ не упрочился окончательно. Но больше всего портили жизнь Воронцовымъ денежныя затрудненія.

Михаилъ Илларіоновичъ до женитьбы не имѣлъ состоянія; но слѣдуетъ думать, что Елисавета Петровна щедро одѣлила молодыхъ, доставивъ имъ возможность жить богато и ни въ чемъ себѣ не отказывать. Гельбигъ свидѣтельствуетъ, что домъ [1]) графини Во-

[1]) Въ перепискѣ М. И. Воронцова съ Шуваловымъ упоминается, что Анна Карловна въ 60-хъ годахъ купила у послѣдняго, въ Петербургѣ, одинъ изъ «ма-

ронцовой былъ одинъ изъ самыхъ роскошныхъ въ столицѣ, какъ это можно заключить, между прочимъ, изъ того, что послѣ ея смерти, въ 80-хъ годахъ, этотъ домъ нашли достаточно великолѣпнымъ для помѣщенія въ немъ высокаго гостя, принца Виртембергскаго, въ бытность его въ Петербургѣ.

Съ теченіемъ времени и по мѣрѣ возвышенія Михаила Илларіоновича на служебной лѣстницѣ, матеріальныя средства Воронцовыхъ, и въ началѣ значительныя, постоянно увеличивались отъ государевыхъ щедротъ; однако-жъ, что касалось «финанцій — сей пунктъ великимъ препятствіемъ удовольствія въ жизни» ихъ былъ постоянно, какъ выразился графъ въ одномъ письмѣ къ Шувалову. «Мы оба, — говоритъ онъ въ другомъ письмѣ о себѣ и о женѣ, — столь худые хозяева были и есть, что прямо своихъ денежныхъ долговъ не знаемъ».

Помимо худаго хозяйства, Воронцовы жили очень широко и открыто. Анна Карловна была щеголиха: любила хорошо одѣваться и отличалась изысканнымъ вкусомъ. Когда кто нибудь изъ близкихъ ей лицъ отправлялся за границу, она заваливала того порученіями по части покупокъ для ея туалета. Письма Воронцова къ Шувалову, во время бытности послѣдняго за границей, пестрятъ такими порученіями. Изъ Парижа Анна Карловна просила, напр., прислать ей «три дюжины лутчихъ рукавицъ разнаго сорта и доброты, также нѣсколько кусковъ всякихъ новыхъ лентъ» и т. д. Подобными «бездѣлицами», на которыя выходило по нѣскольку сотъ франковъ каждый разъ и которыя Шуваловъ охотно исполнялъ, еще болѣе обременяла Анна Карловна свою дочь во время ея заграничной поѣздки. Въ каждомъ почти письмѣ она поручаетъ ей что нибудь купить по части гардероба и при этомъ наставляетъ, чтобы она заграничные фасоны и моды изучала. «А что ты, — пишетъ она потомъ послушной дочкѣ, — тамошнюю моду переняла, это хорошо». Посылки отъ дочери изъ-за границы слѣдовали одна за другой, судя по частымъ благодарностямъ Анны Карловны. «Опахало твое я получила, и очень хорошо, и такъ ново, что ни у кого здѣсь нѣту. Два робронда получила, за которые я много, мой другъ, благодарствую», — пишетъ она въ одномъ письмѣ. «Благодарствую, мой другъ, — слѣдуетъ новое посланіе, — за присланную мантилью, и за гондолу, и за приборъ золотой... Мантилья такъ хороша узоромъ и покроемъ, что у меня еще не бывало такой хорошей мантильи»...

Такими сообщеніями по части гардероба переполнены письма Анны Карловны. Любила она также драгоцѣнныя украшенія — зо-

леньких дворовъ», пріобрѣтенныхъ передъ тѣмъ Шуваловымъ у Саввы Яковлева. Тотъ ли это «дворъ», о которомъ говоритъ Гельбигъ, неизвѣстно и сомнительно.

лото и камни, какъ это можно заключить по ея близкимъ сношеніямъ съ ювелиромъ Позье. У Позье она была одной изъ главныхъ заказчицъ, и притомъ одной изъ самыхъ исправныхъ въ платежѣ денегъ по заказамъ. Должно замѣтить, что въ то время роскошь въ одеждѣ была почти обязательной для придворныхъ дамъ, а страсть къ драгоцѣннымъ камнямъ до того развилась въ дни Елисаветы Петровны, что во время парадныхъ выѣздовъ даже «на дамахъ, сравнительно низшаго званія, бывало бриллiантовъ на 10—12,000 рублей», какъ свидѣтельствуетъ тотъ же Позье. Иностранцы поражались богатствомъ и роскошью костюмовъ нашихъ придворныхъ дамъ, которыя въ этомъ отношеніи далеко оставляли позади себя западныхъ щеголихъ. «Я думаю,—писала Анна Карловна по этому поводу своей дочери за границу,—что тамъ такихъ драгоцѣнныхъ платьевъ не носятъ, какъ у насъ раззоряются въ богатыхъ»... Она была права.

Раззоряясь на роскошныя одежды, Анна Карловна, какъ истая дочь своего вѣка, съ увлеченіемъ предавалась свѣтской разсѣянной жизни и очень любила театръ. Даже лѣтомъ она считала «лучшее то веселье—въ оперу ѣздить». Въ письмахъ къ дочери она подробно разсказываетъ о всѣхъ театральныхъ новостяхъ: о новыхъ пьесахъ, о дебютантахъ, о разныхъ театральныхъ приключеніяхъ, въ родѣ того, что «всѣ танцовщики сбѣсились, только одна Мантуанинша соли танцуетъ», наконецъ, скорбитъ о томъ, что опера «въ худомъ состояніи» и почти ѣздить въ нее нельзя.

Понятно, что такой образъ жизни, дорого стоившія поѣздки за границу и, въ довершеніе, «худое» хозяйство должны были разстроить состояніе Воронцовыхъ. По многимъ даннымъ, слѣдуетъ заключить, что они постоянно, съ первыхъ годовъ брака, нуждались въ деньгахъ и были обременены долгами, которыхъ часто не въ состояніи были погасить. Дѣло дошло до того, что въ 1765 году, Михаилъ Илларіоновичъ рѣшилъ произвести «большую реформу въ своемъ домѣ и въ расходахъ». «Большая реформа» заключалась, какъ онъ писалъ Шувалову, въ намѣреніи переселиться въ Москву, гдѣ для этого Воронцовы купили домъ за 12,000 рублей, и въ продажѣ нѣсколькихъ деревень для уплаты долговъ. Но и ранѣе этого Воронцовы не разъ были доводимы неразсчетливой жизнью и долгами до крайности. Такъ, уже въ 1747 году, Михаилъ Илларіоновичъ «для заплаты долговъ своихъ иного способа не имѣлъ, какъ продать всѣ свои деревни (въ томъ числѣ, пожалованныя передъ этимъ Елисаветой,—кексгольмскія), о чемъ тогда-жъ чрезъ газеты публиковать велѣлъ»... Главнымъ же и неизмѣннымъ «способомъ» для выхода изъ денежныхъ затрудненій служила Воронцовымъ монаршая щедрость Елисаветы, къ которой они весьма часто обращались. Сохранился рядъ просительныхъ писемъ М. И. Воронцова разныхъ годовъ, въ которыхъ онъ назойливо умолялъ го-

сударыню избавить его отъ долговъ и увеличить его доходы. Вѣроятно, моленія эти не оставались гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ.

У Анны Карловны была одна только дочь, родившаяся въ первые годы ея замужества, и, кажется, дѣтей у нея больше не рождалось. Дочь была названа именемъ матери и была очень любима родителями. Особенно нѣжно любила ее Анна Карловна даже тогда уже, когда она выросла и вышла замужъ, какъ можно судить по ихъ перепискѣ. Въ своихъ письмахъ къ дочери, Анна Карловна рисуется вообще очень чадолюбивой матерью, ласковой, кроткой, пекущейся о благѣ своего дѣтища, о его здоровьѣ, состояніи и общественномъ положеніи, и безъ всякаго оттѣнка родительской требовательности и ферулы.

Извѣстная княгиня Дашкова, двоюродная сестра и ровесница дочери Анны Карловны, освѣщаетъ нѣсколько въ своихъ запискахъ нашу героиню съ данной стороны, какъ мать—воспитательницу. Дашкова провела дѣтство въ домѣ Анны Карловны и воспитывалась вмѣстѣ съ ея дочерью. Дѣвочки жили въ одной комнатѣ, носили одинаковыя платья, обучались по одной программѣ и у однихъ и тѣхъ же учителей. Дашкова говоритъ, что Михаилъ Илларіоновичъ и Анна Карловна «ничего не жалѣли для того, чтобы доставить своей дочери и ей лучшихъ учителей и дать превосходное, по понятіямъ того времени, воспитаніе». Ихъ учили, напр., четыремъ языкамъ, разнымъ наукамъ, музыкѣ, танцамъ и т. д. Но княгиня жалуется, что «рѣшительно ничего» не было сдѣлано, чтобы «облагородить ихъ сердце и развить умъ. Дядѣ,—говоритъ она,—было некогда, а тетка (т. е. Анна Карловна) не имѣла для этого ни охоты, ни умѣнья»...

Послѣдній отзывъ не совсѣмъ справедливъ По крайней мѣрѣ, въ письмахъ Анны Карловны къ дочери очень часто высказывается материнское стремленіе «облагородить сердце» любимаго дѣтища. Она внушаетъ ей не разъ слушать совѣты «старыхъ», умныхъ людей, «помнить отцовы приказы», не забывать, что «хорошее поведеніе — начало человѣческаго благополучія», стараться быть всегда «образцомъ добродѣтели» и т. д. Конечно, это—прописныя нравоученія, не имѣющія большой цѣны, но уже одно ихъ присутствіе указываетъ, что Анна Карловна не совсѣмъ безучастно относилась къ нравственному воспитанію дочери, какъ увѣряетъ княгиня Дашкова.

Впрочемъ, нельзя не упомянуть, что Анна Михайловна далеко не оправдала ожиданій матери — видѣть въ ней «образецъ добродѣтели». Анна Михайловна вышла замужъ въ 1757 г. за барона (впослѣдствіи графа) А. С. Строганова, и бракъ этотъ вскорѣ оказался весьма неудачнымъ, причемъ поведеніе молодой женщины оставляло многаго желать со стороны морали.

Анна Карловна, въ качествѣ придворной дамы, была удостоена

высшихъ степеней и отличій: статсъ-фрейлины, потомъ статсъ-дамы и съ 1760 г. оберъ-гофмейстерины. Мы уже знаемъ, что на нее возложенъ былъ Елисаветой Петровной орденъ св. Александра Невскаго, чего удостоивались весьма немногія знатныя дамы. Въ 1762 г. Петръ III, благоволившій вообще ко всему семейству Воронцовыхъ, наградилъ ее орденомъ св. Екатерины. Анна Карловна вмѣстѣ съ дочерью своей находилась въ числѣ наиболѣе близкихъ лицъ у Петра Ѳедоровича, постоянно присутствовала въ его интимномъ обществѣ до послѣднихъ дней его царствованія и даже раздѣляла, вмѣстѣ съ немногими другими придворными дамами, неудачное бѣгство несчастнаго императора въ Кронштадтъ въ моментъ достопамятнаго «дѣйства». Извѣстно, что графъ М. И. Воронцовъ былъ въ числѣ немногихъ сановниковъ, остававшихся вѣрными Петру III до послѣдней минуты, и даже пытался убѣдить Екатерину не дѣлать переворота. Взойдя на престолъ, Екатерина великодушно обошлась съ сторонниками свергнутаго императора. Не мстила она и Воронцовымъ; по крайней мѣрѣ, съ первыхъ же почти дней ея царствованія мы видимъ Анну Карловну постоянно при дворѣ, въ числѣ наиболѣе почетныхъ дамъ, окружавшихъ императрицу. При коронаціи Екатерины, Анна Карловна, какъ значится въ церемоніалѣ, «оправляла» на государынѣ порфиру и андреевскій орденъ.

Вл. Михневичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЧЕРТА ИЗЪ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II.

СРЕДИ студентовъ Московскаго университета возникла въ 1861 году мысль представить государю императору всеподданнѣйшій адресъ и выразить въ немъ свои нужды и желанія, чтобы ихъ бытъ былъ устроенъ на подобіе германскихъ университетовъ и нашего Дерптскаго.

На сколько законны и основательны были такія желанія московскихъ студентовъ, разбирать здѣсь не мѣсто; исторія этого адреса, или съ этимъ адресомъ, представляетъ теперь, когда этому событію уже минуло четверть вѣка,—большой интересъ, какъ знаменіе тогдашняго времени. Притомъ же она, кажется, нигдѣ не была разсказана.

Проектъ всеподданнѣйшаго адреса былъ составленъ и обсужденъ студентами по курсамъ; послѣ того, было рѣшено приступить къ его подписи, для чего и собирались въ саду стараго университета студенческія сходки. Начальство университета, зная цѣль сходокъ, имъ не препятствовало, а тогдашній московскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ П. А. Тучковъ, черезъ знакомыхъ ему лично и принятыхъ въ его домъ студентовъ, братьевъ Раевскихъ (не знаю именъ ихъ, но это были внуки извѣстнаго генерала Раевскаго, съ семьею котораго былъ такъ близокъ нашъ великій Пушкинъ; одинъ изъ нихъ погибъ въ Сербскую войну), очень хорошо зналъ содержаніе адреса и, какъ говорили тогда, обѣщалъ даже студентамъ свое за нихъ ходатайство передъ государемъ императоромъ.

Собиранiе подписей подъ адресомъ близилось къ концу; студенческiя сходки происходили безъ шума и въ величайшемъ порядкѣ... Но тогда было въ московскомъ университетѣ свыше 400 студентовъ поляковъ. Польскiе студенты, находившiеся подъ руководствомъ такого главаря, какъ извѣстный Колышко (другъ Сераковскаго и вмѣстѣ съ нимъ казненный во время польскаго возстанiя 1863 года), очевидно, уже готовились къ возмущенiю, затѣвавшемуся тогда въ царствѣ Польскомъ и сѣверо-западномъ краѣ; въ виду этого, ради своихъ революцiонныхъ цѣлей, они постарались придать чисто студенческому движенiю политическую окраску... Началось съ того, что на сходкахъ стали раздаваться отдѣльныя противоправительственные возгласы и крики; затѣмъ, въ университетѣ, въ профессорской комнатѣ, кто-то изъ толпы обругалъ попечителя; кто-то другой—профессора Чичерина, третiй сдѣлалъ неприличную выходку передъ портретомъ государя императора... Словомъ, чисто студенческое дѣло превратилось въ какую-то безсмысленную и шумливую противоправительственную манифестацiю, финаломъ которой было памятное, вѣроятно, всѣмъ москвичамъ такъ называемое «сраженiе подъ Дрезденомъ» 10-го октября 1861 года. («Дрезденъ»—гостиница на площади, противъ дома генералъ-губернатора, куда поляки увлекли русскихъ студентовъ съ университетскаго двора). Сраженiе, какъ извѣстно, кончилось тѣмъ, что студентовъ, въ количествѣ около 400 человѣкъ, полицейскiе и жандармы загнали во дворъ Тверской полицейской части и арестовали. Хотя собственно поляки были главнѣйшими зачинщиками всей этой безобразной исторiи, но они устроили дѣло такъ ловко, что въ числѣ арестованныхъ оказались исключительно одни, русскiе студенты, и ни одного поляка...

Разобрать это происшествiе было поручено генералъ-губернаторомъ особой слѣдственной коммиссiи, подъ предсѣдательствомъ старшаго его чиновника особыхъ порученiй Бояркина, а въ числѣ ея членовъ входилъ, между прочимъ, профессоръ уголовнаго права Баршевъ.

Коммиссiя открыла свои засѣданiя на третiй день послѣ происшествiя и почти тотчасъ приступила къ освобожденiю арестованныхъ. Въ числѣ послѣднихъ находился братъ моего мужа А. П. З—ъ, двадцатидвухлѣтнiй юноша, бывшiй студентъ Дерптскаго университета и недавно передъ тѣмъ получившiй степень кандидата въ Петербургскомъ университетѣ. Онъ держалъ тогда въ Московскомъ университетѣ магистерскiй экзаменъ, готовилъ диссертацiю и былъ арестованъ на Тверской улицѣ случайно, по недоразумѣнiю. Коммиссiя, открывшая свои засѣданiя въ Пречистенскомъ частномъ домѣ, призвала его къ допросу первымъ, такъ какъ онъ вздумалъ, между прочимъ, протестовать противъ незаконнаго его ареста тѣмъ, что отказался въ тюрьмѣ отъ пищи и объявилъ тог-

дашнему приставу Пречистенской части, куда его посадили, «что онъ уморитъ себя голодомъ, если его не выпустятъ на свободу». Приставъ счелъ своею обязанностію доложить объ арестантѣ-постникѣ начальству, и возможно, что именно это обстоятельство и было причиною столь скораго его допроса.

Благодаря нелѣпому голоданію, на брата было обращено особенное вниманіе, и, хотя коммиссія не нашла никакой его виновности и послѣ перваго же допроса освободила его, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ взглянули на дѣло иначе: брата сочли, вѣроятно, петербургскимъ эмиссаромъ, такъ какъ мысль объ адресѣ явилась оттуда, и онъ въ числѣ шести человѣкъ, пострадавшихъ за эту исторію и высланныхъ административнымъ порядкомъ въ отдаленныя губерніи, былъ приговоренъ къ высылкѣ въ Курскъ, въ распоряженіе курскаго губернатора.

Наказаніе нетяжелое, и товарищи брата даже смѣялись надъ нимъ, говоря:—«Это тебя-де за голоданіе посылаютъ курскихъ соловьевъ слушать».

Дѣйствительно, Курскъ — не Вятка и не Архангельскъ, и не какой нибудь уѣздный городъ Пермской или Вологодской губерніи. Но ему трудно было разстаться съ Москвою. Въ промежутокъ времени отъ начала дѣла до его рѣшенія, онъ успѣлъ сдѣлаться женихомъ и поступилъ на службу въ московскую прокурорскую камеру, при тогдашнемъ московскомъ прокурорѣ, князѣ Багратіонѣ-Мухранскомъ.

Эти два обстоятельства какъ нельзя болѣе были въ его пользу, и онъ за нихъ ухватился.

Благодаря личному ходатайству за него князя Багратіона-Мухранскаго, полиція его не трогала и онъ былъ оставленъ временно въ Москвѣ, подъ предлогомъ болѣзни. Между тѣмъ, онъ успѣлъ получить удостовѣренія отъ университетской полиціи, что «она его участія въ бывшихъ безпорядкахъ не замѣчала», и отъ университетскаго начальства, что «онъ извѣстенъ ему только съ той стороны, что держитъ экзаменъ на степень магистра и занимается въ университетской библіотекѣ». Кромѣ того, была наведена также изъ дѣла бывшей слѣдственной коммиссіи подробная справка, въ которой положительно удостовѣрялось, «что никакого участія З—а въ бывшихъ университетскихъ безпорядкахъ слѣдствіемъ не обнаружено». Всѣ эти документы, вмѣстѣ съ прекрасной аттестаціей брата отъ его непосредственнаго начальника, были представлены кому слѣдовало въ Петербургъ, съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ состоявшагося о ссылкѣ брата рѣшенія. Зная объ этомъ представленіи прокурора, братъ мой, конечно, надѣялся на счастливый оборотъ своего дѣла; тѣмъ не менѣе состоявшееся рѣшеніе оставалось въ силѣ.

Я жила тогда съ мужемъ въ Петербургѣ; братъ писалъ мнѣ

изъ Москвы, прося справиться о положеніи дѣла, въ подлежащемъ министерствѣ. Но не смотря на мои неоднократныя посѣщенія канцеляріи «подлежащаго» министерства, я не могла добиться никакого толку.

Между тѣмъ, другой департаментъ того же самаго «подлежащаго» министерства, не имѣя, вѣроятно, никакихъ свѣдѣній о представленіи московскаго начальства, какъ нарочно обратилъ особенное вниманіе на дѣло брата и сталъ посылать въ Москву предписаніе за предписаніемъ одно строже другаго о немедленномъ приведеніи въ исполненіе состоявшагося распоряженія.

Вслѣдствіе этого, московскія власти отказались далѣе мирволить моему брату, и въ теченіе всего великаго поста, въ 1863 году, т. е. второй половины февраля и всего марта мѣсяца, разъ пять или шесть, къ маленькой московской квартиркѣ его подъѣзжала тройка съ двумя жандармами (тогда еще не было южной желѣзной дороги), чтобы обязательно свезти его въ Курскъ; но братъ все это время скрывался у своихъ знакомыхъ, проводя гдѣ день, гдѣ ночь, не ходилъ на службу и его безуспѣшно розыскивала полиція по всей Москвѣ.

Положеніе высылаемаго и преслѣдуемаго было тѣмъ болѣе непріятнымъ, что онъ, какъ я уже сказала, былъ тогда женихомъ, и на красную горку, приходившуюся въ томъ году на 7 апрѣля, была назначена самая свадьба.

И вотъ вдругъ я получаю депешу такого содержанія: «Кибитка ждетъ меня. Каждый часъ дорогъ. Похлопочи, гдѣ можешь и какъ можешь».

Получивъ такую отчаянную депешу, я и мой мужъ думали и обсуждали между собой, какъ же помочь? Но много думать было некогда, требовалось дѣйствовать. Было около 12-ти часовъ утра, и я рѣшилась отправиться къ бывшему тогда шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту Потапову. Онъ былъ на столько любезенъ, что немедленно принялъ меня. Я разсказала ему, въ чемъ дѣло, показала полученную депешу и просила о соотвѣтствующемъ распоряженіи тоже телеграммою.

Генералъ выслушалъ меня чрезвычайно внимательно, а на мою энергичную просьбу распорядиться телеграммой улыбнулся.

— Я, можетъ быть, такъ бы и сдѣлалъ,—сказалъ онъ:—если бы дѣло зависѣло отъ меня. Но вѣдь вы сами говорите, что оно въ министерствѣ. И оно дѣйствительно тамъ, такъ что я ничѣмъ не могу помочь вамъ.

— Кто же, послѣ этого, можетъ?

— Да если тамъ не захотятъ для васъ сдѣлать, то никто не можетъ.

— Какъ никто?—выговорила я со смѣлостью отчаянья:—я знаю человѣка, который все можетъ—это царь.

Генералъ пристально посмотрѣлъ на меня не то участливо, не то строго.

— О, царь, конечно, все можетъ; но вы, я полагаю, не имѣли даже въ мысли заходить такъ далеко съ вашею просьбою,—проговорилъ онъ какъ-то особенно внушительно.

— Имѣла, ваше превосходительство!—отвѣтила я съ обуявшею меня смѣлостью и, извинившись передъ Потаповымъ въ причиненномъ ему безпокойствѣ, направилась къ двери.

Онъ пріостановилъ меня словами.

— Я вамъ этого не совѣтую.

— Быть можетъ, вы прямо запрещаете мнѣ?—спросила я.

— Нѣтъ, я этого не дѣлаю, но не совѣтую,—произнесъ онъ съ съ разстановкою и съ такой улыбкой, какъ будто въ одно и то же время считалъ мою рѣшимость безумной и не вѣрилъ ей.

Я вышла.

Потаповъ до того простеръ свою любезность, что вышелъ вслѣдъ за мною и даже, къ изумленію двухъ подвернувшихся адъютантовъ, когда мнѣ подавали мое драповое пальто, дотронулся до него пальцами, дѣлая видъ, что тоже помогаетъ мнѣ надѣть его. Послѣдними словами его была шутка: «Вотъ вы и одѣты нѣсколько легко, а теперь, кажется, и сыро, и вѣтрено; надѣюсь, что вы придете къ болѣе умѣренному рѣшенію».

Ясно, что онъ не вѣрилъ моей рѣшимости обратиться къ царю.

А я взяла и обратилась,—вѣдь это былъ такой добрый, великодушный, обожаемый царь, а моя просьба казалась мнѣ такой великой важности, что я почти не понимала, что̀ было особеннаго и чрезвычайнаго въ томъ, что я рѣшилась обратиться къ царю.

Торопливо вышла я на улицу, сѣла на ожидавшаго меня возницу и сказала: «къ Зимнему дворцу». Тотъ не сразу даже понялъ—пришлось растолковать.

На Дворцовой площади извозчикъ снова обратился ко мнѣ съ явно недоумѣвающимъ видомъ:—«Ну, а теперь куда, барынька»?—Я снова повторила, что къ дворцу. Но, проѣхавъ до половины разстоянія между Александровской колонной и крайнимъ подъѣздомъ съ правой стороны, извозчикъ рѣшительно объявилъ, что де «къ крыльцу-то нашего брата не подпускаютъ». Я быстро вышла изъ саней, попросила извозчика подождать и вмѣшалась въ сермяжную толпу простаго люда, который скучился у подъѣзда, завидѣвъ стоявшаго тутъ всѣмъ извѣстнаго государева кучера съ медалью на груди. Въ этой сермяжной толпѣ, тогда только-что освобожденной отъ своего тяжелаго ярма, не было, быть можетъ, ни одного празднаго человѣка: у всякаго было свое дѣло, всякій куда нибудь спѣшилъ, и всякій, однако, останавливался, чтобы лишній разъ взглянуть на добрый и благостный ликъ своего Освободителя. При тогдашнемъ моемъ настроеніи мнѣ пришли на память

слова божественнаго зова: «Пріидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и азъ упокою вы». Я протѣснилась сквозь толпу, чтобы стать у самаго подъѣзда. Наскоро придуманный планъ мой состоялъ въ томъ, чтобы обратиться къ государю при самомъ его выходѣ. Погода была сырая и вѣтреная, то что̀ называется—пронзительная, и въ другое время мнѣ, конечно, показалось бы, что я второпяхъ въ самомъ дѣлѣ одѣлась нѣсколько легко для ненастнаго мартовскаго дня. Но мое возбужденное состояніе не давало мнѣ этого чувствовать. Я, на сколько могла, обдумывала первыя слова, съ которыми обращусь къ государю.

Но вотъ на подъѣздѣ показался адъютантъ и махнулъ платкомъ по направленію царскаго кучера. Толпа плотнѣе придвинулась къ подъѣзду. Но государевъ кучеръ, какъ я замѣтила, вмѣсто того, чтобы двинуться къ тому же подъѣзду, не торопясь, тронулъ лошадь въ объѣздъ толпы, направляясь къ подъѣзду отъ Невы. Мнѣ тотчасъ пришла мысль, что государь, вѣроятно, съ того подъѣзда и выйдетъ. Я чуть не бѣгомъ заторопилась поспѣть туда же. Но съ этой минуты, когда встрѣча съ государемъ мнѣ представилась уже столь близкой и возможной, моя храбрость почти совсѣмъ меня оставила; придуманныя мною первыя слова также были по дорогѣ мною растеряны. Къ довершенію всего, едва я поспѣла подъѣзду, какъ дверь отворилась и показался государь; я очутилась передъ нимъ лицемъ къ лицу! На немъ была енотовая шуба и фуражка съ краснымъ околышемъ.

Не помню съ точностью, какое было̀ мое первое слово, но только государь остановился, взглянулъ на меня и, замѣтивъ, вѣроятно, что вѣтеръ билъ мнѣ прямо въ лицо и охватывалъ меня кругомъ, тогда какъ я не обращала на это никакого вниманія и продолжала взволнованно говорить, сказалъ:

— Идите сюда, станьте тутъ; теперь, не торопясь, разскажите: въ чемъ дѣло, какой братъ, что̀ онъ сдѣлалъ?

Какъ сейчасъ помню, государь слегка картавилъ, не произнося отчетливо буквы «р», но голосъ у него былъ звучный, чисто грудной и замѣчательно пріятный.

Его величество обернулся лицомъ къ двери, а мнѣ указалъ стать передъ собою и, раскрывъ полы своей шубы, заслонилъ меня отъ вѣтра.

Столь великая благосклонность государя должна была бы ободрить меня; но вмѣсто того мое смущеніе достигло крайней степени. Я чувствовала, что говорю не совсѣмъ понятно для государя, и въ заключеніе сослалась на телеграмму.

— Теперь прочитайте вашу телеграмму,—сказалъ государь съ такимъ необычайнымъ благодушіемъ, которое совершенно меня уничтожало.

Я прочитала. Но, кажется, я не ошибусь, если скажу, что те-

леграмма мало помогла ясности моего изложенія и что государь гораздо больше самъ догадался, въ чемъ дѣло, чѣмъ изъ моей передачи.

— Фамилія вашего брата?—спросилъ государь.

Я повторила фамилію, потому что и прежде уже не одинъ разъ назвала ее.

Лице государя сдѣлалось какъ будто нѣсколько строже, и онъ запахнулся, чтобы идти.

— Эту исторію разбирало московское начальство, — сказалъ онъ:—и я долженъ ему вѣрить; какъ тамъ сдѣлали, такъ это и будетъ; кто виноватъ, тотъ заслужилъ свое наказаніе, а кто правъ...

Но послѣднихъ словъ государя я уже не разслышала, такъ какъ онъ произнесъ ихъ, уже садясь въ сани.

Государь уѣхалъ, а я осталась на мѣстѣ, какъ заколдованная.

— И зачѣмъ я не приготовила прошенія, въ которомъ бы могла объяснить все гораздо лучше?—упрекала я себя вслухъ. Помню, ко мнѣ подошелъ тотъ самый адъютантъ, который махнулъ платкомъ на подъѣздѣ; тронутый моимъ смущеніемъ, онъ предложилъ мнѣ проводить меня до моего извозчика и усадилъ въ сани.

— Ты квартиру барыни знаешь?—спросилъ онъ.

— Откуда взялъ-то?—знамо, помню,—отвѣтилъ тотъ.

— Ну, такъ вези ихъ домой, да смотри бережнѣе,—скомандовалъ офицеръ.

— Да, да, домой, на Фурштадтскую,—проговорила я и, поклонившись офицеру, поблагодарила его за любезность.

Я была въ какомъ-то туманѣ и очнулась лишь на окликъ извозчика, что мы пріѣхали.

Я вышла изъ саней и побѣжала было въ ворота дома, въ мою квартиру.

— А деньги-то?—крикнулъ вслѣдъ за мною извозчикъ.

— Ахъ да! сколько тебѣ?

— Да рублика два надыть; почитай, болѣе четырехъ часовъ продержали.

Въ кошелькѣ у меня была только рублевка и около двухъ рублей мелочи... Отдавъ извозчику рубль, я начала отсчитывать ему остальное.

— На чаекъ бы не грѣхъ съ вашей милости,—сказалъ онъ.

— Это за что? и такъ много...

— А за то, что съ самимъ батюшкой — царемъ разговаривали. Такое счастье не всякому выпадаетъ...

— Твоя правда!—согласилась я и отдала извозчику всѣ мои деньги, вмѣстѣ съ кошелькомъ.

Дома я застала у мужа только-что пріѣхавшаго изъ Москвы довольно извѣстнаго нашего писателя С. Т. С—каго. Съ его старшею дочерью братъ былъ помолвленъ. С—кій пріѣхалъ въ Петер-

бургъ также съ цѣлью хлопотать о своемъ будущемъ зятѣ и добиться, по крайней мѣрѣ, того, чтобы его не высылали изъ Москвы до 8-го апрѣля.

Я разсказала о моемъ похожденіи.

— Но это больше, чѣмъ безуміе!—воскликнулъ мой мужъ, когда я торопливо окончила мой разсказъ.—Да тебя самоё слѣдовало бы за это отправить въ кибиткѣ.

— Нѣтъ! отлично, барыня, все это вы сдѣлали... такъ и надо было... лучше и нельзя... весело говорилъ С-кій, цѣлуя мои руки. Но вы, барынька, чего добраго, на самомъ дѣлѣ простудились... мой будущій зятюшка, пожалуй, этого и не стоитъ...

Но молодое здоровье мое было крѣпко и два-три часа, проведенные на холодномъ вѣтрѣ, не оказали на меня никакого вреднаго вліянія.

Утромъ, на другой день, будущій тесть пріѣхалъ къ намъ прямо изъ министерства весь сіяющій. Ему объявили, что московскій генералъ-губернаторъ уже увѣдомленъ о пріостановкѣ исполненія и что братъ, во всякомъ случаѣ, будетъ оставленъ въ Москвѣ до 8 апрѣля, «а можетъ быть и далѣе», прибавляли съ улыбкой. Тамъ было уже извѣстно о «безуміи» какой-то молодой дамы, которая съ просьбой по этому дѣлу остановила государя у подъѣзда.

С-кій уѣхалъ въ тотъ же день въ Москву и на другой день прислалъ намъ депешу, что генералъ-губернаторъ формально разрѣшилъ брату остаться въ Москвѣ отпраздновать его свадьбу.

7-го апрѣля 1863 года, братъ повѣнчался и на другой день, съ самаго утра, молодые стали собираться и готовиться къ предстоящему имъ путешествію.

Часовъ въ 12 дня, во дворъ графа Толстаго, что̀ на Арбатѣ, гдѣ жилъ мой братъ, въѣхалъ на парѣ вороныхъ, въ пролеткѣ, приставъ Арбатской части, маіоръ Дренякинъ.

Братъ и молодая жена его увидѣли это изъ окна и оба тоскливо подумали: «ну, вотъ и въ путь!»..

Въ это время въ тѣсной квартиркѣ молодыхъ уже собралось довольно большое общество: всѣ родные молодой, а также друзья и знакомые ея мужа, съ поздравленіями и съ тѣмъ, чтобы проводить новобрачныхъ въ дорогу. Общество было веселое, шумливое, большею частью молодежь.

При входѣ маіора водворилось понятное молчаніе; всѣ ждали роковаго извѣстія.

Но маіоръ привезъ вѣсть не о ссылкѣ, что всѣми ожидалось, а нѣчто совсѣмъ другое.

— Поздравляю васъ, господинъ новобрачный, и васъ, милостивая государыня,—проговорилъ онъ, обращаясь къ брату и женѣ его.—Мнѣ поручено доставить вамъ свадебный подарокъ,—балагурилъ приставъ, вынимая изъ-за борта своего мундира бумагу, въ которой

было прописано, что представленіе московскихъ властей объ отмѣнѣ высылки брата въ «подлежащемъ» министерствѣ было уважено.

Всѣ бросились обнимать и цѣловать маіора...

Впослѣдствіи оказалось, что московскій генералъ-губернаторъ былъ увѣдомленъ объ уваженіи этого представленія телеграммой, совпадавшей какъ разъ со днемъ моего безумнаго поступка.

Спустя года три, или четыре, послѣ описаннаго случая, я хотѣла показать государя императора моимъ маленькимъ дѣтямъ. Такъ какъ его величество имѣлъ въ то время обыкновеніе гулять неизмѣнно въ 3 часа дня въ Лѣтнемъ саду, то я и пошла туда, взявъ съ собою двухъ старшихъ моихъ сыновей. Скоро я увидѣла шедшаго къ намъ навстрѣчу по подмосткамъ государя и поспѣшно сошла съ нихъ, поставивъ дѣтей рядомъ со мною, въ одну шеренгу.

Его величество поровнялся съ нами и, когда дѣти скинули передъ нимъ свои шапочки, а я почтительно поклонилась, дотронулся до козырька и, пристально взглянувъ на меня, улыбнулся своею доброю улыбкою.

Значило ли это, что государь припомнилъ мое лицо и мою безумную выходку, или улыбнулся своему благостному поступку, того рѣшить не берусь.

Е. И. Зарина.

СУВОРОВЪ ВЪ ЗЕРКАЛѢ НОВОЙ ИСТОРІИ[1].

Суворовъ не любилъ зеркалъ, но любилъ исторію. N. N.

Великіе люди ссорятъ историковъ. Въ то время, какъ одни стараются видѣть въ нихъ результаты народной жизни и цвѣты культуры націй, другіе, напротивъ, приписываютъ великимъ людямъ значеніе сѣмянъ для развитія цивилизаціи и видятъ въ нихъ не результатъ, а самую причину исторіи. Помирить спорящихъ трудно, потому что въ основѣ спора лежатъ чисто субъективныя идеи, мнѣнія и предразсудки самихъ историковъ. Несомнѣнно, что вліяніе великихъ именъ на современное, а часто и на послѣдующее общество весьма похоже на вліяніе пивныхъ дрожжей. Они повышаютъ импульсъ жизни, придаютъ совершающимся событіямъ характерное значеніе, окраску, и освѣщеніе, какъ бы заимствованное отъ ихъ личныхъ особенныхъ качествъ, и переносятъ послѣднія на всю эпоху. Но несомнѣнно также, что самые живые дрожжи нуждаются въ особой средѣ, приготовленной для воспринятія ихъ бродящаго начала. Отсюда можно вывести аксіому, что историческое величіе достается человѣку, не только обладающему исключительными способностями и организаціей, но и во-время родившемуся. Такимъ образомъ, великіе люди красятъ свое время, но только это самое время создаетъ условія, при которыхъ появленіе такихъ людей становится вѣроятнымъ, желательнымъ или возможнымъ.

---

[1]) Генералиссимусъ князь Суворовъ. А. Петрушевскаго. 3 тома. Спб. 1884 г.

Всего яснѣе послѣднее можно наблюдать на полководцахъ. Война, говорятъ у насъ, родитъ героевъ. Строго разсуждая, это несправедливо. Война представляетъ только условіе благопріятствующее проявленію военнаго таланта, но военный талантъ долженъ существовать независимо отъ войны, онъ уже долженъ быть въ тотъ моментъ, когда исторія предъявляетъ на него свое требованіе.

Однако, еще болѣе справедливо, что, если бы рядовой Суворовъ, стоя на часахъ въ Монплезирѣ, во время разговора съ Елисаветой, прямо бы заявилъ ей: матушка государыня, во мнѣ ты имѣешь лучшаго полководца своего времени, не держи же меня на часахъ, а пошли командовать арміею, — то такое заявленіе принято было бы только за простую дерзость глупаго мальчишка и не привело бы, вѣроятно, ни къ чему. Суворову, рядовому, надлежало сначала сдѣлаться извѣстнымъ по военнымъ дарованіямъ, а затѣмъ уже дѣлать исторію.

Вотъ въ этой-то послѣдней части его исторической миссіи ему и помогло время.

Это время, вторая половина XVIII вѣка, создавая одну войну за другою съ самыми малыми передышками, дало возможность Суворову проявить свое исключительное дарованіе, но рядомъ съ этимъ оно само вовсе или весьма незамѣтно вліяло на образованіе и на зарожденіе послѣдняго. Превосходный трудъ г. Петрушевскаго, о которомъ я буду имѣть удовольствіе бесѣдовать съ читателями, посвященный исторіи великаго русскаго военачальника, какъ нельзя лучше и какъ нельзя яснѣе, является засвидѣтельствовать, что Суворовъ и какъ полководецъ, и даже вообще какъ человѣкъ опередилъ свое время приблизительно на цѣлое столѣтіе. Проявивъ въ безпрестанныхъ войнахъ своего времени въ высокой степени оригинальный и самостоятельный талантъ, онъ заставилъ себя слушать, за собою слѣдовать и себя понимать своихъ современниковъ. Но замѣчательно, что вслѣдъ за своею кончиною онъ какъ бы исчезаетъ, быстро забывается, представляя скорѣе образъ легендарнаго богатыря, какую-то сказочную тѣнь, нежели реальное историческое явленіе или лицо. Его собственные ученики: Кутузовъ, Багратіонъ, Милорадовичъ и Ермоловъ, со смертью Суворова теряютъ приданную ихъ испытанному мужеству окраску чудо-богатырей и мало-по-малу засасываются рутиною современнаго имъ боеваго искусства. Затѣмъ наступаетъ забвеніе, до того тихое, что послѣднему историку съ трудомъ приходится отыскивать истину среди всевозможныхъ выдумокъ и сказокъ, сочиненныхъ про великаго русскаго полководца раньше, нежели у него явилась своя правдивая исторія. Только спустя 50 лѣтъ послѣ его смерти, военныя идеи Суворова начинаютъ казаться здравыми, пріобрѣтаютъ интересъ и получаютъ въ трудахъ новѣйшихъ и талантливѣйшихъ русскихъ военныхъ писателей (Милютина, Драгомирова, Леера, Петрушев-

скаго) свою настоящую оцѣнку. Только теперь мы понимаемъ Суворова какъ слѣдуетъ, только теперь у него есть настоящіе, сознательные и преданные ученики.

Вотъ почему именно теперь появленіе правдивой исторіи этого замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка такъ желательно и почему трудъ генерала Петрушевскаго является какъ нельзя болѣе кстати. Я уже имѣлъ случай назвать это сочиненіе прекраснымъ. Во всемъ до сихъ поръ написанномъ о Суворовѣ, безъ сомнѣнія, монографіи этой будетъ принадлежать первое мѣсто какъ по полнотѣ изложенія, массѣ рукописныхъ и печатныхъ источниковъ какими пользовался авторъ, а также по весьма трезвому и симпатичному освѣщенію, приданному чудаковатой фигурѣ Рымникскаго героя, хотя именно въ этомъ освѣщеніи чувствуются коекакія противорѣчія и видна нѣкоторая неустойка историка въ желаніи удержаться на почвѣ безтенденціознаго, индифферентнаго описанія голыхъ фактовъ. Въ концѣ-концовъ Суворовъ и здѣсь одержалъ еще одну побѣду, и взятый имъ въ плѣнъ г. Петрушевскій, въ первомъ и во второмъ томѣ держащійся еще на почвѣ такъ называемаго историческаго безпристрастія, въ третьемъ незамѣтно для самого себя дѣлается панегиристомъ своего героя. Да и нельзя иначе. Личность генералиссимуса до того оригинальна, до того своеобразно геніальна, что надо еще удивляться сравнительному хладнокровію и завидной выдержкѣ его послѣдняго историка.

I.

До сихъ поръ большинство нашихъ такъ называемыхъ образованныхъ людей знало о Суворовѣ множество невѣроятныхъ по своей экстравагантности анекдотовъ и не хуже иностранцевъ думало и думаетъ, что Суворовъ представлялъ типъ кровожаднаго бурбона, не знающаго состраданія къ слезамъ женщины и не щадящаго при нуждѣ и малыхъ ребятъ. Съ его именемъ въ глазахъ даже русскихъ людей какъ-то невольно связывалось понятіе о человѣкѣ дикой, непоколебимой воли, не знавшаго состраданія и не щадившаго солдатъ какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ. Книга г. Петрушевскаго вноситъ въ это предвзятое и большинствомъ усвоенное мнѣніе совершенно новые элементы. Историкъ опровергаетъ достовѣрность цѣлой массы ходящихъ анекдотовъ и на мѣсто ихъ ставитъ дѣйствительные факты, заставляющіе признать въ Суворовѣ не только одного изъ образованнѣйшихъ дѣятелей царствованія Екатерины Великой, но и одного изъ наиболѣе мягкихъ, гуманныхъ и даже честнѣйшихъ людей своего времени.

По общему мнѣнію, А. В. Суворовъ наслѣдовалъ родовую скупость отъ своего отца Василія Ивановича и вообще будто бы от-

личался корыстолюбіемъ. Между тѣмъ это на три четверти неправда. Суворовъ просто лично не зналъ нужды въ деньгахъ частію потому, что, родившись въ достаточномъ семействѣ, не зналъ нужды вообще, а еще болѣе потому, что, приготовляя себя сознательно къ боевой дѣятельности, самъ во всѣхъ своихъ личныхъ потребностяхъ пріучилъ себя быть скромнымъ и ограниченнымъ до-нельзя. Цѣлою массою фактовъ г. Петрушевскій доказываетъ, что Суворова не обиралъ развѣ только лѣнивый: его приближенные, въ выборѣ которыхъ онъ не былъ особенно счастливъ, родные, жена, съ которою онъ былъ въ разводѣ, наконецъ, даже коронные судьи, дѣлавшіе на него начеты по разнымъ служебнымъ упущеніямъ или вслѣдствіе недоразумѣній, возникавшихъ въ теченіе послѣднихъ годовъ его жизни, въ пору гоненія и опалы. Нерѣдко Суворовъ самъ являлъ примѣры истиннаго великодушія, какъ, напримѣръ, въ назначеніи пенсіи вдовѣ состоявшаго при немъ дежурнаго генерала Арсеньева, по смерти котораго осталась вдова съ нѣсколькими сиротами, при долгахъ на сумму въ 60,000 руб. Не смотря на то, что лично Суворовъ не видѣлъ Арсеньевой, онъ ей назначилъ единовременное пособіе въ 40,000 руб., замѣчая, что 20,000 руб., соблюдая экономію, вдова Арсеньева можетъ выплатить и сама [1]). Пенсіи платилъ Суворовъ сестрѣ своей Оленевой по 1000 руб. въ годъ, женѣ по 3000 руб.; содержалъ малоумнаго двоюроднаго брата Никиту и держалъ у себя въ деревнѣ какую-то Мейершу на полномъ содержаніи неизвѣстно за что, но положительно извѣстно, что не вслѣдствіе какихъ бы то ни было нѣжныхъ отношеній. Мало того, Суворовъ щедро разсыпалъ случайныя даянія, кому приходилось. Вотъ одинъ изъ такихъ примѣровъ.

Въ Тульчинѣ, — пишетъ г. Петрушевскій, — проживалъ одинъ французскій эмигрантъ, принятый въ русскую службу маіоромъ; онъ очень хворалъ, нуждался въ деньгахъ и въ уходѣ и, хотя желалъ выписать свою жену, но не могъ этого сдѣлать по крайней бѣдности. Суворовъ просилъ императрицу, черезъ графа Безбородко, о пожалованіи эмигранту пенсіи, далъ ему отъ себя 500 руб. на путевыя издержки жены и намѣревался назначить по 300 руб. ежегоднаго пособія.

Послѣднее, однако, не состоялось, потому что помѣшали родственники, вообще зорко наблюдавшіе за расходами старика, лично очень скромнаго въ своихъ потребностяхъ.

Еще характернѣе для освѣщенія внутренняго человѣка въ полководцѣ Суворовѣ его удивительныя отношенія къ крестьянамъ.

Во-первыхъ, онъ никогда не давалъ изъ своихъ крестьянъ рекрутовъ, нанимая таковыхъ у сосѣдей или на сторонѣ, причемъ

[1]) Изъ этого назначенія, вслѣдствіе запутанныхъ денежныхъ отношеній съ зятемъ Суворова, Зубовымъ, привлекшихъ стараго воина къ уплатѣ долговъ ихъ отца, Арсеньева получила только 10,000 руб.

крестьяне платили за такого рекрута 75 руб. да изъ его средствъ добавлялось столько же. Во-вторыхъ, Суворовъ сильно не долюбливалъ барщины и всякихъ поборовъ натурою, допускавшихъ произволъ бурмистровъ, старостъ и т. п. властей надъ деревенскими захребетниками, и потому въ своихъ имѣніяхъ уже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія перевелъ такіе поборы на деньги, продолжая взимать оброкъ значительно ниже средняго оброка, существовавшаго въ его время. При этомъ даже «гостинцы», въ видѣ грибовъ, ягодъ и т. п., получаемые при оброкѣ, Суворовъ засчитывалъ за счетъ оброка. Въ-третьихъ, наказанія у него были крайне мягки, и въ то же время заботливость его о дворовыхъ и особенно о дѣтяхъ крестьянъ, которыхъ онъ видимо любилъ искренно, а не на показъ, по истинѣ трогательна. «Крестьянинъ богатѣетъ не деньгами, а дѣтьми, отъ дѣтей ему и деньги»—писалъ онъ постоянно и многократно, и вслѣдствіе такого убѣжденія, Суворовымъ практиковалось нѣчто въ родѣ премій и наградъ за многоплодіе. Напримѣръ, выдавался провіантъ на дѣтей до 5-тилѣтняго возроста, жертвовался рубль за новорожденнаго для «поощренія дѣтородства», дарились наряды. Заботясь о дѣтяхъ, Суворовъ въ одномъ изъ своихъ приказовъ писалъ:

«Указано моими повелѣніями, въ соблюденіи крестьянскаго здоровья и особливо малыхъ дѣтей, прописанными въ нихъ лекарствами, какъ о находящихся въ оспѣ, чтобы такихъ отнюдь на вѣтеръ и для причащенія въ Божію церковь не носить. Но нынѣ, къ крайнему моему сожалѣнію, слышу, что изъ семьи Якова Калашникова дѣвочка оспой умерла». Далѣе Суворовъ подтверждаетъ Калашникову о хорошемъ присмотрѣ за дѣтьми, «яко онъ и самъ отъ отца рожденный», и приказываетъ міру крѣпко смотрѣть за нерадивыми отцами и не дозволять младенцевъ, особенно въ оспѣ, носить по избамъ, «отчего чинится напрасная смерть». Въ другомъ приказѣ онъ пишетъ: «Ундольскіе крестьяне нечадолюбивы и недавно въ малыхъ дѣтяхъ терпѣли жалостный убытокъ; это отъ собственнаго небреженія, а не отъ посѣщенія Божія, ибо Богъ злу не виновенъ... Сіе есть человѣкоубійство, важнѣе самоубійства, порочный, корыстолюбивый постой проѣзжихъ тому главною причиной, ибо въ такомъ случаѣ пекутся о постояльцахъ, а дѣтей не блюдутъ».

На томъ же основаніи Суворовъ не допускалъ въ своей подмосковной деревнѣ пріема питомцевъ воспитательнаго дома: «Чужія дѣти изъ сиропитательнаго дома приносятъ одно нерадѣніе за собственными дѣтьми, мзда ослѣпляетъ, оттого чужихъ дѣтей на воспитаніе не брать».

Въ наказѣ новгородскимъ деревнямъ мы находимъ слѣдующія глубоко трогательныя строки:

«Особливо берегите дворовыхъ ребятишекъ, одѣвайте ихъ тепло и удобно, давайте имъ здоровую и довольную пищу и надзирайте ихъ воспитаніе въ благочестіи, благонравіи и наукахъ, чтобы не были современемъ такіе какъ прежніе злонравные холопы».

Наконецъ, отвращая эксплоатацію дѣтей родителями, онъ въ своихъ имѣніяхъ поставилъ правиломъ, чтобы малолѣтніе до 13 лѣтъ никогда вмѣсто матерей въ работу не посылались.

Также точно, какъ въ своихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, Суворовъ въ своихъ дѣйствіяхъ всегда стоялъ на сторонѣ бѣдныхъ и слабыхъ. Разрѣшая рубить и валить лѣсъ для пожоговъ и пашни въ извѣстныхъ мѣстахъ, онъ велитъ «удовольствовать прежде скудныхъ, а за симъ уже достаточныхъ, совмѣстнымъ разсмотрѣніемъ при священникѣ». Училъ крестьянъ при покупкѣ соли обходиться безъ перекупщиковъ, а устроивать покупку на всю общину.

Поддерживая міръ, какъ авторитетъ въ деревнѣ, онъ, однако, на сколько успѣвалъ и могъ, старался и здѣсь ограждать интересы захудалыхъ и бѣдняковъ отъ эксплоатаціи людей богатыхъ и сильныхъ.

Всего, однако, я не могу перечесть, потому что цѣлая масса такихъ свидѣтельствъ собрана историкомъ въ двухъ главахъ его книги, но думаю, что приведенныхъ выдержекъ довольно, чтобы показать, какое человѣческое и теплое сердце билось въ груди «безчеловѣчнаго» полководца.

II.

Другое общепринятое мнѣніе гласитъ, что Суворовъ былъ чудакомъ и слишкомъ часто проявлялъ ту степень чудачества и эксцентризма, которая близко граничитъ съ безуміемъ и умопомѣшательствомъ. Такъ ли это? Обратимся за отвѣтомъ къ нашему историку.

Чудачество Суворова съ довольно ранняго времени, т. е. едва ли не съ первыхъ его успѣховъ во время войны съ Барскими конфедератами, получило довольно опасный характеръ для самаго чудака, конечно. Какъ бы ни смотрѣть на странный языкъ Суворова и какъ бы ни цѣнить его грубыя и рѣзкія выходки, но при малѣйшемъ безпристрастіи и прозорливости нетрудно видѣть, что и этотъ загадочный языкъ, и эти выходки служили способомъ или средствомъ высказывать людямъ горькую для нихъ правду. Потемкинъ, конечно, былъ не менѣе чудакъ, не менѣе грубіянъ, чѣмъ Суворовъ, но въ то время, когда чудачества Суворова поражали всѣхъ безъ исключенія, выходки Потемкина падали всегда на младшихъ. Суворовъ всегда не ладилъ со своимъ начальствомъ. Въ первую польскую кампанію онъ ссорился съ Веймарномъ, въ первую турецкую войну съ Салтыковымъ. Объ этихъ послѣднихъ отношеніяхъ г. Петрушевскій пишетъ:

«Суворовъ былъ требователенъ и въ требованіяхъ своихъ настойчивъ; неспособность Салтыкова била ему въ глаза, и онъ не сдерживалъ языка, не скупился на ироническія выходки и остроты. Многіе писатели упоминаютъ про одну его злую насмѣшку, передавая ее различно. Кажется, сарказмъ состоялъ

въ томъ, будто «Каменскій знаетъ военное дѣло, но оно его не знаетъ; Суворовъ не знаетъ военнаго дѣла, да оно его знаетъ, а Салтыковъ ни съ военнымъ дѣломъ не знакомъ, ни самъ ему неизвѣстенъ».

Какъ видите, нельзя сказать, чтобы это раннее чудачество Суворова было направлено противъ слабаго. Салтыковъ былъ его начальникомъ, но, когда положеніе туртукайскаго героя перемѣнилось и онъ сталъ въ прямыя отношенія къ Потемкину, цѣль, куда направлялись его чудачества, также восходила все выше и выше. Послѣ знаменитаго штурма Измаила, т. е. послѣ подвига, который самъ Суворовъ, уже въ то время графъ Рымникскій, ставилъ выше всѣхъ своихъ подвиговъ, онъ ссорится съ самимъ Потемкинымъ.

Потемкинъ, удивленный блестящимъ результатомъ этого небывалаго штурма, приготовился къ торжественному пріему побѣдителя. Поджидая появленіе Суворова въ Яссахъ, онъ разставилъ вездѣ сигналистовъ и своему адъютанту приказалъ не отходить отъ окна. Что же дѣлаетъ Суворовъ? Онъ ночью тихонько пробирается въ Яссы, останавливается у своего стараго знакомаго полиціймейстера, а утромъ при самой каррикатурной обстановкѣ, въ невозможной колымагѣ, съ кучеромъ, одѣтымъ попольски, и съ лакеемъ въ жупанѣ на запяткахъ торжественно поѣхалъ къ Потемкину. Князь выбѣжалъ на крыльцо, но Суворовъ предупредилъ его желаніе спуститься, а вбѣжалъ на лѣстницу, и тамъ оба знаменитые современника обнялись и поцѣловались.

— Чѣмъ могу я наградить васъ за услуги, графъ Александръ Васильевичъ? — спросилъ Потемкинъ.

— Ничѣмъ, князь, — отвѣчалъ Суворовъ раздражительно: — я не купецъ и не торговаться сюда пріѣхалъ; кромѣ Бога и государыни, меня никто наградить не можетъ.

Нечего и говорить, какъ разсердился на этотъ отвѣтъ всесильный временщикъ и какъ плохо разсчиталъ Суворовъ, позволившій себѣ подобную злую выходку. Награда за Измаилъ была ему дана болѣе нежели скромная.

Въ общемъ строѣ понятій Суворова, преданность и вѣрность государынѣ, конечно, стояла на первомъ планѣ. Но и передъ монархиней языкъ Суворова не всегда удерживался въ должныхъ границахъ, почему она и не любила видѣть его при дворѣ.

Въ числѣ другихъ анекдотовъ, касающихся непридворности поведенія великаго солдата, мы находимъ у г. Петрушевскаго слѣдующій діалогъ. На одномъ придворномъ балу государыня, желая показать вниманіе фельдмаршалу, спросила его:

— Чѣмъ подчивать дорогаго гостя?

— Благослови царица водкой, — отвѣчалъ Суворовъ.

— Но что скажутъ красавицы-фрейлины, которыя будутъ съ вами разговаривать, — замѣтила Екатерина.

— Онѣ почувствуютъ, что съ ними говоритъ солдатъ.

Сӯворовъ.

Съ гравюры Уткина, сдѣланной съ портрета, писаннаго Шмидтомъ.

Но въ это время Суворовъ былъ уже фельдмаршалъ. Между тѣмъ гораздо ранѣе, во время знаменитаго путешествія Екатерины на югъ, онъ на ея вопросъ, какой онъ желаетъ награды за блестящее состояніе ввѣреннаго ему войска, въ присутствіи многочисленнаго общества, попросилъ ее заплатить нѣсколько рублей за квартиру, за которую будто бы задолжалъ.

Нѣсколько позже, когда онъ за это же путешествіе получилъ драгоцѣнную табакерку съ вензелемъ императрицы, то написалъ одному изъ своихъ управляющихъ: «а я за гулянье получилъ табакерку въ 7,000 рублей».

Замѣчательна и характерна также тревога, которую испыталъ Суворовъ, какъ отецъ, узнавъ, что его Наташа взята ко двору фрейлиною. «Не хочу, чтобы дочь моя попала на островъ Цитеру»,—писалъ онъ въ это время своему петербургскому фактотуму Д. И. Хвостову.

Также шло и дальше. Когда на закатѣ дней императрица выдвинула бездарнаго Платона Зубова, то не смотря на родство съ Зубовыми, Суворовъ поссорился и съ зятемъ своимъ Николаемъ, а съ самимъ Платономъ сыгралъ слѣдующую штуку.

По пріѣздѣ Суворова въ Петербургъ изъ Варшавы, онъ забѣжалъ обогрѣться къ Платону Зубову; послѣдній встрѣтилъ его не въ формѣ, а въ обыкновенномъ вседневномъ костюмѣ, что было принято фельдмаршаломъ за неуваженіе. На другой день Зубовъ пріѣхалъ къ Суворову въ Таврическій дворецъ съ визитомъ, и былъ имъ встрѣченъ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ. Присутствовавшему при этомъ Державину, котораго Суворовъ принялъ совершенно запросто и оставилъ обѣдать, послѣдній объяснилъ значеніе своего поступка словами: vice versa.

Но это было только начало. Нѣсколько позже, когда Зубовъ позволилъ себѣ невѣжливо писать къ фельдмаршалу, Суворовъ написалъ ему лично: «Ко мнѣ слогъ вашъ рескриптный, указной, повелительный, употребительный въ аттестаціяхъ!.. Нехорошо, сударь!»

Въ частной же перепискѣ онъ называлъ Зубова «козломъ, который и съ наученіемъ не будетъ львомъ».

На страницѣ 255-й втораго тома исторіи г. Петрушевскаго мы читаемъ:

«Издѣваясь надъ угодливостью и сговорчивостью П. Зубова, чтобы только сохранить милость состарѣвшейся императрицы, Суворовъ пишетъ: «князь Платонъ добрый человѣкъ, тихъ, благочестивъ, безстрастенъ, какъ будто изъ унтеръ-офицеровъ гвардіи; знаетъ намеку, загадку и украшается «какъ угоднымъ», что называется въ общенародіи лукавымъ, хотя царя въ головѣ не имѣетъ»... Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ: «при его мелкоуміи, онъ уже нынѣ возвышеннѣе князя Потемкина, который, съ лучшими достоинствами, въ своей злобѣ былъ откровеннѣе и, какъ великодушнѣе его, могъ быть лучше предпобѣжденъ... Я часто смѣюсь ребячьей глупости князя Платона и тужу

о Россіи. Снять узду съ ученика, онъ надѣнетъ ее на учителя. Вольтеромъ правила кухарка, но она была умна, а здѣсь государство!»

Сарказмы Суворова, относящіеся къ этому времени, шли еще выше. Онъ говорилъ про Павла Петровича: «prince adorable, despote implacable», и смѣялся надъ привычкой Александра Павловича являться въ театръ съ лорнеткой!

Весьма вскорѣ послѣ этого не стало Екатерины, и служебная карьера уже старика Суворова завершилась опалой и тяжелымъ заточеніемъ въ селѣ Кончанскомъ. Самая немилость и заточеніе вызваны были своевольнымъ неисполненіемъ Суворовымъ желаній молодаго государя. Но послѣ заточенія подъ надзоромъ Николева, распечатывавшаго всѣ частныя письма фельдмаршала и вообще чинившаго ему всякія притѣсненія, Суворовъ, вызванный въ Петербургъ, учинялъ на разводахъ всевозможные крайне опасные для него лично скандалы: уѣзжалъ съ развода раньше государя, ронялъ шляпу, путалъ ряды парада и т. п. Когда же Павелъ заводилъ рѣчь о вторичномъ поступленіи на службу, Суворовъ перебивалъ его и начиналъ безконечный разсказъ о штурмѣ Праги, Измаила и т. п. Затѣмъ при первомъ же пріѣздѣ ко двору заговорилъ съ Кутайсовымъ потурецки. Вернувшись назадъ въ Кончанское, онъ сталъ играть съ мальчишками въ бабки, говоря удивленнымъ зрителямъ, что въ Россіи столько развелось фельдмаршаловъ, что имъ только и дѣла, что играть въ бабки.

Все это въ высокой степени характерно, именно для Суворовскаго чудачества. Конечно, вышеприведенными примѣрами, которые можно было бы значительно пополнить его выходками въ Митавѣ, у французскаго короля Людовика XVIII, его вѣнскими и итальянскими чудачествами и т. п., родъ своеобразныхъ выходокъ фельдмаршала далеко не исчерпывается. Онъ бывалъ грубъ и невѣжливъ съ людьми маленькими столько же, сколько съ большими.

Но если поискать хорошенько, то за исключеніемъ нѣсколькихъ случаевъ, порожденныхъ интригами и наговорами приближенныхъ, во всѣхъ остальныхъ грубостяхъ Суворова съ младшими можно найдти достойныя и понятныя объясненія. Напримѣръ, возьмемъ слѣдующій случай. За фельдмаршаломъ во время его опалы надзиралъ и шпіонилъ нѣкій помѣщикъ Николевъ, и занимался этимъ не по долгу службы, какъ это дѣлалъ боровицкій городничій Вындобскій, къ которому Суворовъ всегда относился ласково и съ состраданіемъ къ его непристойной обязанности, а, такъ сказать, con amore. Между тѣмъ во время втораго вызова въ Петербургъ Суворова для итальянскаго похода, когда всѣ торопились поклониться внезапно возродившемуся изъ опалы герою, то въ числѣ послѣднихъ прибѣжалъ и Николевъ, тотъ Николевъ, который еще недавно не упускалъ случая разсердить старика, говоря ему «вы» вмѣсто «ваше сіятельство». Что же дѣлаетъ Суворовъ? Онъ приглашаетъ Николева обѣдать, но за столомъ

приказываетъ Прошкѣ посадить своего стараго тюремщика «выше всѣхъ», какъ своего благодѣтеля. Прохоръ придвинулъ къ столу диванъ, на диванъ взгромоздилъ стулъ и заставилъ на этотъ стулъ сѣсть бывшаго тюремщика по призванію. Это было невеликодушно, замѣчаетъ нашъ почтенный историкъ, и онъ, конечно, правъ, если великодушіе вообще почему нибудь требуется съ господами, занимающимися палачествомъ и шпіонствомъ изъ любви къ искусству. Не подлежитъ также сомнѣнію, что Суворовъ вовсе не прочь былъ на свою дерзость получить таковую же. Нужно было только, чтобы эта послѣдняя была своеобразно остра и вообще находчива.

Во время путешествія Екатерины II на югъ, въ свитѣ Потемкина находился полковникъ Александръ Ламетъ.

Видя незнакомое лицо иностранца, Суворовъ подошелъ къ нему и спросилъ:

— Откуда вы родомъ? — Французъ.

— Ваше званіе? — Военный.

— Чинъ? — Полковникъ.

— Имя?.. — Александръ Ламетъ.

— Хорошо! — сказалъ Суворовъ, кивнулъ головой и повернулся, чтобы идти. Ламета покоробило отъ такой безцеремонности; онъ заступилъ Суворову дорогу и, глядя на него вупоръ, сталъ задавать ему такіе же вопросы.

— Откуда родомъ? — Русскій, — отвѣчалъ, не конфузясь, Суворовъ.

— Ваше званіе? — Военный. — Чинъ? — Генералъ.

— Имя? — Суворовъ. — Хорошо! — заключилъ Ламетъ. Оба расхохотались и разстались пріятелями.

Подобный, но еще болѣе характерный случай произошелъ и съ однимъ русскимъ офицеромъ. Любя озадачивать своихъ подчиненныхъ разными вопросами, на которые никто не смѣлъ отвѣтить ненавистнымъ ему выраженіемъ «не могу знать», однажды Суворовъ обратился къ молодому кавалерійскому офицеру съ коварнымъ въ его устахъ вопросомъ.

— Что такое ретирада (отступленіе)?

— Не могу знать, — невозмутимо отвѣтилъ офицеръ.

Глаза Суворова засверкали, и гнѣвный потокъ рѣчей готовился излиться на неосторожнаго отвѣтчика.

Но тотъ былъ и самъ парень не промахъ.

— Ваше сіятельство, — продолжалъ онъ, — въ нашемъ полку это слово неизвѣстно и я никогда не слыхалъ его.

— Славный полкъ, славный полкъ! — закричалъ Суворовъ и затѣмъ, засмѣявшись, сказалъ присутствующимъ: — никогда не думалъ, чтобы проклятый немогузнайка могъ доставить мнѣ такое удовольствіе.

Согласитесь, что такое чудачество полно самаго глубокаго смысла.

Г. Петрушевскій, заканчивая вопросъ объ этой эксцентричной сторонѣ характера Суворова, всетаки, приходитъ къ выводу, что

чудачество лежало въ его натурѣ и что въ случаяхъ, гдѣ онъ себя сдерживалъ и являлся «очаровательнымъ», это стоило ему большаго труда и сильнаго напряженія воли. Безъ сомнѣнія, это такъ, потому что всю жизнь ломать комедію и розыгрывать чудака — задача невозможная. Поэтому безспорно Суворовъ по природѣ своей совершенно не походилъ на прочихъ людей и несомнѣнно долженъ былъ казаться страннымъ, рѣзкимъ, подчасъ, можетъ быть, и полуумнымъ. Но справедливо также и то, что, обладая уже особою, природною нервностью и эксцентричностью ума рядомъ съ необычайнымъ развитіемъ воли, Суворовъ часто чудачилъ нарочно, прямо понимая выгоды, сопряженныя съ шутовствомъ. Шутовство не только дѣлало его самого — некрасиваго, худаго, ничѣмъ по внѣшности не замѣчательнаго человѣка, замѣтнымъ, и оно же позволяло высокопоставленнымъ лицамъ прощать ему многія его выходки, въ которыхъ чувствовалась горькая правда, не распространяя въ то же время такого прощенія и права говорить въ глаза правду, — ни на кого инаго. Остальное сдѣлала долгая привычка, а также извѣстное явленіе, что разъ человѣка признаютъ смѣшнымъ, то всѣ его слова и движенія будутъ казаться смѣшными и забавными, какъ бы на самомъ дѣлѣ они просты не были. Напримѣръ, пріѣзжаетъ къ Суворову гость съ визитомъ во время обѣда. Суворовъ обѣдалъ очень рано, въ 9 часовъ утра. Суворовъ говоритъ этому гостю: «вамъ еще рано кушать, прошу посидѣть», — и эта фраза, которая могла быть совершенно невинною и простою, тотчасъ же записывается въ счетъ намѣреннаго невѣжества стараго брюзги и чудака.

Во время итальянскаго и швейцарскаго походовъ, Суворовъ подходилъ подъ благословенія всѣхъ священнослужителей безъ различія ихъ вѣроисповѣданій и служилъ благодарственные молебны въ католическихъ церквахъ; это была простая вѣротерпимость образованнаго человѣка, какимъ явилъ себя Суворовъ еще ранѣе, въ дни сватовства молодаго Эльмпта къ его дочери Натальѣ. Въ то время Хвостовы находили, что бракъ невозможенъ, ибо женихъ лютеранинъ, но Суворовъ писалъ по этому поводу своей племянницѣ: «стыдись, Груша — онъ христіанинъ».

Очевидное дѣло, тутъ выражалось прочное и здравое убѣжденіе человѣка умнаго и настоящаго христіанина. Но исторія записала и эти Суворовскія колѣнопреклоненія въ число его оригинальностей и шутовства. Вѣроятно, такъ было и въ другихъ случаяхъ не разъ, и вотъ такимъ-то образомъ создалось, выросло и раздулось понятіе о чудачествѣ одного изъ геніальнѣйшихъ дѣятелей Россіи.

III.

Если о Суворовѣ мы встрѣчаемъ распространенное мнѣніе, какъ о чудакѣ, то не меньшею популярностью пользуется также и повѣрье о его кровожадности, жестокосердіи, алчности и даже нечестности. Исторія г. Петрушевскаго горячо возстаетъ и фактически опровергаетъ такое ходячее мнѣніе, зашедшее къ намъ изъ-за границы, гдѣ личностью Суворова при его жизни интересовались гораздо болѣе, нежели въ Россіи.

Совершенно вопреки ходячему представленію о личныхъ качествахъ русскаго великаго полководца, Александръ Васильевичъ Суворовъ являлъ своему вѣку примѣръ хорошаго христіанина. Какъ полководецъ, онъ отличался высокимъ великодушіемъ къ побѣжденному врагу; по службѣ, въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ, бывалъ чаще слабъ, нежели строгъ, болѣе милосердъ, нежели справедливъ. Что же касается до личной честности, то принимая во вниманіе нравы того вѣка, распутнаго и помѣшаннаго на роскоши выше всякой мѣры и далѣе всякихъ границъ, Суворовъ стоитъ, какъ примѣръ личной добропорядочности, въ то время въ Россіи небывалый.

Приведу въ подтвержденіе нѣсколько вѣскихъ доказательствъ. Подъ покровомъ красивыхъ фразъ и торжества quasi — гуманной культуры въ наше время мы нерѣдко встрѣчаемъ настоящее торжество лицемѣрія. Прежде, даже и во времена Суворова, когда уже на Западѣ начинала загораться заря новой эры, все было гораздо проще, и тогда никому не приходила въ голову мысль смотрѣть на войну, какъ на большую дуэль между воюющими народами, на дуэль, обставленную всѣми гарантіями вѣжливости и рыцарскаго благородства.

Война была жестокостью и побѣжденному грозила не только насильственною смертью, но и раззореніемъ и всякаго рода насиліемъ. Въ этомъ духѣ воспитывали войска, и прежній солдатъ въ имуществѣ побѣжденнаго пріучался видѣть свое имущество, по праву завоеванія. Самые поводы войнъ, которыя велись главнымъ образомъ ради матеріальныхъ пріобрѣтеній, едва-едва прикрывались фиговыми листочками какой нибудь политической идеи, и по тому самому требовали отъ войскъ не только разбитія солдатъ врага, но и покоренія или устрашенія самого народа. Съ кабинетной точки зрѣнія это несомнѣнная жестокость нравовъ можетъ быть осуждаема и оплакиваема, но въ историческомъ ходѣ развитія, расцвѣта и упадка націй, только такіе матеріальные поводы и только такой матеріальный корыстный взглядъ на войну имѣли значеніе и приносили осязаемые результаты.

Войска Суворова не представляли въ этомъ смыслѣ исключенія, и потому среди его солдатъ, ходившихъ на штурмъ Туртукая, Измаила и Праги, крикъ «vae victis» былъ привычнымъ и знакомымъ крикомъ. Но явленіе это обычное всѣмъ войскамъ того времени, его не слѣдуетъ пріурочивать именно и только къ солдатамъ Суворова, какъ это дѣлается иностранными, а частію и русскими историками, а совершенно напротивъ слѣдуетъ указывать на попытки Суворова положить хищничеству и мародерству своихъ солдатъ возможно тѣсные предѣлы. Множество приказовъ во время польской и итальянской войны и цѣлые параграфы его «науки побѣждать» краснорѣчиво говорятъ именно въ этомъ смыслѣ.

«Обывателя не обижай: онъ насъ поитъ и кормитъ. Солдатъ не разбойникъ. Святая добыча: возьми лагерь — все ваше, возьми крѣпость — все ваше. Безъ приказа отнюдь не ходить на добычу».

Въ итальянскую кампанію, послѣ выступленія изъ Милана, къ Суворову начали поступать жалобы на мародерство солдатъ корпуса Розенберга. Суворовъ принялъ энергичныя мѣры противъ мародеровъ. Поставилъ въ хвостѣ колоннъ казаковъ и издалъ приказъ:

«Судъ короткій — старшій въ полку или въ баталіонѣ прикажетъ обиженному все сполна возвратить, а ежели чего не достаетъ, то заплатить обиженному на мѣстѣ изъ своего кармана; мародера — шпицрутенами по силѣ его преступленія, тѣмъ больше, ежели обиженный налицо будетъ».

А затѣмъ Суворовъ еще обращается прямо къ самому Розенбергу:

«Андрей Григорьевичъ! Бога ради учредите лучшій порядокъ; безчеловѣчіе и общій вредъ впредь падаютъ на особу вашего превосходительства».

Мы видѣли выше, что, посылая войска на штурмъ крѣпости или лагеря, Суворовъ говорилъ имъ — все, что возьмете, ваше. Это было въ духѣ вѣка и времени, но замѣчательно при этомъ, что самъ Суворовъ никогда и ничего не бралъ изъ награбленнаго въ свою пользу, чего нельзя сказать ни о Румянцевѣ, ни даже о Потемкинѣ.

Историкъ, сообщая объ этой замѣчательной чертѣ характера Суворова, приводитъ его отвѣтъ казакамъ, предложившимъ ему взять великолѣпно украшеннаго турецкаго коня, послѣ взятія Измаила. Отказываясь отъ этого приношенія, Суворовъ сказалъ:

— Донской конь привезъ меня сюда, на немъ же я отсюда и уѣду!

Одинъ изъ генераловъ замѣтилъ при этомъ, что теперь тяжело будетъ Суворовскому коню везти на себѣ вновь добытыя лавры; Суворовъ отвѣчалъ:

— Донской конь всегда выносилъ меня и мое счастіе!

Послѣ этого понятно, почему солдаты говорили: «нашъ Суворовъ въ побѣдахъ и во всемъ съ нами въ паю, только не въ добычѣ».

Человѣкъ, способный проявлять такое безкорыстіе по отношенію къ пріобрѣтеніямъ, за которыя никто бы не подвергнулъ его нареканіямъ, конечно, долженъ былъ быть, по времени, исключительно честнымъ человѣкомъ. Суворовъ и былъ именно такимъ исключительнымъ человѣкомъ, что и отразилось въ его необыкновенной щепетильности ко всему задѣвавшему или посягавшему на его честь со стороны служебнаго безкорыстія или взяточничества. А такимъ обвиненіямъ онъ въ теченіе своей многосторонней службы подвергался не разъ.

Вспомните, что Суворовъ управлялъ постройкою крѣпостей въ Финляндіи, что онъ же былъ посланъ укрѣпить нашу новую границу съ Турціею и, кромѣ того, завѣдывалъ дѣлами трудными и тяжелыми по переселенію Ногаевъ съ Кубани въ средне-азіатскія степи и за Уралъ. Всѣ эти порученія были особенно тяжелы Суворову, который чувствовалъ необходимость именно въ такихъ дѣлахъ упираться на людей честныхъ и безкорыстныхъ и въ то же время зналъ, что такихъ нужныхъ людей взять негдѣ.

Г. Петрушевскій, вообще стоящій на сторонѣ Суворова, въ одномъ только присоединяется къ числу обвинителей послѣдняго. Суворовъ, говоритъ онъ, не умѣлъ выбирать людей. Во второмъ томѣ своего труда, касаясь дѣла Вронскаго, нашъ историкъ пишетъ:

«Говорятъ, будто Суворовъ объяснялъ дурной выборъ своихъ приближенныхъ тѣмъ соображеніемъ, что честные люди слишкомъ рѣдки, а потому надо привыкать обходиться безъ нихъ. Это едва ли вѣрно, потому что Суворовъ не былъ мизантропомъ, а если бы приведенныя слова дѣйствительно принадлежали ему, то, всетаки, они его не извиняютъ, такъ какъ за людьми сомнительной честности требуется дѣйствительный надзоръ».

Между тѣмъ Суворовъ отваживалъ своими грубыми выходками, задѣвавшими самолюбіе, лучшихъ людей и въ то же время, самъ не распечатывая адресованныхъ къ нему конвертовъ, часто только выслушивалъ содержаніе бумагъ и подписывалъ ихъ, не читая. Этимъ пользовались люди, въ родѣ Тищенки, Мандрыкина, или фантазеры и доносчики, въ родѣ Вронскаго.

Этотъ приговоръ мнѣ кажется нѣсколько суровымъ. Чтобы выбирать людей, надо имѣть изъ чего выбирать, въ противномъ случаѣ поневолѣ будешь довольствоваться первымъ встрѣчнымъ. Суворовъ, вѣроятно, зналъ цѣну и Тищенкѣ, и Мандрыкину, услугами которыхъ онъ пользовался, въ присутствіи которыхъ ничѣмъ не стѣснялся, которыхъ, очевидно, не уважалъ и которыхъ въ концѣ концовъ и оставилъ въ томъ же ничтожествѣ, въ которомъ они пребывали до службы при его особѣ. Послѣднее есть также своего рода честность и у насъ особенно рѣдкая. Мнѣ кажется, что и отсутствіе мизантропіи тутъ не причемъ. Суворовъ вообще, какъ

помѣщикъ, какъ молодой генералъ и какъ старый полководецъ, смотрѣлъ на своихъ управляющихъ, адъютантовъ или сподвижниковъ чисто фаталистически. Онъ принималъ ихъ какъ нѣчто неизбѣжное, роковое, неотвратимое. Такъ, напримѣръ, какъ помѣщикъ, онъ терпѣлъ Черкасова, котораго какъ человѣка не любилъ, чувствуя отвращеніе вообще къ сутягамъ и юристамъ. Терпѣлъ Качалова, не смотря на его вѣчное немогузнайство. На Кубани онъ терпѣлъ Райзера, испортившаго ему всѣ его благія предначертанія по усмиренію горцевъ, терпѣлъ послѣ явныхъ ослушаній его приказаній и послѣ доказанной невозможности внушить ему, что благомудрое великодушіе иногда болѣе полезно, нежели стремглавый военный мечъ. Подъ Туртукаемъ Суворовъ, еще молодой генералъ, раздосадованный трусостью и неспособностью полковника Батурина, написалъ Салтыкову частное письмо, въ каждомъ словѣ котораго слышится ужасная досада. Этотъ же Батуринъ, назначенный имъ комендантомъ въ Негошти, самовольно уѣхалъ въ Букарестъ, и всетаки, когда Салтыковъ потребовалъ у Суворова формальнаго представленія объ отзывѣ или наказаніи Батурина, то Суворовъ отвѣтилъ такъ:

«Батурина формально представлять—отъ меня не станется: сердце не такое. Всякій полковникъ имѣетъ у себя многихъ пріятелей; такъ и онъ въ числѣ тѣхъ меня, что до партикулярности, по которой я имъ обязанъ [1]), что же до субординаціи, я могу сказать, что онъ ее довольно наблюдалъ, кромѣ сего разу».

Главною же виною Батурина Суворовъ считаетъ 17-е число (когда при аттакѣ Ребака, послѣдній не былъ поддержанъ двумя баталіонами, находившимися подъ командой Батурина) и въ письмѣ выражается объ этомъ такъ:

«Своею храбростью надменъ (онъ), распоровши диспозицію при началѣ, довольно было насъ всѣхъ опасности подвергъ, по малой мѣрѣ людей у насъ побольше желаемаго перепортили».

Въ результатѣ Батуринъ получилъ даже Георгія.

Въ итальянскую кампанію Суворовъ терпѣлъ Розенберга, очень храбраго генерала, но совершенно безъ способностей. За дѣло подъ Басиньяно (начатаго опрометчиво великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ), гдѣ Розенбергъ надѣлалъ много промаховъ, Суворовъ, послѣ многихъ личныхъ столкновеній съ этимъ генераломъ, всетаки, его не смѣнилъ, не смотря на разрѣшеніе императора Павла I.

Въ эту же кампанію Суворовъ терпѣлъ и Меласа, дважды его ослушавшагося и не кормившаго русскихъ солдатъ.

---

[1]) Батуринъ успѣлъ между 1 и 2 атаками на Туртукай оказать Суворову личныя услуги.

Слѣдовательно Суворовъ, очевидно, не придавалъ значенія окружавшимъ его людямъ и бралъ тѣхъ, которые попадались подъ руку. Конечно, онъ былъ весьма радъ, если передъ боемъ видѣлъ въ своихъ рядахъ Багратіона, и также, занимаясь фортификаціонными работами, дорожилъ свѣдѣніями и добросовѣстностью упрямаго и неподатливаго де-Волана. Но вообще не искать людей— было, кажется, его правиломъ. По дѣлу Вронскаго, по провіантскимъ преступленіямъ Тищенки и «Андрыки» (какъ онъ называлъ Мандрыкина) Суворовъ приказалъ произвести строгое слѣдствіе и наложилъ взысканіе на виноватыхъ, и только послѣ того, какъ факты убѣдили его въ глубокой нечестности самого Вронскаго, буквально обворовавшаго въ Варшавѣ какихъ то жидовъ, — онъ перестаЛъ заниматься его доносами, не ожидая отъ нихъ въ будущемъ предстоящихъ ему лично непріятностей.

Для характеристики отношеній Суворова къ доносамъ, задѣвавшимъ его личную честь, лучше всего привести слѣдующіе два факта. Во время нахожденія въ Астрахани Суворовъ писалъ Потемкину, что на него нѣкій тріумвиратъ, состоящій изъ сибиряка, армянина и татарина, сложилъ пасквиль, касающійся его поведенія въ Крыму. Посылая пасквиль Потемкину, Суворовъ объясняетъ нѣкоторыя его мѣста такъ:

— «Будто бы я хвасталъ, что точно я герой, что иду завоевать Персію». — Я только хвасталъ, что близко 40 лѣтъ служу непорочно.

— «Повѣщалъ хана съ корыстною цѣлью о контрибуціяхъ». — Просилъ у вашей свѣтлости денегъ, счелся съ моими доходами, нынѣ онѣ мнѣ ненадобны, ни дѣтямъ моимъ.

— «Требовалъ у хана, стыдно сказать, красавицъ». —Кромѣ брачнаго, я не разумѣю, чего ради посему столько много вступаюся за мою честь. — «Персидскихъ аргамаковъ». — Я ѣзжу на подъемныхъ.— «Лучшихъ уборовъ». — Ящика для нихъ нѣтъ. — «Драгоцѣнностей». — У меня множество брилліантовъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ ручекъ.—«Индѣйскихъ тканей».—Я, право, не знаю, есть ли тамъ онѣ».

Второй документъ касается пребыванія Суворова въ Финляндіи, когда стали про него распространять клеветы въ изнуреніи солдатъ и въ чрезмѣрной смертности и частыхъ побѣгахъ изъ фронта. Говорили, что войска наги и босы и не получаютъ срочной по закону одежды и т. п.

Все это ужасно оскорбило и раздражило Суворова и онъ пишетъ къ племяннику Хвостову.

«Однако, я не жалую, чтобы меня кто рѣшился порицать, я лучше буду требовать сатисфакціи». Затѣмъ онъ даетъ наставленіе, какъ поступать съ клеветниками: «Помните, никогда не négatif, не извинительное, оправдательное, ниже объяснительное, но упоръ наступательный... Я, какъ партикулярный человѣкъ, отвѣчаю всякому партикулярному человѣку, какъ равный ему—кто бы онъ ни былъ». Въ концѣ концовъ, однако, «фортификація» донимаетъ его и онъ пишетъ тому же Хвостову, но уже изъ Херсона:

«Бога ради избавьте меня отъ крѣпостей, лучше бы я грамотѣ не зналъ, извѣстны мнѣ многіе придворные изгибы, коими ловятъ сома въ вершу, но тамъ его благовидностью услаждаютъ, а меня обратили въ подрядчика!.. Напомните Турчанинову, что я не инженеръ, а полевой солдатъ, не Тучковъ, а знаютъ меня Суворовымъ и зовутъ Рымникскимъ, а не Вобаномъ».

Для характеристики Суворова со стороны личной честности у г. Петрушевскаго находимъ и еще много страницъ, и между ними особенно замѣчательны, касающіяся до борьбы Суворова съ смерт-

Памятникъ Суворову въ С.-Петербургѣ, на его первоначальномъ мѣстѣ.

Съ гравюры приложенной къ «Панорамѣ С.-Петербурга» Башуцкаго.

ностью солдатъ на югѣ и въ Финляндіи, въ виду того, что такая смертность обогащала командировъ полковъ и смотрителей госпиталей. По этому поводу Суворовъ часто писалъ лично императрицѣ, и ему удалось даже вызвать громъ и кару на голову командировъ Бѣлецкаго и Полоцкаго полковъ и на смотрителя карасубазарскаго провіантскаго магазина.

— Нѣтъ казни, которой тѣ канальи достойны,— писала собственноручно Екатерина. Но такъ какъ въ тѣ времена растлѣніе нравовъ военнослужащихъ доходило очень высоко и захватывало мно-

жество весьма высокопоставленныхъ и могущественныхъ лицъ, то старанія Суворова не приводили къ какимъ либо ощутительнымъ результатамъ. Зато, съ своей стороны, всѣ тѣ корыстолюбцы и взяточники, которыхъ задѣвалъ честный Суворовъ, при каждомъ удобномъ случаѣ старались отплатить ему какими нибудь непріятностями. Особенно типична въ этомъ отношеніи херсонская исторія съ подрядчиками.

Назначенный вопреки проискамъ враговъ, личной волей императрицы на югъ въ пограничную съ Турціею область, Суворовъ принялся дѣятельно за укрѣпленіе границъ, для чего (вѣроятно, въ виду желанія государыни, чтобы солдатъ не употреблять на работы) заключилъ съ разными подрядчиками контракты и за неимѣніемъ денегъ надавалъ имъ векселей. Это то и произвело переполохъ въ Петербургѣ, и тогда уже, какъ и въ позднѣйшія времена, очень строгомъ ко всякой дѣятельности истиннаго слуги отечества, если таковая, какъ бы ни была сама по себѣ полезна, оказывалась мало оформленной.

Началась переписка, на которую Суворовъ отвѣчалъ: «Вы временили 2 мѣсяца вмѣсто 2-хъ дней... Пропалъ бы годъ, если бы я чуть медлилъ контрактами, безъ коихъ по состоянію страны обойдтись не можно... Вы говорите, ихъ не надобно; это надлежало мнѣ сказать въ Петербургѣ. Такъ сей годъ повороту нѣтъ, будущій годъ въ вашей власти. Присылайте деньги и съ ними хоть вашего казначея».

Эти разумныя слова, разумѣется, ни къ чему не привели. Проекты его въ принципѣ одобрили, но такъ какъ никакое правительственное учрежденіе, кромѣ сената, не имѣетъ власти заключить контрактъ болѣе какъ на 10,000 руб., контракты, заключенные Суворовымъ, признавались недѣйствительными.

— Боже мой, въ какихъ я подлостяхъ,—писалъ Суворовъ Хвостову:—и князь Григорій Александровичъ никогда такъ меня не унижалъ!

И дѣйствительно, положеніе Суворова было весьма тяжко. Подрядчики зашли уже далеко и должны были вслѣдствіе такихъ распоряженій нести убытки, а нѣкоторые даже раззореніе. Какъ же поступилъ Суворовъ? Онъ написалъ Хвостову:

«Подрядчикамъ выданы деньги изъ казны, я долженъ буду внесть и, чтобы не отвѣчать Богу въ ихъ раззореніи, остальныя имъ дополнить. Чего ради извольте продать мои новгородскія деревни не ниже 100,000 руб., людей перевесть въ Суздаль».

Продажа не совершилась, но и самая рѣшимость поступить такъ изъ принципа хорошо рисуетъ Суворова.

Другой случай былъ гораздо позже, во время его кончанскаго заточенія. Въ это время враги его вновь подняли дѣло Вронскаго, дали ходъ требованіямъ его расточительной жены объ уплатѣ зна-

чительнаго сдѣланнаго ею долга и, наконецъ, даже приговорили Суворова платить 5,628 червонцевъ за взятые у польскаго помѣщика Ворцеля лѣсъ и поташъ, составившія при занятіи русскими войсками Бреста военную добычу. Къ этому же вопіющему дѣлу пристроили также претензію маіора польскихъ войскъ Выгоновскаго, требовавшаго съ Суворова 36,000 рублей за опустошеніе и истребленіе во время польской войны его имѣнія, состоявшаго изъ усадьбы, разбитой гранатами во время боя.

— Я не зажигатель и не разбойникъ!—оправдывался Суворовъ. Но дѣло его, всетаки, безпокоило и онъ писалъ Хвостову:

«Въ несчастномъ случаѣ — бриллiанты; я ихъ заслужилъ, Богъ далъ, Богъ и возьметъ и опять дать можетъ.

Итальянская кампанія потушила нелѣпую претензію Выгоновскаго, но по такому же дѣлу Ворцеля, съ Суворова взыскивали 28,000 рублей кредитныхъ, для чего на его кобринскія имѣнія былъ наложенъ секвестръ.

Этихъ примѣровъ, мнѣ кажется, совершенно достаточно (а въ книгѣ г. Петрушевскаго ихъ собрано еще гораздо болѣе), чтобы признать въ особѣ русскаго фельдмаршала человѣка безупречнаго во всѣхъ дѣлахъ, касавшихся его личнаго безкорыстія и личной чести.

IV.

Въ заключеніе, къ сказанному, для полной обрисовки великаго русскаго полководца, отраженнаго зеркаломъ новой исторіи, остается еще сказать нѣсколько словъ о его жестокости и кровожадности, а также о натурализмѣ Суворова, какъ военнаго человѣка.

Исторія г. Петрушевскаго является съ документальными опроверженіями ходячаго мнѣнія о жестокосердіи Суворова. Напротивъ, опередивъ свой вѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ, Суворовъ и въ этомъ случаѣ представляетъ замѣчательное исключеніе изъ общихъ правилъ.

Смыслъ его военныхъ операцій и значеніе суворовскаго способа обученія войскъ весь заключается въ глубоко укоренившемся убѣжденіи, что войска теряютъ главную массу убитыми и ранеными при отступленіи или при наступленіи нерѣшительномъ. Поэтому Суворовъ болѣе всего боялся «ретирадъ», ненавидѣлъ разныя дѣтскія «демонстраціи» и требовалъ въ исполненіи всякаго военнаго манёвра быстроты и натиска. Вся его боевая дѣятельность ярко свидѣтельствуетъ о безусловной правильности такого взгляда. Нѣтъ такого глупаго и неспособнаго теоретика войны, которому бы не удалось одержать надъ Суворовымъ кабинетной побѣды. И стратегіи то онъ не зналъ, и диспозиціи писалъ плохо и маневрировалъ грубо и однообразно, хотя вездѣ одерживалъ побѣды—и надъ

турками, и надъ поляками, и надъ французами, предводительствуемыми такими генералами, какъ Моро и Массена, но тутъ, конечно, на сцену выходитъ счастіе, какъ deus ex machina, и довершаетъ побѣду правильнаго способа войны надъ дѣйствительною, но неправильною побѣдою на полѣ битвы.

Читая о подвигахъ Суворова, не разъ вспомнишь классическую фразу: военное искусство просто, но эта простота достается трудно.

Въ итальянскую кампанію и ранѣе при Рымникѣ и Фокшанахъ, Суворовъ съ помощью своихъ простыхъ правилъ—быстроты, натиска и глазомѣра, сдѣлалъ даже австрійцевъ героями, а, все-таки, когда орелъ палъ, надъ трупомъ его собралась стая воробьевъ и стала доказывать міру, что они, воробьи, гораздо бы правильнѣе могли одержать всѣ Суворовскія побѣды.

И такъ бываетъ и въ наши дни, да, впрочемъ, иначе и не будетъ вѣчно. Орлы кладутъ свою пару яицъ на высокихъ и неприступныхъ утесахъ, и развѣ только ниже ихъ гнѣздъ бѣгущія облака замѣчаютъ орлиную радость. Курицы несутся каждый день, и каждый день не могутъ себѣ отказать въ удовольствіи нашумѣть на весь курятникъ. Орлы совершаютъ дѣла, а мудрые и ученые каплуны пишутъ къ этимъ дѣламъ велерѣчивые комментаріи.

Суворовъ, какъ полководецъ, представляетъ явленіе по истинѣ необычайное. Даже съ чисто физіологической стороны онъ непонятенъ и необъяснимъ. Худой, маленькій, слабый, онъ успѣваетъ поработить себѣ свою собственную природу. Нападеніе на Туртукай ведетъ въ пароксизмѣ лихорадки, поддерживаемый двумя офицерами подъ руки. Раненый въ руку, въ ногу, въ шею, въ бокъ пулями, пострадавшій еще отъ пороховаго взрыва въ Кинбурнѣ, онъ всю жизнь не измѣнялъ суровому гигіеническому режиму и, будучи уже 70-ти лѣтнимъ старикомъ, на высотахъ снѣговыхъ Альповъ ѣхалъ верхомъ въ одной сорочкѣ. Замѣчательно это поразительное проявленіе воли, порабощающей себѣ животный организмъ. Также удивительно вліяніе Суворова на солдатъ, которые его боготворили. Появленіе Суворова среди отступавшихъ гренадеръ во второй день сраженія при Требіи, въ рубашкѣ, на донской лошади и съ развѣвающимся кителемъ сзади, надѣтымъ только на одинъ рукавъ, производитъ чудеса. Войска останавливаются, приходятъ въ порядокъ, снова бросаются на французовъ, прогоняютъ ихъ за рѣку и рѣшаютъ дѣло полною побѣдою. Какъ объяснить это съ точки зрѣнія «унтеркунфта» военнаго искусства, подъ какой тактическій или стратегическій «принципъ» подвести? Точно также замѣчательно уклоненіе Суворова отъ свиданія до сраженія съ принцемъ Кобургскимъ, командовавшимъ австрійцами подъ Рымникомъ. Это фактъ глубокаго значенія, фактъ сознательнаго дѣйствія въ такой психической области, куда обыкновенному смертному нѣтъ входа. И принцъ, неожиданно для себя измѣнившій своей природной неспособности и превратившійся

изъ австрійскаго медлителя въ рѣшительнаго, даже въ дерзкаго полководца, до конца своей жизни боготворилъ своего учителя и вдохновителя Суворова.

Все это въ характерѣ нашего полководца представляетъ тайну, которую не удалось еще хорошенько постигнуть, не смотря на старанія многихъ «каплуновъ» военной теоріи. Возьмемъ еще сраженіе при Нови, гдѣ Суворовъ видимо «насиловалъ» побѣду, которая ему не давалась, и гдѣ, преслѣдуя свою цѣль, онъ дошелъ даже до катанья передъ фронтомъ своихъ солдатъ по землѣ и до крика: «ройте мнѣ могилу, я не перенесу пораженія!». И вотъ это сраженіе, столь неправильно выигранное (по общему отзыву кабинетныхъ авторитетовъ), про которое самъ Суворовъ говорилъ: «что его будутъ ругать тактики», заставило разбитаго Моро дать такой отзывъ: «Что сказать о генералѣ, который обладаетъ стойкостью выше человѣческой, который погибнетъ самъ и уложитъ свою армію до послѣдняго солдата (т. е. заставитъ ее лечь добровольно), прежде чѣмъ отступитъ на одинъ шагъ».

И это говорилъ генералъ, Суворовымъ разбитый! Но ученый гофкригсратъ съ Вейротеромъ, у котораго, вѣрно, уже былъ и тогда заготовленъ планъ Аустерлица, — говорили и думали иначе.

Къ несчастью, слушатели у порицателей Суворовскаго «натурализма» всегда находились, и потому кровожадность покровительствуемаго «счастіемъ» полководца сдѣлалась общею притчею во языцѣхъ.

Но Суворовъ совсѣмъ не былъ жестокъ ни съ солдатами, ни тѣмъ болѣе съ непріятелемъ.

Въ числѣ первыхъ его литературныхъ трудовъ мы находимъ «Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ», между Кортецомъ и Ментецумой, Александромъ Македонскимъ и Геростратомъ, о необходимости великодушія для героевъ. Но это только теорія. Практика же Суворовскихъ войнъ показала, что онъ продолжалъ постоянно держаться мнѣнія, что солдатъ не машина (каждый рядовой долженъ понимать свой манёвръ,—говорилъ онъ сто лѣтъ тому назадъ) и не разбойникъ. Въ дѣйствіяхъ противъ польскихъ конфедератовъ мы уже находимъ осужденіе Суворовымъ жестокостей Древица, отрубавшаго у плѣнныхъ руки. Затѣмъ въ диспозиціи на ночное нападеніе на Туртукай читаемъ:

«Туртукай сжечь и разрушить, чтобы въ немъ не было непріятелю пристанища. Весьма щадить женъ, дѣтей и обывателей, мечети и духовныхъ, чтобы непріятель щадилъ православные храмы».

Въ послѣдствіи эти слова повторялись едва ли не во всѣхъ диспозиціяхъ Суворова, но особенное значеніе этому великодушію Суворовъ придавалъ въ польскую войну 1794 года.

Немногіе знаютъ, что въ числѣ вещей генералиссимуса находилась эмальированная табакерка съ лаврами изъ брилліантовъ. На

срединѣ крышки былъ изображенъ гербъ города Варшавы: плывущая сирена; надъ нею надпись: Warczawa zbawcy swemu (Варшава своему избавителю) — табакерка, полученная Суворовымъ за спасеніе города отъ ярости штурмовавшихъ Прагу русскихъ войскъ.

Польская война 1794 года, какъ всѣ войны русскихъ съ поляками, отличалась характеромъ жестокимъ, совершенно вопреки желанію Суворова. Но солдаты сами желали отомстить полякамъ за устроенную ими рѣзню русскаго отряда въ Варшавѣ и подъ Рословицами, и ихъ трудно было удержать. Всѣ диспозиціи Суворова въ эту войну рекомендуютъ войскамъ особое великодушіе. «Въ дома не забѣгать, просящихъ пощаду—щадить, безоружныхъ не убивать, съ бабами не воевать, малолѣтковъ не трогать»,—писалъ онъ въ своей диспозиціи штурма Праги. Кромѣ того, онъ далъ еще специальную инструкцію Ферзену, какъ поступать съ покорными и безоружными. Но все это не помогло, штурмъ вышелъ кровопролитный и жестокій; тогда Суворовъ, опасаясь за Варшаву, приказалъ русской артиллеріи разбить мостъ на Вислѣ, соединявшій Прагу съ Варшавою и тѣмъ дѣйствительно спасъ этотъ городъ отъ разграбленія. Это уже было дѣйствительнымъ великодушіемъ героя. Затѣмъ все дальнѣйшее поведеніе Суворова въ Варшавѣ, освобожденіе въ честь Станислава Понятовскаго 700 плѣнныхъ офицеровъ, братанье съ магистратомъ и поляками, наконецъ, хлопоты Суворова объ амнистіи, навлекшіе ему много личныхъ непріятностей, доказываютъ, что именно въ этой войнѣ, столь осуждаемой иностранцами за ея жестокость, онъ лично проявлялъ качества настоящаго рыцаря и хорошаго христіанина, можетъ быть, даже болѣе, чѣмъ русскому человѣку надлежало.

То же самое можно замѣтить и въ кампанію итальянскую, гдѣ онъ употреблялъ много стараній, чтобы какъ можно болѣе сгладить неизбѣжные ужасы войны. Въ эту кампанію, когда Меласъ не кормилъ русскихъ солдатъ, Суворовъ съ ними вмѣстѣ хлебалъ итальянскій супъ прямо изъ рѣки и утѣшалъ будущими приправами къ этому супу, если ихъ съумѣютъ взять у француза, но мародеровъ, всетаки, наказывалъ строже чѣмъ гдѣ либо. Плѣнныхъ онъ никогда не разстрѣливалъ (какъ дѣлалъ еще 15 лѣтъ позже Даву), но отпускалъ на честное слово, и заслужилъ восторженное отношеніе къ себѣ итальянцевъ. Замѣчательно также, что онъ терпѣлъ всѣ глупости гофкригсрата и всѣ притѣсненія австрійскаго интендантства до тѣхъ поръ, пока со взятіемъ Турина, который онъ считалъ необходимымъ возвратить сардинскому королю, не убѣдился въ безчестныхъ видахъ австрійскаго правительства. Съ этого времени Суворовъ какъ бы становится другой и явно начинаетъ высказывать презрѣніе къ своимъ союзникамъ, вообще не особенно честнымъ. Явленіе, характерно доказывающее, что Суворовъ былъ способенъ вести войны изъ-за идеи, также какъ онъ ихъ велъ за территоріальныя пріобрѣтенія въ интересахъ государ-

ства. Въ послѣднемъ смыслѣ интересно не только изученіе итальянской, но также и польскихъ войнъ, особенно войны 1794 года, какъ эти войны изложены въ трудѣ г. Петрушевскаго.

Въ заключеніе, мнѣ остается еще сказать о Суворовѣ, какъ о гигіенистѣ. Извѣстно, какъ онъ посолдатски ненавидѣлъ госпитали, а мы только теперь узнали, какъ онъ былъ правъ въ послѣднемъ отношеніи. Суворовская гигіена и сегодня еще годится для практическаго употребленія именно въ русскихъ войскахъ, и единственный ея недостатокъ въ глазахъ спеціалистовъ нашихъ дней— это краткость и вразумительность для каждаго, два качества, неохотно прощаемыя наукѣ ея аккредитованными жрецами и апостолами.

Не былъ Суворовъ любителемъ смертной казни, которую избѣгалъ какъ только было можно и не злоупотреблялъ онъ палками. Въ числѣ его отзывовъ мы, напримѣръ, находимъ и такіе: «ладно, что копорская рекрутская команда будетъ въ полку; только бы ее поберегли тамъ отъ палокъ и чудесъ». Осуждая дѣятельность иностранца Древица въ войну съ конфедератами, Суворовъ выражался, что въ его лицѣ въ Россію вернулись времена варварства.

Когда въ бытность Суворова въ Финляндіи высокостоящіе люди осмѣивали и осуждали взглядъ Александра Васильевича на дисциплину и субординацію, то Суворовъ, не пускаясь въ опроверженіе, писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что эти господа понимаютъ дисциплину въ кичливости, а субординацію въ трепетѣ подчиненныхъ.

Очевидно, онъ самъ и то и другое понималъ иначе. И дѣйствительно, даже въ серьезныхъ дѣлахъ, въ родѣ такъ называемой имъ «бѣды подъ Кинбурномъ», гдѣ Суворовъ, оставленный солдатами едва не попалъ въ руки турокъ,—онъ предпочиталъ милосердіе строгости и писалъ Потемкину: «не оставьте, батюшка, будущихъ рекомендованныхъ, а грѣшниковъ простите».

Вотъ, слѣдовательно, каковъ вообще былъ Суворовъ. Въ одномъ только нашъ прекрасный историкъ отказываетъ своему герою—въ скромности. Въ самомъ дѣлѣ Суворовъ зналъ себѣ цѣну и, дерзая на все, дерзнулъ и о себѣ написать такую правду:

«Одно мое желаніе, чтобы кончить высочайшую службу съ оружіемъ въ рукахъ. Долговременное мое бытіе въ нижнихъ чинахъ пріобрѣло мнѣ грубость въ поступкахъ при чистѣйшемъ сердцѣ и удалило отъ познаній свѣтскихъ наружностей; препроводя мою жизнь въ полѣ, поздно мнѣ къ нимъ привыкать. Наука просвѣтила меня въ добродѣтели: я лгу какъ Эпоминондъ, бѣгаю какъ Цезарь, постоянен какъ Тюреннь и праводушенъ какъ Аристидъ. Не разумѣя изгибовъ лести и ласкательствъ, моимъ сверстникамъ часто неугоденъ. Не измѣнилъ я моего слова ни одному изъ непріятелей; былъ счастливъ, потому что я повелѣвалъ счастіемъ».

Эти горделивыя, но вполнѣ справедливыя слова лучше всего могутъ служить эпиграфомъ къ исторіи великаго русскаго «чудо-богатыря», который поднялъ значеніе русскаго войска на высоту недосягаемую и явилъ въ своей особѣ человѣчеству примѣръ, до чего можетъ достигнуть слабый по физической природѣ человѣкъ, умѣющій хотѣть. Въ исторіи русскихъ великихъ людей послѣ Петра, Суворову принадлежитъ первое мѣсто; и новая исторія г. Петрушевскаго каждой своей страницей доказываетъ право генералиссимуса на это мѣсто. Самобытный, образованный и характерный Суворовъ принадлежитъ къ личностямъ, рожденіе которыхъ составляетъ необъяснимую загадку. На сто лѣтъ стоялъ онъ выше своихъ современниковъ и только черезъ сто лѣтъ дождался своей правдивой оцѣнки.

Мы уже много разъ говорили о высокомъ историческомъ значеніи труда г. Петрушевскаго, изъ котораго (сознаемся прямо), по цѣли поставленной себѣ задачи, взяли только однѣ свѣтлыя стороны. Трудъ этотъ безусловно заслуживаетъ вниманія къ себѣ и современниковъ, и потомства какъ по безпристрастію изложенія, такъ и по полнотѣ. Но, какъ и во всемъ, въ книгѣ г. Петрушевскаго есть недостатки. Все сочиненіе писалось около 8 лѣтъ, и потому въ манерѣ изложенія замѣтна разница между 1, 2 и 3 томами. Сначала авторомъ видимо всецѣло владѣетъ идея безпристрастія и историческаго индифферентизма. Но мало-по-малу герой овладѣваетъ историкомъ, такъ что въ третьемъ томѣ всѣ симпатіи послѣдняго безраздѣльно принадлежатъ Суворову.

Это, впрочемъ, еще далеко не недостатокъ, а скорѣе достоинство, придающее всему труду характеръ глубокой искренности и правоты. Но за то усвоенный г. Петрушевскимъ полемическій пріемъ съ источниками, неправильно или неполно освѣщающими событія, представляетъ нѣкоторыя неудобства для читателя, поставленнаго такимъ пріемомъ въ неловкое положеніе судьи, произносящаго сужденія только по показанію или возраженію одной изъ спорящихъ сторонъ. Затѣмъ значительнымъ недостаткомъ сочиненія представляется отсутствіе плановъ главныхъ сраженій, данныхъ Суворовымъ.

При слѣдующихъ изданіяхъ этого сочиненія такой недостатокъ безъ всякаго особаго труда можетъ быть исправленъ, а самое сочиненіе оттого только выиграетъ.

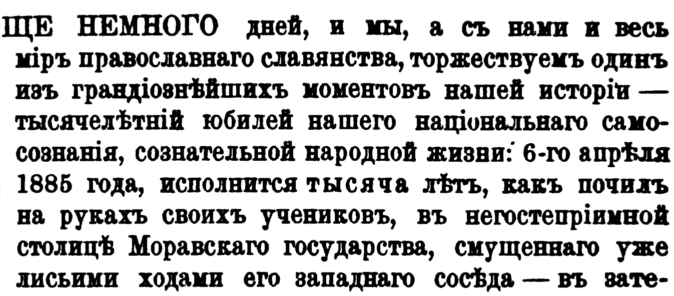
Въ заключеніе, замѣтимъ, что книга написана простымъ, хорошимъ русскимъ языкомъ, читается весьма легко всякимъ и въ концѣ-концевъ создаетъ въ умѣ впечатлительнаго читателя рельефный образъ необыкновеннаго человѣка, о которомъ при его похоронахъ пѣвчіе пѣли изъ 90 псалма:

«Падетъ отъ страны твоея тысяща, и тма одесную тебе; къ тебѣ же не приближится».

Съ выходомъ въ свѣтъ сочиненія г. Петрушевскаго сбылись эти пророческія слова. Тьма, было приблизившаяся, разсѣялась, и въ зеркалѣ новой исторіи, какъ въ чистой водѣ источника, русскій народъ можетъ созерцать прекрасный образъ своего вождя и героя.

В. П.

ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ СЛАВЯНСКАГО САМОСОЗНАНІЯ.



ЕЩЕ НЕМНОГО дней, и мы, а съ нами и весь міръ православнаго славянства, торжествуемъ одинъ изъ грандіознѣйшихъ моментовъ нашей исторіи — тысячелѣтній юбилей нашего національнаго самосознанія, сознательной народной жизни: 6-го апрѣля 1885 года, исполнится тысяча лѣтъ, какъ почилъ на рукахъ своихъ учениковъ, въ негостепріимной столицѣ Моравскаго государства, смущеннаго уже лисьими ходами его западнаго сосѣда — въ затерявшемся для потомства Велеградѣ, второй просвѣтитель и учитель славянъ, св. Меѳодій, носившій титулъ архіепископа Мораво-Паннонскаго [1])... Почилъ,— по замѣчательно глубокому своимъ смысломъ выраженію его нѣсколько оторопѣвшихъ учениковъ, уже чуявшихъ находящую грозу съ запада для себя и великаго, но увы! такъ безсердечно принятаго и не понятаго дѣла ихъ изстрадавшагося учителя — «Моравской земли великій гражданинъ, слава и хвала всей страны сѣверной»!..

Къ этому юбилейному дню историческихъ поминокъ готовятся всѣ славяне, всяческаго наименованія, и непосредственно, и посредственно участвовавшіе [2]) своею минувшею жизнью въ дѣлѣ

---

[1]) Моравію эпохи Меѳодія не слѣдуетъ смѣшивать съ нынѣшней австрійской провинціей этого имени: она захватывала юго-восточную часть послѣдней, по ту сторону Карпатъ, гдѣ живутъ теперь словаки. Въ имени князя Святополка слышался носовой звукъ у нѣмцевъ, славянъ и грековъ. Пресловутый разсказъ Константина Багрянороднаго о гибели Моравіи подъ ударами мадьяръ понятенъ только съ точки зрѣнія придунайской территоріи словаковъ, а нынѣшняя Моравія въ сторонѣ.

[2]) Поляки до вчерашняго дня стыдились исповѣдовать себя учениками св. Меѳодія, и въ то же время рьяность ихъ безъ границъ въ устройствѣ меѳодіев-

того просвѣщенія, на которое всѣ силы свои положилъ юбиляръ, кто искренне, кто лицемѣрно... Но, оставимъ побужденія: мы видимъ—славянскій міръ заколыхался, взволновался.

Какое торжество готовитъ нынѣшній Моравскій Велеградъ, вблизи котораго, вѣроятно, но не въ немъ, почіютъ, по злой ироніи славянской судьбы, невѣдомые для самихъ славянъ и по сегодня, бренные останки Святителя-Просвѣтителя? Въ чемъ интересъ этихъ поминокъ—чтó это за «то просвѣщеніе»?

Перенесемся въ Среднюю Европу за тысячу съ небольшимъ лѣтъ назадъ. Она уже крѣпко схвачена славянами. Они прочно установились отъ устья Лабы (Эльбы, корень, можетъ быть, въ славянскомъ лабудь, лебядь, съ эпитетомъ бѣлая) на сѣверѣ и вдоль Залы, мимо Чешскихъ горъ, горами Каринтіи и восточнаго Тироля (самый истокъ Дравы, гдѣ и теперь Windische Matray, т. е. славянская Матра), до впаденія Сочи (Исонцо) на югѣ, у Адріатики, даже съ уклономъ на западъ, ибо западнѣе Аквилеи и Града еще въ XII в. находимъ городъ Belogradum [3])! Знаменитая долина средняго Дуная, сначала узкая межъ горъ чешской котловины и славянскихъ Альпъ Тироля и Штиріи, а потомъ расширяющаяся до размѣра степей нашего южнаго края, была заселена славянами, еще, впрочемъ, не такъ давно (начало IX столѣтія) освободившимися отъ засидѣвшихся у нихъ азіатскихъ гостей—аваровъ. Долина-равнина искони богатая, плодородная — Токайская лоза ведетъ свою исторію отъ стараго Рима, она, естественно, рано привлекла благосклонное вниманіе и западныхъ, нѣмецкихъ, сосѣдей славянъ средней Европы. Дѣйствительно, въ то время какъ Карлъ Великій хозяйничаетъ среди славянъ Балтійскаго поморья и на средней Лабѣ, испытываютъ грозу нѣмецкихъ вторженій и чешскіе славяне на верхней Лабѣ, а Баварія успѣваетъ подчинить себѣ славянъ въ Тирольскихъ и Каринтійскихъ Альпахъ и уже заходила въ сердцевину славянской территоріи въ средней Европѣ — въ Паннонію (край къ нынѣшнему Пешту). Спокойною, беззаботною жизнью жилось однимъ славянамъ Дакіи — въ нынѣшней Трансильваніи. Глубоко ошибаются тѣ, которые полагаютъ, что славяне, жившіе въ IX столѣтіи на среднемъ Дунаѣ и въ Тран-

скихъ ликованій, австрійскаго толка. Всегда неудачные политики, они своею непризванною ролью изъ праздника мира и любви почти уже сдѣлали арену для другихъ страстей. По ихъ программѣ, юбилей Меѳодія имѣетъ цѣлью — братство католическихъ славянъ: «это будетъ семейный праздникъ, на которомъ нѣтъ мѣста ни врагамъ, ни фальшивымъ друзьямъ славянства», говорилъ еще въ октябрѣ прошлаго года «Dzienik Polski». Подъ послѣдними разумѣемся мы, русскіе. Вотъ результатъ недавняго обновленія братства чеховъ и поляковъ — этихъ двухъ евангельскихъ слѣпцовъ.

[3]) Для орьентированья можно имѣть въ виду, напримѣръ, карту Шпрунера: «Deutschland unter den Hohenstaufen», въ его извѣстномъ историческомъ атласѣ.

сильваніи, были варвары, дикари. Правда, о культурной жизни ихъ ничего не скажетъ исторія. Но гдѣ безмолвствуетъ человѣкъ съ своею скудною лѣтописью, знающейся обычно съ избранными міра, тамъ громко, во всеуслышаніе, глашаетъ языкъ: «тутъ жизнь была, тутъ жизнь цвѣла, только имѣяй уши слышати да слышитъ»... Если кто обратится къ языку мадьяръ, этихъ прямыхъ культурныхъ наслѣдниковъ славянъ средняго Дуная, онъ найдетъ, что вся масса словъ въ ихъ языкѣ, относящихся къ быту земледѣльческому, промышленному, соціальному и государственному (а здѣсь и выражается духовная цѣнность народа), отъ бороны (szoroszlya) и молота (kalapács) и до воеводы (vajda) и короля (király), принадлежитъ языку славянъ и на первомъ мѣстѣ — слявянъ средняго Дуная и Трансильваніи. О той же мѣстной культурѣ свидѣтельствуетъ и другой языкъ — языкъ географическихъ именъ Трансильваніи. Таковы: Окна, что собственно значитъ соляная копь, Рудна—металлическая россыпь, Баня — рудокопня и др. Языкъ — лучшій свидѣтель въ извѣстныхъ частяхъ исторіи.

Сравнительно легкая добыча славянъ обусловливалась не столько неблагопріятными данными природы, сколько образомъ ихъ политической жизни: уже старый византіецъ, не безъ справедливой усмѣшки, замѣтилъ о нашихъ предкахъ, что они способны къ одному — ἐν δημοκρατίᾳ βιοῦσι — жить по мелочамъ, дѣйствовать врозь. Но не смотря на свои успѣхи, нѣмецкій сосѣдъ понималъ, что путемъ одного открытаго насилія, испытаннымъ путемъ огня и меча, нелегко привести къ итогу свои заявленные счеты съ славянами Средней Европы: они засѣли въ громадномъ краѣ — отъ Балта до Адрія, да и немало ихъ. Сведеніе счетовъ облегчилось, когда Карлъ Великій заключилъ духовно-политическій союзъ съ римскимъ первосвященникомъ: союзъ двухъ міровыхъ силъ — папы, воскресившаго въ своей особѣ міровладычную идею языческаго Рима (urbi et orbi), и объявленной имъ новой Римской имперіи нѣмецкаго племени — открылъ надежнѣйшее орудіе порабощенія славянъ.

Правда, уже раньше являлись межъ славянъ западные миссіонеры. Но судьба этихъ миссіонерскихъ попытокъ была жалка: проповѣдникъ построитъ церковь, поставитъ священника; но вскорѣ славянская община возстаетъ, поднимаетъ крамолу (изъ нѣм. carmula, бунтъ), изгоняетъ священника и возвращается къ родной старинѣ. Не языческій фанатизмъ, не слѣпая ненависть къ христіанству руководили каждый разъ возстававшими общинами — нѣтъ, въ ихъ протестѣ противъ яко бы насаждавшихся сѣменъ религіи любви лежала глубокая причина: она нехотя указана извѣстнымъ сотрудникомъ Карла Великаго, Алкуиномъ. Когда одинъ баварскій миссіонеръ (Арнонъ, архіепископъ Зальцбурга) собирался на проповѣдь къ славянамъ средняго Дуная, Алкуинъ на-

путствовалъ его слѣдующими пожеланіями: ««esto praedicator veritatis, pietatis, non exactor decimarum», т. е. будь глашатаемъ истины, милости, но не вымогателемъ десятины. Наивно мотивированная въ началѣ правиломъ: «ut oves pascerent, ne ut lac consumerent, de lanis se contegerent», т. е. чтобы молочка овечекъ не трогать, а довольствоваться однимъ, другимъ клокомъ шерсти, эта теоретическая десятина скоро стала иною на практикѣ, и отъ овечки бралась не только шерсть, но и шкурка. Эта-то десятина, эти безжалостныя вымоганія со стороны нѣмецкихъ проповѣдниковъ христіанской любви — вотъ что возмущало язычниковъ-славянъ. Но теперь эта ненавистная десятина стала неизбѣжной, всякій вооруженный протестъ-крамола ничтожнымъ, когда за латино-нѣмецкимъ попомъ (изъ нѣм. phaffo) прошелъ безчувственный нѣмецкій солдатъ съ инстиктами каннибала: оба общими силами защищаютъ свои позиціи, оба утверждаются крѣпко [1]).

Церковь порабощаетъ духовно и матеріально, имперія — политически, и обѣ дѣйствуютъ согласно, въ гармоніи. Плоды, и обильные, гармоническихъ дѣйствій церкви и имперіи обнаружились скоро. Уже въ 836 году, въ сердцѣ Паннонія, у Блатенскаго озера (нынѣ Balaton) образуется нѣмецкій ленъ, для князя Прибины, измѣнившаго своимъ. Нѣмецкій дворъ непосредственно вмѣшивается въ дѣла другаго сосѣдняго славянскаго князя, моравскаго Моймира, и даже ставитъ княземъ его сына Ростислава, а Моравія была еще далека отъ имперіи. Въ то же самое время Паннонія и Моравія, формально края христіанскіе, уже считались за сосѣдними нѣмецкими епархіями — Зальцбурга и Пассау... Опасность полнаго политическаго порабощенія во-очію, и она, естественно, сознается прежде всего среди тѣхъ славянъ, которые первые образовали у себя государство — славянъ Моравіи. Ихъ князь Ростиславъ, по совѣщаніи съ лучшими людьми, отправляетъ пословъ въ Константинополь—за христіанствомъ. Это было около 862 года. Послы не скрывали, что они и люди ихъ уже христіане, но что, смущаемые торгашескими пріемами проповѣди, они требуютъ проповѣдниковъ милости, истины, а не десятины, которые сказали бы народу «всякую правду». Въ отвѣтъ на это моравское посольство, изъ Константинополя отправились къ славянамъ Моравіи и Панноніи два брата изъ Солоникъ, Кириллъ и Меѳодій, образованные

---

[1]) Чтобы достойно судить объ отношеніяхъ нѣмецкаго человѣка къ славянину того времени, мнѣ достаточно сослаться на хронику св. Галла (около 884 г.), на любовный разсказъ ея о войнѣ герцога Адальберта съ славянами, какъ онъ нанизывалъ славянъ на свое копье, словно лягушекъ, и въ знакъ побѣды носилъ ихъ, — «perforatos et nescio quid murmurantes», т. е. межъ тѣмъ какъ они, нанизанные славяне, бормотали про себя какія-то слова, конечно, не слова любви къ нѣмецкимъ сынамъ Христовой церкви. Не иными были рыцари и позже — при завладѣніи краемъ Литвы, Латышей, его организаціи...

и испытанные миссіонеры. И братья сказали призывавшимъ дѣйствительно «всякую правду», явились тѣмъ, чѣмъ желали видѣть ихъ призывающіе — спасителями отъ духовнаго и политическаго порабощенія со стороны нѣмецкаго сосѣда, надменно объявлявшаго устами баварскаго архіепископа: «sive velint, sive nolint, regno nostro subacti erunt», т. е. «волей-неволей вы, славяне, будете нашими». Но въ чемъ былъ ихъ рычагъ спасенія?

Кириллъ и Меѳодій объявили себя міру исповѣдниками veritatis, pietatis, чего напрасно добивались отъ своихъ лучшіе люди Запада, какъ Алкуинъ. Эта ихъ правда и христіанская любовь къ человѣку сказалась прежде всего въ начатой братьями сейчасъ же организаціи церкви, но съ народнымъ языкомъ въ ней, какъ ея органомъ, для чего они занялись организаціей славянскаго письма (вѣроятно, глагольскаго) для своей паствы, а затѣмъ переводомъ священнаго писанія и нужнѣйшихъ церковныхъ книгъ. Этимъ положено было основаніе, краеугольный камень новой въ христіанствѣ письменности и литературѣ—славянской. Всякое насиліе было далеко отъ братьевъ. Объ ихъ дѣятельности нельзя не сказать похвальными словами митрополита Иларіона: «бѣ благовѣріе его (Владиміра) съ властью съпряжено». Но «ластовица златоглавая», какъ называли Кирилла благодарные современники, пѣла недолго: Кириллъ вскорѣ умеръ, въ Римѣ (14 февраля 869). За то брату Меѳодію, принявшему изъ устъ умирающаго Кирилла заповѣдь — не покидать славянскаго дѣла, суждено было вести общее дѣло духовнаго обновленія славянъ еще долго, не смотря на массу тормозившихъ условій.

Если младшій Кириллъ былъ и ученѣе, и энергичнѣе своего старшаго брата-сотрудника, тѣмъ не менѣе главнѣйшій трудъ по устроенію славянской церкви, славянскаго литературнаго языка и письменности поднялъ на себя Меѳодій. Ужъ по тому, что онъ былъ назначенъ епископомъ въ Моравію, тогда какъ Кириллъ былъ только пресвитеромъ, дѣятельность его была болѣе успѣшна. Мы, на склонѣ XIX стол., не въ состояніи дать себѣ точнаго отчета въ томъ, что сдѣлалъ для нашихъ славянскихъ предковъ IX стол. св. Меѳодій: мы слишкомъ избалованы разнообразіемъ и изысканностью формы произведеній человѣческой мысли, слова, готовы забыть стариковъ. Но, если мы перенесемся на мѣста нынѣшняго Берлина, Парижа, за тысячу лѣтъ назадъ, то увидимъ не блестящую картину: здѣсь—топи и лѣса славянъ браниборскихъ, тамъ—едва подымающіеся интересы литературы и науки (самъ Карлъ Великій былъ едва грамотенъ). И вотъ—въ это самое время среди славянъ Моравіи и Панноніи является человѣкъ, который раскрываетъ передъ ними широко искусство письма, удачно приноровленнаго къ выраженію славянской рѣчи, а этимъ снабжаетъ ихъ навсегда могущественнымъ орудіемъ умственнаго развитія и самозащиты. Если бы подвигъ Меѳодія ограничивался одной этой педаго-

гическою дѣятельностью, то и тогда заслуга его безсмертна въ исторіи славянъ. Но подвигъ Меѳодія выше: Меѳодій создаетъ цѣлую обширную письменность, живущую и понынѣ въ славянской православной церкви, создаетъ литературный языкъ, который, по времени первый въ Европѣ, съ изяществомъ и точностью передаетъ самыя глубокія и возвышенныя мысли христіанскаго ученія: славянскій переводъ священнаго писанія, какъ онъ вышелъ изъ-подъ пера Меѳодія, художественный, образцовый, ибо онъ близокъ къ своему греческому оригиналу и въ то же время свободный, благородный. Конечно, такой переводъ отъ разу явиться не могъ; но на медленной, продолжительной выработкѣ его, съ тщательными сличеніями, выправками, выработывался самый литературный языкъ, который тогда же былъ употребленъ Меѳодіемъ на осуществленіе смѣлой мысли — о бокъ съ греческой и латинской церковной письменностью космополитическаго характера создать національную письменность — славянскую, но на точномъ основаніи той и другой, преимущественно же греческой. Являются въ славянскомъ переводѣ назидательныя слова отцевъ церкви, біографіи знаменитѣйшихъ подвижниковъ и дѣятелей христіанства, нравственно-философскіе сборники, сборники церковнаго права, однимъ словомъ, какъ выразился славянскій поэтъ, очевидецъ всей литературной дѣятельности Меѳодія и ученикъ его (Константинъ):

«И летитъ нынѣ Словѣньско племя,
Къ крещенію обратиша ся всѣ...»

Есть нѣкоторое основаніе полагать, что была сдѣлана попытка, въ подражаніе монастырской лѣтописи сосѣдней Германіи, создать свою лѣтопись, и первыя основанія знаменитой нашей «Повѣсти временныхъ лѣтъ», можетъ быть, нужно вести изъ Панноніи, а не просто изъ пасхальныхъ таблицъ Византіи.

Но плодотворное. благое вліяніе разнообразной культурной, истинно христіанской дѣятельности св. Меѳодія среди славянъ Моравіи и Панноніи не ограничивается областью средняго Дуная: оно проходитъ и въ близкіе, и въ далекіе уголки славянскаго міра, вездѣ полагая основы для славянской народной церкви, полагая основы національной письменности, народнаго самосознанія. Такъ, первые памятники чешскаго языка — это глагольскіе памятники церкви св. Меѳодія (листки Кіевскаго миссала и Пражскаго требника). Когда, спустя немного времени, славянская каѳедра Меѳодія была разнесена, и на ея развалинахъ водрузилъ свой побѣдный стягъ ликующій противникъ въ Прагѣ, когда вразумительныя слова гимна Меѳодія «Господи, помилуй» смѣнились чуждыми звуками «Kyrie eleyson»: пробужденное къ самосознанію чувство чешскаго народа ухватывается за послѣдніе остатки былой славянской церкви у себя, лелѣетъ и грѣетъ ихъ — до лучшихъ временъ... Но и древнѣйшіе памятники нашей русской письменности связаны съ тѣмъ же

общимъ источникомъ просвѣщенія — краемъ мораво-паннонскимъ: житіе чешскаго князя Вячеслава († 936), чинъ службы при перенесеніи его мощей въ 940 году изъ Болеславы въ Прагу, сохранились только въ русскихъ рукописяхъ. Самыя знаменитыя паннонскія біографіи Кирилла и Меѳодія, въ ихъ старѣйшемъ видѣ, имѣются въ русскихъ копіяхъ — въ рукописи XII столѣтія. Межъ Панноніей и Кіевомъ посредникомъ были Прикарпатскія земли, а Болгарія въ нашемъ раннемъ просвѣщеніи не при чемъ [1]). Даже славяне, жившіе по бассейну Одры и Вислы, и тѣ испытали на себѣ просвѣтительное вліяніе церкви и языка св. Меѳодія: у такъ называемыхъ сербовъ-лужичанъ, этого послѣдняго остатка тѣхъ славянъ, христіанская терминологія (церковь, попъ и др.) изъ языка Меѳодія. Почти подъ самымъ Берлиномъ есть лужицкая деревня Papitz: но это нѣмецкое имя — исковерканное славянское Popojce, т. е. Поповицы. Меѳодіева церковь была извѣстна и старымъ полякамъ, извѣстнымъ славянамъ «на Вислѣхъ».

Обстоятельства складывались самымъ благопріятнымъ образомъ для славянъ: дѣйствіе славянской проповѣди христіанства было сильно всюду. Дробныя славянскія племена, благодаря своей искони политической ползучести готовыя было уже стать навѣки рабочимъ матеріаломъ въ рукахъ циническаго, но умнаго сосѣда, призывались къ взаимному общенію, единенію, могущественнымъ словомъ народной церкви, и на спасающій зовъ ея слышались одни радостные отклики. Виднѣлось въ ближайшемъ будущемъ духовное обновленіе славянскаго міра, его мирное вступленіе въ великую общину христіанъ, перерожденіе его судебъ... Но, можетъ быть, нигдѣ и никогда близорукость и инертиость носителя свѣтской власти, т. е. дѣятельность единичнаго лица, не понимавшаго духа времени, потребы дня, не проявлялась, въ общей жизни народа, въ такихъ губительныхъ послѣдствіяхъ, какъ это было съ моравскимъ княземъ Святополкомъ въ его безучастныхъ отношеніяхъ къ Ме-

---

[1]) Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ мы позволяемъ себѣ толковать и извѣстное признаніе митрополита Иларіона въ похвалѣ кагану Владиміру: «вѣра благодатная по всеи земли распрострѣся и до нашего языка русьскаго доиде». Если извѣстные договоры Олега и Игоря съ Византіей были написаны поглагольски, что̀ весьма вѣроятно, то въ этомъ было бы свидѣтельство быстраго осажденія глаголицы, письма Кирилла, изъ Мораво-Панноніи въ Днѣпровской Руси. Эта быстрота не непонятна: для воспріятія глаголицы почва у днѣпровскихъ славянъ была уже подготовлена прежней жизнью. Если славянская глаголица есть систематизованное курсивное, т. е. домашнее, обиходное письмо грековъ VIII — IX стол., то русское письмо, найденное въ употребленіи Кирилломъ въ Херсонисѣ (Корсунѣ), получаетъ особый интересъ. Гдѣ, какъ не въ Херсонисѣ, коммерческомъ городѣ, ведшемъ живыя торговыя сношенія съ приднѣпровскою Русью, греческій курсивъ могъ быть впервые примѣненъ къ славянской рѣчи, напр., въ торговыхъ сдѣлкахъ, записяхъ, завѣщаніяхъ и прочихъ гражданскихъ актахъ?.. Первую, докирилловскую глаголицу можно бы назвать торговымъ, коммерческимъ письмомъ кіевской и прочей приднѣпровской Руси...

ѳодію и къ созданному имъ его великому дѣлу—славянской церкви и славянскому просвѣщенію. Эта поражающая насъ, отдаленныхъ потомковъ, безучастность князя въ судьбѣ «великаго гражданина Моравской земли» сказалась не только въ покорномъ допущеніи самоуправнаго, беззаконнаго вверженія его знаменитаго святителя въ баварскую тюрьму на три года со стороны злобствовавшихъ сосѣднихъ епископовъ Германіи,—это предварительный актъ, но еще больше въ добровольномъ и предупредительномъ преданіи себя въ распоряженіе своихъ лисьихъ совѣтниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ викарій Меѳодія, Вихингъ, будущій канцлеръ нѣмецкой имперіи. Дѣло имперіи было сдѣлано; защита ея интересовъ была проведена съ художествомъ. Умирающій Меѳодій, на зарѣ 6-го апрѣля 885 года, во вторникъ страстной седьмицы, избралъ въ преемники себѣ образованнѣйшаго изъ своихъ учениковъ, Горазда, уроженца Моравіи и высокаго происхожденія; но Горазду дѣйствовать долго не пришлось на нивѣ родной. Вихингъ съ своею игрушкою, княземъ Святополкомъ, не для того боролся противъ Меѳодія съ такою энергіею и съ рискомъ для себя, чтобы его избранному преемнику оставить поле битвы, а самому отступить: въ Гораздѣ продолжалъ жить Меѳодій. И Вихингъ является предъ Святополка съ новой, поражающей насъ своимъ содержаніемъ буллой папы Стефана V. Допускаемъ, что она добыта была путемъ наговоровъ и лжи [1]), но она имѣла страшные практическіе результаты. Она уполномочивала «любезнѣйшаго собрата» Вихинга строго бдѣть надъ посѣянными «заблужденіями» (superstitionem) отъ покойнаго Меѳодія и особенно надъ противящимися и упрямыми разносителями «плевелъ»: ихъ выбросить изъ лона церкви и угнать далеко, далеко за предѣлы державы Святополка. Говорить ли, кто здѣсь подразумѣвался?.. Естественно, Гораздъ съ своими товарищами. Они уже еретики. Горазду и его многочисленнымъ товарищамъ и дѣятелямъ по созданію славянской церкви и славянскаго просвѣщенія былъ скоро указанъ путь вонъ изъ Моравіи, данъ обязательный маршрутъ спуститься по Дунаю, и мощи Горазда почіютъ доселѣ въ глухой Албаніи, въ Арнаутъ-Бейратѣ. Болгарія и Кіевъ приняли въ себя результаты великой исторической дѣятельности Меѳодія, приняли его «стадо святое, ходящее по землѣ чуждой», выражаясь словами священной пѣсни его учениковъ, и—дали плодъ сторицею.

Священный край, гдѣ получила начало наша славянская церковь, наше націальное самосознаніе, край дѣятельности «храбраго,

---

[1]) Какъ желаетъ старикъ каноникъ М. Прохазка въ своей апологіи Рима: «Причины гибели митрополіи св. Меѳодія и ея славянской литургіи въ Велико-Моравской державѣ» въ журналѣ «Sbornik Velehradský». Папы всегда благодѣтели, врагъ—имперія. Мы старику признательны за приличный хоть тонъ по отношенію къ православнымъ.

по выраженію той же пѣсни, борца» противу «противныхъ духовъ», «земля Моравская, принявшая святое тѣло Меѳодія, и Паннонская, просвѣщенная имъ», сталъ нивой запустѣвшею, по которой теперь свободно сѣялись иныя сѣмена, иною рукою, а вскорѣ и самъ великій святитель и его младшій братъ Кириллъ тою же славянолюбивою рукою были объявлены подъ церковнымъ прещеніемъ, а надъ ихъ великою дѣятельностью было произнесено слово осужденія... Кириллъ—еретикъ, Меѳодій—еретикъ... Бѣдные славяне Моравіи и Панноніи! Отрясая прахъ отъ ногъ своихъ, навѣки покидая сугубо родной край, Гораздъ могъ проститься съ вами однимъ прощаніемъ — повторить слова проповѣданнаго вамъ Спасителя міра: «Іерусалиме, избивы пророкы и камениемъ побивая посъланыя къ тебѣ! коль краты въсхотѣхъ собрати чяда твоя, якоже събираетъ кокошь птеньця своя подъ крылѣ, и — не въсхотѣсте. Се — оставляетъ ся домъ вашъ пустъ»!.. Правда, мы, законные, прямые и нелицемѣрные дѣятели на унаслѣдованной священной нивѣ Меѳодія, не единожды слышали подобныя же слова укоризны, обращенныя къ намъ отъ представителя той духовной силы, которая съ одобреніемъ отнеслась къ исторженію сѣмянъ, сѣявшихся на этой нивѣ Меѳодіемъ — въ Моравіи и Панноніи, объявивши ихъ плевелами. Но это обращеніе къ намъ — одна игра. Римъ только вынужденно и сознательно-эгоистически участвовалъ въ дѣятельности Кирилла и Меѳодія, направленной къ умственному и политическому поднятію славянскаго міра, къ его духовному обновленію; иниціативы Рима въ ней не было, а тысячелѣтнее прещеніе не снимается легкимъ поворотомъ буллы «Grande munus», свидѣтельствующимъ объ одномъ—о неискренности и лести. Рѣчь о заслугахъ Рима въ грандіозной попыткѣ нравственнаго подъема славянъ Средней Европы и въ вызванномъ ею переворотѣ цѣлаго славянства — праздная тема для словоохотливыхъ стариковъ да юныхъ неофитовъ, не могущихъ правильно прочесть строки Меѳодіева письма [1]), вчера только услыхавшихъ про Меѳодія и — возмнившихъ повѣдать православному міру откровенія... «Вонючая трава», предъ которой полвѣка назадъ предостерегалъ геніальный чехъ — Шафарикъ (см. Часописъ чешскаго музея, 1833 г., стр. 451), обильно исполнила собой теперь славянскую ниву, за чертою православія. Культъ Рима плѣнилъ сердца взрослыхъ дѣтей и, смѣясь несчастіямъ и испытаніямъ злополучнаго православнаго населенія Босны и Герцеговины, т. е. массы, «патріотъ» изъ францисканскаго ордена, Мартичь, храбро поетъ австрійскую оккупацію:

---

[1]) Свидѣтельство этому можетъ представить каждый томъ спеціальнаго журнала моравскихъ патріотовъ австро-римскаго толка «Sbornik Velehradský», тщащихся болѣе всего путемъ свободной археологіи доказать, что преданія Меѳодія не увядали никогда на мѣстѣ.

«Sad cetvrto (т. е. царство) krila razavilo,
Nek je srećno po zemlji navilo!»
(«Putovanje и Durbovnik», Загребъ, 1884 г.).

Все это входитъ въ обязанности славословящаго, благодарящаго и поклоняющагося Риму «патріота» среди славянъ.

Насъ не смущаетъ открывшаяся конкурренція на почитаніе великаго святителя православной славянской церкви: соперничество въ благородномъ дѣлѣ—явленіе радостное. Не смущаетъ и блестящая казовая сторона всѣхъ приготовленій въ Моравіи къ юбилейнымъ поминкамъ: особенною жизнью умудренные, наши западные братья давно искусились и богато преуспѣли въ лицедѣйственныхъ пріемахъ. А мы — сѣрые люди, ими и останемся. Не спорю, изъ глубины и моей души пробирается желаніе—у священнаго и святаго мѣста кончины и погребенія Меѳодія видѣть въ юбилейный день православнаго іерарха, преемственнаго представителя его церкви, слышать тамъ впервые, послѣ тысячелѣтней паузы, мощные глаголы его величественнаго языка: но это желаніе, при ревнивомъ отношеніи кустодіи, судьбами приставленной ко гробу нашего историческаго святителя, къ каждому напоминанію былаго величія славянъ, относится къ области трудно выполняемыхъ исканій. Но что же сдѣлать намъ, съ нашею скромной исторіей, достойнаго памяти великаго, но скромнаго историческаго дѣятеля Европы IX столѣтія?

Насъ, людей уже жизни, которыхъ время потребити хочетъ, можно только искусственными пріемами оживить и сдѣлать воспріимчивыми къ новымъ мыслямъ жизни — на насъ суетное упованіе. Если предки наши X—XI столѣтія такъ горячо интересовались не только дѣлами своей родины, но и племеннаго отечества, сознавали тѣсную связь своего народнаго съ родовымъ, имѣли «стыдѣніе» предъ незнаніемъ своего, то намъ, ихъ отдаленнымъ потомкамъ, ужели кичиться несходствомъ своимъ съ ними?.. Они точно и ясно знали, откуда церковь и грамота на Руси, а мы почти забыли и Кирилла, и Меѳодія, и намъ надо возвращаться къ сознанію начальныхъ моментовъ нашей образованности и самостоятельной народной жизни. Кому же намъ? Конечно, поколѣніямъ наростающимъ, а не отходящимъ. Задача возвращенія Меѳодія въ наше національное сознаніе принадлежитъ церкви и школѣ. Церковь и школа, и именно народная, должны стать центромъ юбилейнаго ликованія въ «празднество успенія преславнаго», но ликованіе должно быть свободное, непринужденное, безъ участія опаснаго формализма.

Живое слово съ высоты церковной каѳедры на необъятномъ пространствѣ Русской земли обниметъ и подыметъ тысячи и тысячи душъ, и въ эту величественную минуту всѣ предстоящіе единымъ сердцемъ и едиными усты будутъ исповѣдывать «многоплод-

наго языка словѣнскаго новаго апостола», связавшаго навѣки «многохульный языкъ еретическій» — результатами своей дѣятельности: церковью, письменностью и народнымъ самосознаніемъ. Ибо православное славянство Меѳодія — мощь.

Болѣе трудно участіе народной школы. Но ея слово, обращенное къ дѣтямъ, тѣмъ драгоцѣннѣе въ интересѣ общей пользы. Дитя требуетъ образнаго, нагляднаго представленія. Одного прочтенія біографіи Кирилла и Меѳодія, какъ бы талантливо она ни была написана, мало: изъ массы свѣдѣній едва ли единицы удержатся въ головѣ ребенка. Было бы желательно, по нашему скромному мнѣнію, кромѣ примѣрнаго чтенія, раздачи изображеній первосвятителей славянскихъ, раздача еще другаго рода: двухъ картъ, изъ которыхъ одна представляла бы славянство въ эпоху дѣятельности Меѳодія, его распространеніе тогда, другая — славянство настоящей минуты. Изъ простаго сопоставленія обѣихъ картъ было бы ясно одно: славяне, оставившіе церковь Меѳодія или не успѣвшіе совсѣмъ пріобщиться къ ней, потеряли и народную самостоятельность; за то тѣ славяне, которые въ самыя тяжелыя минуты испытаній не оставляли наслѣдія Меѳодія, свято соблюли своя я, свое народное достоинство и свободу.

Ал. Кочубинскій.

ДВОРЯНСКАЯ ГРАМОТА.

I.

ВОРЯНСТВО нѣкоторыхъ губерній выразило желаніе устроить разныя торжества въ столѣтнюю годовщину изданія «Дворянской Грамоты» императрицею Екатериною II. Нельзя не сказать, что дворянство, какъ отдѣльное самостоятельное сословіе, имѣетъ, повидимому, достаточный поводъ праздновать столѣтнюю годовщину 21-го апрѣля 1785 года, такъ какъ въ этотъ день всемилостивѣйше была пожалована россійскому дворянству высочайшая «Грамота» на права вольности и преимущества, какъ бы окончательно упрочившая его служебное и общественное преобладаніе,— да, пожалуй, и имущественное представительство этого сословія.

Слѣдуетъ, однако, для точнаго опредѣленія смысла такого празднества — въ чемъ бы оно ни состояло—остановиться прежде всего надъ существеннымъ вопросомъ о томъ, что̀ собственно будетъ праздноваться при предстоящихъ сословныхъ торжествахъ? Будетъ ли въ этомъ случаѣ праздноваться столѣтіе предоставленія россійскому дворянству такихъ правъ или преимуществъ, какихъ оно не имѣло до изданія упомянутой «Грамоты», или собственно только упорядоченіе этимъ актомъ такихъ правъ, которыя однажды уже были даны дворянству, и при изданіи «Грамоты» были только изложены въ болѣе опредѣленномъ видѣ и съ большими подробностями, безъ дальнѣйшаго ихъ развитія по существу? Затѣмъ не излишне будетъ остановиться и на вопросѣ историческаго свойства, столь важномъ при всякихъ юбилейныхъ торжествахъ, — на вопросѣ: можно ли утвердительно сказать, что «Грамота», пожало-

ванная дворянству, просуществовала дѣйствительно сто лѣтъ, хотя по счету годовъ 21 апрѣля 1885 года совпадаетъ день-въ-день съ такимъ же числомъ предшествующаго столѣтія?

Постараемся разъяснить эти невольно приходящіе на мысль вопросы, въ виду того, что у насъ сплошь и рядомъ справляются разныя юбилейныя торжества не только безъ разъясненія ихъ внутренняго смысла, но и безъ точнаго исчисленія времени, къ которому торжества эти должны относиться по исторической ихъ давности.

Начнемъ съ того, что, если въ какой либо губерніи мѣстное дворянство намѣрено 21-го апрѣля 1885 года праздновать вообще истеченіе столѣтія со времени предоставленныхъ ему правъ, преимуществъ и вольности, то такой столѣтній юбилей окажется запоздалымъ слишкомъ на двадцать четыре года, такъ какъ впервые особыя права и преимущества россійскому дворянству были предоставлены манифестомъ императора Петра III Θедоровича, 18-го февраля 1762 года. Подъ вліяніемъ какихъ бы обстоятельствъ ни былъ изданъ этотъ историческій и сословно-достопамятный актъ, онъ въ глазахъ дворянства долженъ имѣть несравненно большее значеніе, нежели «Грамота», данная дворянству въ 1785 году, а въ области законодательной онъ имѣетъ значеніе равносильное съ «Грамотой», потому что какъ онъ, такъ и она исходили отъ одного и того же источника—отъ соизволенія верховной власти.

Разумѣется, что, по господствовавшимъ у насъ за двадцать пять лѣтъ понятіямъ, отпраздновать 18 февраля 1862 года столѣтній юбилей предоставленія русскому дворянству особыхъ правъ было вовсе бы неумѣстно, такъ какъ на другой день послѣ такого сословно-дворянскаго празднества былъ подписанъ высочайшій манифестъ объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ и въ сущности объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Хотя такое право не было установлено манифестомъ Петра III исключительно въ пользу дворянъ и даже о такомъ правѣ въ манифестѣ не было и помина; но помимо всякаго вопроса объ этомъ правѣ, русское дворянство въ силу упоминаемаго манифеста получило, сравнительно съ прежнимъ своимъ приниженнымъ положеніемъ, такія права и преимущества и такое облегченіе отъ лежавшихъ на немъ тягостей, о какихъ оно не могло даже и думать. Дворянство такъ было обрадовано излитыми на него милостями, что желало поставить вылитую изъ золота статую императора въ главной залѣ сената.

Поэтому празднованіе 18 февраля 1862 года столѣтія дворянскихъ правъ и преимуществъ, безотносительно ко всѣмъ другимъ сословіямъ, было бы вполнѣ своевременно и вполнѣ правильно. Но тогдашнее настроеніе умовъ, когда дворянство утрачивало одно изъ важнѣйшихъ своихъ правъ, установившееся помимо манифеста и сдѣлавшееся съ теченіемъ времени исключительнымъ его достояніемъ, не допускало, конечно, и мысли о возможности праздно-

вать въ 1862 году, въ самый разгаръ страстей, столѣтіе дарованія особыхъ преимуществъ дворянству, такъ какъ съ этими преимуществами тѣсно было соединено понятіе о дворянствѣ, какъ объ исключительномъ представителѣ крѣпостнаго права, которое сдѣлалось такъ ненавистно. Ясно, что совпаденіе минувшаго столѣтія дворянской вольности съ началомъ другаго столѣтія, предвѣщавшимъ упадокъ значенія этого сословія, по тогдашнему настроенію умовъ, дѣлало дворянско-сословное празднество безусловно неудобнымъ. Нынѣ, повидимому, представляется болѣе удобная пора, такъ какъ страсти поулеглись и до нѣкоторой степени уже выяснилось значеніе дворянства.

Притомъ милости, оказанныя дворянству Петромъ III, прямо только одному дворянству, были давно забыты. На виду у этого сословія могла имѣться только «Грамота», а манифестъ былъ забытъ. У насъ всегда плохо знали отечественную исторію, а исторія XVIII вѣка, такъ рѣзко отличавшаяся льстивымъ возвеличеніемъ Екатерины II, конечно, не способствовала сохраненію памяти императора Петра Ѳедоровича, имя котораго въ добавокъ къ этому было связано еще съ ужасами пугачевщины, направленной противъ дворянства.

Кромѣ того, и сама по себѣ «Грамота» 1785 года вовсе не думала напоминать о томъ благоволеніи къ дворянству, какое слишкомъ за двадцать три года до ея изданія проявилъ предшественникъ Екатерины II. О томъ, что̀ сдѣлалъ императоръ Петръ III для дворянства, въ «Грамотѣ» не упомянуто ничего. Да и понятно, почему событіе это было въ ту пору обойдено молчаніемъ: тогда предпочиталось привести его въ забвеніе, но никакъ не оживлять его въ памяти дворянства. Въ этомъ случаѣ было сдѣлано то же самое, что̀ было сдѣлано въ отношеніи манифеста императора Петра III объ уничтоженіи Тайной Канцеляріи. По вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина II торжественно и краснорѣчиво объявила объ уничтоженіи ею Тайной Канцеляріи, не проронивъ ни слова о томъ, что это «ненавистное» учрежденіе, равно какъ и выраженія «слово и дѣло» были уничтожены ея предшественникомъ. Она желала проявить милость народу отъ своего собственнаго имени.

Понятно, что при такихъ условіяхъ представлялось, будто всѣ тѣ права и преимущества, какими стало пользоваться дворянство по «Грамотѣ», были чѣмъ-то новымъ, небывалымъ, единственно по личному почину Екатерины, тогда какъ самое существо правъ, весьма широкихъ, было предоставлено дворянству Петромъ III, поставившимъ, 18-го февраля 1762 года, русское дворянство на ту степень почета, на какой стояло въ то время высшее, соотвѣтствовавшее нашему дворянству, сословіе въ государствахъ Западной Европы.

II.

Намъ пришлось выше упомянуть о слабомъ распространеніи у насъ знаній по нашей отечественной исторіи, или, вѣрнѣе сказать, не столько о слабомъ распространеніи, сколько спутанности ихъ.

Такъ, начало того участія, какое получило дворянство въ мѣстномъ губернскомъ и уѣздномъ управленіи, пріурочиваютъ обыкновенно ко времени изданія «Грамоты», но это далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу дѣлъ, потому что такое участіе получили дворяне еще въ 1702 году, когда Петръ I приказалъ воеводамъ «вѣдать всѣ дѣла обще съ дворянами и тѣ дѣла крѣпить имъ, воеводамъ, и имъ, дворянамъ, всякому своими руками, а одному воеводѣ безъ нихъ, дворянъ, никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу не чинить». Для этого широкаго за воеводами надзора дворяне должны были быть выборные изъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, добрыхъ и знатныхъ людей, по 4, по 3 и по 2 человѣка на «городъ», т. е. не только на городъ, но и на приписанную къ нему округу или уѣздъ.

Если затѣмъ принять въ соображеніе ту громадную власть, которую имѣли тогда воеводы, и то ограниченіе, которому она подвергалась вслѣдствіе предоставленнаго Петромъ I дворянамъ участія въ веденіи всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, то нельзя не признать, что дворянство еще задолго до изданія «Грамоты» стало пользоваться такимъ широкимъ правомъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, какого не предоставила имъ впослѣдствіи Екатерина II.

Слѣдовательно, если обратиться къ существу упомянутыхъ правъ, то окажется, что въ этомъ отношеніи празднованіе столѣтія дворянскихъ преимуществъ будетъ слишкомъ запоздалымъ. Впрочемъ, Петръ I въ отношеніи участія дворянъ въ дѣлахъ мѣстнаго управленія пошелъ еще далѣе, когда, примѣняясь къ порядкамъ, существовавшимъ при шведскомъ правительствѣ въ прибалтійскихъ провинціяхъ, Лифляндіи и Эстляндіи, приказалъ въ 1713 году учинить «ландратовъ» въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10 и въ меньшихъ по 8. Ландраты должны были быть избираемы изъ дворянъ и имъ было предоставлено право ограничивать произволъ уже не второстепенныхъ лицъ мѣстнаго управленія—не воеводъ, но лицъ первенствующихъ, а именно—губернаторовъ. По указу Петра I, «ландраты должны были всѣ дѣла дѣлать съ губернаторомъ», который стоялъ надъ ними, «не яко властитель, но яко президентъ, имѣющій только два голоса противъ одного голоса каждаго ландрата». Очевидно, что и въ этомъ случаѣ Петръ I предоставлялъ дворянству несравненно болѣе правъ по участію въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, нежели сколько предоставила ихъ, спустя семьдесятъ два года, «Грамота», данная Екатериною. Нако-

нецъ, Петръ I учрежденіемъ должности земскихъ коммиссаровъ, избираемыхъ изъ «шляхетства», предоставилъ этому сословію обширную полицейскую и фискальную дѣятельность. Земскіе коммиссары, называвшіеся иначе «Коммиссары отъ Земли», имѣли право наблюдать даже за нравственностію обывателей уѣзда, что̀ выразилось въ данной коммиссарамъ инструкціи. Они обязаны были соблюда̀ть, «чтобъ подданные при всѣхъ случаяхъ страху Божію и добродѣтели, къ добрымъ поступкамъ, правдѣ и справедливости ко всѣмъ людямъ, такожъ и къ подданнѣйшей вѣрности его величества обучены и наставлены были».

Въ особенности при этомъ замѣчательно то, что Петръ I поставилъ такихъ выборныхъ отъ дворянъ въ совершенно независимое положеніе отъ мѣстныхъ властей. Предоставивъ дворянамъ право избирать изъ своей среды въ земскіе коммиссары «лучшихъ людей», Петръ постановлялъ, что дворяне должны, по прошествіи каждаго года, съѣзжаться для выбора новаго коммиссара и для повѣрки дѣйствій прежняго. Если же—говорилось въ инструкціи—прежній коммиссаръ «что̀ неправо сдѣлалъ, то штрафовать его чему будетъ достоинъ, не описываясь воеводѣ, но по экзекуціи рапортовать онаго: развѣ смерти подлежать будетъ, то таковаго отсылать къ надворному суду». Такимъ образомъ Петръ предоставилъ дворянамъ не только обширную власть по дѣламъ мѣстнаго управленія, но и право самостоятельнаго суда по этимъ дѣламъ, и несомнѣнно, что предоставленныя въ этомъ отношеніи «Грамотой» права дворянству представляются слишкомъ слабыми въ сравненіи съ тѣми, какія оно получило еще при Петрѣ Великомъ.

Положеніе учрежденныхъ имъ земскихъ коммиссаровъ при его преемникахъ значительно измѣнилось, такъ какъ эти выборные дворяне были впослѣдствіи подчинены не только губернаторамъ и воеводамъ, но и полковникамъ коммиссаріата, присылаемымъ въ уѣзды для сбора подушныхъ денегъ.

Мало того, Петръ призывалъ дворянство, или «шляхетство», къ участію и въ законодательныхъ работахъ для составленія новаго «Уложенія», а по всему этому дворянство наше еще во время Петра лично занимаетъ болѣе почетное и болѣе вліятельное положеніе, нежели то, какое оно заняло со времени изданія «Грамоты». Осуществленію и намѣренію Петра препятствовали, однако, разныя обстоятельства, частію зависѣвшія отъ самого дворянства, частію и не зависѣвшія. Призывъ Петромъ дворянства къ широкой дѣятельности, не только сословной, но и земской, а также и къ законодательной, не встрѣчалъ среди дворянства сочувственнаго отклика. Въ особенности выразилось это при призывѣ дворянъ къ составленію «Уложенія». Въ этомъ случаѣ проявилось, по старо-московскому обычаю, громадное число «нѣтчиковъ», всячески уклонявшихся отъ государевой службы, хотя служба эта и установлялась

по выбору, а не по назначенію. Дѣло дошло до того, что на такую лестную работу, какъ предначертаніе законовъ, приходилось забирать дворянъ силою и спроваживать этихъ предварительныхъ законодателей къ мѣсту ихъ назначенія скованными подъ стражею. Иные дворяне, избранные къ составленію «Уложенія», или «угобжали» прибывшихъ за ними ловцовъ щедрыми подачками, или прикидывались юродивыми. Нѣкоторые устроивали дѣло еще проще: скрывались въ городахъ и тогда, чтобъ добыть дворянина, избраннаго его односословниками, давшаго стрекача, забирали и содержали подъ строгимъ карауломъ его жену или мать до тѣхъ поръ, пока являлся бѣглецъ. Чтобы нагляднѣе опредѣлить, до какой степени любившіе лежебокствовать у себя въ деревнѣ дворяне пренебрегали предоставленною имъ Петромъ широкою дѣятельностью, достаточно сказать, что они на выборы земскихъ коммиссаровъ не ѣздили сами, а посылали своихъ приказчиковъ, что̀ и было воспрещено сенатскимъ указомъ 1724 года.

Другимъ препятствіемъ къ развитію или даже хоть къ охраненію тѣхъ правъ, какія Петръ предоставлялъ дворянству, была старинная московская угодливость и приниженность. Эти прискорбныя черты проходятъ весьма замѣтной полосой въ исторіи всего нашего дворянства и составляютъ какъ бы противоположность той стойкости и той самозащитѣ, какія постоянно проявлялись среди феодальнаго дворянства Западной Европы, не говоря уже о польской шляхтѣ, слишкомъ уже усердно отстаивавшей права своего сословія. Такъ, хотя Петръ и внушалъ ландратамъ, что губернаторъ среди ихъ «не яко властитель», но трудно представить, чтобы забитый издавна московскій служилый человѣкъ, какимъ былъ тогдашній русскій дворянинъ, могъ бы сразу освоиться съ непривычной для него мыслью, что губернаторъ или воевода не его «властитель», хотя бы такая мысль и высказывалась отъ имени самого государя. «Тутъ должно быть что-то не такъ»,—вѣроятно, думалось ему, если бы онъ захотѣлъ препираться въ чемъ нибудь съ властію, стоявшею надъ нимъ издавна и привыкшею дѣйствовать по своему произволу.

Независимо отъ смиреннаго духа нашего дворянства, еще и другія обстоятельства препятствовали этому сословію сдѣлаться передовою силою: крайнее невѣжество, доходившее, большею частію, до безграмотства, и въ особенности обязательная пожизненная военная служба, такъ какъ «для учрежденія регулярнаго войска всероссійское шляхетство, кромѣ старолѣтнихъ и увѣчныхъ, опредѣлены были въ службу, и опредѣлены въ арміи по смерть, а иные по то время, пока за старостями жъ и за разными не изцѣлимыми болѣзнями отставкою абшидъ получили». При такомъ положеніи дворянства или шляхетства, отвлеченнаго почти поголовно на военную службу отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они должны были бы

осѣсть, могло оставаться въ этихъ мѣстахъ весьма мало свѣжихъ и бодрыхъ силъ, которыя могли бы способствовать осуществленію намѣреній Петра. Современное ему дворянство не было собственно осѣдлымъ сословіемъ и уничтожить это существенное препятствіе къ проявленію земской дѣятельности дворянства суждено было внуку Петра I, Петру III, а Екатерина II въ данной ею дворянству «Грамотѣ» въ 1785 году только подтвердила ту свободу, какая была предоставлена дворянамъ 18-го февраля 1762 года.

III.

Вдобавокъ ко всему этому, и нравственная обстановка дворянства была крайне прискорбна, такъ какъ исправительными орудіями для «людей преимущихъ» были, по московскому завѣту, батоги и кнутъ.

Только съ половины XVII столѣтія стали проникать новыя понятія о примѣненіи того или другаго рода наказанія къ виновнымъ, сообразно степени ихъ служебнаго и сословнаго ихъ положенія. Первый въ такомъ смыслѣ починъ сдѣлало «Уложеніе» царя Алексѣя Михайловича, не отмѣнивъ вовсе унизительныя тѣлесныя наказанія и для лицъ, стоявшихъ или на высшихъ ступеняхъ государственной службы, или принадлежавшихъ по рожденію къ именитѣйшимъ родамъ московскаго боярства; но допустило, однако, оговорку, что въ отношеніи нѣкоторыхъ лицъ наказанія должны быть исполняемы по особому указу государя. За нѣкоторыя же важныя преступленія подвергался тѣлесному наказанію и пыткѣ, наравнѣ съ простыми людьми, всякій знатный человѣкъ, «какого чина ни будь: князь или бояринъ, или простой человѣкъ».

Въ отношеніи тѣлесныхъ наказаній, Петръ не давалъ никому спуску и безъ разбора наказывалъ кнутомъ, шпицрутенами, кошками, палками, плетьми и батогами князей, воеводъ и полковниковъ, не говоря уже о заурядныхъ дворянахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ ограничилъ случаи пытки, постановивъ, что «шляхта» подвергается ей «развѣ въ государственномъ дѣлѣ и убійствахъ, однако-жъ, съ подлинными о томъ доводами». Впрочемъ, такое преимущество не было предоставлено одной только шляхтѣ, оно распространялось на служителей высокихъ чиновъ, на стариковъ 70 лѣтъ, на недорослей и беременныхъ женщинъ.

Въ концѣ XVII столѣтія и въ началѣ XVIII, къ намъ сильно приливали понятія разнаго рода изъ Польши, въ особенности относительно «шляхетства», что̀ всего лучше доказывается какъ введеніемъ въ русскій языкъ этого слова, такъ и полюбившееся его употребленіе у нашего дворянства, которое охотно называло себя шляхетствомъ почти до исхода столѣтія. Русскимъ было извѣстно,

что «въ Польшѣ даже король не смѣетъ тронуть пальцемъ самаго простаго шляхтича», и подобнаго огражденія своей плоти стало желать и русское «шляхетство», и начало смотрѣть на тѣлесныя наказанія, какъ на наказанія, позорящія честь дворянина, или русскаго шляхтича.

Въ 1730 году, Верховный Тайный Совѣтъ обѣщалъ содержать шляхетство «въ надлежащемъ почтеніи и консидераціи», добавляя къ этому, «какъ и въ прочихъ европейскихъ государствахъ», и такъ какъ тамъ дворяне были изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній, то и надобно было предполагать, что если бы власть Верховнаго Совѣта продолжилась, то такимъ преимуществомъ воспользовалось бы и русское «шляхетство».

Постепенно дворянство наше получало такое отвращеніе къ тѣлесному наказанію, какъ къ позорному, что извѣстный историкъ князь Щербатовъ писалъ: «многіе изъ насъ, конечно, восхотятъ скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ и плетей», и замѣчаетъ далѣе, что «въ прежнее время побои не иначе какъ по болѣзни почитали, не считая ихъ за безчестіе, хотя бы тѣ катцкими руками учинены были». Но тѣмъ не менѣе Петръ III, давъ весьма важныя права дворянству, не освободилъ его отъ тѣлесняго наказанія; не сдѣлала того и Екатерина II до изданія «Грамоты».

Въ коммиссіи, собранной въ 1767 году для составленія проекта «Новаго Уложенія», нѣкоторые депутаты заявили и объ освобожденіи дворянина отъ тѣлеснаго наказанія навсегда, въ какое бы преступленіе онъ ни впалъ. Екатерина II удовлетворила это желаніе дворянства «Грамотою», но въ «Грамотѣ» освобожденіе дворянина навсегда отъ тѣлеснаго наказанія не было выражено съ такою точностію, чтобъ не могло возбудить впослѣдствіи ограничительнаго заявленія по этой статьѣ.

Обыкновенно у насъ полагаютъ, что «Грамотою» предоставлено было право пользованія населенными землями однимъ только дворянамъ. Такой выводъ дѣлаютъ на томъ основаніи, что по «Грамотѣ» дозволено было дворянину носить его родовое прозваніе, прописываться помѣщикомъ и вотчинникомъ тѣхъ имѣній, которыя ему принадлежатъ. Не говоря уже о томъ, что такое, какъ бы феодальное, отличіе было чуждо нашему дворянству и никто среди его никогда не пользовался такимъ правомъ, да и самое пользованіе имъ казалось бы забавнымъ тщеславіемъ, — «Грамота» вовсе не сдѣлала дворянство исключительнымъ землевладѣльческимъ сословіемъ. Касательно же права владѣнія фабриками и мануфактурами, «Грамота» въ отношеніи дворянъ установила нѣкоторыя ограниченія, дозволивъ имъ имѣть этого рода заведенія только въ деревняхъ, а не въ городахъ, и такое ограниченіе было отмѣнено только въ 1827 году.

Затѣмъ, что касается нѣкоторыхъ ограниченій для дворянъ по распоряженію ихъ недвижимою собственностію, то надобно сказать, что при отмѣнѣ этого ограниченія «Грамота» сама по себѣ не имѣла никакого значенія, такъ какъ отмѣна его послѣдовала еще до ея изданія. Такъ, право собственности владѣльцевъ распространено на всѣ произведенія земли какъ на поверхности ея, такъ и въ нѣдрахъ ея содержащіяся, не «Грамотою», а манифестомъ отъ 28-го іюля 1782 года. Оно было только подтверждено «Грамотою». Притомъ нѣкоторыя ограниченія по праву распоряженія дворянами ихъ собственностію продолжали существовать и послѣ появленія «Грамоты». Такъ, напримѣръ, разработка соли оставалась регаліею до 1862 года.

Точно также «Грамота» только подтвердила, но не установила, права распоряженія дворянъ находящимися въ ихъ владѣніи лѣсами, такъ какъ наложенныя въ этомъ отношеніи ограниченія Петромъ I были отмѣнены ранѣе изданія «Грамоты», а именно манифестомъ 1782 года. Къ этому надобно добавить, что тѣ угодья, принадлежавшія помѣщикамъ, которыя были причислены въ давнее время къ казеннымъ оброчнымъ статьямъ, были отданы въ полное распоряженіе помѣщиковъ частью еще въ 1754 году, а затѣмъ и окончательно еще въ 1775 году. Слѣдовательно, задолго до изданія «Грамоты».

Подобныя замѣчанія относительно правъ распоряженія помѣщиковъ ихъ недвижимою собственностью слѣдуетъ сдѣлать и въ примѣненіи къ мельницамъ, бортнымъ угожьямъ, рыбнымъ ловлямъ, и охотѣ; право пользованія всѣми этими статьями было предоставлено владѣльцамъ точно также еще до изданія «Грамоты».

Такимъ образомъ, если на основаніи всего приведеннаго нами говорить о «Грамотѣ», пожалованной дворянству, спокойно, дѣльно и съ разсмотрѣніемъ всѣхъ подробностей, безъ тѣхъ краснорѣчивыхъ увлеченій и восхваленій, которыя обыкновенно бываютъ неизбѣжною приправой всякихъ юбилейныхъ торжествъ, то окажется, что упомянутой «Грамотѣ» никакъ нельзя придавать такого важнаго значенія, какое ей приписываютъ теперь. Можно сказать, что въ сущности она представляетъ только систематическую, редакціонную работу, безъ дарованія дворянству впервые какихъ либо правъ, которыхъ оно не получило бы въ разное время изъ того же самаго источника, изъ котораго изошла и жалованная дворянству «Грамота», т. е. отъ соизволенія верховной власти. Слѣдовательно, по существу празднованіе столѣтія со времени изданія этой «Грамоты» будетъ только празднествомъ того, что̀ называется у насъ «формальностію». Правда, дворянство можетъ праздновать столѣтіе освобожденія представителей своего сословія отъ тѣлеснаго наказанія, да и тутъ выйдетъ, какъ мы увидимъ далѣе, не совсѣмъ складно, такъ какъ нельзя считать сплошнаго столѣтія со времени да-

рованія этого преимущества, не говоря уже о томъ, что праздиество прежней, исключительно дворянской, привиллегіи окажется страннымъ, послѣ того какъ этой привиллегіею стали пользоваться и лица всѣхъ прочихъ сословій.

IV.

Мы не пишемъ теперь исторіи нашего дворянства вообще, но ограничиваемся только вопросомъ о значеніи и судьбѣ «Грамоты», пожалованной русскому дворянству императрицею Екатериною. Такое опредѣленное содержаніе нашей статьи освобождаетъ насъ, съ одной стороны, отъ всякихъ восхваленій на счетъ доблестей нашего дворянства, а съ другой—отъ изобличенія гнѣздившихся въ немъ пороковъ. Эти условія даютъ намъ возможность отнестись къ нашему вопросу совершенно безпристрастно.

Мы уже замѣтили, что самымъ приснопамятнымъ для русскаго дворянства событіемъ должно считать изданный 18 февраля 1762 года манифестъ Петра III «О дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству». О тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ явился этотъ манифестъ, встрѣчается анекдотическій разсказъ, въ сочиненіи князя Щербатова «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Но этотъ разсказъ опровергается тѣмъ, что мысль о дарованіи дворянству вольности и свободы была заявлена императоромъ сенату 17 января 1762 года, а не зародились въ ту ночь, къ которой, по разсказу Щербатова, пріурочивается составленіе манифеста.

Во-вторыхъ, анекдотъ, разсказанный князю Щербатову секретаремъ государя, Волковымъ, какъ составителемъ упомянутаго манифеста, не имѣетъ за собою надлежащей достовѣрности, уже потому, что манифестъ—какъ это теперь заподлинно извѣстно—былъ сочиненъ не имъ, Волковымъ, а бывшимъ въ ту пору генералъ-прокуроором А. М. Глѣбовымъ.

Впрочемъ, если начать задаваться вопросомъ, въ силу какихъ побужденій манифестъ былъ изданъ Петромъ III, то, какъ кажется, вопросъ этотъ разрѣшается очень просто, безъ всякихъ анекдотическихъ ссылокъ, тѣмъ соображеніемъ, что вновь воцарившемуся государю хотѣлось привлечь на свою сторону дворянство. Такая цѣль вполнѣ была достигнута, такъ какъ милость, оказанная Петромъ III, была этимъ сословіемъ принята съ необыкновеннымъ восторгомъ, дошедшимъ до того, что сенатъ въ полномъ своемъ составѣ отправился къ императору съ просьбою о разрѣшеніи соорудить его золотую статую, а московское дворянство просило сенаторовъ о допущеніи его въ ихъ присутствіе «для принесенія нижайшаго и рабскаго всеподданнѣйшаго своего его величеству благодаренія». Просьба дворянства была исполнена и отъ имени его произнесъ

благодарственную рѣчь извѣстный писатель Сумароковъ. Стихотворцы подносили императору торжественныя оды «въ знакъ благодарности и милостиваго пожалованія вольностію россійскихъ дворянъ».

Извѣстный Болотовъ, не выказывающій сочувствія къ Петру III, въ «Запискахъ» своихъ, по случаю манифеста, изданнаго 18 февраля 1762 года, писалъ: «не могу изобразить, какое неописанное удовольствіе произвела та бумажка въ сердцахъ всѣхъ дворянъ нашего любезнѣйшаго отечества. Всѣ вспрыгались почти отъ радости и, благодаря государя, благословляли ту минуту, въ которую угодно было ему подписать сей указъ. Но было и чему радоваться: до того времени россійское дворянство связано было по рукамъ и по ногамъ; оно обязано было всенеминуемо служить и дѣти ихъ, вступая въ военную службу, въ самой еще юности своей, принуждены были продолжать оную во всю свою жизнь и до самой старости, или, по крайней мѣрѣ, до того, покуда сдѣлается калѣкою или за дѣйствительными болѣзнями болѣе служить не въ состояніи».

Кромѣ всякихъ неудобствъ военной службы вообще, она была тягостью еще и вслѣдствіе того, что дворяне, состоявшіе рядовыми, должны были исполнять еще и разныя утомительныя черныя работы, какъ, напримѣръ, исправленіе дорогъ и рытье каналовъ, очистку полковыхъ дворовъ и т. д., и, въ добавокъ къ тому, подвергались тѣмъ же жестокимъ и позорнымъ наказаніямъ, какимъ подвергались вообще низшіе чины, взятые въ службу изъ крестьянства.

Восторгъ вслѣдствіе манифеста отъ 18 февраля 1762 года,— и, по всей вѣроятности, восторгъ истинный, — доходилъ до того, что одинъ переводчикъ, посвящая свой трудъ Петру III, писалъ: «ваше величество любезному и вѣрноподданнѣйшему своему дворянству ту дражайшую свободу даровать благоволили, которой оно отъ начала Россіи не имѣло. Хотя бы благородное и честнѣйшее россійское шляхетство не только золотую, но и брилліантовую статую вашего императорскаго величества на жемчужномъ подножіи въ безсмертный знакъ присноболжнѣйшей своей благодарности поставило, однако, не умирающая память въ сердцахъ перемѣняющихся родовъ россійскаго дворянства болѣе и крѣпче всѣхъ статуй пребудетъ».

Такъ какъ манифестъ Петра III мало извѣстенъ и въ современномъ нашемъ законодательствѣ, да и въ предшествовавшемъ обыкновенно на него не дѣлалось никакихъ ссылокъ, то сопоставляя его съ «Грамотою», необходимо сказать объ его сущности.

Упомянувъ о трудахъ дѣда своего Петра Великаго, императоръ Петръ Ѳеодоровичъ объявлялъ: «но какъ къ установленію сего нужно было, въ наипервыхъ, яко главный въ государствѣ членъ,

благороднаго дворянства пріучить и показать, сколь есть великое преимущество просвѣщенныхъ городовъ въ благоденствіи рода человѣческаго противъ безчисленныхъ народовъ, погрузившихся въ глубинѣ невѣжества, то посему въ тогдашнее время самая крайность настояла россійскому дворянству, — оказывая отличныя къ нимъ знаки милости,—повелѣть вступать въ военныя и гражданскія службы и, сверхъ того, обучать благородное юношество не только разнымъ свободнымъ наукамъ, но и многимъ полезнымъ художествамъ. Это было соединено съ принужденіемъ».

«Теперь же,—говорится далѣе въ манифестѣ,—исчезла грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей; премѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ; полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ дѣлу людей; благородныя мысли вкоренили всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ, и потому мы не находимъ той необходимости въ принужденіи къ службѣ, какая до сего времени потребна была».

Въ силу упомянутаго манифеста, служащіе дворяне получали право продолжать или оставлять службу по своему благоусмотрѣнію, съ слѣдующемъ ограниченіемъ: служащіе по военной части не могли просить отставки или отпуска ни во время кампаніи, ни за три мѣсяца до открытія ея. Служащіе же по гражданской службѣ могли быть увольняемы отъ нея по ихъ желанію во всякое время— первые восьми классовъ конфирмаціей государя, а прочіе—нисшихъ классовъ, своими начальствами. Выходящіе въ отставку дворяне должны были быть награждаемы однимъ рангомъ, если только состояли въ прежнемъ чинѣ болѣе года; переходящіе же изъ военной службы въ статскую—повышаться однимъ рангомъ, но только тогда, когда прослужили три года въ прежнемъ.

Далѣе было сказано, что, если дворянинъ, уволенный отъ службы, пожелаетъ выѣхать въ другія европейскія государства, таковому иностранная коллегія должна давать паспорты безпрепятственно, но съ обязательствомъ, чтобы онъ возвратился въ свое отечество по первому требованію, подъ штрафомъ секвестра его имѣнія. Пребывающему въ чужихъ краяхъ дворянину, дозволено было поступать на службу другихъ коронованныхъ главъ, и затѣмъ съ тѣмъ чиномъ, на который онъ предъявитъ иностранный патентъ, онъ могъ перейдти снова въ русскую службу.

За такія права манифестъ требовалъ, чтобы, взамѣнъ этого, «никто не дерзалъ воспитывать дѣтей своихъ безъ обученія».

Предоставляя дворянамъ свободу служить или не служить, манифестъ Петра III, тѣмъ не менѣе, хотѣлъ воздѣйствовать на честолюбіе дворянъ, добавляя, что тѣ, кои нигдѣ и никакой службы не имѣли, тѣхъ мы, «яко суще нерадивыхъ о добрѣ общемъ пре-

зирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и сынамъ отечества повелѣваемъ и ниже ко двору нашему пріѣздъ, или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ». Главнымъ же преимуществомъ дворянъ было то, что никто изъ нихъ не будетъ принуждаемъ къ службѣ, ни назначаемъ неволею начальствами къ какимъ нибудь земскимъ дѣламъ. Только за государемъ манифестъ удерживалъ право призывать дворянъ къ службѣ, когда особливая надобность потребуетъ, но во всякомъ случаѣ неиначе какъ именнымъ указомъ за собственноручнымъ высочайшимъ подписаніемъ. По 6 § пункту манифеста, дворянство могло быть призвано въ ополченіе, что̀ должно составлять для него «не доброхотное приношеніе себя на алтарь отечества, но обязанность возложенную закономъ».

Въ заключительныхъ строкахъ манифеста сказано было: «Сіе наше всемилостивѣйше учрежденіе всему благородному дворянству на вѣчныя времена фундаментальнымъ и непремѣннымъ правиломъ постановляемъ».

Манифестъ этотъ не сохранилъ, однако, своей силы даже въ теченіе одного полнаго года, такъ какъ 11-го февраля слѣдующаго 1763 года былъ изданъ Екатериною II указъ, въ которомъ послѣ краткаго упоминанія о томъ, что бывшій императоръ Петръ III далъ свободу благородному россійскому дворянству,—сказано было: «Но какъ сей актъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ еще болѣе стѣсняетъ свободу, нежели общая отечества польза и наша служба теперь требовать могутъ, при измѣнившемся уже государственномъ положеніи и воспитаніи благороднаго юношества, то мы повелѣваемъ вамъ (т. е. членамъ особой коммиссіи), собравшимся вмѣстѣ у двора нашего, оный актъ разсмотрѣть и для приведенія его въ лучшее совершенство между собою совѣтовать, какимъ отъ насъ особливымъ собственнымъ, государственнымъ и благоразумнымъ установленіемъ россійское дворянство могло бы получить въ потомство свое изъ нашей руки новый залогъ нашего монаршаго къ нему благоволенія».

V.

О прямой, безусловной отмѣнѣ милостиваго манифеста Петра III, особенно въ томъ положеніи, въ какомъ, по вступленіи своемъ на престолъ, находилась Екатерина II,—думать тогда было не кстати, а между тѣмъ предшественникъ ея какъ бы предвосхитилъ у нея то «изъящнѣйшее благодѣяніе», которымъ она сама могла бы привлечь къ себѣ дворянство, такъ какъ уничтоженіе обязательной службы было давнишнимъ и самымъ сильнымъ желаніемъ этого сословія. При такомъ положеніи дѣла, самой подходящею ссылкою должна была казаться благовидная ссылка на то, что актъ, обна-

родованный Петромъ III, стѣснялъ свободу дворянства болѣе, нежели сколько это слѣдовало для пользы отечества и дворянства, и что потому актъ этотъ слѣдуетъ привести «въ лучшее совершенство». Не только въ такой мнимой задачѣ, предоставленной на разрѣшеніе коммиссіи, но и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ указа, проявляется, однако, скрытное неудовольствіе Екатерины на то, что Петръ III предупредилъ свою преемницу необыкновенною милостію къ дворянству, которая желала сдѣлать то же самое, но только, по словамъ ея, еще въ «лучшемъ совершенствѣ». Это высказывается и въ выраженномъ желаніи, чтобы дворянство получило новый залогъ «изъ нашей руки».

Упомянутая при дворѣ коммиссія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: фельдмаршала графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина, гетмана Разумовскаго, камергера графа Воронцова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Шаховскаго, оберъ-гофмейстера графа Панина, генералъ-аншефовъ графа Чернышева и князя Волконскаго, генералъ-адъютанта графа Орлова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Теплова.

Труды учрежденной при дворѣ коммиссіи доселѣ неизвѣстны. Нельзя также сказать, считалась ли свобода, предоставленная дворянству Петромъ III, отмѣненною или прекращенною только на время до «лучшаго совершенства». На счетъ этого не встрѣчается никакихъ положительныхъ указаній, такъ что слѣдуетъ предполагать, что Екатерина II въ это время, какъ говорится, смотрѣла сквозь пальцы на неявку дворянъ на службу и молча какъ бы признавала однажды дарованную имъ въ этомъ отношеніи льготу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, дворяне послѣ указа отъ 11-го февраля 1763 года стали являться на службу попрежнему, но въ сенатѣ имъ объявлено, что они могутъ оставаться и безъ службы, что̀ сенатъ и разъяснилъ въ своемъ указѣ 1768 года. Тѣмъ не менѣе, изъ записокъ одного современнаго дворянина видно, что онъ въ 1769 году былъ отысканъ и взятъ на службу «къ неожидаемой своей печали». Съ своей стороны, Екатерина въ частномъ письмѣ своемъ къ графу Румянцеву высказала, «что всякій россійскій дворянинъ по своей волѣ диспонируетъ о службѣ и не то, чтобы я прерогативъ оной убавить хотѣла, но оный при всякомъ случаѣ подкрѣплю». При такихъ условіяхъ дворянство въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ находилось въ неопредѣленномъ положеніи и такой промежутокъ времени былъ достаточенъ, чтобы среди него ослабѣла память о Петрѣ III. Останавливаясь на ходѣ дѣла объ освобожденіи дворянства отъ обязательной службы, надобно замѣтить, что подготовка будущаго положенія дворянства къ этому шла уже издавна своимъ чередомъ. Еще Петръ I намѣревался сдѣлать устроиваемое имъ дворянство, или шляхетство, попреимуществу земскимъ, сельскимъ сословіемъ, призывая представителей его къ

участію въ мѣстномъ управленіи и поручая имъ должности, независимыя отъ губернскаго начальства. Осуществленію такой мысли препятствовала прежде всего обязательная служба дворянъ, которые, не живя въ своихъ деревняхъ, не могли сдѣлаться представителями земства. Между тѣмъ, вслѣдствіе двадцатилѣтней безпрерывной войны, Петръ такую службу отмѣнить не могъ. Внукъ его, Петръ III, разомъ покончилъ это дѣло, освободивъ дворянъ отъ обязательной службы. Послѣ того, почти всѣ они поспѣшили въ свои вотчины и вслѣдствіе этого явилось у насъ не только прежнее служилое, но и земское дворянство, ничѣмъ уже не обязанное исключительно къ одной только дѣятельности на государственной службѣ, и потому въ 1766 году Екатерина могла созвать его, съ тѣмъ, чтобы оно изъ среды своей выбрало по каждому уѣзду «дворянскаго предводителя» на два года, съ предоставленіемъ ему, если онъ не имѣлъ другаго высшаго титула, — титула «почтенный». Предводитель долженъ былъ руководить дворянство своего уѣзда при выборѣ депутата въ коммиссію для составленія проекта «Новаго Уложенія» и вообще быть представителемъ своихъ односословниковъ по уѣзду передъ правительственною властью.

Распоряженіе это не только не вызвало удовольствія среди дворянства, но, напротивъ, возбудило опасеніе въ томъ смыслѣ, не призывается ли дворянство вновь на обязательную службу? Послышались о томъ тревожные толки, и, хотя и робко, по временамъ стали дѣлать ссылки на манифестъ Петра III, освобождавшій дворянъ отъ такой службы, и они, — какъ и въ былое время, — стали уклоняться отъ нея и отъ «извѣренныхъ», т. е. выборныхъ дворянскихъ должностей, такъ что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ пришлось принимать внушительныя мѣры противъ «ропотниковъ».

Само собою разумѣется, что здѣсь не мѣсто говорить о дѣятельности дворянскихъ депутатовъ, явившихся въ коммисію, тѣмъ болѣе, что въ путаницѣ и въ противоположности этихъ мнѣній приходилось бы теряться. Мы замѣтимъ только, что иныя изъ этихъ мнѣній послужили основаніемъ для нѣкоторыхъ статей появившейся впослѣдствіи «Грамоты», но не безъ примѣси къ нимъ воззрѣній, господствовавшихъ среди западнаго, преимущественно французскаго, дворянства, которое, не смотря на проявлявшуюся противъ него во Франціи непріязнь, всетаки, не потеряло еще своего внѣшняго обаянія.

Главнымъ заявленіемъ дворянскихъ депутатовъ, руководившихся данными имъ ихъ избирателями наказами, было заявленіе о необходимости въ извѣстный срокъ дворянскихъ, или шляхетскихъ, съѣздовъ для обсужденія нуждъ дворянства, и нѣкоторыми депутатами даже предлагалось для засѣданія такихъ съѣздовъ построить «конференцъ-камеры». Затѣмъ требовались выборы изъ среды дворянъ лицъ для занятія мѣстныхъ должностей. Нѣкоторые депутаты,

вспоминая времена Петра Великаго, просили о возстановленіи званія ландратовъ, которые были бы «опекунами и защитниками уѣздовъ». Другіе желали возстановленія должности земскихъ коммиссаровъ на томъ основаніи, на какомъ должность эта была учреждена Петромъ I. Поднимали вопросъ и о предоставленіи дворянству права — избирать воеводъ, ихъ товарищей и уѣздныхъ судей. Вообще, выборное право, введенное тоже Петромъ I, считалось среди дворянства главною охраною гражданскаго благосостоянія. Но само собою разумѣется, что всѣ эти преимущества съ точки зрѣнія русскаго шляхетства должны были быть предоставлены исключительно этому сословію! Объ обязательной службѣ дворянъ въ коммиссіи не было никакихъ разсужденій, но за то говорилось немало объ освобожденіи дворянъ отъ тѣлеснаго наказанія и наложенія клеймъ.

VI.

21-го апрѣля 1785 года, была подписана жалованная дворянству «Грамота». Обнародованіе ея сопровождалось манифестомъ, который, по прописке въ немъ полнаго титула Екатерины, начинался такъ: «Извѣстно всенародно, что въ семъ титулѣ нашего самодержавства не вмѣщены мнимыя или намъ неподвластныя царства, княженія, области, города или земли чуждыя, но паче означаются самыя обширныя наши владѣнія кратчайшими именованіями, ибо многочисленны суть».

«Россійская имперія въ свѣтѣ отличается пространствомъ ей принадлежащихъ земель, кои простираются отъ восточныхъ предѣловъ Камчатскихъ до рѣки и за рѣку Двину, падающую подъ Ригою въ Варяжскій заливъ, включая въ свои границы сто шестьдесятъ пять степеней. Отъ устья же рѣкъ: Волги, Кубани, Дона и Днѣпра, втекающихъ въ Хвалынское, Азовское и Черное моря, до Ледовитаго океана простирается на тридцать двѣ степени широты».

Такое географическое опредѣленіе пространства Русской Державы сдѣлано съ тѣмъ, чтобы показать послушаніе, храбрость, неустрашимость, предпріимчивость и силу россійскаго народа, когда онъ бываетъ поощренъ примѣромъ своихъ начальниковъ и предводителей, а «наипаче примѣръ такой былъ свойственъ россійскому дворянству».

«Да какъ тому и быть инако?—продолжаетъ манифестъ:—когда знатнѣйшее и благороднѣйшее россійское дворянство, входя въ службы, военную или гражданскую, проходитъ всѣ степени чиноначалія, и отъ юности своей въ нижнихъ узнаетъ основаніе службы, привыкаетъ къ трудамъ и ихъ несетъ твердо и терпѣливо». Вспоминая о томъ, что дворянство всегда было готово несть «всякое бремя наиважнѣйшаго имперіи и монарху служенія», манифестъ

исчисляетъ награды и милости, полученныя дворянствомъ въ прежнія времена отъ государей, но въ частности объ освобожденіи его отъ обязательной службы Петромъ III умалчиваетъ.

Далѣе манифестъ заявляетъ, что побѣды графа Румянцова доставили Россіи Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, а «сей миръ отверзъ путь къ вожделѣннымъ предметамъ, пользу и могущество Россіи усиливающимъ». Воздается также похвала и генералъ-фельдмаршалу князю Потемкину за присоединеніе Тавриды.

«Съ новыми войнами и съ приращеніемъ нашей имперіи, когда пользуемся всякою внутреннею и внѣшнею повсюду тишиною, мы,— говорится въ манифестѣ,—подвигъ свой вящте и вящте устремляемъ къ непрерывному упражненію — доставить нашимъ вѣрноподданнымъ во всѣхъ нужныхъ частяхъ внутренняго управленія твердыя и прочныя постановленія по умноженію благополучія и порядка на будущія времена и для того, во-первыхъ, достойно находимъ простерти попеченіе къ нашему вѣрнолюбезному подданному россійскому дворянству, имѣя въ памяти вышесказанныя его заслуги, ревность, усердіе и непоколебимую вѣрность самодержцамъ всероссійскимъ, намъ самимъ и престолу нашему оказанныя въ наисмутнѣйшія времена какъ въ войнѣ, такъ и посредѣ мира. А подражая примѣрамъ правосудія, милосердія и милости въ Бозѣ почившихъ предковъ нашихъ и движимы будучи собственною нашею матернею любовью и отличною признательностію къ россійскому дворянству, по благоразсужденію, и изволенію нашему императорскому, повелѣваемъ, объявляемъ, постановляемъ и утверждаемъ, въ память родовъ для пользы россійскаго дворянства, службы нашей и имперіи, слѣдующія статьи на вѣчныя времена и непоколебимо».

Статьи эти, числомъ 92, и составляютъ такъ называемую «Жалованную Дворянству Грамоту». Въ ней распредѣлены онѣ такимъ образомъ: тридцать шесть статей гласятъ «о личныхъ преимуществахъ дворянъ»; тридцать пять—«о собраніи дворянъ, объ установленіи дворянскаго общества въ губерніи и о составѣ дворянскаго общества». Затѣмъ, девятнадцать статей содержатъ въ себѣ «наставленіе для сочиненія и продолженія дворянской родословной книги въ намѣстничествѣ» и, наконецъ, двѣ послѣднія главы опредѣляютъ «доказательства дворянства».

VI.

Такъ какъ «Грамота» была собственно только сводомъ тѣхъ личныхъ преимуществъ, которыя въ разное время были предоставлены дворянству верховной властію, или прямо истекали изъ его преобладающаго положенія, или, наконецъ, установились сами собою, отчасти вслѣдствіе обычая и отчасти даже вслѣдствіе злоупотребленій, то

въ сущности, какъ мы это уже замѣтили, она не давала дворянству никакихъ особыхъ преимуществъ передъ прочими сословіями, за исключеніемъ освобожденія отъ тѣлеснаго наказанія. Сверхъ того, «Грамота» установила нѣкоторыя общія понятія о значеніи дворянства и вывела изъ разговора и письма употреблявшееся до ея изданія названіе дворянства «шляхетствомъ».

«Грамота» опредѣлила прежде всего, «что̀ есть благородное дворянское достоинство», въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Дворянское названіе есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая службу въ достоинство, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородныхъ».

Затѣмъ въ «Грамотѣ» высказывается такой взглядъ на права, предоставляемыя дворянству: «Не только имперіи и престолу полезно, но и справедливо есть, чтобъ благороднаго дворянства почтительное состояніе сохранялось и утвердилось непоколебимо и ненарушимо; и для того изстари, нынѣ, да и пребудетъ навѣки благородное, дворянское достоинство неотъемлемо, наслѣдственно и потомственно тѣмъ честнымъ родамъ, кои онымъ пользуются». Въ виду этого, поставляются правила о сообщеніи дворяниномъ своего достоинства женѣ и дѣтямъ, съ добавленіемъ: «Да не лишится дворянинъ или дворянка дворянскаго достоинства, буде сами себя не лишили онаго преступленіемъ, основаніямъ дворянскаго достоинства противнымъ».

Для точнаго опредѣленія тѣхъ случаевъ, когда дворянинъ или дворянка лишается своего званія, исчисляются въ «Грамотѣ» виды тѣхъ преступленій, которыя влекутъ за собою такія послѣдствія. Къ нимъ причислены по «Грамотѣ»: 1) нарушеніе клятвы, 2) измѣна, 3) разбой, 4) воровство всякаго рода, 5) лживые поступки, 6) преступленія, за кои по законамъ слѣдовать имѣетъ лишеніе чести и тѣлесное наказаніе, и 7) «буде доказано будетъ, что другихъ уговаривалъ, или научалъ подобныя преступленія учинить».

Затѣмъ «Грамотою» постановлено, чтобы безъ суда не лишать благороднаго его достоинства, чести, жизни, имѣнія. Такое преимущество не представляло, впрочемъ, ничего исключительнаго, такъ какъ изданное одновременно съ «Грамотой» «Городовое положеніе», предоставляло такое же право и всѣмъ городскимъ обывателямъ. Особеннымъ же преимуществомъ дворянина, повидимому, оказывалось постановленіе «Грамоты», «да не судится благородный, окромѣ своими равными». Въ сущности, это, однако, не было новымъ преимуществомъ дворянства, такъ какъ во всѣ времена прежніе представители дворянства, «служилые люди», судились всегда себѣ равными, т. е. служилыми людьми, а посадскіе, мѣщане и крестьяне судьями ихъ никогда не бывали. Только въ недавнее время отмѣнилось косвенно это преимущество, т. е. со времени учрежденія

мировыхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, обязанности которыхъ и при судѣ надъ дворянами доступны лицамъ всѣхъ сословій.

Безпристрастный судъ надъ дворяниномъ обезпечивался тѣмъ, что «для благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе и по законамъ достойнаго лишенія дворянскаго достоинства, или чести, или жизни, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи императорскаго величества». Не смотря, однако, на это, еще и при Екатеринѣ могущественные временщики, Потемкинъ и Зубовъ, не соображаясь съ «Грамотою», расправлялись съ дворянами какъ хотѣли.

Замѣчательно, что дворянство въ силу «Грамоты» не было освобождено отъ пытокъ, хотя объ освобожденіи отъ нихъ и высказывались среди «шляхетства» слишкомъ за пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. «Грамота» дала одно весьма важное преимущество дворянству словами: «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго». На дѣлѣ, однако, и послѣ этого Шешковскій расправлялся въ тайной экспедиціи вовсе не подворянски. О предписаніи «Грамоты» онъ ничего не хотѣлъ знать...

«Грамота» подтвердила «на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольности и свободу», т. е. «дозволеніе службу продолжать и отъ службы просить увольненіе», съ тѣмъ, впрочемъ, что во всякое россійскому самодержавію нужное время всякій дворянинъ, по первому призыву самодержавной власти, обязанъ не щадить ни труда, ни самаго живота.

Конфискація дворянскихъ наслѣдственныхъ, но не благопріобрѣтенныхъ имуществъ, была отмѣнена такимъ постановленіемъ: «Дворянское наслѣдственное имѣніе, въ случаѣ осужденія и по важнѣйшему преступленію да отдастся законному его наслѣднику или наслѣдникамъ».

Далѣе слѣдуетъ внушеніе о прекращеніи всякаго противъ дворянъ самоуправства и насилія и подтверждается дворянамъ право покупать деревни; продавать оптомъ, чтò у нихъ въ деревнѣ родится, или рукодѣліемъ производится, имѣть фабрики и заводы. Подтверждены права собственности на все находящееся на поверхности и въ нѣдрахъ земли, что, впрочемъ было уже предоставлено всѣмъ лицамъ свободнаго состоянія еще до изданія «Грамоты». Ею также установлено изъятіе отъ личныхъ податей, чтò, впрочемъ, существовало издревле и еще при введеніи Петромъ I подушной подати отъ нея были изъяты дворяне.

Вотъ всѣ тѣ личныя права, какія получило дворянство по «Грамотѣ» отъ 21-го апрѣля 1785 года, но въ нихъ, кромѣ изъятія отъ тѣлеснаго наказанія, ровно ничего новаго не было.

VII.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ «Грамоты» осуществлена подъ дѣйствіемъ манифеста, изданнаго 18-го февраля 1762 года, мысль Петра I объ образованіи изъ дворянства сословія мѣстныхъ землевладѣльцевъ. При этомъ, въ основаніе приняты тѣ распорядки, которые заведены были при изданіи въ 1775 году «Учрежденій о губерніяхъ», т. е. допущено избраніе дворянствомъ уѣздныхъ предводителей, засѣдателей въ судебныхъ мѣстахъ и исправниковъ, или капитановъ, и подтверждено, но не вновь даровано, собранію дворянъ дозволеніе дѣлать представленія и жалобы чрезъ депутатовъ ихъ какъ сенату, такъ и императорскому величеству, на основаніи узаконеній, и для того дозволено дворянамъ собираться въ той губерніи, гдѣ жительство имѣютъ, и составлять дворянское общество въ каждомъ намѣстничествѣ.

Затѣмъ въ «Грамотѣ» исчисляются такія права дворянскаго собранія: имѣть въ губерніи домъ для избранія дворянства, архиву, печать, особаго секретаря, составлять изъ добровольныхъ складокъ особливую казну, защищаться на судѣ своимъ стряпчимъ, не подлежать ни въ какомъ случаѣ стражѣ и «исключать изъ собранія дворянина, который опороченъ судомъ или котораго явный и безчестный порокъ всѣмъ извѣстенъ, хотя бы судимъ и не былъ, пока оправдается».

VIII.

Хотя въ «Грамотѣ» и не говорится положительно о равенствѣ всѣхъ дворянъ между собою, какъ членовъ одного и того же сословія, но понятіе о такомъ равенствѣ является само собою, такъ какъ въ «Грамотѣ» не дѣлается никакого различія между древними заслуженными родами и новыми, не имѣющими за собой никакихъ заслугъ, и «Грамота» возобновляетъ то, что̀ было сдѣлано по уничтоженіи «вреднаго» мѣстничества, а именно: «предбудущимъ родамъ на память во всякой губерніи составить дворянскую родословную книгу, въ коей вписать дворянство той губерніи, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду тѣмъ паче способіе продолжать свое достоинство и названіе наслѣдственно, въ поколѣніе, непрерывно, непоколебимо и невредимо отъ отца къ сыну, внуку и правнуку и законному потомству, пока Богу угодно продлить ихъ наслѣдіе».

Не смотря на равенство дворянскихъ родовъ по правамъ и преимуществамъ, возобновленныя родословныя книги были раздѣлены на шесть частей. При такомъ раздѣленіи проявилось смѣшеніе понятій о способахъ пріобрѣтенія дворянства, о дворянскихъ по-

четныхъ титулахъ и о древности родовъ, помимо вопроса объ ихъ знаменитости или безвѣстности, и при этомъ главнымъ образомъ—хотя и весьма слабо—было оказано предпочтеніе древности породы. Это было уже чисто-западное понятіе о значеніи дворянства, такъ какъ въ прежнее время въ государствѣ московскомъ на древность рода не обращалось никакого вниманія, а цѣнились только его заслуги государямъ, на чемъ и основаны были мѣстническіе счеты, тогда какъ феодальное дворянство вело родословные разсчеты на иномъ совершенно основаніи, а именно—по древности родоначальника, хотя бы впослѣдствіи потомки его ничѣмъ особымъ себя не ознаменовали и хотя бы они, какъ, напримѣръ, представители фамиліи де-Куртене, занимавшей нѣкогда императорскій византійскій престолъ, воздѣлывали сами клочекъ наслѣдственной земли. У насъ же признакомъ «захудалости рода» было удаленіе его отъ «знатныхъ» должностей и неверстаніе значительными вотчинами и помѣстьями, хотя бы родъ и былъ знаменитаго происхожденія.

Западно-дворянскіе генеалоги высказывали относительно качества дворянской породы такія воззрѣнія: первое дворянское поколѣніе—дѣтство; второе—отрочество, третье—переходное состояніе и только четвертое поколѣніе достигнетъ настоящей зрѣлости, а далѣе становится древнимъ. На Западѣ, вслѣдствіе борьбы дворянства съ сюзеренами, древность рода получила особый политическій смыслъ. Когда тамошніе государи для отпора спѣсивымъ вассаламъ, ссылавшимся на свои почетные титулы, стали жаловать такіе же титулы близкимъ къ двору людямъ, не принадлежавшимъ къ дворянству, то въ средѣ западнаго дворянства стали высказывать мысль, что титулъ самъ по себѣ ничего не значитъ, такъ какъ его можетъ получить каждый простолюдинъ, но что для дворянства важность имѣетъ только древность рода, потому что никакая власть не можетъ дать благородныхъ предковъ тому, кто ихъ не имѣетъ по рожденію. Тогда западные государи надумались противодѣйствовать этому понятію особымъ примѣненіемъ къ дворянству своей верховной власти: въ дипломахъ, даваемыхъ вновь возведеннымъ въ дворянское или почетное достоинство, они повелѣвали такихъ «новиковъ» считать происходящими въ четвертомъ колѣнѣ отъ тѣхъ лицъ, которыя будто уже имѣли дворянство или носили почетный титулъ, присвоенный впервые только ново-пожалованному. Въ этой борьбѣ, повидимому, суетной и тщеславной, лежала та феодальная закваска, въ силу которой западное дворянство не желало поступиться передъ государями своими родовыми преимуществами, и борьба эта кончилась тѣмъ, что воззрѣнія дворянской среды взяли верхъ въ общественномъ мнѣніи, и донынѣ на Западѣ древность рода составляетъ главное условіе дворянскаго превосходства.

У насъ феодальнаго дворянства не было, у насъ прародите-

лями дворянства были не только слуги, но «холопы» государя, и потому потомки самыхъ знаменитыхъ родоначальниковъ и даже Рюриковичи гордились не древностью, но только заслугами своего рода, что̀ было вполнѣ соотвѣтствующимъ и происхожденію нашего дворянства, какъ служилаго сословія и его политическому, безправному положенію.

Мало-по-малу къ намъ стали прививаться западно-европейскія понятія о дворянствѣ. Въ XVIII вѣкѣ появились у насъ гербы и титулы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и оцѣнка дворянскихъ родовъ примѣнительно къ древности ихъ существованія. Петръ I, принявшійся устроивать у насъ дворянство, или шляхетство, на западный образецъ, не допускалъ, однако, различія между древнимъ и новымъ дворянствомъ и предоставилъ и тому и другому равные авантажи.

Петръ въ этомъ случаѣ былъ исторически вполнѣ правъ, такъ какъ и право и на древнее и новое дворянство исходило изъ одного основанія—изъ службы государю. Дворянство, однако, подъ вѣяніямъ западныхъ идей, стало смотрѣть иначе. Сторонники верховниковъ высказывали предположеніе о раздѣленіи дворянства,—смотря по времени полученія этого достоинства, какимъ либо предкомъ,—на шляхетство «знатное» и на шляхтство «подлое», проводя черту такого раздѣла между прежнимъ помѣстнымъ дворянствомъ и дворянствомъ, которое стали получать, тоже службою со времени Петра Великаго, каждый простолюдинъ и иноземецъ, достигнувшій извѣстнаго ранга. Эти мысли о шляхетствѣ высказывали, между прочимъ, и такіе умные въ свое время люди, какими несомнѣнно слѣдуетъ считать кабинетъ-министра Волынскаго и историка князя Щербатова. Среди дворянскихъ депутатовъ, собравшихся въ Москвѣ для составленія проекта новаго «Уложенія», также слышались подобныя мнѣнія и предлагались мѣры для ихъ осуществленія, между прочимъ, тѣмъ, чтобы лицъ, происходящихъ отъ тѣхъ, кто получилъ дворянство по чину, признавать дворянами только съ третьяго поколѣнія, нисходящаго отъ новаго дворянства.

Къ дворянству, пріобрѣтенному службою, родовые, или «столбовые», дворяне относились съ пренебреженіемъ и, безъ всякаго сомнѣнія, существующему еще нынѣ поколѣнію приходилось, а, можетъ быть, и теперь еще приходится слышать, какъ иныхъ дворянъ по ихъ родоначальнику называютъ «хамовымъ отродьемъ», если онъ вышелъ изъ простолюдиновъ,—«аршинниками», если изъ купечества; отъ «сладкаго корени» или «отъ колѣна левитова», если онъ принадлежалъ къ духовному званію, и «крапивнымъ сѣменемъ», если родословная вершина какого либо рода упирается въ среду приказныхъ и подъячихъ, и нельзя не сказать, чтобы въ такомъ насмѣшливомъ взглядѣ не было достаточныхъ законныхъ основаній. Это можно объяснить тѣмъ, что, хотя Петръ I и предоставилъ право на дворянство по чинамъ, но, тѣмъ не менѣе, окончательное уста-

новленіе такого права обусловлено полученіемъ «патента» на дворянство, который долженъ былъ быть за подписью самого государя. Это правило видно изъ того, высказаннаго Петромъ, взгляда, что дворянское достоинство можетъ быть пожаловано только императорскимъ величествомъ или другими коронованными главами. До какой степени это право донынѣ присвоено исключительно одной только верховной власти, можно видѣть изъ того, что въ выдаваемыхъ высочайшихъ грамотахъ даже такому лицу, право котораго на дворянство по предкамъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, всетаки, говорится, что лицо это «возводится въ дворянское достоинство императорскою милостію».

Между тѣмъ, чины были жалуемы не только сенатомъ, и синодомъ, но и коллегіями и даже генералъ-губернаторами и, напримѣръ, такое право сибирскихъ генералъ-губернаторовъ было отмѣнено только въ 1774 году.

Разумѣется, что въ прежнюю пору пренебрежительный взглядъ на новоявившагося дворянина высказывался весьма нерѣдко, и «Грамота», не дѣлая никакого различія въ правахъ и преимуществахъ потомственнаго дворянства вообще, тѣмъ не менѣе, допустила нѣкоторыя статьи примѣнительно къ происхожденію того или другаго дворянскаго рода.

VIII.

По внесенію въ ту или другую часть родословной книги, дворянство распредѣлено было по «Грамотѣ» въ слѣдующемъ порядкѣ. «Въ первую часть родословной книги внесутъ роды дѣйствительнаго дворянства»,—сказано было въ «Грамотѣ».

Вопросъ же о томъ, что̀ значитъ «дѣйствительное» дворянство?— въ «Грамотѣ» истолковывался такъ: «Дѣйствительные дворяне не иные суть роды, какъ тѣ, кои отъ насъ самихъ или другихъ коронованныхъ главъ въ дворянское достоинство дипломомъ, гербомъ и печатью пожалованы». Къ этому добавлено: «Но дабы и и тѣмъ родамъ оказать справедливость, кои имѣютъ доказательство на дѣйствительное дворянство до ста лѣтъ, то дозволяемъ и сіи роды вносить въ сію часть».

«Во вторую часть,—сказано въ «Грамотѣ»,—внесутъ роды военнаго дворянства по алфавиту». Военное дворянство,—излагается въ «толкованіи» къ этой статьѣ,—не иные суть роды, какъ тѣ, о коихъ въ именномъ указѣ блаженной и вѣчно-достойной памяти государя императора Петра Перваго, 1721 года января 16 дня, узаконено сими словами: всѣ оберъ-офицеры, которые произошли не изъ дворянства, оные и ихъ дѣти, и ихъ потомки суть дворяне и надлежитъ имъ дать патенты на дворянство».

«Въ третью часть родословной книги должны были быть внесены роды восьмиклассныго дворянства по алфавиту». Правило это

истолковано такъ: «Осьмиклассное дворянство не иные суть роды, какъ тѣ, о коихъ въ табели о рангахъ 1722 года января 24 дня, въ 11 пунктѣ узаконено сими словами: всѣ служители россійскіе или иностранные, которые въ осьми первыхъ рангахъ находятся или дѣйствительно были, имѣютъ оныхъ законные дѣти и потомки въ вѣчныя времена лучшему и старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ равно почтены быть, хотя бы они и низкой породы были, и прежде отъ коронованныхъ главъ никогда въ дворянское достоинство произведены или гербомъ снабдены не были».

«Въ четвертую часть,—говорится въ «Грамотѣ»,—внесутъ иностранные роды по алфавиту». Это предписаніе сопровождается такимъ «толкованіемъ»: «Иностранные роды не иные суть, какъ тѣ, кои въ россійское подданство вступили и о коихъ упоминается въ указахъ 195 года, о пополненіи разрядной родословной книги, повелѣвая, чтобы таковые царскіе, владѣтельные, княжескіе и иные въѣзжіе честные роды вносить въ особую часть родословной книги».

«Въ пятую часть родословной книги слѣдовало внести титулами отличенные роды». Въ «толкованіи» къ этой статьѣ сказано, что «такіе роды не иные суть, какъ тѣ, коимъ присвоено или наслѣдственно, или по соизволенію коронованной главы названіе княжеское, графское, баронское или иное».

Наконецъ, «Грамота» гласитъ:

«Въ шестую часть родословной книги внесутъ древніе благородные роды», а въ «толкованіи» къ этой статьѣ сказано: «Древніе благородные не иные суть, какъ тѣ роды, коихъ доказательства дворянскаго достоинства за сто лѣтъ и выше восходятъ; благородное же ихъ начало покрыто неизвѣстностію».

Съ введенія родословныхъ книгъ, самымъ почетнымъ дворянствомъ стало считаться и донынѣ считается дворянство, внесенное въ шестую часть. По «Грамотѣ», только оно одно и именуется «благороднымъ». Предпочтеніе оказывается ему и донынѣ, хотя въ очень немногихъ случаяхъ, какъ, напримѣръ, при опредѣленіи дѣтей въ привиллегированныя учебныя заведенія, мужскія и женскія, и облегчается пожалованіе почетнаго придворнаго званія—камеръ-юнкерскаго и каммергерскаго, такъ какъ званія эти, по закону, считаются наградами не за личныя заслуги, а за заслуги рода.

Такое распредѣленіе русскаго дворянства на разряды, при которомъ какъ бы отдано предпочтеніе древности рода, напоминаетъ во многомъ распредѣленіе французскаго дворянства около той поры, когда была издана «Грамота». Во Франціи существовало также: дворянство по «грамотѣ», названное у нихъ «дѣйствительнымъ» (noblesse par léttres d'anoblissement); военное (noblesse d'epée); своего

рода осьмиклассное (noblesse d'office, или noblesse de robe и de cloche); древнее (noblesse de race, или noblesse de parage), соотвѣтствовавшее тому разряду, которому была посвящена у насъ шестая часть родословной книги. Во Франціи право на причисленіе къ этому разряду обусловливалось тѣмъ, чтобы предокъ рода не былъ пожалованъ дворянствомъ по диплому, но былъ бы исконнымъ дворяниномъ—дворяниномъ Божіею милостію. У насъ же право внесенія родовъ въ шестую часть было обусловлено тѣмъ, чтобы «благородное ихъ начало было покрыто неизвѣстностію». Такое выраженіе феодальнаго понятія, имѣвшаго, какъ мы объяснили выше, свой историческій смыслъ, не было понято нашимъ дворянствомъ; «неизвѣстность благороднаго начала» казалась даже обидною, и многіе предпочитали, чтобъ ихъ родословіе не терялось въ mракѣ неизвѣстности, но чтобы оно начиналось съ какого нибудь болѣе и менѣе замѣтнаго служилаго человѣка, напримѣръ, хоть съ дьяка, стряпчаго, постельничаго, не говоря уже о воеводѣ, бояринѣ или дворецкомъ съ путемъ.

Вообще, распредѣленіе дворянства къ «Грамотѣ», за исключеніемъ трехъ высшихъ разрядовъ, представлялось крайне неправильнымъ; такъ, напримѣръ, въ четвертую книгу, въ которую слѣдовало внести царскіе, владѣтельные и княжескіе въѣзжіе роды, должны были попадать и роды пожалованнныхъ въ чужихъ земляхъ дворянъ, если они были признаны въ Россіи дворянами по дипломамъ, даннымъ имъ иностранными государями. Точно также и въ пятую книгу, куда слѣдовало внести князей отъ племени Рюрика, стали вносить и заведшихся у насъ баронов темнаго происхожденія.

Въ «Грамотѣ» весьма подробно изложенъ порядокъ внесенія дворянскихъ родовъ въ ту или другую часть родословной книги по постановленію Дворянскаго Депутатскаго Собранія съ правомъ принесеенія въ герольдію жалобъ на эти постановленія.

Затѣмъ въ 19 пунктахъ «Грамоты» исчислены тѣ доказательства, которыя должны быть признаваемы «неопровергаемыми доказательствами благородства».

Заключается «Грамота» разъясненіемъ, что̀ такое «личное дворянство», на которое, впрочемъ, дѣйствіе «Грамоты» распространено не было и донынѣ не распространяется, но которое при извѣстныхъ условіяхъ службы могло и можетъ быть обращаемо въ потомственное дворянство.

IX.

Мы съ достаточною подробностію разсмотрѣли всѣ существенныя статьи «Жалованной Грамоты» и послѣ этого,—какъ мы полагаемъ,—нельзя считать «Грамоту» починомъ, основою дворянскихъ правъ и преимуществъ, такъ какъ существенныя права этого

сословія возникли еще до ея изданія. Точно также до ея изданія, дворянство, еще при Петрѣ Великомъ, стало быть призываемо къ участію въ мѣстномъ управленіи, и участіе это съ достаточною точностью было опредѣлено еще въ 1775 году въ «Учрежденіи о Губерніяхъ»; что же касается освобожденія дворянства отъ обязательной службы не только тягостной, но и дѣлавшей его, вмѣсто земскихъ обывателей, людьми служилыми, то такимъ освобожденіемъ дворянство обязано исключительно манифесту императора Петра III. Такимъ образомъ «Грамота» не имѣетъ вовсе того существеннаго значенія, какое силятся ей придать нѣкоторые наши публицисты и витіи, хотя безспорно и очень велерѣчивые, но въ то же время крайне плохо знакомые съ отечественною исторіею.

Если, впрочемъ, и допустить предполагаемое ими значеніе «Грамоты», то всеже возникаетъ вопросъ о томъ, своевременно ли будетъ отпраздновать 21-го апрѣля текущаго года столѣтній юбилей не въ смыслѣ только хронологической столѣтней давности, но дѣйствительной ея силы въ продолженіе ста лѣтъ?

Такъ какъ мы обрѣтаемся теперь въ кругу дворянскихъ вопросовъ, то для разъясненія нашихъ доводовъ о несвоевременности такого празднества возьмемъ подходящее уподобленіе изъ этого круга. Если, напримѣръ, чей нибудь предокъ получилъ въ потомственное владѣніе имѣніе въ день изданія «Грамоты», но потомъ имѣніе это было черезъ нѣсколько лѣтъ у него отобрано и возвращено только впослѣдствіи, то едва ли будетъ основательно, если онъ отпразднуетъ годовщину столѣтія «владѣнія» этимъ имѣніемъ, черезъ сто лѣтъ въ день его пожалованія безъ вычета того времени, когда оно не было во владѣніи его рода. Такимъ образомъ и столѣтіе «Грамоты» можно было бы отпраздновать, если бы она сохранила свою силу въ теченіе столѣтія безъ перерыва, но дѣло въ томъ, что этого не было.

Указомъ императора Павла, состоявшимся 3-го января 1797 года, а затѣмъ и особыми высочайшими конфирмаціями, повелѣно было подвергать дворянъ «торговой казни», въ противность 15-й статьи «Грамоты», которою было узаконено: «тѣлесное наказаніе да не коснется до благороднаго».

Указомъ 4-го октября 1799 года и 30-го ноября 1800 года повелѣно было: «дворянскихъ дѣтей въ службу по статской части никуда не записывать и не опредѣлять сенату, не войдя прежде о томъ докладомъ къ императорскому величеству», а указомъ 12-го апрѣля 1800 года запрещено было: «отставленныхъ отъ военной службы, о коихъ не было высочайшаго назначенія къ опредѣленію къ статскимъ дѣламъ, опредѣлять въ оную», и это уничтожало силу 18-й статьи «Дворянской Грамоты».

По статьѣ 37-й, пожалованной дворянству «Грамоты», дворянству дозволено было собираться въ той губерніи, гдѣ оно житель-

ство имѣетъ, для выборовъ и составлять дворянское общество. Но указомъ 14-го октября 1799 года повелѣно было: «Такъ какъ выборы чиновниковъ въ уѣздныя мѣста поуѣздно производятся, то для сего и не настоитъ надобность съѣзжаться дворянамъ цѣлой губерніи въ губернскій городъ, почему, въ облегченіе имъ, производить оные выборы по уѣзднымъ городамъ, а что касается губернскаго предводителя, то если дворянство каждаго уѣзда не подтвердитъ большинствомъ балловъ прежняго предводителя, или онъ самъ откажется, то выбраннымъ уѣзднымъ предводителямъ дѣлать выборы въ губернскіе предводители между собою по балламъ или по жребію».

Что же касалось дворянъ, которые, будучи выбраны, удалятся въ города, то въ указѣ 30-го марта 1800 года изложено было, что «градская и сельская полиціи обязаны наблюдать, чтобъ таковые нигдѣ ни подъ какимъ видомъ не проживали, а отправляемы были къ ихъ мѣстамъ и должностямъ за присмотромъ на собственномъ ихъ коштѣ; изъ службы же ихъ не исключать, предавая ихъ, сверхъ того, суду, для поступленія съ ними по законамъ».

Въ 1797 году, мая 4-го, обнародованъ былъ указъ, чтобы ни отъ кого, ни въ какихъ мѣстахъ, прошеній, многими подписанныхъ, не принимать. Этотъ указъ, между прочимъ, былъ направленъ и противъ предоставленнаго статьями 47 и 48 «Грамоты» дворянству дозволенія подавать отъ имени дворянскихъ собраній заявленія о своихъ пользахъ и нуждахъ.

Кромѣ того, указомъ 4-го декабря 1796 года, было повелѣно: «дабы никакое въ государствѣ правительство собою не вводило въ дворянство и не выдавало своихъ грамотъ на сіе достоинство не имѣвшимъ такого преимущества, въ которомъ утвердить или вновь пожаловать единственно зависитъ отъ самодержавной власти», а 6-го марта 1801 года, повелѣно было: «грамотъ на дворянское достоинство тѣмъ, кои достигли по выслугамъ, впредь безъ особаго высочайшаго повелѣнія, не выдавать». Въ силу этихъ указовъ прекращено было дѣйствіе 85-й статьи «Грамоты», такъ какъ по статьѣ этой губернскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты имѣли право разсматривать представленныя на дворянство доказательства, признавать всѣ эти доказательства дѣйствительными и сообразно съ ними вносить просителя въ подлежащую книгу, выдавая ему грамоту на дворянство.

Наконецъ, по указу императора Павла, дворянство было устранено отъ всякаго участія въ мѣстныхъ судебныхъ дѣлахъ, такъ какъ лица, выбранныя дворянствомъ на судейскія должности, были смѣщены и герольдіи предоставлено было «наполнить сіи мѣста чиновниками, при ней состоящими».

Такимъ образомъ, всѣми упомянутыми указами была пресѣчена сплошная, въ теченіе столѣтія, сила дворянской «Грамоты», такъ

что дѣйствіе ея должно начать считать снова со времени ея возстановленія.

Императоръ Александръ Павловичъ, на четвертый день по вступленіи своемъ на престолъ, повелѣлъ произвести на прежнемъ основаніи выборы дворянъ въ судейскія должности, смѣнивъ тѣхъ судей, которые были назначены герольдіею изъ состоявшихъ при ней чиновниковъ.

Послѣ того, въ манифестѣ отъ 2-го апрѣля 1801 года, новый императоръ возвѣстилъ, что онъ, «положивъ слѣдовать во всемъ по стезямъ» своей бабки и «бывъ самъ удостовѣренъ въ справедливости, святости и неприкосновенности преимуществъ дворянства, первою своею обязанностію призналъ утвердить ихъ». Вслѣдствіе этого, сенатъ вошелъ въ разсмотрѣніе и соображеніе всѣхъ «воспослѣдовавшихъ противу дворянскихъ правъ и преимуществъ постановленій», и затѣмъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, примѣнительно къ которому и возстановлена была сила «Грамоты» во всей ея прежней полнотѣ.

Впослѣдствіи, однако, не столько въ силу прямыхъ ограниченій правъ, дарованныхъ дворянству, сколько въ силу общихъ государственныхъ преобразованій, дворянская «Грамота» неизбѣжно должна была утратить свое прежнее исключительное значеніе. Этому весьма много содѣйствовало уравненіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ преимуществъ другихъ сословій съ преимуществами, прежде исключительно предоставленными одному только дворянству. Такъ, напримѣръ, прежнее, чрезвычайно важное, сдѣланное только для дворянъ изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія было распространено постепенно на духовенство, почетныхъ гражданъ, купцевъ первыхъ двухъ гильдій и, наконецъ, вообще на всѣ сословія. Подобныхъ сословныхъ уравненій требуетъ постепенный умственный и нравственный ростъ каждаго благоустроеннаго человѣческаго общества. Сравнялось также дворянство съ другими сословіями и по отбыванію воинско-обязательной службы и по прежнему изъятію его отъ личныхъ податей, такъ какъ, напримѣръ, неплатежъ подушной подати пересталъ быть исключительнымъ преимуществомъ дворянъ. Наконецъ, въ силу общихъ преобразованій по судебной части, уничтожилось прежнее право дворянъ быть судимыми только равными себѣ и т. д.

Въ заключеніе скажемъ, что по всѣмъ указаннымъ нами обстоятельствамъ для насъ не совсѣмъ ясно предполагаемое теперь празднованіе столѣтія «Дворянской Грамоты». Намъ кажется, что прежде нежели устроивать непонудительное торжество какого либо историческаго событія, слѣдуетъ навести объ этомъ событіи точную историческую справку.

К. Н. В.

ПЕРВОБЫТНАЯ МУЗЫКА ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРІЕЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИДЕИ.

Множество изобрѣтеній человѣческихъ пришло изъ Азіи: желѣзо, хлѣбопашество, даже вино; ничего нѣтъ удивительнаго, что здѣсь зарождалась также и музыка. Человѣческія цивилизаціи развиваются преемственно и то, чѣмъ мы гордимся, имѣло начало въ отдаленнѣйшія эпохи. Какъ ребенокъ получаетъ множество свойствъ и представленій въ первые годы дѣтства, такъ и первобытные народы уже обладаютъ множествомъ чертъ и свойствъ, которыя только развиваются по мѣрѣ прогресса человѣчества. Поэтому лишь легкомысленные люди привыкли рѣзко отдѣлять культуры и полагать, что общечеловѣческая Венера вышла изъ головы Европейскаго Юпитера во всеоружіи. На самомъ дѣлѣ это не такъ.

Прослѣдимъ исторію хотя одного музыкальнаго инструмента въ связи съ развитіемъ музыкальныхъ идей вообще.

Первобытные инструменты, какъ они ни просты и ни грубы, всегда возбуждаютъ извѣстныя представленія и порождаютъ идею. Собственно сама музыка не имѣла бы никакого вліянія на человѣка, если бы не порождала этихъ представленій и не возбуждала извѣстной комбинаціи чувствъ.

Музыка рождается во времена ранняго пантеистическаго и миѳологическаго культа и является орудіемъ религіознымъ. До сихъ поръ мы видимъ первобытный инструментъ у шаманистовъ сѣверной Азіи и Америки, хотя въ средней и южной Азіи онъ уже

исчезъ или получилъ близкія къ европейскимъ измѣненія. Этотъ первый языческій инструментъ встрѣчается у остяковъ, самоѣдовъ, лапландцевъ, якутовъ, тунгусовъ, у монголовъ, бурятъ, алтайскихъ тюрковъ и черневыхъ татаръ. Онъ былъ достояніемъ всѣхъ древнихъ финскихъ и тюрко-монгольскихъ племенъ. Онъ состоитъ изъ козьей кожи, натянутой на ободъ, въ который бьютъ особенной, выгнутой лопаткой. Это есть не что иное, какъ первобытный бубенъ. Мы видимъ на немъ изображенія различныхъ фигуръ и знаковъ, свойственныхъ міросозерцанію инородца; въ сущности на немъ изображена вся космогонія инородца: небо съ солнцемъ, луной, звѣздами и радугой, надземный міръ съ людьми и животными, міръ подводный съ гадами и рыбами. Бубенъ есть принадлежность шамана и священный инструментъ, который съ почетомъ помѣщается на видномъ мѣстѣ жилища. Онъ употребляется только при религіозныхъ обрядахъ жрецами. Самое имя его «тенгуръ» потюркски, по сходству со словомъ «тенегре»—небо и громъ, носитъ слѣдъ божественнаго происхожденія. Звукъ его вызываетъ или способствуетъ олицетворенію цѣлаго ряда не только религіозныхъ представленій, идей, но и вызываетъ божественные образы, экзальтируетъ человѣка, переноситъ его въ другой миѳическій міръ, будитъ его чувства, печали и радости; словомъ, онъ дѣйствуетъ также, какъ и другая музыка. Въ этотъ грубый инструменъ вкладывается человѣческая идея и человѣческая душа. Самъ инструментъ не при чемъ. Прекрасный человѣческій голосъ, фортепіано и кремоновская скрипка въ рукахъ профана не производятъ впечатлѣнія, но они потрясаютъ и волнуютъ насъ, когда ихъ коснулась гармонія человѣческой души. Барабанная перепонка нашего уха—передаточная инстанція отъ одушевленнаго инструмента къ тѣмъ сложнымъ аппаратамъ организма, который порождаетъ внутреннюю музыку ощущеній и идей. Первобытный бубенъ дѣйствуетъ по тѣмъ же законамъ: онъ подчиненъ волѣ, его колебанія ритмичны и гармоничны; онъ часто аккомпанируетъ звукамъ высшаго музыкальнаго инструмента,—человѣческому голосу.

Надо видѣть то возбужденіе, которое производитъ шаманъ. Его бубенъ имѣетъ глухой торжественный звукъ, напоминающій мѣрный ритмъ турецкаго барабана, вмѣстѣ съ таинственнымъ шумомъ желѣзныхъ подвѣсокъ, бѣгающихъ по желѣзному поперечнику бубна. Представьте себѣ мистическое настроеніе слушателей, ихъ страхъ, возбужденіе шамана, грозную обстановку ночи и таинственно пылающій костеръ, массу приготовленій, суевѣрный ужасъ дикаря; его миѳическія представленія, готовыя воскреснуть при пылкой дѣтской фантазіи, тысячи готовыхъ посѣянныхъ легендами миѳологическихъ и героическихъ образовъ, реализацію этихъ образовъ священнодѣйствіемъ шамана, его пророчества, его мимику, его конвульсивныя движенія, какъ бы вызываемыя сверхъестественной

силой, и вы поймете, что здѣсь совершается своего рода языческое таинство, которое возбуждаетъ массу идей и ощущеній, начиная съ олицетворенія цѣлаго культа, сближеніе человѣка съ богами, кончающееся религіознымъ трансомъ.

Мы нѣсколько разъ въ Алтаѣ видѣли обрядъ шаманства въ темныя ночи среди пылающихъ костровъ. Таинственныя приготовленія къ жертвоприношеніямъ, благоговѣніе инородцевъ, внушительная обстановка этого обряда среди величественныхъ горъ, томительная и длинная продолжительность этого обряда, въ безмолвіи ночи производятъ впечатлѣніе даже на русскихъ крестьянъ. Одинъ ямщикъ передавалъ намъ, что, запоздавши и оставшись ночевать въ аулѣ инородцевъ, онъ былъ свидѣтелемъ этихъ приготовленій инородцевъ къ камланью. Ночью они навели на него такой ужасъ, что онъ бѣжалъ «отъ чертовщины», какъ онъ выражался. Дѣйствительно демонологія здѣсь играетъ важную роль. Въ призываніи алтайскихъ шаманистовъ играетъ роль вызовъ «Эрлика», духа зла, съ нимъ вызывается цѣлый сонмъ страшныхъ духовъ, поражающихъ воображеніе дикаря. Одинъ шаманъ пробовалъ даже насъ устрашить, разсказывая образно, какой страшный видъ имѣетъ «Эрликъ», и предсказывалъ, что онъ намъ приснится ночью. Во время самаго комланья, или шаманства, играетъ видную роль разсказъ шамана, или кама, о его похожденіяхъ въ горахъ и на небѣ среди фантастическихъ страшныхъ существъ. Этотъ разсказъ въ стихахъ и импровизаціяхъ, прерываемыхъ бубномъ, сопровождается заклинаніями и подражаніемъ крикамъ животныхъ.

И во все время среди экзальтированныхъ, охваченныхъ ужасомъ инородцевъ, среди глухой ночи, звучитъ этотъ таинственный бубенъ съ дикими напѣвами.

Нечего и говорить, что эта музыка далека отъ той религіозной, уносящей въ небо музыки, которую впослѣдствіи создало человѣчество въ хорахъ и оркестрахъ, которая звучитъ торжественно подъ темными сводами средневѣковыхъ соборовъ, при мерцаніи паникадилъ, но, тѣмъ не менѣе, и въ этой первобытной музыкѣ находятся свои религіозные элементы и идеи.

Указанный инструментъ извѣстенъ былъ уже сирійцамъ. Совершенствованіе его мы видимъ у сѣверныхъ буддистовъ; бубенъ ихъ уже двойной: козья шкура натянута съ обѣихъ сторонъ обода и являются уже палки вмѣсто плоской ручки. Немудрено открыть, что это начало барабана. Онъ также звучитъ при буддійскихъ богослуженіяхъ, но къ нему уже присоединяется другая духовая музыка. Такимъ образомъ музыка прежде всего связана съ религіей и употребляется для выраженія религіознаго настроенія, какъ и танцы. Постепенно эта музыка появляется вездѣ, гдѣ человѣческій умъ исполняется торжественнаго и религіознаго настроенія, при обрядахъ и въ священныхъ войнахъ, наканунѣ смерти. И

древніе барабанили въ свой бубенъ передъ сраженіемъ, призывая боговъ своихъ. Инструментъ преображается по мѣрѣ измѣненія культуръ, но идея остается та же. Увеличьте размѣры обода, натягивайте кожу, дѣлайте ее тоньше или толще, превратите лопатку дикаря въ колотушку, въ барабанныя палки, и вы получите всѣ дальнѣйшіе переходы отъ турецкаго барабана, высота обода котораго разрослась до громадныхъ размѣровъ, кончая литаврами съ легкимъ звукомъ и, наконецъ, весьма не музыкальнымъ барабаномъ военной цивилизаціи.

Что барабаны и литавры не были, всетаки, заполонены однимъ воинственнымъ культомъ, доказательство тому ихъ участіе въ музыкальныхъ оркестрахъ, гдѣ они продолжаютъ служить дополненіемъ и вносить свою долю представленій въ музыкальныя идеи.

Но и самъ по себѣ барабанъ и его звукъ производилъ чудеса. Его тревожный бой также грозно, какъ и въ древнее время, возвѣщалъ смерть и опасность.

Мы не поклонники барабанной музыки, но не мѣшаетъ и здѣсь видѣть, какъ человѣкъ въ этотъ дикій, первобытный инструментъ вкладывалъ свои идеи, или пробовалъ производить извѣстныя ассоціаціи. Ассоціаціи эти усиливаются и отъ настроенія человѣка, и отъ искусства музыканта. Тогда инструментъ вызываетъ цѣлыя историческія картины. Барабанъ и его звукъ для воина можетъ разсказать военную исторію и воскресить память о всѣхъ битвахъ. Припомните поэтическій образъ въ барабанщикѣ—гренадерѣ, созданномъ Гейне, барабанщикѣ, припоминающемъ исторію Наполеоновскихъ сраженій. Гренадеръ умираетъ, истощенный походомъ въ Россію; передъ смертью онъ проткнулъ барабанъ.

Позволимъ себѣ припомнить одно впечатлѣніе, вынесенное нами изъ-подъ звуковъ современнаго нѣмецкаго барабана нѣсколько лѣтъ назадъ. Это было въ Петербургѣ.

Многіе помнятъ когда послѣ франко-нѣмецкой войны пріѣзжалъ хоръ берлинской военной гвардейской музыки, игравшей въ Михайловскомъ саду. Среди этого хора выступалъ въ числѣ дивертисмента артистъ, нѣмецкій барабанщикъ. Онъ совершалъ чудо искусства на барабанѣ; начиная съ рѣдкаго перебоя одинокаго барабана, онъ умѣлъ создать иллюзію, будто къ этому барабану постепенно присоединялись сотни барабанщиковъ. Барабанъ билъ энергическій и побѣдоносный «Wacht am Rein». И этотъ бой воскрешалъ для людей съ воображеніемъ цѣлую исторію, цѣлую европейскую драму, недавно розыгранную. Когда нѣмецкій барабанщикъ бьетъ эту нѣмецкую марсельезу, вы слышите, какъ онъ самоувѣренно шолъ во Францію. За этимъ воинственнымъ боемъ атаки вы какъ будто слышите вопль французскихъ деревень, стонъ умирающихъ. А нѣмецкій барабанъ бьетъ громче и громче, точно тысячи барабанщиковъ изъ нѣмецкихъ полчищъ, наводнившихъ Европу.

Алтайскій шаманъ съ бубномъ.

Недавно барабанъ былъ отмѣненъ во Франціи, но его опять возстановили. Эпоха барабанной цивилизаціи не отошла для Европы. Современный барабанъ меньше прежняго, звукъ его ближе къ литаврамъ, но дребезжащій звукъ его не сталъ чувствительнѣе и симпатичнѣе. Въ музыкѣ онъ терпимъ какъ дополненіе. Сама эта музыка развилась до высоты совершенства въ бетховенскія и моцартовскія аріи, дрожитъ въ нѣжныхъ звукахъ арфы и флейты, вылилась въ цѣлыхъ операхъ. Она поднимаетъ человѣческій духъ до драматизма; вся психологія, вся жизнь человѣка, вся человѣческая исторія можетъ быть отлита въ звукахъ. Человѣкъ создалъ тысячи превосходныхъ инструментовъ, тысячи людей исполняютъ концертныя пьесы.

Разсматривая первобытные музыкальные инструменты у дикарей, которые мы видимъ, европеецъ можетъ поразиться ихъ звуковой бѣдностью. Мы видимъ у сибирскихъ дикарей зародыши струнныхъ инструментовъ: остяцкій «Лебедь» напоминаетъ арфу. Онъ изображаетъ изъ себя шею лебедя, отъ которой протянуты металлическія струны. Итакъ первообразъ арфы изображаетъ лебедя. Сколько здѣсь дикарской поэзіи! Далѣе мы видимъ первообразъ струннаго инструмента, родъ балалайки. Это—«Гомзъ», или «Топшуръ», употребляемый въ лѣсахъ и горахъ Алтая. Онъ иногда имѣетъ двѣ струны. Кромѣ того, есть инструментъ «чатхонъ» въ родѣ монохорды, ящикъ съ 4—7 металлическими струнами. Замѣчательно, что подъ аккомпаниментъ этихъ инструментовъ разсказываются цѣлыя сказки и легенды. Аккомпаниментъ этотъ въ высшей степени странный. Вы слышите, какъ начинаетъ звучать басовая струна, а затѣмъ слышится голосъ инородческаго кобзаря, начинающаго каждый стихъ протяжнымъ: уй, уй-уй! и также кончающимъ стихъ. Эта монотонность, ровный тонъ разсказа подъ звукъ струны исполнены своей торжественности. Въ этихъ разсказахъ играетъ роль героическій эпосъ. Какъ богатъ онъ образами и своего рода поэзіей, совѣтуемъ познакомиться съ произведеніями народнаго алтайскаго творчества, собранными извѣстнымъ ученымъ, В. В. Радловымъ. Точно также на южныхъ границахъ Сибири и Монголіи употребляется инструментъ, похожій на первообразъ скрипки, «икеле» со смычкомъ. Но еще проще вывезенный нами инструментъ «комысъ—(комысъ, кабзъ и тенгуръ родственны и, какъ видно, одного происхожденія). Послѣдній инструментъ есть стальная подковообразная пружинка съ язычкомъ внутри; пластинка вкладывается въ ротъ между зубами, язычекъ есть тонкая проволочка, которая при прикосновеніи издаетъ звукъ струны. Деку съ резонансомъ здѣсь замѣняетъ полость рта. Вставленная въ зубы пластинка не мѣшаетъ пѣнію [1]). Подобіе трубнаго инструмента мы ви-

[1]) Всѣ эти инструменты: топшуръ, икеле и пластинки «комысъ» изобра-

дѣли въ трубѣ для приманки оленей. (Такая труба изображена на рисункахъ Миддендорфа). Она издаетъ одинъ звукъ на подобіе волторны. Трубы получили развитіе только во внутренней Азіи. Между прочимъ, въ императорское русское географическое Общество поступило недавно пожертвованіе монгольскихъ трубъ, сдѣланныхъ изъ костей казненнаго человѣка. Чаши для пировъ изъ черепа и музыкальный инструментъ изъ человѣческихъ костей не возмущаютъ эстетическаго чувства первобытныхъ народовъ и полуварварской цивилизаціи. Это была довольно грубая аллегорія и даже сатира. Фантазія и поэзія дикаря слишкомъ пренебрежительно относилась къ человѣческимъ интересамъ и витала въ сонмѣ миѳологическихъ образовъ, здѣсь лежали ея симпатіи. Поэтому первобытный міръ поражаетъ сочетаніями видимой грубости, безчувственности, рядомъ съ нѣжной поэзіей и проблесками невинно-дѣтскаго чувства. Искусству нужно было пройдти еще вѣка, пережить христіанскую драму искупленія и европейскій гуманизмъ, чтобы сдѣлаться орудіемъ и воспитателемъ благороднѣйшихъ порывовъ человѣческаго духа.

Первобытные музыкальные инструменты алтайцевъ.

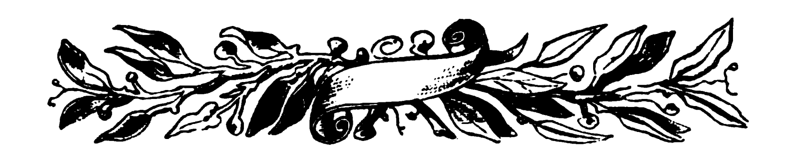
Не забудемъ, однако, что и въ первобытныя эпохи, въ самую раннюю пору человѣчества первый инструментъ уже соединялъ человѣка съ небомъ.

Но вотъ контрастъ: теперь нужны тысячи инструментовъ и тысячи людей, нужны громадныя усилія артистическаго искусства, чтобъ тронуть человѣческую душу, возбудить воображеніе. У перваго же человѣка самые простые звуки бубна или жалкой струны изъ жилы животнаго потрясали всѣ нервы, уносили воображеніе, окружали его миѳами, образами, возносили до божественной идеи. Эта музыка создавала галлюцинаціи и изображала ему всѣ звуки земли и неба.

жены на прилагаемомъ рисункѣ, также какъ и алтайскій шаманъ, бьющій въ бубенъ и одѣтый въ жреческій костюмъ.

Душа дикаря, оказывается, была чутка такъ, какъ никогда впослѣдствіи у самаго чувствительнаго меломана. Первый звукъ будилъ и порождалъ всю сумму послѣдующихъ музыкальныхъ идей. И этому нечего удивляться: дитя, сидя на пескѣ, задумчиво творитъ изъ палочекъ простыя комбинаціи, но душа и воображеніе его работаютъ и кто знаетъ, какіе храмы, какіе дворцы создаетъ этотъ умъ и душа, достигшіе апогея.

Н. Ядринцевъ.



А. Э. ОДЫНЕЦЪ.

ТРЕТЬЯГО января 1885 года, въ Варшавѣ, скончался польскій поэтъ и публицистъ Антоній-Эдуардъ Одынецъ.

Имя покойнаго, занимавшаго въ польской литературѣ почетное мѣсто, небезъизвѣстно и читателямъ «Историческаго Вѣстника», на страницахъ котораго помѣщались иногда отрывочныя объ немъ свѣдѣнія; такъ, въ статьѣ Ф. К. Неслуховскаго «Мицкевичъ въ Россіи» (т. II, 1880 г., стр. 34—42) разсказана встрѣча двухъ польскихъ поэтовъ въ Петербургѣ, наканунѣ отъѣзда, въ 1829 году, за границу; въ очеркѣ Н. С. Кутейникова «Мицкевичъ и виленскіе филареты» (т. XVIII, 1884 г., стр. 773, 781, 782) описано участіе Одынца въ обществѣ Филаретовъ.

По случаю недавней смерти поэта, считаемъ нелишнимъ познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями о немъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представить его портретъ, который мы заимствуемъ изъ польскаго журнала «Колосья».

Но, помимо того, настоящей краткой замѣткой мы хотимъ, предъ свѣжей еще могилой польскаго поэта, почтить память его за поэтическій откликъ его къ судьбамъ Россіи и ея Державному Вождю, выраженный въ привѣтственномъ его стихотвореніи покойному государю Александру Николаевичу.

Антоній-Эдуардъ Одынецъ родился въ деревнѣ Гейстуны, Ошмянскаго уѣзда, Виленской губерніи, 25-го января 1804 г. Отецъ его, Тадеушъ Одынецъ, былъ помѣщикомъ этого имѣнія; мать, Тереза, происходила также изъ дворянскаго рода — Гнотовскихъ. Для первоначальнаго воспитанія, десятилѣтній Антоній-Эдуардъ былъ отданъ въ Борунскій греко-уніатскій монастырь, который славился особенно чтимой иконой Божіей Матери, а въ 1820 году, 17-ти

лѣтъ отъ роду, поступилъ уже въ Виленскій университетъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ Мицкевичемъ и здѣсь же проявились у него первые проблески поэтическаго творчества, выразившіеся въ переводѣ «Ифигеніи» Расина; вслѣдъ затѣмъ явилось и оригинальное произведеніе его «Страхи».

По выходѣ, въ 1825 году, изъ университета, покойный принялъ на себя редактированіе выходившаго тогда въ Вильнѣ изданія «Дѣла благотворительности» («Dzieje Dobroczynności»), но изданію этому не посчастливилось, и Одынецъ, проживъ нѣсколько времени въ своей родной деревнѣ, отправился, въ 1826 году, въ Варшаву для того, чтобы посвятить свои силы и знанія литературѣ.

Въ Варшавѣ Одынецъ приступилъ къ собранію и подготовленію матеріаловъ для повременнаго научнаго изданія, задуманнаго сенаторомъ Ординатомъ Станиславомъ Замойскимъ для учениковъ Щебжешинской школы [1]). Немало трудовъ было положено Одынцемъ въ это дѣло, начатое профессоромъ Осипомъ Корженевскимъ, но всѣ эти труды не достигли цѣли, потому что предположенное изданіе не осуществилось.

Послѣ трехлѣтняго пребыванія своего въ Варшавѣ, Одынецъ отправился въ Петербургъ, гдѣ встрѣтился съ Мицкевичемъ. Здѣсь оба поэта-товарища, связанные между собою дружбой и поэтическими дарованіями, составляютъ планъ путешествія по Европѣ; въ августѣ 1829 г., друзья съѣхались въ Карлсбадѣ, объѣхали Германію и посѣтили затѣмъ Швейцарію, Италію и другія страны. Совмѣстное путешествіе двухъ поэтовъ продолжалось до конца 1830 года, когда Одынецъ уже одинъ отправляется въ Парижъ и Лондонъ и поселяется, нконецъ, въ Дрезденѣ. Результатомъ шестилѣтняго пребыванія въ этомъ городѣ Одынца было появленіе переводовъ его на польскій языкъ Шекспира, Байрона, Шиллера, Мура и проч., а также ряда оригинальныхъ произведеній, написанныхъ имъ для изданія Бобровича «Карманная Библіотека» («Biblioteka kieszonkowa»). По возвращеніи на родину, покойный поэтъ принялъ на себя завѣдываніе изданіемъ «Всеобщая Энциклопедія» («Encyklopedja powszechna»), а потомъ началъ редактировать «Виленскій Курьеръ» («Kuryer Wileński»). Среди редакціонныхъ занятій по этому изданію Одынецъ не оставлялъ и поэзіи; но кромѣ стихотвореній, которыя печатались въ выходившихъ тогда польскихъ журналахъ, альманахахъ и т. п., онъ написалъ въ то время драму «Фелицита» и трагедіи «Варвара Радзивиллъ» и «Юрій Любомірскій».

1865 годъ застаетъ поэта уже въ Варшавѣ, которую онъ избралъ для постоянной своей жизни послѣ выдачи единственной своей дочери Терезы замужъ за варшавскаго доктора Станислава Хоментовскаго. Здѣсь онъ также отдаетъ всѣ свои труды литера-

[1]) Въ Замостьскомъ уѣздѣ, Люблинской губерніи.

А. Э. Одынецъ.

турной дѣятельности или въ роли журналиста, редактируя нѣкоторое время мѣстную весьма распространенную газетку «Курьеръ Варшавскій» («Kuryer Warszawski»), или обогащая польскую литературу своими поэтическими произведеніями, воспоминаніями и т. п., въ числѣ которыхъ особенно цѣнятся «Письма изъ путешествія» («Listy z podróży»), помѣщенныя въ журналѣ «Семейная Хроника» («Kronika Rodzinna»).

Съ тѣхъ поръ Одынецъ не оставлялъ уже Варшавы.

Проводя жизнь за литературными трудами и сдѣлавшись средоточіемъ варшавскаго литературнаго міра, Одынецъ не возносился своими творческими дарованіями и былъ доступенъ для всякаго начинающаго писателя, охотно давая совѣты и указанія. Всегда предупредительный, со всѣми любезный, отзывчивый на всякое доброе дѣло, религіозный безъ фанатизма, Одынецъ, при своемъ незлобивомъ характерѣ, удивлялся пробѣгавшей иногда среди людей обоюдной непріязни и зависти. Самъ никому не завидуя, онъ не допускалъ зависти и въ другихъ.

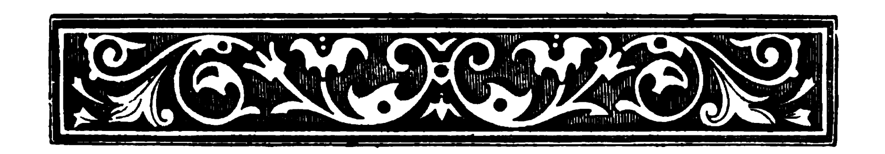
До появленія, недѣли за двѣ предъ смертью, серьезной болѣзни сердца, которую самъ поэтъ назвалъ «началомъ конца», покойный не утратилъ ясности мысли и живости характера, хотя еще раньше слабость зрѣнія и притупленность слуха давали ему поводъ заводить предъ своими друзьями рѣчь о существованіи лучшаго міра; но къ этому невѣдомому міру онъ относился безъ страха, съ вѣрой христіанина, никогда не выражая смущенія, а подчасъ даже импровизируя о физическихъ немощахъ своихъ, о необходимости для него покинуть міръ и сложить на покой свои кости.

Неизбѣжная для всякаго человѣка и не неожиданная для восьмидесятилѣтняго старца смерть, тѣмъ не менѣе, была для польскаго общества печальнымъ сюрпризомъ: никто не думалъ, чтобы поэтъ, безъ грусти и смущенія вспоминавшій въ послѣднее время о загробной жизни, былъ пророкомъ своей собственной смерти.

Послѣдніе дни свои поэтъ провелъ въ домѣ дочери своей Терезы Хоментовской; здѣсь онъ умеръ и здѣсь же, въ домашней каплицѣ, было выставлено въ первые дни тѣло его, которое потомъ было перенесено въ костелъ св. Креста.

Погребальная процессія была совершена съ рѣдкимъ для Варшавы торжествомъ. Десятки тысячъ народа сопровождали гробъ поэта. На первомъ мѣстѣ, послѣ духовнаго клира, выступали польскія писательницы и во главѣ ихъ поэтесса Діотыма (Северина Духинская); затѣмъ шли представители разныхъ польскихъ кружковъ—ученыхъ, литературныхъ, художественныхъ, музыкальныхъ. Болѣе сорока вѣнковъ виднѣлось въ процессіи и на нѣкоторыхъ изъ нихъ были надписи: «Пріятелю Мицкевича», «Одынцу отъ польскихъ писательницъ», «Безцѣнному другу» и т. п.

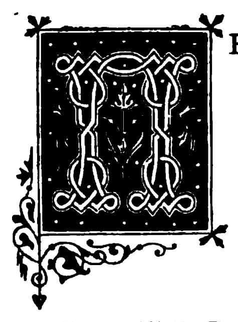
М. Городецкій.



КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ ДИРЕКТОРІИ [1].

III.

Роялисты послѣ 18-го фруктидора.—Итальянскій бульваръ.—Невообразимые.—Лото дофина. — Манія танцевъ. — Вальсъ. — Страсть къ театрамъ. — Труппа «французскаго театра» въ тюрьмѣ. — Театральная публика. — Выходки Дюгазона. — Устройство залъ для сценическихъ представленій. — Реакція во «французскомъ театрѣ». — Распаденіе труппы. — Монтансье и ея театры. — Республиканскія пьесы. — Мартенвиль. — Цирки. — Первая пѣвица временъ Директоріи. — Первая драматическая актриса. — Безкорыстный поклонникъ и обожатель, которому не отказываютъ. — Жоржъ въ Россіи и въ старости. — Тальма, обвиненный какъ якобинецъ. — Актеръ и императоръ. — Значеніе Тальмы въ исторіи сценическаго искусства. — Представительница французской комедіи. — Имперіализмъ на сценѣ. — Бриліанты и завѣщаніе Марсъ. — Мемуары актрисы. — Внутреннія и внѣшнія затрудненія Директоріи. — Экспедиція въ Египетъ. — Новые враги Франціи.



ЕРЕВОРОТЪ 18-го фуктидора не произвелъ почти никакого впечатлѣнія въ Парижѣ. Что значила ссылка двѣнадцати лицъ въ сравненіи съ казнями VI года! Роялисты, напуганные сначала смѣлостью Директоріи, видя, что ихъ не преслѣдовали, снова подняли голову и начали наполнять парижскія кофейни и публичныя гулянья. Любимымъ мѣстомъ ихъ прогулки былъ Итальянскій бульваръ, куда въ извѣстные часы собирались преимущественно извѣстныя дамы моднаго свѣта, выставлявшія на показъ свои туалеты и даже свои семейныя добродѣтели. Такъ матери грудныхъ дѣтей считали своею обязанностью публично кормить грудью малютокъ, бесѣдуя съ своими знакомыми. Франты являлись на бульваръ въ костюмѣ «невообразимыхъ» (incroyables),

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XIX, стр. 166 и 413.

съ огромными витыми палками въ рукахъ, въ галстухахъ до ушей, фракахъ до пятокъ, и лорнировали гуляющихъ и сидящихъ дамъ. Между этими франтами и солдатами, получившими отпускъ по случаю Кампоформійскаго мира и наполнявшими Парижъ, происходили частыя столкновенія въ кофейняхъ, доходившія даже до кровопролитія. Одна изъ тысячи стычекъ «невообразимыхъ» съ солдатами Ожеро, ранившими многихъ франтовъ, повела къ тому, что роялисты стали держать себя скромнѣе въ ресторанахъ и на улицахъ. За то они господствовали во многихъ клубахъ, гдѣ ввели въ моду игру, нисколько не похожую на банкъ или рулетку. Это была игра въ лото, происходившая отъ видоизмѣненія правилъ, на которыхъ была основана государственная лотерея. Людовикъ XVI, бывши дофиномъ, ввелъ въ нее измѣненіе, придавшее нѣсколько болѣе движенія этой вообще очень монотонной игрѣ. Вмѣсто того, чтобы всю ставку получалъ тотъ, на чьей картѣ выйдутъ всѣ пять, стоящихъ подъ рядъ нумеровъ (квинтерна), ставка дѣлилась на пять частей, и каждую изъ нихъ получалъ тотъ, у кого выходилъ первый нумеръ, затѣмъ амба, терна, кватерна и квинтерна. Или ставка дѣлилась пополамъ и одна половина дѣлилась на четыре части, а другую получалъ тотъ, у кого выходила квинтерна. Эта игра, прозванная «лото дофина», была въ большомъ ходу въ Тріанонѣ, гдѣ Марія-Антуанетта играла въ нее со своими придворными и со своими дѣтьми, такъ какъ всѣ возросты могли участвовать въ игрѣ, составлявшей, по словамъ Сегюра, «убѣжище для дураковъ и отдохновеніе для умныхъ людей». Дочь Людовика XVI, герцогиня Ангулемская, до самой смерти оставалась вѣрна этой игрѣ, не забывая ее въ Тюльерійскомъ дворцѣ во время реставраціи, ни въ дни изгнанія, въ Фросдорфскомъ замкѣ. Немудрено, что роялисты сдѣлали лото своею любимою игрою и предавались ей со всѣмъ азартомъ. Съ неменьшимъ азартомъ на публичныхъ балахъ и въ частныхъ домахъ предавались страсти къ танцамъ. Солидный и монархическій минуэтъ былъ давно позабытъ, также какъ и карманьола эпохи терроризма. Танцовали еще по временамъ гавотъ, но съ такими прыжками и откидываніемъ ногъ и задираніемъ рукъ, съ такими рискованными позами, какія не встрѣчались и на балетной сценѣ. Особенно въ модѣ былъ вальсъ, только съ 1790 года перешедшій изъ Германіи во Францію, хотя онъ былъ извѣстенъ еще въ XII вѣкѣ въ Провансѣ подъ названіемъ volta и въ Парижѣ при Людовикѣ VII. Въ XVI вѣкѣ, при династіи Валуа, вальсъ постоянно танцовали при дворѣ. Только при Людовикѣ XIII онъ вышелъ изъ употребленія и былъ до того забытъ, что показался новостью, появившись при началѣ революціи. Впрочемъ, въ эпоху Директоріи вальсъ танцовали гораздо быстрѣе во Франціи, чѣмъ въ Германіи, гдѣ темпъ его значительно медленнѣе. Лучшимъ вальсеромъ и вообще танцоромъ того времени былъ Тре-

ницъ, сдѣлавшійся въ эпоху имперіи графомъ Шатильонъ. Онъ составилъ четвертую фигуру французской кадрили, долгое время называвшуюся его именемъ. Гравюра Дебюкура «манія танцевъ» 1798 года представляетъ его портретъ.

Но еще съ большею силою общественная жизнь проявлялась въ страсти къ театру. Лучшимъ изъ нихъ былъ и въ то время «французскій театръ» или «французская комедія», привлекавшая публику не только игрою, но и судьбою своихъ знаменитыхъ артистовъ. 11-го сентября 1793 г. вся труппа этого театра, помѣщавшаяся тогда въ Сен-

Итальянскій бульваръ. Гравюра 1798 года.

Жерменскомъ предмѣстьѣ, была арестована по приказу Комитета общественнаго спасенія и посажена въ тюрьму, гдѣ провела одиннадцать мѣсяцевъ въ ожиданіи суда и гильотины. Но судъ былъ занятъ все это время процессами болѣе важныхъ преступниковъ, а гильотина рубила головы болѣе аристократическихъ жертвъ. Наконецъ, когда мѣста въ тюрьмахъ значительно очистились, вспомнили и объ актерахъ, и процессъ ихъ былъ назначенъ въ фруктидорѣ 1794 года. Передъ фруктидоромъ былъ, однако, термидоръ и черезъ нѣсколько дней послѣ 9-го термидора они были выпущены на свободу, а че-

резъ двадцать дней послѣ паденія Робеспьера и террористовъ возобновили уже спектакли въ театрѣ «Одеонъ». Публика отнеслась къ нимъ сочувственно. Реакція противъ терроризма сказалась прежде всего въ театрахъ. Изъ ихъ фойе были вынесены бюсты Марата; въ нѣкоторыхъ театрахъ зрители сами разбивали безобразную фигуру «Друга народа». Вспомнили, что одинъ изъ актеровъ-писателей Фабръ д'Эглантинъ погибъ на гильотинѣ; забыли, что другой актеръ и писатель Колло-д'Эрбуа засѣдалъ въ Конвентѣ, въ группѣ ярыхъ якобинцевъ. Между самими актерами существовала, конечно, личная ненависть тѣхъ, кого преслѣдовали въ эпоху террора, къ тѣмъ, кто становился на сторону преслѣдователей, но всѣхъ ихъ сближала общая необходимость согласной игры, ансамбля на сценѣ, пріобрѣтенія расположенія публики. Большинство актеровъ не могло, впрочемъ, не сочувствовать республикѣ, сдѣлавшей изъ нихъ свободныхъ гражданъ, которыхъ при условіи соціальнаго равенства могли выбирать на всѣ мѣста общественнаго служенія. Немногіе изъ нихъ, однако, воспользовались этимъ правомъ, почти всѣ остались вѣрны искусству, дававшему имъ средства къ жизни. Въ то время, когда рушились громадныя состоянія аристократовъ, актеры не испытывали перемѣнъ въ своемъ положеніи: въ самую страшную эпоху казней, Парижъ, послѣ утреннихъ спектаклей на гильотинѣ, наполнялъ по вечерамъ всѣ пятнадцать театровъ столицы. Робеспьеръ особенно заботился о томъ, чтобы доставить парижанамъ любимое ими развлеченіе. Гримо де-ла Реньеръ говорилъ въ своемъ журналѣ «Le censeur dramatique»: «въ наше время (въ 1797 году) страсть къ театру сдѣлалась не только потребностью, но всеобщимъ увлеченіемъ. Римляне кричали: panem et circenses! Парижскій народъ требуетъ только circenses; онъ перенесъ четыре мѣсяца самаго страшнаго голода. Сомнѣваемся, чтобы онъ вынесъ хоть мѣсяцъ закрытіе своихъ театровъ».

Публика парижскихъ театровъ хотя и не состояла уже изъ санкюлотовъ и вязальщицъ (les tricoteuses), исчезнувшихъ вмѣстѣ съ якобинцами, но далеко не принадлежала еще къ кружку образованныхъ знатоковъ сцены и драматическаго искусства. Увлекаемые личными чувствами, настроеніемъ минуты, не имѣющимъ отношенія къ искусству, зрители часто аплодировали или выражали свое неудовольствіе безъ всякаго основанія, освистывали пьесы, вовсе этого не заслуживавшія. Также несдержанно относились и къ актерамъ, хотя они были такими же гражданами, какъ и зрители. При своемъ появленіи на сцену, Дюгазонъ, приверженецъ крайнихъ республиканскихъ идей, былъ встрѣченъ свистками и требованіями публики, чтобы онъ спѣлъ патріотическій гимнъ «Пробужденіе народа», направленный противъ террористовъ. Не желая подчиниться этому требованію, Дюгазонъ снялъ свой парикъ и бросилъ его въ партеръ со словами: «Кто хочетъ имѣть дѣло съ

гражданиномъ и національнымъ гвардейцемъ — я тому отвѣчу»! Крики сдѣлались еще неистовѣе; стали требовать наказанія дерзкаго актера; изъ партера начали перелѣзать черезъ оркестръ на сцену лица, желавшія раздѣлаться со смѣльчакомъ: онъ принужденъ былъ бѣжать изъ-за кулисъ и скрыться отъ разъяренной толпы.

При Директоріи спектакли начинались разновременно и довольно поздно. Рабочіе, составлявшіе ядро зрителей, наполнявшихъ залы театровъ, требовали, чтобы онѣ открывались раньше, такъ какъ, поднимаясь рано утромъ, рабочимъ надо и ложиться спать раньше.

Лото. Гравюра 1798 года.

Въ 1798 году, полиція издала приказъ, чтобы спектакли начинались ровно въ 6 часовъ и оканчивались въ $9^1/_2$. Это возбудило неудовольствіе лицъ, обѣдавшихъ поздно, но другіе были довольны тѣмъ, что у нихъ послѣ театра остается еще много свободнаго вечера. Не смотря на страсть къ зрѣлищамъ, маленькіе театры, открытіе которыхъ не требовало, кромѣ заявленія въ полицію, никакихъ разрѣшеній, чаще лопались, чѣмъ процвѣтали. Причиною этого было то, что всѣ лучшія сценическія силы соединялись на главныхъ театрахъ столицы, а провинція не могла высылать въ Парижъ свои труппы, потому что въ ней театральныя зрѣлища далеко не процвѣтали и странствующіе комедіанты влачили весьма жалкое существованіе. И въ Парижѣ за театральную антрепризу

брались, большею частью, спекуляторы, аферисты, люди безъ чести и совѣсти. Они начинали дѣло на авось, часто безъ всякаго капитала, вербовали въ свою труппу больше обѣщаніями и надеждами будущихъ благъ, авторамъ платили за пьесы не деньгами, а входными билетами, которые надо было продавать по кофейнямъ, трактирамъ, даже у входа въ театръ, нерѣдко за полцѣны. Если сборы были плохи, антрепренеръ исчезалъ въ одинъ прекрасный вечеръ, не забывая захватить съ собою кассу, оставаясь неоплатнымъ должникамъ актеровъ, музыкантовъ, декораторовъ, которые не могли додуматься до артельнаго управленія своимъ предпріятіемъ, да это едва ли и было возможно при отсутствіи всякаго основнаго капитала. Немудрено, что Парижъ былъ наводненъ актерами безъ мѣста, наполнявшими извѣстныя кофейни, въ ожиданіи ангажемента. Такими кофейнями были во время Директоріи, при сорока театрахъ, кофейня Тушара и другая — Комедіантовъ. Большая часть этихъ театровъ была устроена въ концертныхъ залахъ, кафешантанахъ и частныхъ домахъ. Настоящихъ монументальныхъ театровъ въ 1798 году въ Парижѣ было только пять: Французскій театръ, перешедшій въ этомъ году въ улицу Ришелье, Одеонъ, театръ у воротъ Сен-Мартена, въ бывшей временной залѣ королевской музыкальной академіи; театръ національной оперы, выстроенный дѣвицею Монтансье на площади Лувуа, и театръ улицы Фейдо, гдѣ играли по очереди комедіи и комическія оперы. Въ этомъ же году, въ пользу бѣдныхъ начали взимать по два су съ каждаго проданнаго билета для входа въ театръ.

Устройство театровъ при Директоріи далеко не отличалось удобствами, къ какимъ привыкли въ наше время. Входы въ нихъ были маленькіе, лѣстницы узкія, мѣста въ зрительной залѣ неудобныя, освѣщеніе слабое, предосторожностей противъ пожара — никакихъ. Кулисы были, большею частью, открытыя, хотя кое-гдѣ начали уже вводить закрытые кабинеты, съ мебелью, отвѣчающею постановкѣ. Но въ костюмахъ не соблюдлось ни малѣйшей исторической правды. Внутреннее украшеніе залы не отличалось артистическимъ видомъ, все вниманіе обращалось на декораціи и машины, и онѣ были дѣйствительно хороши. Лучшимъ былъ, всетаки, «Французскій театръ», болѣе всего посѣщаемый публикою какъ потому, что труппа его была значительно лучше, такъ и во вниманіе къ тому, что онъ одинъ въ эпоху терроризма не подчинялся всеобщему увлеченію революціоннымъ духомъ. Такъ, еще въ 1792 году онъ категорически отказался замѣнить въ нѣсколькихъ пьесахъ эпитеты seigneur и monsieur словомъ гражданинъ. Въ этомъ же году часть труппы разошлась, вслѣдствіе политическихъ убѣжденій, со своими товарищами и перешла на театръ Пале-рояля. Пока, уступая духу времени, на сцену ставили такія пьесы, какъ Карлъ IX, бичевавшія деспотизмъ, или «Честный преступникъ», протестовавшій противъ

религіозной нетерпимости, актеры исполняли, хотя и неохотно, свои роли, но когда ихъ заставили играть «Свадьбу папы» или «Монастырскія жертвы», они не захотѣли выходить на сцену въ пьесахъ, позорящихъ драматическое искусство. Главные артисты труппы, Тальма, Монвель, госпожа Дегарсенъ и Вестрисъ, были республиканцы, всѣ остальные роялисты, и первые четверо покинули «Фран-

Манія танцевъ.

Гравюра Дебюкура.

цузскій театръ». Тогда оставшіеся 24 артиста начали ставить пьесы антиреволюціоннаго направленія. «Другъ Законовъ» Лайя осмѣлился требовать у Робеспера — законовъ, а не казней. Приверженцы кровожаднаго диктатора освистали пьесу, но ее поддержали роялисты, и каждый день въ партерѣ зрители не только ругались, но и дрались между собою, свистя и аплодируя монологамъ дѣйствую-

щихъ лицъ. Но на пьесу сдѣланъ былъ доносъ Конвенту, и она запрещена при двѣнадцатомъ представленіи. На другой день на афишу поставили «Семирамиду», но публика, наполнившая залу, потребовала «Друга Законовъ». Революціонеры протестовали, началась кровавая свалка. Сантерръ приказалъ очистить партеръ отряду войска. Актеры не успокоились и поставили «Памелу» или награжденную добродѣтель. Два стиха въ пьесѣ возбудили негодованіе террористовъ, хотя въ стихахъ этихъ говорилось только, что «гонители заслуживаютъ осужденія, и одна терпимость вполнѣ разумна». Но и за этотъ скромный протестъ въ ту же ночь были схвачены 12 актеровъ и 12 актрисъ и заключены въ тюрьму, а бывшій собратъ ихъ Колло-д'Эрбуа объявилъ, что главные артисты будутъ гильотинированы, остальные отправлены въ ссылку. Процессъ затруднился потому, что нѣкто Лабюсьеръ похитилъ все слѣдственное дѣло со всѣми документами, отправленное къ главному члену революціоннаго трибунала Фукье-Тенвилю, и такимъ образомъ уничтожены были всѣ допросы и протоколы, такъ что надобно было вновь возстановлять весь ходъ судебнаго слѣдствія, а трибуналу некогда было этимъ заниматься. Выпущенная изъ тюрьмы труппа «Французскаго театра» не процвѣтала, однако, въ матеріальномъ отношеніи. Въ 1798 году, она устроилась на театрѣ Одеона подъ покровительствомъ Франсуа де Нешато, автора «Памелы», сдѣлавшагося изъ писателя министромъ внутреннихъ дѣлъ, но въ слѣдующемъ же году внутренній пожаръ нанесъ огромный ущербъ общникамъ и остановилъ представленія. Только пособіе въ сто тысячъ франковъ, назначенное театру консулами, возродило его къ новой жизни.

Чаще другихъ театровъ посѣщался публикою «Театръ Монтансье», этой странной актрисы и директрисы, въ теченіе пятнадцати лѣтъ основавшей множество театровъ. Маргерита Брюне, сочинившая себѣ впослѣдствіи имя Монтансье, была дочерью моряка, жившаго въ Байоннѣ и давшаго ей не блистательное воспитаніе въ монастырѣ урсулинокъ. Некрасивая собой, но бойкая дѣвушка не могла примириться съ строгостями монашеской жизни и убѣжала изъ монастыря въ Америку. Что она тамъ дѣлала — она объ этомъ никогда не разсказывала, и эта эпоха ея жизни такъ и осталась никому неизвѣстною. Вернувшись на родину, она стала играть на провинціальныхъ сценахъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ и дебютировала даже на сценѣ «Французской комедіи». Но ея южный, провансальскій выговоръ мѣшалъ ея вступленію въ труппу, къ тому же она чувствовала себя болѣе способной управлять театромъ — и вскорѣ явилась директрисою театра въ Шалонѣ. Тамъ съ ней сошелся богатый вельможа Сен-Конти, привезъ ее въ Парижъ и купилъ ей въ Версали маленькій театръ, который посѣтила однажды Марія Антуанетта по рекомендаціи Сен-Конти. Королевѣ понравилась орга-

низаторская, предпріимчивая натура авантюристки и въ 1775 году ей была дана привилегія на устройство баловъ и спектаклей въ Версали, потомъ управленіе всѣми театрами въ Сен-Клу, Марли, Фонтенебло и Компьенѣ. Сверхъ того, она выстроила въ Версали новый театръ и въ 12 лѣтъ скопила огромное состояніе. Переѣхавъ вмѣстѣ съ дворомъ въ Парижъ, она открыла театръ въ Палероялѣ,

Танцы. Гравюра 1798 г.

на которомъ дебютировала Марсъ, потомъ еще другой, въ улицѣ Ришелье. Оба пользовались большимъ успѣхомъ. Но въ 1793 году, театры ея были закрыты и сама она посажена въ тюрьму, какъ лицо подозрительное. Не пугаясь ни ареста, ни конфискаціи, она подала жалобу Конвенту на секвестрованіе ея имущества и требовала возмѣщенія убытковъ, которые насчитывала въ семь милліоновъ франковъ. Конвентъ разобралъ ея претензію и присудилъ ей двѣсти тысячъ, отложивъ уплату до поправленія финансовъ рес-

публики. Выпущенная на свободу, Монтансье вышла замужъ, 55-ти лѣтъ, за актера Невилля и продолжала требовать съ Директоріи должную ей сумму. Директорія и не думала, конечно, платить долговъ Конвента, но Монтансье не переставала заявлять свои требованія консульству и имперіи. Настойчивость ея увѣнчалась успѣхомъ, и въ 1812 году Наполеонъ указомъ изъ Москвы велѣлъ уплатить ей триста тысячъ. Свой театръ въ Палероялѣ она сдала компаніи антрепренеровъ еще въ 1798 году, а сама занялась устройствомъ другихъ сценическихъ представленій и умерла девяноста лѣтъ, въ 1820 году, оставивъ, хотя не блестящее, но, всетаки, достаточное состояніе.

Въ первые годы республики, на всѣхъ этихъ театрахъ происходило странное столкновеніе пьесъ изъ древняго міра съ такими, содержаніе которыхъ относилось къ современнымъ событіямъ. Трагедіи: «Муцій Сцевола», «Мильтіадъ при Мараѳонѣ», «Фабій», Горацій Коклесъ», «Манлій Торкватъ», «Эпихариса и Неронъ, или заговоръ въ пользу свободы», чередовались съ «Осадой Тіонвилля», «Покореніемъ Тулона», «Смертью Дампьера», «Днемъ 10-го августа, или паденіемъ послѣдняго тирана», «Праздникомъ разума», «Смертью Марата». Во время Директоріи на сценѣ явились произведенія другаго рода: сентиментальныя или реакціонныя, направленныя противъ якобинцевъ и террористовъ. Чувствительныя души плакали надъ исторіей «Добраго фермера», выкупившаго на трудовыя деньги зàмокъ своего бывшаго господина, гильотинированнаго во время террора. Этого фермера, возвратившаго безъ всякаго вознагражденія все имѣніе дѣтямъ казненнаго, выводили на сцену и въ драмѣ, и въ оперѣ, и въ водевилѣ. Исторія тюремщика Канжа, помогавшаго одному заключенному въ тюрьмѣ и облегчавшему для него строгость заключенія, любопытна не только потому, что изъ этого несложнаго сюжета сдѣлали слезливую пьесу, но чтò выводили самого Канжа на сцену, съ женою и дѣтьми, и публика аплодировала ему, крича браво и бросая вѣнки, въ то время, какъ дамы въ ложахъ махали платками, смоченными слезами. Въ сатирическомъ родѣ явился на сценѣ типъ Никодима, простодушнаго крестьянина, попавшаго на луну и встрѣчающаго тамъ тѣ же глупости, что и на землѣ, только въ преувеличенномъ, каррикатурномъ видѣ. Куплеты этого крестьянина не лишены остроумія; въ нихъ говорится, что «во Франціи есть хорошіе законы, только они не исполняются; есть и узда для произвола, только ее никогда не употребляютъ въ дѣло; есть и между министрами хорошіе люди, только они недолго остаются на мѣстѣ; есть и писатели, дающіе добрые совѣты, только ихъ никто не слушаетъ». Въ явно реакціонныхъ пьесахъ безпощадно осмѣивали якобинцевъ. Актеръ-писатель Мартенвиль пѣлъ въ водевилѣ, что понятія о ворѣ, тиранѣ и убійцѣ могутъ быть опредѣлены однимъ словомъ — якобинецъ. Этотъ Мартенвиль из-

вѣстенъ былъ тѣмъ, что спасся во время террора отъ казни остроумной выходкой. Приведенный передъ президента революціоннаго трибунала и спрошенный объ имени, онъ отвѣчалъ: Мартенвиль. — Де-Мартенвиль, конечно? — послѣдовалъ лукавый вопросъ. — Позвольте, гражданинъ президентъ, я здѣсь не для того, чтобы меня удлиняли, а напротивъ, для того, чтобы меня укоротили! — сказалъ подсудимый, и его отпустили на свободу. Но на ряду съ осмѣяніемъ или скорѣе съ поруганіемъ террористовъ, такъ какъ авторы не стѣснялись въ выраженіяхъ, говоря о павшей партіи, — являлись и серьезныя пьесы, какъ «Агамемнонъ» Лемерсье, комедіи Пикара

«Французскій театръ» 1797 года, нынѣшній — Одеонъ.

«Скромница» и «Ползающая ничтожность», «Преступная мать» Бомарше — продолженіе его трилогіи, двѣ первыя части которой составляютъ «Севильскій цирюльникъ» и «Свадьба Фигаро». Давались также остроумные фарсы: «Глухой или полный трактиръ», «Отчаяніе Жокриса» и др.

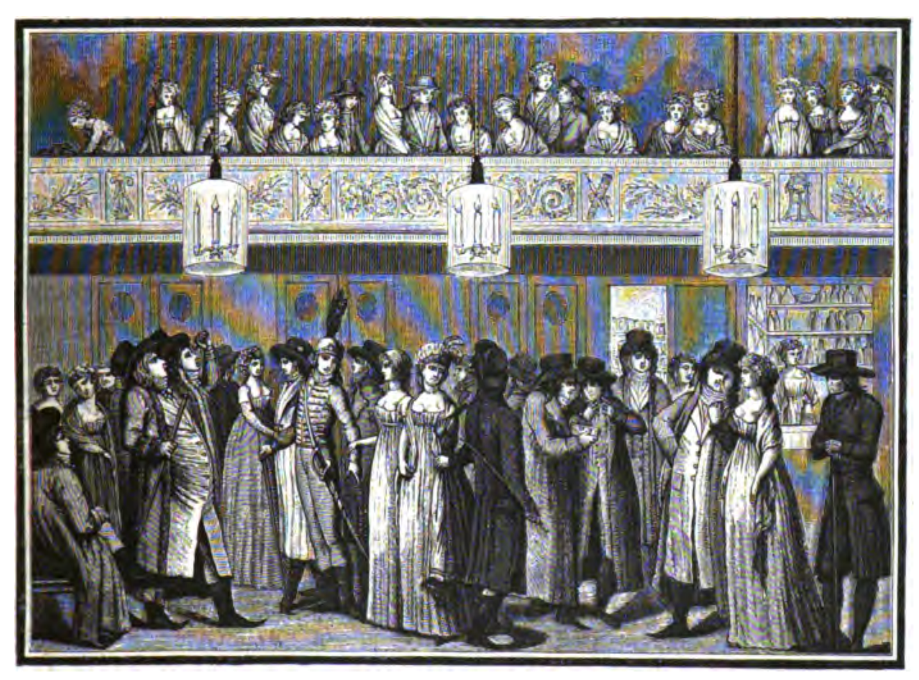
На ряду съ театрами процвѣтали и всякаго рода зрѣлища и представленія. Залъ для такихъ спектаклей было до двухсотъ, въ Парижѣ; они открывались почти въ каждой улицѣ. Спектакли давались въ лавочкахъ и погребкахъ, на чердакахъ и въ сараяхъ. Иногда на этихъ крошечныхъ сценахъ формировались первоклас-

актеры. Такъ, съ подмостковъ театра улицы Транснопенъ пе-

решли на главныя сцены Сансонъ, Прево, Бокажъ, Бовалле. Но большая часть этихъ представленій состояла изъ концертовъ, пѣсенокъ, сатирическихъ куплетовъ, акробатическихъ упражненій, фокусовъ и т. п. Въ саду капуцинокъ, на Антенскомъ бульварѣ Франкони устроилъ циркъ и, кромѣ того, давалъ на маленькомъ театрѣ балеты и пантомимы, гдѣ главная роль принадлежала, всетаки, лошадямъ. Другой еще болѣе великолѣпный циркъ существовалъ въ Палерояле съ 1788 года, но въ 1798 году онъ сгорѣлъ, и только современныя гравюры сохранили его дѣйствительно роскошный внутренній видъ.

Въ безчисленныхъ снимкахъ дошли до насъ портреты сценическихъ знаменитостей временъ Директоріи, когда театръ получилъ такое огромное значеніе въ исторіи культуры, такое сильное вліяніе на нравы общества. Въ эту эпоху появились всѣ главные дѣятели, составившіе себѣ громкое имя на театральныхъ подмосткахъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Представляя ихъ портреты, очертимъ и ихъ сценическую дѣятельность, съ которой начинается исторія современнаго театра. О Жозефинѣ Грассини мы не можемъ сказать многаго, такъ какъ она только начала свою карьеру во время Директоріи, а развитіе ея таланта относится къ имперіи и реставраціи, что собственно относится и къ другимъ, болѣе извѣстнымъ артисткамъ — Жоржъ и Марсъ; но онѣ славились уже и при Директоріи, а Грассини, хотя ей было уже 25 лѣтъ, въ эту эпоху только что привезъ въ Парижъ изъ Италіи генералъ Бонапарте, покровительствовавшій пѣвицѣ. Ей, впрочемъ, и всегда покровительствовали генералы. Ее услыхалъ, въ ранней молодости пѣвицы, генералъ Бельгардъ въ Варезе, маленькомъ городкѣ Ломбардіи, гдѣ она родилась, и пораженный ея звучнымъ голосомъ, а болѣе всего миловидностью, далъ ей средства развить свое музыкальное образованіе, нанялъ для нея лучшихъ миланскихъ профессоровъ пѣнія, поставившихъ ея голосъ на прочныхъ основаніяхъ настоящей итальянской школы. А голосъ у нея былъ превосходный, сильный контральто, съ высокими сопранными нотами; въ то же время она обладала блестящею вокализаціею, рѣдко соединяющеюся съ обширнымъ діапазономъ. Впечатлѣніе, производимое пѣвицею въ такъ называемыхъ героическихъ операхъ, было потрясающее. Къ тому же она пѣла въ Италіи съ такими артистами, какъ Маркези и Крешентини, талантъ которыхъ оттѣнялъ еще болѣе природныя дарованія Грассини. Когда она появилась въ 1793 году на маленькомъ театрѣ Ла Скала, въ операхъ «Артаксерксъ» Цингарелли и «Демофонъ» Портогалло, Италія провозгласила ее первою пѣвицею своего времени и всѣ остальныя примадонны должны были уступить ей пальму первенства. Импрессаріо всѣхъ большихъ городовъ Аппенинскаго полуострова предлагали ей огромныя суммы за исполненіе нѣсколькихъ оперъ, и она разъѣзжала по Италіи,

встрѣчаемая вездѣ восторженными оваціями. Въ Неаполѣ она создала роль Джульетты въ оперѣ Цингарелли «Ромео и Джульетта», въ Венеціи сводила всѣхъ съ ума въ оперѣ Чимарозы «Гораціи и Куріаціи». Привезенная въ Парижъ генераломъ Бонапарте, она пѣла тамъ въ первый разъ на большомъ національномъ праздникѣ, данномъ на Марсовомъ полѣ. Но въ Парижѣ не было тогда итальянской оперы и Грассини должна была ограничиться концертами, на которыхъ ея драматическій талантъ не могъ выказаться во всей силѣ. Только въ 1804 году Парижъ оцѣнилъ вполнѣ огромное да-



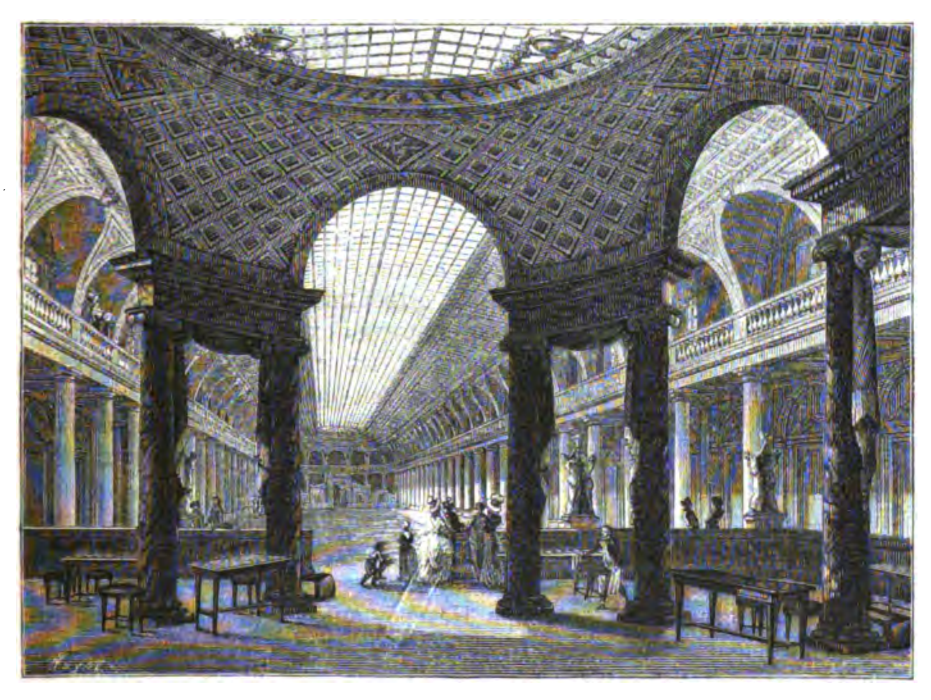
Фойе театра Монтансье.
Рисунокъ Визе, гравюра Вовине.

рованіе пѣвицы, явившейся въ роли Дидоны, въ оперѣ того же имени, написанной нарочно для нея Пэромъ. Драматическая карьера ея была, впрочемъ, непродолжительна. Послѣ паденія имперіи она уѣхала въ Италію, но недолго пѣла и тамъ, удалившись вскорѣ въ частную жизнь, умерла въ 1850 году, 77-ми лѣтъ, оставивъ послѣ себя славу перваго драматическаго контральто въ Европѣ.

Другая сценическая знаменитость не только времени имперіи, но и нашего времени, потому что она пережила 80-ти лѣтній возростъ, и ее видѣли многіе изъ нашихъ современниковъ,—была дочерью Жоржа Веймера, капельмейстера странствующей труппы актеровъ

и субретки этой труппы. Дѣвочка родилась въ Байе, и хотя ей дали имя Маргериты, но всѣ ее звали просто дочкой m-r Жоржа, и за ней осталось имя — мамзель Жоржъ. Пяти лѣтъ, она уже играла дѣтскія роли на Аміенскомъ театрѣ, гдѣ ея отецъ былъ антрепренеромъ. Она очень рано развилась въ сценическомъ и физическомъ отношеніи, не смотря на свой маленькій ростъ, и по 14-му году играла уже въ «Судѣ Париса», «Двухъ Савоярахъ», «Павлѣ и Виргиніи». Ее также сначала прочили въ оперу, такъ какъ у нея былъ хорошенькій голосъ, и знаменитая Дюгазонъ пѣла вмѣстѣ съ нею, проѣздомъ черезъ Аміенъ, въ оперѣ «Камилла, или подземелье», гдѣ Жоржъ исполняла партію Адольфа. Дюгазонъ обѣщала устроить судьбу дѣвочки, если ее отпустятъ съ нею, въ Парижъ, однако отецъ не хотѣлъ разстаться съ дочерью. Но года черезъ два въ провинціи появилась другая знаменитость, на этотъ разъ трагическая — Рокуръ. Она съиграла передъ провинціалами Дидону, а Жоржъ такъ хорошо исполнила роль ея наперсницы Элизы, что Рокуръ, имѣвшая порученіе отъ министра вербовать молодыхъ актрисъ на итальянскую сцену, приняла въ труппу казеннаго театра молодую дѣвушку съ жалованьемъ въ 1200 франковъ; отецъ долженъ былъ принять такое блестящее предложеніе. Успѣхи ея на «Французскомъ театрѣ» достигли своего апогея во время консульства и имперіи. Жоржъ скоро заставила забыть величественную, но холодную Рокуръ и прежнихъ любимицъ публики Дюмениль и Клеронъ и свою предшественницу на первой парижской сценѣ, Дюшенуа. Столица приходила въ восторгъ, видя Жоржъ въ роляхъ Клитемнестры, Аменаиды (въ Танкредѣ), Гоѳоліи, Меропы, Клеопатры, Медеи, Агриппины, Семирамиды. Но первая актриса «Французскаго театра» получала всего четыре тысячи франковъ и должна была имѣть свой гардеробъ. Мудрено ли поэтому, что она жила въ мансардѣ со своей семьей и ужинала послѣ спектакля чечевичнымъ соусомъ. Вскорѣ, однако, нашелся у молодой артистки страстный поклонникъ, князь Сапѣга, предложившій ей домъ, брилліанты, кашемиры, экипажи, — и все, за то только, чтобы Дидона или Клитемнестра, по окончаніи представленія, протянула для поцѣлуя ручку своему почтительному обожателю. Мемуары и газеты того времени увѣряютъ, что польскій князь довольствовался этимъ, и въ доказательство приводятъ несомнѣнныя свидѣтельства того, что въ это же время Жоржъ отвергала исканія и страстную любовь Луціана Бонапарте, дѣлавшаго множество глупостей, чтобы пріобрѣсти благосклонность артистки. Всѣ его ухаживанія встрѣчали, однако, холодный отказъ, которымъ не оскорблялся братъ повелителя Франціи, продолжая свои преслѣдованія. Они должны были вскорѣ же прекратиться, такъ какъ на Жоржъ обратилъ вниманіе тотъ, кому нельзя было отказать. Однажды, по окончаніи представленія «Андромахи», въ уборную актрисы явился адъютантъ перваго

консула и отъ его имени сдѣлалъ приглашеніе пожаловать немедленно въ Сен-Клу, гдѣ въ это время находился Бонапарте. Побѣдитель при Риволи, Арколе, при Маренго, не отличался особенною деликатностью въ сношеніяхъ съ женщинами; Антоній послалъ же сказать Клеопатрѣ, чтобы она пріѣхала къ нему въ Киликію. Жоржъ могла бы спуститься по Сенѣ въ такой же золотой галерѣ, въ которой египетская царица поднималась по Кидну. Но это было бы слишкомъ долго, а французскій цезарь не любилъ терять времени, и Андромаха отправилась въ его экипажѣ въ половинѣ двѣнад-



Внутренность цирка въ Палероялѣ, выстроеннаго въ 1788 году, сгорѣвшаго въ 1798 году.

цатаго, — прибавляютъ пунктуальные хроникеры, а выѣхала изъ Сен-Клу въ седьмомъ часу. На другой день играли «Цинну». Когда Жоржъ, игравшая роль Эмиліи, произнесла стихъ Корнеля:

«Плѣнила Цинну я — мнѣ ль не плѣнить другихъ!»

Весь партеръ съ громомъ рукоплесканій обратился къ ложѣ перваго консула, и побѣдитель при Пирамидахъ не безъ удовольствія отнесся къ этой оваціи въ новомъ родѣ.

Но ни Парижъ, ни императоръ, не могли надолго привязать къ себѣ талантливую артистку. Напрасно публика сходила отъ нея съ ума, напрасно Жозефина посылала ей въ подарокъ золотую

мантію для роли «Федры». Въ концѣ апрѣля 1808 года, должна была идти, въ четвертый разъ, трагедія «Артаксерксъ». Передъ началомъ спектакля узнали, что первая актриса утромъ тайно уѣхала изъ Парижа въ сопровожденіи танцора Дюпора. Черезъ нѣсколько времени бѣглецы явились въ Петербургъ. Говорили о переговорахъ, которые давно велись при посредствѣ графа Толстаго, русскаго посланника въ Парижѣ; толковали о серьезной дипломатической перепискѣ по поводу бѣгства. Но Петербургъ такъ радушно встрѣтилъ артистку, что она осталась здѣсь пять лѣтъ слишкомъ, играя по временамъ и на московскомъ театрѣ. Болѣе всего она производила впечатлѣніе въ «Меропѣ» и «Семирамидѣ». Александръ I относился къ ней съ особенной благосклонностью. Обѣ императрицы были чрезвычайно ласковы съ нею. Въ первую же зиму она была опасно больна, простудившись послѣ прогулки въ саняхъ, въ костюмѣ Роксаны, по двадцатисемиградусному морозу, но потомъ привыкла къ климату. Въ домѣ ея по временамъ собиралось высшее петербургское общество. Великій князь Константинъ Павловичъ составлялъ у нея партію въ лото, въ которой участвовали Хитрово, Мусинъ-Пушкинъ, Строгановъ. Она любила кататься у Царицына луга на четверкѣ орловскихъ рысаковъ. Императоръ, встрѣчаясь съ нею, нерѣдко сходилъ съ своихъ дрожекъ и бесѣдовалъ съ нею, подходя къ ея экипажу. Когда по случаю отступленія изъ Россіи разбитой французской арміи приказано было иллюминовать столицу, Жоржъ одна упорно отказывалась исполнить предписаніе полиціи. Объ этомъ доложили государю.

— Что же тутъ за преступленіе?—спросилъ Александръ.—Какъ хорошая француженка, Жоржъ не можетъ радоваться побѣдѣ надъ своими соотечественниками.

Въ 1813 году, она оставила Петербургъ и пріѣхала по Балтійскому морю въ Стокгольмъ, гдѣ ее встрѣтили старые друзья: госпожа Сталь и Бернадотъ, наслѣдный шведскій принцъ, давшій ей конвой и парламентера, для того, чтобы она могла безопасно проѣхать по Германіи, поднявшейся противъ Наполеона. Говорятъ, что она везла также важныя дипломатическія депеши къ Вестфальскому королю, котораго нашла въ Брауншвейгѣ. Потомъ она играла въ Дрезденѣ съ труппою, выписанною изъ Парижа Наполеономъ, который велѣлъ снова причислить Жоржъ къ общникамъ «Французскаго театра» и засчитать ей за службу годы, проведенные въ Россіи. Но съ паденіемъ имперіи она была исключена изъ состава общниковъ за то, что оставалась вѣрною памяти императора и гуляла по бульварамъ съ букетомъ фіалокъ у корсажа вмѣсто лилій, которыя носили всѣ женщины. Жоржъ перешла потомъ на театръ «Одеонъ», гдѣ пользовалась такимъ же успѣхомъ; играла въ провинціи, въ Лондонѣ. Съ наступленіемъ эпохи романтизма,

Гоѳолія и Семирамида стала играть драмы Гюго и Дюма; въ 1840 году, она была на югѣ Россіи и посѣтила еще разъ Петербургъ. Но это была уже не прежняя Жоржъ. Она страшно пополнѣла съ годами и могла исполнять только уже немногія роли своего репертуара, да и въ тѣхъ потеряла половину своихъ средствъ; вся сце-

Жозефина Грассини.

Съ портрета г-жи Виже-Лебренъ.

ническая иллюзія пропала, хотя это все еще была такая Родогуна, даже такая Лукреція Борджіа или такая Марія Тюдоръ, какія послѣ нея не появлялись на французской сценѣ. Рашель была значительно слабѣе ея въ классическомъ репертуарѣ, не говоря уже о современномъ. Умирая, Жоржъ просила, чтобы ее похоронили въ мантіи царственной Родогуны.

Товарищемъ молодыхъ лѣтъ Жоржъ, свидѣтелемъ ея первыхъ успѣховъ на сценѣ, былъ Тальма, игравшій съ нею первыя роли въ трагедіи. Онъ былъ старше ея 24-мя годами и сценическая каррьера его началась еще въ 1787 году. До тѣхъ поръ, по примѣру отца, онъ былъ зубнымъ врачемъ, хотя въ бытность его отца въ Лондонѣ пробовалъ тамъ свои роли на англійской сценѣ и, съ дѣтства усвоивъ себѣ языкъ страны, чуть не сдѣлался англійскимъ актеромъ. Но любовь къ родинѣ взяла верхъ въ молодомъ артистѣ и, выступивъ на сцену, онъ прежде всего сдѣлалъ реформу въ театральныхъ костюмахъ. До него никто и не думалъ объ исторической вѣрности костюмовъ на сценѣ. Лекенъ сдѣлалъ, правда, попытку приблизиться на сколько возможно къ этой вѣрности и на французскій кафтанъ Нерона изъ бланжеваго атласу надѣвалъ, по крайней мѣрѣ, королевскую мантію, а на бѣлокурый парикъ съ длинными буклями лавровые и дубовые вѣнки. Но на этомъ и остановилось нововведеніе, встрѣченное публикою неодобрительно. Когда же въ трагедіи Вольтера «Брутъ» Тальма явился не только въ римской тогѣ, но въ сандаліяхъ и въ прическѣ, скопированной съ древнихъ статуй, публика пришла въ недоумѣніе и къ рукоплесканіямъ примѣшивались знаки неудовольствія, а игравшая съ нимъ актриса Контà спросила его съ насмѣшкою: не по ошибкѣ ли вмѣсто костюма онъ накинулъ себѣ простыню на плечи. Но еще важнѣе была реформа Тальмы въ чтеніи стиховъ: онъ изгналъ изъ декламаціи всякую напыщенность, преувеличеніе, игралъ просто, естественно, читалъ не нараспѣвъ. Воспитанный въ Англіи, сынъ свободно-мыслящаго отца, Тальма сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ революціи. Въ трагедіи Шенье «Карлъ IX», Тальма долго не рѣшался взять на себя роль короля-убійцы своихъ подданныхъ, но исполнилъ ее съ такимъ успѣхомъ, что трагедію съиграли 34 раза безъ перерыва. Не смѣя снять ее съ афиши, министръ воспользовался болѣзнью одного изъ актеровъ, чтобы пріостановить представленіе трагедіи, и возбудилъ противъ Тальмы его товарищей. Онъ былъ нагло оскорбленъ однимъ изъ нихъ и вызвалъ его на дуэль на пистолетахъ. Противники, обмѣнявшись выстрѣлами, остались невредимы. Но разногласіе въ политическихъ взглядахъ заставило знаменитаго артиста и четырехъ его товарищей оставить «Французскій театръ» и перейдти въ Палерояль. Въ это же время онъ женился на богатой поклонницѣ его таланта, открылъ свой салонъ всѣмъ дѣятелямъ эпохи революціи. Здѣсь сходились Мирабо, Дантонъ, Барнавъ, Верньо, Гаде, Жансонне; здѣсь же произошла историческая сцена, когда на вечеръ, гдѣ былъ Дюмурье, явился никѣмъ не званный Маратъ и началъ осыпать генерала оскорбленіями, на которыя тотъ отвѣчалъ презрительнымъ молчаніемъ, а актеръ Дюгазонъ, схвативъ жаровню, началъ лить на горячую плитку духи, стоя подлѣ Марата и говоря,

что «очищаетъ воздухъ, зараженный присутствіемъ чудовища». Не смотря на свою популярность, на свои республиканскія чувства, Тальма поплатился бы жизнью за оскорбленіе Марата, если бы тотъ не былъ убитъ Шарлоттою Кордэ. Съ паденіемъ Робеспьера на артиста поднялись съ новою силою всѣ его старые враги, обвиняя его во всѣхъ злодѣяніяхъ якобинцевъ. Когда послѣ 9-го терми-

M-lle Жоржъ.

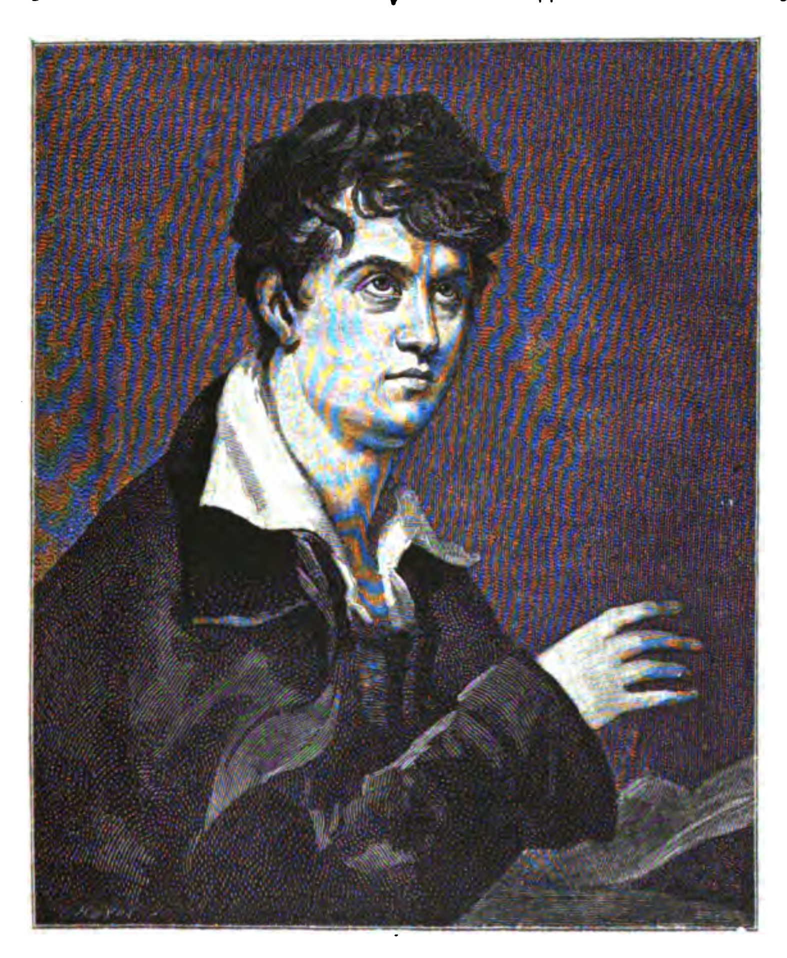
Съ портрета Жерара.

дора онъ вышелъ на сцену въ трагедіи Легуве «Эпихариса и Неронъ», партеръ встрѣтилъ его съ такимъ неодобрительнымъ ропотомъ, что онъ, прежде чѣмъ войдти въ свою роль, подошелъ къ рампѣ и сказалъ, обращаясь къ публикѣ: «Граждане! сознаюсь, что я любилъ и продолжаю любить свободу; но я всегда гнушался преступленіями и убійцами. Царство террора стоило мнѣ много

слезъ: большая часть моихъ друзей погибла на эшафотѣ. Прошу извиненія у публики за это отступленіе; постараюсь заставить забыть его моимъ усердіемъ». Публика принялась аплодировать и примирилась съ великимъ артистомъ. Въ эту эпоху онъ сошелся съ молодымъ офицеромъ Бонапарте, бывшимъ въ подозрѣніи за свою дружбу съ братомъ Робеспьера, и не разъ помогалъ своимъ кошелькомъ бѣдному артиллеристу. Когда же судьба Бонапарте измѣнилась, актеръ остался въ прежнихъ хорошихъ отношеніяхъ съ консуломъ и императоромъ. Это происходило оттого, что умный артистъ, приходя по временамъ завтракать въ Тюльерійскій дворецъ, когда Наполеонъ былъ одинъ, никогда не позволялъ себѣ при другихъ ни малѣйшей фамильярности въ обращеніи съ бывшимъ артиллерійскимъ поручикомъ. Ходилъ слухъ, что Наполеонъ бралъ у Тальмы уроки, какъ держаться и ходить въ императорской мантіи и на торжественныхъ пріемахъ и аудіенціяхъ. Объ этомъ слухѣ самъ Наполеонъ передалъ артисту въ 1815 году, прибавивъ: «если мнѣ даютъ учителемъ Тальму, значитъ я хорошо съигралъ свою роль». Въ 1808 году, императоръ взялъ актера въ Эрфуртъ, говоря, что тамъ онъ будетъ играть передъ партеромъ королей. Но Тальма упоминаетъ въ своихъ мемуарахъ, какое странное впечатлѣніе произвелъ на всѣхъ выборъ первой пьесы для такого партера. Это была трагедія Вольтера «Смерть Цезаря». Сами актеры чувствовали себя въ неловкомъ положеніи, будучи принуждены произносить республиканскія тирады, потрясать кинжалами и кричать: смерть тиранамъ! въ присутствіи столькихъ коронованныхъ особъ.

Тальма былъ первымъ артистомъ своего времени, послѣднимъ представителемъ классической трагедіи, въ которую онъ вдохнулъ новую жизнь, создавая настоящихъ людей изъ шаблонныхъ типовъ французскихъ классиковъ. Въ его исполненіи Орестъ, Ахиллъ, Эгистъ, Эдипъ, Іодай, Иродъ, Цезарь, Неронъ, Цинна, Марій, являлись не ходячими сентенціями, не героическими манекенами, а живыми существами, облеченными въ плоть и кровь, обуреваемыми человѣческими страстями, говорящими человѣческимъ языкомъ. Онъ передавалъ неподражаемо волненія чувствъ, борьбу страстей, то заставляя плакать зрителей, то поражая ихъ ужасомъ. Передовые люди всей Европы признавали его огромный талантъ. Передъ нимъ преклонялись писатели: Шенье и Дюма считали за честь называться его друзьями. Г-жа Сталь писала къ нему въ 1807 году: «вы, на своемъ поприщѣ, единственный въ мірѣ художникъ: никто до васъ не достигалъ этой степени совершенства, въ которой искусство соединяется съ вдохновеніемъ, обдуманность, съ невольными порывами, геній съ разсудительностью. Изъ всего, что я писала о драматическомъ искусствѣ, половину моихъ идей я заимствовала отъ васъ». Только Жофруа, критикъ «Journal des Dèbats»,

превратившагося въ «Газету Имперіи», преслѣдовалъ Тальму своими несправедливыми насмѣшками и тупыми остротами, сильно вліявшими, однако, на духъ артиста. Потеря дочери произвела на него также потрясающее впечатлѣніе, и въ іюнѣ 1826 года, играя роль помѣшаннаго Карла VI, Тальма былъ пораженъ умственнымъ разстройствомъ. Занавѣсь тихо опустилась надъ неоконченною тра-



Тальма.

Съ портрета Жерара.

гедіей, и публика молча оставила залу подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ этой трагической сцены, понимая, что видѣла великаго артиста въ послѣдній разъ. Онъ прострадалъ еще около четырехъ мѣсяцевъ, и умеръ, пожавъ руку своихъ друзей, Арно и Жуи, простившись съ двумя своими дочерьми и не пустивъ къ себѣ парижскаго архіепископа, домогавшагося принести Тальмѣ послѣднія утѣ-

шенія религіи. Этотъ же архіепископъ не задолго передъ тѣмъ, присутствуя при раздачѣ наградъ въ пансіонѣ, гдѣ воспитывались сыновья Тальмы, не допустилъ, чтобы они участвовали въ церемоніи, такъ какъ отецъ ихъ—безбожникъ.

Представительницею французской комедіи была Марсъ-Буте, дочь малоизвѣстной актрисы того же имени и весьма даровитаго актера Монвеля. Въ эпоху Директоріи она не достигла еще той славы, которую пріобрѣла въ послѣдствіи, хотя вступила на сцену 14-ти лѣтъ, какъ Жоржъ, и уже болѣе пяти лѣтъ исполняла роли на «Французскомъ театрѣ», подъ руководствомъ актрисы Конта, передавшей, по оставленіи ею сцены, всѣ свои роли своей ученицѣ. Марсъ съ одинаковымъ искусствомъ играла и кокетку Селимену въ «Мизантропѣ», и сентиментальную Бетси въ «Молодости Генриха IV», и Эльмиру въ «Тартюфѣ», маркизъ въ комедіяхъ Мариво и Филаминту «Ученыхъ женщинъ». Всѣ тонкости отдѣлки этихъ разнообразныхъ ролей она передавала въ совершенствѣ, производя на публику чарующее впечатлѣніе. Но апогея своей славы она достигла во время имперіи, обративъ на себя вниманіе Наполеона, которому женщины сдавались также скоро, какъ непріятельскіе города. Какъ Грассини, какъ Жоржъ, Марсъ пользовалась мимолетной благосклонностью императора. Въ укромномъ кіоскѣ, на озерѣ парка Рамбулье, происходили ихъ короткія свиданія. Но скоро покинутая любовница, какъ Жоржъ, оставалась вѣрна поклоненію своему вѣнценосному, хотя и непостоянному идеалу. Во время реставраціи актриса явно слѣдовала модамъ и привычкамъ имперіи. Офицеры королевской гвардіи сговорились отплатить ей за это свистками. Она узнала объ интригѣ противъ нея и сказала: «что же общаго между понятіями — королевская гвардія и Марсъ?» Это еще болѣе взорвало не воинственныхъ, но горячихъ приверженцевъ роялизма, и въ одно представленіе, когда она вышла на сцену въ платьѣ, усѣянномъ пчелами и фіалками, а не лиліями, офицеры потребовали, чтобы она закричала: да здравствуетъ король! Она продолжала свою роль, не обращая вниманія на требованія публики. Крики усилились и грозили обратиться въ бурю. Актриса подошла къ рампѣ и сказала: «вы требуете, чтобы я закричала — да здравствуетъ король! ну, вотъ я и произнесла эти слова. Что-жъ потомъ?» Партеръ разсмѣялся—и пьеса продолжалась. Людовикъ XVIII не преслѣдовалъ актрису за ея имперіализмъ и назначилъ ей, какъ Тальмѣ, пенсію въ 30,000 франковъ. Марсъ не отказалась отъ нея. Съ воцареніемъ на сценѣ романтизма, Марсъ, на ряду съ классическими комедіями, играла въ пьесахъ Делавиня, Валерію Скриба, Дездемону въ передѣлкѣ «Отелло» Альфредомъ де-Виньи, донну Соль въ «Гернани», герцогиню Гизъ въ «Генрихѣ III», Тизбу въ «Анджело», дѣвицу Бель-иль въ комедіи Дюма. Ей было шестьдесятъ лѣтъ, когда она въ первый разъ играла эту

пьесу. Въ 1841 году, она оставила сцену, съигравъ въ послѣдній разъ маркизу въ комедіи Мариво «Les fausses confidences» и Селимену Мольера съ тою же граціею, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Голосъ ея былъ также мелодиченъ, дикція также превосходна, даже по наружности ея маленькая, стройная фигура мало измѣнилась. На сценѣ, въ женскомъ туалетѣ Марсъ произвела та-

M-lle Марсъ.

Съ портрета Жерара.

кой же переворотъ, какой Тальма сдѣлалъ въ мужскихъ костюмахъ. Частная жизнь ея была блистательна и роскошна. Скандальезная хроника не кричала объ ней, потому что актриса не выставляла на показъ своихъ амурныхъ похожденій. Но она поглощала, все-таки, милліонныя состоянія. Ея отель въ Парижѣ отличался великолѣпіемъ и изящнымъ вкусомъ. У нея было столько брилліантовъ,

что противъ нихъ было сдѣлано два покушенія и одно изъ нихъ послужило поводомъ къ процессу, занимавшему весь Парижъ. Тогда, изъ опасенія дальнѣйшихъ покушеній, она продала всѣ свои драгоцѣнности. Но денегъ было некуда дѣвать, и она стала играть на биржѣ, гдѣ, однако, ей не повезло, какъ на сценѣ. Не смотря на огромныя потери, поглотившія въ биржевой игрѣ все, что ей дала игра на сценѣ, она оставила послѣ смерти состояніе въ милліонъ, отказавъ въ завѣщаніи значительныя суммы, взятыя у нея ея послѣдними поклонниками, — имъ же самимъ. Это былъ вѣкъ, когда уже не раззорялись на актрисъ, а брали у нихъ деньги въ займы—и Марсъ великодушно оставила обожателямъ своихъ устарѣвшихъ прелестей то, что пріобрѣла отъ поклонниковъ своей молодости. Она оставила также мемуары, редактированныя г-жею Роже де Бовуаръ, бывшею актрисою Дозъ, подругою Марсъ на сценѣ. Въ этихъ мемуарахъ преобладаетъ романтическій вымыселъ, много недосказаннаго, умышленно скрытаго и очень мало историческихъ подробностей. Почти всѣ они наполнены любовными приключеніями, исторіями пламенной страсти, разрыва прежнихъ связей, новыми увлеченіями, гдѣ героиня всѣхъ этихъ похожденій выставлена, конечно, съ самой симпатичной, поэтической стороны.

Но въ то время, когда Парижъ и его правители, члены Директоріи, думали только о томъ, какъ бы веселѣе пожить, забывая о недавнемъ кровавомъ прошломъ республики, объ опасностяхъ, грозящихъ ей въ будущемъ, въ головѣ самаго страшнаго врага ея, молодаго генерала Бонапарте, созрѣла мысль укрѣпить свою популярность новыми военными подвигами уже не въ Италіи, гдѣ еще были свѣжи слѣды его блистательныхъ побѣдъ, а въ таинственной, сказочной странѣ фараоновъ, гдѣ ко всему примѣшиваются легендарные вымыслы, разукрашенные пылкой фантазіей востока. Директорію, конечно, не могла не тревожить возростающая популярность Бонапарте, и рѣшено было ускорить приготовленія экспедиціи въ Англію, прерванныя смертью Гоша. Бонапарте осматривалъ берега и гавани, но не хотѣлъ пуститься въ предпріятіе, конечно, опасное, но, всетаки, возможное. Онъ сталъ распространять идею о нанесеніи удара гордому Альбіону—на востокѣ, въ Египтѣ. Англичане такъ мало думали объ этой странѣ, что, кромѣ небольшой эскадры, блокировавшей въ Средиземномъ морѣ Кадиксъ, соединили всѣ свои морскія силы въ Ламаншѣ, откуда и ждали нападенія. Тридцать шесть тысячъ лучшихъ солдатъ, взятыхъ изъ рейнской и итальянской арміи, и шесть тысячъ матросовъ отправились на корабляхъ, не зная ничего о цѣли экспедиціи. Надо было спѣшить, чтобы прибыть до наступленія жаровъ и разлива Нила, но Бонапарте вздумалъ по дорогѣ захватить Мальту, и выйдя изъ Тулона 19-го мая 1798 г., употребилъ мѣсяцъ на осаду острова, только 3-го іюля высадившись въ Александріи. И при этой высадкѣ и во

время стоянки у Мальты, Нельсонъ со своимъ флотомъ могъ бы легко уничтожить французскую эскадру, но англійскій адмиралъ гонялся за нею напрасно по Средиземному морю, то заходя слишкомъ рано въ Александрію, то безъ нужды отправляясь въ Неаполь, въ Каиръ, проходилъ на разстояніи 5-ти—6-ти миль отъ французовъ. Не опоздалъ онъ только пріидти въ Абукиръ, гдѣ сжегъ, наконецъ, французскій флотъ, отрѣзавъ такимъ образомъ Бонапарте возвращеніе въ Европу. Эта катастрофа подняла духъ мусульманъ, упавшій послѣ пораженій, нанесенныхъ мамелюкамъ. Въ Каирѣ вспыхнуло страшное возстаніе, залитое кровью возставшихъ. Но во Францію присылались извѣстія только о сраженіи при Пирамидахъ, съ которыхъ сорокъ вѣковъ смотрѣли на генерала Бонапарте, а не на французовъ, сражавшихся подъ его начальствомъ. Директорія, конечно, публиковала побѣдные бюллетени, поэты продолжали риѳмовать Bonaparté и Liberté, братья генерала попрежнему всѣми силами раздували энтузіазмъ къ великому полководцу, но внѣшнія дѣла запутывались все болѣе и болѣе. Убійство въ Римѣ генерала Дюфо папскими солдатами заставило, наконецъ, занять Римъ и провозгласить тамъ республику, чего не хотѣлъ сдѣлать Бонапарте. Но грабежи Массены и другихъ генераловъ сдѣлали и тамъ ненавистнымъ имя французовъ. Въ Швейцаріи они также учредили Гельветическую республику,—она была тамъ, конечно, и прежде, но то была республика аристократическая, а патріотамъ хотѣлось республики демократической, которую они и устроили, принявъ французскую конституцію. Но и тамъ, послѣ отнятія Берна у аристократическихъ республиканцевъ, республиканцы демократическіе начали такъ обирать швейцарцевъ, что тѣ стали горько раскаяваться, зачѣмъ призывали французовъ. Директорія сама такъ недовѣрчиво относилась къ этимъ ультра-республиканцамъ, что на выборахъ 22 флореаля VI года (11-го мая 1798 г.) кассировала избраніе 60-ти новыхъ членовъ. Въ то же время членъ Директоріи Нёшато былъ замѣненъ Трельяромъ. Во внутреннемъ управленіи правительство ввело важный законъ о конскрипціи. Сумасбродный неаполитанскій король вздумалъ требовать удаленія французовъ изъ Рима. Генералъ Шампіоне выгналъ короля изъ Неаполя и учредилъ Партенопейскую республику, существованіе которой было очень непродолжительно. Почти въ то же время французы заняли Туринъ, но въ концѣ 1798 года противъ нихъ поднялись два новые врага: турецкій султанъ, раздраженный занятіемъ Египта, и русскій императоръ, оскорбленный взятіемъ Мальты, когда онъ только-что избранъ былъ гроссмейстеромъ мальтійскихъ рыцарей. Павелъ I заключилъ союзъ съ Англіей. Новая коалиція готовилась обрушиться на Директорію, дни которой были уже сочтены...

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

М. О. Кояловичъ. Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочинненіямъ. Спб. 1884 г. XVI+603 стр., in 8°.

ИСТОРІЯ НАРОДА является однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ его самосознанія. «Къ народу можно обратиться съ словами: разскажи намъ свою исторію, и мы скажемъ, кто ты таковъ», — совершенно вѣрно замѣтилъ С. М. Соловьевъ еще тридцать четыре года тому назадъ. Поэтому всякій мыслящій человѣкъ съ большимъ вниманіемъ остановится на попыткѣ профессора Кояловича изложить исторію русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ.

Исполнить задачу, взятую на себя г. Кояловичемъ, дѣло весьма и весьма нелегкое. На сколько трудна эта задача, видно изъ авторитетныхъ словъ знаменитаго англійскаго мыслителя Дж. Ст. Милля: «Если образованіе индивидуальнаго характера есть уже сложный предметъ изученія, — говоритъ онъ, — то предметъ наукъ общественныхъ долженъ быть еще болѣе сложенъ: здѣсь число содѣйствующихъ причинъ, имѣющихъ большее или меньшее вліяніе на общій результатъ, больше въ той пропорціи, въ какой народъ или человѣческій родъ вообще представляетъ большую поверхность для дѣйствія силъ психологическихъ и физическихъ, чѣмъ всякое отдѣльное недѣлимое» (Система логики, II, 448). Написать исторію русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ—значитъ представить обзоръ всего хода русской исторіографіи и высказать свое собственное научное воззрѣніе на все историческое развитіе жизни русскаго народа.

Идеальная объективность воззрѣнія, это желаемое conditio sine qua non для каждаго историка, не оправдывается на дѣлѣ; напротивъ, субъективность

историка постоянно даетъ себя знать, въ этомъ мы совершенно согласны съ г. Кояловичемъ (см. его предисловіе, стр. V—VII). Причины такого явленія весьма понятны. Исторія не есть отвлеченная математическая формула, она продуктъ дѣятельности людей, а потому каждый историческій писатель не можетъ вполнѣ отрѣшиться отъ своего «я» въ воззрѣніяхъ на дѣйствія людскія какъ въ современномъ ему въ обществѣ, такъ и въ прошедшихъ вѣкахъ. «Существуетъ постоянная связь, — говоритъ историкъ цивилизаціи въ Англіи Бокль,—между тѣмъ, какъ люди смотрятъ на прошедшее и какъ они смотрятъ на настоящее; оба эти воззрѣнія суть въ сущности различныя формы одного и того же образа мыслей и въ каждомъ вѣкѣ находятся между собою въ извѣстномъ соотвѣтствіи» (Бокль. Введ. въ ист. цивил. въ Англіи. Перев. Бестужева-Рюмина и Тиблена. 2-е изд. Спб. 1864, I, 214). Но субъективность субъективности рознь. Субъективное воззрѣніе человѣка опредѣляется вообще его умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ: степенью его образованности и учености, объемомъ его философскаго, политическаго и общественнаго кругозора, а эти умственныя и нравственныя качества, въ свою очередь, являются результатомъ цѣлаго ряда причинъ и условій какъ частныхъ, индивидуальныхъ, такъ и общихъ, соціальныхъ. Личность человѣка, какъ извѣстно, создается подъ вліяніемъ очень сложныхъ факторовъ: народность, среда, воспитаніе, эпоха — кладутъ печать на образованіе личности. Чѣмъ болѣе человѣкъ умственно и нравственно развитъ, тѣмъ болѣе въ его сужденіяхъ безпристрастія, а слѣдовательно болѣе возможности приблизиться если не къ абсолютной, то къ относительной объективности. Наука должна стремиться къ объективности въ воззрѣніяхъ, а потому каждый претендующій быть научнымъ изслѣдователемъ исторіи долженъ въ основу своихъ историческихъ воззрѣній полагать строго провѣренныя научныя данныя.

Такое ли научное отношеніе къ столь серьезному вопросу, какъ исторія русскаго самосознанія, видимъ мы въ книгѣ профессора Кояловича?

Направленіе г. Кояловича давно извѣстно по его прежнимъ историческимъ трудамъ. Религіозныя и политическія воззрѣнія, положенныя въ основу его историческихъ изслѣдованій, всегда отличались одностороннею тенденціозностью и примыкали по нѣкоторымъ вопросамъ къ хорошо всѣмъ извѣстнымъ воззрѣніямъ такъ называемыхъ славянофиловъ. Поэтому трудно было ждать въ его новой книгѣ спокойнаго, вполнѣ научнаго изслѣдованія хода русской исторіографіи. Мы этого и не ждали отъ г. Кояловича, но предполагали, что онъ въ обзорѣ русской исторіографіи съ своей точки зрѣнія представитъ научный трактатъ, удовлетворяющій формальнымъ требованіямъ исторической критики и философскаго изложенія; но эти ожиданія не оправдались.

Книга г. Кояловича является памфлетомъ, въ которомъ авторъ пользуется трудами и воззрѣніями русскихъ историковъ лишь какъ средствомъ для доказательства своихъ собственныхъ произвольныхъ воззрѣній на прошлое и настоящее русскаго народа. Русская самобытность, представляющаяся г. Кояловичу исключительно въ религіозныхъ, культурныхъ, политическихъ и общественныхъ основахъ жизни Московскаго государства, является для него единственнымъ критеріумомъ въ сужденіяхъ о многовѣковой и разнообразной жизни русскаго народа. Такой взглядъ, конечно, не можетъ быть названъ научнымъ. Но если даже при такомъ предвзятомъ взглядѣ мы нашли бы въ книгѣ г. Кояловича ученую обработку матеріала, мы отнеслись бы

къ ней съ полнымъ сочувствіемъ. Къ серьезно и послѣдовательно написаннымъ даже тенденціознымъ и одностороннимъ сочиненіямъ слѣдуетъ всегда относиться съ должнымъ уваженіемъ, какъ къ каждому искреннему убѣжденію человѣка. Но г. Кояловичъ не позаботился привести своей книги даже въ внѣшній порядокъ. Онъ собралъ рядъ черновыхъ набросковъ о разныхъ источникахъ русской исторіи, о разныхъ историческихъ русскихъ писателяхъ,— набросковъ, которые, очевидно, были имъ писаны подъ впечатлѣніемъ минуты, не подвергъ своихъ впечатлѣній строгой критической провѣркѣ и назвалъ этотъ случайный сборникъ «исторіей русскаго самосознанія». Въ этомъ сборникѣ болѣе важное не отдѣлено отъ менѣе важнаго, существенное смѣшано съ второстепеннымъ; многое высказывается къ слову, иной разъ даже не кстати. Если бы г. Кояловичъ ограничился разсмотрѣніемъ только тѣхъ историческихъ изслѣдованій, которые обнимаютъ собою весь ходъ русской исторіи, или значительную ея часть, онъ бы скорѣе справился съ матеріаломъ, но онъ захотѣлъ затронуть и монографіи — и потерялся въ массѣ, пропустивъ вмѣстѣ съ тѣмъ очень многое.

Группировка матеріала г. Кояловича совершенно не удовлетворяетъ научнымъ требованіямъ; еще менѣе удовлетворяетъ имъ тотъ методъ (если только можно назвать это методомъ), при помощи котораго онъ разсматриваетъ разныхъ историческихъ писателей. Кромѣ того, обращаясь къ фактической сторонѣ книги г. Кояловича, нельзя не замѣтить весьма многихъ существенныхъ пробѣловъ, прямо доказывающихъ недостаточное знакомство автора съ литературой русской исторіографіи.

На эти-то стороны книги профессора Кояловича мы и считаемъ необходимымъ обратить въ настоящей замѣткѣ вниманіе читателей.

I.

Г. Кояловичъ смѣшиваетъ историческій источникъ съ историческимъ изслѣдованіемъ и, кромѣ того, даетъ произвольную группировку историческимъ источникамъ, которые распадаются у него лишь на 3 категоріи: 1) лѣтописи, 2) акты, посланія и письма и 3) сказанія иностранцевъ. Напрасно г. Кояловичъ цѣликомъ не взялъ систематики источниковъ изъ «Введенія къ русской исторіи» К. Н. Бестужева-Рюмина, къ которому онъ относится благосклонно. К. Н. Бестужевъ Рюминъ ясно различаетъ историческій источникъ, хранилище историческихъ фактовъ, отъ историческаго изслѣдованія, научной обработки этихъ фактовъ. Поэтому у Бестужева-Рюмина группа источниковъ русской исторіи расположена послѣдовательно по степени ихъ достовѣрности. Можно находить систему г. Бестужева-Рюмина не совсѣмъ точною, можно не соглашаться съ нимъ относительно подробностей, но нельзя не замѣтить у него принципа, положеннаго въ основу его системы. У г. Кояловича же мы не видимъ такого основанія. Почему, напримѣръ, былины вмѣстѣ съ «Словомъ о полку Игоревѣ» представляются г. Кояловичу началомъ историческаго прагматизма? Историческое преданіе и историческая легенда — понятія діаметрально противоположныя историческому прагматизму. Между тѣмъ въ IV-й главѣ: «Первые опыты прагматическаго изложенія событій», разсматриваются, на ряду съ поэтическими сказаніями, записки русскихъ людей XVI и XVII вв., Степенная книга, часть правительственныхъ актовъ и первыя попытки систематическаго изложенія

событій русской исторіи, возникшія въ южной Руси и въ Москвѣ во второй половинѣ XVII в. Вся эта глава представляетъ такую странную смѣсь историческихъ источниковъ съ историческимъ изслѣдованіемъ, что на ней, для уясненія дѣла, мы считаемъ необходимымъ остановиться подробнѣе.

Изъ IV-ой главы видно, что г. Кояловичъ полагаетъ (и вполнѣ основательно), что начало историческаго прагматизма является еще въ лѣтописяхъ, но рядомъ съ лѣтописнымъ прагматизмомъ онъ видитъ какой-то другой прагматизмъ:

«Народная поэзія,—говоритъ онъ,—не разъ озаряла цѣльнымъ взглядомъ наше прошедшее, затѣмъ порывъ отдѣльнаго, личнаго таланта опереживалъ иногда медленное лѣтописное развитіе прагматическаго изложенія дѣла; наконецъ, государственныя нужды заставляли не разъ дѣлать такія работы, которыя составляли прочные шаги на пути научной обработки нашего предмета» (с. 75).

Исходя изъ этого взгляда, г. Кояловичъ считаетъ указанныя выше поэтическія произведенія зародышемъ историческаго прагматизма, а на ряду съ ними ставитъ нѣкоторыя сказанія современниковъ, не слѣдуя при этомъ хронологическому порядку, а припоминаетъ ихъ повидимому случайно. Сначала идетъ Авраамій Палицынъ, за нимъ князь Курбскій и Котошихинъ (передъ Авраамiемъ Палицынымъ упоминаются анонимныя отдѣльныя сказанія, помѣщенныя въ лѣтописяхъ). Среди только что названныхъ сказаній современниковъ и на ряду съ ними разсматриваются: Степенная книга, Домострой Сильвестра и справочный матеріалъ старой русской литературы (?). Подъ этимъ справочнымъ матеріаломъ г. Кояловичъ разумѣетъ канцелярскія справки въ московскихъ приказахъ, помѣты дьяковъ на разныхъ дѣлахъ, писцовыя книги и книгу Большаго Чертежа. Такое выдѣленіе изъ правительственныхъ актовъ произвольно взятой ихъ части не имѣетъ должнаго основанія. Обзоръ исторіографическихъ попытокъ, возникшихъ во второй половинѣ XVII вѣка на югѣ Россіи и въ Москвѣ, въ концѣ главы не отличается полнотой. Совершенно такимъ же отсутствіемъ системы отличается и III-я глава, разсматривающая иностранныя свидѣтельства. Иностранцы расположены столь же произвольно, какъ и современники мемуаристы русскіе.

Вопросъ о лѣтописи (гл. II-я) разработанъ г. Кояловичемъ сравнительно болѣе удовлетворительно, хотя также далеко неполно. Мѣстныя лѣтописи XVII вѣка какъ южнорусскія, такъ и московскія, не упоминаются вовсе; между тѣмъ въ числѣ ихъ находятся важныя сибирскія лѣтописи нѣсколькихъ редакцій, положившія основаніе русскому лѣтописанію во вновь завоеванномъ царствѣ Кучума. Въ библіографіи вопроса лѣтописей помѣщенъ неполный списокъ изслѣдованій о нихъ, безъ указанія годовъ ихъ выхода и тѣхъ изданій, гдѣ онѣ напечатаны. Г. Кояловичъ, повидимому, незнакомъ съ обстоятельнымъ изслѣдованіемъ А. Ѳ. Бычкова «О ходѣ изданія русскихъ лѣтописей». Точно также г. Кояловичу неизвѣстно и замѣчательное по полнотѣ библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей Д. В. Полѣнова, помѣщенное въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1850 г. Обозрѣніе актовъ страдаетъ также неполнотой. О приведеніи въ порядокъ архивовъ и объ ихъ описаніяхъ (такихъ образцовыхъ, какъ, напримѣръ Описанія архивовъ правит. сената П. И. Баранова, свят. синода, госуд. совѣта и минист. юстиціи Н. В. Калачева) сказано мимоходомъ. Нѣтъ ни одной строчки о почтенной дѣятельности теперешняго директора знаменитаго глав-

наго московск. архива мин. иностр. дѣлъ — барона Ѳ. А. Бюлера, который столь просвѣщенно и радушно открываетъ ввѣренныя ему сокровища всѣмъ дѣятелямъ науки.

Говоря объ архивахъ, нельзя не замѣтить, что г. Кояловичъ совершенно упустилъ изъ виду цѣлую группу такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ при изученіи русской исторіи. Онъ, правда, упоминаетъ при случаѣ о нѣкоторыхъ трудахъ по русской исторической географіи, этнографіи, археологіи и археографіи, но все это разбросано и неполно. Дѣятельность графа Н. П. Румянцева, являвшаяся въ началѣ нынѣшняго столѣтія центромъ археографическихъ и археологическихъ изслѣдованій, въ книгѣ г. Кояловича не представляется во всей своей полнотѣ, а мелькаетъ тамъ и сямъ совершенно эпизодически. То же слѣдуетъ замѣтить и о въ высшей степени плодотворной для русской исторіи дѣятельности такихъ ученыхъ обществъ, какъ Московское исторіи и древностей, Петербургскія географическое, археологическое, русское историческое и любителей древней русской письменности, и археологическое Московское съ шестью организованными имъ археологическими съѣздами. Графъ А. С. Уваровъ, преждевременную кончину котораго оплакиваетъ въ настоящее время русская наука и который безспорно былъ организаторомъ и руководителемъ русской археологической науки, упомянутъ г. Кояловичемъ всего одинъ только разъ мимоходомъ, гдѣ-то подъ строкой, въ примѣчаніи (см. стр. 496).

II.

Успѣхи русской исторіографіи въ теченіе полутораста лѣтъ, начиная съ 30-хъ годовъ XVIII вѣка, громадны, и если въ чемъ проявилъ себя русскій прогрессъ, такъ именно въ постепенномъ развитіи въ теченіе полутора столѣтія національной исторіографіи. Это развитіе является особенно сильнымъ за послѣднія 30 лѣтъ. Никогда до тѣхъ поръ общественная мысль Россіи не предъявляла столько требованій къ отечественой исторіи и никогда исторія не разрѣшала съ такимъ успѣхомъ поставленныхъ ей вопросовъ. Взаимодѣйствіе двухъ вліяній — исторіи на современную жизнь и современности на исторію, было ощутительнымъ для всѣхъ фактомъ. Этотъ фактъ весьма знаменателенъ. Онъ является наилучшимъ показателемъ роста нашего общественнаго пониманія, нашего національнаго самосознанія.

Вторая половина пятидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія всѣмъ хорошо памятна. Начало царствованія императора Александра II ознаменовалось пробужденіемъ русской общественной мысли. Закончивъ тяжелую войну, открывшую глаза обществу на его недавнее прошлое, государь вступалъ на путь реформъ. Пытливо обращаясь къ этому прошлому, русская мысль невольно стремилась уяснить себѣ весь ходъ исторіи послѣдняго времени, скрытаго дотолѣ подъ цензурнымъ спудомъ. Сравнительное съ прежнимъ ослабленіе цензуры дало возможность проникать въ тайны русскаго XVIII вѣка, и вотъ стали появляться одно за другимъ обнародованіе матеріаловъ и изслѣдованія по исторіи Петра Великаго и его преемниковъ. Обращаясь къ прошлому, мысль еще пытливѣе останавливалась на настоящемъ: наши общественныя язвы, обнаруженныя Крымской войной, открылись во-очію. Новорожденная русская публицистика ударилась въ обличеніе. Этотъ обличительный задоръ невольно перенесенъ былъ и въ область исторіи. Три крае-

угольныя реформы — крестьянская, земская и судебная, начатыя въ 50-хъ годахъ, явились въ формѣ положительнаго закона въ 60-хъ годахъ. Исторія пришла на помощь при осуществленіи этихъ реформъ и въ особенности самой основной изъ нихъ — крестьянской. Стали прилежно изучать и разработывать исторію русскаго крестьянства и разныхъ народностей, входящихъ въ составъ русскаго государства, и исторію этнографическихъ основъ жизни, русскаго народа и инородцевъ: религіозныхъ вѣрованій, языка, быта, нравовъ. Такъ возникли въ русской наукѣ и публицистикѣ 60-хъ годовъ вопросы о руской народности, возбужденные еще въ 40-хъ годахъ славянофилами. Еще бо̀льшему развитію этихъ вопросовъ способствовали явленія современной политической жизни Западной Европы и міра славянскаго: и тутъ и тамъ объединялось во имя національности населеніе полуострововъ Апенинскаго и Балканскаго; зарождалось стремленіе къ политическому объединенію въ разрозненныхъ мелкихъ государствахъ Германскаго союза. Это національное возбужденіе на Западѣ и среди славянъ не могло не отозваться и у насъ. Областныя особенности разныхъ русскихъ мѣстностей, преимущественно окраинъ, стали разработываться и въ своемъ прошломъ, и въ настоящемъ: явилась потребность въ историческомъ ихъ изученіи. Области великорусскія, Малороссія, Западный край, край Балтійскій, Поволжье, Сибирь, Кавказъ, по очереди выступали въ этомъ изученіи съ своими этнографическими, историческими и культурными особенностями.

Реформы, земская и судебная, вызвали изученіе политическихъ, общественныхъ и культурныхъ явленій русской жизни: исторія церкви, исторія учрежденій, сословій, городовъ, промышленности, торговли, законодательства, просвѣщенія, литературы—все стало изучаться заново. Изданіе историческихъ матеріаловъ и изслѣдованій достигло небывалыхъ размѣровъ. Общіе литературные журналы переполнялись статьями по указаннымъ выше вопросамъ; возникли новыя спеціальныя періодическія изданія, посвященныя русской исторіи и древности, а на ряду съ ними духовныя, историко-литературныя и юридическія періодическія изданія, разработывавшія на своихъ страницахъ историческіе вопросы. Стали открываться новыя историческія и археологическія общества; въ университетахъ и духовныхъ академіяхъ возникли особыя каѳедры исторіи русской церкви и исторіи русскаго права. Русская историческая наука развѣтвляется на спеціальные отдѣлы; интересъ къ изученію исторіи Россіи все болѣе и болѣе развивается въ обществѣ; отечественная исторія является насущною потребностью для каждаго мыслящаго русскаго человѣка и просвѣтляетъ народное самосознаніе.

Если бы г. Кояловичъ съ этой точки зрѣнія посмотрѣлъ на развитіе русской исторіографіи XVIII и XIX вѣковъ, онъ имѣлъ бы возможность обозрѣть тѣ явленія въ ней, которыя весьма важны, а имъ совершенно упущены изъ виду. Онъ недостаточно обратилъ вниманіе на зависимость историческихъ воззрѣній отъ условій эпохи, въ особенности по отношенію къ последнему времени, начиная съ конца 50-хъ годовъ XIX вѣка.

Съ V-й главы у г. Кояловича идетъ обзоръ научныхъ историческихъ трудовъ по русской исторіи, начиная съ XVIII вѣка. Здѣсь прежде всего поражаетъ странная группировка ученыхъ русскихъ историковъ. До С. М. Соловьева включительно направленія русской ученой исторической литературы сгруппированы еще довольно правильно, хотя съ большими пробѣлами, о чемъ мы скажемъ ниже, но исторіографія 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ, —

того времени, когда она разрослась особенно широко, рѣшительно не поддается произвольнымъ и случайнымъ рубрикамъ г. Кояловича. Нельзя не замѣтить, что собственно въ наукѣ русской исторіи не было особаго направленія, которое можно было бы назвать западнымъ, какъ утверждаетъ г. Кояловичъ (см. стр. 263—264). Западники являлись въ журналистикѣ. Изъ русскихъ историковъ примыкали къ нимъ разныя школы—преимущественно скептическая и позднѣе такъ называемая школа родоваго быта. Позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько частныхъ замѣчаній относительно произвольности группировки г. Кояловичемъ русскихъ историческихъ писателей.

Г. Кояловичъ считаетъ К. Д. Кавелина послѣдователемъ воззрѣній С. М. Соловьева. Это не совсѣмъ точно. Во-первыхъ, К. Д. Кавелинъ высказывалъ въ своихъ лекціяхъ въ Московскомъ университетѣ воззрѣнія на юридическій бытъ древней Россіи одновременно съ появленіемъ въ печати историческихъ трудовъ профессора Соловьева. Магистерская диссертація С. М. Соловьева «Объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ» издана въ 1845 году; статья его «О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси» была напечатана въ «Московскомъ ученомъ и литературномъ сборникѣ» на 1846 годъ, а докторская диссертація, подробно излагающая тотъ же вопросъ, появилась въ слѣдующемъ 1847 году. Г. Кавелинъ высказывалъ свои историческія воззрѣнія на лекціяхъ въ 1845 и 1846 годахъ и лишь изложилъ выводы изъ этихъ воззрѣній въ журнальной статьѣ «О юридическомъ бытѣ древней Россіи», напечатанной въ 1-мъ № «Современника» за 1847 годъ. Во-вторыхъ, самыя воззрѣнія К. Д. Кавелина во многомъ различаются отъ воззрѣній С. М. Соловьева (о чемъ, впрочемъ, заявляетъ и г. Кояловичъ, см. стр. 399 и слѣд.). Эти воззрѣнія различались и въ концѣ 40-хъ годовъ и совершенно разошлись въ 60-хъ. К. Д. Кавелинъ понималъ и въ 40-хъ годахъ родовой бытъ въ гораздо болѣе умѣренной формѣ, чѣмъ С. М. Соловьевъ, и иначе выяснялъ отношеніе родоваго быта къ быту государственному, а затѣмъ, начиная съ 50-хъ годовъ, отвелъ въ русской исторической жизни подобающее мѣсто общинѣ, которой не только не замѣчалъ въ русской жизни, но совершенно отрицалъ Соловьевъ. Къ 60-мъ годамъ К. Д. Кавелинъ по многимъ вопросамъ русской исторической жизни сталъ склоняться къ воззрѣнію такъ называемыхъ славянофиловъ, что ясно видно изъ его «Мыслей и замѣтокъ по русской исторіи» («Вѣстн. Евр. 1866 г., кн. II). К. Д. Кавелинъ занимаетъ самостоятельное положеніе среди русскихъ историческихъ школъ, серединное, примиряющее крайности воззрѣній школы родоваго быта съ воззрѣніями такъ называемыхъ славянофиловъ.

Совершенно непонятнымъ представляется подведеніе г. Кояловичемъ подъ одну доктрину, реалистическую, такихъ писателей, какъ Щаповъ, Шашковъ, Брикнеръ и Морозовъ.

А. П. Щаповъ, вступившій на ложную дорогу въ послѣднихъ своихъ историко-литературныхъ трудахъ, въ первой порѣ своей ученой дѣятельности сослужилъ большую службу русской исторической наукѣ. Г. Кояловичъ разсматриваетъ только его «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа», книгу, которую можно назвать лишь талантливой фантасмагоріей на русско-историческую тему, внушенную Щапову непонятыми имъ «Исторіей цивилизаціи» Бокля и популярными русскими передѣлками разныхъ сочиненій по естествознанію, въ такомъ обиліи появлявшихся у насъ въ 60-хъ годахъ. Мнѣній, высказываемыхъ А. П. Щаповымъ

въ этой книгѣ, никакъ нельзя, разумѣется, почесть серьезными; но подвергнувъ ихъ строгой и справедливой критикѣ и высказавъ о нихъ, пожалуй, суровое сужденіе, не слѣдуетъ оставлять безъ разсмотрѣнія замѣчательной книги того же А. П. Щапова о расколѣ старообрядства (1859 г.) и цѣлаго ряда его статей въ «Православномъ Собесѣдникѣ» (1858—1862 гг.) и въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1861—1863 гг.). Въ книгѣ о расколѣ и въ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Православномъ Собесѣдникѣ», Щаповъ впервые вводитъ явленія русской церковной исторіи въ кругъ явленій общей русской исторической жизни. Много увлеченія и въ этихъ трудахъ Щапова, но въ нихъ видна серьезная работа по рукописному матеріалу въ то время столь мало извѣстной Соловецкой библіотеки, только что переданной въ Казанскую духовную академію. Г. Кояловичъ какъ бы намѣренно игнорируетъ эту научную дѣятельность Щапова и лишь въ самомъ концѣ своей книги въ дополненіяхъ и поправкахъ, мелкимъ шрифтомъ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Покойный Щаповъ писалъ много. Немало статей его помѣщено въ «Православномъ Собесѣдникѣ», въ «Запискахъ географическаго общества», въ «Отечественныхъ Запискахъ». Самое обработанное его сочиненіе—«Русскій расколъ старообрядства», изд. въ 1859 году (стр. 603). Что говорятъ эти безсодержательныя строки для читателя, совсѣмъ незнакомаго или знакомаго поверхностно съ сочиненіями Щапова? Говорятъ одно, что молъ и остальныя сочиненія его то же, что «Соціально-педагогическія условія умственнаго развитія русскаго народа».

Что касается до г. Шашкова, то онъ дѣйствительно можетъ быть поставленъ въ числѣ сторонниковъ воззрѣній Щапова послѣдняго періода его дѣятельности. Но, кромѣ г. Шашкова, такихъ послѣдователей Щапова и писателей по русской исторіи, родственныхъ ему по воззрѣніямъ, было очень много. Они наводняли своими статьями «Русское Слово», «Дѣло», «Недѣлю» и другіе журналы. Отчего не даетъ г. Кояловичъ хотя общей характеристики такихъ статей? Между тѣмъ, воззрѣнія эти, неправильныя по существу, но имѣвшія большое вліяніе на читавшую названные журналы публику и состоявшую главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, должны быть тщательно разсмотрѣны въ обзорѣ новѣйшей русской исторіографіи.

Но на какомъ основаніи въ одну группу съ Щаповымъ и Шашковымъ угодно было г. Кояловичу помѣстить гг. Брикнера и Морозова, мы рѣшительно не понимаемъ.

Можно не раздѣлять воззрѣній А. Г. Брикнера, можно находить въ его отзывахъ о Петрѣ Великомъ много излишней хвалы первому русскому императору и много излишняго порицанія Московской Руси; поэтому можно было бы съ точки зрѣнія г. Кояловича отнести г. Брикнера, пожалуй, къ западникамъ, но помѣщать въ одинъ разрядъ съ Щаповымъ — невозможно. Г. Брикнеръ по своимъ воззрѣніямъ принадлежитъ къ европейскимъ историкамъ, обладая большой эрудиціей и вполнѣ научнымъ методомъ изслѣдованія. Г. Брикнеръ точенъ въ своихъ рубрикахъ и положеніяхъ; онъ можетъ иной разъ судить о русскихъ событіяхъ какъ иностранецъ, не всегда ихъ даже, можетъ быть, пойметъ должнымъ образомъ, но онъ слишкомъ добросовѣстенъ, слишкомъ ученъ для того, чтобы извращать историческіе факты, чтобы намѣренно искажать историческую истину. Г. Брикнеръ является въ нашей исторіографіи почтеннымъ продолжателемъ традицій Мюллера и Шлёцера, которыхъ такъ не долюбливаетъ г. Кояловичъ только потому, что они

нѣмцы, но которымъ наука русской исторіи обязана своимъ началомъ. Щаповъ и Брикнеръ являются совершенно противоположными другъ другу писателями. Щаповъ—талантливый самоучка, полу-русакъ, полу-бурятъ[1]); Брикнеръ — ученый нѣмецъ. Щаповъ увлекся Бюхнеромъ и Молешотомъ, потому что не имѣлъ серьезной научной подготовки къ исторіи и былъ совершенно незнакомъ съ естествознаніемъ; Брикнеръ воспитался на серьезной германской исторіографической почвѣ и очень хорошо понимаетъ отношеніе естествознанія къ наукамъ о человѣческихъ обществахъ.

Причину, почему рядомъ съ г. Брикнеромъ поставленъ г. Морозовъ, объясняетъ самъ г. Кояловичъ. Онъ причислилъ г. Морозова къ разряду историковъ-реалистовъ потому, что тотъ будто бы задался мыслью показать, какъ православный русскій архіерей, Ѳеофанъ Прокоповичъ, сталъ выразителемъ чисто свѣтскихъ началъ петровскаго времени.

«Г. Морозовъ,—говоритъ г. Кояловичъ,—не только не находитъ въ этомъ ничего страннаго, но прославляетъ за это Ѳеофана Прокоповича и для надлежащей убѣдительности онъ усердно раскрываетъ изнанку стараго, религіознаго склада русской жизни и превозноситъ реалистическія начала временъ Петра» (стр. 426).

Г. Кояловичъ приходитъ къ этому путемъ разныхъ случайныхъ выписокъ изъ книги г. Морозова. Но спрашивается, если г. Морозовъ за одну свою монографію внесенъ въ «Исторію русскаго самосознанія» г. Кояловича, отчего обойдены другія монографіи, посвященныя тому же Ѳеофану Прокоповичу и гораздо болѣе важныя, чѣмъ монографія г. Морозова? Первая изъ нихъ по времени появленія и весьма замѣчательная по широтѣ постановки вопроса монографія Ю. Ѳ. Самарина, написанная еще въ 1843 году и изданная вполнѣ лишь въ 1880 году, вторая основаная на архивномъ матеріалѣ монографія И. А. Чистовича (1868 г.). О книгѣ Самарина г. Кояловичъ не упоминаетъ вовсе, хотя, повидимому, считаетъ себя солидарнымъ съ нимъ въ воззрѣніяхъ; о книгѣ г. Чистовича упоминаетъ лишь вскользь (стр. 429), хотя г. Чистовичъ сослуживецъ г. Кояловича по Петербургской духовной академіи и даже со-спеціалистъ. Было бы правильнѣе отвести мѣсто всѣмъ монографіямъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ въ обзорѣ трудовъ по русской церковной исторіи, но г. Кояловичъ этого не дѣлаетъ; почему — мы доподлинно не знаемъ, но предполагаемъ, что г. Морозовъ занесенъ въ разрядъ апокриѳическихъ историковъ, «ихъ же не подобаетъ чести», не безъ вліянія на г. Кояловича отвѣта г. Морозова, который тотъ напечаталъ въ газетѣ «Страна» (1880 г., № 78) по поводу разбора г. Кояловичемъ его книги, помѣщеннаго въ «Руси».

Точно также невольно удивляешься неумѣстной (чтобы не сказать больше) выходкѣ противъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича за ихъ исторію славянскихъ литературъ (стр. 4 — 9). Г. Кояловичъ упрекаетъ ихъ за якобы униженіе ими русской и вообще славянской народности и упрекаетъ ихъ за то, что они, разрѣшая, между прочимъ, нѣкоторые вопросы по русской исторіографіи, разрѣшаютъ ихъ не въ должномъ, по мнѣнію г. Кояловича, смыслѣ. Конечно, всякая исторія русской литературы касается этихъ вопросовъ, но если разсматривать воззрѣнія на русскую исторіографію историковъ литературы, то слѣдуетъ разсматривать всѣхъ, а не на выдержку только нѣкото-

---

[1]) Подробности см. въ біографіи А. П. Щапова, составленной Н. Я. Аристовымъ и помѣщенной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1882 года.

рыхъ. Не понимаемъ, почему разсмотрѣна книга гг. Пыпина и Спасовича: она обозрѣваетъ всѣ славянскія литературы, отводя русской литературѣ 36 страницъ, гдѣ лишь вскользь говорится объ исторіографіи. Между тѣмъ, нѣтъ ни слова о другихъ болѣе обширныхъ курсахъ исторіи русской литературы, въ которыхъ отведено много мѣста и лѣтописямъ, и научнымъ изслѣдованіямъ по русской исторіи. Въ книгѣ г. Кояловича объ исторіи русской литературы Шевырева и Порфирьева только упоминается безъ всякаго отзыва (стр. 2 и 3 примѣч.) и не говорится ровно ничего о курсахъ исторіи русской литературы А. Д. Галахова, П. Н. Полеваго и О. Ѳ. Миллера, а въ книгѣ Шевырева г. Кояловичъ, безъ сомнѣнія, нашелъ бы подтвержденіе своихъ воззрѣній.

XVIII-я глава подъ заглавіемъ «Научное изученіе естественныхъ условій русской жизни» посвящена обзору спеціальныхъ изслѣдованій по русской исторической географіи и этнографіи. Въ этой главѣ г. Кояловичъ дѣлаетъ отступленія и притомъ противорѣчащія его же собственнымъ заявленіямъ. Въ концѣ III-ей главы (обозрѣніе иностранныхъ свидѣтельствъ по русской исторіи) г. Кояловичъ говоритъ:

«Сочиненія весьма многихъ иностранныхъ писателей о Россіи изложены въ видѣ научныхъ изслѣдованій отдѣльныхъ періодовъ русской исторіи съ уясненіемъ предшествовавшихъ событій или составляютъ научное изложеніе всей исторіи Россіи до ихъ времени, при томъ исторіи попреимуществу внутренней. Такимъ образомъ, въ этихъ сочиненіяхъ мы имѣемъ опыты научнаго изложенія нашей исторіи. Но въ литературѣ нашей науки, въ которой мы имѣемъ въ виду главнымъ образомъ прослѣдить уясненіе научнаго русскаго сознанія по отношенію къ своему прошедшему, иностранныя сочиненія о Россіи не могутъ имѣть значенія первыхъ опытовъ научной обработки нашей исторіи. На развитіе нашего русскаго научнаго сознанія до новѣйшихъ временъ они не имѣли никакого вліянія по той простой причинѣ, что не были въ Россіи извѣстны. Нѣкоторое, слабое исключеніе могутъ составлять греческіе и польскіе писатели, немало извѣстные составителямъ нашихъ хронографовъ, особенно второй и третьей редакцій, а также составителю свода густынской лѣтописи и, какъ увидимъ, составителю Синопсиса» (стр. 74—75).

Между тѣмъ въ XVIII-й главѣ г. Кояловичъ останавливается именно на одномъ изъ такихъ современныхъ намъ изслѣдованій французскаго ученаго Лёруа-Больё «L'Empire des tsars et les Russes. Le pays et les habitants».

Русская исторія входитъ въ книгу Лёруа-Больё только отчасти и сравнительно въ небольшомъ объемѣ, какъ объясненіе существующаго порядка вещей въ Россіи. Лёруа-Больё разсматриваетъ подробно современныя намъ географическія и этнографическія условія жизни русскаго народа, его цивилизацію и общественный строй, причемъ всего подробнѣе останавливается на преобладающей массѣ населенія — крестьянствѣ. Исторія является для него только средствомъ для объясненія указанныхъ выше современныхъ условій жизни русскаго народа. Но почему изъ всѣхъ иностранцевъ, вопреки своему первоначальному плану, г. Кояловичъ остановился только на Лёруа-Больё? Слѣдуя этому плану онъ обходитъ такихъ ученыхъ иностранцевъ, писавшихъ по русской исторіи, какъ нѣмецъ Германъ, авторъ «Geschichte des russischen Staates» (Hamburg. 1832 — 1871), біографъ патріарха Никона англичанинъ Пальмеръ и французъ А. Рамбо, авторъ, между прочимъ, прекраснаго краткаго обзора русской исторіи «Histoire de la Russie depuis les origines jusqu'à l'année 1877» (Paris. 1878) и др. Причину такого предпочтенія Лёруа-Больё другимъ современнымъ иностранцамъ — мы увидимъ ниже. Г. Коя-

ловичъ, выдавая одобрительный аттестатъ Лёруа-Больё за его сужденія о современномъ положеніи Россіи, очень недоволенъ его историческимъ обзоромъ и въ особенности изложеніемъ исторіи московскаго государственнаго строя, которое является для г. Кояловича доказательствомъ «неспособности иноземца понять нашу исторію, неспособности даже такого хорошаго иноземца, какъ Лёруа-Больё» (стр. 444). Это непониманіе, прежде всего, опредѣляется для г. Кояловича тѣмъ обстоятельствомъ, что Лёруа-Больё придаетъ значеніе татарскому игу въ исторіи образованія московскаго государства и пользуется въ своемъ изложеніи исторіи этого государства трудами гг. Чичерина, Костомарова и Пыпина.

Вслѣдъ за книгой Лёруа-Больё, г. Кояловичъ нападаетъ на «Живописную Россію», издаваемую книгопродавческою фирмою Вольфа. Нападенія эти направлены въ данномъ случаѣ противъ г. Киркора за его историческій очеркъ Литвы и Бѣлоруссіи. Г. Киркоръ обвиняется за то, что указываетъ на самобытность литовскаго народа и бѣлорусской отрасли народа русскаго и признаетъ нѣкоторое вліяніе на Литву и Бѣлоруссію польско-католической цивилизаціи. Такое признаніе для г. Кояловича представляется, разумѣется, проявленіемъ тайной польской «интриги» и политическимъ сепаратизмомъ. Но даже, становясь на точку зрѣнія г. Кояловича, если признать воззрѣнія г. Киркора тенденціозными и не вытекающими изъ исторической дѣйствительности, то почему г. Кояловичъ не сгруппировалъ въ одно цѣлой массы тенденціозно-историческихъ писаній съ польской точки зрѣнія по исторіи русскаго западнаго и югозападнаго края и не подвергъ ихъ серьезной исторической критикѣ, а ограничился разсмотрѣніемъ статьи одного г. Киркора, помѣщенной въ изданіи не спеціально-историческомъ? Такихъ историческихъ писаній особенно много появлялось съ конца 50-хъ годовъ, передъ послѣднимъ польскимъ повстаньемъ и во время его, и тогда противъ этихъ писаній г. Кояловичъ боролся съ честью и съ достоинствомъ. Въ этихъ писаніяхъ было дѣйствительно тенденціозное искаженіе исторической истины и разсмотрѣть ихъ съ достаточной полнотой лучше другихъ могъ бы г. Кояловичъ.

Заключительная XXII-я глава, подъ заглавіемъ: «Господство сравнительнаго пріема при изученіи исторіи», посвящена разсмотрѣнію «Исторіи русской церкви» г. Голубинскаго и «Боярской Думы» В. О. Ключевскаго. Роль церкви въ исторической жизни Россіи на столько важна и велика, что ставить всѣ труды по русской церковной исторіи, начиная съ прошлаго вѣка, лишь для полемическихъ цѣлей просто немыслимо. Между тѣмъ, г. Кояловичъ, какъ видно, понимаетъ это дѣло иначе. Весь ходъ изученія русской церковной исторіи излагается имъ для доказательства несостоятельности ученыхъ пріемовъ профессора Голубинскаго въ его «Исторіи русской церкви». Въ этомъ обзорѣ, занимающемъ всего 3½ печатныхъ страницы, характеризуются общими фразами такіе капитальные труды но русской церковной исторіи, какъ полные курсы по этому предмету архіепископа Филарета и митрополита Макарія, причемъ послѣднему громадному 12-титомному труду отведено всего только 9½ строчекъ. Приводимъ цѣликомъ этотъ краткій и неясный отзывъ о такой книгѣ, которая среди новѣйшихъ историческихъ трудовъ по достоинству своему занимаетъ мѣсто наравнѣ съ «Исторіей государства Россійскаго» Карамзина и «Исторіей Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева.

Вотъ подлинныя слова г. Кояловича о преосв. митрополитѣ Макаріи:

«Въ исторіи митрополита Макарія, хотя также, какъ и въ исторіи Филарета, мы не видимъ ясно русскаго общества; но у митрополита Макарія видны попытки внести хотя нѣкоторый свѣтъ въ эту область. У митрополита Макарія главы: состояніе вѣры и нравственности, часто гораздо содержательнѣе, чѣмъ у архіепископа Филарета, а также болѣе выдержаны помогающія этому рубрики: отношеніе русской церкви къ другимъ церквамъ и обществамъ. Наконецъ, все это восполняется многочисленными памятниками, то приведенными въ подлинномъ видѣ, то въ подробномъ пересказѣ» (стр. 513).

Объ остальныхъ почтенныхъ трудахъ архіепископа Филарета и митрополита Макарія не упоминается вовсе. «Обзоръ русской духовной литературы» и «Русскіе святые» пр. Филарета признаются, очевидно, г. Кояловичемъ сочиненіями, не заслуживающими вниманія; ни о первомъ историческомъ трудѣ митр. Макарія, доставившемъ ему кресло въ академіи наукъ, «Исторія христіанства въ Россіи до равноапостольнаго князя Владиміра», ни о послѣднемъ, предсмертномъ его сочиненіи о патріархѣ Никонѣ (М. 1881 г.)— ни слова! Важнѣйшіе труды одного изъ выдающихся историковъ русской церкви, профессора Казанской духовной академіи П. В. Знаменскаго, перечислены, но съ довольно строгими замѣчаніями автору за то, что онъ «слишкомъ много даетъ значенія умственному началу (!?) въ религіозной жизни русскаго народа». Монографическіе труды по русской церковной исторіи совершенно игнорируются г. Кояловичемъ. Между тѣмъ сколько важныхъ вопросовъ по исторіи русской церкви разработано нашими учеными, начиная съ 50-хъ годовъ текущаго столѣтія. Достаточно указать на изученіе раскола старообрядства, полемики южно-русскихъ и западно-русскихъ дѣятелей съ римскимъ католицизмомъ, исторію иновѣрныхъ исповѣданій въ Россіи, исторію духовнаго просвѣщенія и духовенства, какъ сословія. Гдѣ почтенныя имена Н. И. Субботина, А. С. Павлова, А. И. Чистовича, М. Г. Горчакова, Ю. Ѳ. Самарина, Н. И. Петрова и многихъ другихъ? Графъ Д. А. Толстой, авторъ замѣчательнаго изслѣдованія по исторіи римскаго католицизма въ Россіи, и о. Морошкинъ, писавшій объ іезуитахъ въ Россіи, едва упомянуты въ примѣчаніи на 357 стр. Какъ бы взамѣнъ этихъ, на нашъ взглядъ, важныхъ упущеній, г. Кояловичъ заканчиваетъ свою книгу длиннымъ спискомъ своихъ собственныхъ сочиненій.

III.

При разсмотрѣніи ученыхъ трудовъ русскихъ историковъ, г. Кояловичъ останавливается только на такихъ вопросахъ, которые ему нужны для его предвзятыхъ воззрѣній, а вовсе не на дѣйствительно-научныхъ заслугахъ историковъ и добытыхъ ими научныхъ результатахъ. Хотя онъ нерѣдко приводитъ подлинныя мѣста изъ ихъ сочиненій, но эти выписки дѣлаются имъ для доказательства его воззрѣній, а не разсматриваемаго имъ писателя. Г. Кояловичъ, въ большинствѣ случаевъ, не дѣлаетъ ученаго анализа важнѣйшихъ сочиненій историка и, пытаясь давать общую характеристику историческихъ писателей, даетъ вмѣсто того какіе-то «взглядъ и нѣчто» по ихъ поводу, не вытекающіе изъ ихъ научныхъ воззрѣній и заслугъ, а заключающіе въ себѣ собственные домыслы г. Кояловича, для подтвержденія которыхъ приводятся имъ иногда отрывочныя выдержки изъ сочиненій историческихъ писателей и изъ обстоятельствъ ихъ жизни.

Г. Кояловичъ смотритъ на реформу Петра Великаго съ извѣстной точки зрѣнія славянофиловъ, а потому и къ дѣятельности первыхъ академиковъ-нѣмцевъ на поприщѣ русской исторіи относится весьма неодобрительно.

«Съ Петровскихъ временъ,—говоритъ онъ,—мы видимъ два направленія въ разработкѣ русской исторіи. Старое направленіе упорно и долго продолжается, и для него Синопсисъ служитъ руководящимъ трудомъ. Новое направленіе поражаетъ сначала совершенною безжизненностью, а затѣмъ неестественнымъ направленіемъ въ область отдаленныхъ, малоплодныхъ изслѣдованій о призваніи князей, изслѣдованій приносившихъ одну пользу,—ознакомленіе съ общими научными пріемами науки. Наконецъ, оба эти направленія иногда объединялись и сила русскаго чувства и русскаго таланта выражалась въ такихъ историческихъ трудахъ, въ которыхъ совмѣщались и русское пониманіе дѣла и западно-европейская научность. Разрывъ Петра съ прошедшимъ былъ великимъ ударомъ и для изученія русской исторіи, и послѣдствій этого удара не могъ исправить даже геній нашего преобразователя» (стр. 97—98).

Г. Кояловичъ упрекаетъ К. Н. Бестужева-Рюмина за то, что онъ въ своемъ курсѣ русской исторіи ведетъ научную разработку русской исторіи только со времени Петра и отцемъ русской исторіи признаетъ извѣстнаго ученаго русскаго историка Г. Ф. Мюллера. Изслѣдованія Байера по древнѣйшей русской этнографіи и по вопросу о происхожденіи варяговъ, которыхъ Байеръ, какъ извѣстно, производилъ отъ скандинавовъ, г. Кояловичъ считаетъ преднамѣреннымъ дѣяніемъ со стороны этого ученаго для доказательства происхожденія русской государственности и русской культуры изъ германскаго міра.

«Этотъ результатъ научныхъ изслѣдованій отвѣчалъ основному плану петровскихъ преобразованій,—говоритъ г. Кояловичъ,—но онъ былъ еще болѣе результатомъ нѣмецкихъ національныхъ вожделѣній касательно Россіи. Что же касается научности этого результата, то, какъ увидимъ ниже, ея здѣсь было меньше всего при всемъ богатствѣ ученыхъ пріемовъ Байера. Результатъ этотъ былъ даже крайне вреденъ наукѣ русской исторіи, потому что авторитетно отрѣзывалъ путь къ изученію того же предмета съ русской точки зрѣнія» (стр. 100).

Преемникъ Байера въ академіи наукъ Мюллеръ удостоивается похвалы отъ г. Кояловича за то, что «былъ менѣе гордъ, чѣмъ Байеръ въ своемъ нѣмецкомъ сознаніи, болѣе податливъ на обрусеніе». Но рядомъ съ этимъ г. Кояловичъ считаетъ Мюллера менѣе даровитымъ и гораздо менѣе ученымъ, чѣмъ Байера (?!) Характеристикѣ исторіографической дѣятельности Мюллера отводится неполная страница; затѣмъ данныя относительно разныхъ спеціальныхъ трудовъ Мюллера по русской исторіи разбросаны во многихъ мѣстахъ книги г. Кояловича (стр. 38, 105, 109 — 124, 132, 133, 144, 148, 149, 194, 230, 476 и 495). Г. Кояловичъ одобряетъ Мюллера за его хлопоты по изданію исторіи Татищева и другихъ русскихъ историческихъ памятниковъ, но не одобряетъ его за рѣчь «о происхожденіи народа и имени россійскаго» и за вызовъ въ академію Шлёцера. Въ извѣстномъ спорѣ по поводу рѣчи Мюллера онъ становится на сторону Ломоносова. Судя по отзывамъ г. Кояловича о Мюллерѣ, можно полагать, что онъ не только не просмотрѣлъ въ подлинникѣ ни одного изъ историческихъ сочиненій Мюллера, но даже какъ слѣдуетъ не прочелъ извѣстныхъ монографій о немъ: С. М. Соловьева, помѣщенной въ «Современникѣ» за 1854 г. (т. XLVII, отд. II, стр. 115—150), и акад. П. П. Пекарскаго (Ист. акад. наукъ, т. I, стр. 308—430) и статьи В. А. Милютина о «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» въ «Современникѣ» 1851 г. (т. XXV и XXVI).

Мюллеръ, приходившій въ восторгъ отъ полноты русскихъ историческихъ источниковъ, посвятившій всю свою жизнь на собираніе и обработку этихъ источниковъ, распространявшій свѣдѣнія по русской исторіи въ Западной Европѣ и въ Россіи посредствомъ двухъ періодическихъ изданій, впервые приложившій требованія строгой исторической критики къ источникамъ и явленіямъ русской исторіи,—такой человѣкъ вполнѣ заслуживаетъ быть названнымъ отцемъ русской исторической науки и его дѣятельность должна рельефно выступать въ обзорѣ русской исторіографіи, чтобы читатель могъ себѣ ясно и отчетливо представить ученыя заслуги этого сухаго, несимпатичнаго въ личныхъ сношеніяхъ, но глубоко образованнаго и по истинѣ честнаго нѣмца. Не говоря уже о массѣ собранныхъ Мюллеромъ матеріаловъ, изъ которыхъ множество еще до сихъ поръ не издано, воззрѣнія его на многія явленія русской исторіи, высказанныя полтораста лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ удержались въ нашей наукѣ: очеркъ исторіи и государственнаго строя Новгорода Великаго, характеристика Іоанна III, Бориса Годунова и перваго Лжедмитрія—все это, выразимся словами С. М. Соловьева, «перешло изъ книгъ Мюллера въ русскія историческія сочиненія XIX вѣка».

Какъ противоположность нѣмцамъ-академикамъ, является у г. Кояловича Татищевъ. Если уже нужно непремѣнно отыскивать отца русской исторіи,— говоритъ г. Кояловичъ, — то таковымъ былъ Татищевъ, человѣкъ съ несомнѣнными признаками богатырскихъ силъ и богатырскихъ замысловъ.

«Въ немъ,—продолжаетъ г. Кояловичъ,—совмѣстились и старое и новое направленіе въ изученіи нашего прошедшаго, и онъ первый поставилъ такія широкія задачи для исторіи Россіи, до какихъ не додумывался ни одинъ нашъ ученый иноземецъ прошедшаго столѣтія, не исключая самого Шлёцера» (стр. 101).

Съ такимъ воззрѣніемъ на Татищева, конечно, согласится всякій, кто только знакомъ съ его учеными трудами, но г. Кояловичъ забываетъ два очень важныхъ обстоятельства: 1) что Татищевъ за свои историческія и религіозныя воззрѣнія былъ прозванъ его современниками-охранителями «аѳеистомъ» и 2) что «Исторія Россіи» Татищева тридцать лѣтъ послѣ своего написанія лежала подъ спудомъ и увидала свѣтъ Божій благодаря нѣмцу Мюллеру, начавшему издавать ее въ 1768 г., восемнадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Татищева. Слѣдовательно, большинство современниковъ Татищева было совершенно незнакомо съ его замѣчательнымъ трудомъ. Нельзя не поставить также въ укоръ г. Кояловичу, что, очевидно, симпатизируя историческимъ воззрѣніямъ Татищева, онъ излагаетъ эти воззрѣнія гораздо полнѣе, чѣмъ несимпатичныя ему воззрѣнія Мюллера. Для объясненія воззрѣній Татищева г. Кояловичъ касается данныхъ изъ его жизни, пытаясь, совершенно основательно, объяснить ими оригинальность его взглядовъ. Но если такой пріемъ допущенъ относительно Татищева, то отчего онъ не приложимъ къ Мюллеру. Тѣмъ не менѣе истинное значеніе воззрѣній Татищева не выяснено: его своеобразный взглядъ на исторію, его воззрѣнія религіозныя, философскія и политическія, положенныя имъ въ основаніе его историческихъ сужденій, нигдѣ не указаны и параллель Татищева съ Посошковымъ (стр. 106 и 108) является какимъ-то мало понятнымъ для читателей вставочнымъ эпизодомъ. Все умоначертаніе Татищева освѣщено у г. Кояловича невѣрнымъ свѣтомъ. Изъ страницъ, посвященныхъ обзору дѣятельности Татищева, читатель, незнакомый съ этимъ умоначертаніемъ, никакъ не догадается, что Татищевъ, усвоивъ воззрѣнія западно-европейскихъ мыслителей XVIII в.,

отрицательно относился къ древне-московской, до-петровской культурѣ и съ предубѣжденіемъ и весьма рѣзко отзывался о роли и дѣятельности православнаго русскаго духовенства. Татищевъ былъ западникомъ XVIII в., выражавшимъ свои воззрѣнія несравненно смѣлѣе, чѣмъ выражали ихъ русскіе послѣдователи тѣхъ же идей XIX в.

Совершенно въ такомъ же неправильномъ освѣщеніи, но болѣе пространно изложены историческія воззрѣнія Шлёцера, кн. Щербатова и Болтина (гл. VI и VII). Особенно долго останавливается г. Кояловичъ (стр. 121—124) на отзывахъ Шлёцера о предшествовавшихъ ему трудахъ по русской исторіи, причемъ Шлёцеру ставятся чуть не въ политическое преступленіе его рѣзкіе отзывы объ историкахъ Россіи русскаго происхожденія. Г. Кояловичъ считаетъ Шлёцера положительнымъ врагомъ русской народности и прямо признаетъ его крайне-политически неблагонадежнымъ (!!?—подлинное выраженіе г. Кояловича, см. стр. 124). Развѣ это оцѣнка такого замѣчательнаго мыслителя, политическаго дѣятеля и ученаго XVIII в., какимъ является Шлёцеръ и въ Россіи, и въ Германіи!

Отзывы Шлёцера объ историкахъ Россіи русскаго происхожденія, писавшихъ до него, правда, очень рѣзки и во многихъ отношеніяхъ несправедливы; но при оцѣнкѣ ихъ не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что историки Россіи изъ русскихъ XVIII в. были не ученые въ строгомъ смыслѣ слова, не исключая даже и такого дѣйствительно ученаго въ области естествознанія, каковъ былъ Ломоносовъ (въ области исторіи онъ былъ диллетантъ). Многообъемлющая, почти энциклопедическая ученость Шлёцера, конечно, не могла примириться съ иными очень наивными пріемами въ дѣлѣ исторической критики русскихъ диллетантовъ-историковъ. Шлёцеръ вынесъ изъ Геттингена твердыя основы для историческаго изученія и своимъ «Несторомъ» и теоріей скандинавскаго происхожденія варяговъ надолго опредѣлилъ методъ историческаго изученія двухъ главнѣйшихъ, существенныхъ вопросовъ древней русской исторіи: нервоначальной нашей лѣтописи и древнѣйшей русской культуры. На сколько вѣрны были воззрѣнія Шлецера — это другой вопросъ; но установленный имъ методъ исторической критики поколебленъ только въ наши дни, благодаря успѣхамъ славянской филологіи, сравнительнаго языковѣдѣнія и болѣе тщательному изученію древнѣйшихъ русскихъ лѣтописей. Не слѣдуетъ забывать при разсмотрѣніи ученыхъ трудовъ Шлёцера, что если съ одной стороны, благодаря ему, установилось позорное обвиненіе Татищева въ подлогѣ источниковъ, то съ другой стороны его критическимъ пріемамъ слѣдовали такіе историки, какъ Карамзинъ, Погодинъ и Устряловъ. Шлёцеръ, какъ нѣмецъ, не понялъ должнымъ образомъ основъ славянской культуры, онъ слишкомъ много придалъ значенія въ древне-русской культурѣ элементамъ германскому и византійскому — это такъ. Но изъ-за этого нельзя не преклониться передъ его тридцатилѣтнимъ усидчивымъ трудомъ надъ нашимъ первымъ лѣтописцемъ, изслѣдованіе о которомъ является образцовымъ историко-критическимъ трудомъ для второй половины XVIII в. Сравненіе Шлёцера съ Бирономъ, которое излагаетъ г. Кояловичъ на 129—130 стр., е вытекаетъ изъ сущности вопроса.

Князя Щербатова, этого ригориста-порицателя испорченности нравовъ XVIII вѣка, идеализировавшаго московскую Русь, рѣшительно не узнаешь въ блѣдномъ наброскѣ г. Кояловича. Болтинъ, предтеча позднѣйшихъ славянофиловъ, на котораго съ своей точки зрѣнія долженъ былъ бы обратить

особенное вниманіе г. Кояловичъ, столь же старательно извращенъ подъ его перомъ. Разсмотрѣнію его трудовъ г. Кояловичъ отводитъ 10 страницъ, но и въ этомъ сравнительно довольно большомъ обзорѣ г. Кояловичъ не схватываетъ дѣйствительныхъ характеристическихъ и весьма почтенныхъ сторонъ этого замѣчательнаго историка-полемиста XVIII вѣка. Вотъ, напримѣръ, какъ характеризуетъ г. Кояловичъ исторіографическіе пріемы Болтина въ его извѣстныхъ нападеніяхъ на книгу Леклерка.

«Подобно авторамъ Синопсиса, Ядра россійской исторіи, и подобно Ломоносову, Болтинъ самою задачею своего труда вызванъ былъ возстановлять честь и достоинство Россіи. Но онъ этого достигалъ не выборомъ выдающихся фактовъ и силою роднаго чувства, а указаніемъ на самобытныя особенности русской жизни, достойныя вниманія всякаго образованнаго человѣка. Онъ побѣдоносно доказываетъ культурность древняго русскаго человѣка такими неопровержимыми данными, какъ договоры Олега и Игоря, доказывающіе и существованіе организованныхъ у насъ сословій, и правосудіе, и торговую международную регламентацію. При этомъ взглядѣ призваніе князей, хотя бы-то чужихъ (изъ Финляндіи, согласно Татищеву), не имѣло уже для Болтина рѣшающаго значенія. Онъ ихъ сближаетъ съ русскими внутренними общими особенностями, сходствомъ культуры, какъ сосѣдей. На всѣ вопросы, выдвигаемые Леклеркомъ въ доказательство того, что русская культура плоха, развивалась дурно и что Россія должна разрушиться, Болтинъ отвѣчаетъ съ одинаковою силою знанія и русскаго убѣжденія. Онъ открываетъ доблести князей удѣльнаго періода, силу и разумность областнаго при нихъ самоуправленія. Онъ показываетъ, какъ Русь спаслась отъ погибели при татарахъ превосходствомъ своей культуры и тѣмъ, что съумѣла побороть областные раздоры, собраться воедино и, собравшись, свергнуть татарское иго. Въ этомъ онъ усматриваетъ естественность и заслуги единодержавія. Но онъ еще глубже понимаетъ единодержавіе. Въ одномъ мѣстѣ, сказавъ, что до татарскаго ига наши «князья имѣли власть недеспотическую, что народъ имѣлъ соучастіе съ вельможами въ правленіи и что опредѣленія народа были важны и сильны...»—Болтинъ продолжаетъ: «Русскіе (когда соединились области и сошлись разнородные элементы) опытомъ познали, что власть единаго несравненно есть лучшая, выгоднѣйшая и полезнѣйшая какъ для общества, такъ и для каждаго особенно, нежели власть многихъ. Они удостовѣрены были, что монархія въ обширномъ государствѣ предпочтительнѣе аристократіи, которая обыкновенно теряетъ время въ спорахъ и не можетъ имѣть видовъ смѣлыхъ». Въ одномъ изъ примѣчаній къ этому разсужденію Болтинъ приводитъ такое оправданіе самодержавія, которое почти буквально приводилось въ наши недавніе дни въ газетѣ «Русь» и въ нѣкоторыхъ другихъ газетахъ. «Опытъ доказалъ, говоритъ Болтинъ, что безъ единоначальства всякое политическое тѣло не имѣетъ надлежащія соразмѣрности. Ежели при нерадивомъ, при неспособномъ государѣ ослабѣваетъ правленіе, при другомъ паки поправится, паки придетъ въ прежнюю силу; республика-жъ ослабѣвшая никогда не поправится, никогда не оживотворится. Болѣзни монархическія суть мимоходящія, легкія; а болѣзни республиканскія — тяжкія и неисцѣлимыя». Историческое оправданіе и историческую живучесть громадной, единодержавной Россіи Болтинъ доказываетъ русскими климатическими особенностями, требующими много земли, великимъ удобствомъ имѣть много свободной земли и легко колонизироваться въ своей собственной странѣ и превосходствомъ большаго, сильнаго русскаго народа надъ большинствомъ русскихъ инородцевъ. Наконецъ, Болтинъ переноситъ то и дѣло рѣшеніе этихъ вопросовъ въ область всемірной исторіи, и сравнительнымъ путемъ разрушаетъ мрачный взглядъ Леклерка на русскую цивилизацію и русскую будущность. Онъ показываетъ, на сколько проще и прочнѣе русская колонизація казаками, торговцами, крестьянами, колонизаціи римской при посредствѣ легіоновъ. Онъ показываетъ, какими жестокостями и истребленіемъ ознаменована западно-европейская исторія сравнительно съ русскою, имѣющею собственно одного тирана — Іоанна IV. Особенно сильно онъ поражаетъ съ этой стороны Леклерка за его восхваленія успѣховъ иноземцевъ во времена са-

мозванцевъ. Болтинъ указываетъ, какъ эти прославляемые Леклеркомъ иноземцы сознательно нарушили миръ Россіи безъ всякаго повода съ ея стороны, какъ они ввели въ нее завѣдомаго обманщика и сколько беззаконій совершили на русской землѣ. Болтинъ даже рѣшился спуститься въ самую глубь русской исторической жизни, въ глубь народа, т. е. въ такую область, гдѣ дѣйствительно нѣтъ мѣста превосходству Западной Европы передъ Россіей. Въ одномъ мѣстѣ, показывая силу и прочность расширенія русской державы, онъ указываетъ на то, что въ прежде присоединенной Малороссіи и недавно тогда присоединенной Бѣлоруссіи, — этихъ старыхъ русскихъ областяхъ, — народъ русскій самъ стремится къ Россіи и самъ постоитъ за себя въ борьбѣ съ врагами» (стр. 135—137).

Изъ этой обширной выписки читателямъ, надѣемся, дѣлаются совершенно ясными собственныя историческія воззрѣнія г. Кояловича и то, что онъ принимаетъ за мѣрило достоинствъ и недостатковъ историческихъ писателей.

Изъ историковъ XIX вѣка всего болѣе мѣста отведено въ книгѣ г. Кояловича Карамзину, Соловьеву, Кавелину и Ключевскому. Обзоръ славянофильскаго ученія въ русской исторіи занимаетъ также довольно много мѣста въ книгѣ г. Кояловича и мы на этотъ разъ съ особымъ удовольствіемъ заявляемъ, что этотъ обзоръ составленъ г. Кояловичемъ весьма обстоятельно и правдиво. Не останавливаясь на столь всѣмъ хорошо извѣстномъ ученіи славянофиловъ, мы не можемъ не посѣтовать на г. Кояловича за то, что онъ, имѣя все основаніе считать себя послѣдователемъ и сторонникомъ славянофиловъ, не взялъ основателей этого ученія К. С. Аксакова, братьевъ Кирѣевскихъ, А. С. Хомякова и Ю. Ѳ. Самарина за образецъ того, какъ слѣдуетъ относиться къ своимъ противникамъ.

О К. Д. Кавелинѣ мы уже говорили выше, а потому здѣсь посмотримъ только, какъ г. Кояловичъ относится къ остальнымъ историкамъ русскимъ XIX вѣка.

Симпатіи г. Кояловича всецѣло на сторонѣ Карамзина, въ которомъ онъ восторгается не столько его критическими пріемами изслѣдованія, методомъ изложенія, сколько политическими воззрѣніями, проводимыми въ «Исторіи государства Россійскаго» и въ политическихъ запискахъ Карамзина. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на неодинаковое отношеніе г. Кояловича къ разсматриваемымъ имъ писателямъ. Политическія записки Татищева и князя Щербатова не менѣе политическихъ записокъ Карамзина важны для опредѣленія политическихъ и историческихъ ихъ воззрѣній; между тѣмъ, объ этихъ запискахъ онъ не говоритъ ни слова. Игнорируетъ ихъ г. Кояловичъ потому, что записки Татищева и князя Щербатова совершенно иного характера, чѣмъ записки Карамзина, и, пользуясь ими, никакъ нельзя прійдти къ такому заключенію о Татищевѣ и князѣ Щербатовѣ, къ какому пришелъ г. Кояловичъ. Карамзинъ, являясь подъ перомъ г. Кояловича образцомъ національнаго русскаго историка, тѣмъ не менѣе, также, какъ и К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, вызываетъ упрекъ со стороны г. Кояловича.

«Извѣстно, что даже неважныя болѣзни отзываются впослѣдствіи, нерѣдко совсѣмъ неожиданно, — говоритъ Кояловичъ. — Такъ и въ Карамзинѣ отзывалось иногда его старое увлеченіе западно-европейскими воззрѣніями. Мы видѣли, какъ много онъ излечился отъ этой болѣзни, по мѣрѣ того, какъ углублялся въ область нашего прошедшаго и оживалъ русскою душою; но когда онъ выходилъ изъ этой глубины нашего прошедшаго на поверхность своей современности, гдѣ преобладающимъ направленіемъ было увлеченіе западно-европейскими воззрѣніями, онъ, самъ того не сознавая, воскрешалъ въ себѣ эти воззрѣнія, даже въ борьбѣ съ ними. Остатки старой болѣзни, пови-

димому, изгнанной изъ его существа, оживали отъ міазмовъ окружавшей его современности, когда онъ входилъ въ нее. Въ этихъ случаяхъ, Карамзинъ, столь близкій, какъ мы видѣли, къ воззрѣніямъ славянофиловъ, жестоко удалялся отъ этихъ воззрѣній. Никакой сознающій себя послѣдовательный славянофилъ не могъ разсуждать такъ ни о дворянствѣ, ни о крестьянствѣ... Но нужно сказать въ извиненіе Карамзина: нѣтъ основаній думать, чтобы онъ сознательно дѣлалъ подобныя отступленія отъ старыхъ русскихъ воззрѣній. Никогда не нужно забывать слѣдующей дорогой особенности Карамзина, — онъ, даже падая, падалъ честно, никогда не измѣнялъ любви къ Россіи и никогда не задумывался смирить и уничтожить свое я, когда приходилось сопоставлять его съ благомъ Россіи. «Любя отечество, заканчиваетъ Карамзинъ свою записку 1811 года, любя монарха, я говорилъ искренно. Возвращаюсь къ безмолвію вѣрноподданнаго съ сердцемъ чистымъ, моля Всевышняго: да блюдетъ царя и царство россійское» (стр. 187).

При изложеніи историческихъ и политическихъ мнѣній Карамзина, г. Кояловичъ, руководствуясь извѣстной о немъ книгой Погодина, излагаетъ довольно подробно его біографію, которой и объясняетъ многія его воззрѣнія. Приступая къ разсмотрѣнію исторической теоріи Соловьева, г. Кояловичъ совсѣмъ не касается обстоятельствъ жизни г. Соловьева, изъ которыхъ онъ могъ бы почерпнуть точно такое же объясненіе для его теоріи, какъ и для мнѣній Карамзина. Разсмотрѣніе «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» С. М. Соловьева ставитъ г. Кояловича въ большое затрудненіе. Затрудненіе это опредѣляется цѣльностью и стойкостью ученыхъ воззрѣній Соловьева. Соловьевъ прежде всего историкъ русской государственности, слѣдовательно въ этомъ отношеніи прямой послѣдователь Карамзина, но съ другой стороны, онъ же является главнѣйшимъ установителемъ ученія о развитіи въ древнерусской жизни такъ называемаго родоваго быта и горячимъ поклонникомъ преобразовательной дѣятельности Петра Великаго. Логически и стройно проводитъ С. М. Соловьевъ черезъ всю русскую исторію принципъ государственности, принципъ единодержавія, въ которомъ видитъ могучую прогрессивную историческую силу. Но онъ видитъ эту силу, не рожденную вдругъ во всемъ своемъ развитіи, какъ Карамзинъ, а какъ всякое историческое явленіе и государственность русская развивается у Соловьева постепенно. Государственности предшествуетъ кровно-патріархальный, родовой бытъ, который весьма долго, цѣлыя столѣтія, опредѣляетъ собою всѣ общественныя отношенія русскаго народа. Этотъ родовой бытъ продолжаетъ жить и развиваться параллельно съ государственнымъ началомъ и, вступая съ нимъ въ борьбу, долго задерживаетъ его торжество. Государственныя воззрѣнія впервые сознаются вполнѣ Іоанномъ III, а окончательное торжество ихъ является только при Петрѣ Великомъ. Реформа Петра Великаго есть исторически-логическій результатъ всего предшествовавшаго развитія русской исторіи и неизбѣжный историческій фактъ, который Соловьевъ принимаетъ со всѣми его послѣдствіями. Вотъ въ самыхъ общихъ чертахъ воззрѣніе Соловьева на весь ходъ русской исторіи. Понятно, что оно ставитъ г. Кояловича въ большое затрудненіе. За роль въ историческомъ развитіи Россіи государственнаго начала г. Соловьеву воздается большая похвала, но за родовое начало и за Петра Великаго высказывается порицаніе. Но г. Кояловичъ хочетъ тщательно скрыть такую, такъ сказать, двойственную діаметрально-противоположную оцѣнку Соловьева, а потому считаетъ необходимымъ въ разныхъ мѣстахъ той главы, гдѣ идетъ рѣчь о г. Соловьевѣ, обратиться къ автору «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» съ нѣсколькими хвалебными отзывами самаго общаго

характера и указать на тѣ мѣста его «Исторіи», гдѣ онъ недоброжелательно отзывается о нѣмцахъ-правителяхъ Россіи послѣ Петра Великаго. За то тщательно избѣгаетъ г. Кояловичъ приводить тѣ мысли изъ сочиненій С. М. Соловьева, которыя говорятъ не въ его пользу: недаромъ онъ ограничивается разсмотрѣніемъ только 29 томовъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», едва упоминая объ остальныхъ трудахъ С. М. Соловьева, а объ иныхъ и вовсе умалчивая. С. М. Соловьевъ, нападая рѣзко на такихъ нѣмцевъ, какъ Левенвольде и Биронъ, совсѣмъ иначе отзывается о такихъ, какъ Мюллеръ и Шлёцеръ; отдавая должное Ломоносову, онъ не считаетъ его, какъ г. Кояловичъ, образцовымъ историкомъ и не восхищается историческими воззрѣніями Синопсиса. Между тѣмъ, справедливое и безпристрастное разсмотрѣніе всѣхъ историческихъ трудовъ С. М. Соловьева дѣйствительно было бы дѣломъ величайшей важности въ такой книгѣ, какой является по своему замыслу книга г. Кояловича. Не забудемъ, что Соловьевъ первый изъ русскихъ историковъ заявилъ печатно, что исторія народа есть самосознаніе; онъ одинъ изъ весьма немногихъ русскихъ историковъ, которому посчастливилось обозрѣть весь ходъ русской исторіи отъ древнѣйшихъ извѣстій грековъ и римлянъ о восточной Европѣ до Александра I включительно. Кромѣ 29-ти томовъ «Исторіи Россіи», Соловьевъ оставилъ намъ слишкомъ 140 ученыхъ статей, правда разнаго объема и достоинства, но въ числѣ этихъ статей, на ряду съ бѣглыми замѣтками и краткими комментаріями къ матеріаламъ, находятся цѣлыя книги. С. М. Соловьевъ впадалъ въ своей исторической теоріи въ большія крайности. Преувеличенное значеніе родоваго начала въ русской жизни, игнорированіе общиннаго и вѣчеваго начала въ до-московской Руси, отрицаніе московскаго завоеванія и начала государственности въ другихъ, кромѣ Москвы, областяхъ русской земли, преувеличенный взглядъ на дѣятельность Петра Великаго — вотъ самые крупные недостатки его исторической теоріи. Но никто, даже изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ Соловьева, не упрекнетъ его въ намѣренномъ извращеніи фактовъ, никто не упрекнетъ его въ отсутствіи добросовѣстности въ его ученыхъ изслѣдованіяхъ, въ непониманіи дѣйствительныхъ, самыхъ серьезныхъ и священныхъ требованій науки. С. М. Соловьевъ держалъ знамя русской исторической науки такъ же честно и грозно, какъ держали знамя объединенія Руси прославленные имъ «собиратели Руси». Если онъ впадалъ въ крайности въ сужденіяхъ, въ невѣрности въ выводахъ, — то онъ всегда былъ вѣренъ своему основному воззрѣнію, всегда строго-научно относился къ своимъ задачамъ. Онъ широко понималъ прошедшее и настоящее русскаго народа и считалъ нашъ народъ полнымъ и всецѣлымъ участникомъ обще-европейской цивилизаціи. Вотъ въ чемъ его неоспоримая и капитальная заслуга!

Къ историческимъ трудамъ Н. И. Костомарова (гл. XIX) г. Кояловичъ относится совершенно враждебно. Неправильно освѣщая такъ называемое украинофильство и федеративную теорію въ русской исторіи, г. Кояловичъ доходитъ до непозволительныхъ въ серьезномъ научномъ трудѣ инсинуацій относительно политическихъ воззрѣній высокоталантливаго и почтеннаго нашего маститаго художника-историка (см., напр., стр. 463—464). Отступленіе же на стр. 471—472 о неумѣстности для историка писать историческіе романы и драмы, направленное по адресу г. Костомарова, — представляется намъ отступленіемъ совершенно непонятнымъ. Историческій романъ и историческая драма имѣютъ весьма важное значеніе въ развитіи истори-

ческихъ воззрѣній въ обществѣ, но не въ обзорѣ исторіографіи слѣдуетъ разсматривать это значеніе, потому что если дѣло зашло объ историческихъ романахъ и драмахъ Н. И. Костомарова, то слѣдуетъ разсмотрѣть и всѣ вообще такія поэтическія произведенія, содержаніе которыхъ заимствовано изъ русской исторіи, но это задача русской литературы, а не обзора исторіографіи. Считаемъ излишнимъ высказывать здѣсь наше сужденіе объ историческихъ трудахъ Н. И. Костомарова: эти труды завоевали себѣ почетное мѣсто, ихъ знаетъ вся образованная Россія и мнѣніе о ихъ значеніи установилось прочно.

Двѣ слѣдующія затѣмъ главы (XX и XXI), въ которыхъ г. Кояловичъ разсматриваетъ труды К. Н. Бестужева-Рюмина и его ближайшихъ учениковъ, а также Д. И. Иловайскаго и И. Е. Забѣлина — мы оставляемъ безъ замѣчаній, хотя въ подробностяхъ во многомъ и не согласны съ г. Кояловичемъ. Оставляемъ мы ихъ безъ замѣчаній потому, что въ этихъ главахъ г. Кояловичъ, очевидно, симпатизирующій направленію названныхъ ученыхъ, разбираетъ ихъ воззрѣнія безъ запальчивости и раздраженія.

Историческія воззрѣнія В. О. Ключевскаго (гл. XXII) разсмотрѣны г. Кояловичемъ гораздо безпристрастнѣе и научнѣе, чѣмъ мнѣнія большей части русскихъ историковъ XVIII и XIX вѣковъ. Книга г. Ключевскаго о боярской думѣ является столь важнымъ ученымъ трудомъ, который положительно составляетъ эпоху въ русской исторіографіи. Разрѣшая съ новой точки зрѣнія вопросы, уже почитавшіеся вполнѣ разрѣшенными, г. Ключевскій ставитъ много новыхъ вопросовъ, давая имъ весьма оригинальное рѣшеніе, и представляетъ рядъ очень удачныхъ гипотезъ. Провѣрить критически новыя рѣшенія и гипотезы г. Ключевскаго, изучить вполнѣ поставленные имъ вопросы — есть долгъ ученой исторической критики, и вопросы и гипотезы, поставленныя г. Ключевскимъ, могутъ надолго служить темами для нѣсколькихъ спеціальныхъ изслѣдованій.

IV.

Уже изъ многаго, что сказано выше, ясно, въ какой мѣрѣ недостаточно знакомъ съ литературой русской исторіографіи г. Кояловичъ. Но мы отмѣтимъ еще весьма существенные его промахи, очень ощутительные въ обзорѣ хода изученія русской исторіи. На 2-й стр., напримѣръ, онъ говоритъ:

«Исторія науки русской исторіи, какъ нѣчто цѣлое, составляетъ весьма недавнее явленіе. Еще весьма недавно она читалась, какъ особый отдѣлъ русской исторіи, на сколько намъ извѣстно, почти только въ нашихъ духовныхъ академіяхъ. Даже покойный С. М. Соловьевъ, профессоръ русской исторіи въ Московскомъ университетѣ, излагалъ литературу только по частямъ въ разныхъ мѣстахъ своего курса исторіи, и то почти исключительно только тѣ ея части, которыя обнимаютъ первоначальные источники. Что онъ иногда читалъ особо литературу своей науки, объ этомъ мы узнаемъ изъ свидѣтельства бывшаго его студента К. Н. Бестужева-Рюмина и изъ того, что С. М. Соловьевъ напечаталъ по этому отдѣлу русской исторіи нѣкоторыя части объ историкахъ конца XVII и начала XVIII вв.».

Затѣмъ слѣдуютъ указанія на опыты изложенія русской исторіографіи г. Лашнюкова (Пособіе къ изученію русской исторіи. Кіевъ. 1870 г.) и Н. И. Костомарова (Лекціи по русской исторіи, обзоръ лѣтописей, Спб. 1862).

Для того, чтобы убѣдиться, на сколько справедливъ г. Кояловичъ съ фактической стороны во всемъ, что онъ говоритъ въ приведенной нами выпискѣ, мы просимъ читателей обратить вниманіе на слѣдующіе несомнѣнные факты.

Въ 1827 году, появилась въ Москвѣ, имѣющая мало значенія въ настоящее время, но замѣчательная, какъ первый опытъ изложенія русской исторіографіи, книга Зиновьева «О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической россійской исторіи». Черезъ десять лѣтъ, въ 1837 году, появляется весьма замѣчательный даже и для нашего времени очеркъ русской исторіографіи, принадлежащій перу весьма талантливаго и знающаго ученаго, много потрудившагося на поприщѣ русской исторіи, археологіи, географіи и этнографіи, который совершенно неизвѣстенъ г. Кояловичу. Онъ ни разу не упоминаетъ о немъ въ своей книгѣ. Мы разумѣемъ Н. И. Надеждина, извѣстнаго критика «Вѣстника Европы», издававшагося Каченовскимъ, и еще болѣе извѣстнаго редактора «Телескопа». Въ «Библіотекѣ для Чтенія» за 1837 г. напечатана его статья «Объ историческихъ трудахъ въ Россіи» (т. XX, отд. III, стр. 93—136). Въ 40-хъ годахъ, въ той же «Библіотекѣ для Чтенія» стали появляться статьи А. В. Старчевскаго «Очерки литературы русской исторіи до Карамзина», а затѣмъ и обзоръ историческихъ трудовъ Карамзина. Первое сочиненіе издано отдѣльно въ 1845 г., а второе въ 1849 г.

Смѣемъ думать, что вопросъ, затронутый въ 1827 году, т. е. пятьдесятъ четыре года тому назадъ, не можетъ быть названъ явленіемъ недавнимъ.

Читалась ли русская исторіографія въ дѣйствительно недавнее время въ духовныхъ академіяхъ Московской, С.-Петербургской и Кіевской, мы не знаемъ; но что она не читалась со времени учрежденія Казанской духовной академіи до 70-хъ годовъ текущаго столѣтія—это мы знаемъ положительно. Изъ «Введенія» въ подробную «Русскую Исторію» покойнаго Н. Г. Устрялова (первое изд. 1839 г., послѣднее, 5-е, 1855 г.) можно заключить, что онъ читалъ обзоръ исторіографіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ еще въ 30-хъ годахъ. Въ Казанскомъ университетѣ обзоръ исторіографіи читался въ 30-хъ и 40-хъ годахъ профессоромъ Н. А. Ивановымъ, что видно изъ отрывка изъ этого курса, напечатаннаго подъ несовсѣмъ точнымъ заглавіемъ: «Общее понятіе о хронографахъ» (Учен. зап. Казанск. универс. 1843 г., кн. II и III и отд. изд., о которомъ упоминаетъ самъ г. Кояловичъ на стр. 220 — 224). Если бы г. Кояловичъ съ должнымъ вниманіемъ прочелъ книгу К. Н. Бестужева-Рюмина (чего она вполнѣ заслуживаетъ) «Біографіи и характеристики», то онъ увидалъ бы, что въ Казанскомъ университетѣ занималъ каѳедру русской исторіи въ 50-хъ годахъ С. В. Ешевскій и читалъ тамъ обзоръ русской исторіографіи. Курсъ этотъ — вполнѣ научный и строго продуманный. К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, которому пишущій эти строки доставилъ одинъ изъ его списковъ еще въ концѣ 60-хъ годовъ, только потому не напечаталъ въ изданномъ имъ «Собраніи сочиненій С. В. Ешевскаго», что курсъ, записанный студентами, не былъ просмотрѣнъ профессоромъ (см. указанную книгу К. Н. Бестужева-Рюмина, стр. 317).

Преемникъ Ешевскаго по каѳедрѣ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, Н. А. Поповъ, въ концѣ 50-хъ годовъ также читалъ тамъ обзоръ русской исторіографіи. Въ «Московскомъ Обозрѣніи» (1859 г., кн. I) напечатана большая (132 стр., in 8°) и прекрасная статья, не подписанная, но, сколько намъ извѣстно, принадлежащая перу К. Н. Бестужева-Рюмина, «Современное состояніе русской исторіи, какъ науки», представляющая résumé тѣхъ воззрѣній, которыя высказывалъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ въ своихъ курсахъ по русской исторіографіи, читанныхъ имъ въ С.-Петербургскомъ уни-

верситетѣ въ 60-хъ годахъ. Почему не упомянулъ г. Кояловичъ изъ новѣйшихъ трудовъ по русской исторіографіи труда профессора Кіевскаго университета, В. С. Иконникова, печатавшагося въ «Ученыхъ Запискахъ» этого университета? Цѣлый рядъ (болѣе 20-ти историческихъ писателей) г. Кояловичъ игнорируетъ въ своей «Исторіи русскаго самосознанія». О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже говорили выше; припомнимъ здѣсь еще нѣсколько весьма важныхъ (чтобы не заслужить упрека въ придирчивости, мы опускаемъ менѣе важныхъ). Изъ академиковъ-нѣмцевъ Кругъ († 1844 г.), преемникъ Шлёцера, имѣлъ въ свое время большое вліяніе на изученіе не столько русской исторіи, сколько русскихъ древностей и нѣкоторыхъ вспомогательныхъ знаній при ихъ изученіи (исторической географіи, нумизматики, хронологіи). Между тѣмъ, г. Кояловичъ говоритъ о немъ вскользь и, само собою, съ неодобреніемъ (стр. 167).

Въ 1837 году появилась «Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ» извѣстнаго Ѳаддея Булгарина. Четыре ея тома посвящены исторіи Россіи, которая доведена въ нихъ лишь до смерти Ярослава Владиміровича (1054 г.). Исторію эту писалъ не Булгаринъ, а Н. А. Ивановъ, тогда молодой магистръ, а вслѣдъ затѣмъ, профессоръ русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ. Эта исторія во многихъ отношеніяхъ весьма замѣчательна; между прочимъ, замѣчательна она попыткой изложить древнѣйшую русскую исторію въ связи съ событіями исторіи всѣхъ славянскихъ племенъ. Съ этой цѣлью излагается въ ней даже до-историческій періодъ славянъ, начиная съ великаго переселенія народовъ и затѣмъ древнѣйшая ихъ исторія до образованія самостоятельныхъ славянскихъ государствъ. Ученому русскому историку нельзя не знать этой книги, особенно историку, считающему себя, какъ г. Кояловичъ, истолкователемъ народнаго русскаго самосознанія.

Академикъ Н. Г. Устряловъ,—съ нами согласится и г. Кояловичъ,—достоинъ занять въ обзорѣ русской исторіографіи болѣе почетное мѣсто, чѣмъ нѣсколько упоминаній въ качествѣ издателя нѣкоторыхъ источниковъ и автора панегирической исторіи Петра Великаго, какъ это является въ книгѣ г. Кояловича. Не говоря уже про то, что изданія г. Устрялова были для его времени образцовыми въ научномъ отношеніи и что его «Исторія Петра Великаго» при своемъ появленіи вызвала цѣлую литературу и изданіе новыхъ источниковъ по исторіи Россіи при Петрѣ Великомъ — роль его въ смыслѣ систематика русской исторіи весьма почтенна. Онъ первый включилъ въ свою «Исторію Россіи» обзоръ исторія великаго княжества Литовскаго и представилъ въ этой исторіи, тенденціозной по воззрѣніямъ, вполнѣ логическую и легко-усвояемую систему расположенія внѣшнихъ событій русской исторіи отъ Рюрика до Николая Павловича включительно.

Почему, говоря о славянофилахъ, г. Кояловичъ такъ тщательно избѣгаетъ Ю. Ѳ. Самарина, этого глубоко-честнаго и высоко-образованнаго русскаго человѣка? Ю. Ѳ. Самаринъ можетъ служить образцомъ гармоническаго соединенія неподкупнаго, серьезнаго русскаго патріотизма съ громадной, научной эрудиціей. Во многихъ журнальныхъ статьяхъ, частью вошедшихъ въ его «Собраніе сочиненій»,—въ «Окраинахъ Россіи», въ «Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и Стефанѣ Яворскомъ», онъ высказываетъ столь глубокія воззрѣнія на особенности русскаго историческаго развитія, что игнорировать эти воззрѣнія въ книгѣ, претендующей быть исторіей русскаго самосознанія, никакимъ образомъ нельзя.

Точно также невольно удивляешься, что г. Кояловичъ пропустилъ, напримѣръ, такого крупнаго писателя по русской исторіи, археологіи и этнографіи, какъ профессоръ Московскаго, а затѣмъ Кіевскаго университета, М. А. Максимовичъ (р. 1804 † 1873 г.), сочиненія котораго изданы юго-западнымъ отдѣломъ императорскаго русскаго географическаго общества (Кіевъ, 1876—1880 г., три тома, in 8°). Максимовичъ названъ только г. Кояловичемъ одинъ разъ, мимоходомъ (стр. 456). Ни разу не упомянутъ весьма видный изслѣдователь мѣстной нижегородской исторіи и талантливый историкъ раскола П. И. Мельниковъ.

Совершенно пропущена также группа историческихъ писателей, самое возникновеніе которыхъ весьма знаменательно. Мы разумѣемъ тѣхъ изслѣдователей новой русской исторіи XVIII и XIX вѣковъ, главнымъ образомъ по неизданнымъ архивнымъ источникамъ, которые выступили въ прошлое царствованіе, въ концѣ 50-хъ годовъ. Во главѣ этой группы стоятъ три редактора историческихъ сборниковъ, по исторіи XVIII и XIX вѣковъ: П. И. Бартеневъ, М. И. Семевскій и С. Н. Шубинскій. П. И. Бартеневъ съ 1863 года издалъ 44 тома «Русскаго Архива», 4 тома «XVIII», 2 тома «XIX вѣка» и 30 томовъ «Архива князя Воронцова», всего 80 томовъ. М. И. Семевскій выдалъ 44 тома «Русской Старины», цѣлую массу отдѣльныхъ источниковъ по новой русской исторіи (во главѣ которыхъ должны быть поставлены «Записки Болотова») и началъ два года тому назадъ издавать свои монографіи, помѣщенныя имъ въ журналахъ 50-хъ и 60-хъ годовъ, С. Н. Шубинскій, бывшій редакторъ «Древней и Новой Россіи» (1875—1879 гг.)—14 томовъ, а въ настоящее время «Историческаго Вѣстника» (съ 1880 г.)—18 томовъ. Три названныхъ редактора издали въ теченіе 21 года до 200 томовъ историческихъ сборниковъ, изслѣдованій и матеріаловъ. Такая плодотворная дѣятельность трехъ частныхъ лицъ на пользу новой и новѣйшей русской исторіи не можетъ быть не замѣчена въ обзорѣ русской исторіографіи, являясь однимъ изъ крупныхъ выраженій народнаго самосознанія въ наше время. А г. Кашпиревъ, издавшій три тома «Памятниковъ новой русской исторіи», печатавшихся прежде въ петербургскомъ журналѣ «Заря», который, судя по его направленію, долженъ пользоваться симпатіей г. Кояловича,—и онъ отсутствуетъ въ разсматриваемой книгѣ. За гг. Бартеневымъ, Семевскимъ и Шубинскимъ идетъ цѣлая группа писателей по новой и новѣйшей исторіи Россіи. П. К. Щебальскій, Е. П. Карновичъ, покойные І. И. Шишкинъ, М. Н. Лонгиновъ и М. Д. Хмыровъ, — и хоть бы слово сказалъ о каждомъ изъ нихъ г. Кояловичъ!

Говоря о современныхъ намъ редакторахъ историческихъ сборниковъ, нельзя не вспомянуть съ признательностью столь же почтенныхъ дѣятелей прежняго времени. Г. Кояловичъ изъ всѣхъ журналистовъ XIX вѣка отвелъ въ своемъ обзорѣ мѣсто лишь Сенковскому, нападая на него за «униженіе русской народности» въ его статьѣ «О скандинавскихъ сагахъ» (стр. 234—236), и слегка упомянулъ о томъ, что Каченовскій издавалъ «Вѣстникъ Европы» и помѣщалъ тамъ свои статьи. Но затѣмъ игнорируются совершенно такіе журналы, которые путемъ распространенія въ публикѣ свѣдѣній по русской исторіи много содѣйствовали ея разработкѣ: нѣтъ ни слова о «Сѣверномъ Архивѣ», ни о «Сынѣ Отечества» Булгарина, Греча и Полеваго, ни о «Московскомъ Вѣстникѣ» Погодина; точно также упорно молчитъ г. Кояловичъ и о такомъ по истинѣ патріотическомъ подвигѣ на поприщѣ русской

журналистики, какой сослужили русскому самосознанію С. Н. Глинка и П. П. Свиньинъ. Первый — основатель «Русскаго Вѣстника» (1808—1824 г.); С. Н. Глинка печаталъ въ немъ свою «Русскую Исторію», выдержавшую затѣмъ три отдѣльныхъ изданія и весьма распространенную въ публикѣ, и «Русскіе анекдоты военные, гражданскіе и историческіе». «Русская Исторія» Глинки, написанная въ національно-патріотическомъ духѣ, была весьма характернымъ историко-публицистическимъ сочиненіемъ для первой четверти XIX вѣка, когда въ русскомъ обществѣ выяснялось національное сознаніе. П. П. Свиньинъ много способствовалъ изученію отечественной исторіи своимъ періодическимъ изданіемъ «Отечественныя Записки», выходившимъ въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ (1818—1838 г.) и посвященнымъ изученію исторіи, археологіи, географіи и этнографіи Россіи.

Здѣсь мы, наконецъ, остановимся.

Мы долго бы не кончили, еслибъ шагъ за шагомъ стали слѣдить за ошибками и пропусками въ книгѣ г. Кояловича. Мы и безъ того привели очень много, иной разъ, правда, мелкихъ указаній и поправокъ, но только путемъ такихъ детальныхъ замѣчаній можно доказать незнакомымъ спеціально съ развитіемъ русской исторической науки, что г. Кояловичъ обозрѣлъ въ своей книгѣ далеко не всѣ явленія изъ литературы русской исторіи, обширной и многообразной, а представилъ лишь матеріалъ, собранный имъ случайно, и разсмотрѣлъ его съ невѣрной точки зрѣнія. Исходя изъ такой точки зрѣнія, иныхъ явленій въ русской исторіографіи онъ не замѣтилъ вовсе, иныя представлялись ему не въ настоящемъ ихъ освѣщеніи.

Д. Корсаковъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Венгерецъ, подающій совѣты Англіи, какъ защитить Индію отъ Россіи. — Нѣмцы, переводящіе и коментирующіе русскихъ писателей.— Двѣ исторіи нѣмецкой литературы. — Исторія священства. — Конго. — Госпожа Колемина. — Окончаніе «Исторія революціи» Тэна.—Исторія новѣйшей литературы. — Войны Людовика XV. — Французская армія. — Французскіе протестанты.—Публицисты XVI вѣка.— Частная жизнь Генриха IV. — Государственный соціализмъ. — Арабская цивилизація. — Интимныя воспоминанія. — Равальякъ. — Сулейманъ-паша.

Ъ ФЕВРАЛЬСКОЙ книжкѣ журнала «The Nineteenth Century» появилось окончаніе статьи Вамбери—«Завоюетъ ли Россія Индію» (Will Russia conquer India?)—о которой мы говорили въ прошломъ нумерѣ «Историческаго Вѣстника». Заключительные выводы знаменитаго руссофоба гораздо болѣе утѣшительны для Англіи, чѣмъ его положенія, высказанныя въ первой статьѣ. Тамъ онъ говорилъ о преимуществахъ Россіи, которыя она будетъ имѣть въ моментъ столкновенія съ англійскими силами; теперь разбираетъ препятствія, какія встрѣтитъ непріятель, вторгающійся въ Индію, и перечисляетъ средства защиты этой страны. Первое изъ этихъ препятствій онъ видитъ въ духѣ современнаго англійскаго общества, готоваго въ минуту опасности поддержать свое правительство въ борьбѣ съ азіатскимъ варварствомъ. Правда, извѣстная часть этого общества, не аристократическая и не консервативная, а «зараженная соціалистскими стремленіями», совершенно равнодушно относится къ сохраненію Индійской имперіи, но большинство благомыслящихъ англичанъ, по увѣренію Вамбери, готовы отдать свою жизнь и все состояніе, чтобы сохранить за Англіею лучшее украшеніе ея короны. Но съумѣютъ ли они сохранить Индію? Вопросъ этотъ кажется автору проблематическимъ, и онъ разсматриваетъ причины, которыя могутъ мѣшать этому сохраненію. Во-первыхъ. Англія не обладаетъ свойствомъ ассимилированія подвластныхъ ей наро-

довъ, чѣмъ обладаетъ Россія, «сродная по духу съ азіатскими племенами». Англичане могутъ смѣшиваться, но не сливаются съ другими народами, и Вамбери сознается, что, не смотря на болѣе чѣмъ столѣтнее обладаніе Индіею, между туземцами и ихъ властителями не уменьшилась пропасть, всегда раздѣлявшая ихъ. Онъ находитъ, однако, отвращеніе англичанина отъ поклонника Вишну или Магомета совершенно естественнымъ. То же самое чувство, плодъ европейской цивилизаціи, замѣчается и въ отношеніяхъ французовъ къ алжирцамъ, голандцовъ къ малайцамъ, его нѣтъ только въ отношеніяхъ русскихъ къ татарамъ и другимъ мусульманамъ. Къ тому же Россія преимущественно военная держава, которая черезъ свои степи гораздо скорѣе можетъ явиться для покоренія Индіи, чѣмъ Англія для ея защиты, черезъ океаны. О ненависти же туземныхъ владѣльцевъ индусовъ и мусульманъ къ владычеству англичанъ авторъ уже говорилъ въ первой статьѣ, а здѣсь только подкрѣпляетъ прежніе выводы новыми доказательствами. Изъ двухсотъ-милліоннаго населенія Индіи 49 милліоновъ живутъ подъ властью туземныхъ князей, обладающихъ арміею въ 350,000 съ 4,237-ю пушками. Изъ двадцати двухъ вассальныхъ магометанскихъ государствъ три особенно враждебны Англіи: это Гайдерабадъ, Бгопалъ и Бгавальпуръ. Первое изъ нихъ при одиннадцати-милліонномъ населеніи имѣетъ армію въ 36,000 пѣхоты, 8,000 кавалеріи съ 725 пушками, у двухъ остальныхъ съ двумя милліонами жителей армія въ 4½ тысячи пѣхоты, 1½ кавалеріи и 120 пушекъ. Не смотря, однако, на явно высказанное этими государствами желаніе: «если уже признавать чье нибудь владычество, то скорѣе—владычество Россіи, которая намъ ближе и по духу, и по характеру и, по учрежденіямъ», Вамбери приходитъ къ заключенію, что «Россія можетъ организовать военное вторженіе (a militairy road) въ Индію, но далеко не въ состояніи прочно овладѣть ею». Всѣ русскія завоеванія и въ прежнія времена подготовлялись постепенно. Медленными шагами подвигалась Россія и по Волгѣ, отъ Казани до Астрахани, и на своихъ границахъ съ Турціею, и въ Средней Азіи. Это, конечно, не исключаетъ возможности внезапнаго «тамерлановскаго нападенія или экспедиціи à la Скобелевъ» и потому государственные англійскіе люди должны принять свои мѣры. Охраненіе треугольника изъ Балка, Герата и Кандагара Вамбери считаетъ достаточнымъ для отвращенія всякихъ нечаянностей. Но лучшимъ средствомъ защиты онъ считаетъ внесеніе передовыхъ европейскихъ идей въ Индію, и тогда для ея народовъ будетъ очевидно «превосходство свободной Англіи надъ деспотической Россіею и Индія надолго будетъ сохранена для Англіи отъ московской жадности». Эта—«moscovite cupidity»» верхъ совершенства и доказываетъ, какое вѣрное понятіе англичане имѣютъ о настоящемъ положеніи нашего отечества!

— Нѣмцы принялись въ послѣднее время особенно усердно переводить и разбирать русскихъ беллетристовъ. Появились переводы почти всѣхъ лучшихъ произведеній Тургенева, Льва Толстаго, Достоевскаго, Гончарова, съ критическою оцѣнкою этихъ писателей. Самымъ усерднымъ переводчикомъ является Василій Егоровичъ Генкель, бывшій русскій книгопродавецъ, издатель «Сѣвернаго Сіянія», «Библіотеки Желѣзныхъ Дорогъ» и многихъ полезныхъ книгъ, нѣмецъ по происхожденію, но прекрасно изучившій русскій языкъ, не въ примѣръ своимъ собратамъ, живущимъ въ Россіи, и немало содѣйствовавшій своею книжною торговлею и своими изданіями развитію

литературы шестидесятыхъ годовъ. Въ началѣ семидесятыхъ, ему сильно не повезло въ Россіи, и онъ оставилъ ее навсегда, но, и переселившись въ Германію, продолжаетъ заниматься русскимъ языкомъ, очень хорошо переводитъ на нѣмецкій языкъ нашихъ писателей и объясняетъ ихъ значеніе своимъ соотечественникамъ, за что намъ нельзя не благодарить его, также какъ за весьма сочувственныя отношенія къ Россіи и ея литературѣ. Другой нѣмецкій критикъ, Цабель, представившій подробную и даже крайне панегирическую оцѣнку сочиненій Льва Толстаго (мы говорили о ней въ прошлой книгѣ «Историческаго Вѣстника»), издалъ отдѣльную книгу «Литературныя экскурсіи по Россіи» (Litterarische Streifzüge durch Russland), въ которой разбираетъ всѣхъ главныхъ представителей современнаго направленія въ нашей литературѣ: Гоголя, Тургенева, Некрасова, Гончарова, Льва Толстаго, Достоевскаго, Чернышевскаго и Сологуба. Цабель придаетъ высокое воспитательное значеніе нашей литературѣ, видитъ самобытный, національный элементъ даже въ первыхъ ея представителяхъ: Ломоносовѣ и Державинѣ; Пушкинъ и Лермонтовъ только вдохновлялись байронизмомъ, но изображаютъ русскую жизнь, чисто русскіе типы. Гоголя Цабель ставитъ на ряду съ Бальзакомъ и выше Зола, преувеличивающаго реальныя явленія жизни. Признавая большой талантъ въ Достоевскомъ, его наблюдательность и смѣлость поднятыхъ и разработанныхъ имъ задачъ, авторъ не скрываетъ, однако, слабыхъ сторонъ писателя и остается недоволенъ «Братьями Карамазовыми». Въ Тургеневѣ онъ не видитъ никакихъ недостатковъ, къ Льву Толстому относится съ восторженностью. Въ романѣ «Что дѣлать?» онъ не видитъ ни знанія людей, ни поэтическаго значенія, но признаетъ его соціальное значеніе. Гончарова вѣрно оцѣнилъ Генкель въ предисловіи къ переводу «Обыкновенной Исторіи». Цабель только дополняетъ его характеристику. Въ произведеніяхъ Некрасова критикъ находитъ не художественное творчество, а пессимизмъ, обличающій общественные недостатки. Въ Сологубѣ Цабель видитъ отрицательную сторону культурныхъ стремленій въ соединеніи съ вѣрою въ миссію страны и народа. — Въ февральской книжкѣ журнала «Westermanns illustrirte deutscte Monatsheft» помѣщенъ замѣчательный этюдъ Брама «Иванъ Тургеневъ», съ портретами писателя—въ молодости и въ гробу.

— Вышли двѣ новыя исторіи нѣмецкой литературы (Geschichte der deutschen Litteratur) Вильгельма Шерера и Франца Гирша. Книга Шерера, извѣстнаго филолога и профессора исторіи литературы въ Берлинскомъ университетѣ, появляется уже вторымъ изданіемъ. Въ ней нѣтъ вовсе систематическаго дѣленія на школы, эпохи, роды произведеній. Авторъ смотритъ на литературу, какъ на существенную, составную часть общей культурной жизни народа, и отъискиваетъ въ явленіяхъ литературы ея связь съ политическою исторіею. Къ сожалѣнію, авторъ останавливается на смерти Гете и не говоритъ ничего о новѣйшихъ произведеніяхъ. Книга отличается богатствомъ идей, начитанностью автора, но грѣшитъ излишнимъ лаконизмомъ и литературнымъ шовинизмомъ. Такъ Шереръ приписываетъ даже Фридриху II огромное вліяніе на развитіе нѣмецкой поэзіи. Встрѣчаются и пропуски, при слишкомъ сжатомъ изложеніи (вся исторія—въ одномъ томѣ, въ 50 листовъ); такъ не говорится ничего о замѣчательномъ поэтѣ XVII вѣка, Іоганнѣ Германѣ; при исчисленіи эллинистовъ пропущенъ Отфридъ Мюллеръ и пр. Примѣчанія отнесены къ концу сочиненія. — Книга Гирша рисуетъ живую картину литературной жизни на культурныхъ основаніяхъ. Авторъ остана-

вливается слишкомъ долго на спорныхъ полемическихъ вопросахъ, какъ, напр., на томъ, написаны ли шесть комедій, приписываемыхъ монахинѣ Гросвитѣ, ею самою, или Конрадомъ Цельтесомъ? Онъ вводитъ въ свою книгу исторію театра и журналистики. Она еще не окончена.

— Особеннымъ оригинальнымъ взглядомъ отличается «Всеобщая исторія священства» (Allgemeine Geschichte des Priesterthums) Липперта. Сочиненіе это направлено противъ общепринятаго мнѣнія о происхожденіи древнихъ религій изъ миѳическаго міровоззрѣнія на природу. Авторъ утверждаетъ, что присущій этимъ религіямъ культъ происходитъ отъ болѣе сильнаго и глубокаго элемента у человѣка—отъ признанія существованія души и поклоненія ей. Слѣды этого древнѣйшаго основанія всякаго человѣческаго вѣрованія авторъ отъискиваетъ во всѣхъ религіяхъ и подтверждаетъ свое мнѣніе историческими выводами. Эта новая точка зрѣнія заслуживаетъ во всякомъ случаѣ вниманія историковъ и мыслителей.

— Сильное развитіе колоніальной политики на западномъ берегу Африки придаетъ современный интересъ сочиненію Джонстона о Конго, явившемуся въ переработкѣ на нѣмецкомъ языкѣ (Der Congo). Въ этой книгѣ описано путешествіе по рѣкѣ Конго отъ ея устья до Болобо, со всѣми этнографическими, климатическими и естественно-историческими особенностями западной области Конго. Джонстонъ посѣтилъ эту область послѣ Стенли, въ 1882—1883 г., и сообщаетъ о ней все, что видѣлъ самъ и узналъ отъ тамошнихъ жителей, туземцевъ и европейцевъ. Особенно интересны подробности ихъ сношеній между собою. Джонстонъ отзывается съ похвалою о развитости, трудолюбіи и нравственныхъ свойствахъ негровъ Банту, и весьма неодобрительно о поступкахъ нѣкоторыхъ англійскихъ миссіонеровъ, уже черезчуръ усердствующихъ въ распространеніи насильственными мѣрами догматовъ христіанской религіи между туземцами.

— Въ концѣ прошлаго года, одна изъ нашихъ соотечественницъ сдѣлалась за границей предметомъ журнальныхъ толковъ и разнаго рода дипломатическихъ и юридическихъ разсужденій. Судьба этой дамы, польской уроженки, графини Чапской, вышедшей за секретаря русскаго посольства въ Швеціи, г-на Колемина, потомъ разведенной съ нимъ и сдѣлавшейся морганатическою супругою герцога Гессенскаго, наконецъ, разведенной и съ нимъ,—очень интересна. Возбужденный ею по поводу послѣдняго развода юридическій процессъ, исходъ котораго въ судебномъ порядкѣ еще неизвѣстенъ, сдѣлалъ имя ея достояніемъ газетной полемики и теперь вышла объ ней, съ ея портретомъ, отдѣльная брошюра, озаглавленная просто Frau Kolemine. Но напрасно читатель сталъ бы искать въ этой брошюрѣ разъясненій темныхъ сторонъ исторіи г-жи Колеминой или даже фактически вѣрнаго изложенія ея біографіи. Брошюра разсчитана, очевидно, на любопытство публики и на имя, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ печати, но не сообщаетъ никакихъ подробностей о героинѣ сентиментально-дипломатическаго романа, а наполнена только громкими фразами о печальномъ положеніи г-жи Колеминой, о постигшемъ ее несчастіи. Авторъ брошюры поѣхалъ нарочно къ героинѣ, чтобы познакомиться съ нею, но изъ разговора ихъ преимущественно о процесѣ читатель, всетаки, не узнаетъ ровно ничего и остается въ полномъ недоумѣніи относительно самыхъ существенныхъ вопросовъ по этому дѣлу. Авторъ восхищается только умомъ, кротостью, граціею, красотою героини. Но во всемъ этомъ мы принуждены вѣрить ему на слово, такъ какъ ничего этого

не видно изъ его съ героиней бесѣды, составляющей главную часть брошюры.

— Третій томъ извѣстной книги Тэна о французской революціи, подъ названіемъ «Происхожденіе современной Франціи» (Les origines de la France contemporaine), вышелъ уже нѣсколько времени тому назадъ, но былъ встрѣченъ французскою критикою весьма холодно, а нѣкоторыми ежедневными органами даже враждебно. Не лучше отозвались о немъ и серьезные еженедѣльные и ежемѣсячные критическіе журналы, какъ «Revue critique d'histoire et de litterature» и «Le Livre». Первый изъ этихъ журналовъ отдаетъ полную справедливость прекрасному изложенію книги и ея литературному достоинству, но ставитъ невысоко ея историческое значеніе. По мнѣнію Тэна, революція произошла отъ трехъ главныхъ причинъ: дезорганизаціи стараго режима, философскихъ доктринъ и народной нищеты. Изданный имъ въ 1878 году первый томъ о старомъ режимѣ встрѣченъ былъ единодушными похвалами, какъ вполнѣ серьезный, историческій и критическій трудъ. Второй томъ, появившійся въ 1881 году, обманулъ ожиданія публики и заключалъ въ себѣ повальное порицаніе всѣхъ реформъ и фактовъ, начиная съ 1789 года. Здѣсь авторъ допускалъ уже и другія причины переворота: боязнь контр-революціи, отвращеніе къ эмигрантамъ, ненависть къ иноземному вмѣшательству, фанатическую увѣренность въ томъ, что Франція призвана содѣйствовать перерожденію человѣчества. Эти дѣйствительно вѣрныя причины Тэнъ считалъ, впрочемъ, только второстепенными. Онъ не излагаетъ исторіи ни представительнаго управленія, ни законодательныхъ реформъ, ни народной обороны, ни торжества французскаго оружія. Онъ не разсматриваетъ, какъ Франція жила среди страшныхъ переворотовъ, въ которыхъ сила событій постоянно увлекала впередъ людей мелкихъ, не стоявшихъ на высотѣ положенія. Въ третьей части своего труда, посвященной революціонному правительству, Тэнъ обращаетъ слишкомъ много вниманія на фразы, ставитъ слишкомъ высоко корифеевъ революціи, для того, чтобы низвергнуть ихъ съ пьедесталовъ, на которые и не слѣдовало ихъ поднимать. Онъ самъ же говоритъ, что террористы въ своихъ преступленіяхъ руководились тремя мотивами: желаніемъ осуществить свои утопіи, спасти революцію и самихъ себя. Для достиженія этой цѣли у нихъ не было другихъ средствъ, какъ захватить власть и истреблять своихъ враговъ; ихъ побуждало къ этому собственное ихъ безсиліе, заставлялъ дѣйствовать страхъ. Тэнъ сравниваетъ якобинцевъ съ спартанцами, покорившими своей власти Грецію, съ норманнами въ Англіи, съ англичанами въ Ирландіи, съ знаменитыми тиранами, съ Филиппомъ II, Кромвелемъ, даже съ Петромъ Великимъ! Франція подчинилась террористамъ изъ страха передъ эмиграціей, шедшей въ главѣ иноземнаго вторженія, какъ подчинилась Наполеону изъ страха передъ террористами. Замѣчая совершенно справедливо, что во Франціи жилось гораздо спокойнѣе при Людовикѣ XV, чѣмъ при Робеспьерѣ, Тэнъ не говоритъ, однако, что Франція желала возвратиться къ тому времени. Говоря о Людовикѣ XIV и Филиппѣ II, онъ находитъ для нихъ облегчительныя обстоятельства въ томъ, что они «насиловали свободу совѣсти только протестантовъ, т. е. пятнадцатую или двадцатую часть своихъ подданныхъ». Но можно ли историку говорить о цифрахъ, когда дѣло идетъ о принципахъ якобинцевъ, которые, точно также употребляя насиліе противъ тѣхъ, кто не раздѣлялъ ихъ убѣжденій, провозглашали необходимость свободы совѣсти, о которой

и помину не было во Франціи и Испаніи XVI и XVII вѣковъ. Критикъ журнала «Le Livre» въ особенности возстаетъ противъ сравненія принциповъ 1789 года «съ крокодиломъ, валяющимся на пурпурѣ и сдѣлавшимся богомъ только потому, что онъ зловредное животное и ѣстъ людей». Дѣйствительно, подобныя сравненія не совсѣмъ у мѣста въ серьезной исторіи. Тэнъ принимаетъ сужденія и цитируетъ только тѣхъ писателей, которые хвалятъ, что онъ хвалитъ, и порицаютъ, что онъ порицаетъ. Остальныхъ онъ даже не считаетъ нужнымъ и опровергать и предпочитаетъ ихъ игнорировать. Критикъ увѣренъ, однако, въ добросовѣстности историка и заключаетъ свою статью слѣдующими словами: «Геніальныя творенія Шекспира, по словамъ Тэна,— продуктъ прилива крови къ мозгу. Историческія измышленія самого Тэна— не продуктъ ли желчи, подступившей къ сердцу?»

— Женевскій профессоръ Монье издалъ «Всеобщую исторію новѣйшей литературы» (Histoire générale de la littérature moderne). Вышедшій нынѣ томъ обнимаетъ собою эпоху Возрожденія отъ Данте до Лютера и представляетъ сравнительную картину умственнаго движенія Европы въ эту эпоху. Книга начинается съ 1300 года, когда появилась первая часть «Божественной комедіи», и оканчивается 1535 годомъ, когда въ Ліонѣ вышелъ «Гаргантуа» Рабеле. Авторъ цитируетъ, анализируетъ, переводитъ отрывки и комментируетъ всѣ явленія литературной жизни того времени: Петрарку, Боккачіо, Фруассара, трубадуровъ, миннезингеровъ, доминиканцевъ, университеты, еретиковъ, Лолларда, Виклефа, Чаусера, и въ XV вѣкѣ — латинистовъ, гуманистовъ, богослововъ, поэтовъ, Робина Гуда и Іоанна Гусса, изобрѣтателей типографіи, грековъ, бѣжавшихъ во Флоренцію послѣ взятія Константинополя, итальянскихъ академиковъ, Лаврентія Медичи, Пика де-ла-Мирандоля, Савонаролу, французскихъ хроникеровъ, потомъ Эразма, Макіавели, Аріосто, Микель Анджело, наконецъ, Томаса Моруса, Клемана Моро, Лютера и Кальвина, Лойолу и іезуитовъ. Вся эта широкая картина человѣческаго развитія изображена авторомъ рельефно и занимательно.

— Генералъ Пажоль издалъ три тома «Войны при Людовикѣ XV» (Les guerres sous Louis XV). Внѣшняя исторія царствованія этого короля разработана гораздо меньше, чѣмъ внутренняя, и въ особенности анекдотическая сторона, поэтому книга Пажоля пополняетъ довольно существенный пробѣлъ. Она оканчивается 1748 годомъ, когда Ахенскимъ трактатомъ окончилась война за австрійское наслѣдство. Все сочиненіе будетъ состоять изъ семи томовъ, изъ которыхъ два послѣдніе будутъ посвящены внѣевропейскимъ войнамъ и организаціи арміи отъ 1714 по 1774 годъ. Излагая главнѣйшія военныя событія, авторъ передаетъ и дипломатическіе переговоры и явленія общественной жизни.

— Профессоръ Дюсьё написалъ сочиненіе «Исторія и организація французской арміи отъ древнихъ временъ до нашихъ дней» (L'armée en France). Въ первомъ томѣ представлена картина постепенныхъ измѣненій въ составѣ войскъ отъ галловъ до войны съ кальвинистами; второй томъ описываетъ устройство и битвы постоянныхъ армій отъ Генриха IV до Наполеона; третій томъ оканчивается разгромомъ арміи въ 1870 году и послѣдними перемѣнами въ ея организаціи. Авторъ съумѣлъ избѣгнуть сухости при изложеніи не только походовъ и сраженій, но даже формированія армій, ихъ распредѣленія и т. п. Множество подробностей, интересныхъ не для однихъ военныхъ, придаютъ еще больше значенія этому сочиненію.

— Въ исторіи Франціи любопытенъ періодъ религіозныхъ войнъ, обнимающій почти 70 лѣтъ отъ Амбуазскаго заговора въ 1560 году, когда протестанты съ оружіемъ въ рукахъ возстали противъ правительства, до окончательнаго подавленія ихъ, какъ политической партіи, въ 1629 году. Этотъ послѣдній періодъ, начинающійся возстаніемъ 1626 года, разсказанъ въ книгѣ «Герцогъ Роганъ и протестанты при Людовикѣ XIII» (Le duc de Rohan et les protestants sous Louis XIII). Авторъ передаетъ подробно исторію попытокъ этой партіи пріобрѣсти преобладающее вліяніе въ государствѣ подъ управленіемъ такихъ вождей, какъ герцогъ Бульонскій, Сюлли, Дюплесси-Морне, и въ особенности герцогъ Роганъ. Поднявшись противъ всевластнаго министра, кардинала Ришелье, истреблявшаго безпощадно послѣдніе слѣды феодализма, протестанты долго отстаивали свои политическія права, отражая въ Монтобанѣ атаки королевской арміи, выдерживая долгую осаду въ Монпелье, гдѣ принуждены были положить оружіе, но, въ 1627 году поднявши его снова, были окончательно подавлены въ Ларошели. Всѣ эти эпизоды послѣдней упорной борьбы переданы авторомъ въ драматическомъ, связномъ разсказѣ.

— Монографія «Публицистъ XVI вѣка. Юстъ Липсій» (Un publiciste au XVI siècle. Juste Lipse) переноситъ насъ въ эпоху другой борьбы, въ наукѣ и литературѣ. Авторъ воскрешаетъ передъ читателемъ эту замѣчательную, хотя и забытую теперь личность гуманиста, филолога, критика, исторіографа и профессора, издателя Тацита, Тита Ливія, Сенеки, Плавта, писавшаго о стоической философіи, о римскихъ древностяхъ, о геологіи. Липсій и его друзья-латинисты, ученые, коментаторы, юристы, были своего рода революціонеры въ эпоху Возрожденія, стремились къ законности и справедливости, затрогивали жгучій вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, возставали противъ мертвящей школьной схоластики того времени. Липсій говоритъ, что одинъ изъ основныхъ недостатковъ обученія языку въ школахъ—разнообразіе грамматическихъ системъ: «каждый педагогъ предпочитаетъ свою грамматику». Мире утверждалъ, что учители тратятъ все время на грамматическія правила и не успѣваютъ объяснять ученикамъ образцы словесности. Наконецъ, самъ Монтень замѣчаетъ: «насъ учатъ пять лѣтъ въ классахъ только сшивать слова». Это говорилось триста лѣтъ тому назадъ, но не приходится ли повторять то же и теперь?

— Одинъ изъ самыхъ популярныхъ королей Франціи — безспорно Генрихъ IV; но не смотря на то, что объ немъ было очень много писано, еще продолжаютъ появляться его біографіи. Такъ вышла книга «Генрихъ IV. Частная жизнь его и необнародованныя подробности» (Henri IV. Vie privée et détails inédits). Авторъ книги нашелъ въ архивахъ департамента Нижнихъ Пириней перенесенныя туда въ 1836 году бумаги счетной палаты города По, и въ нихъ отыскалъ множество мелкихъ, но любопытныхъ подробностей о домашней жизни короля, его счеты по покупкѣ мебели, драгоцѣнностей, платья, по уплатѣ за разныя произведенія искусства и литературы и т. п. Всѣ подобныя свѣдѣнія, собранныя и приведенныя въ систему авторомъ, дополняютъ портретъ короля, рисуя его привычки, его доброту, веселость, любовь къ народу, наклонность къ удовольствіямъ всякаго рода и другія черты характера.

— Ученіе о государственномъ соціализмѣ, проповѣдуемое въ Германіи съ парламентской трибуны имперскимъ канцлеромъ, нашло во Франціи талант-

ливаго коментатора, всѣмъ извѣстнаго публициста и политико-экономиста Леона Сея, бывшаго министра финансовъ. Въ концѣ прошлаго года онъ читалъ лекціи о государственномъ соціализмѣ въ его историческомъ развитіи, и теперь эти лекціи вышли отдѣльною книгою подъ названіемъ «Le Socialisme d'Etat». Авторъ изслѣдуетъ это ученіе въ Англіи, Германіи и Италіи. По поводу организаціи общества страхованія трудящихся классовъ общества отъ всякаго рода случайностей: болѣзни, бѣдности, прекращенія работъ и т. п., Леонъ Сей изслѣдуетъ, со стороны моральныхъ и соціальныхъ выгодъ и неудобствъ, вопросъ о необходимости вмѣшательства государства въ эту организацію. Въ Англіи это вмѣшательство признано закономъ 1864 года, хотя Гладстонъ еще недавно заявлялъ, что государство не должно брать на себя такія дѣла, которыя могутъ быть исполнены частными лицами. Гошенъ также противъ этого вмѣшательства, такъ какъ оно уменьшаетъ индивидуальную отвѣтственность. Въ Германіи Леонъ Сей видитъ сильную борьбу партикуляризма противъ тенденціи канцлера заставить государство играть роль провидѣнія. Въ Италіи допускаютъ вмѣшательство государства только въ контроль страховыхъ кассъ. О роли соціализма во Франціи бывшій министръ вовсе умалчиваетъ.

— Роскошное изданіе съ превосходными фотографіями представляетъ читателю «Цивилизація арабовъ» (La civilisation des Arabes). Въ книгѣ 866 рисунковъ, между которыми 70 большихъ картинъ, изображающихъ различныя стороны творчества этого народа, игравшаго когда-то такую важную роль въ исторіи, въ умственномъ и художественномъ развитіи человѣчества, а теперь потерявшаго почти всякое значеніе въ политической и культурной исторіи. Изслѣдованіе причинъ этого паденія было бы интересно не менѣе вопроса о томъ, отчего арабы достигли такой высокой степени цивилизаціи? Но авторъ книги представляетъ только свидѣтельства высокаго художественнаго творчества этого племени семитовъ и воспроизводитъ образцы ихъ искусства во всѣхъ родахъ, до сихъ поръ приводящіе въ изумленіе образованную Европу.

— Жозефъ д'Арсе издалъ «Современныя нескромности. Интимныя воспоминанія» (Indiscrétions contemporaines. Souvenirs intimes). Книга эта знакомитъ насъ съ закулисною стороною парижской журналистики во время реставраціи іюльской монархіи. Здѣсь приведены очерки и мѣткія характеристики выдающихся литературныхъ и политическихъ дѣятелей того времени: Арнима, Карреля, Жирардена, Верона, Одилона Барро, Гизо и др. Множество анекдотовъ, иногда довольно пикантныхъ, придаютъ своего рода интересъ воспоминаніямъ автора, очевидно, современника изображаемой имъ эпохи.

— Нотаріусъ въ Коньякѣ, вѣроятно, имѣя много свободнаго времени, написалъ цѣлую книгу о Равальякѣ (Ravaillac). Авторъ подробно описываетъ не только жизнь этого фанатика-цареубійцы, но и его предковъ и всѣхъ его потомковъ до послѣдняго члена. Онъ изображаетъ съ мельчайшими деталями мѣсто его рожденія, домъ, гдѣ онъ жилъ, что дѣлалъ въ разныя эпохи его жизни, чѣмъ занимался. Все это, конечно, можетъ пригодиться для историка, какъ годятся камни для архитектурной постройки. Но вѣдь камни не составляютъ зданія, и обращать особенное вниманіе на такихъ лицъ, какъ Равальякъ, значитъ придавать имъ значеніе, котораго они вовсе не заслуживаютъ.

— Четыре года тому назадъ, Фаустъ Люрьонъ, псевдонимъ французскаго общественнаго дѣятеля, издалъ процессъ Сулеймана паши, съ цѣлью оправдать его въ глазахъ потомства. Теперь, въ книгѣ «Турецко-русская война 1877—1878 года» (Guerre turco-russe. Suleiman-pacha et son procès). авторъ обращается опять къ тому же предмету. При каждомъ международномъ столкновеніи, нація. потерпѣвшая пораженіе, отыскиваетъ виновника этого пораженія. Такъ въ потерѣ сраженія при Маджентѣ былъ виновникъ Гіулай, при Садовой — Бенедекъ, при Седанѣ Наполеонъ III, при Мецѣ — Базенъ. И Сулейманъ паша явился козломъ отпущенія въ послѣднюю войну; за неудачу подъ Шипкой его осудили на изгнаніе, какъ въ началѣ войны прогнали главнокомандующаго Абдулъ-Керима за переходъ русскихъ через Дунай. Врядъ ли только французскому автору удастся обѣлить своего турецкаго героя.

СМѢСЬ.

80-тилѣтіе Харьковскаго университета. 17-го января, исполнилось восемьдесятъ лѣтъ со дня открытія Харьковскаго университета. По свидѣтельству современниковъ, открытіе этого университета праздновалось съ особенною торжественностью. За день до торжества, два церемоніймейстера, избранные изъ адъюнктовъ, оповѣстили знатнѣйшихъ особъ, живущихъ въ городѣ и пріѣзжихъ, число которыхъ было весьма значительно, а чиновникъ отъ градской полиціи «съ пристойнымъ сопровожденіемъ» сдѣлалъ обнародованіе во всѣхъ частяхъ города. 17-го января 1805 года, поутру, гражданскій губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и харьковскіе граждане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже профессора университета съ молодыми людьми, назначенными въ студенты, и директоръ съ учителями и учениками главнаго слободско-украинскаго училища. По прочтеніи нѣкоторыхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, началось церемоніальное шествіе въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ. Учредительная грамота университета несена была профессоромъ при двухъ ассистентахъ и положена преосвященнымъ на столъ, приготовленный въ церкви. По окончаніи литургіи прочтена учредительная грамота, и процессія, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквяхъ, отправилась въ университетскій домъ; грамота, пріосѣняемая въ крестномъ ходѣ, несена была духовенствомъ, за которымъ слѣдовали: попечитель, губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и проч. Въ залѣ, назначенномъ для публичныхъ собраній, грамота принята преосвященнымъ и положена на столъ, на которомъ лежалъ уже уставъ. По окончаніи духовной церемоніи, попечитель говорилъ рѣчь о важности и цѣли новаго образованія училищъ; профессора произносили рѣчи и, наконецъ, провозглашены имена принятыхъ въ студенты и розданы имъ шпаги. Ввечеру были иллюминованы дома университета и передъ главнымъ домомъ поставленъ видъ храма съ прозрачною картиною, которая изображала императора Александра I, заключающаго надъ жертвенникомъ союзъ дружбы съ Аполлономъ. Нѣсколько дней происходили въ городѣ празднества по случаю открытія университета. Въ числѣ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета находились такія научныя силы, какъ знаменитый математикъ Осиповскій, труды котораго оцѣнены парижскою академіею наукъ. Многіе изъ замѣчательныхъ русскихъ ученыхъ различныхъ поколѣній получили свое

образованіе въ Харьковскомъ университетѣ. Остроградскій, Кронебергъ, Кеппенъ, Срезневскій, Костомаровъ и друг. были студентами Харьковскаго университета. Ни одинъ университетъ не открывался съ такимъ торжествомъ въ послѣдующія царствованія.

Памятникъ Тергукасову. 13-го января, въ оградѣ тифлисскаго собора происходило освященіе памятника генералъ-лейтенату Тергукасову, воздвигнутаго городомъ Тифлисомъ. Памятникъ сдѣланъ изъ алгетскаго камня, высотой въ двѣ сажени, и состоитъ изъ цоколя, на которомъ поставлена усѣченная пирамида. Въ одной изъ нишъ этой пирамиды вставленъ бюстъ Тергукасова въ лавровомъ вѣнкѣ. Пирамиду вѣнчаетъ орелъ на шарѣ, держащій въ клювѣ лавровый вѣнокъ. Лицевая сторона украшена арматурой. На цоколѣ памятника со всѣхъ сторонъ привинчены мраморныя доски. На лицевой доскѣ вырѣзана слѣдующая надпись на русскомъ и армянскомъ языкахъ: «Городъ Тифлисъ — достойному гражданину генералъ-лейтенанту Арзасу Артемьевичу Тергукасову. 1808—1881». По четыремъ угламъ памятника поставлены маленькія пирамиды изъ ядеръ. Памятникъ обнесенъ чугунною рѣшеткой, украшенною по мѣстамъ георгіевскими крестами.

Палестинское Общество, по предложенію своего предсѣдателя, великаго князя Сергѣя Александровича, предприняло, на пожертвованныя его императорскимъ высочествомъ средства, раскопки на покрытомъ вѣковымъ мусоромъ пустырѣ, близъ храма Воскресенія Господня въ Іерусалимѣ, съ цѣлью разъяснить планъ воздвигнутыхъ императоромъ Константиномъ сооруженій на мѣстѣ смерти и воскресенія Іисуса Христа и отысканіемъ направленія старой городской стѣны Іерусалима — подтвердить подлинность чествуемой христіанскимъ міромъ пещеры, служившей погребальнымъ ложемъ Спасителю. Раскопки эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ и въ настоящее время Палестинское Общество озабочено тѣмъ, чтобы защитить это мѣсто особымъ сооруженіемъ отъ разрушительнаго вліянія зимнихъ дождей и непогодъ. Въ виду этой цѣли, Общество приглашаетъ прійдти къ нему на помощь своими пожертвованіями.

Общество любителей древней письменности. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества любителей древней письменности, подъ предсѣдательствомъ князя П. П. Вяземскаго, въ докладѣ, посвященномъ вопросу о лицевой псалтири, профессоръ Новороссійскаго университета Н. П. Кондаковъ, указавъ на кіевскій пергаментный списокъ 1397 года (издаваемый въ настоящее время Обществомъ) и сказавъ о пріобрѣтенной недавно Ѳ. И. Буслаевымъ рукописной лицевой псалтири XV вѣка, сообщилъ, что дѣло иллюстраціи псалтири стало на первое мѣсто, когда антично-римская имперія превратилась въ имперію христіанскую. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ея предѣлахъ поселялись варварскіе народы. Эти послѣдніе принимали христіанство, почему и являлась настоятельная потребность уяснить имъ основныя начала христіанской морали. Псалтирь издревле сдѣлалась книгой, проводившей въ народныя массы начала христіанской морали, причемъ особенное уясненіе эти начала получали отъ иллюстрирующихъ книгу рисунковъ и миніатюръ, дающихъ или символическое толкованіе ветхо-завѣтнымъ прообразамъ, или же реальное изображеніе отвлеченныхъ нравственныхъ понятій, составляющихъ содержаніе псалтири. Другое сообщеніе было сдѣлано Е. В. Барсовымъ по поводу издаваемаго имъ перевода «Записокъ Іосифа Флавія», дошедшаго до насъ въ спискѣ XV вѣка, но по древности своей относимаго изслѣдователемъ къ XI—XII вѣку. Этотъ памятникъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ не рабскій переводъ, какіе сохранились въ литературахъ сербской и болгарской, но носитъ на себѣ слѣды глубокой самобытности, какую проявилъ переводчикъ, внесшій въ свой трудъ весь кругъ понятій своего времени. Вслѣдствіе этого, переводъ «Записокъ Флавія», отличающійся замѣчательно выработаннымъ литературнымъ языкомъ, представляетъ цѣнныя данныя для суж-

денія о той степени умственнаго и нравственнаго развитія, какой достигла Русь кіево-дружиннаго періода. Въ томъ же засѣданіи было сообщено о слѣдующихъ новыхъ приношеніяхъ въ музей Общества: Ѳ. Н. Бергъ доставилъ синодикъ изъ коллекціи г. Кибальчича; князь П. П. Вяземскій пожертвовалъ Обществу старопечатную книгу (1712) «Ионика іерополитика», а также «Плачъ Симеона Полоцкаго»; графъ С. Д. Шереметевъ принесъ въ даръ Обществу кубышку съ древними монетами, найденную въ Курской губерніи, на берегу рѣки Свапы.

Казанское Общество археологіи. Въ Казанскомъ университетѣ происходило засѣданіе Общества археологіи, на которомъ, между прочимъ, профессоръ Н. В. Сорокинъ сообщилъ «о древностяхъ Исыкъ-Кульскаго района», причемъ показывалъ разныя археологическія находки, собранныя имъ во время путешествія минувшимъ лѣтомъ по отрогамъ Тянь-Шаня. Изъ этихъ находокъ обращаетъ на себя вниманіе: мѣдный божокъ, довольно изящной работы, изображающій женщину на тронѣ, пальцы лѣвой руки которой сложены на подобіе того перстосложенія, которое употребляется нашими священниками при благословеніи, и китайскій жезлъ, носимый передъ новобрачными, на которомъ начертаны различныя символическія изображенія.

Диспутъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ. 13-го января, въ актовой залѣ университета кандидатъ историко-филологическаго факультета Георгій Форстенъ публично защищалъ диссертацію, подъ заглавіемъ: «Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ», представленную для полученія степени магистра русской исторіи. Диспутантъ—уроженецъ великаго княжества финляндскаго, по окончаніи курса въ здѣшнемъ университетѣ, въ 1881 году, былъ оставленъ стипендіатомъ при университетѣ для приготовленія къ экзамену на степень магистра. При написаніи настоящей диссертаціи диспутантъ пользовался исключительно шведскими и нѣмецкими источниками. Онъ разсмотрѣлъ лишь первый періодъ борьбы скандинавскихъ королевствъ съ Ганзейскимъ союзомъ изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ (XV и XVI вѣка), и обширность задачи не позволила ему довести изслѣдованіе до конца. Сущность добытыхъ въ сочиненіи результатовъ изложена въ 8 краткихъ положеніяхъ, напечатанныхъ особо. Заканчивая свою вступительную рѣчь, диспутантъ упомянулъ съ благодарностью о скончавшемся въ 1884 году профессорѣ университета В. В. Бауерѣ, подъ руководствомъ котораго онъ трудился надъ своей диссертаціей. Официальными оппонентами были профессора: В. Г. Васильевскій и Е. Е. Замысловскій, признавшіе за трудомъ г. Форстена солидныя научныя достоинства; недостатки касаются только внѣшней обработки и построенія. Историко-филологическій факультетъ призналъ защиту диспутантомъ диссертаціи вполнѣ удовлетворительною для полученія имъ степени магистра русской исторіи.

Столѣтіе газеты «Times». Съ нынѣшняго года, англійская газета «Times» вступила во второе столѣтіе своего существованія при условіяхъ, сохраняющихъ за нею, не смотря на огромную конкуренцію, первое мѣсто въ англійской и вмѣстѣ съ тѣмъ въ европейской журналистикѣ. Нынѣшнее свое заглавіе «Times» носитъ съ 1-го января 1788 года, но передъ тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, она выходила подъ заглавіемъ «Daily Universal Register», которое сохраняла, впрочемъ, даже и впослѣдствіи, въ видѣ прибавки къ новому заглавію «The Times», съ прибавленіемъ союза «or» (или). Съ 1-го января 1788 года наверху первой страницы скромнаго листка, которому суждено было сдѣлаться лучшею и вліятельнѣйшею изъ европейскихъ газетъ, красовались слѣдующія слова: «The Times or Daily Universal Register, printed logographicaly». Два послѣднія слова относились къ особенностямъ набора новой газеты, при которомъ вмѣсто отдѣльныхъ буквъ употреблялись клише цѣлыхъ словъ, заготовленныхъ заранѣе. Этотъ способъ, называвшійся «логотипіей» (словопечатаніемъ), считался тогда болѣе быстрымъ, чѣмъ

обыкновенный наборъ, но былъ вскорѣ оставленъ вслѣдствіе огромнаго количества «кассъ», съ которыми приходилось имѣть дѣло наборщику. Газета «Times» не старѣйшая по времени своего основанія изъ лондонскихъ ежедневныхъ газетъ. Ей приходится уступить въ этомъ отношеніи первое мѣсто газетѣ «Morning Post», которая стала выходить въ 1772 году. Основатель газеты «Times», Джонъ Вальтеръ, былъ директоромъ богатой и вліятельной компаніи каменно-угольныхъ торговцевъ. Состоятельный купецъ никогда бы не подумалъ сдѣлаться журналистомъ, если бы цѣлый купеческій флотъ, въ снаряженіи котораго онъ принялъ участіе, не былъ захваченъ французскою эскадрою. Вальтеръ потерялъ при этомъ около 80,000 ф. ст. и рѣшился издавать газету. Осенью 1784 года онъ нанялъ подъ свою типографію домъ, въ которомъ помѣщалась прежде, основанная въ 1666 году, «London Gazette». На мѣстѣ этого дома возвышается нынѣ огромное зданіе, въ которомъ помѣщается редакція и типографія газеты «Times». Успѣхъ новаго изданія былъ сначала весьма умѣренный. Вальтеру приходилось довольно часто платиться и своимъ карманомъ, и своею особою за удовольствіе быть «руководителемъ общественнаго мнѣнія». На второй же годъ своего издательства онъ былъ присужденъ къ денежной пенѣ въ 150 ф. ст. (1,500 р.) за диффамацію (libel) лорда Лофборо. Въ 1789 году, привлеченный къ суду за то, что въ «Times» появилась замѣтка, упрекавшая въ «неискренности» герцоговъ Йорка, Глостера и Кумберланда, выразившихъ свою радость по поводу выздоровленія короля, Вальтеръ былъ приговоренъ къ 50 ф. ст. (500 р.) пени, часовой выставкѣ у позорнаго столба и годовому заключенію въ Ньюгетской тюрьмѣ. Во время этого заключенія Вальтеръ снова былъ судимъ за оскорбленіе въ печати принца Уэльскаго и герцоговъ Йорка и Кларенса. За это новое преступленіе онъ заплатилъ 200 ф. ст. пени и долженъ былъ просидѣть лишній годъ въ тюрьмѣ (на пятый мѣсяцъ втораго года), по ходатайству одного изъ оскорбленныхъ, принца Уэльскаго. Эти заключенія, впрочемъ, вовсе не вредили репутаціи и общественному положенію издателя газеты «Times». При Георгѣ III-мъ и его сынѣ сидѣть въ тюрьмѣ за газетную статью было столь же мало постыдно, какъ во Франціи при второй имперіи. Въ 1800 году Джонъ Вальтеръ умеръ. Старшій сынъ Вальтера, носившій одно имя съ отцомъ, въ 1803 году, сдѣлался главнымъ редакторомъ газеты, и съ этого времени начался второй фазисъ ея существованія. Джонъ Вальтеръ 2-й скончался въ 1847 году членомъ палаты общинъ и владѣльцемъ обширныхъ помѣстій. Сынъ его продолжалъ дѣло, начатое первыми двумя издателями, прилагая особыя заботы къ улучшенію скоропечатныхъ машинъ своей типографіи. Въ настоящую минуту въ типографіи «Times» работаетъ десять машинъ, носящихъ имя издателя (the Walter Press) и печатающихъ каждая до 15,000 экземпляровъ въ часъ. Уже нѣсколько лѣтъ въ «Times» работаютъ наборныя машины, употребленіе которыхъ понизило цѣну набора газетнаго листа (въ 8 страницъ) съ 43 ф. ст. 12 шиллинговъ до 14 ф. 14 ш. «Times» имѣетъ свои собственныя телеграфныя проволоки, соединяющія его редакцію съ Парижемъ и Вѣною, и тратитъ огромныя деньги на содержаніе постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, а еще болѣе на посылку спеціальныхъ корреспондентовъ всюду, гдѣ совершаются событія, интересующія англійскую публику. Сотрудниками газеты всегда были люди энциклопедически образованные, талантливые и энергическіе; главнымъ редакторомъ ея состоитъ въ настоящее время Д. Е. Бокль, замѣнившій скончавшагося 14-го февраля прошлаго года Томаса Ченери, который принялъ редакцію отъ знаменитаго Дилона въ 1877 году.

Музеумъ Крашевскаго. Познанское Общество друзей науки открыло въ своемъ зданіи музеумъ, состоящій изъ предметовъ, поднесенныхъ писателю Іосифу Крашевскому въ 50-тилѣтній юбилей литературной его дѣятельности.

Собранные въ значительномъ числѣ альбомы и адресы сгруппированы въ особомъ шкапу за стекломъ; картины и скульптурныя произведенія размѣщены по стѣнамъ; тутъ же установленъ огромный вазонъ съ визитными билетами, оставленными юбиляру посѣтителями въ бытность его въ Краковѣ, и кресло — подарокъ польскихъ барынь, съ подушкой, подаренной писателю покойнымъ художникомъ Хлѣбовскимъ.

Археологическое открытіе. Въ приходскомъ костелѣ прихода Поланецъ, Сандомірскаго уѣзда, Радомской губерніи, находится тщательно сохраняемая рукопись послѣдней книги хроники польскаго историка Яна Длугоша. Рукопись состоитъ изъ 333 ненумерованныхъ листовъ in folio; судя по характеру письма, манускриптъ этотъ былъ переписанъ около 1615 г., т. е. послѣ извѣстнаго эдикта короля Сигизмунда III, наложившаго veto на трудъ Длугоша. Эта рукопись представляетъ собою тотъ интересъ, что до настоящаго времени былъ извѣстенъ лишь одинъ манускриптъ польскаго историка, хранящійся въ Ягеллонской библіотекѣ и составляющій XIII книгу его хроники, напечатанную въ первый разъ въ 1711 году въ Лейпцигѣ. Какъ извѣстно, хроника Длугоша признается въ числѣ источниковъ для русской исторіи.

Забытая могила. Въ одномъ изъ губернскихъ городовъ Привислянскаго края, Петроковѣ, на православномъ кладбищѣ, погребены тѣла капитана 28-го Полоцкаго пѣхотнаго полка Никифорова и нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ, замученныхъ, въ апрѣлѣ 1863 года, польскими повстанцами. Могила эта въ настоящее время находится въ крайне заброшенномъ видѣ, даже безъ креста, и грозитъ совершеннымъ исчезновеніемъ всякихъ ея признаковъ. Между тѣмъ храбрые и вѣрные защитники отечества заслуживали бы того, чтобы мѣсто упокоенія ихъ останковъ сохранилось въ цѣлости на будущіе вѣка, въ воспоминаніе ихъ мученической кончины и какъ должная дань ихъ заслугамъ. «Варшавскій Дневникъ», посредствомъ своего корреспондента К. Л., обнародовалъ нѣсколько документовъ, повѣствующихъ о трагической смерти доблестныхъ русскихъ воиновъ. Вотъ, въ извлеченіи, эта грустная повѣсть. Близь деревни Неклапя, въ лѣсу, называемомъ Пекло, расположилась банда повстанцевъ, у которой находился въ плѣну русскій солдатъ Антонъ Турлинъ. Вскорѣ явилась другая шайка повстанцевъ, которая вела русскихъ плѣнныхъ: офицера, какъ впослѣдствіи оказалось, капитана Никифорова, и четырехъ рядовыхъ Полоцкаго полка, которыхъ разъяренная толпа мятежниковъ, не смотря на ихъ раны, подвергала побоямъ и осыпала бранью, въ особенности капитана Никифорова, шедшаго въ одной рубашкѣ и босымъ. Остановивъ свою команду, начальникъ банды Чаховскій подозвалъ и другихъ бывшихъ въ лѣсу плѣнныхъ, а въ числѣ ихъ и Турлина, и велѣлъ всѣмъ имъ исповѣдоваться и готовиться къ смерти; но когда всѣ плѣнные рѣшительно отказались отъ исповѣди у польскаго ксендза, то повстанцы раздѣли ихъ до-нага и, накинувъ на нихъ петли, повели ихъ съ крикомъ и начали вѣшать по одиночкѣ. Прежде всего повѣсили полицейскаго, потомъ солдатика, затѣмъ уже капитана Никифорова, на рукѣ и ногѣ котораго зіяли оставленныя безъ перевязки раны. Повстанцы дѣлали надъ нимъ жестокія истязанія, но онъ до послѣдней минуты выказывалъ твердость духа и, не унижаясь ни предъ предводителемъ, ни предъ его шайкой, рѣзко порицалъ Чаховскаго. Когда онъ уже висѣлъ на деревѣ, правая его рука вдругъ поднялась съ сжатымъ кулакомъ вверхъ и пригрозила мучителямъ. Эта неожиданность навела страхъ на повстанцевъ; но вскорѣ они оправились и, повѣсивъ еще четырехъ рядовыхъ Полоцкаго полка, вздернули на веревку и свидѣтеля всей этой сцены, Антона Турлина; едва онъ повисъ, какъ веревка оборвалась и солдатикъ замертво повалился на землю; но вскорѣ онъ очнулся и Чаховскій приказалъ вторично его повѣсить. Это звѣрство поразило даже разношерстную шайку повстанцевъ, среди которыхъ нашлись люди, вступившіеся за несчастнаго, на колѣняхъ умоляя пощадить

его. Чаховскій послѣ долгаго колебанія согласился. Вскорѣ шайка Чаховскаго была настигнута, у деревни Жечнева, отрядомъ подполковника Насѣкина, и Антонъ Турлинъ воспользовался этимъ и бѣжалъ отъ повстанцевъ для того, чтобы прежде всего разсказать начальству все видѣнное, слышанное и имъ самимъ испытанное. Разсказъ этотъ подтвердили сами повстанцы, захваченные при разбитіи шайки Чаховскаго, и одинъ изъ нихъ, Осипъ Гузовскій, сознался, что онъ былъ исполнителемъ смертныхъ приговоровъ своего начальника и самъ вѣшалъ русскихъ. Дней пять спустя послѣ того, штабсъ-капитанъ Полоцкаго полка Кокушкинъ, по приказанію полковника Эрнрота, отправился въ лѣсъ Пекло въ сопровожденіи 11 человѣкъ крестьянъ, которые и указали мѣсто, гдѣ были зарыты замученные. По разрытіи ямы, тѣла капитана Никитина и фельдшера Аѳанасьева были узнаны присутствовавшими, остальныя же тѣла—4 солдатъ и 1 гражданина—остались неузнанными. Всѣ тѣла, кромѣ послѣдняго, были нагія, съ веревками на шеѣ, и начали уже разлагаться. По составленіи акта осмотра, тѣла были снова преданы землѣ, а впослѣдствіи были перевезены въ Петроковъ и погребены на православномъ кладбищѣ, въ той самой могилѣ, убогій видъ которой далъ поводъ напомнить о трагической смерти русскихъ воиновъ-мучениковъ.

† 13-го января, въ Кіевѣ, профессоръ **Александръ Ѳедоровичъ Кистяковскій**, почетный членъ С-Петербургскаго университета. Потеря тягостная, не вознаградимая. Покойный съ обширными знаніями соединялъ непоколебимую нравственную стойкость; онъ воспитывалъ не только умы, но и сердца своихъ многочисленныхъ слушателей, и его сердце было всегда открыто для лучшихъ стремленій молодежи, для ея возвышенныхъ идеаловъ. Еще въ ноябрѣ, Петербургъ видѣлъ его вполнѣ бодрымъ. Въ этотъ пріѣздъ сюда Александръ Ѳедоровичъ еще смѣло смотрѣлъ въ лицо будущему, какъ достойный служитель русской науки. Русскую юридическую литературу онъ обогатилъ такими капитальными трудами, какъ изслѣдованія «О мѣрахъ пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда», «О смертной казни», «Молодые преступники», а его «Учебникъ общаго уголовнаго права», выдержавшій два изданія, сталъ настольною книгою всякаго образованнаго русскаго юриста; въ повременной юридической литературѣ, кромѣ того, Кистяковскій отзывался по всѣмъ выдающимся вопросамъ русской юридической жизни. Основатель юридическаго Общества при Кіевскомъ университетѣ, онъ положилъ много труда и энергіи на разработку обычнаго права. Независимо отъ того, принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи и судьбахъ кіевской колоніи для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Но самое важное наслѣдіе оставлено имъ потомству всею цѣлостностью его нравственной личности. Наслѣдіе это — завѣтъ правды и добра, прямоты и искренности, нравственной стойкости, любви къ идеальному и труда въ наукѣ.

† 22-го января, писатель **Ѳедоръ Николаевичъ Устряловъ**, сынъ извѣстнаго историка-академика. Покойный получилъ образованіе въ С.-Петербургскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. При открытіи новыхъ судебныхъ учрежденій Устряловъ занималъ должность мироваго судьи. Большая часть его литературной дѣятельности была посвящена театру. Устряловымъ написаны комедіи: «Слово и дѣло», «Чужое счастье» и друг., изъ которыхъ «Слово и дѣло» пользовалось значительнымъ успѣхомъ, благодаря литературнымъ достоинствамъ и ловкому изображенію типа нигилиста (въ образѣ героя комедіи—Вертяева). Одно время покойный состоялъ издателемъ газеты «Новое Время», пріобрѣтенной имъ отъ Киркора. Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» послѣднихъ двухъ лѣтъ печатались интересныя воспоминанія Ѳ. Н. Устрялова. Покойный скончался, не достигнувъ пятидесятилѣтняго возроста.

† 20 января, въ Кутаисѣ, **Михаилъ Викторовичъ Малаховъ**, молодой ученый, подававшій большія надежды. Онъ былъ членомъ-сотрудникомъ император-

скаго географическаго и археологическаго Обществъ и нѣкоторое время занимался въ Статистическомъ Комитетѣ министерства внутреннихъ дѣлъ и исполнялъ обязанности секретаря въ отдѣленіи этнографіи географическаго Общества. Уроженецъ Екатеринбурга, знатокъ уральскаго края и дѣятельный областной работникъ, покойный произвелъ на Уралѣ много раскопокъ и этнографическихъ изслѣдованій, опыты о которыхъ напечатаны имъ въ «Запискахъ» географическаго Общества. Кромѣ того, нѣсколько статей его было напечатано въ «Древней и Новой Россіи» и «Живописномъ Обозрѣніи». Сильнѣйшая чахотка свела его въ могилу на двадцать девятомъ году отъ рожденія.

† **Евгеній Пелльтанъ**, выдающійся политическій дѣятель Франціи за послѣднее полустолѣтіе и писатель, въ Парижѣ, 71 года. Въ 1849 г., онъ уже былъ извѣстенъ литературными трудами и журнальной дѣятельностью и вступилъ въ составъ редакціи «Bien Public», органа Ламартина, поддерживавшаго опозицію противъ президентства Луи-Наполеона. Послѣ государственнаго переворота 2-го декабря, Пелльтанъ сдѣлался редакторомъ «Siècle» и открылъ кампанію противъ второй имперіи. Онъ требовалъ амнистіи и уничтоженія смертной казни за политическія преступленія. Въ 1855 году, Пелльтанъ перешелъ въ «Presse», разошелся съ Ламартиномъ, обратилъ на себя общее вниманіе письмами къ «падшему человѣку», доказывалъ гибельность вліянія Беранже, котораго онъ считалъ однимъ изъ главныхъ создателей наполеоновской легенды. Благодаря этой дѣятельности, въ 1863 г. Пелльтанъ былъ избранъ парижскимъ депутатомъ. Черезъ шесть лѣтъ онъ опять одержалъ побѣду надъ правительственнымъ кандидатомъ. Во время осады Парижа, состоя однимъ изъ членовъ правительства 4-го сентября, онъ игралъ второстепенную роль. Съ 1876 г. онъ сдѣлался сенаторомъ и пользовался вліяніемъ въ верхней палатѣ. Главныя сочиненія его: «Profession de foi du XIX siécle», «Le monde marche» (переведены въ извлеченіи въ «Иллюстрированной Газетѣ» 1859—1863 г.) «Исторія браманизма», «Исторія февральскихъ дней», «Le pasteur du désert», «Les morts inconnus». «Les rois philosophes» и др.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Ничипоръ Майный.

Читая интересныя кавказскія воспоминанія К. А. Бороздина, печатающіяся въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подъ заглавіемъ «Упраздненіе двухъ автономій», мнѣ невольно пришло въ голову, что у насъ мало, кто знакомъ съ обстоятельствами приведенія въ русское подданство князя Дадіана и Мингреліи, совершеннаго трудами дѣда моего Никифора Романовича Майнова, портретъ котораго и бумаги хранятся у меня и у двоюроднаго брата моего Ивана Васильевича Майнова.

Происхожденія дѣдъ мой былъ истоваго казацкаго, запорожскаго, ибо отецъ его, Романъ Корніевскій-Майный, былъ выведенъ изъ Сѣчи, какъ человѣкъ, не смиряющійся предъ силою и не сочувствующій новымъ порядкамъ, наступившимъ на Запорожьѣ; говорилъ дѣдъ порусски съ сильнымъ малорусскимъ акцентомъ, да и въ нравѣ и обычаяхъ своихъ носилъ малорусскую отмѣтину, которую великоруссы находили смѣшною, а мы назовемъ характерною и желанною въ человѣкѣ; ни передъ кѣмъ онъ не гнулся, баръ и барынь не жаловалъ, и самъ бывало, будучи уже богатымъ человѣкомъ, ѣзжалъ изъ калужскаго имѣнія своего въ «степь», т. е. въ Воронежскую губернію, «на своихъ» и притомъ съ замороженнымъ нарочито борщомъ, куда клалась утка, сало и баранина, какъ то и подобаетъ истовому малорус-

скому борщу. Впрочемъ, не смотря на всю простоту своей обстановки, прадѣдъ захотѣлъ какимъ нибудь образомъ вывести своего сына въ люди, а такъ какъ тогда выходить въ люди представлялся одинъ только путь—военная служба, то юнаго Ничипора къ ней и стали по возможности подготавливать: духу военнаго не занимать было стать въ силу наслѣдственности; къ выносливости пріучали дѣда съизмалѣтства, а наукъ въ тѣ времена не требовалось, кромѣ одной: будь исполнителенъ. Правда, служить тогда начинали слишкомъ рано и. пользуясь правами казацкаго старшинскаго рода, дѣдъ уже четырехъ лѣтъ отъ роду былъ записанъ въ 1775 году въ Таврическій гренадерскій полкъ сержантомъ; хотя полкъ былъ и не видный, но всеже производство тамъ шло не тихо, благодаря отчасти частымъ войнамъ, а отчасти и тому, что князь Потемкинъ особенно любилъ свой полкъ и всѣхъ, кто въ немъ хотя когда нибудь числился; благодаря разнымъ обстоятельствамъ, а отчасти, конечно, и своей личной храбрости, нашъ Ничипоръ шелъ да шелъ себѣ впередъ ускореннымъ шагомъ. такъ что въ 1784 году мы видимъ его аудиторомъ, черезъ годъ поручикомъ, а въ 1792 году, двадцати одного года отъ роду, капитаномъ также привиллегированнаго Екатеринославскаго егерскаго полка. Въ это время онъ успѣлъ уже побывать въ походахъ и понюхать пороху; такъ, напримѣръ, въ 1786 году, онъ дрался на Крымскомъ полуостровѣ противъ турокъ, бралъ въ слѣдующемъ году Карасубазаръ, а затѣмъ участвовалъ въ походѣ на Бахчисарай, когда подъ селеніемъ Буюкъ-эгилау русскіе помѣшали турецкой вспомогательной эскадрѣ высадить въ Крыму дессантъ; наконецъ, въ 1788 году, онъ участвовалъ во взятіи Очакова, и позднѣе удостоился драться на глазахъ славнаго Суворова, который «хохликовъ» вообще любилъ, а неглупыхъ и не отказывавшихся отъ работы и вовсе протежировалъ. Такъ и шла Ничипорова служба безъ сучка и задоринки; въ 1794 году онъ былъ уже маіоромъ, въ 1799 — подполковникомъ 9-го егерскаго полка, а въ 1801 году — полковникомъ; все это время онъ почти не отставалъ отъ Суворова, который видимо благоволилъ къ нему; дрался онъ въ Польшѣ подъ Варшавою, подъ Краковымъ, при переправѣ у Казеницъ черезъ Вислу, при Мочеовицахъ и, наконецъ, при взятіи въ плѣнъ Костюшки и при штурмѣ Праги, за который имѣлъ знаменитый золотой крестъ. Затѣмъ, онъ отправился искать военные подвиги и отличія на Кавказъ, гдѣ въ то время кипѣла борьба съ мусульманскимъ міромъ за обладаніе этою райскою страною. Впослѣдствіи, въ виду желанія тогдашняго владѣтельнаго князя Дадіана принять русское подданство со всѣмъ своимъ народомъ, полковникъ Майный былъ командированъ княземъ Циціановымъ, тогдашнимъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, чтобы выполнить это дѣло и присоединить такимъ образомъ Мингрелію къ Россійской имперіи. Дѣло было не шуточное, тѣмъ болѣе, что Циціановъ не особенно любилъ упрямаго, гордаго и самолюбиваго хохла, не гнувшаго ни передъ кѣмъ шеи, а царь имеретинскій, находившійся въ открытой войнѣ съ владѣльцемъ Мингреліи, узналъ о предполагающемся присоединеніи и запретилъ всякія сношенія русскихъ черезъ подвластную ему Карталинію и Имеретію съ владѣніями Дадіана; границу берегли чрезвычайно внимательно, а когда имеретинскій царь провѣдалъ, что какой-то Майный, казакъ, идетъ уже по его государству, то объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, что заплатитъ за его голову 5,000 червонцевъ. Когда дѣдъ попалъ въ Ахалцыхъ, то Селимъ-паша, командовавшій въ то время этимъ городомъ, познакомился съ нимъ и показывалъ ему письмо царя имеретинскаго, который просилъ Селима-пашу убить московскаго посланца и послать ему «его собачью голову». Дѣда покоробило отъ этого совсѣмъ неподходящаго сравненія его хохлацкой головы, но онъ не растерялся и увѣрилъ пашу, что «ѣдетъ въ Одышь по повелѣнію главнокомандующаго предложить князю Георгію Дадіану, по волѣ государя императора, не возьметъ ли онъ денегъ, нужныхъ ему въ войнѣ за крестъ изъ Карталиніи, слѣдующій приданствомъ его супругѣ, отцомъ еще ея покойнымъ царемъ Георгіемъ назначенный, о чемъ государя императора просятъ-де грузины». Паша сразу не повѣрилъ хитрому казаку и сталъ его всячески по-своему, повосточному, испытывать; дѣдъ выдержалъ испытаніе и черезъ шесть дней вошелъ съ Селимомъ въ самыя пріятныя отношенія, такъ что хозяинъ его, отпуская его въ путь, сказалъ ему слѣдующее: «знаю тебя, кунакъ, добрымъ человѣкомъ и сосѣдомъ Ацхура моей крѣпости, откудова (все оскобленное—подлинныя слова, взятыя изъ бумагъ дѣда съ сохраненіемъ правописанія) ко-

мендантъ нѣсколько разъ писавши ко мнѣ хвалилъ тебя въ справедливомъ разборѣ моихъ подданныхъ съ грузинами (дѣдъ долго былъ коммиссаромъ на турецко-имеретинской границѣ въ Сурамѣ); я тебѣ вѣрю и не вѣрю царю имеретинскому, который убѣждаетъ меня противу тебя на безчестное дѣло и распустилъ молву въ народѣ, будто ты ѣдешь вводить Мингрелію въ подданство Россіи; только обрати (отошли) твой конвой и переодѣнься; я беру на свою отвѣтственность сберечь тебя, какъ добраго пріятеля моего въ пути своимъ конвоемъ и далъ уже назначенному съ тобою тестю моему Хаджибею открытое повелѣніе къ беямъ приморскимъ». Само собою разумѣется, что дѣдъ не сталъ прохлаждаться долѣе въ Ахалцыхѣ и пользоваться гостепріимствомъ своего «добраго пріятеля»; тотчасъ же отпустилъ онъ свой конвой, состоявшій изъ полусотни казаковъ и роты егерей, и тронулся въ дальнѣйшій путь подъ защитою Хаджи-бея, байрахтара и 8-ми рядовыхъ турокъ. Дѣло было трудное и главное — опасное. Дѣдъ былъ переодѣтъ, отлично говорилъ потурецки и погрузински, но всеже его легко могли узнать, да къ тому же слышно было, что и самъ князь Циціановъ не особенно бы опечалился, если бы дѣдъ не сносилъ своей буйной головы, такъ какъ онъ не могъ переварить хохлацкой прямоты и непривычки къ стѣсненію въ разговорѣ, которую не разъ проявлялъ нашъ Ничипоръ. Въ Батумѣ случился новый казусъ и притомъ не изъ особенно пріятныхъ. Какъ и слѣдовало ожидать, дѣдъ остановился въ ханѣ, или постояломъ дворѣ, куда прибылъ и какой-то очень важный турокъ, возвращавшійся домой въ Эрзерумъ отъ царя имеретинскаго; познакомились, разговорились. Дѣдъ былъ дѣтина ражій, ловкій и скоро пріобрѣлъ расположеніе турка. «Ты, — говоритъ разъ новый его пріятель, — малый хорошій и проворный, чего ты не попробуешь счастья? Вотъ царь имеретинскій обѣщалъ 5,000 дукатовъ тому, кто принесетъ ему голову какого-то москова по имени... по имени... джины (черти) разберутъ ихъ собачьи имена! поищи его, убей и можешь быть на всю жизнь счастливымъ». Ясно, что нашъ Ничипоръ, хоть и переживалъ непріятныя минуты, однако, не подалъ о томъ и вида, поблагодарилъ пріятеля и обѣщалъ употребить всѣ усилія, чтобы изловить «московскую собаку и прирѣзать ее во славу пророка». Счастливо проѣхалъ дѣдъ до устья Ріона черезъ Чакву и затѣмъ на баркѣ проплылъ до Поти и до селенія Чаладиди, гдѣ въ то время находился князь Дадіанъ. Собрались въ Чаладиди всѣ мингрельскіе князья и дворяне и дѣдъ сталъ приводить ихъ къ присягѣ, начавъ съ владѣльца; все обошлось благополучно и Мингрелія, не стоивъ Россіи ни капли крови, стала одною изъ нашихъ провинцій, благодаря самопожертвованію Ничипора. Съ той поры дѣдъ сталъ съ Цицiановымъ въ отношенія крайне недружелюбныя; этотъ главнокомандующій еще при отправкѣ дѣда говорилъ: «когда исполнишь порученіе и возложишь Александровскій орденъ на владѣльца, пріятно для меня будетъ всеподданнѣйше просить и вамъ за таковую услугу слѣдующій чинъ съ отличіемъ генеральскимъ»; но порученіе было исполнено, а о наградѣ не было и помину, напротивъ того, Цицiановъ сталъ именно съ той поры всячески высказывать дѣду свое неблаговоленіе, такъ что обиженный подалъ, наконецъ, прошеніе о переводѣ его въ Московскій гарнизонный полкъ; тутъ только «князь Цицiановъ тронутъ будучи безвинно нанесенной мнѣ обидою, на запросъ государя императора, далъ всеподданнѣйшее объясненіе, на истинѣ основанное, отправленное съ фельдъегеремъ въ началѣ марта 1805 года, о содержаніи коего князь Цицiановъ какъ лично съ благосклонностью, такъ и письменно извѣстилъ меня». Между тѣмъ въ это время дѣдъ успѣлъ вынести персидскую войну 1804 года, бралъ Эривань и дрался чуть не каждый день съ персами до той минуты, когда былъ раненъ, такъ что, наконецъ, въ 1810 году, долженъ былъ выйдти въ отставку. Настала Отечественная война 1812 года и дѣдъ, избранный командиромъ калужскаго ополченія, выпроваживалъ Наполеоновскую армію изъ Россіи, уже женатый на первостатейной красавицѣ — Семеновой; молодая женщина не покинула своего Ничипора въ тяжкую годину французскаго нашествія и, переодѣвшись въ ополченское платье, сопровождала мужа въ походѣ, раздѣляя съ нимъ и радости, и горести, какъ въ походѣ, такъ и во время долгой осады Данцига.

Умеръ Никифоръ Романовичъ полковникомъ, всѣми уважаемый и любимый, остроумный и веселый вплоть до самой своей кончины. Въ награду за присоединеніе Мингреліи высочайше даровано ему русское дворянство съ

перемѣною фамиліи Корніевскій-Майный въ удобопроизносимую для великороссовъ фамилію — Майновъ, а въ гербѣ рода Майновыхъ повелѣно было изобразить: «въ золотомъ полѣ вылетающій черный двуглавый орелъ съ распростертыми крыльями» и «горизонтально рѣка съ надписью: Ріонъ». Дѣти Никифора Майнова приняты были на казенный счетъ въ пажескій корпусъ и смольный институтъ, да тутъ же кстати приключилось и одно весьма комичное происшествіе; бабка моя, Лизавета Васильевна (сестра покойнаго сенатора Семенова и невѣстка Львовыхъ), какъ я уже сказалъ, красавица писанная, танцовала на балу, данномъ калужскимъ дворянствомъ императору Александру I, при проѣздѣ его черезъ Калугу, съ государемъ, который разспрашивалъ ее о подвигѣ дѣда и, въ концѣ концовъ, сказалъ своей дамѣ: «всѣ дѣти ваши будутъ воспитываться на мой счетъ... сколько у васъ дѣтей?» — «Ше... ше...» — залепетала моя бабка, но тотчасъ вспомнила что-то и брякнула: «семь!» Государь улыбнулся, тогда только замѣтивъ нѣкоторую полноту своей дамы, и милостиво проговорилъ: «не безпокойтесь, — и этотъ тоже!»

Изъ рода Майновыхъ остались теперь въ живыхъ: сынъ Василія Никифоровича Майнова — Иванъ, дядя мой, Владиславъ Никифоровичъ Майновъ, да я — все остальное перемерло. Есть и до сихъ поръ еще Майные, но и они почему-то называютъ себя Майновыми, хотя и не имѣютъ на это права.

Владиміръ Майновъ.

Могила іеромонаха Арсенія въ Верхнеудинскѣ.

Въ письмѣ барона В. И. Штейнгейля, напечатанномъ въ прошедшемъ году въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (августъ), подъ заглавіемъ «Сибирскіе сатрапы», на стр. 370, по поводу упоминанія о митрополитѣ Арсеніи, похороненномъ, какъ сказано въ письмѣ, въ Нижнеудинскѣ, П. П. Каратыгинымъ, сообщавшимъ намъ это письмо, сдѣлано въ выноскѣ примѣчаніе о томъ, что въ мѣстныхъ преданіяхъ съ личностью іеромонаха Нижегородскаго монастыря Арсенія, сосланнаго въ Нижнеудинскъ, очевидно смѣшана личность бывшаго митрополита Ростовскаго, Арсенія Мацѣевича, умершаго въ Ревелѣ, 28-го февраля 1772 года. Эта замѣтка вызвала со стороны одного изъ давнихъ мѣстныхъ обывателей города Верхнеудинска, г. Е. С. Путилова (войсковаго старшины 1-й Забайкальской казачьей конно-артиллерійской баттареи), слѣдующее сообщеніе, которое мы печатаемъ съ удовольствіемъ:

«Всякому жителю города Верхнеудинска [1]) извѣстно, что въ окрестности города, на горѣ «у Троицы», на общественномъ кладбищѣ (по тракту въ городъ Нерчинскъ), похороненъ какой-то іеромонахъ Арсеній, возвращавшійся изъ ссылки изъ Нерчинскаго монастыря въ Европейскую Россію. По свѣдѣніямъ, имѣющимся у верхнеудинскаго причта, іеромонахъ Арсеній въ Сибирь сосланъ былъ въ 1763 году, въ царствованіе императрицы Екатерины II, и прощенъ былъ уже только въ 1771 году, доживя въ ссылкѣ до глубокой старости (умеръ 74 лѣтъ отъ роду [2]).

«Къ этимъ свѣдѣніямъ, народное преданіе, почитая іеромонаха Арсенія какъ личность честную, хорошую, какъ человѣка «житія святаго», прибавляетъ: «не доѣзжая четырехъ верстъ до города Верхнеудинска, іеромонахъ Арсеній остановилъ ямщика, вышелъ изъ повозки, вымылся въ рѣчкѣ «Березовкѣ», протекающей у дороги, переодѣлся въ чистое бѣлье и сказалъ ямщику:

— «Я чувствую себя плохо, скоро умру; похоронить меня на томъ мѣстѣ, гдѣ остановятся кони.

«Проѣзжая по горѣ, при спускѣ въ городъ, лошади остановились. Ямщикъ взглянулъ: іеромонахъ Арсеній уже былъ мертвъ. Его похоронили на

---

[1]) Слѣдовательно, въ письмѣ барона В. И. Штейнгейля ошибочно названъ Нижнеудинскъ.

[2]) Одинаковаго возроста съ митрополитомъ Арсеніемъ, родившимся въ 1697 году. П. К.

томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится общественное городское кладбище. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, надъ его могилой, которая теперь занимаетъ средину кладбища, неизвѣстно кѣмъ сооружена часовенька во имя преподобнаго Арсенія. Ежегодно, въ день его кончины, будто бы совпадавшей съ днемъ чествованія нашею церковью памяти преподобнаго Арсенія (8-го мая), на Верхнеудинскомъ городскомъ кладбищѣ бываетъ церковная «служба» и при часовенькѣ служится панихида.

«До сооруженія часовеньки, надъ могилою іеромонаха Арсенія былъ простой каменный «голбчикъ» съ придѣланнымъ къ нему образомъ преподобнаго Арсенія великаго, молящагося предъ св. Распятіемъ. Самый образъ, нынѣ потерпѣвшій отъ времени и вліянія атмосферы, писанъ масляными красками на жести (вышина 32 сантиметра, ширина 27 сантиметровъ). Живопись кисти неизвѣстнаго художника весьма хороша. На оборотной сторонѣ образа, на нарисованной сѣрой колонкѣ, черною масляною краскою сдѣлана слѣдующая надпись:

«Въ верхней части:
«Въ прікладъ к Троицкой церкви».
«По срединѣ:
«На мест Сѣмъ Погрѣбенъ:»
«Въ 1771 году с̆мирѣнный»
«Іеромонахъ Арсѣній. Бывшій»
«Митрополитъ Ростовскій и»
«Ярославскій — и сѣго достоінства»
«въ 1763 Году лишенъ».
«Внизу:
«сѣ образъ п̆р Арсѣнія Вѣликаго»
«празднуемъ Въ дѣнь 8 Мания».
«Писанъ Въ 1815. Года изъждивѣниемъ»
«Купца Логина Саватіева Орлова»[1]).

«Нынѣ этотъ образъ находится у протоіерея Верхнеудинскаго собора о. Амфилогія Кузнецова.

«Въ 1883 году, при разборкѣ дѣлъ въ архивѣ при Верхнеудинскомъ полицейскомъ управленіи найдена была опись дѣламъ бывшихъ верхнеудинскихъ комендантскаго управленія и городской полиціи съ 1765 по 1802 годъ. Въ ней, между прочимъ, въ числѣ «входящихъ» бумагъ значится:

«1789 г. сентября 20 № 715—50.

«По указу Иркутскаго Намѣстническаго Правленія о кончинѣ здѣшней «епархіи Преосвященнаго Михаила Епископа Иркутскаго и Нерчинскаго и «о выправкѣ о погребенномъ при Троицкой церкви привезенномъ «изъ Нерчинскаго Успенскаго монастыря схимонахѣ Арсеніи — какого онъ былъ прежде достоинства».

«Сентября 18-го 1792 года на 5 листахъ.

«Къ сожалѣнію, «выправка» эта нынѣ затеряна и если что извѣстно о ней, то можно узнать изъ архивныхъ дѣлъ Нерчинскаго собора, такъ какъ дѣла Нерчинскаго Успенскаго монастыря хранились прежде при соборѣ, въ городѣ Нерчинскѣ, гдѣ было духовное правленіе».

Е. С. Путиловъ.

Декабристъ Тизенгаузенъ.

Въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» напечатаны «Выдержки изъ записной книжки» г. П. К. Мартьянова, гдѣ, между прочимъ, приведенъ, слышанный авторомъ отъ г. Климова, разсказъ объ арестѣ въ 1849 году въ Кіевѣ бѣжавшаго изъ Сибири декабриста Тизенгаузена и его помилованіи императоромъ Николаемъ по просьбѣ тогдашняго кіевскаго генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова.

---

[1]) Тождество именъ ссыльнаго іеромонаха и митрополита Ростовскаго и наказаніе, постигшее ихъ обоихъ одновременно, наконецъ, одинаковый возростъ— вотъ единственныя данныя, на которыхъ основались мѣстныя преданія. Надпись на образѣ ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ тому, что Арсеній Верхнеудинскій — именно Арсеній Мацѣевичъ. П. К.

Въ этомъ разсказѣ или невѣренъ самый фактъ событія, или неправильно приведена фамилія Тизенгаузена. Я имѣлъ честь познакомиться съ этимъ самымъ декабристомъ Тизенгаузеномъ, зимою 1851—1852 годовъ, въ Екатеринбургѣ, въ домѣ моей родственницы, Натальи Григорьевны Одынецъ, рожденной Глинки. Онъ никогда не бѣгалъ изъ Сибири, а былъ освобожденъ императоромъ Николаемъ изъ ссылки не по ходатайству Бибикова, а по просьбѣ служившаго при главноначальствующемъ надъ почтовымъ дапартаментомъ, роднаго сына своего, который самъ нарочно пріѣзжалъ за отцомъ въ Сибирь.

Ѳ. С. Глинка.

По поводу изданія „Уединенный Пошехонецъ".

Какъ ярославецъ и какъ скромный библіографъ, я задумалъ на мѣстѣ родины этого перваго русскаго провинціальнаго журнала (т. е. въ Ярославлѣ), возобновить эту библіографическую рѣдкость, которой въ январѣ будущаго 1886 года исполнится столѣтній юбилей, перепечатавъ ее изъ слова въ слово, изъ буквы въ букву, соблюдая даже всѣ такъ называемыя типографскія «погрѣшности».

Худо или хорошо исполненъ мною этотъ трудъ — судить не мнѣ. Во всякомъ случаѣ моя библіографическая совѣсть чиста предъ тѣми любителями русской книжной старины, которые сочувственно привѣтствовали меня за его изданіе. Оно окончено уже давно, болѣе года назадъ, слѣдовательно даже ранѣе обѣщаннаго мною срока для его выпуска изъ типографіи. Книга (in 8°), заключающая въ себѣ 304 страницы, напечатана въ типографіи ярославской губернской земской управы; но встрѣтились разныя препятствія, нисколько отъ меня не зависѣвшія, къ напечатанію предисловія. Я желалъ придать ему необходимую полноту, въ связи съ исторіей русской провинціальной журналистики. Это мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось. Это, конечно, неутѣшительно для меня, какъ для издателя; но самый текстъ «Уединеннаго Пошехонца» смѣю увѣрить моихъ гг. пренумерантовъ-библіофиловъ — рѣшительно ничего не потерялъ.

Позвольте высказать еще нѣсколько словъ: книга моя напечатана въ числѣ 450 экземпляровъ. Смѣю думать, что это не разоритъ Россію въ лицѣ ея библіографовъ и библіофиловъ. Изъ нихъ уплатили мнѣ деньги не болѣе, какъ 217 человѣкъ; остальные ограничились подпиской на условіи довольно туманномъ: «запишите, дескать, насъ въ число пренумерантовъ, а деньги будутъ высланы...» Да такъ и забыли выслать! Подписка состоялась, а денегъ нѣтъ... За то нѣтъ также недостатка въ оскорбительныхъ посланіяхъ, адресованныхъ на мое имя и даже на имя ярославской губернской земской управы, которая въ моемъ грѣхѣ (если только это правдивое разъясненіе можно считать грѣхомъ) рѣшительно не участвовала... Она только дала мнѣ возможность напечатать въ своей типографіи моего злополучнаго «Уединеннаго Пошехонца» на извѣстныхъ условіяхъ. Типографія выпуститъ въ свѣтъ это изданіе, получивши откуда слѣдуетъ установленный билетъ, — и затѣмъ, не медля ни одного дня, я приступлю къ разсылкѣ «Уединеннаго Пошехонца».

Господа петербургскіе библіографы могутъ видѣть его въ редакціи «Историческаго Вѣстника», у Сергѣя Николаевича Шубинскаго, къ которому я отправилъ изданіе мое назадъ тому мѣсяцъ, въ виду «самозащиты» отъ незаслуженныхъ злобныхъ упрековъ, а также въ виду того, что г. Шубинскій первый изъ редакторовъ отнесся къ «Уединенному Пошехонцу» честно и доброжелательно [1].

Покорнѣйше прошу редакціи другихъ журналовъ и газетъ перепечатать это письмо. Онѣ такимъ образомъ доведутъ до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, что неумышленное замедленіе въ изданіи «Уединеннаго Пошехонца» было бы слишкомъ жестоко ставить въ вину мнѣ, какъ издателю, который никогда не разсчитывалъ на матеріальныя выгоды отъ своего скромнаго библіографическаго труда.

Леонидъ Трефолевъ.

[1]) Экземпляръ «Уединеннаго Пошехонца» изданнаго вполнѣ библіографически, полученъ нами отъ г. Трефолева еще въ январѣ мѣсяцѣ. Ред.

морскому министру вмѣстѣ съ донесеніемъ капитана Бѣрри. Въ три часа пополудни, лодка обогнула мысъ, среди котораго на разстояніи около 150 ф. отъ берега возвышался совершенно вертикально стоящій, столпообразный утесъ, футовъ во сто вышины. Здѣсь экспедиція наткнулась на массу плавучаго льда, который простирался на востокъ, на сколько хватало зрѣніе; ближе къ берегу ледъ былъ не такъ густъ, и потому лодка двинулась впередъ по этому узенькому каналу; нѣсколько часовъ сряду продолжалось это трудное путешествіе, причемъ приходилось грести только самыми короткими веслами и потому подвигаться лишь чрезвычайно медленно впередъ. Однако, около 6 часовъ вечера ледъ до такой степени сгустился, что лейтенантъ Уэрингъ увидѣлъ себя въ необходимости въ первомъ же удобномъ мѣстѣ вытащить лодку на берегъ. Здѣсь отрядъ расположился на ночлегъ, а, такъ какъ и на слѣдующее утро состояніе льда было то же, то гг. Уэрингъ и Кастильо предприняли экскурсію къ довольно высокому холму, который возвышался на нѣкоторомъ разстояніи отъ лагеря на сѣверъ. Послѣ чрезвычайно утомительнаго карабканья, имъ удалось, наконецъ, добраться до вершины, откуда они могли озирать западную часть берега на очень значительное разстояніе—это хотя немного вознаградило ихъ за перенесенные ими труды при подъемѣ. Тотъ пунктъ, на которомъ они находились, былъ самымъ выдающимся на сѣверо-востокъ мысомъ острова; на сѣверъ не было видно никакой земли. На западъ берегъ былъ необыкновенно плоскій; нѣсколько длинныхъ и низкихъ косъ далеко простирались съ этой стороны въ море; въ глубокихъ бухтахъ между ними лежалъ сплошными массами ледъ. На слѣдующее утро погода была ясная; съ берега въ ONO направленіи совершенно ясно можно было разглядѣть очертанія острова Гаральда. Около 9 часовъ ледъ началъ мало-по-малу отходить отъ берега, что давало возможность снова приняться за короткія весла и попробовать идти на нихъ впередъ. Черезъ шесть часовъ, послѣ усиленныхъ трудовъ удалось обогнуть предгоріе и оставить за собою около 5 миль береговой линіи сѣверной части острова, но когда въ пять часовъ пополудни хотѣли снова пуститься въ путь, то натолкнулись на непреодолимыя препятствія; цѣлыхъ полтора часа люди выбивались изъ силъ, чтобы пробить себѣ среди льда дорогу и только съ непомѣрнымъ трудомъ, да и то лишь потому, что лодка была поспѣшно повернута назадъ, экспедиціи удалось избѣжать неминуемой опасности, а быть можетъ и гибели между двухъ огромныхъ ледяныхъ глыбъ, столкнувшихся съ такою страшною, всесокрушающею силою, противъ которой не устояло бы и самое крѣпкое судно. Приходилось радоваться, что удалось въ концѣ-концовъ найдти узенькій проходъ къ берегу, такъ какъ черезъ пять минутъ отъ него не осталось и слѣда; повсюду кругомъ виднѣлась лишь сплошная масса сталкивающагося, треща-

щаго и громоздящагося льда. Къ концу дня палъ сильный туманъ, продолжавшійся и на слѣдующее утро, а небольшой сѣверный вѣтеръ, пригнавшій наканунѣ ледяныя массы къ берегу, не замедлилъ усилиться и принесъ съ собою снѣжную мятель. Подлѣ берега все еще лежалъ ледъ, изъ котораго образовались цѣлыя башни; если бы вѣтеръ не перемѣнился, то не было никакой надежды, чтобы около берега очистился путь. Рекогносцировка, предпринятая лейтенантомъ Уэрингомъ на сѣверъ и на западъ, показала, что состояніе льда на далекое разстояніе отъ острова то же, что и у самаго берега. 1-е сентября проведено было очень печально; погода была пасмурная, а въ положеніи льда не было замѣчено ни малѣйшей перемѣны, которая подала бы хоть слабую надежду на скорое освобожденіе; нечего было обманывать себя, прямой путь былъ закрытъ и оставался лишь одинъ выходъ изъ затруднительнаго положенія, именно: покинуть лодку тамъ, гдѣ она находилась въ настоящее время и идти къ «Роджерсу» сухимъ путемъ. Конечно, все это было очень печально и г. Уэрингъ никакъ не могъ примириться съ мыслію покончить на этомъ свою экспедицію; онъ не терялъ еще надежды на счастливый исходъ и потому рѣшился подождать еще одинъ день, употребивъ его на изслѣдованія. Рано утромъ послалъ онъ часть своихъ людей къ самой выдающейся части западнаго мыса, отстоявшаго всего лишь миль на 15 отъ стоянки; отсюда они могли убѣдиться, что берегъ тянется отъ этого пункта на юго-западъ. Съ живѣйшимъ сожалѣніемъ, принялись на слѣдующій день за приготовленія разстаться съ лодкой; ее вытащили на берегъ въ такое мѣсто. гдѣ прибой не могъ достать до нея, перевернули вверхъ днемъ и зарыли тщательно по издавно установившемуся у моряковъ обычаю; мачту водрузили на одномъ изъ ближайшихъ холмовъ, а возлѣ закопали записку, гдѣ было указано направленіе, по которому экипажъ думалъ пуститься въ обратный путь. Въ страшную снѣжную мятель наши моряки двинулись въ пять часовъ утра, 3-го сентября, въ путь; было нестерпимо холодно и вѣтеръ дулъ бѣшеными порывами; на сколько они могли видѣть, всюду лежалъ сплошными массами ледъ. Они направились къ восточному берегу, гдѣ были убѣждены, что найдутъ защиту за тянущимися тамъ холмами, и гдѣ, кромѣ того, было много плавучаго лѣса на тотъ конецъ, чтобы вечеромъ согрѣть свои окоченѣвшіе члены и сварить себѣ чего нибудь горячаго. Путешествіе съ большимъ грузомъ за плечами было сопряжено съ непомѣрными трудами, тѣмъ болѣе, что скоро снѣгъ перешелъ въ дождь, промочившій ихъ до послѣдней нитки и сдѣлавшій ихъ ноши еще болѣе тяжелыми. Такъ какъ г. Уэрингъ счелъ неосторожнымъ, чтобы люди спали въ мокромъ платьѣ, то приказалъ поспѣшно идти впередъ и далъ имъ всего нѣсколько часовъ отдыха лишь тогда, когда наступившая темнота дѣлала розысканіе пути невоз-

можнымъ. Дорога шла черезъ рядъ холмовъ и была вслѣдствіе этого для непривыкшихъ къ ходьбѣ людей чрезвычайно изнурительною, но надежда достигнуть мѣста стоянки «Роджерса» на слѣдующій день придавала имъ силы и возбуждала ихъ энергію. Съ окоченѣвшими членами и съ ногами, изрѣзанными острыми каменьями, встрѣчавшимися на пути, выступили они съ разсвѣтомъ снова въ путь: около 7 часовъ пополудня, достигли они, наконецъ, берега, гдѣ тотчасъ же разведенъ былъ веселый огонекъ и приготовленъ горячій затракъ, поддержавшій истощенныя силы нашихъ путниковъ. Далѣе имъ пришлось идти все время подъ снѣгомъ и дождемъ вплоть до глубины нашей гавани, гдѣ они къ великой своей радости и изумленію нашли лодку, прибывшую сюда для перевозки медвѣжьихъ шкуръ Трасея; благодаря этой лодкѣ, изстрадавшіеся путники были освобождены отъ 4 миль труднаго пути, который для большинства изъ нихъ былъ бы сопряженъ съ невыразимыми страданіями. Черезъ часъ мы съ распростертыми объятіями встрѣтили ихъ на «Роджерсѣ»; здѣсь за горячимъ обѣдомъ, въ тепломъ помѣщеніи и въ кругу своихъ друзей, слушавшихъ со вниманіемъ разсказы о ихъ приключеніяхъ, они позабыли всѣ горести и страданія, только что перенесенныя ими.

Почти въ одно время съ Уэрингомъ, отправился въ путь на западъ и мичманъ Хёнтъ; въ его отрядѣ находился инженеръ А. Цане, а экипажъ лодки состоялъ изъ помощника рулеваго Артура Ллойда и матросовъ Якова Іогансена, Франка Макшэна, Джозефа Куирка и Эдуарда О'Лири. Вѣтеръ, бывшій столь благопріятнымъ восточному отряду, напротивъ того, доставлялъ имъ очень много хлопотъ; когда они около 9 часовъ вечера, стали бивуакомъ на ночь, то оказалось, что они отошли отъ нашей стоянки всего только на 9 миль; да и на слѣдующій день они двигались очень тихо впередъ, хотя и взялись за весла, чтобы бороться съ противнымъ вѣтромъ. Въ теченіе этого дня они замѣтили на берегу какой то предметъ, показавшійся имъ «кэрномъ»; чтобы изслѣдовать его поподробнѣе, Хёнтъ отдалъ приказъ немедленно пристать къ берегу, но это достойное всякой похвалы рвеніе едва не поставило его въ самое непріятное положеніе. Едва онъ вышелъ на берегъ и взобрался на крутизну, какъ очутился совершенно неожиданно въ 6 шагахъ отъ огромнаго бѣлаго медвѣдя, который явился сюда отдохнуть послѣ обѣда. Чудовищное животное приподняло свою голову и повернулось къ смѣльчаку, дерзнувшему обезпокоить его покой; оба они, ошеломленные неожиданностью, смотрѣли впродолженіе нѣсколькихъ минутъ одинъ на другаго, наконецъ, нашъ храбрый, юный мичманъ положилъ конецъ этому пріятному взаимосозерцанію, живо повернувшись на каблукахъ и пустившись бѣжать съ такою быстротою, какой онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ прежде; направляясь къ лодкѣ, онъ кричалъ, чтобы ему подали винтовку. Между

тѣмъ, медвѣдь тихонько поднялся и величественно сталъ спускаться къ морю; но не успѣлъ онъ еще подойдти къ берегу, какъ пуля Хёнта поразила его и принудила обратиться назадъ; второй выстрѣлъ растянулъ его на землѣ, а третій до такой степени обезсилилъ, что Іогансенъ, подбѣжавъ къ нему, всунулъ въ ухо дуло своей винтовки и прикончилъ. Теперь только могъ Хёнтъ свободно и спокойно осмотрѣть путь своего бѣгства, на которомъ онъ высказалъ такія чудеса храбрости; по его словамъ, шаги его имѣли въ длину, по крайней мѣрѣ, добрую сажень, причемъ ноги разбрасывали во всѣ стороны песокъ и голыши. Отрядъ тотчасъ же принялся свѣжевать чудовище, причемъ курдюкъ, печень, сердце и сладкое мясо составили желанное прибавленіе къ запасу провіанта и были отнесены въ лодку. Увѣряли, что печенка оказалась чрезвычайно вкусною; цѣлыхъ десять дней она составляла главную часть ихъ пищи и, не смотря на то, что она считается ядовитой, употребленіе ея въ пищу не доставило экипажу ничего, кромѣ удовольствія. На третій день плаванія, они обогнули юго-западную оконечность острова и затѣмъ должны были направить курсъ нѣсколько на сѣверо-востокъ. Вѣтеръ былъ до такой степени силенъ, что сломалъ форштевень. На слѣдующій день, они встрѣтили такую массу льда, что, не взирая на всѣ усилія, могли продвинуться впередъ всего лишь на четыре мили. Черезъ день, имъ не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ тащить лодку вдоль берега и пробивать себѣ во льду дорогу; наконецъ, пришлось остановиться на завѣтряной сторонѣ огромной льдины и долго отливать изъ лодки воду. То же самое повторялось ежедневно, пока они не достигли сѣверной оконечности острова, гдѣ цѣлый рядъ узкихъ, песчаныхъ косъ вдавался въ сѣверо-восточномъ направленіи въ море. Среди этихъ косъ простирались очень глубоко врѣзывающіяся въ материкъ бухты, совершенно свободныя отъ льда, но здѣсь лодка постоянно становилась на мель и стаскивалась лишь послѣ долгихъ и изнурительныхъ трудовъ всего экипажа. Нѣкоторыя изъ этихъ косъ вдавались въ море на 20—25 миль и тутъ ледъ былъ до такой степени сплошной, что въ концѣ-концовъ нельзя было болѣе пробивать себѣ дорогу; противъ общаго желанія и при живѣйшимъ сожалѣніи спутниковъ, Хёнтъ рѣшился, наконецъ, отправиться въ обратный путь. 5-го сентября, они достигли благополучно самой сѣверной оконечности Врангелевой земли, откуда превосходно былъ видѣнъ мысъ Сѣверо-восточный въ юго-западномъ направленіи, но сплошной ледъ, поставившій непреодолимую преграду экспедиціи лейтенанта Уэринга, остановилъ и юнаго, энергическаго товарища его въ стремленіи обогнуть весь островъ. Не желанный возвратный путь продолжался всего только 5 дней и все это время Хёнтъ занимался провѣркою сдѣланныхъ имъ прежде опредѣленій мѣстности и другими наблюденіями.

10-е сентября, день, назначенный для возвращенія, уже истекъ, склонялся къ концу и слѣдующій день, когда мы увидѣли приближающуюся къ намъ съ юго-запада небольшую китобойную лодку. Черезъ нѣсколько минутъ лодка причалила и мы радостными кликами встрѣтили возвратившихся изслѣдователей. Во всякомъ случаѣ, работы обоихъ экспедиціонныхъ отрядовъ дали самые утѣшительные результаты, такъ какъ крайняя сѣверная точка острова, достигнутая обѣими лодками, представляла возможность видѣть даже и не изслѣдованныя части острова; положимъ, что никакихъ слѣдовъ «Жаннетты» не было найдено, но за то была сдѣлана полная съемка острова и доказано, что Врангелева земля не что иное, какъ островъ, который можно объѣхать кругомъ въ нѣсколько дней. Всѣ необходимыя коллекціи были собраны, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, была открыта покойная гавань, которой, вѣроятно, суждено быть крайне полезною для многихъ и многихъ судовъ, застигнутыхъ льдами въ этихъ негостепріимныхъ водахъ.

Хотя мы не встрѣтили ни одного большаго животнаго на островѣ, тѣмъ не менѣе, нашли на немъ массу водяныхъ птицъ, которыя, само собою разумѣется, не избѣгали участи попасть къ нашему столу; среди нихъ въ особенности былъ замѣчателенъ по своему необыкновенно нѣжному вкусу одинъ видъ нырка; къ тому же всѣ эти птицы находились всегда подъ рукою, и мы постоянно имѣли за обѣдомъ свѣжее мясо, стрѣляя именно столько, сколько намъ было нужно на одинъ день. Ассистентъ, которому было поручено отмѣчать магнитныя наблюденія лейтенанта Путнама, неизмѣнно бралъ съ собою на берегъ двухстволку и, когда колебанія магнита давали ему пять или шесть минутъ отдыха, онъ употреблялъ эти промежутки на то, чтобы спуститься къ берегу и убить нырка къ слѣдующему обѣду.

На косѣ возлѣ гавани «Роджерса» также точно, какъ и по всему берегу острова, лежитъ чрезвычайно много плавучаго лѣса, среди котораго зачастую попадаются разнаго рода деревянная утварь и деревянныя же орудія, издѣлія туземцевъ сибирскаго и американскаго береговъ; многіе изъ такихъ предметовъ доказывали своею внѣшностью почтенную старость; члены экспедиціи собрали на память нѣсколько очень интересныхъ экземпляровъ. Здѣсь же не было недостатка и въ обломкахъ кораблей и въ предметахъ, видимо, изготовленныхъ въ цивилизованныхъ странахъ; но являются ли эти послѣдніе въ качествѣ печальныхъ свидѣтелей кораблекрушеній и голодной смерти, или просто случайно свалились съ борта какого нибудь проходящаго китоловнаго судна — это вопросъ.

VIII.

Среди ледяныхъ полей.

На «Роджерсѣ», 25-го сентября 1881 года.

АЧИНАЯ съ 14-го сентября, когда мы встрѣтились, недалеко отъ острова Гаральда, съ китоловнымъ судномъ «Кораль», мы только и дѣлаемъ, что крейсируемъ среди ледяныхъ полей между этимъ островомъ и островомъ Врангеля. Въ тотъ день, какъ капитанъ Кунъ принялъ нашу почту и мы направили свой путь на сѣверъ, мы снова прошли мимо его судна и видѣли, кромѣ того, семь другихъ китолововъ, крейсировавшихъ тутъ же на пространствѣ какихъ нибудь десяти миль. При этомъ мы имѣли возможность наблюдать, какъ три лодки съ «Кораля» преслѣдовали и убили, наконецъ, кита. Когда мы подошли на близкое разстояніе къ этому судну и могли переговариваться въ рупоръ съ его экипажемъ, то обратились къ капитану Куну съ просьбой отдать намъ одну изъ его лодокъ взамѣнъ той, которая была нами оставлена на островѣ Врангеля; отвѣтъ былъ неутѣшителенъ: капитанъ Кунъ выразилъ свое сожалѣніе, что не можетъ удовлетворить нашего желанія, такъ какъ только что убитый китъ повредилъ одну изъ его лодокъ.

Въ тотъ же вечеръ мы достигли льдовъ и стали на якорь, чтобы выждать разсвѣта. Но, къ нашей досадѣ, на слѣдующее утро, вмѣстѣ съ восходомъ солнца, палъ густой туманъ, а въ скоромъ времени поднялась снѣжная буря, такъ что мы принуждены были

войдти въ глубокую бухту, или, вѣрнѣе, проходъ, образовавшійся въ сплошномъ льду, изучить особенности котораго представилась такимъ образомъ полная возможность. Масса этого льда дѣйствительно очень рѣзко отличалась отъ того стараго, грязнаго и талаго льда, который намъ случилось видѣть вокругъ острова Врангеля; этотъ ледъ состоялъ изъ высокихъ, крѣпкихъ и совершенно прозрачныхъ глыбъ, представлявшихъ дивное зрѣлище подъ нѣжнымъ покровомъ ослѣпительно-бѣлаго, только что выпавшаго снѣга. Небольшихъ кусковъ, черезъ которые могло бы пробить себѣ дорогу какое нибудь судно, встрѣчалось очень мало; несомнѣнно, что, если бы нѣсколько такихъ глыбъ сблизились и при этомъ случился морозъ, то попавшее между ними судно оказалось бы запертымъ на долгіе мѣсяцы въ этихъ безконечныхъ ледяныхъ поляхъ. Сдѣлавъ этотъ неутѣшительный выводъ, мы, ради предосторожности, двинулись въ обратный путь; потихоньку пробивали мы себѣ путь, пока не добрались до открытаго моря и снова стали здѣсь на якорь, чтобы дождаться разсвѣта.

Около полудня слѣдующаго дня, снова очутилась мы на краю ледянаго поля и вошли въ каналъ, по которому стали осторожно подвигаться впередъ до шести часовъ вечера, когда передъ нами вновь очутилась сплошная масса льда, заградившая намъ путь. Капитанъ Бёрри взлѣзъ на вышку марса, которую и избралъ мѣстомъ постояннаго наблюденія, пока мы шли во льдахъ; его борода и волосы всегда были покрыты инеемъ, да и весь такелажъ былъ почти постоянно покрытъ фантастическими, перистыми украшеніями; для сторонняго наблюдателя — все это было бы волшебно-восхитительнымъ зрѣлищемъ, но не такъ думали матросы, которымъ приходилось хвататься руками за канаты и веревки и лазить по нимъ. Вѣтра почти вовсе не было, а температура въ 3° мороза только способствовала образованію новаго льда; къ счастью, все время погода была пасмурная, такъ что даже ночью температура не падала болѣе, чѣмъ на полградуса; будь иначе, намъ бы ни за что не выбраться изъ ледяныхъ полей, такъ какъ путь впередъ былъ для насъ запертъ. На ночь мы привязали «Роджерсъ» къ ледяной глыбѣ, которая имѣла размѣръ приблизительно въ 10 кв. миль; посреди ея была большая полынья, въ которую намъ удалось пробраться раньше, нежели темнота сдѣлала невозможнымъ движеніе нашего судна; тѣмъ не менѣе, около полуночи это открытое пространство почти совершенно затянуло льдомъ, напиравшимъ въ каналъ съ юга, такъ что, когда въ половинѣ третьяго, утромъ, мы тронулись въ путь, то намъ пришлось направить «Роджерсъ» между двухъ смерзшихся ледяныхъ глыбъ и, давъ полный ходъ машинѣ, пробить себѣ силою выходъ къ спасенію. Протащившись цѣлый часъ такимъ образомъ съ быстротою улитки, намъ удалось, наконецъ, на столько раздвинуть глыбы, что судно могло, хотя и съ

трудомъ, пробраться между ними; затѣмъ, счастіе улыбнулось намъ и мы напали на трещину, по которой могли, наконецъ, выбраться въ открытое море. Трудно было намъ раздвигать глыбы, такъ какъ ледъ между ними достигъ уже толщины въ добрый дюймъ и плотно связалъ ихъ между собою въ теченіе ночи. Когда, 17-го сентября, намъ случалось входить нѣсколько разъ въ открытые каналы, то мы всегда уже находили тамъ вновь образовавшійся ледъ, пока еще въ четверть дюйма толщиною и не заграждавшій еще намъ пути, но все же указывавшій довольно ясно на предстоящую опасность и какъ бы предостерегавшій насъ отъ нея. Случись при этомъ сильный вѣтеръ съ юга, и обратный путь былъ бы намъ окончательно запертъ, а, между тѣмъ, мы успѣли врѣзаться въ область ледяныхъ полей, по крайней мѣрѣ, миль на пятнадцать; тогда пришлось бы ожидать возможности освобожденія, по крайней мѣрѣ, до наступленія зимы, а это было бы истиннымъ несчастьемъ, потому что пришлось бы отложить наши поиски на очень долгое время, а свое освобожденіе до слѣдующей весны.

18-го и 19-го сентября, мы шли на парахъ вдоль края ледяного поля, изслѣдуя всѣ встрѣчавшіяся въ немъ по пути бухты и каналы и все еще надѣясь найдти такой каналъ, по которому намъ было бы возможно продолжать нашъ путь на сѣверъ; но всюду мы встрѣчали лишь громадныя, смерзшіяся ледяныя массы, которыя на 171°30′ западной долготы (или 188°30′ восточной долготы) спускались далеко на югъ; по западной окраинѣ ледяного поля можно было пробраться далѣе на сѣверъ, но и здѣсь скоро огромный ледяной поясъ преградилъ намъ дорогу. 19-го сентября, въ 10 часовъ утра, мы достигли самой высокой широты, т. е. 73°44′; эта широта, хотя и не лежитъ еще особенно близко къ полюсу, но всеже самая большая, на сколько мнѣ извѣстно, изъ тѣхъ, которыя были достигаемы кѣмъ либо въ этой части океана.

Пока мы находились въ этихъ широтахъ, мы не имѣли ни разу достаточно ясной погоды, чтобы разглядѣть гдѣ нибудь вдали землю, такъ что лишены были возможности подтвердить указанія тѣхъ мореплавателей, которые говорятъ, что, посѣтивъ сѣверные острова Врангеля, имъ удавалось видѣть землю; безъ всякаго рѣшительно труда мы прошли на парахъ черезъ значившіяся на картахъ на Врангелевой землѣ горы Блевина, а также и чрезъ обозначенную на картахъ «обширную страну, покрытую высокими горами». Идя отъ сѣверной оконечности острова Врангеля, мы доходили въ сѣверо-западномъ направленіи до 73°28′ сѣверной широты и до 179°52′ восточной долготы и производившіяся нами измѣренія лотомъ во все это время показывали постепенно увеличивающуюся глубину. Въ этомъ именно пунктѣ мы встрѣтили входъ въ глубокую бухту во льду, по которой и прошли около 10 миль, ломая новый, хрупкій ледъ, образовывавшійся здѣсь, не смотря на довольно сильное вол-

На границѣ вѣчнаго льда.

неніе. Шумъ, производимый треніемъ ледяныхъ глыбъ о края ледянаго поля, а также трескъ ломающихся льдинъ, былъ слышенъ на далекое разстояніе. Температура воздуха доходила до 4° R., но въ глубокихъ бухтахъ, образовавшихся среди льдовъ, она на цѣлый градусъ спускалась сравнительно съ температурою, наблюдаемою въ открытомъ морѣ. Цѣлыя стада моржей плавали въ водѣ или лежали, грѣясь на солнцѣ, по окраинамъ большихъ ледяныхъ глыбъ.

Измѣренія глубины, производившіяся съ особеннымъ тщаніемъ черезъ каждый часъ съ той поры, какъ мы вошли въ эту часть океана, указывали скорѣе на все большее и большее удаленіе отъ земли, нежели на приближеніе къ ней; чѣмъ далѣе мы уходили на сѣверъ, тѣмъ глубина моря оказывалась значительнѣе, до тѣхъ поръ, пока въ самомъ сѣверномъ достигнутомъ нами пунктѣ мы нашли глубину въ 82 сажени. Строеніе дна было чрезвычайно разнообразно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно состояло изъ каменныхъ породъ, тогда какъ въ другихъ изъ чернаго мелкаго песка; кое-гдѣ, и въ особенности въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ, дно состояло изъ голубоватаго ила.

Въ теченіе всего нашего долгаго крейсерства среди льдовъ, ни разу не встрѣтили мы никакихъ слѣдовъ какой бы то ни было санной экспедиціи «Жаннетты»; такъ какъ теперь дальнѣйшій путь на сѣверъ былъ намъ совершенно загражденъ, то мы рѣшились возвратиться на островъ Гаральдъ, для того, чтобы заняться изслѣдованіемъ морскихъ теченій, стремящихся тамъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Едва направили мы курсъ «Роджерса» къ входу въ ту бухту, по которой до сихъ поръ плыли, какъ замѣтили большаго бѣлаго медвѣдя, вышедшаго прямо на насъ. Цѣлый отрядъ стрѣлковъ бросился на шканцы; казалось, что они готовятся защищать корабль отъ нападенія какого-то невидимаго еще непріятеля. Плотникъ нашъ, очень возгордившійся съ тѣхъ поръ, какъ ему удалось убить двухъ медвѣдей, открылъ огонь промахомъ, но тотчасъ же послалъ вслѣдъ еще два выстрѣла, попавшіе приближающемуся врагу въ голову и принудившіе его къ постыдному отступленію; тогда началась совершенная стрѣльба на призъ, но медвѣдь съ четырьмя ранами на тѣлѣ все еще плылъ по направленію ко льду и навѣрное избѣжалъ бы плачевной участи, если бы ему не пришла въ голову взбалмошная мысль бросить на «Роджерса» послѣдній прощальный и любовный взглядъ. Едва онъ успѣлъ повернуть голову, какъ пуля пронзила ему черепъ, и онъ остался недвижимъ. Мы тихо подошли къ мѣсту его упокоенія и, когда его вытащили посредствомъ каната на палубу и свѣшали, то оказалось, что онъ вѣсилъ не менѣе 28 пудовъ.

Погода вечеромъ снова испортилась; спустился туманъ и подулъ сильный вѣтеръ, пока мы шли по направленію къ острову Гаральду. Ночью видѣли мы по сторонамъ огни нѣсколькихъ ки-

толововъ, все еще продолжавшихъ держаться той части моря, гдѣ мы ихъ встрѣтили впервые, идя еще на сѣверъ. 20-го сентября, около половины третьяго пополудни, туманъ до того сгустился, что мы сочли болѣе безопаснымъ стать на якорь на глубинѣ 15 саженъ, а въ теченіе послѣдующихъ двадцати четырехъ часовъ всѣ занимались наблюденіями теченій; въ результатѣ оказалось, что періодическія теченія направляются здѣсь при приливѣ на сѣверо-западъ, а при отливѣ — на юго-востокъ, причемъ никакихъ иныхъ теченій ни въ приливъ, ни въ отливъ наблюдаемо не было; всѣ наблюденія производились какъ на поверхности, такъ и на глубинѣ десяти саженъ.

Въ виду того, что около вечера, 21-го сентября, туманъ сталъ проясняться, мы снова тронулись въ путь и, держа курсъ на юго-западъ, уже на слѣдующее утро очутились въ виду «кэрна» капитана Хупера на островѣ Врангеля. Погода мало-по-малу становилась все яснѣе, такъ что мы прошли на парахъ вдоль сѣверной окраины острова; къ великой нашей радости, льда тутъ почти не было, и мы могли подойти къ берегу довольно близко. Лейтенантъ Уэрингъ отправился на берегъ и ему удалось снова забрать и лодку, и всѣ оставленныя имъ здѣсь вещи. Отсюда мы снова направились на сѣверъ, гдѣ нашли большое пространство открытой воды, опоясанное съ запада безграничными ледяными полями.

Безчисленныя ошибки въ отчетахъ арктическихъ мореплавателей сдѣлали то, что свѣдѣнія, сообщаемыя ими о будто бы видѣнныхъ ими съ кораблей островахъ и материкахъ, не пользуются довѣріемъ со стороны публики и науки; да и дѣйствительно довѣряться имъ слѣдуетъ съ большою осмотрительностью. Такъ, кто хорошо знакомъ съ арктическими морями, хорошо знаетъ также, какъ легко клубы тумана и облака, почти постоянно видимые здѣсь на горизонтѣ, могутъ легко ввести въ заблужденіе неопытнаго наблюдателя. Поневолѣ приходится вспомнить о томъ испытанномъ капитанѣ китоловнаго судна, который на разсказы о землѣ, видѣнной другими китоловами въ 1875 году, на сѣверъ отъ мыса Барроу, замѣтилъ, что, «по всѣмъ вѣроятіямъ, это туманъ, который былъ принятъ часовымъ съ вышки за землю».

— Напротивъ того, — возражали ему: — весь экипажъ видѣлъ одновременно то же самое.

— Если такъ, то теперь я уже совершенно увѣренъ, что это туманъ, а не что нибудь иное, такъ какъ иначе его не видѣли бы одновременно со всѣхъ мѣстъ на кораблѣ. Съ вышки мачты, пожалуй, и можно еще увидать высокій и дальній берегъ, но съ палубы — никогда!

— А знали ли вы, что по юго-западную сторону острова Гаральда есть очень опасный рифъ, въ двѣ мили длиною? — спросили разъ этого стараго моряка.

— О, да! — отвѣчалъ онъ: — всѣ мы (онъ подразумѣвалъ здѣсь китолововъ) его знаемъ; недавно недалеко отъ мыса Барроу образовалась препротивная мель съ 1—2 саженями воды. Эта мель легко можетъ быть пагубна судамъ.

— Да вѣдь помилуйте — скажите! подобныя открытія необходимо наносить на карты! Отчего вы никогда никому о нихъ не сообщаете?

— Зачѣмъ! Если мы станемъ это дѣлать, никто и не подумаетъ обратить на это вниманіе. Всѣ станутъ увѣрять, что это опять «старыя сказки китолововъ», и успокоятся на томъ. Мы же, капитаны, отлично съумѣемъ разобраться въ нашемъ фарватерѣ, и этого съ насъ довольно. Коли хотятъ другіе кое-что узнать, такъ, милости просимъ, пусть сами отправятся да поучатся. Таково «наше» мнѣніе объ этомъ, но всеже мы готовы съ полнымъ удовольствіемъ подѣлиться нашими свѣдѣніями съ тѣми, кто дѣйствительно захотѣлъ бы узнать что либо новое.

По моему, въ словахъ стараго моряка немало правды.

IX.

Идлидля [1]).

Лагерь Хёнтъ, Идлидля, Сѣверная Сибирь, 15-го ноября 1881 г.

ОКТЯБРЯ 8-го, «Роджерсъ» бросилъ якорь передъ островомъ Идлидлей, находящемся въ 25 миляхъ на западъ отъ мыса Серце-Камень, съ цѣлію высадить на берегъ часть своего экипажа. Здѣсь предполагалось устроить нѣчто въ родѣ депо для будущихъ зимнихъ и весеннихъ санныхъ экспедицій, которое могло бы въ то же время служить и убѣжищемъ для тѣхъ людей экипажа «Жаннетты» и другихъ китоловныхъ судовъ, которые могли въ теченіе прошлыхъ лѣта и осени добраться до сибирскаго берега и до сихъ поръ скитались въ поискахъ за человѣческимъ жильемъ. Къ сожалѣнію, дувшій уже въ теченіе нѣсколькихъ дней сильный вѣтеръ поднялъ такое волненіе, что нельзя было и думать о высадкѣ, такъ что капитанъ Бѣрри долженъ былъ отказаться отъ своего первоначальнаго плана устроить складъ на твердой землѣ и избралъ для устройства жилья и депо всевозможныхъ необходимыхъ припасовъ небольшой островокъ, гдѣ легко можно было высадиться, такъ какъ онъ былъ расположенъ подъ вѣтромъ. Такая перемѣна доставила намъ немало непріятностей; живя на островѣ, само собою разумѣется, мы должны были ли-

[1]) Авторъ пишетъ «Ититланъ», а Норденшёльдъ принялъ правописаніе «Идлидля».

шиться тѣхъ преимуществъ и удобствъ, которыя были бы къ нашимъ услугамъ на твердой землѣ; тамъ мы всегда могли имѣть подъ рукою помощь чукчей, тамъ у насъ была бы всегда въ изобиліи прѣсная вода — ничего подобнаго не будетъ на островѣ. Какъ бы то ни было, но отъ гостей мы вовсе не избавились; цѣлый Божій день не было отбою отъ посѣтителей, являвшихся къ намъ то въ лодкахъ, то въ саняхъ; и они надоѣдали намъ безмѣрно въ виду того, что инаго сборнаго пункта, кромѣ нашей маленькой избы, на островѣ не было, а она и для своихъ постоянныхъ обитателей была слишкомъ мала.

Въ теченіе трехъ дней, потребовавшихся на выгрузку разныхъ припасовъ, нашъ корабельный плотникъ выстроилъ избу въ 16 ф. длины, 12 ф. ширины и 8 ф. вышины; постройка была покрыта скошенною крышею, поднимавшеюся надъ домомъ еще на два фута. Стѣны были двойныя, причемъ пустое пространство по первоначальному плану предполагалось забить травою; къ сожалѣнію, однако, на островѣ не было травы, тогда какъ на материкѣ ея росло достаточно, но получить ее въ достаточномъ количествѣ мы не могли до тѣхъ поръ, пока безбожно лѣнивые чукчи находили еще наслажденіе изо дня въ день созерцать невиданныхъ ими бѣлыхъ гостей, эту желанную для нихъ диковинку. Крыша была въ одну доску, но всеже всѣ щели между отдѣльными досками ея были тщательно заколочены дранью, чтобы уберечь избу отъ дождя, но въ томъ то и бѣда, что эта дрань далеко не достигала предположенной цѣли, такъ что пришлось покрыть крышу старымъ парусомъ, прикрѣпленнымъ къ ней новыми драницами, и хотя немного помочь этимъ горю; скоро наступили сильные морозы и для того, чтобы помѣшать проникновенію въ избу внѣшняго холода, крышу покрыли еще пластомъ дерна; морозы стояли на этотъ разъ недолго, скоро потеплѣло и пошелъ почти безпрерывный дождь, который сталъ проникать черезъ крышу уже не въ видѣ чистой воды, а въ видѣ липкой грязи, пока не выпалъ, наконецъ, снѣгъ и не сдѣлалъ положеніе обитателей жилья болѣе выносимымъ.

Отрядъ, оставленный въ жильѣ, состоялъ изъ старшаго корабельнаго лейтенанта Чарльса Ф. Путнама, врача Джонса, автора этихъ писемъ и трехъ матросовъ: Франка Мельмса, Олафа Петерсена и Константина Татаринова; имя этого послѣдняго, захваченнаго нами изъ Петропавловска, камчадальскаго сабачьяго возницы, давнымъ давно уже было передѣлано его товарищами въ «Петра».

По одной стѣнѣ маленькой горницы только что выстроенной избы были устроены три нары для людей; двѣ кровати у противоположной стѣны предназначались для нашего начальника и для доктора. Лично для себя я сдѣлалъ пристроечку изъ ящиковъ изъ-

подъ вяленаго мяса и сухарей, причемъ потолокъ и полъ этой пристройки были сколочены тоже изъ досокъ консервныхъ ящиковъ. Петръ, не умѣющій вовсе читать поанглійски, устроилъ дверь изъ доски, взятой имъ отъ ящика съ собачьимъ кормомъ. Крыша пропускала воду, но нѣсколько каучуковыхъ дождевыхъ плащей давали, всетаки, возможность спать подъ нею довольно удобно. Вѣтеръ свистѣлъ черезъ щели между ящиками, но постоянно возобновляемая конопатка и покрышка изъ оленьихъ шкуръ сдѣлали въ концѣ-концовъ то, что жилище мое, если и не достигло

Наша изба на Идлидлѣ.

полнаго совершенства, то было довольно отъ него близко по представляемымъ имъ удобствамъ. Конечно, обивка стѣнъ оленьими шкурами отнюдь не можетъ быть признана моею собственною идеею, такъ какъ я закмствовалъ ее у туземцевъ, защищающихъ такимъ образомъ зимою свои жилища отъ сквозника и стужи. Иначе, нежели бродячіе эскимосы, принужденные постоянно отрываться отъ своихъ оленныхъ пастбищъ для ловли на берегу тюленей и моржей, устроиваютъ свои жилища здѣшніе туземцы, живущіе въ нихъ безвыходно цѣлый годъ.

Чукчи раздѣляются на двѣ вѣтви: на оленныя племена, или «чаучу», и на охотниковъ за моржами, или «чоуаны» (чауны, порусски чаунской). Названіе «чукчи», или «чухкчи», не только не

понимаемое, но и не признаваемое ими совсѣмъ, вѣроятно, дано было русскими безразлично обѣимъ отраслямъ этого народа и, какъ мнѣ кажется, есть не что иное, какъ испорченное названіе «чаучу»; такъ какъ русскіе впервые должны были встрѣтиться съ оленными чукчами, то ихъ прозвище и было ими ошибочно принято за племенное. Береговыя и внутреннія племена находятся между собою въ постоянныхъ сношеніяхъ; они мѣняютъ оленьи шкуры и мясо на моржовый жиръ и шкуры моржей и тюленей, и именно эта-то оживленная мѣновая торговля доставляетъ имъ возможность не перемѣщать своихъ жилищъ съ мѣста на мѣсто, подобно эскимосамъ. Ихъ жилье представляетъ собою большую, куполообразную юрту, сдѣланную лѣтомъ изъ моржовыхъ, а зимою — изъ оленьихъ шкуръ; шкуры эти очень тщательно и плотно сшиты другъ съ другомъ и натянуты на остовъ изъ большихъ кольевъ. Юрты эти достигаютъ ширины въ 12 и даже до 40 ф. въ поперечникѣ и въ центральной своей части возвышаются обыкновенно футовъ въ 12 надъ поверхностью земли. Въ этой-то юртѣ, представляющей достаточную защиту отъ вѣтра и дождя и называемой «яранга», или «яратъ», находится нѣчто въ родѣ спальни, или «іорангъ», маленькой юрточки, квадратной или продолговатой формы, состоящей также изъ сшитыхъ вмѣстѣ и натянутыхъ на деревянный остовъ оленьихъ шкуръ. Эта внутренняя юрта совершенно не проницаема для вѣтра, но зато и отличается полнымъ отсутствіемъ всякаго намека на какую либо вентиляцію. Наполненная моржовымъ жиромъ и снабженная фитилемъ изъ мха, лампочка горитъ цѣлый день въ небольшомъ помѣщеніи и даетъ въ немъ такой удушливый воздухъ, который едва выносимъ даже въ томъ случаѣ, когда на дворѣ стоитъ морозъ въ 20 и 35° R. Внутри юрты мужчины ходятъ только въ своихъ короткихъ кожаныхъ штанахъ, а женщины прикрываются только лишь узенькимъ передникомъ изъ тюленьей шкуры, оставляя всѣ остальныя части тѣла голыми: какъ видите, костюмъ очень простой, который могъ бы напомнить отчасти фигурантокъ въ откровенныхъ нашихъ балетахъ, если бы чукотскія наши дамы были хотя нѣсколько повыше ростомъ и не были почти сплошь покрыты непроницаемымъ слоемъ грязи. Чувство приличія заставляетъ насъ не входить здѣсь въ болѣе подробное описаніе нечистоплотныхъ привычекъ этихъ дамъ; замѣтимъ лишь, что именно ихъ стремленіе къ условной чистоплотности дѣлаетъ ихъ особенно отвратительными. Надо обладать изумительною привычкою къ грязи или же быть особенно свѣдущимъ въ жизни среди снѣговъ и льдовъ для того, чтобы пребываніе въ этихъ скопищахъ грязи, въ сравненіи съ которыми даже знаменитыя Авгіевы конюшни могли бы показаться земнымъ раемъ, сдѣлалось для человѣка выносимымъ. А между тѣмъ, зачастую приходится наблюдать у этихъ людей вполнѣ интеллигент-